ТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАС

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР В ЖАНРЕ «ФЭНТЕЗИ»

Алан Дин

ФОСТЕР

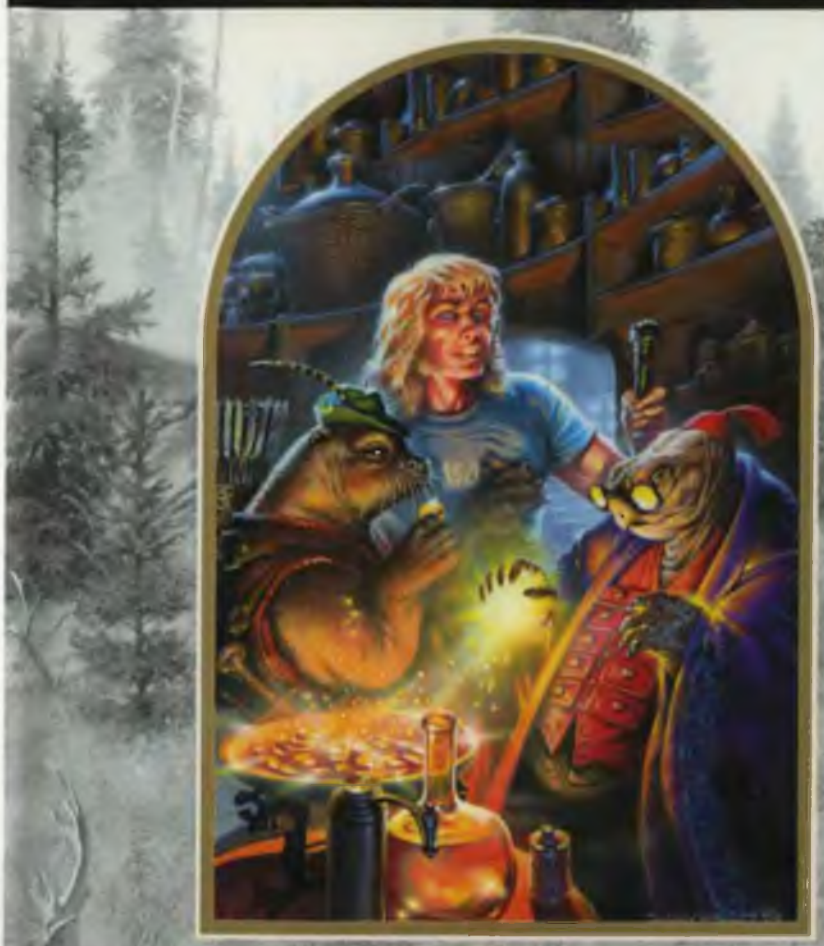
Чародей с гитарой

Том 1

ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ В ДВУХ ТОМАХ

Алан Дин

ФОСТЕР



Чародей с гитарой

ТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАС

Алан Дин
ФОСТЕР
Чтобы
спастись

Алан Дин
ФОСТЕР

Чародей с гитарой

•

Час ворот

•

День диссонанса

•

Момент волшебства

•

В плену пертурбаций

«Александр Корженевский»
«ЭКСМО»
2005

Алан Дин

ФОСТЕР

Чародей с гитарой

Том 1

«Александр Корженевский»
«ЭКСМО»
2005

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Ф 81

Alan Dean FOSTER

SPELLSINGER
Copyright © 1983 by Alan Dean Foster

THE HOUR OF THE GATE
Copyright © 1984 by Tranx, Inc

THE DAY OF THE DISSONANCE
Copyright © 1984 by Tranx, Inc

THE MOMENT OF THE MAGICIAN
Copyright © 1984 by Tranx, Inc

THE PATHS OF THE PERAMBULATOR
Copyright © 1985 by Tranx, Inc

Серийное оформление художника *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Фостер А. Д.

Ф 81 Чародей с гитарой. Том 1: Фантастические произведения/ Пер. с англ. — М.: Изд-во Александр Корженевский, Изд-во Эксмо, 2005. — 1056 с. (Серия «Шедевры фантастики»).

ISBN 5-04-010086-8

Джонатан Томас Меривезер — простой американский студент — случайно попадает в волшебную страну, где он оказывается в довольно странной компании вместе со вздорным выдром по имени Мадж и излишне эмансипированной девицей Талеей. Любовь к рок-музыке неожиданно помогает главному герою выпутываться из сложных ситуаций, хотя, как показывает практика, пение под гитару приводит иногда к довольно странным результатам.

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

© Перевод. Ю. Соколов, Г. Корчагин, А. Кириченко, К. Петренко, Н. Пшеницына, К. Королев, 2002
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо, 2005
© Издание на русском языке. Изд-во «Александр Корженевский», 2005

ISBN 5-04-010086-8

Чародей с гитарой

Ричарду Корбену, Вон Боуд,
Джими Хендриксу и Китти-киске

Пролог

Взволновались звезды, и явлены были в небесах знамения.

В день четвертый Элурии, следующий за Пиршеством Единокровия, огромная комета осветила ночное небо. С востока на запад проследовала она над Древом и видна была всю седмицу. А когда исчезла, черный шрам остался на плоти сущего, горячий и неизгладимый.

Со временем из шрама стали выглядывать хари. Немногие способны были их лицезреть, и совсем никто не знал, зачем и откуда явились они. Хари плясали, насмешничали, издевались над невинными очевидцами. С негодованием или просто в ужасе отворачивались редкие зрители или же начинали придумывать всему какое-нибудь успокоительное объяснение.

Лишь один поступил по-другому. Он просто не мог иначе: эти морды мучили его во сне и не давали покоя днем. Он пропускал слова в формулах, путал простейшие заклинания, запинался, читая, и ошибался в рифмах.

Великое зло проникло в мир. Дважды за свою долгую жизнь сталкивался с ним волшебник, но никогда еще прежде не сочеталось оно со столь неотступным предчувствием грядущей гибели и всеобщего разрушения. Он не мог дотянуться до сердцевины этого зла, в ней гнездилось такое, чего он не мог понять; неизвестное нечто грозило разметать в клочья все каноны привычной магии. Гнусное, чуждое, не знающее, не ведающее ни чувства, ни смысла. Вот это более всего и ужасало.

Только в одном маг был уверен. На этот раз потребуется помощь. Природу зла может понять лишь тот, кто способен видеть и слышать его. Не волшебник — некто другой должен спасти мир от жути, силящейся поглотить все вокруг.

Тому, кто познал тайные пути, изведал пересечения вселенных, ходы между реальностями, пройти ими ничуть не труднее, чем преодолеть простейший барьер, разделяющий две личности. Однако переход между вселенными совершается редко: мало кто способен повторить удавшуюся формулу.

И все же... настало время для риска.

А потому, пыхтя и напрягаясь, волшебник выразил свою просьбу, прочной связью скрепив ее с собственным сознанием.

И послал по волнам пространства — подгоняя всей мощью, увы, стареющего разума. Просьба эта сама искала того, кто способен постичь суть новой тьмы, ныне грозящей его миру. Отступали в сторону измерения, раздвигались перед ищущей мыслью, пропускали ее.

Волшебник сотрясался от напряжения, разумные ветры завывали около Древа, тянулись к тонкой ниточке жизни. Он знал — все должно свершиться быстро, иначе ищущая нить распадется, так и не встретив союзника. А он даже не смел надеяться на то, что получит возможность повторить попытку.

Но пустота никого не явила. Щупальце заклинания дотянулось до разума... ощутило несколько мыслей... личность. Неуверенно, обессилев от напряжения, отшельник погрузился в глубины ее. Ум оказался на удивление открытым и гибким, восприимчивым и к вторжению, и к выражению. Он чуть ли не рад был соприкосновению, покоряясь, не протестуя и не сопротивляясь; невольно ужаснувшийся такому безразличию, волшебник тем не менее испытывал благодарность. Ум оторвался, поплыл. Доставить его к себе будет уже нетрудно.

Нетрудно... кому угодно, только не стареющему чародею. Ухватившись покрепче, он повлек этот ум за собой, потянул со всей силой, что была в нем, отдавая ее до последней унции. Разум не сопротивлялся, но материализация не прошла гладко. Связь разорвалась в последний момент.

Нет, нет и!.. Но силы иссякли. Подобралась и навалилась гостья, пусть и нечастая, — дряхлость, сном обволакивала великий и истощенный разум... Ну а пока спал он, зло строило козни, творило планы, гной растекался, и тень поползла на невинные души.

Обитатели Плющей смеялись над незваными гостями. Жутких обитателей Зеленых Всхолмий они не боялись, хотя и жили к ним ближе всех цивилизованных народов. Город был обнесен стенами, выраставшими прямо из обрыва. Подойти к нему можно было по одной только узкой тропинке. Утверждали, что от врага город обороняли пять бабок с внучатами.

Так что, когда предводитель смехотворно малочисленного отряда налетчиков потребовал капитуляции, горожане покатились со смеху и принялись швырять в него мусором и поливать содержимым ночных горшков.

— Ступайте домой! — кричали они. — Возвращайтесь в свои вонючие хижины, идите назад — кормить своих матерей пометом, пока мы не залили камни вашей кровью!

Как ни странно, предводитель не рассердился. Некоторые горожане это заметили и встревожились, но все вокруг хохотали.

Вождь вернулся назад к шатрам своего войска, не умалив достоинства. Он знал, что последует дальше.

Наконец перед ним оказался шатер выше и чернее остальных. Тут отвага отказала ему: разговор с обитателями шатра не сулил ничего приятного. Тем не менее войти было нужно. Так он и поступил.

Внутри шатра царила ночь, хотя снаружи еще было утро... Черная и зловонная ночь, пропахшая всякими мерзостями, ночь, от которой разило близостью смерти.

В глубине над слугами возвышался волшебник. А за ним чернела Купель Зла.

— Прости меня, господин, — начал предводитель солдат свое повествование о пренебрежительном приеме, оказанном ему жителями Плющей.

И как только закончил он, сгорбленный силуэт проскрипел:

— Возвращайся к отряду, доблестный капитан, и жди.

Предводитель поспешно вышел. Он был рад оставить нечистое место и вновь оказаться среди своих солдат. Но беспомощно ожидать перед неприступной скалой, пусть даже покоряясь приказу, было делом нелегким, а горожане дразнили сердитых солдат, смеялись над ними, поворачивались к ним задами.

И вдруг тьма пришла, и небо сделалось медным. Бухнул гром, хотя не было облаков. Великая стена вокруг Плющей исчезла, распалась в пыль вместе со многими ничего не понявшими защитниками. На мгновение оцепенели даже нападавшие, но вспыхнула в них жажда крови, и ринулись они на беззащитный город, предвкушая немалое удовольствие.

Началось избиение, и живых в городе не осталось. Не любивший мяса с наслаждением припадал к лужам крови, вытекавшей из тел умирающих.

Потом поспорили, стоит ли сохранить жизнь детям, захваченным в городе, оставлять их на племя. Подумав, предводитель воспротивился. Зачем это ему гнать писклявую стаю похабных щенков в свой Куглух. Кроме того, солдаты заслужили награду, стойко выдержав град словесных и физических оскорблений, нанесенных им жителями уничтоженного города. Так что он велел перебить и весь молодняк.

В ту ночь горели Плющи, а дети пошли на ужин солдатам. Деревянные дома и соломенные крыши пылали всю ночь, до самого утра.

Капитан наблюдал, как догорали последние огни, и с одобрением закивал, когда должным образом упакованное мясо начали грузить для отправки домой. Высасывая мозг из тоненькой ручки, он обратился к летуну:

— Вестник, используй самые быстрые воздушные токи, — наставлял он своего крылатого воина. — Лети скорее в столицу, извести каждого о том, что сгинули высокомерные и насмешливые Плющи, тысячу лет досаждавшие нам. Передай двору и народу, что этот малый успех был полным и что скоро вся мякоть теп-

лых земель станет нашей... Мы захватим запад и все миры, что лежат за ним.

Отдав честь, летун взвился в горный воздух. Капитан посмотрел, как обитатели темного шатра пакуют свои пакости. Колдун как раз приглядывал за погрузкой жуткого предмета, помощью которого воспользовался для разрушения Плющей. Поежившись, капитан отвернулся.

Сила этого зла, познания колдуна принесут им власть над всею Вселенной... если только можно верить самому чародею. И все-таки предводитель предпочитал держаться подальше от этой жути.

Новые орудия смертоубийства он обожал, но такое, которому подвластны миры...

Глава 1

Одного только роста и наряда хватило б, чтобы обратить внимание его на гигантскую выдру, даже не споткнись она о ноги Меривезера. Ткнувшееся носом и усами в траву создание было всего на фут короче самого молодого человека — это с его-то шестью футами и двумя дюймами!

Джон Том Меривезер еще не видел выдр такого размера. Правда, он изучал историю, а не биологию, однако сейчас мог с кем угодно держать пари: выдра длиной пять с половиной футов — явление необычайное. И хотя в голове его, несомненно, помутилось, он ни на йоту не усомнился в том, что выдра и впрямь может разгуливать в зеленой тирольской фетровой шляпе, жилете из змеиной кожи и темно-бордовых штанах, приспущенных на лодыжках. Джон очень осторожно поднялся, поглядел на окурок, еще дымящийся в правой руке, и с негодованием отбросил его. В данный момент его в основном занимал не вопрос о реальности сего невероятного существа, а то, чего же это дружище Шелли подмешал в травку.

Тем не менее Джон не мог отвести глаз от выдры, тем более что она как раз уселась на задницу. Бархатные штаны навели его на мысль, едва ли вообще приходившую кому-нибудь в голову: у выдр, оказывается, слишком низкая талия.

Нахлобучив на уши тирольскую шляпу с пером, выдра принялась собирать стрелы, высыпавшиеся из закинутого за спину колчана. Делу мешал короткий меч в ножнах, подвешенный спереди на перевязи. Нагибаясь, выдра всякий раз на него натыкалась. Быстрый кровожадный взгляд, время от времени обращавшийся в сторону Джона, красноречиво говорил, что зверюга без колебаний пронзит его любой из футовых стрел.

Причин для беспокойства пока еще не было. Джон с наслаж-

дением потянулся, отдаваясь галлюцинации. С коноплей у него так еще не получалось, а от этого зелья словил кайф. Все-таки чего же это Шелли натолкал в курево?

Доказательство лукавства приятеля, подсыпавшего чего-то покрепче, возилось в траве перед Томом и, недовольно ворча, собирало стрелы.

Конечно, причиной всему — переутомление мозга долгими занятиями и работой с девяти утра до трех. Но от работы нельзя отказаться. До конца курса осталось только семь недель, а там защита курсовой. Он вновь посмаковал название: «Прототипы и предшественники демократического правления в обеих Америках на примере родственных связей короля-солнца инков в 1248—1350 гг.». Великолепная формулировка... Хорошее заглавие — половина успеха. Пусть работа будет глубокой, а стиль блестящим, но, ошибись в названии, и тебя неминуемо ждет неудача.

Вложив в колчан последнюю стрелу, выдра аккуратно заправила его за спину и, завершив сие, принялась осматривать луг. Острые черные глаза впитывали каждое дерево и куст. Наконец этот бодрый взгляд обратился к сонной личности Джона Меривезера.

Видение явно ожидало от него какой-то реакции, и студент добродушно промолвил:

— Чем же я могу быть полезен тебе, о порождение дневного кошмара?

Вместо ответа зверюга вновь посмотрела на луг, поискала что-то взглядом и указала на отдаленную рощицу. Джон лениво глянул в указанном направлении.

Под мшистым валуном, размером и формой напоминающим раздавленный слоном «Фольксваген», исчезла ярко-желтая ящерица размером с крупного цыпленка. До камня рептилия бежала на задних лапах, прутом отставив назад свой длинный хвост. Перед входом в нору она обернулась, продемонстрировав ряд розовых пятен на горле и груди, а потом исчезла в безопасном логове.

Реальность происходящего начинала являть свой уродливый лик... Джон понемногу стал воспринимать окружающее. Куда-то исчезла его постель, комната с рядами книг на подпертых кирпичами полках, вырезки на стенах, старенький телевизор... Вместо всего этого его окружал лес: дубы, сикоморы, березы и сосны. Над густой травой и клевером возвышались чашечки цветов вроде тюльпанов, только некоторые были голубыми. От далеких деревьев исходил слабый перезвон, как от храма.

Джон прижал к голове обе ладони. Игриво смеясь, рассудок убегал от него. Молодой человек вспомнил перенесенную боль; тогда ему показалось, что неведомая сила вот-вот вырвет мозг прямо из черепа, а потом он словно поплыл, но не как плывет с курева переработавший труженик. В голове пульсировало.

— Ну? — неожиданно спросил выдр тонким, но все-таки не писклявым голосом.

— Что «ну»?

«Я вот-вот проснусь на собственной постели, — постарался уверить себя Джон, — и нужно будет еще прикончить «Историю всех римских императоров» Мексии». Нет, не гашиш, решил он. Что-нибудь покрепче. Боже, голова!

— Ты предложил свою помощь, — выдр снова быстро махнул лапой в сторону валуна на опушке. — Я чего, раз я споткнулся о твои чертовы ножищи и упустил затайца, ступай теперь и выкапывай его из-под хренова валуна.

— Зачем? Чтоб ты его съел?

— Зачем? — В голосе выдра слышался чистейший сарказм. — Захотелось вот повязать на шею за обе ноги, да так и носить, как клепаный галстук. — Усы выдра затряслись от ярости. — Ты мне умника не изображай, деловой! Думаешь, раз длинный, значит, все можно?

Небрежно закинув за спину лук, зверюга извлекла свой короткий меч и начала подступать к Джону, и не подумавшему отойти. Разве можно попятиться в глубоком сне?

— А я знаю, что сейчас случится. — Переступив на месте, Джон чуть не упал. — Ты убьешь меня, и я проснусь. Пора бы... Ведь почти целую книгу надо прочитать.

— Рехнулся! — Выдр опасливо склонил голову набок, поскреб мохнатой лапой щеку. — Ей-богу рехнулся. — Он огляделся. — И не знаю, какие силы тута бродют, только мне это стоило затайца. Ухожу. Извинился бы, что ль?

— Это за то, что ты споткнулся? — рассудил Джон. — Но я не виноват. Я ведь сплю, сам знаешь...

— Парень, ты не спишь... ты хуже, чем спишь. Это ты от затайца так очумел, а словил бы его, так и потроха разбросал бы от радости. Что за везение, надо ж было вляпаться вот в такое, как ты. Ох, смотри мне, увяжешься за мною, раскрою от хлебала до задницы, чтобы ускорить дело. Можешь оставаться при своих поганых извинениях, только прими-ка тогда подарочек на прощание.

И с этими словами сновидение ткнуло мечом прямо в Джона. Меч прорезал рубашку как раз над поясом, поддерживающим джинсы. Острая боль ожгла бок, вечернее курево лишь в малой степени смягчило ее. Рот сам собой округлился в удивленное «о». Руки немедленно сжали ребра.

Выдр отвел меч — кончик его побагровел — и брякнул клинок в ножны, предварительно обтерев о высокую траву. И направился прочь от Джона, бурча себе под нос непристойности. Джон следил, как, раздвигая траву, выдр идет к деревьям.

Боль становилась сильнее, на голубой тенниске проступило кровавое пятно. Теплая влага намочила белье, струйкой потекла по ноге. Поверхностные раны — пустяк, они всегда обильно кро-

воточат, объявил себе Джон. Только больно же, в отчаянии подумал он.

Боже, только бы поскорее проснуться!

Но если он все-таки спит, для сновидения боль эта слишком реальна, она куда реальнее и деревьев, и выдры. Оставляя на траве алые капли крови, Меривезер захромал за обидчиком.

— Эй, минуточку... Подожди, пожалуйста! — Слова едва лезли из пересохшей глотки... Он ощущал волчий голод. Зажимая левой рукой раненый бок и размахивая правой, Джон ковылял за выдром. Под ногами его пригибался благоуханный клевер, летучая мелочь выпрыгивала из-под сандалий, чтобы поскорее нырнуть обратно в зелень.

Ярко светило солнце. На лугу птицы пели странные песни. На тюльпанах восседали бабочки с прозрачными яркими крылышками.

Добравшись до опушки, выдр остановился под тенистым сикомором и, чуть помедлив, наполовину выдвинул меч из ножен.

— Человек-демон, я не боюсь тебя. Только подойди, снова получишь.

Но, несмотря на проявленную на словах отвагу, зверюга медленно пятилась в лес, беспокойно оглядываясь по сторонам и пытаясь отыскать путь к отступлению.

— Я не собираюсь нападать на тебя. — Джон шептал наполовину от боли, наполовину от нежелания испугать зверя. — Мне только нужно проснуться. — На глазах его выступили слезы. — Пожалуйста, дай мне проснуться. Я хочу поскорее оставить этот сон, мне пора на работу. И, ей-богу, больше ни сигаретки. Больно.

Он оглянулся, надеясь увидеть за спиной привычный беспорядок и грязь, потрескавшийся потолок, немытые окна. Но взгляду его предстали деревья, странные тюльпаны и стеклянные бабочки. Узкий ручеек протекал как раз там, где следовало бы находиться кровати.

Повернувшись спиной к выдру, Джон шагнул вперед, споткнулся о камень и упал от нахлынувшей слабости — кровь-то вытекала. В ноздри пахнуло мятой и вереском.

«Боже милостивый, не дай мне умереть во сне...»

Когда он открыл глаза, все как будто было в порядке. Светло. Выходит, он уснул и проспал целую ночь, томик Мексии так и остался неоткрытым. А в восемь часов у него урок в бразильском посольстве.

Судя по яркости света, времени едва должно хватить на то, чтобы кое-как очнуться, собрать книжки, конспекты и топать в кампус[1]. Еще надо перемолвиться с Шелли: надо же предупреждать, если у тебя такое крепкое зелье.

Странно только, с чего так режет в боку.

---

[1] Кампус — территория университета.

— Вставать надо, — неразборчиво пробормотал он.

— Ну че, шеф, — отвечал ему голос, явно не принадлежащий Шелли, но тем не менее уже знакомый. — Не колдуется, а? Бухнулся, а? Прямо башкой?

Веки Джона с трудом поползли вверх, как старые растрескавшиеся пластиковые шторы. На него глядела усатая и мохнатая физиономия с бегающими черными глазками под остроконечной зеленой шляпой. Глаза Джона расширились, подробности сна закопошились в его голове. Физиономия зверя отодвинулась.

— А теперь вот чего я тебе скажу... Не моги даже пробовать на мне твои бесовские штучки... если они у тебя имеются.

— Я... — Джон не мог решить, чему уделить внимание: шишке ли на голове, или боли в боку. — Я — не демон.

Выдр издал удовлетворительный смешок.

— Вона как! Тока я этого и не думал. С самого начала. А вот как вышло: во-первых, демона так не подранишь, да и потом, он за тобой на пузе не станет ползти. Худшего левитатора, чем ты, я не видел. Значит, я тебя переоценил, осерчал вот, потому как упустил из-за тебя харч. Пустячную царапину-то, которой я тебя наделил, пришлось перевязать. Ерунда! Выходит, что ты всего только человек, так? Значит, без обид, друг?

Джон поглядел на свое тело. Рубашка была задрана, бок закрывала грубая повязка из какого-то волокнистого материала, поверху перехваченная шнурком из змеиной шкурки. Под повязкой-то и ныло. Ему казалось, что он — просто манекен для тренировок по оказанию первой помощи.

Весьма осторожно усевшись, Джон вновь обозрел окрестности. Они ничем не напоминали его обиталище. Крохотная квартирка уже казалась столь же желанной и недоступной, что и небеса.

В тени сказочных деревьев росли цветы, которые могут только присниться. Густая трава и голубой клевер упруго пружинили под ногами. В ветвях над головой пели птицы из тридесятого царства... Только это были не птицы. У них были чешуйки, зубы и коготки на крыльях. Джон молча глазел, и стеклянная бабочка уселась на его колено. Помахала сапфировыми крылышками и взлетела, едва он робко протянул к ней ладонь.

Жилистые руки приподняли его, подхватив под мышки. Выдр зашел сзади.

— А ты большой у нас... Дай лапу, приятель.

С помощью выдра Джон поднялся на ноги. Он слегка пошатывался, но туман в голове начал развеиваться.

— А где моя комната? Где же университет? — Он обернулся кругом; со всех сторон его окружали деревья, за которыми не угадывалось ни одного здания. Вновь нахлынули слезы, удивив этим самого Джона, всегда гордившегося собственным самообладанием. Выходит, он заблудился, да еще жутким, немыслимым образом. — Где я? Что ты... Кто ты?

— Хорошие вопросы, приятель. — «Забавный тип, — подумал выдр. — Надо быть внимательным». — Что до комнаты и университета, не знаю. А вот где мы, сказать просто. Вокруг тебя Колоколесье — это любой дурень знает. Мы с тобой щас в двух днях ходьбы от Линчбени-града, а имя мое — Мадж. Ну а твое, сэрра, если у тебя такое найдется?

Джон тупо отвечал:

— Меривезер. Джонатан Томас Меривезер.

— Джинтин Тос Мивос... Джонет Омас Морвоз... Не, друг, так не пойдет. Это что ж, по-твоему, и впрямь имя? Пока выговоришь, дважды спляшешь вокруг стройных мохнатых ножек Фелисы, которая соблазнила больше мужиков, чем числится чиновников в Поластринду. Я тя буду звать Джон-Том, если ты не можешь обойтись одним именем... Не возражаешь? Два еще ничего, но чтоб три... Не, три имени — это уши свернешь, пока разберешь.

— Колоколесье, — тем временем бубнил растерявшийся юнец. — Линчбени... Линчбени — это, наверное, где-нибудь возле Кулвер-Сити? У Южной Бухты?

Выдр взял обеими ладонями руки Джон-Тома и стиснул изо всей силы.

— Ну-ка, парень, — сурово проговорил он. — Не знаю, набрался ты или свихнулся, но свое держи при себе. У меня нет времени заниматься твоими делами, попу там утирать или слезы. Ты взаправдашний, как и я сам, но если будешь глядеть на себя такими глазами, действительно превратишься в покойника, червей кормить будешь... Ну что нам в том, откуда ты здесь взялся? Понял меня, а, парень?

Джон-Том перестал хлюпать носом и разом обрел подобающий ему возраст. «Сиди тихо, — одернул он себя самого. — Придется принять все как есть; потом разберусь. Следуй логике и молись — только бы проснуться... Хоть на больничной койке. Но, снится эта зверюга или нет, не стоит быть смешным, даже если перед тобой только порождение собственного воображения».

— Так-то лучше, — выдр выпустил трясущиеся руки юноши. — А то бормочешь названия, каких я даже не слышал. — Вдруг он всплеснул коротенькими передними лапами и с восторгом подскочил в воздух. — Ага, понятно! Как это я, крысоголовый дурень, сразу не догадался! Клотагорбова работа. Опять старый пьянчуга принялся за фокусы с основами природы. — Выдр мгновенно преисполнился симпатии к Джон-Тому и, топорща усы, закивал, обращаясь к юноше, раскрывшему от изумления рот.

— Щас-щас, бедолага, теперь все ясно. Понятно, откуда ты вылупился, ничего не зная, не понимая. А я-то думал... — Он поскреб землю носком сапога, раздвигая цветы. — Тебя сюда приворожили.

— Приворожили?

— Ага! Ну че опять зенки выкатил, шеф? Не думаю, чтоб дела твои были плохи. Старина Клотагорб у нас дока, прямо тебе доцент-процент, ему-то не занимать ума, мастеровито колдует, ежели трезв и в своем уме. Стареет вот тока, путает все — а этого в нонешнее время нельзя. Иной раз и не поймешь, чего он хотел. И не так уж и стар, просто ошибаться начал... С каждым может случиться. Сам-то я держусь от его дома подальше. Понял? И все, у кого есть мозги в голове, тоже. Как знать заранее, каким дурацким заклинанием тебя зацепит.

— Значит, волшебник он, — пробормотал Джон-Том. — Трава, деревья, выдр... Одетая зверюга на задних лапах... Караул, пожар! И что — неужели все это реально?

— Я ж тебе все сказал, не понял, что ли? Эй, парень, прочистька уши. Буду я все тебе повторять по два раза. Или ты тупой?

— Это я тупой? — Джон-Том слегка возмутился. — Видишь ли, я в смятении. Просто в тревоге. Если честно — я безумно испуган. — Рука его задумчиво опустилась к раненому боку. — Но я не тупой.

Выдр пренебрежительно фыркнул.

— А ты вот знаешь, кто был президентом Парагвая с 1936 по 1941 год?

— Не. — Мадж шевельнул носом. — А ты можешь сказать, сколько булавок может сплясать у ангела на голове?

— Нет, но... — Джон-Том помедлил, нахмурился. — Говорят ведь не так: сколько ангелов может разместиться на булавочной головке.

— Умником себя считаешь, — присвистнул Мадж. — Хорошо, огня я не вызову — я ж даже не ученик, но булавки — те у меня спляшут.

Запустив лапу в карман жилета, он извлек оттуда пять небольших серебряных булавок. Каждая была длиной около дюйма. Выдр неразборчиво пробормотал какие-то слова и сделал пару пассов над ними. Поднявшись на острия, булавки исполнили на его ладони вполне респектабельный кекуок.

— Аллеман налево, — скомандовал выдр. Булавки выполнили распоряжение, нечетная пятая с некоторой неуверенностью, ибо ей мешало отсутствие партнера.

— Вечно не могу справиться с этой пятой. Видишь — дело только за головой ангела.

— Очень интересно, — отозвался невозмутимо наблюдавший Джон-Том, прежде чем потерять сознание....

— Вот что, шеф, ты с этим делом кончай, не то хребет у тебя в пилу превратится, пойдет зубцами, как вершины Когтей Килкапнийских. А о мехе твоем и говорить нечего.

— О моем мехе? — Перекатившись на живот и встав на колени, Джон-Том два раза глубоко вздохнул, затем поднялся на

ноги. — А... — и он пригладил рукой длинные, до плеч, кудри и привалился к плечу услужливого выдра.

— Хоть и мало его у вас, у людей, а лучше все-таки его поберечь. — Маджу выпустил руку Джон-Тома. — Что до меня, так уж лучше лишай.

— Мне пора возвращаться домой, — устало пробормотал Джон-Том. — Я не могу здесь больше. Меня ждут работа, занятия... наконец, у меня свидание вечером в пятницу, и мне надо...

— Все эти твои делишки в ином мире меня не интересуют. — Маджу указал на повязку. — Рана не тяжелая, парень, и если ты хочешь, то спокойно мог бы убираться восвояси. А раз тебе желательно домой, пойдем-ка лучше к Клотагорбу. Лучше я тебя ему сдам. У меня и собственных дел по горло. Иттить можешь?

— Могу... Значит, идем к... волшебнику? Ты зовешь его Клотагорбом?

— Да, парень, к волшебнику, так оно и есть. Вечно с ним одна маета. Берется за всякие там силы, с которыми и управиться уже не может. Не сомневаюсь, приятель, ты здесь оказался не без его помощи. И он должен отослать тебя обратно, пока чего худого не приключилось.

— Я сам в состоянии о себе позаботиться. — Для его лет Джон-Том путешествовал, пожалуй, довольно много; он гордился своим умением приспосабливаться к экзотической обстановке. Объективно говоря, все, что он видел вокруг, трудно было считать более чуждым человеку, чем, скажем, верховья Амазонки, а уж, например, Манхэттен — место, в любом случае куда более опасное. — Пошли искать твоего волшебника.

— Вот это правильно, шеф. — Высокий юноша все еще казался Маджу скулящим сопливым младенцем. — Вот-вот оно все и уладится, быстренько, значит.

В лесу главенствовали дубы и сосны, высоко вздымавшиеся над сикоморами и березами. Кое-где, как показалось Джон-Тому, попадались ели. Лес являл собою истинный ботанический кошмар, хотя отсутствие необходимых познаний не позволило юноше заметить это.

Вокруг изобиловали эпифиты[1], грибы — гигантские и обыкновенные. С разбросанных в зарослях бурых и зеленых лоз осыпались ягоды... черные, алые, ярко-зеленые. Невысокие деревья листвой походили на вязы, только синяя кора их отливала радугой.

Стеклянные бабочки порхали всюду, разбрасывая прозрачными крылышками радужные огоньки среди ветвей. И все было вполне на месте, все казалось естественным, даже позвякивавшие на ветру колокольчики, что выглядывали из листьев неведомого дерева, давшего имя лесу.

---

[1] Эпифиты — растения, селящиеся на ветвях и стволах деревьев.

Прохладный лес с его бодрящим запахом мяты уже стал для Джон-Тома почти привычным, когда юноша наконец впервые увидел вблизи здешнюю «птицу». Она с любопытством разглядывала идущих, сидя на невысоком кусте.

Сходство с птицей ограничивалось перьями. В маленькой пасти виднелись острые мелкие зубки, между которыми проскальзывал длинный раздвоенный язычок. Выпустив ветку из когтистых лап, пернатая рептилия (а может быть, чешуйчатая птица?) сделала кружок-другой над их головами. Потом испустила чарующую трель, напомнившую Джон-Тому пересмешника. Однако существо это было весьма похоже на то, что исчезло на опушке под валуном, и по виду явно приходилось родней не зяблику, а гадюке.

Промелькнул в воздухе камушек, с возмущенным криком крылатое недоразумение исчезло среди деревьев.

— Зачем это ты, Мадж?

— Сэрра, да она у нас над головой кружила. — Выдр с прискорбием покачал головой. — Чтой-то ты у меня глуповат. Или в твоем мире летуны никогда не гадят на головы прохожим? А может, у тебя есть какие-нибудь колдунские основания желать, чтобы тебе наложили на шляпу?

— Нет. — Джон-Том попытался заслужить уважение выдра. — Вот у нас птицы — так они способны на это.

Признание вызвало реакцию неадекватную.

— Птицы? — Голос выдра был полон неверия, усики нервно шевельнулись. — Да ни одна уважающая себя птица не осмелилась бы нанести нам подобное оскорбление! Тада она окажется перед Советом раньше, чем ты успеешь выпотрошить змею. Ты чего, решил, что мы здесь такие же неотесанные чудища, как Броненосный народ?

— Извини. — В голосе Джон-Тома слышалось раскаяние, однако он явно был озадачен.

— Парень, придется тебе последить за языком, иначе проткнут, не ровен час... Да похуже, чем я.

Они все шли среди деревьев. Невысокий и кривоногий, как ему и полагалось, выдр шагал, не ощущая усталости. Джон-Тому иногда приходилось трусить, чтобы только угнаться за ним.

Каждое новое дуновение ветерка заставляло семена внутри колокольчиков на деревьях вызванивать новые и новые мелодии, напоминавшие то рождественские каноны, то драку разъяренных тамбуринов. Мимо прожужжала пара медоносных пчел. Они были до боли обыкновенными, настолько нормальными посреди этого безумного мира, что Джон-Тому захотелось проводить их до улья... хотя бы для того, чтобы своими глазами увидеть, что в стенках его не прорублены редкие крохотные окна, а внизу не хлопают двери.

Мадж заверил его, что это не так.

— Но среди их родни, парень, есть такие, кого лучше по имени не называть. Предупреждаю, — он показал на восток. — За много лиг отсюда, за огромным лесом Поластринду, за истоками реки Вертихвостки, далеко за Мечтравной степью, по другую сторону Зубов Зарита лежит страна, куда народ с теплой кровью не ходит. Никто не возвратился оттуда, чтобы поведать о ней. Ета страна — она не чтоб ее искали, там обитают лишь гнусные духи, мерзкие испарения и всякие гноящиеся твари, позорящие собой землю. В этой земле нет животных... таких, как мы. Куглух — вот как она зовется.

— Что-то я не кажусь себе животным, — промолвил Джон-Том, мгновенно позабыв про пчел и удивляясь, что же могло вызвать несомненный страх и отвращение в столь уверенном в себе существе, как Мадж.

— Но и на человека ты не очень похож. — Мадж удивленно присвистнул. — А, забыл! Ты ж здеся чужой, явился из каких-то полнощных земель, где полно разных колдунов. Ты к нам не набивался, и нечего мне надсмехаться над тобой. — Вдруг морда его искривилась, выдр сбился с шага и подозрительно уставился на своего высокого спутника.

— Ваще-то на погляд ты нормальный, и сам тоже говоришь, что нормальный, но ежели замешано колдовство — можно и ошибиться. Эй, приятель, а у тебя взаправду теплая кровь?

Джон-Том споткнулся, схватился за левый бок. Могучая лапа поддержала его.

— Спасибо, — промолвил Джон-Том. — Тебе лучше знать. Ты пролил ее достаточно.

— А че, она действительно показалась мне теплой, тока тогда я не думал об этом. — Выдр пожал плечами. — Впрочем, ты, по-моему, безвредный. Клотагорб скажет, зачем ты ему понадобился.

«Что могло понадобиться этому колдуну от меня? — удивился Джон-Том. — Именно от меня. Почему не от Шелли или не от профессора Стэнхоупа?.. От кого угодно. Почему от меня?» Он заметил, что они остановились.

— Пришли? — Юноша оглянулся, рассчитывая увидеть какую-нибудь причудливую хижину под соломенной крышей. Но ни хижины, ни вообще чего-нибудь похожего на жилье не было и в помине. Тут взгляд его остановился на слепых окошках, прорезанных в коре дуба... Высоко над головою из трубы, торчавшей из толстой ветви, струился дымок; меж двух огромных корявых корней располагалась вполне скромная дверь.

Они направились ко входу, и внимание Джон-Тома обратилось наверх.

— Ну, чего там еще? — удивился Мадж, заметивший, что спутник его более не внимает подробному перечню странностей Клотагорба.

— Там птица, на этот раз — настоящая.

Мадж безразлично глянул на небо.

— Конечно, птица. А чего ты ожидал?

— Какую-нибудь полуптицу-полуящерицу вроде той, что мы видели. А эта похожа на настоящую птицу!

— Во, умный какой, тока лучше порадуйся, что эта птица не слышит твои речи.

Перед ними была малиновка с размахом крыльев примерно в ярд. На ней был жилет из желто-зеленого сатина, шляпа, почти как у Маджа, и красно-коричневая юбочка-килт. На ремне через грудь висела сумка. Глаза птицы защищал полупрозрачный козырек с буквами неизвестных начертаний.

В трех этажах над землей из ствола дерева торчала жердь для посадки. Уверенно затормозив, малиновка опустилась на нее. На удивление ловко орудуя кончиками крыльев, птица извлекла из сумки на груди несколько небольших цилиндриков. Должно быть, это были свитки.

Птица сунула их в темное углубление — щель или узкое оконце в стволе. Потом дважды пронзительно вскрикнула, как те малиновки, что частенько посещали акацию в кампусе рядом с Кинси-холлом.

Склонившись к щели, он — это был самец — приложил к клюву кончик крыла и вполне отчетливо закричал:

— Эй ты, дурак, поднимай свою толстую задницу и иди за почтой. Уже за три дня скопилась и преет напрасно. Если завтра я опять увижу здесь эту кучу, сволоку ее к себе в гнездо! — Засим последовала череда непристойных ругательств, явно не соответствовавших мягкой окраске и внешне благородным манерам. Самец малиновки отвернулся от щели, что-то бормоча.

— Гораций! — завопил выдр. Птица поглядела вниз и, слетев с насеста, описала над ними круг.

— Мадж! Шо ж это деетси? — Голос напомнил Джону интонации, частенько слышанные им в другом экзотическом уголке реальности, именуемом Бруклином. — Чего-то тебя давно не видать?

— Охотился я, вот что.

— А умору эту ты где раздобыл?

— Долго рассказывать, приятель. Я тя правильно понял, старого хрена уже три дня дома нет?

— Да внутри он, нормалек, — отвечала птица. — Все мешает чегой-то да колдует. Я-то знаю — из почтового ящика каждый раз разит по-новому. А не забежишь на червячка, а?

— Извини, старина, мне по вкусу больше раки и устрицы.

— Да знаю я. Только что не спросить лишний раз. — Самец

малиновки, склонив голову набок, с надеждой поглядел на Джон-Тома. — А ты, приятель?

— Боюсь, что нет, — отвечал тот и со стремлением угодить покопался в карманах. — А как насчет барбариски?

— Это ты насчет ягод? Спасибо, ягод наелся — во. Просто жопой сидел в них.

Поглядев на Джон-Тома еще немного, самец малиновки отвесил всем церемонный поклон.

— Завидую я им, птицам. — На физиономии Маджа действительно была написана зависть. — На крыльях-то быстрее, чем ноги топтать. Ох, только бы они взаправду были — руки и ноги. С этим, шеф, не поспоришь, — буркнул Мадж, подступая к двери. — Вот, начинается. Слушай, Джон-Том, — прошептал выдр, — теперь веди себя хорошо; старина Клотагорб для волшебника просто тихоня, толька они и так все свихнувшиеся. Вот глянет на тебя и сразу в навозного жука превратит. Так што незачем их раздражать, в особенности если волшебник настолько могуществен и стар, как этот Клотирыл.

Выдр постучал в дверь, не получив ответа, нервно постучал снова. Подметив неуверенность в движениях животного, Джон-Том решил, что, невзирая на неуважительные шутки и прозвища, выдр сильно боится волшебника и всего, что может быть с ним связано. Ожидая, выдр переминался с ноги на ногу и дергался. Джон-Том подумал, что, пожалуй, не видел выдра стоящим неподвижно. Не обращая внимания на боль в боку, молодой человек распрямился, стараясь выглядеть респектабельно.

Вот-вот дверь, заскрипев, начнет отворяться, и перед ним, Джон-Томом, окажется существо, способное творить чудеса, во всяком случае, с точки зрения Маджа. Нетрудно было представить его: шесть с половиной футов роста, свободное пурпурное одеяние, испещренное волшебными знаками... Украшенная звездами остроконечная шапка на величественной голове. И лицо, строгое, морщинистое, над белой длинной бородой. И еще толстые очки.

Дверь отворилась внутрь со зловещим скрипом.

— Доброе утро, — начал Джон-Том, — мы...

Остатки тщательно задуманного приветствия застряли у него в горле; в ужасе он шагнул назад, споткнулся и упал. Что-то дернулось в боку, и он вновь ощутил там влагу. Сколько же, подумал Джон, придется еще терпеть эту рану?.. Вдали от медицины и родного дома. Так нетрудно и умереть в этом на первый взгляд уютном местечке. Чудище, объявившееся в открытой двери, двинулось к нему, а он пытался хотя бы ползком убраться, скрыться, спрятаться...

Глава 2

Мадж с пренебрежением глядел на своего подопечного, в голосе его слышались раздражение и неловкость.

— Вона, опять кувыркнулся, чегой-то с тобой приключилось? Это ж Пог.

— П-п-пог? — Джон-Том не в силах был отвести взгляд от висящего над ним жуткого существа.

— Фамулус это, ученик то есть Клотагорбов. Надо ж быть таким трусом. Он...

— Ниче, — проговорила огромная черная летучая мышь. — Мне-до чдо! — Задевая кончиками крыльев за косяки, летучее создание отодвинулось внутрь. На свету блеснули четыре острых клыка, мелькнули огромные розовые уши. Голос летучей мыши был невероятно грубым, он скрежетал и грохотал, словно целый гравиевый карьер.

— Я знаю, я не красавец. Долько вод из-за эдого еще никдо не валился передо мной с ног.

Он подлетел ближе к Джону и повис в воздухе.

— Эй, друг, а ды и сам на морду-до не бог весть чдо.

— Пог, ты помягче с ним. — Голос Маджа звучал умиротворяюще. — Его ж приколдовали из какого-то мира; да и ранен он. — Выдр дипломатично не афишировал, что сам нанес рану юноше.

Джон-Том неловко поднялся на ноги. По левой штанине стекала густая и теплая струйка кларета.

— Клотагорб чегой-нибудь привораживал из иных миров?

— Сегодня он трезвей обычного, если ты про эдо. — И летучий мыш пренебрежительно фыркнул.

Из глубины дерева послышался густой и гортанный, пусть и чуть дрожащий, голос, который, как сразу инстинктивно понял Джон-Том, принадлежал волшебнику и наставнику.

— Кто там, Пог?

— Эдо Мадж, выдр-охотник, хозяин. С ним какой-до раненый человек совершенно гнусного вида.

— Ты сказал, человек? — В голосе послышалось возбуждение. — Давай их внутрь, веди сюда.

— Пошли, — коротко велел Пог. — Приспичило ему видеть вас. — Крылья его были побольше, чем у малиновки, и едва не касались косяков.

— Друг, с тобой все в порядке? — Мадж поглядел на шатавшуюся фигуру своего невольного спутника. — И что тебя дернуло... Опять припадок. Пог вовсе не дурней любой летучей мыши, с лица то есть.

— Это... это не внешность виновата — его размеры. Там, откуда я родом, таких летучих мышей считай что и нет.

— Ну, Пог-то у нас среднего роста будет. — Мадж переменил тему. — А ты шагай, шагай себе, тока постарайся пол кровью не запачкать.

Отказавшись от помощи выдра, Джон-Том ковылял следом за ним. Уже коридор потряс его, он был чересчур длинен и совершенно точно не мог уместиться в дубе, невзирая на большой диаметр ствола. Потом они вступили в комнату высотой не менее чем в двадцать пять футов. Вдоль стен выстроились книжные полки, уставленные старинными томами чуть ли не всех возможных форматов в разнообразных переплетах. На дюжине жаровен трещали благовония, но и они не в силах были умерить наполнявшую залу тошнотворную вонь.

Между книгами расставлены были покрытые странными пятнами сковороды и чаши, стеклянные фиалы, горшки со всякой дрянью и прочие пакостные предметы. Со стен ухмылялись черепа, разнообразно обработанные и украшенные. К ужасу Джон-Тома, иные из них оказались человеческими.

Через окна лился топазовый свет, от которого высокая зала казалась окрашенной золотом и янтарем; в лучах танцевали пылинки. Пол был сложен из деревянных плашек. В центре теснилась кое-какая мебель из тяжелого дерева, обтянутая ящеричной кожей.

Две распахнутые настежь двери вели в другие комнаты.

— Невероятно, — глухим шепотом обратился Джон к Маджу. — Дерева-то не хватит и на одну эту комнату, а тут еще и коридор, и другие залы.

— Э, шеф, правда, неплохо сработано? — В голосе выдра слышалось известное уважение, но далеко не трепет. — Известно, решил себе проблему пространства, так ведь? Я такое видал в городах, в нескольких богатых домах. Не совру — одно первое заклинание недешево стоит, а ведь его еще нужно подновлять. Постоянно замкнутые гиперразмерные вихри — это тебе не какая-то дешевка, вот так.

— Почему же они недешевы? — тупо проговорил Джон-Том, не сумев придумать ничего более умного перед лицом пространственного абсурда.

Мадж заговорщицки смотрел на него.

— Инфляция.

Оглядевшись, они увидели Пога, возвращавшегося из другой комнаты.

— Говорид, чдо выйдед через минуду-другую.

— А в каком он настроении? — Джон-Том с надеждой поглядел на летучего мыша.

— Вполне в благоразумном. — Зависнув в воздухе, мыш потянулся крошечной когтистой лапкой к сумке на груди — она была куда меньше, чем у малиновки, — и извлек оттуда небольшую сигару. — Огонек найдется?

— Кремни кончились, приятель.

— Секундочку. — Джон-Том принялся взволнованно рыться в карманах джинсов. — Вот. — Он извлек оттуда дешевую разовую зажигалку.

— Интересно, — бросил Мадж, поглядев.

— Ага. — Пог подлетел поближе. Джон-Том заставил себя не обращать внимания на острые как бритва белые клыки. — Никогда не видел дакой огнетворки. — Мыш перекинул сигару в другой уголок рта.

Джон-Том крутанул колесико. Пог раскурил сигару, удовлетворенно пыхнул дымком.

— Дай-ка поглядеть, парень. — Джон-Том передал зажигалку. Выдр покрутил ее в лапах. — А как работает?

— А вот. — Джон-Том снова крутанул колесико. Посыпались искры, но огонька не было. Он поглядел на прозрачный корпус. — Кончился бензин — жидкость то есть.

— Завяз на половине заклинания? — В голосе Пога слышалась симпатия. — Ничо. Ксдади, спасибочко за огонек. — Он открыл рот, выдувая квадратики дыма.

— Заклинания тут ни при чем, — запротестовал Джон-Том. — Все дело в горючей жидкости.

— На твоем месте я потребовал бы деньги назад, — порекомендовал выдр.

— Я бы и сам охотно вернулся назад. — Джон-Том поглядел на запястье. Часы тоже встали. Надо бы сменить батарейку. Он поднял руку. — Слышать больше не хочу о всяких там заклинаниях. — Мадж пожал плечами, одарив Джон-Тома взглядом, каким в семье смотрят на родственника-идиота. — Ну где же этот старый лежебока? — спросил Джон-Том у Пога.

— Эй, там! — прогромыхал могущественный голос.

Со страхом, опасаясь, что последние слова его были услышаны, Джон-Том медленно обратился лицом к знаменитому Клотагорбу.

Не было ни просторного одеяния, ни белой бороды, ни остроконечной шапки, ни загадочных знаков на одежде. Впрочем, очки в роговой оправе были там, где положено. Непонятным образом они удерживались над широким округлым клювом, как раз над крошечными дырочками ноздрей. Очки не имели дужек, цепляющихся за уши, — у черепах не бывает ушных раковин.

В короткопалой руке была толстая книга. Клотагорб направился к ним вперевалку. Он был, пожалуй, на целый фут короче, чем Мадж.

— Сэр, я не хотел бы показаться невежей. — У Джон-Тома хватило присутствия духа на эти слова. — Я не знал, что вы в комнате, я здесь чужой и вообще...

— Ш-ш, мальчик, — Клотагорб улыбнулся, движением руки отмахиваясь от извинений. Голос его сделался обычным, колдов-

ской гром исчез из него. — Меня не так-то легко обидеть. Иначе вот с ним я не смог бы ужиться. — И он ткнул большим пальцем в сторону Пога. — Минуточку, будьте добры.

Волшебник глянул вниз, Джон проследовал за ним взглядом, заметив маленькие ручки на пластинах панциря волшебника. Клотагорб по очереди потянул за них, открыл наконец несколько ящиков... что-то искал там, бормоча извинения.

— Иначе я наверняка потеряю все самое важное — все самые необходимые жидкости и порошки.

— Но как вы... наверное, это больно?

— Да нет же, мой мальчик, — волшебник заразительно захихикал. — Я воспользовался теми же способами, которые дают мне возможность увеличить дерево изнутри, не меняя его снаружи.

— Хвастает, — буркнул Пог, — а парню больно.

— Придержи-ка язык! — Летучий мыш закружился прямо над головой волшебника, но сразу умолк. — Приходится следить за ним: слишком нахален. — Клотагорб подмигнул. — Вот в последний раз я отделал его — мог спать только нужной стороной вверх. Видели бы вы, как он пытался зацепиться ушами, чтобы повиснуть. — Чародей снова хихикнул. — Не люблю сердиться в присутствии гостей. Пусть лучше считают меня добрым. Ну, а теперь, — промолвил он голосом бывалого лекаря, — посмотрим твой бок.

Джон-Том опустил глаза вниз, к неуклюжей ладони волшебника, снимавшей состряпанную Маджем повязку. Пальцы прикоснулись к белевшему сквозь кровь телу, и юноша дернулся.

— Прости. Лучше сядь.

— Благодарю вас, сэр. — Они перебрались на кушетку, ножки которой раньше принадлежали существу совершенно невероятного вида. Джон опустился на нее осторожно — подушки расположены были в какой-то половине фута от пола, по росту невысокого волшебника.

— Колотая рана. — Клотагорб задумчиво поглядел на уродливый разрез. — Впрочем, неглубокая. Сейчас все исправим.

— Вот что, ваше колдовское превосходительство, — вступил Мадж. — Не в обиду вам будет сказано, я всегда слыхал, што у волшебников за свои услуги принято брать вперед.

— Сейчас главное не в этом... Как ты себя назвал?

— Не называл я, тока кличут меня Маджем.

— Угу. Говорю тебе: от этого юноши я не буду требовать платы. Лечение будем считать авансом за будущие услуги.

— Услуги? — осторожно глянул Джон-Том. — Какие услуги?

— Судя по тому, чего я видел, едва ли он на что-то годен, — вставил Мадж.

— Я не думаю, что простой рабочий вроде вас, мистер Мадж, может сразу во всем разобраться. — Волшебник надменно попра-

вил очки. — В этом мире орудуют силы, которые только я один способен постичь... Лишь я один обладаю познаниями, необходимыми, чтобы управиться с ними. То, что этот парнишка здесь очутился, — просто кусок огромной опасной головоломки.

Во-во, с триумфом подумал Мадж. Знал бы только, из-за чего пыхтит.

— Должно быть, это тот самый волшебник, которого я призывал вчера.

— Это он-то? — Мадж смеялся, как и положено выдрам, тонким и пискливым голоском, чуть детским. — Шутишь, что ли, приятель?

— Я не позволяю себе шуток в таких серьезных делах, — скорбно заметил Клотагорб.

— Ну да, тока чтоб этот... Вот так волшебник, даже свою огнетворку не мог заговорить.

Вздохнув, чародей медленно проговорил:

— Он попал сюда из мира... Вселенной, только внешне похожей на нашу, значит, и волшебство его окажется иным. Я, например, уверен, что в его мире едва ли смог бы воспользоваться своими огромными дарованиями. Вселенные, Мадж, погружены в огромную интерразмерную магию, и чтобы успешно справиться с ней, необходимы помощь и знания тех, кто понимает, как она действует. — Волшебник казался озабоченным, словно на его плечи вдруг обрушился тяжкий гнет, который он предпочел бы скрыть от собеседников.

— Это волшебник, которого я искал. Мне пришлось воспользоваться неопробованными словами, многочисленными интерграммами, редкими формулами, которые трудно даже соединить. Много часов я напрягался, стараясь зацепить его. И уже почти оставил надежду, когда мне вдруг подвернулся этот парящий дух, доступный и свободный.

Мысли Джон-Тома вернулись к куреву... Действительно парил! А с чего эта черепаха решила, что он, Джон-Том, колдун и волшебник?

Из-за толстых стенок очков на него глянули острые проницательные глаза.

— Ну-ка, скажи мне, мой мальчик, в твоем мире волшебников и магов называют словом эн'джинеер, так ведь?

— Эн'джи... инженер?

— Да, наверное, ты произносишь точнее.

— Наверное, это достаточно полная аналогия.

— Вот видишь. — Волшебник с уверенностью повернулся к Маджу. — И своими услугами он расплатится со мной.

— Но, сэр?..

Однако Клотагорб исчез за высокой стопкой книг. Послышалось звяканье.

Мадж подумал, что лучше бы ему вовсе не видеть того затай-

ца, а тем более — этого хилого молодца. Он поглядел на сгорбившегося на кушетке молодого человека. Одно слово — Джон-Том... Но чтобы он был волшебником? Впрочем, имея дело с магами, не следует верить своим глазам. А людям простым лучше держаться подальше от чародеев.

Как может быть волшебником неумеха, неспособный заговорить простую огнетворку, не говоря уже о том, чтобы залечить себе бок? Парнишка казался испуганным и потерявшимся... Разве настоящий волшебник станет вести себя подобным образом? Правда, лучше все-таки подождать — что, если Джон-Том еще не открыл всех своих способностей? Ну а если вдруг они проявятся... лучше заранее позаботиться о том, чтобы Джон-Том позабыл, кто проделал ему дырку в боку.

— Вот что, парень, не слушай ты, чего Клотагорб тут говорит об оплате. Сколько ни будет стоить — уладим. Я отвечаю.

— Мадж, ты очень добр.

— Э, знаю, о деньгах с ним лучше не говорить.

С керамическими бутылочками и странными кувшинчиками и горшочками появился волшебник. Аккуратно разместил весь набор на полу перед кушеткой. Выбрал несколько штук, смешал их содержимое в небольшой медной чаше, поставив ее на пол между ступнями Джон-Тома. Бросил в мутную лужицу на дне чашки щепоть желтоватого порошка и что-то едва слышно пробормотал. Мадж и Джон-Том мгновенно зажали ноздри: получившаяся кашица изрядно смердела.

Добавив щепотку голубого порошка, Клотагорб перемешал смесь и начал залепливать ею открытую рану в боку Джон-Тома. Осознав, что боль утихает, тот постарался забыть о всяких инфекциях.

— Пог! — Клотагорб прищелкнул короткими пальцами. — Принеси мне небольшой тигель. Тот, у которого на боках выгравированы знаки солнца.

Джон-Тому вроде бы показалось, что летучий мыш буркнул под нос: «Мог бы и сам смотаться туда и обратно, зажиревший ленивый улиткин сын». Однако нетрудно было и ошибиться.

Впрочем, возвратившись с тиглем, Пог молча поставил его между Джон-Томом и волшебником и, взмахнув крыльями, устремился подальше.

Клотагорб переложил образовавшуюся пасту в тигель, долил зловонной жидкости из высокой черной бутылки с осиной талией, добавил щепотку коричневого порошка, достав его из ящика под правой рукой. «Интересно, а у него там никогда не зудит?» — подумал Джон-Том о встроенном в волшебника шкафчике.

— Черт, что же я сделал с этой палочкой... а?

Небольшой палочкой из черного дерева, инкрустированной серебром и аметистами, чародей помешивал смесь, непрерывно бормоча под нос.

Паста внутри тигля обрела консистенцию густого супа и засветилась глубоким изумрудным светом. На поверхности ее взрывались пузыри, отражавшиеся в округлившихся глазах Джон-Тома. Теперь смесь припахивала корицей, а не болотным газом.

Обмакнув палочку в жижу, волшебник попробовал ее на вкус. Удовлетворившись, он взял палочку за оба конца и начал поводить ею над шипящей гущей. Искры на поверхности стали вспыхивать сильнее и чаще.

Клетки-бактерии,
Красные — в мышцы, синие — в кровь.
Резинация, агглютинация, конфронтация,
Высшая связь.
Нервам — пироксин, заразе — пенициллин.
Осы боли, растворяйтесь, ткани рваные, склеивайтесь.

Джон-Том слушал в полном смятении. Ни тебе гортанных фраз, ни хвоста тритона, глаза летучей мыши, крови паука, бычьих рогов... Конечно, неизвестно, из чего на самом деле состоят жидкость и порошки, которыми пользуется волшебник. В ворожбе прозвучали слова — пироксин, пенициллин, агглютинация — подобной чушью, выписывая рецепт, любят ублажать себя доктора.

Как только голос волшебника смолк, Джон-Том поинтересовался этим и получил ответ.

— Это волшебные слова, мой мальчик.

— Но ведь они обозначают нечто... Реальные вещи, я хочу сказать.

— Конечно же. — Клотагорб глядел на Джон-Тома так, словно его вдруг обеспокоило состояние рассудка юноши. — Что может быть реальнее основ магии? — Он кивнул в сторону часов. — Я сразу не распознал, что у тебя устройство для измерения времени, и не сомневаюсь, что ему можно верить.

— Но часы же совершенно неволшебная вещь.

— Так ли? Объясни тогда мне, как они работают?

— Ну, они кварцевые, там текут электроны... то есть... — Джон-Том сдался. — Это не по моей специальности, но часы работают на электричестве, а не на магических формулах.

— В самом деле? Я знаю много электрических формул...

— Но чертовы часы работают на батарейках!

— А что внутри этой штуковины ты называешь батарейкой?

— Запас электроэнергии.

— А разве он не записывается какой-то формулой?

— Конечно, записывается, только эта формула математическая, а не магическая.

— Конечно, по-твоему, математика — не магия? Какой же ты после этого чародей?

— Я же как раз об этом, я... — Но Клотагорб жестом остано-

вил Джон-Тома, предоставив тому возможность молча кипеть от раздражения против настырной и уверенной в себе черепахи.

Обдумывая слова волшебника, Джон-Том постепенно приходил во все большее смятение.

Крохотные вспышки огненными мотыльками по-прежнему перепархивали по поверхности пасты, однако цвет ее из зеленого теперь сделался желтым, она начала пульсировать. Клотагорб церемонно отложил палочку в сторону. Поднял тигель, предложил его всем четырем сторонам света, а потом нагнул и выпил содержимое.

— Пог! — Чародей отер пасту с клюва.

— Да, хозяин, — отвечал летучий мыш теперь уже угодливым тоном.

Клотагорб передал ему тигель, затем медную чашу.

— Вымой.

Приняв оба сосуда, летучий мыш, хлопая крыльями, направился к далекой кухне.

— Ну и как ты себя чувствуешь, мой мальчик? — Клотагорб с симпатией поглядел на Джон-Тома. — Получше, должно быть?

— Вы говорите, что... все, значит? — Джон-Том решился поглядеть на собственный бок. Уродливая рана исчезла, не оставив следа. Кожа была гладкой и ровной, от остального тела место ранения отличалось только отсутствием загара. До Джон-Тома дошло, что боль тоже исчезла.

Он опасливо надавил на место, откуда только что текла кровь. Ничего. И, открыв от изумления рот, юноша повернулся к чародею.

— Не надо. — Клотагорб отвернулся. — Примитивные похвалы смущают меня.

— Но как?

— Ах, это?.. Ах, мой мальчик, это заклинания исцелили тебя.

— А зачем тогда чаша со всем содержимым?

— Зачем? Просто это мой завтрак. — Волшебник ухмыльнулся, насколько это вообще можно сделать, обладая не ртом, а черепашьим клювом. — И чтобы тебя отвлечь. Некоторым пациентам становится не по себе, когда тело заживает прямо у них на глазах. Иногда это весьма неаппетитное зрелище. Итак, мне нужно было или усыпить тебя, или отвлечь. Последнее проще и безопаснее. К тому же я проголодался. А теперь, по-моему, нам пора обсудить, зачем я притянул тебя в свой мир. Видишь ли, это хлопотливое дело, даже опасное: открывать порталы между измерениями, изгибать пространство-время. Однако придется сперва запечатать эту комнату. Пожалуйста, отойди подальше.

После неожиданного выздоровления дар речи еще не вернулся к Джон-Тому, и он покорно отступил назад к книжному шкафу. Мадж присоединился к нему, как и возвратившийся Пог.

— Тигли ему мой, — ворчал мыш сквозь зубы. Тем временем

Клотагорб, взяв в руки палочку, начал помахивать ею в воздухе и бормотать под нос нечто таинственное. — И чдо я дуд видел: все ему мой, да убирай, да чисти.

— Если тебе здесь плохо, чего же остаешься? — дружелюбно осведомился Джон-Том. Он уже почти привык к жуткому обличью Пога. — Очень хочешь стать чародеем?

— Да ды чдо! К черду дакое счасдье! — Брюзгливый голос Пога сделался возбужденным. Он подлетел поближе. — Я связался со сдарой развалиной, чдобы зарабодадь на полную сохраняющуюся дрансмогрификацию, как эдод говорид. Физию хочу сменить, понял? Осдалося еще несколько лед... а подом можно и плату подребовадь.

— А какую перемену ты задумал, приятель?

Пог повернулся к выдру.

— А знаешь ду часть города, чдо в конце улицы Иноходцев? Сдарое здание, чдо надсдроено дама под сдойлами?

— Во, а тебе че там делать? Ты такими вещами не занимаешься. Да и район тот тебе не по карману. — Выдр ухмылялся в усы.

— Признаю, не спорю, — соглашался безутешный Пог. — Приядель у меня дам, он куш сорвал на гонках и однажды вечерком прихвадил меня дуда, чдобы попраздновадь. Он знаком с мадам Скорианцей, чдо держид дом для крыладых. У нее рабодаед одна девчонка, дак, ерунда, не больше, чем пденчик, соколиночка, другой дакой нед на сведе. Зовуд ее Улейми. Она... — припоминая подробности, Пог так и заплясал в воздухе. — Да она же само великолепие среди всех крыладых, я даких не видал. Какое изящесдво... А перышки... И еще сила какая! Мадж, я думал — помру в эксдазе! — Предавшийся воспоминаниям Пог восторженно затрепетал в воздухе.

— Дока она не заходела имедь со мной дело, если я не расплачусь как полагаедся. А сама чахнед по богадому сдарому коршуну, он законником в Комариной Роще. И со мной даже пару кругов сделадь не хочед, а сдоид эдому дипу пошевелидь перышком, сразу срываедся... На край сведа поледид, если он пожелаед.

— Тада, приятель, лучше тебе забыть о ней, — посоветовал Мадж. — Есть же другие птицы... симпатичных летучих мышек тоже хоть пруд пруди. Тама в городе есть одна летучая лиса, она меня в любое время крыльями обнимет.

— Мадж, тебе случалось любить, а?

— Конечно, случалось... Много раз.

— Дак я и думал. Значит, нечего надеяться, чдо ты сможешь понять меня.

— А я понимаю. — Джон-Том согласно кивнул. — Хочешь, чтобы Клотагорб превратил тебя в самого большого и быстрого сокола во всей округе, так?

— И чдоб клюв был самый большой, — добавил Пог. — Вот потому долько я и кручусь в этой дыре, прислуживая крылом и

лапой трясущемуся старому скареду. На постоянную трансмогрификацию мне не скопить. Приходится выслуживать.

Взгляд Джон-Тома обратился к центру комнаты. Трясущийся старый скаред, чудесным образом исцеливший колотую рану в его боку, приглашал их подойти поближе. Свет в окнах быстро гас.

— Ближе, ближе, друзья! — Мадж и Джон-Том подошли к чародею. Пог уже свисал с верхней полки соседнего книжного шкафа.

— Великая беда готова обрушиться на нас, — скорбно проговорил волшебник. В Древе продолжало темнеть. — Я ощущаю это по шевелению червяков в земле, по тому, что шепчут в ветвях ветерки, когда им кажется, что их никто не слышит. Это видно в отпечатках дождевых капель, в том, как первые листья слетают с ветвей, слышно в шелесте зимних саженцев, в том, как нервно ползет на брюхе змея. Облака сталкиваются наверху, засмотревшись на то, что происходит под ними... У самой земли случаются перебои в сердце. Кризис грядет... Беда грозит нашему миру, но гнездится она не здесь, идет она из другого мира... из твоего. — И он ткнул коротким и толстым пальцем в потрясенного Джон-Тома. — Успокойся, мальчуган, твоей вины тут нет.

В Древе стало темно, как ночью. Джон-Тому уже казалось, что тьма гирей сгибает его шею, или же то ползли неведомые твари, подбираясь все ближе и ближе к покрову мрака, которым чародей укрыл свое Древо?

— Свершилось огромное злодеяние, законы магии и рассудка вывернуты наизнанку: заклинания жуткой силы протянулись из твоего мира в наш, они грозят нашей мирной земле. И моего скромного умения не хватает, чтобы определить природу этой силы и справиться с ней. Лишь великий маг — Эн'джинеер из твоего мира — способен найти ключ к угрозе. Тяжкий это, горестный труд — отпирать порталы между измерениями, однако я приступил к поиску подобной особы. Лишь один или два раза в год можно решиться на подобное — столь сильному напряжению подвергается разум. Вот почему ты ходишь сейчас среди нас, мой молодой друг.

— Но я же все время пытаюсь сказать — я не инженер.

Клотагорб казался потрясенным.

— Это невозможно. Портал мог открыться лишь для того, чтобы пропустить эн'джинеера.

— Мне действительно очень жаль. — Джон-Том беспомощно развел руками. — У меня незаконченное высшее, я учусь на юриста, но собираюсь стать музыкантом.

— Этого не может быть... Во всяком случае, я так считаю. — Клотагорб разом как-то постарел.

— А в чем же суть этого клепаного кризиса? — поинтересовался неисправимый Мадж.

— В точности я не знаю. Я уверен только в одном — причину

придется искать в могучем колдовстве, вторгшемся из пространства-времени, где обитает этот молодой человек. — Кожистая рука хлопнула по столу. Закачались горшочки и сосуды. Гром заполнил комнату.

— Мое заклинание просто не сработало бы, не будь ты эн'джинеером. Я устал, я искал вслепую, но в этом я не могу ошибиться. — Волшебник глубоко вздохнул. — Молодой человек, вы, кажется, заявили, что являетесь студентом?

— Это правильно.

— Может быть, ты студент-эн'джинеер?

— Очень жаль. Я — юрист. Точнее, буду юристом. Не думаю, что любительское владение электрогитарой позволяет рассчитывать на звание инженера. Еще я убираюсь в... минуточку. — Джон-Том казался озабоченным. — Официально моя должность называется «инженер-сантехник».

Со стоном отчаяния Клотагорб осел на кушетку.

— Так кончается цивилизация...

Оставивший книжный шкаф Пог взмыл над ними, трепеща крыльями. Он блаженно верещал:

— Удивительно, восхитительно! Волшебник из мусорной кучи! — Нырнув вниз, мыш затормозил и повис перед Джоном. — Приветствие из приветствий тебе, высочайший из волшебников! Оставайся с нами, о могучий, помоги мне избавить од мусора эдо грязное логово.

— Изыди! — прогрохотал Клотагорб голосом, более приличествующим горе, чем черепахе. Голос его, исполненный неестественной мощи, наполнил комнату... Джон-Том и Мадж могли только трепетать, Пога отшвырнуло к противоположной стене. Он чуть не свалился на пол, прежде чем смог вновь овладеть трясущимися крыльями. И тут же исчез в боковом проходе.

— Осквернитель истины. — К черепахе вернулся нормальный голос. — И не знаю, почему я терплю его... — Чародей вздохнул, поправил очки и грустно поглядел на Джон-Тома. — Теперь понятно, что произошло, молодой человек. Я не смог точно определить параметры заклинания. Перед тобою старая усталая черепаха. По труду ей и награда. Сколько времени ушло на подготовку! Целых четыре месяца я усердно читал руны, копил необходимые материалы и готовил заклинания, словом, вскипятил полный котел субатомных частиц... И что же? Я получил тебя.

Невзирая на полное отсутствие вины, Джон-Том ощутил себя виноватым.

— Но не волнуйся из-за этого, мальчик. Ты ничего не сможешь сделать. А вот мне придется начинать заново.

— Что же случится, если вы опоздаете, сэр? Что будет, если вы так и не сумеете отыскать помощника, в котором нуждаетесь?

— Быть может, все мы умрем... Пустяки — если поглядеть на это с точки зрения универсальной схемы вещей.

— Всего-то? — саркастически отозвался Джон-Том. — Вот что, у меня там осталась работа. Мне, в самом деле, очень жаль, что я оказался не тем, кого вы ждали. Спасибо, конечно, за мой бок, но истинную благодарность вы получите, если отошлете меня домой.

— Молодой человек, едва ли это возможно.

Джон-Том постарался, чтобы в голосе его не слышалось паники.

— Если вы откроете этот Портал, может быть, я сумею разыскать у себя нужного вам инженера. Любого инженера... В моем университете их полно.

— Не сомневаюсь в этом, — благосклонно промолвил Клотагорб. — Иначе Портал не наложился бы на ткань вашего мира в этом самом месте и времени. Рыбачил я там, где надо. Просто подцепил не то, что нужно. А отослать тебя назад — тут дело не в моем желании, а во времени и подготовке. Вспомни, я же только что сказал, что на подготовку такого заклинания уходит несколько месяцев. Теперь придется отдыхать... с год или более, прежде чем я осмелюсь попробовать еще раз. Ну а когда я рискну, боюсь, что мне придется заняться делом более важным, чем твоя персона. Надеюсь, ты в состоянии понять меня, но если нет — твое мнение в данном случае несущественно.

— Ну а как насчет какого-нибудь другого чародея? — с надеждой спросил Джон-Том.

В голосе Клотагорба послышалась гордость.

— Осмелюсь заметить, что во всем мире лишь я один способен справиться с необходимыми заклинаниями и физическими дисторсиями. Вот что, договоримся так: я отсылаю тебя назад, как только это окажется возможным. — Отечески похлопав Джон-Тома по руке, Клотагорб предупредительно погрозил ему пальцем. — Не бойся. Мы отправим тебя назад. Надеюсь, — добавил чародей с сожалением, — что я сумею сделать это, прежде чем разразится беда и нас перебьют. — Он прошептал, рассеянно взмахнув палочкой.

Разделенье, исчезай,
Свет обратно возвращай.
Светляки, сюда летите,
Вы, молекулы, плывите.

В искаженное пространство внутри Древа возвратился свет, долгожданный и теплый. Тьма унесла и лапы мерзких тварей, которые Джон-Том ощущал собственной спиной. В ветвях снаружи вновь послышалось чириканье ящериц.

— Если вы не рассердитесь, я бы сказал, что ваше колдовство вовсе не похоже на то, которого я ожидал.

— А чего же вы ожидали, молодой человек?

— Там, откуда я родом, магия творится на основе всяческих штук наподобие паучьих и кроличьих лапок... Словом, из чего-то

другого. И потом твердят волшебные глаголы из латинского или других древних языков.

Мадж презрительно фыркнул, выглянувший из-за двери Пог позволил себе скрипучий смешок. Клотагорб с неодобрением глянул на эту парочку.

— Вот что, юноша, эти маленькие пауки, что бегают под ногами, ни на что не годятся. Те, что побольше, с другой стороны... Однако я не бывал на Паутинниках и не собираюсь посещать место, где они обитают... — Тут Клотагорб жестом показал, что пауки там в локоть длиной, и Джон-Том не стал проявлять дальнейший интерес к этому месту, а тем более к паукам подобной величины.

— А что касается кроличьих лапок — не сомневаюсь, любой уважающий себя кролик прикончит меня и сделает из моего панциря умывальный таз, если такая идея только придет мне в голову. Выбор слов давно подтвержден экспериментами, к тому же они одобрены на собраниях Большого Совета волшебников.

— А что вам нужно, чтобы открыть проход между измерениями?

Клотагорб заговорщицки пододвинулся ближе.

— Понимаешь, я совершенно не хотел бы ненароком выдать секреты сообщества, однако, по-моему, ты все равно ничего не запомнишь. Нужно несколько кристаллов германия, щепоть молибдена и чайная ложка калифорния... К тому же связываться со сверхтяжелыми короткоживущими элементами — сущая мука, сам понимаешь. Значит, берешь кое-какие радиоактивные вещества, потом добавляешь парочку трансурановых... а их еще поди получи.

— А как найти?..

— Тут действует другая формула, ингредиенты которой я вообще не могу назвать непосвященному. Потом помещаешь все в самый огромный котел, какой только удается достать, мешаешь. Три раза обходишь, приплясывая, ближайшее отложение никель-цинковых руд и... Но хватит секретов.

— Забавная магия, она похожа на настоящую науку.

Клотагорб с разочарованием поглядел в сторону Джон-Тома.

— Разве не это я тебе говорил? Сама-то магия — всегда одна и та же, вне зависимости от того, в каком мире или измерении ты существуешь. Различаются заклинания и формулы.

— Вы сказали, что кролик здесь просто лапу свою не отдаст. Значит, и кролики у вас разумные?

— Юноша, юноша... — Клотагорб устало опустился на кушетку, скрипнувшую под ним. — Разумны все теплокровные. Так и должно быть. Так было во все исторические времена. Все теплокровные, кроме четвероногих травоядных — домашнего скота, лошадей, антилоп и им подобных. — Чародей грустно покачал головой. — Бедным тварям так и не удалось развить из своих

копыт хоть какое-то подобие рук. А интеллект тесно связан с наличием пальцев. Теплокровные, значит, разумны. Птицы тоже. А из рептилий по каким-то причинам интеллектом обладаем только мы, черепахи. Есть, конечно, еще обитатели Паутинников и Зеленых Всхолмий, но чем меньше о них говоришь, тем спокойнее. — Он поглядел на Джон-Тома. — Ну а раз тебя нельзя отослать домой, что прикажешь с тобой делать?..

Глава 3

Клотагорб помедлил еще.

— Все-таки мы не вправе бросить тебя одного, да еще в совершенно неизвестном тебе мире. Я ощущаю известную ответственность. Тебе потребуются деньги и спутник, способный дать необходимые объяснения. Эй, Мадж!

Выдр пристально разглядывал огромный том, раскрытый Погом на нужной странице.

— Эй, вы, оба! Оставьте в покое брачные заклинания. Все равно у вас не хватит терпения вызвать нужных духов. Иначе придется избавить вас кое от чего лишнего парочкой заклинаний, чтобы вы только утихомирились.

Мадж захлопнул книгу, взлетевший вверх Пог принялся увлеченно протирать второй ряд окон.

— Чего вам угодно от меня, ваше чародейство? — несчастным голосом проговорил Мадж, ругая себя за оплошность.

— Мадж, меня почтительным тоном не одурачить. — Клотагорб предупреждающе поглядел на выдра. — Я знаю, что ты думаешь обо мне. И это меня не волнует.

Обернувшись к Джон-Тому, чародей скептически оглядел молодого человека: дешевый тисненый пояс, стоптанные сандалии, тенниска с изображением волосатого человекообразного с дымящейся гитарой в руках, линялые голубые джинсы.

— Знаешь, в таком виде нечего и думать отправляться в Линчбени-град... или в другое место. Тебя непременно вызовут на поединок. Это может быть опасно.

— Ага, — отозвался Мадж, — во умора. Да они же со смеху помрут.

— Нельзя ли обойтись без твоего презренного остроумия, трясущееся порождение мускусной крысы? Тебе смешки, а мальчику...

— Прошу прощения, сэр, — строгим тоном остановил его Джон-Том. — Но мне уже двадцать четыре, и мальчиком...

— Юноша, а мне двести тридцать шесть. Возраст — вещь относительная. А теперь нужно подумать об одежде... и о проводнике. — Клотагорб многозначительно поглядел на Маджа.

— Эй-эй, шеф, обождите-ка. Клепаный Портал — ваш, ввалился в него — он, и если это не тот гусь, я здесь ни при чем.

— Тем не менее вы уже познакомились. А поэтому ты возьмешь его под свою опеку и приглядишь, чтобы с ним ничего не случилось, пока я не придумаю, как с ним поступить.

Ткнув мохнатым большим пальцем в сторону выжидающего юноши, Мадж отвечал:

— Ваше чародейство! Я ж не говорю, што мне его не жаль, что ж я — урод?.. Мне вообще каждого дурачка жалко, а тем более безволосых людей. Тока с чего это я должен с ним нянчиться? По профессии я ж охотник, сэрра, какая ж из меня приемная мамаша, я... што ли, фея?

— По профессии ты бродяга, а по призванию — пьяница и развратник, — уверенным тоном возразил Клотагорб. — Вовсе не идеальная компания для молодого человека, однако в вашем скудном умишком Линчбени ученого для этого дела не отыскать. Итак... ты назначен.

— А ежели откажуся?

Клотагорб закатал отсутствующие рукава.

— Тогда я тебя превращу в человека, укорочу усы, выбелю нос, вытяну ноги, расплющу лицо... Мех у тебя повылезет, и весь остаток жизни будешь шляться по миру с голой кожей.

Бедолага Мадж явно испугался, его бравада не принесла результата.

— Нет-нет, ваше заклинательство! Ежели судьба мне возиться с пацаном — я ее искушать не буду.

— Решение мудрое и прозаичное. — Клотагорб покойно сел на кушетку. — Не люблю я грозить. С проводником дело улажено, остается финансовый вопрос.

— Во-во, — просветлел Мадж. — Что ж это — посылать невинного незнакомца в наш жестокий мир... без ума и без гроша.

— Имей в виду, Мадж, деньги я даю молодому человеку, и не смей их у него канючить.

— Ах, сэрра, нет, нет и нет! Я только пригляжу, чтоб пацан оделся как подобает и пристроился в Линчбени в гостинице, где принимают человекообразных.

В голосе Джон-Тома зазвучали волнение и радость:

— Значит, в этом городе есть люди наподобие меня?

Мадж, сощурив глаза, поглядел на него.

— Вот што, приятель, людей в Линчбени-граде полно, попадаются и человекообразные, тока не твоего размера.

Клотагорб копался в горке свитков.

— Ну вот, опять это заклинание затерялось... Как золото творить буду?

— Эй, шеф, — встрял сметливый Мадж. — Можно помогу... поищу?

Волшебник оттолкнул его в сторону.

— Сам управлюсь. — И, покосившись на кучу бумаги, забормотал: — Заботы... заказы... зрение... зола... золото, вот оно.

Вновь извлечены были порошки и отвары, на этот раз их поместили не в тигель, а на мелкую сковородку. На самое дно Клотагорб уложил одну-единственную монетку, извлеченную со дна какого-то ящика в его жилете. Заметив, что Мадж пытается все запомнить, Клотагорб помахал руками.

— Мадж, и думать забудь. Тебе этих слов не выговорить. Кроме того, монетка эта особая, старинная. Если б я мог все время делать деньги — зачем бы тогда брать плату за работу? Сегодня — случай особый. Ну, подумай, что будет, если все животные примутся делать деньги.

— Тогда рухнет вся ваша денежная система, — вставил Джон-Том.

— Благословенный панцирь! Юноша, ты говоришь правду. Кое-что ты все-таки выучил.

— Экономика мне чуть ближе.

Волшебник уже водил палочкой над сковородой.

Постулаты, постулаты, постулаты,
Повторяю я трикраты:
Золото, сюда явись,
Из молекул накопись.
Слышу ход в земле, явись!
Круглись, золото, круглись,
Эй, металл тяжелый, звонкий,
Округлись и в монеты превратись.

Что-то вспыхнуло, запахло озоном. Порошки со сковородки куда-то подевались, а на их месте оказалась кучка блестящих монет.

— Вот это — штуковина правильная, — прошептал Мадж Джон-Тому. — Этот бы заговор мне и узнать.

— Иди сюда, юноша, и бери, — Клотагорб вытер пот со лба. — Короткое заклинание, но тяжелое.

Джон-Том сгреб горстку монет. Он уже собирался опустить их в карман, когда неожиданная легкость червонцев удивила его. Он прикинул вес на руке.

— Сэр, не хочу показаться непочтительным, только они очень уж легкие для золота...

Мадж протянул лапу, выхватил монетку.

— Не то что пенни, друг. На золото-то похоже, но не золото.

Клотагорб, хмурясь, подцепил золотой диск.

— Угу. А что это за тонкий краешек выступает?

— И здесь тоже. — Джон-Том зацепил за край. Тонкая золотая фольга отошла, открывая буроватую субстанцию. Описывающий круги над их головами Пог истерически захохотал.

— Не понимаю. — Клотагорб содрал последнюю обертку с

собственного экземпляра. Материал под нею он признал в тот самый миг, когда Джон-Том на пробу куснул.

— Шоколад. Неплохой, кстати.

Клотагорб приуныл.

— Проклятие! Должно быть, я добавил к формуле трансмутации что-то из завтрака.

— Ну что же, — отозвался умиравший с голода молодой человек. — Золото, сэр, у вас не вышло, однако шоколад получился превосходный.

— Вод эдо волшебник! — завопил Пог из оконной ниши. — Шоколад у него вышел вмесдо золота! Я ж вам рассказывал, ребята, чего туд было, когда он пытался вызвать водяную нимфу. Выложил всю комнату, как бобер хатку: кругом благовония, духи, зеркала. Ну, вызвал он свою нимфу. Порядок. Знаете какую? Нимфу куглухской стрекозы... Она ж ему чуть руку не оторвала, пока...

Клотагорб коротко ткнул пальцем в сторону Пога, крохотная молния обуглила место, где тот был буквально только что.

— Вечно мажет к дому же, — съехидничал ученик.

Вторая молния миновала фамулуса на еще большем расстоянии, расколошматив целую шеренгу стеклянных сосудов на верхней полке. Звякая, они попадали на пол; летучий мыш, метнувшись в сторону, увильнул от падающих осколков.

Отвернувшись, Клотагорб стал возиться с очками.

— Пора наворожить новые линзы. — Засунув руку в нижний ящик панциря, он извлек оттуда горстку монеток поменьше. — Юноша, это тебе.

— Сэр... а не проще ли было сразу дать мне их?

— Приходится практиковаться. Вот увидишь, через несколько дней это заклинание будет выскакивать из меня, как пробка из бутылки.

— А может, и одежонку ему наколдуете? — осведомился Мадж.

Прицеливающийся пальцем в ухмыляющегося фамулуса Клотагорб бросил на Маджа сердитый взгляд.

— Я волшебник, а не портной. Мирские дела я оставляю тебе. И помни: не приглядишь — меха на тебе не будет.

— Шеф, расслабься. Пошли, Джон-Том. Дорога неблизкая, и лучше выйти до темноты.

И они оставили жилье Клотагорба, разбивавшего горшки и фиалы и прожигавшего дырки в картинах в напрасных попытках испепелить обнаглевшего помощника.

— Какой интересный тип этот ваш волшебник, — чтобы завязать беседу, проговорил Джон-Том, едва они повернули на хорошо протоптанную дорожку, уводившую в лес.

— С чего это он мой, приятель? — Ящерица с ярким опере-

нием принялась расклевывать нечто напоминающее банан на ветвях ближайшего дерева. — Хошь еще шоколадную монетку?

— Нет, спасибо.

— Кстати, о деньгах: мешочек-то с серебром можно и мне дать, раз уж под моим присмотром находишься.

— Деньги в полном порядке. — Джон-Том похлопал себя по карману. — Тут им будет спокойнее. К тому же мои карманы повыше твоих — залезть труднее.

Не ощутив ни малейшей обиды, выдр оглушительно расхохотался и хлопнул Джон-Тома волосатой пятерней пониже спины.

— А ты, приятель, не такой дурак, каким кажешься. Чтоб мне заледенеть, тока я еще сделаю из тебя нормальное животное.

Они один за другим перебрались через ручей — почти такой же, как посреди ботанического сада в кампусе. Джон-Том постарался справиться с грустью, навеянной этим воспоминанием.

— А тебе не интересно, какой такой кризис предрекает нам Клотагорб? — спросил он выдра.

— А ну его, — отвечал тот, — опять чтой-то придумал. Мне рассказывали — чего тока эти чуваки не пьют и не курят под настроение! Это у них называется размышлениями... чародейскими. А я так прямо скажу — набрался. Как ему разобраться-то, выдумал он кризис этот или нет, если ходит каждый день косой?

— Тебе надо бы обратиться к истории...

Мадж укоризненно покачал головой.

— Тока попробуй ляпнуть подобное в Линчбени, приятель, враз попадешь в беду. Нужно мне обращаться к твоей истории. А все-таки, как насчет серебришка? — Джон-Том улыбнулся. — Ну, ладно, ладно.

Последние надежды на то, что затянувшийся кошмар этот развеется и что он еще сможет проснуться, исчезли после нескольких дней пути — за милю до Линчбени. Джон-Том еще не видел города — тот прятался за подъемом, поросшим сосновым бором, когда близость поселения засвидетельствовал запах... Едкую вонь от сотен животных, сгустившуюся на утреннем солнцепеке, едва ли можно было с чем-нибудь перепутать.

— Что те опять не так, кореш? — Сбрасывая остатки ночной дремоты, Мадж с наслаждением потянулся. — Смотрю, опять ты у меня сник.

— Запах...

— Мы ж возле Линчбени — как я и обещал.

— Значит, тут всегда так воняет?

Мадж поводил носом.

— Не... чтой-то сегодня не очень. Подожди вот... к полудню, когда солнце поднимется, будет самый как раз.

— У вас здесь повсюду волшебники... Великие, вроде Клотагорба. Неужели никто не мог выдумать дезодоранта?

Мадж отвечал не без смущения.

— А что это такое будет, приятель? Еще какая из ваших непонятных штуковин?

— Такая вещь — побрызгал, и от тебя пахнет приятно, — с достоинством отвечал Джон-Том.

— Во до чего ж странные понятия в вашем мире. А как я тогда пойму, где мои враги, если не смогу их учуять? А друзья — те и так пахнут приятно. Неправильно у тебя выходит. От друга не воняет. Разве что от вас, человекообразных, — он пренебрежительно фукнул носом, — иногда толком ничем и не пахнет. Вот, поди, и кажется тогда, что все могут обойтись без запаха.

— Действительно так.

— А вот что тогда выходит, шеф. Нечего тебе проповедовать эти свои сектантские заскоки в Линчбени, не то даже я не смогу тебя защитить... До конца дня не протянешь.

Они приближались к городу. Теперь на тропинке были видны следы многих ног.

— Во, гад, дает, — бормотал Мадж себе под нос. — Обходиться без запахов, без сладких-то ароматов друзей и дам. Да я, гад, скорее ослепну, чем носа лишусь, понял, приятель? И какие ж у вас там чувства в вашем мире?

— Обычные. Зрение, слух, осязание, вкус... обоняние.

— Тогда выходит, что ты сектант, раз из вздорной пустой теологии согласен отказаться от одной пятой чувств, рассказывающих тебе о мире?

— Теология тут ни при чем, — возразил Джон-Том, опасаясь, как бы его аргументы ему же самому не показались легковесными. — Все дело в этикете.

— Да подавись ты своим этикетом. Надо же — никаких запахов. Нет, Джон-Том, твоего мира мне на понюх не надо. Тока мы уже пришли. Постарайся теперь выбирать выражения. — Выдр все еще никак не мог примириться с тем, что запах друг друга кому-то может показаться неприятным. — Ты тока скажи там про свой нос, так тебя сразу выпотрошат.

Джон-Том нерешительно кивнул. Надо вздохнуть поглубже несколько раз, сказал он себе. Где-то он это слыхал: вдыхай поглубже — привыкнешь.

Они поднялись на вершину холма, и внизу за деревьями открылся город. И тут запах обрушился на него в полной мере... Пахло навозом, перепревшим в болоте. Джон-Том едва сумел удержать в себе содержимое желудка, вознамерившееся оставить его тело недолжным путем.

— Эй-эй, тока меня не заблюй! — Мадж торопливо шагнул назад. — Возьми себя в руки, парень. Скоро ты будешь радоваться этому запаху.

Они спускались с холма, выдр привольно трусил, Джон-Том брел, спотыкаясь, и, по возможности, старался изобразить на лице непринужденное выражение. И тут они набрели на зрели-

ще, заставившее Джон-Тома позабыть про дурноту и одновременно напомнившее ему, что угодил он в местечко опасное и лишь слегка цивилизованное.

Они увидели тело, во всем схожее с принадлежащим Маджу, кроме незначительных подробностей: лапы висящего были скручены за спину, ноги связаны вместе. Голова свисала набок, свидетельствуя, что эту шею свернули вполне профессионально. Тело было полностью обнаженным. «Странно, как быстро я привык, что и животные здесь ходят одетыми», — подумал Джон-Том.

Труп целиком покрывала оболочка из прозрачной резины или пластмассы. К облегчению Джон-Тома, глаза оказались закрытыми; выражение на физиономии, пожалуй, можно было даже назвать приятным. Под покачивающимся законсервированным трупом на шесте торчала табличка с надписью, сделанной незнакомыми буквами. Юноша вопросительно посмотрел на Маджа.

— Это основатель нашего города, — последовал ответ.

Они шли мимо удивительного монумента, и Джон-Том не сводил глаз с покойника.

— Значит, у вас принято вешать основателей городов?

— Не, тока за особые заслуги. Это наш покойный Тило Бени. Должно быть, две сотни лет висит уже, старина.

— Неужели это тело провисело здесь не одну сотню лет?

— А че — хорошо сохранился. Наш местный колдун забальзамировал его, как положено.

— Какое варварство.

— А хошь — расскажу о нем? — спросил Мадж. Джон-Том кивнул.

— Значица, вышло так, что старик Тило — хорек, значит, этот, а из них ничего хорошего не выходит — оказался мошенником. Грабил фермеров по всей округе... Много лет грабил... Чаще деньги отбирал, иногда дочерей. Вот на этом его и застукали. А то он зерно купит у одного фермера, а продаст другому, потом займет денег и еще купит. Вдруг пара фермеров сообразила, значица, что зерно, которое они покупают, существует лишь в голове Тило.

Ну вот, они собрались, заловили его в этой роще и обработали, как полагается. А тут приходит пара ремесленников — плотник и серебрянщик, а может, и сапожник, не помню... Ну и решили, что в этой долине возле проточной воды можно затеять дело, вот город-то и вырос. Тогда, значица, в других селениях спрашивать стали — как найти тех ремесленников. Им и говорили: ступайте в долину, где линчевали Тило Бени, хорька-мошенника. А ты, шеф, не заметил? Дышишь-то уже как надо!

К удивлению юноши, дурнота его прошла, вонь более не казалась такой жуткой.

— Ты прав. Теперь лучше.

— Хорошо. Вот что, приятель, теперь держись возле меня и следи за собой. Тут есть ребята, которые не любят шутить с незнакомцами, а ты и так страннее всякого странника. Значица, я не хотел бы здеся с ними повздорить, понял?

Они вышли из леса. Мадж поглядел вперед и голосом, полным провинциальной гордости, изрек:

— Ну вот, Джон-Том, вот и Линчбени-град.

Глава 4

Ни тебе сказочных шпилей, ни островерхих башенок. Перед Джон-Томом была деревня. Ни радужных бастионов, ни покрытых золотом крыш, вонзающихся в облака... Ни серебра, ни самоцветов. В Линчбени можно было жить — для этого городок и строили, — но любоваться тут было нечем. О мавританских дворцах и садах с павлинами обитатели его ведали еще меньше, чем сам Джон-Том.

С двух сторон зажатые лесом улочки тянулись вдоль узкой долины; через центр городка протекал ручей едва ли не в ярд шириной. Он делил надвое центральную улицу, замощенную, как и боковые проулки, голышами, наверняка доставленными из русла далекой реки. Собственно, не замостили один только ручей.

Они спускались вниз по тропе, превратившейся в мостовую, возле самой воды. И хотя Джон-Том намеревался держать себя в руках, приступ дурноты, накатившей возле первых домов, заставил его изрядно скривиться. Похоже было, что ручей служит одновременно источником питьевой воды и сточной канавой. Юноша велел себе не пить в Линчбени, если предложенная жидкость будет некипяченой или не из бутылки.

Вокруг стояли дома — в три, даже в четыре этажа. Острые крыши были крыты большими, в квадратный фут, пластинами дранки или серого шифера. Со второго и третьего этажей вниз смотрели прозрачные окна. Кое-где над улицей нависали балконы.

В стенах четвертых этажей и башенок, поднимавшихся над крышами, были открытые воздуху круглые дыры. Под каждым таким входом виднелись толстые жерди. Возле воздушных дверей располагались круглые же окошки. Там явно гнездились воздушные обитатели городка, вроде красногрудого сквернослова, доставившего почту к Древу Клотагорба несколько дней назад.

Узкое ущелье не было очень уж глубоким, да и края его не слишком близко подходили друг к другу, но дома жались стенка к стенке, как перепуганные дети. Причина была проста: если одна стена служит для двух строений, дом обходится дешевле. Кое-где над щипцами острых крыш и обращенными к улице фасадами на шестах реяли вымпелы. Может, они несли на себе гербы знатных

семейств, может, о чем-то предупреждали или извещали местных жителей. Джон-Том об этом не знал. Куда более понятной символикой явилось сохнувшее на натянутых над головой поперек улиц веревках белье необычной конфигурации. Джон-Том попытался было определить владельцев по расположению и длине рукавов и штанин, однако вынужден был сдаться перед лицом такого разнообразия.

Ну а в настоящий момент мохнатые руки торопливо, с воркотней и бурчанием, втягивали белье в окна верхних этажей. Над городом уже грохотал гром, раскаты его отражались от мостовых, от сырых каменных стен, пересеченных толстыми деревянными брусьями. Даже небольшие дома здесь строились прочно — неприступными замками.

Гулко хлопали оконные переплеты — обитатели готовились к приближающейся грозе. Новый порыв влажного ветра донес до ноздрей человека и выдра острый запах дыма, запорошил глаза пеплом. Над городом прогремел новый раскат. Маслянистое темное облако было почти над головой. Первые капли упали на лицо.

Мадж прибавил шагу, и Джон-Тому пришлось поторопиться, чтобы не отстать. Город заинтересовал его, и спрашивать, куда они спешат, не хотелось. Погруженный в лицезрение окрестностей юноша не замечал взглядов торопливых прохожих.

Пройдя еще пару кварталов, он наконец понял, какое внимание привлекает.

— Длинный ты, все дело в этом, приятель, — объявил Мадж.

Джон-Том старательно разглядывал прохожих, отвечавших ему не менее любопытными взглядами. Выше Маджа никого не было; в основном здешние ростом едва превосходили четыре-пять футов. Одеты все были достаточно схоже, различия определялись вкусом и, по-видимому, положением. Шерсть и шелк чередовались с хлопком и кожей. Куртки, блузы, жилеты и панталоны зачастую были расшиты бисером и перьями. Головные уборы отличались разнообразием: широкополые шляпы во вкусе семнадцатого столетия, крохотные береты, высокие тирольки с перышком на боку, как у Маджа. Землю попирали сапоги и сандалии разных размеров. Позже Джон-Том убедился, что выбирать приходится между теплыми, но грязными башмаками и сандалиями — обувью холодной, однако легче поддающейся чистке.

Впрочем, поддерживать чистоту обуви здесь было сложно. Они вовремя пересекли главную улицу: буквально перед их носом раздраженная седая опоссумша выплеснула в центральный ручей ведро с помоями — прямо со второго этажа.

— Эй, там! — закричал Джон-Том захлопнувшимся ставням.

— Чего это ты?

— А она чего? — пробормотал Джон-Том, крутя носом от новой вони.

Мадж нахмурился.

— Вот что, шеф, уймись-ка ты со своими обычаями. А чего ей еще делать со всей жижей, собравшейся за ночь? — И он показал рукой на ручей, протекающий вдоль улицы. — В это время года у нас здесь дожди. Все стекает в поток... и привет.

Джон-Том мысленно поблагодарил судьбу за то, что она не привела его в эти края летом.

— Меня ведь не это рассердило. Она же специально. Ей-богу, метила в нас.

Мадж ухмыльнулся.

— А че, можа, и так. У этой старой домоседки-хавроньи другого-то развлечения и не найдется.

— А как тут у вас насчет обыкновенной любезности? — осведомился Джон-Том, стряхивая с ботинок налипший мусор.

— Хорошая штуковина, если молодым хочешь лапы отбросить, вот что я тебе на это скажу.

Спереди послышались крики. Они отступили в сторонку и прижались к ставням, прикрывающим окна лавки. К ним приближался огромный двойной фургон, повозки грохотали одна за другой. Транспорт занимал едва ли не всю ширину улицы.

Джон-Том разглядывал его с любопытством. Правил фургоном тощий, насквозь промокший оцелот. Яркие глаза небольшой тигровой кошки поблескивали из-под широких полей мятой фетровой шляпы. Позади него, на передке второй повозки, ехал вконец осерчавший самец белки, ростом не более чем в три фута. Прикрывая пушистым хвостом голову, он пытался с помощью полотнищ плотного холста или кожи спасти от уже хлынувшего дождя фрукты и овощи, которыми была загружена повозка.

Фургон тянула четверка ширококостных ящеров, покрытых сине-зелеными радужными разводами; в полумраке их розовые глаза поблескивали на манер габаритных огней автомобиля. Они то и дело дергались из стороны в сторону, требуя неуклонного внимания от вопящего и шипящего возницы, который использовал ругательства в той же мере, что и тонкий длинный кнут.

Ненадолго заглушив гром, огромная повозка прогрохотала мимо, с трудом обогнув угол.

— Ну чего браться, ежели безрукий... Не понимаю таких, — буркнул Мадж, когда они продолжили путь, стараясь держаться ближе к стенам домов, где дождь был потише. — Стока груза зазря намочили.

Теперь с неба уже просто лило. Окна по большей части были затворены или прикрыты ставнями. В наступившем полумраке казалось, что дома нависают над улицами.

Откуда-то из-за спины, сверху, донеслось пронзительное чириканье. Обернувшийся на звук Джон-Том успел заметить, как сойка в желто-пурпурной юбочке и жилете приземлилась на

одном из насестов четвертого этажа и протиснулась внутрь через отверстие. Хлопнула круглая дверца.

Они торопились вперед — от одного шаткого навеса над входом к другому. По дороге миновали книжную лавку... точнее, лавку свитков: высокие до потолка деревянные полки похожи были на штабель винных бутылок, из каждого гнезда торчал толстый свиток.

Как уверял Мадж, дождь смыл всю грязь с мостовой, и вздувшийся ручей унес ее вниз по течению.

Гроза тем временем умчалась дальше, раскаты грома стали стихать. Ливень сменился холодным моросящим дождем, и Джон-Том ежился и неуютно чувствовал себя в насквозь промокших джинсах и тенниске.

— Прошу прощения, сэр.

Джон опустил руки, которыми обхватил себя, пытаясь согреться.

— Что? — Взгляд его обратился направо. Голос слышался из узкого проулка — двое мужчин едва ли прошли бы там плечом к плечу...

Под небольшим деревянным навесом лежал гиббон, скрючившийся для тепла между деревянными бочонками, наполненными мусором. Его морщинистая физиономия была укрыта от дождя сложенными листами оберточной бумаги, завязанными узлом под подбородком. Самодельная шляпа, промокнув, липла к физиономии обезьяны. Рваные хлопчатобумажные брюки укрывали волосатые ноги. Рубашки на гиббоне не было. Длинные руки обнимали сотрясающуюся грудную клетку, покрытую округлыми проплешинами. Вместо одного глаза зияла дыра.

Рука с тонкими пальцами с надеждой потянулась к Джон-Тому.

— Серебряную монетку, сэр. Подайте несчастному ветерану войны, неудачнику мирных времен. Скверное воспитание и невежество судей стоили мне одного глаза, сэр. А теперь я существую лишь щедротами жителей этого города.

Джон-Том, открыв рот, глядел на жалкое создание.

— Ну, несколько медяков, сэр, если у вас нет серебра, — с вожделением канючил гиббон.

И вдруг отшатнулся, вжимаясь в бочки. Одна из них повалилась. На мостовую посыпались обрывки бумаги, кости — словом, обычный городской мусор, состав которого не зависит от пространственного расположения города в космосе.

— Нет-нет, сэр! — Трясущейся рукой гиббон прикрывал лицо. — Я ничего плохого не сделал.

Мадж стоял возле Джон-Тома. Меч на груди его был наполовину выдвинут из ножен.

— Слышь, ты, я не потерплю, чтоб ты приставал к джентльмену, пока он пользуется моим покровительством! — Выдр шагнул

к неудачливому антропоиду. — Сделал... не сделал, а можа, еще сделаешь... Вот попробуй тока, пока я рядом.

— Ну зачем ты так? — пробормотал Джон-Том, не без приязни глядя на съежившегося гиббона. — Он же больной, видишь?

— Во-во... Именно... Больной. Чего ты, приятель, не знаешь, как разговаривать с попрошайками?

Выдр обнажил меч. Гиббон взвыл.

— Знаю. — Джон-Том запустил руку в карман, нащупал небольшой льняной кошелечек, которым одарил его Клотагорб, извлек из него монетку, бросил ее гиббону. Обезьяна поползла за ней по камням, по мусору.

— Благословение на вас, сэр! Пусть небеса поцелуют вас!

Мадж отвернулся с презрением, вернув меч на место.

— Попусту деньги мотаешь. — Он взял Джон-Тома за руку. — Ну, пошли. Надо еще добраться до той самой лавки, пока ты все не спустил. Вот что, кореш: тута мир грубый, и тебе лучше бы поскорее с этим смириться. Значица, не видал ножа в подворотне?

— Ножа? — Джон-Том оглянулся назад — на оставшийся позади проулок. — Какого ножа?

— Во-во, он еще спрашивает, — возмутился выдр. — Вот не было бы меня с тобой, сразу узнал бы — какого. Тока я думаю — тебе с собой не справиться. Голова, наверное, легкая, мозги вроде воздуха, а? Какого ножа... Тьфу!

Он остановился, поглядел на озадаченного Джон-Тома.

— Вот чего, приятель — по мне, валяй дурака сколько хошь. Тока вот его чародейство что скажет? Стало быть, покуда я тута тебя не пристрою, покуда ты, значица, не пустишь корней в этом мире, изволь-ка, приятель, слушать мои советы. А ежели о себе не думаешь, хотя бы меня пожалей. Клотагорб вона чего мне насулил. — Покачав головой, выдр отвернулся и отправился дальше. — Мне насулил — не тебе! Дернуло же меня спотыкаться о твои ноги, угораздило же!

— А! Выходит, мне повезло? По-твоему, я здесь просто счастлив? Тоже мне удовольствие... Пердун мохнатый!

К разочарованию Джон-Тома, вместо того чтобы потянуться к мечу, Мадж заулыбался.

— Вот это уже лучше, приятель! Так-то вот оно лучше, чем денежки свои раздавать. — Выдр сплюнул в сторону проулка. — Да этой мерзопакости вонючей что плюнуть, что кишки тебе выпустить. Не понял, почему мне в лесу лучше, а, друг?

Они свернули с главной улицы на боковую, оказавшуюся, правда, пошире того проулка, но в общем-то не слишком похожую на настоящую улицу. Впрочем, даже она могла похвастать вывесками полдюжины лавок, жавшихся друг к другу в конце длинного тупика. Улочку освещал высокий масляный фонарь. Полотняные козырьки над окнами лавок едва не смыкались, вместе с дождем пряча мостовую от света фонаря.

Из находившегося в конце тупика каменного фонтана вытекал ручеек, повторявший в миниатюре поток на центральной улице.

Джон-Том стряхнул капли с рук и, выжимая влагу из длинных волос, нырнул, согнувшись, под один из козырьков. Тот явно не был рассчитан на персону подобного роста. Юноша поглядел на вывеску под большим окном лавки. Надпись была уже почти понятна. Должно быть, мозг начинал обживаться. Впрочем, понять, возле какой лавки он оказался, можно было, не зная грамоты. В окне было полно жилетов, курток, искусно простроченных панталон... пара брюк с бубенчиками, нашитыми вдоль швов. Одежда лежала на прилавке или была напялена на манекены с остроухими головами и хвостами.

Мадж толкнулся в дверь, звякнул колокольчик.

— Голову побереги, Джон-Том.

Услышав предупреждение, юноша пригнулся.

Внутри пахло лавандой и кожей. Никого не было видно. В центре комнаты были расставлены кресла с гнутыми ножками и спинками. С длинных шестов свисала одежда.

— Эй, владелец! — заорал Мадж. — Покажись сам и свою работу прихвати.

— Заходите, получите, дорогие мои, как там вас... — прошелестел голос в задней комнате. — Лучшая работа, лучший шов... Самые прочные и красивые материалы... — Голос как-то вдруг стих.

Застыв у двери, лис глядел за спину Маджа — на тощего, насквозь промокшего Джон-Тома. На ногах хозяина красовались шелковые шлепанцы. Он был облачен в шелковый халат, к которому сзади крепились четыре аквамариновые ленты. Пересекаясь, они наискось обхватывали хвост и сходились в бант у белого кончика. Поверх халата на лисе оказался весьма делового вида фартук, из которого торчали линейки, пилки, несколько брусков темно-зеленого камня и прочие атрибуты портновского мастерства. Заговорил он весьма осторожно:

— А это... Что это такое? — И нерешительно указал в сторону Джон-Тома.

— Работа это, о которой мы тут болтаем... Будем делать, значица, будем, бьюсь об заклад. — Мадж плюхнулся в низкое кресло, нисколько не думая об обивке и о том, что с него ручьем стекает вода. Сдвинув на лоб тирольку с пером, он забросил обе короткие ноги на ручку кресла. — Валяй, Дуся, работа ждет.

Упершись лапами в бока, лис строго глянул на выдра.

— Здесь на чудищ не шьют. Я одевал самых роскошных граждан Линчбени и всей округи. Я шил платье для мадам Скорианцы и ее лучших девиц, для банкира Щеголея Вулфа, для членов Городского Совета, для наших виднейших купцов и ремесленников... Но чудовищ я не одеваю.

Потянувшись из кресла, Мадж вытащил длинную тонкую палочку из высокого стакана, оказавшегося неподалеку.

— Считай это вызовом своему мастерству, приятель. — Кремневой зажигалкой выдр поджег палочку.

— Послушайте, — проговорил Джон-Том, — только обойдемся без скандалов. — Лис осторожно отступил назад, как только эта подозрительная громадина сделала шаг в его сторону. — Мадж считает, что... что... — Он заметил, что выдр увлеченно попыхивает дымком. По комнате плыл знакомый запах.

— А скажите, — осведомился Джон-Том, — могу ли... можно и мне взять одну из этих... палочек?

— Это, парень, для заказчиков и выставлено. — Мадж великодушно передал ему палочку вместе с зажигалкой. Джон-Том сразу не смог понять, как та устроена, но в данный момент рад был поверить и тому, что она снабжена хорошим огнетворным заклятием.

Несколько глубоких затяжек вполне удовлетворили его. Не столь уж страшен сей мир, решил юноша. Курево напомнило ему о тревогах Клотагорба. А что, если табак сможет каким-нибудь образом переправить его домой?

Через десять минут он уже ни о чем не тревожился. Ободренный Маджем и придремывающим гигантом, лис, бурча под нос, обмеривал Джон-Тома, распростершегося на покрытом ковром полу. Мадж лежал рядом, а тем временем души обоих воспаряли над бренными телами. Портной, которого звали Карлемот, не возражал против дыма; значит, у него хватало этих крепких палочек, либо здравого смысла, или того и другого вместе.

Потом он оставил их, а когда вновь вошел через несколько часов, застал выдра и человека в полной отключке. Лежа на полу, они с глубокой заинтересованностью обсуждали расположение проделанных древоточцем ходов в потолке.

Потребовалось некоторое время, чтобы Джон-Том пришел в себя настолько, чтобы одеться. Но когда он наконец увидел себя в зеркале, потрясение отчасти разогнало туман в голове.

Нежным облачком касалась кожи шелковая рубашка цвета индиго. Ниже начинались прямые брюки из чего-то среднего между хлопком и фланелью. И на штанах, и на рубашке были нашиты одинаковые пуговицы из черной кожи. Кожаный черный жилет украшали узоры из бисера. Им же были обшиты края брюк, только Джон-Том не сразу понял это, поскольку ноги его были обуты в невысокие, до голени, сапоги черной кожи с отвернутыми голенищами. Сперва Джон-Том даже удивился, что у портного нашлась обувь ему по ноге, понимая, что ростом он выше здешнего народца. А потом сообразил, что, должно быть, у местных вполне могут быть иные пропорции, и ноги их крупнее, чем у человека.

Штаны держались на поясе из металлических звеньев, серебряных или оловянных, ярко блестевших, контрастируя с короткой, до бедер, пелериной из зеленой переливчатой кожи какой-то ящерицы. Воротник ее закалывался парой серебряных булавок.

Невзирая на все настояния Маджа, юноша отказался надеть на голову оранжевую треуголку.

— Терпеть не могу никаких шляп.

— А жаль. — В голосе Карлемота расстройство сменилось гордостью. — Лишь такая шляпа может завершить картину... Потрясающий костюм, если позволите, потрясающий и уникальный.

Джон-Том повернулся, чешуйки на плаще его заиграли даже в этом неярком свете.

— Да, в Лос-Анджелесе все бы полопались от зависти.

— Неплохо, — одобрил Мадж, — почти что стоит тех денег, что за него просят.

— Сказал тоже — почти! — Лис суетился возле Джон-Тома, пытаясь обнаружить дефект или складку. Остановился, смахнул ниточку с рукава юноши. — Костюм сразу и скромный, и броский, он привлекает внимание, но не раздражает. — Портной улыбнулся, в узкой пасти блеснули острые зубы. — Теперь этот человек похож на благородного... Бери выше — на банкира. Поневоле теряешься, когда приходится драпировать такую большую площадь. Но чем больше труда, тем заметнее результат. Высокорослый друг мой, не обращай внимания на речи этого плебея. — Лис покровительственно поглядел на Джон-Тома. — А тебе нравится?

— Конечно. Особенно плащ. — Чуть повернувшись, Джон-Том пошатнулся и едва не упал, однако на ногах удержался. — Я всегда мечтал носить плащ с капюшоном.

— Приятно слышать. — Портной выжидал, деликатно покашливая.

— Значица, друг, — объявил Мадж, — пора и платить.

Последовала добродушная перепалка, причем Джон-Том явно мешал Маджу торговаться — он принимал сторону портного. Наконец достигли согласия, поскольку естественное для Карлемота желание заломить цену повыше компенсировалось удовольствием, полученным от выполнения столь сложного дела.

Однако все это не помешало Маджу отчитать Джон-Тома сразу же за дверями лавки. Моросящий дождь к этому времени перешел в плотный туман.

— Чего ж я тебе сэкономлю, приятель, ежели ты будешь лавочникам поддакивать?

— Не беспокойся об этом. — Впервые за последнее время Джон-Том чувствовал себя почти счастливым. Теперь, успокоившись насчет внешнего вида, он сделался разговорчивым. — Зато

какая работа... Столько трудов. Нет, на такое мне денег не жалко. Кстати. — Он побренчал кошельком в кармане. — Еще есть кое-что.

— Хорошо, у нас впереди еще не одна остановка.

— Зачем же? — нахмурился Джон-Том. — Какая еще мне нужна одежда?

— Не нужна, говоришь? А по мне, ты, приятель, все равно что голяком ходишь. — Выдр повернул направо. Они миновали четыре или пять магазинчиков, вышли на главную улицу и по мосту через ручей добрались до новой лавки.

Изнутри она ничем не напоминала только что покинутое ими уютное гнездышко портного. В ухоженном заведении лиса царили мир и покой... как в обжитом логове. Новая лавка была полна всякой металлической жути, заставившей Джон-Тома невольно поежиться.

Одна стена была отведена исключительно под метательные приспособления. На ней располагались ножи не одной дюжины разновидностей: ланцеты, стилеты, колющие, режущие... с желобками, тьфу, пакость, для стока крови и без желобков. Длинные тонкие проволоки, украшенные самоцветами, — для вздорных и вспыльчивых дам. Далее шли всякие потайные устройства: ножи в каблуках, футлярах для очков и прочая... Словом, все смертоносное разнообразие, до которого способен додуматься точильных дел мастер.

Игрушками с рождественской елки дьявола поблескивали в свете лампы метательные звездочки. С замысловатой алебарды свисали шипастые шары. Булавы, кистени и нунчаки чередовались на стене со щитами и копьями, пиками и боевыми топориками. В задней части лавки хранилось оружие подороже: длинные луки и мечи, различавшиеся скорее не клинками, а формой рукояти — для рук разной величины и очертания. Один на редкость уродливый короткий меч напоминал обоюдоострую косу. Нетрудно было представить, что может натворить им опытная рука. Например, гибкая и ловкая конечность гиббона.

У некоторых мечей и метательных ножей рукояти оказались с канавками или полые. Поначалу Джон-Том не мог даже сообразить, для кого они предназначены, но потом вспомнил про птиц. Руке не слишком удобно, а вот для гибких кончиков крыльев...

На какой-то миг он заставил себя забыть, что попал в мир насилия и быстрой смерти. Потом склонился над прилавком, разделяющим лавку на две части... Там лежал предмет, похожий на привычный игрушечный метательный диск, только с острым, как бритва, краем. Поежившись, юноша отыскал взглядом Маджа.

Выдр обогнул прилавок и как раз исчез за бамбуковой, должно быть, ширмой. И пока Джон-Том открывал рот, чтобы окликнуть его, Мадж успел вернуться, на ходу оживленно перебраниваясь с хозяином. Приземистый мускулистый енот облачен был

только в передник и сандалии, за левым ухом в красную ленту на его голове были воткнуты два перышка. От него пахло дымом от горящих углей и железом — как и вообще в лавке.

— Значит, вот кто у нас собрался заняться членовредительством. — Наморщив нос с черной пуговкой, енот поглядел на Джон-Тома.

— Мадж, зачем мне все это? Я поговорить люблю, а не драться.

— Понял, все понял, приятель, — дружелюбно отозвался выдр. — Есть аргументы веские, а есть увесистые. — И он приподнял тяжелую булаву, чтобы проиллюстрировать свои слова. — В любом случае, ты ж не обязан тыкать во всех этими железками, достаточно бывает показать их, чтобы в тебе не проделали дырку. Так чем же из этого ты умеешь пользоваться?

Джон-Том еще раз оглядел будоражущую воображение охапку орудий смертоубийства.

— Даже не знаю... — Он в смятении покачал головой.

Вмешался оружейник.

— Ясно, опыта у него нет. — В укоризненном голосе слышалось терпение. — Давай-ка подумаем. С такими руками и ростом... — Хозяин в задумчивости приблизился к стенке, возле которой железными колосьями вырастали из пола пики и копья, каждое — в отдельном гнезде из деревянных планок, и потер нос. Потом поднял обеими руками топор величиной с собственную голову. — Если нет ни умения, ни ловкости, можно использовать другие качества. Эй, молодой человек, ты каким оружием учился владеть?

Джон-Том отрицательно затряс головой.

— А спортом занимался?

— В баскетбол у меня получалось неплохо. Знаешь, даже в прыжке бросал... Метко я умею...

— Дерьмо! — Мадж топнул. — Чего это еще за чертова жопа? В цель ты кидал, что ли? — с надеждой спросил он.

— Не совсем, — признался Джон-Том. — Это когда бегаешь, прыгаешь, бросаешь.

— Делать нечего, придется использовать это. — Мадж повернулся к оружейнику. — Знаешь, подыщи-ка ему что-нибудь потоньше того мясницкого инструмента, который у тебя в лапах. Может, порекомендуешь чего?

— Бегать быстрее. — С кислым видом разглаживая усы, оружейник повернулся к другой стойке. — Впрочем, когда кто сам признает, что растяпа, значит, не все пропало. — Он отставил тяжелый топор. — Такому еще можно помочь.

И он извлек нечто, похожее на копье с отполированным древком. Но заканчивалось оно не наконечником, а увесистым деревянным набалдашником с шипами и нашлепками. Оружие было повыше Маджа и даже Джон-Тому доставало до уха, древко было в поперечнике дюйма два.

— Дубина, значит. — Мадж задумчиво разглядывал оружие.

— Длиннее у меня ничего нет. — Оружейник провел стриженым когтем по древку. — Таранное дерево. В бою не треснет. Твой долгорукий приятель сумеет отбиться им от любого врага, ежели не собирается разделываться с ним как подобает. Раз он у тебя крови боится, так, когда худо придется, вмажет разок по макушке вот этой штуковиной... Насмерть уложит, не хуже, чем мечом. Меньше грязи, чем от топора, но результат тот же. — Он вручил оружие все еще колеблющемуся Джон-Тому.

— И вот еще, парень, из этой дубины хороший дорожный посох получится. Кстати, я ж намекал, что посодействую. — Оружейник указал на древко: посреди него в трех дюймах друг от друга располагались три серебряных кольца. Их соединяли четыре серебряные же полосы.

— Ну-ка, парень, нажми на любую.

Джон-Том так и поступил. Звякнув сталью, посох вдруг вырос на целый фут. Теперь из конца его торчало двенадцать дюймов стали. Удивленный Джон-Том едва не выронил дубину, но Мадж заплясал вокруг нее, как мальчишка возле прилавка в кондитерской.

— Мать моя, во будет настоящий сюрприз для любого тупого невежи, а их на улице хоть пруд пруди. Почесать этой штукой — враз поумнеет.

— Угу, — с гордостью отозвался оружейник, — ткни в ногу и нажимай на спуск — гарантирую изумление до потери сознания. — Енот и выдр с видом знатоков кивали друг другу.

Джон-Том надавил на древко, и стальное жало кошачьим когтем втянулось внутрь. Вновь нажал — острие выстрелило наружу. Интересно-то интересно, но чтобы радоваться...

— Знаете что, я бы вообще не стал дурачиться с такими вещами, но если вы настаиваете...

— Настаиваю, — проговорил сквозь смех Мадж, утирая с глаз слезы. — Настаиваю я. Вот и господин оружейник то же самое говорит... Не хочешь бить по лапам этой штуковиной — и не надо... Тока подожди — случится чего, так сам захочешь, чтоб какой-нибудь пьянчуга вместе со своим мечом очутился подальше от твоих потрохов. Значица, бери и радуйся.

Джон-Том взял посох, но радости не испытал. Его угнетал уже сам факт обладания коварным оружием. Выйдя наружу, они внимательно обследовали кошелек. Он оказался почти пуст, лишь на самом дне серебристыми рыбками в темном баке с водой поблескивали редкие монетки. Джон-Том решил, что, пожалуй, слишком расточительно обошелся с щедрым даром Клотагорба.

Наличие остатков, пусть и скромных, прежнего великолепия Мадж одобрил. Свет фонарей золотил пелену тумана над улицей

и витринами. Дождь прекратился, появились пешеходы. Тенями двигались вокруг силуэты животных.

— Проголодался, кореш? — поинтересовался наконец выдр, и глаза его засветились, отражая свет фонаря.

— С голоду дохну! — Юноша вдруг понял, что с утра не съел даже крошки. Запас вяленого мяса у Маджа кончился как раз вчера вечером.

— Я тоже. — Выдр похлопал Джон-Тома по укрытому плащом плечу. — Ну вот, теперь ты стал хоть на чтой-то похож. — Он многозначительно придвинулся к юноше. — Знаешь чего, есть местечко, где на серебришко, что у нас осталось, можно соорудить себе пирушку, от какой бы и зайчиха на сносях не отказалась. Можа даже хватит, чтоб наполнить этот впалый мешок, который у тебя пузом зовется. — Выдр подмигнул. — И развлечемся — на сегодня все наши дела окончены, так-то.

Они шли по городу, пешеходов становилось все больше. По улице время от времени громыхал очередной фургон. Верхом на оседланных ящерицах вприпрыжку или бегом мимо проносились разные личности. Захлопали, открываясь, ставни. Джон-Том впервые услышал голоса детей... Молодняка, мысленно поправил он себя.

Мимо пробежали двое бельчат. Один, изловчившись, повалил наконец другого. Оба принялись кататься по мостовой, царапаться и брыкаться. Собравшаяся вокруг небольшая стайка детишек поощряла дерущихся и отпускала советы. К разочарованию Джон-Тома, милые с виду зверьки свирепо царапали и кусали друг друга. Не то чтобы ему не приходилось видеть подобные сцены в родном городе... Однако здесь такие драки являлись неотъемлемой частью образа жизни. Наконец один из дерущихся бельчат одолел и принялся делать из физиономии противника кровавую кашу.

— Часть нашей жизни? — задумчиво переспросил Мадж, когда Джон-Том поведал ему о своих ощущениях. — Не знаю. Я ж тебе не философ. Тока знай, у нас здесь — или вежливый покойник, или уважаемый забияка. — Выдр пожал плечами. — Решай, что тебе больше по вкусу. И не забывай про милую штучку, которую только что приобрел.

Джон-Том убедился, что пальцы его крепко сжимают древко. Туман рассеивался, толпа густела, и на него начинали посматривать; Мадж уверял — из-за роста. Впрочем, он и одет был куда лучше среднего обитателя Линчбени-града.

Через пять минут он понял, что не просто хочет есть, а голоден, как волк.

— Недалеко уж, приятель.

Они свернули в извилистую боковую улочку. Слева в стене показалась почти незаметная дверь, в нее Мадж и повел Джон-

Тома. Юноше опять пришлось согнуться чуть ли не вдвое, чтобы не задеть головой притолоку.

Внутри можно было и распрямиться, потолок оказался в двух футах над головою, чему можно было только радоваться.

— «Жемчужный Поссум», — проговорил Мадж с энтузиазмом, которого Джон-Том в голосе его еще не слышал. — Хорошо бы как следует промочить глотку, приятель. Лампу тока не опрокинь.

Джон-Том следовал за выдром в недра ресторации, продираясь через густую толпу и стараясь при этом не забывать о висячих лампах. Хорошо, что Мадж его предупредил. Снаружи трудно было даже предположить, что внутрь успела набиться толпа, успевшая изрядно взмокнуть.

Футах в восьми от входа потолок цирковым шатром уходил вверх — этажа на два с половиной. Внизу, прямо под куполом, располагалась кольцеобразная стойка, из-за которой выносили еду и питье. За стойкой крутился взвод поваров и барменов. Среди них были два хорька, один аккуратненький кролик, летучая мышь с абсолютно прожженной физиономией, еще более уродливой, чем у Пога. Как и следовало ожидать, в основном она была занята тем, что разносила еду и питье. Джон-Тому приходилось уже бывать в ресторанчиках, где крылатому официанту были бы только рады.

Приземистые столы мясистыми поганками без всякой системы были раскиданы по всему залу. На противоположной от входа оконечности зала «Жемчужного Поссума» были предусмотрены кабинеты — для бесед или флирта, в зависимости от настроения.

Они все еще продирались через плотную и вонючую толпу. На полу попадались лужицы какой-то жижи, щепки от разбитых деревянных кружек. Владельцы ресторации вполне осознанно обходились без стеклянных сосудов. То и дело ноги наступали на деревянные решетки над стоками — достаточно было выплеснуть на пол ведро воды, чтобы смыть с него лужи спиртного или полупереваренные остатки пищи.

В зале Джон-Том оказался самым высоким из всех посетителей — животных то есть, хотя среди присутствующих была пара крупных волков и крепкие с виду большие кошки, — что только прибавило ему уверенности в себе.

— Эй, парень, сюда! — Направившийся на торжествующий голос Маджа Джон-Том обнаружил небольшой свободный стол. Ему пришлось подтянуть колени повыше — сиденья были слишком низки для его роста.

Повсюду его окружали мохнатые тела, в ноздри бил запах мускуса и горячительных напитков. Большая ножка под столом была выполнена в виде кокетливой самочки опоссума, вся фигура едва ли не сплошь была покрыта похабными надписями, так что трудно даже найти свободное место.

Официант непонятным образом заметил, что в их руках ничего нет, а стол пуст, и направился к ним. Как и оружейник, он был облачен только в фартук, запачканный превыше всякой меры. Рисунок давно скрылся под сальными и прочими пятнами. Он тоже был енотом — с черной полоской на мордочке. Одно ухо было надорвано, белый шрам сбегал от него вниз по голове и, минуя глаз, уходил к рыльцу. Заметнее всего шрам был возле глаз — на темной шерсти.

Джон-Том был так занят созерцанием кипения жизни вокруг, что Мадж распорядился за него.

— Приятель, порядок, я все уже заказал.

— Надеюсь, что про еду не забыл, как и про выпивку. Таким голодным я еще не бывал.

— Заказал, заказал, кореш. Тока дурак не знает, что не дело пить на голодное пузо. Эй, куда прешь! — рявкнул Мадж, отпихивая локтем навалившегося на него пьяного оцелота.

Животное качнулось и, дернув кружкой, плеснуло содержимым в сторону выдра. Мадж уклонился от жидкости с необычайным проворством. Оцелот, взвыв, отпустил парочку выражений по поводу полученного им пинка в ребра, однако для серьезной драки он слишком неуверенно стоял на ногах и потому побрел куда-то в толпу. Джон-Том следил за ним, пока заостренные кончики ушей не скрылись в толпе.

Появились две деревянные кружки с шипучим, явно крепким, напитком. В тонкой руке Маджа кружка из твердого дерева казалась громадной, однако Джон-Тому она была в самый раз. Он попробовал черную жидкость, напоминающую что-то вроде крепленого пива, и решил, что к подобному питью следует относиться уважительно.

В другой руке официант держал большое блюдо, покрытое помятой и поцарапанной металлической крышкой. Он открыл блюдо, и в нос Джон-Тома хлынул приятный аромат. На блюде оказались разнообразные овощи: помимо незнакомых плодов, там лежали милые сердцу морковь, редиска, сельдерей, крошечные луковки... Посреди блюда на груде картошки возвышалась свернутая в трубку поджарка. С одной стороны из нее торчала кость. Мясо было дочерна обжарено снаружи, внутри же — у кости — оставалось розовым.

Джон-Том поискал взглядом столовые приборы, но без успеха. Мадж пояснил: незачем в ресторане выставлять такое, чем посетители тут же попортят друг другу шкуры. Выдр извлек охотничий нож; короткий и треугольный, как зуб белой акулы, он прекрасно справлялся с мясом.

— Тебе сырого, среднего или прожаренного? — последовал вопрос.

— Все равно. — Джон-Том с трудом удерживал во рту слюн-

ки. Мадж отхватил два солидных круглых ломтя мяса, передал один из них своему спутнику.

Они безмятежно ели — насколько это возможно, если обходишься одними пальцами. Джон-Том старался не запачкать свою новенькую одежду. Выдр же и не думал об опрятности; с мохнатого подбородка на жилет капал жир, впитывавшийся мехом и тканью.

Они уже успели наполовину насытиться, когда расслабившийся Джон-Том подметил, что от длинного хребта, пронизывающего поджарку, разбегаются в стороны тонкие гнутые косточки, сходящиеся концами, как ножки кронциркуля.

— Мадж, а чье это мясо?

— Невкусное, что ли, приятель? — удивился Мадж с полным ртом овощей.

— Великолепное, только вкус незнакомый. Это не говядина, так ведь?

— Говядина? Коровье мясо, что ли? — Мадж качнул головой. — Можа, они и не красавцы, только и мы не каннибалы, нет, приятель. — Он со вкусом пожевал. — Нет, конечно, это не королевская змея, а питон. Похоже, что сетчатый.

Чудесно. Если вкусно, так чего привередничать, подумал Джон-Том. Причин для этого нет. Он никогда не понимал отвращения, испытываемого некоторыми людьми к мясу рептилий, правда, самому попробовать не довелось. В конце концов, мясо есть мясо... Мышечные волокна, и только.

Впрочем, змей такого размера лучше повстречать лишь в зажаренном виде у себя на столе.

Они как раз обгладывали последние позвонки, когда явился официант с тарелкой пухлых пирожных, сверху помазанных чем-то черным. Утоливший уже голод Джон-Том попробовал штучку и принялся уписывать их одно за другим. В противоположность внешнему виду, пирожные оказались легкими и воздушными, начинены они были медом и дроблеными орехами и посыпаны корицей.

Наконец он откинулся назад в низком кресле и принялся ковырять в зубах, отколупав для этого щепку от стола — как делали многие вокруг.

— Что ж, должно быть, денег у нас теперь не осталось, только так хорошо я давно уже не обедал.

— Угу, неплохо, — отозвался Мадж, уложивший коротенькие ноги на стол — каблуками прямо в тарелку с пирожными.

Где-то заиграл оркестр — что-то легкое и вместе с тем бравурное. Джон-Том профессионально заинтересовался. Он не видел музыкантов, поэтому пришлось ограничиться слухом. В оркестре были один или два струнных инструмента, барабан, колокольчики и парочка странно глуховатых флейт.

Мадж склонился к нему через стол с серьезным и дружелюб-

ным выражением на физиономии и положил лапу на ладонь Джон-Тома.

— Вот чего, друг, не хочу портить тебе удовольствие, тока у нас есть о чем еще поговорить. Клотагорб велел мне приглядывать за тобой, стало быть, я обязан сделать все до конца. Ежели ты собрался так кушать каждый день, значит, надо придумать, как тебе на жисть зарабатывать, а?

Глава 5

Реальность забурчала в животе Джон-Тома, заставляя забыть вкус пирожных.

— А что, можно ведь просто вернуться обратно к Клотагорбу? — Мир этот положительно начинал нравиться молодому человеку.

Мадж медленно покачал головой.

— Без пользы — пока у него не заработает то заклинание насчет золота. Тока помни: несколько дней назад он тебе показался добряком, а на самом деле волшебники бывают жутко не в духе. Ежели щас пойтить назад и хорошенько поплакаться, мол, деньги кончились... Ты чего ж думаешь... он тобою гордиться, что ль, будет? А уж обо мне-то как скажет! Хочешь напомнить ему, мол, сам виноват в том, что со мною сталось, так, приятель? Значит, слушай меня, может, у него там и припрятано серебро. Тока много его, что ли? Ну, ладно, по старческому слабоумию, щас он себе выдумал этот кризис, значица, не до дел. А дела нет — значица, и серебра нет. А нет серебра — давать-то он тебе чего будет? Вот что, боюсь я, работать тебе придется.

— Понятно. — Джон-Том угрюмо поглядел на дно пустой кружки. — А с тобой, Мадж, работать можно?

— Эй, не путай меня, приятель, я как раз и стараюсь найти такое дело, где тебя еще можно терпеть.

— Спасибо тебе, — ядовито отозвался Джон-Том.

— Да ниче, за что спасибо-то? Просто охота требует уединения. По-моему, тебе в лесу нечего делать; на взгляд, ты не из тех, кто умеет находить дорогу в чаще. Поставишь капкан и сам в него попадешься, так ведь?

— Не буду отрицать... Среди книг или на баскетбольной площадке я чувствую себя спокойнее.

— Вот что, пацан, хоть лопни, твои развлечения из другого мира здесь ни при чем. А что касается знаний... На кого ты учился?

— На юриста, Мадж.

— Это чтоб в адвокаты? Так ни разу и не пришлось попользоваться кем-нибудь из них, — проворчал Мадж, не заботясь о том, как воспримет Джон-Том подобное потребительское отношение

к профессии законника. — А чего ты там учил, кроме законов? Сам вишь, у нас они на чуточку не те, что у вас.

— Историю, политику... Наверное, здесь от них тоже толку не будет.

— Наверное, тебя можно пристроить в ученики к местному адвокату, — решил Мадж. Он поскреб ухо и закинул лапу назад, чтобы продолжить занятие уже на спине. — Просто не знаю, приятель. Ты уверен, что больше ничего не умеешь? Может, с молотом можешь справляться... мебель делать? Или там по металлу, строителем... Мясо коптить, наконец... Что-нибудь полезное-то умеешь делать?

— Едва ли, — признался смущенный Джон-Том.

— Хах! — Выдр пренебрежительно присвистнул. — Недурную же ты жизнь вел там, называясь волшебником!

— Это все Клотагорб напутал, — запротестовал Джон-Том. — Я-то никогда себя не называл чародеем. Я — это я.

— Судя по всему, не слишком крупная величина. И более ничего... Ваще ничего?

— Ну... — В Джон-Томе снова загорелось честолюбие. Вспомнились насмешки друзей, осуждение и возражения его семейства. А потом перед внутренним взором предстал он сам — с гитарой в руках; припомнились разные группы, чьей музыке он подражал в своем эмоциональном безрассудном самоуглублении... «Лед Зеппелин», «Прокол Харум», «Дип Пепл», «Танжерин Дрим»... «Муди Блюз»... и тысячи им подобных. Электрические звуки бились под кончиками пальцев. Логика и рассудок исчезли. Вновь в душе столкнулись надежды и истина.

— Еще я играю на электрическом басе. Это такой струнный инструмент. Но я только любитель. Правда, у себя дома я собирался заняться серьезно. Только...

— Выходит, что ты музыкант. — Строгое выражение исчезло с физиономии выдра. Отодвинув назад кресло, он спустил ноги на пол и со свежим интересом взглянул на спутника. — Менестрель. Ах, мять-перемять. А че, так тоже можно заработать несколько медяков, а то и серебряк. Может, увидят в тебе чтой-то новенькое. Спой-ка.

— Прямо здесь? — Джон-Том взволнованно огляделся.

— Ага. Тебя в любом случае никто не услышит за этой трескотней и за музыкой.

— Ну, не знаю, — рассудил Джон-Том. — Надо же согреться. И гитары моей тут нет.

— Чтоб чума побрала этот твой инструмент, — буркнул выдр. — Какой же из тебя менестрель, если не умеешь петь по заказу? Словом, жми, кореш. — И он сел, выжидая, с заинтересованным выражением на физиономии.

Джон-Том, почти ничего не осознавая, откашлялся и огляделся. Никто и не думал обращать на него никакого внимания.

«Черт, какая глупость, — подумал он. — Ну ладно, начнем со старой, любимой». И он завел «Эленор Ригби». «Я один посреди толпы», — думал он, выводя мелодию.

Закончив, он вопросительно поглядел на выдра.

— Ну как, Мадж?

Откинувшись на спинку, тот вяло улыбнулся.

— Наверное, ты был прав, Джон-Том, без сопровождения не слушается. Слова-то, конечно, интересные, не сомневайся. Помню, знавал я когда-то одного менестреля, он тоже вот так дребезжал, тока с таким голосом к чужим дверям соваться нечего.

Джон-Том попытался скрыть разочарование. Впрочем, разве можно было надеяться, что выдр прореагирует не так, как все, перед кем он выступал.

— Конечно, у меня лучше получается с инструментом. А что касается голоса, — добавил юноша, защищаясь, — хоть гладко пока не выходит, но я стараюсь.

— Так-то, приятель, оно так, но слушатели твои стараться не станут. Надо подумать, что еще с тобой можно сделать. Тока пока ты о всяких песнях и думать забудь.

— Но я же не вовсе беспомощный. — Джон-Том показал рукой на зал. — Мадж, я не хочу навязываться тебе. Вот хотя бы здесь. Я не боюсь тяжелой работы. Здесь наверняка не одна сотня кружек и блюд... Полы надо подметать, протирать столы, чистить стойки. Да здесь же адова бездна работы. Я бы мог.

Перегнувшись через стол, Мадж положил когтистые лапы на плечи Джон-Тома, ухватив его за рубаху. Поглядел в удивленное лицо юноши и многозначительно прошептал:

— Ты не можешь этого делать. Эта ж работенка годится для одних крыс и мышей. Смотри у меня, Джон-Том, чтоб таких слов от тебя никто больше не слышал. — Выпустив из рук шелковую ткань, выдр уселся обратно.

— А что такого? — негромко возразил Джон-Том. — Работа есть работа.

— Глянь и подумай. — Мадж указал направо.

Возле второго от них столика облаченная в комбинезон, сшитый из грубого плотного материала, крыса ростом в три фута занималась своим делом. На крошечных лапках были перчатки. Опустившись на закрывавшие колени голенища высоких сапог, грызун прочищал сток.

Окружающие присутствия его словно бы не замечали, кости и мусор летели едва ли не на спину крысе. Продолжая свое дело, крыса наконец споткнулась о протянутые ноги подвыпившего альбатроса возле стола с жердочками, рассчитанными на птиц. Скосив глаза, огромная птица прищелкнула клювом, скорее в насмешку, чем для угрозы.

Крыса в страхе отшатнулась, споткнулась теперь уже о собственные ноги и повалилась назад, опрокинув на себя ведро с по-

моями и объедками. Жижа потекла вниз по спецовке, попадая в сапоги. Упавшее животное лежало посреди всей этой дряни, а потом медленно поднялось на ноги и принялось собирать объедки обратно в ведро, не обращая внимания — с виду, конечно, — на обидные прозвища и оскорбления, которые отвешивали посетители. Толстая кость щелкнула крысу по затылку, и она отправила ее в ведро к прочим объедкам. Но вскоре неожиданное развлечение прискучило посетителям, и они вернулись к еде, питью и беседе.

— Так, значит, у вас только крысы и мыши занимаются этим делом? — поинтересовался Джон-Том. — А я частенько так подрабатывал дома. Вспомни-ка, почему ошибся Клотагорб?

— Знаешь-ка, приятель, нечего соваться сюда с тем, что у вас может сойти с рук. Любое уважающее себя животное скорее с голоду подохнет, чем займется такой работой или начнет попрошайничать, как твой помойный дружок, гиббон этот.

— Мадж, я ничего не понимаю.

— И не пытайся понять, приятель. Просто плыви по течению. Усек? Все равно все эти типы тупы и ленивы. Будут целый день лежа слюнявить сырную корку, а не займутся честной работой, так вот. А потом еще наберутся, да так, что и мозгов им не хватит, чтобы понять, с которого конца она, работа эта, начинается.

Джон-Том уже начинал терять терпение.

— Что в этом плохого — убирать? От этого ты не становишься хуже. Я... — Он вздохнул, подумав, что спор безнадежен. — Конечно, здесь все по-другому, так ведь? Извини, позабыл, померещилось нечто из нереального мира.

Мадж расхохотался.

— Поди ты, а совсем недавно уверял меня, что нашего мира не существует.

— Да существует он, существует. — Юноша в гневе хватил обоими кулаками по столу, заметив, что грызун-прислужник вновь повалился — на этот раз носом вперед. Дело было в том, что какая-то черепаха, куда менее утонченная, чем Клотагорб, подставила ему ножку. Собранный с таким трудом мусор опять разлетелся, вызвав у присутствующих радостное оживление.

— Значит, и здесь своя дискриминация, — пробормотал Джон-Том. — Почему же и здесь так?

— Дискриминация? — Мадж помедлил. — Никто ничего им не дискриминирует. Просто они ни на что другое не годятся. С природою не поспоришь, приятель.

Непонятно, почему Джон-Том ожидал от Маджа иного. Судя по всему, выдр — вполне средний обитатель этого вонючего, отсталого и отнюдь не райского городишки.

В ресторане были и гуманоиды, но по росту они не подходили под пару Джон-Тому. Неподалеку одинокий джентльмен выпивал в компании облаченной в расшитое серебряными нитками

одеяние паукообразной обезьяны и играл с ней в карты — в паре против крупной человекообразной обезьяны неизвестной Джон-Тому разновидности и трехфутовой мускусной крысы в алом спортивном костюме и самых темных солнцезащитных очках из всех, какие доводилось видеть Джон-Тому.

Без сомнения, и они разделяют местные предрассудки и ханжество. А откуда, собственно, явился он сам, чтобы полагать себя вправе вершить суд над моральными вывертами иного мира?

— Слушай, приятель, с этим нельзя ничего сделать. Зачем кому-то нарушать заведенный порядок? Тока возьмись за швабру и тряпку — враз лишишься всякого уважения честных горожан. Правда, может, сойдешь за политикана, тока их уважают еще меньше, чем этих, с тряпкой. Но я надеюсь все-таки, что ты сумеешь обойтись без своих песен. — В тоне Маджа слышались надежда и любопытство. — Помнишь, старикашка-то, Клотагорбот, он ведь уверен был, что ты чародей... Уверен ведь был! Что ежели ты способен на это? Я ж слыхал, как вы там о чародейских словах базарили.

— Мадж, я просто спрашивал его из любопытства. Мне знакомы некоторые из слов. Но он пользовался ими иначе. Вот ведь и ты умеешь заставлять булавки плясать. Неужели здесь каждый может ворожить?

— Это у нас всяк может. — Мадж пропустил глоток черного зелья. — Тока больше одного-двух фокусов редко кому удается. Боюсь, булавки — это мой предел. А до соплей хочется узнать его заклинание насчет золотишка. — Тут взгляд его перекочевал налево, и выдр широко ухмыльнулся. — Однако в некоторых случаях определенные формы левитации мне вполне удаются. — Рука его двинулась с быстротой, на которую способны одни только выдры.

То, что пикантно одетая полная бурундучиха смогла удержать шесть полных кружек, с которыми она маневрировала в толпе, было чудом само по себе. Джон-Том даже дернулся в сторону, чтобы посуда не попадала на него.

Разъяренная бурундучиха обернулась к Маджу, сидевшему с невинным выражением на физиономии:

— Прибери-ка руки, жук навозный! Еще раз распустишь, спущу тебе за жилет целую кружку.

— Но, Лили, — запротестовал Мадж. — Да я же помочь тебе хотел!

Она замахнулась всеми кружками сразу, и Мадж в притворном страхе, улыбаясь, прикрыл лапами физиономию. Но попусту тратить зелье не было смысла, и бурундучиха направилась дальше, расталкивая толпу локтями. Хвост вызывающе покачивался из стороны в сторону, короткое платьице не доходило и до колен. Золотистое с серыми аппликациями, оно прекрасно гармониро-

вало с красно-бурым мехом и черно-белыми полосками на спине.

— Ну, чего я тебе говорил, приятель? — Мадж ухмыльнулся Джон-Тому, поднося кружку ко рту.

Тот попробовал улыбнуться в ответ, понимая, что выдр хочет развеять охватившее его уныние, и решил поддержать шутку.

— Слишком уж короткая твоя левитация, и бурундучихе она вовсе ни к чему.

— При чем здесь она? — Выдр ткнул себя пальцем в грудь и захохотал. — Такая левитация — для меня самого. — Сложив обе лапы на волосатой груди, он наслаждался собственным остроумием.

На окна спустили дощатые ставни, кто-то притушил свет масляных ламп. Начавший было подниматься Джон-Том ощутил на своей руке ладонь выдра.

— Торопишься, шеф, нас никуда не просят. — Глаза выдра поблескивали. — Наоборот. Теперь предстоит развлечение. — Он показал на кольцеобразную стойку.

На нее из дыры в потолке медленно опускалось нечто вроде дерева, подвешенного вверх корнями. Ветви зеленели свежей листвой — ее, видимо, время от времени обновляли. Незримый, как и прежде, оркестр завел новую мелодию. Теперь, как отметил Джон-Том, главную роль играли ударные, выбивающие неторопливый чувственный ритм.

Изменился и тон выкриков, раздававшихся в зале. Совершенно хаотичный гул превратился в негромкий ропот, нарушающийся взрывами комментариев, в основном похабного содержания.

Мадж переставил кресло и теперь сидел возле Джон-Тома. Он не отводил глаз от искусственного дерева и все тыкал своего спутника в ребра.

— Ты, друг, гляди щас. Во всем Линчбени ничего красивее не увидишь.

Из темного отверстия в потолке выглянуло какое-то животное, вызвав своим появлением общий вопль восторга внизу. Оно исчезло, кокетливо высунулось вновь. Стройная худощавая фигурка осторожно и медленно спускалась по ветвям эрзац-дерева. Существо это, футов трех с половиной ростом, наделено было хвостом длиной полфута и с ног до головы покрыто ослепительным снежно-белым мехом; только кончик хвоста чернел.

Костюм его — если так можно назвать подобное одеяние — состоял из многих слоев черной прозрачной вуали, сквозь которую просвечивала белая шубка. Мордочка была раскрашена красным, сложные завитки и узоры сбегали с нее на плечи и грудь, исчезая под воздушными складками. Тюрбан из черной вуали был украшен драгоценностями. Наконец, Джон-Том с восхищением заметил длиннющие накладные ресницы.

Это ослепительное создание, призрачное млекопитающее, настолько завораживало взгляд, что Джон-Том не сразу признал, что за животное перед ним. Тонкий и сильный торс мог принадлежать лишь представительнице куньих. Видение улыбнулось, обнажив острые мелкие зубки. Сомнений не оставалось: перед ним была горностаиха во всей своей зимней красе. Вот, значит, в какое время года он угодил сюда, а ведь и не подумал поинтересоваться. В том, что перед ним самочка, трудно было усомниться.

И самцы всех видов сразу застыли в ожидании, глядя вверх на экдисиастку-горностаиху[1], уже возящуюся с застежками на первой вуали. Она расстегнула одну, следом вторую. Посетители ответили одобрительными воплями — удивительной смесью воя, свиста, визга, писка и лая. Змеиными движениями она начала выползать из покрывал.

Джон-Тому и в голову не приходило, что животное может показывать стриптиз. В конце-то концов под последней одеждой окажется мех, а не обнаженная человеческая плоть. Но, как оказалось, эротика мало связана с наготой. Возбуждали сами движения — изгибы и повороты, — которых не смогла бы повторить ни одна женщина. Том обнаружил, что танец захватил и его.

Под одобрительные крики толпы вуаль следовала за вуалью. Холодное безразличие, которое Джон-Том пытался изображать, давно уступило место томлению. Он оказался столь же восприимчивым к красоте животного, как и все вокруг. Движения горностаихи выходили за пределы возможностей самой гибкой из женщин, она проводила свое представление с изяществом и благородством герцогини.

Только холодный кусок гранита мог остаться равнодушным к фигурке, вьющейся между ветвей и листьев, проглаживающей их телом и ладонями. В комнате стоял тяжелый мускусный запах — должно быть, взволновались все самцы сразу.

Наконец соскользнула последняя вуаль, перышком поплывшая к полу. Музыка частила вместе с плясуньей. Покрытая белым мехом задняя часть ее тела, отрицая всяческую гравитацию, вибрировала маятником, содрогаясь вместе с белым хвостом в такт музыке.

Музыка впала в неистовство, когда, держась уже за самые нижние ветви, горностаиха выполнила последнюю серию абсолютно невозможных движений, мгновенно пояснивших Джон-Тому, зачем нужна кольцеобразная стойка. Это была крепостная стена, за которой тяжело вооруженные повара и бармены могли отразить истерический натиск распаленной аудитории.

Длинноухий кролик, надо думать, самец, ухитрился сграбастать горстью черный кончик хвоста, который у него игриво, но твердо вырвали. Пока горностаиха раскланивалась и посылала

---

[1] Стриптизерка. От ecdysias — линька (*лат.*).

поцелуи публике, коренастый и крепкий самец рыси затолкал кролика в толпу посетителей. Потом артистка скользнула по ветвям наверх и, с последним плавным изгибом, исчезла в потолке.

Ставни и шторы торопливо подняли. Опять начались разговоры, все вернулись к обыденным темам. Только официантки и официанты молекулами кислорода в узких кровеносных сосудах протискивались среди столиков.

— Ну че, видал, кореш, а? — проговорил Мадж с видом человека, только что выписавшего чек на огромную сумму. — Уж ежели я сказал, значит... — Он умолк, странно поглядывая на Джон-Тома.

— Что случилось? — спросил тот, почувствовав себя неуютно.

— Зажарь меня на завтрак, — прозвучал удивленный голос, — если ты не покраснел! Эх, вы, люди...

— Что еще за ерунда, — сердито пробормотал Джон-Том, отворачиваясь.

— Э, не... — Перегнувшись через стол, выдр заглянул прямо в лицо Джон-Тому, все еще пытавшемуся спрятать глаза. — Ей-ей, не вру... Ты красный, как зад бабуина. — Выдр кивком указал на потолок. — Не видал такого представления, а?

— Видал я, видал. — Юноша заставил себя повернуться к своему опекуну, ощутив при этом, что его повело. В голосе чувствовалась слабость. Сколько же он успел принять этого черного зелья? — Было... в кино.

— А это еще что?

— Колдовское наваждение, — коротко определил Джон-Том.

— Хорошо, вот ты смотрел... Это ж такая, смею сказать, красота, изящество. — Выдр с восхищением поднял глаза к потолку. — И отчего же тогда красная рожа?

— Просто дело в том... — Юноша тщетно пытался объяснить причину смущения. — Я никогда не думал, что действия... — Но как выговорить это слово — «животного», — не обидев своего спутника? В отчаянии он попытался отыскать другое объяснение. — Я еще не видел такой... такой совершенной и извращенной грации.

— А, теперь понимаю. Только слово «извращенная» здесь ни при чем. Ты что, не можешь понять, какая это красота?

— Именно это я и хотел сказать. — Джон-Том с благодарностью ухватился за предоставленную ему возможность.

— То-то, — негромко пробурчал Мадж и разулыбался. — Вот бы добраться до этой резвушки-дорогушки, я бы устроил ей не менее прекрасное представление.

В густом и теплом кабацком духе, после обильной еды и выпивки Джон-Тома решительно развезло. Он уже боялся отрубиться. Мадж и так не слишком высокого мнения о нем, и, что бы там ни приказывал Клотагорб, трудно рассчитывать, что выдр не бросит его, если он вновь выставит себя полным ослом.

Поэтому Джон-Том отодвинул в сторону кружку, поднялся на ноги и огляделся по сторонам.

— Чего это ты ищешь, приятель?

— Кого-нибудь из нашей породы. — Юноша шарил глазами по толпе, пытаясь разглядеть кожу, не покрытую мехом.

— Че, людей, что ли? — Выдр передернул плечами. — Вот уж никогда не мог понять этой вашей тяги друг к другу, но тока ты сам вправе выбирать, чего тебе надо. Ну как, заметил?

Взгляд Джон-Тома остановился на двух безволосых физиономиях в кабинете в дальнем конце помещения.

— Глянь туда — там двое. Кажется, люди.

— Ну, как знаешь.

Джон-Том смотрел на выдра.

— Мадж, я это не потому, что ты надоел мне. Просто хочется переговорить с кем-нибудь, похожим на меня.

Опасения его были напрасными: Мадж благодушествовал и не думал обижаться на подобные пустяки.

— Делай что хошь, приятель. Можем пойти поболтать с ними, если тебе очень надо. Тока ты не забудь, что мы еще не уладили твои делишки... насчет работы. — Он покачал головой с явным неудовольствием. — Менестрель?.. Сомневаюсь. Разве что новизной возьмешь. — Выдр поскреб шкуру под подбородком. — Вот что. Спой-ка нам еще раз, а потом сходим и посмотрим, удастся ли нам познакомиться с этими ребятами.

— А мне казалось, что тебе и одного раза хватило.

— Не советую тебе, парень, руководствоваться первым впечатлением. К тому же ты затянул совсем унылую песню. Попробуй что-нибудь повеселее. Бывает, что менестрель одни песни поет здорово, а другие едва чирикает.

Джон-Том опустился на место и, сцепив пальцы, задумался.

— Не знаю. А что бы ты хотел услышать? Классику, поп-музыку, блюз, джаз? — Он постарался, чтобы в голосе его послышался энтузиазм. — Я знаю кое-какие классические вещицы, но дома я хотел петь один только рок — ну, это такие песни любят у меня на родине.

— Я не знаю, приятель. А как насчет баллад? Их-то все любят.

— Конечно. — Джон-Том и сам любил баллады. — Я их знаю довольно много. О чем ты хочешь услышать?

— Дай я подумаю минутку. — И действительно, через какую-нибудь пару секунд глаза выдра масляно заблестели, а на губах появилась улыбка.

— Не беспокойся, — поспешно вставил Джон-Том, — придумаю что-нибудь.

Он думал, но на ум ничего не приходило. Быть может, мешали шум и всеобщая вонь, быть может, его беспокоило пищеварение... Только слова и ноты комарами жужжали в мозгу, не давая уцепиться за что-нибудь одно. К тому же одна только мысль о

том, что петь придется без переброшенной через плечо старой верной гитары, прижатой к животу, казалась неестественной. Если бы у него хоть что-нибудь было... Хотя бы губная гармоника. Впрочем, тогда он не смог бы петь и играть одновременно.

— Ну, давай же, — торопил Мадж. — Неужели и впрямь ничего не можешь придумать?

— Попробую. — И юноша затянул «Клубничную ярмарку», но изящные гармонии потонули в воплях, топоте и свисте, наполнявших зал.

Менее всего он ожидал получить удар между лопаток, бросивший его лицом на столик.

В смятении и гневе Джон-Том обернулся и обнаружил перед собой свирепую бурую физиономию над туловищем ростом с Маджа, но раза в два более широким.

Глава 6

Берет из змеиной шкурки и красная косынка на шее отнюдь не делали разбойничью росомашью физиономию менее устрашающей.

— Виноват, — пробормотал Джон-Том, не зная, что говорить.

Сверху вниз его буравили злые глаза, могучие челюсти разошлись в оскале, обнажив острые зубы.

— Ой, виноват, — гулко пророкотало животное. — Это ты перед матерью своей виноват, раз ей приходилось слушать такой голос. Ты портишь обед мне и моим друзьям.

— Я просто практиковался. — Оскорбления разбудили в нем негодование — самую кроху. Жаркое еще будоражило кровь, и Джон-Том не заметил кислого выражения на физиономии Маджа. — Без аккомпанемента мне петь трудно.

— Слышь-ка, все твои упражнения закончены. До сих пор уши болят.

Мадж безуспешно пытался привлечь к себе внимание Джон-Тома, но тот уже поднялся из-за стола, воздвигнувшись над невысоким, но более массивным зверем. Тут он почувствовал себя смелее, вспомнив старую максиму: сильнее оказывается тот, кто выше. Или, как утверждал старый философ, тактически голубь сильнее человека.

Однако росомах не выказал никакого беспокойства. Обозрев Джон-Тома во всю длину, он заметил:

— Ничего себе: такая труба, а голоса нет. Хоть бы не фальшивил тогда, а? Итого — делим шею твою пополам, на обе стороны стола. — И могучие когтистые лапы потянулись к горлу Джон-Тома.

Неловко увернувшись, молодой человек потянулся за посо-

хом и с размаху двинул концом его прямо вперед. Зверь, порядком уже поднабравшийся, реагировал медленнее обычного и не сумел заслониться обеими лапами, получив смачный удар по костяшкам. Росомах взревел от боли.

— Эй, потише, нечего лапы тянуть.

— Так-так, приятель, это твое право, — подбодрил юношу Мадж, уже начавший ретираду в сторону от стола. — Я прослежу, чтобы драка была честной.

— Черта лысого ты проследишь! — Джон-Том перехватил дубину, не спуская глаз и с выдра, и с росомаха. — Вспомни, что тебе Клотагорб приказал!

— На хрен он мне сдался!

Однако Мадж заколебался, рука его потянулась к рукояти меча. Он, очевидно, выбирал, что предпочесть — драку против воинственной тройки во главе с росомахом, окружавшей их стол, или гнев чародея. В приятелях у росомаха оказались высокий хорек и приземистый броненосец, у каждого из них на поясе висели мечи. Впрочем, одно дело носить оружие, другое — уметь им пользоваться.

Оба дружка сейчас подходили с обоих боков к росомаху, взиравшему на Джон-Тома решительным и недружелюбным взглядом. Протрезвевший росомах уже вытаскивал отвратительного вида булаву.

— Внимательнее, приятель, — обнажив меч, предостерег своего спутника решившийся на действия выдр.

Росомах поглаживал одной лапой шипастое железное яблоко булавы, не выпуская рукояти из другой.

— Ой, ошибся я насчет фальши в твоем голосе. — Он многозначительно поглядел на горло юноши. — Что волноваться, если можно просто скрутить эту глотку? — И он дернулся вперед, да наткнулся на официанта, заругавшегося было, но тут же забившегося в толпу при виде булавы. — Значица, тут тесновато, а? Жду тебя снаружи, хокей?

— Хокей, — с готовностью отвечал Джон-Том.

Он шагнул, словно собирался выйти, и, подцепив правой рукой краешек стола, опрокинул его на росомаха со товарищи. Остатки напитка, объедки, посуда, наконец, крышка стола обрушились на троих дружков и нескольких ничего не подозревавших посетителей, занимавших соседние столики. Невинные жертвы вознегодовали. Один из приятелей росомаха, отступив в сторону от взлетевшей крышки стола, ткнул мечом в физиономию Маджа. Уклонившись от выпада, выдр врезал воинственному хорьку прямо в пах. Получив подлый удар, животное повалилось на колени.

Среди прочих Джон-Том разукрасил объедками и пару коати. Воинственные крики, извергаемые обеими паукообразными обезьянами, вовсе не соответствовали изяществу их тел и кротос-

ти взгляда. Вооружившись тонкими рапирами, они с жаром ввязались в схватку.

Джон-Том отступил назад и налево — на единственное место, еще не занятое потенциальными противниками. Маджнемедленно присоединился к нему. Они отступали, пока не опрокинули еще один стол вместе с посетителями. Тут последовала цепная реакция, с удивительной быстротой создавшая всеобщую свалку, захватившую едва ли не всех в ресторане.

Спокойствие сохраняли только повара и бармены. Им за круглой стойкой ничто не грозило. Прилавок охранял еду и питье столь же надежно, как и личное достоинство белоснежной актрисы. Тяжелые дубинки вступали в бой, лишь когда за барьер случайно проникал кто-нибудь из развоевавшихся гостей. За передней линией обороны засели официанты и официантки, деловито подсчитывающие убытки в ходе сражения или пропускавшие напитки, заказанные разбушевавшимися гостями.

А вокруг этого оплота мира кружила драка, раздавались визг, мяуканье, писк, вой и так далее, а также вопли боли и гнева.

Джон-Том едва не схлопотал от птицы. Юноша вполне эффективно, хотя и недостаточно артистично отражал своей длинной дубиной удары меча, находившегося в лапах разъяренной мыши-пищухи, когда услышал голос Маджа:

— Джон-Том... Утка!

Замахнувшийся селезень промазал, и вместо шеи Джон-Тома снаряд его закрутился на дубине юноши. Джон-Том дернул, и, чтобы остаться в воздухе, птица выпустила оружие, поливая молодого человека потоком брани. Джон-Том успел заметить на селезне короткую юбочку из оранжево-зеленой ткани. Интересно, промелькнуло в его голове, соответствуют ли здесь цвета одежды виду животного, или, как у него на родине, определяют принадлежность к родственному клану?

Но на социологические размышления времени не было. Получивший от Маджа удар ниже пояса хорек успел оправиться и как раз намеревался проткнуть мечом туловище Джон-Тома. Тот инстинктивно провел дубиной наискосок. Конец ее прошел над головою хорька, однако свалившееся с дубины боло зацепилось за его шею. Бросив меч, представитель отряда куньих отшатнулся, стаскивая удавку. Освободившись таким образом от всех нападавших, Джон-Том попытался отыскать в толпе своего компаньона. Маджоказался рядом. Он опрокидывал мебель перед теми, кто мог напасть на него, вовсю бросался столовой утварью, но, по возможности, избегал рукопашной.

Неожиданные способности, проявленные Джон-Томом в области самозащиты, юношу не обрадовали и не заставили возгордиться. Только бы выбраться из этого сумасшедшего дома, вернуться к покою и тишине своей мирной квартирки. Но далекая гавань эта исчезала в области туманных воспоминаний, померк-

нувших перед разразившейся бурей, уже проливающей вокруг настоящую кровь.

«Надо еще бога благодарить, — промелькнуло в голове Джон-Тома, отражавшего тем временем натиск нового оппонента, — что Клотагорб меня вылечил. Даже хорошо перевязанная рана уже давно разошлась бы... А тут ничего — даже колотья в боку нет. Воистину, исцелил чародей».

Впрочем, хорошее самочувствие не смогло бы спасти Джон-Тома, случись ему заработать новую рану от очередного меча или пики. Вокруг каждый был против каждого. Потенциальных друзей не было.

Напрасно юноша искал взглядом выход. От двери его отделяла, наверное, целая миля разбушевавшихся стали и меха. Торопливый обзор не позволил ему заметить другой выход... Оставался только кольцевой бастион в центре, а защитники его беженцев не приветствовали. Правда, были еще окна, однако запыхавшийся Мадж просто отмахнулся от этой идеи.

— Ты че, друг, свихнулся, а? Оно ж с полдюйма будет, а у рамы и того толще. Пусть меня лучше проткнут, чем я изрежусь этими осколками. Здесь есть еще выход. Пробивайся в ту сторону.

— Дверей не видно, — отвечал Джон-Том, поглядев в сторону кабинетов.

— Конечно. Там же служебный вход. Во, теперь и мне придется сойти за мусорщика.

К счастью, они быстро разглядели невысокую дверь за кучей корзин и грудами мусора.

Густая толпа мешала продвигаться вперед, однако перспектива высвобождения из этого ада заставляла их пробиваться. Лишь голова Джон-Тома, на командной высоте господствовавшая над побоищем, позволила им достичь цели. Прочим забиякам он, должно быть, казался сошедшим с места маяком.

Переливчатый плащ из змеиной кожи был уже порван и забрызган кровью. «Лучше плащ, чем моя собственная шкура», — решил Джон-Том. Зрелище не из приятных: игра без правил и каждый сам за себя.

Он миновал распростертую на полу белку; хвост ее побурел, шерсть слиплась от крови. Левой ноги ниже колена как не бывало. Пол был теперь в такой мере залит кровью, выпивкой и объедками, что предательская поверхность его, пожалуй, грозила не меньшими опасностями, чем битва вокруг. Койот в плаще прямо на глазах у Джон-Тома обчистил карманы валявшегося без сознания лиса, обильно истекавшего кровью. Пока юноша наблюдал за этим процессом, кто-то схватил его за рукав. Он обернулся, готовый ударить рукой или ткнуть посохом в ноги, как учил его оружейник. Пока Джон-Тому еще не пришлось воспользоваться спрятанным острием, и он надеялся, что сумеет обойтись без этого.

Личность, тянувшая его за рукав, была чуть ли не целиком закутана в бордово-голубую ткань. Одеяние скрывало фигуру, однако закрытое почти до глаз лицо напоминало человеческое. Невысокое создание настойчиво тянуло его за импровизированную стенку, образованную тройкой упитанных дикобразов, по вполне понятным причинам непринужденно отражавших наскоки зарвавшихся комбатантов.

Юноша решил, что все вопросы можно оставить на потом, поскольку его увлекали к тихой гавани — заветной двери, куда он и так продвигался.

— Скорее! — Голос явно был человеческий. — Держиморды вот-вот нагрянут, их уже вызвали. — В предупреждении слышался неподдельный страх, причину которого Джон-Том смог понять достаточно скоро.

А пока ему представились сотни врезающихся в толпу мохнатых полисменов. Судя по размерам побоища, чтобы утихомирить всех драчунов, необходимо было не менее нескольких часов. Так думал он, не представляя себе изобретательности закона в славном Линчбени-граде.

Услышав о грозящем прибытии жандармов, Мадж пришел в совершенный ужас.

— Вовремя услыхали, — завопил он, перекрывая шум. — Теперь лучше немедленно убираться отсюда или умереть, пытаясь убраться.

— Что? Что они могут нам сделать? — Джон-Том сделал короткий выпад, угодив кончиком посоха прямо под подбородок невысокой, но предприимчивой мускусной крысе, попытавшейся подсечь ему ноги чем-то вроде косы. К счастью, оружие только пропороло Джон-Тому штанину, прежде чем он успел разделаться с нападавшим. — У вас что — казнят за драки в общественном месте?

— Хуже того. — Мадж был уже возле задней двери, он старался мечом отогнать от нее всех возможных соперников; сбоку его защищала непроходимая стена из спин дикобразов. А потом выдр отчаянно завопил: — Скорее... скорее, они уже тут! — Джон-Тому показалось странным, что выдр не пытается установить личность их новообретенного спутника. — Спасайте свои шкуры!

Поскольку голова и плечи его возвышались над толпою, Джон-Том мог видеть, что творится возле главного входа. Он с тревогой заметил, что повара, бармены и официанты куда-то исчезли, оставив все толпе.

В дверном проеме появились четыре или пять мохнатых силуэтов. На каждом звере был кожаный берет с блестящей металлической бляхой. Уцелевшие лампы и свет, проникавший сквозь окна, освещали какие-то эмблемы на жилетах. Раздался звон стекла, и Джон-Том заметил, что перепугавшее Маджа явление

полиции заставило одного из вояк последовать за креслом в окно. Оставалось только гадать, какая ужасная неведомая участь угрожает еще не утихомирившейся толпе.

А потом он скрылся за дверью вслед за Маджем и странной фигуркой. И пока дверь захлопывали, чтобы заложить на засов и заставить бочонками, Джон-Том успел за какой-то миг заметить, что полиция уже приступила к действиям. Пахнуло невероятной мерзостью. Густой жуткой вони не мог выдержать ни человек, ни зверь.

Запах вдруг подкосил его, Джон-Том еле-еле сумел удержать в себе только что съеденный обед. Впрочем, его гордость — и, в какой-то мере, желудок — спасло то, что и Мадж, и закутанный незнакомец в той же мере оказались чувствительны к воздействию легкого дуновения. Оказавшись в проулке, он согнулся и опустошил измученный тошнотой желудок, а тем временем в памяти проступало обличье прибывших полисменов.

Потом все они разогнулись и поспешили по мощеному переулку. Их окутывал густой туман, а помойка благоухала, словно духи, — по сравнению с тем зловонием, которое они оставили позади.

— Очень... эффективно, правда, не скажешь, что гуманно, даже если все остаются в живых. — Джон-Том опирался на посох; они замедлили шаг.

— Э, приятель! — Мадж трусил возле длинноногого незнакомца.

Опасаясь погони, он то и дело бросал через плечо озабоченный взгляд. Однако из тумана так никто и не материализовался.

— Низкая штука. Попадешься — остается только желать, чтоб сдох. И так в каждом городе. Конечно, все обходится чистяком, и потом никто не воет, что, дескать, полиция превысила свои права и кого-то там пришибла. Тока, по-моему, есть вещи похуже, чем получить мечом в брюхо. Заблеваться до смерти, например. А им, скунсам, что — им хорошо. Я еще не видел, чтоб эта черно-белая падла хоть в одном городе слонялась без работы. Они там друг другу братья и сестры... Для них это здорово, а простой народ с ними и знаться не хочет. Мир-то они поддерживают, только, по-моему, для самих себя. — Он поежился. — Попомни еще, приятель. Мы-то еще далеко оказались, а тем, кто был возле них, глядишь, целую неделю кусок в горло не полезет.

Заслышав шаги троих прохожих, несколько ящериц, бросив кусок тухлого мяса, кинулись к трещине в стене и, лишь когда звуки затихли, вернулись к прерванному занятию.

— Мне они тоже — во! Терпеть не могу! Мало того мусора, так еще воюют задницей!

Издалека послышались голоса, жуткая вонь вновь ударила по ноздрям и желудку Джон-Тома.

— Увязались, гады, — проговорил озабоченный Мадж. — Плохо, ох плохо, лучше уж, чтоб зарезали.

— Сюда! — показала дорогу облаченная в плащ фигурка. Они свернули в очередной проулок. Туман прикрывал все вокруг, увлажняя камни стен, мостовую и мусор на ней. Забыв про все, они устремились вперед.

Постепенно вонь вновь начала удаляться. Джон-Том похвалил себя за то, что не ленился на баскетбольной площадке, — иначе ему бы не угнаться за Маджем и торопливым неведомым спутником и спасителем.

— Они пошли главной улицей, — вновь прозвучал незнакомый голос. — Тут вполне безопасно.

Беглецы оказались на узкой улочке. Болотными огоньками посвечивали над головой желтые фонари. Стало темно, но, хотя за туманом не было видно неба, Джон-Том не сомневался, что, пока они обедали в ресторане, вечер прошел.

Таинственный спутник размотал шарф, закрывающий лицо и шею, и перекинул его через плечо. Его плащ, рубашка и панталоны сшиты были из одного и того же бордового материала с серебристыми проблесками. Это была не кожа — какая-то странная ткань. Блуза, брюки и стоячий наполеоновский воротник были расшиты медными нитками, образовывавшими изящные узоры.

На груди висел тонкий клинок — полусабля-полурапира. Незнакомка была такого же роста, что и Мадж, — примерно пять футов шесть дюймов; Джон-Том успел уже понять, что для здешних женщин это много. Еще тяжело дыша, она повернулась к ним, изучая обоих. Джон-Том с охотой воспользовался представившейся ему возможностью.

Бордовая одежда безукоризненно облегала ее тело. Миниатюрное, как следовало ожидать, личико тем не менее оказалось строгим и жестким. Взгляд зеленых глаз скорее напомнил ему Маджа, а не человека, — они так и метались вдоль улицы. Локоны до плеч пламенели огнем... Ярым полымем — а не ржавчиной, как у большинства рыжих.

Если бы не волосы да отсутствие меха и усов на лице, она скорее походила бы на беспокойную выдру, чем на человека. Дикий видок сей смягчали одни только бледно-зеленые глаза... Девушка нервно дергалась, стоя возле стены здания, крылом нависавшего над ними в тумане.

Что же касается тела, Джон-Тому оно показалось округлой конфеткой, из которой в нужных местах выпирали соблазнительные орешки. Голос, такой же живой и быстрый, как глаза и тело, отдавал гвоздикой и перцем.

— Я уж думала, что не вытащу тебя оттуда. — Она обращалась к Маджу. — Ты мне был нужен один, только вот этот мальчишка-переросток все время болтался между нами.

— Буду тебе очень обязан, — вежливо начал Джон-Том, — если ты не будешь звать меня мальчишкой. — Он не моргая глядел на нее. — Сама-то не старше.

— Я сменю пластинку, — отпарировала девица, — когда ты представишь убедительные доказательства. Надеюсь, правда, что у тебя не будет на это времени. Впрочем, признаю — в «Поссуме» ты вел себя неплохо. Неуклюже, конечно, но с делом справился. Трудно при такой-то длине.

Гвоздика и перец, вновь подумал он. Слова с треском взрывались в воздухе, как хлопушки.

Она с недовольным видом отвернулась от его неделикатного взгляда и с подкупающей откровенностью обратилась к Маджу:

— А от него можно по-быстрому отделаться? — И указала пальцем в сторону озадаченного Джон-Тома.

— Увы, любка, неможно. Сам Клотагорб вверил его моей внимательной опеке.

— Тот самый Чародей Древа? — И она с любопытством поглядела на Джон-Тома.

— Ага. Значица, он пытался зацепить в другом мире ихнего волшебника, а выудил всего лишь Джон-Тома. И тут я непутем вмешался во все это дело, вот он и приказал мне позаботиться о парне, пока он сам не научится заботиться о себе. — Мадж приподнял лапу. — Под угрозой проклятия, любка, такого жуткого, что не хочется и объяснять. Но пока ничего. Хороший парнишка, тока чуток наивняк.

Джон-Том почувствовал легкое раздражение, подобное тому, что повлекло за собой драку в «Жемчужном Поссуме».

— Ну-ка, вы, друзья! Мне уже надоело, что всякий то и дело принимается тыкать меня носом в перечень моих недостатков.

— Заткнись-ка лучше и делай, как тебе говорят, — выпалила девица.

— Ах ты, мамашеньку твою, — огрызнулся Джон-Том. — Ща у тебя попа будет такого же цвета, что и волосы... сестреночка.

На ее правой руке вдруг обнаружился шестой палец: нож тускло поблескивал в неярком свете фонаря. Странный обоюдоострый клинок был не длинней указательного пальца, но раза в два шире.

— А ты у меня сейчас запоешь на три октавы выше.

— Талея, не надо, — поспешно втиснулся между ними Мадж. — Меня-то хоть пожалей. Ежели с ним чего случится, Клотагорб шкуру с меня спустит. А песен его с меня на сегодня хватит; из-за них-то и началась эта переделка в «Поссуме».

— Жаль мне тебя, Мадж, вдвойне жаль. — Однако с поворотом кисти лезвие исчезло в правом рукаве. — Потерплю... ради тебя.

— Я не собираюсь ей подчиняться, — воинственным тоном продолжал Джон-Том.

— Потише, потише, приятель, — проговорил Мадж, сопровождая слова умиротворяющим жестом. — Никто этого от тебя не требует. Но ежели хочешь совета... Правда, хошь? Я ведь рядом с тобой только для совету.

— Правильно, — согласился Джон-Том. Он все еще не мог отвести глаз от задиристой крохи, которую Мадж назвал Талеей. Проявленный ею норов несколько изменил его первоначальное отношение к свирепой девице. Несмотря на ссору, она не потеряла для юноши привлекательности, напротив — стала напоминать розу, заключенную в стекло: изящную и миловидную в своем заточении, но лишенную аромата и столь же недосягаемую.

— Любка, ты сегодня уже второй раз заботишься обо мне. — Мадж с сомнением поглядел на девицу. — Сперва помогла сбежать из этой свалки в «Жемчужном Поссуме», а теперь вот уважила еще и помирилась с парнишкой. Чей-то мне не приходилось слышать, чтоб ты прежде заботилась о моем здоровье или о ком-то еще, кроме себя, драгоценной. И чего ж ты вдруг в няньки полезла?

— Вообще-то ты прав, Мадж. По мне, ты и без моей помощи прекрасно сыщешь дорогу в ад. — Голос Талеи смягчился, впервые в нем послышалось нечто человечное и ранимое. — Дело в том, что мне нужна помощь, да поскорее, а в «Жемчужном Поссуме» ее легче сыскать, чем в любом другом месте. Из всех знакомых ты мне там первым попался. И уж, извини, во всей этой свалке не было времени растолковывать, что да к чему. Мне нужна твоя помощь. — Она нерешительно посмотрела в сторону Джон-Тома. — Похоже, что и с ним придется договориться.

Приблизившись к юноше, девушка дерзко поглядела на него.

— А что, неплохой образчик, если глянуть со стороны. — Джон-Том даже сделался чуточку повыше ростом. — Мне и нужны крепкие плечи, а не мозги. — Он укоротился на дюйм.

— Э, я уразумел, что тебе с-под меня что-то хочется, дорогуша, — понимающим тоном проговорил Мадж. — А то с чего бы тебе увлечься вдруг филантропией? Джон-Том, это Талея... И еще — дурная примета.

— Очарован, — коротко отвечал Джон-Том.

— А? И я тоже, — задумчиво отозвалась девица. — Значит, старичок-то наш, боровичок, хрен панцирный, ворожил себе волшебника из другого мира, а получил тебя? Представляю себе, как обрадовался старикашка.

— Ну что это такое? — Джон-Том отвернулся и почти жизнерадостно продолжал: — Зачем мне все это? К черту — у меня своя дорога.

— Потише, потише, приятель, — с отчаянием в голосе выговорил Мадж. — Обо мне подумай. Старый бедный Мадж вам не какой-нибудь флюгер.

— Флюгер-Пфлюгер! Сам погляди — вечно мечешься из стороны в сторону, — фыркнула Талея.

— Любка, прошу тебя, полегче с парнишкой. Конечно, да, ты ему ничего не должна и мне тоже. Но пойми, он же попал в совсем незнакомый мир, а ты тока еще больше усложняешь дело.

— Это его проблемы, я здесь ни при чем, — отвечала девица, однако для разнообразия воздержалась от колкостей.

— Ты, значит, сказала, что тебе помощь нужна, — напомнил ей Джон-Том. — И, наверное, мы в долгу перед тобой за то, что ты избавила нас от неприятностей. — Он махнул рукой в сторону далекого уже ресторана. — Так что можешь рассчитывать на мою спину без всяких там взаимных симпатий. Во всяком случае, пользуйся, только молча.

Она почти улыбнулась, отвела от глаз волосы, огнем вспыхнувшие в свете масляных фонарей.

— Этого достаточно. Но мы здесь уже потратили много времени. Остается надеяться, что не впустую.

Приятели отправились следом за ней по улице. Никто не гулял в такую мерзкую ночь. Дождь стекал с черепичных и деревянных крыш, журчали ручейки в водосточных желобах и канавах. Иногда им случалось миновать местечко позвонче — где к водостоку приставлена была очередная бочка для сбора воды.

Миновав один-два квартала, они свернули в другой переулок. Через несколько ярдов Джон-Том заслышал странное, но почему-то знакомое фырканье... Будто пыхтел пьяный еж.

Едва не споткнувшись о какой-то твердый и тяжелый предмет, Джон-Том поглядел вниз и с отвращением увидел, что это была рука, уже разложившаяся — мех с предплечья облез. Обмылком торчала белая кость.

Мадж и Талея были впереди — выдр, склонясь уже, изучал что-то, лежащее на мостовой. Джон-Том поспешно присоединился к ним. В ожерелье луж на мокрой мостовой распростерлись два тела. Одно из них принадлежало белке, самке, судя по наряду. Она была богато одета, гофрированную юбочку колоколом оттопыривали многочисленные кружевные нижние юбки. Неподалеку лежала порванная широкополая шляпа с обломанным пером. Белка была на полфута ниже Талеи. Аккуратно наложенный на мордочку макияж теперь был размазан по щекам.

Возле нее распростерлась мохнатая жирная фигурка, которую они сперва приняли за небольшого бобра, однако это оказалась очередная мускусная крыса. На недвижной голове самца покоилась странного вида треуголка, надвинутая на глаза. В разбитом пенсне, напоминавшем очки Клотагорба, отражались тихие ровные лужицы между камнями мостовой. Радужный синий шелк костюма блестел даже при тусклом свете фонарей, выдавая свою цену.

Один сапог свалился и лежал возле босой ноги. Парный к нему — украшенный горным хрусталем — валялся невдалеке у стены.

— Черт побери, любка, что ж это? — Мадж бросил нервный взгляд назад, на узкую полоску света вдоль улицы. — С чего ж ты решила, что я хочу запятнать себя бесчестным делом?

— Ты пятнаешь себя уже тем, что стоишь здесь, дерьмо, — объявила Талея, потянув тело за плотную шелковую куртку. — Твою-то репутацию ничем не замараешь. Кого ты пытаешься обмануть, Мадж: меня, себя или этого типа? — Она коротко кивнула в сторону смутившегося Джон-Тома. — Ты же знаешь, как поступят легавые, если застукают тебя здесь разевающим рот.

— Тама, люб... — начал выдр.

— Довольно любезностей. Мне нужна твоя сила, а не плоское остроумие. А я не против того, чтобы иногда пограбить, в особенности если яблочко само катится в руки. — Девица принялась срезать золотые пуговицы со штанов потерявшей сознание мускусной крысы. — Но убивать — не мой стиль. Этот жирный пижон и пройдоха решил сопротивляться, и черт меня побери, если эта шлюшонка не пришла ему на помощь. Оказавшись против двух противников, я не стала миндальничать и живо вырубила этого типа рукоятью меча. Значит, уложила я его, тут и эта как бы обеспамятела.

Мадж, придвинувшись ближе, изучал лежащую даму. Джон-Том видел, как выдр встал на колени, потрогал голову белки. На камнях мостовой осталось темное пятно, на мохнатом затылке было точно такое же.

— Знаешь, а кровь еще не остановилась.

— Да не хотела я их бить. — В голосе Талеи не слышалось раскаяния. — Надо ж было отвязаться от них. Говорю тебе, она просто сознание потеряла. А что было еще делать — хвост ей сломать?

Мадж отошел в сторону и аналогичным образом обследовал мускусную крысу.

— Конечно, конечно, любка, — ехидным тоном согласился он, — ты тут ни при чем, это все гадкие камни из мостовой сами напакостили. — Он пощупал физиономию крысы. — Оба еще дышат. Тебе чертовски повезло. — Он поднял взгляд. — И чего ж ты от нас хочешь?

Покончив с пуговицами, девица махнула рукой вдоль улицы.

— Там за углом, у Рябинариевого конца, у меня телега. Оставь я ее на противоположной стороне, она бы перекрыла движение и только привлекла бы внимание. К тому же она слишком широка и сюда не заедет. Значит, этого жирного хрена мне туда не снести. А если я по одному стану таскать их к повозке, непременно найдется какой-нибудь длинный нос и начнет задавать мне вопросы,

на которые я не сумею ответить. Но даже если мне повезет, две такие туши одной в фургон не закинуть.

Мадж рассудительно покачал головой.

— Значица, вот какое дело, Джон-Том.

В голове юноши наконец прояснилось после курева и выпивки, но в полный порядок она еще не пришла. События развивались с невероятной быстротой, и мысли его путались.

— Не знаю. — Он теперь тоже с тревогой поглядывал вдоль улицы. Того и гляди нагрянет полиция с зловонными железами. В словах Талеи звучала несомненная правда — одного присутствия на этом месте достаточно, чтобы их признали виновными.

— Не думаю, чтобы Клотагорб имел в виду нечто подобное, когда препоручал меня твоей опеке.

— Ну, приятель, ты просто сама невинность. Давно уж мог бы понять, что в жизни все диктует судьба, а не чьи-нибудь планы. Не трепаться же здесь целую ночь, ожидая, пока на нас наткнется первый же завернувший сюда патруль. Тебе вот показалось, что держиморды грубо обошлись с несчастными драчунами. Подумай, значица, что они будут делать с теми, кто, по их мнению, явно виноват в нападении на почтенных горожан. Или у вас они поступают иначе?

— Нет, — отвечал Джон-Том. — Наверное, точно так же, как и здесь.

Мадж просунул ладонь под спину лежащей бельчихи и, ухнув, взвалил ее на плечо.

— Донесу, — проговорил он, пошатнувшись.

— Я и не сомневалась, — фыркнула Талея. — Дай-ка помогу.

Ухватив даму за ноги, она помогла Маджу удержать равновесие, а потом повернулась к Джон-Тому.

— Чего уставился, как малец на птичье гнездо? Лучше берись-ка, длинный, за дело.

Джон-Том кивнул, нагнулся и сумел подцепить с мостовой всхрапывающее и булькающее упитанное создание. Глаз не обманывал — мускусная крыса была не легче, чем казалась с виду, — и Джон-Том едва устоял на ногах. Наконец он сумел обхватить округлое тело, держа его перед собой.

— Во мускулы у парня, правда, смекалки маловато, — заключил Мадж. — Так, детка?

— Пошли живее, — отрывисто скомандовала девица.

В конце проулка они остановились. Талея внимательно поглядела направо, Мадж подробно изучил противоположную сторону. В светящемся тумане вокруг фонарей не было ничего — только кучки мусора на пустынной мостовой. К ночи туман сделался еще гуще, и с точки зрения наших героев ему не было цены.

Джон-Том поспешал последним, округлая тушка мускусной крысы подрагивала на его плечах. По щеке потекло что-то теп-

лое. Сперва юноше показалось, что это кровь, но, к счастью, жидкость оказалась слюной, сочившейся из открытого рта жертвы. Джон-Том отодвинул безвольно свисающую голову и постарался держаться ближе к остальным, чтобы не потерять их в тумане.

Ноги несли его вперед — чередой событий, которую он не мог изменить. И, рыся по улице, юноша обдумывал свое положение.

За короткое время, проведенное в Линчбени, он подвергся приставаниям нищего, послужил причиной возникновения разнузданных публичных беспорядков, участвовал в разбойном нападении, грабеже и, возможно, убийстве. И он твердо решил, что при первой же возможности вернется назад к Древу Клотагорба — с помощью Маджа или же вопреки его намерениям. А там будет молить волшебника отослать его домой... за любую цену. Провести здесь хоть один лишний день — это уж слишком!

Но, пусть Джон-Том и не знал этого, ему пока не суждено было оставить этот мир. Продолжали копиться силы, чье могущество он не мог даже представить, и в стуке его сапог по мокрой мостовой угадывались отголоски грядущего грома.

Глава 7

Наконец они повернули за угол. Мадж с помощью Талеи закинул недвижную бельчиху через откинутый задний борт телеги. Что-то заскережетало — словно по стеклу провели металлической щеткой. Замерев, они молча выжидали в тумане, однако повозка проехала мимо.

— Живее! — подгоняла Талея Джон-Тома. Обернувшись к Маджу, она бросила: — Прекрати это. Лучше поехали.

Мадж вытащил лапу из-под юбки бельчихи, а Джон-Том, пригнув голову, свалил мускусную крысу на дно повозки. Голова несчастного глухо ударилась о дерево. Невзирая на заверения Маджа, полагавшего, что обе жертвы дышат, встревоженному Джон-Тому ноша его живой не показалась.

В этом заключалась вся проблема. Он подумал, что, возможно, и сумел бы объяснить, почему пребывает в одной телеге с двумя жертвами ночного разбоя, но если хоть кто-то из них умрет и компанию остановит полиция, тогда и Клотагорб не поможет.

Талея торопливо накинула толстый полог из какого-то серого материала на оба бесчувственных тела. Потом они все втроем бросились к переднему сиденью повозки.

Места на низкой скамеечке всем не хватило. Талея уже ухватила вожжи, а Мадж успел пристроиться рядом, так что Джон-Тому осталось лишь вскочить на передок и сесть позади них.

— Вот и здорово, приятель, — Мадж с приязнью улыбнулся

ему. — Конечно, жестко сидеть, тока ты у нас длинный, а мы не хотим привлекать к себе внимание.

Талея ударила поводьями, и с негромким «Н-но!» они взяли с места. И вовремя. Едва они тронулись, навстречу попался какой-то всадник.

Бледный, затянутый в кожу кролик ехал верхом на стройном ящере, передвигавшемся на всех четырех. У рептилии было длинное рыло, под ноздрями торчали вперед короткие бивни. В ярко-желтых горящих глазах чернели вертикальные узкие щели.

Наездник восседал в седле, многочисленными ремнями укрепленном на животе и шее ящера; избыток ремней явно объяснялся странным — бочком — аллюром животного, в котором угадывалось нечто змеиное. Длинный хвост спиралью закручивался вверх и торжественно серебрился над задом рептилии. Тупые когти были коротко обтесаны.

Джон-Том проследил за исчезающим в тумане наездником и подумал, что, пожалуй, так ехать покойнее — идущая боком рептилия не подбрасывала ездока.

Это побудило его изучить собственных рысаков. Опустившись на дно повозки и стараясь не задевать ногами пугающие своей неподвижностью тела, он принялся из-под высокого сиденья разглядывать животных. Их было двое, однако от верхового «коня» они отличались не менее, чем сам он от Маджа. Эти двое ящеров были тяжелее и короче скакуна. Тупые морды казались заметно менее смышлеными, хотя основанием для подобного заключения могло служить, пожалуй, скорее незнание Джон-Томом местных пресмыкающихся, чем какие-то реальные физиономические отличия.

Ящеры неспешно продвигались вперед по мостовой. Шаг их был прямым и ровным, на ходу они не виляли, подобно скакуну. Приземистые ноги отмеряли короткие шаги, а кожаные складки на животе едва не волочились по мостовой. Очевидно, такие предназначались для перевозки тяжелого груза, а не для быстрой езды.

Невзирая на невозмутимые бычьи морды, они оказались достаточно смышлеными и повиновались даже легким движениям поводьев в руках Талеи. Джон-Том с интересом следил за тем, как она правила, — кто знает, не пригодится ли и ему самому такое умение. Наблюдателем он оказался хорошим — еще бы, адвокат и музыкант одновременно — и, словно губка, инстинктивно впитывал в себя все увиденное, несмотря на вполне понятное уныние.

Удила, например, отсутствовали. Могучие челюсти, должно быть, могли справиться и со сталью. Поводья пропускались в кольца, продетые по бокам в ноздри. Таким образом, легкого прикосновения к вожжам было достаточно, чтобы развернуть в нужную сторону громыхающую ломовую колымагу.

Потом внимание его переключилось на предмет более близкий и привлекательный. Снизу он мог видеть лишь пламенеющие локоны и серебрящуюся ткань куртки и брюк, восхитительным образом обтягивающих фрагмент тела Талеи, прилегающий к сиденью.

Почувствовала девушка его внимание или нет, Джон-Том не знал, только она вдруг обернулась и метнула в него короткий взгляд. Он не стал смущенно отворачиваться, и какой-то миг они смотрели в глаза друг другу. И все. Оскорблений не последовало. Когда скорее инстинктивно, чем намеренно, он перешел к дальнейшим действиям, а именно — улыбнулся, она отвернулась, не ответив на улыбку. Правда, дерзкий язычок воздержался и от колкостей.

Он привалился к деревянному борту телеги, чтобы передохнуть. Попробовал убедить себя, что ей сейчас туго. В такой ситуации всякий начнет дерзить и грубить. Можно не сомневаться — в обстановке не столь опасной девушка будет вести себя мягче.

Джон-Том размышлял, хочет ли он, чтобы это произошло, или же он попросту пытается понять ее поведение. Трудно было предположить, что столь привлекательная особа окажется взаправду настолько воинственной, не говоря уж о том, что подобные предположения унижали мужское достоинство застенчивого юноши.

Заткнись, велел он себе. Нашел о чем беспокоиться. Головой надо думать, а не гонадами. Что ты скажешь Клотагорбу при новой встрече? Лучше, наверно...

Он подумал, сколько же Талее лет на самом деле. Миниатюрный росток для здешних людей был нормой и не говорил ни о чем. Скорее всего — они почти ровесники, иначе она не стала бы с ним спорить. На первый взгляд она казалась вполне сформировавшейся, а низкий рост, возможно, объяснялся суровой жизнью. Интересно, как она будет выглядеть без одежды, подумал Джон-Том и, не имея должного опыта, усомнился уже в собственной зрелости.

Думай, Меривезер, думай. Ты в беде, ты устал, ты один... Ты вообще неизвестно где.

Один... Значит, с Талеей следует подружиться — если, конечно, она не станет противиться. Едва ли нужно отрицать, что девушка ему нравится; впрочем, с ее-то стороны, учитывая все несчетные колкости, никаких намеков на дружбу не проявлялось. Ну, может быть, когда они отделаются от своего груза, она успокоится.

Тут он принялся гадать, куда и зачем везут они эти полумертвые тела.

Из-под полога за спиной послышался тихий и неуверенный стон. Джон-Тому показалось, что это бельчиха. Впрочем, никаких оснований так думать не было.

— Там на окраине доктор живет, — отвечала Талея на проявленное им беспокойство.

— Приятно слышать.

Так, значит, под красотой этой сохранилась хотя бы частичка души. Неплохо. Джон-Том молча проводил взглядом тонкой работы двухколесную коляску, прогромыхавшую мимо. Две валлаби[1] с круглыми, как пятаки, глазами были слишком заняты друг другом, чтобы проявить интерес к телеге, а тем более к его грузу.

Наполовину очнувшись, белка начала брыкаться и крутиться с боку на бок, да еще то и дело постанывала. Если она очнется, дело может принять дурной оборот. И юноша решил, что, невзирая на желание добиться благосклонности Талеи, пожалуй, лучше все-таки удрать из фургона... Не помогать же ей добивать этих несчастных! Однако через несколько минут шевеление прекратилось и жертва разбойного нападения притихла.

Они ехали уже с полчаса, но вокруг по-прежнему были дома. Выходило, что, несмотря на неторопливый шаг их «коней», Линчбени — все-таки довольно большой городок. Более того, он мог даже оказаться куда крупнее, чем представлялось Джон-Тому, — ведь он не знал, когда они миновали центр и направились к окраине.

Слева выросло двухэтажное здание под соломенной крышей. Деревянные балки пересекали каменную кладку. Словно для того, чтобы не упасть, оно прижалось к каменному дому повыше. Вдаль уходила цепочка из нескольких, должно быть, жилых домов, стоящих, не соединяясь. Кое-где над дверями горели лампы, однако в основном обитатели уже спали.

В двух глубоко утопленных окошках дома под соломенной крышей света не было, но Талея подогнала фургон поближе и остановила животных. На улице никого не было. Только парок вился из ноздрей и ртов рептилий и пассажиров; дыхание сливалось с густым туманом. Джон-Том вновь заинтересовался ящерами. Быть может, это какие-то гибриды с теплой кровью?.. В промозглую ночь они, пожалуй, слишком активны для холоднокровных животных.

Джон-Том спрыгнул через заднюю стенку фургона и поглядел на дверь, возле которой они остановились. На двух крюках над входом болталась вывеска:

НИЛАНТОС — ВРАЧ И АПТЕКАРЬ

На вывеске поменьше — в окне — перечислены были заболевания, которые брался лечить доктор. Джон-Тому они были в основном неизвестны: он не много знал о людских хворях, а уж в ветеринарной науке не был осведомлен вовсе.

Мадж и Талея шепотом подозвали его к себе. Юноша присоединился к ним у двери.

---

[1] Валлаби — мелкие кенгуру.

Она была утоплена в стене и укрыта козырьком так, что вход не был заметен с улицы. Спрятавшись таким образом от досужих взглядов, Талея стукнула раз, другой, третий — уже посильнее — по молочно-белому пузырчатому стеклу в верхней части двери. На громкий колокольчик у входа она не обратила внимания.

Нервничая, они ожидали, но ответа не было. Хорошо хоть, никто не прошел мимо по улице; из телеги вновь послышались стоны.

— Нету его, что ли, а? — Мадж казался озабоченным. — Я знаю доктора Бледноута. Правда, до него ехать через весь город, да и кто знает, можно ли еще на него положиться, но если у тебя никого больше нет, значица, поворачиваем.

Внутри послышался шум, какие-то неразборчивые извинения. В этот самый миг Джон-Том по-настоящему испугался — впервые после того, как материализовался в этом мире. Тогда он не сразу поверил собственным глазам и скорее пребывал в замешательстве, а не в страхе... Позже — тосковал по дому и боялся неизвестности.

Но теперь, оказавшись на совершенно чужой темной улице в качестве участника разбойного нападения, отягощенного нанесением телесных повреждений, он дрогнул. Нахлынул тот истинный, леденящий страх, который, собственно, не пугает — просто как бы отстраняет тебя от реальности. И душа, и тело его вдруг заледенели — как вода на дне деревенского колодца, — а из головы не уходила простейшая, единственная, но всепоглощающая мысль:

«Живым отсюда не выбраться.

Я умру здесь.

Я хочу ДОМОЙ!»

Как ни странно, прийти в себя его заставил другой страх, порожденный более абстрактной причиной. Приступ паранойи стал отпускать Джон-Тома, по мере того как он глубже задумывался над своим положением. Темная улица почти ничем не отличалась от прочих, где ему приходилось бывать... Мостовая, туман, ночной холодок — все это не страшно. А что касается спутников... Ослепительная и сердитая рыжеволосая девица... Огромная, но все-таки разумная выдра — они ему не враги. Куда серьезней выглядят тревоги Клотагорба... Грядущее зло и его собственная прискорбная и опасная ситуация.

— Приятель, в чем дело? — Мадж с неподдельной озабоченностью глядел на него. — Опять, что ль, решил свалиться на меня без чувств?

— Голова у него закружилась, — резко проговорила Талея, впрочем, голос ее прозвучал мягче, чем прежде. — Грязная работенка.

— Нет, — Джон-Том стряхнул с себя последние страхи, рас-

таявшие в ночи. — Дело не в этом: со мной все в порядке. Спасибо. — Он не собирался открывать им своих опасений.

Талея с сомнением поглядела на него, а потом повернулась на голос Маджа, приговаривавшего:

— Чегой-то слышно...

Внутри раздались шаги, кто-то подергал ручку двери, ругнул неисправный замок.

И пока внимание спутников не было обращено к нему, Джон-Том сумел осознать по крайней мере часть Клотагорбова предупреждения.

Если нечто сумело привлечь сюда злую силу из его мира, да еще такую, что никто здесь, даже сам Клотагорб, не в состоянии понять ее сущность, то что может помешать неведомому злодею, переменив направление, однажды обрушить столь же неведомую жуть на его родную планету? Как сумеют люди, занятые вздорными политическими распрями между собой, поглощенные непрекращающимися раздорами с соседями... Как сумеют люди отразить разрушительный натиск силы загадочной и магической? Кто тогда поверит своим глазам — он ведь и сам не мог им поверить, столкнувшись с чародейским мастерством Клотагорба.

Если верить престарелому чародею, рядом со злом, прокравшимся в это место и время, злодеяния нацистов покажутся проказами учеников воскресной школы. Удовлетворится ли зло, поглотив этот мир, или же оно потянется дальше к новым, возможно, более легким завоеваниям?

Он изучал историю, а потому знал ответ. Жаден аппетит зла, оно целеустремленнее благородства. Успех не насыщает склонность к разрушению — только подкармливает ее. Этой хворью человечество мучилось всю свою историю. И то, что он видел вокруг, вовсе не давало оснований надеяться, что сила, устрашившая Клотагорба, здесь станет вести себя иначе.

Где-то в укромном уголке этого мира сгущался и креп ужас. Джон-Том представил себе Клотагорба: приземистая уморительная черепаха на задних лапах... с ящичками в жилете, шестигранными очками... с этой вечной рассеянностью. Пришлось напомнить себе об истинной мощи чародея. Внешность обманчива — во всех шуточках Пога и Маджа все-таки чувствовалось уважение к волшебнику.

Итак, на эти округлые плечи — впрочем, откуда плечи у черепахи — легла ответственность не за один мир, за оба. В том числе и за его собственный, убаюканный призрачной незыблемостью физических законов.

Он поглядел на остановившиеся часы, вспомнил о зажигалке, вспыхнувшей разок, прежде чем в ней кончилось горючее. Законы природы функционировали здесь, как и дома. Маджу просто не знал этих «заклинаний», физических закономерностей, которым повиновались часы и зажигалка. Мысль ходит разными пу-

тями. В его мире это наука, здесь — волшебство. Слова звучат одинаково, но действуют по-разному.

Неужели и в его собственном мире можно колдовать ради зла и добра?

Он глубоко вздохнул. Если дело и впрямь обстоит подобным образом, значит, у него нет надежного убежища.

Ну а если так, что остается делать? Надо вернуться к Древу и не просить, чтобы его отослали домой, но предложить старому чародею свою помощь, пусть это будет только рост и руки, если он не способен ни на что другое. Потому что, если чародей-черепаха не впал в детство, если он прав и беда теперь грозит отовсюду, может погибнуть не только один Джон-Том в этом мире, но и его родители, и брат в Сиэтле.

Это было, пожалуй, уже слишком. Джон-Том чувствовал себя спасителем Вселенной. «Не части, мальчик, — осадил он себя. — Нельзя спасать миры из вонючей тюремной камеры, обделавшись с головы до ног, раз местные держиморды играют по собственным правилам. А ты, вне сомнения, туда загремишь, если не будешь слушать Маджа и не поможешь этой очаровательной дамочке».

— Хорошо, все хорошо, — негромко пробормотал он. — Все уляжется, если следовать логике. Это все равно что проверять заполненные учениками тесты.

— В чем дело, приятель, а?

— Ничего.

Выдр внимательно поглядел на него и отвернулся к двери.

Жизнь есть серия последовательных испытаний, напомнил себе Джон-Том. Где же он это прочел? Конечно, не в законах древнего Перу, и не в основах гражданского законодательства, и не в тексте Калифорнийских Договоров. Но теперь он был готов к ним: ко всем внезапным изгибам и поворотам жизненного пути.

Примирившись, таким образом, с собой и со Вселенной, он повернулся к двери и принялся ждать, что еще ему прикажут делать.

Наконец заупрямившаяся ручка повернулась. За дверью показалась фигура, неторопливо оглядевшая ночных гостей. Некогда создание это было массивным, однако плоть явно уже начала усыхать от старости. Руки были едва ли не длиннее всего тела Маджа. Длины той, что держала над головою фонарь, вполне хватало, чтобы осветить сверху волосы Джон-Тома.

Рыжие бакенбарды орангутана давно поседели. Знакомой формы круглые очки в золоченой оправе намекнули Джон-Тому, что или заклинания здесь не помогают против плохого зрения, или у чародеев до таких пустяков просто еще не дошли руки. Обезьяна облачена была в шелковый халат с кружевами и напоминала старую даму... Джон-Том ухитрился не фыркнуть. Не следует ничему удивляться...

— Ну, чтоо этоо тут у меня поостaвили? — Голос орангутана напоминал скрежет ржавой косилки. Он поверх очков глянул на Талею. — Я тебя знаю.

— Конечно, — торопливо отозвалась она. — Я — Талея Ветреная, Лунное Пламя. Однажды я помогла тебе.

Не отводя от нее глаз, Нилантос медленно закивал.

— Ах, да. Теперь вспоомнил. Талея Соомнительная оот Плаща и Кинжала, — насмешливо передразнил он.

Талея ничуть не смутилась.

— Ну, тогда, кроме моей репутации, вспомни о шести фиалах с зельями, которые я добыла для тебя. С запретными зельями. Их осуждает даже гильдия чародеев, не говоря уж, — она деликатно кашлянула, — о лекарях.

— Да, да, коонечно, я поомню, — доктор обреченно вздохнул. — Доолг есть доолг. И какоое же делоо заставляет вас пооднимать меня среди ноочи?

— Не одно, а целых два. — Девица направилась к фургону. — Подержи дверь открытой.

Джон-Том и Мадж присоединились к ней, поспешно отбросили полог и извлекли из-под него несчастных жертв ночной активности Талеи. К немалому облегчению Джон-Тома, мускусная крыса теперь издавала громкий и вполне здоровый храп.

Пока опасный груз вносили внутрь, Нилантос отступил в сторону, посвечивая лампой. Осторожно выглянул на улицу.

— Операционная сзади.

— Помню, — буркнула Талея из-под бельчихи. На кафельный пол капали редкие капли крови. — Ты обещал мне бесплатное обследование, помнишь?

Врач закрыл и запер дверь, нервно подергиваясь.

— Шшш, проошу. Если ты разбудишь жену, я не сумею скрыть своою поолоовину сделки. И нечегоо гоовоорить ооб оосмоотре.

— Не трясись. Я просто хочу, чтобы ты слегка попотел.

Нилантос следовал за ними, все внимание уделяя теперь обмякшей тушке на плечах Джон-Тома.

— Если хооть ктоо-тоо из них двооих умер, нам всем придется поопоотеть. — Тут глаза его расширились, врач явно узнал булькающую во сне мускусную крысу. — Бооже моой! Это же советник Авенеум! Ты не могла выбрать менее оопасную жертву? Нас всех выпоотроошат и четвертуют.

— Не сразу, — настаивала девушка. — И это зависит от тебя.

— Надоо же, ты — и такая дообрая. — Нилантос закрыл за ними дверь и принялся зажигать лампы в операционной. — Моожет быть, лучше былоо дать им умереть?

— А если нет? Если они выживут и вспомнят, кто напал на них? Там было темно, однако я не уверена, что они не смогут узнать меня при встрече.

— Да-да, — задумчиво протянул врач; став возле раковины, он уже тщательно мыл руки с длинными пальцами.

— Ну и какоой истоорией я доолжен их поотчевать поотоом? — Он натянул перчатки и вернулся к столу, на котором уже лежали оба пациента...

Прислонившись к стене, Джон-Том с интересом наблюдал за происходящим. Мадж расхаживал по операционной с явной скукой на физиономии. На деле же он приглядывал за Нилантосом, стараясь при этом что-нибудь незаметно стибрить.

Пока Нилантос возился с предварительным обследованием, лично заинтересованная в жизни обеих жертв Талея держалась возле стола.

— Скажешь им, что это несчастный случай.

— Какоой еще случай?

— Наткнулись неизвестно на что. — Врач скептически глянул на девицу. — На мой кулак... и железную цепочку на нем или, скажем, на стенку. Ты — доктор, тебе видней. Придумай что-нибудь, уговори. Скажи, что их подобрали прохожие и привезли к тебе.

Врач скорбно покачал головой.

— Ну объясни мне, Талея, зачем примату с твооей внешностью заниматься разбооем?.. Не поонимаю.

Она отодвинулась от стола.

— Вот что, ты лечи их, а о себе я сама позабочусь.

Прошло еще несколько минут, обследование продолжалось.

— Сооветник... с сооветником все в поорядке. Легкое сотрясение мозга, синяки и порезы. Знаю. Я распооряжусь, чтообы егоо дооставили к сообственноому поороогу... Я знаю пароочку крыс, коотоорые выпоолнят эту рабоотенку, не прооявляя излишнегоо любоопытства. — И Нилантос повернулся к бельчихе, прощупывая ее мех длинными пальцами. — Эта будет поохуже. Не исключена трещина в черепе. — Он поглядел на Джон-Тома. — А значит, воозмоожны и внутренние поовреждения.

Предмет обследования негромко застонал.

— А, по-моему, она вполне живая, — отозвалась Талея.

— Вид пациента ообманчив, оосообенноо при поовреждениях гоолоовы. — Обработав рану антисептиком, врач перевязал ее. На повязке немедленно выступило темное пятно. — Придется поонаблюдать за ней. Ты не знаешь, ктоо этоо? — Талея отрицательно помотала головой. — Я тооже. Дама на оодин вечер. Может быть, дама и на поосле вечера. Оона будет сердиться, коогда придет в соознание, но этоо не страшноо. Я пригляжу и за этим.

— Хорошо. — Талея направилась было к выходу, но, поколебавшись, вернулась и положила ладонь на широкое плечо орангутана. — Спасибо, Нилантос. Ты с лихвой оплатил свой долг. Теперь уже я в долгу у тебя. Позови, когда тебе понадобятся мои услуги.

Врач ответил широкой — от уха до уха — обезьяньей ухмылкой.

— В профессиональном плане, я имею в виду. — Ухмылка сделалась еще шире. — Нилантос, ты просто невозможен! — Талея замахнулась на него кулаком.

— Нельзя бить врача, нахоодящегоося при испоолнении своих врачебных ообязанноостей.

— Ну насмешил! Но я в долгу перед тобой.

— Вооруженная честь, да? — Орангутан задумчиво поглядел на белку, на расплывшееся по повязке пятно. — Оотличноо. А теперь будет лучше, если вы все уберетесь оотсюда, — проговорил он, глядя на Маджа.

Выдр кивнул и отодвинулся от закрытого на задвижку шкафчика с наркотиками и успокоительными средствами, возле которого он ошивался уже несколько минут.

— Куда спешим? — поинтересовался Джон-Том.

Маджа потянул его за собой.

— Ты, приятель, того? Надо из города убираться.

— Но я не... Я думал... — Он чуть не забыл пригнуться, выходя из операционной. — Если доктор Нилантос все уладит, как обещал, зачем нам бежать отсюда?

— Можа, и так, можа, эти двое поправятся, тока нас могли видеть. Можа, уже и в полицию донесли. Парень, твой рост только усиливает подозрения. Надо смываться, в особенности после драки в «Жемчужном Поссуме».

— Но я все-таки не...

— Потом, приятель, — настаивал Маджа.

Они вновь оказались на темной улице.

— Пошли, Джон-Том, — проговорила Талея. — Не создавай сложности.

Он застыл с открытым ртом и поглядел на нее.

— Это я-то создаю сложности? По-моему, с тех пор, как я оказался в этом зловонном мирке, неприятности дождем сыплются на меня.

— Потише-ка, приятель. — Маджа бросил на него косой взгляд. — Лучше помолчи, чем попусту трепать языком... Гляди, пожалеешь еще.

Демонстративное молчание Джон-Тома длилось примерно десять минут.

— Нечего мне жалеть о своих словах, — неожиданно громко возопил он в тумане. Явно расстроенная Талея глядела назад, в сторону города. — Хотелось бы увидеть, есть ли в этом мирке хоть крошечка доброты?

— Наверное, есть, — смутился Маджа. — Тока где искать-то?

— Где... — Голос Джон-Тома умолк. Что сказать: в легендах?.. В каких?.. В логике? Нет, Маджа прав.

— Ладно, ерунда. — Гнев и разочарование успели утихнуть. — Итак, мы беглецы. И я тут самый подозрительный. Хорошо. — Он кивнул. — Значит, едем.

И запрыгнул в фургон. Мадж взобрался на сиденье, поймал вопросительный взгляд Талеи, пожал плечами. Приподняв поводья, она присвистнула. Сонные ящерицы очнулись от дремоты, налегли на упряжь. Повозка медленно тронулась вперед, толстые лапы зверей мучными кулями плюхали по мокрой мостовой.

Джон-Том заметил, что они выезжают из города, как и предлагал Мадж. Мимо проплывали дома, окруженные небольшими садиками. Ни одного огонька не было в их окнах в этот глухой час.

Они миновали последний фонарь. Кончилась мостовая, под колесами захрустел гравий. А потом быстро кончился и он, пошла глинистая колея. Позади исчез всякий свет.

Была глубокая ночь, а может быть, и раннее утро. Туман обволакивал беглецов. Зимой дождь идет чаще по ночам.

Из троих едущих в этом фургоне один только Джон-Том помнил еще о той куда более могущественной ночи, что угрожает этому миру. Талея и Мадж живут лишь сегодняшним днем, подумал юноша. Им не понять глубины видений Клотагорба. Он залез поглубже под серое покрывало, не обращая внимания на оставшийся после белки крепкий аромат духов, к которому примешивался запах крови.

Прогрохотал далекий гром — последний отголосок ночной грозы. Гром помог им распрощаться с Линчбени. Джон-Тому было не жаль оставлять этот город.

Скоро они очутились в лесу. Дубы и вязы знакомыми силуэтами зачернели на фоне более стройных колокольных деревьев, под венцами лоз вздыхающих, словно в молитве, о наступлении дня и благодетельном свете солнца.

Они ехали, шли часы. Дорога ручейком вилась между холмов, держась поближе к их основаниям, подъемы были редки. По временам у обочины возникали озера или пруды. Их населяли водные ящерицы, бормотавшие и бурчащие наподобие лягушек. Каждая отличалась собственным цветом: были там розовые и красные, зеленые и лазоревые. Становилось светлее, и звуки усиливались. Яркие чирикающие фонарики перепархивали с ветвей на берега.

Джон-Том глядел на исчезающих вдали светящихся рептилий. Запруды превратились в ручей, весело и дружелюбно торопящийся куда-то совсем рядом с глубокими колеями дороги. В отличие от путников, он не опасался чужого уха и весело заливался, поддразнивая колеса.

Отрешенность вновь уступила место естественному любопытству.

— Хорошо, город теперь далеко, — сказал Джон-Том Талее. — Куда же мы направляемся?

Встав на колени, он потянулся к спинке сиденья, чтобы не упасть в трясущейся повозке, но промахнулся и ухватил девушку за бок, поспешно отнял руку, но Талея не отодвинулась и не запротестовала.

— Туда, где нас не поймают, — отвечала девица. — Ей-богу, проследить след повозки даже самому тупому из линчбенийских легавых — тьфу. А значит, нам придется, как положено, залечь в логово и не трепыхаться, чтобы не заловили. Стало быть, едем туда, куда полиция носа не сунет.

— Не уверен, что это так. — В голосе Маджа слышалась скорее надежда, чем уверенность. — Но больше деваться некуда.

— Тем не менее, — возразила девица, — там безопаснее, чем в любом другом месте. — Джон-Том все еще не отводил от нее непонимающих глаз.

— Мы направляемся в местное отделение межрегиональной ассоциации безработных свободных художников и неудачников.

— Иначе говоря, в Усадьбу Жулья, — отозвался Мадж.

Глава 8

Остаток ночи они провели в повозке, укрывшись плотным одеялом. Мадж и Талея почти немедленно притихли, подобно недавним жертвам девицы, но Джон-Том, как оказалось, слишком завелся, чтобы уснуть. Талея спала беззвучно, как камень, но со стороны серой выпуклости, покрывавшей Маджа, доносилось тоненькое посвистывание.

Джон-Том, лежа на спине, изучал ночное небо, проглядывавшее меж ветвей. Иные из созвездий были ему знакомы — правда, они оказались как-то не на месте: не так расположены, да и время года — если судить по звездам — тоже было не то. Впрочем, знакомые очертания Ориона утешали уже своим мужественным видом на фоне звездной пустыни.

Один раз над ним промелькнул призрачный контур с изящной линией светящихся серых крыльев. Это могла быть здешняя рептилия, птица, вообще — что угодно. За созданием этим тянулись призрачные желтые полосы... Оно промелькнуло в небе буквально за какое-то мгновение, а потом исчезло за ветвями. С деревьев донесся громкий икающий крик какого-то крылатого обитателя леса.

По дороге дробью посыпались крошечные лапки. Владелец их обнюхал колеса повозки, фыркнул и припустил дальше. Над головою негромко философствовали сикоморы и гингко. Они-то

в конце концов и навеяли своею беседой на Джон-Тома глубокий — без сновидений — сон.

Он проснулся, когда приветливое солнце проглянуло уже меж листьев и теплый луч упал ему на шею. Повернув голову, Джон-Том понял, что к нему привалилась Талея. Она спала на дне повозки, положив щеку ему на плечо, рука ее лежала у него на груди. Он не знал, что и делать.

Впрочем... Все-таки у них общая цель. Он шевельнулся. Ресницы ее затрепетали, девушка сразу же осознала, что очутилась в объятиях Джон-Тома. Талея отодвинулась, потирая глаза.

— Хорошая ночка, — подсевшим голосом объявила она. — Правда, случалось ночевать и на более мягкой постели.

— Мне тоже. — К собственному удивлению, юноша обнаружил, что Мадж уже проснулся. Он и не знал, сколько времени выдр наблюдает за ними.

— Итак, приступим к делу, — тактично начал Мадж. — Линчбенийские держиморды вообще-то не очень настырны, но, этак вот разленившись, следует иметь в виду, что среди них может найтись и несколько честолюбцев, способных увязаться за нами. — Он встал и махнул в сторону города. — Мне лично кажется, что за нами никто не гонится, однако в этом трудно быть уверенным.

— Хорошо. — Девица полезла на место возницы. — Со скунсами лучше не встречаться, и для этого стоит потрудиться.

Так что вскоре они уже ехали по дороге, быстро перешедшей в тропу. Потом повернули. Джон-Том заметил, что колеи стали почти незаметными. Впрочем, отсутствие рытвин вполне компенсировали валуны, то и дело попадавшие под колеса, эти валуны успели порядком порастрясти внутренности путешественников.

Потом они остановились и по-спартански перекусили — хлебом, вяленым мясом, какими-то сушеными плодами, с виду напоминающими лайм, только оказавшимися вкуснее. И отправились дальше.

Поближе к полудню Талея объявила, что они прибыли на место. Джон-Том просунул голову между выдром и девицей.

— Что-то ничего не видно.

— А чего ты хотел? — едко бросила она. — Чтобы местное отделение межрегионального... Словом, Усадьба Жулья встречала тебя с флагами и духовым оркестром?

Они свернули на еще более узкую тропку и отправились по ней глубже в лес. Через полмили показался загон, заполненный разнообразными упряжными и верховыми рептилиями. Еще в нескольких сотнях ярдов от сего стойла, расположенного под открытым небом, Талея обнаружила металлическую дверь. Она оказалась прикрытой ветвями нескольких крепких дубов и была врезана прямо в поверхность невысокой скалы.

Талея трижды хлопнула пятерней по металлу, потом сделала паузу и постучала вновь.

Тут вверху на двери открылось оконце. Никто и не подумал высовываться. Находившийся внутри видел прибывших, не опасаясь заработать удар ножом.

— Отдых и убежище, уют и отсрочка всем умеющим жить, — проговорил голос из-за двери.

— Чтоб тебе процент всегда был! — немедленно отозвался Мадж. — Чтоб тебе всегда выделяли жирную долю. Чтоб одни простофили попадались.

После некоторого промедления дверь отворилась, заскрипев ржавыми петлями. Талея вошла первой, за ней последовал Мадж. Чтобы не задеть потолок, Джон-Тому пришлось согнуться едва ли не вдвое.

Вошедших встречал мускулистый выдр. Он был дюйма на два повыше Маджа и внимательно оглядел каждого, особое внимание уделив Джон-Тому.

— А этого я не знаю.

— Это друг, — ухмыльнулся Мадж. — Знакомый из неблизких краев, так вот! — Он не стал вдаваться в подробности, а тем более поминать Клотагорба.

Сморкнувшись на пол, выдр-привратник вперевалку побрел вглубь. Они последовали за ним. Вскоре путь их пересекли несколько ходов, все они как будто вели в большое центральное помещение. Оно оказалось заполненным шумной толпой похабников-дебоширов, рядом с которыми посетители «Жемчужного Поссума», конечно же, казались первоклашками.

Заостренной стали в этом помещении хватило бы на целую войну. Присохшая к полу кровь говорила, что к услугам этого инструментария здесь прибегают достаточно часто. Шум едва не оглушал, не говоря уже о вони. Юноша успел притерпеться к звериным запахам, но внутри каменного мешка, без вентиляции, да еще в собрании лиц, не склонных регулярно выполнять правила гигиены, смрад стоял непереносимый.

— Что же будем делать?

— Сперва следует отыскать президента местной общины, — пояснила Талея, — и заплатить протекционные. Тогда нам разрешат остаться. Потом ищем свободный уголок — холм весь источен ходами — и залегаем на дно. Поступаем во временные жильцы, пока наш советник не позабудет, что с ним случилось. Конечно, он может подкупить Нилантоса и все выяснить, но я сомневаюсь, чтобы он стал уточнять, где находились в ту ночь некоторые из горожан. Однако на всякий случай следует подождать здесь пару недель, пока все забудется. А потом можем спокойненько отправляться восвояси.

Заметив недовольный взгляд Джон-Тома, Мадж отозвался:

— Ну чего ты опять такой дохлый, приятель? Две недели —

это всего только две недели. — Выдр ухмыльнулся. — У линчбенийских легавых память не длинней храбрости. Тока все равно лучше скрыться с глаз долой на какое-то время. К этому месту они и на лигу не приблизятся.

Джон-Том глянул в сторону видавших виды мечей и ножей.

— Интересно бы знать почему, — сухо отвечал он, стараясь успокоить дыхание.

Однако пробыть две недели в Усадьбе Жулья им не довелось. Не прошло и дня, как Джон-Том совершил ошибку. Сперва-то она ему ошибкой не показалась, а потом было слишком стыдно, чтобы извиняться.

Шла игра. Ее любили и жители Линчбени, и те, которые на них паразитировали. Обычные кости — никаких сложностей.

Смышленый студент без всякого труда за несколько часов успел овладеть всеми ее премудростями. Он в общем-то и не собирался садиться за игру, но Талея где-то болтала со знакомыми, а Мадж попросту исчез. Он остался один. От утомления и скуки Джон-Том решил сыграть.

В кошельке Клотагорба еще оставалось несколько крошечных медяков — последние капли из фонтана щедрости, обильно оросившего кое-кого из линчбенийских купцов. Внушительный в своем ярко-зеленом плаще Джон-Том, опершись о дубину, изучил несколько компаний, прежде чем наконец решил присоединиться к играющим.

Выбрал он самую крупную: при большем количестве игроков больше времени остается на обдумывание. Никто не был против. И Джон-Том непринужденно занял место вдребезги проигравшейся рыси.

Невзирая на отсутствие мастерства — кости-то катятся одинаково, — он справлялся с делом вполне удовлетворительно. Постарался сосредоточиться, чтобы преуспеть еще больше, и так углубился в игру, что не заметил даже, как собрал целую толпу болельщиков.

Сердитые неудачники поднимались, их заменяли ретивые претенденты — полные сил и с тугими кошельками. В кругу все время оставалось девять или десять игроков.

Камень холодил его зад даже сквозь одежду. Столь же холодными были потертые монетки, начинавшие столбиками выстраиваться перед ним. Впервые за последнее время он расслабился... Да что там — наслаждался собой.

К всеобщему восторгу толпы, всегда сочувствующей тому, кто в ударе, он дважды подряд выбросил три девятки. Игроки забормотали о волшебстве. Но разговоры оставались только разговорами: с фонаря свисал над кружком играющих пожилой летучий мыш по имени Суал. С этой точки ему прекрасно были видны действия всех игроков. Мнение его здесь уважали — Джон-Том это заметил, но в отношении магии все познания Суала исчерпы-

вались тем, что сам он волшебником не был. Однако из скверных баскетболистов получаются великолепные тренеры, и Суал досконально знал магию, хотя колдовать не умел.

Тем не менее один из игроков попробовал было изменить ход судьбы, решив заворожить кости перед броском. Ни Джон-Том, ни другие игроки и болельщики ничего не заметили, однако разъяренный Суал немедленно отреагировал.

— Этот вот под нос себе бормотал, только я слов не расслышал, — объяснил он толпе.

Тут Джон-Том получил возможность лицезреть образчик правосудия жуликов в мире, где не признают обычный закон с его умеренностью. Целая компания разгневанных болельщиков поволокла визжащего и сопротивляющегося гофера[1] в сторону. После короткой паузы раздался жуткий вопль. Вытирая лапы, с мрачным удовлетворением на физиономиях наблюдатели возвратились.

Бросал другой игрок, и Джон-Том смог поинтересоваться, что случилось.

К плечу его пригнулся высокий кролик.

— Суал сказал: этот бормотал. У нас в Усадьбе не плутуют. Ты ж не хочешь, чтоб тебя обманули, так, братец? Значит, он и получил по заслугам. — Джон-Том по-прежнему не отводил от кролика вопрошающего взгляда. Тот пожал плечами. — Раз он шептал заклинания — значит, ему язык отрезали. Если б руками водил — отмахнули бы и руки. Сам знаешь: глаз да глаз и так далее.

— Не слишком ли строго? Это ж всего только игра.

Странные молочно-розовые глаза глянули на него сверху вниз.

— У нас тут все строго, мужик. И ты это знаешь. Приходится, вишь, обходиться без всяких там плутоватых судей и адвокатов-лукавцев. Среди своих мы не потерпим предателей. А справедливая и заслуженная кара, — он ткнул лапой в сторону, откуда недавно донесся вопль, — всякого заставляет быть честным. Этому еще повезло, жив остался. А тебе, собственно, что до него?

— Извини... моя очередь, — торопливо проговорил Джон-Том.

Игра продолжалась. Иногда он проигрывал, но выигрывал чаще. Долгое отсутствие Талеи и Маджа уже заставляло его нервничать. Он гадал, можно ли забрать выигрыш и удалиться. Что, если у кого-нибудь из проигравших найдется в толпе дружок, готовый ткнуть его в спину ножом или же в отместку за проигрыш приятеля обвинить в колдовстве?

Но рослый кролик держался возле него, подбадривал и поощрял к продолжению игры. Это было вполне естественно: кролик держал пари и ставил на Джон-Тома. Однако тот вопль никак

---

[1] Гофер — американская мешетчатая крыса.

не шел из головы юноши, ему представлялся нож и хлынувшая кровь.

Суал висел на своем посту, только время от времени перелетал с лампы на лампу или поправлял зеленую шляпу с пером, которую удерживал на голове шнурок. Глаза его внимательно обегали играющих.

О жульничестве больше никто не кричал. Горка монет перед Джон-Томом медленно росла.

Тут в игре наступил неожиданный перерыв. В кружке играющих вдруг показалась стройная фигура. Игроки руками прикрывали монеты, чтобы, оступившись, она не разбросала их. Разгневанная волчица выглядела одновременно и смущенной, чему еще более способствовали выкрики и улюлюканье зрителей обоих полов. Шурша юбками, волчица огрызалась, прибегая к утонченным ругательствам.

Джон-Том взглядом попросил объяснения у приятеля-кролика.

— Извини, мужик, не видел. Только тут все понятно. Видишь лиса вон того? — Кролик показал на изрядно подспустившего денежки, но еще богато одетого игрока, сидевшего напротив Джон-Тома. Перед ним на камнях лежали всего две или три серебряные монетки.

— Видишь, деньги у него вышли, а играть хочется. Сам знаешь таких. Вот он и поставил свою девку.

— Рабыню, что ли? — осведомился Джон-Том.

Ответ был умеренно гневным.

— С чего это ты взял или, по-твоему, мы варвары? Рабы — это у Броненосного народа. Наверное, она просто заключила с ним временный контракт. — Кролик подмигнул. — Сам знаешь, как бывает, — на пару ночей.

— Что-то она не очень хочет, — скептически отозвался Джон-Том.

— Трудно сказать. Может, хочет, может, не хочет.

— А почему тогда она согласилась?

— Любит, значит. Ты что — сам не видишь?

— Э... в такие игры я не играю.

— А почему это вдруг, а, мужик? — В голосе кролика зазвучала враждебность.

— По-моему, хватит с меня. — Джон-Том начал собирать выигрыш, пытаясь нащупать карманы в куртке и брюках...

Прочие игроки обнаружили явное неудовольствие и угрожающе поглядывали в его сторону. Однако известная честность была присуща и здешним ворам. На все возражения игроков голоса из круга наблюдателей отвечали:

— Он выиграл честно... Всяк имеет право в любое время выйти из игры... Пусть идет, если хочет... Нечего останавливать его... — И тому подобное. Однако подобные речи зачастую сопровожда-

лись косыми взглядами, падавшими на горку монет. Джон-Том подумал: мало выиграть, нужно еще суметь уйти с деньгами. Конечно, едва ли кто-нибудь посмеет напасть прямо здесь на честного победителя, но в Усадьбе Жулья полно темных и мрачных закоулков.

Он поглядел на кролика, прошептал:

— Что ж делать-то?

Тот смягчился и отвечал вновь дружелюбно.

— Во-первых, посмотри-ка на свою собственную одежду. — Расхохотавшись, он потянулся к горлу Джон-Тома. Тот начал было отодвигаться, но кролик с ухмылкой от уха до уха продолжил: — Разреши-ка?

Поколебавшись, Джон-Том согласно кивнул. Вроде бы не с чего этому животному вдруг проявлять враждебность к нему.

Расстегнув на шее Джон-Тома застежку, кролик расстелил плащ на полу — остальные нетерпеливо дожидались.

— Ага, так я и думал. Хороший у тебя портной. — И он указал на строчку и пуговицы на подкладке.

Осторожно отстегнув клапан, кролик с помощью Джон-Тома наполнил потайной карман монетами; набив его до отказа, они застегнули пуговицы. Джон-Том вновь накинул плащ на плечи. Вес монет приятно отягощал шею.

— Вот так вот, — удовлетворенно проговорил кролик. — Так-то лучше. Карманник в капюшон не полезет. А здесь их мало, да и искусных не видно. Остальные же подумают, что там просто камни.

— Зачем это держать камни в капюшоне?

— А чтобы на глаза не нахлобучили в драке... или когда сильный ветер. Вообще-то и в драке полезно. Ты вроде беззащитен, а смотри что у тебя получается: гибкая дубина в дополнение к длинному посоху. — Кролик обратил глаза к небу: — Вот бы так умереть... до смерти забитым чужими деньгами. Или же... — он перевел взгляд обратно на Джон-Тома. — Впрочем, это мои сложности.

— Возможно. — Джон-Том потянулся ко все еще объемистой куче монет перед собой и извлек из нее три больших золотых кружка. — Вот тебе, чтобы уладить их... и за помощь и добрый совет.

Кролик с достоинством принял деньги, отправил их в жилетный карман и застегнул его.

— Ты добр ко мне, мужик, но принимаю только потому, что нуждаюсь в деньгах. В иных обстоятельствах я бы отказался. Вот тебе еще один совет: не швыряйся так золотом, а то привлечешь внимание личностей куда менее благородных, чем я. Что касается того, как тебе поступить: хочешь — кончай с этим делом. Но ты в центре, и лучше бы доиграть этот круг. Тогда никто не назовет тебя дерьмом.

— А как быть с девицей? — Волчица постукивала нежно-голубыми балетками и, совершенно притихнув, поглядывала куда-то в сторону.

— Вот что я тебе скажу, мужик. — Кролик подмигнул. — Ты заканчивай этот круг. Сам знаешь — три твоих золотых у меня есть. Так вот, заканчиваешь круг. Если выигрываешь, я возвращаю тебе за нее один золотой. — Он поглядел на бурую крепкую фигуру волчицы. — Может, и два.

— Ну, ладно. — Джон-Том еще раз глянул на кольцо наблюдателей. Ни Маджа, ни Талеи.

Игроки передавали друг другу кости. Болельщики подталкивали друг друга локтями, бормотали, держали пари или просто глазели, не скрывая любопытства. Хорек, сидевший напротив, выбросил семерку и застонал. Следующим метал крот в невероятно темных очках и высоком котелке. Он выбросил восемь, потом шесть, потом семь и наконец тройку... Проиграл.

Кости передали Джон-Тому, он метнул их перед собой. Две четверки и двойка. Потом вышло десять. Следом играл поморник[1]. Он выбросил десять. Толпа разразилась воплями, толкаясь и теснясь вокруг играющих. Джон-Том выбросил шестерку. Передал кости поморнику. Тот казался совершенно уверенным в себе. Кости покатились... Единица, двойка, тройка. Поморник стукнул клювом об пол. Крики уже рвали ухо.

Джон-Том выиграл снова. Повернувшись, он позвал:

— Эй, приятель. Можешь... — Юноша смолк. Кролика не было.

Причину исчезновения советника Джон-Тома знал только щегольски разодетый носач[2], стоявший неподалеку.

— Это длинный Белый, что ль, в серых пятнах? — Джон-Том кивнул, и обезьяна махнула в сторону главного коридора.

— Так вон он пошел. К нему такая вот золотистая земляная белка подошла... Ну сущий пух... Вот он с нею и ушел.

— Но я не...

К плечу его прикоснулась ладонь. Обернувшись, Джон-Том обнаружил перед собой блестящие, как алюминий, пронзительные глаза.

— Вот что, кавалер, с людьми мне этим нечасто приходилось заниматься. Говорят, некоторые из вас любят всякие странные способы. — В низком грудном голосе чувствовалась известная заинтересованность. — Ты тоже из таких?

— Слушай, ты не поняла...

— Давай попробуем.

— Нет-нет... я не это имел в виду. Я... — Джон-Том почувствовал себя в известной мере польщенным. — Я не то что не могу,

---

[1] Поморник — чайка.

[2] Обезьяна носач, или ревун, обладающая длинным носом.

я тебя не хочу. Иди туда. — Он показал на другую сторону. — Иди к нему.

— Эй, кавалер, ты на что намекаешь? — В глазах волчицы загорелся огонек, и она отступила назад.

Рядом с ней вдруг оказался лис.

— Чем это тебе плоха Вурриил? Или ты решил, что я нуждаюсь в твоей щедрости?

— Нет, дело не в этом. — Джон-Том неторопливо поднялся на ноги, покрепче ухватив посох. Толпа вокруг недружелюбно бормотала.

— Прошу тебя, — обратился он к волчице, — возвращайся к своему господину... приятелю... кем он там тебе приходится.

Лис подступил поближе, ткнул когтистым пальцем в живот Джон-Тома.

— Что у нас тут за тип объявился? Или ты решил, что я не плачу долгов? Уклоняюсь от выполнения собственных обязанностей?

— К черту твои обязанности, Моссул, — заносчиво заявила волчица. — Речь идет о моей чести. — В голосе ее было теперь все что угодно, только не доброжелательный интерес. — Видишь, как он на меня смотрит... С отвращением. Я оскорблена.

Толпа разразилась негодующими воплями.

— Позор, позор!.. Вон этого дылду!

— Не в этом дело. Просто... я тебя не хочу.

Волчица нечленораздельно взвыла и ударила юношу кулаком в грудь.

— Вот, значит, как? — Она оглядела тесный кружок очевидцев. — Есть ли здесь хоть один самец, способный защитить мою репутацию? Я требую удовлетворения... Не то, так это.

— Репутацию... — Язык начал заплетаться во рту Джон-Тома. — Я не оскорблял тебя... А как ты к нему относишься? — Юноша указал на лиса. — Он же тебя продал.

— Не продал, а предложил во временное пользование, — с достоинством возразил лис. — Причем с обоюдного согласия.

— Правильно. Для Моссула я сделаю все, что угодно. Только оскорблений не потерплю... Тем более у всех на виду. — Она страстно обняла облаченные в шелк плечи лиса.

— Гнать его, гнать его отсюда! — поднялись раздраженные крики.

— Чего это тут делается, приятель? Оставил тебя на минутку — так надо ж, всю Усадьбу вверх дном перевернул. — За спиной Джон-Тома очутился Мадж, Талея была неподалеку.

— Ничего не понимаю, — запротестовал Джон-Том. — Я выигрывал целый день...

— Ну и отлично.

— А потом выиграл еще и ее. — Он показал на волчицу, — на пару ночей.

— Великолепно, приятель. Так в чем же твои проблемы?

— Не хочу я ее, понимаешь? Не потому, что она непривлекательная или еще там чего. — Объект обсуждения угрожающе заворчал. — Просто... я не могу этого сделать, Мадж. Не из предрассудков. Просто что-то во мне... Не могу, и все.

— Тише, тише, приятель, понимаю. — В голосе выдра слышалось сочувствие. — Конечно, такие у вас там обычаи, приходится повиноваться даже себе в убыток.

— Скажи им это. Ты знаешь, откуда я. Объясни им, что...

Мадж немедленно зажал лапой рот Джон-Тома:

— Тише, парнишка. Если только они заподозрят, что ты явился сюда из далеких земель — неважно, насколько чужих, — ты немедленно лишишься их покровительства. А пока они считают тебя здешним бродягой — вроде Талеи и меня самого. — Глаза его отметили вес, отягощающий капюшон Джон-Тома. — Ежели судить по тому, чего ты здесь навыигрывал, все будут только рады восстановить справедливость. Тебе и двадцати секунд не выстоять. — Выдр потянул его за рукав. — Пошли-ка. Держись поспокойнее и слова выбирай... А они пусть еще побазарят здесь, что делать дальше.

Их толкали, в них плевали, но Мадж и Талея умудрились извлечь своего вконец растерявшегося приятеля из игорного зала и вывести по тоннелям к железной двери, отгораживающей Усадьбу от внешнего мира.

Снаружи было утро. Джон-Том вдруг осознал, насколько утомило его это приключение. Должно быть, он провел за игрой целую ночь. Теперь он понял, почему исчезли и Мадж, и Талея. Спали, наверное. Внутри Усадьбы Жулья нетрудно забыть о времени — там лампы горели круглые сутки и всяк волен был спать или бодрствовать.

— И чего ты с ней не пошел? — сетовала Талея. — Поглядика теперь на нас! Остались без убежища. Там нас никто не смог бы найти. — Она отправилась вперед — выискивать в загоне упряжных животных и повозку.

— Лучше бы мне проиграть. — Юноша и Мадж торопились за девушкой. — Уж тогда ты порадовалась бы, не так ли?

— Все лучше, чем удирать отсюда, — отрезала Талея. — Куда теперь деваться? Уж если тебя выставили из Усадьбы, больше спрятаться негде, а нам еще скрываться и скрываться. Горожане и полиция еще не забудут нас... если только, конечно, успели запомнить. А, черт бы побрал всех! — Перепрыгнув через забор, она пнула в брюхо ни в чем не повинную верховую ящерицу. Зашипев, та убралась с дороги.

— Жаль, тебя не было со мной, Мадж. Сыграл бы последний круг вместо меня.

— Эй, приятель, так дело не делается. Я слыхал — сел играть, значит, играй. Жаль только, что из-за своих дурацких обычаев мы

оскорбили столь очаровательную даму. Отказал ей ты. И я не смог бы заменить тебя, если б даже захотел.

Джон-Том угрюмо поглядел на землю.

— Просто трудно себе представить, чтобы она так охотно торговала собой... Елки зеленые! Парень, да ты в бабах ни грамма не смыслишь. Она же делала это из любви... ради своего дружка — лиса. И отказав ей, ты оскорбил обоих. Ты что, о выходках их, бабских, ничего не знаешь?

— Смешно. Конечно... — Юноша отвернулся. — Нет, Мадж, я не слишком много о них знаю. Просто приходилось все внимание уделять умственной работе. Вот поэтому я и хотел сделаться музыкантом. У музыкантов проблем с женщинами не бывает.

— Невежество, приятель, любому не в радость. На себя самого посмотреть приятно становится, если знаешь все что, да почему, да как что делается. — Выдр кивнул в сторону Талеи. — Вот погляди-ка на эту милашку. Тока не говори, что она тебе не нравится.

— Врать не буду, ты прав.

— Ну и что же? Прожили вместе целых несколько дней, а ты еще к ней и не приступил... Тока лежал рядом. Меня она знает и к себе не подпустит, но ты-то — другое дело.

— Смеешься. — Юноша поглядел в сторону рыжей гривки, снующей среди стада животных. — Да если я только прикоснусь к ней, она меня сразу выпотрошит.

— Не будь, приятель, самоуверенным. Тока что ж сам говорил, что не смыслишь в этом.

— А ты, значит, знаток по этой части, так я понимаю?

— Опыт — вещь наживная, тока у тебя времени мало, чтоб его здесь приобрести. Подумай-ка об этом.

— Подумаю, Мадж. А что, она говорит, нам действительно некуда деваться? Мы и вправду в таком отчаянном положении?

— Трудно сказать, приятель. Все зависит от того, что вчера узнала полиция о событиях в Линчбени. Но лучше убраться подальше — на какое-то время.

— Я-то знаю, куда мне хотелось бы. — Юноша с тоской поглядел вверх, хотя уже успел понять, что мир его лежит дальше звезд, скрывающихся в дневном небе.

Что-то больно кольнуло его в щеку. Джон-Том повернулся и с негодованием поглядел на Маджа.

— Лапой не дотянулся, — жестко проговорил выдр. — Вот что, кореш, слушай сюда. Я ж тебе все сказал уже, опять приходится повторять. Хватит здесь нюни разводить насчет себя самого. Ты здесь. Туда, где ты должен быть, нам тебя не вернуть. Клотагорб не может... Или не хочет... Но не вернуть. Ну и живи себе, и чем скорее ты умудришься примириться с этой мыслью — тем

лучше. Или ты решил, что я еще годков шестьдесят буду с тобой нянчиться?

Ошеломленный Джон-Том не ответил. Шестьдесят лет... Странно: ему даже в голову не приходило, что пробыть здесь придется годы, может быть, и десятилетия. Пока казалось, что завтра, самое позднее послезавтра он сможет отправиться восвояси.

Но момент, когда Клотагорба осеняет дар мага, непредсказуем — так утверждал Мадж. Значит, домой можно и не попасть. А что, если волшебник завтра умрет? Там, в Линчбени, ночью, возле дома доктора Нилантоса, Джон-Тому казалось, что он уже успел приспособиться. Возможно, Мадж прав, и пора считать новое место обитания постоянным.

Что, если все это экзамен? Можешь не волноваться, если провалишься. Радуйся, коль получил пятьдесят баллов, и блаженствуй, если удалось заслужить сотню. Так придется подойти и к жизни. Пока — прямо сейчас — он на нуле. И чем скорее сумеет привыкнуть, тем спокойнее будет, если Клотагорбу так и не удастся отослать его обратно. Назад, домой, — к ленивым разглагольствованиям в аудиториях, к банальным речам бестолковых приятелей, к повседневной рутине... которых так не хватало именно теперь в силу их недоступности.

Нуль, объявил он себе. Запомни это.

— Проклятая падаль, ах вы, сукины дети! Бочки с дерьмом!

Ругань донеслась с противоположного конца загона. Джон-Том и Мадж поспешили на голос, продираясь через скученное стадо. Но Талее ничто не угрожало. Она с усталым видом сидела на гладком камне, а вокруг крутились ездовые животные различного обличья и размера.

— Вонючие грязные ублюдки! — грохотала она. Джон-Том открыл было рот, чтобы что-то сказать, но почувствовал прикосновение к руке. Приложив палец к усам, Мадж покачивал головой.

Они подождали, пока пожар угас сам собой. Наконец Талея подняла глаза и увидела их обоих. Встав, она махнула рукой в сторону загона.

— Телегу сперли. Я все обошла — нет ее. И животных тоже. А вы знаете, чего мне стоило украсть эту повозку?

— Должно быть, Моссуловы дружки постарались, быстренько вылезли и угнали, чтобы уменьшить потери. Или нас наказали за нанесенное волчице оскорбление, — задумчиво проговорил Мадж, поглаживая усы.

— Вот я сейчас им всем потроха поджарю! — Талея хотела вернуться к Усадьбе, но Мадж обхватил ее. Она сопротивлялась, пыталась вырваться, однако он был и быстрее, и тяжелее ее. Наконец она застыла на месте, поджаривая выдра яростным взором.

— Ну, будь умницей, милашка. Мы только что выбрались оттуда. Даже резать никого не пришлось. Из твоего гнева лишний клинок не сделаешь. Ну, хорошо: мы сумели спокойно выйти, а как знать, кто виноват? Моссул это или не Моссул... поди угадай.

Яростный взгляд смягчился:

— Ты прав, выдр. Прав, как всегда. — Она опустилась на поросшую мхом землю и привалилась спиной к забору. — Вот тебе и воровская честь.

— Извини. — Джон-Том опустился возле Талеи. — Вина моя. И если так можно загладить ее, я охотно заплачу тебе за повозку. — Он многозначительно тряхнул капюшоном.

— Не смеши. Повозку я украла. Нечего отдавать долг, которого нет.

Они обдумали ситуацию.

— Что, если купить экипаж?

Мадж выразил сомнение.

— Воры оценят его дороже денег. Купить можно в городе, но тока не здесь.

— Тогда почему не украсть в свой черед?

— Неплохая идея, парень. Вижу — начинаешь приспосабливаться. Есть тока одно «но». — И выдр поглядел направо.

Сперва Джон-Том ничего не заметил. Потом оказалось, что возле входа в Усадьбу стоит небольшая группа. Над ними вился табачный дымок, иногда кто-нибудь поглядывал в сторону загона.

— Но они же не знают, какие у нас животные и телега, — возразил Джон-Том. — Если действовать с уверенным видом, они не смогут ничего заподозрить.

Мадж слегка улыбнулся.

— Но, с другой стороны, и мы можем взять повозку, которую они знают. А тогда по первому же зову наружу вылетят все обитатели Усадьбы — и все против нас.

— А, чума на них! — буркнула Талея, вскакивая на ноги. — Значит, идем пешком к твоему волшебнику. Он нас пустит к себе на несколько дней. А что... Может, у него будет еще безопаснее, чем в Усадьбе? А мы теперь можем даже заплатить ему. — Девица указала на выигрыш Джон-Тома.

— Помедли-ка, любка. — На лице Маджа появилось беспокойство. — Если мы так быстро вернемся, мне придется признать, что с его воспитанием дело идет не гладко.

— Не гладко! — Джон-Том расхохотался. — Ты уже умудрился вовлечь меня в кабацкую драку, а ты, — он поглядел на Талею, — вынудила к разбойному нападению и грабежу... двум к тому же. Наверное, еще следует учесть и кражу телеги.

— Учитывай что хочешь, Джон-Том. — Она махнула на запад. — В город нам соваться незачем, в Усадьбу тоже. А брести

лесом на край света — в Опушки или Тимов Хохот — у меня нет желания, да и тамошние легавые наверняка пересвистываются с линчбенийскими.

— Пусть будет так. — Мадж сложил лапы на груди. — Тока к Клотагорбу я не пойду. По мне, старый хрен слишком уж взбалмошен.

— Ну, как хочешь. — Девица поглядела на Джон-Тома. — Наверно, ты знаешь дорогу. Или тоже Клотагорба боишься?

— Нет, — отвечал юноша. — Едва ли он мстителен, а больше нам действительно некуда деться.

Талея махнула рукой.

— Ступай первым, Джон-Том.

Он повернулся и направился к выходу из загона — на юг, в надежде, что ночная езда не запутала его. Мадж медлил, пока они почти не исчезли из виду, а потом, отправив подальше с помощью трех-четырех слов безразличных ящериц, бросился вдогонку за людьми...

Глава 9

Усадьба Жулья лежала к юго-востоку от Линчбени-града. Дороги они пересекали осторожно — по словам Талеи, на них всегда можно нарваться на полицейский патруль, разыскивающий бандитов. Приходилось охотиться или добывать другую пищу.

Через три дня усердной ходьбы они подошли к местам, где лес был уже знаком Маджу. Они стояли возле узкой и грязной дороги, когда Джон-Том заметил большой мешок между двумя булыжниками. В лучах солнца блеснул металл.

— Ну и глаза у тебя, Джон-Том, — восхитилась Талея, и, как три шакала на полуобглоданный труп зебры, они набросились на мешок.

В нем оказалось полно всякого добра. Стеклянные бусины, полудрагоценные камни, должно быть, гранаты или турмалины... Свитки. Обыскивая мешок, Талея с негодованием отбросила их за ненадобностью. Глубже оказались еще свитки, одежда, какие-то музыкальные инструменты. Джон-Том подобрал волынку с торчащим из нее набором дудок, на пробу подул в них.

— Дьявольщина. — Талея привалилась спиной к скале. Подняла опустевший мешок и перебросила его через плечо. — Двойная дьявольщина. Вроде бы повезло, а поглядели — тьфу!

Мадж разглядывал камешки.

— Ну, за них-то пару-тройку золотых у барыги получить можно.

— Восхитительно, — саркастически проговорила Талея. — Сейчас подойдет барыга, и мы ему все сплавим... Только свист-

ни. — Тут выдр испустил долгий переливчатый свист, которого не повторить человеку, и пожал плечами.

— Заранее-то не скажешь, что у тебя выйдет, лучше попробовать. — И Мадж принялся набивать камешками висевший на поясе кошелек. Заметив взгляд Талеи, он надулся. — Если не доверяешь мне, тогда давай делить.

— Да нет, хорошей драки это не стоит. — Она потерла левую голень. — Нога болит.

Положив на землю волынку, Джон-Том взял самый большой из трех инструментов. У него было шесть струн, перегибающихся над похожим на сердечко резонатором, в коробке которого было проделано три треугольных отверстия. Вверху расположены были колки для настройки. Возле широкого основания сердечка располагалось еще шесть металлических струн поменьше. Итого струн было двенадцать.

Джон-Том в задумчивости созерцал инструмент. Посмотрим... Меньшие струны — у них и звук будет нежнее. Большой секстет, наверно, в аккорде. За исключением дополнительных маленьких струн, инструмент напоминал пластмассовую гитару, проведшую определенное время в печи.

Талея подобрала одну из флейт. Попыталась высвистать мелодию, но, ограничившись лишь несколькими нотами, отбросила в сторону. Вторая пришлась ей более по вкусу. Опробовав, девушка заткнула флейту за пояс и направилась к лесу. Мадж сразу последовал за нею, но погруженный в изучение странной гитары Джон-Том замешкался.

Она остановилась и, повернувшись к Джон-Тому, подождала, пока тот их нагонит.

— Ну что там опять, журавлиные ноги?

Юноша улыбнулся, словно бы не расслышав, и вновь обратился к инструменту. Тонкие нотки затрепетали в воздухе, сорвавшись с малых струн.

— Это дуара. Только не рассказывай мне, что умеешь играть на ней.

— Талея, парень воще-то говорил, что он у себя был навроде музыканта. — К интересу, проявленному Джон-Томом, Мадж отнесся с явной надеждой. — Вот и тогда, помнишь? Ты как раз уверял меня, что с аккомпанементом у тебя лучше получится.

— Я знаю. Помню. — Джон-Том перебрал пальцами верхние струны. Звук оказался мягче привычного. Как у лиры... почти родной. Он вновь провел по нижним струнам, отозвавшимся тонкими голосами в лад глубоким звукам верхнего набора.

Гнутый гриф, отходящий от резонатора, трудно было держать в руках. Вообще, весь инструмент явно был рассчитан на более широкую грудь. Впрочем, помог короткий ремень, протянувшийся от верха грифа до резонатора. Привычным движением повесив инструмент на шею, Джон-Том обнаружил, что, склонив-

шись вперед, достает до обоих наборов струн. Он перебирал струны обеими руками, подбирая аккорды на верхних и отзываясь нижними.

Талея, вздохнув, отвернулась и направилась дальше, Маджследовал за нею, замыкал шествие Джон-Том. Сердце его ныло куда сильнее истоптанных ног, но музыка помогала. Он постепенно сообразил, как лучше двигать рукой — учитывая кривизну грифа, — и скоро уже мог подобрать знакомые аккорды, даже кусочки мелодий. Как всегда, успокоительные звуки заставили его почувствовать себя лучше... Дух его возвысился, как и уровень адреналина в крови.

Некоторые песни звучали почти что без фальши. Но, хотя он то натягивал струны, то ослаблял их, чистого звука не получалось... Джон-Том стал опасаться, что порвет струны или поломает колки. Впрочем, инструмент едва ли можно было назвать нежным, скорее наоборот. Просто он еще не научился его настраивать.

Где-то в середине дня Талея перебралась к нему поближе и, прислушиваясь к почти музыкальным звукам, выходившим из-под рук Джон-Тома, спросила без обычных колкостей и сарказма:

— Джон-Том, а ты не чаропевец?

— Мммм? — Он поднял глаза. — Как это ты меня назвала?

— Чаропевец. — Она кивнула в сторону выдра, вышагивающего в нескольких ярдах впереди. — Маджговорил, что волшебник Клотагорб втащил тебя в наш мир, потому что посчитал чародеем, который мог бы помочь ему в колдовских делах.

— Правильно. Но у меня же незаконченное высшее.

Она с сомнением поглядела на него.

— Волшебники таких ошибок не допускают.

— Ваш вот сплоховал.

— Значит, ты не... — Она странными глазами глядела на него. — Чаропевец — это такой волшебник, который чародействует с помощью музыки.

— Неплохая идея. — Джон-Том коснулся нижних струн, и в воздухе, смешиваясь с золотистыми от солнца пылинками, заплясали почти безупречные ноты. — Хорошо бы ты оказалась права. — Он смущенно ухмыльнулся. — У нас мне говорили, что хотя тенор мой чарующим не назовешь, однако мелодия выходит чудесно. Но это вовсе не то, о чем ты думаешь.

— А ты откуда знаешь? Вдруг Клотагорб не ошибся?

— Талея, это глупо. Я не более волшебник, чем вы с Маджем. Черт, даже просто играть на этой штуковине на ходу и то сложно... А тут еще посох мешается за спиной: все норовит высвободиться. К тому же, — пальцы его пробежали по верхним струнам, — я даже настроить его не могу. А как играть, если все время фальшивишь?

— А ты всеми дутипами воспользовался? — В ответ на откровенно недоумевающий взгляд его Талея жестом указала на настроечные колки. Он кивнул. — А как насчет дутипов? — Юноша вновь не понял и на сей раз имел все основания удивиться.

Снизу в днище инструмента были вделаны две кнопки. Он их не заметил — все внимание свое Джон-Том уделил струнам и дутипам, как она их называла. Юноша покрутил кнопки. Каждая каким-то образом сжимала тоненькие металлические и деревянные стойки внутри резонатора. Одной регулировались дисканты, другая разом понижала звук на пару октав и приблизительно соответствовала бас-модулятору. Он внимательно поглядел на них. Вместо обычных «диск» и «бас» на кнопках стояло «дрызг» и «масс».

Однако качество звука определенно улучшилось.

— Попробуй теперь, — потребовала Талея.

— Что пробовать? Я уже на Мадже проверял, так что не советую рисковать...

— Я не боюсь, — ответила она, не поняв. — Не ищи звук, поищи магию. Не мог столь великий волшебник, как Клотагорб, допустить подобный промах, невзирая на старость.

Магию ей подай, размышлял Джон-Том... Не ищи звук. Ух ты, а ведь ведущий бас одной из весьма знаменитых групп говорил ему совсем другое. Проще было попасть к папе римскому, чем встретиться с этим музыкантом, — Джон-Том совершенно случайно столкнулся с ним в вестибюле перед концертом. В зале ожидали двадцать тысяч человек. Запинаясь в трепете перед знаменитостью, он умудрился спросить обычного в таких случаях «совета молодому... трудолюбивому гитаристу».

— Вот что, парень... попытайся добиться звука. Слышал? Попробуй добиться звука. Слышал? Попробуй добиться звука.

Сия поспешно сформулированная идея из-за своей неожиданности застряла в его голове. Джон-Том не один год добивался звука, но даже не приблизился к своей цели. Так обычно и случается со всеми, кто намеревается стать музыкантом. Должно быть, те, кто умеет найти звук, становятся профессионалами... прочие остаются любителями. А может быть, ощутить разницу можно, только набравшись как следует?

Чертовщина.

Он повозился еще с басами и дискантами. Звук становился все чище. Не сыграть ли что-нибудь посложней? Джон-Том, расслабься. Терять все равно нечего. Эта пара критиков никоим образом не сумеет повлиять на твою музыкальную карьеру. Но Джон-Том всегда мечтал овладеть звуком, а поэтому...

— «Пурпурный туман»... — затянул он и, как обычно с ним бывало, растворился в музыке, забывая о внимающей Талее и о Мадже, забыв о том, что попал в совершенно чужое пространство и время... забыв обо всем, кроме звука.

Он пытался выжать все, что было в его силах, из этого странного изогнутого инструмента. Музыка поднимала его, наполняла тем дивным восторгом, который всегда даровало ему истинное искусство. Где-то сквозь мелодию он слышал отголоски дребезжащего пения своей старенькой электрогитары. Нервы его трепетали от удовольствия, в ушах отдавались знакомые звуки. Он был воистину счастлив и ласкал, сжимая в руках, инструмент, позабыв об окрестностях, о собственных тревогах... даже о родителях.

Прошло много времени, а возможно, и просто пара минут — и он ощутил, что его трясут чьи-то руки. Заморгав, Джон-Том оторвал пальцы от струн, последний резкий аккорд еще таял в лесу меж ветвей и листьев. Он недоуменно поглядел на Талею, и она отступила на шаг. Девушка смотрела на него странным взглядом.

Мадж глазел тоже, но держался чуть поодаль.

— Ну, что случилось? Неужели было так плохо? — У юноши слегка кружилась голова.

— Ну, дурят нашего брата, ну, дурят, — заметил выдр со странной смесью почтения и недовольства в голосе. — Извини, парень. А я-то так и не догадался, что ты меня все время тока за нос водил. Вот что — не будь со мной крут. Я ж все делал так, чтоб тебе самому лучше было, и...

— Прекрати, Мадж. О чем это ты болтаешь?

— Ты сотворил звуки... и кое-что еще, чаропевец. — Юноша, открыв рот, глядел на девицу. — Значит, решил, что сумеешь провести нас, как старого Клотагорба? Посмотри-ка на свою дуару.

Взгляд Джон-Тома опустился вниз, и он едва не подскочил. По краям инструмента затухал яркий фиолетовый свет, трепетавший еще на ясных металлических струнах.

— Но я не... Я же ничего не сделал. — Джон-Том оттолкнул от себя инструмент, словно тот мог вдруг ни с того ни с сего тяпнуть его за пальцы. Но ремень удержал дуару, которая возвратилась, ударив юношу по ребрам. Дубина за спиной покачнулась.

— Попробуй еще, — шепнула Талея. — Ищи свою магию.

Темнело, пожалуй, слишком уж быстро. Нерешительно — в конце концов, это же всего лишь дуара — Джон-Том притронулся к нижним струнам и сыграл на них несколько тактов «Пурпурного тумана». И каждый раз, когда он прикасался к струнам, они испускали фиолетовый свет.

Но было и еще что-то. Сама музыка казалась здесь другой. Прохладной, как вода из горного озера, и шершавой, словно напильник. В голове его полыхали белые молнии, по рукам бегали мурашки. Обломки мыслей громыхали в его голове, как в погремушке.

М-да... Но какой звук!

Он попробовал вновь, уже более уверенной рукой. Мощные

аккорды срывались со струн с громом — он такого не ожидал. Раскаты отдавались далеко в лесу, хотя никакого усилителя не было и в помине. Этот могучий звук исходил из дуары, уверенно покоившейся на его животе, а из-под пальцев струился свет.

«Что это, — метались мысли, — инструмент ли виною или же преображаюсь я сам?»

Строчка целиком была из какой-то песни, однако она позволяла если не объяснить, то понять, что с ним происходит.

— Нет, я не чаропевец, — наконец сообщил Джон-Том Маджу и Талее. — Просто не знаю, что и думать. — Смирение в собственном голосе удивило его самого. — Но мне всегда казалось, во мне что-то есть. Так думает всякий, кто хочет стать музыкантом. Есть такая строчка в одной песне: «Магия в музыке, а музыка во мне». Наверно, Талея, ты права. Может быть, Клотагорб не так уж и ошибся... Тогда буду делать, что сумею, хотя я еще ничего не понимаю. Пока, по-моему, мне удалось только заставить эту гитару светиться фиолетовым огнем.

— Приятель, что нам в том, как ты это делаешь. — Маджа уже распирала гордость за успехи Джон-Тома. — Тока не позабудь как.

— Надо... поэкспериментировать. — Ум Талеи лихорадочно напрягался. — Джон-Том, ты должен уметь направлять свои способности. Любой волшебник...

— Не надо... Не зови меня так.

— Ну, любой чаропевец умеет сотворить то, что захочет. А так, если не знаешь, что получится, магия не то что бесполезна — опасна.

— Но я не знаю нужных слов, — запротестовал Джон-Том. — Просто нет таких песен — с научными словами.

— Джон-Том, ты владеешь музыкой. Ее магии достаточно, чтобы слова сделали свое дело. — Она огляделась. В лесу темнело, сумерки мягко опускались на макушки деревьев. — Что нам сейчас нужно?

— Деньги, — без промедления вставил Мадж.

— Заткнись, Мадж. Будешь ты, наконец, серьезным?

— Там, где речь идет о деньгах, любашка, я всегда серьезен.

Талея кисло глянула на него.

— Отсюда за деньги не выберешься — нечего покупать. Деньги не помогут нам быстро и благополучно добраться до Клотагорбова Древа. — Она выжидающим взором поглядела на Джон-Тома. — Может, попробуешь?

— Что? Переместить нас туда? Но я не знаю чем... — Он умолк, все еще чувствуя опьянение. Должно быть, причиной этого было воздействие музыки... Или власть над нею, вдруг появившаяся у него... Или сознание того, какие способности вдруг свалились на него, а он и не знает, что с ними делать.

Итак, придется вести их к Древу. Делай, дурень, женщина просит.

А какую же песню использовать? В этом и кроется главное, кого бы ты ни хотел заворожить, — духов или зрительный зал.

«Бич Бойз»... Да, наверное. «Чертовщинка в машинке». Ну, и раз берешься за дело, Меривезер, нечего дурачиться по пустякам. Давай-ка создадим нечто действительно реальное.

Голова Джон-Тома кружилась. Почти ничего не замечая, он прочистил горло и завел: «Дорога гладка, лети моя «девятка».

Дуара в колыбели рук его завибрировала и засветилась. На сей раз свечение со струн перешло на весь инструмент. Он словно ожил в руках Джон-Тома и даже попытался освободиться. Тот еле удерживал дуару, неловко прищипывая пальцами струны... Они вырывались из-под рук.

Талея и Мадж отступили назад, потрясенные лица их были обращены к траве. Пульсирующий желтый шар свалился с дуары на землю. Он рос, вращался, набухал музыкой. Занятый инструментом Джон-Том смотрел в другую сторону.

Когда возглас Талеи заставил его наконец повернуться, светящийся объект значительно увеличился. А что, сработало, взволнованно сказал он себе. Объект уже начинал принимать форму грубого цилиндра. Оставалось только надеяться, что лимонно-желтый седан материализуется с полным баком бензина — песен, посвященных этой жидкости, он не знал. И тогда по лесу их повезет экипаж, подобного которому еще не знал этот мир.

Он и в самом деле был чуть-чуть под хмельком. Гордость пьянит мозг не хуже алкоголя. Джон-Том уже начал придумывать на ходу вирши о гоночных шинах, пристяжных ремнях и магнитофоне... В конце концов, если делаешь дело — так делай его хорошо.

И вдруг раздался громкий хлопок, словно рядом выстрелила тысяча пробковых ружей. От неожиданности он полетел на спину, дуара хлопнула его по животу.

Там, где только что был желтый цилиндр, возникло нечто могучее. Гоночные шины отсутствовали, однако трудно было сомневаться в способности объекта к передвижению. Верха не было... электронных приборов тоже.

Фары были обращены прямо к Джон-Тому, они горели ярким красным огнем, только посередине каждую пересекала узкая черная полоса. Из-под «капота» выполз тонкий язык и лизнул распростертого перед «машиной» Джон-Тома.

Негромко урча, «машина» глядела на юношу, он тоже не мог отвести от нее глаз.

Невзирая на страх, охвативший Джон-Тома, ни Талея, ни Мадж не обнаруживали испуга. Они деловито, даже с восхищением оглядывали транспортное средство. Тут Джон-Том набрался храбрости, сел и обозрел дело рук своих.

Заметив поводья, он сразу все понял. В пасти огромной змеи не было удил. Никакое живое создание не сумело бы повернуть голову могучей твари. Вожжи крепились к двум ушным отверстиям, почти прямо за глазами.

Обойдя змею спереди, Талея подобрала поводья, резко потянула за них, коротко выкрикнула какое-то слово. Огромная рептилия кротко опустила голову на землю. Красные глаза тупо глядели прямо вперед.

Джон-Том поднялся на ноги, и восхищенный Мадж повлек его за собой.

— Пошли, приятель! Во ты какой у нас колдун! Не сердись тока, что я над тобой дурачился!

— Забудем об этом. — Стряхнув оцепенение, Джон-Том позволил подвести себя к огромной змее. Она была не менее сорока футов длиной, хотя из-за невероятной ширины — в два человеческих роста — казалась короче. На спине размещены были четыре седла. Их удерживали не ремни, пропущенные под животом, а нечто вроде присосок, плотно прилегающих к гладким чешуям.

Чуть успокоившись, он признался себе, что змеюга вышла просто восхитительная: алые, синие, ярко-оранжевые полосы кольцами опоясывали тело. Так вот какую «машину» вызвал он к бытию своей песней! Магия сработала, но с учетом особенностей этого мира. Сил Джон-Тома явно не хватило, чтобы магические силы буквально восприняли его слова.

— Она не ядовитая? — Другого вопроса он придумать не мог.

По-выдриному чирикнув высоким смешком, Мадж подтолкнул Джон-Тома к одному из задних сидений.

— Все же ты у нас шутник.

Талея уже уселась. Она с нетерпением ждала, когда займут места и ее спутники.

— Это л'бореанская змея, посмотри. От кого ей нужно обороняться ядом? Разве что от каких-нибудь родственничков, тока на них-то у нее и зубов хватит.

— А чем же такая громадина питается?

— Ну, другими ящерицами... Всякими неразумными травоядными, которых можно поймать в лесу.

— А потом их, значит, укрощают для верховой езды?

Мадж покачал головой в ответ на новую шутку.

— Ну а, по-твоему, для чего же? — Он громко постучал по кожаному седлу. Стремена оказались высоковато, однако сильные руки Маджа помогли молодому человеку взобраться.

— Давай наверх, приятель, и поехали.

Джон-Том перебрался на последнее седло. Он уцепился за луку, вставил в стремя правую ногу и сжал бока змеи... С тем же успехом можно попытаться обхватить железный столб, решил он.

За Маджем виднелся алый маячок волос Талеи. Девушка громко зашипела. Змея послушно тронулась вперед, и Джон-Том покрепче уцепился за луку, чтобы не упасть.

Ничего подобного ему еще не приходилось испытывать. Не то чтобы ему доводилось ездить верхом на ком-нибудь, кроме изобилующих дома пони... Но двигалась змея неожиданно ровно. Он вспомнил про ящеров, запряженных в их повозку, но лишенная ног змея передвигалась намного мягче. Технически говоря, без всякого аллюра.

Не трясло и не качало. Змея масляной лентой перетекала через бугры и ухабы, и через несколько минут абсолютно ровной езды Джон-Том решился выпустить луку седла. Расслабившись, он с удовольствием принялся разглядывать лес. Насколько же успокаивается ум, когда становится легче ногам!

Он убедился, что дуара надежно прилегает к его животу, а боевой посох прочно держится за спиной, и принялся наслаждаться ездой.

Трудно было привыкнуть только к одному: невозможно понять, куда они направляются, настолько обманывали глаза движения змеи. Наконец он попробовал следить за головой рептилии: получалось скорее нечто вроде хождения под парусами, но уж никак не верховая езда.

Вперед они двигались гладко, но постоянное скольжение справа налево несколько будоражило вестибулярный аппарат. Наконец он сообразил, что лучше глядеть в сторону.

— А знаешь, я вовсе не это чудище вызывал, — обратился он к Маджу. — Совсем другую штуковину.

— И чего ж? — Мадж с любопытством поглядел через плечо.

Пусть Талея правит, он же показал ей, в какую сторону ехать.

— Я хотел джип или вездеход. Но песен о них я не знаю, пришлось воспользоваться самой близкой по смыслу.

— Не знаю, что это за первая штуковина, — отвечал Мадж, принявшись на ходу умываться, — тока ж у тебя и вышел вездеход, разве что не того вида.

— Интересно, — вслух подумал Джон-Том, — радоваться надо, что я о танках песен не знаю... Чем бы тогда все закончилось?

Мадж нахмурился.

— Опять чудишь. А как мы тогда перебрались бы через воду... через ручьи, которых в Колоколесье не счесть?

Джон-Том начал было объяснять, но затем решил, что, пожалуй, не стоит описывать им технические возможности другого мира. Змея вполне удовлетворяла и Маджа, и Талею. С чего бы тогда ему проявлять недовольство? Во всяком случае, на любом земном механическом транспорте их бы порастрясло.

Он лениво пробежал пальцами по малым струнам дуары. Нежные звуки арфы затрепетали в лесном воздухе. Ему чудилось

в них знакомое, необъяснимое здесь электронное дребезжание старой гитары.

Джон-Том пробормотал под нос несколько тактов «Ярмарки в Скарборо», но потом передумал. Пусть лучше их встреча с Клотагорбом состоится без всяких помех. Неизвестно, какие еще последствия могут здесь вызвать случайные слова. Что, если перед ним вдруг окажется ярмарка — с собаками, жонглерами, менестрелями и... полицией?

Впрочем, Джон-Том разрешил себе поиграть для забавы, но язык при этом держал за зубами. Молодой человек перебирал струны, не открывая более рта. Он старался не касаться верхних струн, порождавших могучий рокот при малейшем прикосновении. Они каким-то загадочным образом усиливали звук, но как это получалось, он понять не мог.

Он-то хотел получить четырехколесный автомобиль, допускал возможность появления двухколесного велосипеда, а получил транспорт без колес, причем куда более эффективный, чем тот, на который рассчитывал. Что еще нужно, чтобы комфортно чувствовать себя в лесу? Автомат «М-16» или же — учитывая размер змеюги, а также ее потенциально воинственных родственничков — несколько ракет типа «Честный Джон»?

Ну, тогда он получит меч или что-нибудь вроде того. Лучше уж рассчитывать на смекалку и дубинку за спиной, иначе можно и самому получить залп из наколдованного оружия. Он решил, что будет очень-очень осторожен, прежде чем вновь попытается напеть что-то еще.

Джон-Том перебирал струны, змея скользила вперед в сгущающийся мрак. На вопрос о том, куда она правит, Талея отвечала, что сегодня нужно отъехать как можно дальше!

— С чего вдруг такая спешка? Мы и так двигаемся с обалденной скоростью, пешком было бы гораздо медленнее.

Она оглянулась и показала вниз.

— Погляди, какой след мы оставляем. — Посмотрев назад, Джон-Том заметил полосу поломанных веток и примятой травы, остававшуюся позади змеи. — Налетчики из Усадьбы Жулья такого не пропустят.

— Да? Но они же не догадаются, что это мы.

— Может, и не догадаются. Только на л'бореанских верховых змеях у нас разъезжают лишь самые богачи. И, в надежде сорвать крупный куш, разбойнички непременно увяжутся по ее следу, в особенности если он ведет не к городу. Конечно, обнаружив на змее только нас, а не толстого купца, они разочаруются, что может неприятным образом сказаться на нашем дальнейшем существовании.

— Именно, золотко, — с готовностью подтвердил Мадж. — Есть у них такая неприятная, прямо скажу, пакостная наклонность — улаживать все недоразумения, не прибегая к словам.

— Как это? — хмурясь, переспросил Джон-Том.

— Перво-наперво убьют, а вопросы задавать потом будут.

Юноша мрачно кивнул.

— Да, такие встречаются и в наших краях.

И он вновь задумчиво обратился к дуаре. Она уже была едва заметна во мраке. Джон-Том повозился с ручками на корпусе, и на струнах заиграли голубые огоньки. Он старался не открывать, не произносить слов песни, которую играл. Но одну мелодию — без текста — трудно вспомнить. На востоке серебряным долларом выкатилась на небо луна.

Однажды он не удержался и произнес несколько слов, на боку змеи тут же стало появляться нечто зеленое. Черт, не выходит. Нужно сыграть такое, где слов нет вовсе, так безопаснее.

Пальцы заскользили по струнам по-другому. Уже лучше, решил он. А потом заметил взгляд Маджа.

— Что случилось?

— Кой черт с тобой творится, Джон-Том?

— Это фуга Баха, — отвечал он, не понимая. — Там, откуда я взялся, эту мелодию знают все.

— На хрен все это, приятель! Я не за твою музыку. Я за твою компанию.

Голос был какой-то странный — и не встревоженный, и не спокойный. Джон-Том поглядел направо... и схватился за луку, чтобы не выпасть из седла.

Глава 10

Он смотрел прямо в кишащую чем-то пустоту. В ней присутствовало нечто загадочное... Сотни каких-то сущностей. Но когда он поглядел на них, они исчезли.

Куда-то налево, подумал он, и вновь повернулся за ними, и они опять пропали.

— Кажется, над тобою, приятель. — Джон-Том откинул голову назад, чтобы вновь ничего не увидеть. Они метнулись вниз, чуть вправо — за дерево гинкго, но и так он их не увидел, потому что теперь они бросились влево, но и там их уже не было.

У Джон-Тома начала кружиться голова.

Он словно бы пытался увидеть эхо. Напрягая глаза, он вглядывался, но каждый раз мог различить лишь какие-то тени.

— Ничего не вижу. То есть вижу, но не совсем.

— Конечно. — Мадж уже ухмылялся. — Я тоже. Их видно, тока когда они исчезли уже.

— Но ты-то ведь видел? Только что? — проговорил Джон-Том, чувствуя себя дураком, потому что сам-то вполне был уве-

рен — возле них в лесу что-то есть. — Ты же сказал мне глядеть туда, где они оказались.

— Приятель, это верно лишь наполовину. Я сказал, чтоб ты посмотрел, но не в ту сторону, где они тогда были. Их можно увидеть тока когда они исчезают. — Выдр поскреб ухо и поглядел назад через мохнатое плечо. — Но — никогда не выходит. Их так не увидишь. Тока те вот, кому почти удалось их заметить, так и не могут прекратить этого дела. Вона!

Он быстро показал вправо. Джон-Том повернул голову так резко, что защемил нерв и дернулся от боли. Визуальные отпечатки образовывали в памяти изображение.

— Они здесь повсюду крутются, — сообщил Мадж, — тока в основном возле тебя.

— Кто это — они?

Путалось не только в глазах, путался уже и разум. Трудно было сразу видеть и не видеть и не пытаться додумать увиденное... Что же такое представляют из себя эти самые «они»? Или не представляют? Это как с двумя магнитами: ты можешь приблизить друг к другу одноименные полюса, но в последний момент они всегда разойдутся.

— Это гничии.

Джон-Том быстро поглядел налево. И снова ничего не увидел. Но ощутил уверенность, что, подвинь он глаза в сторону — на какую-то чуточку, — и, несомненно, все четко и ясно увидит.

— Что еще за чертовы гничии?

— Ни хрена себе... Так ты чего говоришь, в твоем этом самом месте... У вас их нету, что ль?

— Мадж, у нас нет многого, к чему вы здесь привыкли.

— А я-то думал... — Выдр пожал плечами. — Гничии, они всегда вокруг нас и повсюду. Просто иногда их лучше видно или хуже не видно... не знаю, как точнее сказать. Их чаще миллионы и миллионы.

— Ты сказал, миллионы? А почему мне хотя бы одного увидеть не удается?

Мадж воздел лапы к небу.

— Хорош вопросец, а? Не знаю. И никто не знает. Держу пари — даже Клотагорб. А чего... чего они там из себя представляют — так это еще одна тайна. Самое лучшее описание, которое мне удалось услышать, так это они то, что видишь, когда повернул голову и ничего не увидел, хотя знал, что там чтой-то есть. Гничии — это то, что, казалось, увидел уже уголком глаза, ан нет — повернул, и исчезло. Ваще — почти-были, едва-ли-есть, то-ли-были-то-ли-не-были. Они всегда с нами, и их всегда нет.

Джон-Том задумчиво откинулся в седле, сопротивляясь желанию поглядеть направо или налево.

— Может, они и у нас есть. Только здесь они чуть более видимы, даже более материальны, чем у нас. — Он подумал, не кишит

ли весь университет миллионами гничиев. Это помогло бы объяснить многие факты. — А откуда ты знаешь, что они реальны, раз их невозможно увидеть?

— Конечно, реальны, чувак, или тебе котелок другое говорит? Сам ведь видишь. Просто ум они могут еще одурачить, а глаза — не совсем удается. Тока что мне до них? У меня хлопоты другие — простые, значит, так вот. А для тех, кто ими интересуется, иметь дело с гничиями — одно наказание. Они магии не чувствуют. Не было такого волшебника, что сумел бы остановить гничия и посмотреть, что это такое. И Клотагорб не может, и Квуелнор... Даже легендарный Насаделма не умел этого. Тока они безвредные, я еще не слышал, чтоб кому от них худо было.

— А ты откуда знаешь? — удивился Джон-Том. — Их ведь даже не видно.

— Угу, не видно... Тока покойничков возле них тоже не видно.

— У меня от них мурашки по коже бегут. — Джон-Том пытался не смотреть вокруг, что стоило ему все больших и больших усилий. Одно дело знать, что видишь такое, чего нет на самом деле, другое — понимать, что вокруг тебя с неизвестными целями в воздухе роятся миллионы и миллионы существ неизвестного вида.

— А почему они возле меня трутся?

— Кто знает, приятель. Тока слыхал я... Словом, они, гничии-то, к тем льнут, кто встревожен или нервничает. Ну и к вам еще, чудотворцам. Стало быть, ты годишься сразу с двух сторон. А раньше ты ничего не замечал возле себя, когда бывал в таком вот настроении?

— Замечал. Когда нервничаешь, всегда что-нибудь не то кажется.

— Они не кажутся, — поправил Мадж. — Они всегда вьются возле тебя. И они тут ни при чем. Просто тянет их к такому... Чувствам твоим и ощущениям, потому что они у тебя не от этого мира.

— Ну и ладно, только я хочу, чтобы они убирались. — Джон-Том обернулся и закричал: — Подите отсюда, убирайтесь! Немедленно! — И замахал руками, словно отгоняя стаю мух. — Вредные вы или безвредные, нечего вам около меня делать. Не раздражайте меня!

— Так не пойдет, Джон-Том, — проговорила Талея, оборачиваясь назад в своем седле. — Чем больше будешь злиться, тем больше гничиев будет к тебе липнуть.

Юноша настойчиво махал руками.

— Неужели же я ни одного не зацеплю? Для этого ж их и видеть не надо. Если там и впрямь что-то есть — я рано или поздно попаду хоть по одному.

Мадж вздохнул.

— Вот послушаешь тебя, парнишка, так вечно кажется, что на канат жизни тебя вытолкнули, а вот балансиром снабдить позабыли. Раз гничии слишком быстры даже для твоего взгляда, как можно надеяться, что они подвернутся под твои ленивые руки? С ихней точки зрения, мы тут в чану с патокой плаваем. А может, и не движемся вовсе, так, просто как часть пейзажа. Разве тока чувства всякие излучаем... или что там их к нам привлекает. Лучше поблагодари знак, под которым рожден, за то, что они безвредны.

— Не верю я в астрологию. — Наверно, пора было направить разговор в другое русло. Беседа о гничиях становилась бесполезной.

— А кто тут об ей говорил? — Выдр удивленно поглядел на юношу. — Что до меня самого, так я родился под знаком сапожника в береговой общине Мчикаменья. А ты?

— Не знаю... А, вот что, наверное, я рожден под знаком генерального клерка графства Лос-Анджелес.

— Значит, из военных будешь?

— Не совсем, — рассеянно отвечал Джон-Том, ощутив определенное утомление от всех экспериментов со своими вновь обнаруженными способностями, не говоря уже о миллионах не вполне физических существ, находящих его привлекательным. Чтобы отделаться от них, нужно не волноваться, лучше успокоиться... Вообще, стать здесь своим. Он еще мог заставить себя успокоиться и не паниковать, но как быть с последним пунктом?

Он провел беспокойную ночь. Мадж и Талея безмятежно спали, лишь раз послышался удар кулаком по мохнатому телу, а затем раздалось недовольное ворчание.

Джон-Том уснуть не мог, как ни старался. Не думать о присутствии гничиев можно было с тем же успехом, что и не произносить определенного слова. В итоге получалось, что ни о чем другом, кроме этого слова — в данном случае то были гничии, — ты думать не можешь.

Он впивался глазами во тьму, замечал только движение крошечных, едва светящихся искорок, что исчезали в ночи, избегая его взгляда. Но мозг требует своего, и постепенно глаза Джон-Тома устали, как утомилось и все его тело, и он уснул под воркование гигантских ползучих папоротников, ночных летуний-рептилий и под громкий хор водяных клопов, ухитрившихся в своем пруду изобразить нечто, весьма напоминающее шествие из сюиты Прокофьева к «Подпоручику Киже».

Когда он наутро проснулся, яркий солнечный свет выгнал из памяти все мысли о гничиях. Немедленно сделалась понятной двойственная природа их образа жизни. Чем больше ищешь их — тем больше налетает. И наоборот: чем меньше обращать на них внимания, считая существование гничиев нормальным, тем мень-

ше их будет возле тебя. То есть на практике выходило, что пчел следует отгонять медом.

Ближе к вечеру не знающая усталости ездовая змея пошла в гору. На востоке маячили вершины, которых Джон-Том еще не видел. В этой части Колоколесья они с Маджем так высоко не забирались.

Далекий хребет — зубастый, словно вершина Гран Тетона, — укрыт был высокими облаками. Он тянулся с юга на север.

— Это? Зубы Зарита. А вот там, — указала Талея поверх деревьев, — там пик Костолом, на нем здесь держится мир... Склоны его усыпаны костями тех, кто решился подняться по ним.

— А там — с другой стороны?

В голосе девушки послышался трепет... даже страх, столь несвойственный отважной Талее.

— Зеленые Всхолмия, где обитает Броненосный народ.

— Я слыхал. — И Джон-Том ребячливо ухватился за проявленную Талеей слабость. — Ты что, боишься их?

Она скорчила физиономию, нахмурилась, рукой отвела от глаз рыжие волосы, пригладила огненные локоны.

— Джон-Том, — проговорила Талея серьезным тоном, — на мой взгляд, ты мужчина храбрый — правда, иногда кажешься глуповатым, — но о Броненосном народе ты ничего не знаешь. Не следует пренебрежительно относиться к тому, о чем не имеешь представления. Твои слова меня не задели, потому что я не боюсь признать собственный страх. Кроме того, я понимаю, что ты так сказал по незнанию... иначе слова твои были бы другими. Поэтому я не обиделась.

— Я мог бы сказать то же самое, даже если б и знал твой Броненосный народ. — Он не сводил с нее глаз.

— Зачем это? — Зеленые глаза поглядели на него с любопытством.

— Потому что я хочу видеть тебя взволнованной.

— Не понимаю, Джон-Том.

— Ты ж дразнила меня, насмешничала, дураком выставляла... с самой первой встречи. И мне так хочется отплатить за насмешки. Я, конечно, не надеюсь, что теперь ты будешь обо мне лучшего мнения. Наверное, я по-прежнему являюсь превосходной мишенью для твоих шуточек... Вспомнить хоть передрягу в Усадьбе Жулья. Жаль, конечно, но выучиться, не ошибаясь, нельзя, а если эти ошибки иногда имеют плохие последствия... Я ничего не могу поделать. Талея, я не хочу тебе ничего плохого. Я был бы только рад, если бы мы стали не просто союзниками, а друзьями. И если ты не против, я бы хотел от тебя лишь чуточку понимания и поменьше сарказма. Ну как?

Более чем удивленный столь продолжительным выступлением, Джон-Том откинулся в седле.

Змея скользнула на луг... Вокруг трепетали зеленые и розовые крылья стеклянных бабочек, подсолнухи моргали своими огромными янтарными глазами... Талея все смотрела на юношу.

— Знаешь, Джон-Том, по-моему, мы с тобой уже стали друзьями. А если я была грубовата с тобой — так это от нетерпения и разочарования, а не по неприязни.

— Значит, я тебе все-таки нравлюсь? — Он не сумел скрыть надежды в улыбке.

Девушка едва не улыбнулась в ответ.

— Если будешь скор не только на словах, но и в новообретенной магии, тогда мы действительно окажемся в безопасности.

Она отвернулась, и Джон-Тому показалось, что на лице ее он заметил нечто среднее между удивлением и глубокой заинтересованностью. Впрочем, возможно, и нет — на деле мысли Талеи могли оказаться столь же неуловимыми, что и гничии.

Он промолчал, и короткий разговор окончился. Довольно было и того, что теперь он ощущал большую уверенность в прочности их отношений, хотя Талея, возможно, хотела лишь заверить юношу в том, что не испытывает к нему враждебности. И тут Джон-Том обнаружил абсолютно безотказный и простой способ изгнать гничиев вон из головы. Стоило только сосредоточиться на округлом задике Талеи, мягко покачивающемся в седле...

Прошел еще один день. Еще один день прожили они, питаясь корнями, орехами, ягодами, мясом рептилий. Джон-Том даже не предполагал, что оно окажется таким мягким и нежным. Пусть Маджи и любил прихвастнуть, все же он был искусным охотником, и за трапезой всегда было жаркое из ящерицы или змеиное филе.

Прошел еще один день, и впереди показалась знакомая поляна. Посреди нее высился могучий дуб, не потерявший за это время ни единого листочка.

Утомленные ездоки слезли на землю. Талея привязала ездовую змею так, чтобы та могла ползать кругами. Нельзя, пояснила девушка, отпустить пресмыкающееся поохотиться: без постоянного присмотра л'бореанские верховые змеи быстро дичают.

— Во дерьмо, опядь вы туд! — немедленно высказал свое мнение черный крылатый силуэт, отворивший им дверь. — Или ды, парень, вовсе дуп, или непроходимо глуп. — Взглядом ценителя Пог глянул за спины Маджа и Джон-Тома. — А эдо кдо? Приядная девочка...

— Меня зовут Талея. Этого тебе достаточно, раб.

— Раб? Кдо эдо здесь раб? Я дебе покажу, кдо у нас раб!

— Ты, старина, потише, пожалуйста. — Маджи шагнул вперед короткими лапами, загородив Талею от нападения крылатого мыша. — Она нам друг, правда, на язычок колковата. Скажи-ка Клотагорбу, что это мы вернулись. — Он предупреждающе гля-

нул на Джон-Тома. — Кой-какая неудача у нас приключилась, значит. Неудача, говорю, вот и пришлось чуток поторопиться.

— Во, теперь, ей-богу, не врешь, — с надеждой в голосе проговорил мыш, — иначе не приперся бы сюда. Ой, поднапортачил же ты... Хошь пари? Интересно будед поглядеть, как эдо старый жук превратит тебя в человека. — Он поглядел вниз. — Со смеху сдохнешь небось — на даких-до коротких ножках.

— Разве так приветствуют друзей, Пог? Тока не говори больше таких жутких вещей, иначе я, того гляди, в штаны напущу и перед дамой опозорюсь. Мы делали только то, чего нельзя было не делать. Так ведь, парень? — Выдр озабоченно поглядел на Джон-Тома.

С этим заявлением Джон-Том согласился не без внутреннего сопротивления. Возможно, для учителя Мадж не слишком-то склонен к альтруизму, но он ведь старался! Лишь выдра молодой человек в известной мере мог считать другом в этом мире, пусть отношения с Талеей сулили даже большее. Впрочем, он вполне отдавал себе отчет: случись что — выдр куда надежнее, чем Талея.

Однако выкладывать все это Погу смысла не имело.

— Ага, в Линчбени нам пришлось туго. Кроме того, нашлись еще кой-какие причины возвратиться к его чародейству.

— Ну ладно, ладно. Входиде. Дупицы поганые... Опядь, значид, сейчас работенка для Пога найдется. — И он полетел вперед, недовольно бурча себе под нос, словно неисправный мотор.

Джон-Том пропустил вперед Маджа.

— Талея, попридержи язычок. Помни, этот самый Клотагорб и похитил меня из моего мира. Это очень могущественный волшебник, и хотя он проявил по отношению ко мне заботу... даже доброту, старый чародей сейчас весьма озабочен зреющим кризисом, и я сам видел, как он чуть-чуть не испепелил этого мыша.

— Не беспокойся, — отвечала девушка с напряженной улыбкой. — Я знаю, кто он такой и что из себя представляет. Дряхлый старец, у которого хватило ума засесть в свой панцирь и не высовываться. Или ты считаешь меня необразованной деревенщиной? Я знаю и о чем поговаривают, и что рассказывают. Я знаю, кто сейчас в силе, кто чем занят... и с кем. Вот так и я узнала, что именно он испортил тебе жизнь, Джон-Том. — Она нахмурилась. — Ты самый странный чародей из всех, кого я встречала и о ком слыхала... кроме разве что самого Клотагорба. В этом вы друг друга стоите... Понятно, почему он ни с того ни с сего за тебя уцепился.

Сравнение удивило Джон-Тома. Ему и в голову не приходило, что у него и волшебника-черепахи может оказаться нечто общее.

— Это ничего, — с готовностью отозвался он. — Я тоже еще не сталкивался с более забавной мартышкой, чем ты.

— Смотри, чтоб на темной улице чего не вышло, там посмотришь, какая я забавная. — В голосе Талеи звучало предупреждение.

— В самом деле? Такими забавами я еще на улице не занимался. Интересно попробовать.

Она хотела огрызнуться, но с явной неуверенностью вдруг заспешила вперед.

— Ладно, ладно. — В голосе ее слышалось раздражение... но не только. — Смешной ты, Джон-Том. Я так и не поняла еще, кто ты такой.

«Значит, — подумал он, провожая ее взглядом, — ты не столь безнадежна, как мне показалось».

Удивительно, размышлял Джон-Том, следуя за Талеей, почему это приятная фигурка, обтянутая узким костюмом, способна моментально прогнать из головы все мысли о столь низких материях, как собственное существование? Эх, натура, основные потребности, думал он.

Но чтобы выжить в этом мире, требуется обратиться именно к ним. Не о том ли говорили ему Клотагорб и Маджс, каждый по-своему? Обратившись к природным потребностям, можно хотя бы избежать безумия.

Но только если Талея вдруг не передумает — а она способна на это — и не проткнет ему пузо мечом. От этой мысли пыл Джон-Тома несколько поостыл, уступив место долгосрочному интересу.

Замедлив шаг, он остановился возле нее в главной палате посреди Древа. От Талеи пахло духами, само присутствие было утешением для молодого человека в этом чужом мире. Не выйдет — будем друзьями. Еще одно знакомое лицо в этом мире.

Из центральной палаты Пог провел их в рабочую комнату, где они с Маджем еще не были, и повис неподалеку. Все четверо принялись наблюдать за волшебником, неловко возившимся с бутылями и фиалами.

Поглощенный работой чародей не сразу заметил гостей. Выдержав надлежащую паузу, Пог подпорхнул поближе и почтительным тоном обратился к нему.

— Простите за вторжение, Мастер, долько они вернулись.

— А... Что? Кто вернулся? — Клотагорб огляделся. Взгляд волшебника упал на Джон-Тома. — Ох, да... Я помню тебя, мальчик.

— Похоже, уже не очень. — Юноша рассчитывал на более теплый прием.

— Дела, дела, мой мальчик. — Волшебник поднялся с невысокой скамьи и отыскал взглядом серый силуэт Маджа, жавшегося за спиной Джон-Тома. — Рановато явились — вот что. Итак, ленивое злоречивое млекопитающее... что ты скажешь в свое оправдание, несносный болтун? Или же вы решили нанести мне

визит вежливости и все у вас идет как по маслу? — В голосе чародея слышалась обманчивая мягкость.

— Дело обстоит не то чтобы, как вы думаете, ваше низкопоклонство, — настаивал выдр. — Я учил юношу тому, как живем мы в Линчбени, но перед нами возникла непредвиденная проблема. Так. И я тут виноват не более, чем он сам. — Большой палец выдра указал в сторону Джон-Тома.

Клотагорб поглядел на рослого юношу.

— Он говорит правду, мой мальчик? Он не подвел меня и хорошо заботился о тебе? Или он и впрямь такой лжец, каким кажется?

— Ну надо ж такое сказать, — негромко возмутился Мадж.

— Трудно утверждать, сэр, что за положение, в которое мы попали, можно было возложить ответственность на кого бы то ни было. — Джон-Том просто чувствовал, как черные глаза выдра буравят ему спину. — С одной стороны, несомненно, я... все мы действительно сделались жертвами весьма невероятного стечения неудачных обстоятельств. С другой же...

— Нет, приятель, — поспешно вставил Мадж, — теперь нет нужды заново перебирать все эти глупости. — Он повернулся к волшебнику. — Ваше Высочайшество, я для парнишки этого сделал все что мог. А чего? Честно скажу — никому из чужестранцев за такое короткое время не удавалось столь подробно познакомиться с нашими обычаями, как этому парню.

Джон-Том подтвердил его слова самым нейтральным тоном:

— Ничего не могу возразить против этого, сэр.

Осмотрев Джон-Тома, Клотагорб заключил:

— По крайней мере, этот увалень одел тебя так, как надо. — Взгляд его остановился на боевом посохе, потом на дуаре. Наконец взгляд чародея обратился к третьему члену маленькой группы.

— А кем же вы им приходитесь, юная леди?

Девушка горделиво шагнула вперед.

— Я — Талея из графства Вавер, из Яркеник, что поспевают ночами, третья у матери, первая с рыжими волосами и зелеными глазами... И я не боюсь мужчины, женщины или зверя... И даже волшебника.

— Хм, — Клотагорб отвернулся от нее и словно бы сгорбился, опускаясь на невысокую скамеечку. Привалившись панцирем к столу, он устало поскреб пальцами лоб и, едва ли не извиняясь, улыбнулся гостям.

— Простите за тон, друзья мои. В особенности ты, Джон-Том. В последние дни мне не до вежливости... Я теперь так легко все забываю. Раз я стал причиной твоих неудобств, мальчик, ты вправе рассчитывать на мое внимание, а не на короткие расспросы о том, чем ты был занят. Моя брюзгливость объясняется лишь тревогой о твоем благополучии. Но, видишь ли, дела идут все хуже, нет даже намеков на улучшение.

— Это тот кризис, о котором вы рассказывали? — сочувственно удивился Джон-Том.

Чародей кивнул в ответ.

— И мои сны из-за этого превратились в чан, полный дегтя. Мне снятся лишь тьма и смерть. И еще — океан тлена, который грозит поглотить все миры.

— А-а-а, да неча обо всем эдом беспокоиться, — встрял Пог, висящий на ближайшем стропиле. — Ты ж, босс, себя эдими пустяками заморишь. А все-до смеются, когда ты к ним панцирем поворачиваешься. Знаешь, какими тебя словами обзывают? Хошь, скажу? Так из них «выживший из ума старикан» — еще самое мягкое будет.

— Знаю я все эти местные россказни. — Клотагорб чуть улыбнулся. — Чтобы оскорбления задевали, надо иметь некоторое уважение к тем, кто их наносит, я уже говорил тебе это, Пог. Что мне до мнения черни, пусть я даже и пытаюсь спасти этот сброд? Какой из тебя получится сапсан, если будешь прислушиваться ко всякому вздору? Ястребы и соколы — гордый народ. Учись быть независимым — умственно и социально.

— Ага, рассказывай дальше, — буркнул в ответ мыш.

Невзирая на все его собственные проблемы, загадочная угроза мирам еще смущала Джон-Тома.

— Значит, ничего нового о природе этого зла вам пока не удалось выяснить? Или об источнике его... Или о том, когда все случится?

Волшебник скорбно качнул головой.

— Все по-прежнему туманно и неосязаемо, мой мальчик. Я еще не приблизился к пониманию сути того, с чем скоро придется сражаться.

Джон-Том попробовал утешить расстроенного чародея.

— А у меня есть сюрприз для вас, сэр Клотагорб. Правда, меня самого он тоже удивил.

— Что еще за загадки, мой мальчик?

— Возможно, я все-таки смогу быть вам полезным.

Клотагорб с любопытством поглядел на молодого человека.

— Ага, да, точно он грит, ваша гениальность, — быстро выпалил Мадж. — Я ему все и подсказал... — Выдр умолк и, немного подумав, отказался от столь явной лжи. — Нет. Конечно же, нет. Заслуга здесь не моя — это он сам все сделал.

— Что он сделал? — переспросил заволновавшийся чародей.

— Мы вот с ним все пытались, значит, ремесло ему подыскать подходящее, ваше руководительство. Молодой он, вот, значит, и не много еще умеет... Просто не на чем было остановиться. Ну, разве что на силе, росте да прыти. Сперва я думал, что из него солдат выйдет хороший. А он в ответ грит: «Хочу в адвокаты или музыканты».

Джон-Том согласно кивнул.

— Значит, ваше лордство может понять, что я подумал о первом предложении. А вот о другом так выходит: голос у него, значит, громкий, тока с мелодией плоховато — если вы понимаете, о чем я. Но вот музыкант из него — дело другое, сэрра. Такое рвение... И еще кое-что. И вот мы наткнулись... действительно набрели случайно на эту великолепную дуару, которая у него щас на шее болтается. И когда он принялся бренчать по струнам, начались странные вещи! Просто не поверите, если скажу. Кругом свет, пурпур, все сотрясается... Ну а звук... — Выдр мелодраматично поднес лапы к ушам. — Парень умеет выжать такие звуки из этой коробки с музыкой! Это он сам говорит, что музыка, тока я такой игры не слышал еще в своей недолгой и полной событий кратковременной жизни.

— Сэр, я не знаю, как все случилось и почему, — Джон-Том провел пальцами по дуаре. — Она вибрирует, когда я на ней играю: словно хочет, чтобы я поскорее привык к ней. А что касается магии... — он пожал плечами. — Боюсь, я в ней не слишком искусен. Едва ли я в какой-то мере способен контролировать то, что является по моему зову.

— Это он скромничает, сэр, — проговорила Талея. — Он самый настоящий чаропевец. Мы долго шли по лесу и устали. Тогда он завел песню о какой-то непонятной повозке. — Она искоса глянула на Джон-Тома. — Не могу даже представить себе, о чем он пел, но получилась л'бореанская ездовая змея. Он ее не просил.

— Ни в малейшей степени, — согласился Джон-Том.

— Тем не менее она материализовалась и великолепным образом отвезла нас сюда.

— И это еще не все, сэрра, — проговорил Мадж. — Потом вот едем мы ночью по лесу, а он бренчит себе на струнах... Так вот, сэрра, гничиев собралось — я стока во всей стране не видал. Ставлю голову об заклад — гничиев вокруг было, как блох на косом лисе после четырехдневной пьянки. Я даже ничего похожего не видал.

Клотагорб задумался, помолчал.

— Итак, в тебе обнаружились способности чаропевца. — Он поскреб один из ящиков на панцире.

— Похоже, что так, сэр. Мне приходилось слыхать прежде о скрытых талантах, только вот не надеялся обнаружить подобную штуковину в себе самом.

— Очень интересно. — Чародей поднялся со скамьи, завел себе руки за спину, насколько это было возможно, и почесал панцирь. — Это проясняет многие вещи. Например, почему я вытащил сюда именно тебя и никого другого. — В голосе его послышалась гордость. — Значит, не такой уж я выживший из ума старикан, как здесь говорят. Я так и думал, что здесь у нас не вышло ошибки. Талант я искал — талант и получил.

— Не совсем, сэр. Как сказала Талея, я могу позвать — но получаю нечто неожиданное. Я не владею этой своей... магией, что ли. Это же, наверное, жутко опасная штука.

— Мальчик мой, чародейство вообще дело опасное. Итак, ты полагаешь, что способен помочь мне? Отлично. Если мы сумеем обнаружить нечто такое, чему ты сможешь противостоять, я буду только рад твоим услугам.

Джон-Том взволнованно переминался на месте.

— Дело в том, сэр, что я не уверен, что сумею помочь вам именно в чародействе. Может быть, вам все-таки лучше поискать в моем мире истинного мага, истинного инженера?

— Я так и намереваюсь поступить. — Клотагорб поправил очки.

— Тогда отошлите меня обратно и обменяйте на другого.

— Я же говорил тебе, мой мальчик, что необходимо скопить энергию, приготовления требуют времени... — Он остановился, поднял глаза кверху. — Ага, полагаю, я понял тебя, Джон-Том-чаропевец.

— Именно, сэр. — Юноша не мог сдержать волнения. — Если оба мы соберемся, отдадим всю энергию, быть может, общих сил наших хватит. Вам не придется отправлять меня домой в одиночку или искать там мне замену. Дополняя друг друга, мы можем произвести обмен за один прием.

Клотагорб серьезным взором окинул рабочий стол.

— Такое возможно. Впрочем, есть некоторые ограничения. — Он поглядел на Джон-Тома. — Но дело это рискованное, мой мальчик. Ты можешь застрять между мирами. В лимбе[1] нет будущего, только вечность; едва ли можно найти более унылое место для существования.

— Я рискну. Этого не избежать.

— Хорошо, но с кем ты хочешь поменяться местами?

— Что вы хотите сказать? — неуверенно переспросил Джон-Том.

— Тот эн'джинеер, которого мы с тобой, Джон-Том, нащупаем нашими мыслями, окажется выброшенным из родного времени и пространства, как это случилось с тобой. И он пробудет здесь куда дольше, чем пробыл бы ты — ведь я не скоро наберу сил, чтобы отправить его обратно. Что, если он не сумеет приспособиться к здешней жизни так скоро, как ты?.. И, может быть, никогда не вернется домой? Принимаешь ли ты на себя ответственность за то, что случится с тем человеком?

— Та же ответственность ляжет и на вас...

— Сейчас под угрозой весь мир, а возможно, и твой собствен-

---

[1] Лимб (собств., край, окраина), где пребывают в ожидании души, помещается, по Данте, в первом круге ада.

ный тоже. Я знаю, где стою. — Чародей, не мигая, глядел на Джон-Тома.

Тот заставил себя вспомнить мысли и ощущения, с которыми материализовался в этом мире. Стеклянные бабочки... Полная дезориентация. Выдра пяти футов ростом... под поющими на ветвях колокольчиками.

Что, если сюда попадет человек немолодой, лет сорока или пятидесяти, у которого может не хватить сил, чтобы перенести даже физические трудности местной жизни, не говоря уже о психологических невзгодах? У которого дома осталась семья. Или это будет женщина... многодетная мать.

Он поглядел на Клотагорба.

— Мне бы хотелось попробовать подобный обмен. Только если вы не шутите и этот кризис настолько серьезен. Возможно, у вас нет уже выбора. Вам просто необходим настоящий инженер.

— Так, — ответил чародей, — но у меня есть куда более важный повод желать, чтобы подобный обмен свершился.

— Мои собственные желания вполне понятны. — Юноша отвернулся от остальных. — Извините, раз я не отвечаю здешним героическим стандартам.

— Джон-Том, я не жду от тебя никаких подвигов, — мягко проговорил Клотагорб. — Ты всего лишь человек. Я только хочу, чтобы ты принял решение. Если ты решился, этого с меня довольно. Я приступаю к приготовлениям. — И он повернулся к своей скамье, оставив Джон-Тома польщенным, ожидающим и несколько встревоженным.

Вот тебе твое самосохранение, сердился на себя юноша. Остается только пожелать удачи тому, кто займет его место. Сам он так никогда и не узнает, кого притянет сюда.

Однако это его корявое, дурацкое чародейство немногим способно помочь Талее, Маджу... всему Клотагорбову миру. Быть может, оно сумеет помочь сменившему его — если чародей-черепаха не ошибся в оценке опасности. Разумная или нет, мысль эта успокаивала.

«Я не просился сюда, — сказал он себе, — и если предоставляется возможность вернуться домой, черт побери, почему бы ею не воспользоваться?»

Глава 11

День ушел на приготовления, закончившиеся только к вечеру.

Посреди центральной палаты Древа на деревянном полу нарисовали круг. Он был испещрен криптограммами и знаками. Возможно, это были вычисления, а может, и всякая ерунда. Талее, Погу и Маджу приказали не путаться под ногами. Повторять не

пришлось. Клотагорб стал на другой стороне круга напротив Джон-Тома, нервно барабанившего пальцами по дуаре.

— Что мне делать?

— Ты чаропевец. Пой.

— О чем петь?

— О том, что мы пытаемся сделать. Я бы хотел помочь тебе, мой мальчик, но мне нужно еще о многом подумать. К тому же и голоса у меня нет.

— А что, — с опаской проговорил Джон-Том, — ездовая змея, может, у меня получилась случайно? Сам не знаю, как это вышло. Может, не надо, а?

— Не время, — коротко молвил волшебник. — Старайся. Пой естественно, и волшебство свершится. Таков обычай чаропевцев. Значит, так — у тебя свое дело, у меня свое.

С удивительной скоростью чародей погрузился в неглубокий транс и начал читать заклинания и чертить в воздухе знаки. До Джон-Тома доносилось нечто неразборчивое о пространственных вихрях, связях между измерениями, а также о теории контролируемой катастрофы.

Джон-Том же, напротив, в полной нерешительности перебирал струны дуары. Он искал нужный мотив... От струн исходило голубое свечение. Он был в полном смятении... К тому же приходилось вспоминать все, о чем говорится в песне.

Наконец он прекратил поиски — нужно же хоть на чем-то остановиться — и начал петь «Мечту Калифорнии».

Он ощутил ритм, обманчивую силу слов, голос его окреп, аккорды сделались богаче, и всю свою тоску по дому он вложил в слова: «Там, в Лос-Анджелесе, мне было бы тепло и уютно». В Древе сделалось темно. В центре круга сгустились яркие желтые облака. Как бы отражая их свет, по полу пополз густой изумрудный туман.

Из облаков дождем хлынули желтые капли — сгустки энергии; зеленый дождь потек к небу из ленивой туманной пелены. Встречаясь, капли сливались, рождая единый вихрь, тут же начинающий распухать и раздуваться.

Голос Джон-Тома отдавался в стенах палаты, пальцы его порхали над струнами. Могучая мелодия, столь похожая на гитарную, грохотала, сливаясь со звучным и ровным голосом Клотагорба. Далекие отголоски глубокого низкого звона ревом могучего космоса наполнили комнату — словно бы магнитофон проигрывал запись на два порядка медленнее, чем положено. По телу Джон-Тома бежали мурашки, ослепительный теплый блеск исходил от него.

Он продолжал играть, хотя пальцы его теперь, пожалуй, проходили сквозь струны, не прикасаясь к ним. На рабочей скамье Клотагорба звякали пустые бутылки, книги падали с полок — сама сердцевина Древа сотрясалась от звуков.

Близилась кульминация, приближался конец баллады, а Джон-Том еще оставался внутри Древа. Он попытался передать свое ощущение беспомощности Клотагорбу... спросить, что делать дальше. Наверное, волшебник понял, о чем говорил тревожный взгляд юноши. А может, так случилось и потому, что они просто очень четко взаимодействовали.

Могучая желто-зеленая вспышка истребила и облака, и туман, и кружащий меж ними сгусток. Огромный незримый кулак ударил в солнечное сплетение Джон-Тома... Перегнувшись, он двинулся вперед, но, сделав несколько шагов, ударился о противоположную стену и упал. Свитки, обломки черепов, высохшие головы, висевшие на стене, стружки, щепки, порошки, обрывки тканей — все посыпалось на него. Внутри круга свечение начало слабеть.

Джон-Том не стал обращать на это внимания. Он видел этот круг — а ведь не должен был бы. Потрясенный и взрывом и падением, он все-таки понимал, что видеть внутренности Древа уже не может. Он должен был очнуться дома — лучше всего в собственной комнате... Или в аудитории, или, на худой конец, хотя бы на асфальте Уилширской транспортной магистрали.

А он лежал на животе внутри Древа.

— Не получилось, — громко пробормотал Джон-Том. — Я не вернулся домой. — И он почувствовал себя героем фильма о войне, поджегшим пороховой погреб и взлетевшим на воздух вместе с врагами.

Внутри круга таял последний свет. Джон-Том невольно задержал дыхание. Жалость к самому себе начала отступать на второй план. В центре круга, широко расставив ноги, сидела высокая молодая женщина, разве что на волосок ниже шести футов. Она опиралась о пол отведенными назад руками и очумело озиралась по сторонам. Длинные черные волосы были завязаны сзади в конский хвост.

На ней была абсурдно короткая юбка, из-под которой выглядывали шорты из такого же материала... Гольфы, теннисные тапочки и длинная фуфайка с четырьмя вышитыми спереди буквами. Лицо ее являло собой ошеломляющую смесь профессионалки с Тижуаны и Мадонны Тинторетто... Угольно-черные глаза, как у Маджа, и кофейного цвета кожа.

Она поднялась на дрожащие ноги, отряхнулась и принялась оглядываться.

С помощью Пога Клотагорб перевалился на живот. Тут он сумел пустить в ход все четыре лапы и подняться. Потом чародей попробовал нашарить очки, свалившиеся при падении. В стене Древа осталась вмятина, отмечавшая место, куда он врезался.

— Что случилось? — решился спросить Джон-Том, так и не сумевший отвести взгляд от женщины. — Что же у нас не вышло?

— Ты, как и сам понимаешь, остался здесь, — прозаичным

тоном отвечал Клотагорб. — Ну а к нам притянуло еще кое-кого. — Волшебник, поглядев на новоприбывшую, озабоченным голосом спросил: — Дорогая моя, а вы случайно не эн'джинеер? Или, может быть, вы чародейка, колдунья или ведьма?

— Sangre de Christo[1], — хрипло буркнула девица, отодвигаясь подальше от разговорчивой черепахи. Потом она остановилась — смятение и первый испуг уступили место приступу гнева.

— Где я, а? Comprende tortuga[2]? Ты понял? — Она медленно отвернулась. — В каком это аду я очутилась?

Сузившиеся глаза ее остановились на Джон-Томе.

— Ты... А мы с тобой не знакомы?

— Итак, если я правильно тебя понял, ты не эн'джинеер? — переспросил приунывший Клотагорб.

— Это я-то инженер? Infierno[3]! Нет! Я учусь на театральном факультете Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. И я как раз отправлялась на репетицию — в группу скандирования... когда вдруг очутилась в каком-то кошмаре. Только... ты, tortuga, не очень-то страшный. Так значит, если это не кошмар... — продолжила она, поднеся руку ко лбу, и слегка пошатнулась. — Madre de dios[4]. Значит, у меня головная боль.

Клотагорб поглядел через разорванный круг на Джон-Тома. Все еще не закрывая рта, тот пялился на девицу, позабыв о собственной неудаче.

— Чаропевец, ты знаком с этой дамой?

— Боюсь, что так, сэр. Ее зовут Флорес Кинтера.

Услышав свое имя, девица вновь повернулась к нему.

— Значит, я и правда узнала тебя. — Она нахмурилась. — Только не могу вспомнить, как тебя зовут.

— Меня зовут Джон Меривезер. — Имя ничего не говорило ей, и юноша добавил: — Мы с тобой учимся в одном университете.

— Нет, не помню. А вместе мы ни разу не занимались?

— Едва ли, — ответил он. — Я бы такое запомнил...

— Подожди-ка... Минуту! Теперь знаю! — Флорес, словно обвиняя, ткнула пальцем в его сторону. — Я тебя видела в кампусе. Ты там подметал залы, работал на газонах.

— Я время от времени занимаюсь этим, — смутившись, сказал Джон-Том. — Я всегда старался работать в саду во время репетиций группы скандирования. — Он неловко улыбнулся.

Из-за спины его донесся громкий, но тоненький девичий смех. Все обернулись — осев на деревянный пол, Талея истерически хохотала, держась за бока.

---

[1] Кровь Христова (*исп.*).

[2] Понимаешь, черепаха (*исп.*).

[3] Пекло (*исп.*).

[4] Матерь Божья (*исп.*).

— Я тебя не знаю, — проговорила Флорес Кинтера. — Что тут смешного?

— Он! — Талея указала на Джон-Тома. — Он должен был помочь Клотагорбу найти у вас инженера и поменяться с ним местами. И поэтому он думал о доме, обо всем, что ему привычно. А о деле забыл. И мысли его во время чаропевства с инженеров переключились на нечто более приятное.

— Не знаю, как это вышло, — бормотал Джон-Том. — Может, в песне что-нибудь не так спелось. То есть я не помню, о чем именно думал, вспоминая про дом. Все внимание ушло на пение. Может, виной какая-нибудь строчка — скажем, «если б мне пришлось сказать ей»... — Более смущенным он себя еще не чувствовал ни разу в жизни.

— Значит, это ты виноват в том, что я здесь очутилась? — спросила черноволосая амазонка. — И где же это я?

— Возможно, и виноват, — пробормотал Джон-Том. — Я всегда тобой восхищался... издалека. Наверное, когда я думал о другом, мысли мои сами собой обратились к тебе... — Он умолк.

— Вот как? Значит, все ясно. — Флорес поправила волосы, поглядела вокруг — на юношу, девушку, выдру, черепаху, летучую мышь. — Если у этого парня приступ косноязычия, может быть, кто-нибудь из вас будет любезен и объяснит мне, что произошло?

Клотагорб, вздохнув, взял ее за руку, подвел к низкой кушетке и усадил.

— Это весьма сложно объяснить, моя юная леди.

— Попробуй. Если ты родом из barrio[1], тебя трудно чем-нибудь удивить.

И волшебник приступил к пространным объяснениям. Угрюмый Джон-Том сел рядом с ним, ощущая тем не менее неподобающую радость. Раз уж суждено оставаться здесь, трудно подыскать себе компанию лучше, нежели великолепная Флорес Кинтера.

Наконец Клотагорб завершил объяснения. Девушка, внимательно выслушавшая их, поднялась и встала перед Джон-Томом.

— Значит, вина тут не только твоя. Похоже, я теперь поняла. El tortuga просветил меня. — Она повернулась и показала на дверь. — Тогда чего мы ждем? Нужно немедленно помочь здешним.

— Такое желание достойно одобрения, — с восхищением проговорил Клотагорб. — Ты — очень энергичная юная леди. Жаль, конечно, что ты не тот эн'джинеер, которого мы искали, но ты выше и сильнее, чем многие здесь. Умеешь драться?

С коварной улыбкой она отвечала — и сердце Джон-Тома упало.

---

[1] Предместья (*исп.*).

— Мистер Клотагорб, у меня одиннадцать братьев и сестер, младше меня только одна. И я занялась группой скандирования лишь потому, что в этом университете девушкам не разрешается играть в футбол, за команду то есть. А вообще я выросла с навахой в сапоге...

— Такого оружия мы здесь не знаем, — удовлетворенно отвечал Клотагорб. — Однако не сомневаюсь, что мы сумеем вооружить тебя вполне подходящим образом.

Притихшая Талея подошла к новоприбывшей, одобрительно поглядывая на нее.

— Такой высокой женщины я еще не видела.

— Я высокая даже по нашим меркам, — отвечала Кинтера. — Иногда это мешает, но только не в спорте. — С ослепительной улыбкой она поглядела на Талею и протянула ей руку. — А рукопожатия у вас в ходу?

— Да. — Талея нерешительно протянула свою.

— Bueno[1]. Мы будем подругами.

— Мне тоже хотелось бы.

И две девушки пожали друг другу руки, проникаясь взаимной симпатией.

— Об этом я могла только мечтать, — бормотала Кинтера, блестя глазами.

— Значит, ты не расстроилась? — изумленно уставился на нее Джон-Том.

— Ну разве что самую малость.

Пог с ворчанием принялся убирать обломки, оставшиеся после взрыва, вызванного схлопыванием интерразмерностного вихря.

— С самого детства я мечтала сделаться героиней в сверкающей броне, — продолжила Кинтера.

— Беспокоиться не о чем, — решительно заявил Джон-Том. — Я тут успел уже кое-чему выучиться. Так что пригляжу за тобой.

— О! Обо мне нечего волноваться, — весело отвечала она.

Появился Пог с охапкой старого оружия.

— Во, собрал после вашего ухода, — пояснил он Джон-Тому. — Босс решил завести туд немного железок, чдобы нашлось чем проткнуть ящерицу, ежели его магия заржавеет.

Флорес Кинтера немедленно склонилась над грудой смертоносной стали и стала в ней рыться с отнюдь не дамской прытью.

— Ага, вот это, пожалуй, по мне.

— Но это же опасная штуковина, — отвечал Джон-Том покровительственно, подойдя к ней поближе.

— Конечно, но судя по тому, что говорил Клотагоп... Клотагорб то есть... Последи за ногами, этот топор хорошо заточен. — Юноша отступил на пару шагов. — Какое ж удовольствие, если

---

[1] Хорошо (*исп.*).

все безопасно? — поведала ему Флорес, словно обращалась к полному дураку. — А вот действительно милая штучка, — проговорила она, вынимая короткий меч с зазубренными краями. Можно я возьму его?

Меч был рассчитан на личность ростом не выше Маджа и в ее руках казался просто длинным толстым кинжалом.

Флорес сделала движение, словно хотела заткнуть кинжал за пояс, и тут поняла, что пояса на ней нет.

— Да, в этом здесь не походишь, — пробормотала она.

— О, боже! — Мадж воздел руки к потолку и отвернулся. — Только не снова в Линчбени за этим же самым делом.

— Не беспокойся. — Талея поглядела на рослую девушку. — Если волшебник способен наколдовать подходящую ткань, мы вдвоем придумаем что-нибудь. Так, Флорес?

— Зови меня Флор, будь добра.

— Не знаю, как насчет наколдовать, — осторожно проговорил Клотагорб, — но в кладовых Древа у нас что-нибудь да найдется. Пог покажет.

— Конечно, покажет, — буркнул мыш. — А чдо ему еще остается?

И обе девушки следом за летучим мышем исчезли в другой части внутренностей Древа, явно конца не имеющих.

— Ну, чего? Управляйся теперь сам. — Мадж дружески хлопнул Джон-Тома по спине мохнатой лапой и уставился на юношу, задрав вверх насмешливую рожу. — Сперва с Талеей финтил, а теперь это черноволосое великолепие материализовал. Вот это штучка! И мне бы такую.

— Я бы лучше поменялся местами с инженером, — пробормотал Джон-Том. Он думал о Флор Кинтере. Почему-то она представлялась ему совсем другой. — Мадж, я часто видел эту новую даму, Флор то есть, но всегда представлял ее более... ранимой, что ли.

— Эту-то? Ранимой? Чтоб я сдох, приятель, тока она ранима, как оцелот с шестью лапами.

— Понимаю, — грустно сказал Джон-Том.

Мадж поглядел на дверь, за которой исчезли женщины.

— Ей-ей, ты тут зря о ранимости толкуешь. Это ж как по горам лазить. А я так всегда обожал исследовать всякие выступы да расщелины. — И, игриво хихикнув, он отодвинулся от Джон-Тома.

Юноша побрел к скамье. На ней восседал Клотагорб, обозревая разрушения и пытаясь отыскать среди обломков что-нибудь целое.

— Мне действительно очень жаль, сэр, — неуверенно проговорил Джон-Том. — Я старался изо всех сил.

— Я знаю это, мальчик. Ты не виноват. — Клотагорб, успокаивая юношу, похлопал его по колену. — Редко найдется такой человек — волшебник, воин или рабочий, — который способен

думать одними только мозгами, забыв о природном инстинкте. Не волнуйся. Что сделано, то сделано, и следует воспользоваться результатами ошибки. Во всяком случае, у нас появилась сторонница и воительница. Ну, а кроме того, у нас есть ты со своим, несомненно, могучим, пусть и непредсказуемым дарованием чаропевца... И не только им.

— Но я боюсь даже попробовать вновь.

Волшебник покачал головой.

— Это невозможно. Даже если бы я рассчитывал уцелеть в еще одном таком чародействе, все необходимые порошки и материалы уже израсходованы. Чтобы собрать нужное количество одного только иттербия, потребуется не один месяц.

— Можно только надеяться, что вы не ошибаетесь в моих способностях, — пробормотал Джон-Том. — Что-то здесь от меня вообще толку нет. Что, если в нужный момент я не вспомню подходящую песню? — Он вдруг нахмурился. — Вы, кажется, сказали, что у меня есть не только способности, но и еще что-то?

Волшебник закивал, обнаруживая явное довольство собой.

— Иногда хороший пинок куда полезнее углубленных размышлений. Когда при диссипации интерразмерностной силы меня швырнуло о дерево, я вдруг на короткий миг отчетливейшим образом увидел... Словом, я знаю теперь, кто направляет угрожающее нам зло. — И он многозначительно поглядел на внимающего Джон-Тома.

— Тогда скажите мне, кто и что...

Чародей-черепаха жестом остановил юношу.

— Подождем лучше, пока девицы вернутся. Беда угрожает всем, исключений не будет.

Пока они ждали, Джон-Том приглядывался к волшебнику. Клотагорб сидел, отдавшись размышлениям, выходящим за пределы разумения остальных.

Девушки вернулись, Пог за спиной их бурчал что-то раздраженным тоном. Джон-Том испытал легкое потрясение при виде того, как преобразился нежный цветок его юношеских фантазий.

Знакомые фуфайку и юбку на Флор сменили брюки и жилет из белого, похожего на кожу материала. Узкий жилет оставлял обнаженными плечи и руки, смуглая кожа изумительно контрастировала с молочно-белой одеждой. За спину была на тесемке переброшена черная шляпа с бахромой, в тон к ней были подобраны черные же сапоги с угольной оторочкой. На металлическом черном поясе покоился длинный кинжал — или короткий меч, как угодно, — а правая ручка красотки держала кистень о двух шарах на цепочках.

— Ну, как тебе? — Она изящно взмахнула сим инструментом и пояснила Джон-Тому, почему выбрала именно его. Оказалось, что он напоминал привычную ей дубинку. Разница была только в

паре шипастых металлических шаров, оказывающих воздействие смертоносное, а не просто утихомиривающее.

— А тебе не кажется, — со сложным чувством проговорил он, — что это уже чересчур?

— Поглядите-ка, он еще выступает. В чем дело-то, что тебе здесь не нравится? — Обернувшись кругом, Флорес присела в насмешливом реверансе. — Или дамы так себя не ведут?

— Да нет. То есть...

Она подошла к юноше и со смехом положила ему на плечо руку. Ладонь прожгла и зеленый переливчатый плащ, и голубую рубашку.

— Не пыжься, Джон. Или Джон-Том, раз тебя так здесь называют. — Она улыбнулась, и раздражение, вызванное ее появлением в этом облачении, исчезло. — Я не изменилась. Ты просто не понял, что на самом деле ничего обо мне не знаешь. Не считай себя виноватым... Впрочем, на это мало кто способен. Я осталась той же, что была всегда, просто мне вдруг выпал шанс порезвиться в одной из собственных фантазий. Очень жаль, что я не соответствую твоей мечте.

— Но как же дезориентация? — недоумевал он. — Когда я сюда попал, то ощутил такое смятение... был настолько озадачен, что даже думать не мог.

— Что ж, — отвечала она. — Возможно, я больше тебя читала о невозможном или мечтала куда глубже, чем ты. Я здесь как дома, Compadre mio[1]. — Пристегнув двойной кистень к наборному поясу, она откинула капюшон и опустилась на пол... Все это было проделано одним невероятно изящным движением.

— Я уже объяснил Джон-Тому, — начал Клотагорб, — что своим совместным воздействием взрыв и волшебство, которое мы творили, наконец показали мне источник того самого зла, что грозит поглотить этот мир. А может быть, заодно с ним и ваш, юная леди, — обратился он к Флор, — если мы не остановим его здесь.

Талея и Мадж внимали с почтением, Джон-Том слушал не без сомнений, Флор же — с явной тревогой. Внимание Джон-Том делил между словами чародея и девушкой своей мечты.

Безусловно, девушкой из мечты она осталась и здесь. Она мгновенно приспособилась к этой странной жизни — и значит, она другая. Более того, немыслимая ситуация, безусловно, доставляла ей удовольствие. Подобное поведение заставляло его устыдиться. Сколько же дней понадобилось ему самому, чтобы по-мужски принять свою судьбу?

Неуверенность в себе сменил гнев — как несправедливо все это... В конце концов пришло и смирение. Впрочем, как отметил Мадж, ситуация могла быть и хуже. Если Флор отнесется к нему

---

[1] Благодетель мой (*исп.*)

только как к другу — а он все же надеялся на большее, — все равно куда приятнее, если рядом будет она, а не пятидесятилетний тип... пусть даже и инженер. И с Талеей она уже подружилась.

Да, все могло сложиться куда хуже. А теперь события могут развиться самым приятным образом. И Джон-Том позволил себе легкую внутреннюю улыбку.

В конце концов, энтузиазм Флор может оказаться только кратковременной позой. Если истинно то, что предрекает Клотагорб, все здесь станет намного хуже и всем придется полагаться друг на друга. И он будет под рукой, когда Флор потребуется на кого-нибудь опереться. Решив так, Джон-Том обратил все свое внимание на слова Клотагорба.

— Это все Броненосный народ, — пояснил чародей, медленно прохаживаясь вдоль полок с уцелевшими сосудами. — Они собираются всеми своими тысячами, десятками тысяч вторгнуться в Теплые земли. Легионы их уже кишат на Зеленых Всхолмиях. В одно мгновение увидел я огромные плацы для боевых учений, устраиваемые возле Куглуха. Роются норы для бесчисленных орд, собираются все новые и новые войска. Я видел, как тысячи рабов, лишенных души и разума, откладывают рабочие инструменты и берутся за оружие. Они готовят такой натиск на Теплые земли, какого мы не знали. Я видел...

— Я видел кошку в перьях... в баре Флиртачии-града, — перебил его Мадж с абсолютным отсутствием такта. Последние несколько минут его явно раздирало нетерпение, вырвавшееся в единой вспышке. — Не то чтоб я в вашем зловещем предсказанье сомневался, ваше всемогущество, тока Броненосный народ вечно на нас нападает. Конечно, опять скоро полезут, тока чего ж бояться-то? — Выражение лица Талеи свидетельствовало о том, что она согласна с выдром. — Их всегда останавливали в Трумовом Проходе за Вратами Джо-Трума. И они всегда лезут этой самой кучей, о которой вы говорите, тока стратеги из них... да и храбры они по-дурному. И всегда кончалось одним — они нам тока землю унавоживали в Проходе.

— Верно, — отозвалась Талея. — Я тоже не вижу ничего особенного, так что и бояться, по-моему, нечего. Не понимаю причин вашего беспокойства.

Волшебник терпеливо поглядел на нее.

— А тебе самой приходилось сражаться с Броненосным народом? Знаешь ли ты об их жестокости, о тех гнусностях, на которые они способны?

Откинувшись в кресле, изготовленном из рогов какого-то неизвестного чудища, Талея тонкой ручонкой отмахнулась от всех проблем.

— Конечно, нет. Я с ними не дралась. Последний раз они напали шестьдесят семь лет назад.

— В сорок восьмом междуцарствии, — проговорил Клотагорб. — Я все отлично помню.

— И каков же был результат? — поинтересовалась Талея.

— После битвы и внушительных потерь с обеих сторон армии Броненосного народа были вытеснены обратно на Зеленые Всхолмия. И с тех пор мы о них не слыхали. До сего дня.

— Иначе говоря, мы в дерьмо их растерли, — с удовлетворением подытожил Мадж.

— Ты самоуверен, как и все, кто не испытан в бою, — пробормотал Клотагорб.

— Ну а чем закончилась предыдущая битва, и та, которая была до нее, и в тридцать пятом междуцарствии, которое, как сообщает история, принесло броненосным полное поражение, и все битвы и стычки, происшедшие с первого дня существования Врат?

— Все это верно, — признал Клотагорб. — В прежние времена им разве что удавалось подняться на Врата. Но я опасаюсь, что на этот раз все сложится по-иному, да так, что ни одному жителю Теплоземелья и не приснится такой исход.

— Почему же? — Талея наклонилась вперед.

— Потому что к уравнению добавляется новый член, моя драгоценная и невежественная юная дама. Ткань судьбы сминается могучей рукой. Равновесие между жителями Теплоземелья и Броненосным народом серьезно нарушено. Я чувствовал это... Я ощущал это уже многие месяцы. Однако тогда я не мог увязать эту угрозу с Броненосным народом. А теперь, когда мне удалось это сделать, когда ясна природа беды... Она стала втрое горше. Потому-то я и стремился зацепить в вашем мире того, кто мог бы определить причины и устранить их. Тебя, Джон-Том, а теперь еще и тебя, дорогуша. — Он кивнул в сторону притихшей Флорес Кинтера.

Откинув с лица черные пряди, обхватив колени руками, она внимательно слушала волшебника.

— А, не верю я в это, шеф, — пренебрежительно фыркнул Мадж. — Броненосный народ ни разу не добирался до верхушки Врат, как ты говоришь, иначе мы бы их в порошок стерли.

— Самоуверенность молодости, — вздохнул Клотагорб, но дал Маджу договорить.

— И тока когда в прошлом бойцы Теплоземелья желали размяться как следует, они выезжали из Врат навстречу броненосным. Это ж вечно неравный бой, неужели им еще не надоело?.. Остается тока дивиться.

— И не надоест, мой мохнатый друг, пока кого-то не останется: или их, или нас.

— А почему это вы решили, что у них завелось там что-то эдакое, чего раньше никогда не было?

— Боюсь, что я не ошибаюсь, — торжественно проговорил

волшебник, — однако ныне я не ближе к природе этого нового зла, чем прежде. Я знаю только, что оно существует и если его не разрушить, то придется готовиться к встрече. — И он погрозил пальцем в сторону Талеи. — А здесь, моя милочка, немедленно возникает вопрос об одном важном преимуществе, которым обладает Броненосный народ и с которым нам разом не управиться. Речь идет о том, что народы Теплоземелья разделены и независимы. А Броненосный народ стремится к поставленной цели под руководством одного предводителя. Они обладают силой, которую дает централизованная власть... По природе своей она не волшебна, но тем не менее смертельно опасна.

— Тем не менее это самое их единство не мешало нам тысячу лет растирать их в дерьмо, — невозмутимо парировала Талея.

— Верно, но на этот раз... на этот раз я боюсь жуткой беды. И память прошлых побед может только усугубить ее, как только что продемонстрировала ты, дорогуша. Несчастье это грозит прорвать границы пространства и времени... Оно способно распространиться на все континуумы. Боюсь, что если мы не сможем отвести ее, нас ждет, друзья, не поражение — Армагеддон[1].

Глава 12

В Древе наступила долгая тишина. Наконец Талея поинтересовалась:

— Какое же слово дошло до вас с Зеленых Всхолмий, достопочтенный чародей?

— Как я сумел ощутить, — торжественно начал волшебник, — Скрритч Восемнадцатая, Верховная повелительница Куглуха, Кокметча, Кот-а-Крулна и всех земель и окраин Зеленых Всхолмий, наследная Главнокомандующая, призвала Броненосный народ к повиновению. Армию они готовят уже многие годы. Новая военная мощь и черная магия, которой они овладели, вселили в них надежду, что на сей раз они не встретятся с неудачей. И ощущение этой жуткой уверенности, кошмарной решимости сильнее, чем все остальное, отпечаталось в моем разуме.

— А ничего нового относительно этой магии вам не удалось выяснить? — поинтересовался Джон-Том.

— Одну только вещь, мой мальчик. За всем этим стоит сам Эйякрат, зловещий маг Броненосного народа. Об этом можно было давно догадаться — ведь его учения стоят за всякой гнусностью, слухи о которой доходят до нас с Зеленых Всхолмий. Не следует тебе, Джон-Том, недооценивать этого врага. — Волшебник указал

[1] Битва сил добра и зла перед Страшным судом, которая произойдет на горе близ города Меггидо, отсюда название.

в сторону невозмутимых Маджа и Талеи. — Твои приятели ведут себя как щенки, впрочем, их вины в том нет. — И Клотагорб пододвинулся ближе к двум рослым людям.

— Я хочу объяснить вам, что Броненосный народ не похож на нас: каждый из них с легкой душой убьет любого из вас, чтобы посмотреть, что там внутри. Для них это все равно что ветку сломать. Впрочем, виноват — мы-то и к дереву отнесемся с большим вниманием.

— Можно без подробностей, — сказал Джон-Том. — Я верю, что все обстоит действительно так. Но что же мы сумеем сделать, не покидая Древа? — Он провел пальцами по дуаре. — Магия ее музыки нова для меня, я даже не умею с ней справляться и не знаю своих возможностей. Вероятно, вам самим и под силу что-то сделать, но такой невежественный новичок, как я...

— Дело в том, мой мальчик, что твой метод отличается от моего. Я не знаю волшебных слов, которыми ты пользуешься. Быть может, ты окажешься полезен именно в тот момент, когда и сам не будешь подозревать об этом. Но и ты, и твоя спутница, — он показал на сосредоточенную Флор, — имеете весьма впечатляющий облик. Возможно, наступят такие времена, когда мне потребуется произвести впечатление на колеблющихся или сомневающихся.

— Мы способны биться, — отозвалась девушка с совершенно не подходящей к чувственному, еще чуть детскому личику жаждой крови во взоре.

— Потерпи, милочка, — с отеческой улыбкой порекомендовал волшебник. — Для кровопролития у тебя найдется достаточно поводов. Но сперва... Джон-Том, ты совершенно прав — не покидая Древа, много не сделаешь. Следует мобилизовать жителей Теплоземелья, нужно победить их неверие и сомнения, готовить их к грядущей войне. Письмом-другим ничего не добьешься. Поэтому поднимать их необходимо личным примером.

— Чертова чушь, — пренебрежительно фыркнул Мадж. — Я не собираюсь брести на край света в какой-то там крестовый поход.

— И я тоже. — Талея поднялась, и левая рука ее привычным движением легла на кинжал у бедра. — У нас есть собственные дела... Есть о чем подумать и позаботиться.

— Дети, — еле слышно шепнул Клотагорб и уже более громким голосом добавил: — Какие у вас дела? Бегать и прятаться от полиции Двенадцати Графств? Красть и ловчить? Я же предлагаю дело благородное и величественное... жизненно важное для судеб не одного — двух миров! Об участниках его будут слагать песни в течение дважды десяти тысяч лет.

— Извините, — сказала Талея. — Это не для меня.

— И не для меня, шеф, — добавил Мадж.

— Что ж, — с усталым вздохом проговорил Клотагорб, — ваш доход будет пропорционален приложенным усилиям.

— Ну и во что ж это выльется, Ваша неощутимость? — Позиция Маджа разом переменилась. — Как же будут оцениваться наши усилия?

— По достоинству, — отвечал чародей. — Я обещаю, даю слово.

— Не знаю, чего оно стоит... — Слова Маджа забарахтались, как акула в соленом озере. На лице волшебника проступило нечто новое, грозное и вовсе не старческое. — Конечно, сэрра, я тока хочу сказать, что все это очень здорово. Слово великого волшебника для нас — во! — И он опасливо глянул на Талею. — Так, любашка?

— Наверное, так, — осторожно ответила та. — Но при чем здесь именно мы? Если вам необходим почетный караул или там телохранители, почему бы не подыскать кого-нибудь, кто будет разделять ваши сумасбродные идеи?

Клотагорб отвечал без раздумий.

— Потому что оба вы сейчас здесь, оба вы уже знакомы с моими сумасбродными идеями и с историей этой пары. — Он указал на Флор и Джон-Тома. — И еще потому, что мне некогда подыскивать кого-нибудь другого: мы немедленно отправляемся к далекому Поластринду.

— Гм, шеф, — нерешительно проговорил Мадж. — Согласиться-то я согласился, слово, значица, надо держать... но чтоб в Поластринду? Значица, нам отправляться, сэрра... а вы знаете, без всякого неуважения, что это далеко, а?

— Знаю, и совершенно точно, мой добрый выдр.

— Так туда же не один месяц придется добираться! — негодующе воскликнула Талея.

— Пришлось бы... если путешествовать по суше. Но я не столь глуп и молод, чтобы предпринимать подобные походы. Мы должны передвигаться быстро. Да, я знаю теперь, что произойдет, но вот когда это будет... К тому же я совершенно не представляю, сколько времени может потребоваться на подготовку. В таких случаях следует приберечь то, чего потом может не хватить. Итак, мы не будем брести по суше, а направимся вверх по течению Вертихвостки.

— ВВЕРХ по реке? — Талея удивленно приподняла брови.

— Плыть можно и против течения.

— До поры до времени, ваша удивительность, — скептически заметил Мадж. — А чего будет, када мы доберемся до Дуггакуррских стремнин? Кроме того, там и на глубоких местах еще много кой-чего. Поговаривают и о разных опасностях.

— Все препятствия можно преодолеть. — Клотагорб говорил если не с уверенностью, то по крайней мере убежденно. — Препятствия не имеют значения. Есть они или нет — все равно надо спешить.

— Знаете что, а я лучше отправлюсь сушей, — проговорила Талея.

— Извини, дорогуша. Необязательно нам придется познакомиться со всеми тайнами Вертихвостки, только по воде путешествовать быстрее и чище.

— Хорошо говорить, — буркнула девушка. — Вам-то что, вы в воде словно дома.

— Дорогая моя, я уже не первое десятилетие захожу в воду только на отдыхе, да и то ненадолго. Быть может, физиологически мой организм и приспособлен для жизни в воде, но сам я предпочитаю дышать воздухом и жить в нем. Взять, например, мои свитки — они же под водой сразу же испортятся. Кроме этого, у нас есть на чем добраться до реки.

— Л'бореанская ездовая змея. — Талея задумчиво кивнула. — Ну а если отправиться на ней прямо в Поластринду?

— Водный путь и быстрей, и ровнее. К тому же твой молодой приятель Джон-Том вполне способен наколдовать нам что-нибудь подходящее для передвижения по воде.

— Наколдовать? — переспросила Флорес Кинтера, глянув искоса на Джон-Тома. — Это что, про магию?

— Про магию. — И Джон-Том постарался выпрямиться с дуарой в руках. — Клотагорб попытался найти в нашем мире помощника-музыканта и притянул сюда меня. Случилось так, что, когда я пою и играю на этом инструменте, с помощью неизвестно каких сил у меня получается разное волшебство.

— Весьма интересно, — отозвалась она тоном, от которого воспламенилась часть его тела... выше колен и ниже пупка.

— Интересно, если знаешь, что попадешь в точку. А у меня так выходит: выстреливаю песню и получаю, чего не ждал. Вот, например, хотел получить «Додж», а наколдовал дедушку всех питонов. К счастью, оказалось, что змеюгу выдрессировали для верховой езды. — Он улыбнулся. — Так что не о чем беспокоиться.

— Да я ж не беспокоюсь, — взволнованно ответила Флорес. — Просто я змей люблю. А где она? Действительно такая огромная, что на ней можно ездить? — И Флор крупным шагом направилась к выходу.

Мадж уже шептал на ухо юноше:

— Ты смотри, приятель, думай. Это тебе не обыкновенная девица. Будь я на твоем месте...

Остального Джон-Том не расслышал — он уже спешил за Флор. Клотагорб, хмурясь, поглядел им вслед.

— Где ты, Пог, пора собираться! — распорядился чародей.

— Здесь, Мастер! — Мыш без энтузиазма завис над спальней, понимая, что от него потребуется. Вдвоем они начали громоздить отвары и порошки в несколько объемистых кучек, комплектуя походный рабочий набор странствующего волшебника.

Талея поглядела на выдра.

— Поздно теперь напрягать мохнатый котелок. У нас нет выхода — ты сам согласился.

— Да-да, — прошептал Мадж, оглядываясь, чтобы убедиться, не видит ли их Клотагорб. Чародей не обращал на парочку внимания. — Если б я не согласился, старый свихнувшийся жук заколдовал бы меня, а как тада улизнуть, если представится такая возможность?

— Значит, в дорогу, — сказала она. — А знаешь, Мадж, если такой великий волшебник, как Клотагорб, утверждает, что мир ожидает огромная опасность, значит, ему действительно нужно помочь.

— Любка, ты меня не поняла. Этот чародей, Клотагорб, значит, он, конечно, мудрец, так. Но ведь может и он ошибаться... Понимаешь, о чем я? — И он постучал пальцем по мохнатому лбу.

— Ты хочешь сказать, что он от старости совсем из ума выжил?

— Ну не совсем... и не во всем. Ему, значица, за две сотни перевалило. Такое даже через панцирь проймет, а? По-моему, он просто преувеличивает всю эту опасность, которой грозят Броненосные.

— Извини, Мадж, но я с тобой не согласна. Все, что я видела здесь сама и слышала о нем, свидетельствует, что Клотагорб ничуть не поглупел от старости. К тому же, — прибавила девушка с некоторой надменностью, — старик прав, и в самом ближайшем времени нам с тобой ничего хорошего не светит. Ты не забыл? Мы и сами намеревались ненадолго убраться куда-нибудь подальше. А он ведь еще и заплатит. Выходит, что мы не ошибемся, если он в здравом уме, и не прогадаем, если старик свихнулся.

Мадж как будто смирился.

— Может, и так, любка. Права ты, наверно. Тока мне хотелось бы услышать, во что он там собирается оценить наши услуги.

— Что ты хочешь сказать?

— Волшебники, любка, знают такие слова, которых нам с тобой ни в жизнь не понять. А вот когда они вспоминают более знакомые — тут могут начаться всякие неожиданности.

— Мадж! Ты хочешь сказать, что он собирается обмануть нас?

— Нет. Этого быть не может — иначе ему не быть чародеем. Тока есть прямая правда, а есть касательная... Маменька моя блаженная так говаривала.

— Надо же, и у тебя была мать?

Выдр игриво протянул к Талее лапу, девушка непринужденно ускользнула.

— Эх, любка, я ж тебя всегда высоко ценил. Вот было б на тебе шерстки побольше, хотя б на груди...

— Благодарствую. — Она направилась к двери. — Посмотрим-ка лучше, чем они там заняты.

Они шли по коридору.

— Меня-то лично великанша не волнует, — распространялся Мадж, — а вот друг наш, Джон-Том, явно страдает от одиночества. И боюсь, что появление этой девицы — она почти что родня ему — послужит во вред, а не на пользу. Тем более что парень в нее втюрился.

— Втюрился? — Талея поглядела на стенку. — Ты так думаешь?

Они были уже почти у выхода.

— Это ж по нему видно... по голосу и глазам. Мимо такого капкана не пройдешь. Тока, по-моему, он от нее ничего не добьется. Приветливая особа, но, говорю тебе, любка, такая скорее полюбит свой новый меч. Ей-ей, росомашья кровь — такую бы в подручные к кому-нибудь покровожаднее Джон-Тома.

— А по-моему — не втюрился, — возразила Талея. — Так, старая знакомая, мальчишеская симпатия.

— Не — это другое. С виду-то он и мальчишка, а в драке — ничего. Помни, он — чародей, а говорят, что если к тебе липнут гничии, значит, ищи в себе такое, что и самому Клотагорбу не приснится.

— Он же сам говорит, что и знать толком не знает о своих чародейских способностях, — отвечала девица, — скорей всего большего, чем мы уже видели, от него не дождаться.

— Посмотрим... Увидим в этом дурацком походе.

Ездовая змея легко понесла их самих и всю собранную Клотагорбом поклажу, однако седел было только четыре. Сиденья сшиты были в Гнилых Горшках из самых изысканных шкур; тамошние кожевники считались самыми искусными во всем Теплоземелье.

— Кому-то из нас придется ехать вдвоем в одном седле, — решил Клотагорб, выяснивший, что весь багаж наконец разместили на длинной спине змеюги. — Хоть с Погом-то проблем не будет!

— Спасибо создателю! — согласился летучий мыш. Трепеща крыльями над головой, он подтягивал на спине ранец. — Трудновато будед не залетать вперед.

— Джон-Том и Флор должны ехать по одному, — указал волшебник. — Они здесь самые рослые и неопытные. Может быть, вы уместитесь вдвоем? — спросил он Талею и Маджа.

— Нет и нет. — Девушка отрицательно качнула головой. — Рядом с этим типом я не поеду.

Мадж был явно обижен.

— В таком случае, — Клотагорб, как мог, отвесил поклон, — ты присоединишься ко мне.

— Отлично.

— Ну Талея, любка, может...

— Ступай-ка в свое седло, пустобрех неотесанный. Неужели ты и впрямь решил, что я подпущу тебя так близко?

— Талея, конфетка, ты совсем не поняла бедного Маджа.

— Напротив. — Она уселась в переднее седло и обратилась к Клотагорбу: — Вы можете ехать позади меня. Я доверяю вашим рукам, а в остальном нас разделит панцирь.

— Заверяю вас, моя дорогая, — с легким негодованием отозвался волшебник, — что мне и в голову...

— Ага, все вы так говорите. — Она вставила ноги в стремена. — Ну, садитесь же.

Пыхтя, Клотагорб попытался запрыгнуть на высокое сиденье. При столь коротких ногах и внушительном весе залезть на змею было невозможно, но принципы и достоинство не позволяли ему прибегнуть для этой цели к магии. Джон-Том постарался подсадить неуклюжего чародея. Он подталкивал, Талея тянула — и Клотагорб взгромоздился в седло с минимальным ущербом для собственного достоинства.

Когда все уселись, Талея легко натянула поводья. Как и подобает ее роду, продремавшая всю ночь и утро змеюга медленно пробудилась. Талея отпустила вожжи, и змея неторопливо тронулась с места.

С третьего сиденья, на котором расположилась Флорес Кинтера, донесся восторженный смех. Девушка явно наслаждалась необычным способом передвижения. Глянув через плечо, она одарила Джон-Тома ослепительной улыбкой.

— Что за удивительное путешествие! Que magnifico[1]! Можешь все видеть, и никто в тебя сзади не врежется. — Она повернулась вперед и двумя руками ухватилась за луку седла. — Н-но!

Флор с девичьей радостью ударила пятками по чешуйчатым бокам. Змея и не подумала обратить внимание на легкое прикосновение: она повиновалась вожжам, находившимся в руках Талеи.

— Вы наметили для нас особый путь? — спросила Талея у своего соседа по седлу.

— Мы едем прямо к Вертихвостке самой короткой дорогой, — отвечал Клотагорб. — Там кого-нибудь наймем.

— А как насчет того, чтобы связать плот?

— Немыслимо — его же потом придется тянуть против течения. Тогда дальше порогов Дуггакурры нам не пройти. Нет, придется нанять профессионалов, толковых мускулистых умельцев. А не взять ли нам чуть левее, дорогуша?

Талея прикоснулась к вожжам, и змея послушно изменила направление.

— Так у нас уйдет на день больше, если я помню дорогу. Дав-

---

[1] Как здорово (*исп.*).

ненько не бывала в тех краях, не ездила к реке. Слишком уж много на этом юге всяких пакостных типов.

— Согласен, дорога окажется чуть длиннее, но зато она приведет нас к одной поляне посреди древней дубравы. На ней обитают стародавние силы. Там я намереваюсь рискнуть — это будет опасное волшебство. Лучше этой поляны места не найти, больше нам негде узнать природу зла, угрожающего Теплым землям. Но чтобы справиться, придется до предела напрячь мои скромные силы, а потому мне необходима вся та магическая поддержка, которую способна предоставить паутина Силы Земной. Она как бы заякорена в Рождественках, в Коал-цин-а-Мек, в Ринамундо и здесь — на Поляне Трианы.

— Я даже не слыхала об этих местах.

— Они разбросаны по всему свету, и сеть сходится в сердце земли. В ней переплетаются дела всех разумных существ, судьба каждой личности вплетена в свою собственную прядь. Стану я на один из четырех якорей судьбы и призову...

— Призовете? Но кого же вы собираетесь призвать?

Однако мысли Клотагорба уже уклонились в сторону.

— Поляна недалеко от реки, и мы сможем оставить возле нее нашу ездовую змею. Остальную часть пути придется проделать пешком.

— А почему мы не можем подъехать прямо к реке?

— Ты не понимаешь. — Она затылком ощущала на себе взгляд чародея. — И не поймешь, пока не увидишь, что будет. Этой тупой твари не хватит ума выдержать то, что нам предстоит увидеть. В панике она может погубить всех нас. Мы отпустим ее на свободу еще до Поляны.

Талея пожала плечами.

— Мне-то что. Как скажете, только ноги мои возражают. — И она слегка подстегнула змею.

Так миновало несколько дней. Поездка на юг складывалась приятно. Хищники боялись приближаться к огромной змее, и путешественники даже не выставляли караульщика на ночь.

Флорес Кинтера оказалась приятной спутницей, но любые попытки Джон-Тома к сближению отклоняла и, вызывая в нем явное недовольство, предпочитала радость удивительного путешествия его обществу.

— Я же мечтала всю жизнь об этом... С самого детства, — сказала она, усевшись рядом с Джон-Томом возле небольшого костра. Языки пламени плясали в ее ночных глазах, напоминая о кипении обсидиана в жерлах вулканов.

— Когда я была маленькой, Джон-Том, — лихорадочно говорила Флор, — я хотела быть мальчишкой, я хотела быть астронавтом, летать над полюсами вместе с Бэрдом, плавать в неисследованных просторах Тихого океана вместе с капитаном Куком. Я хотела стоять в рядах англичан под Ажинкуром, оказаться в

Перу вместе с Писарро. Невзирая на пол этих особ, я хотела стать Амелией Эрхарт или Жанной Д'Арк.

— Да, пол не переменишь, — с сочувствием отозвался юноша. — Назад во времени тоже не переместишься, но астронавтом ты могла бы стать.

Она с грустью покачала головой.

— Одних амбиций для этого маловато, Джон-Том. Необходима наличность. Los cerebros[1]. Отваги у меня хватает, а вот остального... — Она поглядела на Джон-Тома и криво усмехнулась. — Есть и еще один недостаток — проклятое мое уродство, из-за которого я страдаю всю жизнь.

С неподдельным удивлением он поглядел на девушку, не зная, где может скрываться хотя бы крохотный недостаток.

— Не понимаю, Флор. Ты просто само великолепие...

— В этом и беда, Джон-Том. Я проклята красотой. Не пойми неправильно — я не рисуюсь и не хвастаю. Я долго привыкала к ней и пока притерпелась.

— У всякого свои трудности, — отозвался он без особого сочувствия.

Она поднялась и по-кошачьи заходила возле огня. Талея неподалеку раздувала еще один костерок. Мадж мурлыкал скабрезную песенку про мыша из камыша, погнавшегося за птичкой-певичкой, но не добившегося ни шиша, развлекая в основном Пога. Удалившийся от всех Клотагорб размышлял, темнея холмиком в стороне от костра.

— Ты не понимаешь... Не можешь понять. Откуда тебе знать, каково быть прекрасным животным. Весь мир видит во мне только одно. Я пошла в группу скандирования потому, что меня попросили... — Она помедлила, поглядев на него через огонь. — Ты знаешь, какая у меня основная специальность?

— Театральное искусство, так?

— Актерский факультет. — Флорес грустно кивнула. — Никто не удивился. Ну, хорошо, игра мне дается легко, а значит, я могу побольше внимания уделить второй специальности. Я ж не знаю астрофизики... всякой нужной там математики, тензорного анализа, потому и занялась деловым администрированием. Скомбинировав обе специальности, можно прорваться к службе контактов с общественностью космической программы. Думаю, что иначе мне к космосу не подобраться. Меня никто не воспринимает всерьез.

— А я? — пробормотал юноша.

Она пронзительно глянула на него.

— В самом деле? Я не в первый раз слышу такое. Неужели ты и в самом деле способен понять, что прячется за этим лицом и телом?

---

[1] Мозги (*исп.*).

— Конечно. — Джон-Том надеялся, что голос его звучит достаточно убедительно. — Впрочем, не буду утверждать, что способен забыть про них.

— Никто, никто не может этого сделать! — Флор в отчаянии всплеснула руками. — Профессора, студенты... Что делать с этими вечными приглашениями на свидания?.. Как никого не задеть отказом?.. Да на занятиях показаться нельзя! А чего можно ожидать от профессора, если он смотрит только на твои tetas[1] и вовсе не думает о вопросе. Для тебя это красота. А для меня — уродство.

— Так что же, по-твоему, лучше родиться уродиной? Без волос и чтоб один глаз выше другого?

— Нет. — Раздражение уже оставляло девушку. — Конечно, нет. Только было бы лучше, если бы природа уделила мне все не в таком изобилии.

— Asi es la vida[2], — невозмутимо отвечал он.

— Si, es verdad[3]. — Она вновь опустилась на траву и скрестила ноги. — Я ничего не могу с этим поделать. Но здесь... — она показала на темный лес и свернувшуюся в кольцо змею, — здесь все иначе. Здесь мои рост и сила чего-то стоят, и для местных, лохматые они или нет, я — личность, а не просто объект для секса.

— Не заблуждайся, — предупредил ее Джон-Том. — Скажем, у дружка нашего Маджа явно отсутствуют моральные запреты на межвидовые сношения. И у прочих, кажется, тоже.

— Хорошо, но пока во мне здесь видят воина, пусть даже причиной мой рост, а не личность. Для начала сойдет.

Она откинулась на траву и мечтательно потянулась. Чресла Джон-Тома воспламенились. Должно быть, искры от костра виноваты.

— Здесь у меня появился хотя бы один шанс сделаться чем-то иным... Выйти за пределы, назначенные мне наследственностью. Все здесь так похоже на мои детские мечты о приключениях.

— Видишь ли, здесь убивают, — предостерег девушку Джон-Том. — Это не страна фей. Ошибешься — умрешь.

Флорес завернулась в плащ. Стояла теплая зимняя ночь, и одного плаща вполне хватало.

— Рискну. Хуже, чем в bario, не будет. Спокойной ночи, Джон-Том. Давай-ка подумаем о Риме...

Он закидал землей костер, мечтая оказаться в Риме или в каком угодно знакомом месте. И ограничился словами:

— Спокойной ночи, Флор. Приятных сновидений. — А потом сам завернулся в плащ и попытался уснуть. Ночь была дивной, только Джон-Тому было не по себе.

Весь следующий день они то поднимались на горки, то спу-

---

[1] Сиськи (*исп.*).

[2] Такова жизнь (*исп.*).

[3] Да, это так (*исп.*)

скались с них. Деревьев вокруг по-прежнему было много, только на высоких местах они стали пониже и разделяло их уже куда больше земли. Кое-где голый гранит говорил, что слой почвы сделался тоньше, хотя они по-прежнему ехали по лесу.

Вернулись гничии. Облако «едва-ли-есть» сгущалось вокруг путешественников, даже когда Джон-Том не тренькал на «гитаре».

Джон-Том рассказал Флор о гничиях. Уже сама идея восхитила девушку, и она часами пыталась усмотреть хоть одного. Талея недовольно ворчала, озабоченная избытком этих существ, однако Клотагорб ее беспокойства не разделял.

— Магия не оставляет места суевериям, — объявил маг-черепаха. — Если ты собираешься по-настоящему познать мир, следует забыть о всяких примитивных идейках.

— Видала я, как из-за примитивных идей гибнут целые толпы, — тоном знатока отпарировала девушка. — Не хочу оспаривать ваши слова, но от вас я в последнюю очередь рассчитывала услышать, что мы уже знаем все, что способны узнать.

— Это так, детка, — согласился волшебник, — иначе нам незачем было бы пробираться к Поляне. — Он с раздражением глянул в сторону Пога. Летучий мыш дергался над их головами.

— Пог, ты-то ведь знаешь, что их не поймать. Ты же их даже не видишь.

— Ага. Даже мой локатор их не углядывает. — Пог щелкнул зубами в воздухе, где только что кто-то был.

— Что ж ты тогда не утихомиришься?

— Все дело... Лучше, чем попусту плясать на воздушных потоках. Впрочем, дебе эдого не понять.

— Пог, не дури. — Волшебник велел Талее остановиться. Спустился и огляделся. — Дальше пойдем пешком.

Поделили вещи и припасы, рассовали все по мешкам, а потом направились вверх по склону. Подъем был некрутой и ровный. Стемнело, какое-то время они шли при луне, прятавшей свой скорбный лик за облаками.

— Мы уже близко, — спустя достаточно долгое время проговорил Клотагорб. Луна переместилась к западу. — Я ощущаю нечто.

— Ага, босс, не сомневаюсь, — буркнул летучий мыш и схапал пролетавшего стеклистого мотылька.

Если волшебник и слышал его, то никак этого не показал. Последующие два часа он провел в полном молчании, глядя прямо перед собой, и не отвечал ни на какие обращения.

Что-то легкое кошачьим мурлыканьем пробежало по спине Джон-Тома. Высокие деревья вновь сомкнулись вокруг них, зелеными копьями поддерживая грозное небо. Из-за облаков выглядывали звезды, казавшиеся опасно близкими.

Джон-Том увидел, что Талея беспокойно оглядывается. Заметив его взгляд, она кивнула.

— Я тоже ощущаю это, Джон-Том. Клотагорб прав. Мы приближаемся к древним местам этого мира. Здесь чувствуется мощь.

Клотагорб пододвинулся ближе к Джон-Тому.

— А ты ее чуешь, мой мальчик? Не искушает ли она твои чародейские чувства?

Джон-Том в смятении огляделся. Кто-то явно перебирал его нервы, как сам он струны дуары.

— Я что-то чувствую, сэр, только не могу понять — беспокойство это или магическое воздействие.

Клотагорб, казалось, был разочарован. Где-то встревоженный ночной охотник кликал подругу. В кустах что-то шуршало, и Джон-Том заметил, что звуки удаляются в одном направлении — туда, откуда они шли.

— Наверно, ты еще не полностью приспособился к силам, — непривычно подавленным тоном проговорил волшебник. — Скорее всего от тебя еще рано ожидать большего. — Поглядев вперед, он с гордостью заявил: — Прибыли. Перед тобой уголок сетки субатомных сил, что увязывают воедино все существа, обитающие на этой планете. Смотри, Джон-Том, и запоминай. Перед тобой Поляна Трианы.

Глава 13

Они одолели последний подъем. Перед путниками раскинулся открытый луг — на первый взгляд ничего примечательного. Но окружавшие его крепкие дубы и сикоморы казались седыми волосами, венчиком торчавшими вокруг старческой плеши... Кое-где из травы выступали камни.

Лунный свет озарил тонкие травинки. Шляпками грибов темнели валуны.

— Остановитесь здесь, — приказал волшебник.

Все с удовольствием скинули поклажу и оружие возле высокого дуба, покровительственно разбросавшего длинные ветви.

— У нас есть возможность узнать природу великого зла, которым грозит нам Броненосный народ. Я не могу воззреть отсюда в сердце Куглуха. И никто из магов не может. Но есть еще один способ. Ненадежный, опасный... Но все-таки стоит рискнуть. Ничто больше не в силах прояснить намерения Броненосного народа, а в случае удачи, возможно, выяснится время нападения, что еще более важно. Вы не можете мне помочь. Но что бы здесь ни случилось, что бы ни произошло со мной — вы не должны заходить дальше этого места. — Никто не отозвался. Волшебник обернулся и поглядел вверх на дерево. — Пог, ты мне нужен.

— Да, Мастер, — отвечал явно приунывший летучий мыш, в голосе которого не слышалось привычного желания противоречить. Он отцепился от ветки и, трепеща крыльями, повис около головы волшебника, чтобы выслушать указания.

— Что он собирается делать? — громко поинтересовалась Талея. В лунном свете волосы ее приобрели коричневый оттенок.

— Не знаю, — Джон-Том завороженно следил за приготовлениями Клотагорба. Воротник плаща туго обхватывал шею Флор. Мадж наставил уши вперед, уперевшись лапой в ствол дерева.

Прячась в безопасной тени древнего дуба, они следили, как волшебник старательно размечал на лужайке огромный овал. Светящийся белый порошок, которым он пользовался, искрился сам по себе.

Остатки порошка ушли на изображения солнца в каждой из оконечностей овала. Потом красным порошком Клотагорб вывел на траве загадочные отметки. Они связывали оба солнца и описывали эллипс, охватывающий первый.

— Ну, не знаю, — прошептала Флор, обращаясь к Джон-Тому, — похоже на график какой-то сложной функции.

— Так и есть, — согласился Джон-Том. — Магической. — Она стала возражать, но он шикнул: — Тихо, потом объясню.

Теперь Клотагорб вместе с Погом вырисовывали посреди первого эллипса странные, возмутительные даже, контуры. Паукостные на вид, они сами по себе ползали по траве, но двойной эллипс не выпускал их. Время от времени волшебник делал перерыв и через небольшой телескоп принимался разглядывать ночные облака над головой.

Ночь была тихой. И вдруг подул ветерок — прямо в лицо скучившимся наблюдателям. Он шевелил волосы Джон-Тома, ерошил шерсть выдру. Несмотря на теплую ночь, ветер был холодным — словно дул из глубин пространства. Летели ветви, листья, иголки... Ветер этот дул не с востока, как сперва показалось Джон-Тому, но с самой середины лужайки. Исходя от двух эллипсов, он дул во все стороны, словно бы и ветры убегали отсюда. Не могло быть и речи, чтобы все объяснить каким-то метеорологическим явлением.

Клотагорб стоял в середине ближайшего к ним солнца. Они слышали голос его, произносивший заклинания. Короткие ручки были воздеты над головой, и пальцы вели немой разговор с небом.

Ветры в панике разбегались, среди ветвей судачили зефиры. Их стоны и предупреждения невольно заставили притихших зрителей без всяких слов податься друг к другу.

Сопротивляясь порывам ветра, к ним присоединился черный силуэт. Пог глядел на них круглыми глазами и молотил крыльями с излишним усердием.

— Всем оставаться на местах, — объявил он, возвышая голос

над перепуганным ветром. — Мастер велел. Сейчас он самую опасную магию делает. — Выбрав длинную ветвь, фамулус зацепился за нее и, наподобие плаща, окутал крыльями все свое тело.

— Чего он собирается сделать? — поинтересовалась Талея. — Разве можно отсюда проникнуть взором в Куглух через все магические завесы, которыми обложил себя этот Эйякрат?

— Мастер магию делаед. — Большего трясущийся ассистент выговорить не смог. Лишь кончиком крыла указал на равнину.

Ветер все усиливался. Флор поплотнее укутала плащом нагие плечи, Мадж старательно удерживал шляпу с пером. Ветви выгибались наружу. Резкий треск говорил, что напор ветра приближается к пределу. Громадные дубы стонали, отзываясь протестом от макушки до корня.

— Но что он пытается сделать? — настаивала Талея, прячась от ветра за стволом дуба.

— М'немаксу призывает, — проговорил перепуганный ученик, — а я на эду пакость даже глядеть не хочу. — И он обхватил себя крыльями поплотнее, пряча физиономию за кожистым коконом.

— М'немакса — это легенда. Его не существует, — возразил Мадж.

— А вод и нед — существует! — раздался писк из-под крыльев. — Существует, и Мастер его призывает... Вон, слышь, а... Не буду глядеть.

Джон-Том крикнул на ухо Талее, чтобы перекричать ветер:

— А кто или что такое эта «Оом-не-макса»?

— Легенда. Одна из старинных легенд. — Талея жалась к стволу. — Это бессмертный дух, состоящий из многих, но единый... Он может явиться в любом обличье. Одни говорят, что он или она прежде действительно существовали. Другие утверждают, что он возникает лишь время от времени — когда его призывают колдуны, чародеи и ведьмы. Коснуться его — значит умереть. Поглядеть на него — если волшебник не защитит — тоже смерть, только медленная и еще более мучительная. В первом случае ты сгораешь, во втором сгниваешь заживо.

— Ну, мы-до в порядке, мы-до в порядке, — настаивал Пог. — Уж и Мастер сказал — оно дак и есть.

Джон-Том еще не видел крылатого задиру столь присмиревшим.

— Только я все равно на него глядеть не хочу, — продолжал Пог. — Мастер сказал — мол, формулы да эллипсы его удержат. А если нед?.. Если он вырвется, сказал, мол, бегите — и все будет в порядке. Мы не стоим его внимания, и он не станет преследовать.

По стволам и ветвям деревьев вокруг поляны огнями Святого Эльма пополз серый свет. Засветились на черном фоне серебрис-

тые силуэты. Поляна превратилась в зеленую чашу, расшитую серебряной филигранью. Земля затряслась.

— А эта штуковина действительно может сказать Клотагорбу то, что он хочет узнать? — Джон-Том все с меньшим скепсисом относился к талантам волшебника.

— Оно знает все пространство и время, — ответил мыш. — Оно-до знает, чего Мастеру нужно, долько вод скажет ли.

Выдр издал приглушенный трепетный вздох удивления.

— Ё-моё! Вы тока поглядите!

— Не хочу! Не хочу! — мяукал Пог, сотрясаясь под крыльями всем телом.

Клотагорб стоял внутри солнечного знака. Не опуская рук, он медленно обернулся. Заклинанию отвечал хор, раздававшийся снизу. Чародей говорил со звездами, но отвечала земля.

И вдруг с неестественной быстротой на поляну клубами повалили черные грозовые облака, темными глыбами нависавшие над нею. Черные тени закрыли приветливое лицо луны. Время от времени огненным росчерком, раскаленной лавой перебегала меж облаков молния.

В древних деревьях бушевал уже ураган. Джон-Том жался к земле, стараясь спрятаться за гнутым корнем мудреца-дуба, Мадж с Талеей — тоже, Пог, словно черный лист, качался над ними. Флор жалась к Джон-Тому, но им было не до друг друга. С поляны со свистом разлетались ветви и листья.

Однако ничто не коснулось произносившего заклинания чародея. Ветры ревели в двойном эллипсе, рвались наружу, но солнечного знака они избегали. И над центром поляны в величественном вихре кружили грозовые тучи, полные энергии и влаги.

Ударившая вниз молния ожгла землю далеко от Клотагорба — и в щепки разнесла два могучих дерева.

Невзирая на стоны ветра, на близкий гром и на вой вихря, почему-то они все-таки слышали ровный голос Клотагорба. Пытаясь прикрыть глаза рукой от несущейся пыли и мусора, Джон-Том выставился из-за корня, чтобы глянуть на черепаху.

Волшебник легко поворачивался внутри символа солнца. До него не дотягивалась бушующая вокруг буря. Солнечный знак светился оранжевым светом.

Клотагорб помедлил. Руки его медленно опустились к невысокой кучке разных порошков в центре внутреннего эллипса. Теперь он медленно и осторожно читал заклинание... Эту дюжину слов знали немногие маги и разве что пара физиков.

Древнее дерево содрогнулось. Неподалеку два дуба поменьше, с корнями вырванные из земли, исчезли в небе. С поляны доносился могучий нарастающий грохот, достигающий поистине вулканической силы... Коротко вспыхнул огонь — к счастью, никто не глядел в ту сторону.

Тень, явившаяся из этого огня во внутреннем круге, лишила

Джон-Тома и его компаньонов остатков самообладания. Он просто не мог дотянуться до рта, чтобы заткнуть его тыльной стороной ладони... Голосовые связки не могли передать терзавшие его звуки.

Тихие странные стоны срывались с губ Флор. Мадж с трудом выдавил свист. Все недвижно застыли, парализованные обличьем М'немаксы, чей облик преобразует континенты, а удар копыт изменяет орбиты миров. М'немакса решил явиться конем, похожим на тех, что существуют, и все-таки отличающимся от них. Каждое крыло огромного жеребца было, наверное, не меньше шестидесяти футов. Но плоть духа лишь отчасти могла быть материальной. Тело его состояло из солнечных протуберанцев, сливающихся в облик коня. Красно-оранжевое пламя срывалось с хвоста и гривы, с могучих копыт и величественных крыльев, языки его исчезали в ночи.

На самом же деле клочья солнечной плоти, достигая пределов двойного эллипса, не принося вреда, исчезали в термоядерной пустоте, суть которой постиг только сам Клотагорб. И хотя крылья М'немаксы разрывали ткань пространства, а пылающие копыта били по плоскости существования, призрачный жеребец не мог прорвать границы, назначенные ему волшебным искусством.

Но видение не тускнело. Каждый огненный клок, срывавшийся с демона, замещался новым. Очертания не изменялись — М'немакса постоянно обновлял свою плоть. В отличие от земных коней, у него были настоящие огненные бивни, внутри пламенных челюстей пылали остроконечные зубы.

И во всей этой огромной конской фигуре, в живом солнечном жеребце, чье дыхание испепелило бы самого Аполлона, только два темных пятна не были сотканы из вечно обновляющегося огня... Глаза — столь же невыразимо холодные, сколь беспредельно пламенным было тело.

Глаза духа-жеребца М'немаксы по-стрекозиному сидели наверху головы... Огромные, почти соприкасающиеся шары. Для нормальной лошади они были чересчур велики, но это для нормальной. За так и не улегшимся вихрем Джон-Том вроде бы различал внутри всевидящих черных шаров крошечные огоньки: пурпурные, красные, зеленые, голубые... чистейшего белого цвета. Они ровно светили посреди бушующего вокруг пламени.

И хотя юноша этого не знал, глаза эти были кусочками Последней Вселенной — той великой, что обнимает вместе с нашей тысячи остальных. Галактики плыли в глазах М'немаксы...

Мелькнул длинный язык; огненной змеей вырвался он из тела звезды, принявшей обличье коня. Размеры его на глаз казались непостижимыми для существа из плоти. Закинув назад тяжелую голову, огненный конь заржал. Звук этот оглушил не только уши — умы крохотных слушателей. Сама земля содрогнулась,

а спрятавшаяся за облаками луна еще на тысячу миль отодвинулась, меняя свою орбиту. Редко столь колоссальная сущность входит в соприкосновение с отдельным миром.

— ЗНАЮЩИЙ СЛОВА ПРИШЕЛ! — грянул гром. Огромная огненная голова и глаза-галактики обратились к приземистой фигурке старой черепахи.

Но маг не сгибался, не прятал глаза. Внутри солнечного знака ему ничто не грозило. Панцирь его не плавился, не трещал в огне, плоть не обугливалась, и Клотагорб глядел на коня-звезду без страха. Да, конь этот терзал сущее и опалял время, но не приближался к нему ни на шаг.

— Мне хотелось бы узнать суть новой магии, которая вселяет уверенность в Броненосный народ Зеленых Всхолмий, готовящих новую войну против нас! — Самые звучные чародейские интонации Клотагорба терялись рядом с сотрясающим мир шепотом коня.

— МНЕ ЭТО НЕ ИНТЕРЕСНО.

— Я знаю, — отвечал Клотагорб с непостижимой легкостью. — Это интересно мне. Ты призван, чтобы отвечать, а не задавать вопросы.

— КТО СМЕЕТ... — Гнев жеребца поутих. — ТЫ ПРОИЗНЕС СЛОВА, ОБЛАДАТЕЛЬ НИЧТОЖНЫХ ПОЗНАНИЙ. ТЫ ПРИЗЫВАЛ МЕНЯ, ЗНАЧИТ, Я ДОЛЖЕН ОТВЕТИТЬ. — Дух чуть ли не улыбнулся. — БОЙСЯ ВОЖДЯ НЕВЕЖЕСТВЕННОЙ СЛИЗИ, ПОТОМУ ЧТО ХОТЯ ОНИ И САМИ ЕЩЕ НЕ ЗНАЮТ ЭТОГО, Я ПРЕДВИЖУ, КАК ОНИ УНИЧТОЖАТ ТЕБЯ, ОТРАЗИВ ТО, ЧТО КРОЕТСЯ В КРОШЕЧНОМ ТВОЕМ УМИШКЕ.

— Не понимаю, — хмурясь, проговорил Клотагорб.

Прогремело ржание, которого страшатся планеты.

— А ПОЧЕМУ ТЫ СЧИТАЕШЬ, ЧТО СПОСОБЕН НА ЭТО? ТО, ЧТО ОПАСНО ДЛЯ ТЕБЯ, — НИЧТО ДЛЯ МЕНЯ. ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ЭТОГО ДАЖЕ ПРЕДСТАВИТЬ.

— Когда это случится?

— ОНИ НЕ УВЕРЕНЫ, И Я ДОЛЖЕН СОМНЕВАТЬСЯ. БУДУЩЕЕ ВСЕГДА НЕОПРЕДЕЛЕННО. ОТПУСТИ МЕНЯ.

Копыта коня вдруг оказались футах в десяти над землею. М'немакса не пошевелился — земля в страхе рванулась прочь от грозного духа.

— Останься! — Клотагорб протянул руки. — Я не кончил.

— ПОТОРОПИСЬ ТОГДА, МЕЛКОЕ СУЩЕСТВО, ИЛИ Я, НЕВЗИРАЯ НА ТВОИ СЛОВА, ОСТАВЛЮ ОТ ЭТОГО МИРА ЛИШЬ БЕЛЫЙ ПЕПЕЛ.

— Я не понимаю магии Броненосного народа. Если ты не хочешь говорить о ней, объясни, как защититься. Тогда я отпущу тебя.

— Я УХОЖУ, ДОЛЬШЕ СЛОВАМИ МЕНЯ НЕ УДЕРЖИШЬ. Я НИЧЕГО БОЛЕЕ НЕ СКАЖУ. Я РЕШИЛ НЕ ОПРЕДЕЛЯТЬ СУДЬБУ

ЭТОГО МИРА, ПОТОМУ ЧТО У МЕНЯ СВОЕ СТРАНСТВИЕ, И ТЫ МЕНЯ НЕ УДЕРЖИШЬ. — Послышался рокочущий смех. — ХОЧЕШЬ ЗНАТЬ БОЛЬШЕ — СПРОСИ СВОЕГО ВРАГА.

Мощное сотрясение оторвало Джон-Тома от корня дуба. Под ногтями выступила кровь, в пальцах были зажаты кусочки коры. Но ураган протащил его по склону лишь несколько шагов и враз ослабел, превратившись в легкое дуновение.

Призрачный термоядерный жеребец исчез в расходящемся эллипсе ослепительного света. Когда сияние померкло, появилось трехмерное изображение. Джон-Том заметил дрожащие очертания какой-то мрачной огромной палаты. Она была украшена алыми самоцветами, синим металлом... и белыми костями.

Внутри сего будуара высилось насекомое футов десяти ростом. Хитин украшали цепочки драгоценных камней, куски ткани, ужасающе знакомые очертания черепов. Жуть эта стояла возле трона с высокой спинкой, отделанного камнями побольше и черепами покрупнее. Некоторые из них были еще покрыты остатками плоти.

Страхолюдина беседовала с кем-то, невидимым глазу. И вдруг что-то заставило ее повернуться... Она увидела их. Тонкий дрожащий визг наполнил лужайку. Джон-Том содрогнулся — ни одна бормашина не могла бы издать звук более мучительный.

С куда менее ослепительной вспышкой — отзвуком сокрушающего ухода М'немаксы — жуткая картина исчезла.

И на Поляне ничего не осталось — только до предела утомленный волшебник, ветер да травы.

Свежий ветер превратился в легкое дуновение. Круживший над Поляной облачный вихрь, словно сконфузившись, незаметно рассеялся. Серебристый свет стекал по стволам и ветвям, водой впитываясь в почву.

Пошел мелкий дождик. Луна украдкой выглянула из-за облака, наполнив Поляну своим здоровым отсветом.

К тому времени, когда тяжело дышащий Джон-Том и все прочие добрались до центра лужайки, все эллипсы, солнца, тайные символы и формулы уже погасли. Но разыскивающий взглядом Клотагорба Джон-Том все не мог позабыть физиономию огромного богомола, сложившего перед собой верхние конечности... И скрежещущий визг, вырвавшийся из уст этой твари.

Пог нервно метался над их головами. Дождь смывал порошки и эссенции обратно в почву, из которой они были извлечены. Паутина мира не порвалась.

Они нашли Клотагорба сидящим на траве... Очки съехали набок с рогового клюва.

— С вами, сэр, все в порядке? — проговорил Джон-Том одновременно с уважением и беспокойством.

— С кем?.. Со мной? Да, мой мальчик, похоже, со мной ничего не случилось.

— Не надо браться за такие вещи, добрый волшебник. — Талея с опаской поглядела туда, где только что был круг. — У магии тоже есть свои пределы, за них лучше не заходить.

Тот погрозил ей пальцем.

— Не учите меня моему ремеслу, юная леди. Пог, дай крыло, чтобы подняться. — Нырнув к земле, летучий мыш помог волшебнику встать. — Друзья мои, я узнал кое-что из того, о чем намеревался узнать. Впрочем, признаюсь, никак не ожидал, что дух М'немаксы станет говорить загадками.

Теперь у нас есть над чем поразмыслить, моя дорогая, пусть это загадка или метафора. Прежде мы и этого не могли бы. — В голосе Клотагорба чувствовалось удовлетворение. — Но даже если мы не сумеем добиться большего — во всяком случае, нам удалось припугнуть императрицу Скрритч. Теперь она, может быть, почувствует нерешительность или отложит атаку — ведь после М'немаксы мы увидели именно ее.

Теперь мы можем спокойно продолжить путешествие. Можно не сомневаться: нас ждет большая война с императрицей всего Броненосного народа. Подобные перспективы заставят задуматься тупоголовых обитателей Поластринду.

— Надеюсь, нам не придется часто проделывать подобные штуки, — пробормотала Флор. — Иначе святая Цецилия может лишить меня своего благословения.

— Не бойся, детка, — успокоил ее волшебник, — я не стану повторять это заклинание. Подобное волшебство можно сотворить один только раз за всю жизнь. И сегодня я использовал свой шанс. Я больше не посмею прибегнуть к этим заклинаниям. Отныне каждый день на земле сделается короче на одну двадцатидвухтысячную долю... Для того чтобы призвать бессмертного из глубин космоса, мне пришлось использовать энергию души самой планеты.

Джон-Том вступил во внутренний эллипс — из него исчезла вся трава, даже почва испарилась, оставив пятно оплавленного камня. Светлый гранит был смят, словно вата.

— Вы говорили, что оно странствует, сэр. Я... я слышал сам.

— А ты видел — он мчался, он двигался, но все-таки не мог вырваться за пределы эллипса? — Джон-Том кивнул. — На какое-то время он был сразу и вместе с нами, и в своем странствии. — Маг-черепаха потянулся к ящичкам в панцире, проверяя, все ли закрыты. — Если верить легендам чародеев и предупреждениям некромантов, дух М'немаксы прошел одну тридцатую часть своего пути. Странствие его началось с первой жизнью, и, пока скачет М'немакса, жизнь распространяется по мирам за его спиной. Он скачет вокруг Вселенной и, когда на пути встретит себя самого, сможет остановиться и передохнуть. Чего ж удивляться его раздражению? Если впереди у тебя путь в несколько триллионов лет, каждое крохотное промедление покажется досадным. Но,

как бы то ни было, формула сработала. — Волшебник на миг залучился гордостью. — Эллипс выдержал. Он ответил на зов и не вырвался. — Заморгав, он опустился на землю. — Я как-то вдруг устал.

— Думаю, все мы слегка устали, — с пониманием отозвался Джон-Том.

— Эге, неча и спорить, приятель. — Отпечаток огромного пламенного коня еще не изгладился из сетчатки Маджа. — Наверно, лучше бы всем поспать.

Никто не был против. Торопливо проверив, целы ли руки, ноги и головы, они принялись устраиваться на ночлег. Наконец всех окутали сны, и огненные видения чередовались в них с высокой черно-зеленой жутью.

Далеко вверху над головой вспыхнул булавочный светлячок. Крохотная вспышка быстро погасла. Это случилось рядом с галактикой N NGC 187[1]. Осерчав, М'немакса отбросил в сторону звезду, торопясь назад к месту, где прервалась его вечная скачка вокруг безграничной чаши мироздания.

Глава 14

И была паника в твердыне Куглуха.

От прислуги о тревоге узнали помощники, от них рабочие... даже нижайшие из учеников, трудившиеся в самых нижних тоннелях и бесконечно вычерпывающие жижу, вечно затоплявшую подземелья.

Слухи расползались. Рабочие шептали об огненном дожде, который пал с неба и уничтожил сотни гнездилищ. Поговаривали о тоннах припасов, погубленных невесть откуда взявшейся плесенью. О том, что солнце не заходило три дня... Другие же прямо утверждали, что нескольких придворных застукали объедающими труп простого рабочего и немедленно вывели всех в расход.

Но правда была страшнее слухов. Знавшие ее прятались по углам, а приступая к дневному труду, то и дело поглядывали через плечо (конечно, те, кто мог это сделать, — у одних не было плеч, а у других, кроме того, и шей).

Охотничьи отряды при первой же возможности старались улизнуть из города, уверяя, что и так уже огромные запасы пищи требуют увеличения. Государственные аудиторы склонялись ниже над своими подсчетами. Всех поразила паника... Немыслимая, выходящая за пределы реальности... Она поразила даже личинки, трясущиеся в своих коконах.

---

[1] Обозначение галактики по «Новому галактическому каталогу» Дрейера.

Императрица Скрритч бушевала. Кровь и лоскуты плоти усеивали оставляемые ею комнаты и палаты в лабиринте помещений центрального дворца.

В безопасности, за городом, вдали от гнева ее, бесконечные легионы воинов со жвалами и фасеточными глазами автоматами маршировали по мшистым равнинам, словно страшась прикоснуться к земле, лучи солнца едва пробивались сквозь серые тучи, затянувшие небо.

Охрана и слуги, торопливые вестники и чиновники в равной мере испытали гнев императрицы. Наконец ярость ее улеглась, и императрица устроилась в одной из малых приемных.

Она могла думать лишь о собственных страхах. И, не замечая того, глодала безголовый, еще дергающийся труп не успевшего вовремя убраться с дороги жука-дворецкого с голубыми подкрыльями. Хитин хрустел в могучих челюстях.

Так что министр Кесиликт не скоро решился просунуть дрожащую антенну под арку дверного проема. Ощутив уже угасающий гнев, а не слепую ярость, он осмелился просунуть за усиком голову, а за нею и все муравьиное тело.

Взгляду явился рубин размером с голову человека — краснее самой алой крови. В верхней грани его Кесиликт заметил отражение императрицы. Она восседала на четырех ногах. Тело неудачника-дворецкого болталось в одной руке, и дивно симметричное фарфоровое личико императрицы глядело куда-то за жертву.

Не столь роскошно убранная, как главная приемная, мрачная обитель смерти — королевская опочивальня, палата была украшена самоцветами и драгоценными металлами. Зеленые Всхолмия изобиловали этими ископаемыми, дабы вознаградить эти края за зловонную поверхность и никогда не рассеивающуюся над головой облачную пелену.

Облаченные в твердую скорлупу обитатели этих мест ценили такие дары. Их яркая поверхность тешила глаза, не знающие солнца. В огромном количестве здесь добывали все разновидности корунда: бериллы, сапфиры, рубины. Окна палаты были выложены редкими здесь алмазами. Тысячи камней, не столь ценных — топазы, хризобериллы и прочие, покрывали мебель, статуи... даже потолок.

Однако Кесиликт вовсе не пялился по сторонам подобно любопытной юной личинке. Он ждал и, когда треугольный изумрудно-зеленый череп шевельнулся, а фасеточные глаза, усеянные точками ложных зрачков, обратились к нему, был наготове. Любое проявление трусости могло обречь его на участь дворецкого, от которого осталась уже только пустая скорлупка, старательно вычищенная прожорливой императрицей.

— Кесиликт, почему ты топчешься в дверях? Я узнала тебя. — Голос был густым и скрежещущим — словно масло, в которое подсыпали песку. Бесполезные крылья дергались под длинной

чистого шелка мантией, расшитой десятью тысячами аметистов и морионов, ограненных лучшими камнерезами и шлифовальщиками империи. Нашивала их целая дюжина отборных мастериц.

— Простите, Ваше величество, — с надеждой проговорил Кесиликт, — но я не топчусь. Я просто в нерешительности, потому что уже несколько часов стремлюсь поговорить с вами, но пока могу только гадать, пришли вы уже в подходящее расположение или нет. — Он указал на хитиновую скорлупку, оставшуюся от дворецкого. — Трудно говорить, если приходится обходиться без головы.

Зловещий скелет не может сложить свой рот в улыбку, в любом случае такое выражение было чуждо императрице. Тем не менее Кесиликту стало как-то легче дышать.

— Чувство юмора, проявленное, когда твоя собственная голова под угрозой, подчас свидетельствует о большей отваге, чем трезвые и сухие аргументы, мой Кесиликт. — Императрица отбросила пустую оболочку дворецкого в дальний угол, где та разбилась, подобно старой тарелке. Пара ног отвалилась и покатилась по полу. Угол, как и все в комнате, был скруглен. Обитатели Зеленых Всхолмий не любили острых углов.

Она отвернулась от окна.

— Теперь я насытилась и устала. Более того. — Обе острые, как нож, конечности скрестились перед зеленой грудью, увенчанная голова легла в образованный угол... Насекомоподобная одалиска, и только. — Я озабочена.

— Озабочены, Ваше величество? — Кесиликт скользнул внутрь палаты, стараясь, впрочем, держаться на расстоянии. Избежать молниеносного удара конечности богомола можно лишь, оставаясь вне пределов досягаемости. Поэтому Кесиликт не стал подходить ближе, чем предписывал протокол. Нельзя знать заранее, когда непостоянная в своих желаниях императрица решит, что ей требуется десерт.

— Что же могло обеспокоить Ваше величество? Ход приготовлений? — Он указал в сторону окна. Внизу под ними простирались улицы Куглуха, столицы Империи Избранных, самого могущественного города ее. Тысячи деловитых горожан усердно влачили ярмо рабства ради славы общества и своей императрицы. Будущее величие расы осеняло их жизнь, самый ничтожный работник готов был участвовать в будущих завоеваниях. Приготовления к ним шли с обычной эффективностью.

— Мы готовы, Ваше величество! Как никогда прежде в истории нашей империи. На этот раз о неудаче не может быть речи.

— С припасами все в порядке?

— Никакого ущерба, Ваше величество. — В голосе Кесиликта звучало привычное рвение. Хотя собственная безопасность и

волновала его, тем не менее он верой и правдой служил императрице, а она явно была озабочена.

— Обучение и мобилизация идут своим чередом. Все больше личинок покидают куколки, и как только они обретают руки, сразу же рвутся к оружию. Никогда еще не была наша армия столь могущественной, никогда войска так не рвались в бой. Не одна — три огромные армии уже готовы и с нетерпением ожидают последнего великого похода на запад. Победа ждет нас. Так, по крайней мере, уже с год твердят полководцы Мордеша и Эвалок. Вся империя трепещет, предвкушая грядущую битву.

— Но мудрость велит нам ждать, собирать силы, хотя уже сейчас даже трети наших войск достаточно, чтобы одолеть мягких. — Императрица тихо, с шипением вздохнула. — И все же долгие тысячелетия неудач заставляют нас опасаться напрасной бравады. Кесиликт, я отдам приказ, только когда буду полностью уверена в успехе. — Голова ее склонилась набок, рукой она что-то смахнула с глаза. — А с Проявлением все в порядке?

— Что вы, что вы, Ваше величество. — Даже мысль эта встревожила Кесиликта. Он знал, что, невзирая на все численное превосходство и готовность войск, и генеральный штаб, и сама императрица основные надежды связывали в Проявлением. — Разве с ним может что-то случиться?

Жестом она остановила его.

— Все возможно, когда вовлечена магия. Эта разработка пугает самого Эйякрата, который за нее отвечает. Следует весьма внимательно охранять и мага, и его окружение.

— Мы это сделали, Ваше величество. Всякого непосвященного, приблизившегося к Проявлению ближе сотни зекетов, убивали и хоронили, даже не попробовав мяса. За всю историю империи не предпринималось еще более строгих мер секретности. — Он строго поглядел на императрицу. — И все-таки Ваше величество обеспокоены?

— Все-таки. — Она шевельнулась, чтобы привстать. Кесиликт нервно отшатнулся. Скрритч медленно повела бронированной рукой.

— Не тревожься, ценный слуга. Я насытилась. Но ум требует утоления печалей. Мне нужен твой совет, а не мясо.

— С радостью помогу я Вашему величеству своим ничтожным умишком.

— Это не для тебя одного, Кесиликт. Призови верховного главнокомандующего Мордешу и волшебника Эйякрата. Мне нужно знать и их думы.

— Будет сделано, Ваше величество. — Министр повернулся, задевая мягкими подошвами за неровности пола. Он радовался полученной передышке, но в то же время был обеспокоен состоянием здоровья своей императрицы.

Все шло чрезвычайно хорошо. Что же могло обеспокоить ее настолько, чтобы вселить сомнение в исход Великого Похода?

Когда приглашенные прибыли и Кесиликт уселся на корточки вместе с остальными, он чувствовал себя самым уязвимым — и физически, и для критики.

Слева от него покоился главнокомандующий — бронированный старый жук Мордеша. Боевой панцирь защищал мягкое брюшко. Знаки различия и старые шрамы покрывали жесткие надкрылья. Из металлического шлема торчали острые кривые рога, соответствующие выступам на черепе. Над глазами нависли козырьки.

На шее было ожерелье из крошечных черепов и клыков жертв, которых генерал умертвил собственноручно. Когда он шевелился, кости гулко постукивали о металлическую нагрудную пластину.

Поблизости располагался великий чародей Эйякрат, насекомое призрачное и деликатное. Надкрылья его и хитин украшены были снежно-белой эмалью. Связки продолговатых серебристо-белых бусин бахромой окружали головогрудь. По лбу между составными темными глазами бежал искусственный гребень, сходящий на нет к середине спины. На нем были нанесены символы профессии, мудрости и познания; они говорили, что обладатель их владеет самой возвышенной магией.

Рядом с генералом, способным без всякого труда раздавить его, и Эйякратом, чьи тайные познания позволяли превратить министра обратно в личинку, Кесиликт чувствовал себя весьма неуверенно. Но тем не менее он как равный восседал рядом с ними в приемной посреди сверкающих самоцветов и лучей, которые испускали они, отображая свет дюжины свечей и хрустальных канделябров над головой. Дело было в том, что Кесиликт в полной мере был наделен здравым смыслом — как никто среди Броненосного народа.

— Мы слыхали, Ваше величество, что вы расстроены, — тактично начал генерал. — Неужели дела настолько серьезны, чтобы собирать нас на совет? Близится критическое время. Сейчас нужны учения и учения.

— Мне бы хотелось, — прошелестел Эйякрат голосом, едва исходящим из жвал, — мне бы хотелось убедить вас, генерал, подождать еще год. Я не вполне овладел Проявлением.

— Опять ждать и ждать, — буркнул генерал. Черепа застучали по кирасе. — Мы и так прождали уже целый год, все время созидая, подготавливая, накапливая резервы. Но, добрый брат мой, я уважаю твои познания, — наступает такое время, когда даже бездумно преданный империи солдат пресыщается подготовкой и теряет ту кровожадность, которую с таким трудом и усердием выработал у него офицер. Армия не может вечно находиться в состоянии лихорадочной готовности.

Возможно, на этот раз нам удастся одолеть мягких просто численным превосходством и твои мрачные знания нам не понадобятся. А тогда ты сможешь на старости лет вдоволь побаловаться с той игрушкой, которую вызвал. Все равно окончательная победа будет за нами.

Голос генерала дрогнул — ему представилось Великое Завоевание — то, что навечно занесет имя его в историю мира.

— Даже в этом случае, — негромко отвечал чародей, — лучше иметь в резерве и мою старость, и игрушку. Двадцать тысяч лет нам не удавалось одолеть мягких, невзирая на все приготовления и хвастовство.

Как всегда, ответ у генерала был наготове. Но Скрритч повела усеянной ножами зеленой рукой. Медленное для нее движение показалось присутствующим жутко быстрым. Они враз притихли, с почтением дожидаясь ее слов.

— Я собрала вас не за тем, чтобы обсуждать выбранную тактику и начало похода, — я хочу рассказать сон. — Она поглядела на Мордешу. — Моими снами, генерал, распоряжается Эйякрат, но и твое мнение может оказаться интересным. — Генерал покорно поклонился.

— Ваше величество, я не ревнивый дурак. Теперь, наконец, настало время, когда надо, отбросив все вздорные претензии, послужить вящей славе Куглуха. Если меня спросят, я выскажу свое мнение и склонюсь перед древней мудростью своего коллеги. — Он кивнул в сторону Эйякрата.

— Мудрость знает собственные пределы, — заметил удовлетворенный чародей. — Рассказывайте сон, Ваше величество.

— Я отдыхала в опочивальне, — медленно проговорила императрица, — в полудреме, после оргии совокупления и беседы с моим последним супругом перед его ритуальным умерщвлением. И вдруг я ощутила беспокойство. Словно бы множество незримых глаз наблюдало за мной. Это были чужие глаза, они горели. Жаркие, влажные... Они прозревали меня насквозь. Я вздрогнула, как объяснил мне впоследствии прислуживающий супруг, и с силой ударила, но — в пустой воздух. Я отчаянно билась — с ничем. И подушки в моем будуаре оказались вспороты, как подбрюшья дюжины рабов. На миг мне показалось, что я вижу своих мучителей. Они имели форму — и не имели ее. Форму, но не плоть. Я громко вскрикнула, и они исчезли. Очнувшись, я впала в ярость, которая оставила меня только недавно. — И она встревоженно поглядела на Эйякрата. — Чародей, что все это предвещает?

Эйякрат отыскал чистое место посреди царственных испражнений и поднялся на задние ноги. Острие брюшка его едва не касалось пола. Крохотные прислужники в фут длиной чистили его хитин.

— Ваше величество уделяет слишком много внимания пустякам. — Он взмахнул тонкой рукой. — Возможно, это всего лишь

кошмар. В эти дни у вас столько поводов для беспокойства! Можно лишь удивляться тому, что подобное с вами случилось лишь однажды. Подобные галлюцинации характерны для посткоитального оцепенения.

Скрритч кивнула и принялась чистить другой глаз, разгоняя встревоженную прислугу.

— Но мягкие всегда умудрялись одолевать нас в бою.

Генерал Мордеша неловко пошевелился.

— Они не только быстры и сильны, но хуже того — очень умны. Мы проигрываем не потому, что нам недостает силы и удали — в бою нас подводит воображение. Быть может, мое видение — это добрый знак. Не надо расстраиваться, мой генерал. Скоро ты получишь долгожданный приказ.

— Я верю: пришла пора выступать. — Мордеша явно приободрился.

— Да, генерал, прикажи штабу начинать самые последние приготовления.

— Ваше величество, — вставил Эйякрат. — Мне бы очень хотелось получить еще несколько месяцев на изучение последствий Проявления. Я недостаточно глубоко понимаю их.

— Какое-то время у тебя еще есть, мой добрый советник, — ответила ему императрица. — Чтобы запустить в ход военную машину, потребуется большой срок. Но следует считаться и со словами генерала Мордеши, он лучше знает, как поддерживать боевой дух и готовность войска. Ну а без него вся твоя магия нам не поможет.

— Я выделю тебе столько времени, сколько будет в моих силах, — проговорил Мордеша. — Я нуждаюсь в твоей поддержке. — Он поднялся, чтобы уйти, глаза его блеснули в свете свечей. Он вновь поклонился. — Позвольте удалиться, Ваше величество, я ухожу, чтобы приступить к дальнейшим приготовлениям. Дел так много.

— Задержись еще ненадолго, генерал. — Императрица обратилась к чародею: — Эйякрат, я не люблю торопить мудрецов, что служат нам в этом великом предприятии. В прошлом мы бывали наказаны за недостаток терпения и секретности. Но мне кажется, время настало, и Мордеша подтверждает это. Я хочу, чтобы ты понял: я не отдаю предпочтение его совету. — Она поглядела на Кесиликта.

— Ваше величество, — проговорил министр, — я не генерал и не волшебник, но инстинкт мой говорит — сейчас. И рабочие тоже так думают.

Эйякрат вздохнул.

— Пусть будет так. Что касается видения... Ваше величество, среди мягких есть много знатоков магии. Их можно презирать за мягкое тело, но не за ум. Быть может, я чересчур мнителен сейчас, когда наши планы близятся к завершению, но нельзя исклю-

чить и того, что обличья, которые наблюдала Ее величество, принадлежали магам мягких. Впрочем, — признал он, — я не знаю среди них способных достичь мыслью Куглуха, проникнуть за завесы смятения и раздора, которыми я окружил Проявление. Тем не менее я постараюсь выяснить, что случилось. И если это не сон — чем скорее мы выступим, тем большее смятение сумеем вселить в них, тем ближе окажемся к победе. — Он повернулся к генералу. — Видишь, Мордеша, как мысли мои поддерживают твои желания даже против моей воли. Быть может, это и к лучшему. Не исключено, что я просто осторожничаю. Если ты готов, если готовы армии, значит, и я спешу приготовиться. Итак, к полной победе и славе?

— К полной победе и славе, — дружно проговорили все трое.

Скрритч повернулась, потянула за шнур. Появились прислужники. Каждый нес по свежей, истекающей соком ножке. Их пустили по кругу. Четверо заседавших выпили все содержимое в знак достигнутого согласия.

А потом они отправились по местам. Генерал — к своему штабу, Эйякрат — в собственные апартаменты, размышлять над возможностью духовного вторжения в Куглух, Кесиликт же — к мирским вопросам, уточнять время приема пищи и официальные распоряжения на завтра.

У министра было достаточно оснований призадуматься над словами императрицы, признававшей за мягкими изрядный ум. Подобная находчивость позволяла ему сохранить голову на плечах, даже когда он согласился с прочими в том, что настало время выступать. Сам-то он полагал, что Эйякрату следует предоставить любое время, которое тот запросит. Кесиликт был знаком с запретными анналами, бесконечным скорбным перечнем поражений в прежних битвах с мягкими. И не более прочих членов Государственного Совета знал о сложностях, испытываемых Эйякратом при манипуляциях с Проявлением, полагал, что в нем-то и кроются все надежды Броненосного народа на окончательную победу над извечными врагами... а вовсе не в хваленой генералом Мордешей военной силе.

Оставшись одна, Скрритч потянула за другой шнурок. Явился служитель с высоким узкогорлым сосудом для питья. Императрица запила им вкус ножки, а затем вновь обратилась к окну.

Сгущающийся туман укрывал уже подступы к твердыне. Город Куглух с его тысячами беспокойных жителей исчез, словно бы и не существовал. День повернул к ночи, туманы темнели, свидетельствуя, что солнце клонится к закату.

Мордеша и его друзья-генералы осуждали задержку. Она и так тянула, сколько возможно, давая Эйякрату время, необходимое для изучения Проявления. Но, зная характер волшебника, нетрудно понять — он будет тянуть до бесконечности.

Терпение лопнуло. Скоро на Зеленых Всхолмиях узнают, что война началась.

На миг ей вновь вспомнился тревожный сон. Быть может, это просто кошмар? Даже у нее, императрицы, сдают нервы. Однако Эйякрат не проявил особого беспокойства, значит, и ей незачем волноваться.

Нужно было еще возвысить кое-кого и унизить, казнить, наказать... наградить. Впереди завтрашний день, умно спланированный прозаичным Кесиликтом.

Постоянная насыщенность будней казалась чрезмерной — в особенности теперь, когда сделаны первые шаги к окончательной победе. Она наслаждалась: из всех императоров и императриц великой Империи она первая хозяйкой вступит в уютные земли мягких, первой доставит с другого края света добычу, приведет тысячи рабов.

В конце концов, что может помешать ей? Эйякрат не раз намекал на возможности, предоставляемые Проявлением. Они уводили за пределы этого мира.

Императрица повернулась на бок и откинулась на сотню красных подушек, отсвечивающих рубинами. Честолюбие ее было безграничным, как Вселенная, и столь же далеко идущим, как магия Эйякрата. Она едва могла дождаться начала войны. Слава осенит ее и Куглух. Кстати, почему бы с помощью чародея не сделаться Императрицей Вселенной, высшей правительницей еще неведомых далей со всеми их обитателями?

Да, она еще получит утонченное удовольствие, распоряжаясь смертью и разрушением, а не читая о них... Командуя воинами, а не тупыми мирными горожанами. Куглух вышел в поход — пора уже. Только на этот раз он будет шириться и расти... Никаких бесславных остановок.

Галлюцинация в памяти слабела и наконец сделалась лишь любопытным и незначительным воспоминанием.

Глава 15

Джон-Тома словно поделили на две половины. Одна — продрогла и промокла от утреннего тумана. Другая же пребывала в сухости и тепле — ей было, пожалуй, жарко, и на нее что-то давило.

Он открыл глаза и с первым, еще сонным движением увидел рядом с собой черно-белую фигуру. Черные волосы Флор лежали на его плече, а голову она пристроила на его согнутой в локте руке.

Вместо того чтобы шевельнуться и разбудить девушку, он воспользовался возможностью изучить ее совершенно непо-

движное лицо. Во сне она была совсем другой. Девочкой, что ли. По левую сторону от Джон-Тома почивал волшебник.

Втянувший в панцирь голову и конечности, Клотагорб казался валуном, закатившимся под куст. Джон-Том вновь обратил было взор к своей соседке, когда уловил движение за спиной. Встревоженный, он потянулся к своему боевому посоху.

— Ты не тревожься, Джон-Том. — Интонации Талеи были прямо противоположны словам. Девушка склонилась к нему, бросив угрюмый взгляд на сонную парочку. — Если я и убью тебя, Джон-Том, то не во сне. — Она непринужденно перешагнула через обоих и направилась к Клотагорбу.

Нагнувшись, она бесцеремонно забарабанила по панцирю.

— Просыпайся, волшебник!

Вскоре вынырнула голова, за ней пара рук. В одной оказались очки, быстро перекочевавшие на клюв. Наконец появились ноги. После недолгой паузы волшебник всеми четырьмя оттолкнулся от земли и встал.

— Я не привык, — начал он ворчливым тоном. — Я не привык, чтобы меня будили столь бесцеремонно, юная леди. И если бы не моя добродушная натура...

— Эти речи лучше приберечь для него, — проговорила Талея, указав на шатающегося в воздухе Пога. Сонный летучий мыш, неловко двигаясь, приближался, чтобы помочь хозяину с утренним туалетом. Пог спал наверху — в ветвях дерева.

— В чем дело-до, а? — проговорил он утомленным тоном. — Шум, ор... поспать не дадут.

— Эй, — резко бросила Талея, — все поднимайтесь. — И вновь одарила взглядом Джон-Тома. Тот невольно удивился, обнаружив кое-что, как ему показалось, промелькнувшее во взгляде девушки. — Ну, как, — спросила она, — вы с ней собираетесь поучаствовать в небольшом совете... или нет? Может, ты решил провести весь остаток жизни в качестве ее подушки?

— Почему бы и нет? — Он поглядел ей в глаза. Талея отвернулась. — В чем дело? С чего такая прыть в такую рань? Раньше я не замечал за тобой стремления подниматься затемно.

— Как правило, я сплю, Джон-Том, — отвечала она, — но я проснулась не потому, что крепко спала, а оттого, что здесь кого-то не хватает. Вы что — еще не заметили? — Она развела руками и повернулась. — Где Мадж?

Джон-Том снял с плеча голову Флор. Сонно заморгав, она перекатилась на бок. Кошачья поза эта не давала ему сосредоточиться ни на чем...

— Мадж исчез, — проговорил он, вставая и старательно пытаясь размять затекшие плечи и ноги.

— Значит, слинял, мохнатый плут. — Скорчив рожу, Пог взмахнул крылом. — А чего удивляться-до? Он и сам говорил, чдо смоется при первой возможности.

— Я был о нем лучшего мнения. — Джон-Том с разочарованием поглядел на лес.

Талея расхохоталась.

— А ты еще больший дурак, чем кажешься. Не понял, что ль — он зашел с нами так далеко, только опасаясь угроз чародея. — И она ткнула пальцем в сторону Клотагорба.

— Я в высшей степени расстроен, — проговорил негромко волшебник. — Невзирая на несчастную склонность ко всякого рода безобразиям, выдр этот нравился мне. — Выражение на лице мага-черепахи изменилось. — Назад его не вернуть, но можно узнать, где он находится. Я наложу на него розыскной заговор.

Расспросы показали, что розыскной заговор представляет собой нечто вроде магической бомбы замедленного действия. Обладая собственным эфирным строением, невидимо будет он перемещаться по миру, пока наконец не встретится с разыскиваемым индивидуумом. И в этой точке субстанция заговора проявит свою сущность. Джон-Том с содроганием слушал, насколько жуткими могут быть результаты. Несчастный объект мог годами избегать последствий воздействия заклинания и наконец однажды утром, проснувшись, обнаружить на своих плечах, скажем, голову цыпленка. Неужели и с его приятелем Маджем может произойти нечто подобное? И он умолил волшебника часок обождать. Тот без энтузиазма согласился.

Через час Клотагорб приступил к делу и почти наполовину справился со сложным заклинанием, когда из леса показалась фигура. Готовившие завтрак Джон-Том и Флор обернулись.

С пояса свисало несколько ярко-голубых ящерок, головы их волочились по земле. В остальном ничего незнакомого в фигуре не было.

Отцепив добычу от пояса, Мадж бросил ее на землю около костра и, хмурясь, повернулся к кружку наблюдателей.

— Ну, чего глаза-то повыкатывали, а? — Он согнулся над ящерицами, вытащил нож и пропорол пузо одной из жертв. — Ща, чуток подождите, я их выпотрошу, и пожарим. Пальчики оближешь вот, ежели лимнигона, прыгуна болотного, правильно приготовить.

Клотагорб перестал бормотать и жестикулировать. Он казался слегка разгневанным.

— Отличное утречко для охоты, — доброжелательно сообщил разговорчивый выдр. — Земля влажная, повсюду следы, вота я и встал пораньше, чтоб кладовку нашу наполнить. — Он выпотрошил последнюю ящерицу и начал сдирать с них кожу. Потом остановился, заметив, что все так и не сводят с него глаз, и, недоуменно встопорщив усы, спросил:

— Ну че таращитесь-то, а, че тут случилось?

Джон-Том подошел поближе, хлопнул выдра по плечу.

— А мы было подумали, что ты дал деру. Я знал, Мадж, что ты не сделаешь этого.

— Вот еще придумали, — послышался возбужденный ответ. Мадж ткнул ножом в сторону Клотагорба. — Тока не сомневаюсь, что его мозговитость щас прихватит меня каким-нибудь тухлым волшебным словом... И тока потому, что я решил действовать по собственной воле. Наверняка и розыскным заговором пригладит...

— Ну что ты, не настолько же... — пробормотал Клотагорб. Джон-Том осуждающе поглядел на чародея.

— Ты не пойми меня не так, приятель, — сказал выдр Джон-Тому. — Ты мне нравишься и две дамочки-дорогушечки тоже, хотя, случается, и нос дерут, даже старина Пог может составить недурную компанию, если захочет. — Поглядев с ветки вниз, мыш пренебрежительно фыркнул и продолжил утренний туалет.

— А вот чтоб он меня по суставчику раздернул — не хочется мне этого. Да я же говорил, — выдр блаженно улыбнулся. — Вот эта угроза меня и держит. Я прекрасно понимаю, что и пытаться незачем.

— Но мы же не совсем поверили в это. То есть уверенности...

— Не надо, шеф. Не желаю слушать. — Выдр поставил филейчики на огонь и перебрался на замшелое бревно. Стянул с себя сапоги. Перебирая мохнатыми пальцами, перевернул обувь и ударил лапой по каблуку. Посыпались камешки.

— Вляпался, когда погнался за ними. Но стоило. Они еще достаточно молодые, значит, не жесткие, и мяса хватит. Сказать правду, надоели уже орехи, ягоды и вяленое мясо. — Он натянул сапог.

— Ну, чего — подходите. Неужели и впрямь кто подумал, что я дал деру? Ладно, займемся делом. Пора завтракать. — Он подошел к костру. — Может, я и темнота, и ругатель, и развратник, и подонок. — Он протянул лапу к округлому задку Талеи, немедленно отскочившей в сторону. — Но есть во мне и хорошее. Скажем, я лучший повар по эту сторону Нижесредних болот. — Он подмигнул Джон-Тому. — Привык, знаешь, есть за долгую жизнь.

Больше о дезертирстве речи не было. Ящерицы оказались куда менее привлекательными, чем обыкновенное жаркое, но Флор с явным аппетитом запустила зубы в свою порцию, поэтому Джон-Тому колебаться не приходилось.

— Muy bueno[1]! — Облизнув пальцы, Флор обратилась к Маджу: — Может быть, я теперь как-нибудь сумею сделать для тебя мои quesadillas[2].

Мадж паковал вещи.

— Может быть, я теперь сумею сделать одну Кинтеру?

---

[1] Очень хорошо (*исп.*).

[2] Пироги с сыром (*исп.*)

— Нет-нет, quesadillas, Кинтера — это... — Открыв рот, Флор, к изрядному удивлению Джон-Тома, покраснела. Румянец очень шел к ее смуглым щекам. Он хотел что-то сказать, однако указать выдру на недопустимое нахальство как-то не получалось. Он просто не мог видеть в мохнатом спутнике соперника. Это было бы вовсе не по-человечески.

Закинув за плечи мешки, они направились через поляну. Джон-Том болтал с Маджем и Клотагорбом, тем временем Флор занимала ворчливого, однако вовсе не упирающегося Пога. Она хотела выяснить обязанности фамулуса, и тот охотно перечислял самые неприятные из его повседневных дел... Но так, чтобы не слышал волшебник.

Под подошвами то и дело хлюпала вода. Ночной дождь оставил на поляне небольшие лужи. Самые крупные путники обходили, и никто не заметил, что формой они все одинаковы — отпечатки копыт, вдавившиеся в расплавленный камень.

Джон-Том не был готов увидеть такое... Он ожидал, что Вертихвостка окажется тихой и кроткой.

Это был буйный широкий поток, кое-где мерцали белые гребешки — там течение бежало с востока на запад. Глубину определить было трудно, но река казалась достаточно широкой и глубокой для хорошего корабля. Она напомнила ему фотографии Огайо в колониальные времена, конечно, не потому, что Джон-Том надеялся увидеть здесь пароход... даже с колесом.

Наверное, такой большой река показалась ему по контрасту. Здесь ему попадались все ручейки и речушки. И в сравнении с ними Вертихвостка была огромной. Вдоль берегов ее выстроились ивы и кипарисы, кое-где строй нарушали березовые рощи, тянувшие к усеянному облаками небу костистые пальцы веток.

Они повернули на восток и побрели вверх по течению. Берега реки покрывали густые заросли. Перепутанные кусты лунной ягоды часто заставляли их менять направление, шипы цеплялись к одежде и старались добраться до тела.

Наконец они обнаружили то, что разыскивал Клотагорб: плоский язык песка и гравия, вдающийся в реку. На скудной почве прозябали редкие кусты. В разлив полуостров, конечно же, уходил под воду. Ну а сейчас он представлял собой хорошее место для высадки, откуда удобно было посигналить попутному судну.

День шел за днем, однако никаких лодок не появлялось.

— В это время года торговцы плавают редко, — оправдывался Клотагорб. — Другое дело весной, когда вода стоит выше и верхние пороги затоплены. Если в ближайшее время мы ничего не заметим, придется придумывать что-то самим. — В голосе его слышалось раздражение, вызванное отчасти тем, что Талея оказалась права и путешествовать надо было все-таки по суше.

Следующие два дня вселили кое-какие надежды. Мимо про-

шло несколько лодок, но в обратную сторону — вниз по течению к Глиттергейсту, к далекому Снаркену.

Джон-Том использовал время, чтобы практиковаться на дуаре. Он все старался овладеть двойным набором струн, но играл тихо и не пел — чтобы не накликать невзначай какую беду. В такие моменты гничии всегда роились над ним, и он уже начинал овладевать умением не следить за ними час за часом, напрасно пытаясь углядеть очередного.

Однажды какой-то светящийся червь в фут длиной выполз с мелководья. Существо это плясало и извивалось возле ног Джон-Тома, а потом исчезло в воде, едва юноша прекратил играть.

Инструмент просто заворожил Флор. Невзирая на опасения Джон-Тома, она настояла, чтобы он дал попробовать и ей. Однако девушка сумела взять только несколько основных аккордов, а потом вернула «гитару» Джон-Тому и стала слушать его игру.

Этим и была она занята в то утро, когда у воды раздался крик Талеи.

— Корабль! — Стоя на песчаном мыске, она показывала на запад.

— Большой? — Клотагорб, пыхтя, заторопился к ней. Джон-Том закинул дуару за спину и вместе с Флор подошел к ним.

— Не могу сказать. — Талея щурилась, прикрывая глаза рукой.

На солнце набежало облачко, однако вода блестела так, что глаза слезились.

Вскоре корабль оказался перед ними. Прочный корпус был заострен с обоих концов. На двух мачтах — на носу и корме — располагались большие квадратные паруса. Посреди палубы находилась высокая надстройка, с высокого полуюта кто-то правил длинным рулевым веслом.

Кроме того, вдоль бортов бегали какие-то существа. Они наваливались на длинные шесты, и Джон-Тому показалось, что среди покрытых шерстью фигур мелькают и несколько человеческих.

— Миниатюрная помесь килевого шлюпа и галеона, — задумчиво пробормотал молодой человек. Смочив палец, Джон-Том проверил направление ветра. Тот дул вверх по течению. Сперва под парусами — против течения, наверху паруса спустят, и судно направится по течению вниз. В такой день, как сегодня, подниматься было трудно. Ветер был слабоват, и корабль подталкивали шестами.

— Над ними купеческий вымпел? — Клотагорб возился с очками. — Пора бы наконец освоить заклинание против близорукости...

— Трудно сказать, — отвечала Талея, — но что-то на мачте есть.

— На палубе очень много народа, — нахмурился Джон-Том. —

И не все отталкиваются шестами. Некоторые словно бегают по палубе вокруг корабля. Упражняются, что ли?

— Ты че, приятель, вовсе сдурел? Тот, кто не стер еще хвост от усердия, сидит щас под палубой и ждет своей очереди.

— Но они тем не менее бегают. — Джон-Том нахмурился, пытаясь понять причины явно бестолковой суеты на корабле.

— Пог!

Мыш мгновенно оказался возле Клотагорба.

— Да, Мастер? — По пути Пог торопливо отбросил ножку ящерицы, которую обгладывал.

— Узнай, кто это, далеко ли плывут и не возьмут ли нас пассажирами.

— Да, Мастер.

Мыш понесся к лодке. Джон-Том провожал его взглядом.

Оказавшись над кораблем, Пог заложил вираж. Судно находилось почти напротив их маленького пляжа — у противоположного берега реки. Мыш вернулся достаточно скоро.

— Ну? — потребовал Клотагорб, когда Пог опустился на землю.

— Чдо-до они, босс, дам не в духе. — Приподняв крыло, он показал всем засевшую в нем стрелу, извлек ее, выбросил в воду и принялся изучать рану. — Дерьмо. Опять зашивать придется.

— А ты уверен, что целили именно в тебя? — спросила Флор.

Пог скорчил мерзкую рожу, что летучей мыши сделать совсем не сложно.

— Да, я уверен, чдо они целились в меня! — кислым голосом передразнил он Флор. — И прости, чдо не прихватил с собой побольше доказательств... Увернулся вод еще от дюжины таких штуковин.

Он принялся возиться в своем ранце, извлек из него большую иглу и катушку с какой-то нитью, на взгляд Джон-Тома, кетгутом не являющейся, и уже за шитьем начал рассказывать.

— Дама у них на палубе драка... Целая битва. Я долько круг у них сделал над головой, чдобы разобраться, чдо к чему. Потом сдался и опустился к полуюту. Дам никакого шума не было. Я подумал, что капидану дам и быть. Один из них был одет не дак, как другие, но откуда знать, капитан он или нед. Точно-до не скажешь, дак? — И он вновь протащил иголку через перепонку, не обнаруживая никаких признаков боли, ткнул иглой снова, стягивая стежок. Дыра начала уменьшаться.

— Значит, я кричу этому шутнику, чдо нам нужно в верховья реки. А он в ответ с ходу объявляет меня черномазой горгульей рожей, сукиным сыном, пожирателем насекомых. — Мыш пожал плечами. — Словом, разговора не получилось.

— Не понимаю причины подобной враждебности, — проговорил Клотагорб, провожая взглядом уже уходящее на восток

судно. Несбывшуюся надежду. Сколько же теперь пройдет времени, прежде чем снова подвернется попутный корабль?..

— А мне показалось, — продолжил Пог, — чдо чертов капитан со своим клепаным экипажем просто свихнулся на какой-до штуковине... и начисто позабыл про всякую вежливость. Разве чдо с собственными милашками еще обошлись бы дружелюбно, дока я сомневаюсь, что к даким типам можно испытывать симпатию. Чего у них дам стряслось, я не знаю... Чего ж мне — дожидаться, пока проткнут?

— Может, еще и выясним. — Все посмотрели на Маджа. Выдр внимательно глядел на реку.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Флор.

— По-моему, они тока что кого-то за борт выкинули.

С удаляющегося корабля донеслись вопли и проклятия. Возле борта несколько раз что-то плеснуло. Заметил это даже Джон-Том.

— За первым последовало еще несколько, — сообщил Мадж.

— Пытались последовать, — уточнила Талея. — И их, Мадж, не кидали. Смотри! Прыгнули трое, и их подняли обратно. А первый плывет в нашу сторону. Можешь ты понять, в чем дело?

— Нет, милашка, пока нет, — отвечал выдр. — Но пловец определенно все ближе и ближе к нам.

Они с интересом ждали. Тем временем корабль удалялся, за ним тянулась волна ругательств.

Через несколько минут из воды появилась насквозь мокрая фигура и побрела к берегу. Существо это оказалось ростом едва ли не с Флор, одежда — в сухом состоянии — представляла собой безупречно сшитую шелковую домашнюю куртку с кружевными манжетами и воротником. На груди виднелись кружева рубахи. Зеленая куртка была расшита золотой нитью. Белые кружева испачкались в иле. Бриджи такого же цвета ниже колен переходили в шелковые чулки, в свой черед погружавшиеся в огромные черные ботинки с золотыми пряжками. На взгляд Джон-Тома, обувь соответствовала сорок четвертому человеческому размеру. Но насквозь промокшее существо человеком не было.

Он остановился, обозрел их желчным взглядом и начал выжимать воду из рукавов. На длинной золотой цепочке из кармана камзола свисал монокль. Вставив его в правый глаз, кролик с достоинством произнес:

— Не сомневаюсь, вижу перед собой существа, не способные напасть на попавшего в беду путника, жертву антиобщественно настроенных типов. — Он вяло ткнул в сторону исчезнувшего судна.

— Отдаюсь на ваше милосердие, поскольку не имею сил для дальнейшего бегства.

— Не расстраивайся, — отвечала Талея. — Будешь прям с нами, и мы будем честны с тобой.

— Ценное предложение, прекрасная леди, — перегнувшись, кролик затряс головой и провел лапой вдоль каждого длинного белого уха. С концов их потекла вода.

На белом меху виднелось несколько редких коричневых и серых пятен. Нос и уши отсвечивали розовым. Из разреза в бриджах сзади выступал белый хвост. В настоящее время более всего он напоминал побывавший в употреблении клок белой ваты.

Мадж помогал Погу закончить шитье и сперва не уделил пришельцу внимания. Потом, оставив мыша, присоединился к своим спутникам и, оглядев насквозь мокрого, но горделивого беглеца, испустил оглушительный свист.

Ожидавший худшего кролик сперва отшатнулся, подозревая, что, невзирая на уверения Талеи, сейчас станет объектом нападения. Но, внимательно поглядев на выдра, присвистнул и сам. Мадж ринулся к нему навстречу, и несколько минут оба отвешивали друг другу сокрушительные удары по плечам и спине, словно стараясь забить до смерти.

— Во, мать, ну и хорек! — блаженным голосом вопил Мадж. — Надо ж — встретиться в таком месте! — Он, пыхтя, обернулся к оцепеневшим от удивления друзьям. — Ну вы, ребята, просто не знаете, кто это у нас. — Он вновь ударил кролика по спине. — Представься-ка, блудливая зимняя шуба!

Кролик аккуратно извлек из глаза монокль и рукавом протер его.

— Я — Каспар ди Лорка ди Л'Омоллия ди лос Ананасас Цыгаксос. Однако, — и он вновь вставил на место заблестевший монокль, — можно звать меня просто Каз.

Нахмурившись, он поглядел на шелковые чулки и штаны.

— Прошу простить мой ужасный вид, но обстоятельства требовали немедленного отбытия водным путем...

— Легко отделался, — фыркнул Пог, расправляя крыло.

— Ах да, воздушный гость облегчил мне отбытие. — Кролик поглядел, как Пог опробовал конечность. — Только благодаря вашему своевременному появлению, мой крылатый друг, я сумел оставить судно, не пролив крови. И хотя у меня не было необходимого времени на посторонние наблюдения, я все же смог оценить тот ужасный прием, который вам оказали. Я находился в подобной же ситуации.

Однако Клотагорб не имел желания выслушивать горестные повествования, какими бы цветистыми они ни оказались...

— Талея сказала, что тебе, незнакомец, не причинят вреда. Так и будет. Я хочу, чтобы ты без всякого промедления узнал — я волшебник, а он, — маг указал на Джон-Тома, — чародей из другого мира. Не смей лгать перед лицом двух магов. А теперь говори — почему ты прыгнул в воду и зачем матросы пытались догнать тебя?

— Премудрый сэр, грустные подробности моего несчастного приключения могут лишь утомить вас.

— Все же попробуем. — Клотагорб погрозил кролику пальцем. — И помни, что я тебе говорил, — не лги.

Каз огляделся. Он был отрезан от берега. Два невероятно рослых человека нависали над ним. А черепаха, если и не была волшебником, то по крайней мере не сомневалась в своих чародейских способностях.

— Ты, приятель, лучше делай, как его толковость грит, — вступил Мадж. — Он у нас самый настоящий чародей. К тому же, — выдр опустился на корточки на песок, — мне и самому хочется послушать.

— Особо рассказывать нечего. — Каз пододвинулся к костру, продолжая вытирать шерсть. — Дурацкая ссора... Игра случая.

— Звучит убедительно. — Талея напряженно улыбнулась. — И за это тебя выкинули за борт?

Кролик слегка улыбнулся и повернулся спиной к костру, стараясь высушить хвост.

— К моему глубокому прискорбию, дело этим не кончилось. Опасаюсь, что у них были куда более кровожадные замыслы в отношении моей персоны. И я был вынужден отражать их натиск, пока ваш крылатый друг не отвлек их своим появлением, тем самым позволив мне невредимым погрузиться в воду. Впрочем, сперва я пытался переубедить их.

— Ага, — отозвался сидевший поблизости Пог. — Видал я, как ды их убеждал. — Взмахнув на пробу крылом, он поднялся на несколько футов. — По всему кораблю за добой убеждались.

— Невежественные торговцы, полупираты, любители всякого хлама, — вознегодовал Каз. Он с явным расстройством рассматривал свои погубленные кружева. — Боюсь, из-за них костюм мой безвозвратно погиб.

— Но на чем они поймали тебя за руку? — непринужденно спросила Флор. — В карты надул?

— Прошу меня простить, небесное видение, только не смею поверить, чтобы столь страшное обвинение могло сорваться с уст, способных послужить эталоном красоты во Вселенной.

— Сорвалось вот, — заверила его Флор.

— В карты я никогда не плутую — просто нет необходимости... В игре я являюсь чем-то вроде эксперта.

— Ну, значит, в кости сплутовал, — уверенно заявила Талея.

— Боюсь, что так. Мой опыт в обращении с примитивными косточками во многом уступает мастерству картежника.

Талея усмехнулась.

— Выходит, кость в рукаве труднее припрятать, чем карты. Понятно, зачем тебе столько кружев.

Кролик с выражением оскорбленного достоинства провел пальцами по мохнатому лбу, а потом по уху.

— А я надеялся отыскать здесь убежище. Но вместо этого подвергаюсь постоянным насмешкам.

— Значит, правда не нравится?

Каз уже готов был разразиться бранью, но Флор опередила его.

— Не обращай внимания. Мы тут все пыжимся друг перед другом — изображаем, какие мы удалые. Выходит, с тобой за игру лучше не садиться.

— Перед лицом подобной красы я не в силах играть, — проинформировал ее кролик. Флор на это не отреагировала.

— Ну, теперь не до игр, приятель, — заметил Мадж, — судя по виду, сухой ты или мокрый, можно сказать, что после нашей последней встречи дела у тебя шли неплохо.

— Я прекрасно все помню. — Кролик занялся своими туфлями с пряжками. — Если не ошибаюсь, тогда обстоятельства тоже требовали поспешного отбытия.

Над водою пронесся высокий смешок выдра.

— И я, шеф, никогда это не забуду. Как вспомню рожу того клерка в банке, када он обнаружил, что его надули. — Голоса слились в радостном хохоте.

Талея послушала несколько минут воспоминания, а потом направилась к кромке воды. Сидя там, Флор наблюдала за беседой мохнатых дружков.

— Чужестранка, — начала Талея, — этот Каз поглядывает на тебя особым взглядом. Я знаю таких. Быстро говорят, быстро действуют, быстро смываются. Последи за собой.

Флор подняла вверх глаза и встала, нависая над относительно невысокой Талеей.

— Спасибо за совет, но я уже большая девочка и сама могу о себе позаботиться. Comprende[1]?

— Рост и ум не всегда сходятся вместе, — отвечала рыжеволосая девица. — Я тебя предупредила.

— Спасибо за заботу.

— И запомни кое-что о нем. — Талея кивнула в сторону оживленно трещавшего Каза. — Этот может вставить любому, кто ходит и кто не ходит. Старина Мадж просто болтун, а этот — деловой. По всему видно.

— Не сомневаюсь, что вполне могу положиться на твой опыт, — невозмутимо отвечала Флор. Она шагнула в сторону прежде, чем Талея успела осведомиться, как надо понимать эти слова.

— Так вот сложилась моя собственная история, — проговорил кролик. Он оглядел спутников выдра. — И куда же вы направляетесь, старый друг? На обычную шайку не похоже... Однако, если вы решили заняться таким делом, вас ждет успех. Я еще не

---

[1] Поняла (*исп.*).

встречал людей выше, чем эта парочка. К тому же черепаха назвала вот этого волшебником из иного мира.

— Не удивляют меня твои вопросы, приятель, — отозвался Мадж. — Всю эту странную историю затеял старый трухлявый пень, Клотагорб. Я бы отдал передний зуб, тока бы никогда не встревать в такое дело. — Голос его превратился в шепот. — Тока ты не тревожься. Мне уже ничем не поможешь. Лучше двигай отсюда, пока наш твердолобый и твердопанцирный не захомутал и тебя. Он у нас вовсе не чепуховый колдун — вот и повлек всех с собой. Мир ему, вишь, спасти приспичило. Ты в нем не сомневайся. Колдовство у него самое натуральное... Это тебе не карнавальный факир. А тот вон — мужик человеческий, с чуть дурацкой рожей, — этого я не понял. Иногда — ну дитя дитем, тока своими глазами видел, чего он может наколдовать. Чаропевец он у нас, стало быть.

— А эта человеческая женщина?.. Высокая. Тоже чародейка?

— Пока неясно, — задумчиво проговорил Мадж. — Не думаю... Но — со стилем.

— Ах, мой друг, ты не склонен ценить плоды высшего образования. Даже после краткого разговора я могу заключить, что она принадлежит к благородному ордену посвященных и возвышенных.

— Как я и говорил, — отметил выдр. — Со стилем дамочка.

Каз со скорбью покачал головой.

— Неужели Мадж, друг мой, ты так и не сможешь подняться мыслями над канавой?

— А мне и в ней хорошо, — отвечал тот. — Тепло и уютно, внизу-то и народ интересный случается встретить. Чего тока со мной не наслучалось с тех пор, как я выставил нос из канавы и за это оказался в няньках этого пацана... А теперь ваще плыву неизвестно куда и зачем. Я уж сказал тебе, приятель, компания-то ничего, да вот ситуация пованивает. Вон он... идет. Ш-ш-ш, тока тихо, да слова выбирай.

К ним вперевалочку подошел Клотагорб. Он со скорбью поглядел на Маджа.

— Разлюбезный мой. — Шестигранные очки были обращены к выдру. — Неужели ты так и не поймешь, что чародей, который может вызвать одного из элементалов с другого края Вселенной, вполне способен расслышать то, о чем говорится в нескольких ярдах от его уха?

Мадж казался удивленным.

— Значица, вы и вправду все слышали?

— Все-все... И не изображай испуганного младенца. Я не собираюсь карать тебя за мнение, высказанное с глазу на глаз, — тем более что ты никогда не делал из него секрета.

Выдр заметно расслабился.

— Вот уж не думал, ваша милость, что вы себя и на хороший слух зачаруете.

— Незачем, — отвечал волшебник. — Слух у меня и без того отменный. Быть может, в порядке компенсации за слабое зрение. — Он поглядел на внимавшего Каза. — Итак, сэр, вы слыхали мнение нашего общего друга. Позвольте тогда мне объяснить вам кое-что, а потом посмотрим, как вы отнесетесь к нашему предприятию.

И он поведал кролику, куда и зачем направляется компания.

Когда волшебник закончил, на физиономии Каза появилась неподдельная озабоченность.

— Если все обстоит именно таким образом, я, конечно же, просто обязан примкнуть к вам.

— Чего? — Мадж казался ошеломленным, усики его дергались.

— Чертовски благородно с вашей стороны, — проговорил Джон-Том. — Нам пригодятся все, кто способен хоть чем-то помочь.

— Дело в том, — задумчиво проговорил кролик, — что если этот волшебник прав, а у меня нет никаких оснований сомневаться в его словах, значит, погибнет мир, который мы знаем. И тогда следует приложить все силы, чтобы предотвратить катастрофу. Подобная цель достойна того, чтобы посвятить себя ей. Да, я буду иметь честь примкнуть к вашей экспедиции и окажу все содействие, на какое только способен.

— Рехнулся! — Мадж в отчаянии покачал головой. — Напрочь. Мозги, должно быть, промокли...

— Идиот, — согласился Пог с Маджем. Но Клотагорб и люди из другого мира принялись благодарить и поздравлять кролика.

Даже Талея изобразила нечто вроде восхищения.

— Как редко сейчас поступают по чести.

— И не только в этом мире, — задумчиво добавила Флор.

— Как ни печально, но понятие чести отмирает. — Каз приложил лапу к сердцу. — И могу лишь отдать свои слабые силы, чтобы возродить его.

— Конечно, мы рады тому, что ты примкнул к нам. — Первый доброволец обрадовал Клотагорба. — А меч у тебя есть... или что-нибудь другое?

— Увы, — кролик широко развел лапами. — Кроме них, у меня ничего нет. Конечно, когда мне случается добыть оружие, я ношу его какое-то время. Однако мне удалось подметить, что проще обезоружить противника бойким словом, чем острием клинка.

— Нам нужны мечи, а не длинные языки, — буркнула Талея.

— Случается и так, пламенная головка, что длинным языком можно отразить самый опасный натиск. Не спеши отказываться от оружия, которым не владеешь.

— Вот еще, он тупой будет меня называть. Ах ты, мохнатое ры...

Клотагорб встал между ними.

— Я не потерплю свар между своими. Прибереги гнев для Броненосного народа, глядишь, еще и не хватит. — Он вдруг показался усталым. — Пожалуйста, никаких оскорблений. Ни прямых, — чародей гневно поглядел на Талею, — ни завуалированных. — Он перевел взгляд на Каза.

— Попытаюсь надеть уздечку на колкий язык, — покорно отвечал кролик.

— Я тоже заткнусь, если он помолчит, — пробормотала Талея.

— Хорошо. Тогда отдохнем и насладимся полдневной трапезой. Вы давно ели, сэр?

Кролик покачал головой.

— Увы, пришлось оставить корабль до ленча. Как-то не уследил сегодня за временем.

— Значит, поедим и подождем...

Глава 16

Но пока они ели, никаких кораблей не появилось. Ни в оставшееся до ночи время, ни утром следующего дня.

— Вниз по течению к Глиттергейсту спускались многие, — проинформировал всех Каз, — но, кроме нас, в обратном направлении никто не шел. В это время года ветер здесь переменчив, и судовладельцы не стремятся переплачивать шестовикам. Судно все время приходится толкать — это чересчур дорого. Барыш уменьшается — услуги хорошей бригады шестовиков недешевы. Если мы увидим еще один корабль, можно считать, что нам повезло. Но никто не может гарантировать, что для нас найдется место. Мой корабль был полон народа, а я оказался единственным пассажиром. — Он осторожно сплюнул на песок. — Не следовало бы выделяться.

Клотагорб вздохнул. Поднявшись на ноги, он подошел к воде. Потом поглядел на реку, кивнул и обратился ко всем остальным:

— В этой части Вертихвостка широка и глубока. Здесь должно быть много быстрых и кротких саламандр. Так будет и быстрее, и дешевле. — Он откашлялся. — Сейчас я призову несколько штук.

Воздев короткие ручки над плещущей водой, Клотагорб открыл было рот и закрыл его со смущением на лице.

— По крайней мере, думаю, что призову. Как там начинается... — Он задвигал ящиками в панцире. — Саламандры... Саламандры... Пог!

Мыш повис перед ним.

— Босс, об эдом меня нечего спрашивать. Я даже не знаю, куда ды его затолкал. Я даже слыхом не слыхал о саламандрах. А сам-до ды в последний раз когда им пользовался? Можед, я вспомню, ежели ды позабыл?

Волшебник задумался.

— Дай-ка подумаю. Годков так с сотню назад.

Пог покачал головой.

— Извини, Мастер, но меня догда под рукой не случилось.

— Проклятие, — пробормотал разочарованный Клотагорб, еще возивший рукой в ящиках, — куда же он подевался...

Джон-Том повернулся к реке — все прочие смотрели на чародея, — перебросил дуару на живот и принялся перебирать струны. Нотки елочными игрушками поплыли над водой.

— Позвольте мне, сэр, — многозначительным тоном проговорил он, уголком глаза поглядывая, смотрит ли на него Флор.

— Что там?

Джон-Том зашел в воду по лодыжки. Около сапог, выжидая, закружились водовороты.

— А почему бы и нет? В тот раз я справился с этим, и нам опять нужен транспорт. — Да, Флор определенно смотрела на него во все глаза.

— Успех, мой мальчик, пришел к тебе чисто случайно...

— Не совсем. Нам нужен был транспорт, я попросил, и мы получили его. Просто внешний вид будет другой — вот и все. Может быть, на этот раз я сумею справиться лучше.

— Ну... если ты чувствуешь, что готов, — в голосе Клотагорба слышалась неуверенность.

— Готов — насколько это в моих силах.

— Значит, ты знаешь правильную саламандровую песню?

— Ну... не совсем. А какие они из себя?

— Всего нам потребуется шесть штук, — начал маг-черепаха. — Погу дополнительные средства передвижения не нужны. Саламандра вместе с хвостом имеет примерно двенадцать футов в длину. У них блестящие серые шкуры, на животе они белые, а бока и спины покрыты красными и желтыми пятнами. Зубы небольшие, но острые, перепончатые лапы с когтями. Они не опасны — не нападают. Если ты сумеешь вызвать их на поверхность, я наложу управляющие чары, и саламандры довезут нас до Поластринду. — И чародей негромко добавил: — Знай, эта глупая тварь тоже где-то неподалеку.

— Двенадцать футов длиной, серо-белые, с красными и желтыми пятнами... Когти, зубы, но не нападают... — бормотал Джон-Том. Он помедлил, понимая, что все глаза обращены к нему. — Так, посмотрим. Может быть, что-нибудь из песен «Саймона и Гарфанкела»? Нет, не так. «Зеппелин», «Куин», «Бостон»... черт побери, была же песня «Муди Блюз»... нет, тоже не то.

Флор нагнулась к Талее.

— Чего он делает?

— Готовит нужную песню-заклинание, я полагаю.

— Но что-то он какой-то неуверенный.

— Чародеи часто на первый взгляд кажутся неуверенными. Иначе никакой магии не получается.

Флор усомнилась.

— Ну, раз уж ты в этом уверена.

Наконец Джон-Том решил, что нужно или петь, или публично признать неудачу. А это не дело — особенно перед Флор. Он повозился с дискантами и басами, провел пальцами по обоим наборам струн, перебирая верхние и пощипывая нижние. Без сомнения, лучше было бы попросить помощи у Клотагорба, однако боязнь осрамиться заставляла его ограничиться собственными силами.

К тому же что можно сделать не так? Ну, явятся на поверхность рыбы вместо саламандр... Плыть не на чем, зато можно пообедать.

Посмотрим... Не подкорректировать ли чуть слова песни под нужды момента? Поэтому, следовательно, и так далее... «Желтая саламандра» — почти что «Желтая субмарина». «Мы все живем на желтой саламандре, желтой саламандре, желтой саламандре...»

Сразу же вода возмутилась, около берега образовался широкий водоворот.

— Значит, тут они, попрятались, — взволнованно пробормотал Клотагорб, глядя на поверхность воды. Он пытался поровну разделить свое внимание между рекой и певцом. — Пожалуй, чуть поднажми на глаголы, мой мальчик. И подчеркни, что именно ты ищешь. Будь внимателен с ключевыми словами.

— Не знаю я, что это за слова, — возразил Джон-Том во время паузы. — Но попробую.

В результате он запел громче, хотя голос его был вовсе не громок. Лучше всего у него выходили спокойные баллады. Но Джон-Том продолжал, и петь стало легче. Его мозг словно бы сам собой понимал, какие слова приводят в действие элементы этой странной квазинауки, которую Клотагорб именует магией. Или — прав чародей и наука действительно квазимагична?

Но философствовать было не время, и он осадил себя на этой мысли. Лучше бы пару моторок...

Осторожнее, вспомни о ездовой змее. Это была неудача, простая ошибка неопытной еще в новом деле руки. Простая случайность. В то время он не представлял, что и как делает.

Клотагорбу нужны саламандры — их волшебник и получит.

Вода вблизи водоворота вскипела пузырями.

— Вот они! — вскрикнула Талея.

— Е-мое, парнишка-то опять справился. — Мадж горделиво поглядел на вопящего подопечного.

Тем временем Джон-Том продолжал петь; ноты и слова плоскими гальками отскакивали от возмущенной поверхности реки. В центре водоворота вода пенилась, вздувались пузыри. Вверх футов на двадцать выстрелила струя, словно речное дно будоражило существо весьма внушительное.

Первыми начали хмуриться Талея и Каз, они попятились в сторону от реки.

— Джон-Том, — окликнула его девушка. — Ты уверен, что ничего не напутал?

Не замечая ничего, юноша продолжал петь. Клотагорб уже поведал ему, что хороший волшебник — или чаропевец — должен уметь сосредоточиваться. И Джон-Том старательно сосредоточивался.

— Мальчик мой, — медленно проговорил Клотагорб, потирая рукой нижнюю челюсть, — некоторые из слов, которые ты используешь... Я знаю, что важен контекст, но не уверен...

Смешанные с пеной пузыри взметнулись на высоту в три человеческих роста. Под водой что-то загрохотало, вздутие направилось к берегу. Если под ним и были амфибии, то в количестве куда большем, чем полдюжины.

Шум наконец отвлек Джон-Тома. Он успел подумать, что лучше бы остановиться и завести новую песню, но Флор глядела на него, а другой песни про водяные глубины он не знал. И он продолжал, невзирая на сомнения, терзавшие Клотагорба.

Во всяком случае, там что-то было.

Из-под воды доносился уже грохот. И вдруг из пены вынырнула голова — черная как ночь, с кровавыми глазами. Длинное узкое рыло, слегка скругленное на конце, усеянное многочисленными острыми, словно бритва... из слоновой кости, зубами. По бокам черепа и на затылке трепетали перепончатые крылышки ушей. Голова эта располагалась на чешуйчатой могучей шее, начинающейся от массивной черной грудной клетки, расцвеченной радужными пурпурными и лазурными полосками. На половину шеи растянулись красные жабры.

Из воды появилась нижняя часть передней лапы. Размером она была больше Джон-Тома, и пальцы его примерзли к струнам гитары, а слова окаменели во рту.

Светило солнце. Лишь несколько облаков оспинами темнели на небе, но день вокруг явно померк. Толстая нижняя лапа с прилипшими водорослями, по которой сочилась вода... Черные когти длиной с человеческий локоть... Нога опустилась, подняв тучу брызг. Между растопыренными пальцами видны были перепонки.

Элегантный кошмар отверз пасть...

Тонкая струйка напалма мгновенно обратила в облачко воду рядом с песчаным мыском.

— Хо! — прогрохотал низкий голос, рядом с которым звуки,

издаваемые Погом, казались сладкой песней. — Кто смеет нарушать покой Фаламеезара-азиз-Салмонмея? Кто посмел вызвать меня из дома на речном дне? Кто стремится, — и огромные зубастые челюсти опустились пониже, — попасть к великому Фаламеезару на ужин?

Мадж поспешно отступал к лесу и уже приближался к опушке. Дракон склонил голову, прикрыл один глаз и прицелился. Губы шевельнулись, чудовище плюнуло. Крошечный шарик огня приземлился в нескольких футах перед Маджем, испепелив при этом несколько кустов и невысокую березу. Мадж замер на месте.

— Вы призвали меня... Но тебя я не отпускал. — Голова теперь висела почти над Джон-Томом, у которого уже болела шея от попыток разглядеть, что творится наверху.

— Знайте, я — Фаламеезар-азиз-Салмонмей, триста сорок шестой потомок Салмонмикара, из рода Речных Драконов, охраняющих глубины всех рек всего мира. Как же ты назовешь себя, опрометчивый?

Джон-Том попытался улыбнуться.

— Я здесь гость мимолетный, занимаюсь собственным делом. Видишь ли, Фаламеезар, я сожалею, что потревожил тебя. Временами у меня случаются ошибки. Красноречие не всегда соответствует энтузиазму. Я-то хотел вызвать несколько саламандр и...

— Здесь нет саламандр, — раздался грохочущий голос. Дракон улыбнулся — как подобает ящеру. За зубами промелькнула черная глотка. — Я уже всех съел. Остальные бежали в тихие воды, куда и я скоро отправлюсь за ними. — Улыбка не померкла. — Дело в том, что я часто бываю голоден и добываю пищу, где только смогу. Каждому по потребностям... разве не так?

Клотагорб воздел руки.

Предок ящерок опрятных
В голубых и красных пятнах,
Ты своим путем иди,
Или мы в твоей груди
Внутренний огонь погасим...

Дракон коротко глянул на черепаху.

— Прекрати эту болтовню, старый дурень, или я запеку тебя в собственном панцире. Сваришься, прежде чем успеешь договорить заклинание.

Клотагорб в некоторой нерешительности умолк. Но Джон-Том чувствовал, как отчаянно напрягается его ум. Если чародей получит отсрочку...

Не думая, он сделал несколько шагов вперед — так что вода едва не закрыла голенища.

— Мы не причиним тебе вреда. — Дракон фыркнул и выпустил из ноздрей струйки дыма. — И я прошу прощения за причи-

ненное беспокойство. Дело в том, что мы находимся в походе, и цель наша имеет огромную важность.

— Никакие походы и цели обитателей Теплоземелья не интересуют меня. — В голосе дракона звучало пренебрежение. — Все вы отсталый народец и в экономическом, и в социальном отношениях. — Голова его вновь опустилась, и он переместился вперед, черной скалой выдвигаясь из реки. Теперь Фаламеезар спокойно мог движением ноги раздавить дуару вместе с ее хозяином.

Позади Джон-Тома Флор шептала:

— Настоящий дракон! Чудесно!

Стоявшая возле нее Талея давала выход чувствам иного рода.

— Вы остаетесь в живых или идете мне на обед, — проговорил дракон, — я сам решу, какой будет ваша участь. Так поступают драконы со встретившимися путниками. Но я должен предоставить вам шанс сохранить себе жизнь. Тебе придется разгадать загадку.

Джон-Том поболтал ногой в воде.

— Я не слишком в них смыслю.

— Выбора у тебя нет. Впрочем, заранее советую — не напрягайся. — По нижней челюсти дракона потекла струйка слюны. — Знай же — никто еще не сумел дать на нее правильный ответ.

— Ничего, приятель, — подбодрил Джон-Тома Мадж, — пусть он попусту тебя не пугает. Хочет заранее сбить с толку, чтоб ты ничего не сообразил.

— И ему это вполне удается, — отвечал Джон-Том настыревыдру. Молодой человек поглядел вверх — на челюсти, способные вмиг поглотить его. — А нет ли иного способа уладить недоразумение? Все-таки есть гостей невежливо.

— Я вас не приглашал, — пророкотал дракон. — Или ты предпочитаешь покончить все разом, не пытаясь ответить?

— Нет-нет! — Джон-Том глянул в сторону, на Клотагорба. Чародей бубнил себе под нос заклинание — тихо, чтобы не слышал дракон, но или заклинание было неудачным, или же капризница-память вновь подвела старика.

— Тогда давай, спрашивай, — застыв, отвечал юноша. Индиговая рубашка липла к спине.

От дракона пахло илом, рекой... Всякой водяной живностью. Густой запах отвлек Джон-Тома от собственных страхов.

— Тогда ответь мне, — прогрохотал дракон. Он развернулся на мелководье, обратив проницательный огненный глаз к перепуганным путешественникам, — что следует считать фундаментальной особенностью, определяющей природу человеческой натуры... и всех ей подобных? — И он дохнул дымом, в высшей степени наслаждаясь охватившим Джон-Тома смятением.

— Любовь! — выкрикнула Талея. Джон-Том невольно удивился — подобных слов он от рыжей головки не ждал.

— Честолюбие, — предположила Флор.

— Жадность. — Автора этих слов можно было угадать, не пользуясь слухом и зрением. Такое мог сказать один только Мадж.

— Стремление улучшить свое положение, не навредив при этом никому другому, — изящно выразился Каз и тут же добавил: — Во всяком случае, не больше, чем это необходимо.

— Страх, — выдавил трясущийся Пог. Он старался украдкой от дракона укрыться за деревом.

— Стремление к приобретению познаний и мудрости, — проговорил Клотагорб, на миг отвлекшийся от заклинания.

— Нет, нет, нет, нет, нет и нет! — пренебрежительно фыркнул дракон, опалив воздух языком пламени. — Все вы невежественны. Представились, можно сказать: у каждого дурака собственный вкус.

Джон-Том тем временем лихорадочно пытался вспомнить, что говорил дракон минуту назад... Что-то об «экономически и социально отсталых» жителях Теплоземелья. Загадка начинала казаться знакомой. Он был уверен, что слышал нечто в этом роде... Но где? И каков ответ? Мозг лихорадочно метался в поисках разгадки.

Фаламеезар зашипел, и возле сапог Джон-Тома вскипела вода. Он чувствовал жар даже через плотную кожу, размышляя, покраснеет ли, словно рак... или же обуглится, как жаркое на сильном огне.

Быть может, дракон умел читать мысли не хуже, чем загадывать загадки.

— Я предоставлю всем еще одну возможность для выбора. Я могу съесть вас отварными и жареными. Тот, кто хочет стать вареным, пусть идет в реку, а желающие зажариться пусть остаются на месте. Вообще-то я и сырое съесть могу. Впрочем, еду лучше все-таки разогревать.

Ну, жаркое, давай думай, подстегнул себя Джон-Том. Новое испытание, если сплоховать, может оказаться последним.

— Подожди. Минуточку! Я знаю ответ!

Дракон со скукой обратил к нему один глаз.

— Поторопись. Я голоден.

Джон-Том глубоко вздохнул.

— Фундаментальной особенностью природы человека является его способность к созидательному труду. — И для гарантии добавил: — Это каждый дурак знает.

Голова дракона откинулась назад. Перепончатые крылышки ушей трепетали от изумления, в смятении он поперхнулся собственным дымом.

Грозным, но уже неуверенным движением он приблизил голову прямо к Джон-Тому, так что тот при желании мог бы коснуться чешуйчатой кожи. В воздухе пахло сыростью и серой.

— А что тогда, — прогрохотал он, — определяет структуру общества?

Джон-Том начал уже расслабляться. В это невозможно было поверить, но теперь он чувствовал себя в безопасности.

— Экономический способ производства.

— А общество развивается...

— Проходя серии кризисов, вызванных внутренними противоречиями, — закончил за него Джон-Том.

Глаза дракона вспыхнули, а челюсть отвалилась. Несмотря на уверенность в ответе, Джон-Том невольно отодвинулся подальше от жутких зубов. Из воды поднялись обе передние лапы, с которых струилась вода, по шкуре в разные укромные уголки разбегались крошечные раки.

Лапы протянулись к Джон-Тому. Он ощутил, что поднимается в воздух. Где-то за спиной отчаянно заголосила Флор, Мадж читал отходную.

Громадный раздвоенный язык, такой же ярко-красный, как и глаз с вертикальной щелью, скользнул изо рта и влажно коснулся щеки Джон-Тома.

— Здравствуй, товарищ! — объявил дракон, и огромная лапа бережно опустила юношу на землю.

Дракон в экстазе колотился в воде.

— Я знал это! Я знал! Не могут же все до единого создания этого мира не знать истинного пути. — Блаженствуя, он извергал пламя — из чистой радости, — впрочем, старательно направляя его в сторону от ошеломленной компании.

Подбежал выдр и встал рядышком с высоким Джон-Томом.

— Еще раз, значица, твои неожиданные магические фокусы?

— Нет, Мадж. — Молодой человек старательно стер драконью слюну со щек и шеи. Она до сих пор оставалась горячей. — Точная догадка. Он же намекнул, только до меня не сразу дошло. Но чего я до сих пор не понимаю — как это честный дракон мог сделаться убежденным марксистом?

— Что еще за маршист? Опять твоя потусторонняя магия?

— Некоторые так и думают... Остальные считают простым суеверием. Только, ради бога, не говори ему ничего подобного, иначе мы прямиком попадем в суп.

— Прости мое любопытство, — обратился Джон-Том к дракону, — а как тебе удалось найти, — он помедлил, — истинный путь?

— Иногда драконам случается натолкнуться на межразмерностные деформации, — сообщил ему подуспокоившийся Фаламеезар, — мы чувствительны к подобного рода проявлениям. И в одном из них я провел много дней. Тогда мне все и открылось. Я пытался просветить других. — Он повел могучими черными плечами. — Но что можно сделать в одиночку в мире, кишащем прожорливыми и хищными капиталистами...

— Действительно, что... — согласился Джон-Том.

— Даже когда ты дракон. О, время от времени я пытаюсь что-

то исправить, но бедные угнетенные лодочники не в состоянии осмыслить теорию прибавочной стоимости... А как тогда увлечь их истинно социалистической диалектикой?

— Понимаю, — сочувственно отозвался Джон-Том.

— В самом деле?

— Да. Видишь ли, сейчас мы, семеро товарищей, путешествуем по этой стране, наводненной, по твоим словам, различного рода капиталистами. Дело в том, что ей грозит нашествие целой тоталитарной орды капиталистов, стремящихся полностью поработить... э, здешний рабочий класс. Местные недотепы-боссы даже не представляют, что такая степень эксплуатации может существовать.

— Ужасное дело! — Взор дракона обратился к прочим. — Приношу свои извинения. Не мог даже предположить, что имею дело с борцами за счастье пролетариата.

— Прямо в точку, — проговорил Мадж. — Стыдись, приятель.

Он вновь осторожно приближался к краю воды. Клотагорб казался сразу и заинтересованным, и озадаченным, но не стал вмешиваться в переговоры, предоставив эту привилегию Джон-Тому.

— Итак, товарищи. — Сложив передние лапы, жуткая тварь уселась на мелководье. — Чем я могу помочь?

— Ну, как ты мог бы сказать — от каждого по способностям, каждому по потребности.

— Именно так. — В голосе дракона слышалось истинное почитание святых слов.

— Нам необходимо предупредить народ о грядущем вторжении новых господ. Для этого сперва следует известить обитателей самого могущественного правительственного центра. Если бы мы только могли подняться вверх по течению!

— Ни слова более! — Дракон величественно поднялся на задние лапы. Набежавшая волна едва не смыла их рюкзаки. Дракон обернулся спиной к мыску, спустив на него толстый черно-пурпурный хвост, усеянный костяными шишками и пластинами.

— Почту за честь отвезти вас куда угодно и гораздо быстрее, чем любая из этих жирных свиней — монополистов-судовладельцев, но при одном условии. — Хвост пополз в сторону воды.

Джон-Том уже собирался полезть вверх, и поэтому ему пришлось помедлить.

— Каком же?

— Во время нашего странствия мы должны предаться пристойным философским рассуждениям об истинной природе таких вещей, как стоимость труда, правильное использование капитала и отчуждение работника от продукта его труда. Это нужно мне самому. Хотелось бы попрактиковаться, чтобы уметь все правильно объяснить другим. Увы, драконы понятия не имеют о

классовой борьбе. — В голосе послышались извинительные нотки. — По своей природе все мы...

— Понимаю, — отвечал Джон-Том. — Охотно предоставлю все аргументы и информацию, которой располагаю.

Хвост лег обратно на песок. Джон-Том полез вверх по природной лестнице и оглянулся на компаньонов.

— Чего вы ждете? Все в порядке. Фаламеезар — друг нам, рабочий, товарищ.

Дракон просиял.

Когда все залезли, уселись и пристроили багаж, дракон медленно направился к воде. Через несколько минут они оказались уже на середине реки. Обратившись к истоку, Фаламеезар ровно поплыл, без всяких усилий преодолевая сильное течение.

— Объясни мне кое-что, — начал он в порядке непринужденной беседы. — Есть одна вещь, которой я не понимаю.

— Есть вещи, которых не понимает никто из нас, — отвечал Джон-Том. — В настоящее время я сам не понимаю себя.

— Ты склонен к самоуглублению и к тому же социально сознателен. Это великолепно. — Дракон прочистил горло, и путешественников заволокло дымом.

— В соответствии с Марксовым учением капитализм давно уже должен был отойти в прошлое, сменившись бесклассовым и безгосударственным обществом. А ведь все происходит прямо наоборот.

— Но этот мир, — начал Джон-Том, стараясь избегать наставнического тона, — еще не вышел полностью из стадии феодализма, правда, есть еще кое-что важное. Ты, конечно же, слыхал о «Накоплении капитала» Розы Люксембург?

— Нет, — обратившийся назад алый глаз моргнул, — пожалуйста, расскажи мне об этом.

И Джон-Том приступил к объяснениям, стараясь выражаться пространно, но не забывая об осторожности.

Проблем не было. За один раз, разинув пасть, Фаламеезар мог поймать больше рыбы, чем все остальные за целый день ловли. Дракон просто стремился поделиться добычей, причем уже приготовленной.

Постоянный и надежный источник пищи вселял в Маджа и Каза все большую лень. Джон-Том в основном опасался не того, что не сумеет развлечь Фаламеезара, а что парочка лотофагов, разнежившаяся на спине у дракона, может проговориться, и тогда станет ясно, что марксисты они не больше, чем девственники.

Хорошо хоть, что среди путешественников не было ни купцов, ни торговцев. Мадж, Каз и Талея сошли за партийных агентов, хотя Джон-Том никак не мог придумать им профессию, подходящую хотя бы под определение ремесленника. Клотагорб считался философом, Пог — его учеником. Под руководством Джон-Тома маг-черепаха вполне справлялся с семантикой таких

понятий, как диалектический материализм, и вполне мог поддерживать общую беседу.

Это было необходимо, поскольку Джон-Том с марксизмом познакомился достаточно глубоко, но три года тому назад. Подробности припоминались не сразу, а любопытствующий Фаламеезар немедленно требовал новых и новых, причем явно помнил до последнего слова и «Коммунистический манифест», и «Капитал».

Впрочем, к радости Джон-Тома, ни о Ленине, ни о Мао речь не заходила. Всякий раз, когда возникала тема революции, дракон немедленно начинал интересоваться, не следует ли разгромить город-другой или истребить отряд торговцев. Но, не владея методологией, он то и дело попадал впросак, и Джон-Тому удавалось направить мысли дракона к более мирным аспектам преобразования общества.

К счастью, купцы на реке попадались нечасто и некому было пробуждать в драконе праведный гнев. Обычно, завидев дракона, они немедленно оставляли не только свои лодки, но и воду. Дракон протестовал против такого хода событий, утверждая, что рад был бы пообщаться с командой, предварительно испепелив эксплуататоров-капитанов... Однако признавал, что не способен даже приблизиться к людям.

— Они не понимают, — негромко жаловался дракон однажды утром. — Я просто хочу стать рядовым пролетарием. А меня не хотят даже выслушать. Конечно, я помню, что отсутствие образования не позволяет им понять и оценить значение социально-экономических противоречий, терзающих общество. Вздор и бред. Только сердце болит за них.

— Помню, ты что-то говорил о своей родне, об их независимой натуре. Неужели их вообще нельзя организовать?

Фаламеезар разочарованно фыркнул, над поверхностью воды пронесся огненный язык.

— Они даже не хотят слушать. Откуда им знать, что подлинный успех и счастье приходят лишь к тем, кто трудится сообща, когда каждый помогает своему товарищу идти вперед — к светлому бесклассовому социалистическому завтра.

— А я и не знал, что у драконов есть классовые различия.

— К сожалению своему, вынужден признать, что и среди нас есть состоятельные особи. — Фаламеезар скорбно покачал головой. — Мы живем в грустном мире, полном всякой несправедливости, скорби и эксплуатации.

— Как это верно, — с готовностью отозвался Джон-Том.

Дракон просветлел.

— Но тем выше и цель, так ведь?

— Именно так, а той беде, что угрожает нам сейчас, нет равных от начала мира.

— Можно представить. — Фаламеезар казался задумчивым. —

Но вот что меня заботит: ведь среди вражеского войска окажутся и рабочие... Трудно представить, чтобы враги были только буржуями.

Боже мой, что отвечать-то, Джон-Том?

— В таком случае можно предположить следующее, — торопливо выпалил молодой человек. — Все они испытывают только одно желание — стать еще большими боссами, чем те, которым они сейчас прислуживают.

Фаламеезар успокоенным не выглядел.

Вдохновение несло Джон-Тома дальше.

— В то же время они втайне убеждены, что когда завоюют оставшуюся часть мира — Теплые земли и все остальное, — то сделаются хозяевами живущих там рабочих. Пусть прежние господа сохраняют свою власть над ними, но в случае успеха они способны породить самый безжалостный класс эксплуататоров, какого не знал еще мир, — хозяев над хозяевами.

Голос Фаламеезара лавиной камней посыпался в воду.

— Это следует прекратить!

— Я с этим согласен. — Последнее время внимание Джон-Тома во все большей мере было обращено к берегам. Невысокие песчаные пляжи сменились холмами. Левый берег превратился в скалистую стенку высотой почти в сотню футов. Препятствие это было чрезмерным даже для могучего Фаламеезара. Дракон постепенно забирал вправо.

— Впереди пороги, — пояснил он. — Я никогда не поднимался выше этого места. Я не люблю ходить и предпочитаю плавать, как подобает речному дракону. Но ради такого дела, — в голосе дракона послышалось рвение, — я способен на все. Я пройду и через пороги.

— Конечно, — согласился Джон-Том.

Темнело.

— Мы можем стать лагерем в первом же месте, где ты сумеешь выбраться на берег, товарищ Фаламеезар. — Джон-Том с недовольством обернулся. Мадж и Каз играли в кости на плоской площадке посреди драконьей спины. — К тому же, возможно, разнообразия ради наши охотники сумеют добыть что-нибудь, кроме рыбы. Должен же каждый вносить свой вклад во всеобщее процветание.

— Совершенно верно, — ответил дракон и из вежливости добавил: — Конечно, наловить рыбы для вас мне совсем несложно.

— Дело не в этом. — Джон-Том внутренне наслаждался, представляя себе, как оба сонных бездельника будут брести по болоту в поисках дичи для прожорливого дракона. — Просто пора и нам потрудиться ради тебя. Ты уже проделал для нас бездну работы.

— Правильно подмечено, — проговорил дракон. — Социальная справедливость превыше всего. Отдохну немного от рыбы.

За скалистым берегом лежало пространство, поросшее редкими тонкими деревьями, поднимающимися из густого кустарника.

Несмотря на то что сам дракон предпочитал воду суше, он без какого-либо труда проложил дорогу через начинавшиеся от кромки воды заросли. Скоро неподалеку от берега нашлась небольшая поляна. Уже при лунном свете они расположились на ночлег. От верховий доносился ровный умиротворяющий грохот порогов, которые завтра предстояло преодолеть Фаламеезару.

Джон-Том сбросил у костра охапку дров, стряхнул с рук кусочки коры и грязи и спросил Каза:

— А как корабли преодолевают пороги?

— Их делают такими, чтобы можно было без всяких сложностей пройти над камнями на обратном пути к Глиттергейсту, — пояснил кролик. — А через пороги их доставляют волоком — в обход. Тут есть удобные места. Старинные, всем известные тропы выложены бревнами, и по этой примитивной древесной смазке суда доставляют к более тихим водам.

Каз с любопытством кивнул в сторону дракона. Фаламеезар спокойно свернулся на противоположном конце поляны, прикрыв хвостом нос.

— Как, однако, тебе удалось уговорить это чудовище разместить нас на собственной спине, а не в брюхе? Я не понял ни его загадки, ни твоего ответа, ни вашей долгой беседы.

— Не обращай внимания, — проговорил Джон-Том. — Разговоры — дело мое. А ты просто постарайся не говорить с ним вообще.

— Не опасайся, друг мой. На мой взгляд, его не назовешь интересным собеседником. Но я вовсе не стремлюсь угодить ему на обед из-за одного-двух неправильных слов. — Похлопав Джон-Тома по плечу, Каз ухмыльнулся.

Невзирая на известную надменность манер кролика, Джон-Тому он нравился. Каз вызывал к себе симпатию и уже доказал, что является добросовестным и приятным спутником. Разве он не сам согласился на это опасное приключение? По совести говоря, он-то и был среди них единственным добровольцем.

Или же поступок этот был продиктован другими мотивами, которые кролик тщательно скрывал? Мысль эта неприятно удивила Джон-Тома. Он поглядел на два торчащих вверх уха, удаляющихся от него. Что, если кролика в верховья реки ведут собственные интересы, не имеющие ничего общего с целью отряда?

Кстати, о спутниках: какого черта и куда запропастился Мадж? Каз только что возвратился, притащив на собственных плечах огромного упитанного тритона. Однако дичь эта вызвала весьма недовольные комментарии со стороны Талеи, назначенной кухаркой на этот вечер, и ее отдали благодарному Фаламеезару.

Но Мадж отсутствовал уже давно. Джон-Том не допускал

возможности, что плутоватый выдр решил удрать, находясь столь далеко от дома, после многочисленных и удобных возможностей, представлявшихся ему в более привычных местах.

Он обошел вокруг огня, треща пожиравшего ветви, и изложил свои опасения Клотагорбу. Чародей, как всегда, сидел в сторонке. Он тихо бормотал себе под нос, и Джон-Том только удивлялся тому, что, безусловно, скрывалось за простыми словами. Голосом мага говорило истинное волшебство, до сих пор не переставшее удивлять Джон-Тома.

Выражение лица волшебника-черепахи было напряженным — чего же еще ожидать от существа, на плечи — или панцирь — которого легла ответственность за исход грядущего Армагеддона?

Не поднимая от земли взгляда, Клотагорб проговорил:

— Добрый вечер, мой мальчик. Ты испытываешь беспокойство?

Джон-Том давно уже перестал удивляться чуткости волшебника.

— Дело в Маджe, сэр.

— Опять этот негодник? — Древняя физиономия поднялась вверх. — Что еще он натворил?

— Дело не столько в том, что он сделал, сэр, сколько в том, чего не сделал. А именно: не вернулся. Я встревожен, сэр. Каз уже давно в лагере. Но сам он в лес не углублялся и Маджа не видел.

— Охотится, наверное. — Ум волшебника явно был обращен к материям возвышенным.

— Не думаю, сэр. Маджу давно пора бы вернуться. Сомневаюсь, чтобы он сбежал.

— Нет, конечно, не здесь, мой мальчик.

— Что, если он попытался подстрелить кого-то из тех, кто способен съесть его самого? В характере Маджа щегольнуть крупной добычей.

— Едва ли, мой мальчик, он глуп и труслив. Но что касается того, чтобы попасться другому на обед... Охотник всегда рискует в лесу, тем более в незнакомом. Впрочем, если у друга нашего на чердаке некоторый ералаш, то ноги его медленными не назовешь. Напротив, он быстр как молния. Он может уступить в схватке, но лишь тому, кто захватит его врасплох или догонит. И то и другое маловероятно.

— Но с ним могло что-то случиться, — настаивал озабоченный Джон-Том. — Самый искусный охотник может сломать ногу.

Клотагорб отвернулся и с легким нетерпением в голосе проговорил:

— Не надо так усердствовать, мой мальчик. У меня есть более важные темы для размышлений.

— Может, лучше все-таки поискать его? — Джон-Том задумчиво обвел взглядом безмолвное кольцо тонких деревьев.

— Может быть, и так.

«Добрый мальчишка, — думал про себя Клотагорб, — но не склонен к размышлениям и полностью отдается эмоциям. Надо бы приглядеть за ним, пока не ушел с головой в фантазии. Пусть будет постоянно при деле».

— Да, это вполне уместно. Ступай и отыщи его. На ужин еды хватит. — Взгляд волшебника был устремлен в непроницаемые для простого смертного дали.

— Ну, скоро вернусь. — Стройный парень, повернувшись, побежал к лесу.

Клотагорб быстро погружался в транс. Ум его кружил, какая-то мысль настойчиво пыталась пробиться в сознание. Что-то связанное именно с этими краями. Настала уже ночь, и это было чем-то важно.

Или он забыл о чем-то рассказать мальчику? Неужели он, маг, отослал его неподготовленным и юноша вот-вот встретится с опасностью? «Ах ты, эгоистичный старый дурень, — укорил себя Клотагорб. — И ты еще винил в легкомыслии его?»

Но чародей уже слишком глубоко погрузился в транс, и вернуться назад к реальности было сложно. И все тревоги остались позади... Ум его шарил, нащупывал.

Он же храбрый парнишка... Растаяло последнее воспоминание. Сам о себе позаботится...

В несчетных лигах от берегов Вертихвостки, под пологом заразных испарений, укрывающих Зеленые Всхолмия, в замке Куглуха радужная императрица откинулась на рубиновые подушки. Она повторяла про себя слова волшебника, перебирая в памяти каждый слог, несущий предвкушение разрушений.

— Госпожа! — При этом слове чародей почтительно поклонился. — Каждый день Проявление обнаруживает силы, которые я не могу сравнить ни с чем. Теперь я получил возможность полагать, что победа наша, возможно, будет более полной, чем мы предполагали.

— Как это может быть, чародей? Ты обязан подтвердить все обещания, которые даешь мне. — Скрритч с надеждой поглядела на его членистые ноги.

— Вместо обещания я задам вопрос, — с неожиданной смелостью проговорил Эйякрат. — Когда свершится уничтожение Теплоземелья? — спросил он императрицу.

— Когда всякий житель Теплоземелья склонится передо мной, — отвечала она без колебаний.

Чародей молчал.

— Когда от каждого обитателя тамошних краев останется сухая высосанная скорлупка?

Он по-прежнему безмолвствовал.

— Говори, чародей, — испытующим тоном велела Скрритч.

— Теплоземелье, госпожа моя, станет нашим, когда всякий раб из числа теплокровных обратится в почву, уступив свое место нам, броненосным. Тогда их фермы, лавки, города станут нашими и твоей Империи не будет предела.

Скрритч поглядела на него, как на безумца, и повела кончиками лап. Эйякрат на всякий случай отступил назад, но слова его остановили императрицу.

— Госпожа, заверяю, сил Проявления достаточно, чтобы испепелить всех теплоземельцев до последнего. Мощи его хватит не только, чтобы обеспечить нам полную победу... Мы сотрем с лица земли даже память о них. Ваши слуги вступят в их города, приветствуемые молчанием.

Тут Скрритч улыбнулась странной всепожирающей улыбкой. Чародей и его императрица встретились глазами, и хотя ни он, ни она не понимали, сколь разрушительная мощь оказалась подвластной им, воздух словно дрожал от разделенного желания испытать ее пределы...

В лесу было очень темно. Луна превращала деревья в какие-то анемичные призраки, и гранитные валуны казались горбуньями. В кустах скрипели и трещали мелкие создания, с интересом и оживлением обсуждавшие высокого человека, проходившего мимо их обиталищ.

Джон-Том находился в прекрасном расположении духа. Ночной дождь еще не думал начинаться, лишь туман, как обычно, увлажнял его лицо.

Он прихватил с собой факел из маслянистых стеблей, росших возле реки. Невзирая на туман, горючие стебли ярко вспыхнули, когда Джон-Том прикоснулся ими к верхушке хорошо заговоренной огнетворки, которую одолжил ему Каз. Факел немедленно воспламенился и горел ровно и неторопливо.

На миг ему даже захотелось взяться за дуару и попытаться сотворить вспышку-другую. Но осторожность заставила юношу воздержаться от проб. Хватит и факела, не то при его чародейском искусстве...

Земля была увлажнена вечерней влагой, и следы Маджа отчетливо виднелись на почве. Кое-где отпечатки сапог показывали, что выдр отдыхал, присев на валун или поваленное бревно.

В одном месте расстояние между отпечатками ног удлинилось, их перемежали круглые ямки — Мадж явно преследовал кого-то. Убил свою добычу выдр или нет, Джон-Том так и не понял.

Не обращая внимания на то, что каждый шаг уносит его глубже в лес, юноша шел по следам. Вдруг кусты расступились, перед ним оказался утоптанный пригорок, на несколько дюймов под-

нимающийся над окружающей его равниной. Следы вели на пригорок и исчезали там. Джон-Том не сразу отыскал вмятины, оставленные каблуками выдра. Они свидетельствовали, что, поднявшись, охотник повернул направо.

— Эй, Мадж, где ты? — Ответа не было, и эхо исчезло в лесу. — Каз уже принес добычу, все встревожены... У меня уже ноги ноют. — Он побежал к краю поляны. — Выбирайся оттуда, поганец! Где ты, дьявол, запропастил...

«Ся» так и осталось непроизнесенным. С изумлением он ощутил, что земля выскользнула из-под ног.

Глава 17

Джон-Том обнаружил, что катится вниз под легкий уклон; он был некрут и неровен, и молодой человек остановился, проехав по нему всего лишь несколько ярдов. Рядом с ним, ткнувшись в землю, замер факел. Он уже почти погас. Впрочем, в одном уголке еще трепетали язычки пламени. Потянувшись, Джон-Том подобрал его и принялся раздувать. Несмотря на все усилия, факел не давал и половины прежнего света.

Неяркого огонька было вполне достаточно, чтобы понять, что он провалился в явно искусственный ход. Плоский пол был вымощен каким-то гладким блестящим камнем. Стены поднимались вверх футов на пять, а потом скруглялись, образовывая невысокий свод.

Установив, что на голову ему обрушиться нечему, Джон-Том принялся обследовать себя самого. Ничего нового, кроме синяков, не обнаружилось. На дуаре белела царапина, однако инструмент уцелел. Впереди же зияла тьма, густая и жуткая, — не то что дружелюбная ночь снаружи. Он пожалел, что оставил дубинку в лагере и ничего, кроме ножа, у него нет.

Встав, Джон-Том примерился к потолку, потом осторожно повернулся и неловко отступил назад к залитому лунным светом кружку, через который попал сюда. Ничего, способного задержать его, из глубин тоннеля не материализовалось. Впрочем, волосы на затылке встали дыбом. Куда проще повернуться спиной к известному врагу, чем к неведомому.

Поднявшись по невысокому склону, он вновь поглядел на знакомый уже лес. Вокруг стояли аккуратные камни, изрезанные причудливыми узорами и буквами. Иные были инкрустированы тем же блестящим камнем.

Джон-Том направился было к лесу... и остановился. Следы Маджа вели именно в эту сторону. Внимательный осмотр краев бугра также не выявил ничего подозрительного, но почва там

была твердой, как камень. Даже стальная палка на такой не оставит следа, не то что каблук.

Склон и тоннель были вымощены еще более прочным материалом, однако, посветив факелом, молодой человек обнаружил нечто более красноречивое, чем отпечаток сапога. Это была стрела — из тех, что Мадж носил в своем колчане.

Спустившись обратно, Джон-Том отправился в тоннель. Вскоре ему попалась еще одна осиротевшая стрела; первая, возможно, выпала из колчана выдра, но эта явно была переломана. Он подобрал ее, поднес факел поближе. На острие не было крови. Наверно, выдр выстрелил, промахнулся, и стрела сломалась, ударившись о камень.

Вполне возможно, даже весьма вероятно, что Мадж преследовал какую-нибудь дичь, угнездившуюся в этом тоннеле. Выдр сейчас мог находиться где-то впереди... Быть может, он просто разделывает тушу, оказавшуюся слишком тяжелой, чтобы дотащить ее до лагеря.

Мысль о дальнейшем спуске в недра земли — все дальше от милого сердцу выхода — страшила Джон-Тома, но вернуться назад и сказать, что шел по следу Маджа, но не посмел пойти дальше, потому что побоялся...

Не исключено было, что верно и его первое предположение и существо, за которым последовал Мадж, стало отбиваться и поранило охотника. В этом случае Мадж мог находиться в нескольких футах — живой, но беспомощный... истекающий кровью.

Мадж показался в глубине тоннеля с присущей ему амбивалентностью. Джон-Том должен помочь ему — либо отбиться, либо добраться до лагеря.

С определенными опасениями Джон-Том пустился дальше. Мостовая под ногами шла под уклон. Время от времени факел выхватывал из темноты надписи на стенах. В нишах размещались аккуратные каменные плиты. Указания... или предупреждения? Он подумал, что будет делать, если тоннель начнет ветвиться, и, вглядываясь в темноту перед собой, не замечал откровенных фресок над головой.

Джон-Том не намеревался пропадать здесь... вдали от поверхности земли и друзей. Никто не узнает, где он, а ночной дождь смоет их следы.

Поводя факелом из стороны в сторону, он спускался все ниже...

— Ммммм — м-м-м-м-м...

Спереди донесся потусторонний стон, искаженный акустикой тоннеля. Джон-Том замер на месте, пригнулся, тяжело дыша, и прислушался.

— Мммм-ллллл-л-л-л-л...

Стон повторился... На этот раз громче. Или какое-то неверо-

ятное чудовище крадется к нему? Его собственный факел не в силах был рассеять тьму впереди. Неужели же хищная тварь слопала бедного выдра?

Джон-Том извлек нож и вновь пожалел, что нет под рукой посоха. Оружие это с его футовым острием было бы особенно эффективным в узком тоннеле.

Нет нужды жертвовать собой, подумал Джон-Том, и уже собрался отступить, когда стон неожиданно превратился в череду знакомых и отчетливых проклятий.

— Ммм-л-л-л-п-пустите, или всех искрошу в гуляш... Шашлык сделаю, а из голов мозги выдавлю! Глаза повыдавливаю, слепые поганые рожи!

Раздалось громкое «щелк», за которым последовал вопль боли... Ругательства теперь выкрикивал уже другой голос. В личности первого ругателя сомневаться не приходилось, а раз Мадж выражался столь витиевато — значит, перед ним находился противник, способный осмыслить угрозы и понять их, не испытывая слепой животной ненависти.

Джон-Том поспешил вниз по коридору — настолько быстрым шагом, насколько позволяла его поза. Огней впереди не было, и, выскочив из-за поворота, он увидел стычку раньше, чем рассчитывал.

С невольным воплем молодой человек, припав к стене, вскинул руки и взмахнул факелом и ножом, чтобы сохранить равновесие. Жест его произвел в рядах нападавших на Маджа эффект неожиданный, но тем не менее ошеломляющий.

— Ого, чудище! Демон из внешнего мира!.. Спасайтесь!.. Каждый крот за себя!..

Среди визга и крика он расслышал топот крошечных лап по камню... Шум не приближался, он удалялся от Джон-Тома. К топоту примешивались стук и лязг... Запаниковавшие владельцы торопливо расставались с какими-то вещами.

Он подумал, что громадный человек в черно-голубых одеждах под блестящим зеленым плащом, размахивающий ножом и факелом, для подземных жителей являет зрелище весьма внушительное.

Когда звуки бегства наконец затихли, Джон-Том овладел собой и опустил факел к фигуре, лежащей на полу.

— Ну че, налопались, дырки вонючие? — В голосе еще слышался прежний пыл. — Это ты, кореш? — После паузы приглядевшийся выдр продолжил: — Ты, ты, так я и думал! Развяжи-ка меня тогда или хоть ножик перебрось, чтоб я сам...

— Если ты сделаешь хотя бы шаг, чужестранец, — проговорил новый голос, — я вспорю то, что, по-моему, является глоткой твоего друга. Я сделаю это быстрее, чем ты до меня доберешься.

Джон-Том приподнял факел повыше. На полу тоннеля ока-

залось уже две фигуры. Одной был Мадж. Ноги его были связаны в коленях и лодыжках, а руки — в локтях и кистях. Под узлами был продет шест для переноски.

Над выдром склонилось мохнатое существо футов четырех ростом в удивительно яркой одежде. На нем был желтый жилет, расшитый голубыми кабашонами и стянутый на груди синей шнуровкой. Другим шнурком низ жилетки соединялся с чем-то вроде кожаных коротких штанов.

На бурой голове сидело набекрень некое подобие узкой тиары. Металлическое кольцо удерживалось протянутыми под подбородком тесемками. Ноги были обмотаны шнурками, удерживающими сандалии. К носку и пятке обувь заострялась — ради моды или же для удобства, — чтобы при рытье можно было пользоваться ею, словно когтями.

На одной лапе сего создания красовалась печатка из желтого металла. Ею оно прикрывало физиономию, растопырив пальцы и сквозь них внимательно поглядывая на Джон-Тома и его факел.

В другой лапе был серп, лезвие которого покоилось на горле выдра. Собственное оружие Маджа было разбросано неподалеку, в том числе и потайной пяточный нож. Его стрелы, меч, лук мешались с копьями и зловещего вида алебардами, оставленными воинством, бежавшим при виде Джон-Тома.

— Повторяю, — проговорил решительно настроенный гофер, покрепче перехватывая рукоятку серпа, — шевельнешься, и я вспорю глотку этому вору — пусть жизнь его вытекает на камни.

— Вору? — Джон-Том, хмурясь, поглядел на аккуратно упакованного выдра.

— Ах ты, кислая рожа, пожиратель червей! Подобной небылицы не слыхивали с тех пор, как орел Исатикус объявил, что умеет летать под водой.

Джон-Том прижался спиной к холодной стене и подчеркнутым жестом опустил нож, хотя и не стал вкладывать его в ножны. Гофер с сомнением проводил взглядом его руку.

— Что здесь случилось, Мадж? — спросил молодой человек спокойно.

— Я ж те и говорю, приятель. Я охотился, выследил к ужину отменного жирного бройлегхта. И тут свалился в эту жуткую яму, где немедленно угодил в лапы целой орды вампиров. Они же кровь сосут, парень. Ты бы лучше превратил вот этого во что-нибудь приятное...

— Довольно, Мадж. — Молодой человек поглядел на гофера. — Вы можете убрать свой нож, серп или как вы его называете. Держать же неудобно. — Джон-Том положил факел на пол. — Простите, что свет моего факела слепит вас.

Гофер все еще сохранял осторожность.

— Я — его спутник. Но, кроме того, я из тех, кто поступает по

справедливости. Обещаю не нападать во время нашего разговора и не предпринимать каких бы то ни было враждебных действий.

— Чувак, ты сам не знаешь, чего говоришь. Стоит тебе положить нож, и...

— Мадж... заткнись. И радуйся, что здесь я, а не Клотагорб. Он-то скорее всего просто оставил бы тебя.

Недовольно ворча, выдр умолк.

— Даю слово, — известил Джон-Том гофера, — путешественника и чародея, не желающего тебе зла. Священной клятвой чаропевца клянусь, что не причиню тебе вреда.

Гофер поглядел на дуару.

— Быть может, ты и колдун, только моим людям показался демоном. — Кривой клинок неторопливо отполз в сторону от глотки Маджа.

— Я — Джон-Том.

— А меня зовут Абельмар. — Гофер отвел от глаз лапу и болезненно сощурился в сторону человека. — Мое войско испугалось и света, и твоего обличья. В основном все они кроты и свет для них опаснее, чем для меня. Моя-то родня иногда выходит на поверхность, когда этого требуют нужды города. Коммерции необходимо, чтобы ею занимались и днем. Так мы считаем в Пффейфенмюнтере. — И гофер многозначительно поглядел вниз на Маджа. — Пока в наши пределы не вторгаются воры и головорезы.

— Чертовы враки! — запротестовал Мадж. — Вот избавлюсь от этих вонючих веревок и устрою им вторжение... Такого они тут не видали. Давай, приятель, — потребовал выдр. — Развяжи наконец меня.

Джон-Том не стал обращать внимания на крутящегося на месте и извивающегося выдра.

— Я не хотел вмешиваться, Абельмар. Мой друг утверждает, что на него напали и еще обвинили в краже.

— Я — начальник утреннего патруля в Восточном конце, — пояснил гофер, беспокойно поглядывающий в глубь тоннеля. — Скоро появятся горожане, начнутся ночные дела. Все вот-вот проснутся после дневного сна. И мне будет неудобно, если меня застанут в таком положении. Но я должен выполнить свой долг. — Он выпрямился. — Ваш знакомый обвиняется в попытке кражи. К нашему прискорбию, чужеземцы вечно ведут себя в нашем городе подобным образом. Но нас возмущает не столько кража, сколько вандализм.

— Вандализм?.. — Джон-Том укоризненно поглядел на Маджа.

— Да. Дело не слишком серьезное, но, если пустить его на самотек, оно вполне способно погубить наш уютный город. Вы можете себе представить, Джон-Том, как возрастут налоги, если

незнакомцы начнут растаскивать по кускам общественные сооружения?

— Врет, снова врет, приятель. Чтоб у него эти длинные зубы повыпадали, — возразил Мадж уже с меньшей убежденностью в голосе. — Зачем это мне корежить его клепаную улицу?

Абельмар вздохнул.

— Наверно, это наша собственная вина, но по сути своей все мы эстеты. Нам приятно каждое яркое пятно в нашем городе, пусть это и создает нам проблемы при встрече со всякими незваными гостями. — Он пнул Маджа в спину. — Но, я вижу, вы все-таки еще не поняли меня. — Теперь он уже привык к факелу Джон-Тома и глядел на него, не моргая. — Посмотри. — Абельмар нагнулся к Маджу.

— Эй, осторожно! — Джон-Том шагнул вперед и поднял нож.

— Не волнуйся, незнакомец Джон-Том, — проговорил гофер, — если мои движения вселяют в тебя опасения, погляди вниз — под собственные ноги. Неужели ты и в самом деле еще не разглядел наши чудные мостовые?

Джон-Том осторожно пригнулся, не выпуская из виду гофера. Повел факелом, попытался разглядеть тесно уложенные бруски. Они неярко отсвечивали — как и возле входа в тоннель, — и лишь когда факел чуть не ложился на них, отражение становилось ярче. Полузнакомые красно-желтые отблески.

— Золото? — неуверенно поинтересовался он.

— Под Пффейфенмюнтером его завались, — ответил гофер с горечью в голосе, — но оно не для тех, кто является сюда незваным и начинает выламывать его из наших дивных стен и мостовых. А правда, красиво, как по-твоему?

— Ну, теперь-то я понял, что это вполне простительная слабость, чувак, — начал защищаться Мадж. — Кто мог подумать, что этим жадным гробокопам жаль простого камня из мостовой.

— Простите. — Джон-Том распрямился и здорово стукнулся головой о невысокий свод. — Абельмар, я приношу извинения за любые нанесенные повреждения.

— Это неплохо, но вы должны понимать, — настаивал гофер, — если мы допустим подобные поступки и слух о нас разойдется по миру, буквально через считанные дни можно ждать здесь появления целых толп дневных существ. Они погубят и наши общественные сооружения, и дороги... даже сами дома. Для нас настанет конец света.

Он умолк. Позади в тоннеле послышался шум.

— Вот и первые обитатели нашего города устремились на ночную прогулку, — заметил Абельмар, — или же это возвращаются мои трусливые воины, чтобы поглядеть на мои останки. — Он вздохнул. — У меня есть свои обязанности, но я умею считаться с реальностью. Придется нам договориться, друг-чаропе-

вец. Признаюсь, в первую очередь я должен наказать своих трусов, а этот жалкий жулик, являющийся твоим другом, заботит меня куда меньше. Если ты забираешь его отсюда и гарантируешь, что вы оба не вернетесь, а по пути наверх не нанесете повреждений муниципальной собственности, я не стану доносить об этом происшествии Магистрату и оставлю в целости и сохранности горло этого типа, невзирая на то, что он вполне заслуживает другой участи.

— Согласен и благодарен, — отвечал Джон-Том.

— Я тоже, шеф, — Мадж оскалился в сторону гофера.

Чуть помедлив, Абельмар разрезал веревки на выдре кривым клинком, а потом пропустил его в петлю на своих коротких штанах. Мадж перебрался поближе к Джон-Тому и потянулся, разминая одеревеневшие лапы.

— А теперь, приятель, поторопись, времени хватит! — пригнувшись, Мадж ухватил один из золотых брусков. — Прикрой меня с ножом, чтоб я успел порассовать их в портки и колчан. — Выдр потянулся за оружием. — Ты выше его, и к тому же у тебя огонь в руке.

Когда выдр подобрал оружие, Джон-Том устало проговорил:

— Отлично, Мадж. Клади золото и пошли.

Ухватив в лапы несколько брусков из мостовой, выдр проговорил:

— Ты че, рехнулся, приятель? У меня в лапах целое состояние. И есть шанс уйти с ним.

— Клади золото, Мадж! — Нож в руке молодого человека угрожающе обратился уже не к гоферу. — Иначе обещаю, что оставлю тебя здесь, в той же позе, что и обнаружил.

— Ни хрена себе, — отозвался выдр и с легкой нерешительностью раздвинул руки.

С негромким звяканьем золотые бруски посыпались на мостовую. Абельмар кивал с удовлетворением на физиономии. Приближался патруль — крики вояк уже можно было разобрать. Джон-Том поглядел в тоннель — в нем уже маячили смутные темные силуэты. В уши были продеты золотые кольца, на длинных рылах покоились весьма темные очки, в слабом свете факелов отсвечивало оружие. Джон-Том попутно отметил, что серпнож в лапах гофера сделан из золота.

— Ты человек слова, — проговорил гофер. — Среди жителей дня такое не часто встречается. Иди с миром. — Он бросил яростный взгляд на Маджа. — Но если, сэр, я вновь завижу вашу изъеденную блохами шкуру, то велю содрать ее, а остальное бросить пожирателям падали.

Повернувшись к гоферу, Мадж согнул руку в локте.

— А этого не видал, дерьмо? — И обратился к Джон-Тому: —

Отлично. Сделано так сделано. Ты свою часть сделки выполнил, посмотрим, чем ответит этот со своими вояками.

— Тогда пошли. — И оба направились вверх по тоннелю.

— Не беспокойтесь, — крикнул им вслед Абельмар, — у моих-то патрульных сейчас дела хватит. — И он обратился лицом к тоннелю. — Явились, значит, трусы!

В вооруженной толпе раздались недовольные вопли. Среди кротов было и несколько гоферов.

— Они же уходят, сэр! — возопил один из кротов, указывая в сторону выхода.

— Когда я разберусь со всеми вами, еще пожалеете, что не можете последовать за ними! — взревел Абельмар, закончив целым потоком ругательств. Их отзвуки сопровождали Маджа и Джон-Тома до выхода.

— Ступай, Мадж, ступай себе. — Джон-Том слегка подталкивал выдра.

— Чего это, приятель, зачем это нам паниковать? Этот офицер щас задаст нахлобучку своему отряду. А кругом вон сколько брусков. — Выдр притопнул лапой. — Подумаешь — ну, возьмем брусок-другой... Кто хватится-то... А мы заработаем. Надо, чтоб этот гнилозубый плоскомордый коп понял, с кем дело имеет. Может быть, стоит...

— Может быть, стоит воткнуть тебе факел прямо в задницу, — твердо сказал Джон-Том.

— Ну, хорошо, хорошо. Я ж тока предложил.

Когда они вышли наконец в лес, луна уже светила вовсю. Погони не было. Однако Джон-Том ощущал за спиной движение. Далекий гул, звуки, доносившиеся из-под земли, говорили, что подземный город Пффейфенмюнтер пробудился, встречая новую деловую ночь.

— Скажи спасибо, что я оказался там вовремя, — объявил Джон-Том выдру. — Этот бы запросто тебе горло перерезал, даже не представив Магистрату.

— Хвастун, — фыркнул Мадж. — Я все равно в конце концов удрал бы. — Оправив жилет, он нахлобучил шляпу на уши. — Эх, золото, дивное золото! — Выдр с сожалением покачал головой. — Стока золота никакой чародей не сотворит! А эти чертовы пожиратели грязи оскверняют его грязными лапами.

— Лучше так, чем иначе.

— Хм? — Мадж озадаченно поглядел на юношу. — Ты мне чародейские загадки задаешь, кореш.

— Вовсе нет. — И они свернули в лес.

Выдр с удивлением проговорил:

— Или же, приятель, другого такого мудреца, как ты, еще по этой реке не плавало, или же ты вовсе туп.

Джон-Том слабо улыбнулся.

— Что-то ты не слишком благодарен за свою жизнь. — Он отвел перед собой ветку.

— Лучше умереть, добывая богатство, чем жить бедняком.

— Отлично, возвращайся назад. Останавливать тебя не стану. Попробуй извлечь несколько брусков из мостовой. Не сомневаюсь — Абельмар со своим войском ждет тебя, дождаться не может. Или ты полагаешь, что он дурак и не оставил на входе охрану?

— С другой стороны, — проговорил Мадж, не нарушая шага, — тока мудрый знает, када к нему приходит удача. Я-то не игрок, я не люблю рисковать, как старина Каз. Но вот если мы вернемся и ты поможешь мне, а?..

— Нет. — Джон-Том качнул головой. — Не могу — дал слово.

Расстроенный выдр отвел ветку в сторону и ругнулся, споткнувшись о не вовремя подвернувшийся под ногу корень.

— Вот что, приятель, ежели ты хошь здесь что-нибудь из себя представлять, значица, придется тебе позабыть об этих ваших этических принципах.

— Мадж, не смеши. Просто подумай — ты же сам сейчас участвуешь в экспедиции, предпринятой ради высоких этических целей.

— Вынужден участвовать, — возразил Мадж.

Джон-Том поглядел назад и улыбнулся.

— Знаешь что? За этими словесами я вижу одно — ты просто стесняешься признаться в своих истинных чувствах.

Выдр что-то неразборчиво буркнул.

— Остальным мы скажем, что тебе просто не повезло на охоте — во всяком случае, это не ложь. Так будет лучше, чем объяснять всем, какой ты жадный и эгоистичный жулик.

— Ты ранишь меня такими речами, — съехидничал Мадж.

— Скорее тебя ранил бы Фаламеезар, если бы ты явился в лагерь, нагруженный золотом. Об этом ты не подумал? Учитывая пыл, с которым он отрицает всякое личное обогащение, едва ли мне удалось бы отговорить его перевести тебя на выдриные чипсы.

Мадж явно удивился.

— Знаешь что, друг? А я действительно забыл про зверюгу-то. Даже для дракона он на руку скороват.

— Вовсе он не раздражителен, — возразил Джон-Том, — просто глубоко верит в собственные этические принципы.

В лагере уже всерьез беспокоились, когда наконец двое подошли к костру. Фаламеезар божился, что испепелит весь лес, чтобы разыскать Джон-Тома, Пог уже собирался в ночную разведку.

Когда Талея и Флор принялись ахать и охать возле выдра, Джон-Том едва не рассказал им всю правду.

— С тобой ничего не случилось? — Озабоченная Флор провела пальцами по мохнатому лбу.

— Что же там произошло? — Он еще не видел Талею настолько встревоженной.

— Это был хамелеон, — провозгласил отважный Мадж, с видом крайнего утомления опускаясь на камень возле костра. — Ты, Талея, знаешь, какими опасными они бывают. Сольются с листвой и ждут неосторожного путешественника, чтобы сразить его липким своим языком.

— Хамелеон? — Флор с удивлением поглядела на Джон-Тома. Тот пробормотал что-то о том, что если ящеры вообще бывают больше быка, так почему должны составлять исключение хамелеоны.

— Я тока его заприметил, едва успел лук вытащить из-за спины, — Мадж быстро начал входить во вкус, — када эта зверюга заметила меня на фоне светлой березы. И он бросился на меня всеми тремя рогами вперед... Так что я уже мог слышать его кислое дыхание.

— А что было потом? — Флор склонилась поближе. Изнемогающий от усталости выдр приник к ее пышной груди и с некоторой заминкой приступил к продолжению завораживающего повествования. Тем временем Талея *поглаживала* обмякшую лапу.

— И я услышал этот хруст, с которым они разевают свои пасти, прежде чем нанести удар. И тут же метнулся меж двух деревьев. Язык пролетел за мной, словно на крыльях. Прямо между стволами, даже шляпу с головы сбросил. Тогда я кинулся бежать — и вовремя. Проклятая скотина следом за языком бросилась прямо промеж двух деревьев. Говорю тебе, его передний рог был как раз возле моего сердца — вот так, как ты. — И выдр погладил подушку, на которой покоилась его голова.

— Ну и как же ты спасся? — спросила нетерпеливая Флор, черные волосы которой мешались с короткой шерстью выдра.

— Вот как: он бросился, забыв обо всем, значит, настока оголодал, что прямо там и застрял, даже правым рогом воткнулся в ствол. Ну, как я полагаю, должно быть, и сейчас возится, пытаясь освободиться. — Усики героя дрогнули, выдр провел лапой по лбу. — Едва жив остался, дорогуша.

Негодующий Джон-Том подбрасывал ветки в костер. На плечо его легла теплая лапа. Подняв глаза, он увидел Каза. Оранжевое пламя играло в монокле, кролик ухмылялся, открыв пару больших белых резцов.

— Значит, не хватает правды в повествовании нашего друга... Так, Джон-Том? — В костер угодила еще одна ветка. — Я-то знаю, мне уже приходилось слышать его басни. Недостаток образования Мадж компенсирует своим пылким воображением. Не успеет еще окончить, как сам поверит в то, что это и впрямь с ним приключилось.

— Да мне-то что, — проговорил Джон-Том. — Просто диву даешься, как обе дурехи уши развесили.

— Пусть это не беспокоит вас, друг мой, — ответствовал lepus-аристократ[1]. — Как я уже говорил, успех его повествований определяется вкладываемым пылом. Весьма скоро бравада бессознательно уступит место природному отсутствию тонкости и неумению вовремя остановиться.

В подтверждение этих слов с противоположной стороны раздался возмущенный голос, за ним звук удара по мохнатой шкуре. В ночном полумраке послышалась перебранка. Джон-Том заметил, что и Флор, и Талея в гневе уходят от повалившегося на землю возмущенного выдра.

— Ну вот. — В голосе Каза слышалось неодобрение. — И неплохой вроде парень, а груб. Нет стиля.

— Ну, а что касается тебя? — Джон-Том с любопытством поглядел на своего спутника. — Каков твой стиль? Что ты хочешь обрести в этом путешествии?

— Мой стиль, друг... это быть самим собой. — В словах звучало достоинство. — Быть верным себе, друзьям... прощать своих врагов.

— Включая тех, кто прогнал тебя с корабля?

— А! У них были для этого основания, впрочем, я осуждаю столь сильную эмоциональность... — Каз подмигнул тем глазом, который обходился без монокля. — Безусловно, я виновен в известных сомнительных операциях с костями. Ошибка моя скорее в том, что это обнаружилось. Но если бы меня все-таки поймали и убили, у меня было бы куда больше оснований для расстройства.

Джон-Том не мог сдержать улыбку.

— Что же касается того, что я рассчитываю получить в результате этого приключения... Я уже говорил, что помочь в подобном деле — уже удовольствие само по себе. Ты провел слишком много времени в обществе обаятельных, но аморальных личностей, как Мадж и Талея. А я верю каждому слову нашего ныне оцепеневшего предводителя-волшебника. Я внимательно приглядывался к нему в эти дни. Любой идиот может заметить, что все беды мира обрушились прямо на его голову. Я не герой, Джон-Том, но и не настолько глуп, чтобы не понимать: если погибнет этот мир, с ним вместе сгинет приятная жизнь, которую я веду здесь. А она мне нравится. И поэтому пойти вместе с вами, предложить свою помощь — для меня поступок естественный, на моем месте так поступил бы всякий житель Теплоземелья, удовлетворенный своим бытием. Я помогу Клотагорбу, насколько это вообще в моих силах. Солдат из меня так себе, однако я владею словом. Возможно, сам чародей этого не замечает, но в общении с глупцами он проявляет известную нетерпеливость. Однако мне не привыкать разговаривать с ними.

— Конечно, дипломат нам необходим, — согласился Джон-

---

[1] Заяц (*лат.*).

Том. — Я пытался предлагать свои услуги в качестве посредника, но... Наверное, у меня не хватает опыта.

— Не преуменьшай силы того, над чем ты пока не властен. Это по молодости, Джон-Том. Для своих лет ты весьма умен. А судя по тому, что я узнал об истории твоего появления в наших краях, на это едва ли можно было надеяться. Мне кажется, тебе не хватает не столько способностей, сколько целей. Я опытнее тебя и всегда выслушаю другого, но никогда не сумею сделать того, что ты сделал с драконом. Есть опыт — и опыт. Ты можешь управиться с ящером, извергающим пламя, а я — с теми, кто изрыгает брань и угрозы. Так мы дополним друг друга. Идет?

— Вполне. — И человек с кроликом пожали друг другу руки. Ощущение это более не стесняло Джон-Тома: словно бы обмениваешься рукопожатием с человеком, не снявшим перчатки с руки.

Лагерь понемногу утихал, и ночной дождь нерешительно, но уже взялся за свое.

— Видишь? — Каз указал на неподвижную фигуру Клотагорба, все еще сидевшего на бревне. Казалось, чародей и не пошевелился с тех пор, как Джон-Том отправился на поиски Маджа. И теперь, не обращая внимания на капли дождя, он сидел, обратив вперед остекленевший взор.

— Сейчас друг наш размышляет над самым важным. Однако великие часто попадают впросак из-за невнимания к мелочам.

— То есть?

— То есть — мы не выставили часовых. А края эти незнакомы никому из нас.

— Во всяком случае, едва ли у нас есть основания для беспокойства. Ты забыл кое о ком. — И Джон-Том показал на дракона.

— Тьфу ты, — рассмеялся кролик. — Действительно перестарался. — В голосе его слышалось смущение. — Надо же — забыть про дракона. Впрочем, он такой тихий. Спит и видит сладкие сны о бесклассовом обществе. — Вынув из глаза монокль, Каз рассеянно полировал его о свою дивную рубашку. — Значит, можно спать не тревожась. Один дракон действительно стоит сотни часовых. Возле столь могущественного союзника можно считать себя в полной безопасности.

— Если он, конечно, не станет ворочаться во сне.

Каз улыбнулся в ответ Джон-Тому, и белый хвостик его в темноте направился к черной глыбе, защищающей их лагерь.

До молодого человека донесся негромкий ответ собеседника.

— Друг мой, драконы не мечутся во сне и не ворочаются. Не так устроены. Остается только надеяться, что и не храпят. Не хотелось бы проснуться от того, что на тебе портки вспыхнули.

Джон-Том расхохотался. Спящий Пог темной грушей свисал с ветви дуба над головой. Талея и Флор судачили о чем-то, лежа рядышком по другую сторону костра. Он подумал, не присоеди-

ниться ли к ним, а потом махнул рукой и расстелил собственное одеяло. Он смертельно устал, а до утра было уже недалеко.

Тело его требовало отдыха в большей степени, чем личность...

Глава 18

Два дня поднимались они по порогам. Единственную не трудность, заботу для Джон-Тома представлял Мадж, с новыми и новыми цветастыми подробностями излагавший историю своего чудесного спасения от чудовищного хамелеона. Когда рогатое чудовище ростом раза в два превзошло Фаламеезара, даже Флор пригрозила, что побьет краснобая.

На четвертый день дикие места кончились, появились возделанные поля, дома под опрятными соломенными и шиферными крышами и с дымящимися трубами, мостки с привязанными к ним лодками.

Фаламеезар глубже опустился в воду, лишь уши его, глаза да еще пассажиры возвышались над нею. Дракон дышал жабрами. Всякий на берегу подумал бы, что путешественники плывут на очень низкой лодке.

На десятый день Клотагорб заметил слева невысокие холмы. Впереди вновь были пороги, хотя и не столь быстрые, как в русле, прорезавшем скалы Дуггакурры близ подземного Пффей-фенмюнтера.

— Товарищ дракон, ты можешь высадить нас в любом месте. Город уже недалеко.

— Почему? — В голосе Фаламеезара слышалось разочарование. — Река глубока, течение не слишком быстрое. — Он выдохнул клуб дыма. — Я вполне могу двигаться дальше.

— Да, но твое присутствие переполошит всех местных жителей.

— Понимаю. — Приунывший дракон вздохнул. — Значит, высадить вас на берег. А что мне делать потом?

Джон-Том красноречиво поглядел на Клотагорба, и чародей дал слово молодому человеку.

— Я переговорю с комиссарами здешней коммуны. Может быть, они согласятся принять тебя в нее.

— Ты думаешь? Вот уж не представлял, что настоящая коммуна и впрямь существует. — Огненные глаза с надеждой обратились к Джон-Тому. — Это было бы чудесно! Я охотно бы выполнил для них какую-нибудь работу.

— Совершив это путешествие, ты и так выполнил больше, чем положено, товарищ Фаламеезар. Клотагорб прав: тебе лучше ждать нас в реке. Сталкиваясь с неизвестным, даже самые образованные из товарищей, случается, поступают необдуманно. —

Джон-Том пригнулся пониже и, когда дракон повернул ухо к нему, прошептал: — Здесь повсюду контрреволюционеры!

— Понимаю. Береги себя, товарищ Джон-Том.

— Постараюсь.

Дракон направился к берегу. Они спустились по спине к хвосту, передавая друг другу мешки с припасами. За холмы вела хорошо утоптанная дорожка — нечто среднее между широкой тропой и узкой дорогой. Джон-Том оглянулся. Остальные уже растянулись по тропе. Флор с энтузиазмом ожидала знакомства с неизвестным городом и от возбуждения буквально светилась — как солнышко, выглянувшее из-за туч.

Джон-Том помахал дракону.

— Всего хорошего, товарищ! Революция не за горами.

— Не за горами! — прогрохотал в ответ дракон, отсалютовав столбом дыма и пламени. Жуткая голова исчезла под водой. Лишь пузыри да разбегающиеся в стороны круги отмечали место, где он только что находился. Потом исчезли и они.

Несмотря на угрызения совести, длинные ноги быстро уносили Джон-Тома, и вскоре он поравнялся со спутниками. Для дракона Фаламеезар был просто душкой, он не заслужил подобного обмана. Впрочем, быть может, они оставили его более счастливым, чем прежде.

— Ну и что он будет делать теперь? — Каз приблизился к Джон-Тому. — Сидеть здесь и дожидаться твоего возвращения?

— Откуда мне знать? Я не разбираюсь в логике драконов. Его политические убеждения несокрушимы, однако он, по-моему, скорее склонен к философствованиям, чем к действиям. Наверно, Фаламеезару здесь наскучит, и он отправится в более знакомые края — вниз по течению. — Молодой человек внимательно поглядел на кролика. — Почему ты спрашиваешь? Ждешь неприятностей в Поластринду?

— Заранее не скажешь. Чем больше город, тем нахальнее ведут себя горожане, а мы несем им недобрые вести. Посмотрим.

Через час ходьбы они поднялись на последний холм. Наконец перед ними оказался город, к которому друзья столько дней стремились.

Вид был чудесный, однако встреча с городом сулила им сомнительное удовольствие. Они пустились по склону вниз. Едва ли этот город отличается от остальных, кисло подумал Джон-Том.

Город окружала массивная каменная стена, украшенная замысловатыми огромными барельефами, башни начинались от земли. В стене было устроено несколько ворот, однако путников оказалось немного.

День был не базарный, пояснил Каз. Крестьяне не свозили в город припасы, не было видно и странствующих ремесленников и торговцев со своими фургонами.

К югу от города намечалось кое-какое оживление. Тут огромная стена подходила почти к самой реке. К покосившимся мосткам было привязано с дюжину кораблей. Некоторые из них напоминали тот килевой шлюп, с которого удрал Каз. Джон-Том подумал: не этот ли самый кораблик покачивается сейчас среди прочих на якоре внизу? Дополняли большой, но вполне способный флот баржи и рыбацкие шлюпки.

— Главные ворота — на противоположной стороне города, на северо-западе они выходят в Мечтравную степь.

— А это что такое? — удивилась Флор. — Ты там тоже бывал? Похоже, что ты путешествуешь повсюду.

Каз откашлялся.

— Увы, не привелось. Признаюсь честно — далее прочих я не заходил. Говорят, это целый океан крови. Некоторые считают его бесконечным, заселенным злодеями-аборигенами и всякими опасными тварями. Но незачем обходить кругом весь город. Речные ворота ничуть не хуже других.

Они спускались по извилистой тропинке, перешедшей теперь уже в настоящую дорогу. То и дело попадавшиеся местные жители с удивлением приглядывались к путешественникам.

Мимо, раскачиваясь, проезжали телеги и коляски, запряженные ящерицами. Иногда пролетали верховые, рысью или вскачь, на самых разнообразных скакунах. Проехала состоятельная семейка верхом на крупной ездовой змее.

Клотагорб наслаждался — вниз по склону идти было много легче, чем подниматься. Он поглядел вверх.

— Пог! Что-нибудь видно, бездельник?

Спустившись пониже, мыш завопил с небес:

— Обычный воздушный патруль. Парочка вооруженных малиновок долько чдо пролетала над нами. Конечно, с драконом они видать нас не могли. И дуд же повернули назад, чдобы доставить сообщение. Пока никакого волнения не обнаружено.

Клотагорб казался удовлетворенным.

— Хорошо. У нас нет времени на переговоры. Конечно же, Поластринду слишком велик, чтобы обращать внимание на каждую группу странных гостей, пусть даже чуть более странную, чем прочие.

— С воздуха, сэр, мы скорее всего не производим подобного впечатления, — указал Джон-Том.

— Вполне вероятно, мой мальчик.

Не встретив никакого противодействия, они подошли к причалам. Постояли, наблюдая за группками — по большей части плечистыми волками, ящерами и рысями, — деловито ворочающими корзины и тюки. Экзотические товары и произведения ремесленников складывались на берегу, грузились в фуры для отправки в город.

Запашок у причалов стоял еще тот — и отнюдь не экзотичес-

кий. Даже река возле берега казалась темнее. Окрашивала ее не местная почва, как поначалу предположил Джон-Том, а продукт, извергаемый канавами и трубами. Зловонный поток изрядно уменьшил известное очарование, которое он поначалу приписывал Поластринду.

Флор с разочарованием повела носом.

— Надеюсь, в городе будет получше?

— Едва ли. — Нюхнув разок, Талея забыла про вонь.

— Говорят, чем больше город, тем грязнее повадки его обитателей. — Каз легко ступал по грязной мостовой, стараясь не запачкать огромные ботинки. — Так получается из-за того, что жители чересчур много времени уделяют заработкам. Чистота обитает рядом с финансовой независимостью, а не с тяжелым трудом.

Через канаву был переброшен узкий каменный мостик, на самой середине его Флор от зловония едва не лишилась сознания. Джон-Тому и Казу пришлось помочь ей перебраться на другую сторону. Оказавшись на берегу, она остановилась и судорожно втягивала в себя уже более чистый воздух.

— Mierde[1], что за вонь!

— Когда мы окажемся в городе, она ослабеет. — В голосе Клотагорба особых извинений не слышалось. — Там мы будем подальше от основных сточных канав.

Пог нырнул к ним поближе и протрещал предупреждение:

— Мастер, из ворот выходят солдаты. Наверное, крылатый патруль проявил к нам на самом деле больше интереса.

Клотагорб отмахнулся от мыша, словно от огромной мухи.

— Великолепно, Пог, не стоит заранее беспокоиться. Я с ними управлюсь.

Навстречу путешественникам двигался целый отряд, неплохо, хоть и пестро, вооруженный. Джон-Том прикинул, что солдат было двадцать или тридцать.

Достав из-за плеча дубинку, он задумчиво облокотился о боевой посох. Руки остальных потянулись к рукояткам мечей. Мадж деловито разглядывал лук.

Отряд вел до зубов вооруженный бобер, крепкая такая личность с зловещим огоньком в глазах. Заметив отряд, матросы и грузчики немедленно попрятались. Путешественников они заметили не сразу, но немедленно бросились от них, словно от чумы.

Стучали сапоги и сандалии, топали босые ноги — владельцы их искали укромное местечко. От главного отряда с подчеркнутой непринужденностью отделился десяток солдат. Они торопливо промаршировали налево, чтобы отрезать новоприбывшим путь к отступлению.

---

[1] Дерьмо (*исп.*).

— Не слишком-то многообещающая картина. — Наблюдая за маневром, Джон-Том покрепче взялся за дубинку.

— Поспокойнее, друг. — Невозмутимый Каз шагнул вперед. — Я с этим управлюсь.

— Они не осмелятся напасть на нас, — выпалил разъяренный Клотагорб. — Я член Совета Чародеев и в этом качестве являюсь личностью священной и неприкосновенной.

— Это, добрый сэр, должен знать не я, а они. — Каз указал в сторону приближающегося воинства.

Стены города казались уже грозными, а не прекрасными. Каменные башни бросали на путешественников коварные тени. С кораблей и прочих укрытий доносились голоса моряков и купцов.

Наконец отряд развернулся, полумесяцем охватив пришельцев. Предводитель шагнул вперед, сдвинул на затылок шлем мохнатой мускулистой лапой и с любопытством уставился на них. В дополнение к кольчуге, шлему, стальным пластинкам, защищающим самые уязвимые места, широкий хвост его был прикрыт толстым железным диском, из которого торчали острые шипы — в ближнем бою это оружие наверняка производило сокрушительный эффект.

— Ну и сто мы имеем? — присюсюкнул он. — Двух гигантов, задиристую с виду самку, — Талея сплюнула, — зулика-выдра, усастого индюка и позилого дзентльмена, происходяссего из рептилий.

— Достопочтенный сэр. — Каз поклонился. — Мы прибыли из низовий по делу, исключительно важному не только для Поластринду, но и для всего мира.

— Осень интересно. А кого вы представляете?

— В основном себя самих и великого волшебника Клотагорба. — Кролик махнул в сторону теряющего терпение чародея. — Он располагает важной для существования города информацией, с которой намеревается как можно скорее ознакомить Городской Совет.

Бобер тем временем небрежно помахивал шипастой булавой, уродливой и самого злодейского вида, нимало не заботясь о том, куда может она угодить.

— Все это превосходно. Только вы не зители этого графства и не здесние горозане. Во всяком слусае, я могу так полагать, пока вы не предъявите мне удостоверение лисьности.

— Удостоверение личности?

— Каздый, зивуссий в графстве и городе Поластринду, имеет удостоверение лисьности.

— Поскольку, как мы уже говорили, мы не принадлежим к числу местных жителей, у нас их нет, — проговорил возмущенный Джон-Том.

— Но вы мозете полусить их, — сообщил бобер. — У нас бы-

вает много гостей. И у всех есть удостоверения лисьности с круглой песятью. Стобы попасть в город, нузно обратиться за удостоверением лисьности и полусить его. — Он улыбнулся, блеснув огромными зубами. — Я охотно обеспесю вас ими.

Джон-Том чуть расслабился.

— Нам семь — и все с песятью.

— Сутить изволите, рослый селовек. Раз вы наделены таким сювством юмора, все это обойдется васему отряду всего лись... — бобер погрузился в безмолвные вычисления, — в семь сотен серебряных монет.

— Семь сотен!.. — Клотагорб взорвался. — Вот это грабеж! Наглый грабеж! Я оскорблен! Я, великий и мудрый Клотагорб, не испытывал подобной ярости сотню лет!

— Я полагаю, — заявил сохраняющий спокойствие Каз, — что наш предводитель не испытывает желания вносить подобную плату. Извести о нашем прибытии городское начальство, и я не сомневаюсь, что когда они узнают о причинах...

— Они не станут нисего слусать, — перебил его бобер, — пока вы не заплатите. И если вы не заплатите, никто не станет интересоваться тем, сьто было нузно этим покойникам. — Он вновь ухмыльнулся. Какая-то темно-бурая жидкость оставила пятна на огромных зубах его. — На деле, конесьно, за удостоверение лисьности взимается восемьдесят серебряных монет с носа, только мне с моими солдатами тозе надо зарабатывать на зизнь... Солдату платят скудно.

В рядах позади него послышался сердитый ропот.

— Сомневаюсь, — заметил бобер. Десять отошедших ранее солдат придвинулись поближе к путешественникам, перекрывая им дорогу. — Я соверсенно не хосю, стобы вы просто пересли к другим воротам.

Флор шепотом спросила Маджа:

— Неужели все ваши города столь же гостеприимны?

Мадж пожал плечами.

— Где богатство, любашка, там и порок. А че, они тут, в Поластринду, богатенькие. — И он нервно поглядел в сторону солдат.

Некоторые из них уже держались за рукоятки мечей и дубинок, явно предвкушая близкую разминку. На вид все цвели здоровьем, сытостью, хотя и не отличались особенной чистотой.

— Эй, ваше чародейство, а не лучше ли заплатить? Этим головорезам что кровушку пустить, что воды попить. Еще чуток подождем — и выбирать уже будет не из чего.

— Я не стану платить. — Клотагорб высокомерно поправил очки. — К тому же я не могу вспомнить это дурацкое заклинание насчет серебра.

— Ах, не будете платить? — Бобер направился к Клотагорбу и остановился прямо напротив него. — Ты, знасит, великий волсеб-

ник, а? Посмотрим, какой из тебя сяродей! — И, крутанув булавой, он хлопнул Клотагорба по клюву.

С удивленным воплем волшебник уселся на землю.

— Ах ты, наглый щенок! — Он поискал очки, свалившиеся с носа, но уцелевшие. — Я тебе покажу волшебника. Я тебя выпотрошу, я!..

— На изготовку! — скомандовал бобер.

В один миг многочисленные дубинки и копья обратились в сторону путешественников. Офицер кисло проговорил:

— Довольно с меня васих глупостей. Я не знаю, кто вы, откуда явились и какую игру затеяли со мной, но бродяг здесь не привеся́ют. Сейсяс вас доставят в камеру. Побудете там, пока не найдутся денезки.

Справа каменная стена, сзади и впереди — сталь. Однако к воде путь Джон-Тому не преграждал никто. Сложив руки у рта рупором, он отчаянно завопил:

— Фаламеезар!

— Сто, там есе кто-то есть? — Усики бобра дернулись, и он обратился к стоячей воде. — А где этот? В лодке? Это обойдется для вас с сотню монет. Я устал от этого вздора. Платите немедленно или... — И он многозначительно взмахнул булавой.

Последние слова заглушил неторопливый треск. Ветхий причал не выдержал напора. Снизу, разбрасывая доски, поднялась огромная черная голова. Гигантские когти впились в битый камень. Раскаленные глаза обожгли толпу.

Бобер с открытым ртом смотрел на влажные блестящие зубы, сомкнувшиеся прямо над ним.

— Д-д-д-д!.. — Так и не одолев всего слова, он умудрился обогнать половину своего отряда на пути к воротам. Торговцы с кущами бросали дела у пристани, вдруг обнаружив стремление к куда более сухим местам. На городских стенах поднялась паника: торопливо собравшиеся воины, сталкиваясь друг с другом, занимали оборонительные позиции.

Оставшийся в одиночестве отряд путешественников приветственно поднял оружие.

— Как раз вовремя, товарищ, — проговорил Джон-Том. — Я надеялся, что ты неподалеку, но все-таки не ожидал, что ты будешь настолько близко.

Фаламеезар поглядел на перепуганные физиономии, пялящиеся с крепостной стены.

— Что здесь случилось? — Пожалуй, он изъявлял пока еще любопытство, а не гнев. — Я услыхал твой зов и явился, как обещал. Я ведь не сомневался в том, что они могут встретить вас лишь как товарищей по оружию в грядущей великой битве.

— Да, но ты забываешь, что я говорил тебе о вездесущих контрреволюционерах, — мрачно проговорил Джон-Том.

— Так вот оно что! — Фаламеезар яростно зашипел, и три теснившихся друг к другу сарайчика вспыхнули ярким пламенем.

— Потише. Если мы хотим попасть в город, нужно, чтобы он не сгорел.

Могучий хвост хлестнул по воде, и языки пламени погасил настоящий потоп, полезный для склада не более, чем огонь.

— Попридержи свой гнев, Фаламеезар, — посоветовал Джон-Том. — Я уверен, что мы все выясним, как только свяжемся с городскими комиссарами.

— Надеюсь, что ты окажешься прав, — с возмущением отозвался дракон. — Это же надо придумать такое — чтобы контрреволюционеры средь бела дня преграждали дорогу честным странникам.

— Трудно отличить истинного революционера от его тайного врага.

— Должно быть, ты прав, — согласился дракон.

— Но худшее, кажется, еще впереди, — сообщил ему Джон-Том, когда все неторопливо направились к уже наглухо заложенным деревянным воротам.

— Что же еще может нас ждать, товарищ?

Джон-Том шепнул:

— Ревизионисты.

Покачав головой, Фаламеезар с усталостью в голосе пробормотал:

— Неужели и вправду в мире не осталось порядочных людей?

— Лучше постарайся не гневаться. Жаль будет, если ты случайно испепелишь честного пролетария.

— Я буду осторожен, — заверил его дракон. — Но все нутро мое трепещет от ярости. Однако можно перевоспитать даже грязного ревизиониста.

— Да, нам придется в первую очередь подумать о правильном подборе пропагандистов, — согласился Джон-Том.

Город Поластринду вдруг сделался каким-то призрачным. По мере приближения дракона со стен исчезли любопытствующие физиономии. Только кое-где торчали копья, да временами затаившихся горожан выдавало случайное шевеление.

Джон-Том буквально ощущал на своей спине взгляды попрятавшихся матросов и грузчиков, однако нападения с тыла можно было не опасаться. Можно было не опасаться ничего — ведь рядом находился Фаламеезар.

Он поглядел на Каза. Кролик улыбнулся и кивнул ему. Раз дракон покоряется Джон-Тому — говорить ему. А потому юноша смело шагнул вперед и решительно застучал в ворота.

— Эй, начальник стражи, выходи! — Поскольку в ответ не раздалось ни слова, ни движения, он добавил: — Выходи, иначе от твоих ворот лишь пепел останется.

За воротами послышались голоса, массивные створки чуть

приотворились — как раз чтобы пропустить знакомую фигуру, — а затем поспешно захлопнулись.

— Так-то лучше. — Джон-Том поглядел на бобра, подрастерявшего свою воинственность. — Мы не договорили кое-чего об удостоверениях личности?

— Готовят, узе готовят, — ответил офицер, не спускавший глаз с черной физиономии дракона.

— Отлично. Я помню, речь шла о совершенно вздорном количестве серебряных монет.

— Нет-нет-нет. Это просто смесно. Систое непонимание.

Тут на лице бобра появилась благодарная гримаса — ворота за его спиной приотворились. Он нырнул внутрь и возвратился с горсткой небольших металлических прямоугольников. На каждом были высечены какие-то слова и знаки.

— Вот они. — Бобер протянул лапу вперед. — Только вам нузно выгравировать здесь свои собственные имена. — Он указал на широкий пробел на одной из пластинок. — Конесьно, когда вы найдете для этого время, — добавил он подобострастным тоном.

— Но здесь только семь удостоверений. — На физиономии бобра появилось смятение. — Вспомни, ты же успел сообразить, что нас восемь.

— Не понимаю, — взволнованно пробормотал офицер, — неузели зе и он... — бобер позволил себе легкий кивок в сторону дракона, — тозе идет в город?

— Что за буржуазные речи? Не слышал еще ничего подобного. — Дракон склонил голову пониже, так что запах кремня и серы заглушил вездесущую вонь. Он мог бы проглотить достойного защитника города единым глотком, что не укрылось от внимания мужественного воина.

— Нет-нет, это... недоразумение, не более. Я истинно просу просения, сэр дракон. Я не сообразил, сто вы тозе слен этого отряда... Есе до узина... Извините, позалуйста! — И спиной вперед он исчез в воротах куда быстрее, чем, по мнению Джон-Тома, способны были бежать короткие ножки.

Вновь он появился через несколько минут с только что отчеканенной пластинкой.

— Вот последняя.

— Я приберегу ее. — И Джон-Том опустил удостоверение в карман. — А теперь не будете ли вы любезны отворить ворота?

— Эй, открывайте! — завопил офицер. Путешественники направились в город. Фаламеезару пришлось наклонить голову — он едва протиснулся внутрь.

Оказались они на опустевшей площади — лишь сотни встревоженных глаз глядели на них через щели в ставнях.

Во все стороны разбегались здания внушительного размера. Как и в Линчбени, дома как бы состояли из нескольких сросшихся

строений, однако здесь они явно были повыше. Город был похож на серый песчаный замок. Попадались сооружения в шесть и семь этажей. Нестройные ряды домов, окна разного размера и формы, кое-где виднелись балконы.

Насколько можно было видеть, улицы оказались пошире, чем в провинциальном Линчбени, однако нависающие портики и выступающие оконные коробки старательно исправляли это впечатление. Улица, уводившая с этой площади, шла от причалов и, вполне естественно, была самой широкой в городе. Вне сомнения, в городе хватало проулков и тупиков. Движение здесь было значительным, о чем свидетельствовали изношенные камни мостовой, гномьими платками торчащие из земли возле огромных куч всякого мусора. Несколько дюжин лавок окаймляли площадь.

Джон-Том мог предположить, что совсем недавно улицы эти были запружены деловитыми разносчиками, матросами и торговцами. В лавках кое-где еще прятались продавцы — либо слишком трусливые, либо слишком жадные, чтобы бежать. Одни перепуганные физиономии были мохнатыми, другие же — по-человечески гладкими.

— Посмотри-ка, поджали хвосты. — Мадж корчил наглые рожи попрятавшимся наблюдателям, ощущая полную свою неуязвимость, ибо позади него шествовал огромный Фаламеезар. — Добро пожаловать в чудесный Поластринду. Фу! Народишко воняет, от улиц разит. Скорее бы покончить с делом и обратно в чистый лес — так-то лучше для бедного выдра. — Сложив руки рупором, он завопил с презрением: — Слышите меня, дрожащие трусы? Этот город полон жуликов! Кто-нибудь хочет возразить мне?

Желающих не нашлось. С удовлетворением Мадж повернулся к Джон-Тому.

— Ну, что дальше, чувак?

— Надо встретиться с местными чародеями и Городским Советом, — твердо проговорил Клотагорб. — И во время нашей беседы ты доставишь мне удовольствие, воздержавшись от этих детских выходок.

— Но они заслужили это, шеф.

— Совет... — многозначительно прогрохотал заинтересованный Фаламеезар.

— Совет комиссаров, — поспешно пояснил Джон-Том. — Все дело в семантике.

— Конечно, — отозвался озадаченный дракон.

Оглядевшись, Джон-Том заметил бобра, застывшего в проеме ворот.

— Эй, ты, поди-ка сюда!

Офицер старательно колебался — насколько возможно долго.

— Ты, ты.

Тот неуверенно приблизился. Здесь, посреди площади, понимая, что из-за ставен и многочисленных окон все глядят на него, он словно бы обрел часть прежней гордости и достоинства. Если ему суждена смерть, можно было понять, что бобер решил встретить ее самым достойным образом. Джон-Том одобрил подобную — пусть и несвоевременную — отвагу.

— Осень хоросо, — спокойно проговорил бобер, — добились своего, восли в город.

— Нам пришлось добиваться этого потому, что ты попытался нас облапошить, — вынужден был напомнить Джон-Том, — будем считать, сквитались. Без обид.

Бобер бросил осторожный взгляд на невозмутимого дракона, потом испытующе поглядел на Джон-Тома.

— Вы действительно не затаили на меня зла, сэр? И не зелаете мне отомстить?

— Нет. В конце концов, — проговорил Джон-Том, рассчитывая обрести в нем союзника, — ты выполнял свой долг.

— Да-да, в самом деле. — Офицер еще не решался поверить в то, что ему ничего не грозит и Джон-Том, не лукавя, предлагает ему дружбу.

— Мы не таим зла ни на тебя, ни на жителей Поластринду. Мы пришли, чтобы помочь вам.

— Как поступил бы на нашем месте всякий сознательный житель Теплоземелья, — с важностью добавил Клотагорб.

Офицер что-то буркнул. Он явно предпочитал общаться с Джон-Томом, хотя при этом приходилось мучительно задирать шею.

— Какую зе слузбу я могу сослузить тебе, друг мой?

— Ты должен устроить нам встречу с Городским Советом, военными властями и представителями волшебников вашего края.

Глаза бобра округлились. Длинные резцы стукнули о нижние зубы.

— Нисего себе просьбоська, друг! Ты хоть понимаес, о сем просис?

— Извини, если тебе трудно это сделать, но ничего другого нам не нужно. Мы бы не приплыли сюда, если бы дело не было таким важным.

— Вполне верю. Но и ты пойми, сто я просто серзант. И не имею права...

За спиной бобра послышались крики. Кое-кто из его солдат повыскакивал из-за двери, за которой спасалось войско. Теперь они указывали вдоль улицы.

По ней неторопливо приближалось крытое кресло; его, пыхтя, несли шестеро мышей. Завидев Фаламеезара, они сперва остановились, но сразу двинулись вперед, побуждаемые криками изнут-

ри и ударами кнута в руках кучера-землеройки. Кучер был наряжен в шелк и кружева — вплоть до капюшона.

Кресло остановилось неподалеку. Кучер, существо ростом фута три, открыл дверцу и поклонился. Утомленные носильщики осели в своей упряжи, пытаясь перевести дыхание. Они явно бежали всю дорогу.

Появившаяся изнутри личность была облачена в панцирь, скорее имевший декоративное, нежели практическое значение. Обильная позолота свидетельствовала о высоком положении и высокомерии владельца. Оценив ситуацию, он шагнул вперед.

Приложив руку к груди, бобер отсалютовал новоприбывшему. Тот отвечал небрежным движением руки.

— Я — майор Отрум, комендант городской стражи, — елейным голосом представился енот. Фаламеезара он старательно игнорировал, обращаясь ко всем остальным.

Внимание Джон-Тома привлек дракон, и молодой человек отступил поближе к черному боку, пока енот со скукой в голосе произносил нечто вроде официального приветствия.

— Эти бедные труженики, — гневный дракон кивнул в сторону носилок, — являют для меня символ эксплуатации рабочего класса. И тип, который сейчас говорит, мне не нравится.

Джон-Том торопливо вставил:

— Они менялись, наверное. Это честно.

— Едва ли, — усомнился дракон. — Но эти рабочие, — он показал на все еще пыхтевших мышей, — принадлежат к одному виду, а говорящий — к другому.

— Ага... Но ведь и кучер тоже.

— Да, но... ничего. Наверно, я чересчур подозрителен по природе.

В самом деле, подумал Джон-Том, облегченно вздыхая. Он почувствовал, что сумел перехитрить дракона в очередной раз. Оставалось только молить бога, чтобы перед отъездом майор не стал поднимать носильщиков пинками.

— Я слышал, — проговорил енот, беря понюшку из изысканной табакерки, — что вы попали сюда по какому-то дурацкому делу.

— Это так. — Клотагорб с презрением поглядел на офицера.

— Значит, вы и есть тот самый волшебник, о котором мне сообщили? — Отрум непринужденно, с изяществом аристократа, поклонился. — Нижайший поклон знатоку тайных наук, перед которым должен склониться всякий. — Пог над головой негодующе фыркнул, но мнение Клотагорба о майоре резко улучшилось.

— Наконец-то здесь осознали важность познаний! Может быть, меня наконец кто-то поймет.

— Будем надеяться, — отвечал майор. — Мне сообщили, что

вы требуете встречи с Советом военных и представителями чародеев?

— Так точно, — отвечал Мадж. — Если тока они способны понять, что важно, а что нет, и будут слушать со всем вниманием.

— А если нет?

— Если... — Мадж беспомощно поглядел на Клотагорба.

— С каждым днем все ближе и ближе подступает кризис, угрожающий всему цивилизованному миру, — проговорил волшебник, — справиться с ним можно только силами всех теплоземельцев.

— Простите меня, высокоученый сэр, не хочу оспаривать ваши слова, — проговорил майор, закрывая серебряную табакерку, — однако я не готов к подобным вопросам, а потому полагаю, что встреча должна состояться. Я надеюсь, вы поймете, насколько трудно собрать всех нотаблей за столь короткое время.

— Тем не менее это необходимо сделать.

— Но на встрече вы должны подтвердить справедливость высказанных вами опасений.

— Естественно, — раздраженно откликнулся маг-черепаха.

Джон-Том отметил прозвучавшую угрозу. В майоре Отруме крылось большее, чем мог разглядеть глаз или почуять нос. Чтобы вот так непринужденно держаться перед Фаламеезаром, требовалась недюжинная смелость. А ведь даже Джон-Том поначалу показался местным жителям существом крайне опасным.

А потом он подумал, что храбрость, может, и ни при чем. Неизвестно, что там у этого майора насыпано в табакерку. Возможно, уже намарафетился до самых пяток.

— Уйдет кое-какое время.

— Но чем скорее — тем лучше, — сказал Клотагорб, являя признаки нетерпения.

— Конечно же, вы можете описать мне эту угрозу так, чтобы хотя бы волшебники могли с ходу понять — простите мне эту откровенность, сэр, — что их выволакивают из логов и нор не по прихоти вздорного старика. — Он умиротворяюще выставил руку. — Не надо, сэр, не стоит. Просто представьте, как вели бы себя вы, оказавшись на моем месте.

— Вполне разумная мысль. Волшебники Обширных земель — народ подозрительный. Следует, чтобы они сразу поняли всю глубину опасности... Я предоставлю вам такую информацию, услышав которую чародеи не будут уклоняться от участия в совещании. — Он запустил руку в жилет. — Вот, — маг-черепаха извлек горсточку свитков. — Запечатаны с проклятием.

— Да, я вижу метку, — проговорил енот, осторожно принимая свитки.

— Это не за тем, чтобы вы, майор, не могли ознакомиться с их содержанием, — пояснил Клотагорб. — Скоро о том, что со-

держится в них, узнает весь мир. Просто среди чародеев попадаются снобы, которые не потерпят вторжения простых обывателей в чародейские дела.

— Заверяю вас, к вашим посланиям отнесутся как подобает, — с рассеянной улыбкой заверил его майор, опуская свитки в кисет на боку. — А теперь относительно менее важных дел. Становится поздно. Безусловно, вы устали от дневных трудов... — Он коротко взглянул на бобра-неудачника. — И долгого путешествия. Если вы согласитесь отдохнуть, сможет успокоиться и все население.

Каз непринужденно отряхнул кружевные манжеты и шелковые чулки.

— Неплохо бы ванну и ясти более изысканных, чем это возможно в полевых условиях. Ах, салат из фасоли и шпината под овощным красным соусом!

— А вы гурман. — Майор Отрум с новым интересом поглядел на кролика. — Надеюсь, вы простите меня, сэр, но понять не могу причин, по которым вы угодили в подобное общество.

— Благодарю вас, но свою нынешнюю компанию я нахожу вполне удовлетворительной. — Каз слегка улыбнулся.

Отрум пожал плечами.

— Жизнь часто помещает нас в самые неожиданные ситуации. — Явно было, что по крайней мере себе самому он представляется философом. — Мы обеспечим вас ванной, сэр. Разместим и всех остальных.

Бобер наклонился поближе с выражением полнейшего внимания на физиономии и кивнул головой в сторону дракона.

— Разместить их, сэр, и его тоже?

— Да, а как насчет Фаламеезара? — поинтересовался Джон-Том. — Товарищей не разлучают.

Дракон просиял.

— Никаких сложностей, — заверил енот и показал назад. — Третий дом отсюда по левую сторону — это казарма. В настоящее время в ней обитает лишь малый вспомогательный отряд — его мы оттуда переместим. Если ваш друг-колосс захочет вернуться в родную ему водяную среду на время или постоянно — река неподалеку. Но внутри найдется место для всех вас, и вы сможете оставаться вместе. Будьте добры следовать за мной. — Он уселся в кресло. Кучер разразился потоком проклятий и понуканий. Невзирая на тонкий пискливый голосок, ругань оказалась особенно грязной и мерзкой.

Разделяй и продвигай избранное меньшинство, вознегодовал Джон-Том. Так поддерживают покорность среди угнетенных. Обращение местных с маленькими грызунами постоянно вселяло в него неловкое чувство.

Следуя за креслом, они подошли к входу в огромное дере-

вянное сооружение. Высоты скользящих дверей вполне хватило, чтобы пропустить Фаламеезара.

— В этом строении мы нередко размещаем крупные машины, — пояснил Отрум. — Отсюда и высокие ворота. А теперь я вас оставлю. Я должен вернуться, чтобы представить отчет и дать ход вашим запросам. Если вам что-нибудь понадобится, не стесняйтесь, спрашивайте у персонала. Приветствую вас как гостей нашего города.

Он повернулся, и кресло направилось прочь, уносимое пыхтящими от тяжести груза мышами...

Глава 19

Помещение оказалось удовлетворительным, хотя и спартанским. Фаламеезар объявил, что с него будет довольно и доставленной из хлева подстилки, несколько суховатой, но, впрочем, подобной родному илу на речном дне.

— Но есть кое-какие неясности с правительством здешней коммуны. Мне бы хотелось обсудить их с тобою, товарищ, — обратился он к Джон-Тому, направлявшемуся к собственным апартаментам.

— Давай потом, Фаламеезар. — Молодой человек зевнул, утомленный столь лихорадочно прожитым днем. Снаружи уже темнело. Окна Поластринду засветились стаей ночных светлячков.

Он устал уже утолять неутомимое любопытство дракона. Ограниченные познания Джон-Тома в марксизме постепенно истощались, и он уже начинал опасаться, что допустит опасную философскую ошибку. Дружба его с Фаламеезаром основывалась на якобы общей симпатии к известной системе социально-экономических воззрений. Но под радужной чешуйчатой шкурой огнедышащего «товарища» скрывался свирепый нрав.

На руку его легла чья-то ладонь, и Джон-Том едва не подпрыгнул. Но это был всего только Мадж.

— Не журись, кореш, а то на тебе словно узлов навязали. Мы добрались сюда, а это само по себе трудное дело, а? И седня вечерком пройдемся по улице, чтоб сыскать парочку более сговорчивых девиц, чем те, которые с нами путешествуют, так ведь?

Джон-Том решительно высвободил свою руку.

— Ох, нет, я еще тот кабак не успел забыть. Там, где меня чуть наизнанку не вывернуло. Не говоря уже о том, как ты бросил меня в Усадьбе Жулья.

— Ну, это работа Талеи, я тут ни при чем.

— Чего это еще я натворила? — Выглянула рыжая головка из двери.

— Ничего, любашка, — невинно ответствовал Мадж.

Девушка внимательно поглядела на него и решила не связываться.

— А кто-нибудь обратил внимание, что спальные комнаты с обоих концов казармы полны соседей? Нам отвели офицерское помещение, но такое окружение мне не по вкусу.

— Боишься, что во сне убьют? — вступила в беседу Флор.

Талея яростно поглядела на нее.

— Такое частенько случается, в особенности с теми, кто считает, что спит в безопасном месте. К тому же майор этот говорил, что здесь стоит лишь вспомогательный отряд. Откуда же взялись эти головорезы и почему они здесь?

— Сколько их? — осведомился Каз.

— По крайней мере по пятьдесят с каждого края. Опоссумы, куницы, люди... Превосходная смесь. И для строителей явно слишком бойки и отлично вооружены.

— Но ведь в городе, естественно, обеспокоены нашим появлением, и наличие нескольких стражей вполне оправданно.

— Нескольких, но не сотни.

— Значит, мы в заключении? — спросила Флор.

— Я просто хочу сказать, что не стану спать, зная, что рядом со мной спит целая сотня ваших «бойких» и до зубов вооруженных головорезов.

— Не впервые, наверное, — пробормотал Мадж.

Талея резко повернулась к выдру.

— Чего? Чего ты там выступаешь, рожа мохнатая?

— Я говорю, что нам не впервой быть в окружении, милка.

— А-а...

— Все можно понять очень просто. — Каз подошел к небольшой двери, устроенной в одной из огромных створок. Открыв ее, он принялся переговариваться с кем-то незримым. Появился тот же самый бобер. Он явно казался несчастным и прятал глаза.

— Понятно, понятно... Знасит, вы хотите поузинать.

— Именно, — согласился Каз.

— Все немедленно принесут, самое луссее, сто есть в городе. — И он повернул к двери. Каз остановил его.

— Минуточку. Это очень благородно с вашей стороны, только мы предпочитаем сами выбирать блюда. — Он рассеянно огладил свой хвост и, дернув усиками, добавил: — Так ведь? — И направился к полуоткрытой двери.

Офицер неуверенно заступил ему дорогу.

— Подлинно созалею, сэр, — в голосе действительно слышалось сочувствие. — Но майор Отрум отдал мне приказ, как вас разместить и кормить. Власти озабочены васей безопасностью.

Они не сомневаются, сто радикальное дурасье попытается напасть на вас.

— Прекрасно, что они так заботятся о нашем здоровье, — отвечал Каз, — но беспокойство напрасно, мы сами способны постоять за себя.

— Я это знаю, — признал офицер. — Но мое насяльство ситает иначе. Все это задумано для васего зе блага. — И он спиной вперед шагнул за дверь, старательно притворив ее за собой.

— Так и есть, — возмутилась Талея. — Значит, мы под домашним арестом. Я знала, что этим дело и кончится.

Флор, поигрывая ножом, чистила длинные ногти; черный плащ соблазнительно обрисовывал фигуру; скрестив ноги, она прислонилась к стене... Соблазн, да и только.

— Это дело простое. Un poco sangre[1] — и мы можем отправиться куда угодно. No es verdad[2]? Или можно просто разбудить огнедышащего compadre[3] Джон-Тома, и пусть превратит эту дверь в уголья. — Она указала ножом на огромные створки.

— Они нам не враги, Флор. Сейчас — время для дипломатии, — ответил юноша. — Во всяком случае, я не рискну оставить здесь Фаламеезара в одиночестве.

Черные глаза блеснули в его сторону, и, распрямившись, девица всадила нож в стену.

— Может быть, ты и прав, но я понимаю Талею. Терпеть не могу, когда мне указывают, куда ходить, а куда не ходить, да еще уверяют, что все это для моего же блага. Старшие братцы и сестры двадцать лет твердили мне эти слова. Черт меня побери, если я позволю какому-то меховому чучелу диктовать мне то же самое.

— Тихо, тихо... Дети, дети.

Все повернулись. Наблюдавший за ними Клотагорб неодобрительно качал головой.

— Все это пригодится на поле боя в грядущей войне, но она еще не началась. Меня здешние злачные места не интересуют ни в коей мере. — Он улыбнулся Джон-Тому. — И я останусь здесь, чтобы в случае необходимости удовлетворить стремление к беседам, не оставляющее нашего громадного компаньона.

— Но вы уверены... — начал Джон-Том.

— Я внимательно слушал вашу болтовню, кроме того, ты дал мне исчерпывающие наставления. Основные убеждения этого дракона настолько примитивны, что ими несложно манипулировать. К тому же драконам и волшебникам по природе своей положено понимать друг друга. Мы найдем, о чем переговорить. А вы идите, если хотите. Вы выполнили все, о чем я просил вас, и за-

---

[1] Капля крови (*исп.*).

[2] Или не так? (*исп.*).

[3] Товарища (*исп.*).

служили отдых. Поэтому в случае необходимости я займу вашего друга-дракона и помогу вам улизнуть.

— Не знаю. — Джон-Том поглядел на храпящего колосса. — У него пытливый, но односторонний ум...

— Я постараюсь избегать экономики, которая его так интересует. Как только вы уйдете, я заложу дверь снаружи... Простейшая левитация. Если засовы останутся на месте, а внутри будут слышаться голоса, стража решит, что все мы внутри. А че, тока это, наверно, трудно для него будет.

Мадж подпрыгнул — настолько точно волшебник передал его голос.

От стропил отделился темный силуэт.

— А как же я, Мастер? — Пог вопросительно глядел на чародея.

— Ступай с ними, если хочешь. Сегодня ты мне не потребуешься. Только держись подальше от борделей. Помни, что именно склонность к этим заведениям и привела тебя сюда, не то придется привыкать к новому хозяину.

— Не беспокойся, босс. Спасибо! — Пог поклонился в воздухе, изобразив нечто вроде пике.

— Не верю я тебе, но раз все идут, тебя не удержишь. Полное отсутствие морали, — пробормотал с пренебрежением Клотагорб. Пог же просто подмигнул Джон-Тому.

— Вы сказали, что поможете нам улизнуть. Каким это образом? — осведомилась Флор. — Через стенку?

Клотагорб хмуро, насколько это позволяла невыразительная физиономия черепахи, поглядел в сторону Флор.

— Ты недооцениваешь возможности столь умудренного чудотворца, каковым я являюсь. Если я поступлю, как ты предлагаешь, этим, снаружи, сразу же станет ясно, что произошло. Ваше возможное отсутствие должно остаться незамеченным. Когда чуть-чуть стемнеет, я скрытно переправлю вас на улицу.

Так и случилось — через несколько часов они оказались в узком боковом проулке. В ночном тумане мерцали масляные фонари, свет пробивался из-за закрытых ставней. Вокруг еще слабо шумел город, чересчур большой и деловитый, чтобы спать по ночам.

Позади за пустынной площадью высился грузный высокий барак, в котором они буквально только что находились.

Джон-Том полагал, что Клотагорб совершит нечто необыкновенное, например переместит их в другое здание.

Волшебник же просто направился к боковой двери. И, магическим или иным путем воспроизведя голос одного из доселе похрапывающих часовых, нанес ряд оскорблений предкам его напарника. Жертва грубых нападок, разбудив по-прежнему подремывавшего обидчика, приступила к мерам физического воздействия.

В создавшейся ситуации Казу и Талее ничего не стоило, прокравшись за спинами драчунов, уверенной рукой применить камни, изъятые из мостовой, и на время прекратить дискуссию.

Хотя Джон-Том рассчитывал увидеть чудеса в исполнении Клотагорба, он вынужден был признать, что вопрос решен вполне эффективно.

Никто не тревожил и не нападал на них на главной улице города. Волей или неволей жители его явно держались в стороне от казармы.

Вскоре начали попадаться и пешеходы, однако, невзирая на рост Джон-Тома и Флор, путешественники не привлекали к себе особого внимания. Талее и Маджу еще не приходилось бывать в Поластринду. Они старались держаться непринужденно, однако не в силах были скрыть трепет.

Джон-Том и Флор ничего не знали о здешних обычаях, но, подобно Погу, вполне представляли размеры города. Поэтому по безмолвному согласию отряд возглавлял Каз. Через некоторое время надвинувший на голову капюшон Джон-Том уже начал находить уютными промокшие улицы. Нависшие балконы, мигающие масляные фонари — все было, как в Линчбени. Единственное различие состояло в числе ссор, драк, а также в громкости выражений любви, ругательств, хохота и щенячьего плача, доносившихся из-за закрытых дверей и окон.

Как и в Линчбени, самые верхние этажи населяли всякие древесные жители: летучие мыши, родня Пога, или птицы в юбочках-килтах. Ночные летуны вовсю резвились в небе, их силуэты то и дело плясали или дрались на фоне занавешенной облаками луны.

Мимо протопала компания подгулявших енотов и коати. На плащах и жилетах темнели свежие пятна. Среди них затесалась абсолютно пьяная рысь в широкополой шляпе и роскошной длинной юбке. Короткохвостая, кошачьими глазами вглядывающаяся в ночь, она казалась сошедшей со сцены — из представления о Коте в сапогах, — однако же сопровождавший ее коати лапал кошку далеко не сказочным образом.

Навстречу им двигалась группа полевок и опоссумов. Пробудившиеся после дневного отдыха звери торопились на работу. Гуляки не желали уступать дорогу. После толкотни и пинков, впрочем, незлобных, работники отправились дальше.

— Теперь сюда, — направил друзей Каз. Они свернули на узкую извилистую улочку. Здесь было потемнее, а шума из всяких весьма деловых заведений прибавилось. В окнах маячили размалеванные физиономии, обязанные своими яркими красками не только одной косметике. Обладательницы их — вне сомнения, все они были самками — манили к себе путешественников.

Время от времени на их физиономиях обнаруживались при-

знаки неделового интереса. В основном взгляды эти были обращены на Джон-Тома и Флор. За взглядами следовали комментарии, восхищенные и весьма откровенные.

— Уж ноги заболели, — упрекнул Джон-Том Каза. — Сколько еще осталось? Куда ты нас ведешь?

— В общем-то никуда, мой друг. Просто подыскиваю заведение, наделенное всеми достоинствами сразу. Сыграть можно не в каждой таверне; там, где это разрешено, не всегда можно подкрепиться, а репутация таких мест, где можно и то, и другое, частенько бывает сомнительной.

Они обогнули еще один угол. К своему удивлению, Джон-Том обнаружил возле себя Талею.

— Хорошо все-таки пройтись, — проговорил он без особой цели. — Не то чтобы мне было не по себе в казарме, тут дело в принципе. Если они полагают, что могут лишить нас свободы перемещения, значит, будут стремиться к этому, невзирая на информацию, имеющуюся у Клотагорба.

— Это так, — согласилась она, — но сейчас меня беспокоит другое.

— Что же? — На пробу он обнял ее за плечи. Девушка не противилась. Он вспомнил то утро в лесу, когда, проснувшись, обнаружил ее прижавшейся к нему. И прежнее тепло исходило от нее через рубашку и куртку с капюшоном. Через пальцы, по руке оно растеклось по его телу.

— И что же тебя взволновало? — с пылом спросил он.

— То, что нас преследуют уже несколько минут. — Удивленный Джон-Том начал поворачиваться, когда в бок его впился острый локоть.

— Не смотри на них, идиот! — Он заставил себя глядеть прямо вперед. — По-моему, их шестеро или семеро.

— Может быть, тоже собрались развлечься, — с надеждой проговорил молодой человек.

— Едва ли. Тогда они не стали бы идти за нами, свернули бы на другую улицу... Подошли бы поближе. А такой постоянный разрыв между нами не сулит ничего хорошего.

— Что же делать? — спросил он.

— Придется идти в первую же таверну. Если они задумали злое, то не посмеют осуществить свои намерения на глазах свидетелей.

— На это трудно рассчитывать. А может быть, Пог слетает? Пусть посмотрит, прежде чем мы начнем делать выводы, — предложил Джон-Том. — Во всяком случае, он их сосчитает и выяснит, чем они вооружены.

Талея с одобрением поглядела на него.

— Вот это уже лучше. Чем подозрительнее ты станешь, Джон-Том, тем дольше проживешь на свете. — Пог! Пог?! — Остальные, любопытствуя, повернулись к Талее.

— Пог! Ах ты, никчемный паразит, летучий кусок дерьма, какого черта...

— Потише, сестричка! — Мыш затрепетал крылышками перед ними. — У меня для дебя есть плохие новости.

— Знаю уже, — бросила Талея.

С озадаченным видом он висел футах в двух над ними.

— Уже знаешь? Но откуда? Я же залетал вперед, подому чдо скучно стало, а одсюда еще не видно...

— Секундочку... секундочку, — пробормотал Джон-Том. — Вперед? Но мы-то имели в виду тех, кто увязался за нами... — И он ткнул пальцем назад.

— Эти еще далеко! — объявил странный голос.

— Ух... Щас гляну. — Пог ракетой взлетел вверх, исчезнув во тьме среди карнизов и башенок.

Джон-Том поспешно оглядел улицу. Ближайшая открытая дверь, из которой доносились музыка и смех, была не менее чем в половине квартала от них. По бокам виднелось лишь два входа — за одним было нагромождение лестницы, другой был заложен железными засовами и заперт.

Более никого на улице не было — ни единого гуляки... Тем более городской полиции.

Впереди их ожидало с дюжину тяжеловооруженных людей, по большей части наделенных длинными жидкими волосами и тощими физиономиями. В руках у них были дубинки, булавы, шестоперы и болас — в довольно впечатляющем разнообразии. Джон-Тому даже и в голову не пришло, что ничего действительно убийственного — ножей, копий или мечей — при них не было.

Люди полукругом перекрыли дорогу. Джон-Том еще раз изучил узкий вход, который скорее походил на ловушку, чем на путь к спасению.

Две трети нападающих были мужского пола, остальные принадлежали к числу дам. Ни одной приятной физиономии или хотя бы хорошо одетой фигуры. Ростом все были примерно с Талею. Даже Каз был повыше многих. Все внимание свое ночные тати обращали на Джон-Тома и Флор — их рассматривали с нескрываемым интересом.

— Мы бы хотели, чтобы вы пошли с нами, — объявил рослый крепкий блондин, державшийся посередине. Борода его, сливаясь с вислыми усами, словно врастала в грудь. Волос было столько, что Джон-Том даже усомнился — человек перед ним или кто-либо из мохнатых.

И тут необычная однородность группы дошла до его сознания. До сих пор в любой компании он обнаруживал смесь разных типов — будь то купцы, сотрапезники, моряки или прохожие.

Он оглянулся назад. Увязавшаяся следом группа также рассредоточилась, перекрывая пути к отступлению, и все они были людьми. Аналогичным было и вооружение.

— Очень приятно, — ответил на приглашение Каз, — однако у нас есть собственные планы. — Говорил он от лица всех своих спутников. Джон-Том небрежно перебросил дуару за спину и взял в руки посох.

— Прошу прощения, но мы настаиваем.

— Не сомневаюсь, — усмехнулась Флор. — Настаиваете и гоните всякую дрянь, набрались небось.

Тонкая игра слов явно не дошла до ее собеседника, лишь заморгавшего в ответ. Обе группы начали окружать путешественников, обступая их с обеих сторон.

С легким лязгом в руке Талеи объявился клинок.

— Любой хорек, который посмеет прикоснуться ко мне, может считать себя покойником.

В неярком свете масляных фонарей она показалась Джон-Тому очаровательнее, чем когда-либо. Но и Флорес Кинтера тоже.

Она застыла в позе амазонки, выставив вперед кистень и короткий меч. На зубчатом стальном лезвии поигрывал свет.

— Ovejas y putas[1]! Подходите и берите нас, если сумеете.

— Дамы, дамы! — укоризненно запротестовал Каз, обнаружив за собственной спиной помеху дипломатическим усилиям. — Для всех нас будет лучше, сэр, если... Простите.

Он поглядел на Талею и Флор, не потеряв при этом из виду своих противников. Один из них прыгнул вперед и попытался оглушить кролика короткой дубинкой. С громкими извинениями Каз отпрыгнул в сторону и выставил вперед ногу сорок четвертого размера. Обидчик упал.

— Кошмарная неловкость, — пробормотал Каз. Впрочем, извинения потонули в грохоте, с которым путешественников атаковали обе обступившие их группы.

Узкая улица облегчала оборону. Подвергшиеся нападению сошлись кружком — спина к спине — и отбивались от супостатов, отчаянно бросавшихся на мечи и ножи. Вокруг Джон-Тома мелькало оружие, слышались крики, начинало припахивать потом. Каждый раз, когда посох-дубинка находил одним концом ногу или незащищенную физиономию, дуара подскакивала и хлопала его по спине.

Он подумал, что мог бы отпугнуть нападающих небольшим волшебством, и выругал себя за то, что не подумал об этом сразу. Но теперь было уже не до песен; нападавшие не давали ему возможности даже перекинуть дуару на живот.

Трое из них без всякого успеха пытались пробить оборону Джон-Тома. Он отгонял их своей дубинкой. Скользнув под посох, один из них замахнулся булавой. Джон-Том, как его учили, нажал на середину посоха и описал концом его короткую дугу. Подпру-

---

[1] Бараны и суки (*исп.*).

жиненный наконечник черканул по бедрам личности с булавой. Ухватившись за ноги, человек взвыл и рухнул.

Вдруг в глазах Джон-Тома потемнело — он получил удар сзади и снизу. Лихорадочно отмахнулся посохом и повернулся. Удар посоха пришелся по чему-то мягкому, податливому.

Тут зрение его, да и чувства вообще охватил какой-то туман. А потом все смешалось, в том числе и звуки борьбы. Мысли ползли, как сквозь желе. Джон-Том еще слышал крики и визг, но шум схватки уже успел отодвинуться далеко.

Тонкий голосишко Талеи все еще выкрикивал оскорбления, подначивал и ругался Мадж. Флор извергала боевые кличи на занимательной смеси английского и испанского. Последним, что он увидел из-под этого темного покрывала, было звездное небо с редкими дождевыми облаками, голубой серпик месяца меж острых крыш, поднимавшихся к небу сложенными ладонями. Он понадеялся, что молятся они за него.

А потом все исчезло вместе с остатками сознания...

Глава 20

Сперва он подумал, что в голову каким-то путем пробралась муха, забилась под череп и пытается выбраться. А потом понял, что жужжание доносится откуда-то снаружи, и попытался определить расположение источника.

На грубо сколоченном деревянном столе горела масляная лампа. Кто-то невидимый проговорил:

— Он очнулся!

Немедленно затопали многочисленные ноги. Джон-Том с трудом сел. Сила тяжести или что-то другое тянуло затылок книзу. Он сморщился от боли, которая словно бы стекала к основанию шеи и ниже — по позвоночнику.

Джон-Том обнаружил, что сидит на топчане. Тусклые лампы освещали знакомые очертания посоха и дуары, прислоненных к дальней стене.

Пожитки его охраняли двое людей из тех, что дрались с ним. У одного лоб и ухо закрывала повязка. Глаз другого затянула пурпурная опухоль, рот также обнаруживал следы удара.

Обычно человек крайне миролюбивый, Джон-Том испытал абсолютно несвойственное ему, но тем не менее неподдельное удовольствие при виде повреждений, причиненных им с друзьями нападавшей шайке. Он уже решил было броситься к дубинке, когда слева открылась дверь и внутрь вошло с полдюжины человек.

Наклонившись вперед, юноша, к собственному разочарова-

нию, ничего не увидел за дверью — только неярко освещенный коридор. Впрочем, издали слышался разговор.

Новоприбывшие расположились в комнате, трое — перед дверью. Зажгли новые лампы. На лицах плениших Джон-Тома написана была решимость. Другое трио уселось за стол. Принесли грубой работы кубки, пару блюд, на которых дымились груды мяса и какого-то вареного корнеплода, родственного картофелю. Пленник и похитители с интересом разглядывали друг друга.

А потом один из трех сидевших обратился к нему, и Джон-Том узнал блондина, распоряжавшегося на улице.

— Ты голоден? — Джон-Том покачал головой. — Пить хочешь? — Отрицательному движению на этот раз сопутствовали улыбка и непристойный жест. Джон-Том мыслил сейчас не как будущий адвокат. Голова его кружилась, и он был, пожалуй, чуточку не в себе.

Его жесты и молчание ни в коей мере не расстроили допрашивающего. Тот пожал плечами и проговорил:

— Бери. Смотри, как надо.

Взяв псевдокартофелину, он помазал ее сверху какой-то прозрачной глазурью, зачерпнув ложкой из небольшого горшочка. Откусил и шумно зачавкал. По подбородку на грудь потек жир.

Прикончив с половину клубня, он вновь поглядел на Джон-Тома и без стеснения спросил:

— Голова не болит?

— Сам знаешь, черт, как болит, — отверз уста Джон-Том, чувствуя вздувающуюся на затылке шишку.

— Нам жаль, что так получилось. — К удивлению Джон-Тома, голос человека звучал вполне искренне. — Но ты не пошел бы к нам по собственной воле, а времени на переговоры уже не оставалось. Вот-вот мог нагрянуть патруль.

— Ну а ты сам-то пошел бы с дюжиной головорезов, преградивших тебе путь на незнакомой улице?

Блондин сухо улыбнулся.

— Наверно, нет. Согласен, особого такта мы не проявили. Но ты должен был пойти с нами, тебя следовало отделить от животных.

При этих словах Джон-Том беспокойно оглядел комнату. Вопросов не осталось — он был единственным пленником.

— А где остальные? Где мои друзья?

— Там, где мы их оставили, — в переулках Вольной Четверти. Нет, их не увечили, — добавил он, заметив, что Джон-Том готов подняться с топчана. — Наши в худшем состоянии. Мы просто увели тебя в сторону от свалки, когда удалось тебя усыпить.

— Почему именно меня? — Джон-Том припал спиной к каменной стенке. — Что во мне такого особенного?

Крепкий главарь в упор поглядел на него.

— Говорят, что ты — волшебник, чаропевец из другого мира. — Он казался скептически настроенным и одновременно стремился поделиться своими сомнениями.

— Да... да, совершенно верно. — Джон-Том потянулся и пошевелил пальцами. — Если вы через десять секунд не выпустите меня отсюда, придется всех превратить в грибы.

Главарь покачал головой, поглядел на пол и, подняв глаза, улыбнулся Джон-Тому. Сложив руки перед собой, он заявил:

— Чаропевцу для колдовства нужен музыкальный инструмент. — И он кивнул в сторону бдительно охраняемой дуары. — Не грози попусту. Я слыхал, что ты сумел заставить покориться речного дракона... Совместно с признанием этот факт в достаточной мере рекомендует тебя.

— А откуда тебе известно, что именно я заставил дракона покориться? Может быть, скажешь еще, что я просто пытаюсь тебя запугать? Маг-черепаха Клотагорб ждет нас в казарме, а он куда более могущественный чародей, чем я. Может быть, это он повелевает драконом и как раз в это время произносит жуткое заклинание, чтобы все вы растворились, как кусок рафинада.

— Мы знаем о твердопанцирном бездельнике, который сопутствует тебе. Известно нам и то, что он в настоящий момент обсуждает с огромным драконом всякую чушь в казармах у пристани. Мы узнали об этом не с помощью магии, а воспользовавшись целой сетью организованных и преданных наблюдателей и шпионов. — Последовала еще одна улыбка. — Иногда от нее больше прока, чем от магии.

Сеть, подумал Джон-Том. Зачем этот разговор об осведомителях? Что-то в этой комнате — может быть, позы людей, может быть, примененное ими оружие, лишающее сознания, но не жизни, — говорило, что перед ним не дешевые налетчики.

— На кого же вы шпионите? Или вы не жители города... Графства Поластринду?

— От рождения, — согласился мужчина, по комнате пробежал согласный ропот, — но не по склонности или верованиям.

— Ты меня разочаровываешь.

— Мы не хотим этого, — сказал человек, расцепив руки. — Мы хотим, чтобы ты примкнул к нам.

— Примкнул? К вам? Зачем? У меня нет времени ни для чего. Мы и так заняты чрезвычайно важным делом для всего вашего мира. — И юноша начал цитировать предупреждения Клотагорба о грядущих бедствиях.

— Броненосный народ подготовил самое жуткое вторжение в эти края за всю историю, и мы...

— Мы знаем об этом, — неторопливо перебил его один из охранников.

Джон-Том, открыв рот, глядел на женщину, сказавшую эти слова. Она была из числа тех троих, что перекрывали выход.

— Как, вы знаете? — Остальные согласно закивали.

— Но я думал... Клотагорб говорил, что, кроме него, никто не может знать. А как вы узнали?

— Терпение, — осадил его блондин. — Все в свое время. Ты интересовался, граждане ли мы этого города и почему нуждаемся в тебе. Да, мы граждане его, но не только. Мы представляем и нечто высшее. А что касается того, к кому тебе предлагают примкнуть, повторяю — к нам. Мы хотим, чтобы ты присоединился к нам.

— Какого черта, что значит «к нам»? Это какая-нибудь политическая организация?

Человек покачал головой.

— Не совсем. К нам — значит к людям. — Он говорил терпеливо, словно обращаясь к ребенку.

— Я все же не понимаю тебя.

Говоривший взволнованно оглядел своих компаньонов и вновь обернулся к Джон-Тому.

— Слушай меня внимательно, чаропевец. Унизив себя, человечество десятки тысячелетий обречено было сосуществовать с животными, словно с ровней. С ордами вонючих грязных мохнатых тварей, низших созданий. — Слова эти явно не относились к собственной густой сальной шевелюре. — С этими скотами, ничуть не возвышающимися над крысами и мышами, которых они охотно унижают.

Джон-Том не отвечал. Человек уже почти молил.

— Но ты ведь, конечно, ощущал уже несправедливость, неестественность подобной ситуации? — Он заходил перед Джон-Томом, время от времени тыкая в его сторону сжатым кулаком.

— Мы ведь лучше животных, разве не так? Конечно, природа предназначала нас для высшей роли, однако какие-то сверхъестественные силы и обстоятельства помешали нам воспользоваться дарованными от рождения правами. Наступает время перемен. Скоро человечество унаследует этот мир, как и было намечено природой.

— Так ты объявишь остальным расовую войну? — медленно проговорил Джон-Том.

— Нет! — Коренастый главарь повернулся к нему. — Это будет война за право человечества занимать ведущую позицию, возглавляя всю цивилизацию. — Он склонился пониже, пытливо глядя в лицо Джон-Тому. — Скажи мне тогда, чаропевец: в твоем мире люди тоже равны животным?

Боже! Мысли Джон-Тома в панике заметались. Что сказать? Насколько они проницательны? Или они способны обнаружить ложь — с помощью магии или других средств? А если докопаются до истины, то способны ли воспользоваться ею для подтверждения своих собственных подлых претензий?

Но почему они подлые? Тебе ненавистны слова этого челове-

ка, Джон-Том, или мысль о том, что ты способен с ним согласиться?

— Ну? — повторил главарь.

Оставить вопрос без ответа было еще хуже, чем сказать правду.

— Люди, которых я встречал у себя, ничем не превосходят здешних животных по разуму и величине. Некоторые, по-моему, даже глупее. Почему вы тут считаете себя высшими?

— Мы верим в это, чувствуем нутром, — раздался мгновенный ответ. — Природа не могла замыслить мир подобным образом. Что-то пошло здесь не так. Но ты все-таки не ответил мне об отношениях между людьми и животными в твоем мире.

— Все мы животные. Определяющую роль играет разум, и те личности, которых я здесь встречал, ничуть не ниже нас по уму.

— Это... те, которых ты встречал здесь. А как насчет животных из твоего собственного мира?

Джон-Том в раздражении повысил голос.

— Да, черт тебя побери, рост и величина с этим никак не связаны.

— Так нам говорили и сновидцы, — пробормотал кто-то в задней части комнаты. Раздался неразборчивый шепот, в котором слышалось явное самодовольство. Джон-Тому это не понравилось.

— В любом случае, я к вам не присоединюсь. — Он сложил руки. — И не сомневаюсь, что моему примеру последуют многие. Я знаю много людей, способных не задумываясь понять разницу между культурой и бескультурьем, между цивилизацией и невежеством... И вот что: разум не имеет ничего общего с тем, пахнет от тебя или не пахнет. Верьте на здоровье своему нутру. Подобными беспочвенными надуманными фантазиями диктаторы всегда пользовались, чтобы разъединить людей, и я не имею с этой чушью ничего общего. К тому же люди здесь являются одним из меньшинств среди прочих млекопитающих. Но если все ваше человечество свихнется и примкнет к вам, численность людей не позволит вам даже мечтать об успехе геноцида, который вы замыслили.

— Ты прав во всем, за исключением одного, — согласился вожак.

— Едва ли я мог что-либо упустить.

— Может быть, лучше я попробую объяснить.

Голос был сиплым, как при тяжелой простуде или ларингите. Человек, произнесший эти слова, шагнул на свет. Он был столь же плотен, как и главарь, и, пожалуй, еще более волосат. Длинные черные волосы ниспадали на плечи, густая борода скрывала лицо. Тело его, словно плащ-палаткой, было прикрыто бурой и коричневой кожей.

Джон-Том уже потерял голову от гнева.

— А ты кто такой, олух?

Ему представились Мадж и Клотагорб, дружелюбный аристократ Каз, въедливый Пог. Пестрая толпа этих полуварваров явно считала себя вправе властвовать над его новообретенными мохнатыми друзьями. Мысль эта не укладывалась в голове.

— Кто я, проще показать, чем объяснить, — проговорил черноволосый тип, протянул руки к голове и снял ее.

Открывшийся череп оказался меньше человеческого, но из-за выпуклых зеленых сложных глаз занимал едва ли не тот же самый объем. Ярко-голубой хитин покрыт был желтыми пятнами. На жвалах лежала багровая полоска. Усики обратились к Джон-Тому. Они шевельнулись, словно руки пловца.

Существо заговорило прежним хриплым скрипучим голосом. Рот не двигался. Джон-Том понял, что насекомое имитирует речь, выпуская воздух через дыхала.

— Я — Ханниуз, — проскрипело создание. — Этот костюм я ношу, чтобы местные жители не убили меня на месте. Они испытывают безрассудную ярость к моему народу и преследовали его целые тысячелетия.

Джон-Том успел уже оправиться от внезапного потрясения.

— Судя по тому, что слыхал я, именно ваш народ повинен во вражде; тысячелетия вы приходите сюда, чтобы поработить местных жителей.

— Не стану отрицать, мы добиваемся власти над ними, но эти завоевания нам не нужны. Мы всего лишь заботимся о собственной безопасности. Жители Теплоземелья становятся все сильнее. Однажды ненависть перевесит их летаргию, и всей своей мощью они навалятся на Броненосный народ, чтобы истребить его. Разве нет у нас права на самозащиту?

Боже, подумал Джон-Том: вот тебе и исторический подход к оправданию агрессии. Он вдруг почувствовал себя дома.

— Не пытайся задурить мне голову. Когда страна объявляет, что хочет получить безопасную границу с другой, это всегда означает требование территориальных уступок. Приграничные территории поглощаются, и новая граница передвигается все дальше... снова и снова. Этот процесс не имеет конца. Безопасности таким путем не достигнуть, но жадность утолить можно.

Голова насекомого обратилась к блондину:

— Чаропевец он или нет, но пользы от него ждать не приходится. Скорее он даже опасен и не может быть полезным для нас. — Джон-Том похолодел и замер.

— Нет, он только так говорит, думает-то он иначе. — Главарь с улыбкой повернулся к молодому человеку. — Будь добр, скажи Ханниузу, что ты примкнешь к нам.

— Я не вижу между вами ничего общего.

— Броненосный народ понимает, что среди всех жителей Теплоземелья лишь мы, люди, одобряем их планы. Мы одни охотно выйдем на бой, а после победы будем править в Теплых землях.

Это наше право, и Броненосный народ готов признать его. Мы им поможем, а они тогда позволят нам править. Так они намереваются добиться искомой безопасности.

— И ты в это поверил? Вы здесь тупы или совершенно аморальны? У вас нет никакого естественного права властвовать над кем бы то ни было. В этом мире вся генетика была другой.

Один из стражей встревожился.

— Будьте осторожны, он произнес волшебные слова.

Неярко блеснули в свете плошек мечи и копья. Обращенные к Джон-Тому искрящимся смертоносным лесом, они вдруг окружили его.

— Следи за своим ртом, чужестранец! Не пытайся нас заколдовать!

— Видишь эффект? — обратился главарь к Ханниузу. — Представляешь, каким могучим союзником он может оказаться?

— Друг мой, возможно, это просто ключевые слова. — Насекомое подняло конечность, огладило усики. — Он явно настроен против нас.

Коренастый предводитель подошел к Джон-Тому, тот напрягся, но главарь лишь положил руки ему на плечи.

— Слушай меня, чаропевец. У тебя рост и повадки богатыря, ты еще и чародей. Среди нас ты будешь главным, ты будешь править этими землями. Здешний климат не подходит Броненосному народу. Но им нужна наша помощь — сейчас и когда окончится война.

— Это они сейчас так говорят. — Джон-Том поглядел на невозмутимое насекомое. — Победители способны акклиматизироваться на удивление быстро.

— Последи-ка за собой, чаропевец. Обдумай мои слова без обид. Рассуди сам — с твоим ростом и способностями ты будешь править многими землями — не одним графством. Будешь распоряжаться в дюжине городов — таких, как Поластринду. Все, что захочешь, будет твое: драгоценности, роскошь, любые рабы и рабыни для развлечения. А ты ведь еще молод. Что предлагает тебе взамен твой наставник Клотагорб? Возможность погибнуть? Ну что плохого в том, что люди станут править животными? Ты говоришь, что не согласен с моральной стороной нашего дела, но разве ты не видишь, что именно сулит оно тебе самому? Думай, чаропевец, думай... На этот раз Броненосный народ победит, кто бы ни противостоял им. Умереть-то мучеником за всех остальных несложно... Только ведь умрешь-то ты сам. Или ты только об этом и мечтал — с честью погибнуть в юные годы? — Он взмахнул рукой. — Это глупо.

— Сомневаюсь я в том, что вам суждена победа, — негромко проговорил Джон-Том. — Несмотря на... — он вовремя осадил себя и не сказал «тайную магию». — На поддержку всех предателей,

которых вы способны завербовать. Не думаю, что их найдется достаточно много.

— Значит, ты ни при каких условиях не согласен присоединиться к нам? Думай, крепче думай! Этот мир может оказаться в твоем распоряжении.

— А на хрен он мне, что мне делать с ним, я не... — Джон-Том вдруг умолк.

И в самом деле, чем это он обязан миру, куда его увлекли путем насильственным, не спрашивая желания, и, быть может, навсегда? Ну а если ему все-таки удастся вернуться в собственное время и место, кем он станет тогда? После пустых долгих лет кончит свою жизнь пузатым адвокатом? Или угрюмым, вечно пьяным музыкантом, играющим в барах и на всяких вечеринках?

А здесь ему суждено место повыше мэра, но пониже бога. Ведь все они, невзирая на легкий налет цивилизации, просто животные-переростки. Мадж, Каз, Пог и все прочие. Он вспомнил, как Флор временами поглядывала на Каза. Неужели справедливо, что он должен соперничать за избранницу своего сердца с каким-то там переросшим все нормальные размеры зайцем? Или такая перспектива более привлекательна, чем сотрудничество с этими людьми?

Почему бы тогда и впрямь не примкнуть к ним... Почему бы не поискать перемен?

— Это очень хорошо, человек, — скрипел Ханниуз. — Ты думаешь. Мы можем убить тебя или возвести на трон. По-моему, и выбирать не из чего. В день нашей атаки восстанут люди во всех Теплых землях. Они выступят за наше дело. А вместе мы заставим этих мохнатых мягких вонючих тварей вернуться в ту грязь, откуда они родом... аахх-чрриик.

— Я не уверен, — начал Джон-Том.

Тут за дверью послышались вопли и крики, и все глаза устремились к ней. И вдруг проем оказался заполненным окровавленными телами и сталью. Талея носилась вокруг дерущейся толпы, каждым уколом меча нанося раны созданиям более сильным и крепким, чем она сама. Точными движениями орудовал рапирой Каз, проявляя при этом свирепость, которую Джон-Том не мог даже заподозрить. Мохнатым белым демоном прыгал кролик в свете плошек. Мадж крутился в самой гуще, энергия и быстрота компенсировали свойственные ему ошибочные решения.

Тусклый свет поблескивал на мелькающих клинках. Сражающиеся орали, ругались. Временами на пол падало очередное тело. Ослепив на время Джон-Тома, в лицо ему брызнула кровь. Над толпой башней возвышалась Флорес Кинтера, десница ее разила кистенем, она тыкала зазубренным лезвием во всякого, кто пытался подобраться к ней ближе.

Над схваткой, под самым потолком, метался Пог, время от времени нырявший пониже, чтобы ударить врагов ножом.

Теперь становилось понятно, как его нашли. Там, на улице, когда Джон-Тома отбили у приятелей, Пог предусмотрительно последовал за юношей и похитителями, а потом вернулся, чтобы привести всех на выручку.

Перед глазами Джон-Тома возникла шипастая булава, ее держал человек, обильно залитый кровью из раны на шее... Глаза его горели безумным огнем.

— Умри же тогда, чужестранец.

Закрыв глаза, Джон-Том приготовился встретить смерть... и принял удар, пришедшийся, однако, в правое плечо, а не в лоб. Открыв глаза, он обнаружил, что грозивший булавой рухнул у ног его и, умирая, растянулся на полу.

Над трупом стояла Талея... В каждой руке по ножу, одежда забрызгана кровью. Она глядела назад. В дальнем углу комнаты оказалась еще одна дверь, и уцелевшие похитители отступали через запасной выход. Ханниуза нигде не было видно.

Рыжая девица тяжело дышала, грудь ее вздымалась под блузой. Она озиралась, поводя одичалыми глазами. Когда взгляд ее обратился к скособочившемуся Джон-Тому, в них проступила озабоченность. Моргая, он держался за плечо.

— Все в порядке. Но успели вовремя. Спасибо. — Он поглядел вокруг. — Пог? Это тебя я должен благодарить?

— Факт. Иногда быть трусом полезнее. Когда я увидел, чдо основная-до свалка крутится вокруг дебя, до сразу понял, чдо они за добой увязались. И я назначил себя в резерв, чдобы помочь дебе или привести помощь.

— Ах ты, вероломный ханжа, — завопил с другого конца комнаты Мадж. — Клянусь, ты и не выбирался из своего резерва!

Последние похитители Джон-Тома уже пали или бежали, и выдр направился к столу, вытирая кровь, сочащуюся из пореза на груди.

— Погубил мне лучший жилет, надо же! В целых тридцать медяков обошелся... В Линчбени. — Ухмыльнувшись Джон-Тому, он прибавил: — Ничего, кореш, не расстраивайся, главное, что с тобой нормалек.

— Не загибай, твой жилет куда в лучшем виде, чем мое плечо. — Джон-Том сел с помощью Талеи. Она без церемоний ощупала рану, и молодой человек взвыл.

— Не веди себя как щенок. Кости целы, но, ручаюсь, такой синячище не пройдет и за несколько недель.

Обтерев нож о брюки, она показала на железную решетку над головой Джон-Тома. Он подошел — с того места, где он сидел, решетки не было видно.

— Можно заползти. Мы послушали, как ты разговаривал с этой шайкой, прежде чем стали их разгонять. — Она с интересом поглядела на молодого человека. — И о чем же вы говорили?

— Да ни о чем. — Джон-Том отвернулся. — Они хотели, чтобы я примкнул к ним.

— Ха! В чем это?

— Так, бандитские делишки, — не без легкого стыда пробормотал он.

— И что же это они предлагали?

Джон-Том гневно поглядел на Талею.

— Не о чем было и думать! — Он надеялся, что изображает негодование достаточно убедительно. — За кого ты меня принимаешь?

Она молча поглядела на него, потом ответила:

— За растерянного, упрямого, наивного, одаренного и, я надеюсь, разумного человека.

С этими словами она оставила юношу, чтобы помочь Флор, проверявшей, не осталось ли раненых у задней двери.

За спиной Джон-Тома Каз освобождал его руки от пут.

— Неловко вышло, друг мой.

— Врешь, длинные уши, чего там неловко — кроваво! — Теперь, после победы, Мадж вернулся к прежнему тону. — Тока я оказался в этой комнате, глянь, а он уж булавой замахивается, ну, думаю, на секунду, да опоздали. Хорошо еще, что рыжая руками крутит не хуже, чем попой. — И он быстренько огляделся, чтобы проверить, не слышала ли его Талея.

— Мадж, со мной все в порядке. — Веревки ослабли. Кровь возвращалась в кисти. Потирая их, юноша поднялся, возвышаясь над спасителями.

Мадж, Каз, Пог. Какие они «животные»? — подумал Джон-Том. Человеческого в них куда больше, чем в этих так называемых людях, которые его пленили. Мысль о том, что он мог их предать ради Броненосного народа, теперь причиняла ему почти физическую боль, и все мысли о власти и могуществе сами собой исчезли из головы. Не то чтобы он понял, что не в состоянии был их добиться, и не потому, что они были морально неприемлемы, — просто Джон-Том всегда умел поступать по справедливости.

«Какой из меня адвокат, — подумал он, — все дела проиграю. Но если я не могу противиться искушению власти и могущества... Черт, но ведь это всего лишь по-человечески.

Придется постараться, — сказал он себе, — быть может, я сумею избавиться от этих мыслей».

— У них тут был лазутчик от насекомых, — проговорил Джон-Том. — Они пытаются найти союзников среди местных жителей. Придется известить власти.

— Ей-ей, придется, приятель, — проговорил недоумевающий Мадж. — Подумать только, неужели эти пакостные жуки шныряют повсюду?

— Но как он сумел сюда проникнуть? — удивился Каз.

— Выглядел-то он человеком. Как и все остальные, — заметил Джон-Том. — Клотагорб знает, наверное, как это делается.

Из потайной двери появились Талея и Флор. Ни того, о ком говорил Джон-Том, ни этой сволочи...

Они с опаской двинулись к главной двери. Джон-Том собрал пожитки. Здорово это было — вновь ощутить руками гладкую поверхность дуары, почувствовать тяжесть посоха. Спутники для защиты кольцом окружили его. Мадж выглянул на лестницу, она была пуста.

Потом они припустили по коридору к улице. Джон-Том и Флор перепрыгивали через две ступеньки. Мадж и Талея первыми выскочили в ночной туман, она поглядела налево, он направо.

— Никого, — позвала Талея. И все вышли на мостовую.

Друзья направились обратно. Отыскивая глазами в окнах натянутые луки, они торопливо шли меж темных строений. Пог облетал переулки, разыскивая засады. Однако никто не препятствовал им.

Джон-Том споткнулся, плечо обожгло болью. Талея была рядом — несмотря на его неоднократные заверения, что все в порядке.

— Вот это банда, — проговорила она, внимательно вглядываясь в темноту. — А ты хорошо подумал, может, лучше примкнуть к ним? С помощью Броненосного народа они преуспеют.

— Зачем так глупить? — обрезал он. — Терпеть не могу насекомых.

— Тебе они ничего не сделали и твоему народу тоже. Мог бы помочь им, а не нам.

Сколько же она слышала из-за своей решетки, подумал Джон-Том. А потом понял, что девушка нервничает, а не сердится. Непривычная ранимость странной теплотой согревала его душу.

— Они мне несимпатичны, — спокойно ответил он. — Радости Ханниуза не для меня. Кроме того, ты мне нравишься. И Каз, и Мадж, и все остальные.

— Только-то?

— Только, Талея.

Казалось, она хотела что-то добавить, но вместо этого прибавила шагу.

— Лучше пойдем побыстрее. — Девушка заспешила вперед, и даже длинноногому чаропевцу пришлось поторопиться, чтобы угнаться за ней.

На них вдруг спикировал взволнованный Пог.

— Джон-Том, Джон-Том! Впереди неладно!

— Что? Что там творится, Пог?

— Суета и суматоха, босс. Народ валит, словно за ним сам Кагануф гонится. Долько я еще не вижу причины.

Они обогнули угол, и их едва не затоптали. По широкой улице толпой валили горожане, толкаясь и задевая путешественников.

Взволнованные еноты несли на руках младенцев с черными полосками шерсти поперек глаз, истерически мотались беличьи хвосты, муравьеды в ночных рубашках сталкивались с встревоженными обезьянами. Все вопили, визжали, кричали, в явной панике спасаясь от чего-то предельно ужасного.

— Что случилось, в чем дело? — спросила Талея у одного из беглецов.

Пожилая рысь в гневе замахнулась на девушку тростью.

— Прочь с дороги, женщина. Он взбесился. Он убьет всех. Пусти меня!

— Кто взбесился? Кто...

В другой лапе у кошки был увесистый кошелек, отягощенный, пожалуй, золотым запасом всего семейства. Она ударила им Талею по руке и вырвалась.

В толпе попадались и люди в ночной одежде и спальных колпаках. Своим ровным шагом они легко обгоняли коротконогих соседей, но были испуганы в не меньшей степени. Опередить людей способны были только редкие здесь крупные кенгуру и валлаби.

— Фаламеезар! Конечно, он, — с тревогой выпалил Джон-Том, — что-то стряслось в казарме.

— Тогда, может быть, лучше кому-то из нас подождать здесь? Вот мы с Погом могли бы задержаться на случай, если...

— Долько не я! — выкрикнул мыш. — Мой Мастер в беде. Я должен помочь ему.

— С чего это вдруг такая преданность, Пог? — Джон-Том не удержался и сказал это вслух.

— Не ему, а собственной заднице, — возмутился Пог. — У меня контракт с эдой двердой коровьей лепешкой, а чдо будед, если сдарого хрена раздавид раскаленная ящерица? — И он высоко взлетел над улицей, уклоняясь от несущихся навстречу взволнованных птиц и летучих мышей.

Начинало казаться, что до казармы они уже не доберутся. Однако толпы беженцев начали редеть. Наконец они исчезли вовсе.

Ночное небо впереди багровело, но не от восходящей луны. Обогнув еще один угол, они оказались на просторной площади перед казармой. Массивное сооружение пылало. Оранжевые языки вздымались к небу и от нескольких ближних строений. Однако пожар еще не дотянулся до обступивших площадь жилых домов. Городская стена была сложена из камня, и огонь не грозил ей; впрочем, сложенные возле нее тенты, знамена и прочие горючие вещи давно были охвачены пламенем и уже превращались в черный пепел, исчезавший в темном ночном небе.

Около ворот пристани кучками сгрудились встревоженные животные. Некоторые были облачены в полную форму, на других же красовались лишь отдельные предметы обмундирования. Позади стояло несколько больших трехосных фургонов, к которым

подсоединены были ручные насосы. По тревоге поднятые солдаты сжимали в руках топоры и копья, тем временем кучера отчаянными усилиями сдерживали каркавших и шипевших от страха яшериц, впряженных в фургоны.

От каждого из них в приоткрытые ворота бурыми змеями тянулись шланги, вне сомнения, погруженные в реку. Было понятно, что пожарная команда Поластринду способна управиться с пожаром, но не с иссиня-пурпурным бегемотом, что возился сейчас где-то за стеной огня, охватившего казарму.

— Клотагорб! Где Клотагорб? — завопил Пог, едва маленький отряд вышел на ведущую к воротам брусчатку.

Начальник одной из пожарных команд непонимающим взглядом поглядел на мыша и ответил не сразу.

— Ты про чародея-черепаху? — И без энтузиазма махнул влево. И вновь обратил свой взгляд к фронту пламени, явно пытаясь решить, стоит ли рисковать, приступив к тушению пожара, и тем самым привлечь к себе внимание дракона.

Клотагорба они обнаружили на невысокой скамеечке; старый чародей обозревал огонь. Время от времени изнутри горящей казармы слышался громовой рык, перемежаемый достойными Гефеста проклятиями.

Столпившись возле недвижного чародея, друзья беспомощно глядели на него. Тот явно глубоко погрузился в думы.

— Что здесь произошло, сэр? — спросила встревоженная Флор.

— Что? — Клотагорб огляделся, хмурясь какой-то мысли. — Что случилось? Ах да. Это все дракон. Мы с ним мирно беседовали. Все шло просто великолепно, мой мальчик. — Покорежившаяся оправа съехала набок, панцирь чародея почернел от сажи, он показался Джон-Тому очень старым.

— Я уже обдумывал, как завершить нашу беседу, когда вдруг явились двое караульных. Они спросили, где остальные. Я ответил, что спят, но они все равно остались. Наверное, хотели доказать свою смелость, посидев возле дракона. Фаламеезар назвал их товарищами, я объяснил стражам смысл этого слова. Завязался разговор, мне следовало бы прекратить его под первым же предлогом, однако дракон просто кипел желанием переговорить, наконец, по душам с представителями местного пролетариата. — Невзирая на жар от пламени, по спине Джон-Тома пробежал холодок.

— Чудище интересовали настроения в огромной коммуне, а также возможности укрепления солидарности пролетариата. Конечно, слова эти стражникам ничего не говорили. Мне, кстати, тоже, поэтому я никак не мог корректировать их ответы.

Но пожар вспыхнул не здесь. Скоро оба наших гостя принялись хвастать своими планами о том, как они оставят армию и разбогатеют. Я попытался утихомирить их, но запутался, пыта-

ясь объяснить все дракону, и уже не мог даже вспомнить нужное заклинание, чтобы заткнуть им рты.

Стражники продолжали брехать и перешли на своих состоятельных приятелей. Один из них оказался купцом, на него работали сто шестьдесят человек, шьющих одежду на продажу. Они принялись хвастать, как мало он платит им, сколь велика прибыль этого жулика, потом еще выразили надежду, что и сами будут когда-нибудь так благоденствовать.

— По-моему, добила дракона последняя наглость. Один из них посмел предложить ему поработать в кузнице на полицию — дескать, нужно наделать побольше оружия, чтобы было чем разгонять с улиц «жалких попрошаек, докучающих честным горожанам». Тут он словно потерял рассудок, ничего более уже не воспринимал, завел речь о предателях революции, о жадности капиталистов и принялся плеваться пламенем во все стороны. Я втянул голову в панцирь и пополз в сторону, иначе мне б не уцелеть. Оба стража-кролика вспыхнули как свечки, едва он на них дохнул. — Клотагорб грустно махнул рукой. — А теперь он решил испепелить весь город. Боюсь, что он еще не сделал этого лишь из-за ярости. Она просто душит его, даже огонь из горла не лезет.

— Почему тогда ты не остановил его? — Склонившись пониже, Талея кричала едва не в лицо чародею. — Ты — всемогущий волшебник. Ты — великий маг. Заставь его остановиться!

— Остановиться?.. Ах да — я думал. — Клотагорб подпер подбородок короткими пальцами. — Заговоры на драконов не менее сложны, чем сами чудища. Чтобы все получилось, нужны правильные ингредиенты. Я не знаю...

— Но надо же что-то сделать! — Она поглядела на слепящее пламя. Потом на Джон-Тома... Как и все остальные.

— Ну, будь хорошим добрым мальчиком, — проговорил Мадж и остерег: — Тока без глупостей. Так, приятель? — Выдра раздирал конфликт между здравым смыслом и желанием спасти собственную горючую шубу.

Но дуара уже была на животе Джон-Тома, он пытался сообразить, что следует петь. Про дождь он еще мог придумать несколько песен, но ливень, залив пожар, только разъярил бы дракона, но не решил проблемы. Тогда Фаламеезар, возможно, и не испепелит Поластринду, однако, судя по грохоту, доносящемуся из-за огня, дракон вполне способен уничтожить город и по-другому.

И Джон-Том отправился к казарме. Единственное возражение последовало со стороны Флор. Прочие даже не пробовали переубедить его. У них не было права на это, а он обязан был попытаться.

Ближайшая стена вдруг рухнула, рассыпая водопад горящих обломков и искр. Джон-Том заслонился дуарой и зеленым плащом. Из-за пламени послышался рев, огненный язык пробил еще стоявшую часть стены.

— Ты! Уклонист! Контрреволюционер! — сыпались из-за огня обвинения, впрочем, пока без сопровождения огня. Выглянув из-под капюшона, Джон-Том обнаружил прямо перед собой, ярдах в двух, огненную физиономию Фаламеезара. Огненный зрачок жег, клинки зубов отсвечивали кровью, драконья голова склонилась к Джон-Тому.

Глава 21

— Ложь, ложь и ложь! Ты обманул меня. — Огромная когтистая лапа махнула в сторону города. — Это не коммуна. Тут нет ничего похожего — здесь свили свое гнездо ядовитые капиталистические пороки. Какие здесь могут быть преобразования? Здесь нечего реформировать! Испепелить и истребить, чтобы...

— Подожди минуточку, Фаламеезар. — Джон-Том постарался изобразить праведное негодование. — Кто дает тебе право решать судьбу всех этих рабочих?

— Рабочие... Тьфу! — Пламя лизнуло мостовую справа от Джон-Тома. — Они трудятся, как рабочие, но мыслят — как империалисты! Что до моих прав — я как философ чист и устремлен к цели. Либо общество способно принять более благородный облик, либо никакое искупление уже невозможно! К тому же, — дракон плюнул огнем в ближайший ларек, немедленно вспыхнувший ярким пламенем, — ты лгал мне.

Нерешительность была чревата мгновенной кремацией, и Джон-Том ответил немедленно:

— Я не лгал тебе, Фаламеезар. Это еще складывающаяся коммуна, и население города в основном составляют рабочие.

— Это ничего не значит, если они охотно подчиняются эксплуатирующей их системе.

— Товарищ, ну какой может быть выбор у угнетенного рабочего? Легко говорить о революции тому, кто в двадцать раз крупнее любого, может изрыгать огонь и сеять разрушения. Ты, Фаламеезар, многого хочешь от бедного труженика, которому приходится заботиться о семье. Тебе же не надо этого делать, так ведь?

— Так, но...

— Легко ругать бедолагу за заботу о семьях. Или ты хочешь, чтобы они пожертвовали щенками и младенцами? К тому же у них нет твоего образования. Почему бы тебе не попробовать сперва просветить их? А вот если они отвергнут истинный путь и будут усердно предаваться порокам капитализма — тогда и настанет время истребления и очищения.

«К этому времени, — думал он, — я уже благополучно окажусь далеко-далеко от Поластринду».

— Но ведь они только изображают антибуржуазные наклонности, — уже с меньшей уверенностью проговорил Фаламеезар.

Тем временем Джон-Том все еще старался вспомнить песню, помогающую от драконов. Таковых он не знал.

«Стань дымом, чародей-дракон» — приятная песня, но неуместная. Думай, Джон-Том, думай!

Но времени на размышления не было, Джон-Том с трудом увязывал рассказ дракона в семантические узлы.

— Но не будет ли справедливо заранее предупредить всех, кого может коснуться твой гнев?

Голова Фаламеезара вознеслась в огненную мглу.

— Именно. Предупредить. А потом выжечь прежние пороки, чтобы установить новый порядок. Долой эксплуатацию, долой капиталистический труд на фабриках и заводах! Построим новую коммуну под знаменем истинного социализма.

— Разве ты не слышал мои слова? — Джон-Том отступил в тревоге. — И ты разрушишь дома невиновных невежественных рабочих?

— Это послужит им во благо, — твердо отвечал Фаламеезар. — Им придется заново, совместно, собственными руками построить свои дома. Зачем обогащать домовладельцев и лендлордов? Да. Эти люди получат возможность начать все заново. — И он задумчиво поглядел на ближайшую многоэтажку, раздумывая, каким наиболее эффективным способом «очистить» ее.

— Но ведь они уже ненавидят хозяев. — Джон-Том бежал рядом с шествующим драконом. — Зачем выставлять их на холод и под дождь? Сейчас требуется не насилие, но революционная диалектика.

Когти Фаламеезара царапнули мостовую подобно колесам огромной машины.

— Ты забыл про рабочих! — Джон-Том погрозил кулаком невозмутимому дракону. — Не забудь об их невежестве и предрассудках. — И тут пальцы его без раздумий легли на дуару, нужные слова сами собой сорвались с губ:

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.
Весь мир насилья мы разрушим...

При первых же волнующих словах «Интернационала» Фаламеезар замер как вкопанный. Голова его медленно повернулась и, раскачиваясь, обратилась к Джон-Тому.

— Смотри за ним, смотри, друг! — издалека завопил Мадж. Аналогичными предупреждениями разразились Каз и Флор, Талея и Пог.

Но дракон был полностью заворожен. Наставив крылышки ушей, он слушал то возвышающийся, то притихавший голос певца.

Наконец гимн кончился. Пальцы Джон-Тома в последний раз скользнули по струнам дуары, Фаламеезар медленно вышел из оцепенения и неторопливо кивнул.

— Да, ты прав, товарищ. Я сделаю, как ты сказал. На миг я забыл об истинно важных вещах. В своем стремлении установить правильные воззрения среди пролетариев я забыл о сочувствии. В своем гневе на пустяковую несправедливость я забыл о более важном деле. — Голова его низко склонилась. — Я забылся и приношу извинения за принесенный ущерб.

Джон-Том повернулся и отчаянно замахал руками, давая знать, что все в порядке. Фургоны пожарной команды Пола-стринду немедленно покатили вперед, шланги червями ползли следом. Руки и лапы легли на рукояти насосов, и скоро струи воды хлынули на пылающие казармы. Пламя сбили, зашипели горячие угли, и к небу повалили бурые клубы дыма.

— Подобное не повторится, — сказал приунывший дракон. — Я не забуду. — А потом огромный, обтянутый кожей череп склонился набок, и алый глаз обратился к Джон-Тому. — Но скоро здесь начнется революционный прогресс и хозяева будут изгнаны.

Джон-Том торопливо кивнул.

— Конечно. Но не забудь, что сперва нам придется победить самых жестоких, самых коварных из всех угнетателей.

— Помню. — Фаламеезар вздохнул и пыхнул дымом. Джон-Том инстинктивно отшатнулся, но пламени не последовало. — Мы нанесем удар, чтобы защитить всех рабочих. — Свернувшись огромным котом, он положил голову на переднюю ногу. — Я очень устал. Оставляю сегодняшние дела на тебя, товарищ. — Дракон закрыл глаза и, не обращая внимания на суету, дым и крики вокруг, безмятежно отошел ко сну.

— Спасибо тебе, товарищ Фаламеезар. — Джон-Том отвернулся. Когда он вспомнил жар на своем лице и слепую ярость в глазах дракона, его затрясло.

Друзья с опаской приближались к нему. Лица их выражали смесь облегчения и трепета.

— Какую чертовщину ты пел?.. Что это было за странное заклинание?.. Как это тебе удалось? — Таковы были их комментарии.

— Не знаю, не знаю, не уверен. Слова сами пришли ко мне. Запомнились во время прежних занятий, — пробормотал он, направляясь со всеми к городским воротам.

Ожидавший там Клотагорб поздравил его. Старый маг-чародей протянул руку молодому человеку.

— Деяние истинного чародея, мой мальчик, считаешь ты себя волшебником или нет. Я салютую тебе. Ты спас все наше предприятие.

— Боюсь, что мною двигало прежде всего желание спасти себя самого. — Он не мог глядеть в глаза волшебнику.

— Что мотивы... Существенны свершение и результат. Приветствую тебя — нового члена братства волшебников.

Джон-Том обнаружил, что прохладные пальцы старого волшебника с пылом сжали его руку.

— Наверно, было бы неплохо, если бы ты научил меня этим словам, на случай, если с тобой вдруг что-нибудь стрясется. Голос мой не слишком мелодичен, но я, по крайней мере, буду помнить очень могущественное заклинание; оно наверняка не раз пригодится, чтобы справиться с чудищем.

— Это заклинание годится для сдерживания чудищ разного рода.

Остальные слушали тоже, но слова не оказали на них никакого воздействия. Напротив тушили последние пожары. Излив ярость, Фаламеезар беззаботно похрапывал, восстановив внутреннее спокойствие.

На следующий день после Фаламеезаровой ночи последовало приглашение на Совет. Весьма сникший бобер сообщил, что все нужные представители собрались и ждут.

Джон-Том провел большую часть предшествующей ночи, наставляя Каза в социалистической фразеологии, поскольку на Клотагорба еще раз лучше было не полагаться. То, что кролик решил остаться и последить за спящим драконом, порадовало Джон-Тома.

Казу вызвались помочь Талея и Флор, это, напротив, расстроило молодого человека. И посему, приближаясь к зданию магистрата, он впал в мрачное расположение духа.

— Мальчик мой, — проговорил Клотагорб, — когда ты доживешь хотя бы до половины моего возраста, то поймешь, что любовь длится, но похоть скоротечна. Ты успел уже разобраться в том, в какую сторону направлены твои чувства, и в силе их? Если ты погружен в первую стихию — от всей души поддерживаю тебя. Если же во вторую — могу лишь выразить сочувствие в связи с подверженностью детским болезням, возникающим по чисто физиологическим причинам.

— Но что делать. — Джон-Том с каждым шагом сердито тыкал в мостовую концом посоха. — Да, физиологически — для меня. Но как вы можете судить об этом? Я слыхал, что черепахам в таких вопросах не свойствен особый пыл.

— И да, и нет. Главное — умственная реакция, потому что только ум способен отличить похоть от любви, но уж никак не тело. Если ты, мой мальчик, позволишь своим гонадам думать за тебя — ты ящерица, а не человек.

— Вам легко говорить. Наверное, за две с лишним сотни лет внутренние огни улеглись.

— Сейчас мы говорим о тебе, а не обо мне.

— Ну хорошо, я постараюсь сдерживать себя.

— Ну, и будь хорошим мальчиком. И еще — перестань выжимать из камней воду.

Джон-Том прекратил налегать на посох.

Мадж вышагивал возле молодого человека. Он купался во внимании, уделяемом ему пешеходами, останавливающимися, чтобы поглядеть на них, в любопытных взглядах из окон. Пог то трепетал крыльями, то величественно взмывал вверх, с безразличием проплывая в воздушных просторах мимо пернатых местных жителей. Хотя Клотагорб уже не опасался подвоха, он все-таки настоял, чтобы мыш держался на полет стрелы от земли. Пог мог отнести весть грозному дракону, по-прежнему безмятежно спавшему возле ворот у пристани.

— Все, присли, сэры. — Бобер остановился и пропустил их вперед.

Они поднялись по каменным ступеням. Вход под аркой с обеих сторон охраняли вооруженные стражники. Они взяли на караул, парадные панцири блестели на солнце, свидетельствуя о потраченном на полировку времени. Вмятины на металле говорили о деятельности иного рода.

На небольшой площади возле фонтана жизнь перед городским Магистратом мгновенно вернулась к обычному течению. Джон-Том помедлил, изучая мирные сценки.

Молодая волчица нянчила двоих щенят. Подрастающие зайчата и мускусные крысы заняты были игрой, напоминающей хоккей на траве: они гоняли палками потрепанный череп недавно гильотинированного преступника. Пара седых старцев неторопливо обсуждала политику и погоду: пожилой опоссум свисал с дубовой ветви, а его упитанный собеседник, полный лис в толстом пальто, сидел подле него на скамейке. Разговор шел, невзирая на противоположное положение собеседников в пространстве.

Часовщик и свечных дел мастер, стоя у дверей, обсуждали дела, наслаждаясь неожиданно выпавшим среди зимы теплым деньком. В часовую лавку вошел покупатель, и владелец, облаченный в фартук гиббон, чуть помедлив, последовал за ним, чтобы вернуться к торговле.

Может быть, этот теплый день несет добрый знак, подумал Джон-Том, отворачиваясь от мирной картины. Трудно было представить, что все, кто сейчас развлекался и судачил на площади, скоро умрут или окажутся в рабстве.

Все выглядело просто до невозможности нормально. Казалось, только моргни — и увидишь беседующих стариков, резвящихся мальчишек и девчонок. Да они и были стариками, девчонками и мальчишками — только физиономии покрыты мехом. Главное, что в жилах всех текла теплая кровь. А все прочее — от лукавого.

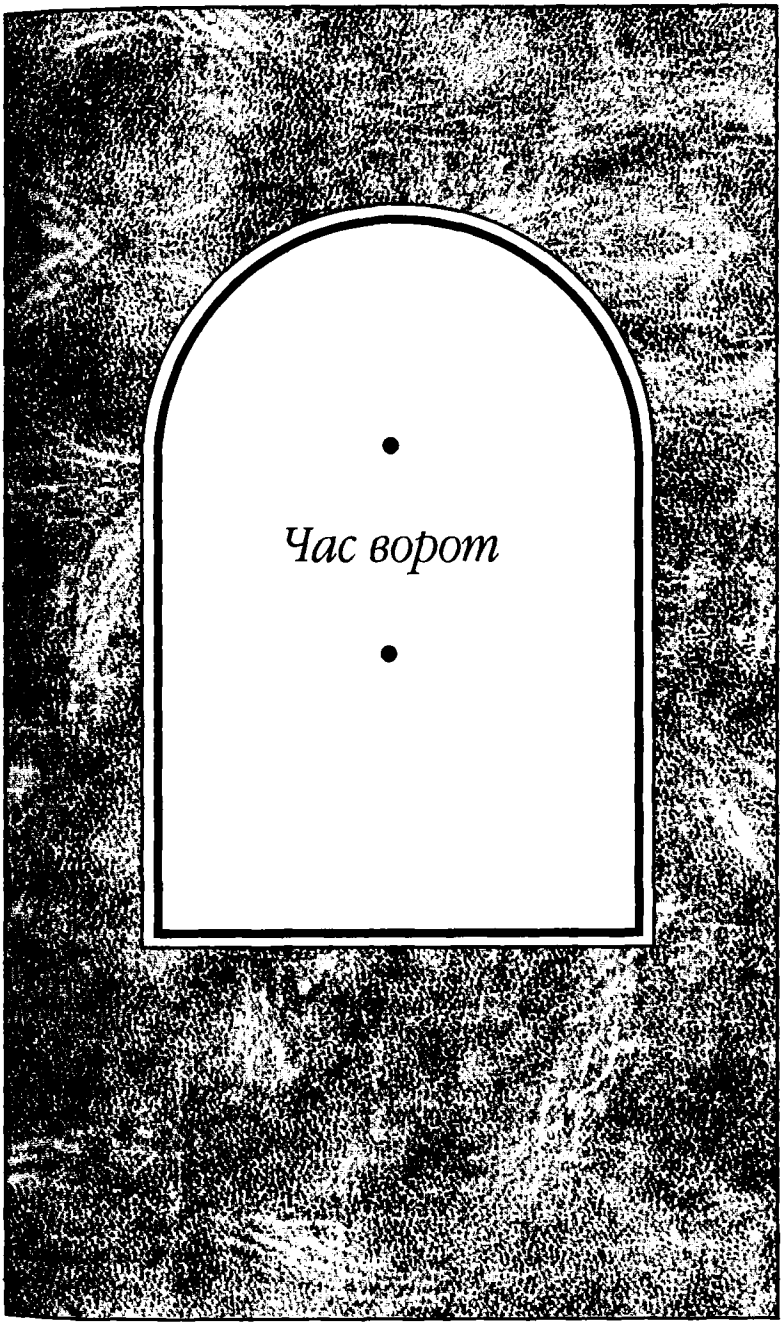
Он поглядел вперед — в открывшийся перед ним зал. Сейчас

они окажутся перед враждебно настроенным, склонным к подозрительности Советом, его придется убеждать в существовании грозящей опасности. Надо бы все-таки овладеть магией, заключенной в его собственном голосе и дуаре. Перед ним сейчас окажутся не преподаватели, нужно будет говорить не о содержании курсовой на какие-то там ненужные исторические темы. Речь пойдет о миллионах жизней. О будущем их мира и его собственного тоже.

Впрочем... Сейчас это и его мир. Мрачное будущее, увиденное Клотагорбом, грозит и ему самому. Рядом были друзья, готовые помочь и ободрить. Никогда еще Флор Кинтера не казалась ему такой прекрасной, как во время боя, с ругательствами на устах. Придется говорить громко и втихую надеяться.

— Идем, и пусть наши предки силой своей помогут нам, — объявил Клотагорб, одолев последние несколько ступеней.

Джон-Том мог лишь согласиться, однако, минуя ряды солдат, выстроившихся по обе стороны коридора, ему вдруг захотелось травки — и совсем не той, что росла на газоне у входа.


Час ворот

Посвящается трио,
которое не сложилось,
хотя и обязано было существовать.
Дженис, Арете, Билли.
Дамы, благослови вас Господь.

Глава 1

На самом верху лестницы Джон-Том пошатнулся. Все неправильно, подумал он. Не то место и не то время. И не он стоит перед входом в странное здание Совета в городе под названием Поластринду. И нет выдра ростом в пять футов в высокой зеленой шапке и яркой одежде, что внимательно разглядывает его, ожидая очередного обморока. И нет двуногой черепахи в очках, с кислым выражением ожидающей, пока Джон-Том придет в себя, чтобы продолжить труды по спасению мира. Нет рядом огромного, до чрезвычайности уродливого летучего мыша, бурчащего себе под нос что-то о грязных горшках, сковородках, о чрезмерных трудах и о том, как тяжело в одиночку выполнять обязанности фамулуса.

К прискорбию Джон-Тома, реальность от его отрицаний не изменилась.

— Че ты, приятель, — поинтересовался выдр по имени Мадж. — Опять собрался заблевать нас с ног до головы?

— Прошу прощения, — извиняющимся тоном проговорил Джонатан Томас Меривезер. — Перед устным экзаменом у меня всегда голова кружится.

— Приободрись, мой молодой друг, — сказал чародей Клотагорб и похлопал себя по панцирю. — Все переговоры буду вести я. Ты подтвердишь мою правоту своим присутствием, а не словами. Пошли. Время теряется понапрасну, а мир близится к драме. — И маг вперевалку вошел в здание. Уже который раз за время, проведенное в этих краях, Джон-Том испытал прилив надежды — быть может, после разрешения кризиса волшебник все-таки сумеет переправить его обратно.

Оказавшись внутри, они миновали писцов, клерков и прочих чиновников, оборачивающихся им вслед. Сам зал был сложен из камня и облицован деревом, ошкуренным и отполированным до блеска. Красную древесину усеивали канареечно-желтые пятна сучков, так что бревна смотрелись как мраморные колонны.

Вошедшим встретились две занятые спором группы. С приближением их перепалка прекратилась по вполне понятным причинам: все жители Поластринду теперь знали о них... Во всяком

случае, слышали о хозяевах дракона, едва не спалившего вчера город.

Пришлось подняться на пару лестничных маршей. Клотагорб усердно пыхтел, стараясь не отставать. Потом перед ними оказались прекрасные черно-желтые двери из конского каштана с каповыми наплывами, ведущие в небольшой зал.

Там на возвышении стоял длинный стол, концы которого бычьими рогами загибались вперед. За отдельным столиком справа сидел небольшой оцелот в очках. Гусиное перо, которое он держал в лапах, деревянными планками было соединено с шестью другими перьями, располагавшимися над более просторным столом с шестью свитками. Хитроумное устройство позволяло писцу, кроме оригинала, делать сразу шесть копий. Рядом стоял помощник-волчонок. В его обязанности входило менять свитки или же поправлять перья по мере необходимости.

За столом на возвышении восседал Главный Совет города, графства и провинции Великое Поластринду — самого крупного и влиятельного государства в Теплых землях.

Джон-Том внимательно посмотрел на советников. Крайний слева — франтоватый хомяк, облаченный в шелк, кряква... с цепями на шее и золотым колечком в ухе. Следующей была упитанная гоферша, облаченная в розовые одеяния. Как и следовало ожидать, к ее физиономии плотно прилегали темные очки. Надо думать, сия упитанная дама представляла ночное население города. Глаза юноши торопливо обежали остальных.

Выделялись, пожалуй, всего две личности. За дальним концом стола восседал высокий хорь, одежда которого была похожа на мундир и выглядела весьма воинственно, даже если и не являлась таковым. Плечи черно-синего кителя украшали серебряные эполеты, на рукавах были нашиты шевроны. Грудь смертоносным крестом перечеркивали ленты с небольшими стилетами. Одеяние было настолько безупречным, что Мадж зашептал себе под нос что-то о пылеотталкивающем заклинании.

Осанка хоря полностью соответствовала костюму. Он высился в кресле, не склоняясь к столу, и обнаруживал при этом больший интерес к происходящему, чем остальные члены Совета.

Джон-Том попробовал представить себе, о чем они думают, глядя на стоящую перед ними крошечную группу. Физиономии выражали различные степени страха и изумления. Лишь хорь проявлял интерес.

Другая видная фигура располагалась в центре стола, меж двух почетных насестов, служивших опорой представителям пернатого населения Поластринду.

На одном из них сидел крупный ворон, в данный момент ковырявший в клюве серебряной палочкой, непринужденно зажатой в левой лапе. На нем были красно-охристый с зеленью килт и тех же цветов жилет. На втором насесте обосновался самый ма-

ленький из обитателей Теплоземелья, с каким уже приходилось встречаться Джон-Тому. Здешний колибри едва превосходил размерами голову человека. Над длинным клювом торчал великолепный хохолок; пышный килт и жилет были богато расшиты самоцветами. Птица словно бы вылетела из сокровищниц Дрездена.

Килт был обшит по подолу золотой нитью, рубиновое горлышко украшало ожерелье — тончайшая золотая филигрань. Шляпа походила на австралийскую. На радужной голове ее удерживала золотая нить.

Джон-Том подивился шляпе: водрузить ее на голову, учитывая длинный клюв, не столь уж простое дело, если только на нитке не спрятана где-то крошечная пряжка.

Итак, были представлены все уголки провинции и все виды жителей. Доминировали над всеми неподвижный хорь у края стола и коренастая фигура в центре его.

Когда сей гражданин отодвинул стул и поднялся, глаза всех обратились на него. На носу барсука покоились очки, такие же, как и у Клотагорба. Мех на спине серебрился, свидетельствуя о возрасте.

Когти его были коротко подстрижены. Невзирая на цивилизованный облик председателя, маникюр этот порадовал Джон-Тома, знавшего о свирепости барсуков и их упорстве в бою. Глубоко посаженные черные глаза уставились на вошедших. Барсук был облачен в камзол с жестким стоячим воротником, украшенный лишь золотым цветком на лацкане. Он стукнул лапой по столу. Джон-Том не знал, что их ожидает, однако гневный взрыв совершенно не походил на приветствие, на которое молодой человек все же рассчитывал.

— Итак, зачем вам потребовалось тащить в город огромную огнедышащую тварь, жечь казармы у гавани, мешать коммерции, возмущать покой горожан... сеять среди них страх и панику? — взвыл, следуя за указующим перстом, возмущенный голос. — Назовите хотя бы одну причину, дабы я мог избавить вас от сурового наказания.

Джон-Том разочарованно поглядел на Маджа. Ответил Клотагорб, самым терпеливым тоном:

— Мы прибыли в Поластринду, друг, чтобы...

— Перед вами — мэр и президент Совета, Вукль Трехполосный, — фыркнул барсук. — Извольте обращаться ко мне, как требуют того титул и положение!

— Мы прибыли сюда, — продолжал спокойно волшебник, — по делу, жизненно важному для каждого жителя цивилизованного мира. И вам подобает внимательно выслушать то, что я собираюсь сказать.

— Ага, — подтвердил Пог, опустившись на один из разбро-

санных по залу насестов. — А будете хлопать ушами, наш приятель дракон живо испепелит ваше крысиное гнездо.

— Пог, заткнись. — Клотагорб бросил негодующий взгляд в сторону мыша.

Когда чародей отвлекся на Пога, объемистая гоферша наклонилась к барсуку и елейным, безусловно дамским, тоном проговорила:

— Сказано грубо, мэр-президент, но в словах этих есть истина.

— Я не позволю шантажировать меня, Певмора. — Барсук поглядел в другую сторону и спросил уже менее воинственно: — А что скажете вы, Аветикус? Следует выпустить им кишки прямо сейчас или же подождать?

Хорь говорил так тихо, что Джон-Том сумел расслышать голос его лишь с трудом. Тем не менее создание это словно излучало холодную силу. Как и подобает будущему юристу, Джон-Том мгновенно подметил, что остальные члены Совета сразу прекратили переговариваться, ковырять в зубах и клювах и начали внимательно слушать.

— По-моему, их следует сперва выслушать. Не только из-за дракона, против которого я своих солдат не поведу. Признайте: нам нечего противопоставить его огненному дыханию. Кроме того, в словах гостей чувствуется добрая воля. Пока не знаю, насколько в действительности важно их дело, однако пришли они из лучших побуждений. Да и с виду перед нами отнюдь не глупцы.

— Разумно подмечено, юнец, — буркнул Клотагорб.

Хорь едва заметно кивнул, не обращая внимания на то, что его обозвали щенком, и столь же сдержанно улыбнулся, приоткрыв острые белые зубы.

— Безусловно, добрая черепаха, но если вы попусту потратите наше время или действительно собираетесь причинить Поластринду вред, нам придется принять другие меры.

Клотагорб отмахнулся.

— Спасибо, что глупцами нас не сочли. Примите взаимные уверения. А теперь не будем рассуждать о мотивах и времени, поскольку его-то у нас крайне мало.

И маг пустился в долгие, уже знакомые объяснения по поводу опасности, которую представляет собой Броненосный народ, учитывая долгие приготовления, огромную армию, а также неведомое чародейство.

Когда он закончил, воинственный пыл барсука ничуть не умерился.

— Броненосный народ! Броненосный народ! Вечно какой-нибудь идиот-прорицатель является с воплем: идут броненосные! Идут броненосные! Только панику сеют. — Он опустился в кресло и саркастическим тоном продолжил: — Или ты считаешь, что нас можно запугать баснями, которыми мамаши потчуют щенков? Неужели мы поверим всему, что выложит нам всякий свих-

нувшийся претендент на верховную власть? За кого ты нас принимаешь, незнакомец?

— За упрямцев, — терпеливо продолжал Клотагорб. — Клянусь честью волшебника, не запятнанной за две сотни лет, клянусь своим положением в Гильдии: все, что я сказал вам, — чистая правда.

Он показал на Джон-Тома, молчаливо выжидавшего и слушавшего.

— Вчера этот молодой чаропевец своими глазами видел в вашем городе лазутчика броненосных. Он явился, чтобы сеять раздоры среди жителей и, судя по словам моего юного друга, был прекрасно замаскирован.

Это заявление мгновенно вернуло к жизни самых вялых членов Совета.

— Один из них?.. Прямо в городе!

— Он пытался возмутить вид против вида, — подчеркнул волшебник.

За длинным столом раздались недоверчивые восклицания.

— Он хотел, чтобы я примкнул к его марионеткам. Люди, которых он вербовал, говорили, что броненосные обещали им власть над Теплыми землями после победы. Я-то ни на грош не поверил ему, но я разбираюсь в таких вещах куда лучше, чем эти бедные обманутые люди. Не думаю, что у него найдется много приверженцев. Тем не менее вы должны знать: Броненосный народ уже пытается внести раздор в ваши ряды.

Бормотание советников из нервного стало сердитым.

— Где он? — вскричал вдруг колибри, вспорхнул с насеста и, трепеща крылышками, повис в каких-то дюймах от лица Джон-Тома. — Где этот дохлый жук и его бесперые подручные? — Яростные птичьи глазки буравили глаза человека. — Я им глаза повыклюю. Я...

— Сядьте на место, советник Миллеводдеварин, — сказал Вукль Трехполосный, — следите за собой. Я не потерплю анархии на заседаниях.

Колибри яростно воззрился на мэра, что-то буркнул и возвратился на место. От распиравшего его раздражения крылышки продолжали трепетать, и их пришлось приглаживать длинным клювом.

— Среди любого вида могут найтись свои фанатики-экстремисты, — задумчиво проговорил мэр. — Наши люди не склонны к расовым предрассудкам. Мы предупредим их, но это неважно. Когда наступает время выбора, здравый смысл всегда торжествует над эмоциями. У людей, надеюсь, все-таки хватит ума понять, что нашествия броненосных они не переживут.

Барсук улыбнулся, и шерсть на темной маске около глаз пошла морщинками.

— Впрочем, прежде подобные вторжения успеха не имели.

Ни разу — за несколько десятков тысяч лет. Через Зубы Зарита нет иного пути, кроме Прохода Джо-Трума. А две тысячи лет назад Усдретт Оспринсприйский в знак своей победы над броненосными воздвиг там великую стену, укрепленную и усиленную последующими поколениями защитников. Врата ни разу не были открыты силой, ни одно войско броненосных не смогло приблизиться к стене. Их даже в Проход никогда не пускали.

— Слишком они прямолинейны, — добавил ворон, взмахнув для убедительности крылом. — Действуют без выдумки... Не умеют противостоять импровизации. Как приготовились, так и воюют, а когда с ними обходятся иначе, не могут вовремя перестроиться. Скажем так: последняя попытка вторжения закончилась для них куда хуже, чем предыдущие, — настоящей катастрофой. И поражения их раз от разу становятся все серьезнее. Впрочем, эти наскоки полезны для Теплоземелья — они не позволяют народу расслабиться, оттачивают мастерство солдат. Тем не менее мы не можем позволить себе расхлябанности. Постоянный отряд у Врат способен отразить любую атаку, прежде чем подойдет необходимое подкрепление.

— Будет не обычное нападение, — настаивал Клотагорб. — Броненосный народ подготовил самое многочисленное и умелое войско... Такого ему еще не удавалось собрать. Кроме того, у меня есть основания полагать, что они овладели новой таинственной магией, жуткой мощи которой нам нечего противопоставить, а злую суть ее даже я не могу постичь.

— Опять эта магия! — Вукль Трехполосный сплюнул на пол. — А ведь ты, незнакомец, еще не представил нам доказательств того, что являешься волшебником. Остается верить на слово.

— Вы хотите назвать меня лжецом, сэр?

Понимая, что все-таки хватил через край, мэр чуточку сбавил тон.

— Я этого не говорил, незнакомец. Однако ты, конечно, понимаешь мое положение. Как можно рассчитывать, что я подниму тревогу во всех цивилизованных Теплых землях по требованию одного гостя? Такое доказательство едва ли можно считать достаточным.

— Доказательство? Я тебе сейчас представлю доказательство.

В волшебнике вскипела кровь. Подумав, он извлек из ящичков пару порошков, высыпал их на пол, поднял обе руки и неторопливо повернулся на месте, возглашая:

> Теплый фронт, холодный фронт, поддержите мой афронт.
> Изобары, изотермы, потенциал копите.
> Нимбусы, кумулосы... Разделяйтесь, полюса,
> Ионы, собирайтесь, мчите и врагов моих разите.

Громовой раскат оглушил всех в зале, ударила молния. Ослепленный Джон-Том, вставая с пола, заметил, как рядом медленно поднимается Клотагорб, поправляя очки.

Вукль Трехполосный распростерся прямо перед ними — его выбросило из-за стола вперед. На месте почетного кресла дымилась кучка пепла. В толстом оконном стекле появилась дырочка — в том месте, куда угодила крошечная молния. Абсолютно ясный и безоблачный день лишь усилил впечатление от доблестного деяния.

Мэр отказался от помощи советников. Почистившись и поправив одежду, он направился обратно к своему месту. Принесли новое кресло и поставили над кучкой пепла. Прочистив горло, барсук слегка поклонился.

— Не буду спорить, вы доказали, что являетесь волшебником.

— Рад, что предъявленное доказательство вас удовлетворило, — с достоинством ответил Клотагорб. — Извините, кажется, я слегка перестарался. Старинные заклинания — вещь нешуточная, не часто приходится пользоваться ими так вот, напоказ.

Писец уже вернулся к своему множительному устройству и строчил в оригинале и во всех шести копиях.

— Итак, лазутчики броненосных слоняются по нашему городу в облике людей, — пробормотал один из советников. — Сеют межвидовые раздоры, склоняют к войне... Великое и странное волшебство свершилось в палате Совета. Безусловно, знаки эти предвещают необычные события. Возможно, вторжение на этот раз может пройти по-другому.

Суслик склонился вперед и, скрестив пальцы, заговорил высоким, чирикающим голосом:

— Существует множество видов магии, дорогие коллеги. Безусловно, умение вызывать гром и молнию впечатляет, однако оно не имеет никакого отношения к предсказанию будущего. Вы считаете возможным объявить мобилизацию в Поластринду, увидев одну только молнию. Следует ли нам, полагаясь на одно это свидетельство, посылать гонцов в далекий Снаркен, в Л'бор и Йул-пат-помме, в прочие города и селения Теплоземелья? Следует ли приказывать фермерам оставить поля, юношам — своих любимых, а летучим мышам — ночную охоту? Остановится торговля, погибнут состояния, разбиты будут жизни. Это серьезнейший вопрос, коллеги. И ответить на него можно, лишь имея в своем распоряжении слова и деяния более чем одной персоны. — Он почтительно протянул обе руки в сторону Клотагорба. — Пусть даже столь умудренной в колдовских науках, как вы, сэр.

— Значит, вам нужны еще доказательства? — спросил Джон-Том.

— Более конкретные, высокий человек, — подтвердил суслик. — Война — дело серьезное. Следует напомнить членам Совета, — он глянул на сидящих за столом, — что если вторжение не произойдет, если не будет вашей необычной войны, то на следующий год пойдем на удобрение мы с вами, а не наши гости. — Кро-

шечные черные глазки обратились к Джон-Тому. — А посему я рассчитываю на известное понимание с вашей стороны.

В зале раздались негромкие аплодисменты, к которым не присоединился лишь колибри Миллеводдеварин. Он все еще бормотал:

— Мне нужны эти предатели! Я хочу выклевать их поганые глаза!

Коллеги не обращали на него внимания: колибри воинственны и не склонны к размышлениям.

— Значит, вы получите более основательные доказательства, — ответил утомленный волшебник.

— Мастер? — Пог с беспокойством глянул на чародея. — Чдо вы дам задумали?.. Новое заклинание сразу же после первого? Лучше не надо, а?

— Неужели я настолько одряхлел, Пог?

Мыш, помахав крыльями, решительно ответил:

— Ага, дак дочно, босс.

Клотагорб неторопливо кивнул.

— Я ценю твою заботу, Пог. Из тебя еще выйдет хороший фамулус.

Мыш улыбнулся в ответ. Улыбка была ничуть не приятнее оскала, однако видеть приветливое выражение на вечно раздраженной физиономии крылатого ученика чародея никому еще не доводилось.

— Что ж, придется потрудиться. — Маг поглядел на Джон-Тома, потом на Маджа. — Из всех здесь присутствующих ты ближе всего к низам населения.

— Благодарю, ваше чародейство, — сухо отвечал выдр.

— Каким образом я мог бы убедить тебя в реальности угрозы?

— Ну, не знай я обо всем, потребовались бы доказательства... — задумался Мадж, — лучше, чтоб мне все показали.

Клотагорб согласился:

— Так я и думал.

— Мастер... — вновь вступил Пог.

— Все в порядке, у меня хватит сил. — Лицо волшебника стало бесстрастным. Он погрузился в глубокий транс. Не столь всепоглощающий, как то было с М'немаксой, но Совет почтительно притих.

В комнате вдруг потемнело, шторы сами собой задернули сумрачные окна. За длинным столом встревоженно зашептались, однако никто не шевелился. Хорь Аветикус, как заметил Джон-Том, не проявил ни малейшего беспокойства.

В дальнем конце палаты соткалось облачко довольно странного вида — плоское и прямоугольное. Внутри него появилась картинка. Когда она обрела резкость, советники разразились восклицаниями ужаса и отвращения.

В облаке маршировали полки насекомых, над рядами выси-

лись пики, копья, шлемы, мерцали мечи и щиты. Огромные генералы броненосных руководили войском, растянувшимся по туманной равнине, насколько мог видеть глаз. Шли тысячи... тысячи тысяч насекомых.

Видение разворачивалось, и советники начали тревожно переговариваться:

— А они лучше вооружены, чем прежде... Смотри-ка, действуют вполне осмысленно... В них чувствуется уверенность... Прежде этого никогда не было. Но сколько их... Сколько же их!

Картина изменилась: в облаке поплыли каменные лабиринты и сооружения, глыбой выросли тяжелые контуры замка Куглух.

Картинка перескочила на одну из темных туч, задрожала и исчезла. Облако с хлопком рассеялось, и свет возвратился в палату.

Клотагорб, раскачиваясь, сидел на полу, Пог, трепеща крыльями, подносил ему фиал. Волшебник сделал большой глоток, покачал головой и вытер рот тыльной стороной руки. Потом поднялся с помощью мыша и неуверенно улыбнулся Джон-Тому.

— Получилось неплохо. Впрочем, до замка не дотянулся. Далековато, да и охранительные заклинания мешают. Сбился по вертикали. — И маг начал оседать. Джон-Том едва успел подхватить старого чародея.

— Вам не следовало этого делать, сэр. Такая слабость...

— Пришлось, мой мальчик. — Он качнул головой в сторону длинного стола. — Из-за нескольких твердолобых.

Советники переговаривались между собой, но, услышав голос Клотагорба, умолкли.

— Я хотел показать всем внутренности замка, однако тайны его ограждены слишком могучими чарами.

— Но откуда вам известно об этой новой магии? — поинтересовалась все еще недоверчиво гоферша.

— Я призывал М'немаксу.

В удивленных возгласах неверие смешалось с трепетом.

— Да, я сделал это, — с гордостью проговорил Клотагорб, — невзирая на жуткую участь, которую сулила мне и моим спутникам неудача.

— Но если вы сделали это один раз, почему бы снова не призвать этого духа и не выяснить у него истинную природу зла, угнездившегося в Куглухе? — спросил один из советников.

Клотагорб негромко расхохотался.

— Я вижу, здесь нет знатоков магии. Жаль, что на Совете отсутствует местный чародей или волшебница. Удивительно, что мне вообще удалось это сделать. Попытайся я рискнуть снова, скорее всего, М'немакса вырвался бы на волю и в долю секунды от нас остались бы лишь горелые кости да мясо...

— Понятно, теперь понятно, — поспешно согласился советник.

— Придется полагаться лишь на себя, — сказал Клотагорб. — Силы извне не спасут нас.

— Наверно, следовало бы... — начал кто-то из собравшихся, поглядев налево, как и все остальные.

Хорь Аветикус встал.

— Я объявлю мобилизацию, — негромко заявил он. — Армия соберется через несколько месяцев... Я обращусь к своим коллегам в Снаркене, Л'боре и прочих городах и селениях. — Он невозмутимо поглядел на Клотагорба. — Мы встретим нападение, сэр, всеми силами, какими располагают Теплые земли. На вашу долю остается то самое черное чародейство, о котором вы говорили. Мне не по вкусу бой, если не видишь противника. Но я уверяю вас: ни одно существо из плоти и крови не пройдет Трумовым Проходом.

— Генерал Аветикус, решение еще не принято, — запротестовала гоферша.

Узкая физиономия хоря повернулась к коллегам.

— Наши гости, — он показал на четырех странников, — свой выбор сделали. Учитывая их слова и поступки, я принял свое решение. Мобилизация будет объявлена. Решайте сами, благословите вы этот шаг или нет, но армия будет готова. — И он коротко поклонился Клотагорбу. — Высокоученый сэр, я прошу прощения, но у меня очень много дел.

Повернувшись, Аветикус вышел из комнаты на коротких, но сильных ногах. Джон-Том с восхищением глядел ему вслед. С этим хорем он охотно познакомился бы поближе.

После неловкой паузы советники возобновили беседу.

— Ну, если генерал Аветикус сразу принял решение...

— Отлично, — заявил жужжавший над столом колибри. — Решение принято без нашего участия. И не ими. — Он коротко махнул крылом в сторону гостей. Движение было настолько быстрым, что Джон-Том не поручился бы, что на самом деле видел его, а не придумал. — Генералом. Все знают, насколько он рассудителен. А раз так, причин для разногласий не остается. Мы должны действовать, как единый ум, единое тело, и отразить угрозу. — Он взмыл повыше.

— Я извещу воздушные силы, чтобы они могли немедленно скоординировать свои действия с армией. Вышлю кречетов в дальние города, дабы все узнали, что броненосные снова вышли в поход — более сильными и прожорливыми, чем прежде. На этот раз, братья и сестры, мы должны нанести им настоящее поражение, такое, от которого можно оправиться лишь через тысячелетия!

В палате послышались редкие возгласы одобрения. Один из них сорвался с уст волчонка, приставленного к свиткам. Писец с неодобрением глянул на юнца, немедленно уткнувшегося в бумаги. Тем временем Миллеводдеварин упорхнул через открытое окно.

— Похоже, вы добились своей цели, — заметила гоферша, поправляя ресницы. На толстой шее ее сверкали драгоценные камни, на каждом пальце было по перстню. — Все воинственно настроенные животные пойдут за вами. Весь мир отзовется на сигнал тревоги. — Покачав головой, она мрачно улыбнулась. — Но сохрани вас небеса, если ваши предсказания окажутся ошибкой.

— Признаюсь, мадам, в данном случае я и сам предпочел бы ошибиться. — Клотагорб поклонился ей.

Отбросив помпу и официоз, советники спускались с помоста, обмениваясь рукопожатиями и объятиями.

— Ну, на этот раз шестиногих тварей ждет истинный конец!

— Не о чем беспокоиться, хорошая будет драчка!

Даже мэр недовольным тоном выразил согласие — его все еще раздражало то, что генерал Аветикус не стал дожидаться окончания совещания и голосования по решению. Но теперь делать было нечего. После всех свидетельств, столь наглядно представленных Клотагорбом, не стоило даже пытаться оспорить его слова.

— Сообщите нам немедленно, сэр, — обратился он к Клотагорбу, — если в планах броненосных обнаружатся перемены.

— Конечно.

— Теперь остается еще один вопрос: до выступления армии вас следует устроить в новом обиталище, более уютном и элегантном. Дипломатов мы размещаем в гостиницах. Я полагаю, вы подходите под это определение. Но вот что делать с вашим огромным огнедышащим другом, испепелившим собственную квартиру?

— Мы сами позаботимся о нем, — заверил мэра Джон-Том.

— Будьте любезны не забывать об этом. — К Вуклю Трехполосному понемногу возвращались начальственные манеры. — Тем более что пока именно он и представляет единственную реальную опасность для нашего города.

С этими словами барсук отвернулся, чтобы присоединиться к оживленной беседе, завязавшейся между несколькими членами Совета.

Оказавшись за дверями палаты, Джон-Том и Мадж поздравили Клотагорба.

— Во было представление, шеф, самое настоящее. — В голосе выдра слышалось восхищение. — Видели б вы их рожи, кагда они пялились на марширующих жучил.

— Вы добились своего, сэр, — согласился Джон-Том. — Армии Теплоземелья будут ждать Броненосный народ в Проходе Джо-Трума.

Но заложивший руки за спину волшебник не выглядел довольным. Джон-Том, хмурясь, спускался рядом с ним по лестнице во двор ратуши.

— Разве не этого вы хотели, сэр? Или мы добирались сюда ради чего-то другого?

— Хм-м-м? Ах да, мой мальчик, этого я и хотел. — Волшебник по-прежнему казался унылым. — Боюсь только, что армии даже всех графств, городов и селений Теплоземелья не сумеют отразить эту угрозу.

Джон-Том и Мадж переглянулись.

— Ну что мы еще можем сделать? — осведомился Мадж. — Нельзя ж драться тем, чего у тебя нет, ваша магикальность.

— Нельзя, добрый Мадж. Но, возможно, у нас еще не все готово.

— Прошу прощения, сэрра?

— Еще не время отдыхать.

— Тагда, значица, вы, шеф, помозгуйте, а потом дадите нам знать.

Расстроившийся Мадж заподозрил, что скорое возвращение в родные окрестности Линчбени и Колоколесья его не ждет.

— Так я и сделаю, Мадж, и ты будешь знать, когда я надумаю известить всех остальных.

Глава 2

Новые апартаменты были просто роскошными по сравнению с казармой, в которой они провели свою первую ночь в Поластринду. По просторной комнате были расставлены редкие зимой свежие цветы. Гостей поселили в лучшей гостинице города, о чем свидетельствовал интерьер. Даже потолок оказался достаточно высоким, так что Джон-Том мог выпрямиться, не опасаясь разбить голову о люстру.

Вокруг центрального зала, целиком предоставленного в их распоряжение, находились спальни. Джон-Тому все-таки пришлось пригнуться, когда он зашел в свою округлую комнатку.

Каз откинулся на спинку кресла, слегка выставив уши вперед. В одной лапе его был бокал, в другой же — изящный серебряный кувшин, из которого кролик как раз и наливал темное вино.

Флор сидела возле него, Талея располагалась с другой стороны. Все трое смеялись какой-то шутке. Заметив вошедших, они поздоровались и умолкли.

— Можно не спрашивать, как все прошло, — заговорила смышленая Талея, укладывая ноги в сапогах на безукоризненно чистую кушетку. — Вы ушли, потом явился целый отряд услужливых лакеев. Они забрали нас из казармы и разместили здесь — в этой золоченой дыре. — Она пригубила бокал, беззаботно пролив вино на прекрасный ковер. — Подобные приключения мне больше по вкусу, вот что я вам скажу.

— А что ты сказал им, Джон-Том? — поинтересовалась Флор.

Он подошел к открытому окну, опустил ладони на подоконник и посмотрел на город.

— Поначалу дела складывались не слишком удачно. Большой барсук по имени Вукль Трехполосный буянил и грозился упечь нас в тюрьму. Нетрудно понять, как он сумел стать мэром в таком грубом и большом городе, как Поластринду. Но Клотагорб испепелил под ним кресло, и все пошло по-другому. Они отнеслись к нам серьезно. Еще у них есть один генерал по имени Аветикус. У него здравого смысла больше, чем у всех прочих членов Совета, вместе взятых. Когда он решил, что услыхал уже достаточно, то сразу взялся за дело. Остальные спорить с ним не рискнули. По-моему, мы ему понравились, впрочем, за столь холодной и невозмутимой физиономией ничего не разглядишь. Но когда он говорит, все прочие слушают.

Внизу, в тени у каменной стены, свернулся клубком огромный черно-пурпурный силуэт. Фаламеезар безмятежно почивал перед воротами, так сказать, конюшни. В стойлах было пусто. Без сомнения, ездовых ящеров, принадлежащих гостям и персоналу гостиницы, на время выставили в другое место.

— Объявлена мобилизация, представители местных военно-воздушных сил отправились извещать прочие города и селения.

— Значит, все в порядке, — удовлетворенно сказала Талея. — Работа закончена. Можно подремать возле очага. — И она осушила внушительных размеров бокал.

— Закончена, да не вся.

Клотагорб опустился в невысокое кресло в противоположном углу гостиной.

— Слышь ты, не вся, грит, — откликнулся встревоженный Мадж.

Разыскав удобную балку, Пог повис у них над головами.

— Мастер говорит, что нам надо еще искать и искать союзников.

— Но из всего сказанного, добрый сэр, следует, что в Теплых землях мы уже заручились полной поддержкой.

Сев в кресле, Каз взмахнул бокалом, вино всколыхнулось волной, но кролик не пролил ни капли.

— Пока отцы и матери города согласны предоставлять нам эту восхитительную обстановку, я не вижу причин отказываться от местного гостеприимства. Поластринду располагается не столь уж далеко от Зубов Зарита и самих Врат. Почему бы не стать лагерем здесь, ожидая грядущую битву? Мы можем помочь горожанам советом.

Но Клотагорб не согласился.

— Генерал Аветикус на первый взгляд весьма компетентный военный. Он легко справится с нужными приготовлениями. Мы должны договориться со всеми, кто в состоянии помочь нам. Вы,

Каз, только что заявили, что всех наших возможных союзников в Теплых землях известят о беде. Это так. Я же думаю поискать сторонников в других местах.

— Как это в других? — Талея села с озадаченным выражением лица. — Больше искать негде.

— Попробуй-ка объяснить это его высочеству, — процедил Мадж.

Талея с удивлением поглядела на выдра, потом на волшебника.

— Не понимаю.

— Есть еще один народ, и помощь его будет бесценной, — с пылом принялся объяснять Клотагорб. — Это легендарные бойцы, а история свидетельствует, что они презирают броненосных так же, как мы.

Мадж покрутил пальцем возле виска и шепнул Джон-Тому:

— Говорил же: съедет старичок с панталыку. Молнии там да картинки — вот и свихнулся вконец.

Впрочем, самым неожиданным образом отреагировал Пог. Летучий мыш слетел с балки и, повиснув над головой мага, со страхом забил крылышками... Глаза его округлились, в голосе чувствовался ужас.

— Нед, Масдер. Не сдоид думадь об эдом, не сдоид!

Клотагорб пожал плечами.

— Здесь нам нечего делать. Мы просто потеряемся среди генеральных штабов собирающихся армий. Почему бы не попробовать отыскать резервы, способные изменить ход битвы?

Джон-Том отошел от окна. Он слушал чародея внимательно, и внезапный испуг Пога удивил молодого человека.

— А какого рода союзников вы собираетесь искать, сэр? Я охотно помог бы набирать рекрутов.

Пог окинул его уничтожающим взглядом.

— Я говорю, конечно же, о прядильщиках.

Общий хор возражений удивил Джон-Тома и Флор.

— А кто такие прядильщики? — спросила девушка у чародея.

— Это самые жестокие, безжалостные и искусные бойцы во всем мире, моя дорогая. Они обитают в горах.

— Видишь, он не сказал «в цивилизованном мире», — уточнил Каз. Заявление волшебника даже его лишило обычной невозмутимости. — Не буду оспаривать высокую оценку, которую вы даете их воинской доблести, добрый сэр, — продолжил Каз, нос его нервно дергался. — Согласен и с тем, что броненосных они ненавидят. К несчастью, вы забываете один пустячок — возможно, нас они презирают еще больше.

— Каз, это слухи и детские сказки. Учитывая все обстоятельства, они вполне могут прийти к нам на помощь. Я, например, не уверен, что они нас ненавидят.

— Чего тут сомневаться? — сардоническим тоном возразила

Талея. — Из тех, кто ходил в их земли, ни один не вернулся, так что рассказывать было некому.

— Так это потому, что через Зубы не перелезть, — уверенно заявил Мадж. — Ненавидят или нет — какая разница. Возможно, те, кто пытался добраться до ихних земель, так туда и не попали. Через Зубы можно пройти лишь Вратами и Проходом, а потом, если я еще не забыл те сказки, которыми меня потчевали, прядильщики обитают куда севернее Зеленых Всхолмий.

— Есть еще один путь, — негромко проговорил Клотагорб. — Тоже далекий — к северу от Врат. Через Мечтравную степь.

— Через Мечтравную степь! — Талея недоверчиво усмехнулась. — Он не в своем уме!

— Всю Великую Мечтравную степь, — терпеливо продолжал волшебник, — пересекает удивительный поток, именуемый Слумаз-айор-ле-Уинтли, так он именуется на языке Бедных Земель, из которых вытекает. Он называется еще Рекой-Что-Пожирает-Себя, Двурекой и Двойной рекой. В наречии же магов и чародеев она известна как Шизоток.

— Шизоидная река? — Мысли Джон-Тома стянулись в узел, уже начинавший причинять боль. — Чушь какая-то.

— Если ты знаешь этот магический термин, Джон-Том, значит, понимаешь, что он обозначает. Слумаз-айор-ле-Уинтли — действительно безумная река.

— По ней невозможно спуститься, если я правильно понимаю смысл ваших слов, — сказал Каз. Клотагорб кивнул. — А разве Река-Что-Пожирает-Себя не течет сквозь Зубы путем, которым не проходил ни один человек, именуемым Горлом Земным?

Волшебник вновь согласился.

— Понимаю. — Каз принялся загибать для счета мохнатые пальцы. — Значит, нам всем предстоит пересечь Мечтравную степь, каким-то образом проплыть по невероятной реке, пройти Земным Горлом, что бы оно нам ни сулило, встретить грудью все таящиеся в горах опасности, добраться до хитросплетений — обиталища прядильщиков и доказать им, что мы пришли как друзья и нас следует поддержать, а не съесть.

— Именно, — подтвердил Клотагорб.

Каз развел руками.

— Несложное дело — для супермена. — Он поправил монокль. — А я таковым не являюсь. В картах я хорош, в кости играю похуже, язык не заржавел, но я не азартен. Ваше же предложение, сэр, на мой взгляд, являет собой верх безрассудства.

— Окажите мне честь, поверьте, что я не более вас склонен рисковать собственной жизнью, — возразил Клотагорб. — Мы обязаны попытаться. Я считаю свое предложение реальным. Под моим руководством все мы выдержим путешествие и добьемся успеха...

Волшебника перебил утробный звук, нечто среднее между

иканием и смешком. Клотагорб бросил решительный взгляд в сторону повисшего на балке фамулуса, тут же принявшего невинный вид.

— Я готов идти, — сказал Джон-Том.

Остальные с удивлением поглядели на молодого человека.

— А ты у нас не того?

— Сам ты того. — Юноша покосился на выдра. — Ничего другого мне не остается.

— И я тоже пойду, — объявила Флор, выдав великолепную улыбку. — Люблю перемены.

— Ну хорошо, идем. — Каз тщательно вставил монокль, розовый нос его все еще подергивался. — Но это дурацкое дело — словно играть мизер без единой семерки.

— Наверно, и я пойду, — вздохнула Талея, — просто потому, что у меня здравого смысла не больше, чем у них.

Все глаза обратились на Маджа.

— Эй вы, рожи, неча на меня пялиться. — Раздражение превратилось в обескураженный ропот. — Надеюсь, что када нас будут подавать чертовым прядильщикам на ужин, я окажусь последним и, по крайней мере, увижу, как вас высосут до дырки в заду.

— Мадж, смерть рано или поздно ожидает любого.

— Ты не разводи мне философию, кореш. Конечно, тебе выбирать не из чего, раз ты все еще надеешься повидать свой собственный мир. Старина Клотагорб ухватил тебя прямо за шары. Но я могу покориться только угрозам. Кончатся они када-нибудь?

— Никто тебе не угрожает, — отозвался волшебник.

— Черта с два! Я видел это самое выражение в ваших глазах... Мол, говори скорее «да» подобру-поздорову, и покончим с этим. Да, вы умеете вызвать гром и молнию, но меня не обманет даже такой старый жулик. Без нас вам не добраться туда. Мы нужны вам.

— Мадж, я никогда не пытался отрицать этого. Но силой тебя держать не стану. Я не угрожал тебе, так чего же ты добиваешься этим шумом? Ты ведь идешь с нами?

Выдр, пылая яростью и тяжело дыша, поглядел сперва на черепаху, потом на Джон-Тома, затем на остальных. Наконец он пнул роскошную плевательницу так, что она звякнула о стену, и, слегка поостыв, уселся.

— Черт меня побери, если я сам это знаю.

— А я скажу почему, — вмешалась Талея. — Ты скорее отправишься странствовать с кучей дураков вроде нас, чем останешься здесь, где тебя призовут в армию. Если Клотагорб и Джон-Том уйдут, местные власти отнесутся к тебе как к обыкновенному бродяге.

— Во-во, чертовка, — огрызнулся Мадж. — И оставьте меня в покое, слышите! Я ж сказал, что иду, хотя бьюсь об заклад — обратно мы не вернемся.

— Оптимизм, друг мой, всегда привлекательнее пессимизма, — мягко заметил Каз.

— Ты еще! Вот чего я не понимаю, так это тебя, приятель. — Сдвинув шляпу на затылок, Мадж встал на ковре перед Казом. — Минуту назад уверял нас, что не похож на безрассудного авантюриста. А теперь просто рвешься на эту милую маленькую прогулку за смертью.

Тирада не произвела впечатления на кролика.

— Быть может, Мадж, передо мной открывается более интересная перспектива.

— Че это значит?

— А то: если катастрофа, которую предрекает наш мудрый друг Клотагорб, вот-вот обрушится на мир, по этой дорожке, к смерти, последуют за нами и все остальные. — Он мягко улыбнулся. — На всеобщем пепелище не с кем будет играть в карты. Сомневаюсь, что броненосные в случае победы позволят нам какие-то развлечения. Кроме того, у меня есть и другие причины.

— Вона! И какие же?

— Личные.

— Мудрость прагматика, — одобрил Клотагорб. — Действительно в счастливый день судьба вынесла тебя на наш бережок, дружище Каз.

— Возможно. Впрочем, полагаю, что был бы куда счастливее, если бы получше спрятал те кости, что послужили причиной моего внезапного отбытия с корабля. Блаженство, даруемое невежеством, ничуть не хуже любого другого. Ну что ж. — Он пожал плечами. — Все мы следуем потоку событий, которые нам не изменить.

Все с ним согласились, и никто не осознал, что кролик говорит как о загадочных личных мотивах, так и о грядущем катаклизме...

Городской Совет охотно выделил им трехосный фургон и упряжку ломовых ящеров, черных в желтую полоску, а также все необходимые припасы. Некоторые из членов Совета жалели, что два могущественных чародея решили покинуть город, но были среди них и те, кто с радостью увидел волшебника и чаропевца за стенами Поластринду.

Талея правила, а тем временем Флор, Джон-Том, Мадж, Клотагорб и Каз устроили в нагруженном фургоне какое-то подобие жилья. В случае дождя можно было натянуть брезент. В наклонных деревянных бортах были прорезаны узкие щели — для вентиляции и для стрельбы.

Аветикус, великолепный в своем неизменно свежем мундире и столь же неизменно корректный, предложил выделить охрану хотя бы на часть пути. Клотагорб вежливо отклонил предложение, настаивая на том, что чем меньше путешественники будут привлекать внимание, тем проще им будет пересечь незамеченными Мечтравную степь.

Во всяком случае, лучшую охрану, чем Фаламеезар, найти невозможно. Одним своим видом дракон, без сомнения, отпугнет любых агрессоров — разумных и неразумных.

Денек-другой ломовые привыкали к виду дракона, но скоро уже принялись спокойно рысить вперед на длинных изящных ногах. Покачиваясь на шести литых резиновых шинах, фургон чуть ли не летел по дороге, уходящей из города.

Несколько дней мимо мелькали селения и фермы, наконец кончились и они.

Поля золотой пшеницы сменились очень высокой зеленой травой, простиравшейся до самого горизонта — к востоку и северу. Над зеленью висели темные дождевые зимние облака, погромыхивал далекий гром.

Справа над равниной стеной поднимался колоссальный горный хребет, известный как Зубы Зарита. Самые низкорослые из его вершин достигали десяти тысяч футов, а самые высокие дотягивались и до двадцати пяти тысяч. Надо всеми ними окаменелым горбом древнего титана громоздился пик Костолом, заметный издалека — несколько недель путники не теряли его из виду.

Многие были убеждены, что в пещере у вершины обдуваемого всеми ветрами пика обитает Всеведущий Оракул. Даже великие чародеи не могли проникать сквозь ветры, завывавшие вокруг неприступного утеса. К тому времени, когда они набирались мудрости настолько, чтобы осмелиться на подобное путешествие, их поджидала старость... Быть может, поэтому редкие путники, случалось, слышали громовой хохот, обрушивающийся с вершины Костолома, хотя и утверждали, что это был ветер.

Мечтравная степь напоминала заросшее поле. Иногда над густой травой поднимались и другие растения. Тоненькие цветущие деревца образовывали редкие рощи, гигантские подсолнухи качали головами над колышущимся зеленым океаном.

Невзирая на протесты Клотагорба, вооруженный эскорт, выделенный Аветикусом, ехал до начала дикой степи. Солдаты проводили фургон приветственными воплями.

В Мечтравной степи не было ни троп, ни дорог. Здешняя трава росла быстрее любого бамбука. По словам Каза, ее можно было косить на одном и том же месте четыре раза в день и к вечеру не найти, где ты это делал. К счастью, рвущиеся к жизни травинки были гибкими, и фургон легко подминал их.

Каждая травинка знала свое место, ни одна не стремилась вырасти повыше, чтобы лишить света соседку. Невзирая на гибкость травы, имя свое Мечтравная степь получила вполне по заслугам. И хотя Фаламеезара надежно защищали толстые чешуи, а ящеров — их собственные шкуры, всем прочим приходилось двигаться осторожно: острыми краями трава легко прорезала одежду и кожу.

Джон-Том получил урок достаточно быстро. Перегнувшись

через борт фургона, он потянулся за высоким синим цветком. Мгновенная острая боль немедленно заставила его отдернуть руку. По ладони бежала тоненькая алая струйка — словно кто-то быстро чиркнул по ней бритвой. Узкая ранка кровоточила недолго, но чувствовалась не один день.

Несколько раз они замечали долговязых хищников, похожих на псов с головой крокодила. Они часами преследовали фургон, прежде чем исчезнуть в траве.

— Нулпы, — пояснил Каз, выглянув в амбразуру. — Эти бы охотно съели нас, да боятся Фаламеезара. Ничего у них не получится.

— А ты откуда знаешь?

— Видишь — они исчезают. Обычно стаи нулпов преследуют жертву неделями, пока та не выбьется из сил.

Дни без всяких хлопот превращались в недели. С каждым днем сгрудившиеся на западе грозовые облака приближались, гром становился все отчетливее. Облака сулили непогоду — более суровую, чем тихие ночные дожди.

— Зима все же, — однажды признал Клотагорб. — Как бы нам не попасть в скверную бурю. В таком случае брезента над головой нам не хватит.

Но когда буря наконец навалилась на них, оказалось, что даже волшебник не ожидал от непогоды подобной свирепости. Ветер усилился; он сотрясал тяжелый фургон. Обитатели его чувствовали себя жучками в коробке. Смешанный с дождем снег колотил по деревянным бортам и брезентовой крыше, пытаясь проникнуть внутрь. Ящеры кружком улеглись на траву, не желая двигаться навстречу ветру.

Фургон был широк и устойчив, он не перевернулся. Джон-Том уже начал привыкать к непогоде, когда на четвертый день снаружи раздался отчаянный вопль. Уносимый ветром, он быстро стих.

Молодой человек потянулся за свечой, не отыскал ее и ограничился огнетворкой. Огонек отразился в изумрудных глазах.

— В чем дело? — сонно проговорила Талея. Остальные зашевелились под одеялами.

— Кто-то кричал.

— Я не слышала.

— Это снаружи. Крик сразу стих.

Пересчитали всех по головам. Флор, моргая, стряхивала сон с глаз. Неподалеку прислонился к борту фургона Каз. Последним проснулся Мадж, обнаруживший незаурядные способности дрыхнуть под грохот грома, вопли и завывания ветра.

Лишь Клотагорб внимательно принюхивался к ночи.

— Все здесь, — устало сообщила Флор. — Кто же тогда кричал?

Клотагорб, все еще прислушивавшийся, сказал, не поворачивая ни тела, ни головы:

— Самого никчемного и хватятся-то в последнюю очередь. Где Пог?

Джон-Том поглядел на заднюю стенку. Насест в левом верхнем углу пустовал. На стенке виднелись потеки воды, показывая, где разошелся брезент. Джон-Том приблизился: ураган выдрал несколько застежек.

— Сдуло сонного, — констатировал Клотагорб. — Придется его искать. В такую погоду не полетаешь.

Джон-Том высунул голову наружу и тут же втянул ее обратно. Яростный ветер и дождь не только залили ему лицо, но и погасили в душе всякий пыл. Он заставил себя повторить попытку и несколько раз позвал мыша.

Возле отверстия вдруг выросла огромная мокрая голова. Джон-Том даже испугался, но только на минутку.

— В чем дело, товарищ? — вопросил Фаламеезар. — Что-то случилось?

— Мы потеряли... — начал Джон-Том, пытаясь защититься от проливного дождя, — Пога, летучую мышь. Наверное, его выдуло порывом ветра... Он не отозвался, и все мы обеспокоены. Он и в самую лучшую погоду плохой ходок, а в такую бурю только черти летают. Кроме того, вокруг не видно деревьев, за которые он мог бы зацепиться.

— Не бойся, товарищ. Я отыщу его. — Массивное тело в тяжелой броне развернулось к югу, зычный голос воззвал, перекрывая шум бури: — Пог! Товарищ Пог!

Ровный уверенный голос долго доносился до них, наконец и он исчез вдалеке за грохотом бури. Джон-Том смотрел, пока огромная черная фигура не растворилась в ночи, а потом втянул голову под крышу, вытирая воду с волос и лица.

— За ним отправился Фаламеезар, — сообщил юноша встревоженным спутникам. — Непогода для него не помеха, но я сомневаюсь, что ему удастся легко отыскать Пога, если только буря не бросит его прямо на пути дракона.

— Возможно, его унесло не на одну лигу, — скорбел Каз. — Черт бы побрал это проклятое ненастье! — И он в гневе ударил кулаком по стене.

— Пог вел себя неуважительно и нахально, но, при всех своих стонах, прекрасно справлялся с делами, — расстроился Клотагорб. — Хороший был фамулус. Мне будет не хватать его.

— Волшебник, рано говорить о Поге в прошедшем времени. — Флор попыталась подбодрить Клотагорба. — Фаламеезар может все-таки отыскать его. Quien sabe[1], возможно, его унесло не так уж далеко.

---

[1] Кто знает (*исп.*).

— Спасибо тебе за добрые речи, моя дорогая. Правильно говоришь.

Фургон трясся, над ними промчался новый порыв ураганного ветра. Все старались удержаться на ногах.

— Однако, как говорит наш чаропевец, погодка все гаже и гаже. А Пог не силач. Так что не знаю...

На следующий день ни мыш, ни Фаламеезар так и не появились, а буря не думала утихать. Теперь Клотагорб беспокоился уже о том, что дракон заблудился и потерял фургон. Или что Фаламеезару попадется какая-нибудь речка, и, решив, что приключения ему наскучили, дракон попросту канет на дно.

— Едва ли, сэр, — усомнился Джон-Том. — Фаламеезар привязан к нам по политическим мотивам. Мы — его товарищи. И он вернется. Бросить нас дракон может лишь из-за какого-нибудь внутреннего кризиса, а его мало что может пронять.

— Тем не менее лучше бы они оба были здесь, время уже поджимает. — Маг-черепаха глубоко вздохнул. — Если завтра прояснится, а я рассчитываю на это, подождем еще один день. Но потом придется продолжать путь или же бросить дело.

— Хоть бы погода помогла, — с надеждой пробормотал Мадж, заворачиваясь в одеяло.

Глава 3

Проснувшись на следующее утро, Джон-Том первым делом поглядел на задний полог. Брезент был аккуратно подвернут вверх, и внутрь фургона лился солнечный свет. Стоя на коленях, Флор выглядывала наружу, ее черные волосы водопадом струились по плечам. Вся она словно искрилась.

Он сел, отбросив все одеяла. Странно было не слышать голос ветра после стольких бурных дней. Не хватало и сделавшегося уже привычным стука капель по брезенту над головой. Опершись о борт, Джон-Том выглянул. Лишь несколько дождевых облаков упрямо висели посреди ясного неба.

Он подобрался поближе к Флор. Мягкий ветерок ерошил гладь Мечтравной степи; бесконечный изумрудный простор с виду был нежнее пушка на девичьих ножках. На фоне далекого ровного горизонта торчали одинокие шапки древовидных одуванчиков.

— Доброе утро, Джон-Том.

— Buenos dias. Que pasa[1], красавица?

— Ни в чем. Просто наслаждаюсь видом и солнцем. Неделю

[1] Добрый день. В чем дело (*исп.*).

просидели в этом проклятом фургоне. — Она распушила волосы. — Как белки в клетке.

— Душной клетке. — Юноша глубоко вдыхал свежий воздух, пропитанный запахом влажной после дождя травы. А потом перебрался через борт на заднее сиденье фургона.

Он медленно огляделся. Нигде не было видно ничего, кроме синего неба и зеленой травы. На таком фоне даже сам Фаламеезар показался бы угольной кучей на белом снегу. Но ни дракона, ни Пога не было видно.

— Ни того, ни другого, — разочарованно констатировал Джон-Том и, повернувшись, оглядел фургон. Талея только что высунула голову из-под одеяла и сонно моргала, уставясь на него; рыжие кудряшки, обрамлявшие личико, казались нарисованными.

— Я очень озабочен, — начал Клотагорб. Он сидел в передней части фургона и помешивал в горшочке горячий чай. На переносной плитке весело пыхтел небольшой медный чайник. — Возможно, что... — Он смолк, показал на Джон-Тома и открыл рот. Джон-Том расслышал только начало фразы:

— Я полагаю, что здесь кто-то есть, пото...

Джон-Тома дернули за лодыжки. Размахивая руками, как ветряная мельница, он полетел с помоста, крепко при этом приложившись. Трава лишь незначительно смягчила удар.

Перед глазами поплыла черная, усеянная яркими звездами пелена, однако Джон-Том все-таки не вырубился. Тьма лишь ненадолго затмила его глаза. Но к тому времени, когда в голове молодого человека просветлело, руки его вытянули над головой, кисти и лодыжки стянула тугая веревка. Поглядев на ноги, он обнаружил на них путы, а чуть повыше оказалась на диво уродливая физиономия.

Обладатель ее ростом не превышал двух с половиной футов. Создание напоминало пародию на человека. На взгляд Джон-Тома, получилось нечто среднее между эльфом и коренастым пропойцей. Округлую физиономию украшала густая черная борода.

Из сих джунглей смотрели два больших карих глаза. Между ними бульбочкой выпирал округлый нос, и все это обрамляла пара огромных обвислых ушей, непонятным способом пробивавшихся из густых жестких волос. Внизу под всклоченной шевелюрой виднелось нечто вроде одежды.

Толстые корявые пальцы проверили прочность веревок. Громадные ступни украшала пара сандалий, подходящих по размеру даже распростертому юноше.

Другие узлы довязывал еще один урод — поменьше. Он оказался блондином. В противоположность первому глаза его были водянисто-голубыми.

Кто-то вспрыгнул на грудь Джон-Тому, не давая ему вздохнуть. Новоявленный пришелец был словно выкован из железа и ока-

зался весьма мускулистым. В мышцах его не было стройности культуриста, они скорее напоминали обманчиво гладкую, прикрытую жирком мускулатуру тяжелоатлета.

Это была самка. Из подбородка ее торчало несколько рыжих редких волосинок. Она и выглядела не симпатичнее обоих самцов. Самка размахивала кулаком перед носом Джон-Тома и безостановочно трещала. Впервые после встречи с Маджем — на яужку — слова в этом мире ничего ему не говорили.

Он отвернулся, чтобы не видеть докучливого кулака. Из фургона доносились гневные голоса и удары. Он поглядел направо, но трава укрывала все, что там творилось.

Уверен Джон-Том был только в одном: степь кишела дюжинами этих быстрых и раздраженных тварей.

Ломовые ящерицы задергались и нервно зашипели, когда маленькие чудища принялись возиться с упряжью и вожжами. Оглохнувший от пчелиного жужжания нападающих Джон-Том с трудом разбирал голоса. Выделялся Каз, говоривший на незнакомом языке, напоминавшем речь их пленителей. Мадж попеременно ругался и оплакивал горькую судьбину, Талея же грозила нападавшим и утверждала, что если с груди ее немедленно не уберут эти самые огромные лапы, то из всех окрестных бород она наделает фитилей.

Принесли шест, продели его под узлами на запястьях и лодыжках. Джон-Тома подняли в воздух и в каких-то дюймах от земли повлекли прочь — с довольно значительной скоростью. Он мог видеть, что шест несут по меньшей мере шестеро — по трое в ногах и у головы. Движение казалось очень быстрым из-за близости к земле. Юноша лихорадочно молился о том, чтобы ориентация носильщиков была такой же эффективной, как и мускулатура. Похитителей острая трава явно не беспокоила.

Изогнувшись, он увидел, как следом повернул фургон.

Джон-Том ожидал долгой тряски и синяков, однако его бесцеремонно сбросили с плеч едва ли не сразу. Флор положили возле него. По одному поднесли и уложили рядом остальных его спутников. Трава примялась, и он всех видел отчетливо.

Друзья лежали рядком, на манер кебаба. Подобная аналогия отнюдь не радовала.

Чтобы избежать пленения, Клотагорб удалился в глубины панциря, и похитители просто подняли его, чтобы отнести куда нужно. А когда маг наконец выставил руки и ноги, они уже ожидали с арканами и веревками. Впрочем, удалось зацепить только одну ногу, все остальное чародей снова втянул в панцирь.

Изнутри донеслось его бормотание. Это вызвало среди похитителей оживленную беседу, после которой они принялись колотить и лягать недвижное тело.

Бурной деятельностью руководил один из них, обильно обвешанный металлическими и костяными украшениями. Существа

полезли в панцирь и вскоре сумели вытащить голову возмущенной, протестующей черепахи. Совместными усилиями они затолкали ему в рот несколько пучков травы. Клотагорб потянулся, чтобы извлечь кляп, тут-то конечности его тоже связали. Чародей наконец изнемог и сдался.

Украшенное костью и металлом создание радостно запрыгало и принялось тыкать длинным, декорированным перьями шестом в лежащего Клотагорба. Сей модник, должно быть, местный шаман иля знахарь, подумал Джон-Том. Этот шут догадался, что под прикрытием панциря Клотагорб произносит заклинание, и лишил своего оппонента всех возможностей совершить волшебство.

Джон-Том лежал тихо и размышлял, догадались ли бы они о волшебной природе его музыки... Однако он лежал связанный на земле, а дуара осталась в фургоне.

Неподалеку послышались стоны. Извернувшись, юноша увидел, как один из похитителей без всякой причины и, увы, достаточно сильно пинает Талею. Всякий раз, услышав проклятие, мучитель бил девушку. Она дергалась от боли, но проходило несколько минут, и у нее хватало сил на новое крепкое выражение.

— Отстань от нее! — рявкнул молодой человек. — Выбери себе равного противника.

Существо отреагировало. Оставив Талею, оно подошло к Джон-Тому и с любопытством уставилось вниз, на лицо лежащего, а потом что-то забормотало.

Джон-Том широко улыбнулся.

— И тебе того же, дерьмак неотесанный.

Едва ли существо могло понять смысл этих слов, однако оно истолковало фразу вполне однозначно и стало пинать теперь уже его. Сжав зубы, Джон-Том решил, что не доставит этой твари удовольствия и не издаст ни звука.

Когда после нескольких ударов реакция юноши ограничилась яростным взглядом, развлечение надоело и докучавшая ему тварь отправилась судачить о чем-то со своими соплеменниками.

Оказалось, что для этого племени драки — обычное дело. Оглядевшись вокруг, Джон-Том с удивлением заметил крохотные сооружения, кострища, а также безволосые маленькие копии взрослых уродов, которые могли быть только детенышами. На спинах зеленых и голубых ящериц виднелись вьюки — рептилии служили мулами. Вокруг шестерых связанных путешественников кипела деловитая и безжалостная жизнь.

Судя по хижинам и кострищам, уроды достаточно долго обитали в этом месте. Джон-Том пытался прикинуть длину своего вынужденного пути в связанном виде.

— Боже правый, — пробормотал он, — мы стояли, самое большее, в сотне ярдов от этого городка, но так ничего и не заметили.

— Мимпа в траве не увидишь, — ответил ему Каз. Поглядев направо, Джон-Том увидел обращенные к нему кроличьи уши. — Они передвигаются в ней незаметно для всех своих врагов.

— Зови их как хочешь, а по мне — вылитые тролли. Впрочем, я всегда полагал, что тролли живут под землей. Весьма уродливая компания.

— О троллях, друг мой, мне ничего не известно, а мимпа живут в степях.

— Кишат, как блохи в шкуре, — возмутился лежащий поблизости Мадж. — Во затею им дезинфекцию, ежели сбегу!

Теперь Джон-Том уже мог видеть голову выдра. Шляпа на ней отсутствовала — должно быть, сбили во время потасовки в фургоне. Выдр извивался, намереваясь выкрутиться из пут.

Из всех путешественников лишь он один мог сравниться в энергии с похитителями, однако порвать веревки был не в состоянии.

Джон-Том обернулся к кролику.

— А ты можешь поговорить с ними, Каз?

— Кажется, я немного понимаю их речь, — ответил кролик. — Бывалый путешественник вечно подхватывает самые неожиданные знания. А вот чтобы поговорить... Едва ли. В беседе участвуют двое, а эти типы что-то уж больно неразговорчивы с незнакомцами.

— А как получилось, что мы не понимаем их?

— Наверно, это потому, что мимпа не приемлют ничего, что мы называем цивилизованной жизнью. Они закоснели во вражде и ненависти... Воинственны до безумия. Хорошо б сгнили все до последнего.

— Аминь, — присовокупила Флор.

— А что они сделают с нами, Каз?

— Как раз сейчас об этом и речь. — Кролик взмахнул не связанным ухом. — Видите того, с побрякушками, местного щеголя? Того, кто, к несчастью, помешал Клотагорбу сотворить заклинание? Он сейчас спорит с парочкой типов, пожалуй, худших, чем он сам. У них там нечто вроде совета.

Джон-Том наклонил голову так, чтобы видеть шамана в компании двух столь же напыщенных и громкоголосых уродов.

Один из них на манер китайского мандарина был украшен вислыми усами, доходящими почти до огромных плоских ступней. Растительность на макушке отсутствовала. Третий член сего неопрятного триумвирата носил остроконечную бороду и напомаженные усы, волосы на голове были стрижены под горшок. Одежда всех троих была схожа.

— Пока я понимаю вот что, — сказал Каз. — Лысый хочет нас отпустить, а Стриженый с Большеротом твердят, что охота последнее время плохая, а потому нас подобает принести в жертву богам степи.

— И кто же побеждает? — пожелала узнать Флор.

Джон-Том подумал, что на лице ее, пожалуй, впервые проступил испуг. Теперь его разделяли и все остальные.

— А нельзя с ними как-то договориться? — спросил он с надеждой. — Может, начнем с того, кто заткнул рот Клотагорбу? Кстати, как его зовут по-настоящему?

— Я уже сказал, — ответил Каз. — Его зовут Большерот. Стриженый, Лысый и Большерот — так переводятся их имена. Нет, с ними не поговоришь. Даже если бы я знал язык, они бы мне и слова не дали вставить. У них, похоже, кто громче орет, тот и прав, за ним и победа в споре.

— Ну, если дело в крике — почему не попробовать?

— Боюсь, если я их перебью, они мне язык отрежут. Не стоит рисковать, мой друг.

Впрочем, это было несущественно, поскольку дебаты закончились. Лысый помахал пальцем перед рылом Большерота. Тот, нахмурившись, пнул чрезмерно настырного соплеменника прямо в пах. А когда Лысый перегнулся, Стриженый огрел его по голове небольшой, но весьма аккуратной дубинкой, самым эффективным образом завершив дискуссию.

Взволнованные слушатели разразились восторженными воплями... Рты их, как и тела, похоже, не знали покоя.

Джон-Том попытался представить себе, какой метаболизм способен обеспечить гуманоидному телу такую активность.

— Боюсь, что единственного нашего защитника вывели из строя, — сообщил Каз.

— А я не хочу умирать, — пробормотала Флор, — здесь, в этом месте. — И начала «Богородице Дево» по-испански.

— Я, представь себе, тоже не хочу, — раздраженно рявкнул на нее Джон-Том.

— Ничего этого нет, — сказала девушка. — Это сон.

— Извини, Флор, — осадил ее Джон-Том. — Я уже ходил этой дорожкой. Это не сон. До сих-то пор тебе нравилось здесь, не забыла?

— Все было так чудесно, — шептала Флор. Она не плакала, однако едва сдерживала слезы. — И наши друзья, и странствие, и это приключение в Поластринду — когда мы тебя освободили... Я всегда именно так все и представляла. Но погибнуть от рук невежественных туземцев... Это же совсем другое! А они могут нас на самом деле убить?

— Вполне. — Джон-Том чересчур устал и был слишком испуган, чтобы иронизировать. — Я полагаю, что мы и в самом деле умрем, что нас действительно похоронят. Червей кормить будем, если не выберемся отсюда.

Он укоризненно глянул на Клотагорба, однако чародей лишь закрыл глаза в качестве извинения.

Если бы кто-нибудь сумел вытащить кляп изо рта Клотагор-

ба, когда эти твари отвлекутся, подумал юноша. Подойдет любое заклинание, даже если оно просто переключит их внимание.

Но, при всей своей дикарской природе, мимпа не были дураками. Впрочем, Каз напрасно считал их невежественными. Этой ночью они почти не обращали внимания на пленников, кроме Клотагорба, но того уже тщательно стерегли.

В полночь или около того пленники стали гвоздем грубого празднества. Крошечными топориками срубили траву, расчистив кружок. Пленников поместили в середину его на кучу вонючих бурых катышков.

Флор морщила нос, пытаясь дышать ртом.

— Mierda[1]... Что это они сюда навалили?

— По-моему, это сушеный смолотый помет ящериц,.— сообщил озабоченный Каз. — Боюсь, погибли мои чулки.

— Это тоже часть обряда? — Джон-Том успел попривыкнуть к разнообразным вариантам зловония.

— Не только, мой друг. Похоже, что таким образом здесь сдерживают рост трав. Эффективное средство — хотя и неприятное для носа.

Развели кружок костров — в непосредственной близости от связанных пленников. Джон-Том, пожалуй, насладился бы варварским великолепием зрелища и пылом аборигенов, не окажись он в положении свиньи на пиршественном столе.

— Ты сказал, они собрались принести нас в жертву богам степи. — Обращаясь к Казу, молодой человек отчаянно старался сохранить присутствие духа и здравый смысл. — Интересно, каких это богов они имеют в виду?

Джон-Том вспомнил гибких длинноногих хищников, которые, словно ленты, скользили за ними в траве всю первую неделю после выхода из Поластринду.

— Я еще не понял, друг мой. — Кролик пренебрежительно фыркнул. — Во всяком случае, не сомневаюсь: подобная смерть — не для джентльмена.

— Значица, выхода нет? — Иссяк даже неистощимый оптимизм Маджа.

— А я-то надеялся, — заметил кролик, — умереть в своей постели.

Мадж присвистнул, обретая кое-какую бодрость духа.

— Конечно, приятель. Чего ж я не подумал об этом? В этой дыре у меня все мысли сикось-накось пошли. Держу пари — не одному мне...

— Не в постели умирать или в мыслях путаться? — с улыбкой переспросил Каз.

— И то, и то, так я и подумал.

Выдр снова присвистнул, и оба они расхохотались.

---

[1] Дерьмо (*исп.*).

— Как приятно, что кого-то ситуация забавляет. — Талея свирепо глянула на остроумцев.

— Что ты, — сказал Каз уже поспокойнее. — На мой взгляд, огненная головка, радоваться нечему. Руки и ноги у нас связаны, ни бальзама, ни мази для синяков не добудешь, и раз я ничего не могу поделать со своим телом, можно попытаться исцелить дух. Смех в таких случаях помогает.

Джон-Том видел, как девушка отвернулась от кролика, перепутанная гривка огненных волос ее зарделась в отсветах многочисленных костров. Плечи Талеи опустились, и молодому человеку инстинктивно захотелось утешить ее.

Странными бывают ситуации, в которых мы постигаем суть человека. Талея оказалась не способной на смех... даже на радость. Он удивился.

Боевой дух и энергия не всегда свидетельствуют о том, что человек счастлив. Он понял, что жалеет девушку.

Можешь и себя заодно пожалеть, напомнил Джон-Тому внутренний голос. Если тебе не удастся улизнуть от этих пигмеев-параноиков, жалеть скоро будет нечем.

Стараясь освободиться от пут, юноша пополз в поисках острого камня, но жирная глинистая почва содержала лишь гальку.

Не сумев отыскать ничего подходящего, он принялся пилить веревки ногтями. Прочные волокна и не думали поддаваться... Наконец тщетные попытки утомили его, и Джон-Том забылся глубоким тревожным сном.

Глава 4

Открыл глаза он уже наутро. От потухающих кострищ к облакам поднимались дымные струйки, призраками серея над лишенным травы кругом.

Вновь пущены были в дело шесты, и Джон-Тома оторвали от земли. Флор несли рядом с ним, остальных тащили сзади. Как и вчера, путешествие оказалось недолгим — три или четыре сотни ярдов от стоянки.

Собралась целая толпа любопытных. Шесты убрали. Мимпа обступили шесть недвижных тел. О чем-то треща между собой, они усадили пленников колесом — спина к спине, ноги торчали спицами. Руки связали так, чтобы никто не мог опуститься на спину или шевельнуться. Посреди установили огромный кол, рьяно вколотили его в землю и привязали к нему плечи пленников.

Теперь они сидели посреди новой расчистки, столь же вонючей, как и первая. Удовлетворившись состоянием места, мимпа расступились и принялись переговариваться на своей тарабар-

щине, указывая на привязанных к шесту пленников. Все это очень не понравилось Джон-Тому.

Невзирая на прохладу зимнего утра и плотные облака, ему было жарко без всякого плаща. Ногтями и движениями рук молодой человек пытался разорвать путы. Он поломал ногти, веревки покрылись пятнами крови, однако волокна не только не порвались, но даже не растянулись.

Наряду с прочими бесполезными фактами он заметил, что трава еще влажна после ночного дождя... и что ноги его указывают прямо на север.

Клотагорб хотел заговорить. Кляп мешал понять его, и сил в старческом теле не хватало, чтобы продолжить попытки.

— А ногами шевелить можно, — подметил Джон-Том, поднимая связанные ноги и с силой ударяя ими о землю.

— Действительно, лучшей позиции для обороны просто не придумаешь, — согласился Каз. — Спины защищены, мы не совсем беспомощны.

— Если сюда явятся нулпы, они узнают, какие у меня ноги. — Мрачная Флор для пробы брыкнула.

— Счастливчики, — позавидовал Мадж.

— Что у тебя за голова, выдр, la cabeza bizzara[1]. — Подобрав колени к груди, она вновь выбросила ноги вперед. — Любой хищник, оказавшийся около меня, поплатится за это зубами или поперхнется моим каблуком.

— Возможно, — заметил Каз. — Однако я полагаю, что все мы размечтались. — Он кивнул в сторону бормочущих внимательных кочевников. — Они не обнаруживают страха ни перед кем. По-моему, нас ждет противник настырный и близорукий.

Действительно, если ожидалось появление свирепого хищника, мимпа не стали бы крутиться неподалеку. Они держались спокойно и чего-то ждали — испытывая страх не больше, чем дети на пикнике воскресной школы.

Какого же прожорливого божка они ожидают?

— А вы ничего не слышите?

Неуверенный вопрос Талеи заставил всех примолкнуть. В выжидательных позах немедленно застыли и мимпа.

Значит, приближается. Джон-Том напрягся и подобрал ноги. Он будет отбиваться изо всех сил, а если кто-нибудь из этих хищников доберется до него, то, следуя совету Флор, он запихнет тому ноги в пасть и постарается задушить. Они будут отчаянно сопротивляться, и, если никто из шестерых не спасует, возможно, им все же удастся отогнать этого хищника или хищников.

К сожалению, им грозили не пасти.

Напрягшись, Джон-Том мог увидеть гладь степи. Над зеле-

---

[1] Кочан растрепанный (*исп.*).

нью высилась роща, усеянная роскошными голубыми и розовыми цветами. То, что она движется, он осознал не сразу.

— Где ты видишь движение? — спросила Талея.

— Там, откуда доносится шум. — Он кивнул в сторону севера. — Где-то там.

— А что ты видишь?

— Не много. — Цветы продолжали приближаться. — Цветущие заросли, они становятся все ближе и ближе. Камуфляж или предохранительная окраска.

— Боюсь, что угроза окажется более основательной. — Нос Каза дергался.

Клотагорб испустил глухой требовательный стон.

— Боюсь, что пятками не отобьешься, — продолжил Кролик, явно упав духом. — Кажется, нас подложили на пути Бродячего Скачикорня.

— Что это такое? — удивилась Флор. — Язык сломаешь, прежде чем выговоришь.

— И не только язык, черноволосая. — Кролик усмехнулся в усы. — Боюсь, что очень скоро мы все с ним познакомимся.

Они вновь возобновили попытки освободиться, а тем временем вопли выжидающих мимпа усилились. Аборигены уже прыгали на месте, колотили по земле копьями и дубинками и, блаженствуя, показывали пленникам на цветы.

Обессилевшая Флор осела на землю, бросив попытки освободиться.

— Зачем они так поступили с нами? Мы же ничего им не сделали.

— Мозги примитивных созданий иначе понимают причинно-следственные связи, определяющие нашу жизнь. — Каз принюхался, опустил уши. Нос кролика находился в постоянном движении. — Да, Скачикорень. Вот-вот увидим.

Вопли и визги впавших в истерику мимпа начал перекрывать иной звук — жуткий, ровный, напоминающий треск мелких сучков под ногами... Или капли дождя, барабанящие по крыше... Или же ровный хруст сотни мышей, грызущих штукатурку. Но более всего он напомнил Джон-Тому собравшуюся в театре толпу, с хрустом жующую воздушную кукурузу, не отрываясь от зрелища. Шум явно был связан с поглощением пищи.

На севере зашелестела трава. С ужасом пленники пытались разглядеть, что творится за зеленью.

Вдруг между тонкими, привычными уже стеблями мечтравы появились иные — темные листья. Сперва они казались обычными, только принадлежавшими другому растению, однако на конце каждого змеей извивающегося оливкового стебля был округлый роток с мелкими зубами, впивающимися в стебли мечтравы. Ели рты неторопливо, но их были дюжины и дюжины, и трава исчезала столь же равномерно, как под косилкой.

Спутанные жутко живые стебли уходили в буро-зеленый лабиринт сплетенных ветвей, сучьев и стволов, над которыми трепетали прекрасные псевдоорхидеи с розовыми и голубыми лепестками.

У подножия медленно перемещающейся растительной массы змеились белые пушистые черви. Они глубоко зарывались в почву, а из зарослей постоянно появлялись все новые и, подобно лапкам сороконожки, втыкались в землю.

— Я никогда не видела ничего подобного, — с отвращением проговорила Талея.

— Это не животное. Во всяком случае, по-моему, — пробормотал Джон-Том. — Похоже на растение, подвижную колонию, замкнутую растительную экосистему.

— Зачем волшебные слова? — Талея без малейшего успеха рвалась из веревок. — Они нас не могут освободить.

— А видите, — сказал он, заинтересованный и устрашенный, — как оно движется? Выставляет вперед корни.

— Не просто движется, — заметил Каз. — Очищает землю от растительности. Выстригает в степи ровную и аккуратную тропинку — как сенокосилка.

— Но мы же не растения и не имеем к степи никакого отношения. — Флор тупо уставилась на приближающиеся растения.

— Вопросы гражданства и прочего Скачикорень не беспокоят, — устало отозвался кролик. — Он потребляет все, что попадется, и наверняка способен сожрать все, что не сможет убраться с его пути.

Теперь на расчистке уже оказалась большая часть Скачикоря. Мимпа отодвинулись назад, но тем не менее продолжали наблюдать за его приближением и воздействием на потенциальных жертв. Растение это оказалось много больше, чем поначалу показалось Джон-Тому. В ширину оно составляло около двадцати футов.

И если за ним, как только что объяснил Каз, пролегает лишь полоса голой земли, значит, вот-вот от них и косточек не останется.

Ожидание было ужасным. Куст, казалось, двигался слишком неспешно. Скачикорень смещался на дюйм-другой каждые несколько минут, он приближался медленно, но неотвратимо. При такой скорости растение не сразу пожрет их, и сидящие с южной стороны вынуждены будут наблюдать за муками своих спутников, оказавшихся ближе к Скачикорню.

Все это сулило путешественникам жуткую смерть, перспектива быть свидетелями ее вселяла немалую радость в ожидающих мимпа.

Зацепив носком мягкую землю, Джон-Том отшвырнул ее ногой. Комки земли и мелкие камешки застучали по ветвям приближающегося куста. Но ни гибкие щупальца, ни методично жующие рты ничего не ощутили. Даже если бы пленники имели

оружие и были свободны — все равно разумнее было бы бежать, а не пытаться вступить в бой.

Отвратительное дело, подумал Джон-Том, погибнуть таким образом — принять смерть от создания, не только не испытывающего к ним вражды, но просто неразумного. Кусту нечем было заметить лежащих: отсутствовала голова, центральная нервная система... Никаких внешних органов чувств. Ни глаз, ни ушей. Куст лишь кормился и передвигался, демонстрируя высшую степень непритязательной эффективности. Простой преобразователь массы в энергию, лишь способностью перемещаться отличающийся от травинки, деревца, кустика черники.

С известным извращенным интересом наблюдал Джон-Том за дюжинами ненасытных пастей, втягивающих в себя каждый стебелек, подбиравших с земли каждого жучка.

— Нужен огонь, — пробормотал он. — Огнетворку бы или дуару. Или пусть заговорил бы Клотагорб.

Но, невзирая на все свое чародейское могущество, маг-черепаха напрасно старался освободиться. Путы и кляп оставались на месте, и он мог лишь беспомощно — как и прочие — разглядывать приближавшегося к ним тысяченогого представителя флоры.

— Я не хочу умирать, — шепнула Флор, — тем более таким образом.

— Теперь не отвертишься, милашка, — ободрил ее Мадж. — И нечего волноваться о том, что еще будет, а то со страху умрешь. Впрочем, точно, пакостная смерть.

— Да какая разница, — устало сказал Джон-Том. — Смерть есть смерть, какой бы она ни пришла. К тому же, — он сухо усмехнулся, — если учесть, сколько я съел овощей и салата, в таком конце есть известная справедливость.

— И ты еще способен шутить? — Флор, не веря, смотрела на юношу.

— Потому что не вижу в этом ничего смешного.

— Какой-то ты бестолковый...

— Сама ты бестолковая! — закричал он. — И весь этот мир бестолковый, и жизнь. Все бытие здесь бестолковое!

Она отшатнулась, но Джон-Том утихомирился столь же быстро, как и взорвался.

— А теперь, раз мы решили все Вечные вопросы касательно смысла жизни, давайте покачаем проклятый кол — туда, на юго-запад. Готовы? Раз, два, три...

Они изо всех сил упирались ногами, однако скоординировать движения шести существ разной силы и роста достаточно сложно, даже если они не привязаны к столбу.

Кол пошатнулся, но не упал. Отчаянные попытки освободиться доставляли лишь неподдельную радость приземистым наблюдателям.

Но приближающийся Скачикорень не собирался ни на что реагировать.

Только когда куст оказался буквально в каком-то футе от ног Джон-Тома, явилась палочка-выручалочка. С криками ужаса и ярости мимпа растворились в зарослях мечтравы. Правую щеку Джон-Тома опалил жар. Пламя взревело в ушах второй раз, а затем и третий.

К этому времени остановился и Скачикорень; многочисленные пасти корчились в безмолвной жуткой пародии на боль, а дивные голубые цветы в лживой своей красе, почернев, осыпались пеплом. Спаленный куст не издал ни звука.

Над пленниками навис крылатый силуэт. В одном крыле его был короткий кривой ножик, торопливо рассекший путы.

— Черт меня побери, уж не думал, чдо мы вас найдем! — выпалил взволнованный Пог. Взгляд огромных глаз его метался от одной связанной фигуры к другой. — И не нашли бы, кабы не фургон. Кроме него, из вонючей травы ничего не торчит.

Освободив Клотагорба, мыш направился к Джон-Тому.

Не имея оставшихся в фургоне очков, Клотагорб сощурился, растирая затекшие руки и ноги. Травяной кляп он отбросил в сторону.

— Лучше поздно, чем никогда, мой добрый фамулус. Ты спас нас и тем услужил миру. Пог, вся цивилизация в долгу перед тобой.

— Ага, босс, в самое яблочко. Истинная правда. Жаль будет, если эда штуковина, как всегда, позабудет о своем долге.

Оказавшись на свободе, Джон-Том поднялся на ноги и заковылял к фургону.

— Куда ты, мой мальчик? — поинтересовался волшебник.

— За дуарой. — Страх уже успел уступить место гневу. — Хочу спеть песню-другую нашим приятелям. Едва ли мне представится еще один шанс. Нужно поторопиться, пока слова не забыл. Сейчас вы своими ушами услышите их, Клотагорб. Неприятная штука, но нашим дружкам...

— Юноша, у меня нет ушей, в отличие от тебя. И я советую тебе сдержаться.

— Сдержаться? — Он повернулся к волшебнику, шагнул в сторону обугливающихся останков Скачикорня. — Эти гады не только хотели, чтобы это чудище медленно пожирало нас, они тут еще сидели и развлекались! Пусть слову «месть» нет места в лексиконе волшебников, но я его еще не забыл.

— Зачем, мальчик мой? — Клотагорб вперевалку приблизился и умиротворяюще положил ладонь на руку Джон-Тома. — Заверяю тебя, что и сам не испытываю ни малейшей симпатии к нашим внезапно отбывшим приятелям-аборигенам. Но ты же сам видишь — их нет.

И действительно, оглядевшись, Джон-Том не заметил ни одной уродливой физиономии, руки или ноги.

— Трудно наложить заговор на то, чего не видишь, — сказал чародей. — И не следует забывать о непредсказуемости твоего дара. Подгоняемый разбушевавшимся гневом, ты можешь создать нам новые сложности. Не хотелось бы, например, оказаться посреди стаи беснующихся демонов, которые, не найдя поблизости мелкой дичи, набросятся на нас.

Плечи Джон-Тома опустились.

— Ну, хорошо, сэр. Вам лучше знать. Но если я только замечу одного из этих мерзавцев — проткну посохом, как жабу.

— Весьма нецивилизованное желание, друг мой, — вступил в разговор Каз, отряхивающий грязь со шкуры и тонких шелковых чулок. — Но я от всего сердца разделяю его. — Кролик похлопал юношу по спине. — Это нам и нужно: поменьше мысли, побольше кровожадности. Режь, коли, руби и ура!

— Ну что ж... — Собственная бездумная ярость несколько смутила Джон-Тома. Она как-то не вязалась с его представлением о себе. — По-моему, после такого в стремлении отомстить нет ничего неестественного.

— Конечно же, — с готовностью согласился Каз. — Все абсолютно естественно.

— Что там абсолютно естественно? — К ним ковыляла Флор. Правая нога ее еще не отошла. Выглядела она, по мнению Джон-Тома, великолепно, несмотря на перенесенные испытания.

— Да вот наш высокий друг решил сделать шашлык из кочевников, если только удастся изловить их.

— Si[1], я тоже за это. — Она направилась к фургону. — Возьмем оружие и поищем их.

На этот раз ее остановил сам Джон-Том. Собственное поведение в сравнении с исполненным достоинства и сдержанным Казом смутило его.

— Я не о том, чтобы забыть и простить, — сказал он, вздрагивая, как бывало всякий раз, когда он касался ее тела. — Это нецелесообразно; они могут вновь напасть на нас, если все еще крутятся в траве неподалеку.

— Но поглядеть все-таки можно! — запротестовала Флор. — Какой же ты мужчина?

— Хочешь удостовериться? — с вызовом бросил он.

Она посмотрела на него и невольно расхохоталась. Рассмеялся и Джон-Том — отчасти от облегчения, отчасти от невзыскательной шутки.

— Ну, о'кей, — наконец остановилась Флор. — Значит, у нас найдутся дела поважнее. Si?

— Именно, юная леди. — Клотагорб махнул в сторону фургона. — Приводите себя в порядок — и в путь.

Но Джон-Том не стал подниматься в фургон вместе со всеми,

---

[1] Да (*исп.*).

и пока спутники его устраняли там хаос, устроенный мимпа, направился обратно к полянке посреди травы, едва не ставшей их братской могилой. Там над обугленной грудой ветвей высился Фаламеезар. Он сидел на задних лапах и огромным когтем задумчиво шевелил угли и пепел.

— Не могу передать, как мы благодарны тебе, Фаламеезар. Но я больше всех остальных.

Дракон посмотрел на него невидящим взглядом, едва замечая молодого человека, и прогромыхал с неожиданной скорбью:

— Я так ошибся, товарищ! Я совершил такую серьезную ошибку!

Дракон вздохнул. Все внимание его было обращено к обугленным дымящимся останкам Скачикорня.

— Что тебя встревожило? — спросил Джон-Том. Приглядевшись, он с благодарностью коснулся бронированного бока.

Голова чудища со скорбью обратилась к нему.

— Я погубил, — простонал дракон, — идеальную коммуну... По-настоящему коммунистический организм.

— Нельзя так говорить, Фаламеезар, — возразил Джон-Том. — Едва ли это существо обладало мозгом.

— Едва ли. — Фаламеезар медленно качнул головой, вид его и голос были настолько унылы, насколько это вообще возможно для дракона. Из ноздрей время от времени вырывались небольшие клубы дыма. — Я тут разобрался, как было устроено это создание. Куст состоял из множества отдельных существ: все они были переплетены, перепутаны и взаимозависимы. И тем не менее функционировали самым идеальным и гармоничным образом — без всяких хозяев.

Джон-Том отступил от бронированного бока.

— Прости. — Озабоченный состоянием Фаламеезара, он задумался, стараясь не задеть дракона. — Неужели было бы лучше, если бы он постепенно сгладал нас?

— Нет, товарищ, конечно же, нет. Но я вовремя не понял его внутреннего устройства. Следовало просто направить его мимо вас. А вместо этого мне пришлось уничтожить идеальный пример... Образец, к которому должно стремиться цивилизованное общество. — Дракон вздохнул. — Боюсь, что я заслуживаю наказания.

Слегка обеспокоенный Джон-Том махнул в сторону бесконечных просторов Мечтравной степи.

— Товарищ, здесь нас поджидает столько опасностей, не говоря уже о самой главной... Той чудовищной, о которой мы столько говорили.

Дело клонилось к вечеру. Скорбные облака сулили ночью очередной дождь, заметный холодок грозил даже снегом. Здесь, на травяной равнине, запахло настоящей зимой.

Холодное дуновение ее со стороны заходящего солнца проникло под грязную одежду Джон-Тома.

— Фаламеезар, мы нуждаемся в тебе.

— Извини, товарищ. Теперь у меня есть свои беды. С будущими несчастьями вам придется сражаться без моей помощи. Я испытываю глубокое раскаяние в содеянном, тем более что даже небольшое раздумье позволило бы избежать этого скорбного результата.

Дракон повернулся и побрел по траве в сгущающуюся ночь, топча могучими ногами мечтраву, упруго поднимавшуюся за его спиной.

— Ты уверен, что это необходимо? — Джон-Том проводил друга до края прогалины и протянул к нему руки. — Ты в самом деле необходим нам, товарищ. Мы должны помогать друг другу перед лицом великой беды, грóзящей всем нам. Вспомни о приходе эксплуататоров.

— Джон-Том, у тебя есть другие товарищи, они помогут тебе, — отозвался дракон из-за волн зеленого моря. — А у меня нет никого.

— Но ты же один из нас!

Дракон покачал головой.

— Нет, не сейчас. Какое-то время я надеялся на это. Но я сплоховал... Следовало освободить вас, обойдясь без убийства.

— Но как? Времени ведь уже не оставалось!

Юноша едва видел темный силуэт дракона.

— Прощай.

— Прощай, Фаламеезар. — Джон-Том подождал, пока дракон не исчез вдали, и разочарованно поглядел на землю. — Черт! — бросил он с досадой.

Он вернулся к фургону. Зажгли фонари. В их знакомом мирном свете Каз с Маджем проверяли состояние ящериц. Флор, Клотагорб и Талея приводили в порядок припасы. Очки чародея пребывали на должном месте. Выглянув наружу, он посмотрел на Джон-Тома, приближавшегося, засунув руки в карманы, к фургону.

— Что случилось, мой мальчик?

Джон-Том оторвал взгляд от земли, кивнул на юг.

— Фаламеезар покинул нас. Расстроился оттого, что убил поганого Скачикорня. Я пытался отговорить его, но он уже все твердо решил.

— Молодец, что попробовал, — утешил его Клотагорб. — Мало у кого хватит храбрости оспорить решение дракона. Они очень упрямы. Ну, ничего. Справимся и без него.

— Среди нас он был самым сильным, — разочарованно пробормотал Джон-Том. — За полминуты он управился с мимпа и Скачикорнем. Разве мы, даже все вместе, способны на это? Что вспоминать о том, от скольких неприятностей избавило нас одно только его присутствие.

— Верно, грубой силы его нам будет не хватать, — согласился

чародей, — однако мудрость и интеллект сильнее любой физической мощи.

— Возможно. — Джон-Том запрыгнул в фургон. — Однако хотелось бы иметь эту самую грубую силу.

— Не следует оплакивать потери, — продолжал Клотагорб. — Надо идти вперед. Во всяком случае, мимпа потревожат нас не скоро, им сразу не остановиться. — И он хихикнул совершенно неподобающим для чародея образом.

— Значит, немедленно отправляемся дальше?

— Куда-нибудь недалеко. Надо же отъехать от этого места. А потом выставим стражу — на всякий случай — и завтра утром продолжим путь. Неприятная погодка, как бы не сбиться с дороги. Кстати, не знаю, как вы, молодежь, но мое усталое тело под этим панцирем жаждет сна.

Джон-Тому нечего было возразить. Есть Фаламеезар или нет Фаламеезара, есть вокруг мимпа или их нет, но он ощущал смертельную усталость. Впрочем, еще недавно, ожидая смерти, он и надеяться не мог на подобное счастье.

Назавтра обошлось без непогоды. Через день — тоже, впрочем, по ночам Мечтравную степь поливал обязательный ровный дождик. Была очередь Флор править фургоном. Уже вечерело, пора было останавливаться на ночлег.

На востоке из-за слоистых облаков вставала полная луна, оранжевый шар ее висел над горизонтом. Поднявшись над кисеей дождевых облаков, она осветила неярким светом темнеющую степь. Словно на снежных хлопьях, искрились огоньки на каплях, оставленных последним дождем.

Упряжка из четырех терпеливых ящеров, тяжело топая, с шелестом раздвигала мокрую траву. Из фургона доносились отголоски веселой беседы и смешки, перемежаемые присвистом Маджа. Из норок и травы выглядывали маленькие зверюшки, чтобы посмотреть на неторопливо двигающуюся вперед деревянную тварь, и поспешно ныряли обратно.

Раздвинув брезентовый полог, Джон-Том уселся на кучерском сиденье возле Флор. Она непринужденно, словно была рождена для этого дела, держала поводья в руке. Флор глянула на него, свободная рука ее лежала на колене. Длинные волосы, темней, чем сама ночь, куском гладкого стекла чернели во мраке. В огромных глазах играли отблески лунного света.

Юноша оторвал взгляд от этих любопытствующих глаз и уставился на свои руки, лежащие на коленях: они дергались и ерзали, словно пытаясь найти укрытие... Крохотные пятиногие создания, которые некуда спрятать.

— По-моему, у нас есть проблема.

— И только-то? — Флор ухмыльнулась, обратив все внимание на Джон-Тома. Про вожжи можно было забыть: ящерицы, не встречая помех, будут топать и топать вперед.

— Вот и вся жизнь... Одни проблемы, так ведь? Ну а если они такие разнообразные и увлекательные, как здесь... — Блеснув длинными ногтями, девушка взмахнула рукой, обозначив тем самым два мира и пространственный переход между ними. — Жизнь становится еще интереснее.

— Я не о том, Флор. Я о личном.

На лице ее отразилась забота.

— Я могу чем-нибудь помочь?

— Не исключено. — Он вновь поглядел на девушку. — Кажется, я влюбился в тебя. Впрочем, я и так всегда любил тебя. Я...

— Довольно. — Она жестом остановила юношу и мягко, но строго сказала: — Во-первых, всегда ты меня любить не мог. Мы же не всегда были знакомы. Но, отставив метафизику, скажу тебе, Джон-Том: едва ли ты достаточно знаешь меня. А во-вторых, по-моему, ты любишь не меня, а тот образ, представление обо мне, которое сложилось в твоей голове, is verdad, amigo[1]? Проще говоря, ты любишь мое лицо и тело. Я не против, ты не виноват в этом. Твои страсти и желания — продукт воспитания.

На подобный ответ Джон-Том не рассчитывал, а потому смущенно возразил:

— Но ты же, Флор, меня тоже не знаешь.

— Не знаю. — Тон его не задел девушку. — Хочу спросить, какой ты «видишь» меня, Джон-Том? Какой «знаешь» меня? Короткая юбка, свитер в обтяжку, всегда с улыбкой, всегда аккуратная, волосы по ветру... Помпоны летят, так?

— С чего это ты решила заняться наставлениями?

— Черт, я не наставляю тебя! Думай головой, hombre[2]. Возможно, я кажусь тебе куколкой, но я не такая. Как ты можешь говорить, что любишь меня, если не знаешь, какая я?

— Ну че, зачем драчка? — Мадж выставил мохнатую физиономию из-за полога. — Ночка — во, зачем ссориться-то?

— Исчезни, Мадж, — коротко отреагировал Джон-Том на вторжение. — Не твое дело.

— Тока смотри, друг, чтоб от крика кишки горлом не полезли. — Глянув на обоих, выдр ретировался.

— Что отрицать, Флор, физически ты тоже привлекаешь меня.

— Конечно, привлекаю, иначе какой из тебя мужчина. — Она поглядела на бесконечную черную равнину, расцвеченную под луной оранжевыми огоньками. — Начиная с двенадцатилетнего возраста все встречные мужчины иначе на меня и не реагировали. Все это для меня не новость. — Девушка поглядела на него. — Дело в том, что ты не знаешь меня, истинной Флорес Кинтера. А значит, не можешь и любить. Я польщена, но если нам дейст-

---

[1] Правильно, друг (*исп.*).

[2] Мужчина (*исп.*).

вительно суждено завязать отношения, лучше начать здесь и сразу — на этом месте. Без всяких предвзятых представлений о том, какая я, какой ты хочешь меня видеть, и о том, что я для тебя значу. Comprende[1]?

— Флор, а тебе не кажется, что последние недели я видел тебя истинную?

При всем своем старании Джон-Том не мог избавиться от извиняющейся нотки в голосе.

— Видел, да. Но этого мало. Кроме того, как узнать, действительно ли ты видел меня или очередную грань моей быстро меняющейся натуры?

— Подожди-ка, — с надеждой прервал ее юноша. — Ты сказала, «суждено завязать отношения». Значит, ты считаешь, что это возможно?

— Не знаю. — Она одобрительно смотрела на него. — Ты интересный мужчина, Джон-Том. Очень здорово, что здесь ты можешь чародействовать своей музыкой, это так здорово. Я не способна на это. Но я знаю тебя не лучше, чем ты меня. Давай начнем заново, а? Будем считать, что мы только познакомились и сегодня у нас первое свидание. — Она показала вверх. — Вот и луна как раз.

— Сложновато будет, — ответил юноша. — Я признался тебе в искренней любви, а ты выпотрошила мое признание, как профессор головастика.

— Извини, Джон-Том. — Флор пожала плечами. — Такая уж я есть... Тут тебе и помпоны, и любовь к приключениям. Научись принимать меня целиком, а не только то, что тебе нравится. — Она постаралась подбодрить его. — Чтобы утешить тебя, могу признаться — я не люблю тебя, но ты мне нравишься.

— Не очень-то утешительно.

— И не гляди на меня побитым барбосом, — потребовала Флор. — Этим ты ничего не добьешься. Все, проехали. Приободрись. Ты высказал, что было на сердце, и полного отказа не получил. — Она протянула ему руку. — Buenas noches[2], Джон-Том. Меня зовут Флорес Мария Кинтера. Como stas[3]?

Он молча поглядел на нее, потом на протянутую ладонь. И пожал ее с обреченным вздохом.

— Джон-Том... Джон Меривезер. Рад познакомиться.

Потом дело пошло чуть получше. Из проколотого Флор романтического надувного шарика Джон-Тома вместе с надеждами вылетел и пыл.

---

[1] Понял (*исп.*).

[2] Спокойной ночи (*исп.*).

[3] А тебя (*исп.*).

Глава 5

Река показалась Джон-Тому обычной до банальности. Ивы, кипарисы, дубы теснились на ее пологих берегах. В густом подлеске резвились мелкие чешуйчатые амфибии. Там, где не было сильного течения, поток покрывали водоросли.

Противоположный берег также был заросшим. Время от времени попадались группы людей и животных, занятых самыми обычными повседневными делами. Они рыбачили, или стирали, или просто следили за тем, как трудится солнце, влекущее за собой день.

Держа путь на далекие горы, фургон свернул на восток вдоль южного берега Слумаз-айор-ле-Уинтли, донося весть о грядущем вторжении до тех теплоземельцев, кто желал ее слышать. Двурека была так далеко от Поластринду и Джо-Трумовых Врат, что козни броненосных казались речным жителям сказками.

Впрочем, все соглашались с путешественниками в одном — их действительно ожидали проблемы внизу по течению реки и у Врат.

— Э? — отозвался один старый выдр на подобный вопрос. — Вам действительно так уж туда надо? — В отличие от Маджева, мех старика поседел — как и усы на физиономии. Артрит согнул его тело и скрючил лапы.

— Вы не пройдете дальше входа, а если и сумеете — тут же заплутаете в скалах. Многие пробовали — ни один не вернулся.

— У нас есть возможности, которыми они не располагали, — доверительно сообщил Клотагорб, — я, например, что-то вроде опытного мага, а мой спутник — могущественный чаропевец.

Он махнул в сторону долговязого молодого человека. Чтобы переговорить со стариком, они вышли из фургона. Ломовые ящеры с удовольствием щипали сочную прибрежную травку.

Старый выдр отставил удилище и внимательно поглядел на них. Короткий присвист дал понять, что старик не слишком высоко ставит молодого человека, мага-черепаху — вне зависимости от всяких там чародейских способностей.

— Волшебники вы или нет, но пройти через Зубы по реке можно только в сказке. Сказочные путешествия совершают лишь в мечтах. Кроме них, от вас ничего не останется, если будете настаивать. Шестьдесят лет прожил я на берегу Слумаз-айор-ле-Уинтли. — Выдр с любовью показал на текущие воды. — Но ни разу не слыхал, чтобы у кого-то хватило глупости плыть по реке через горы.

— Убедительно говорит, а? — Мадж выглянул из фургона и обрадованно затараторил. — Вот и ладушки, решено: поворачиваем домой.

Джон-Том глянул на мохнатую физиономию.

— Ничего не решено.

Маджс надеждой пожал плечами.

— За спрос не казнят, кореш. Хотелось бы ошибиться, но у меня в нутре чтой-то твердит: пора бороться с безумием в наших рядах.

— Дебе следует верить в Мастера. — Выпорхнув из фургона, Пог принялся ехидно наставлять выдра. — Следует верить в него, во все способности и великие таланты. — Опустившись поближе к Маджу, мыш зашептал: — Откровенно говоря, мы стали кандидатами в удобрения, как долько вышли в полоумный поход. Но если босс велит, надо идти — выхода нед. Не серди его, друг.

Джон-Том услышал эти слова и подошел поближе к фургону.

— Клотагорб знает, что делает. Я уверен, не послушаться его сейчас — самоубийство.

— Эдо ды действительно дак думаешь?

Острые зубки Пога блеснули перед лицом Джон-Тома. Мыш крылом указал в сторону мага-черепахи, все еще беседовавшего со старым выдром.

— Босс не дал Маджу сбежать, бросить поход со всеми потрохами. А почему ды думаешь, чдо с тобой он обойдется вежливее?

— За ним есть должок, — заметил Джон-Том. — Если бы я не захотел остаться, едва ли он посмел бы запретить мне.

Выписывая в воздухе черные круги, Пог расхохотался.

— Вод эдо голова! Можед, ды и чаропевец, Джон-Том, но наивен ды, как младенческая попка!

И, взмыв повыше, фамулус отправился к реке — ловить насекомых и летучих ящериц.

— А как ты полагаешь, Мадж? Ты тоже считаешь, что Клотагорб не отпустит меня, если я захочу?

— Не знаю, что и сказать, приятель. Но ты ведь говоришь, что не собираешься возражать против этой дури, так о чем спор?

И выдр убрался в фургон, оставив Джон-Тома вышагивать взад и вперед по берегу. Хотел он того или нет, но мысль возвращалась: теперь он видел Клотагорба иным.

— Есть только один путь, которым туда можно зайтить, — продолжал старый выдр. — А ежели повезет, глядишь, и живы останетесь. Но ежели хорошего лодочника сыщете. Такого, чтоб знал, как по Второй реке плыть. Это единственный путь, иначе в горы не попадешь.

— А вы можете рекомендовать подобную личность? — спросил Клотагорб.

— О, добрых лодочников-то я знаю, — прихвастнул старикан, после чего отвернулся и густо сплюнул в воду. Оборотившись назад, он взглянул на Клотагорба. — Беда-то вся в том, что среди них идиотов не сыщешь. А вам нужен не просто лодочник, а идиот, потому как никто другой не согласится доставить вас в те края.

— Сарказм, мой юный друг, здесь неуместен, — нетерпеливо ответил Клотагорб. — Нам нужен лишь ваш совет. И если вы не собираетесь делиться своими познаниями, мы постараемся подыскать себе проводника в другом месте.

— Ладно, ладно. Не выпрыгни из скорлупы, старый выдумщик. Катастрофы еще пророчит. Есть тут один, такой вот... Может, и согласится помочь вам. Он в самый раз сгодится — дурень, да и только. А на реке молодец — проведет. Тока вот его еще уговорить надо, чтоб ввязался в это дело.

Выдр махнул лапой влево.

— Там, в половине лиги, бережок круто поднимается. А потом будут большие дубы напротив расселины. Вот там его и ищите. Отзывается на имя Хапли Бычатина.

— Спасибо за помощь, — проговорил Клотагорб.

— А если мы упомянем ваше имя... это не поможет? — осведомился Джон-Том.

Выдр расхохотался, смешок камешком поскакал по воде.

— Знаешь, друг, мое имя могло бы помочь тебе в лучших бардаках Уоттльграда, а вы, по-моему, не туда направляетесь.

Клотагорб пошарил в одном из ящичков панциря, извлек оттуда небольшую серебряную монетку и протянул выдру. Тот замахал лапами и шагнул назад.

— Нет, нет и нет! Спасибо, друг! Я не беру денег за помощь смертникам.

И, подобрав удочку и прочие принадлежности, он, горбясь, заковылял вверх по течению.

— Как хорошо, что он назвал нам это имя, — сказал Джон-Том, глядя вслед удаляющемуся старцу. — Даже денег не взял. Можно было бы подлечить его артрит.

— Арт... А, заморозки в суставах. — Клотагорб поправил очки. — Заклинание очень длинное, у нас на него нет времени. — И маг решительно направился к фургону.

Джон-Том остался на месте, глядя вслед уходящему инвалиду.

— Но он так помог нам!

— Знаю, — возразил чародей. — Услуги его я оценил в мелкую монетку, а не в большое лечебное заклинание. Что, если он просто рассказывал сказки? Хотел произвести впечатление, а имя назвал, чтобы отделаться.

— По-моему, вы жутко циничны.

Поднимаясь вместе с ним в фургон, Клотагорб поглядел на молодого человека.

— Юноша, за первые сто лет жизни обычно успеваешь понять, что абсолютно хороших людей не бывает. В следующие пятьдесят — осознаешь, что и абсолютно плохих тоже. Ну, а после двухсот... Дай-ка руку, спасибо, мой мальчик. — Джон-Том помог старику перевалить массивное тело через борт. — А после

двухсот понимаешь, что полагаться нельзя ни на что, поскольку Вселенная полна иллюзий. Уж если сам космос скрывает и искажает правду, чего же следует ожидать от жалких частиц его, подобных этому ничтожному выдру... Или нам с тобой?

Фургон вновь загромыхал вперед, а Джон-Том углубился в свои мысли.

Оставалось только надеяться, что рекомендации старикашки-выдра были надежнее, чем его оценка расстояния: до трех коренастых дубов возле глубокой низины на берегу им пришлось добираться целых два дня. Русло несколько сузилось, и течение бежало вперед сильнее, увереннее... Кое-где на воде белели клочки пены.

И все же Джон-Том не видел пока ничего опасного... Никаких сложностей для плавания. Он подумал: действительно ли необходим проводник? Река здесь была куда тише, чем у порогов, которые они миновали — с помощью Фаламеезара, конечно — на пути в Поластринду.

К воде вела крутая и неширокая тропа. Ящеры уперлись подле спуска. Их пришлось подхлестывать и подгонять. Взрывая когтями землю, они упорно пятились. С крутой обочины сыпались камешки. Один раз колесо фургона даже зависло над расселиной, суля всем падение с высокого обрыва.

Крохотная низинка заросла папоротниками и тростником. Слева к утесу жался низенький домик — точнее, хибарка. Несколько круглых окошек слепо глядели из-за хмурых бровей — глины и соломенной крыши. Из бурой трубы, сложенной из речных голышей, курился дымок. Более всего внимание их привлекла севшая на мель лодка. Вода лениво лизала ее борта, палубу огибали гнутые поручни, никаких признаков каюты видно не было.

На корме покачивалось рулевое весло. С реи на единственной мачте вяло свисал свернутый парус.

— Я надеюсь, что наш проводник окажется не менее крепким, чем эта лодка, — заявила Талея, заходя под навес у дома.

— Узнать это можно единственным способом.

И Джон-Том нырнул под навес. Дверь была сделана из старого кипариса. Окошка или глазка в ней не оказалось.

Обнаружив подходящую балку, Пог повис на ней головой вниз и облегченно вздохнул.

— Без шика, но в уюте. Тихое местечко, мне всегда нравились реки.

— Как это тебе может что-то нравиться? — поддела его оглядывавшая дом Талея. — Ты же все видишь вверх ногами.

— Лепешка вонючая, — недовольно отозвался мыш. — Эдо вы все видите вверх ногами.

Клотагорб постучал в дверь. Ответа не последовало. Он застучал снова, сильнее. И, не получив ответа, дернул за ручку.

— Заперто, — коротко заметил чародей. — Можно открыть ее заклинанием, но зачем, если хозяина все равно нет дома. — Маг явно обеспокоился. — А не мог он отправиться по делам на второй лодке?

— Если так, — начал Джон-Том, — небольшой отдых нам не повредит. Можно подождать, пока...

Вдруг дверь отворилась. Лягушка, оказавшаяся перед путешественниками, была чуть больше пяти футов ростом — пониже Талеи, но выше Маджа. Облегающие шорты из змеиной кожи доходили владельцу почти до колен, а длинная бахрома свисала к лодыжкам. Хозяин стоял, разглядывая незваных гостей.

Отороченный бахромой, подобно шортам, жилет сшит был из того же материала. Под ним оказалась кожаная же куртка, рукава которой заканчивались выше локтей. Оттуда к кистям спускалась бахрома. Шляпы на лодочнике не было, шею украшало ожерелье из позвонков какой-то крупной рыбины, белым кольцом лежавшее на зеленой в пятнах коже.

Спереди кожа лягушки была бледно-голубого цвета, переходя в розовый на пульсирующем горле. Все прочее тело было темно-зеленым в желтых и черных пятнах. Если сравнивать, скажем, с Маджем или Клотагорбом — удивительно пестрая шкура. Такого не потеряешь из виду даже в сумрачный день.

Хозяин разглядывал гостей по очереди, внимательно оценив всех членов маленького отряда, не исключая зависшего на потолке Пога. Мыш, повернув голову, с любопытством смотрел на лодочника.

Моргнув, лодочник заговорил низким монотонным голосом без всякого выражения:

— В кредит или за наличные?

— За наличные, — ответил Клотагорб. — Полагаю, мы сумеем прийти к обоюдовыгодному соглашению.

— На хрена мне ваша выгода, — ровным голосом парировал хозяин. — Меня интересует лишь моя собственная. — Клотагорб не перечил, и лодочник невозмутимо отступил в глубь дома. — Входите. Чего стоять в сырости. Больных возить — неприятностей не оберешься.

Они цепочкой вошли. Джон-Том и Флор предпочли опуститься на пол, а не рисковать стукнуться лбом о балки невысокого потолка. Кроме того, низкие кресла казались слишком уж хлипкими.

Хозяин направился к большой железной печке, расположенной у дальней стены. На раскаленном металле музыкально посвистывал котелок. Приподняв крышку, лодочник помешал его содержимое, снял пробу большим деревянным черпаком. Пахнуло дрянью. Достав с полки на стене две большие деревянные посудины с дырками наверху, он вытряхнул из каждой в котелок некоторое количество порошка, вновь помешал жидкость и, явно

удовлетворенный, закрыл крышку. Потом он возвратился к крепкому деревянному столу, расположенному посреди комнаты.

Лодочные снасти, багры, плотницкие инструменты, скобы, клинья и молотки украшали стены. В дальней части помещения была уходящая вниз лестница. Возможно, она вела в укрытие или в сырую спальню.

Склонившись над столом, лодочник сложил влажные ладони и поглядел на Джон-Тома и Клотагорба. Длинные ступни он широко расставил, чтобы не задеть собеседников. Каз возле стены рассматривал речную коллекцию. Талея отыскивала пригодное для себя кресло и, обнаружив наконец, подтащила его к столу и присоединилась к трем собеседникам.

— Я Хапли Бычатина, из зыбуновских Бычатин, — сообщил хозяин. — Лучше лодочника не найдете — ни на этой, ни на какой другой реке.

Говорил он ровным голосом — без особых эмоций и хвастовства.

— Я знаю каждый топляк, каждый подводный камень, все валуны и перекаты на шести сотнях лиг, что лежат между Крешфармом-на-Болотах и Зубами. Я знаю норы грязевых удильщиков, пороги и водовороты. Бурю я предугадываю за два дня, а по волнам хожу так, что полная чашка не расплеснется. Я даже знаю, где именно десять тысячелетий назад ведьма Вац разлила котел волшебства, отчего раздвоилась река. А значит, знаю, откуда взялось это имя — Слумаз-айор-ле-Уинтли.

Джон-Том оглянулся на все еще открытую дверь, где грушей свисал с потолка Пог. Итак, где-то, подумал он, есть развилка, из-за которой и пошли все эти имена — Двурека, Двойная река — и прочие. А поскольку здесь развилки нет и, очевидно, не будет до самых гор, значит, лежит она вниз по течению. Впрочем, и так все скоро узнаю, решил он и вновь прислушался к беседе.

— Я на своей лодке три раза оплыву вокруг любого и успею к цели в два раза быстрее. Я плаваю в непогоду — когда все торговцы и рыбаки со страху лезут под кровать. Я ничего не боюсь — ни на реке, ни на берегах ее. Дам персональную гарантию при оговоренной плате в том, что доставлю пассажиров или груз к назначенной дате или ранее в любое место. В противном случае компенсирую убытки. Я могу побить всякого, будь он дважды выше меня. — Тут лодочник бросил вызывающий взгляд на Джон-Тома, тактично смолчавшего. — Переем любую разумную амфибию или млекопитающее... Двадцать два взрослых головастика вполне могут подтвердить прочие мои способности... Беру золотой за лигу. Коком не нанимаюсь, вам придется обходиться собственным провиантом, рыбачьте, если угодно. Что касается питья — по мне, так лучше речной воды ничего нет. Я в ней как дома, но тот, кто налижется вдрызг на моем корабле, тут же окажется в реке. Есть вопросы?

Все молчали.

— Может быть, кто-нибудь сомневается?

Гости не отвечали. Нетерпеливая Талея встала и направилась к двери, где, прислонившись к косяку, остановилась, внимательно разглядывая реку. Хапли поглядел ей вслед и одобрительно кивнул.

— Хорошо. — Откинувшись в кресле, он принялся перебирать спутанную бахрому. — Итак, сколько вас, есть ли груз и куда вы направляетесь?

Клотагорб барабанил по столу короткими пальцами.

— Груза нет, только припасы и немного личных вещей. Едем все мы, — и добавил нерешительно: — А число пассажиров на плату влияет?

Лодочник оттопырил внушительных размеров нижнюю губу.

— Меня это не интересует. Плата одна — сколько б вас ни пустилось в путь. Лодка пройдет известное расстояние вверх по течению, потом мне придется проделать тот же путь в обратную сторону. Один золотой за лигу.

— Потому я и спрашиваю, — проговорил волшебник.

— Один золотой не устраивает? — Хапли поднял брови.

— Нет, направление не то. Видите ли, нам нужно вниз по течению.

Лодочник сглотнул.

— Вниз? Отсюда до подножия Зубов три дня пути. Пара деревушек, и все — в дне пути отсюда. А возле гор никто не живет. Там все хищников боятся, что водятся в ущельях и на скалах, — взять хотя бы летающих ящеров-джиннектов. Туда обычно никто не ходит. Ведь все лежит выше по течению.

— Тем не менее нам нужно туда, — сказал чародей. — Много дальше, чем вам случалось заплывать. Впрочем, если вы не согласитесь, это будет вполне естественно. Страх перед подобным путешествием — дело обычное.

Хапли Бычатина склонился вперед, едва не улегшись на стол. Уперев перепончатые ладони в дерево, он глянул прямо в глаза Клотагорба.

— Хапли Бычатина не боится ничего — ни в реке, ни на берегах ее. Мне не по вкусу подобный тон, черепаха, не забывай об этом.

Клотагорб никак не отреагировал на лягушачью физиономию, обнаружив ее прямо перед своим носом.

— Лодочник, я — волшебник и страшусь лишь того, чего не могу понять. Мы намереваемся плыть не к подножию гор, а через них и дальше — пока река будет нести нас... И еще дальше — за Зубы Зарита.

Лодочник медленно осел в кресле.

— Вы же понимаете, что все это слухи. Возможно, по другую сторону гор вовсе ничего нет.

— Тем интереснее, — ответил Клотагорб.

Пальцы забарабанили по столу, отбивая такт думам и времени.

— Сотня золотых, — наконец вымолвил Хапли.

— Ты же говорил, что тариф один — золотой за лигу?

— Это когда путешествуешь по земле, самка. Ад — местечко подороже.

— А я думал, что ты не боишься. — Джон-Том старался, чтобы в голосе его не слышалась подначка.

— Не боюсь, — согласился Хапли. — Только я не так глуп. Если мы сумеем уцелеть, я хочу получить кое-что реальное, помимо незабываемых воспоминаний. Там, в горах, мы окажемся в неизвестных мне водах... И дело этим не ограничится. Тем не менее, — проговорил он с подобающим безразличием, — ты прав, волшебник, путешествие будет интересным: вода есть вода, куда бы ты ни плыл.

Отодвинувшись от стола, Клотагорб угрюмо сказал:

— Извините, Хапли, но мы не имеем возможности заплатить вам.

— Что вы за волшебник, если не умеете делать золото?

— Могу, — смутившись, уверил Клотагорб. — Просто куда-то засунул проклятое заклинание, а оно слишком сложное, чтобы пробовать наугад, рискуя ошибиться. — Он вновь полез в ящички. — Может быть, договоримся так: несколько монет сейчас, остальные... э, потом?

Встав, Хапли громко шлепнул по столу ладонями.

— Ну что ж, приятный был разговор. Желаю счастья, а оно вам скорее всего понадобится больше, чем отличный лодочник. Теперь, если вы не возражаете, я намереваюсь поужинать — варево вот-вот дойдет. — И он повернулся к печке.

— Минуточку. — Клотагорб хмуро поглядел на Джон-Тома. Хапли остановился. — Мы можем заплатить вам, впрочем, я не знаю, сколько у меня есть.

— Мальчик мой, не стоит лгать. Дело так не делается. Придется просто...

— Нет, Клотагорб, у нас кое-что есть. — Молодой человек ухмыльнулся. — Под моей шкурой кроется кое-какой капиталец.

— А! — Физиономия выдра просветлела. — А я на хрен позабыл ту ночь, приятель.

Джон-Том отстегнул клапан на капюшоне, тяжело стукнувшемся о стол. Хапли посматривал уже с интересом. Под взглядами собравшихся Джон-Том с Маджем вспороли подстежку. Со звоном посыпались монеты.

Когда подсчет завершился, оказалось, что поспешно собранные остатки прибыли от игорных подвигов Джон-Тома составляют шестьдесят восемь золотых монет и пятьдесят две серебряные.

— Не хватает.

— Пожалуйста, — попросила Флор. — Если этого мало, остальное мы выплатим потом.

— Потом. Это я уже слыхал, — отозвался несгибаемый лодочник. — Потом, самка, обычно значит никогда. Или вы хотите, чтоб я довез вас почти до конца реки, а остальное расстояние проплывете сами? Вот и я не хочу остаться с почти всей платой.

— Ну, если ты такой же умный, как и упрямый, — заявил Джон-Том, — значит, ты и впрямь лучший лодочник на этой реке.

— У нас есть еще кое-что. — Талея все еще стояла в дверях, но теперь обернулась к собравшимся. — А как насчет нашего фургона и упряжки?

— Конечно! — Джон-Том поднялся, едва не врезавшись головой в потолок, и сверху вниз поглядел на Хапли. — У нас еще есть фургон, которым гордился бы любой фермер или рыбак. Он большой — нам там было просторно — и прочный. Доехал досюда от Поластринду. Кроме того, упряжь, ярмо, четверо ломовых ящериц, запасные колеса и припасы. Все из самого лучшего материала. Нам подарил его Городской Совет Поластринду.

Хапли заколебался.

— Ну, я не торговец...

— Да ты только погляди на него, — настаивала Флор.

Подумав, лодочник зашлепал лягушачьими лапами к выходу, не обращая внимания на висевшего над дверью Пога. Остальные последовали за ним.

Торговец или не торговец, но Хапли обследовал фургон самым тщательным образом — от бамбошек на упряжи до зубов ящеров.

Закончив осмотр под фургоном, он выбрался оттуда и поглядел на Клотагорба.

— Согласен. Зачтем за разницу.

— Как это благородно! — Каз не участвовал в торге, но выражение это свидетельствовало, что исходом сделки кролик недоволен. — Один только фургон стоит дороже двадцати золотых. Ты нас разоришь и пустишь по ветру.

— Возможно, — согласился Хапли. — Но лишь я один могу доставить вас разоренными туда, куда вы хотите попасть. Спорить не буду. — Он умолк и добавил после короткого раздумья. — Ужин вот-вот через край хлынет. Так что решайте.

— Выхода нет, — сказал Клотагорб. — Кроме того, фургон нам больше не нужен. — Он бросил яростный взгляд в спину Каза, изучавшего реку без всяких признаков раскаяния. — Согласен. Когда отправляемся?

— Завтра утром. Я должен подготовиться, собрать кое-какие припасы. А вы тем временем можете выспаться.

Хапли поглядел на поднимающиеся на востоке утесы.

— Прямо в Зубы. — Пучеглазая физиономия обратилась к Джон-Тому. — Там деньги вам ни к чему, на другой стороне тоже,

если она существует. А если я не вернусь, ими попользуются мои отпрыски. Живым деньги нужнее, чем мертвым. — Бурча себе под нос, он повернулся и заплюхал к дому.

Как пояснил Хапли, они оплатили только услуги по перевозке, но никак не пребывание в доме.

Но на следующее утро лодочник поднялся еще до рассвета и был готов, когда все еще спали.

— Люблю рано отправляться в путь, — пояснил он, пока остальные собирались. — Я привык делать деньги. Раз вы заплатили за день пути — пожалуйста, и получите его.

Каз поправил монокль.

— Звучит разумно, тем более что мы за каждый день пути заплатили, как за месяц.

Хапли невозмутимо ответил:

— Знаешь, однажды случилось мне видеть бритого кролика. Уморительная была картина... Совсем-то без меха.

— А я, — с апломбом ответствовал Каз, — однажды видел лягушку, у которой рот был шире головы. С ней случилась ужасная вещь.

— Какая же? — равнодушно поинтересовался Хапли.

— Нога в рот попала. Не видел ничего хуже. Летальный исход.

— Лягушки не летают.

Кролик терпеливо улыбнулся.

— Моя нога в рот попала.

Парочка обменялась свирепыми взглядами. Потом Хапли ухмыльнулся: выражение это словно специально создано для лягушек.

— А я, трехглазый, знавал подобные случаи с персонами, и не принадлежащими к моему роду.

Каз ответил улыбкой.

— Выходит, довольно типичная ситуация. К тому же, я одним глазом вижу лучше, чем некоторые двумя.

— Тогда постарайся увидеть, как быстрее шевелиться. Я не намереваюсь спать здесь целый день. — И лодочник отошел.

Из фургона выглянула Талея, сонно приглаживая непослушные кудри, упругие, как стальные пружины.

— Раз вы, лежебоки, еще не готовы, я тем временем позабочусь о моем фургоне и упряжке, задам им корму, — сообщил лодочник.

— Во жук! Ну и собственник! — прокомментировал Мадж.

— Теперь, Мадж, это его фургон и его ящерицы. — Джон-Том аккуратно пропустил посох в петли под зеленым плащом. — Они в его власти. Да и мы тоже.

Когда все собрались в лодке, привязали мешки и припасы, Хапли отцепил канаты, аккуратно смотал их и навалился на длинное рулевое весло. Лодка скользнула на просторы реки. Повис-

ший на расчалке мачты Пог переменил позу и принялся следить за серебристым небом, скользящим над синей водой.

Течение скоро подхватило лодку. Низина с глинобитной хаткой под соломенной крышей исчезла вдали. Впереди высилась серо-бурая стена гранита, увенчанная льдом, — родина крылатых хищников, своенравных ветров и высоких облачных шапок.

Джон-Том привалился к борту и лениво водил ладонью по воде. Трудно было предположить, что подобное путешествие может оказаться опасным. Вода была теплой, она успела согреться на долгом пути от Крешфарма-на-Болотах. Солнце то и дело проглядывало меж надоедливых облаков, тепло посвечивая на лица. Ничто не сулило дождя до ночи.

— Значит, ты говоришь, что до подножия гор плыть три дня?

— Так, приятель, — отвечал Хапли. Лодочник не повернулся к Джон-Тому. Правая лапа его держала весло, а глаза были устремлены вдаль. Сидел он на кресле, пристроенном на корме к поручням. В широких губах зажата была изогнутая длинная трубка. Речной ветерок гнал к небу тонкую струйку дыма из белой чашки.

— А насколько далеко река заходит в горы? — Флор стояла на коленях на носу лодки и глядела вперед. В голосе ее слышались ожидание и надежда.

— Никто не знает, — бросил Хапли. — Лиги... может, недели пути. А может, и несколько дней.

— А где же она заканчивается, как по-вашему? В подземном озере?

— Адовым Водопоем.

— А что такое Адов Водопой, senor Rana[1]?

— Слухи. Басни. Сплав всех страхов, пережитых теми, кто плавал здесь в плохие времена — в непогоду, на тонущем корабле, трудился в скверной гавани, повинуясь хлысту пьяного капитана. Я всю свою жизнь провел на воде или в ней. Для меня путешествие оправдает себя, если мы узнаем, что Водопой этот из себя представляет, пусть мне и придется заплатить собственной жизнью. Так должны заканчивать свою жизнь все истинные мореходы.

— Не означают ли твои слова, что мы можем надеяться на возмещение? — осведомился Каз.

Лодочник расхохотался.

— А ты, кролик, остроумный мужик! Надеюсь, что ты сохранишь эту способность и там, куда нас затянет.

— Там нас не ждет ничего страшного, — сообщил Клотагорб. — Мне тоже приходилось слышать легенды об Адовом Водопое. Говорят, что понять, куда ты попал, можно заранее. Тебе придется высадить нас на безопасном удалении, а дальше мы продолжим путь пешком. Тогда и удовлетворишь свое любопытство.

— Звучит неплохо, сэр, — согласился лодочник, — но только

---

[1] Господин лягушка (*исп.*).

если я сумею вас высадить... Если там вообще найдется место для высадки. В противном случае вам придется сопровождать меня.

— Неужели ты рискуешь своей жизнью, чтобы узнать, правда ли эта легенда? — спросила Флор.

— Нет, женщина. Жизнью я рискую за сотню золотых, фургон и упряжку — ради двадцати двух отпрысков. И еще потому, что никогда в жизни не отказывался от работы. Без репутации я ничто. Потому мне и пришлось принять ваше предложение.

Он чуть шевельнул рулевым веслом. Лодка слегка изменила курс и подошла ближе к середине потока.

— Деньги и гордость, — раздумывала Флор. — Едва ли ради них стоит рисковать жизнью.

— Ты можешь предложить что-нибудь получше?

— Ей-богу, могу, Rana. Куда более стоящую. — И девушка начала рассказывать о цели их путешествия. Но Хапли не собирался записываться в добровольцы.

— Спасибо, я предпочитаю деньги.

«К счастью, Фаламеезар нас оставил, — подумал Джон-Том. — Дракон и лодочник определенно находились на противоположных частях политического спектра. Конечно, будь с нами Фаламеезар, прибегать к услугам Хапли не пришлось бы». И юноша вдруг понял, что, невзирая на всю архаичность окостенелой и замшелой философии, он скучает по обществу дракона.

— Вот что, молодая самка, — наконец заявил Хапли, — у тебя романтика, а у меня убеждения. Я помогаю тебе добраться до цели, и большего ты от меня не добьешься. А теперь заткнись. Терпеть не могу трескотни, особенно — бредней романтически настроенных самок.

— Терпеть, значит, не можешь? — Флор начала подниматься на ноги. — А как тебе понравится, если...

Лодочник махнул перепончатой лапой в сторону южного берега.

— Смотри — плыть недалеко, а для человека ты должна просто отлично плавать. Доберешься безо всяких хлопот.

Флор хотела было закончить выпад, но поняла намек и опять уселась на носу суденышка. Она кипела от гнева, но сохраняла самообладание. Музыку заказывает Хапли, так что придется плясать под его дудку в соответствии с предложенными им правилами. Впрочем, она не обязана восхищаться положением дел.

Лодочник удовлетворенно попыхивал трубкой.

— Интересные вы пассажиры, таких мне еще не приходилось возить. — Выбив на палубу пепел, он закрепил рулевое весло и продолжил, убирая трубку: — Удивительно, как это вы еще не поубивали друг друга.

Странное дело, размышлял Джон-Том, пока течение несло их к Зубам Зарита. Обычно реки вытекают из гор. Быть может, Слу-

маз-айор-ле-Уинтли рушится там в какой-то неведомый каньон? Если так — их ждет удивительное путешествие.

Иногда, чтобы укрыться от ночного дождя, приходилось ставить брезентовый верх. В таких случаях Хапли крепил весло, направляя лодку в какую-нибудь безопасную гавань. Так они пережидали ночь, а тем временем дождик барабанил по низкому потолку. Наконец поднималось солнце и разгоняло облака. Тогда суденышко отправлялось дальше, влекомое быстрым течением по глади реки.

Всю высоту Зубов Зарита Джон-Том смог оценить лишь на третий день пути. Еще утром они добрались до предгорий. Река настоятельно прокладывала себе путь среди округлых, покрытых зеленью холмов. По сравнению с надвигающимися горами массивные холмы казались припухлостями на земной тверди.

Там и сям из кустов выступали гранитные скалы. Джон-Тому они напоминали кончики пальцев погребенных гигантов... Невольно вспоминались легенды об этих горах. Не превращаясь в порожистую, река убыстряла течение, словно поспешая доставить странников к загадочному месту назначения.

Прошло несколько дней. Никаких признаков обитаемых мест они не обнаружили. Холмы поднимались выше, растительность все реже покрывала склоны. Даже дикие звери попадались нечасто.

Лишь однажды они увидели на берегу животных. Возле реки теснилось стадо единорогов. Выстроившись полукругом, жеребцы и кобылы защищали жавшихся к воде жеребят. Те тревожно ржали и фыркали.

Перед занявшим оборонительные позиции стадом беспорядочно бродила стая приблизительно из дюжины ящеров величиной со льва. Красно-белая чешуя тощих, словно уиппеты[1], пресмыкающихся блестела на солнце.

Как раз когда путешественники проплывали мимо, один из ящеров прыгнул через головы взрослых, пытаясь попасть прямо на спину кого-нибудь из жеребят. Но вместо этого он угодил на неровный двухфутовый рог одного из жеребцов.

Жуткое шипение рапирой пронзило день, во все стороны брызнула кровь, заливая убийцу и молодняк. Изгибая шею, единорог передними копытами ударил по изгибающемуся телу хищника, стряхивая его с рога.

Лодка скрылась за поворотом, и пассажиры так и не узнали об исходе боя. Кровь хищника струйкой стекала в реку. Волны бездумно понесли красное пятно вслед за суденышком.

---

[1] Порода гончих (*прим. перев.*).

Глава 6

На следующий полдень они миновали изгиб реки. По мнению Джон-Тома, он должен был оказаться последним. Горы вокруг постепенно становились все выше. Внушительные вершины терялись рядом с отвесной стеной, поднимавшейся впереди. Пики на ней были прикрыты облаками, лишь изредка расступавшимися, чтобы явить очередную никогда не таявшую шапку из снега и льда. Крапчатые стволы хвойных деревьев на недоступных высотах казались сучками и пропадали в тумане.

Дело было в том, что спереди вырос ровный серый утес. Гранитная стена, неприступная и холодная.

Сей непроходимый барьер ни в коей мере не нарушил спокойствия Хапли. Навалившись на рулевое весло, он направил лодку к берегу. Сперва Джон-Том подумал, что они пристанут прямо к скалам, но, когда они обогнули массивный утес, увидел крошечный пляж, к которому и правил лодочник.

Не пляж — просто сухая борозда, процарапанная среди скал. Теплая вода омыла сапоги молодого человека, когда все попрыгали в воду, вытаскивая лодку на песок.

Плавник на берегу перемежался старыми черными кострищами. Маленькая расщелина была последней стоянкой на реке.

Во всяком случае, на видимой ее части.

Ветер посвистывал, обрушиваясь с вершин утесов. Он словно бы говорил: возвращайтесь назад, дураки, впереди нет ничего, одни только скалы и верная смерть. Ветер дул с востока, гнал их обратно на запад, заставляя спотыкаться.

Джон-Том зашел в реку поглубже — так, что вода чуть не залилась в сапоги. Припав к большой скользкой скале, он понял, почему Хапли причалил в этой укромной бухте.

В нескольких сотнях ярдов вниз по течению река исчезала, и оттуда доносился непрестанный треск и грохот. Бревна, ветви, кости, всякий плавучий мусор, словно в котле, бурлили возле серой поверхности скалы. Пена холодной лавой заливала гранит и древесину.

Он не мог видеть, что происходит внутри горы, — мешал плавучий мусор, но время от времени какая-нибудь крупная ветка или ствол исчезали под водой, должно быть, втянутые в подземную полость. Густой слой мусора на воде свидетельствовал, что свод поднимается над поверхностью на какие-то сантиметры. В противном случае вход зиял бы черным пятном на граните, а если бы каменная перемычка находилась под водой, та явно должна была подняться и затопить пляж.

Впрочем, само отверстие должно быть большим: у склона

горы русло сужалось ярдов до тридцати, а течение при этом не ускорялось.

— Ну, что будем делать? — К Джон-Тому подошла Флор. Она посмотрела, как возле скалы кружили и толкались бревна толщиной в несколько футов. Такие весили не одну тысячу фунтов и к тому же были пропитаны водой. — Этот завал не отодвинуть от скалы никакими усилиями.

— Не стоит и пробовать, — отозвался юноша. — Даже если Клотагорб сумеет каким-нибудь заклинанием разогнать плавник, свод слишком низок и не пропустит лодку.

Хапли уже был на берегу, на песке, и выгружал припасы.

— Этот путь — не для нас. Мы направляемся не туда. То есть туда, но не так.

— Не понимаю, — отозвался Джон-Том.

— Поймешь. Заплатил ведь, чтоб понять. — Лодочник ухмыльнулся во весь свой лягушачий рот. — Как по-твоему, почему Слумаз-айор-ле-Уинтли зовется Двурекой, или Двойной?

— Не знаю я. — Собственное невежество раздражало Джон-Тома. — Я полагал, что она раздваивается в верховьях. Но название не объясняет мне, как мы проберемся туда. — И он показал на кружащую грохочущую массу.

— Говори — не говори, нужно уметь понимать.

— Итак, с чего мы начнем? — спросил юноша, утомленный загадками.

— Сперва мы снимаем с лодки все, что может плыть, — распорядился лодочник.

— А потом?

— Потом выводим ее на середину потока, вынимаем затычки и топим, конечно, сперва надежно поставив на якорь.

Джон-Том хотел было высказаться, но передумал. Слова лягушки не имели никакого смысла, а поскольку идиотом его трудно было назвать, значит, лодочник знает нечто, неведомое ему, Джон-Тому. Как его учили? Сталкиваясь с непонятным, не спорь, если не имеешь убедительных доказательств.

— А я все еще не понимаю, — призналась смущенная Флор.

— Поймешь, — заверил ее Хапли. — Кстати, вы оба умеете плавать?

— Превосходно, — отозвался Джон-Том.

— Не утону, — сообщила Флор.

— Хорошо. Надеюсь, что другая человеческая самка тоже умеет плавать. Пока вы можете лишь помочь мне разгрузить лодку. А потом отдохнете и понаблюдаете.

Когда из лодки выгрузили последний плавучий предмет, поймав лодочника на слове, они остались на берегу.

Хапли вывел крохотное суденышко на середину реки. Обнаружив устроившее его место, ничем не отличавшееся для Флор и Джон-Тома от прочих, он выбросил носовой и кормовой якоря.

Солнце поблескивало на черно-зеленой шкуре раздевшегося лодочника и на влажной шерсти выдра — тот стоял рядом, — оставившего одежду на берегу.

Оба следили, как опускаются вниз якоря. Лодка медленно развернулась и замерла на месте в дюжине ярдов вниз по течению. Хапли подергал канаты, чтобы убедиться, что якоря легли на дно.

А потом на несколько минут он исчез за бортом. Вскоре лодка начала тонуть, и вот уже над поверхностью осталась одна только мачта, тоже быстро исчезнувшая из виду. Мадж плавал на этом месте, время от времени опуская голову в воду. Хапли, как амфибия, чувствовал себя в речных глубинах превосходно. Мадж был не менее уверен в себе: он не мог извлекать из воды кислород, однако быстрее плавал.

Вынырнув, выдр махнул оставшимся на берегу и выкрикнул нечто непонятное. Потом снова погрузился в воду и несколько раз повторил все нырятельные упражнения. Потом рядом с ним на поверхности воды показался Хапли, и они вместе направились к пляжу.

Выдр и лягушка отбуксировали плавучие припасы, аккуратно запакованные в водонепроницаемые шкуры, на середину потока и, исчезнув там с ними под водой, возвращались за новыми.

Наконец мокрый Хапли вылез на песок.

— Хорошо, что река не с гор течет. То-то было бы холодно для такого занятия.

— Какого? — поинтересовалась совершенно озадаченная Флор.

— Пошли — увидишь.

— Пошли? Куда пошли?

— На лодку, куда же еще, — ответила Талея. — Разве ты не знаешь?

— Мне никто ничего не объясняет... Глядят только. — Флор уже почти рассердилась.

— Через минуту ты все узнаешь.

Лодочник протянул ей водостойкий мешок.

— Одежду положишь сюда.

— Зачем это? — Глаза Флор сузились.

Хапли терпеливо пояснил:

— Чтобы не намокла. — И отвернулся. — Вообще, как хочешь. Угодно путешествовать мокрой в холодной горе — я не против. Уговаривать тебя не собираюсь.

Джон-Том уже снимал плащ и рубаху. Талея и Каз поступали подобным же образом. Флор чуть поежилась и начала раздеваться. Волшебник тем временем проверял, плотно ли закрыты ящички в панцире. Физически он был самым слабым, однако, как и лодочник, не должен был испытать никаких сложностей на этом этапе пути.

Оставалась, впрочем, проблема в виде черной груши, повисшей на ветви одного из выброшенных на берег стволов.

— Никогда! Не дождетесь и не мечтайте. — Пог непреклонно обхватил себя крыльями за плечи, выказывая твердость алмаза. — Буду ждать здесь.

— А если мы будем возвращаться другим путем?

— Да ходь вообще не возвращайтесь, — буркнул летучий мыш. — Меня эдо вовсе не волнует.

— Вот что, — Клотагорб решил обратиться к разуму фамулуса. — Я ведь могу и заставить.

— Вы, босс, много чего со мной можете сделать, — ответил мыш. — Но лезть в эду поганую реку не заставите.

— Давай скорее, Пог, — сказал Джон-Том. Дурацкое это дело — стоя голым на берегу, уговаривать залезть в воду летучую мышь. — Все мы: Флор, Каз, я и Талея — тоже не водные жители. Но я верю Клотагорбу и нашему лодочнику, они знают, что делают. Конечно, там будет воздух. Я тоже не способен надолго задерживать дыхание.

— Воду пьют, в ней не живут, — настаивал Пог. — Вам не загнать меня в эду жидкую могилу, и все дуд.

На лице Джон-Тома появилось скорбное выражение.

— Ну, если ты в этом уверен, — он заметил, как Талея и Мадж заходят со спины свисающего с ветки Пога, — значит, и впрямь можешь подождать нас здесь.

— Прошу прощения... — возмутился волшебник.

Положив руку на панцирь, Джон-Том осторожно подтолкнул старика к реке.

— Нет смысла спорить с ним, сэр, раз уж Пог решил...

— Эй! Пустите! Чертов Мадж, не ломай крылья. Я дебе потроха вырву! Я... я... Пусти!

— Держите крылья!.. Смотрите, чтобы не укусил!

Флор с Джон-Томом бросились помогать, и вчетвером они спокойно разложили мыша. Успевшая отыскать прочные и тонкие лианы, Талея принялась увязывать строптивого фамулуса, как рождественский подарок.

— Извини, старина, — сказал Каз, — но мы только попусту тратим время. Джон-Том прав, ты сам это знаешь. Наверное, здесь я — самый худший пловец, но Клотагорб уверен, что опасности нет, так что я не колеблюсь.

— Конечно, нет, — подтвердил чародей. — Ну, разве что самая малость. Хапли знает, как глубоко придется нырнуть.

Лодочник, стоя рядом, прислушивался и неодобрительно поглядывал на фамулуса.

— Именно. Берите его и пошли.

Тщательно упакованного и перевязанного летучего мыша понесли к реке.

— Пустите! — Пог испытывал неподдельный ужас перед ку-

паникой. — Не могу я, говорю же вам! Утону! Всех предупреждаю: вернусь с дого света и буду преследовать до конца дней.

— Твоя воля. — Талея первой вступила в реку.

— Ты утонешь, — заметил Хапли, — только если не будешь делать так, как я говорю.

— И куда мы направляемся? — поинтересовался ошеломленный Джон-Том.

Лодочник показал вперед и вниз.

— Сперва плывем, друг. Потом в нужном месте — я скажу где — ныряем. А потом снова плывем.

— Прямо вниз?

Джон-Том топнул, возмущая гладкую чистую воду. Легкий хододок страха пробежал по его спине. Клотагорб с Хапли и, в меньшей степени, Мадж воды не боялись совсем. Она была для них вполне привычной средой обитания. Но если что-то будет не так? Что, если подводная пещера — а куда еще они могут направляться — окажется чересчур глубоко?

Дружеское прикосновение к плечу подбодрило его.

— Эй, чувак, зачем постная физиономия? Тут и на мизинец нечего беспокоиться. — Мадж улыбнулся в мокрые усы. — Здесь неглубоко, даже для такого никудышного пловца, как человек.

Все переглянулись. Вопли Пога сделались уже почти истерическими.

— Эй, давайте сюда этого крикливого летуна. — Раздосадованный Хапли ухватил сверток с мышом за веревку. Физиономия Пога мышиной мордочкой высовывалась из темного кулька. — Берись за другую сторону.

— Хеей-хо, взялся. — Мадж ухватил лианы с противоположной стороны.

Удерживая вместе со вторым самым искусным пловцом сверток на плаву, Хапли наставлял остальных:

— Считаем до трех и ныряем.

Люди кивнули. Каз тоже, он умело скрывал свой страх.

— Готовы? Раз... два... Перестань вопить, вдохни поглубже — или утонешь... три!

Под утренним солнцем мелькнули спины. Крик утих — Пог успел набрать воздуха.

Джон-Том ощутил, как уходит вниз его тело. Вода становилась прохладнее, потемнело. Он завертелся, чтобы прогнать холод.

Возле него маячили силуэты спутников. К одной из ног прикоснулась скользкая ладонь. Обернувшись, он увидел сзади округлые контуры панциря Клотагорба. Маг непринужденно плавал вокруг сухопутных жителей. Вода сбросила с него лет сто, и двигался чародей с грацией и изяществом балерины.

Толчок предназначался скорее, чтобы удостовериться, что никто не потерял ориентации и не отклонился. Торопить ныряльщиков черепах не собирался.

Но и без того Джон-Том начинал уже ощущать беспокойство. Увеличившееся давление свидетельствовало, что они опустились достаточно глубоко. Он и Флор находились в прекрасной форме, однако в Поге и Казе молодой человек не был уверен. Но если воздушный карман, к которому они направлялись, не появится перед ним немедленно, придется поворачивать обратно.

Поверхность он прорвал неожиданно. Почувствовал, что падает головой вниз и молотит руками в отчаянной попытке восстановить равновесие.

Громкий всплеск сообщил, что рядом кто-то плюхнулся в воду. А потом в воду упал и сам Джон-Том, погрузился на несколько футов и вынырнул на поверхность.

Оказавшись наверху, он несколько раз глубоко вздохнул. С мокрой головы оказавшейся рядом Талеи потоками краски стекали распрямившиеся рыжие кудри. Она проморгалась, вздохнула и фыркнула.

— Что ж, ничего страшного. Так об этом и рассказывают, но не следует доверять всему, что говорят люди.

Течение легкой рукой колыхало ее груди. Джон-Том поглядел на девушку, впервые по-настоящему обратив внимание на ее наготу. Там, на пляже, вроде, было и не до того.

Но они были на поверхности воды. Разве не так?

Кто-то подтолкнул юношу в спину.

— Пусть течение само отнесет тебя.

Джон-Том повернулся, и перед ним оказались огромные глаза Хапли. За спиной лодочника маячил корабль. Он стоял на якоре посреди потока ярдах в десяти отсюда. Мадж уже возился на борту, распаковывая припасы. Течение несло их к лодке. Перегнувшись через борт, выдр протянул руку Джон-Тому, потом помог Талее.

На палубе сидел какой-то большой дергающийся предмет, который поначалу показался Джон-Тому странной рыбой. Предмет дернулся вновь, и молодой человек признал в нем по-прежнему связанного и разъяренного Пога. Приняв предложенное Маджем полотенце, Джон-Том обтерся и принялся развязывать фамулуса.

— Ну как, Пог, о'кей?

— Я дебе дам о'кей! Я промок, замерз, ушибся.

— Но ты цел.

Джон-Том ослабил еще один узел, и показалось крыло. Оно дернулось, разбрызгивая воду.

— Деперь чдо, поздно вспоминать, — огрызнулся Пог.

Когда высвободилось второе крыло, мыш встал на колени, потом на ноги и медленно замахал крыльями, чтобы просушить их.

К ним присоединился Мадж. Мех выдра отталкивал воду, и он одевался уже почти сухим.

— Ну че, кореш? — спросил он у мыша. — Неужели и слова доброго не найдется для закадычного друга?

Рядом лежал открытый мешок с одеждой. Джон-Том шагнул к нему, чтобы выудить свои вещи.

— Ага, есть чего сказать закадычному другу. А иди-ка ты на... — Послав приятеля подальше, мыш для пробы поднялся над палубой, разыскивая удобную расчалку, повис там головой вниз и расправил крылья пошире для просушки.

— Ну зачем так, дружище? — обиделся выдр, приладив шляпу на голове и расправив перо. — Пришлось ведь. Ты не согласился бы по своей воле.

Пог промолчал. Выдр пожал плечами, предоставив ученику чародея, потерявшему дар не речи, а скорее бурчания, гневаться в свое удовольствие.

Джон-Том застегивал брюки и, пока все одевались, оглядел необыкновенное место, где они оказались.

Вдалеке словно бы грохотал товарный состав. Шум гудел в ушах, вибрировал в теле. Сперва молодому человеку показалось, что они находятся в тускло освещенном тоннеле. В некотором роде так оно и было.

Корабль стоял на якоре. С обеих сторон поднимались высокие влажные берега, заросшие мхом и грибами. Нормальными их трудно было назвать, поскольку папоротники и лианы тянули корни в обе стороны — и к нижней, и к верхней рекам.

Над головой серебрилось небо — нижняя сторона верхней реки. Джон-Том прикинул расстояние: реки разделяло не более десяти метров. Мачта лодки до верхнего потока не доставала.

Как могли течь две реки, не сливаясь и не встречаясь, сохраняя разделявшее их пространство?.. Непонятно было, как совместить такую возможность с физическими законами. Магическими, поправил он себя.

— Легкая часть пути закончена. — И Хапли принялся поднимать якорь с помощью небольшой лебедки.

— Легкая? — Джон-Том не совсем расслышал лодочника. В ушах его все еще плескалась вода.

— Да. Досюда течение Слумаз-айор-ле-Уинтли известно. Правда, по нижней части ее путешествовали немногие, но тем не менее тоже плавали. — Лодочник показал лапой в сторону носа лодки. Впереди река... точнее, реки... исчезали во мраке. — А вот там, куда мы направляемся, никто не бывал.

Джон-Том шагнул вперед и помог лодочнику крутить лебедку.

— Благодарю, — отозвался Хапли, когда работа была закончена.

В лицо Джон-Тому дул сильный ветер. Он вырывался из тьмы и леденил лицо, подсушивая волосы. Юноша поежился. Ветер дул из горы. Значит, она скрывала внушительные пустоты.

Здесь на воде не было влажного мусора, мешающего движению лодки. Течение легко унесло бы скопившиеся наверху бревна и сучья. На второй реке свод пещеры не преграждал им путь.

Подняв и закрепив второй якорь, они вновь поплыли вниз по течению. Хапли полез в водонепроницаемый сундучок на палубе. Там оказались масляные лампы и факелы. Их повесили на крючья, воткнули в гнезда и зажгли.

Ветер сдувал огонь назад, но не гасил его. Внутри конических колбочек фонарей мирно подрагивали язычки пламени.

— Почему же ты нас не предупредил? — встряхивая густой черной гривой, обратилась к лодочнику Флор.

Хапли махнул в сторону усевшегося возле поручней Клотагорба.

— Это он сказал, чтоб вам ничего не говорили.

Джон-Том и Флор вопросительно поглядели на мага.

— Вот так, молодежь. — Чародей указал в сторону текучей серебристой кровли. — Оттуда падать высоко. Я не был уверен, что точно знаю расстояние, а также в вашей реакции на подобное странное погружение. Потому и решил не вдаваться в подробности — не хотел пугать вас.

— Мы бы не испугались, — твердо заявила Флор.

— Возможно, — согласился чародей, — но рисковать не было необходимости. Как видите, мы все здесь, целы, здоровы и продолжаем путь.

Со стороны фигуры, темневшей на расчалке, донеслось грязное словцо.

На правом борту послышался громкий многократный плеск.

Прямо на глазах путешественников из воды выпрыгнули несколько рыбин размером с крупного окуня. Плавники и хвосты их были необыкновенно сильными и широкими.

Два прыгуна упали назад, а третий пронзил текучее небо, зацепился плавниками за воду и, изогнувшись, исчез в верхней реке. Прошло несколько минут, и пошел дождь из пескариков. Целая стая мальков вырвалась из верхней реки, чтобы исчезнуть в нижней. Там их поджидали два неудачника. Вскоре к ним спустился и их сильный приятель.

Джон-Том с легким головокружением наблюдал за перекидывающейся сверху вниз и обратно погоней. Мозг его ощущал куда большее смятение, чем глаза. Визуальная информация не соответствовала ничему из того, что он знал прежде.

— Хотя происхождение названия теперь понятно, — сказал он, обращаясь к лодочнику, — представить себе не могу, как такое возможно.

Хапли приступил к повествованию о Слумаз-айор-ле-Уинтли, о великой ведьме Вац, о пролитом котле заклинаний... и о том эффекте, который он произвел на реку.

Когда лодочник закончил, Флор недоверчиво покачала головой.

— Grande, fantastico[1]. Шизоидный поток.

— Флор, как по-твоему, что все-таки вращает Землю? — весело полюбопытствовал Джон-Том.

— Гравитация и прочие законы.

— А я полагал — любовь.

— Дело в том, — вступил в разговор Клотагорб, — что гравитационные характеристики любви прекрасно известны. А вы, похоже, считаете ее притягательную природу исключительно психологической. Позволь мне тогда объяснить, мой мальчик, что существуют известные формулы, с помощью которых... — И он завел разговор ученый — полугалиматью-полунауку, из которой, собственно, и состоит магия. Джон-Том и Флор пытались следить за его мыслью, но в основном без успеха.

Опираясь на поручни, Талея застыла на носу, взгляд ее был прикован к черноте, лежавшей впереди и вокруг. Прохладный ветер трепал ее волосы и заставлял гадать, что скрывается под покровом ночи.

Много дней плыли они по течению в темноте: вода была наверху и внизу. Труба с жидкими стенками увлекала их к неизвестной судьбе. Джон-Том находил сходство между корабликом и молекулой в кровеносном сосуде. После всех речей про «зубы» Зарита и путешествий в «брюхе» горы, аналогия эта вселяла в него беспокойство.

Время от времени они бросали якорь посреди реки, чтобы пополнить припасы рыбой, населявшей здешние воды. Тогда Хапли и Мадж отправлялись на разведку в верхнюю реку. Они влезали на мачту — Мадж помогал не столь ловкому в этом деле лодочнику. Затем в дно верхней реки с помощью стрелы запускали небольшой поплавок. Его надували, чтобы лучше держался, а веревку привязывали к мачте. Хапли и выдр взбирались наверх и исчезали в жидком потолке.

Они брали с собой маленькие масляные фонари, снабженные рукоятками, иначе оба искусных пловца могли затеряться на глубоководье.

На двенадцатый день, когда путешествие сделалось опасно монотонным, Хапли спустился по канату в необычном возбуждении.

— По-моему, проехали, — радостно объявил он.

— Проехали? Что? Конечно, не горы. — Клотагорб нахмурился. — Не может быть. При такой высоте хребет не может быть настолько узким. Ведь и легенды...

— Нет-нет, сэр. Не горы. Просто воздушное пространство над верхней рекой увеличилось. В пещере плыть интереснее — не

---

[1] Великолепно, фантастика (*исп.*).

то что в этом тоннеле, где ничего не меняется. Теперь можно перейти наверх, там все-таки есть какой-то свет.

— А какой? — поинтересовалась Флор.

— Увидишь.

Все занялись приготовлениями. На сей раз разгружать лодку не пришлось. Вещи поднимали к верхнему потоку, а там они моментально выскакивали на поверхность. Мадж поджидал их и оттаскивал поплавки к берегу.

Когда переправили все припасы, сухопутные жители полезли по веревке и погрузились в верхнюю реку. Переход оказался проще, чем в первый раз: выбираться на поверхность — это не нырять невесть куда.

Джон-Том непринужденно выскочил наверх и, плавая, обозревал огромную полость, в которой текла река.

Флегматик-лодочник недооценил ее размеры. Пещера была невероятно огромной.

Слева Джон-Том увидел каменный козырек, которым заканчилась скальная крыша, столько дней прикрывавшая верхний поток. Здесь течение несло кое-какой мусор, редкие куски древесины были чуть ли не отполированы постоянным соприкосновением с камнем.

Куда более удивительными были стены пещеры, усеянные мириадами крошечных огоньков. Молодой человек неторопливо подплыл к ближайшему берегу. Выбравшись, он подхватил полотенце и направился исследовать ближайшие светящиеся камни.

В основном огоньки были золотыми, впрочем, заметны были причудливые мазки и пятна красного, синего, зеленого и желтого цвета. Светились лишайники и грибы. Мелкие казались пятнами, у тех же, что покрупнее, флюоресцировали ветви и шляпки. Каждый из них испускал немного света; произрастая здесь в изобилии, они освещали пещеру подобно заходящему солнцу.

Джон-Том нагнулся, чтобы рассмотреть скопление ярко-голубых поганок, когда за спиной послышался шумный всплеск. Молодой человек оглянулся, ожидая появления из глубины невероятного чудища. Однако это была их лодка.

В первые дни путешествия он гадал о назначении высушенных желудков, уложенных вдоль борта. Теперь все прояснилось: в надутом виде они создавали подъемную тягу, достаточную, чтобы извлечь суденышко на поверхность верхней реки.

Теперь лодка покачивалась, пока Хапли торопливо выпускал воздух из надутых желудков, чтобы кораблик не вознесся к потолку пещеры. С палубы текла вода, Мадж торопливо откачивал воду из трюма.

Вытершись и одевшись, пассажиры вновь поплыли на восток. Здесь было куда веселее, и Джон-Том надеялся, что пещера не сомкнется над ними вновь, заставляя опуститься на унылую поверхность нижней реки.

Беспокоиться было не о чем. Пещера, напротив, становилась все просторней. Она казалась бесконечной, флюоресцирующие просторы впереди были неохватными.

Светящиеся заросли делали реку достойной живописца, сверкающие краски сливались в невероятных, просто анархических сочетаниях. С далекого потолка зубами опускались гигантские сталактиты. Некоторые были намного больше, чем их лодка. Суденышко проходило мимо огромных натеков, настоящих рек пятнистого кальцита. На стенах изгибались геликтиты[1], завиваясь кристаллическими усами. Повсюду светились грибы.

В обе стороны от главной пещеры отходили тоннели. Джон-Том испытывал огромное желание взять фонарь и побродить там. Однако Клотагорб напомнил, что любые исследования задержат их.

Размеры и великолепие пещеры не прогнали из его головы мысли о сложном строении Слумаз-айор-ле-Уинтли. Трудно все-таки плыть по реке, когда под ней воздух, а не скала или песок.

— А откуда ты знаешь, что у нее вообще есть дно? — однажды спросила у лодочника Флор. — Что, если она тройная... или четверная?

Хапли восседал на корме в обнимку с рулевым веслом.

— Потому что я, милая леди, не раз бывал на этом самом дне и поднимался оттуда. В любом случае, где бы ты ни встал на реке, якоря цепляются за второе дно.

Теплое свечение зарослей временами меркло и пропадало. Тогда приходилось полагаться на фонари и ждать следующего светящегося пятна.

Пога, у которого наконец закончился продолжительный период ворчливости, все это не тревожило. Темнота была для него естественной, и он наслаждался ею. Путешественники слышали, как он наверху порхает и рыщет между наростами. Иногда мыш покидал лодку надолго — к неудовольствию Клотагорба, — однако через некоторое время звуковой локатор безошибочно приводил его назад.

— Прекрасно, — бормотал Джон-Том, глядя на проплывающие мимо красоты. — Несравненно.

Талея стояла возле него и разглядывала темные отверстия в стенах; иногда их зияющие жерла подступали прямо к воде.

— Интересное у тебя представление о красоте, Джон-Том. А мне это не нравится ни в коей мере.

— Чдо вы, люди, понимаете в пещерах? — фыркнул появившийся над ними Пог. — Все вы, кроме чаропевца, не смыслите в эдом ничего.

— Что делать, если я свет предпочитаю тьме и просторы — стенам? — возразила она.

---

[1] Спиралевидные натеки (*прим. перев.*).

— Аминь, — от всего сердца поддержала ее Флор.

Первоначальное восхищение обеих девиц при виде светящихся растений уступило место суеверному ужасу, который люди испытывают перед подземными глубинами и ходами в них. Поскольку Джон-Том искренне интересовался пещерами, подобные страхи были ему достаточно чужды. Красотой эти образования, веками создаваемые терпеливой водой из известняка, не уступали любым наземным чудесам.

Впрочем, встревожены были не только Флор и Талея.

— По мне, так внутри реки было б поспокойнее, — однажды утром высказался Мадж. — Там хоть знаешь, где ты есть. — Он показал мохнатой лапой на темный большой боковой ход. — Мне эта дыра вовсе не по вкусу. Я еще молод для собственных похорон.

— Суеверия, — пробормотал Клотагорб, — губят цивилизацию.

Лодочник оставался таким же невозмутимым, как и в своих родных водах.

— А как все это называется? — спросил Джон-Том, разглядывавший лазоревые грибы на берегу.

— Как называется?.. Имя разве что в легендах найдешь.

Хапли отвернулся. Мелькнул невероятно длинный язык, втянув в рот прозрачную крылатую букашку. Лодочник-лягушка причмокнул губами.

— На вкус ничего, пусть никакого цвета и нет. — Он кивнул в сторону свода. — В сказках и историях речного люда это место зовется Горлом Земным.

— А куда оно ведет? — поинтересовалась Флор.

Хапли пожал плечами.

— Кто знает. Твой наставник в твердом панцире полагает, что через все горы. Возможно, он прав. Надеюсь, что мы живыми выберемся отсюда, а не угодим, скажем, в чрево земли.

— Не очень приятно слушать. — Талея крутила рукоять ножа, словно рассчитывая с его помощью утихомирить разбушевавшуюся тьму.

Или то, что могло в ней таиться...

Глава 7

Они уже начали надеяться, что без приключений сумеют пройти через Зубы — по крайней мере, до конца реки. Долгие дни спокойного плавания, плавно несущее лодку течение убаюкали страхи, скопившиеся за время путешествия по Мечтравной степи.

Шум первым заслышал Пог, слух которого был острее, чем у всех остальных.

— Фальшивят, — объяснил он, — но в собственном понимании поют. Их там много — не один.

— Не сомневаюсь. — Длинные уши Каза были повернуты к северному берегу и дергались синхронно с бдительным носом.

Прошло несколько минут, прежде чем люди смогли понять, к чему именно внимательно прислушиваются их спутники. Ритм пульсировал, вздымаясь и опадая, легкий и эфирный, как женский хор. Без сомнения, это была музыка, но слова невозможно было разобрать.

Иногда пение нарушали оживленные модуляции, напоминающие смех. Джон-Том знал толк в странных мелодиях, однако этот хохот, с музыкальной точки зрения, ничего не стоил.

Настороженную тишину нарушил голос Хапли, в котором слышалось непривычное для него беспокойство.

— Лодка не слушается руля.

И в самом деле, суденышко неуклонно приближалось к северному берегу. Там вдоль скал тянулся галечный пляж, непригодный для высадки. Под гладкой шкурой лодочника бугрились мышцы, он старался выправить курс, но лодку неудержимо влекло к берегу.

Скоро суденышко стукнулось о скалы, темными головами высовывающиеся из воды.

Флор, стоявшая у противоположного борта, отшатнулась от поручней и закричала. Джон-Том ринулся к ней. Поглядев за борт, растерялся и он.

В воде кишели дюжины силуэтов. Положив руки на борт, они толкали и толкали лодку, уже цепляющуюся за каменистое дно.

— Тихо, — предупредила Талея.

Она стояла на носу, нож и меч в ее руках поблескивали в тусклом свете и указывали на сушу.

К лодке двигались какие-то создания, ничем не отличающиеся от засевших в воде. Все были футов пяти ростом и невероятно худы. Чем-то они напоминали людей, колоннами марширующих на параде.

Две ноги, две руки. Одежды не было, но на гладкой коже отсутствовали все признаки пола.

Плоть их была истинно белой... Бледной, молочной, едва ли не прозрачной. В тестообразных головах сидели крошечные угольные глазки. Отсутствовали зрачки, уши, ноздри — лишь поперечная щель рта пересекала плоть под парой гляделок. Пальцы были короткими, ноги же на первый взгляд не имели суставов и казались резиновыми.

В такт музыке создания прошествовали к лодке; медленно, гипнотически размахивая руками, они методично распевали свою стенающую песнь.

Джон-Том повернулся к Клотагорбу. Волшебник выглядел озадаченным.

— Не знаю, мой мальчик. Легенды умалчивают о племени певцов-альбиносов, обитающем в горах. — Он окликнул певцов. — Как вы зоветесь и что вам от нас нужно?

— Что мы можем сделать для вас? — спросила Флор, пробормотав по-испански нечто неразборчивое.

Певцы не отвечали. С изяществом ручья колонна текла с берегового откоса. Передние уже начали хвататься за поручни. Двое уцепились за правую руку Талеи.

— А ну назад! — приказала она, вырываясь, но ее не выпустили. Существа продолжали тянуть девушку за собой.

На палубе показалось еще несколько бледнокожих, они все с той же терпеливой решимостью принялись тащить за собой Джон-Тома и Маджа.

— Эй вы, жабы холодные, руки прочь!

Выдр вырвался на свободу.

Джон-Том и Талея последовали его примеру. Но незваные бледные гости приближались, тянули руки к путешественникам.

Пещеру заполнил другой звук. Он тек над водой, направляя колеблющиеся причитания бесстрастного хора. Густой низкий стон контрастировал с мелодией, которую выводили белые певцы. Дело было неладно. В интонациях нового голоса Джон-Тому послышались все обертоны злодейства и коварства, какие можно уловить слухом. Звук исходил откуда-то из черных глубин, из-за марширующей колонны певцов.

— Довольно, — решительно заявил Хапли.

Схватив запасное рулевое весло, он замахнулся на певцов, оказавшихся на палубе. Два из них повалились, не оказав ни малейшего сопротивления. Головы резиновыми мячиками поскакали по палубе. Черные глазки не дернулись, не было даже стона — впрочем, петь эти двое перестали. Одна из голов пролетела через поручни и с плеском плюхнулась в воду, мгновенно потонув.

Потрясенный Хапли, застыв, некоторое время глядел на лишившиеся голов тела. Крови не было.

— Черт побери! Они же неживые.

— Живые, — заверил Клотагорб, неуклюже сопротивляющийся попыткам трех бледнокожих уволочь его тяжелое тело с лодки. — Но это иная жизнь, не такая, как наша.

— Мертвыми они будут похожи на нас.

Меч Талеи заметался косой. Три певца рухнули, распавшись на шесть аккуратных половинок. Шматками белой глины лежали они на палубе, недвижные и холодные.

Джон-Том поспешил на помощь Клотагорбу.

— Сэр, что, вы думаете, нам...

— Отбивайся, мальчик мой, отбивайся! Этих не переубедить, а я полагаю, что, если нас утащат с лодки, вновь нам ее не увидеть. — И маг-черепаха удалился в панцирь, озадачив этим потенциальных похитителей.

Крики обороняющихся и песнь жутких в своей невозмутимости нападающих покрывали стенания зловещего баса. Звук определенно приближался, и Джон-Том удвоил усилия, намереваясь очистить палубу от певцов.

Взяв посох за конец, он размахивал им во все стороны, сшибая головы, руки и ноги. Создания ломались, как обожженная глина, но на смену дюжинам искалеченных лезли ряды их безмозглых копий, возглашающих потусторонний гимн.

— Отступаем от берега! — Талея старалась удержать белые тела подальше от носа.

Пока Мадж прикрывал Хапли, лодочник навалился на руль. И хотя он налегал изо всей силы, течение не в силах было отнести их от берега.

Джон-Том перегнулся через борт. Длинными руками и посохом он принялся отпихивать тела от борта. Сзади к нему тянулись жадные белые длани, но Флор, помахивая кистенем, косила их, как бледную траву. Нападающие не обращали на нее внимания. Наверное, из-за белых одежд, решил Джон-Том.

Он сосредоточился на посохе, размашистыми движениями сбивая головы и снося макушки. Отсутствие сопротивления лишь слегка ослабляло силу его ударов.

Потеряв голову, бледное тело переставало махать руками и уходило под воду. Впрочем, некоторые оставались на поверхности и кусочками пеностирола плыли вниз по реке.

Пение продолжалось, шла бескровная бойня, вопли ей не мешали. Над лодкой креп густой стон. Теперь он сделался громче и уже заглушал хор. С потолка пещеры посыпались камни.

Наконец тела оттолкнули, и лодка поплыла вниз по реке. Подобные термитам белые певцы шествовали к воде. Они заходили по грудь и неторопливо пускались вплавь.

Тяжело дыша, Джон-Том привалился к поручням, опираясь еще и на посох. Те из пловцов, кто повернул судно к берегу, либо лишились голов, либо были отогнаны. Теперь лодка вновь оказалась в потоке, и течение уносило их от мерзкой погони.

— Не понимаю, что... — обратился юноша к лодочнику, но Хапли не слушал. Закрепив руль, он бросился за веслами.

— Греби, друг! Греби, если хочешь жить!

— Что?

Джон-Том поглядел на берег, рассчитывая увидеть там лишь ковыляющую орду преследователей.

Но вместо этого взгляд молодого человека наткнулся на нечто, превратившее вопль, готовый сорваться с его уст, в тот глухой стон, каким люди реагируют на истинный ужас. Берег позади них затопила серая текучая масса. Туша почти касалась потока. Если на пути попадались препятствия, она или обтекала их, или наползала сверху на камни, являя собой консистенцию,

среднюю между туманом и жидким маслом. Стоны гремели в пещере, отражаясь от далеких стен.

Чудище состояло из окутанного слизью тумана, если не считать громадных пульсирующих розовых глаз. Щурясь, они разглядывали крошечный кораблик и застывшие на его палубе фигурки.

Бока чудовища находились в постоянном движении. Комья слизи ползли по ним к земле. Достигнув ее, они окрашивались в уже знакомый белый цвет. Подобно яйцам какого-то колоссального насекомого, они срывались со скользких боков на камни и гравий, катились и поднимались на только что образовавшихся ногах; одновременно на гладком лице появлялась трещинка рта и новый голос присоединялся к жуткому своей сладостью хору.

Нечто твердое и неподатливое уткнулось в живот Джон-Тома. Поглядев вниз, он увидел весло, которое протянул ему Хапли. Яростная физиономия лодочника была уже повернута к другим, тоже принимающим весла.

А потом Хапли оказался на своем месте у кормы и принялся поспешно грести. Послышался его вопль, обращенный к спутникам:

— Гребите, проклятые, гребите!

Джон-Том наконец зашевелился. Перегнувшись через борт, он погрузил весло в темную поверхность реки. Ему было трудно и неудобно, но он греб, пока не стал задыхаться.

Жуть, что, неровно дергаясь, преследовала их, невольно придавала силу ослабевшим рукам. Талея, Флор, Каз и Мадж следовали его примеру. Пог, не оставляя расчалки, укрылся в крыльях, похожий на дрожащую от страха каплю. Клотагорб наблюдал за происходящим и что-то бубнил себе под нос.

От шиферно-серой движущейся горы отделилась толстая ложноножка. Она хлестнула по воде в каких-то ярдах от кормы удирающего суденышка. При всей своей ирреальности, плоть чудовища была вполне материальна. Стоявших в лодке окатила вода.

Поблескивая черными глазами, белые ходячие личинки отваливались от пульсирующей туши. Джон-Том нахмурился — над оглушительными завываниями прозвучали слова. Молодой человек искоса глянул на Клотагорба.

— Массагнев. — Чародей заметил обращенный к нему взгляд и повторил имя. — Я видел его в своих видениях, ощущал существование в трансах, но чтобы оказаться возле его логова... Удивительное и необыкновенное приключение. А ты, мой мальчик, ничего не узнаешь?

— Узнаю? Клотагорб, вы рехнулись? Или это все мы сошли с ума? Или...

Он помедлил. Невзирая на чудовищное, неведомое обличье, в невероятной твари угадывалось нечто знакомое.

Вновь хлестнула ложноножка. Лодка отозвалась надрывным стоном: конец массивного выроста ударил рядом с Клотагорбом и вырвал вместе с поручнем кусок палубы. Чародей инстинктивно втянул конечности в панцирь и откатился на несколько ярдов к носу. Там маг медленно поднялся на ноги. Тем временем Хапли еще отчаяннее навалился на весла, проклиная преследующее их наваждение.

От конца ложноножки отделилось несколько не до конца сформировавшихся белых силуэтов. Они лежали на палубе, медленно двигая незавершенными конечностями. Там была голова без туловища и нижняя часть тела, на уровне груди стягивающаяся в точку. Вытащив из воды весло, Джон-Том принялся сбрасывать пакостные штуковины. Одна ухватилась за него и потащила к себе — руки у нее были, а ноги отсутствовали. Пришлось прикоснуться к ней руками. Преодолев тошноту, он отодрал эту мерзость от себя. Белая, словно резиновая, плоть была холодной, как лед. Джон-Том перекинул тварь через борт, слабые руки ее скользнули по коже. Послышался плеск. Тем временем Массагнев пробирался между скалами и сталагмитами и старался догнать корабль, разражаясь бездумной тарабарщиной.

— Если река сузится и мы окажемся ближе к берегу, нам конец, — тонким взволнованным голосом выпалила Талея, орудовавшая длинным веслом.

— Что это? — Джон-Том тер ладони о брюки, но руки по-прежнему оставались липкими. Подняв весло, молодой человек окунул его в воду.

— Это Массагнев, — повторил Клотагорб. Полет через всю палубу, похоже, не повредил ему. — Родительница Кошмаров. Тут ее логово, ее дом.

Джон-Том попытался отвести взгляд от перетекающей им вслед слизистой горы. Белые сгустившиеся капли по-прежнему отрывались от ее боков, поднимались на ноги и направлялись к воде. Они держались ярдах в двадцати за кормой, но не прекращали погони. У них не хватало сил. А есть ли у них мышцы, подумал Джон-Том, чтобы догнать лодку? Армия певцов-близнецов клубилась возле основания Массагнев, иные в полном безразличии исчезали под огромной тушей, других отбрасывало в воду.

— А что представляют из себя белые твари? — с трудом выговорила Флор.

Клотагорб с явным изумлением поглядел на нее поверх очков.

— Детка, ну что может сотворить Родительница Кошмаров?.. Только кошмары. Я же спросил, узнаете ли вы их. Сейчас они лишены снов, в которые можно было бы проникнуть, а потому не имеют очертаний, формы... Они только создаются. Здесь, в месте своего рождения, они отчасти телесны. Но внедрившись в разум

живого существа, они становятся подобными дуновению ветра. Жизнь их пуста, коротка и полна муки.

— Что-о? — Каз пару раз сглотнул. — Что нужно от нас поганой твари? — Мех на спине его стоял дыбом — на манер утыканной гвоздями доски йога.

— Кошмары питаются снами, — пояснил чародей. — Им необходимы умы, на которых можно паразитировать. Чем питается их Родительница, я могу лишь представить. Однако кто захочет оказаться закошмаренным насмерть? Может, ей нужны лишенные корней рассудки безумцев, клочки которых приносят те из отпрысков, что способны пережить ночь? Говорят же, что сумасшедший не просыпается.

Ревущее и стонущее чудище продолжало преследовать их. Белым потом срывались со спины и боков двуногие монстры. Иногда к лодке вновь протягивалось новое щупальце, серое и влажное, но безуспешно.

Джон-Том запомнил слова отчаявшейся Талеи: если какое-то препятствие заставит их приблизиться к берегу, по которому ползет Массагнев, — лучше перебить друг друга.

Теперь — последние несколько минут — всех беспокоила какая-то вибрация. Она равномерно усиливалась, но казалась не связанной с преследующей лодку Родительницей Кошмаров. Скоро уши Джон-Тома наполнил могучий грохот, заглушивший даже стоны Массагнев.

Грохот становился сильнее. Обезумевшая серая туша выбросила сразу не одну дюжину ложноножек различной длины. Расплескав воду позади лодки, они оставили на поверхности множество склизких кошмаров.

Рев продолжал усиливаться, сливаясь с вибрацией в единое целое. Утомленный Хапли устало припал, передыхая, к рулевому веслу. И вдруг нахмурился, поглядев вперед. Прошло несколько минут, и на лице его появилось выражение великого покоя.

Джон-Том, пыхтя, расслабился у своего весла.

— Ты... Ты знаешь эти места?

— Да, знаю. — Лодочник как будто бы обрадовался. Что ж, отлично. Однако казался он каким-то отстраненным, что не сулило ничего хорошего. — Легенды о Слумаз-айор-ле-Уинтли знает каждый речник. Нас ждет... Во всяком случае, не Массагнев. Смерть будет опрятной и чистой.

— Какая смерть? О чем ты? — Талея и все прочие оставили весла, заметив, что преследовательница отстала.

Хапли протянул вперед руку. Там вдалеке проступал густой туман. Яростно клубясь, он облаком поднимался к своду огромной пещеры.

— Клотагорб, — Джон-Том повернулся к чародею, — о чем это он бредит?

— Не бредит, юноша. — Массивный чародей также перестал

следить за отставшим чудищем. — Он же говорил, помните? Потому Массагнев и отстала в такой ярости. Адов Водопой ей не преодолеть.

Гром оглушал Джон-Тома, ему даже пришлось зажать уши руками. Но шум проникал через палубу, ноги и тело, пронзая каждую его клеточку.

Грохот и туман, дымка и гром становились все ближе. Итак, что говорят они, что предвещают? Хапли не бывал здесь, но понял, что ждет впереди. Значит, и он должен догадаться...

Водопад! — вдруг осенило Джон-Тома.

И, бросившись к сундукам, где лежало их имущество, он попытался вспомнить песню, способную даровать им спасение. Чистая и сухая дуара ожидала его руки, чтобы пробудиться под прикосновением, чтобы спеть заклинание.

Перекинув ремень через плечо, он ощутил знакомый вес инструмента.

В последний раз длинные струи серой слизи выстрелили по лодке. Массагнев растянулась почти до предела, но все же этого ей не хватило. Трепеща от разочарования, массивная туша осела на скалы, вулканические кратеры глаз скорбно взирали вслед ускользнувшей добыче.

Впереди языками жидкого пламени взмывал к своду пещеры туман.

Джон-Том глядел на него, словно зачарованный, и все искал, искал в памяти подходящую песню. Что тут можно спеть? Ясно было, что они приближаются к водопаду, но каким он окажется? Насколько высоким, широким, быстрым?..

В отчаянии он выпалил несколько куплетов из полудюжины песен, как-то связанных с водой, но видимого результата не добился. Курс лодки и скорость не изменились. Даже гничии как будто оставили его. Джон-Том уже успел привыкнуть к тому, что они появляются, стоит ему только прикоснуться к струнам дуары, и их отсутствие испугало юношу.

Впереди теперь оставались лишь клубы тумана. Талея громко ругнулась. С предупреждающим воплем Каз вцепился в поручни, Мадж рухнул на палубу и прикрыл лапами глаза, словно это могло ему помочь.

За спиной Джон-Тома раздавалось негромкое бормотание.

Клотагорб стоял возле руля рядом с несгибаемым Хапли. Короткие руки чародея были подняты вверх, пальцы на левой руке он растопырил, правой же выводил в воздухе круги и невидимые рисунки.

Щелкнув, поднялся парус, хотя ни одна рука не прикоснулась к нему. Ужаснувшийся Пог выпустил расчалку, и ветер подбросил его вверх. Мышу пришлось потрудиться, чтобы вновь опуститься на свой насест. На этот раз он припал к деревяшке всем телом, обнимая ее лапами и крыльями.

Голос Клотагорба сделался властным, истинно чародейским. Ветер бил в лица грубо и бесцеремонно, ничем не напоминая приятное дуновение, сопровождавшее их всю дорогу.

Рев, пронизывавший тело, полностью лишил Джон-Тома слуха. Но глаза еще не отказали ему. Перед ним открылся котел, наполненный туманом и водяной пылью. В воздухе, сливаясь с рекой, плясали частицы воды, юноша хотел было закрыть глаза, но любопытство не позволило ему сделать это. Массагнев теперь не было ни видно, ни слышно.

Впереди возникала резкая грань, за которой был один лишь туман... Край. Лодочка миновала его и... поплыла дальше. Клотагорб все твердил свое заклинание, но даже его пронизывающий голос терялся в грохоте воды. Впрочем, Джон-Тому показалось, что он расслышал часть заклинания, в которой упоминались гидростатика и ровный киль. Лодка плыла в пропитанном влагой воздухе.

С холодной отстраненной заинтересованностью парашютиста, чей парашют не раскрылся, Джон-Том опустил дуару, шагнул к поручням и поглядел за борт.

Водопад опускался на целую тысячу футов. Нет, скорее — на пять тысяч. Трудно было сказать точно: белые струи исчезали в туманных глубинах. Он мог оказаться неглубоким... или доходил до сердца земли, достигая, быть может, самого ада, если не врет название.

Действительно, глубины светились красно-оранжевым пламенем, поднимавшимся от далекого водоворота.

Лодка продолжала скользить по пустоте, и молодой человек наконец увидел источник грома. Здесь был не один водопад — четыре. Два рушились вниз по правому и левому борту, последний лежал впереди. Потоки эти были столь же широки и многоводны, как и только что пройденный путешественниками. Четыре невероятных каскада грохотали над ямой, наполняя бездонную чашу Адова Водопоя. Потоки эти могли бы иссушить все океаны любой планеты.

Лодка дернулась, все лихорадочно нащупывали опору. Они уже достигли середины Водопоя, где в воздух поднимался столб водяной пыли. Суденышко дважды повернулось вокруг оси, крутнулось еще раз, и центробежная сила выбросила его наружу. Лодка плыла над пропастью.

Дальний водопад приближался. Нос судна соприкоснулся с водой, киль погрузился в поток. Теперь они шли против течения. Ветер дул в корму. Парус затрепетал и наполнился — впервые с тех пор, как вступили они в Горло Земное.

Клотагорб, отшатнувшись, привалился к поручням, уронил руки и умолк. Лодка замедлила ход. Жуткий затянувшийся миг... Джон-Том боялся, что быстрое течение все-таки осилит ветер. Но умение Хапли в конце концов позволило им продолжать путь.

Скорость медленно возрастала... Наконец вселяющий трепет рев превратился в слабый далекий рокот. Они плыли против течения, и ветер подгонял лодку. Стены пещеры покрывали все те же светящиеся наросты. Путники плыли по подземной пещере, ничем не отличающейся от той, что привела их к Адову Водопою.

В порыве эмоций Джон-Том перегнулся через поручни и поглядел за корму. Даже дымка над водопадами давно растаяла вдали. Вселяющие ужас чада Массагнев остались позади. Они не сумели догнать беглецов. Никогда теперь Массагнев не пошлет своих бледных отпрысков возмущать сны путешественников. Пережив ужас в пещере, они приобрели иммунитет к кошмарам. Встреча с Массагнев стала прививкой от ночных страхов. Того, кто видел саму Родительницу Кошмаров, ее отпрыскам не смутить.

Клотагорб опустился на палубу. Он сидел, потирая правое запястье, и бормотал, ни к кому в общем-то не обращаясь:

— Не в форме я, ох, не в форме.

Внимание чародея привлекла мачта. Пог, словно лентой, своим телом обмотал расчалку. Теперь мыш медленно отматывался. Мелкая дрожь отпустила его, и он ворчливо зашептал:

— Мазь нужна, Мастер? Можед, дать растирания и бальзам для руки, а од головы — голубую пилюлю?

— Все в порядке? — Джон-Том с восхищением поглядел на отдыхающего чародея.

— Еще чуть-чуть — и все будет в порядке, мой мальчик. — Волшебник осевшим голосом обратился к фамулусу: — Пожалуй, мазь. От головы таблетку не надо, дай зеленую — от горла. Пять минут возглашал заклинания. — Тяжело вздохнув, Клотагорб перевел взгляд на Джон-Тома.

— Имей в виду, мой мальчик, что самой страшной опасностью для волшебника является не недостаток знаний, не приход старости, даже не моя нынешняя забывчивость, а ларингит.

Все вокруг радостно зашевелились — за исключением невозмутимого Хапли. Лодочник оставался на своем посту, бдительно следя за течением.

Лодку путешественники предоставили его вниманию, а все взаимные поздравления он оставил на долю своих клиентов.

Через некоторое время Мадж обнаружил Джон-Тома на носу. Тот сидел, мрачно уставившись перед собой. Ветер вздымал его зеленый плащ, и молодой человек зажал его в коленях. Дуара лежала на животе. Джон-Том грустно перебирал струны, тем временем разноцветные пятна проплывали мимо.

— Ну че ты, парень? — озабоченно спросил выдр, нагибаясь к нему и принюхиваясь. — В чем дело, а? Эта самая Массагнев знает лишь прошлое, а не то, что мы встретим.

Взяв новый аккорд, Джон-Том вяло улыбнулся выдру.

— Не вышло у меня, Мадж. — И, поскольку с физиономии выдра озадаченное выражение не исчезло, добавил: — Я мог бы

сделать то же самое, что и Клотагорб, но подобрать музыку не сумел. — Он вновь поглядел на дуару. — Я не смог найти подходящей мелодии, даже аккорда. И если бы все зависело от меня, — добавил он, поежившись, — все мы сейчас были бы мертвы.

— Но мы-то живы, — бодро парировал Маджк. — А это вещь немаловажная.

— Наш нахальный приятель прав.

Каз подошел к ним и теперь стоял возле выдра, глядя на сидящего человека. Лапы его были заведены за спину и сложены как раз над пушистым шариком хвоста.

— По мне, неважно, кто меня спас. Как заметил друг наш Маджк, главное — мы живы. Не забудь, что ты уже укротил великого Фаламеезара в ночь пожара в Поластринду. Ты, а не Клотагорб. Или ты хочешь забрать себе всю славу?

Заметив, что Джон-Том не обратил внимания на иронию, кролик добавил:

— Все мы работаем ради одной и той же цели. Неважно, кто и что делает, лишь бы приблизился желаемый исход. Но цели можно достичь, лишь поставив ее выше собственных стремлений и чувств.

Прямолинейное заявление кролика вызвало легкое несогласие Маджа.

— Ничего, ничего, кореш. Все мы тут о себе думаем, — вполне откровенно заявил он. — Тебе еще представится не одна возможность продемонстрировать дамочкам свое чародейское мастерство. — Подмигнув и присвистнув, друг-приятель отправился на корму.

Каз решил было дружески похлопать скорбящего человека по плечу, но передумал и пошел следом за Маджем.

Оставшись в одиночестве, Джон-Том громко пробормотал:

— При чем тут дамы?

Он поглядел на проплывающие мимо стены пещеры. Взбитая форштевнем пена мягко ложилась на кожу.

Ни при чем, решил он, положив подбородок на сложенные ладони. Его лично волновала лишь судьба их миссии.

Тут он ухмыльнулся, хотя его никто не видел. Тот, кто изучает закон, знает, что не следует облагораживать самого себя. Была такая теория, объяснявшая страстями все великие события, поворотные точки истории. Екатерина Великая, Наполеон, Гитлер, Вашингтон... Сексуальный подход к истории объяснял в ней многое, чего не позволяли понять социально-экономические и миграционные теории.

Но от результатов этого похода зависела совсем другая история. Впрочем, Джон-Том никогда не уделял много внимания теориям. И брошенные, отчасти в шутку, слова Маджа вынудили его осознать, как часто эмоции совместно с основными потребностями тела овладевают теми, кто считает себя прежде всего разумными созданиями.

И вот он сидел и скорбел о себе самом, что было эгоистично и глупо. Такое подходит Наполеонам, Тибериям и им подобным, но он не опустится до этого. Просто отлично, что Клотагорб вовремя смог подобрать слова, ускользнувшие от него.

Скорбь отступала, молодой человек тихо перебирал струны. Возле левого локтя дернулся невидимый червячок. Когда Джон-Том повернул голову, он исчез. Все в порядке: гничии вернулись.

Его беспокоило только то, что в следующий раз, когда понадобится чаропение, он может вновь ощутить тот же умственный паралич, что и возле Адова Водопоя. Нужно бороться с собой.

Не боязнь смерти, предчувствие неудачи похода тревожили его. Джон-Том страшился, что сам окажется неудачником. Он с детства боялся этого, потому-то и решил учиться двум разным профессиям, чтобы выбрать лучшее.

Пусть наш герой и не осознавал этого, но подобный страх привел к величию больше людей, чем разумные мотивации.

Глава 8

Несколько дней спустя они увидели собор. Конечно, это был не собор, но здание вполне могло оказаться им. Точно никто сказать не мог, впрочем, знать, что именно оно из себя представляет, было не так уж и важно.

Джон-Том увидел в сооружении собор. Потолок огромного подземного зала, в котором он располагался, поднимался на несколько сотен футов. Башни и башенки почти касались высокого свода. На большом расстоянии массивные сталактиты, весящие много тонн, напоминали воткнутые в ковер булавки.

Светящейся растительности здесь было особенно много, и зал до самых дальних пределов был освещен так ярко, что путешественникам пришлось несколько минут привыкать к интенсивному органическому свечению.

Нет, не собор, скорее сотня соборов, подумал Джон-Том, кубиками поставленных один на другой. Тонкое мастерство было заметно в каждой линии и изгибе здания. На множествах этажей светились тысячи крошечных цветных окошек. Сооружение заполняло большую часть огромного зала.

Полный возвышенных размышлений, Джон-Том не обратил особого внимания на густой золотой блеск, исходивший от здания. Конечно же, подобное можно объяснить лишь неограниченным применением золотой краски. Все же он решил, что следует приглядывать за предприимчивым выдром.

Термин «миниатюрный» можно было применить не только к зданию. Обнаружив, что экипаж странной лодки не проявляет

враждебности, обитатели сооружения начали высовываться наружу.

Крохотный народец, ростом дюйма в четыре, был покрыт густым темно-коричневым мехом, похожим на соболиный. Шерстка их была короткой, а на головах росли волосы подлиннее. Из крошечных дверей и лазеек повалили целые орды. Крошечные строители торопились вернуться к постройке. Стены, башни и башенки окружали целые акры строительных лесов. Многочисленная орда тружеников устанавливала колоссальное окно высотой аж в целый ярд.

Хапли направил лодку к берегу. Приблизившись к зданию, путники увидели, что стены украшены тысячами золотых скульптур: горгулий, змей размером с червя и тварей неведомых, чей облик можно было воспринять лишь отчасти, поскольку рождены были они в других измерениях и другой биологией. В отличие от гничий, чудесные существа эти были доступны глазу, хоть и не до конца понятны.

Лодка приближалась, и тысячи крохотных тружеников начали проявлять беспокойство и тесниться возле дверей и прочих отверстий. Стоявший на носу Джон-Том попытался успокоить их.

— Мы не желаем вам зла, — как можно мягче сказал он. — Мы проплываем через ваши земли... Это чудесное сооружение восхитило нас. Для чего оно?

Ему ответила мохнатая нимфа ростом в три с половиной дюйма. Крошечная леди кричала с вершины обтесанного водой утеса, и, чтобы расслышать ее, молодому человеку пришлось напрячь слух.

— Это здание, — деловито констатировала она, словно одно слово могло все объяснить.

— Понятно, — продолжал Джон-Том более тихим голосом, заметив, что нормальное его звучание причиняет даме боль, — но зачем оно нужно?

— Это здание, — повторила фея. — Мы называем его Сердцем Мира. Правда, ярко блестит?

— Очень ярко, — согласилась Талея. — Прекрасный дом. Но зачем он нужен?

Пушистая куколка тоненько рассмеялась.

— Мы не знаем точно. Мы всегда строили его. И всегда будем строить. Зачем же еще жить, если не строить здание?

— Ты говоришь, что вы называете его Сердцем Мира?

Джон-Том поглядел на блестящие стены и сверкающие шпили. Сперва он подумал, что здание сооружено из чистого золота или из золоченого камня, но теперь засомневался. Это мог быть неизвестный металл, пластик или керамика... Наконец, какой-нибудь невообразимый материал, о котором ему не доводилось слышать.

— Возможно, это и есть сердце нашего мира, — высказала предположение крохотная леди и улыбнулась, блеснув идеальны-

ми мелкими зубками. — Мы не знаем. Свет его пульсирует, как и положено сердцу. Если мы закончим свою работу, свет может оставить наш мир.

Джон-Том хотел ответить, но понял, что рассудок и реальность противоречат друг другу — более того, скорее похожи на кошку с собакой, гоняющихся друг за другом вокруг столба... И беспомощным взглядом попросил объяснений у Клотагорба. Аналогичным образом поступили и его спутники.

— Кто знает? — Волшебник развел руками. — Если это сооружение — действительно сердце нашего мира, можно сказать одно: с виду оно вполне достойно предполагаемой роли.

— Благодарю вас, сэр. — Мохнатая фея изящно перепорхнула на скалу выше по течению, чтобы держаться вровень с лодкой. — Мы стараемся. Мы во всех тонкостях знаем, как пристраивать новые части к зданию и содержать его в полном порядке.

— Пожалуйста, — обратился к ней Джон-Том, — постарайтесь, чтобы свет его не погас!

Русло пещерной реки сужалось, и безымянный народец со своим загадочным колоссальным сооружением остался позади.

— Кто знает, — негромко обратился он к Флор. — Если это и вправду сердце мира, лучше не мешать их работе. Это же жуткая ответственность. А если нет, если это просто дом или наваждение, сооружение слишком прекрасно, чтобы позволить ему погибнуть.

— Никогда не думала, что сердцем мира может оказаться здание, — проговорила она.

— Разве каждый из нас не похож на здание?

Массагнев и Адов Водопад остались позади, и Джон-Том ощутил прилив энергии и общительности. Он всегда был таков: вверх — так вверх, но уж и вниз падал до самого дна. Сейчас он чувствовал себя на вершине.

— Все мы развиваемся постепенно. Внутри каждого полно тщательно обставленных комнат и залов, приемных с зеркальными окнами, где обитают быстротечные короткие мысли. Впрочем, я тоже не думал, что сердцем мира окажется здание.

Он оглянулся. Становилось темно, светящаяся растительность осталась вдали — ей уже случалось исчезать на время.

— Вообще-то я даже не предполагал, что у мира есть сердце.

Последний лучик света из далекого подземного зала исчез из виду — русло реки изогнулось. Хапли зажигал первый фонарь.

— А хорошо придумано, Джон-Том. Будь у меня сердце — была бы счастливой.

— Наверно, чаще бывает наоборот. — Но когда смысл последней фразы дошел до молодого человека, Флор уже отошла от него, чтобы поболтать с коренастым кормчим.

Джон-Том помедлил. Ему хотелось подойти к девушке и спро-

сить: «Флор, ты хочешь мне что-то сказать?» Однако показаться ей невежей он боялся едва ли не более, чем стать неудачником.

А потому, усевшись, он принялся в неровном свете холить и настраивать дуару. Стоило только натянуть или отпустить струну, как гничий-другой выскакивал из-за скалы, заглядывая через плечо. Он знал, что они рядом, и весьма старательно не замечал их.

Пришлось плыть в свете фонарей. Постепенно колоссальные образования — геликтиты, натеки и им подобные — стали уменьшаться в размерах. Ложе реки сужалось, и эхо усилилось. Продолжительное отсутствие знакомых флюоресцентных грибов и всей их родни начинало уже смущать.

Темнота не нравилась путешественникам: клонило ко сну, а сон напоминал о далекой, но незабываемой Массагнев. Но что было важнее — кончалось масло для фонарей. Хапли отлично подготовился к путешествию, однако и он не ожидал, что плыть придется во тьме. Казалось, что вот-вот им придется полагаться на одного Пога — если только вновь не появится светящаяся растительность.

Юношу встряхнула рука — слишком маленькая, чтобы принадлежать Массагнев, и слишком твердая для одного из ее порождений. Тем не менее, прежде чем пробудиться, он испытал истинный ужас.

— Вставай, Джон-Том! Поднимай задницу! — настаивал голосок Талеи.

— Что?

Но прежде чем он успел что-либо сказать, она перешла уже к следующему... Молодой человек услышал, как она стучит по чему-то твердому.

— Вставай, чародей. Вставай, старый ленивый колдун! — В голосе Талеи слышалась тревога.

— На старого согласен, а вот насчет ленивого... — Клотагорб, ворча, поднимался на ноги.

Джон-Том заморгал, прогоняя сон. В тусклом свете фонарей он почти ничего не мог рассмотреть — Хапли старался экономить быстро истощающийся запас масла.

Теперь он видел причину тревоги. В темноте над рекой висело полотно пламени, полностью перекрывающее русло. Серебристо-оранжевое, оно словно застыло в воздухе. Проснулись остальные и перебрались на нос лодки. Все дружно пришли к согласию: пламя действительно было чрезвычайно странным.

Они подплывали все ближе и ближе, но не ощущали не то что жара — ни малейшего тепла. Серебристо-оранжевый цвет оставался неизменным.

— Может быть, это новое сооружение, вроде Сердца Мира маленького народца? — Закусив нижнюю губу, Флор с тревогой вглядывалась вперед.

— Нет-нет. И цвет не тот, и ничего похожего на этажи или

окна. — Каз повернулся к волшебнику. — А каково ваше мнение, сэр?

— Минутку... Подождите! — В голосе Клотагорба слышалось раздражение. — Я еще не совсем проснулся. Неужели вы, дети, считаете, что я обладаю вашей физической крепостью потому лишь, что мозг мой много активнее вашего? Потом, я не вижу ничего опасного. — И он обратился к Хапли: — Правь прямо вперед, мой добрый лодочник.

— Выбора-то все равно нет, — огрызнулся тот, крепче сжимая рулевое весло. — Тоннель слишком узок — не повернешь. Да и скалы здесь острые. Не хочется испытывать их твердость, так что плывем вперед, пока положение не станет отчаянным.

Чтобы его расслышали, лодочнику пришлось почти кричать: скорость ветра в узкой трубе уже могла поспорить с убыстрившимся течением.

Они безмолвно следили за приближением холодного пламени. А затем вдруг явился новый, более тусклый, свет, окружавший серебристо-оранжевый огонь и уже не преграждавший им путь. Новый свет исходил от крошечных, неровно подрагивающих огоньков, не похожих на гничий. Огоньки были видимы и недвижны.

— Ну и дерьмо. — Уперев руки в бока, Мадж выразил крайнее недовольство собой. — Прямо свора патентованных идиотов.

Джон-Том понял его не сразу, но быстро догадался о причинах смущения выдра. Он и сам устыдился собственного страха.

Серебристо-оранжевый свет был ему прекрасно знаком. Они как раз выплыли из пещеры, и огромный поднимающийся диск луны светил им навстречу.

— Прошли. — Он обнял удивленную Талею. — Черт возьми, прошли!

Местность, в которой они оказались, весьма отличалась и от Мечтравной степи, и от приречных краев — родины Хапли. Ясно было, что преодолели они большое расстояние.

Позади них к звездам тянулись утесы. На вершинах лежали облака; впрочем, они были пореже тех, что остались на восточной стороне хребта. Ни открытых просторов, ни приземистого кустарника, ни благоуханных хвойных лесов, ни пустынь.

Вокруг узкой долины, в которой оказались путники, поднимались высокие горы. Несмотря на их близость, было тепло, но не жарко... и не особенно влажно. Джон-Том вспомнил зрелый лес умеренного пояса.

От дерева к дереву тянулись лианы и ползучие растения. Густая трава не давала видеть дальше нескольких ярдов, и Джон-Том с облегчением вдыхал свежий воздух, благоухающий зеленью и цветочными ароматами.

На такой высоте далеко не тропический климат делался толь-

ко приятнее. Местность казалась просто райской после пронизывающих ветров Мечтравной степи.

— Отличные края, — с энтузиазмом заявил Джон-Том. — Интересно, почему жители Теплоземелья не перебрались сюда?

— Даже если бы они знали про эти места, — напомнил ему Клотагорб, — через горы не перейдешь. История знает немногих, кто сумел совершить такое путешествие. Но даже если бы будущие поселенцы пережили дорогу, будь любезен, вспомни, что земля эта занята. Легенды утверждают, что прядильщики терпеть не могут незнакомцев. Так что представь себе, как они отнесутся к колонистам.

— А что это за народ, поддержкой которого мы пытаемся заручиться? — поинтересовалась Флор.

— Открытой враждебности они не проявляют, — начал Клотагорб, медленно покачав головой. — Легенды утверждают, что они довольны своей жизнью на этой земле. Вынужден признать, в легендах говорится, что прядильщики к существам чужой породы никакой симпатии не проявляют. По слухам, они любят держаться поодиночке, каждый в своем уголке. Насколько мне известно, по эту сторону гор никто не бывал уже несколько столетий. Быть может, легенды ошибаются и за прошедшее время обитатели Хитросплетений смягчили свой норов.

— И будут с нами любезны, — вставила ехидная Флор. — Дождаться не могу встречи. — И громким голосом она изобразила приветствие: — Buenos dias, senor прядильщик. Como esta usted[1]? И, пожалуйста, не ешьте меня — я всего только туристка. — Вздохнув, она скорчила рожицу, обращаясь к волшебнику. — Как хотелось бы верить в успех.

— Ну, я-то не оптимист, — заметил Мадж, приглядывавшийся к симпатичному бережку, собираясь поплавать в теплой воде.

— Ну конечно, они поймут нас, — с надеждой проговорил Каз. — Общую беду следует отражать сообща.

— На это можно только надеяться, — поправил его чародей. — Однако едва ли следует рассчитывать на это. Хорошо, если нас просто нормально встретят. Ну, а коли нам удастся добиться большего, значит, мы превзойдем мои собственные ожидания.

Кое-кто с удивлением уставился на волшебника. Джон-Том высказался за всех.

— Значит... Значит, вы не уверены, что мы сумеем убедить их?

— Мой дорогой мальчик, я и не думал претендовать на нечто подобное.

— Но у меня было впечатление...

Клотагорб поднял руку.

— Я не давал обещаний. Я просто объяснил, что в Поластринду нам делать нечего, а в случае успешного завершения этого путе-

---

[1] Доброе утро, сеньор... Как поживаете? (*исп.*)

шествия мы сможем заручиться поддержкой сильного союзника. Я же не гарантировал нам успех в Хитросплетениях. Более того, я не проявлял оптимизма по поводу заключения союза. Я просто сказал: хорошо бы попробовать.

— И для этого ты, твердолобый старый дурак с костяной спиной, завел нас сюда! — В ярости Талея уже не выбирала выражений. — Ты затащил нас в эту дыру, не рассчитывая на успех. Мало было неприятностей после Поластринду?

— Я же не говорил, что у нас совсем нет шансов, — терпеливо поправил ее Клотагорб. — Я просто утверждал, что их мало. И когда я говорю, что не смею даже надеяться на подобный союз, то просто стараюсь быть реалистом. Шансы же у нас имеются.

— Так какого же хрена ты не был этим самым реалистом в Поластринду? — огрызнулась девушка. — Неужели нельзя было заранее предупредить, какие у нас хлипкие шансы?

— Можно, но меня никто не спрашивал об этом. Кстати, если бы я там выражался, скажем, точнее, никто из вас не согласился бы отправиться со мной. Да и решимость ваша, и уверенность, которую вы демонстрировали до сих пор, тоже могли бы пострадать.

Опровергнуть это было невозможно, и никто не стал возражать. Впрочем, волшебнику пришлось выслушать некоторое количество оскорблений, но он не обращал внимания на все эти детские речи. Пог же нашел ситуацию невероятно забавной.

— Ну вод, деперь все видят, с кем мне приходится иметь дело. — И блаженно хохоча — у летучих мышей это походит на кашель, — он оторвался от привычной расчалки. — Быдь можед, деперь ходь кдо-до поймет старого бедного Пога.

— У, рожа поганая!

Талея бросила в него палкой, приготовленной для факела. Летучий мыш легко увильнул от нее.

— Во-во, Талея-заднюшка. Поздно деперь сожалеть, как подвоему? — Последовал новый припадок смеха. — Его боссообразие всех нас сюда затырил, как и хотел.

Пог блаженно трещал, наслаждаясь общим замешательством.

— Похоже, сэр, что вы были с нами не совсем откровенны, — укоризненно сказал Каз.

— Вовсе нет. Я ни разу не обманул никого из вас. И не следует преуменьшать значение подобного союза, тем более теперь, когда мы прошли через Горло Земное и достигли Хитросплетений. Следует признать, что уговорить прядильщиков выступить вместе с нами будет сложно. Однако шансы на это существуют, пока существуем мы сами. Надо использовать любую возможность, способную помочь нам.

— Ну а если мы погибнем, пытаясь реализовать эту вашу любую возможность? — поинтересовалась Флор.

— С этим придется смириться, — откровенно ответил волшебник.

— Конечно. — Пальцы Талеи плотно обхватили поручень. Уставясь на реку, она проговорила: — Если все мы умрем, ты охотно смиришься с подобным несчастьем. В отличие от меня.

— Ну, как угодно. — Клотагорб великодушно указал на воду. — Я освобождаю тебя от любых обязательств по отношению ко мне. Можешь плыть назад.

— Поплыву молнией. — Талея поглядела на Хапли. — Поворачивай назад свою деревяшку.

Лупоглазый лодочник с прискорбием поглядел на нее.

— А сколько заплатишь?

— Я...

— Понимаю. — Взор Хапли вновь обратился к реке. — Я слушаю лишь тех, кто мне платит. — Он показал на Клотагорба. — Платил он, ему и заказывать, куда плыть. Уговор есть уговор, бизнес есть бизнес.

— Черт бы побрал твой бизнес и договоры! Неужели тебе жизнь не дорога? — спросила девушка.

— Я чту свое слово. А честь — основа жизни.

Слова эти не допускали возражений, и Талея сдалась.

— В задницу твое слово.

Она уселась на палубу и принялась угрюмо разглядывать доски.

— Повторяю, я не обманывал никого из вас, — с достоинством проговорил Клотагорб и, подумав, добавил: — Я полагал, что серьезность положения делает всех вас готовыми на риск. Вижу, что ошибся.

После этого на несколько часов на палубе воцарилось молчание. Потом Талея подняла вверх обеспокоенный взгляд и сказала:

— Я не права, Хапли. Все мы теперь служим этому делу. И я выполню свои обязательства. — Она поглядела на волшебника. — Я виновата. Прошу... прощения. — Непривычное слово с трудом слетело с губ. Остальные отвечали согласным ропотом.

— Так-то лучше, — заметил Клотагорб. — Рад, что все наконец решились. В очередной раз. Как раз вовремя. — Он указал вперед. — Скоро нам уже не развернуться.

В нескольких сотнях ярдов от лодки реку перекрывала сложная сеть из толстых канатов. Плетеное сооружение, увенчанное подобием купола, отбрасывало на воду серебристую тень.

А с разных уютных местечек над головой прибывших их разглядывало с полдюжины прядильщиков.

Клотагорб знал, чего ожидать. Каз, Мадж, Талея, Пог и Хапли имели некоторое представление, пусть просто из побасенок, передававшихся из поколения в поколение.

Но ни Джон-Том, ни Флор не были готовы к такому. И первородный страх заставил их содрогнуться... Инстинктивный, не под-

дающийся рассудку, холодный. И только отсутствие испуга на лицах спутников не позволило двум гостям из иного мира поддаться панике.

Шестеро прядильщиков могли быть отрядом охотников, пограничным патрулем или просто группой бездельников, занятых созерцанием речки. Теперь все они собрались возле края сети.

Когда лодка оказалась под нею, один из них заскользил по паутинке вниз. По настоянию Клотагорба Мадж и Каз принялись сворачивать парус.

— Что толку сопротивляться, все равно, не спросясь, не пройдем, — бормотал волшебник. — В конце концов, мы и явились сюда, чтобы переговорить с ними.

Не в силах одолеть инстинктивное отвращение, Джон-Том и Флор отошли от нового гостя подальше на корму.

Личность эта, спустившись, закрепила свой канат на носу суденышка. Привязанная к висящей над ней сети лодка развернулась кормой вверх по течению.

Отделивший канат от брюшка прядильщик, стоя на четырех ногах, невозмутимо изучал экипаж странного для него суденышка немигающими, лишенными век глазами. Четыре руки были скрещены перед головогрудью. Ярко-желтое тело на груди украшали концентрические треугольники. Голова имела дивную охровую окраску. По поджарому брюшку сверху вниз бежали синие полосы.

Сии природные украшения дополняли воздушные шарфики, шали и полотнища ткани. Изготовлены они были явно из чистого шелка. Замысловатое одеяние было на манер сари обернуто вокруг шеи, головогруди, брюшка и верхних частей рук и ног, загадочным образом не препятствуя движениям прядильщика.

Трудно сказать, сколько шелка было намотано на теле гостя. Джон-Том попытался проследить за несколькими ярдами легкого зеленого шарфика: переходя с ног на брюшко, полотнище исчезало под розовыми и голубыми вуалями возле головы. Несколько ярко-розовых бантов соединяли шарфы вместе, украшая область прядильного органа. Жвалы шевелились, время от времени открывая клыки, располагавшиеся по бокам сложного рта. Не прядильщик — кошмар с картины Макса Эриста, переданный в системе «техниколор»[1].

Кошмар заговорил. Сперва Джон-Том едва мог расслышать слабый, с придыханием голос. Постепенно любопытство позволило ему преодолеть первоначальный страх, и молодой человек присоединился к стоящим на носу спутникам. И начал уже улавливать смысл пришепетывающей речи — словно бы листки бумаги шелестели по ступенькам.

Не умолкая, прядильщик опробовал канат, соединивший

---

[1] Система получения цвета из сочетания трех основных цветов (*прим. пер.*).

сеть с лодкой. А потом, завершив молитву или заклинание, уселся, подложив под себя все четыре ноги и подперев голову когтистыми лапами.

— Никто не помнит, — сказал разряженный паук, — ни я, ни любой другой уроженец Хитросплетений, чтобы жители Теплоземелья приходили к нам.

Джон-Том попытался уловить интонацию, но она отсутствовала, сердится прядильщик, боится ли, а может, и то, и другое?

— Никто не может пройти эти горы. — Пара рук указала в сторону грозных пиков, высящихся над головой.

— Мы шли не по горам, — ответил Клотагорб. — Мы плыли сквозь них, минуя Горло Земное.

Паук с сомнением покачал головой.

— Это невозможно.

— А каким же хреном мы пробрались сюда? — бросила с вызовом Талея, забыв об осторожности.

— Возможно, это...

Паук помедлил, еле слышный шепот легким ветерком плыл над кораблем. Наконец из горла арахноида[1] вырвались слабые колеблющиеся вздохи. Это был смех, подобный дуновению, запутавшемуся в ветвях и истаявшему от изнеможения.

— Ах, сарказм, повадки мягкотелых, я полагаю. Что вам нужно в Хитросплетениях?

Пока волшебник разговаривал с пауком, Каз отодвинул молодого человека в сторонку. Кролик показал наверх.

Над лодкой на коротких индивидуальных канатах висели пятеро остальных пауков. Ясно было — на палубе они окажутся буквально через секунду. В конечностях их были зажаты ножи и болас, приспособленные для двойных подвижных когтей, которыми заканчивалась каждая лапа.

— Пока они висят там, — проговорил Каз, — но если у нашего высокоученого вождя не заладятся переговоры, придется иметь дело со всеми. — И лапа его на всякий случай легла на рукоять спрятанного под курткой ножа.

Джон-Том согласно кивнул. Разделившись, они, по возможности непринужденно, известили прочих о зловещем квинтете, болтающемся над головами.

Когда Клотагорб закончил, паук отступил к поручням и вновь принялся внимательно их разглядывать. По крайней мере, так показалось Джон-Тому. Невозможно было судить, как воспринимает их паук духовно... да и физически. Прядильщика, оснащенного четырьмя глазами — двумя небольшими и двумя крупными, повыше, трудно было застать врасплох.

— Вы прошли долгий путь, не зная, как вас здесь примут.

---

[1] Паукообразное (*греч.*).

Зачем? Ты много говорил, а сказал мало. Так поступает дипломат, а не друг. Зачем ты здесь?

Компаньоны прядильщика раскачивались над головой, поглаживая оружие.

— Извини, но мы не можем сказать это тебе, — отважно выпалил Клотагорб. Джон-Том отступил, чтобы опереться спиной о мачту.

— Мы пришли с вестью столь важной для всех прядильщиков, что поведать ее можем только лишь самым высоким властям.

— Никакие речи теплоземельца не могут быть важными для прядильщиков.

Вновь над палубой пронесся легкий свистящий смех.

— Нилонтом! — рявкнул Клотагорб самым впечатляющим чародейским голосом. Дрожь сотрясла лодку. На вдруг взволновавшейся реке появились белые гребни, послышался далекий гром. Пятеро наблюдателей над головой нервно закачались на своих канатах, прядильщик в лодке застыл возле борта.

Клотагорб опустил руки. Трудно было поверить, что могучий голос мог исходить из уст безобиднейшей черепахи с дурацкими очечками на клюве.

— Званием Великого Чародея Последнего Круга, давно превратившимся во прах челом Элрат-Вун, всеми клятвами, привязывающими адептов Истинной Магии к началам, клянусь, что слова мои важны для жизни каждого прядильщика и теплоземельца, но открыть сие я могу лишь Великой Госпоже Тенет!

Заявление это произвело на паука не меньшее впечатление, чем совершенно неожиданная демонстрация чародейской мощи.

— Впечатляющие слова и поступки, — прошелестел он. — Ты — истинный чародей, этого нельзя отрицать. — Поднявшись, он отвесил короткий поклон, скрестив на груди четыре верхние конечности. — Простите мою нерешительность и подозрительность, примите извинения на случай обиды. Меня зовут Анантос.

— Значит, ты командуешь речной стражей? — Флор показала на все еще раскачивающуюся наверху пятерку.

Паук повернул к ней голову, и девушка едва не задрожала.

— Смысл твоих слов непонятен, самка человека. Мы не охраняем этот мост. Никто не собирается портить его, и до сих пор еще никто не появлялся из этой дыры, в которой умирает река.

— Тогда что вы здесь делаете? И зачем нужен мост? — Джон-Том уже не пытался скрыть удивление.

— Это, — прядильщик показал на сеть из серебристых канатов и бдительных ее хранителей, — спасательная сетка, сооруженная, чтобы сохранить жизнь юным и неопытным прядильщикам, что любят играть у реки Ламаяды. Иногда их относит слишком близко к дыре, где гибнет вода, и там они исчезают навеки. А вы подумали, что мы солдаты? Здесь, в Хитросплетениях, армия не нужна. У нас нет врагов.

— Мы вас обрадуем, — прошептал Клотагорб так, чтобы не слышал прядильщик.

— А мост помогает спасать детей, — закончил Анантос.

— Не размякай! — шепнул Джон-Тому недоверчивый Мадж. — Глянь, какая жуть, а еще грит — солдат им не надо. Вот это союзнички будут... ого!

— У них же есть оружие! — возразил молодой человек. — И они, кажется, умеют с ним обращаться. — Громким голосом он обратился к прядильщику: — Если это всего лишь забор для детишек, зачем тогда тебе и твоим компаньонам оружие?

Анантос махнул на окружающий лес.

— Конечно, для самозащиты. Даже великий воин может пасть от руки могучего врага. Здесь, в Хитросплетениях, водятся твари, способные одним глотком пожрать вас вместе с вашей лодочкой. Мы не держим армию, чтобы отражать нападение несуществующих врагов, но это не означает, что перед вами трусы, которые предпочтут бегство драке. Или, по вашему мнению, мы только что из яйца проклюнулись? — И паук обнажил внушительные клыки. — Сильному и уверенному в себе армия не нужна. Каждый прядильщик сам себе армия.

— Мы и пришли из-за драки и армий, — проговорил Клотагорб. — Но о таких вещах прежде всего должна узнать Госпожа Тенет.

Анантос выглядел расстроенным, насколько паук способен на это.

— Неслыханное дело — вести теплоземельцев в столицу. В соответствии с историей и преданиями, мне следовало бы просто отправить вас обратно в дыру, из которой вы появились, и все же... — Он умолк, раздираемый противоречиями между обычаями и собственным мнением... — Не могу отрицать, что на подобное немыслимое путешествие нельзя решиться без причин. Если все действительно настолько важно, я ошибусь, если не доставлю вас в столицу. Но предстать перед Госпожой Тенет...

Паук отвернулся — в нерешительности или смутившись, — путешественники не могли понять, в чем дело.

— А почему бы, — предложил Каз, — не арестовать нас из предосторожности, а потом отвести под стражей в столицу. Там ты сможешь сдать нас своему начальству.

Анантос поглядел на него, качая наискось головой — полуотрицательно, полусоглашаясь. И зашептал с благодарностью:

— Ты знаешь, что такое держать ответ перед начальником, о теплоземелец с длинными ушами?

— Приходилось самому попадать в подобные ситуации, — улыбнулся Каз, поправляя монокль.

— Склоняюсь перед великолепным предложением.

Глава 9

Откинувшись назад, он выдохнул:

— Аретос имедшуд! Интоб куум.

Два прядильщика соскользнули на палубу, отсекли исходящую из живота паутину. Оба с интересом разглядывали теплоземельцев.

— Они будут сопутствовать нам, я не смею требовать, чтобы вы считали себя арестованными, как предложил ваш беловолосый друг. Но я обязан приглядывать за мостом и не могу оставить его пустым, поэтому трое из нас проводят вас, а трое останутся здесь. Мы направимся вверх по течению. В дне пути отсюда река Ламаяда разделяется, через несколько дневных переходов она разделяется снова, потом снова, а там — против ветра — и наша столица, мой дом.

Анантос, предостерегая, добавил:

— Что будет с вами, не знаю. Не могу обещать ничего, потому что чин мой невысок, весьма невысок, хотя среди нас, прядильщиков, никто не валяется в грязи и никто не парит над остальными. Среди нас иерархия — просто удобство, без нее нельзя править. Что же касается аудиенции у Великой Госпожи Тенет... — голос его многозначительно затих.

— Дипломат ходит осторожно, — заметил Каз. — Прыжки для него опасны.

— Пока с нас достаточно и того, что ты проводишь нас в столицу, Анантос, — заверил его Клотагорб.

Паук явно испытывал облегчение.

— Тогда совесть моя чиста. Я вас не задерживаю и не помогаю, просто отправляю к тем, кто имеет право решать.

Он повернулся и церемонно отсоединил конец личной паутины, удерживающей лодку на месте.

В течение всей беседы Хапли оставался возле руля и сразу же навалился на него, едва ветер начал наполнять парус... Лодка аккуратно развернулась на месте под крик кормчего: «Осторожно, гик!» И скоро они уже миновали причудливую сеть, направляясь вверх по течению.

— Никогда не видел теплоземельца. — Анантос стоял возле Джон-Тома. — Очень интересная биология.

Забыв про десять тысяч лет первобытных страхов, Джон-Том сумел не отшатнуться, когда паук потянулся к нему.

Конечность Анантоса, оканчивающаяся двумя когтями, была покрыта жесткой щетиной. Изящные шелковые шарфики, зеленые и бирюзовые, делали ее менее страшной. Когти в палец длиной прикоснулись к щеке, и паук не сразу отвел лапу. Джон-Том

постарался не дергаться. Он внимательно вглядывался в яркие глаза, изучающие его.

— Меха нет, не то что у усатого коротышки. Только на макушке, мягкий... какой мягкий! — Паук поежился. — Как можно жить с таким телом?

— Привыкаешь, — ответил Джон-Том. Он вдруг понял, что с точки зрения паука выглядит попросту отвратительно.

Они продолжали разглядывать друг друга.

— Великолепный шелк, — проговорил человек. — Ты сам делал его?

— Ты хочешь сказать, ткал шелк и вязал шарф? Нет, я этого не делал. — Анантос махнул ногой в сторону остальных. — Мы различаемся по размерам куда больше вас. Некоторые из наших меньших братьев производят тонкий шелк, а не те грубые веревки, на которые способен я. Другие же старательно вяжут и украшают изделия.

Потянувшись к ноге, он отвязал четырехфутовое полотно и подал его Джон-Тому.

Горсточка перьев показалась бы свинцовой рядом с этой тканью. Шепот наверняка унес бы ее за борт. Материал был бледно-голубой, густой цвет напоминал лучшую персидскую бирюзу, кое-где виднелись темные пятна. Ему не приходилось еще держать в руках такую мягкую ткань.

Джон-Том протянул полотно пауку, но Анантос покачал головой.

— Нет. Это дар.

Он уже успел перевязать два длинных полотнища, чтобы прикрыть пустое место. Джон-Том успел заметить сложные узлы и застежки, не дававшие квазисари разлететься.

— Почему?

Голова ушла вниз и направо. Молодой человек начал уже увязывать движения головы и настроение паука. То, что сперва казалось ему нервным подергиванием, оказалось сложной и тонкой системой жестов. Пауки разговаривали головами — как итальянцы руками, — не произнося ни слова.

— Почему? Потому что в тебе есть нечто, но я не могу определить, что именно. И еще потому, что ты восхитился ею.

— Могу сказать, что есть и в нем, и в нас, — буркнула Талея. — Дух хронического безумия.

Анантос задумался. И снова пришепетывающий хохоток снежными хлопьями полетел над палубой.

— Ах, юмор! Одно из самых ценных качеств теплоземельцев, должно быть, искупающее все их недостатки.

— При всей вашей легендарной враждебности вы кажетесь весьма дружелюбными, — бросила Талея.

— Это моя обязанность, мягкая самка, — отвечал прядиль-

шик. Взгляд его вновь обратился к Джон-Тому. — Доставь мне удовольствие, приняв этот дар.

Джон-Том взял подарок и повязал его на шею как косынку. Она скользнула по застежке плаща. Шарф казался неощутимым, словно его и не было. Джон-Тому было не до того, что голубая полоска не гармонирует с радужно-зеленой курткой и индиговой рубашкой.

— Мне нечем отдариться, — произнес юноша извиняющимся тоном. — Нет, подожди, возможно, найдется. — Он снял с плеча дуару. — А музыку прядильщики любят?

Такого ответа от Анантоса он не ожидал. Паук протянул две конечности в жесте, который невозможно было с чем-либо перепутать. Джон-Том осторожно передал инструмент.

Прядильщик принял знакомую полусидячую позу и положил дуару на два колена. У него не было ладоней и пальцев, но восемь хватательных когтей на четырех верхних конечностях деликатно перебирали оба набора струн.

Полившаяся мелодия казалась эфирной и нереальной, атональной и чуждой, но тем не менее полна была почти знакомых ритмов. Она то казалась нормальной, то сбивалась на совершенно странные ноты, едва укладывающиеся в мелодию. Игра Анантоса напомнила Джон-Тому скорее сямисэн, чем гитару.

Флор блаженствовала, привалясь спиной к мачте, и впитывала мелодию. Мадж разлегся на палубе, а Каз безуспешно пытался отстучать рваный ритм. Ничто не смягчает ксенофобию, как музыка, невзирая на странный ритм и непроизносимые слова.

Воздушное стенание окутало Анантоса и двух его компаньонов. Причудливая хаотичная гармония не заглушала шум ветра. Впрочем, в пении пауков не было ничего зловещего. Маленький кораблик ровно скользил по воде. Невзирая на несокрушимую добросовестность, расчувствовался и Хапли. Перепончатая лапа притопывала по палубе, тщетно стараясь угнаться за мистической мелодией арахноидов.

Может быть, подумал Джон-Том, они не найдут здесь союзников, но друзей — в этом он не сомневался — уже отыскали. Пощупав край роскошного шарфа, он позволил себе расслабиться и отдаться умиротворяющему покою скромной паучьей фуги...

Рано утром на четвертый день пребывания в Хитросплетениях его разбудили. Рановато, подумал молодой человек, увидев над головой все еще темное небо.

Он перекатился на бок, и на мгновение память отказала ему: Джон-Том вздрогнул, заметив перед собой мохнатое, клыкастое и многоглазое создание.

— Извини, — прошелестел Анантос. — Я тебя слишком рано разбудил?

Джон-Том не сообразил, имеет он дело с проявлением веж-

ливости или же с обычным недоумением. Но в любом случае следовало выразить благодарность за проявленное внимание.

— Нет. Вовсе нет, Анантос. — Джон-Том, щурясь, поглядел на небо. Еще виднелось несколько звезд. — Но почему так рано?

Позади него раздался голос Хапли. Как всегда, лодочник проснулся первым и приступил к своим обязанностям, когда остальные еще нежились под одеялами.

— Впереди их город, приятель.

Что-то в лягушачьем голосе заставило Джон-Тома сесть. Это был не страх, даже не тревога... а нечто, прежде совершенно отсутствовавшее в плебейском говорке лодочника.

Отбросив одеяло, юноша повернул голову, следуя за взглядом Хапли. И тут он осознал, что странная новая нота в голосе лодочника была изумлением.

Первые лучи солнца уже коснулись горного щита, поднимавшегося перед лодкой. Вдали высились колоссальные пики, более мощные, чем Зубы Зарита. Они не погружались в облака, но пронзали их насквозь. Джон-Том не считал себя знатоком, но если вершины Зубов Зарита явно превышали двадцать тысяч футов, то здесь даже средние по высоте уходили за двадцать пять.

На севере и юге поднимались более пологие горы. Покрытый ледниками и облаками колоссальный восточный хребет обнаруживал иные качества: над некоторыми вершинами его стоял темный дым, в котором изредка вспыхивали красные огни. Массив этот еще не сформировался.

Впрочем, искры и дым у них над головой исходили из источника куда более близкого. Совсем неподалеку над холмами на добрых десять тысяч футов поднимались стены объемистой кальдеры. Река перед нею сворачивала на юг. Лед и снег венчали черные скалы.

Ниже снег уступал место хвойным, которые, в свой черед, сменялись растительностью умеренной зоны, подобной той, что росла возле реки. Ниже начинался город, расположенный на склонах вулкана. Крохотные причалы тонкими пальцами тянулись в воду.

— Мой дом, — проговорил Анантос. — Столица и первое поселение всех пауков, живущих на переплато и землях возле него. — Он развел четыре передние конечности. — Приветствую вас в Паутинниках-на-Дуновении.

Город был истинным чудом... как и шарф. Аналогия не исчерпывалась этим. Как и шарф, он был сплетен из тонкого шелка. Утренняя роса лежала на разнообразных распорках, расчалках, подвесках, висячих мостиках. Крыши не подпирались столбами — они свисали с кружевных дуг. Миллионы толстых серебряных канатов поддерживали усыпанные алмазами росы строения высотой в несколько этажей.

Другие тросы — толщиной в торс человека — сплетены были из дюжины канатов и крепили к земле крупные части города.

На низких, самых близких к ним уровнях путешественники могли различить множество шевелящихся силуэтов. Ясно было, что в городе полно жителей. Разросшийся у подножия и на склонах огромного вулкана город способен был вместить их десятки тысяч.

Шелка в нем хватило бы — если размотать на отдельные пряди, — чтобы покрыть коконом всю землю.

Некогда Джон-Том целый час восхищался крохотной паутинкой, сооруженной пауком на берегу океана. Ее тоже усеивали росинки.

Здесь же роса разве что не выплясывала. Едва первые лучи солнца коснулись города, она сделала его нити платиновыми, покрытыми алмазной пылью. На это великолепие нельзя было долго смотреть, но роса испарилась, и эффект быстро исчез. Солнце поднималось выше, и чарующее впечатление таяло — словно звук медных тарелок в воздухе. Но оставшееся без украшений сооружение впечатляло немногим меньше.

Повсюду в Паутинниках виднелись сферы, эллипсы, арки и купола. Джон-Том не смог заметить ни одного острого угла. Все ниши были округлыми и сглаженными. И город казался каким-то мягким, хотя обитатели его, возможно, и не соответствовали этому эпитету.

Солнце поднималось все выше и выше. Кораблик остановился возле ближайшего свободного причала. Несколько ранних тружеников повернули любопытствующие глаза к невиданным гостям. Прядильщики не вмешивались в ход событий — они просто глядели. Вскоре, следуя исторически сложившейся склонности к приватному препровождению времени, они вернулись к прерванным занятиям, не обращая внимания на новоприбывших. Это обеспокоило Клотагорба: народ с подобной склонностью к уединенным занятиям не будет хорошим военным союзником.

В сопровождении Анантоса они покинули лодку и отправились на пристань, и скоро путешественники вступили в шелковый и серебряный мир.

— Эх, если бы только нас ожидала здесь удача, — сказал Каз, медленно поднимаясь. Свои широкие ступни он ставил весьма осторожно: дорога была сплетена из серебристых веревок. Они были прочнее стали и даже не задрожали, когда Джон-Том для пробы попрыгал на одной из них, но если не попасть на перемычку гигантской веревочной лестницы, легко сломать ногу.

— С меня хватит, если мы просто останемся в живых, — шепнула кролику Талея.

— Я как раз это и имею в виду, — ответил Каз. Он показал назад: река и причалы давно исчезли за изгибающимися, переплетающимися полосами шелка и сооружениями из блестящих

нитей. — Потому что без посторонней помощи нам не удастся выбраться отсюда.

Вокруг был не только шелк; некоторые дома украшены были скульптурами из камня и дерева, другие хвастали металлической отделкой. Окна были сделаны из тонкого стекла. Кое-что намекало, что для набивки диванов и прочей мебели используется растительность.

Несмотря на то что прядильщики не относились к числу крылатых созданий, город их начисто отрицал гравитацию. Его можно было назвать практическим примером эстетического использования геометрии. Снизу этого видно не было.

Каз прав, с тревогой подумал Джон-Том, без помощи самих прядильщиков нам не сыскать дорогу к реке.

Путники неторопливо поднимались. И где бы ни проходили они, местные жители бросали повседневные дела, чтобы поглядеть на существ, о которых знали только по легендам. Анантос и оба его компаньона немедленно принимали угрожающие позы, если кто-то из горожан тянул к гостям конечности.

Нельзя было избавиться лишь от любопытствующих паучат, завороженными ордами кишевших возле ног пришельцев. Тела сих младенцев имели в поперечнике не менее фута. Под ногами шевелился радужный ковер: красные, желтые, оранжевые, брусничные, черные, с металлическим отливом и без него, матовые и радужные силуэты. На них были пятна и полосы, сложные рисунки... Попадались даже паучата, окрашенные с ног до головы в один цвет.

Впрочем, необычайное разнообразие красок сложно было оценить, поскольку казалось, что идешь через мелкий пруд, в котором всюду дрыгаются паучьи ножки. Юнцы с удивительной резвостью цеплялись за сапоги и проскальзывали мимо ног, и ни разу ни одна тоненькая ножка не подвернулась под чью-нибудь неловкую ступню.

В основном паучата делили свое внимание между Талеей, Флор и Джон-Томом. Хапли и Клотагорба они словно и не замечали. Впрочем, детишки не обнаруживали и застенчивости.

Один ринулся вверх по боку Джон-Тома, цепляясь за прочную, к счастью, ткань брюк и куртки, да так и уселся, словно кот, на правом плече молодого человека, оживленно шелестя что-то своим менее предприимчивым приятелям. Джон-Том изо всех сил старался представить себе, что несет на плече кошку.

На физиономии подростка был намалеван узор из линий, бежавших от жвал к глазам и далее на затылок. Косметика ничего не говорила Джон-Тому о половой принадлежности этого создания. Ему весьма хотелось отмахнуться, но гостю подобает принимать обычаи гостеприимных хозяев. И Джон-Том оставил паучонка в покое, решительно не обращая внимания на случайные движения ядовитых клыков.

Паучонок сидел прочно и помахивал футовыми конечностями не одобрявшим его подвига взрослым и завидующим друзьям.

— Откуда ты? Ты теплый, а не холодный. Как добыча или лесные твари. Ты очень высокий и тонкий... и у тебя волосы только на голове, но зато очень густые. — Брюшком, частично свободным от одежды, паучок несколько раз потерся о затылок Джон-Тома. Тот истолковал прикосновение как дружелюбный жест. Пушок на брюшке был мягким — как шерсть Маджа.

— Ой, какой забавный рот! Все клыки внутри. Покажи мне.

Джон-Том терпеливо открыл рот и оскалился, чтобы показать зубы. Паучок в тревоге отпрянул, но потом осторожно приблизился.

— Как много, и все белые — не черные, не бурые, не золотые. И все плоские, кроме двух. А как ты ими высасываешь жидкость?

— Мои клыки, мои зубы не для того, чтобы высасывать, — пояснил Джон-Том. — Те жидкости, которые мы употребляем, я просто глотаю. В основном я питаюсь твердой пищей и этими зубами измельчаю еду.

Юнец поежился.

— Фу, какая пакость. Неужели ты действительно ешь только твердую, нерастворенную пищу? Твои клыки непригодны для этого, по-моему, они сломаются. Ух-ух.

— Попадаются и жесткие кусочки, — признал Джон-Том, вспоминая кое-какие из неудобоваримых блюд, с которыми приходилось иметь дело. — Но мои зубы прочнее твоих. Они не полые.

— Интересно, — продолжил паучок с обескураживающей детской откровенностью, — а на вкус ты хорош?

— Надеюсь. Но так не хочется, прожив столько лет на свете, испортить пищеварение своему другу. Должно быть, насквозь пропитался кока-колой и пиццей.

— Не знаю, что это за колапица. — Дитя обнажило крошечные клыки. — Может, дашь куснуть? Старшие отвернулись.

В голосе его слышалось ожидание.

— Был бы счастлив, — нервно заторопился с ответом Джон-Том, — но я сегодня ничего не ел и боюсь, как бы тебя не стошнило. Понял?

— Ничего. — Предприимчивый младенец не был разочарован. — Я бы тоже, наверно, не захотел, чтобы ты высосал одну из моих ног. — Паучок поежился при этой мысли. — Ты хорошая личность, теплоземелец. Ты мне понравился. — И Джон-Том вновь испытал ласковое прикосновение брюшка. Паучок же соскочил вниз, затерявшись в толпе однолеток. — Удачи тебе.

— И тебе, дитя, тоже, — поспешно откликнулся Джон-Том. Анантос и несколько взрослых прядильщиков наконец принялись разгонять молодежь. Те махали конечностями и взволнованно пришепетывали, прощаясь.

Что-то тяжело навалилось на его левую руку, и юноша тре-

вожно повернул голову. Впрочем, это оказался не очередной бестактный паучок. Посеревшая Флор привалилась к нему. Он торопливо обнял ее за плечи и постарался поддержать.

— Что случилось, Флор? На тебе лица нет!

— Что случилось? — Негодование возвратило некоторые краски на пепельное лицо. — Меня ощупывали, оглаживали... По мне бегали. Целая дюжина самых мерзких и отвратительных созданий, которых...

Джон-Том замахал руками.

— Господи Иисусе! Флор, можно потише? Это же наши хозяева.

— Знаю, но чтоб меня так трогали... — Девушка не могла сдержать дрожь. — Aranas[1]... Ик-к-к! Ненавижу их. Даже маленьких — с ноготь, — хотя мама всегда хвалила их за то, что ловят тараканов. Теперь понимаешь, как я себя чувствую? Уже на лодке мне стало худо. — Она неуверенно высвободилась из его рук. — Не знаю, Джон-Том, сколько я еще смогу продержаться. — И Флор показала на Анантоса, шествовавшего впереди.

Они повернули на другую, более широкую паутинную дорогу.

— Дело не в том, какие они снаружи, — строго проговорил Джон-Том, — а в том, что кроется за их обличьем. В данном случае это разум. Нам нужна их помощь, иначе Клотагорб не привел бы нас сюда. — И он строго поглядел на девицу.

— Можешь идти сама?

Девушка глубоко дышала. На лицо ее возвращались краски.

— Надеюсь, compadre. Но если они полезут на меня опять... — Она коротко вздрогнула... — Мне так... гадко.

— Гадко — это состояние ума, а не тела.

— Тебе легко говорить.

— Посмотри, им ведь тоже не нравится наш вид. Я это знаю.

— Что мне с того, что они думают, — взорвалась Флор. — Санта Мария, скорей бы покончить с этим делом.

— Не знаю, — Джон-Том поглядел в ту сторону, где за миллионами тросов и сооружений из шелка паутинными кружевами играло солнце, яркое еще, невзирая на собирающиеся облака. — А мне кажется, здесь красиво.

— Комплимент пауку от мухи, — буркнула она.

— Да, но мухи предлагают паукам помощь.

— Будем надеяться, что они поймут это.

— Ах, какая ты нервная. — И он страстно коснулся ее спины. Флор улыбнулась в ответ, благодаря за моральную поддержку.

Джон-Том посмотрел вперед и, к собственному удивлению, обнаружил, что глядит прямо в глаза Талеи. Встретившись с ним взглядом, она немедленно отвернулась.

Он решил, что взгляд, наверно, предназначался не ему. Быть

---

[1] Пауки (*исп.*).

может, Талея пыталась запомнить дорогу на случай бегства. Подозрительность и осторожность в крови у рыженькой. Ему и в голову не пришло, что взгляд выражал нечто совсем другое.

К полудню они успели подняться на несколько тысяч футов. Впереди громоздилось колоссальное сооружение. Сколько же пауков, думал Джон-Том, и сколько лет терпеливо пряли, чтобы соорудить эти могучие бастионы из прочного шелка, обвивающего камни.

Королевский дворец в Паутинниках построен был в основном из тесаного камня, скрепленного не глиной, не бетоном, не клеем — слоями паучьего шелка. В самых неожиданных местах поднимались серебристые башенки. Колоссальное здание крепилось к нависающей сверху скале канатами в ярд толщиной. Такие могли бы выдержать целую гору. Здесь, наверху, у склона ветер дул вовсю, однако дворец не шевелился. Он был словно вырезан из камня.

Они вступили в округлый, покрытый шелком тоннель, ведущий к новым коридорам и залам. Внутри понемногу становилось темнее. Прозрачный шелк поглощал не так уж много света, однако чтобы осветить самые глубины, требовались факелы и фонари.

Перед ними оказался портал, который с обеих сторон охраняли самые крупные пауки, каких только доводилось видеть Джон-Тому. Тело каждого длиной не уступало росту Джон-Тома, а ноги, толщиной с доброе бревно, занимали футов восемнадцать в поперечнике.

Пауки окрашены были в густой бурый цвет без каких-либо узоров и ярких пятен.

Черные сложные глаза были малы по сравнению с внушительным телом. Потрясающие розовые и оранжевые шелка окутывали тела и ноги. Целый набор белых шарфов был накручен на две передние ноги и предполагаемую шею. Меж могучих ног покоились огромные алебарды с резными древками.

Стражи не шевельнулись, однако Джон-Том понимал, что они внимательнейшим образом изучают странных гостей, и почувствовал страх — впервые после прибытия в Паутинники. Память о дружелюбных паучатах испарилась сама собой. Крохотное утешение принесла мысль о том, что столь грозных стражей поставили здесь специально, чтобы вселять трепет в посетителей.

Анантос повернулся к путникам.

— Вам придется подождать здесь. — И, коротко переговорив с обоими огромными тарантулами, он исчез в круглом проходе вместе с двумя друзьями.

Ожидая, гости развлекали себя созерцанием сделавшихся теперь безразличными стражей и поблескивающих шелковых стенок.

Шелк в этом коридоре был окрашен в красный, оранжевый и

белый цвета, ткань влажно поблескивала в свете ламп. Джон-Том попытался сообразить, насколько далеко от входа они отошли.

Мадж неторопливо приблизился к нему.

— Не знаю, че ты там себе думаешь, друг, но, по-моему, наших восьминогих друзей нету давным-давно.

Джон-Том постарался, чтобы в голосе его звучали уверенность и спокойствие.

— К правителю могущественного народа так просто не войдешь. Следует соблюдать все дипломатические условности. Так свидетельствует история.

— Это ты изучал, да? Ну, может, действительно требуется время. Не приводилось еще встречать чиновника, чтоб двигался быстрей упокойника. Они все такие, вне зависимости от числа ног, — и думают не торопясь, и шевелятся не быстро.

— Вот они, — встрепенулся Джон-Том.

Но из отверстия появился высокий крайне тонконогий паук деликатного сложения. Глаза его выступали высоко надо лбом. Передние ноги были перевиты голубыми шелковыми лентами, на задних им соответствовали пурпурные.

Нога-проволочка указала на Каза, стоявшего возле дверей.

Из-за спины кролика невесть откуда появилось множество пауков разного цвета и размера.

— Иммобилизовать и отнести вниз.

— Эй, минуточку!

Джон-Том не успел даже замахнуться посохом, как был схвачен дюжиной крючковатых конечностей. Остальные тыкали копьями и ножами в его живот.

— Это ошибка! — Клотагорб, поваленный навзничь, уже исчезал за углом.

— Отпустите, не то отрежу ваши вонючие головы! — Шипящую в беспомощном гневе Талею несли вслед за волшебником.

Потом Джон-Том ощутил, что его самого повалили на спину и потащили дюжины волосатых лап; ни протесты, ни попытки высвободиться не помогли.

Они удалялись вниз — во тьму. Далеко ли унесли их, трудно было сказать, но достаточно скоро всех запихнули в шелково-каменную камеру — под бдительный надзор тощего паука.

Помещение покрывал старый и грязный шелк. Окон не было, свет масляных ламп проникал только из коридора. Взяв себя в руки, Джон-Том отправился к двери, чтобы рассмотреть перекрывающую выход сетку.

Она оказалась не липкой, но непроницаемой. Припав к паутинной решетке, он закричал в спины удалявшимся:

— Вы не имеете права! Мы здесь с дипломатическим поручением. Нам нужно встретиться с Великой Госпожой Тенет и...

— Не перенапрягайся, мой друг. — Каз, стоя в переднем углу камеры, разглядывал шелковые ступени. — Они ушли.

— Дерьмо! — Джон-Том пнул какой-то неправильной формы плоский обломок, поначалу показавшийся ему черепком. Стукнувшись о камень в углу, он при ближайшем рассмотрении оказался куском хитина.

— Черт побери этого лукавца Анантоса. Завел нас сюда... А еще другом прикидывался.

— Он ни разу не назвал себя нашим другом. — Хапли опустился возле стены, уперев голову в колени. — Он же сказал, что выполняет свой долг. Доставит сюда, а там дело за нами. Вот его слова. — Лодочник-лягушка хихикнул. — Наверняка ничем не нарушил обычаев, чтобы помочь нам.

Талея, хмурясь, нюхала воздух.

— Не знаю, заметили вы или нет, но...

Послышался испуганный вопль. Джон-Том поглядел налево, где только что стояла Флор. Она упала лицом вниз и сильно ушиблась. Одна нога ее исчезла в стене. Тело медленно ползло в ту же сторону.

Глава 10

Они не заметили этого прохода, когда их заталкивали в камеру, и определить, куда он ведет или куда уволакивают Флор, было невозможно. Она пыталась уцепиться за пол — так, что из-под ногтей выступила кровь.

Джон-Том первым оказался возле нее и, не размышляя, ударил увесистым булыжником рядом с ее ногой. Из-за угла дуновением донеслось восклицание, соединяющее в себе изумление и боль. Тело девушки остановилось.

Каз с Маджем перенесли, а точнее, переволокли обессилевшую Флор в противоположный угол. Нога ее, к счастью, оказалась целой и невредимой, но невидимый агрессор аккуратно проткнул сапог как раз над пяткой.

Едва Джон-Том попятился от отверстия, из него появилось несколько ног. За ними последовало округлое тело фута в два шириной. На светло-зеленой поверхности виднелись голубые пятна и полосы. Джон-Том обратил внимание: лишь один черный шарфик был повязан на левой задней ноге этой личности — возле самого верхнего сустава.

За незваным гостем последовал второй паук, поменьше. Этот был ярко-бордовым, на брюхе его располагался серый прямоугольник. В камеру протиснулся третий паук, серо-бурый с белыми кругами на головогруди и брюхе и зловещими багровыми ногами. И у всех — на одной и той же лапе — были повязаны одинаковые черные шарфы.

Три паука обратили свои головы к сбившимся вместе теплоземельцам.

— Что это еще за пакость? — поинтересовался первый голосом настолько высоким и неуловимым, что его едва было слышно. — Что вы из себя представляете?

— Наше посольство имеет дипломатическое поручение, — проинформировал его Клотагорб со всем достоинством, какое он мог изобразить в подобной обстановке.

Маленький паук покачал головой в недоумении — Джон-Том успел уже усвоить этот жест.

— Для себя самих вы — посольство, — наставительно проговорил он. — А для нас — харч.

— На вид ничего, а мягкие, — проговорил большой тоном чуть более низким, но тем не менее не сулящим ничего хорошего. Увесистое тело его в поперечнике имело фута три, еще по три фута с каждой стороны приходилось на ноги. — Дипломаты, богохульники, послы или воры — нам-то что? — И он обнажил ярко-красные клыки. — Обед всегда обед.

— Ты так думаешь? Попробуй тронь хоть раз кого-либо из нас, — отозвался Джон-Том. — Я тебе клыки в глотку затолкну.

Первый паук скосился.

— Неужели, полуногий? — последний термин явно относился к вполовину меньшему числу конечностей Джон-Тома. — Тогда слушай. Если ты способен на это, мы попробуем увидеть в тебе больше, чем редкое блюдо, но если нет... — Паук указал ногой на трясущуюся Флор. — Начнем вот с этой — чтобы распробовать.

— А почему с нее, а не с меня?

Паук не может ухмыляться, но тем не менее было полное впечатление, что он сумел изобразить именно эту гримасу.

— Я ее уже почти пробовал, пахнет жидкостью.

Это было уже слишком для достаточно перепуганной пауконенавистницы. Перспектива быть высосанной досуха, словно лимон, заставила Флор торопливо отвернуться. Ее вырвало.

— Вот видишь? — тоном знатока проговорил паук.

Джон-Том подавил собственную тошноту и не стал обращать внимания на глухие призывы, послышавшиеся из-за спины: его предупреждали, что большой красный паук скользнул в сторонку — подальше от компаньонов.

— Можешь начать с меня, если хочешь, — поддразнил паук молодого человека.

— Ты тоже, — мрачно бросил Джон-Том. — Пусть остальные не вмешиваются.

— Хорошо, начнем.

Паук присел на задние лапы и, выполняя какой-то ритуал, принялся, покачиваясь, водить передними перед собой. Затем, опустив их вниз, молниеносно бросился на Джон-Тома.

С тех пор когда Джон-Том увлекался карате, прошло много времени. Точнее сказать, четыре года. Однако, прежде чем бросить это занятие, он успел достичь кое-каких успехов. Но тогда его не учили, как поступать, если нападает враг с восемью ногами. Конечно, если пауку удастся вонзить в него свои красные клыки, количество конечностей станет несущественно. Возможно, хватит одного только укуса, если яд данного паукообразного окажется достаточно сильным.

Атакующий явно стремился использовать как можно больше ног, чтобы отвлечь внимание противника и укусить его.

Впрочем, нельзя исключить, что и паук, в свой черед, готовится отразить нападение. Если восемь ног врага запутывают Джон-Тома, может, рост его и длинные ноги способны помешать пауку? Итак, лучшая защита — это нападение, решил он.

И Джон-Том бросился на врага, на ходу припоминая последовательность движений. Бить вверх правой ногой, потом левой — вниз.

Проворные когти отреагировали, впрочем, недостаточно быстро и лишь царапнули шею и руки Джон-Тома. Зато правая нога его угодила точно в назначенное место — как раз в середку между восемью глазами, подбородка-то у паука не было.

Ударив и приземлившись на левую ногу, Джон-Том пошатнулся, отчаянно пытаясь восстановить равновесие.

В этом не было необходимости. Паук остановился и с каким-то мяуканьем, жутким образом напомнившим потерявшегося котенка, перекатился на спину и принялся рвать когтями физиономию. Движения его замедлялись — словно бы в часах кончался завод. Стараясь отдышаться, Джон-Том выжидал рядом в оборонительной позе.

Движения конечностей прекратились. Из места удара сочилась зеленая жижа, глаза померкли, паук, первым проникший в камеру, подобрался к застывшему компаньону.

— Боже, — не веря своим глазам, вымолвил он. — Ты убил Йоганда?

Задержав дыхание, Джон-Том нахмурился.

— Что значит убил? Таким ударом никого не убьешь.

— Мертв, можно не сомневаться. — Меньший паук посмотрел на юношу с почтением. Из раны по-прежнему сочилась жидкость.

Хрупкие твари, с облегчением и удивлением подумал Джон-Том. Надо подумать: дубинку здесь найти нетрудно. Она явится надежной защитой от обнаглевших пауков, у которых все тело, похоже, из стекла.

А может быть, ему просто удалось нанести отличный удар? В любом случае...

Он внимательно поглядел на парочку пауков.

— Обид нет, я надеюсь?

Первый паук с пренебрежением глянул на мертвого приятеля.

— Йоганд у нас всегда был такой порывистый...

Беседу нарушил шум в коридоре. К шелковой решетке приблизился неизвестный паук — не тот худощавый с лентами. Все молча следили, как он поливал прутья из грушевидной бутылочки. Прутья начали превращаться в желе.

Из тени вынырнула еще одна фигура и остановилась позади тюремщика. Анантос.

— Мне очень жаль, — проговорил он, покачивая ногами. — Это было сделано не от ума и не по высокому приказанию. Виновная личность уже наказана.

— Во, а мы уж думали — ты нас продал с потрохами, — облегченно заявил Мадж.

Анантос с возмущением отвечал:

— Я никогда не сделал бы подобной вещи. Как вам известно, я серьезно отношусь к своим обязанностям.

Заметив на полу камеры труп, паук огляделся.

— Это все его чародейство.

Мадж указал на Джон-Тома. Анантос уважительно поклонился.

— Чистая работа, прошу прощения за причиненные неудобства.

Тем временем в решетке уже образовалось достаточно большое отверстие. Пленники направились к выходу, и спутники Анантоса расступились.

Небольшой паук попытался увязаться за Клотагорбом, но получил удар по загривку от одного из стражников.

— Ты останешься, — прошелестел тот. — Выходят лишь теплоземельцы.

— Почему? Нас же посадили вместе! — Паук уцепился когтями за быстро твердеющие прутья, сооружаемые двумя стражниками.

— Вы — обычные преступники, — устало ответил Анантос. — Как вам должно быть известно, обычных преступников не допускают пред очи Великой Госпожи Тенет.

Маленький паук замер и повернул голову в сторону Джон-Тома.

— Значит, вы собираетесь к великой госпоже?

— За этим мы и прибыли сюда.

— А мы остаемся здесь. И никто не вправе силой заставить нас идти к ней.

Бросив истекающий зеленой жижей труп мертвого дружка, пауки заторопились в свою камеру.

Внезапная перемена их настроения пробудила в голове Джон-Тома неприятные мысли. Он поднимался по лестнице следом за покачивающей на ходу бедрами Талеей. По ступенькам той самой лестницы, которой они лишь недавно проследовали вниз.

— Интересно, что он хотел этим сказать?

Талея оглянулась и пожала плечами.

— Я же говорил, что могу только доставить вас в Паутинники, — пояснил Анантос. — Следует понимать, что Госпожа Тенет может и не помочь вам. Она способна заключить вас снова в ту же самую дыру вместе с этой рванью. — И паук лапой указал вниз.

— Значит, мы можем снова оказаться в тюрьме? — спросила Флор.

— Даже хуже. — Анантос по-прежнему показывал украшенной шелками лапой вниз. — Надеюсь, случившееся не повлияет на ваше отношение ко мне. Виновата гофмейстерина, превысившая свои полномочия.

— Мы знаем, что твоей вины в случившемся нет, — ободрил паука Клотагорб.

И вскоре, повторив в обратном направлении путь своего бесславного ниспровержения, они вновь оказались перед высоким порталом и двумя гигантами-стражами. Тут их встретил небольшой голубой паук, осыпавший пришедших извинениями и сожалениями.

Закончив махать лапами и кланяться, он сделал им знак следовать за собой.

Они оказались в высокой и темной палате. Лишь в задней стене ее светилось несколько узких окошек да робко горела парочка фонарей, бросавших трепетный янтарный след на просторные диваны и красочные подушки. Никому и в голову не пришло подумать, чем может быть набит их прекрасный шелк.

Удивляло большое количество предметов искусства: металлических и деревянных скульптур, статуэток из камня и бальзамированного паучьего шелка. С пола поднимались отрицающие тяготение подвески. Внутри некоторых горели крошечные огоньки. Отдельные фигуры тяготели к реальности, однако на удивление большое число их оказалось абстрактными. На полу шелковые параллелограммы чередовались с волнистыми синусоидами. Цвет мебели и скульптур терялся в тени, но яркие оранжевые, алые, черные, пурпурные, густо-синие и еще более густо-зеленые оттенки не сменялись пастельными красками.

— Великая Госпожа Тенет Олл приветствует вас, чужеземцы, — пропищал голубой паук. — Теперь я ухожу. — Он повернулся и поспешно исчез в дверях.

— Я тоже должен идти, — проговорил Анантос и, помедлив, добавил: — Некоторые из ваших идей сродни вечному прядению. Быть может, мы еще встретимся.

— Надеюсь, — ответил шепотом Джон-Том — не зная почему. И поглядел вслед Анантосу, удалявшемуся за крохой-геральдом.

Они вышли на середину палаты. Клотагорб, уперев руки в отсутствующую талию, провозгласил:

— Ну и где же вы находитесь, мадам?

— Здесь, наверху.

Голос трудно было назвать громким, но он все-таки был гуще обычного пришепетывания, с которым приходилось иметь дело в паучьем краю, так сказать, шоколадный мусс по сравнению с шоколадным желе. Казалось, в голосе слышатся отчетливые женские интонации. Однако здесь, во тьме, Джон-Том решил, что проявляет излишний антропоморфизм.

— Здесь, — повторил голос.

Глаза путешественников обратились наверх и, проследовав вдоль потолка, обнаружили в правом углу большую искрящуюся груду тончайшего шелка, украшенную самоцветами и кусочками металла. Казалось, что сооружение это втягивает весь свет обеих неярких ламп, отражая его потом в глаза счастливчиков-наблюдателей. Шелк образовывал крохотные абстрактные геометрические фигурки, совмещавшиеся подобно частям серебряной головоломки.

Через край серебристого шелкового будуара вниз скользнула черная капля, огромным мазком нефти проплывшая по паутине к полу. Она была поменьше громадин тарантулов, охранявших вход, но все же крупнее Анантоса и других обитателей Паутинников. Округлое брюхо оказалось почти трех футов в диаметре. За исключением яркого, чересчур уж знакомого изображения оранжево-красных песочных часов на нижней части живота, все тело казалось заключенным в панцирь из черной стали[1].

Сложные черные глаза без выражения обратились к гостям. Паутинные железы отстегнули шелковый трос. Принявшие вес тела восемь ног, аккуратно сложившись, опустили свой груз. Огромная черная вдова, уютно устроившись на красной просторной подушке, принялась чистить один из клыков кончиком левой ноги.

— Я — Великая Госпожа Тенет Олл, — вежливо проинформировала их страхолюдина. — Простите мои грубые манеры, но ко мне недавно заглянул на ужин мой муж, и мы только что покончили с делами.

Повадки черных вдов были Джон-Тому известны, и на украшенный самоцветами будуар он поглядел с невольным трепетом.

Ни в коей мере не устрашенный появлением Великой Госпожи Тенет Клотагорб шагнул вперед и вновь принялся выкладывать причины, погнавшие их в столь необычайное путешествие. Он в подробностях описал события, происшедшие с ними на просторах Мечтравной степи и в Горле Земном, поведал о магическом пересечении Адова Водопоя. Рассказ звучал весьма впе-

---

[1] Речь идет о самке каракурта, иначе черной вдове, пауке смертельно ядовитом для человека (*прим. перев.*).

чатляюще даже при его сухой и несколько механической манере изложения.

Великая Госпожа Тенет Олл слушала внимательно, иногда позволяя себе выразить шепотом одобрение или восхищение. Клотагорб, громыхая, рассказывал о новом — особенном зле, вскормленном Броненосным народом, и его неизбежном вторжении в Теплые земли.

Наконец он завершил повествование. Несколько минут в палате царило молчание.

Первая реакция Олл оказалась совершенно неожиданной.

— Эй! Подойди сюда.

Ей пришлось поднять ногу и показать. Отсутствие зрачков не позволяло сказать, на кого именно смотрят эти черные глаза.

Указала она на Джон-Тома.

Колебания его были вполне понятны. После первого шока от встречи с пауками он сумел преодолеть свою инстинктивную реакцию на них. Дело дошло даже до известной симпатии к Анантосу и его компаньонам. Он даже позволил любопытным паучатам ползать по своему телу. Даже три мерзких типа, встреченных внизу, вызвали у него отвращение не обликом, а гнусной природой.

Но темное одутловатое тело, обладательница которого подзывала его к себе, принадлежало породе, опасаться которой его учили с детства. Приглашение это пробудило в юноше страхи, не подвластные логике и рассудку.

В спину его подтолкнула ладонь. Он поглядел вниз и увидел встревоженные глаза Клотагорба.

— Иди, иди, не бойся, — сказала Госпожа Тенет. — Я только что поела. — И она едко усмехнулась. — По-моему, в тебе одни кости.

Джон-Том подступил поближе. Он попробовал представить себе Госпожу Тенет матроной, но все-таки с трудом мог отвести глаза от черных клыков, выступающих из пасти. Даже легкая царапина этого клыка будет смертельной для него, если только яд не ослабит своего действия за счет размеров паучихи.

Черная нога, не похожая на все, которые ему приходилось видеть в Паутинниках, прикоснулась к плечу Джон-Тома. Она скользнула вниз по руке, он ощутил ее сквозь куртку, а потом сквозь брюки.

Оказавшись рядом, он заметил нежные, почти прозрачные белые шелка, окутывающие значительную часть черного тела. Шелка были расшиты миниатюрными сценками из повседневной жизни Паутинников. Впечатляющий наряд, но для королевы простоват, подумал он.

— Как тебя зовут?

— Джон-Том. Так меня называют друзья.

— Я не стану затруднять тебя моим полным именем, — отве-

чала она. — Уйдет много времени, и ты все равно не запомнишь. Можешь звать меня Олл. — Голова обернулась к остальным. — Так можете поступать и вы, раз вы не относитесь к числу жителей Тенет. Можете не выказывать мне особенного почтения.

И вновь когтистая блестящая лапа скользнула по телу Джон-Тома. Молодой человек не дрогнул.

— Ты подтверждаешь претензии и заявления коротышки в твердом панцире? — Другая лапа ее показала на Клотагорба.

— Да.

— Ну, хорошо. — На мгновение Олл застыла, а потом вновь поглядела на Джон-Тома. — Но почему судьба народов Теплоземелья должна волновать нас?

— Вам придется пойти на это, — значительным тоном начал Клотагорб, — потому что, если...

— Умолкни. — Великая Госпожа жестом приказала волшебнику замолчать. — Я спрашиваю не тебя.

Клотагорб покорно умолк. Не потому, что ядовитое огромное тело испугало его, — просто прагматизм входит в число добродетелей, присущих каждому истинному магу.

— А теперь отвечай, — обратилась она уже потише к Джон-Тому.

Вспомни историю своего мира, подумал он, стараясь не глядеть на оказавшиеся так близко клыки. Попробуй увидеть в этом массивном смертоносном создании то же изящество и любезность, которые ты нашел здесь у других. Чтобы ответить на вопрос, вспомни собственную историю. Потому что если не...

— Все можно объяснить достаточно просто. Разве вы не враждуете издревле с Броненосным народом?

— Мы не испытываем приязни к обитателям Зеленых Всхолмий, и они к нам тоже.

С ответом она не промедлила.

— Что же еще не ясно? Если они покорят Теплые земли, то ничто не помешает им взяться за вас.

Ответ был сдобрен черным юмором:

— Пусть берутся, будет тогда в Паутинниках пир, какого еще не бывало.

Джон-Том вспомнил кое-что из рассказанного Клотагорбом.

— Олл, за тысячи лет Броненосный народ неоднократно пытался напасть на Теплые земли. Однако армии его не могли пробиться дальше Врат Джо-Трума, перекрывающих Проход из Зеленых Всхолмий.

— Я слыхала об этом месте и названии его, но никто из прядильщиков не бывал там.

— И невзирая на это, Клотагорб, величайший из чародеев, словам которого следует верить, утверждает: броненосные овладели новой магией, которая позволит им погубить всех обитателей Теплоземелья после сотен предшествующих неудач. И если

они способны на это, то используют новое оружие и против вас. Тысяча мечей не выстоит против одного-единственного чародейства.

— Нас могут защитить собственные маги, — ответила Олл, но она явно была обеспокоена словами Джон-Тома. Госпожа Тенет поглядела мимо молодого человека. — А как могу я узнать, что ты действительно великий маг, как утверждает этот человек?

Клотагорб расстроился.

— О боги слепоты, затмевающие зрение смертных! Неужели потребуется еще одна демонстрация моей силы?

— Больно не будет, — заверила Олл и, обратившись к теням, позвала:

— Огалуг!

Из-за высокой груды подушек появился хрупкий сенокосец. Интересно, подумал Джон-Том, сидел он тут или же только что подошел? Сил его едва хватало, чтобы нести тонкие шелка, обвивающие тело и спиралями сбегающие по ногам.

Он глянул на Клотагорба.

— Что превыше всего и объемлет пространство?

— Мысль.

— Какая сила позволяет летать по воздуху верхом на метле?

— Антигравитация.

— Как преобразовать простые металлы в золото?

Пренебрежение и скука оставили лицо Клотагорба.

— Ну, это дело нелегкое. Необходимо знать всю формулу целиком, а не только описательную часть методологии.

— Конечно, — согласился нетвердо стоящий на ногах инквизитор.

— Простые металлы в золото... Так, давно не приходилось заниматься подобным делом.

Хватит тянуть, про себя осадил Клотагорба Джон-Том. Нужен ответ. Ответ! А потом, истина выясняется в споре. Говори же, говори.

— Нужно четыре плети морской травы, пентаграмма с числом «шесть», аккуратно выписанным в каждом углу, слова, которыми изменяется валентность, и... и...

Великая Госпожа Тенет, чародей Огалуг и все прочие в палате с тревогой вслушивались.

— Нужно... Нужно еще... — И волшебник поглядел с такой уверенностью, что все сразу поняли: он не мог забыть ничего важного даже на миг. — Еще следует добавить щепотку урановой смолки.

Огалуг обернулся к ожидающей ответа Олл и проговорил, покачивая и дергая головой:

— Госпожа Тенет, наш гость — действительно чародей. По трем вопросам трудно назвать степень его посвящения — во всяком случае, она не меньше третьей.

Клотагорб фыркнул, однако возражения решил оставить при себе.

— Последняя формула известна лишь самым опытным из прядильщиков, знающих магию.

И торопливо приблизившись, чародей-паук положил свою руку на плечо черепахи.

— Приветствую вас в Паутинниках, коллега.

— Благодарю. — Клотагорб со значительным видом кивнул, обнаруживая наконец довольство собой.

Сенокосец обратился к Олл:

— Госпожа Тенет, возможно, эти личности говорят правду. Они предприняли очень опасное путешествие, не зная, доберутся ли до цели, и уже этот факт является серьезным доказательством справедливости их слов. Поэтому, опасаюсь, мой собрат-чародей поведал нам истину.

— Прискорбную истину, — согласилась Госпожа Тенет, — весьма прискорбную... если все это правда. — Она поглядела на Джон-Тома. — Броненосные враждовали с народом Тенет несчетные поколения. И если теперь они способны покорить все Теплые земли, значит, как ты говоришь, они могут быть опасными и для нас. — Чуть помедлив, она изящно поднялась на ноги.

— Пусть будет, как должно быть, хотя прежде подобного не бывало. — Олл стояла возле Джон-Тома, едва не касаясь приподнятым брюхом его плеча. — Прядильщики помогут жителям Теплоземелья ради самих себя: дети Тенет не должны погибнуть в одиночку. — И она повернулась к Клотагорбу. — Вестник несчастья, сколько времени осталось у нас?

— Боюсь, что немного.

— Тогда я приказываю немедленно объявить мобилизацию в Тенетах. Чтобы собрать лучших бойцов из дальних пределов, необходимо время. Но это не главная из наших проблем. Главную придется решать вам, поскольку ваши способности к путешествиям нельзя отрицать. — Она внимательно поглядела на крошечную группу гостей. — Скажите мне, во имя Извечного Прядильщика, как мы сможем попасть к вратам Джо-Трума? Мы знаем места, лежащие к югу и юго-западу от Тенет, но не можем пройти через Горло Земли, как это сделали вы. Даже если войско можно провести через Адов Водопой, мой народ не посмеет встретиться с певунами.

— Отпрысками Массагнев, — шепнул Каз Маджу. — Едва ли их можно укорить этим. Мне до сих пор кажется, что лишь слепая удача, а не разум помогли нам в этой передряге.

— Не хотелось бы возвращаться этим путем, — пробормотала Талея.

— И мне доже, — заметил Пог, успевший повиснуть на шелковом шнурке.

— Значит, если мы не можем вернуться прежним путем, придется идти новым — прямо на юг.

— Через горы? — В голосе Огалуга не было энтузиазма.

— Неужели они действительно непроходимы? — поинтересовался Клотагорб.

— Никто не знает. Нам известны горы вокруг Тенет. В какой-то мере мы знаем и более дальние окрестности, но острые пики, вечные снега — не для нас. Такое путешествие погубит многих, если не найдется дорога полегче. Но мы не знаем, существует ли другой путь.

— Итак, вы как опытные путешественники должны разыскать такую дорогу, — закончила королева.

— Прошу прощения, Госпожа Тенет. Есть народ, которому могут быть известны эти пути, хотя сам он ими не пользуется.

— Почему чародеи всегда разговаривают загадками? О ком ты, Огалуг?

— О народе Железной Тучи.

Палату наполнил густой шелестящий хохот.

— В самом деле? Жители Железной Тучи? Они ни с кем не хотят иметь дела.

— Это так, Госпожа Тенет, но гости наши опытны и в путешествиях мысли, а не только в скитаниях по суше и морю, — ведь они смогли убедить нас в необходимости выступить на их стороне.

— Ну, мы только живем независимо, — отвечала Олл. — А народ Железной Тучи — сплошь параноики.

— Это сплетни и слухи, которые принесли неудачливые торговцы, возвратившиеся из их земли с пустыми когтями. Верно, они далеко не общительны, но это не значит, что они не станут слушать.

Огалуг повернулся к Джон-Тому.

— Они очень похожи на вас, друг. На тебя, на этих двух, — чародей-паук показал на Маджа и Каза. — И на него. — Теперь конечность указывала на Пога.

— Очень интересно, — проговорил Клотагорб. — Откровенно говоря, ничего не знаю о них.

— А они — хорошие бойцы? — поинтересовалась Флор. — Возможно, они могут помочь не только в поисках дороги.

— Это великие воины, — с готовностью признал Огалуг. — Но вы не думайте, что их легко удастся сделать союзниками. Поймите: их ничто не интересует, кроме самих себя. Они не станут помогать никому.

— Так же нам говорили и о вас, прядильщиках, — ответил Джон-Том с уместной смелостью.

— Но мы все-таки достаточно разумны, чтобы понимать собственную выгоду и необходимость, — возразила Олл. — А людей Железной Тучи не интересует ничто. В своей изоляции они безразличны ко всему внешнему.

— Никто не может считать себя в безопасности от зла, которое принесет Броненосный народ, — скорбно проговорил Клотагорб.

— Меня ты уже убедил, чародей, — ответствовала госпожа Тенет. — Теперь уговаривай других, не меня. Впрочем, если они просто покажут нашим бойцам путь через южные пики, это уже хорошо.

— Кое-каким дипломатическим мастерством я все-таки обладаю, — заявил Клотагорб, забыв о скромности. — Во всяком случае, мы уговорим их хотя бы на это.

— Возможно. Тебе придется сделать это, иначе мы не сможем помочь твоему народу, вне зависимости от того, что предпримут броненосные. Подготовившись, мы выйдем в путь, но если не найдем дороги, придется возвращаться обратно. Я отправлю с вами своего личного представителя. Быть может, присутствие его докажет народу Железной Тучи, что прядильщики присоединились к вам, и поможет принять решение. В любом случае, кто-нибудь должен известить меня об исходе вашей миссии — удачном или неудачном.

— Не выкажем ли мы неуважение к вам, Олл, — тщательно подбирая слова, проговорил кролик, — если попросим назначить вполне определенное лицо?

— Конечно, — подхватил Джон-Том, поворачиваясь к Госпоже Тенет. — Не будете ли вы возражать против кандидатуры хранителя реки Анантоса?

— Анантос?.. Не знаю такого имени. Простой стражник, не так ли?

— Да. Он-то и доставил нас в город.

— В таком случае этот стражник наделен необыкновенной решительностью. И все-таки я предпочла бы выбрать персону более высокого ранга.

— Прошу вас, Олл, — сказал Джон-Том. — Если вы не ошибаетесь по поводу нравов жителей Железной Тучи, ранги прядильщиков им безразличны. А Анантос уже знаком с нами. Я полагаю, мы великолепно сумеем с ним договориться.

— Отличная рекомендация. — Олл вздохнула, и округлая черная плоть затрепетала. — Когда быть битве, решают простые солдаты — раз им воевать. Быть может, из него получится вполне подходящий посол. Действительно, жители Железной Тучи в нашей иерархии не разбираются. Отлично. Пусть будет Анантос. Он пойдет с вами вместо одного из моих собственных детей. Узментап!

— Да, миледи, да, миледи? — В зал поспешно вбежал крошечный взрослый паук — тот самый, что приветствовал путников у дверей.

— Разошли слово во все концы Тенет, на горные склоны и в глуби речных долин, всем верующим в Извечного Прядильщика,

всем, кто готов защищать родную паутину от вторжения броненосных. Пусть узнают, что с народами Теплоземелья заключен временный союз. Вместе мы загоним броненосных в вонючую дыру, которую они считают своей родиной, теперь уже навсегда.

— Будет сделано, миледи, — торопливо проговорил герольд.

Госпожа Тенет жестом отпустила его, и паучок заспешил выполнять поручение.

— Мы выступим, как только получим известие от Анантоса, — обратилась Олл к путешественникам. — Мы выступим с надеждой найти удобный путь и будем искать его, даже если вы ничего не добьетесь. Но я не пошлю цвет народа прядильщиков на смерть в снегах возле вершин.

— Мы понимаем, — с благодарностью в голосе ответил Клотагорб. — Никто не станет жертвовать собственной жизнью за так. Но не тревожьтесь. Мы убедим их — они покажут дорогу.

Джон-Том сообразил, что с юридической точки зрения едва ли целесообразно сейчас вспоминать, что подобного пути просто может не быть.

— Теперь все в ваших когтях. Я прикажу, чтобы этого Анантоса разыскали, дам ему свои инструкции и пожалую шарф, соответствующий рангу посла. Необходим ли вам эскорт?

— Сюда мы добрались, полагаясь лишь на себя, — заметила Талея. — Из ваших слов следует, что народ Железной Тучи не враждебен, а скорее упрям. — Она прикоснулась к мечу на своем бедре. — Мы вполне способны позаботиться о себе.

— Так я и предполагала. Я велю, чтобы вас снабдили пищей и... — Заметив скривившуюся Флор, Госпожа вспомнила, что следует считаться и с межвидовыми различиями. — Быть может, вы сами скажете, что вам нужно. Просто назовите, а я пригляжу, чтобы все было доставлено. Я как-то забыла, что вы питаетесь не так, как мы.

— И размножаемся тоже. — Джон-Том бросил многозначительный взгляд в сторону будуара.

— Я слыхала об этом. Честь — странная штука. Иногда лучше умереть в блаженстве, чем влачить ничтожную и презренную жизнь; не забывайте и о том, как такие короткие супружества сказываются на мне самой. Ровное счастье мне недоступно. За коротким блаженством следует длительная меланхолия, но обычай есть обычай. — И она великодушно взмахнула лапой. — Вы получите все необходимое. Надеюсь, у нас еще хватит времени на подготовку и вы сумеете разыскать дорогу для войска.

— Очень-очень благодарны. — Клотагорб отдал неглубокий поклон. — Вы действительно Великая Госпожа Тенет.

— Ты умеешь видеть истину. Это не просто комплимент.

Гости потянулись к выходу. Пройдя полпути до арки, Джон-Том развернулся и решительно направился в обратную сторону.

— Аудиенция закончена, — уже менее вежливо объявила Олл.

— Прошу прощения. Но я должен узнать еще кое-что, а потом сразу же уйду.

Бездонные глаза обратились к нему.

— Говори.

— Почему вы выбрали для разговора меня, а не Каза, Клотагорба или кого-нибудь еще?

— Почему? О, первая причина в твоем восхитительном вдохновляющем одеянии. Оно свидетельствует, что вне зависимости от чародейского дара ты стоишь выше своих компаньонов.

Она повернулась и, ритмично перебирая ногами, отправилась к королевской опочивальне. Соединив свежий шелк с покачивающимся канатом, Великая Госпожа поднялась наверх и исчезла за расшитой самоцветами и вышивками стенкой.

Джон-Том поразмыслил: черные кожаные брюки, такие же сапоги и темная рубашка.

И лишь после, когда, следуя за Анантосом, они покидали Тенета, он сообразил — без всякого удовольствия, — что Великая Госпожа Тенет сочла его пригодным не только для разговора.

Глава 11

Жутко было в горах.

С востока и запада башнями вставали огромные пики, но путешественники шли по насквозь продутым ветрами склонам Зубов Зарита, где горы постепенно снижались, но все же оставались впечатляющими. Холод обжигал. И скоро путь пролег не по скалам, не по почве, но по снегу, сахарным песком поскрипывающему под ногами.

На третий день пути оставившие позади Тенета с их теплыми реками и лесами путники попали в снежный занос. Целый день пришлось пробиваться: южные края действительно могли оказаться непроходимыми.

Меньше всех страдали Каз и Мадж — в отличие от прочих, им было тепло в собственных шубах.

Пример всем подавал терпеливый Хапли. В высшей степени страдая от холода, он, не жалуясь, терпеливо топал вперед. К ночи из толстой одежды, предоставленной прядильщиками, виднелись лишь лягушачьи глаза. Свои неудобства он не афишировал, и спутникам его оставалось делать то же самое.

Пользуясь лишь слухами и догадками — фундаментом не слишком основательным, — Анантос, тем не менее, сумел отыскать ведущую на юг тропу.

За пять дней тяжелой дороги им не удалось существенно про-

двинуться, и тогда-то Джон-Тома осенило. В крохотной пещерке устроили бивуак. Потом Джон-Том повел Флор и остальных на поиски подходящего размера молодых деревьев и зеленых лиан. Их связывали вместе шелком, выделяемым Анантосом.

Все получили самодельные снегоступы, и скорость движения увеличилась. Путники приободрились, вдохновленные не только технологическим усовершенствованием, но и невероятным зрелищем Анантоса, перебирающего шестью снегоступами, подобно водомерке, опасливо пересекающей грязную лужу.

Хапли воспрял более других — огромные снегоступы на перепончатых лапах буквально не давали ему оступиться.

Джон-Том шел рядом с Анантосом. Уже восьмой день пробирались они по горам.

— Неужели мы не заметили?

Дыхание облачком вырывалось изо рта. Холод настойчиво лез под одежду. Примитивная парка, наспех скроенная прядильщиками, не могла заменить пуховую куртку. Если не потеплеет, можно и насмерть замерзнуть.

— Не думаю. — Анантос показал на драгоценный свиток, который хранил в водонепроницаемом футляре, пристегнутом к левой задней ноге. — Я могу только полагаться на карту, которой нас снабдили историки. Ни один прядильщик уже много столетий не забирался так далеко на юг. У нас не было на это ни существенных причин, ни желания.

— Тогда почему ты так уверен, что мы еще не прошли это место?

— Я уверен только в той мере, в какой могут быть точны карты. Старинные повествования утверждают, что если идти далеко на юг, не поднимаясь высоко в горы, как это делаем мы, то придешь к Железной Туче. Конечно, если сказки не лгут.

— И если Железная Туча существует, — буркнул себе под нос Джон-Том.

Волосатая лапа прикоснулась к его груди, но паучье дружелюбие похитил ветер.

Отчаяние зачастую предшествует надежде, и на десятый день погода наконец сжалилась над ними. Снегопад прекратился, низкие тучи куда-то уползли, воздух заметно согрелся, хотя лед и не таял.

Но в порядке компенсации на них обрушилась другая опасность — снежная слепота. Яркие лучи альпийского солнца отражались от ледников и сугробов, превращая все вокруг в белые бриллианты.

Из запасов Анантоса путешественники соорудили примитивные козырьки, но даже после этого старались не отрывать глаз от земли и не расслабляться — чтобы не слететь с сугроба в раскрывавшуюся за ним пропасть.

Прошел еще день, и они начали спускаться.

А через две недели после выхода из Тенет обнаружили Железную Тучу.

Они двигались вверх по пологому склону — к седловине между двумя холмами. Уже много дней им не приходилось видеть других цветов, кроме белого, поэтому блестящая чернота, вставшая прямо перед путниками, потрясала их уже своим видом.

За скалистым гранитным склоном, местами покрытым снегом, поднималась гора, словно залитая замерзшей смолой. Только в редких щелях белел снег или лед.

Но колоссальная гладь застывшего, будто маслянистый водопад, склона явно была из куда более плотного материала, чем смола. Более всего картина напоминала чудом усевшиеся друг на друга огромные раздутые, но не лопнувшие пузыри. Чернота эта была усеяна отверстиями.

Металлический блеск в итоге и вызвал удивленное восклицание Флор:

— Por dios, es[1] гематит.

— Что? — Джон-Том в недоумении повернулся к ней.

— Гематит, Джон-Том. Железная руда, в естественных условиях образующая подобные формации. — Она указала на склон. — Однако мне не приходилось слышать, чтобы они достигали подобных размеров. Подобные формации именуются маммарными[2] или рениформными[3].

— Что она говорит? — поинтересовался Клотагорб.

— О том, что слово «железная» в названии местности соответствует действительности, а не придумано. Пошли.

Они спустились по другую сторону седловины и отправились по каменному плато. Над ними нависала огромная экструзия[4]. Миллионы тонн почти чистого железа, прочного, словно сама гора. На фоне неба и снеговых гор она действительно казалась огромной тучей.

«Но где же сказочные обитатели этих краев? — думал Джон-Том. — На что могут они оказаться похожи?» Черневшие над головой отверстия указывали, где искать их, однако путешественники так и не сумели заметить внутри пещер ни малейшего движения.

— Пустынное место, — заметила Талея, поглядев наверх.

— Ни души, — прокомментировал оказавшийся невдалеке Пог.

Рассматривая недоступные пещеры над головой, все сбросили тяжелую поклажу. О том, чтобы подняться по гранитной стене, не могло быть и речи. Массивная формация не только нависала

---

[1] Боже мой, это... (*исп.*).

[2] Похожими на грудь (*прим. перев.*).

[3] Почковидными (*прим. перев.*).

[4] Излияние горных пород на поверхность (*прим. перев.*).

над головой, но и не давала надежной опоры. Без сложного альпинистского оборудования едва ли можно было добраться даже до самого нижнего уровня.

Впрочем, как невидимые обитатели пещер совершали сей подвиг, было достаточно ясно. С порога каждой пещеры вниз свисала длинная лиана. Дюймов через шесть на них виднелись узлы. Скопище узловатых волосинок, раскачивающихся на ветерке, напоминало бороду на лице чернокожего.

Проблема состояла в том, что самая короткая лиана была добрых две сотни футов длиной. Никто из путешественников не считал, что обладает достаточной силой и ловкостью, чтобы совершить подобный подъем. Талея решила было рискнуть, однако тоненькая лиана заставила ее передумать. Неведомые создания, пользующиеся подобными лестницами, весили куда меньше любого из них.

Мадж был достаточно ловок, но лазать не любил. Анантос явно не забрался бы внутрь пещеры, хотя у него и были наилучшие шансы подняться.

— Мы теряем время на ерунду, — осадил всех Клотагорб, сумевший наконец вклиниться в спор. — Пог!

Все оглянулись, но летучего мыша поблизости не оказалось.

— Вон он! — И Мадж указал на большой валун.

Все бросились к камню и обнаружили Пога, абсолютно не желающего двигаться. Усевшись на гравий, он поглядел на компанию решительным взглядом.

— Я не собираюсь летать туда и совать свой нос в эти черные дыры. Кто знает, может, мне его дам оттяпают.

— Вот что, приятель, — объявил рассудительный Мадж, поправляя капюшон парки. — Не глупи. Кроме тебя, среди нас нету крылатых. Ежели б эта нитка не расползлась подо мной, я б точно полез. Тока зачем нам рисковать? Ты ж разок-другой крыльями взмахнешь — даже не устанешь.

— Весьма точная оценка ситуации, — констатировал Каз, вставляя монокль в глаз. Отказаться от привычки он не желал, даже рискуя потерять монокль в снегу. — Знаешь что, давно бы уж мог слетать туда и обратно, причем без всяких разговоров. Проявил бы инициативу.

— Чдо еще за инициатива? — Пог сердито хлопнул крыльями. — Если эда шайка безумцев проявит еще одну инициативу, мы немедленно попадем кому-нибудь в зубы.

— Знаешь что, Пог... — попытался осадить его Клотагорб.

— Ага, босс, знаю, все знаю. Ступай, мол, а до вод-вод превращу дебя в человека или в кого похуже. — И, вздохнув, мыш для пробы расправил крылья.

— Может быть, я заберусь, а если не смогу пролезть внутрь, то закреплю наверху паутину, а потом спущусь и загляну в нору? — Анантос, смущаясь, постарался внести свой вклад.

— Ты же знаешь, что поверхность скалы чересчур скользкая, ты не сможешь там закрепиться — ноги у тебя слишком широко расставлены. Кстати, я полагаю, что Погу все-таки нужно слетать и постараться.

— Стараться? Чего стараться? Создателя своего я дам увижу в эдой дыре, чдо ли?

Анантосу явно было неприятно, однако Джон-Том взглядом поощрил Пога.

— Если всем вам дак уж хочется увидеть бедного Пога со вспоротым пузом, значид, дак дому и быть. Но предупреждаю: ежели я оддуда живым не вернусь — с дого света приду и всех уморю.

— Не рискуй, Пог, — посоветовал Джон-Том. — Может, там и нет ничего. Значит, так: поднимаешься вверх, смотришь, живет там кто или нет. Ну а если нет — может, поймешь почему.

— Можед, одна из причин как раз и сидит в одной из пещер, — отрезал встревоженный мыш, тыкая вверх большим пальцем.

— Ну, тогда не болтайся там, — сказала Талея. — Ты летишь, чтобы разведать, а не сражаться. Сразу вниз и падай на землю.

Пог поднялся над землей и опустился на валун, за которым скрывался.

— Эдо дебя, леди Талея, не должно беспокоить.

Он извлек из-за спины нож и зажал его в зубах.

— Пожелайте мне удачи!

— Удача не нужна там, где прибегают к рассудку и точным расчетам.

Пог громко забил крыльями и взмыл вверх. Потом опустился и, скользнув в каких-то дюймах над острым гравием, стал подниматься спиралью, подхватив восходящий поток.

— Как ты считаешь, с ним ничего не случится? — Прищурив глаза, Флор смотрела в небо, где медленно уменьшался черный силуэт. Теперь Пог казался игрушкой, пятнышком на безоблачном голубом покрывале.

— Инстинкт — могучий помощник самосохранения.

— О! — сказала она, добавив нотку сарказма. — А это из какой книги?

Джон-Том, откинув голову, засмотрелся на край Железной Тучи, а потому просто проглотил колкость.

«Гемарит, дак его называла высокая человеческая леди. Не, не так... гема... гематит. Во угодил в дыру», — размышлял Пог, высоко поднявшись над каменистой равниной. Фигурки его спутников четко выделялись на гравии. Он видел, что все не сводят с него глаз.

Пог сделал круг перед самым нижним из округлых натеков. Сонар известил его, что в нескольких пещерах, которые он уже миновал, никто не шевелится. Хороший знак. Возможно, место это и вправду покинуто. Черное железо, что ли? Поверхность глядела на Пога огромной черной физиономией, не имеющей глаз,

но оснащенной множеством ртов, готовых проглотить его целиком. Скоро придется сунуть голову в один из них.

«И чдо ж ды не послушался маменьки, — корил он себя, — пошел бы в почтари или в воздушную перевозку, патрульным бы заделался. Нед же, втюрился в эдод комок перьев, а она-до и внимания не обратила. А подом надрался и сунулся к эдому твердолобому, выжившему из ума, жестокосердному старому хрену, в надежде, чдо старец когда-нибудь сделает из дебя особу, более привлекательную для пернатой леди».

Он вновь подумал о ней, о гладкой элегантной спинке, перышках и хвосте. О, правда, чуть жестоком, но таком изящном изгибе клюва, о насквозь пронзающих глазах.

— Улейми, Улейми, знала б ды, чдо мне из-за дебя переносить приходится.

Пог остановил себя, соломинкой переломив мысль.

«Если б она знала о двоих страданиях, до и в кусок дерьма не оценила б их. Эда девица из дех, чдо ценят результат, а не попытку. Значид, собирай-ка всю свою храбрость и выполняй поручение. Долько старайся не думать, чдо, когда придет время расплачиваться, старый Клотагад забудет формулу трансмутации. Ого, опядь пещера... Темная, пустая!»

Сонар подтвердил то, что он видел. Мыш перепорхнул к следующей пещере, понимая, что, если не осмотрит одну или две, наставник непременно велит повторить попытку.

Мыш осторожно влетел внутрь. Он ощущал, как отражается от стенок поднятый крыльями ветерок. Потом опустился вниз.

Пол пещеры был покрыт чистой соломой, аккуратно сплетенной в причудливые узорчатые маты. Выглядели они вполне благопристойно. Если железное обиталище и впрямь заброшено, то недавно.

Вскоре тоннель расширился, выходя в округлую камеру. Обстановка в ней была довольно странной. Там были подушки и высокие насесты, но кресел не оказалось. Подушки, как и лианы, подвешенные у входа, свидетельствовали о том, что обитатели пещеры — ходячие, однако насесты предполагали наличие крылатых. Пог покачал головой, понимая, что никогда не умел мыслить дедуктивно.

Утварь также скорее смущала, чем проясняла загадку. От входа сюда доходил кое-какой свет, однако сонар Пога обследовал окружающее, словно мыш находился в полной темноте. Сердце его торопливо колотилось. Скорее, скорее, пора кончать. Кончать и сматываться отсюда.

От задней части пещеры ответвлялось несколько ходов. Надо начать с самого правого и сразу вернуться, не заходя глубоко. Тогда Клотагорб не скажет, что он отнесся к делу спустя рукава, и не прикажет вернуться сюда.

Оказалось, что перед ним сразу кладовая и кухня. Увы, здеш-

ние жители были всеядны: помимо инструментов, используемых для приготовления мяса и фруктов, обнаружилась горка небольших хитиновых скорлупок и других останков насекомых. Диета была эклектичной и разнообразной. Что, если здесь едят и летучих мышей? Зябко поежившись, Пог обхватил себя крыльями за плечи.

«Ну, еще одна комната, — сказал он себе. — Еще одна комната, и догда, если боссу захочется узнать обо всем подробнее, пусдь лезет сам и смотрит».

Войдя в следующее помещение, он обнаружил там только мебель и готов был уже уйти, когда радар его краешком зацепил нечто. Мыш обернулся.

На него глядела пара огромных светящихся желтых глаз. Обладатель их был, по крайней мере, семи футов ростом, а каждый из этих светящихся шаров был не меньше человеческой головы. Пог, заикаясь, пытался хоть что-нибудь выговорить.

— Ктоооо ты? — спросил из-за огромных очей слегка раздраженный голос. — И какогоооо черта здесь делаешь?

Пог, пятясь, отступал к выходу. В спину его кольнуло нечто острое и неподатливое.

— Толафей задал тебе вопрос, незваный гость! Отвечай.

Новый голос совершенно не похож был на первый и звучал почти как человеческий.

Пог глянул через плечо и увидел другие глаза — поменьше первых. Но если учесть пропорции тела их обладателя, они казались даже крупнее. Четыре глаза, четыре злобных свирепых солнца закружились в его голове. Пог начал оседать.

Острая штуковина тверже уткнулась в его бок.

— И не смей терять сознание, пришелец, иначе я пропорю тебе зоб.

— Ну, что он там делает? — Джон-Том с тревогой глядел на пещеру, в которой исчез Пог.

— Может быть, эти ходы глубоко уходят в скалу. — Талея не теряла надежды. — Пока доберется до конца и вернется обратно...

— Возможно. — Хапли с вожделением разглядывал крохотный ручеек, начинавшийся у подножия ледника. — Как я тоскую по лодке. — И лодочник поднял перепончатую ступню вместе со снегоступом. — Ходьба уже начинает меня раздражать. Это занятие едва ли приличествует речнику.

— Если тебя это утешит, я бы тоже предпочел оказаться сейчас в лодке.

Тут Мадж взволнованно показал наверх.

— Потише, ребята! Вон он!

— Черт побери! Со свитой!

Талея извлекла меч и встала, готовая встретить все, что свалится с неба. Пог опускался к ним, чернея на ясном небе вырезкой из фотобумаги. За ним следовал похожий силуэт, только в несколько раз крупнее. На боку его шевелилась какая-то шишка.

Из усеянного отверстиями тучеподобного утеса, как капли воды сквозь сито, посыпались летуны — целыми дюжинами. Не опускаясь на землю, они слились над плато в единую грозную спираль.

Талея неуверенно отправила меч в ножны.

— Кажется, Пог цел. Учитывая колоссальный численный перевес, вполне можно считать хозяев настроенными дружественно.

— Ты права, рыженькая. — Монокль Каза поблескивал в лучах солнца, пока кролик крутил головой, разглядывая вьющийся наверху живой вихрь. — По-моему, их не менее двух сотен. Разной величины, но очертания схожи. Я думаю, все это совы. Я никогда не слыхал, чтобы они жили подобными колониями... Даже в Поластринду, где их считают вполне респектабельными горожанами, склонными, конечно, к ночному образу жизни.

— Странно это, — согласился Клотагорб. — Все они антисоциальные и ревностно относятся к своему уединению. Впрочем, такими и описывали нам прядильщики обитателей Железной Тучи. Но целое поселение...

Пог сел на высокий валун, за которым еще так недавно пытался укрыться. Существо, спускавшееся следом за ним, расправило десятифутовые крылья. Возмущенный ими воздух едва не сбил Флор с ног.

Переступив парочку раз и встопорщив крылья, крылатая персона поглядела на путешественников. Высокие рожки на голове указывали, что это огромный филин. На Джон-Тома большее впечатление произвели подобные лужицам серые глаза, а не размеры птицы.

Уцепившаяся за спину шишка, которую Каз не сумел разглядеть, отделилась от высокого седла, расправила пончо и встала у левого крыла своего компаньона, оказавшись лемуром.

Спираль вверху начала разваливаться. В основном крылатые создания возвратились в гематитовые глубины своих пещер.

Джон-Том поглядел на лемура, стоявшего рядом с филином. Теперь было понятно, кто привязал у входов тонкие узловатые веревки. Обладающие легким телом и сильными пальцами лемуры могли подниматься и опускаться по этим веревкам столь же непринужденно, как Джон-Том — бегать.

Соскользнув с верхушки валуна, Пог присоединился к друзьям.

— Эдого парня зовут Толафей. — И он крылом указал на внимательного филина. — А его небесного друга зовут Малу.

Лемур сделал шаг вперед. Рост его едва превышал три фута.

— Ваш друг уже многое объяснил нам.

— Да. Ну и повесть, конечнооо. — Филин разгладил складки на черно-бело-зеленом килте. — Правда, я сомневаюсь, чтоооо она целиком правдива.

— Мы сумели убедить почти полмира, — нетерпеливо ответил Клотагорб. — Время истекает. Цивилизация балансирует на грани пропасти. Надеюсь, мне можно не повторять все сначала?

— Полагаю, что так, — сказал Малу, указав на выжидающего Анантоса. — Одно то, что с вами в качестве союзника путешествует прядильщик, гражданин весьма ксенофобного государства, доказывает: свершаются действительно великие события.

— Поглядите-ка, кто это считает нас ксенофобами, — с обидой в голосе шепнул Анантос.

— Надеюсь, что так, — прогромыхал филин, вытерев кончиком крыла одно из блюдец-глаз. — Вы пробудили от дневного отдыха всех обитателей Железной Тучи. Они могут потребовать объяснений. — Моргнув, он прикрыл свое лицо от лучика солнца, выскочившего из-за края заплутавшего облака. — Никак не могу понять, что за радость жить под этим жутким ослепительным светом.

— Ну, что ж, — вздохнул Клотагорб. — Надеюсь, вы опишете ситуацию вашему предводителю, мэру или...

— У нас нет предводителей, — с легким раздражением возразил филин. — Советов и конгрессов тоже. Мы просто мирно сосуществуем, избегая при этом всех недостатков, возникающих в результате деятельности правительств.

— А как вы принимаете совместные решения? — поинтересовался Джон-Том.

Филин обозрел его взглядом, явно предназначенным для низшего существа.

— Мы уважаем друг друга.

— Сегодня ночью будет пир, — вмешался Малу, пытаясь разрядить напряженность. — Там и обсудим вашу просьбу.

— Едва ли это необходимо, — возразила Флор.

— Это не так, — запротестовал лемур. — Видите ли, мы можем принять вас и как друзей, и как врагов. Пир состоится в любом случае.

— Полагаю, что правильно понял вас, — сухо отвечал Каз, поглядев на острый, как бритва, клюв Толафея, способный перекусить кролика пополам. — И выражаю искреннюю надежду на дружественный прием.

Вечером они собрались в палате более просторной, чем все остальные. Джон-Том строил догадки, какая сила — природная или механическая — могла выгрызть подобную полость в почти чистом железе.

Помещение было едва освещено масляными фонарями. Обитатели Железной Тучи устроили столь яркую иллюминацию из уважения к полуслепым гостям. Гнутые стены украшали тро-

феи — перья и шкуры ящериц. Музыкой и танцами наслаждалось около двух сотен сов всех обличий и разновидностей и столько же их компаньонов-лемуров.

Гости с интересом наблюдали за переплясом пернатых и меховых собратьев. В пещере было тепло — впервые после Паутинников им удалось согреться по-настоящему.

Музыка казалась странной, впрочем, музыкальные инструменты выглядели еще более непривычно. Огромная белая сова-сипуха в розово-зеленом килте дудела на чем-то среднем между трубой и флейтой. Она держала инструмент в гибких кончиках крыльев и, балансируя на одной ноге, выводила мелодию клювом — пожалуй, даже лучше, чем это сделала бы пара губ.

Одни совы и лемуры плясали на просторном железном полу, другие же досыта насыщались за огромными изогнутыми столами. Было просто удивительно: джигу сменяли хороводы, однако совы, взмахивая огромными крыльями, прекрасно гармонировали в любом ритме с крошечными, но резвыми приматами. Когтистые лапы и ступни топали и выкидывали коленца, не сбившись ни на одном такте.

Когда ночь наполовину прошла, Джон-Том спросил у Флор:

— А где Клотагорб?

— Не знаю. — Она отодвинула высокогорлый сосуд с напитком. — Правда, великолепно?

Глаза ее светились почти как у акробата, выделывавшего невероятные прыжки прямо перед их столом, — длинные пальцы его рисовали в воздухе замысловатые контуры. К нему присоединилась самка-ифака[1], и гимнастический танец продолжился без перерыва, но уже в парном исполнении.

Джон-Том обратился с вопросом к белому пушистому хозяину, сидевшему с другой стороны.

— И я тоже не знаю, друг мой, — отвечал Малу. — Старика в жестком панцире я не видел весь вечер.

— Не тревожься, Джон-Том, — бросил Каз с другой скамьи. — Наш чародей богат познаниями, однако обделен умением развлекаться. Пусть медитирует на здоровье. Кто знает, когда-то нам еще представится возможность полюбоваться подобным зрелищем. — И он махнул в сторону танцоров.

Однако тревога не отпускала Джон-Тома. Обозрев зал, он не заметил и Пога. Это было еще более странно — вкусы мыша были прекрасно известны молодому человеку. Он, конечно, толкался бы сейчас возле танцующих, заигрывая с какой-нибудь легкомысленной сычихой. Но фамулуса нигде не было.

Приятели Джон-Тома были чересчур увлечены приятным времяпрепровождением и не заметили, что юноша исчез из-за стола. Пятнистый долгопят с налитыми кровью глазами указал

---

[1] Вид лемура (*прим. перев.*).

ему на уходящий в глубины горы тоннель. Джон-Том торопливо направился туда. Шум и музыка затихали позади.

Он уже успел проскочить мимо комнаты, когда услышал знакомый голос — волшебник стонал. Отбросив занавеску, молодой человек зашел внутрь.

Увесистое тело чародея покоилось на тонкой койке, прогибающейся под его тяжестью. Руки и ноги были втянуты в панцирь, наружу выступала одна голова. Она покачивалась и крутилась, словно пародия на прядильщика. Видны были только белки глаз. Чистые сложенные очки аккуратно лежали на стуле.

— Тише! — предупредил его голос. Поглядев наверх, Джон-Том увидел Пога, свисавшего с лампы. Трепетавший над мышом огонек просвечивал сквозь крылья.

— Что это? — спросил Джон-Том, разглядывая стонущего чародея. — Что случилось?

Издалека доносились слабые отзвуки праздника. Музыка более не казалась молодому человеку бодрой. В этой комнате совершалось нечто ужасно важное.

Пог предостерегающе поднял палец.

— Мастер в трансе лежит. Я долько пару раз видел дакое. Его нельзя трогать, он запрещает эдо.

И оба остались присматривать за подрагивающим и стонущим в забытьи чародеем. Время от времени Пог слетал вниз, чтобы утереть влагу, выступавшую на открытых глазах волшебника, тем временем Джон-Том следил на входом — чтобы не помешали.

Это было ужасно — слышать подобные стоны из уст старика, пусть и не человека... Беспомощные слабые звуки, которые мог бы издавать заболевший ребенок. Время от времени угадывались обрывки почти понятных слов. Впрочем, в основном комнату наполняло нечленораздельное бормотание.

Звуки слабели. Клотагорб утих, лежа куском поднявшегося теста. Дрожь и подергивания прекратились.

Пог пару раз хлопнул крыльями и слетел вниз посмотреть, что делается с волшебником.

— Уснул деперь, — сообщил он успевшему устать Джон-Тому. — Утомился.

— Но зачем, — спросил человек, — зачем Клотагорбу понадобилось погружаться в транс?

— Узнаем, когда проснется. Все должно происходить естественно. Деперь остается долько ждать.

Джон-Том задумчиво уставился на оцепеневшее тело.

— А ты уверен, что он очнется?

Пог пожал плечами.

— Дак всегда было. Пусдь попробует не очнуться. За ним должок...

Глава 12

За занавеской послышались вопросительные голоса, и Джон-Тому пришлось объяснить причины их отсутствия. Время шло, музыка вдали утихла, и он уснул.

...Огромный бронированный паук с грохотом топал за ним, размахивая конечностями, с клыков его капало. Он бежал изо всех сил, но не мог оторваться от чудовища. Наконец ноги ему отказали и храбрость тоже. Паук сверху поглядел на недвижное тело. Клыки опустились — но не на грудь. Они кололи пальцы.

— Теперь ты не сумеешь играть, — грохотал голос, — теперь ты будешь ходить на юридический факультет, и только... Аха-ха-ха!

Его кто-то тряс.

— Друг, Джон-Том! Мастер проснулся.

Джон-Том потянулся. Он уснул на полу, привалившись спиной к стене. Клотагорб сидел на трещавшей под его тяжестью плетеной кровати и потирал нижнюю челюсть. Он водрузил очки на клюв, потом заметил Джон-Тома. Рассеянный взор проследовал дальше — к помощнику, — потом вернулся обратно.

— Теперь я знаю источник того зла, которым грозит нам Броненосный народ, — бодро объявил он. — Я теперь знаю, где искать корни его.

Джон-Том поднялся на ноги, отряхнулся и озабоченно поглядел на чародея.

— Ну и что это такое?

— Я не знаю.

— Но вы только что...

— Да-да, я знаю — и вместе с тем не понимаю. — Голос чародея казался очень усталым. — Это разум. Удивительно мудрый. Я еще не встречал подобных. Глубин и пределов познаний его я не могу даже измерить. Он вмещает такие тайны, которые я не смею понять... Но разум этот могуч и опасен.

— Достаточно ясно, — проговорил Джон-Том. — А кому он принадлежит? В какой голове находится?

— Вот этого я и не знаю. — В голосе Клотагорба слышались беспокойство и изумление. — Я не встречал подобного разума. Но могу сказать одно. — Чародей поглядел на высокого человека. — Он мертв.

Пог помедлил и спросил:

— Но если эдод ум мертв, как он может помогать броненосным?

— Знаю, знаю, — угрюмо проворчал Клотагорб. — Это бессмысленно. Или вы думаете, что я за мгновение способен познать все тайны Вселенной?

— Извините, — сказал Джон-Том. — Мы с Погом просто надеялись, что...

— Забудь об этом, мой мальчик. — Прислонившись к стене, волшебник устало махнул рукой. — Я познал не более, чем надеялся. Там, где знаний недостаточно, остается надежда... — И он скорбно качнул головой.

— Ум такой мощи и силы и тем не менее мертвый, как камень. В этом я убежден. И все же Эйякрат, чародей броненосных, сумел овладеть этой мощью.

— Зомби, — пробормотал Джон-Том.

— Термин этот мне неизвестен, — заметил Клотагорб, — но я его принимаю. Я приму все, что поможет объяснить это жуткое противоречие. Иногда, мальчик мой, большое знание смущает куда сильней, чем невежество. Конечно, Вселенная объемлет многое, но в ней нет ничего более опасного и противоречивого, чем этот изобретательный и холодный разум.

Маг явно принял решение.

— Теперь, настроившись на этот разум, я, конечно же, обнаружу его обладателя. Придется найти его и уничтожить, он это или она — я не имею представления о половой принадлежности этого существа.

— Но мы не можем эдого сделать, Мастер, — объявил Пог. — Вы же говорите, чдо эдод ум находится под властью великого чародея Эйякрата, а он-до обитает в Куглухе.

— В столице Броненосного народа, — напомнил Клотагорб Джон-Тому.

— Дак дочно. Вод и получается — не сможем... — Пог внезапно умолк, и глаза его сделались такими же большими, как у лемура. — Нед, Мастер! — с ужасом пробормотал он. — Нед! Не надо!

— Напротив, фамулус, сможем. Сперва, конечно, придется все обсудить с нашими спутниками.

— Что обсудить? — Джон-Том опасался, что уже знает ответ.

— Наше путешествие в Куглух — чтобы найти это зло и уничтожить его. Что еще остается цивилизованному созданию, мой мальчик?

— Действительно — что?

Джон-Том внутренне решился. Хуже, чем в Горле Земном, в Куглухе не будет. Мыш явно думает иначе, но Пог-то и собственной тени боится.

Силы вернулись к Клотагорбу. Он слез с кровати и направился к двери.

— Следует переговорить и с другими участниками нашего похода.

— Возможно, не все сейчас в состоянии вести серьезную беседу, — предупредил Джон-Том. — Наши хозяева проявили истинную щедрость.

— Ночь, отданная безвредным удовольствиям, не в состоя-

нии повредить душе, мой мальчик. Однако никогда не следует опускаться до бессознательности. Я рад, что ты сумел сохранить контроль над собой.

— Это пока, — лихорадочно пробормотал Джон-Том. — Пожалуй, после вашего предложения я могу и передумать.

— Очень плохо не будет. — Чародей обнял его за плечо, как только, отодвинув в сторону занавеску, они оказались в тоннеле. — Конечно, нас ждет опасность, но мы ведь не раз переживали разные беды.

— Да, но это не прививка, — сказал Джон-Том. — Здесь иммунитета не приобретешь. Мы рискуем, а значит, когда-нибудь можем и ошибиться.

— Мой мальчик, мы сделаем все, чтобы это случилось как можно позже.

Пог отстал, он спокойно висел на масляной лампе в опустевшей комнате. Он решил отстать навсегда. Жители Железной Тучи укроют, решил он.

Но тогда трансформация не состоится. И впустую пропадут все муки, все унижения, перенесенные им от рук чародея и языка его. Кроме того, будучи единственным крылатым участником похода, Пог знал, насколько нужен он как разведчик, да и для других дел тоже.

К тому же смерть все-таки лучше неразделенной любви.

И, выпустив лампу, он затрепетал крыльями и направился следом за обоими волшебниками.

На следующее утро были и дебаты, и споры. По одному — как это случалось и прежде — члены маленькой группы уступали заверениям Клотагорба, сдавались перед его упрямством и завуалированными угрозами.

Курс был выбран, и настало время уточнить позицию, занятую обитателями Железной Тучи. Перед путниками на плато у подножия скалы предстало пять сов: два филина, две сипухи и один крохотный сычик ростом пониже Пога, однако не уступавший в достоинстве более крупным собратьям. С ними были пятеро лемуров. Солнце еще не встало.

— Мы не сомневаемся ни в серьезности ваших намерений, ни в истинности ваших слов, — говорил Толафей, — ни в значении вашей миссии, но тем не менее нарушить многовековой обычай невмешательства в чужие споры достаточно сложно. — Он указал на Анантоса. — Подобный образ жизни ведут и обитатели Тенет, но они все же согласились помочь вам. Поможем и мы.

Компаньоны филина одобрительно забормотали.

— Значит, все в порядке, — проговорил довольный Клотагорб. — В грядущей войне вы будете для нас ценными союзниками и...

— Минуточку. — Один из лемуров шагнул вперед. На нем были ярко-желтые шаровары, тонкий жилет и рубашка с высо-

ким стоячим воротником. — Мы не называли себя союзниками. Мы сказали, что поможем. Вы просили, чтобы мы разрешили прядильщикам пройти через наши земли и указали им путь, которым легче добраться до Врат Джо-Трума, как вы их называете. Это мы сделаем. Кроме того, мы подыщем для вас Проход на Зеленые Всхолмия. Но биться не будем.

— Но я думал... — начал Джон-Том.

— Нет! — отрезала одна из сов. — Нет, нет и нет! Мы простооо не можем ничегоооо больше сделать для вас. И не просите.

— Но ведь...

Умиротворяющая рука Клотагорба коснулась Талеи, и девушка умолкла.

— Друзья, на это мы даже не могли рассчитывать. Этого довольно. — Клотагорб обернулся к Анантосу. — У нас уже есть союзники, ради которых мы явились сюда.

— Это так, — прошелестел паук, — если армия успеет вовремя собраться и выступить.

— Мне остается только надеяться на это, — торжественно проговорил волшебник, — потому что судьба не одного — нескольких миров — теперь зависит и от вас.

— Нам в Железной Туче бояться нечего, — невозмутимо отозвалась сова. — Наше обиталище неприступно с земли и с воздуха.

— Так-то так, — согласился Каз. — Но от магии и оно не укроет.

— Мы готовы рискнуть, — твердо заявил Толафей.

— Значит, говорить больше не о чем, — кивнул Клотагорб.

Обитатели Железной Тучи отбыли, не прощаясь; совы вместе с лемурами торопились присоединиться к своим собратьям наверху. Взмахивали огромные крылья, сверкали глаза... Парами и тройками ночные охотники возвращались в свой черный дом. Они заполнили все пространство между землей и луной.

Еще одна парочка поднялась с плато, направляясь к уютной темноте утеса, предвещающей добрый дневной сон.

Джон-Том мог лишь надеяться, что скальный приют даст своим обитателям ту надежную защиту, на которую они рассчитывали.

Последняя из лемуров с любопытством глядела на путешественников, тем временем ее сова нетерпеливо царапала землю. Солнце вынырнуло из-за восточных утесов, и дремота уже на три четверти прикрыла огромные глазищи.

— Мне бы хотелось еще кое-что узнать. Как вы, теплоземельцы, надеетесь проникнуть в Куглух?

— Переодетыми, — уверенно ответил Клотагорб.

— Что-то вы не похожи не броненосных, — засомневалась лемуриха.

Клотагорб погрозил ей пальцем и убежденно заявил:

— Уверенность — лучшая маскировка. Мы будем защищены уже тем, что броненосные не предполагают возможности нашего появления. А уверенности поможет и магия.

Лемуриха пожала плечами.

— По-моему, все вы глупцы, отважные глупцы, и скоро станете мертвыми глупцами. Но мы покажем прядильщикам путь. Покажем и вам, если вы так уж рветесь к смерти. — Она поглядела вверх. — Вот и ваши проводники.

К ним спустились две совы. Одна направлялась к ожидающему Анантосу. Прощаясь, прядильщик слегка дрожал.

— Встретимся прямо у Врат, — сказал он, — то есть встретимся, если я сумею выжить в этом путешествии. Высоты я не боюсь — просто не приходилось еще бывать в таком месте, где нельзя прицепить паутину. К облаку ее не привесишь.

Паук взобрался на спину совы, помахал им ногами. Сова несколько раз переступила, хлопая могучими крыльями, а потом взмыла в утренний воздух. На голове филина был темный козырек — чтобы не слепило глаза.

Они глядели им вслед, пока крылья не превратились в тонкую черточку на горизонте.

Рядом оказалась небольшая сычиха в черно-пурпурно-желтой юбочке.

— Я — Имахооо, — без всякого намека на любезность проинформировала она. — Давайте побыстрее. Я покажу вам дорогу — на два дня вперед — и хватит. А потом справляйтесь сами.

Оставшаяся на земле лемуриха поднялась в седло.

— Я все-таки считаю вас дураками. — Она широко ухмыльнулась. — Но многие храбрые дураки преуспевали там, где отступал осторожный гений. Счастливого полета.

И, попрощавшись взмахом руки, она поднялась вверх, уносимая крылатым конем.

Оставшиеся в одиночестве облаченные в теплую одежду путешественники проследили за полетом последней пары, тоже исчезнувшей в гематите. Потом Имахооо взлетела и направилась к югу. Они последовали за ней.

Еле заметная тропа вела их все ниже. Ровный спуск приятно контрастировал с мучительным подъемом к Железной Туче. Через день после того, как Имахооо оставила их, путники начали снимать теплую одежду. Вскоре они вновь оказались среди кустов и деревьев, и память о заснеженных краях начала меркнуть.

Джон-Том, умеряя шаг, держался возле Клотагорба. Волшебник находился в великолепном настроении и не обнаруживал никакой усталости после недель ходьбы.

— Сэр?

— Да, мой мальчик?

Вверх глянули глаза из-за темных очков. Джон-Том разом

почувствовал нерешительность. Вопрос, казавшийся весьма простым, не шел с языка, старался остаться непроизнесенным.

— Значит, так, сэр, — наконец выдавил он. — У нас — в моем мире — известно определенное умственное состояние.

— Продолжай, мой мальчик.

— У него даже есть имя: склонность к самоубийству.

— Интересно, — задумчиво отозвался Клотагорб. — Можно предположить, что оно относится к тем, кто желает умереть?

Джон-Том кивнул.

— Иногда такая личность даже не подозревает об этом до тех пор, пока не услышит от постороннего. Но и тогда может не поверить.

Оба помолчали, потом юноша добавил:

— Сэр, не поймите меня превратно, но вам не кажется, что вы можете пребывать в подобном состоянии?

— Напротив, мой мальчик, — отвечал чародей, ни в коей мере не задетый вопросом. — Я люблю жизнь и рискую собой лишь для того, чтобы спасти жизнь остальным. Но из этого не следует, что я стремлюсь расстаться со своей собственной.

— Я знаю, сэр, но мне кажется, что вы водите нас от беды к беде лишь ради все большего и большего риска. Иначе говоря, чем больше нам приходится переносить, тем сильнее вы рветесь к новым опасностям.

— Утверждение это основано исключительно на поверхностном восприятии событий и твоих домыслах. Ты забываешь об одном: я хочу жить не менее, чем все вы.

— Вы в этом уверены, сэр? В конце концов, вы прожили в два раза дольше, чем отмерено каждому человеку, да к тому же куда более наполненной жизнью, чем это свойственно нам. — И он махнул в сторону спутников. — Разве для вас умереть — такое уж горе?

— Понимаю твою логику, мой мальчик. Ты утверждаешь, что я рискую жизнью потому, что прожил достаточно долго и теряю не столько, сколько все остальные?

Джон-Том не ответил.

— Мальчик мой, ты прожил еще очень мало и вовсе не понимаешь жизни. Поверь мне, она драгоценна для меня уже потому, что ее осталось не так уж много. Я ревностно охраняю каждый мой день, потому что знаю: он может оказаться последним. Так что я теряю не меньше вас, а, пожалуй, даже больше.

— Хотелось бы убедиться в этом, сэр.

— В чем? В причинах моих решений? Пожалуйста. Все они основываются на одной-единственной мотивации: нельзя позволить броненосным толпам уничтожить цивилизацию. Даже если я действительно решу умереть, то постараюсь задержать миг смерти, пока не растрачу до конца всю свою энергию, чтобы от-

вести жуткий конец от Теплоземелья, и убью себя лишь после того, как уверюсь, что спас всех остальных.

— Приятно слышать, сэр. — Джон-Том почувствовал облегчение.

— Впрочем, мне хотелось бы выяснить еще кое-что.

— Что же, сэр?

— Такое дело. — Волшебник поднял глаза. — Видишь ли, я пока что-то не могу в точности припомнить формулу маскировки.

Джон-Том, нахмурившись, задумался.

— Но мы ведь не сможем войти в Куглух такими, как мы есть?

— Конечно, нет, — бодро отозвался Клотагорб. — И поэтому предлагаю, чтобы ты поразмыслил над песнями. Ты видел броненосного, и мы должны стать похожими на него, чтобы уцелеть.

— Я не знаю, что...

— Попробуй же, — более серьезным тоном добавил чародей. — Если я не припомню и ты ничего не придумаешь, придется отказаться от нашего предприятия.

Но, потратив на попытки несколько дней, Джон-Том так и не сумел подобрать ни одной подходящей мелодии. Группы, чьи песни он знал наизусть, — «Зеппелин», «Талл», «Квин» или «Стоунз», даже «Битлз», написавшие, по крайней мере, по одной песне обо всем на свете, не жаловали насекомых. Встряхнув память, он припомнил несколько отрывков из классики, потом Фэрри Льюиса, перепрыгнул к Ферлину Хаски, к «Форинер» — но без успеха.

Скудость эта была вполне понятна. Любовь, секс, деньги и слава были более благодатными темами для песен, чем насекомые. Впрочем, умственная нагрузка помогла занять голову и скрасила путешествие.

Ему даже в голову не пришло, что Клотагорб мог попросту придумать предлог, чтобы отвлечь Джон-Тома от опасных мыслей.

Еще через три дня добрались они до обширных гнилых равнин, именуемых Зелеными Всхолмиями. Устроившись на горке, путники грызли орехи, жевали ягоды и вяленое мясо ящериц, разглядывая мрак и туман, окутывающие земли Броненосного народа.

Хвойные уступили место лиственным деревьям с твердой древесиной, а те, в свою очередь, сражались за место с пальмами, баобабами, суккулентами и ползучими растениями. Иногда из тумана доносились странные крики и посвист.

Покончив с едой, Джон-Том поднялся. Во влажном воздухе кожаные брюки липли к ногам. На западе высились увенчанные снегами вершины Зубов Зарита. Трудно было поверить, что ближе к югу в этой неприступной стене может найтись Проход, в даль-

нем конце которого высятся Врата Джо-Трума, а за ними лежит Мечтравная степь и бурлит дружественный Поластринду.

Родной дом его остался неизвестно где... В триллионе миль по ту сторону времени, направо от ближайшей складки пространства... там еще надо перепрыгнуть в четвертое измерение.

Он обернулся. Клотагорб с помощью Пога занимался чародейскими делами.

— Нужно было хоть что-нибудь с собой прихватить. — Талея встала возле него, она тоже смотрела вниз — на клубящийся туман. — А если пойдем как есть, дня не пройдет — угодим кому-нибудь на обед.

— Истину говоришь, любашка, — согласился Мадж. — Если учесть, в какую нечисть ему придется нас превратить.

— Он уже приступил к делу, — отозвался Каз. — Поправь-ка антенну, парень. У тебя левая назад загибается, а надо вперед.

— Ща сделаем. — Мадж потянулся и уже наполовину поправил усик, когда осознал, что случилось. — Во быстро управился!

К ним присоединился и Клотагорб. Точнее, приземистый одутловатый жучок, чем-то напоминающий мага.

Бледно-розовые сложные глаза его по очереди оглядели каждого. Четыре лапки скрестились над волосатым брюшком.

— Ну, что вы теперь думаете, друзья мои? Как по-вашему, я разрешил проблему и уничтожил все опасения?

Когда улеглось первоначальное потрясение, они смогли повнимательнее разглядеть себя. Маскировка была великолепной: Талея, Флор, Мадж и все прочие имели теперь обличье тварей, которых Джон-Том привык, не задумываясь, давить ногой. Средняя пара рук повторяла действия собственных конечностей каждого. Пог превратился в летучего жука.

— Джон-Том, ты действительно там? — Монстр с голосом Флор провел когтем по бледно-голубой хитиновой кожуре, скрывавшей юношу.

— Кажется, да.

Он поглядел вниз и с удивлением заметил членистые ноги, гладкий изгиб брюшка, странный волнистый меч на боку.

— Не слишком-то уютно чувствуешь себя, мой мальчик.

Джон-Том восхищенно поглядел на приземистого жучка.

— Прекрасная работа, сэр. Словно бы на мне панцирь — но в нем даже прохладнее, чем без него.

— Это было учтено в заклинании, — с гордостью отозвался чародей. — Главное — обращать внимание на детали.

— Кстати о деталях, ваше высокоумение, — вклинился Мадж. — Как насчет того, чтобы отлить?

— Выдр, там у тебя спереди отстегивается хитин. Но ты должен быть осторожен, чтобы ничем не выдать себя. Я не мог сделать вам челюсти броненосных. Надеюсь, что удастся закончить все дела в Куглухе, прежде чем нам потребуется подкрепиться.

— А вы все-таки вспомнили формулу, — заметил Джон-Том, обращаясь к волшебнику.

— Да, мой мальчик. — Оставив груз на склоне, они направились в сторону Зеленых Всхолмий. — Но одна ключевая фраза все время ускользала от меня:

Оптика — стеклянный глаз,
Шесть ног — чистый фиберглас.
Вне — жара, внутри — прохлада,
Полимерный корпус надо.

И маг продолжал описывать формулу, давшую столь великолепные результаты.

— А они не подведут? — вопросила шедшая впереди Талея. Впрочем, угадать прекрасную рыжеволосую плутовку в черно-бурой уродине было немыслимо.

— Дорогая моя, ни один маскировочный костюм нельзя считать по-настоящему надежным.

— Вод эдо дочно. — Пог наверху нерешительно трепетал прозрачными жучиными крыльями.

— Мы приближаемся к Зеленым Всхолмиям с севера, — напомнил всем волшебник. — Броненосным и в голову не придет, что кто-то может преднамеренно вступить в их земли. Единственная часть территории, за которой они следят, расположена возле Прохода. Мы сможем без труда смешаться с теми, кого встретим.

— Вот и будет истинное испытание для наших костюмов, — заметил Каз. — Только ли себя обманываем подобным видом, или же и их сумеем обдурить.

— Более общей формулы я не в состоянии был придумать, — возразил Клотагорб. — Во всяком случае, узнаем.

Звериная тропа, по которой они шли, сделала поворот, и путешественники наткнулись на дюжину рабочих из тех, что населяли эти темные земли. Броненосные рубили деревья и укладывали бревна на салазки, в которые сами были впряжены. Отступать было некуда, и путники не без трепета направились вперед.

Они уже миновали работников, когда один из них, быть может, бригадир, приземистый и колченогий, шагнул вперед и взмахнул двумя из четырех ног. Джон-Том отметил жест — на будущее.

— Привет, граждане! Куда вы и откуда?

Последовало долгое неуютное молчание, наконец Каз проговорил:

— Мы... патрулировали.

— Патрулировали... в горах? — Бригадир искоса глянул на покрытые снегом горы и зацокал, что вполне могло сойти за смех. — И что же вы патрулировали? Ведь с севера никто не приходит.

— Подобная информация, — ответил лихорадочно сообра-

жавший Каз, — не предоставляется простым дровосекам. Однако я не вижу беды в том, что вы узнали об этом. — Голос кролика отменно скрежетал. — В мудрости своей императрица предписала, дабы каждую тропу инспектировали, по крайней мере, время от времени. Или вы сомневаетесь в ее мудрости? — Каз положил руку на странной формы ятаган.

— Нет-нет! — поспешно выпалил бригадир. — Конечно же, нет. Именно сейчас следует как никогда заботиться о соблюдении режима секретности. — Впрочем, в голосе его все еще слышались сомнения. — Но и в этом случае скажу: из лесов уже много лет никто не появлялся.

— Конечно же, — подхватил наглый Каз. — И разве это не доказывает эффективность нашего тайного патрулирования?

— Толково сказано, гражданин, — согласился бригадир. Железная логика кролика явно перевесила его недоверие.

Пока кролик беседовал с бригадиром, остальные уже успели углубиться в лес. Достойный руководитель встал навытяжку и отсалютовал Казу передними лапами, повернув их влево. Каз отвечал аналогичным жестом, его ложные руки двигались синхронно с настоящими.

— Императрица! — с достойным похвалы энтузиазмом возопил бригадир.

— Императрица! — отвечал Каз. — А теперь, гражданин, за дело. Империи нужен лес.

Выразив согласие, старшой вернулся к работе. Каз изо всех сил старался не броситься бегом за остальными.

Бригадир остался с дровосеками. Один из них отвлекся от работы.

— Что там такое, гражданин бригадир?

— Ничего особенного. Патруль.

— Патруль? Откуда?

— Я так и сказал: странно, патруль шел с гор.

— Более чем странно. Надо подумать. — Усики уставились в спины удалявшимся вниз по склону путешественникам. — Странная публика подобралась в этом патруле.

— Я тоже так подумал. — Голос бригадира сделался жестким. — Не нам обсуждать директивы Верховного Командования.

— Конечно, гражданин бригадир. — И дровосек поспешно вернулся к работе.

Поросшие лесом склоны скоро уступили место полям, расчищенным на месте болот и джунглей. По большей части они были засажены высокой гибкой растительностью со стволами около дюйма в диаметре, напоминавшими пожелтевший сахарный тростник. Рядом с посадками паслись стада небольших шестиногих рептилий, с хрупом поедавших мягкую траву.

Встречались и солдаты, всегда двигавшиеся четко и слаженно. Однажды пришлось уступить дорогу целой колонне броне-

носных, марширующих по двенадцать в ряд. Она целый час шла с востока на запад.

Так они продвигались, не привлекая особого внимания. Внешний вид путешественников ни у кого не вызывал подозрений, но Клотагорба беспокоила скорость.

— Медленно, — бормотал он, — слишком медленно. Наверняка есть более удобный способ.

— Чего это ты задумал, шеф? — осведомился Мадж.

— Обойтись без помощи ног. Извини, гражданин. — И чародей шагнул на дорогу.

Подъехавший к ним фургон остановился. В нем стояли прозрачные бочонки с какой-то ароматной жидкостью. Возница — невысокий жучок, крестьянин с виду — нетерпеливо бросил Клотагорбу:

— В чем дело, гражданин? Только быстрее — у меня расписание.

— Ты, случайно, не в столицу направляешься?

— В столицу, но у меня нет времени подвозить путников.

— Гражданин, — строго проговорил Клотагорб, глянув в глаза вознице. — Нам нужно в столицу.

— Ох, извините. Я не понял. Естественно. Освободите там позади место для себя.

Они полезли в фургон, Джон-Том оказался совсем рядом с возницей. Тот застыл на месте, устремленные вперед глаза явно не видели ничего. Или, точнее, лишь то, что приказал им видеть Клотагорб.

Повинуясь приказу чародея, селянин хлестнул упряжку кнутом, никто никаких заклинаний не слышал.

— Куда лучше, чем топать. — Талея неловко подобрала под себя ногу, сожалея лишь о том, что не может избавиться даже от малой части защитного костюма.

— Конечно, — согласился Джон-Том. Он балансировал в раскачивающемся на колдобинах фургоне. Клотагорб сидел рядом с возницей. Насекомое не обращало на него никакого внимания.

— Многое совершается в эти дни, — начал Джон-Том, чтобы завести разговор.

Взгляд возницы ни на йоту не отклонился от дороги. А голос его был странным образом сдавлен, словно бы ответ он подбирал каким-то другим сознанием.

— Да, многое.

— Когда же оно начнется, вторжение в Теплые земли? — Джон-Том постарался, чтобы вопрос его прозвучал как можно непринужденнее.

Возница ответил жестом, говорящим о его неведении.

— Кто знает? Нам, возницам, не рассказывают о планах Верховного Командования. Но это будет великий день. В войсках вторжения четверо моих собратьев из одного гнезда. Мне тоже хоте-

лось бы оказаться вместе с ними, однако районный логик говорит, что при вторжении фуражир нужен не меньше солдата. Поэтому я остаюсь на своем месте, невзирая на мои желания. Памятное грядет время. Вот будет бойня.

— Да, так говорят, — пробормотал Джон-Том. — Но точно ли нас ждет успех?

На миг потрясение, вызванное столь дерзким вопросом, едва не вывело возницу из состояния умственного оцепенения.

— Да как можно в этом сомневаться? За тысячи лет империи еще не удавалось собрать такие силы. Нам еще не случалось так подготовиться к войне. И еще, — добавил он тоном заговорщика, — ходят слухи, что великий чародей Эйякрат, советник самой императрицы, извлек из непроглядного мрака непобедимое чародейство, способное сокрушить любого врага. — Жучок поправил вожжи, тянущиеся к третьей ящерице. — Нет, гражданин, о поражении не может быть и речи.

— Я тоже так полагаю, гражданин.

Джон-Том вернулся в заднюю часть фургона. Чуть погодя к нему присоединился и Клотагорб, принявшийся оживленно переговариваться со спутниками.

— Если уверенность свидетельствует о боеготовности, нас ждут скверные времена.

— Вот видите? — Клотагорб со знающим видом откинулся на бочонки с зеленой жидкостью. — Поэтому мы должны найти и уничтожить этот мертвый разум, из которого Эйякрат черпает знания... Или погибнуть в случае неудачи.

— Шеф, говорите за себя, — выпалил Мадж. — Тот, кто повоюет да дернет в сторону, доживет да завтра.

— К несчастью, — напомнил выдру Клотагорб, — если нас ждет провал — никакого завтра не будет.

Глава 13

Миновало несколько дней. Фермы и стада начали уступать место городским предместьям. Тоннели, увенчанные каменными или черного цемента фронтонами, вели прямо в глубь земли. Ряды абсолютно одинаковых серых сооружений тянулись до горизонта — к огромной каменной стене, ободом колеса окружавшей город.

Проехав ближайшие ворота, путники обнаружили за стеной сооружения покрупнее и поразнообразнее. В тенях мерцали огоньки, стук молотков перекрывал рокот хитиновых толп. Один раз они увидели, как из огромного кубического здания выехал фургон. Он был доверху загружен длинными копьями, пиками и алебардами, связанными вместе, словно снопы. Повозка с ору-

жием отправилась на запад... На запад шли и все попадавшиеся им войска. На запад — к Вратам Джо-Трума.

Каждый день шел мелкий дождик, но здесь было куда теплее, нем в так называемых Теплых землях.

По хитиновым облачениям скользили жирные прозрачные капли, лишь изредка затекавшие под хорошо сработанные панцири. Прохлада, дарованная заклинанием, предоставляла путешественникам полный комфорт, невзирая на влажность. Клотагорб как действительно великолепный чародей предусмотрел все — сложно было разве что почесаться.

Монотонное однообразие города нарушали редкие рощицы. Столица казалась истинным муравейником, сооружения которого уходили и под землю.

Фургоны с солдатами, среди которых доминировали муравьи и жуки, двигаясь на запад, сгоняли с дороги гражданские повозки. Колоссальные жуки — по восемь-девять футов длиной — грозили путешественникам острыми рогами. На спинах этих бронированных бегемотов ехали трех- и четырехрукие воины.

Однажды из-за овального сооружения послышался гулкий хлопок — Джон-Том мог бы присягнуть, что слышал взрыв снаряда. Ужасный долгий миг он думал, что это и есть результат неизвестной магии Эйякрата и что Броненосный народ сумел овладеть порохом. Впрочем, спутники заверили его, что это был далекий раскат грома.

Строения вокруг продолжали тянуться вверх. Дороги становились все шире — чтобы справиться с оживленным движением. Гнутые бетонные и каменные ленты поднимались на шесть-семь этажей над улицей — к зданиям-ульям. Бурная деятельность вокруг способствовала смерти и разрушению.

В ту ночь спали урывками, забываясь на какие-то секунды. Клотагорб разбудил всех на туманной заре.

Впереди в утренней мгле лежала просторная квадратная площадь, вымощенная треугольной брусчаткой из серого, черного, пурпурного и голубого камня. За просторным сим плац-парадом, где обретались ныне лишь редкие ранние пташки, маячила округлая пирамида. Она состояла из концентрических ступеней, похожих на огромные шины. На высоте нескольких сотен футов они постепенно сужались к шпилю, серой иглой пронзавшему облака.

Центральное здание на равном расстоянии окружали меньшие пирамиды. Стен между ними, как и вокруг площади, не было.

Но, невзирая на отсутствие преграды, возница ехать дальше отказался. Решимость его была сильнее гипнотического внушения Клотагорба, и фургон остановился перед треугольной мостовой.

— У меня нет пропуска на дворцовую территорию. И если меня обнаружат на площади — это верная смерть.

— Придется опять идти пешком, друзья мои. Возможно, это и к лучшему. Я вижу впереди всего один или два фургона. Не стоит привлекать внимание.

Мадж слез через задний борт.

— Е-мое, такого уродливого лабаза ни в жисть не видал.

Путешественники покинули фургон, Клотагорб спустился последним и на прощание шепнул вознице несколько слов. Жук тронул поводья, и фургон, развернувшись, покатил назад по той же самой улице. Джон-Том подумал о том, что почувствует несчастный жучок, очнувшись в пункте назначения после недельной амнезии.

— Похоже, нам нужен пропуск, — задумался Каз. — А где брать будем?

В голосе Клотагорба слышалось явное неодобрение.

— Пропуск не потребуется. Я видел пешеходов, их никто не спрашивал и не останавливал. Наверно, одной угрозы достаточно, чтобы обеспечить безопасность дворца. Пропуск может понадобиться внутри, но на площади он не нужен.

— Надеюсь, что вы окажетесь правы, сэр.

Кролик вступил на мостовую — не отличишь от настоящего насекомого.

Как и предполагал Клотагорб, на них не обратили внимания. Путешественники направились прямо к массивной пирамиде дворца.

Отсюда, из этого центра, в селения и болота Куглуха разлетались приказы. Город оказался намного больше Поластринду, в особенности если учесть то, что может таиться внизу.

Густой туман лип к макушкам семи башен и полностью закрывал центральную. Нигде не было видно вымпела, флага, просто яркого и веселого пятна. Мрачная столица, предававшаяся мрачным замыслам.

Особенно темным и зловещим казался центральный дворец. Здесь Джон-Том все же ожидал увидеть что-нибудь пестрое: в соответствии с историческими канонами впавшие в милитаризм культуры ценят пышность и блеск. Однако резиденция императрицы казалась не менее тусклой, чем бараки граждан-рабочих. Вид, конечно, другой, но чудь та же, решил он.

Самый нижний ярус округлой пирамиды оказался высотой в несколько этажей. Он был сложен — как и все остальное — из тесаных камней, покрытых серым цементом или штукатуркой. По изгибам кладки вниз сочилась вода, ручейки исчезали в желобках и канавках. Окон почти не было.

Треугольная брусчатка закончилась ярдах в пятнадцати от основания дворца. Дальше мостовая была залита черным ровным цементом. И все — ни ограды, ни ловушек, ни колючей проволо-

ки... Не было даже рва. Однако по черной полосе вокруг дворца расхаживали часовые.

– Они образовывали кольцо в десяти ярдах от стен, выдерживая интервал ярдов в пять. Стража шествовала слева направо с равномерной неторопливостью заводных игрушек. Насколько мог судить Джон-Том, подвижная цепь караула охватывала весь дворец и никогда не останавливалась.

Повинуясь распоряжению Клотагорба, все повернули на юг. Никто из часовых даже не взглянул на путников, хотя Джон-Том готов был биться об заклад — стоит только чьей угодно ноге прикоснуться к черному цементу, как ее обладатель немедленно сделается объектом самого пристального внимания.

Наконец они оказались напротив треугольного портала, врезанного в стену дворца. Вход был высотой в три этажа. Закрывающие ворота массивные створки оказались решетчатыми, и из каждой цепью по одному тянулись вооруженные жуки. Неразрывное кольцо стражников не нарушало здесь своего равномерного вращения — движущуюся шеренгу они пересекали с завидной точностью, ни разу не задев ни одного из идущих.

— Ну, че делать будем, босс? — шепнул волшебнику Мадж. — Идем, что ль, к ближайшему жучиле и вежливо спрашиваем, мол, не дома ли императрица и нельзя ли, дескать, забежать к подруге на огонек?

— Ее я видеть не собираюсь, — отвечал Клотагорб. — Мне нужен Эйякрат. Законы сохраняются, если есть мозговитые советники, которые следят за ними. Если избрать своим противником Эйякрата и лишить его чародейской силы — Совет императрицы потеряет большую часть своей мудрости.

Чародей бросил задумчивый взгляд на Каза.

— Вот что, мой мальчик, ты всегда претендовал на дипломатические способности и не раз доказывал, что обладаешь ими. Я боюсь произносить заклинания в присутствии столь многих свидетелей и в такой опасной близости от Эйякрата. Не сомневаюсь, он позаботился, чтобы весь дворец был окружен стерегущими чарами. Они отреагируют на мое волшебство, но твоих слов не заметят. Нам нужно попасть внутрь. Предлагаю тебе затеять длительную и убедительную беседу со стражей.

— Прямо не знаю, сэр, — неуверенно отозвался кролик. — Одно дело — уговаривать тех, кого знаешь. Но как говорить с этими?.. Не представляю.

— Чепуха. С тем любопытным дровосеком ты справился просто прекрасно. В любом случае, тебе предстоит иметь дело с более прямолинейными и простыми созданиями, чем привычные для тебя теплоземельцы. Учти лишь, что в этом обществе поощряется однообразие, а не индивидуальность.

— Если вы этого хотите, сэр, я постараюсь.

— Отлично. А вы, остальные, держитесь позади нас. Пог, ос-

тавайся в воздухе, предупредишь, если какой-нибудь отряд направится в нашу сторону.

— Какая разница, — скорбно откликнулся сверху мыш. — Через час мы все равно будем убиты.

Но тем не менее он поднялся повыше и принялся исполнять приказание, приглядывая за стражей и пешеходами.

Следом за Клотагорбом и Казом путешественники приблизились к воротам. С нелегким чувством вступили они на черный цемент, но никто не собирался препятствовать им. Стража, охранявшая вход, словно не видела ничего далее нескольких дюймов от собственных жвал.

Так миновали они движущееся кольцо и очутились уже в паре ярдов от входа.

Джон-Тому пришла в голову дикая мысль — неужели они сумеют просто так войти во дворец! — когда дорогу им преградил вышедший из тени крупный жук — чуть выше Каза, но много шире его. По бокам его стояли два трехфутовых помощника, так сказать, мухи-поденки. Один из них держал список и пишущий инструмент. Второй просто стоял и слушал.

— Изложите свое дело, гражданин, — настоятельно потребовал громадный жук. Джон-Тому он показался гладиатором, на горе львам выступающим на арену. Иллюзию нарушала лишь вторая пара рук.

С легкостью существа бывалого Каз ответил, не промедлив:

— Хайль, гражданин! Мы прибыли с особой информацией по запросу чародея Эйякрата. Сведения эти крайне секретны и важны для нашего грядущего успеха. — И не зная, как правильно завершить разговор, кролик ляпнул: — Где нам найти его?

Вопрошавший медлил. Джон-Тома беспокоило одно — не заметно ли его собственное волнение?

После короткой беседы с той из поденок, которая ничего не несла, жук показал за спину сразу обеими руками.

— Третий уровень. Палата три пятьдесят пять, ближние помещения.

И вежливо отступил в сторону.

Каз шел первым. Они оказались в небольшом коридоре, открывавшемся в холл, параллельный округлой стене здания. Впереди виднелся другой зал, похожий на первый. Все пути во дворце, как и улицы Куглуха, явно сходились в одной точке, словно спицы колеса.

Джон-Том, склонившись, шепнул Клотагорбу:

— Не знаю, как на ваш взгляд, сэр, но, по-моему, мы прошли слишком легко.

— А почему бы и нет? — спросила опьяненная легким успехом Талея. — Словно площадь перешли.

— Именно, моя дорогая, — гордо ответил ей Клотагорб. — Видишь ли, Джон-Том, у них все настолько регламентировано,

что никто не в силах предположить, что можно преступить рамки, предписанные должности или классу. Они просто не могут себе представить — как этот страшила у входа, — что можно попытаться обманом проникнуть к столь жуткой личности, как Эйякрат. Если бы у нас не было права на подобную встречу, мы не просили бы о ней. Более того, Куглух не знаком с лазутчиками. Как могут они подозревать кого бы то ни было? Вероломство знакомо броненосным не более чем снег. Все, может быть, и сойдет, друзья мои. Следует лишь принять важный вид: дескать, мы знаем, что делаем, и имеем на это право.

— Интересно, — заметил Каз, — если дворец, как и город, построен радиально, значит, удобнее всего расположить лестницу в самом центре. Там — на третий ярус, как сказал этот тип.

— Согласен, — ответил Клотагорб, — но Эйякрат нам нужен только на крайний случай. Помни, в первую очередь нам необходим мертвый разум, которым он завладел.

— Ну, это вовсе просто, — бодро отозвался Мадж. — Спрашиваем: «Где у вас тута упокойничек посимпатичнее?»

— Мой волосатый друг с замохнатившимся умишком, ты угадал на этот раз. Он где-то возле палат Эйякрата. Итак, поднимаемся на нужный уровень, но чародея искать не будем.

Так они и поступили. Путешественники уже успели привыкнуть к тому, что броненосные игнорируют их. Повсюду сновали деловитые слуги, занятые своими поручениями. Узкие коридорчики, низкие потолки, едкий запах местных жителей пробуждали в Джон-Томе и Флор клаустрофобию.

Они достигли третьего уровня и начали разбирать номера, выгравированные над каждой дверью. Но уже через четыре комнаты их ожидал сюрприз: коридор был перекрыт и охранялся.

Здесь их встретил не полусонный жук-привратник. За столом сидело насекомое, в обличье которого было что-то, можно даже сказать, женственное. Перед загородкой, пересекающей коридор, виднелись вооруженные жуки. В отличие от собратьев, уныло марширующих снаружи, стражи эти держались вполне активно и бодро. Новоприбывших они разглядывали с нескрываемым интересом. Впрочем, на жестких физиономиях не было подозрительности — только любопытство.

С личностью, восседавшей за столом, заговорил уже Клотагорб, а не Каз.

— Мы явились, чтобы внести усовершенствования в разум, — заявил чародей, надеясь, что угадал и не допустил фатальной ошибки.

Офицер с застывшей физиономией выкатил красный глаз. Хмуриться он не умел, но тем не менее по всему было видно, как он озадачен.

— Усовершенствования в разум? Какой?

— Материализованный Эйякратом.

— Ах, конечно, гражданин. Но какое усовершенствование? — Он строго поглядел на чародея. — Кто ты, чтобы знать о столь тайных вещах?

Клотагорб ощутил беспокойство. Чем больше вопросов — тем больше шансов ошибиться, ляпнуть что-то, противоречащее фактам.

— Мы — помощники Эйякрата по специальным вопросам. Как иначе могли бы мы узнать о разуме?

— Разумно, — согласился офицер. — Однако меня никто не извещал о готовящихся усовершенствованиях.

— Я известил — только что.

Офицер осмыслил это заявление, впал в полное смятение и наконец вымолвил:

— Извини, гражданин, за задержку. Я никого не хотел оскорбить своими вопросами, но приказ есть приказ. Опасения вашего Мастера известны.

Придвинувшись поближе, Клотагорб доверительно шепнул Джон-Тому:

— Страх — вот знак, выделяющий всех, якшающихся с темными силами.

Офицер коротко кивнул.

— Счастлив, что не мне иметь дело с волшебником. — Он знаком велел караульным расступиться. — Отойдите в сторону — пусть пройдут.

Каз и Талея прошли внутрь, когда офицер, вытянув руку, остановил Клотагорба.

— Конечно же, вы удовлетворите любопытство своего брата-гражданина. О каком усовершенствовании вы ведете речь? Все мы мало понимаем в том, что здесь происходит, и рады будем любому объяснению.

— Конечно, конечно. — Ум Клотагорба лихорадочно напрягся. Что может знать офицер? Он признался в своем невежестве, но, может быть, это ловушка? Лучше сказать что-то, чем промолчать. Впрочем, беспокоило его одно: не владеет ли офицер хотя бы азами чародейской науки?

— Не повторяйте более подобных попыток, — наконец с максимальной уверенностью заявил маг. — Нам необходимо гиперфранглировать оверсканер.

— Естественно, — помедлив, отозвался офицер.

— Можно, конечно, если потребуется, снизить уровень кратакамня.

— Подобную необходимость я понимаю.

Офицер гостеприимным жестом указал на Проход, наслаждаясь уважением, проступившим на физиономиях подчиненных; его смущало, как бы незваный гость не стал задавать новых вопросов.

По одному они проследовали дальше. Джон-Том оказался последним и помедлил в дверях.

— Он в прежнем помещении?

Офицер с охотой ответил:

— Да, в комнате номер двенадцать.

Клотагорб, задержавшись, постарался попасть в ногу с Джон-Томом.

— Отлично придумано, мой мальчик. Я был так занят попытками попасть сюда, что позабыл о запирательных заклинаниях Эйякрата. Но теперь они не помеха. Изобретательность — природное качество, — с гордостью заметил он. — Ей не научишь.

— Спасибо, сэр. Я подумал... А какой труп вы рассчитываете обнаружить?

— Даже не представляю. Просто не могу понять, как может функционировать мертвый разум. Но скоро узнаем.

Чародей разбирал выгравированные над дверьми знаки. Контрольно-пропускной пункт со всей охраной уже исчез за изгибом стены.

— Вот номер десять... вот одиннадцать, — прозвучал его взволнованный голос.

Чародей указал на вход справа.

— Значит, эта двенадцатая.

Талея остановилась перед запертой дверью.

Она была не выше прочих. В коридоре поблизости никого не было. Клотагорб шагнул вперед, чтобы разглядеть деревянную дверь. Посреди нее виднелись четыре крохотные округлые дырочки. Чародей вставил в них четыре членистые лапки своего жучиного тела и нажал.

Звякнула пружина запора. Дерево разошлось, открывшись, как разрезанное яблоко.

В палате было темно. Даже Каз ничего не видел. Но Погу глаза не требовались.

— Мастер, неподалеку чдо-до небольшое... — Метнувшись к стене, он щелкнул огнетворкой.

Внезапно вспыхнула лампа. Она осветила согбенного древнего жука, окруженного шевелящимися личинками. Потрясенный, он поглядел на вошедших и выругался.

— Что же это, а? Я же сказал Скрритч, чтобы меня не тревожили, пока... пока... — Дар речи оставил чародея, глядевшего, не отрываясь, на Клотагорба.

— Клянусь Первичной Дланью! Чародей из Теплоземелья! — И он рявкнул во вделанную в стену переговорную трубку: — Стража, сюда!

Червяки окружили чародея пакостным кругом.

— Ну, быстро, — завопил Каз. — Где это?

Они рассыпались по палате, разыскивая нечто, отвечающее описанию, данному Клотагорбом.

Два чародея — насекомое и пресмыкающееся — застыли, сводя счеты. Они не шевелились, но между ними шла яростная битва, словно между двумя воинами, вооруженными мечами и копьями.

— Нужно найти, найти скорее, — бормотала Флор, обыскивая углы. — Прежде чем...

Но снаружи уже топали твердые ноги. Из коридора в палату донеслись тревожные крики. Потом в проем ринулись солдаты, и времени уже не оставалось.

Джон-Том увидел у дальней стены нечто похожее на длинный труп. За спину чаропевца зашла фигура и замахнулась бутылью из литого чугуна. Прежде чем бутыль опустилась ему на голову, Джон-Том успел сообразить, что фигура-то ему знакома. Она явно была не из числа только что ввалившихся стражей. И прежде чем он вырубился, сомнений не осталось — под насекомоподобным обличьем скрывалась Талея. Факт этот ошеломил его не менее чем удар, от которого треснул фальшивый лоб, а на настоящем вздулась шишка. В комнату возвратилась тьма.

Придя в себя, он обнаружил, что лежит в едва освещенной сферической камере. В центре, на дне сферы, стоял стол. Свет давала одна-единственная лампа, подвешенная над столом. В камере не было окон, влажность мешала дышать. Каменные стены поросли мхом и плесенью, и на скользком полу сложно было стоять. По сравнению с этой камера, в которой они были недолго заточены в Паутинниках, напоминала дворец.

И друг-приятель Анантос не явится, чтобы исправить допущенную ошибку.

— Приветствую тебя вновь в мире живых, — проговорил Хапли.

Добрые времена, плохие ли — выражение физиономии лодочника не изменялось. Уж его-то, по крайней мере, влажность не беспокоила.

— Эх, почему я не остался на лодке? — вздохнул он.

— Почему мы все не остались на твоей лодке, чувак? — добавил безутешный Мадж.

Тут Джон-Том заметил, что Хапли вполне похож на самого себя. Как и Мадж, как и прочие обитатели камеры.

— А что случилось с нашей маскировкой?

— Ободрали, как луковиц, — сообщил ему Пог. Приунывший мыш валялся на влажных камнях, не желая цепляться за ненадежную лампу. Клотагорба в камере не было.

— А где твой Мастер?

— Не знаю я, не знаю, — простонал мыш, терявший силы. — Взяли его во время драки. Ну, и не видели мы больше старого хрена. — В его голосе даже не было признаков раздражения.

— Это все Эйякрат, — сообщил Каз из другого конца камеры. Одежда его была порвана, из щеки выдраны клочья меха, но ушастый аристократ тем не менее сберег свой монокль. — Он

узнал нас. И думаю, постарался уделить Клотагорбу особое внимание. Один чародей не заточит другого в простую камеру, где можно растворить прутья и заколдовать тюремщиков.

— Но он не знает, что у нас есть еще один чародей. — Флор с надеждой поглядела на Джон-Тома.

— Я ничего не могу сделать, Флор, — проговорил он, упираясь каблуками в трещину между камнями, чтобы не соскользнуть к середине камеры. — Мне нужна дуара, а она была изнутри прикреплена к костюму насекомого.

— Ну попробуй, — молила она. — Нам же нечего терять, verdad[1]? Чтобы петь, инструмент не нужен.

— Да сделай ты это, шеф, — вмешался Мадж. — Хуже-то не будет, так ведь?

— Ну, хорошо. — Чуть помедлив, Джон-Том принялся петь, под настроение, печальную песню, исполненную надежды.

Рок ему был куда больше по душе, чем вестерны-кантри, но была среди них песня о тюрьме — в городе Фолсом, — где к мелодии примешивались интонации блюза. Она была полна надежды, ожидания, дум о свободе. Требовалось и подсвистывать.

Мадж с охотой испустил пронзительный свист. Звуки растаяли, уносясь за прутья решетки, но свистун и певец оставались на своих местах. Поезд не приехал за ними, чтобы отвезти на волю. Не заглянул ни один любопытный гничий.

— Ну, убедились? — Джон-Том беспомощно улыбнулся и развел руками. — Нужна дуара. Я пою, а ворожит она. Без нее не получается.

Он не мог больше сдерживаться и спросил:

— Что могло случиться с Клотагорбом, мы понимаем. — Юноша глянул на пол, вспоминая, как опустилась чугунная бутыль. — А где Талея?

— Эта puta[2]? — Флор сплюнула на пол. — Если представится такая возможность, я выпотрошу ее перед смертью собственными руками. — И она подняла вверх пятерню с крепкими длинными ногтями.

— Я и сам не мог поверить своим глазам, кореш. — В голосе Маджа слышалась незнакомая Джон-Тому усталость. Случившееся разнесло вдребезги и его несгибаемый оптимизм. — Никакого клепаного смысла не вижу. Я ж пичугу эту знаю стока лет! И чтоб она пошла на такое, чтоб спасти свою шкуру... Не верю, приятель, не верю!

Джон-Том постарался прогнать воспоминание. Это было легче, чем забыть про боль. Болела-то не голова.

— И я не могу поверить, Мадж.

— А почему бы и нет? — Хапли закинул одну зеленую ногу на

---

[1] Верно? (*исп.*).

[2] Шлюха (*исп.*).

другую. — Верность — штука непостоянная, а если хочешь выжить, надо быстро соображать.

— Возможно, — более мягко сказал Каз, — она поняла, что нас ждет, и решила принять сторону броненосных. Мы же сами видели, что у них есть союзники среди людей. Я не могу винить ее за то, что она предпочла жизнь смерти. И вы тоже не обязаны гибнуть вместе с нами.

Джон-Том раздумывал, не веря словам кролика, невзирая на известную логичность такой точки зрения. Талея временами вела себя задиристо, даже пренебрежительно, но чтобы предать спутников, с которыми ее связывало так много!.. И все же она это сделала. Придется принимать жизнь такой, какая она есть. «Бедняга, тебя ждет смерть», — жаловалась песня.

— И что, по-твоему, они с нами сделают? — спросил он у Маджа. — Или, наверно, точнее будет сказать — как?

— Я подслушал, чего там говорили солдаты, када они меня тащили. Кой-что в голове зацепилось. — Мадж слегка улыбнулся. — Похоже, нам суждено стать центральным блюдом на пиршестве императрицы, дорогуши нашей. Слыхал, как они там спорили, в каком виде она нас будет кушать.

— Лучше бы сперва потушили или сварили, — бросил Каз. — Я слышал, что броненосные предпочитают потреблять пищу живьем.

Флор поежилась. Джон-Тома замутило.

А такое было великое предприятие... Поход ради спасения цивилизации... Какие встретились трудности и препятствия! И теперь все кончено. Легенд не сложат, зато неудачники сгодятся на ужин. Ему очень не хватало спокойной уверенности Клотагорба. Даже если чародей-черепаха не сможет освободить их своим мастерством, все равно спокойные и уверенные слова его подняли бы настроение пленников.

— Кто-нибудь представляет, который час? — Стены, лишенные окон, отсекли их и от пространства, и от времени.

— Не знаю. — Каз скорбно поглядел на чаропевца. — Ты чародей, тебе лучше знать.

— Я уже объяснил, что без дуары ничего не могу сделать.

— Тогда можешь получить ее, Джон-Том, — донеслось из-за прутьев.

Все повернулись к решетке.

Там, тяжело дыша, стояла Талея. С нечленораздельным звуком Флор бросилась на преграду. Талея отступила на шаг.

— Утихомирься, женщина, не веди себя как истеричная сука.

Флор улыбнулась, сверкнув белыми зубами.

— Подойди поближе, подруженька, я тебе покажу истеричную суку.

Талея недовольно покачала головой.

— Побереги силы и те крохи рассудка, которые у тебя еще ос-

тались. Времени у нас немного. — И она подняла витую железяку. — Вот ключ.

Каз поднялся, подошел к Флор, обхватил ее мохнатыми лапами и оторвал от прутьев.

— Великанша, где твоя голова? Разве ты не видишь, что она пришла спасти нас?

— Но я думала... — Флор наконец заметила ключ и расслабилась.

— Ты вырубила меня, — вознегодовал Джон-Том, обеими руками держась за решетку, пока Талея возилась с ключом и упрямым замком. — Ты ударила меня бутылкой.

— Ударила, ну и что? — возмутилась она. — Должен же кто-то иметь голову на плечах.

— Значит, ты не переметнулась на сторону броненосных?

— Конечно, переметнулась. Ты что — не понял? Впрочем, это простительно.

Талея гневно шептала, время от времени поглядывая на коридор.

— Мы же знаем, что некоторые из людей приняли их сторону, так? А как местные могут знать, кто им друг, а кто нет? А их шпионы есть в Полаштринду и других местах. Когда началась свалка, я поняла, что у нас нет никаких шансов, вот и схватила железную штуковину да принялась лупить вас вместе со стражами. И когда все закончилось, они спокойненько проглотили сказочку, что меня послали шпионить за вами. Эйякрат, конечно же, засомневался, но принял все за правду — пока не проверит по своим источникам в Теплых землях. Решил, наверно, что здесь я зло уже причинить не могу. — И она недобро усмехнулась. — Просто мысли его заняты другими делами. Его слишком заботит то, что известно или неизвестно Клотагорбу, чтобы помнить еще и обо мне. — Она кивнула в сторону коридора. — Этот стражник мертв, но я не знаю, как часто их здесь сменяют.

Скрипнув, ключ повернулся, щелкнул замок. Талея толкнула дверь, та распахнулась.

— Выходите живее.

Все ринулись в коридор. Он был узок и освещался чуточку лучше, чем камера. Буквально через несколько шагов перед ними возникла знакомая фигура.

— Клотагорб! — воскликнул Джон-Том.

— Мастер, Мастер!

Взволнованный Пог порхал вокруг головы чародея. Клотагорб раздраженно махнул фамулусу — сам он не сводил глаз с коридора.

— Потом, потом, Пог! У нас нет времени!

— Где же они вас держали, сэр? — поинтересовался Джон-Том.

Клотагорб показал.

— Через две камеры от вас.

Джон-Том открыл от изумления рот.

— Вы хотите сказать, что были настолько близко и мы могли бы...

— Что могли бы, мой мальчик? Голыми руками прорыть гранитные стены и развязать меня?.. Вытащить изо рта кляп? Сомневаюсь. Впрочем, это было очень неприятно — слушать ваши голоса и не иметь возможности подбодрить. — Лицо его потемнело. — Этот Эйякрат у меня на корм крысам пойдет.

— Не сегодня, — осадила старика Талея.

— Совершенно верно, юная леди.

Талея отвела их в ближайшую комнату. Помимо масляных фонарей на стенах ее красовались щиты и копья. Обстановка была скудной, спартанской. Под столом лежало изломанное тело убитого насекомого. Возле дальней стены были сложены все пожитки путешественников: оружие, припасы, маскировочные костюмы и дуара Джон-Тома. Они торопливо помогли друг другу залезть в хитиновые шкуры.

— Просто удивительно, что их не разломали в бою, — пробормотал Джон-Том, пока Клотагорб чинил голову на его наряде.

Окончив заклинание, ремонтирующее изделия из полимеров, чародей отозвался:

— Эйякрат глаз не мог от них отвести. Не сомневаюсь, он намеревался выудить из меня все подробности. Ты же знаешь, подобные вопросы интересуют и его. Не забыл еше переодетого лазутчика в Поластринду?

Они осторожно вернулись назад — в коридор.

— Где мы? — спросил Мадж у Талеи.

— Под дворцом, а ты где хотел очутиться? — Странно было слышать знакомый пронзительный голос, доносящийся из горгульей физиономии.

— Как же выбраться? — ворчал озабоченный Пог.

— Как вошли, — задумчиво ответил Каз, — так и выйдем!

— А что? — заметил Клотагорб. — Только бы найти дорогу на площадь.

Глава 14

Они находились несколькими уровнями ниже поверхности, но, ведомые Талеей, стали быстро подниматься наверх.

Однажды путешественникам пришлось остановиться, чтобы пропустить огромного черного жука. Тот брел вниз по лестнице, не замечая их. За спиной его висел огромный топор, связка ключей бряцала на поясе.

— Кто знает, может, он идет на наш уровень, — хрипло проговорила Талея. — Поспешим.

Они прибавили шагу. Наконец Талея приказала всем смолкнуть: впереди были последние ворота.

По другую сторону заложенной брусом двери, возле стола, сидели трое. Ровный говорок сочился в коридор из открытой двери караулки; входили и выходили деловитые рабочие. Джон-Тома удивило отсутствие серьезных оборонительных мер, однако он решил, что бегство без разрешения едва ли мыслимо для аккуратистов-броненосных.

Однако впереди все еще оставалась перегороженная дверь, а за ней — три администратора.

— Как ты сумела миновать их? — спросил Талею Каз.

— Я не заходила на ту сторону. Эйякрат мне поверил, но не во всем, а потому и не подумал предоставить право свободного передвижения по городу. Мне предоставили комнату — не камеру — на уровне, расположенном под этим. И приказали каждый раз извещать Эйякрата, когда выхожу. Но времени для этого не осталось — они уже скоро обнаружат тот труп.

Мадж подобрал с пола кусочек черного цемента и бросил вниз на ступеньки лестницы, по которой они поднимались. Послышался достаточно громкий стук.

— Нестек, это ты? — повернулся к дверному проему один из администраторов.

Когда немедленного ответа не последовало, он встал из-за стола, оставив игру.

Беглецы старательно спрятались. Администратор приблизился к дверному проему и несколько раз неуверенно спросил:

— Нестек? Не играй со мной. Я и так уже проигрался.

— Ну, жучила поганый, — прошипел Мадж. — Я-то рассчитывал, что придет по меньшей мере двое.

— Бери этого, — шепнул Клотагорб. — А мы быстро разделаемся с оставшимися.

— Нестек, что ты...

Мадж коротко кольнул мечом вверх — выдр укрылся за высоким порогом, и оружие аккуратно скользнуло прямо в брюхо ничего не подозревающего стража. Одновременно возникший из тени Каз пронзил мечом один из фасеточных глаз. Страж-администратор рухнул, Талея сорвала с его груди ключи.

— Партевис?

Другой стражник с неудовольствием начал вставать. Третий решился поднять тревогу, однако не успел добраться до двери. Пог приземлился прямо ему на шею и принялся тыкать стилетом место посадки. Несчастный дико замотал четырьмя лапами, пытаясь содрать хлопающего крыльями мучителя. Флор взмахнула мечом и подсекла насекомому ноги.

Другой страж обернулся и, выхватив ятаган, бросился на

Хапли. Лодочник подпрыгнул — едва ли не до потолка, — и смертоносная сталь не задела его.

Когда страж снова замахнулся, Джон-Том обрушил на него свой посох. Уклонившись, стражник сделал выпад. Джон-Том, как его и учили, вертел длинный посох в руках. Страж отскочил подальше. Молодой человек нажал на одно из потайных колец — и целый фут стали погрузился прямо в головогрудь недоумевающего насекомого. Прежде чем тело опустилось на пол, Каз успел мечом отрубить ему голову.

— Остановитесь!

Все поглядели направо. Там в стене оказалась кладовка, из которой вынырнул четвертый служитель. Он был даже повыше Джон-Тома, и в руках его барахталась маленькая беспомощная фигурка. Голову насекомого напрочь сорвало с ее плеч. Рыжие волосы рассыпались по плечам. Две лапы обхватили ее шею, третья держала нож — напротив горла девушки.

— Шевельнись хоть один, и она умрет, — заявил стражник, бочком продвигаясь вдоль стены к выходу.

— Если оно поднимет тревогу — мы погибли напрочь, — прошептал Мадж.

— Надо успеть первыми, — сказал Каз.

— Нет! — Джон-Том рукой остановил кролика. — Нет! Мы не...

Талея билась в безжалостном захвате.

— Решайте же что-нибудь, идиоты!

Никто не смел шевельнуться, и, заметив рядом с собой — всего в нескольких ярдах — дверной проем, Талея уперлась ногами в пол и невольно дернулась вверх. Нож пронзил горло, острие вышло сзади. На камни хлынуло красное вино.

Все были чересчур ошеломлены, чтобы кричать. Ругаясь, страж бросил обмякшее тело и рванул к выходу. Пог уже ждал его со стилетом, погрузив острие прямо между глаз. Страж так и не увидел его. Он следил только за своими противниками на земле и не заметил мыша, болтавшегося над входом.

Каз вместе с Маджем торопливо прикончили великана. Джон-Том согнулся над крошечной корчившейся фигуркой. Кровь еще текла из раны, но уже медленнее. Перерезаны были все основные артерии и вены.

Джон-Том глянул на Клотагорба, но волшебник лишь покачал головой.

— Нет времени, нет, мой мальчик... Заклинание длинное.

В глазах цвета морской волны пробудилась искорка жизни. Рот шевельнулся.

— Скоро... Джон-Том, тебе придется принимать... важные решения, и никто не поможет. — Талея едва заметно улыбнулась. — Ты знаешь... я... люблю тебя.

Потоком хлынули слезы.

— Талея, это нечестно. Нечестно! Нельзя же сказать так и бросить меня! Ты не можешь этого сделать.

Но... Словом, она умерла.

Джон-Том дрожал всем телом. Схватив его за плечи, Каз тряхнул несколько раз, и дрожь прекратилась.

— Друг, сейчас не время. Мне тоже жаль ее, но здесь не место для жалости.

— Это так, — согласился осмотревший рану волшебник. — Скоро кровотечение прекратится. Тогда нужно протереть хитин и приставить ей голову обратно. Она в углу — где ее бросил стражник.

Джон-Том замер, оцепенело уставясь на чародея.

— Вы не можете...

— Потом объясню, Джон-Том. Возможно, еще не все потеряно.

— Какого черта? Что еще не потеряно? — В голосе молодого человека слышался гнев. — Мертва она, старый дряхлый...

Клотагорб дал ему высказаться и подытожил:

— Я прощаю оскорбления, потому что понимаю причины их и мотивы. Знай только, Джон-Том: иногда и смерти можно противиться.

— Значит, вы сможете воскресить ее?

— Не знаю. Но если мы быстро не уберемся отсюда, так и не смогу узнать.

Флор и Хапли прикрыли побледневшее лицо и рыжую гривку головой насекомого. У Джон-Тома не было сил помочь.

— А теперь все принимают официальный вид, — велел Клотагорб. — Мы выносим мертвого узника для похорон.

Хапли, Мадж, Каз и Флор несли тело Талеи, Пог летел над ними, а Джон-Том с Клотагорбом с важным видом шествовали впереди. Редкие мимохожие броненосные посматривали на процессию, однако вопросы задавать не решались.

Вот одно из преимуществ тоталитарного общества — все боятся спрашивать того, кто идет с важным видом.

Они были уже на уровне выхода — путь к нему отыскался не сразу, поскольку беглецы тоже опасались задавать вопросы, — и наконец оказались в тумане на дворцовой площади.

Небо было таким же мрачным и безмолвным, как прежде, но всем, за исключением безутешного Джон-Тома, показалось, что они вдруг очутились на теплом пляже у южного моря.

— Надо бы снова подыскать повозку, — бормотал Клотагорб, пока с вынужденной неторопливостью они брели по площади. — Ну, скоро там, наконец? Заметят, что нас нет на месте, или пожитков хватятся. — Он позволил себе мрачный смешок. — Не хотелось бы оказаться на месте коменданта тюрьмы, когда Эйякрат узнает о нашем бегстве. Хватятся скоро, однако отыскать нас будет нелегко. Мы ничем не отличаемся от местных, и нас видели

немногие. Тем не менее Эйякрат сделает все возможное, чтобы перехватить нас.

— И куда ж мы направляемся? — спросил Мадж, поправляя ношу. — На север, обратно к Железной Туче?

— Нет, Эйякрат именно там и будет нас разыскивать.

— А почему это? — поинтересовался Джон-Том.

— Потому что я постарался намекнуть ему на это во время переговоров, — ответил волшебник, — предвидя возможный побег.

— Но если он настолько хитер, разве не сможет он заподозрить, что мы бежали в противоположном направлении?

— Возможно. Но, по-моему, он едва ли подумает, что мы попробуем пробиться через всю армию Зеленых Всхолмий.

— А он не сможет предупредить о нашем бегстве войска?

— Это вполне возможно. Однако ополченцы не станут проявлять инициативу. Я надеюсь, мы сумеем проскользнуть.

Объяснение удовлетворило Джон-Тома, Клотагорб же предался раздумьям. Они были близко, так близко! А он так и не понял природу мертвого разума и того, как манипулировал им Эйякрат. Но, рискуя, он поступал вовсе не опрометчиво, как полагал Джон-Том. «Я не ищу смерти, молодой чаропевец, — думал маг, глядя в спину высокой шестиногой фигуре. — Мы старались — насколько это возможно для смертных — и потерпели неудачу. Если судьба велит нам погибнуть, то смерть будет ждать нас у Врат Джо-Трума, а не в челюстях Куглуха».

Оказавшись среди торопливо снующих горожан, беглецы смогли чуть расслабиться. Пустынный переулок с фургоном они обнаружили не сразу — Клотагорб не мог чародействовать в присутствии толпы зевак.

В длинный узкий фургон была впряжена одна-единственная крупная ящерица. Они подождали. В переулке по-прежнему никого не было. Наконец из какой-то дыры появился возница. Клотагорб зашел спереди и торопливо зачаровал бедолагу.

— Ну что ж, поднимайтесь, граждане, — услужливо обратился возчик к путешественникам, когда чародей завершил свое дело. Они повиновались, сперва осторожно уложив на пол фургона бездыханное тело Талеи.

Они почти одолели две трети пути к Проходу — городской шум Куглуха давно остался позади, — когда бдительный Джон-Том осторожно спросил возницу:

— Ты не загипнотизирован, ведь так? Ты не был заколдован?

Работяга поглядел на него абсолютно непроницаемым взглядом фасеточных глаз, невзирая на то, что руки пассажиров уже тянулись к оружию.

— Нет, гражданин, я не заколдован, и придержите руки. — Он махнул в сторону дороги, по которой они ехали. — Ничего у вас не выйдет, кругом солдаты.

Мечи и ножи после некоторых колебаний остались в ножнах.

— Куда же ты тогда везешь нас? — нервно спросила Флор. — Почему ты еще не поднял тревогу?

— Что касается первого вопроса, чужестранка, я доставляю вас туда, куда вы хотите, — к Трумову Проходу. Могу понять, почему вас туда тянет, хотя и сомневаюсь, что вы доживете до конца путешествия. Впрочем, возможно, удача вас не оставит и вы сумеете благополучно вернуться в родные края.

— Значит, ты знаешь, кто мы? — озадаченно спросил Джон-Том.

Возница кивнул.

— Я знаю, что под хитиновыми оболочками скрываются мягкие шкуры другого цвета.

— Но как?

Возница указал на заднюю часть фургона. Маджу стало неловко.

— А че вы от меня хотите? Я ж думал, он ниче не соображает, а мне обратно надо было отлить. Что ж ты-то не посмотрел, видит он у меня чтой-то или нет, извращенец этот твердопанцирный?

— Слушай, а если ты не заколдован и знаешь, кто мы, почему же тогда едешь, куда нам нужно, а не сдаешь властям?

— Я же сказал, все это неважно. — Возница взмахнул обеими руками в знак полного безразличия. — Мы все скоро погибнем... В любом случае.

— Значит, ты не одобряешь грядущей войны, так я понимаю?

— Безусловно. — Антенны задрожали от возбуждения. — Такая глупость: тысячелетиями тратить силы и жизни ради завоеваний.

— Должен сказать, что для броненосного ты, на мой взгляд, рассуждаешь весьма странно.

— Да, подобная точка зрения имеет немного сторонников среди моего народа. — Возница тронул поводья, чтобы объехать длинную недвижную колонну телег, загруженных военными припасами. Теперь они продолжали путь, оставаясь на дороге одной парой колес, другая же подпрыгивала на камешках разбитой обочины.

— Быть может, если хватит времени подумать, положение и переменится.

— Только не в том случае, если победа окажется на вашей стороне, — холодно заявил Хапли. — Разве ты не будешь счастлив, узнав, что ваши солдаты победили?

— Нет, — твердо ответил возница. — На смерти и крови ничего доброго не вырастишь... Хотя кое-кто и считает иначе.

— Очень разумная точка зрения, сэр, — проговорил Клотагорб. — Слушайте, а почему бы вам не отправиться вместе с нами в Теплые земли?

— Кому я там нужен? — поинтересовался возница. — Кто из

теплоземельцев сможет понять меня и испытать ко мне симпатию? Разве они сочтут меня другом?

— С глубоким прискорбием признаю, — сказал рассудительный Каз, — скорее всего они изрежут тебя на мелкие кусочки.

— Видите? Я обречен в любом случае. Если я отправлюсь с вами, меня ждут телесные муки, если останусь здесь — моральные.

— Ваше отношение к войне мне понятно, — заметила Флор. — Но я не могу понять, почему вы рискуете собственной головой, чтобы спасти нас?

Возница был в недоумении.

— Я на стороне тех, кто нуждается в помощи, таков уж я по природе. Сейчас я помогаю вам. Скоро, когда начнется война, в помощи будут нуждаться многие. Я не принимаю сторону жадных — просто хочу, чтобы их остановили. Но сколько же потребуется на это времени!..

Возница, обычный житель Зеленых Всхолмий, продолжал удивлять их. Клотагорб уверял, что среди броненосных не существует разногласий. Теперь же перед ним предстало красноречивое доказательство отсутствия единомыслия даже в тоталитарном обществе; этим следовало впоследствии воспользоваться... Конечно, если удастся остановить агрессию.

Через несколько дней обработанные поля стали встречаться реже... За спиной путешественников сгущался туман, а казавшиеся теперь дружелюбными силуэты Зубов Зарита обрели четкость...

Вокруг не было ни одного торговца с фургоном, ни одного фермера, плюхающего по колено в грязи. Лишь шли по дороге военные грузы. По расчетам Клотагорба, они уже были недалеко от Прохода.

Походные бивуаки тянулись от склона к склону на многие мили к востоку и западу. Десятки тысяч насекомых-воинов бродили по каменистой пустоши, ожидая приказа выступать. Выглядывая из фургона, Джон-Том и его спутники видели целое море антенн, глаз и членистых ног. Острое железо поблескивало в свете неяркого зимнего дня.

Никто ни о чем не спрашивал их и не думал останавливать, пока путешественники не добрались до передовой линии войск. Впереди лежало одно только древнее сухое русло, когда-то проделанное рекой, — каменистое и скалистое ущелье, в котором последние десять тысяч лет текла в основном кровь, а не вода.

Крылатый офицер, хотя и не летал, был проворен и догадлив. Заметив, куда направляется фургон, он оставил свиток, в который вносил какие-то записи, и поспешил преградить дорогу путешественникам. С виду все они делали вполне разумное дело — однако не там, где следовало. Оказалось, что именно этот офицер

одарен склонностью к личной инициативе — редким для броненосных качеством.

Он поглядел на возницу и обратился к нему непринужденно и без настороженности:

— Куда вы направляетесь, гражданин?

— Мы везем припасы передовому отряду разведки, — быстро вставил Каз.

Замедлив шаг, офицер зашел с хвостовой части фургона.

— Понятно, понятно... Только не видно припасов. А это что за тело? — И он показал антеннами и когтями на по-прежнему заключенные в хитиновую оболочку останки Талеи.

— Несчастный случай... Внезапная ссора в рядах...

— В рядах? Не вижу никаких рядов! Где знаки различия? И ваши собственные в том числе?

— Мы не из военнообязанных, — ответил возница, к облегчению уже встревожившегося Каза.

— Ах так. Однако о подобных случаях положено докладывать куда следует. Мы не можем терпеть раздоры среди своих, особенно сейчас, когда окончательная победа столь близка.

Джон-Том с деланным безразличием поглядел вперед. Они еще были в расположении авангарда. «Оставь же нас, наконец, — мысленно обратился он к настырному офицеру. — Займись своими делами, а мы поедем дальше».

— Мы уже обо всем сообщили, — испуганно заявил Каз, — нашему командиру.

— Кому бы это? — последовал возмутительно бестактный вопрос.

— Полковнику Пуксоликсу, — отрапортовал возница.

— Не знаю такого.

— Вы не можете знать всех офицеров.

— Тем не менее, гражданин, подробности инцидента следует еще раз изложить лично мне. Аккуратность никому не помеха. Кстати, покажите наконец эти припасы, которые вы доставляете.

И он обернулся, чтобы подозвать одного из солдат, о чем-то судачивших неподалеку.

— Ну, хотя бы мечи! — проговорила Флор, смахнув голову офицера, не ожидавшего подобного ответа.

На мгновение путники застыли, положив руки на оружие. Реакции от солдат не последовало: ни крика, ни жеста. Флор проделала все так быстро, что никто не обратил внимания на упавшее тело.

Но возница явно не полагался на провидение и предпринял собственные меры, пока пассажиры в нерешительности выжидали.

— Аййй-и-и-и-икк! — воскликнул он, щелкнув кнутом прямо над глазами ящерицы. Животное взяло с места галопом. Теперь солдаты начали поглядывать в сторону фургона, отрываясь от разговоров и еды.

Несколько насекомых, случайно оказавшиеся на пути, убрались с дороги. Впереди не было никого — только каменистый тракт и надежда.

Но кто-то наткнулся на труп проявившего неуместную любознательность офицера и сообразил, что головы на положенном месте у него нет; связав сей факт с поспешно удаляющимся фургоном, солдат поднял тревогу.

— Ну, началось. — Опустившись на колени, Каз глядел только в ту сторону, откуда они укатили. Глаза его видели отдельных преследователей там, где Джон-Том различал только клубы пыли. — Наверно, тело нашли.

— Плохое начало, — буркнул Хапли. — Не видеть мне больше родной Слумаз-айор-ле-Уинтли и ее прохладных зеленых берегов. Впрочем, жаль одного — конец я найду не в волнах.

— Горе вам или не горе... — Черный силуэт взлетел в воздух со спинки сиденья возницы.

— Пришли подмогу! — крикнул Джон-Том удаляющейся точке.

— Так он и поступит, — терпеливо ответил Клотагорб, — если не потеряет голову от страха. Беспокоит меня в основном то, что погоня может нагнать нас задолго до прихода помощи.

— А побыстрее нельзя? — спросила Флор.

— Лантет приспособлен для перевозки тяжелых грузов. Он не может нестись по бездорожью, как зилт. — Вознице пришлось повысить голос, чтобы его расслышали за грохотом колес.

— Нас догоняют! — крикнул Джон-Том.

Всадники были уже рядом. Он мог различить отдельные фигуры. Многих насекомых юноша не знал, но тонкие длинноногие броненосные в шлемах напоминали палочников. Огромными прыжками догоняли они беглецов. На каждой длинной спине сидели по два всадника, уже хватавшихся за луки.

— Врата, вон они, Врата, клянусь розовым кошельком Реселии! — радостно выкрикнул Мадж.

Голос его словно отрезало. Фургон наехал на громадный валун, засевший в песке, подскочил двумя колесами, но не перевернулся, а вновь опустился на речной песок. Оси выдержали, спицы погнулись, но не переломились.

Впереди — еще далеко — высилась массивная каменная стена. Осами зажужжали стрелы, пассажиры, припав ко дну, слушали, дожидаясь очередного глухого удара стрелы о деревянный борт.

Раздался стон, и с негромким прощальным вздохом возница-иконоборец отправился следом за Талеей. Он лежал на дне фургона, разбросав конечности, краски уже начали оставлять его тело, а из головы торчали две стрелы.

Джон-Том в отчаянии полез на освободившееся место, стараясь пригибаться пониже: стрелы пели со всех сторон. Поводья оставались на передке. Он потянулся...

Поводья поехали вниз, как и сиденье. Фургон ударился об очередной булыжник и перевернулся, выбросив на этот раз всех пассажиров. Понесшая от испуга ящерица тянула Джон-Тома вперед, пытаясь высвободиться. Он упал на живот.

Сплевывая кровь и песок, юноша поднялся на ноги. И посох, и дуара оказались целы, как и сам он. Наверное, благодарить за это следовало развалившуюся теперь на кусочку хитиновую оболочку. Он попытался сделать шаг, и кусок фальшивой конечности съехал ему на сапог. Юноша сбросил его движением ноги, следом отправились и прочие, не отскочившие куски хитина. Обман был уже бесполезен.

— Пошли, уже недалеко! — закричал Джон-Том, обращаясь к спутникам.

Каз пробежал мимо молодого человека, за ним последовали Мадж и Хапли. Лодочник по возможности помогал Клотагорбу.

Флор проскочила мимо него, заметила, что юноша повернул к фургону, и остановилась.

— Джон-Том, muerte es muerte[1]. Оставь ее.

— Никуда я без нее не уйду.

Флор догнала его, схватила за рукав.

— Она мертва, Джон-Том. Будь мужчиной — этого не исправишь.

Джон-Том не остановился. Не обращая внимания на летящие отовсюду стрелы, он разыскал недвижное тело, мгновенно перебросил его через плечо. Талея была такая маленькая... Она почти ничего не весила. Неизвестно откуда взялись силы, и он, позабыв обо всем, метнулся к стене. И бежал не он, и задыхался кто-то другой.

Лук был у одного Маджа, но бежать и одновременно отстреливаться невозможно. Да и что мог он поделать с настигающей их погоней? Вот-вот дело дойдет до мечей, а там и смерть недалеко.

Вдруг мимо промелькнула мохнатая фигура, за ней другая и еще две. Джон-Том замедлил шаг, утер пот со лба. Новое зрелище возродило силы его лучше всяких витаминов.

Из узкой щели Врат волной валило мохнатое войско: белки, мускусные крысы, выдры, опоссумы, пара скунсов и целый батальон лис.

Мгновенного замешательства в рядах преследователей хватило, чтобы утомленные беглецы успели добраться до подмоги. Последовала яростная короткая схватка. Не рассчитывавшие на отпор броненосные, предполагавшие без труда истребить беглецов, повернули обратно — в сторону безопасных Зеленых Всхолмий. Но многие из них потеряли своих скакунов и не смогли уйти. Бойня была быстрой и эффективной.

Мягкие лапы помогли спотыкающимся и задыхающимся

---

[1] Смерть есть смерть (*исп.*).

беглецам дойти до ворот. На них градом посыпались вопросы — не в последнюю очередь о том, кто они такие. Кое-кто из принимавших участие в вылазке успел заметить сброшенные хитиновые оболочки и сообщил об увиденном.

Клотагорб поправил грязные очки, постарался вытряхнуть песок из панциря и обратился к младшему офицеру, усевшемуся на подходящее для этого плечо чародея.

— А Вукль Трехполосный, мэр Поластринду, здесь?

— Да, он находится при четвертом и пятом корпусах, — ответил ворон. Килт на нем был черно-желто-лазоревый, голову защищал тонкий шлем. Под крыльями скрывались два метательных ножа, а когти были заточены для схватки.

— А генерал Аветикус?

— Он ближе, в шатре штаба. — Ворон прикоснулся к желтому шарфу на шее — знаку крылатого добровольца. — Значит, вы хотите попасть к нему, так я понимаю?

Клотагорб кивнул.

— Немедленно. Скажите, что снова пришли безумные провидцы. Он примет нас.

Ворон кивнул.

— Будет сделано, сэр.

Взлетев, он перемахнул через гребень стены. Джон-Том сдал свой груз двум услужливым оцелотам. Он увидел, что створки ворот были в ярд толщиной и сбиты из массивных бревен. Ворота поблескивали свежим лаком. Каз признал в нем огнестойкую краску. Стены же были в тридцать раз толще, прочные и неодолимые, как скала.

Броненосные еще могут одолеть сами ворота, но что поделают пики и топоры со стеной? Уверенность Джон-Тома крепла.

И она стала почти стопроцентной, когда они вышли из Прохода. На древней речной равнине, расстилающейся от гор, дымились тысячи походных костров. Обитатели Теплоземелья не пренебрегли предупреждением Клотагорба. Они были готовы.

Молодой человек взял свою собственную тяжкую ношу из рук солдат. Скривившись, отбросил голову насекомого. Рыжие волосы рассыпались по его плечу. Он погладил лицо и тут же отдернул руку, настолько мертвой и холодной была кожа.

В спине Талеи торчали две стрелы. Даже мертвая, она вновь защитила его. «Все будет в порядке!» — рявкнул он себе. Клотагорб оживит ее, он обещал. А обещал ли? Или?..

Их подвели к просторному трехгранному шатру, возле которого развевались знамена сотни городов. Над головой проносились эскадрильи птиц и летучих мышей, серебрясь сталью оружия.

Рассеянно он подумал: наверное, крылатые стоят отдельно, на флангах или на склонах гор, среди деревьев.

Вукль Трехполосный оказался в шатре, он еще пыхтел, вос-

станавливая дыхание после дороги. Был там и Аветикус, столь же подтянутый и бодрый, как в тот далекий день в Городском Совете Поластринду. Он был в тяжелой броне, на длинной шее висела пурпурная лента. По выражению лица его Джон-Том заключил: хорь ждал смертоубийства.

Было там еще с полдюжины офицеров. Но прежде чем путешественники смогли что-то сказать, рослый самец росомахи в великолепной золоченой броне промолвил с явным недоверием в голосе:

— Итак, вы действительно побывали в Куглухе? Слух уже успел добраться и сюда.

— В Куглух и обратно, приятель, — со скромностью героя отозвался Мадж. — Это целая песня. Такую не скоро забудут. У бардов и слов не хватит, чтоб воздать нам по заслугам.

— Возможно, — согласился Аветикус. — Если только на свете останутся барды.

— У нас великие новости. — Клотагорб опустился возле стола. — К сожалению, страшное чародейство броненосных по-прежнему грозит нам, хотя природа его стала теперь чуть менее загадочной. Однако, впервые за долгие-долгие времена, нам удалось заручиться поддержкой союзников, обитающих вне Теплоземелья. — Он не пытался скрыть удовлетворения. — Прядильщики согласились выступить на нашей стороне.

Среди собравшихся послышался ропот... и отнюдь не радостный.

— Такое обещание в устной форме дала мне сама Олл, Великая Госпожа Тенет, — добавил Клотагорб, не удовлетворенный реакцией на столь важное заявление.

Но когда смысл его слов во всей полноте дошел до каждого, послышались возгласы уже радости и удивления.

— Прядильщики... Надо же! Теперь мы победим... Ни одного сукина сына из броненосных в живых не оставим. Загоним на дальнюю оконечность Зеленых Всхолмий!

— Ну, это произойдет, — охладил Клотагорб общий энтузиазм, — если пауки вовремя придут сюда. Им же необходимо перебраться через Зубы.

— Ну, значит, можно их не ждать, — отозвался скептически настроенный офицер. — Через Зубы есть только один Проход — Трумов.

— Прохода, может, и нет, а тропа найдется. Обитатели Железной Тучи обещали показать им путь.

Теперь в шатре воцарилось открытое возмущение.

— Нет такого места — Железная Туча, — отозвался скептик Вукль. — Это миф, и обитают там призраки.

— Мы побывали в этом мифе, — возразил Клотагорб. — Он существует.

— Полагаю, одного слова чародея достаточно, чтобы дока-

зать все что угодно, — негромко заявил Аветикус, одним своим присутствием положив конец дискуссии.

— Они обещали провести сюда армию прядильщиков, — продолжал Клотагорб во внезапно воцарившемся почтительном молчании. — Я считаю, что броненосные могут начать войну в любой день. Мы встретились с Эйякратом и бились с ним. Он не знает, как мало известно нам о Проявлении, но и не рискнет предположить полное незнание с нашей стороны. Поэтому собранные орды вот-вот должны выступить. В любом случае, они уже готовы к войне.

Со стороны офицеров полетели вопросы. Они хотели знать, сколько собрано войска, сколько среди них крылатых... Размещение частей, наличие тяжеловооруженных полков, лучников и так далее.

Клотагорб отмахнулся от всех.

— Я не смогу ответить во всех подробностях. Я не солдат и обращал внимание совсем на другое. Могу сказать только, что броненосные еще не собирали большей армии против Теплоземелья.

— Но и встретит их куда больше теплоземельцев, чем они могут предположить! — фыркнул Вукль Трехполосный. — Мы уничтожим все население Зеленых Всхолмий. Мы вымостим хитином Проход Джо-Трума!

Из-за спины барсука послышались одобрительные возгласы.

Выражение на физиономии мэра смягчилось.

— Должен признаться, что мы не просто рады. Мы потрясены, ибо уже не ожидали вновь увидеть вас. Весь мир в долгу перед вами.

— Сколько же нам причитается, друг? — встрял Мадж.

Трехполосный кисло глянул на выдра.

— В такое-то время думать о столь презренных материях!

— А я, кореш, всегда могу ду...

Рука Флор прикрыла выдру рот.

Мэр повернулся к помощнику.

— Проследите, чтобы им было предоставлено все необходимое, лучшая пища и кров.

Офицер-соболь кивнул.

— Будет сделано, сэр. — Он шагнул вперед и отдал честь. Тут взгляд его упал на фигурку, переброшенную через плечо Джон-Тома. — Ей необходима медицинская помощь?

Рыжие волосы щекотали щеку Джон-Тома. Чуть отвернув голову, он ответил почти неслышно:

— Нет. Она мертва.

— Прошу прощения, сэр.

Джон-Том пробежал глазами палатку. Клотагорб оживленно беседовал с офицерами, среди которых были росомах, Аветикус и

Вукль Трехполосный. Взор старого чародея на миг встретился с глазами Джон-Тома. На короткий миг.

Во взгляде старика не было утешения. И не было надежды. Только правда.

Глава 15

Встреча заняла немного времени. Но когда путешественники оставили шатер, оказалось, что все перенесенные испытания, все напряжение прошедших недель, проведенных на грани жизни и смерти, разом обрушились на них.

— Кто куда, я в баню, — объявил Мадж с надеждой.

— А я в холодную воду, — возразил Хапли.

— Мне бы лучше под душ, — сообщила Флор.

— И я тоже не возражаю против душа.

Джон-Том и не заметил, как переглянулись Каз и Флор. Он не замечал ничего — кроме удалявшегося овального панциря чародея.

— Минуточку, сэр. И куда же мы направляемся?

Клотагорб поглядел на него.

— Сперва следует отыскать Пога, а потом — на совет чародеев, колдунов и ведьм, чтобы скоординировать действия в ожидании грядущей атаки. Ты ведь знаешь, что колдовать всякий раз может кто-то один. Любое противоречие делает заклинание неэффективным.

— Подождите. Ну а... Вы не забыли? Вы же обещали.

Клотагорб отвернулся.

— Она мертва. Мой друг, любовь и жизнь — вещи скоротечные. Если есть, то есть, а когда закончилась — ничего не поделаешь.

— Не нужны мне ваши клепаные чародейские разговоры. — Он возвышался над черепахой. — Вы же сказали, что можете вернуть ее к жизни.

— Да, я сказал, что попробую помочь тебе. Ты был в отчаянии, ты нуждался в надежде, во внутренней опоре. И я дал ее тебе. Я помог тебе выжить. И не жалею об этом.

Джон-Том не ответил, и чародей продолжил:

— Мальчик мой, твой дар — вещь непредсказуемая, но могучая. Подобную непредсказуемость можно было бы считать недостатком, но сейчас мы имеем дело с еще более непонятной силой. Ты можешь оказать огромную помощь... если захочешь. Но я ощущаю ответственность и за тебя, и за твою недавнюю потерю. Решишь ничего не делать — никто тебя не осудит, и я не стану даже уговаривать тебя. Могу только пожелать, чтобы ты захотел помочь мне. Уверяю тебя, я не знаю заклинания, поднимающего мертвых из гроба. Я обещал попробовать и попробую — в свое

время, — когда не будет столь неотложных дел. А пока я должен постараться сохранить жизнь многим. Мне некогда сейчас экспериментировать, пытаясь спасти одну жизнь. — Он говорил ровным голосом. — Хотелось бы, чтобы все было по-другому, мой мальчик. Но и у магии есть свои пределы. Один из них — смерть.

Джон-Том молчал, держа на плечах мертвое тело.

— Вы же говорили... говорили мне...

— Я говорил, чтобы спасти тебя самого. Отчаяние не способствует быстроте мысли и действий. Но ты уцелел. Талея же, благослови Господь ее беспокойное вспыльчивое сердечко, ругала бы тебя за эту жалость, будь она сейчас здесь.

— Ты лжешь, маленький твердопанцирный...

Клотагорб на всякий случай отступил.

— Не заставляй меня останавливать тебя, Джон-Том. Да, я обманул тебя. И не в первый раз, как утверждает этот торопыга Мадж. Ложь во благо — тоже род правды.

Джон-Том испустил нечленораздельный вопль и рванулся вперед, ослепленный и бесповоротной потерей, и двуличием чародея. Тело Талеи — более не личность, даже не воспоминание — скатилось на землю. Он слепо тянул руки к невозмутимому волшебнику.

Клотагорб видел, как копится гнев, видел признаки его в лице юноши, в позе его, в движениях мускулов под кожей. Руки чародея шевельнулись, и он шепнул чему-то невидимому: «анестезия» и «фиксируй».

Джон-Том повалился, словно от удара собственным посохом. Заметив суету, подошли солдаты.

— Он мертв, сэр? — полюбопытствовал один из них.

— Нет, но в настоящий момент хотел бы умереть, — чародей показал на безжизненное тело Талеи. — Скорбит по первой жертве войны.

— А этот? — самец белки указал на распростертого рядом Джон-Тома.

— Любовь тоже ранит. Через какое-то время поправится и он. Ему нужны отдых и забвение. Там, за штабным шатром, есть другой, поменьше. Отнесите его туда.

Унтер подергал хвостом.

— А он не будет опасным, когда придет в себя?

Клотагорб посмотрел на спокойно дышавшего молодого человека.

— Едва ли... Даже для себя самого.

Белка ответила воинским салютом.

— Будет сделано, сэр.

Немногие средства, подумал Клотагорб, способны заставить забыться и сердце, и ум. И горе среди них — самое могущественное. Он поглядел, как солдаты уносили худощавого молодца, а затем заставил себя обратиться к иным, более серьезным матери-

ям. Талея мертва, Джон-Том не в себе. Что ж, можно только посочувствовать мальчику. И если потребуется, он сумеет обойтись и без молодого человека во всем хаосе, который царит у него в голове. Что ж делать с этой новоявленной ненавистью?

Впрочем, пусть себе ненавидит, это не страшно. Ненависть отвлечет его мысли от потери. Он будет всегда подозревать меня, но в этом ничего нового нет — ко мне все так относятся. Люди вечно страшатся того, чего не могут понять.

Одиноко же прожил ты жизнь, старый друг. Очень одиноко. Но ты знал это, когда давал обеты и приносил клятвы. Чародей вздохнул и побрел искать Аветикуса. «У этого-то по-настоящему рациональный ум, — подумал с удовольствием Клотагорб. — Без фантазий, но надежен. Он примет мой совет и поступит в соответствии с ним. Я могу помочь ему.

Быть может, и он сумеет помочь мне. Все же две сотни лет с хвостиком, так, старый друг?

Устал я, черт побери. Как я устал. Жаль, что вместе с другими я принял на себя тяжкий груз ответственности. Но зло, выпущенное Эйякратом, следует остановить».

Мудр был Клотагорб и многое знал, но и он не смел признаться себе, что движет его поступками не ответственность, а простое любопытство...

Красный туман заволакивал глаза Джон-Тома. Кровавый туман. Он заморгал, и туман сделался серым. Это не был вечный сумрак, покрывающий Зеленые Всхолмия, — дымка быстро рассеивалась.

Поглядев вверх, он увидел над головой пеструю ткань. И услышал знакомый голос:

— Деперь я за ним пригляжу.

Он приподнялся на локтях, голова все еще плыла после заклинания Клотагорба. Из шатра выходили несколько теплоземельцев.

— Как ды себя чувствуешь?

Джон-Том вновь поднял глаза. На него взирала висящая вверх тормашками физиономия. Пог расправил крылья и потянулся.

— Давно я так лежу?

— Со вчерашнего дня.

— А где все?

Летучий мыш ухмыльнулся.

— Расслабляюдся и развлекаются. Пир перед чумой.

— Талея? — Он попытался сесть. Мохнатый летун опустился на грудь Джон-Тома.

— Мердва, как и вчера, когда ды пыдался набросидься на Масдера. Мердва, как и в Куглухе, когда ей глотку перерезали. И ды, парень, знаешь эдо не хуже меня!

Джон-Том вздрогнул и отвернулся от крошечной страшной мордочки, уставившейся на него.

— Я не примирюсь с этим. Никогда.

Пог вспорхнул с его груди, приземлился на ближайшее кресло и привалился к спинке. Сиденье было рассчитано на невысокое млекопитающее, но мышу все-таки не подходило. Он всегда предпочитал висеть вниз головой, однако, понимая нынешнее состояние Джон-Тома, решил, что тому легче будет видеть нормально обращенное к нему лицо.

— Ну, чего дам, режь и меня, — пренебрежительно бросил Пог. — Ды действительно решил, чдо какой-до особенный?

— Чего? — Джон-Том, нахмурясь, поглядел на мыша.

— Не прикидывайся — ды все слышал. Я сказал, чдо ды стал считать себя особенным. У дебя одного проблемы, дак, чдо ли? У дебя ходь радость была, дебя ведь любили. А у меня и такой нед. Ды вод захотел бы, чдобы Талея двоя осталась жива, а стоило б дебе поглядеть в ее сторону, враз бы отворачивалась.

— Не знаю...

Мыш перебил его, подняв крыло.

— Нед, ды меня выслушай. Вод эдо было со мной каждый день. Сколько лет я дак прожил, а? «Эдо ерунда» — дак босс обо всем говорит. — Пог пренебрежительно фыркнул. — Долько одкуда у него опыт, знать-до ему одкуда? По крайней мере, ды знаешь, Джон-Том. Дебя любили. А я вод дакой простой штуки не изведал. Можед, деперь и вспомнить до самой смерти нечего будет — долько как она, завидев меня, в другую сторону забирает. Хотел бы ды жить с даким? Мне суждены одни страдания — пока или я не помру, или она. Но чдо еще хуже — она здесь.

Мыш отвернулся в такой печали, что Джон-Том забыл про собственные муки.

— Кто здесь?

— Соколиха. Улейми. Она при военно-воздушных силах. Я попытался наведаться к ней — чдо ды. И не подпустила.

— Дура она, счастья своего не понимает, — тактично отозвался Джон-Том.

— А все почему? Подому чдо моя физия ей не подходит. Чдо ей до моего золотого сердца? Главное — внешность. И не слушай, если дебе будут говорить иначе. Вод и вся проблема... Ну запах, еще кое-чдо. Можед, босс сделает, если захочет. Но пока грозится, чдо ничего делать не станет. — Физиономия мыша скривилась. — Дак чдо не утомляй меня своими стонами. Ты живой, здоровый, из себя видный, вокруг одни бабы, впереди любовь да любовь. Вод я проклят — я люблю одну ее.

— Забавно, — негромко проговорил Джон-Том, водя пальцем по одеялу. — Я-то думал, что люблю Флор. Она пыталась раскрыть мне глаза, объяснить, что все не так, а я не мог понять... Не мог, понимаешь?

— Деперь эдо неважно.

Пог вспорхнул с кресла и направился к выходу.

— Почему же?

— Слепой и тупой, — буркнул мыш, — ды чдо, не видишь — она втюрилась в эдого Каза прямо на берегу, когда мы выудили его из Вертихвостки.

Он исчез, не дожидаясь ответа Джон-Тома.

Каз и Флор? Немыслимо, подумал юноша. Или он ошибался? Что невозможно в мире невозможного?

Надо вернуть Талею, решил Джон-Том.

Ну а если Клотагорб не в силах ничего сделать, есть здесь еще один маг, который рискнет взяться за это, — он сам.

Несколько дней солдаты обходили подальше шатер. Уединившийся в нем странный высокий человек пел любовные песни трупу. Воины нервно перешептывались и ограждали себя защитными знаками. По ночам шатер светился изнутри, а вокруг кишели гничии.

Напрасные попытки Джон-Тома прекратились наконец не по собственной воле его, а покоряясь току событий. Он сумел спасти тело от разложения, но Талея, окаменев, застыла под пологом шатра. На десятый день после их поспешного бегства из Куглуха воздушный патруль сообщил, что армия броненосных снялась с места.

Так что он забросил дуару за плечи и вышел на бой с посохом в руке. Там, позади, осталось бездыханное тело той, что любила его, и любовь к ней осенила Джон-Тома с опозданием. Он решительно шел к стене, намереваясь занять место наверху. Если он не смог вымолить ей жизнь... что же, видит бог, он отомстит за смерть ее с тем же пылом.

На стене юношу встретил Аветикус.

— К нам, как и ко всем на свете, пришло время выбора. — Он жестко глянул на Джон-Тома. — В гневе помни: тот, кто слеп в своей ярости, первым гибнет в бою.

Джон-Том заморгал, посмотрел вниз.

— Спасибо, Аветикус... Я послежу за собой.

— Хорошо.

Генерал отошел в сторону и принялся разглядывать Проход, переговариваясь с подчиненными.

По стене бежала волна ожидания. Все готовили оружие, склонялись вперед. Никто не разговаривал. Шум доносился только со стороны Прохода, и он становился все громче и громче.

Навстречу двигалась волна, могучий темный вал хитина и стали. Она заполняла собой весь Проход... Убийственный смертоносный поток, которому не было конца.

Последние несколько сотен теплоземельцев полезли повыше на крутые скалы. Они преграждали путь, чтобы броненосные не смогли обойти стену. Готовили копья и стрелы. Густой мускусный запах наполнил утренний воздух — многие из теплоземельцев имели соответствующие железы. Пахло ожиданием.

Огромные створки деревянных ворот медленно разошлись. Возглавляемая сотней тяжеловооруженных росомах армия теплоземельцев вступила в Проход.

Джон-Том хотел было оставить стену и присоединиться к вылазке, но дорогу ему преградила пара знакомых физиономий. Ни на Казе, ни на Мадже брони по-прежнему не было.

— Ну, что не так? — спросил он. — Вы не собираетесь сражаться?

— Со временем, — отозвался Каз.

— Када будет ваще необходимо, — добавил Мадж. — А сейчас у нас есть более важное задание.

— Какое же?

— Приглядывать за тобой.

Поглядев за спину их, Джон-Том увидел выжидающего Клотагорба.

— Что, есть идея? — Он умышленно опустил вежливое «сэр».

Чародей подошел к ним, в руке его был наполовину развернутый толстый свиток, на котором виднелись слова и знаки.

— Когда наступит конец, чаропевец, твоя магия сможет помочь куда больше, чем еще один меч.

— Я не хочу воевать заклинаниями, — гневно возразил Джон-Том. — Душа требует крови и мщения.

Клотагорб покачал головой и скорбно улыбнулся.

— Как страсти молодости преображают личность, если не заставляют ее взрослеть! Мне вспоминается совсем другой человек, которого смятенным, растерянным доставили к моему Древу.

— Я помню его, — без тени улыбки отвечал Джон-Том. — Он тоже погиб.

— Жаль. Хороший был мальчик. Ну что же, Джон-Том. Потенциально ты нужнее нам здесь. И не беспокойся. Обещаю тебе — не успеешь состариться, как получишь не одну возможность потешить душеньку в бойне.

— Меня не интересуют эти...

Словно не желая понять, Клотагорб остановил его.

— Учись думать не о себе одном, мальчик. Ты горюешь оттого, что мертва Талея, оттого, что смерть ее касается тебя лично. Ты горюешь потому, что я обманул тебя. И теперь хочешь растратить свое великое дарование, чтобы удовлетворить всего лишь собственную кровожадность.

И он жестко поглядел на высокого молодого человека.

— Мальчик мой, ты нравишься мне. Немного выдержки и закалки, как подобает доброй стали — и из тебя выйдет превосходный человек. К тому же — хотя бы на время, — постарайся думать о чем-то, кроме себя самого.

Приготовленная колкость так и не сорвалась с уст Джон-Тома. Ничто так не проникает в ум и не действует столь безотказно, как правда, самое эффективное и горькое из всех лекарств.

В пользу Клотагорба свидетельствовало только одно — его правота. И Джон-Том не смог возразить ему.

Он прислонился спиной к зубцу стены и посмотрел на Каза с Маджем. Дружки внимательно наблюдали за ним. Молодой человек улыбнулся, помедлив.

— Все в порядке. Старый хрыч прав. Я остаюсь.

И он повернулся лицом к Проходу.

Клин из росомах ударил прямо в центр волны броненосных, ножом пронзая ее и оставляя позади изрубленные тела насекомых. Следом катили остальные войска теплоземельцев.

Для битвы это было ужасное место. В основном солдатам оставалось только трястись и нервничать. В узком проходе все были так притиснуты друг к другу, что сражаться могли немногие. Это давало дополнительное преимущество много меньшей армии Теплоземелья.

Примерно после часа сражения стало похоже, что битва идет своим обычным чередом — как бывало все тысячелетия. Возглавляемые росомахами теплоземельцы буквально прорезали себе путь вперед. Броненосные бились браво, но механически, не проявляя в схватке никакой инициативы. Несмотря на то что насекомые обладали лишней парой конечностей, недостаточная подвижность суставов не позволила им сражаться на равных с гибкими и более подвижными врагами. Ростом броненосные, как правило, едва превосходили три с половиной фута, и многие из теплоземельцев — росомахи, коты — были выше, сильней и крепче. А уж в скорости никто не мог соперничать с выдрами и куницами.

Битва бушевала все утро, затянулась за полдень. И вдруг разом окончилась. Броненосные побросали оружие и в панике побежали, создавая хаос в задних рядах. Паника распространяется быстро, она еще более заразна, чем какая-нибудь инфекция.

Вскоре могло уже показаться, что вся армия броненосных обратилась в бегство, преследуемая вопящими и воющими животными. Солдаты возле стены разразились яростными воплями. Кое-кто уже выражал недовольство, что не побывал в бою.

Лишь Клотагорб задумчиво стоял возле ворот. Аветикус находился у другой створки. Волшебник древними глазами глядел на поле боя и медленно покачивал головой.

— Слишком быстро, слишком легко, — бормотал он.

Джон-Том расслышал.

— Что же не так... сэр?

Клотагорб ответил, не оборачиваясь:

— Я не вижу следов той силы, которой распоряжается Эйякрат. Ни малейшего признака.

— Возможно, он просто не справился, и она вышла из-под его контроля.

— Возможно... Все возможно, мой мальчик. От этого слова гибло больше людей, чем от меча.

— Так какого рода магию вы ожидаете?

— Не знаю. — Чародей поглядел вверх. — Облака не грозят бурей... Никаких признаков грозы. Земля безмолвствует, можно не опасаться ее колебаний. Эфир течет покойно. Я не ощущаю никаких магических возмущений. И это меня тревожит. Я боюсь того, что не могу видеть.

— А вон и туча, — показал Джон-Том. — Собирается вдали над южной стеной ущелья.

Клотагорб присмотрелся. Действительно, там внезапно появилась темная масса. Она была чернее любого чреватого дождем кучевого облака, которые там и сям темнели на зимнем небе. Туча заклубилась над утесом и понеслась к Проходу.

— Это не облако. — Глаза Каза были поострее, чем у остальных. — Это броненосные.

— Какого рода? — поинтересовался Клотагорб, заранее знавший ответ.

— Стрекозы, несколько крупных жуков. На каждом летуне сидят солдаты из вспомогательных частей.

— Вроде бы ничего опасного, — пробормотал Клотагорб, — но я обеспокоен.

Аветикус подошел к ним.

— Каково ваше мнение, сэр?

— Похоже на обычный воздушный налет.

Аветикус кивнул, вновь поглядел на равнину.

— Если так, в воздухе их ждет не больший успех, чем на земле. Но...

— Что вас тогда беспокоит? — спросил Клотагорб.

Хорь в смятении разглядывал приближающееся облако.

— Они как-то странно летят. Не сомневаюсь, броненосные припасли что-то неожиданное.

Из-за Врат слышались вопли. Воздушные части теплоземельцев спиралью поднимались над лагерем. Там можно было найти крылатые создания любого вида и размера. Пестрые килты единым покрывалом затянули небо.

Потом спираль начала раскручиваться: летучие мыши и птицы устремились за ворота навстречу врагу. Воздушные армии встретились над полем боя.

Тут отряды броненосных разделились. Половина их схватилась с теплоземельцами, другая — в основном крупные тяжеловесные жуки — нырнула вниз. За ними последовали более легкие стрекозы, каждая из которых несла одного наездника.

— Глянь-ка, — сказал Мадж. — Че там эти подлые жучилы затеяли?

— Они нападают на наших! — Аветикус разгневался. — Так

не положено. Летуны не сражаются с пехотой. Они воюют только с себе подобными.

— Ну что ж, значит, кто-то изменил правила, — заметил Джон-Том, следя за приближающейся к ним высокой амазонкой.

Авангард теплоземельцев охватило смятение. Они не знали, как обороняться от нападения сверху. Немногочисленные же по сравнению с насекомыми птицы и летучие мыши были чересчур заняты битвой, чтобы поддержать пехоту.

— Вот она, Эйякратова работа, — пробормотал Клотагорб. — Чую магию... Только она какая-то странная.

— Воздушные штурмовые группы, — пробормотала подошедшая Флор.

Плотно сжав губы, она наблюдала за кровопролитием, которое крылатые насекомые учинили в рядах ошеломленной пехоты теплоземельцев.

— Ну и что это за магия? — мрачно поинтересовался Аветикус.

— Она называется тактикой, — пояснил Джон-Том.

Хорь обернулся к Клотагорбу.

— Чародей, способен ты справиться с таким волшебством?

— Попытаюсь, — ответил Клотагорб, — только не знаю даже, с чего начать. Я умею отклонять молнии, рассеивать туман, но я не могу вдохнуть отвагу в солдата, сломить неуверенность, которую принесла нынешняя угроза.

И пока птицы и стрекозы сшибались в воздухе над проходом, а летучие штурмовики сеяли смерть в рядах пехоты, с неба закапала дождем смерть иного рода.

Огромная стая крупных жуков, держащаяся на недосягаемом для стрел расстоянии, начала выбрасывать сотни, тысячи бледных полушарий... Они опускались, и из-под них летели стрелы.

Джон-Том мгновенно узнал знакомые очертания. Флор тоже. Но Клотагорб, не веря глазам, качал головой.

— Немыслимо! Ни одно заклинание не в состоянии поднять в воздух такое количество.

— Боюсь, что это не так, — ответил чародею Джон-Том.

— Как же называется это жуткое волшебство?

— Парашютный десант.

Войска теплоземельцев были потрясены не только видом валившихся с неба врагов, но и натиском с тыла. И тут в задних рядах отступавшей пехоты броненосных послышался могучий рев. Солдаты бросали оружие, лезли на стенки ущелья.

Из таящейся в тумане сердцевины орды выступило несколько сотен жуков. Таких колоссов в Теплых землях не видел никто. Громадные скарабеи и всякая их родня протопали через брешь, пробитую ими в собственном войске, и теперь давили ногами растерявшихся росомах. Массивные хитиновые рога пронзали солдата за солдатом. У каждого из этих жуков на спине сидела

дюжина лучников. Они сверху подстреливали теплоземельцев, пытавшихся подсечь чудовищам ноги.

Теперь уже не выдержали теплоземельцы и в панике бросились искать спасения за далекими Вратами. Они надавили на тех, кто был позади, но ужас уже овладел подкреплениями, и спасающиеся от безжалостных жуков теплокровные обнаружили перед собой тысячи броненосных, в буквальном смысле слова свалившихся с неба. Птицы и их наездники, по большей части белки и их родня, мужественно пытались пробиться через воздушный заслон, выставленный врагом. Но к тому времени когда им удалось отодвинуть стрекозиные эскадрильи, жуки уже успели выбросить свой смертоносный груз и теперь летели назад за очередной партией десантников.

Радость на стене превратилась в отчаяние, когда полностью деморализованное войско повалило к воротам. Позади них каменистые пески были покрыты трупами настолько густо, что трудно было шагнуть. И от полного уничтожения армию теплоземельцев защитили скорее мертвые, чем живые. Великие Врата захлопнулись за последним охромевшим солдатом. Волна насекомых остановилась перед стеной.

Отряд скарабеев, прорвавших фронт теплоземельцев, повернул назад — взобраться на стену они не могли и теперь только мешали.

Многорукие воины подтащили десятки, сотни лестниц. Их приставили к стене. Лестниц было столь много, что несколько защитников, пытавшихся сбить насекомых, зазевавшись, погибли под ударами соратников-соседей. Лестницы исчезали под черным прибоем, прихлынувшим к стене.

Не умея обращаться с луком, Джон-Том метал копья, и оруженосцы едва успевали подносить ему новые. Возле него Флор со смертоносной точностью посылала стрелу за стрелой. И хотя лестницы удавалось откинуть и сломать, а лезшие на приступ гибли сотнями, броненосные валили неослабевающим потоком.

Наконец Каз подозвал к себе Джон-Тома и показал вдаль — в начало каньона.

— Ты видишь их, друг мой? Вон они... наблюдают.

— Где?

— Вон там... Видишь те темные точки на скале, чуть выдающейся в Проход?

Джон-Том и скалу-то едва мог различить, но в зрении Каза можно было не сомневаться.

— Верю на слово. А ты не видишь, кто они?

— Эйякрата нетрудно узнать... после нашей-то встречи в Куглухе. Рядом с ним настоящий гигант... Судя по богатому одеянию и стае услужливых слуг, это императрица Скрритч.

— А что делает Эйякрат? — с тревогой спросил Клотагорб.

— То и дело поворачивается к чему-то, но я не могу различить, к чему.

— Мертвый разум! — Клотагорб беспомощно уставился на свиток заклинаний в руке. — Вот кто дал ему новый метод войны... Все эти «тактики» и «парашюты». Мертвый разум учит броненосных воевать. Значит, они нашли новый способ овладеть стеной.

— Более того, — проговорил невозмутимый Аветикус. Все повернулись к хорю. — Им больше не нужно штурмовать Врата Джо-Трума.

Глава 16

— Разве не ясно? — спросил он и, когда никто не отозвался, продолжил: — С помощью этих... парашютов они могут выбросить тысячи солдат уже за воротами.

С мрачным видом Аветикус повернулся к помощникам.

— Вызовите Эласмина, Тоура, Слиастика. Прикажите им собрать мобильный отряд. Вне зависимости от ситуации у ворот, они должны оставаться внутри, наблюдая за падающими с неба войсками. Они должны следить только за небом, потому что если мы прозеваем, чудовища свалятся прямо на наш лагерь и тогда — все пропало.

Офицер бросился передавать приказ в генеральный штаб теплоземельцев. Наверху птицы с наездниками продолжали сражаться со стрекозами. Но лишних сил в воздухе у теплоземельцев не оставалось. И если вернутся жуки с новым десантом, воздушные части не сумеют предотвратить нападение насекомых на слабо защищенный лагерь. А Врата Джо-Трума, атакованные с двух сторон, из непреодолимого препятствия превратятся в братскую могилу.

Выкатившись на простор, армия броненосных легко разделается с редкими уцелевшими защитниками Врат. Помимо обычного численного превосходства, они теперь располагали и тактическим преимуществом. Эйякрат обнаружил гибкость и воображение, незнакомые ранее предводителям броненосных.

Впрочем, скоро это будет уже безразлично. Непрерывное давление на защитников Врат уже начинало сказываться. Кое-где воины броненосных прорвались на стены. Схватка разгоралась уже наверху.

— А это видал, а, парень? — Схватив Джон-Тома за руку, Мадж указывал на север.

По равнине от Зубов Зарита текла к Вратам тонкая темная струйка.

Наконец среди солдат появилась знакомая фигура в легкой

кольчуге и в странном шлеме с отверстиями для четырех глаз. Невзирая на доспехи, выдр и человек сразу признали их обладателя.

— Анантос! — воскликнул Джон-Том.

— Да! — опершись четырьмя лапами о парапет, паук поглядел в сторону боя... Дернулся — по кольчуге скользнула легкая метательная дубинка.

— От всей души надеюсь, что мы не опоздали.

Усталая Флор опустила лук.

— Вот уж не думала никогда, что обрадуюсь пауку. Не думала, что сделаю это в день смерти, compadre.

Она подошла к недоумевающему Анантосу и коротко обняла его.

Не задержавшись на стене, небольшой отряд прядильщиков разделился. С невероятной ловкостью используя восемь конечностей и встроенное альпинистское снаряжение, они полезли прямо на отвесные стены Прохода и, укрепившись там вне досягаемости стрел насекомых, принялись обстреливать сверху скопление броненосных возле ворот.

Подмога позволила теплоземельцам все свое внимание сосредоточить на лестницах. Пауки пряли и метали вниз сети, клейкие прочнейшие нити опутывали сразу по двадцать солдат.

Стрекозы вместе с наездниками вышли из боя и бросились вниз — к скалам и прилипшему на них подкреплению. Прядильщики принялись делать шары из липкого шелка, потом раскручивали их над головой и с невероятной точностью метали в крылатых. Шары приклеивались к ногам и крыльям, и обескураженные насекомые падали вниз.

Теперь птицы с летучими мышами стали добиваться превосходства. Появилась надежда, что они сумеют помешать вернувшимся жукам сбросить десант по другую сторону Врат.

Эта опасность, конечно, уменьшилась, однако самым важным было то, что появление прядильщиков заставило броненосных приуныть. До сих пор все замыслы их и планы прекрасно срабатывали. Но внезапное, совершенно неожиданное появление старинных врагов Броненосного народа и их помощь теплоземельцам вызвали истинный шок. Уж кого-кого, а прядильщиков никто из броненосных не рассчитывал обнаружить у Врат Джо-Трума.

Со стены действиями прядильщиков руководила черная фигура, рассылавшая приказы и распоряжения с крошечными быстрыми паучками ярко-красного, желтого и синего цвета. Великая Госпожа Тенет Олл облачена была в серебристый панцирь и окутана сотнями футов алого и оранжевого шелка.

Однажды она как будто бы махнула лапой в сторону Джон-Тома и его друзей. Быть может, Олл и заметила их, но скорее всего просто отдавала приказ.

Теплоземельцы, обрадованные появлением грозного долгожданного союзника, с новой силой ринулись в бой.

Войско броненосных остановилось, но усилия удвоило. Лучники и региарии[1] прядильщиков сеяли ужасающее опустошение среди атакующих, стрелки теплоземельцев легко расстреливали насекомых, охваченных клейкими сетями.

Возникла новая сложность. Груда трупов перед стеной росла так быстро, что штурмовые лестницы вот-вот должны были стать ненужными.

Всю ночь битва продолжалась при свете факелов. Утомленные теплоземельцы и прядильщики отражали атаки новых и новых волн броненосных. Насекомые бились, гибли, но по трупам невозмутимо лезли новые и новые солдаты.

Уже после полуночи Джон-Том забылся тяжелым сном. Каз скоро разбудил его.

— Еще облако, друг мой, — сообщил учтивый кролик. Одежда его была порвана, ухо под толстой повязкой кровоточило.

Джон-Том устало подобрал свой посох и пучок тонких копий и следом за Казом побежал к стене.

— Неужели они решили высадить десант ночью? Сомневаюсь, чтобы у наших хватило сил отбросить их.

— Не знаю, — проговорил встревоженный Каз. — Поэтому меня и послали за тобой. Так нужен хороший копейщик — сбивать тех, кто опустится пониже.

Действительно, отряды бойцов в килтах сильно поредели. Лишь присутствие прядильщиков позволяло уравнять силы в воздухе.

Но не рой тяжеловесных жуков несся со стороны луны. Серным светом горели желтые глаза. Новоприбывшие набросились на летающих насекомых. Огромные когти с жуткой силой терзали и рвали прозрачные тонкие крылья, крючковатые клювы отхватывали спины и головы, тонкие мечи разили со сверхъестественной точностью.

Всего только один миг потребовался Джон-Тому, чтобы понять, кто вступил в бой под покровом ночи: огромные круглые глаза сразу дали ответ.

— Обитатели Железной Тучи, — наконец провозгласил Каз. — Видит бог, никак не ожидал их увидеть. Ну и полет... Им нет равных.

Весть разнеслась по войску. Вид сражающихся выходцев из легенды настолько заворожил теплоземельцев, что иной, забыв о битве, получал рану или даже был сражен.

Обитатели гематитовой горы подходили для ночного боя лучше всех теплоземельцев, за исключением разве что летучих

---

[1] Гладиаторы в Древнем Риме, сражавшиеся с трезубцем и сетью (*прим. перев.*).

мышей. Воздушный натиск броненосных, безжалостный и неотвратимый, был наконец остановлен. С неба посыпались обломки хитина. Мерзкий дождь этот вызвал у теплоземельцев смех сквозь слезы.

К утру разгром был полным, остатки воздушных сил броненосных оттянулись назад — к началу ущелья.

На стене состоялся военный совет. Впервые за эти дни в речах теплоземельцев слышался оптимизм. Даже недоверчивый Клотагорб под общим давлением признал, что ход битвы как будто бы изменился.

— А не могли бы мы воспользоваться помощью этих новых друзей на манер броненосных? — предложил один из офицеров. — Что, если с их помощью высадить наши войска в тылу врага?

— Слишком близко... — заметил один из воспаривших духов птичьих начальников, красавец-ястреб в легком панцире и красно-фиолетовом килте. — Надо высаживаться в Куглухе! Десант посеет панику среди броненосных.

— Нет, — строго сказал Аветикус. — Наши не подготовлены к далеким полетам, и, невзирая на величину, совы-союзники едва ли смогут поднять больше одного наездника, даже если и согласятся, в чем лично я не сомневаюсь. Напротив, повторить действия воздушных штурмовых отрядов нашего врага они не откажутся. Как и наши собственные воздушные силы.

Послали вестников с приказом собственным летунам и с просьбой к жителям Железной Тучи. Согласие было получено. В темных плотных очках — чтобы не обожгло солнце — совы и лемуры повели за собой собранные воедино воздушные силы теплоземельцев. Они снова и снова пикировали на сбившегося в кучу деморализованного врага. Армия броненосных попросту растерялась, но отступления не начинала, несмотря на то что потери стали заметными даже для такого колоссального войска.

Но когда победа казалась уже завоеванной, все вновь было потеряно... Прогремел раздирающий сердце, совершенно неожиданный здесь звук. Грохот потряс теплоземельцев, еще не слышавших ничего подобного. Джон-Том и Флор тоже испытали потрясение. Он прозвучал в отдалении, но разрушительный гром динамита сложно было не услышать.

Когда осела пыль, перекрывая крики боли и страха, раздался второй, куда более зловещий грохот — вся левая сторона стены осела грудой камней. Великие Врата упали вместе со стеной. Поддерживавшие их столбы переломились как спички.

— Диверсия, — бормотала Флор. — Воздушное нападение, парашютисты, жуки... диверсия. Bastardos[1]. Зря я уделяла так мало внимания военной истории.

---

[1] Ублюдки (*исп.*).

Джон-Том нетвердым шагом направился к краю стены. Будь он сейчас по ту сторону ворот — никто не остался бы в живых.

Из земли перед обрушившейся стеной полезли крохотные белые фигурки. Размахивая пиками и короткими мечами, они принялись подсекать поджилки растерявшимся солдатам-теплоземельцам. Подобно обитателям Железной Тучи, они тоже были в темных очках, защищавших глаза от лучей солнца.

— Термиты, — определил Джон-Том. — Вижу и других подземных насекомых. Но откуда они взяли взрывчатку?

— Нечего и думать, мой мальчик. — Клотагорб грустно улыбнулся. — Тоже дело рук Эйякрата. Как ты назвал этот упакованный гром?

— Взрывчаткой... Наверное, это был динамит.

— Может, и гелигнит, — добавила Флор, едва сдерживая гнев. — Взрыв был очень интенсивный.

Предвкушая победу, броненосные бросились вперед, не обращая внимания на пикирующих на голову крылатых. Копья и сети, торопливо сбрасывавшиеся прядильщиками, более не могли сдержать их. Стена, издревле перекрывавшая бутылочное горлышко, детскими кубиками рассыпалась по земле.

Чтобы подорвать столь массивное сооружение, требовалось немыслимое количество взрывчатки. Наверно, подумал Джон-Том, подкоп броненосные начали рыть задолго до начала битвы.

И теперь они пошли вперед. Одним только численным превосходством насекомые смели сопротивлявшихся защитников с развалин укрепления. И вот они уже пересекли руины, впервые за всю историю оказавшись за Вратами Джо-Трума. Кровь теплоземельцев впервые пролилась на собственной земле.

Джон-Том беспомощно посмотрел на Клотагорба. Броненосные знать не желали об оставшейся части стены и не обращали внимания на стрелы и копья, сыпавшиеся сверху. Чародей стоял, невозмутимо разглядывая дальний конец Прохода, и не обращал внимания на разыгравшуюся внизу катастрофу.

— Разве вы ничего не можете сделать? — умоляюще проговорил Джон-Том. — Низведите огонь и гибель на их головы. Нашлите на них...

Клотагорб не слушал... Он смотрел и ничего не видел.

— Почти понял, — шептал маг, ни к кому, в сущности, не обращаясь. — Почти... — И умолк, поглядев на Джон-Тома.

— Неужели ты полагаешь, мальчик, что молнию, потоп и полымя можно вызвать, просто прищелкнув пальцами? Неужели за все время, проведенное здесь, ты ничего не узнал о магии? — И внимание чародея вновь обратилось к чему-то удаленному.

— Почти... Да! — вдруг перебил он себя. — Я могу! Кажется, я все теперь могу видеть. — Тут пыл поугас. — Нет, не выходит. Все прикрыто дисторсионными заклинаниями. Эйякрат ничего не оставляет на волю случая. Ничего.

Джон-Том отвернулся от медитирующего чародея и перебросил дуару на грудь. Пальцы его яростно теребили струны, но он никак не мог выбрать нужную мелодию. Он предпочитал песни о любви, созидании, взаимоотношениях. Еще он знал несколько маршей и спел их, но ничто не материализовалось, чтобы замедлить продвижение броненосных.

Чаропевец почувствовал, что Мадж, потный, перепачканный засохшей кровью, теребит его и показывает на запад.

— Что там еще за хреновина?

Выдр углядел что-то за краем разросшегося поля боя.

— Похоже... — начал было Каз и умолк. — Не знаю. Ржавые петли дверные скрипят, или это всего-навсего поют... Многие голоса.

Наконец источник странного шума сделался явным. Там действительно пели — нестройно, но громко... Пестрая толпа приближалась к подножию гор. Вооружены они были вилами, самодельными копьями, косами да ножами, прикрепленными к половым щеткам, топорами дровосеков и заостренными железными кольями.

Буро-серой волной текли они к месту сражения и там, где они появлялись, броненосные отступали.

— Мыши! — Мадж даже рот раскрыл от удивления. — Крысы, землеройки всякие. Глазам не верю. Какие ж из них бойцы? Здесь-то им что делать?

— Биться, — удовлетворенно ответил Джон-Том. — И по-моему, они прекрасно справляются с делом.

Толпа грызунов бросилась в бой со свирепостью, искупающей недостаток боевой подготовки. Истечение лязгающей сверкающей смерти из Врат сперва замедлилось, потом остановилось. Грызуны бились с удивительной отвагой, бросались на более рослых противников, подсекали воинам колени и лодыжки.

Объединившись по трое или четверо, мелкие теплоземельцы валили могучего врага. Самодельное оружие ломалось и трещало. Дело дошло до камней и когтей... Убивали всем, что только подвернется под руку.

Какое-то мгновение казалось, что оцепенение охватило остатки войска теплоземельцев в не меньшей степени, чем броненосных. Все глядели, не веря глазам, как дерутся презренные жертвы всеобщих насмешек. А потом все ринулись в бой рядом с героями, которых презирали и заставляли прислуживать себе.

Джон-Том понял: если теплоземельцев ожидает победа, общественная структура Поластринду и многих других городов претерпит серьезные изменения. Ну что ж, хоть что-то хорошее принесет эта война.

Молодой человек решил, что со всеми сюрпризами наконец покончено. Но пока он разыскивал цели для тех копий, что ему подавали, явилось новое чудо.

Серое зимнее утро посреди поля боя вспорол огненный язык. За ним последовал другой. Похоже, что... Да, это был он! Над полем боя плыл знакомый радужный силуэт, побатальонно испепелявший броненосных.

— Вот это да! — воскликнул Джон-Том. — Фаламеезар!

— А я-то думал, что он навсегда с нами расстался, — заметил Каз.

— Вы знакомы с этим драконом?

Хапли перевязывал раненую ногу и с удивлением поглядывал на далекую фигуру. Джон-Том впервые видел какое-то выражение на невозмутимой лягушачьей физиономии.

— Верно, знакомы, чтоб я сдох! — весело объявил Джон-Том. — Смотри, Каз, как здорово все складывается.

— Прости мне мое невежество, друг Джон-Том, но в смысле всяких там арифметик я дальше костей и карт не пошел.

— Вот армия самых угнетенных, самых униженных тружеников. Кто, по-твоему, организовал их, убедил выйти на бой? Кто-то должен был первым возвысить среди них голос и повести на борьбу за права и за отечество. А кто больше всего хотел этого, кто больше всех стремился принять мантию вожака, как не наш невинный марксист Фаламеезар?

— Но это абсурд. — Хапли не мог поверить своим глазам. — Драконы не воюют вместе с народом. Это одинокие антисоциальные создания, которые...

— Верно, но не про нашего, — сообщил Джон-Том. — Наш-то скорее чересчур социален. Но сейчас это неважно.

Действительно, когда огромная черно-пурпурная фигура приблизилась, они услышали рык дракона, громко возглашавшего над полем брани:

— Вперед, угнетенные массы! Восстаньте, рабочие! Долой чужеземных империалистов, поджигателей войны!

Конечно, это был Фаламеезар собственной персоной. Дракон проповедовал на ходу. Разразившись очередной марксистской гамилией[1], он выпускал огненную струю, превращавшую в пепел сразу с дюжину потрясенных насекомых, или же давил пару-другую презренных пособников империализма своей огромной ступней.

Вокруг него кишела толпа оборванных адептов — словно армада истребителей, защищающая дредноут.

Легионам броненосных не было видно конца, но теперь, когда потрясение, вызванное разрушением стены, начало забываться, уверенность их поколебалась. Появление нового войска теплоземельцев, столь же свирепого, как и регулярное, пусть и необученного, заставило могучий поток повернуть вспять.

Тем временем прядильщики и жители Железной Тучи про-

---

[1] Религиозное послание к общине верующих (*прим. перев.*).

должали уничтожать солдат, пытавшихся пробиться через брешь на равнину, где само присутствие их уже могло принести результат. Крошечные лучники-лемуры стреляли, стреляли... пока кончики пальцев, оттягивающих тетиву, не начинали кровоточить.

И не усиление паники привело к перелому. Просто в рядах броненосных начали слабеть решимость и воля к победе. Группами и поодиночке они теряли желание биться. Утомленную армию охватывало малодушие.

Ощутив это, теплоземельцы усилили натиск. Сопротивляясь, но уже без прежнего рвения, Броненосный народ отступал. Битва вновь переместилась в ущелье. Офицеры-насекомые ярились и угрожали, но ничего не могли поделать... Броненосные теряли боевой дух.

Джон-Том перестал бросать копья. Руки его ныли после трудов последних нескольких дней. Битва перемещалась дальше — к входу в ущелье — и уже исчезала из виду. Устало радовался он победе, когда на плечо легла могучая длань — да так, что молодой человек едва не присел. Он обернулся. Позади стоял Клотагорб. Руку волшебника трудно было назвать старческой.

— Клянусь периодической таблицей! Вижу! Все вижу!

— Что видите?

— Мертвый разум. — В тоне Клотагорба слышалась странная смесь смятения и восторга.

— Он не находится в теле? Жутковатое, должно быть, зрелище.

— Нет. Он размещен в нескольких емкостях различной формы.

Джон-Том попытался представить себе этого зомби, но ничего эквивалентного описанию, данному чародеем, подобрать не смог. Флор слушала раскрыв рот.

— Он разговаривает с Эйякратом, — продолжал чародей глухим голосом, — словами, которых я не могу понять.

— Несколько емкостей... Значит, этот разум состоит из нескольких? — Джон-Том все пытался что-то уразуметь.

— Нет-нет, ум один, но разделен на несколько частей.

— А на что он похож? Вы сказали, в контейнерах? А уточнить нельзя? — спросила Флор.

— Только чуть-чуть. Емкости в основном прямоугольные, но не все. Одна наносит на свиток слова, записывая их магическими знаками и символами, которых я не понимаю. Разум этот издает странные звуки, похожие на речь. Кое-что из символов мне знакомо... Странная надпись, я смотрю на нее, и она меняется. — Волшебник умолк.

— Ну, что там, что случилось? — поторопил его Джон-Том.

Лицо Клотагорба исказила болезненная гримаса. Вниз — в панцирь — с шеи струился пот. Джон-Том и не думал, что черепахи могут потеть. Все говорило о том, что чародей испытывает страшное напряжение, стараясь не только не потерять изображение, но и понять его.

— Эйякрат... Эйякрат увидел, что сражение проиграно. — Чародей пошатнулся; Джон-Том вместе с Флор едва удержали его на ногах. — Теперь он трудится над последним волшебством, над окончательным заклинанием. Он... глубоко погрузился в мертвый ум, отыскивая самые могучие проявления. И тот поведал ему нужное заклинание. Теперь он отдает приказы помощникам. Они несут материалы из припасов чародея. Скрритч следит за ним, она прикончит Эйякрата в случае неудачи. Но он еще сулит ей победу. Материалы... Кое-что я узнаю, нет, не кое-что — почти все. Но я не понимаю всего заклинания, цели его. Он хочет... хочет...

Маг-черепаха поднял вверх встревоженное лицо. Джон-Том затрепетал: ему еще не доводилось видеть испуганного Клотагорба — ни перед Массагнев, ни над Адовым Водопоем. Но сейчас старик был не просто напуган — он был в ужасе.

— Надо остановить его! — бормотал он. — Нельзя не остановить. Даже Эйякрат не знает, что делает. Но он... Я вижу... Испуган... В отчаянии. Он пойдет на все. Не думаю, не думаю, чтобы он сумел удержать...

— Какое это заклинание? — настаивала Флор.

— Сложное... Я не понимаю...

— Пробуйте. Хотя бы вслух повторяйте.

Клотагорб умолк, и двое людей начали опасаться, что старик более не откроет рта. Но Джон-Том встряхнул его и тем привел в сознание.

— Символы... Символы говорят: «собственность».

— И все? — удивилась Флор. — Просто «собственность»?

— Нет... Там есть еще кое-что. «Собственность армейской разведки США, доступ ограничен».

Флор глянула на Джон-Тома.

— Теперь все ясно: парашюты, и тактика, и состав взрывчатки, и сам взрыв, да, наверное, и способы проходки штольни. Jos insectos[1] где-то отхватили армейский компьютер.

— Потому-то Клотагорбу и потребовался инженер, чтобы противостоять «новой магии» Эйякрата, — пробормотал Джон-Том. — А получил он меня и тебя. — Он беспомощно поглядел на девушку. — Ну, что будем делать? В компьютерах я не разбираюсь.

— Я понимаю кое-что, но сейчас дело не в компьютере. Машина это, человек или насекомое, но остановить его следует прежде, чем Эйякрат закончит новое заклинание.

— Так какого хрена этот черт выудил из электронных потрохов? — обратился молодой человек к Клотагорбу.

— Не понимаю... — бормотал волшебник. — Это выше моих способностей. Но Эйякрат все знает. Он встревожен, но продол-

---

[1] Насекомые (*исп.*).

жает чародействовать. Он знает одно — если его ожидает сейчас неудача, война проиграна.

— Значит, кому-то нужно отправиться туда и уничтожить персоналку вместе с пользователем, — решительно заявил Джон-Том, подзывая к себе приятелей.

Мадж и Каз с любопытством приблизились. Их примеру последовал Хапли. Пог слетел с насеста возле стены. Джон-Том торопливо поведал им, что следует сделать.

— А эти, из Железной Тучи, может, сгодятся? — Мадж указал на гигантских сов, сеявших смерть в Проходе. — По-моему, тебя, кореш, они не поднимут, а вот меня — самый как раз.

— Я могу сам слетать, босс.

Клотагорб с удивлением поглядел на неожиданно расхрабрившегося фамулуса.

— Нет, ты, Пог, не годишься, и ты, выдр, тоже. Боюсь, вы туда не доберетесь. Сотни лучников, искуснейшие на Зеленых Всхолмиях стрелки императорской охраны, окружают Эйякрата и императрицу. К мертвому разуму на четверть лиги не подойдешь. Но если даже и доберетесь, чем вы сможете уничтожить его? Он из металла, стрелой его не поразишь. А у Эйякрата могут найтись ученики, способные воспользоваться мерзкими знаниями и после его смерти.

— Эх, вертолет бы, — проговорил Джон-Том. — Штурмовой да с ракетами.

Клотагорб, не понимая, поглядел на него.

— Не знаю, о чем это ты говоришь, чаропевец, но, во имя небес, сделай что-нибудь, если способен.

Джон-Том облизал губы. «Ху», Дж. Гейлс, Дилан — никто из них не пел о войне. Но нужно попробовать. Увы, песен про военно-воздушные силы он не знал.

— Давай, Джон-Том, скорее, — торопила его Флор. — Времени у нас мало.

Время. Время улетало от них. С чего начать, а? Значит, так: сперва нужно туда попасть, а уж как уничтожить эту штуковину, думать будем потом.

Стараясь выбросить из головы звуки битвы, Джон-Том несколько раз провел рукой по струнам дуары. Инструмент был изранен стрелами и копьями, но играть все же было можно. Он постарался припомнить мелодию, простую и неприхотливую — Стива Миллера. Так, чуть подстроим струны дуары. Она должна сделать свое дело. Он подкрутил басы и верха. Опасная игра, но то, что материализуется, пронесет его над полем боя — до конца Прохода.

Впрочем, настойчивость Клотагорба свидетельствовала, что на настройку и на изящество времени не остается.

Ох, добраться бы только до этого компьютера, яростно думал Джон-Том. Ох, добраться бы. Уж он-то найдет способ разделать-

ся с ним. Выдернуть пару проводков — и все... Эйякрат никаким заклинанием не починит... Или все же сумеет?

Пусть его убьют, пусть впереди неудача... какая разница. Талея мертва... С ней погибла и часть его самого. Да, вот и ответ: можно врезаться с лету прямо в компьютер — разделаешься со всем разом.

Время, главное — время. Но, хотя он и не догадывался об этом, ему еще предстояло узнать иное.

Время... В нем ключ ко всему. Следует поторопиться. Нет времени возиться с машинами, которые могут не завестись или не появиться. Так... Время и полет. Какая же песня в максимальной степени отвечает потребностям?

Минуточку! Была одна... о времени и полете, уносящем в грядущее.

Пальцы запорхали по струнам, и, откинув назад голову, он запел с неведомой ему прежде силой.

И разверзлось небо, и в ноздри хлынул запах озона. Оно приближалось! То самое, что вызвал он своим заклинанием. Если не птица из спетой песни, то, может быть, истребитель британских ВВС, именуемый «орлом», ощетинившийся ракетами и скорострельными пушками?.. Что угодно — лишь бы подняться в воздух.

Он не пел — кричал, надрывая горло. Пальцы метались по струнам. Волны звука исходили от звенящей дуары, и воздух вторил им.

Густой треск расколол небо над головой, земные громы не имеют подобной силы. Солнце словно отступило подальше, стремясь укрыться за тучу. Битва не остановилась, но и теплоземельцы, и броненосные невольно замедлили шаг. Зловещий грохот отразился от скал Прохода. Свершалось необычайное.

Огромные звездные крылья закрыли небо. Зимний день вдруг сделался жарким. Огненное дуновение отбросило Джон-Тома к парапету, спутники его хватались за камни.

В ужасе прятались теплоземельцы меж зубцами уцелевших стен. Прядильщики на скалах скрывались в щели и трещины... Чудовищный огненный силуэт приближался. Он прикоснулся к гранитному склону возле стены — и камень растаял. Двенадцать футов гранита оплыли мягким воском.

— ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ? — прогремел голос, способный сдуть пятна с солнца. Уцелевшие камни в стене сотрясались, клетки — и те дрожали в телах существ, остававшихся наверху. — ЧТО ТЫ СОТВОРИЛ, КРОХОТНЫЙ ЧЕЛОВЕК?

— Я... — Джон-Том замер с открытым ртом. Пел он об орле, просил самолет, а вызвал того, кого лучше не беспокоить, прервал бег, которому длиться еще миллиарды лет. И теперь оставалось только глядеть в огромные, бесконечно глубокие глаза, пока М'немакса, едва касаясь текущей скалы, взмахивал над нею термоядерными крыльями.

— Я прошу прощения, — наконец выдавил он. — Я хотел только...

— ПОГЛЯДИ НА МОЮ СПИНУ! — грохотал солнечный конь.

Джон-Том помедлил, осторожно шагнул вперед и вытянул шею. Щурясь, он разглядел в огненной жаре темный металлический контур чего-то подозрительно похожего на седло. Маленьким пятнышком терялось оно на огромной пылающей спине.

— Я не... Что это значит? — смиренно спросил он.

— ЭТО ЗНАЧИТ, ЧТО СКИТАНИЯ МОИ БУДУТ ЗАВЕРШЕНЫ. ЭТО ЗНАЧИТ — НАЙДЕН КОРОТКИЙ ПУТЬ. НИЧТОЖНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК ПОД ЗВЕЗДАМИ, ТЫ СОЗДАЛ ЕГО! ТЕПЕРЬ КОНЕЦ МОЕЙ ОДИССЕИ УЖЕ ПЕРЕД МОИМИ ГЛАЗАМИ. ТЕПЕРЬ Я МОГУ НЕ МЧАТЬСЯ ПО КРАЮ ВСЕЛЕННОЙ. ЕЩЕ ТРИ МИЛЛИОНА ЛЕТ — И Я ЗАКОНЧУ СВОЙ ПУТЬ. ВСЕГО ТРИ МИЛЛИОНА ЛЕТ, И МНЕ БУДЕТ ДАРОВАН ПОКОЙ. И Я БЛАГОДАРЮ ТЕБЯ, ЧЕЛОВЕК, ЗА ЭТО!

— Но я не знаю, что я сделал и как мне удалось это, — растерянно проговорил Джон-Том.

— ВАЖНО СЛЕДСТВИЕ, ПРИЧИНЫ ЭФЕМЕРНЫ. ТЫ ДОСТИГ РЕЗУЛЬТАТА ЭМПИРИЧЕСКИ, НИЧТОЖНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК. НО ТЫ ПОМОГ МНЕ, И Я ПОМОГУ ТЕБЕ. Я МОГУ СДЕЛАТЬ ТОЛЬКО ТО, ЧТО ТЫ МНЕ ПРИКАЖЕШЬ. ЧАРАМИ СВОИМИ ТЫ ПРИКРЫЛ МОЮ СПИНУ, ТАК САДИСЬ ЖЕ, ХРАНИМЫЙ СВОИМ ЧАРОДЕЙСТВОМ, И МЫ ПОМЧИМ. ТЫ ПОЗНАЕШЬ СКАЧКУ, КАКОЙ НЕ ЗНАВАЛО ЕЩЕ СУЩЕСТВО ИЗ ПЛОТИ И КРОВИ.

Джон-Том медлил в нерешительности. Но уверенные руки уже подталкивали его в сторону адского скакуна.

— Давай, Джон-Том, — ободрил его Каз.

— Давай, давай. Магия твоей песни хранит нас, — добавила Флор, — иначе радиация и тепло давно бы уже всех испекли.

— Флор, но свинцовое седло такое маленькое.

— Это магия, Джон-Том, магия. Чары твоей музыки и музыка в тебе самом. Давай же!

Окончательно убедил его Клотагорб.

— Мальчик мой, сейчас ничто не имеет значения. От твоих поступков зависят жизнь и смерть всех нас. Все решится в схватке между тобой и Эйякратом.

— Хорошо бы все было иначе. Боже мой, боже, если бы я мог очутиться дома. Я хочу... А, на хрен все это. Пошли!

Он не видел стены, ограждающей тягучую ядерную плоть М'немаксы, но она не могла не существовать, как неопровержимо подметила Флор. Молодой человек прижал к груди потрепанную дуару. М'немакса ударил ногой, и, подавшись на какое-то мгновение, барьер пропустил жар, расплавивший тысячи тонн прочнейшего камня. Если бы он подался снова — от них не осталось бы даже пепла.

К седлу вела череда стремян. Вблизи оно оказалось много

больше. Джон-Том осторожно уселся, не ощутив ни жары, ни боли, потрясенный солнечными протуберанцами, извергаемыми плотью М'немаксы в каких-то дюймах от его человеческой плоти.

В седле он почувствовал себя по-другому: руки его и ладони ощутили тепло.

— Погоди чуток, — услышал он голос. За спиной скользнула в седло мохнатая фигурка.

— Мадж? Это необязательно. Справлюсь я или нет, ты не поможешь.

— Брось, кореш. Я приглядываю за тобой с той поры, как ты сунул нос в мои дела. И не думай, что я могу отпустить тебя одного. Должен ведь кто-то присмотреть за тобой. Эту огромную огненную зверюгу не поранишь, но опытный лучник может снять тебя отсюда, как фермер спелое яблочко. — Положив стрелу на тетиву, выдр ухмыльнулся в усы.

Джон-Том не мог ничего придумать:

— Спасибо, Мадж. Спасибо, друг.

— Благодарить будешь, када назад вернемся. А че, я всегда мечтал прокатиться на комете. Итак — к делу.

Огненная шея изогнулась змеею, и огромная голова обратила к ним свои бездонные глаза.

— ПОВЕЛЕВАЙ, ЧЕЛОВЕК!

— Не знаю... — Мадж ткнул его под ребра. — Дерьмо. Не вертись! К Эйякрату.

Они не знали, как передался приказ: словом или из разума в разум. Огромные крылья взмахнули над землей, обрушив на нее жаркий ураган. Крылья эти простирались от края до края каньона, и обитатели Железной Тучи бросились врассыпную, заметив движение гиганта.

Навстречу поднялась стая стрекоз, личная воздушная гвардия императрицы. Они шли в атаку с обычной для них бездумной, но достойной восхищения храбростью.

Мадж взялся за лук. Всадники падали со стрекоз, и стрелы их не могли долететь до солнечных наездников — они попадали в тело или крылья М'немаксы и испарялись с едва слышным шипением.

— Мимо! — приказал Джон-Том. — Вниз, вон туда! — он указал на округлую скалу, пальцем торчавшую вверх у входа в ущелье. Вдалеке за туманами тянулись Зеленые Всхолмия.

Все внимание Джон-Тома сосредоточилось на одинокой фигурке, замершей перед грудой материалов посреди расставленных полукольцом металлических ящиков. Напрасно рвались вперед со своими мечами стрекозы и всадники. Копыта и крылья отбрасывали во все стороны обугленные останки, струйками пепла осыпавшиеся на землю.

Телохранители императрицы встретили их градом стрел. Ни одна из них не в состоянии была поразить пламенеющее тело.

Джон-Том глядел на Эйякрата и держал наготове посох-копье, готовый поразить чародея.

Тут он заметил, что над компьютером парят два светящихся камешка. Они были такими крохотными, что выдавало их лишь свечение. За спиной чародея приплясывала страшная радужно-зеленая фигура императрицы Скрритч.

Что за сокрушительная магия ужаснула невозмутимого Клотагорба? Чем собирался рискнуть Эйякрат, чтобы выиграть сражение?

— Вниз! — приказал он М'немаксе. — Вниз — к тому, что окружен червями и сеет зло. Уничтожить его!

С вершины утеса доносилось чародейское бормотание, торопливое и отчаянное. Эйякрат был в панике. Он произносил заклинания, как делал это и прежде, но не понимал их сути. Два светящихся камешка двинулись навстречу налетающему огненному духу и смертным его ездокам, сходясь в то же время между собою. Камни и дух встретятся в одной точке.

Когда до камней оставалось ярдов пятьдесят и столько же отделяло их от вершины скалы, М'немакса издал громоподобное ржание. Беспредельные глаза его светились ярче камней, уже почти встретившихся ярдах в двух перед ним.

Слабо и безнадежно вскрикнул внизу Эйякрат, до Джон-Тома донеслись слова, хрипло вырвавшиеся в отчаянии:

— Рано еще... Слишком рано, близко, слишком близко, рано еще!

И тогда мир внизу завертелся цветком, затянутым в водоворот.

Исчез Трумов Проход, а с ним и скала, на которой Эйякрат отчаянно махал конечностями перед императрицей. Исчезли и толпы броненосных, готовые к бою, растаяли вдали боевые кличи теплоземельцев.

Исчезли туманы над далекими Зелеными Всхолмиями, горные пики, громоздящиеся над ничтожными фигурками бойцов. Да и само синее небо исчезло.

М'немакса несся в яростном галопе, и они ехали на спине его, но теперь — уже сквозь вечную пустоту. Звезды блистали вокруг, словно на утреннем небе: немигающие, холодные, чистые — они проносились так близко, что их можно было потрогать.

Да, их можно было потрогать. Медленно протянув руку, Джон-Том снял одну — красного гиганта — с ее места на небесах. Теплым рубином искрилась она на ладони. Он крутанул звезду в пальцах и бросил в пространство. Мимо левой ноги проплыла «черная дыра»... Он невольно дернул ступней. Дыра затягивала, как зыбучий песок. Где-то позади маячил на фоне звезд далеким неясным силуэтом Мадж, выдр.

Джон-Том дышал вечностью. Крылья и копыта М'немаксы неторопливо вздымались. Вокруг ездоков собрался целый рой

подвижных светящихся точек. Они мерцали во тьме, и плясали, и кружили вокруг огненного поля и всадников.

Здесь, где законы мира не имели смысла, где отсутствовали любые связи, эти огоньки обрели наконец реальность. Гничии, с триумфом подумал Джон-Том. Только здесь я их вижу. Вижу наконец.

Одни из них были людьми, другие животными, третьих невозможно было узнать. Отзвуки мыслей, воспоминания, души; следы, оставленные разумом...

Они переливались радугой, полной жизни, таинственной и знакомой.

Он даже узнал кое-какие лица и очертания. Узнал Эйнштейна, потом — своего деда. Увидел, как шевелятся губы любимых певцов, скончавшихся и давно, и недавно. Они словно давали вечный концерт. Все лица вокруг были молоды, не было на них следов страдания или смерти. Действительно, в глазах великого физика светилась детская радость. Он играл на скрипке. И Хендрикс[1] тоже был там, и они составляли дуэт и улыбались Джон-Тому.

И тут он увидел лицо, которое знал очень хорошо, лицо, полное огня и света. Собрав все свои силы, он попытался впитать в себя эти черты, запомнить навеки. Четкое теплое личико словно притягивалось к нему. Когда оно приблизилось, все существо его воспламенилось любовью... Они соприкоснулись губами, внутри юноши вспыхнуло пламя, едва не выбросившее его из седла. Это была Талея. Он знал это и волей своей защищал ее.

— Возвращаемся назад! Поскорее! — крикнул он огненному скакуну.

— ТЫ ДОЛЖЕН ЗНАТЬ СЛОВА, ЧЕЛОВЕЧЕК, ИЛИ ЖЕ ОСТАНЕШЬСЯ СО МНОЙ ДО КОНЦА МОЕГО СТРАНСТВИЯ.

Что же петь, думал Джон-Том. Какая мелодия могла сравниться с просторами космоса и звездами? Все знакомые ему прежде песни присыхали к языку.

Тут Талея-гничий шевельнулась у сердца его, и он поглядел вперед — в холодную синеву. Время возвращаться туда, где ему следует быть, и он вдруг понял, где именно и как попасть в это место.

Рот его открылся, пальцы ласково легли на дуару. Голос юноши и голос инструмента слились в один, никогда еще не слышанный им, истинный голос Джон-Тома.

Звезды закрутились быстрее, Вселенная в один миг исчезла. Голова его пульсировала, горло жгла странная песня без слов, истекавшая подобно реке, что была в миллион раз сильнее земных рек.

---

[1] Джими Хендрикс (1942—1970) — музыкант, композитор, «король гитары», чье имя неоднократно упоминается в цикле романов Фостера.

Навстречу уже торопились синее небо и белоснежные вершины гор. Вот и граница — смутный предел бытия. Он чувствовал в себе больше сил, чем когда-либо в жизни.

— Вот это скачка, ни хрена себе! — донесся из-за спины радостный голос Маджа.

— Мадж, родной мой! — вскрикнул Джон-Том, обрадовавшись приятелю.

— Свихнулся, че ль?.. А где мы были?

Всюду, думал Джон-Том, но как объяснить это выдру.

— ПУТЬ МОЙ ИЗМЕНИЛСЯ НАВЕКИ, — ревел М'немакса. — МНЕ ПРИШЛОСЬ ИЗМЕНИТЬ ЕГО, ЧТОБЫ УСТРАНИТЬ ЗЛО В ЭТОМ МИРЕ. ТЕПЕРЬ МОЙ ПУТЬ ПОЧТИ ЗАВЕРШЕН. ОТПРАВЛЯЙСЯ СО МНОЙ, МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК. ТВОЙ МИР ОБРЕЧЕН. Я ПОКАЖУ ТЕБЕ ТАКОЕ, ЧЕГО НИКОГДА НЕ УВИДИТ СМЕРТНЫЙ.

— О чем это он, шеф?

— О магии Эйякрата, Мадж. Клотагорб понял, что насекомые не смогут справиться с ней. Она грозила такими опустошениями, что даже М'немакса вынужден был изменить курс. Такое уже случалось в моем мире. Гляди.

Внизу над дальней частью Трумова Прохода вставал облачный гриб — он был невелик, но все же гуще тумана Зеленых Всхолмий.

Прямо под ними сдавались в плен остатки армии броненосных. Им повезло: они оказались посреди ущелья и, бросая оружие, опускались на все шесть ног, умоляя о пощаде.

Медленно распадавшийся гриб отмечал место, где неудача подкараулила Эйякрата. Исчезла скала, на которой стоял чародей. На месте ее остался кратер. Бомба, которую наворожил Эйякрат, относилась к числу более или менее чистых. А кратер послужит предостережением будущим поколениям броненосных, он перекроет Проход надежнее Врат.

Пламенные крылья замерли. Маджа осторожно перенесли на стену. Джон-Том поблагодарил огненное создание, но не согласился унестись с ним.

— ТРИ МИЛЛИОНА ЛЕТ! — прогрохотал М'немакса, и ржание его сотрясало стены каньона, сбрасывая с них скалы. — ВСЕГО ТРИ МИЛЛИОНА. СПАСИБО ТЕБЕ, МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК. ТЫ ИСТИННЫЙ ЧАРОДЕЙ, НАДЕЛЕННЫЙ НЕВЕДОМОЙ МУДРОСТЬЮ. ПРОЩАЙ!

Огромный огненный силуэт поднялся в воздух, с оглушительным треском лопнула ткань пространства-времени. Дыра затянулась мгновенно, и М'немакса исчез, чтобы возобновить странствие, теперь недолгое; вернулся в свое неведомо где и повсюду.

Вокруг них хлопотали фигуры, мохнатые и лишенные шерсти... Каз, Флор, Хапли, придерживающий свою пронзенную мечом лапу. Пог взволнованно метался над головами, а теплоземельцы засыпали их поздравлениями и вопросами.

Битва закончилась, а с ней и война. Тех броненосных, кто избежал смерти в термоядерном взрыве умеренной силы, загоняли за сделанные на скорую руку загородки.

Джон-Том смущался и нервничал, но Мадж сиял, словно М'немакса, наслаждаясь общим восхищением.

Когда возбуждение улеглось и воины оставили стены, присоединившись к своим соратникам внизу, Клотагорб сумел пробиться к Джон-Тому.

— Ты превосходно справился с делом, мой мальчик! Я горжусь тобой. — Чародей улыбнулся. — Из тебя выйдет настоящий волшебник. Нужна только точность и определенность в формулировках.

— О, я учусь, — признал Джон-Том без улыбки, — например, что не следует забывать о том, что может скрываться за словами.

Он мрачно посмотрел на волшебника — тот не отвел взгляда.

— Я поступил так, как следовало поступить, мой мальчик. Я бы и снова поступил точно так же.

— Я знаю и не могу осуждать вас за это, но и симпатизировать вам тоже не в силах.

— Ну, как хочешь, Джон-Том, — ответил чародей. Он поглядел за спину молодого человека, и глаза его округлились. — Кажется, ты слишком торопишься осуждать меня.

Джон-Том обернулся. К нему приближалась хрупкая рыжеволосая фигурка. Он мог только смотреть.

— Привет, — легко улыбаясь, проговорила Талея, — сколько же дней я провалялась без сознания?

— Мертва ты была, — ляпнул бестактный Мадж.

— Да ну тебя. Мне приснился такой странный сон. — Она поглядела на ущелье. — Значит, пропустила всю драку?

— Я видел тебя... там, — пролепетал ошеломленный Джон-Том. — То есть не всю — только часть. Она пришла ко мне, и я понял, что это ты.

— Ничего не знаю, не помню, — строго сказала Талея. — Получилось так: я очнулась в шатре посреди кучи трупов. Чуть со страху не обделалась. — Она хихикнула. — Но с прислугой случилось кое-что похуже. По-моему, они еще бегут. Потом я спросила, где ты, мне показали. А это правда, что говорят о тебе и М'немаксе?..

— Все правда, все честно, — отвечал Джон-Том. — То, что вошло в меня, я отослал назад в твое тело, но это неважно. Главное для меня — это ты.

— Джон-Том, ты вдруг стал говорить так непонятно!

Он положил руки ей на плечи.

— Кажется, нам наконец следует побыть вдвоем.

Он застенчиво улыбнулся, не в силах объяснить девушке, что произошло ТАМ. Она недоуменно поглядела на него.

— А ты не забыла своих слов... там, в Куглухе? — спросил он.

Талея нахмурилась.

— Не знаю, о чем ты, только это не новость. Ты всегда слишком много говоришь, но в одном все-таки ошибаешься.

— В чем же?

— Я не забыла своих слов.

И она ответила Джон-Тому самым долгим и сладким поцелуем в его жизни.

Наконец она разжала объятия. Или же он сам... Неважно.

Неподалеку на парапете рядышком сидели Флор и Каз. Джон-Том покачал головой, удивляясь собственной слепоте. Хапли исчез. Вне сомнения, он отправился разведывать путь к ближайшей реке. Фаламеезар, речной дракон, вполне мог помочь в этом лодочнику. Конечно, если сейчас его грызуны не нуждались в наставлениях относительно прав и обязанностей угнетенных пролетариев. Клотагорб отправился обсуждать чародейские дела с одним из волшебников-теплоземельцев.

— И что теперь будет, Джон-Том? — Талея встревоженно поглядела на него. — Раз ты теперь сделался настоящим чаропевцем, значит, захочешь возвратиться в свой мир?

— Не знаю. — Юноша поглядел на камни под ногами. — Едва ли я могу считать себя истинным чародеем. — Он со скорбью опустил ладонь на дуару. — Я всегда получаю лишь то, что нужно, а не что прошу. Конечно, это неплохо, но не слишком обнадеживает. И знаешь что — судьба адвоката или рок-звезды больше не привлекает меня. Я бы сказал, что вижу теперь гораздо дальше.

До бесконечности, добавил он про себя.

Талея кивнула.

— Ты повзрослел, Джон-Том.

Он пожал плечами.

— Если бы пережитое старило нас, я сейчас был бы вроде Мафусаила.

— Ну, я позабочусь, чтобы ты у меня не постарел... — Талея провела рукой по его волосам. — Значит, ты хочешь сказать, что намерен остаться? — И ровным тоном она добавила: — Может быть, ты хочешь остаться со мной?.. Если, конечно, способен меня выносить.

— Талея, я никогда не знал женщины, подобной тебе.

— Дурень, это потому, что подобных мне нет.

Она подвинулась поближе, чтобы снова поцеловать его. Он отстранился, охваченный воспоминанием.

— Что такое? Или я не хороша для тебя?

— Дело не в этом. Просто я вспомнил кое о чем. Я обещал себе сделать это при первой же возможности.

Пога они обнаружили на стойке для копий посреди уцелевшей стены. Теплоземельцы начали уже расходиться. Те, кто не оставался охранять броненосных, собирались в роты и батальоны перед долгим возвращением в родные места. Некоторые уже вы-

ступили в путь, усталость и скорбь о погибших мешали им распевать победные песни. Они направлялись на запад, к Поластрин-ду, или брали южнее — туда, где Вертихвостка высвобождалась из отрогов Зубов.

Солнце опускалось за Мечтравной степью, ядовитый гриб давно унесло ветром. Сверкая яркими пестрыми крыльями, эскадрильи летунов клиньями уходили в сторону родных гнездовий. Далекая цепочка окутанных шелками фигур направлялась на север — шли прядильщики. Темное облако уже исчезало над дальней вершиной, взяв курс на сказочную Железную Тучу.

— Привет, Пог.

— Привет, чаропевец, — ответил мыш без особой радости, но Джон-Тому уже не нужно было выяснять причины плохого настроения фамулуса. — Наделал ды делов. Я горжусь, чдо у меня дакой друг.

Джон-Том опустился на низенькую скамеечку возле стойки.

— Почему ты не празднуешь вместе со всеми?

— Я ж у него прислуга. Ды эдо знаешь. Дожидаюсь новых распоряжений.

— Ты был ему хорошим учеником, Пог. Я могу лишь надеяться, что справлюсь с учебой не хуже, чем ты.

— Эдо ты о чем? — Перевернутая физиономия с удивлением уставилась на него.

— Я надеюсь, что Клотагорб согласится взять меня в ученики. — Дуара лежала на коленях молодого человека, он задумчиво гладил струны. — Похоже, что в этих краях я способен только на чародейство. Значит, прежде чем оно ухайдакает меня насмерть, следует все-таки постараться навести в нем какой-то порядок. Это пока мне везло.

— А Мастер-до, старая рожа, говорит, чдо дакой штуки, как удача, не существует.

— Я знаю, знаю. — Джон-Том подбирал мелодию. — Но мне придется чертовски потрудиться, чтобы понять половину премудрости, которой владеет старая черепаха.

И он завел песню, которую припомнил несколько дней назад в шатре, когда некий фамулус постарался утешить его и примирить с жизнью.

— Я не забыл то, что ты сказал мне, когда я вышел из оцепенения, куда отправил меня Клотагорб. Видишь ли, Пог, Клотагорб заботился обо мне потому, что знал — я могу оказаться полезным. Каз, Флор и Хапли тепло относились, потому что все мы зависели друг от друга. Но сам я как личность интересовал только Талею и тебя. У нас с тобой много общего. Дьявольски много. Но прежде я просто не смог заметить этого. Ты не ошибался насчет любви. Я думал, что мне нужна Флор. — Талея молчала. — Но на самом деле необходимо, чтобы кто-то нуждался во мне. Это, и ничего больше. Того же хочешь и ты.

И он запел, громко и четко. Вокруг мыша затрепетал воздух. Уже вечерело, начинало темнеть. На равнине вспыхивали костры, впервые за тысячи лет броненосные и теплоземельцы имели возможность поговорить.

— Эй, чего эдо ды?

Мыш вспорхнул с насеста и забил крыльями.

— Это, Пог, соколиная песня. У меня свое волшебство, так говорит Клотагорб. Вот я и трансформирую тебя.

Очертания фигуры Пога плыли, изменялись в неярком свете. Талея схватила Джон-Тома за руку.

— Он меняется, ведь так?

— Он хочет этого, — негромко сказал юноша, наблюдая на трансформацией. — Он объяснил мне то, чего я не понимал. Я плачу ему той же монетой. Моя песня превратит Пога в самого большого, самого смелого сокола, какой когда-либо рассекал облака.

Но форма была не та. Опять что-то не складывалось. Она менялась и светилась, и Джон-Том не верил своим глазам.

— Боже. Надо было подождать и посоветоваться с Клотагорбом. Извини, Пог! — обратился он к неясному незнакомому силуэту.

— Подожди-ка, — мягко остановила его Талея. Крепко взяв его за руку, она прижалась к нему. — Правильно, он превращается не в сокола. Посмотри же — это невероятно!

Метаморфоза была полной и бесповоротной.

— Ничего, ничего, ничего! — отвечало существо, некогда бывшее Погом, летучей мышью. Голос был полон света и серебра. — Ничего, Талея. Джон-Том, не подведи Клотагорба. Ты сумеешь справиться.

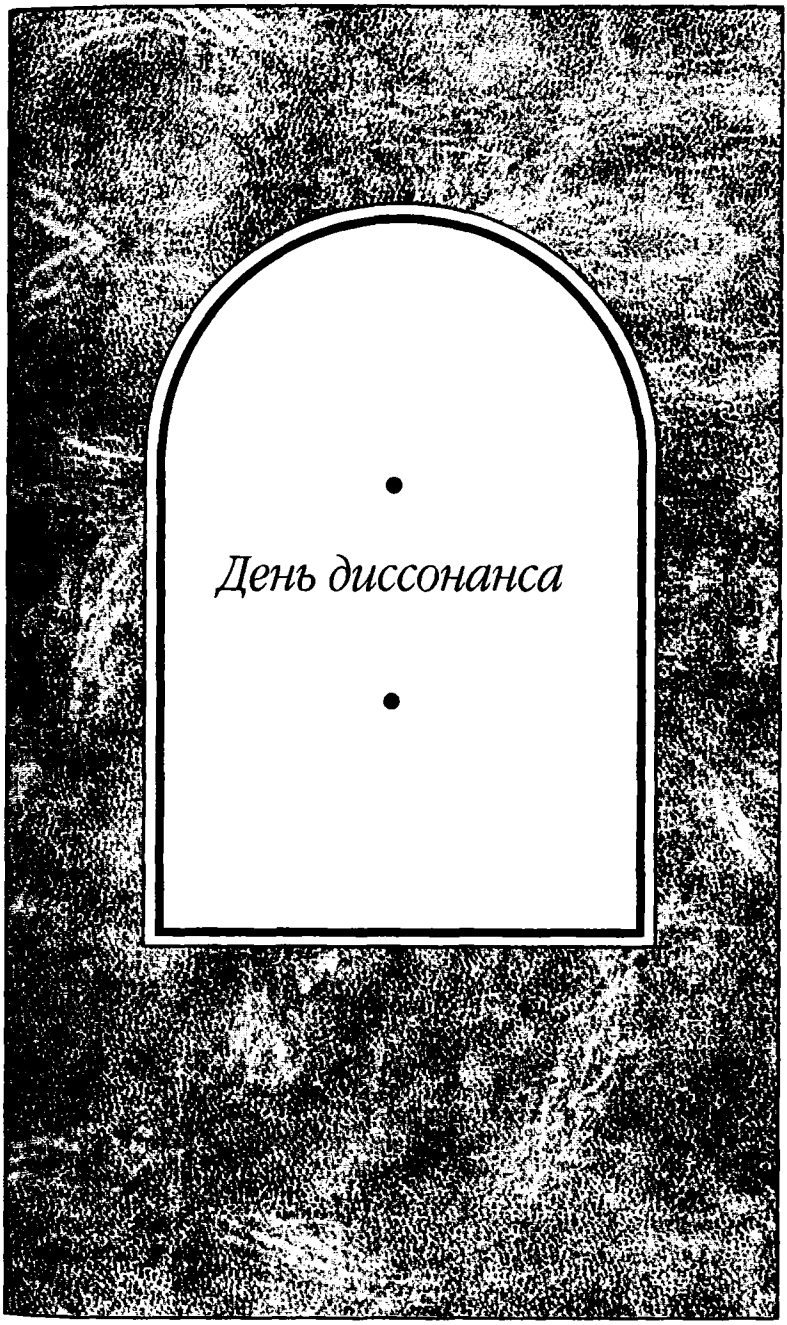
По небу с востока на запад скользили боевые орлы, окруженные стайкой соколов. Быть может, там была и Улейми.

— Ты все же подарил мне счастье, — заверил чаропевца бывший Пог.

Джон-Том понял, что забыл дышать — так потрясло его преображение. Талея негромко окликнула юношу и обхватила любящими руками.

Над ними тот, кто прежде был Погом, острым взором пристально разглядывал крылатые силуэты, направляющиеся к далеким Теплым землям. Он увидел знакомую фигуру соколицы, вынырнувшей вместе со стаей себе подобных из облака... Он увидел ее глазами куда более острыми, чем у летучей мыши, совы или сокола.

И, предоставив людей их собственной судьбе, золотой феникс взмахнул тяжелыми крыльями, направляясь к этому облаку, и солнце самоцветами заиграло на его перьях.


День диссонанса

Моему кузену Адаму Кэрроллу,
с большим почтением.
Может быть, он выкроит вечерок
и прочтет это в перерыве между
«Бизнес Уик» и «Форбс».

Глава 1

— Я умираю... — прохрипел волшебник Клотагорб, глядя вдево. — Я умираю, а ты стоишь и таращишься, ни дать ни взять юный девственник, чья возлюбленная вдруг оказалась знаменитой куртизанкой. Навряд ли доведется мне отметить трехсотлетний юбилей, ежели вся твоя помощь сведется к жалкому бренчанию.

— Если б я помогал по вашей методе, вы бы давно загнулись. — Джон-Том порядком осерчал на своего наставника. — Хоть бы послушали самого себя: два месяца сплошного нытья и брюзжания! Да знаете ли, кто вы, черепаха с замашками волшебника? Ипохондрик несчастный, вот кто!

Клотагорбова физиономия почти не обладала способностью мрачнеть, зато глаза умели смотреть очень даже жестко.

— Это еще что такое? — ледяным тоном спросил он высокого юношу. — Маленько смахивает на ругательство. Не дерзи мне, мальчишка, дерзость — палка о двух концах. А ну-ка отвечай, где ты подцепил это словечко? В родном мире? Может, оно волшебное?

— Скорее врачебное. И никакое это не ругательство, а просто диагностический термин. Так называют того, кто постоянно мнит себя больным, хотя на самом деле здоров как бык.

— Ах так! Значит, я возомнил, будто у меня голова раскалывается? Ты на это намекаешь?

Джон-Том подавил искушение ответить утвердительно и опустил все свои шесть с лишком футов на пол возле груды подушек, служивших ложем престарелой черепахе. Не в первый раз он подивился великому множеству просторных залов, а также альковов, каморок и тоннелей, таящихся в древнем дубе. Пожалуй, такому стволу позавидовал бы любой термитник.

Однако Джон-Том не мог не признать: колдун, при всем мелодраматизме его жалоб и стенаний, основательно сдал. С его брюшного панциря сошел здоровый глянец, а глазки под старушечьими очками слезились от боли. Зря, наверное, он так резок с бедолагой. Раз уж Клотагорбу не помогают мудреные заклинания и волшебные снадобья, значит, он и впрямь прихворнул не на шутку.

— Кто я, о том мне ведомо, — продолжал Клотагорб, — а вот кто ты такой? Непревзойденный чаропевец, коли тебя послушать.

— Я еще учусь, — огрызнулся Джон-Том и пощупал дуару, висевшую на плече. Этот удивительный инструмент помогал ему наводить чары. Кому-то показалась бы сном судьба юного рок-гитариста и студента-законника... за исключением того правдоподобного обстоятельства, что Джон-Тому не очень-то давалось новое ремесло.

С той минуты, когда у Клотагорба начался приступ, Джон-Том исполнил две дюжины песен, где прямо или косвенно упоминались крепкое здоровье и отменное самочувствие. Но ничто не подействовало, кроме вдохновенных подражаний группе «Бич Бойз». Эта композиция вызвала неудержимое хихиканье Клотагорба, левитацию мазей и порошков и растрескивание склянок.

Смирясь с позорным поражением, Джон-Том оставил дуару в покое.

— Вообще-то я не хочу сказать, что вы симулянт, — пошел он на попятную, — просто я расстроен не меньше вашего.

Клотагорб кивнул. О его мучениях свидетельствовала не только вялость движений, но и натужное прерывистое дыхание.

— Знаю, мой мальчик, знаю. Ты прав: тебе еще многому надо научиться, во многом достичь совершенства.

— Я точно слон в посудной лавке. Всякий раз или выбираю не ту песню, или получаю не тот результат. Как же нам быть?

Клотагорб поднял глаза.

— Дружок, у меня осталась одна надежда. Против моей хвори есть лекарство. Не песнь и не заклинание, а настоящее лекарство.

Джон-Том приподнялся над краешком ложа.

— Тогда, пожалуй, я пойду. Нынче я еще не упражнялся, надо бы...

Полный страдания стон не дал ему договорить. Джон-Том сел. Возможно, стон был притворен, но он возымел желанное действие.

— Мой мальчик, ты должен раздобыть это лекарство. Мне больше не на кого положиться. Силы зла начеку.

Джон-Том глубоко вздохнул и смиренно спросил:

— Почему всякий раз, когда вы что-то затеваете — ну, скажем, принять ванну или послать кого-нибудь в опасное путешествие, — силы зла обязательно начеку?

— А ты, дружок, видел хоть раз силу зла?

— Во плоти — нет.

— Силы зла всегда начеку. Эти негодники — не из тех, кто считает ворон.

— Я не это имел в виду.

— Не важно, что ты имел в виду, мой мальчик. Ты не откажешь старику в услуге. Да-да, это всего-навсего пустяковая услуга.

— В последний раз, когда вы просили меня о пустяковой услуге, на чаше весов оказалась судьба цивилизации.

— Ну, а сейчас на чаше весов только моя судьба. — Голос чародея понизился до горестного шепота. — Или ты желаешь моей смерти? А? Желаешь?

— Нет, — ответил Джон-Том, — не желаю.

— Разумеется, не желаешь. Ибо только мне под силу придумать сложное и опасное заклинание, необходимое для твоего возвращения в родной мир. В твоих интересах позаботиться о моем здоровье.

— Верно, верно. И ни к чему так напирать на это.

— Тем паче, — поспешил развить успех волшебник, — что в моем плачевном состоянии есть доля твоей вины.

— Что? — Джон-Том аж подпрыгнул. — Клотагорб, какую бы дрянь вы ни подцепили, я тут совершенно ни при чем.

— У этого недомогания много причин, и одна из них — ужасающие условия моего существования.

Джон-Том нахмурился и оперся на длинный посох из таранного дерева.

— Боже! Да о чем это вы?

— С того самого дня, когда мы вернулись, одержав победу у Врат Джо-Трума, жизнь моя — бесконечная литания убожества и печали. А все оттого, что ты превратил моего грубоватого, но верного ученика Пога в феникса. После чего он бросил службу ради сомнительных благ семейной жизни со своей возлюбленной соколихой.

— Разве по моей вине вы не сумели его вернуть? Впрочем, чему тут удивляться? Все знают, как вы изводили бедняжку Пога.

— Я его не изводил, — возразил волшебник, — а наставлял, как подобает мастеру. Допустим, время от времени приходилось его воспитывать, но за это ему следует пенять на собственную лень и несообразительность. Мое обращение с Погом никогда не выходило за рамки учебной программы. — Клотагорб поправил новые очки.

— О ваших методах обучения Пог разблаговестил по всему Колоколесью. Но, как я слышал, новичок, которого вы в конце концов взяли на его место, оказался толковым учеником.

— Ха! Это всего лишь наглядный пример того, как опасно при найме работников чересчур доверять анкетам. Но теперь ничего не попишешь. Я принял его в ученики и привязался к нему, как и он ко мне.

— Чем же вы недовольны, старина? Полагаю, он весьма одарен.

— Одарен, мой мальчик. И прилежанием, и сметливостью, и тягой к знаниям.

— Звучит неплохо.

— К прискорбию моему, у него небольшая проблема.

— Какая?

Ответ Клотагорба был прерван громким невнятным проклятием, донесшимся слева — из соседней комнаты. Колдун печально указал головой на арку в стене.

— Да ты сам погляди, дружок, и поймешь, отчего моя жизнь обернулась сплошной чередой огорчений.

Пожав плечами, Джон-Том направился к арке. Чтобы не ушибиться, ему пришлось низко наклонить голову. Он настолько превосходил ростом обитателей этого мира, что испытывал из-за этого немало неудобств.

Раздался треск, затем шепелявый голос выкрикнул новое ругательство. Опасливо выставив перед собой посох, Джон-Том вошел в кладовку.

Вместительностью она не уступала ни Клотагорбовой спальне, ни прочим помещениям, которые каким-то немыслимым образом ухитрялись сосуществовать в стволе древнего дуба. Повсюду на полках и верстаках аккуратными рядами стояли горшки, жестянки, шкатулки и колбы со зловонными снадобьями. Осколки полудюжины склянок усеивали пол.

Посреди кладовки стоял, точнее, балансировал, Сорбл, новый подмастерье Клотагорба, — молодой филин ростом чуть ниже трех футов. Нарядом Сорблу служили легкий жилет и желто-коричневый килт клана Уле.

Приметив Джон-Тома, ученик гостеприимно помахал и ткнулся клювом в пол. Пока он пытался встать с помощью гибких кончиков крыльев, Джон-Том разглядел его желтые глаза, жутко испещренные багровыми прожилками.

— Здорово, Сорбл. Узнаешь?

Филин кое-как встал на ноги и замахал крыльями в поисках опоры. Утвердившись наконец возле верстака, он покосился на гостя и отозвался густым басом:

— Ну конечно, ужнаю. Ты... Ты чудо-перец... Или чудо в перьях...

— Чаропевец, — подсказал Джон-Том.

— Вот я и говорю. Нашколько мне ижвештно, ты иж иного мира, к которому хожаин обратилша жа помощью в борьбе против Бровеносной породы.

— Хозяину нездоровится. — Джон-Том прислонил посох к стене. — Да и ты неважно выглядишь.

— Кто-о-о, я?! — возмущенно воскликнул филин и отошел от верстака, почти не шатаясь. — Шпашибо, я прекрашно шебя чувштвую. — Он оглянулся на верстак. — Я прошто ищу одну шкляночку.

— Которую?

— Беж этикетки. — Сорбл заговорщицки подмигнул огромным, налитым кровью глазом. — Шелительный бальжам. Не для

его древношти. Моя шобштвенная шкляночка. — Голос его вдруг зазвучал враждебно. — Нектар.

— Нектар? А я-то думал, совы любят мышей.

— Что? — взъярился подмастерье, и Джон-Том мысленно дал себе подзатыльник — нельзя ни на миг забывать, где ты находишься. Здешние грызуны так же разумны и полноправны, как и все остальные жители этого мира. — Да пошмей я шклевать хоть кушочек мыши, ее шородичи шражу явятша шуда и вждернут меня. И я доштанущь ящеркам да жмеенышам. Пошлушай, — произнес он мягче, — к этому волшебнику очень нелегко притеретьша. То и дело требуетша шмажка.

— То-то я гляжу, ты уже вмазал, — гадливо произнес Джон-Том. — Смотри, не ровен час, мозги через задницу выскользнут.

— Чепуха! Я полноштью владею шобой. — Сорбл повернулся, проковылял к верстаку, склонился и с минуту изучал его поверхность глазами, способными разглядеть муравья за сотню ярдов. Впрочем, сейчас эти гигантские зрачки трудились отнюдь не на пределе своих возможностей.

Укоризненно покачав головой, Джон-Том вернулся в спальню чародея.

— Ну-с? — со значением произнес Клотагорб. — Каково впечатление от нового подмастерья?

— Кажется, я понимаю, к чему вы клоните. Я не заметил у Сорбла ни одного из упомянутых вами качеств. И готов дать голову на отсечение, что он под градусом.

— В самом деле? — сухо спросил Клотагорб. — До чего же ты наблюдателен, мой мальчик! Мы еще сделаем из тебя настоящего чароневца. Да будет тебе известно, Сорбл почти не просыхает. Везет же мне на многообещающих учеников, на потенциально толковых помощников. К несчастью, Сорбл при всех его достоинствах, еще и бражник. Доводилось ли тебе слышать о том, что я приказал ему ездить в город за припасами в наемной повозке, ибо всякий раз, когда он пробует лететь, это кончается ударом головой о дерево, и крестьяне привозят его обратно на телеге? В состоянии ли ты вообразить, как это раздражает величайшего из магов мира?

— В состоянии. Но почему вы его не излечите? По мне, так нет ничего проще и действеннее антиалкогольных заклинаний.

— Замкнутый круг, мой мальчик. Будь я покрепче, так бы и поступил, но сейчас никак не сосредоточиться. Когда тебе переваливает за двести, мозги чуток утрачивают гибкость. Я пытался — не далее как на прошлой неделе. Но эти метилы, этилы и чудилы нелегко заклясть, даже если ты в прекрасной форме. Видимо, по причине недомогания я приставил «ил» не к тому словечку. Обезвредил пойло Сорбла, но в результате беднягу так скрутило, что он едва не помер. Мне удалось его вылечить, только напоив в стельку. Так вот, дружок, чтобы вернуть себе прежнюю силу и сноровку, я должен принять лекарство, о котором говорил тебе. Иначе я буду

вынужден испробовать хитроумное заклинание... Чего доброго, пропущу необходимую формулу, и в моей пентаграмме появится какой-нибудь опасный монстр. К тому же весьма и весьма сомнительно, что этот ушастый кретин, помогая мне, не перепутает порошки. Однажды он подсунул печеночник вместо латука, и в гости к нам пожаловал саблезубый кролик десятифутового роста. Пришлось наспех сочинить два уменьшающих заклинания, чтобы усмирить эту зверушку.

— Почему вы ее просто не выгнали?

— У меня нет необходимых ингредиентов, — терпеливо объяснил Клотагорб. — Иначе бы я воспользовался ими сейчас.

— Я поражен. Мне доводилось видеть, как вы делаете конфетки из дерьма.

— Медицина — штука куда более тонкая. Тут нужна абсолютная точность. Шоколад можно состряпать любой: молочный, горько-сладкий, белый, полусладкий — он все равно будет шоколадом. А во врачебной магии стоит лишь чуточку изменить заклинание, и получится смертельная отрава. Нет, дружок, мне нужно настоящее лекарство, и принести его должен ты. — Маг протянул дрожащую лапку. Джон-Том приблизился и опустился на край мягкого ложа.

— Понимаю, я поступил дурно, проникнув в запределье и перетащив тебя в этот неуютный мир. Но слишком уж велика была нужда. И в конце концов ты доказал мою правоту, хотя едва ли можно было на это рассчитывать. — Волшебник снова поправил очки. — Вопреки всем ожиданиям ты показал себя с наилучшей стороны.

— В основном благодаря случайностям. — Джон-Том осознал, что колдун пытается лестью сломить его упорство. Вместе с тем он ощутил, что весьма падок на лесть.

— Впредь нужды в случайностях не возникнет, если ты как следует займешься своей новой профессией. Учись хорошенько, нарабатывай навыки и внимай моим советам. И тогда в этом мире ты добьешься успеха. Не знаю, кем ты был в собственной стране, но здесь у тебя есть возможность стать мастером. Если только сумеешь подобрать упряжь для своего могущества и таланта.

— Разумеется, под вашим чутким руководством.

— Почему бы не начать учение с высших достижений? — с обычной своей нескромностью поинтересовался Клотагорб. — Чтобы тебя натаскать, мне понадобится немало лет. Нельзя за день, за неделю и даже за год постичь таинственное искусство чаропевцев. Но если ты не избавишь меня от треклятой хворобы, я уже ничем не смогу тебе помочь. Мне нужна лишь малая толика снадобья, она легко поместится в кармане этих штанов крикливой расцветки или абсурдной фиолетовой рубашки, пошитой фатоватым портняжкой Карлемотом.

— Она не фиолетовая, а цвета индиго, — пробормотал Джон-

Том, глядя на пояс штанов, за который была заткнута рубашка. Его переливчато-зеленый плащ из шкуры ящерицы висел на стене. — Как я вижу, элегантная одежда у тебя не в чести.

— Ступай хоть нагишом, только вернись с лекарством.

— Ладно, ладно. Разве вы еще недостаточно разбередили во мне чувство вины?

— Искренне надеюсь, что достаточно, — прошептал маг.

— Ума не приложу, почему я не могу послать вас к черту...

— Потому что тебе довелось родиться честным, а честность — тяжкое бремя в любом мире. Ты способен отличить добро от зла, и в этом — причина всех твоих страданий...

— Какие там страдания! Если б я мог отличить добро от зла, давно дал бы деру из этого дуба. Да бог с вами. Вы меня сюда затащили, вы и поможете выбраться, хотя при этом используете в своих интересах. Не то чтоб я был в особой претензии — ведь вы каждого используете в своих целях...

— Мы спасли мир, — с притворной застенчивостью заметил Клотагорб. — Чем была плоха эта цель?

— Вы правы и насчет того, что я обречен торчать тут, пока вы не сочините заклинание для отправки домой. Похоже, у меня нет выбора — придется тащиться за лекарством. Кстати, нельзя ли его попросить у линчбенийского аптекаря?

— Боюсь, что нет.

— До чего ж я догадлив!

— Цыц! Юношам сарказм противопоказан, он вредно влияет на печень. — Клотагорб медленно поднялся и повернулся к столу, в сложенном виде заменявшему прикроватную тумбочку. На клочке бумаги он нацарапал гусиным пером несколько слов. Через пару секунд он выругался, вставил в перо заполненный стержень, дописал, скатал бумажку в плотный рулончик и вложил в металлическую трубку на цепочке.

— Рецепт, — произнес он благоговейно. — Та, кому ты его отдашь, все поймет.

Джон-Том кивнул и повесил трубку на шею. Металл прохладно щекотал грудь.

— Это все, что тебе необходимо знать.

— За одним пустяковым исключением. Как мне разыскать эту знахарку, или провизоршу, или кто она там?

— Найди лавку. Этого будет достаточно. — Успокаивающий тон Клотагорба мгновенно заставил Джон-Тома насторожиться. — Магазин «То, не знаю что». Он в городе Кранкуларне.

— Как я понимаю, не стоит надеяться, что до этого Кранкуларна от Линчбени рукой подать?

— Все зависит от длины руки. Но я бы сказал, что для большинства смертных это непосильная задача. Кранкуларн довольно далеко к юго-западу от Колоколесья.

Джон-Том состроил недовольную мину. Он пробыл в этом

мире достаточно долго и получил кое-какие представления о его географии.

— К юго-западу отсюда нет никаких городов. Колоколесье тянется до реки Вертихвостки, та впадает в Глиттергейст... Он помедлил. — Кранкуларн — это что, деревушка на берегу Глиттергейста?

Клотагорб смотрел в другую сторону.

— Ну, не совсем так, мой мальчик. Вообще-то Кранкуларн лежит на том берегу.

— На том берегу реки?

— Не-е-е-ет. На том берегу океана.

Джон-Том всплеснул руками.

— Надеюсь, это последний сюрприз?

— На самом деле, мой мальчик, всего лишь первый. Их будет еще немало на пути к Кранкуларну. А добраться до него надо непременно, иначе, — с пафосом заявил волшебник, — мое сердце, переполненное болью, не выдержит, и вместе с ним лопнет твоя надежда на возвращение в свой мир...

— Но ведь я даже не знаю, насколько широк этот Глиттергейст!

— Не так уж и широк, не больше любого другого океана. — Клотагорб старался сохранить успокаивающий тон. — Можно переплыть за несколько недель. От тебя требуется сущий пустяк: сесть на корабль — их немало курсирует между устьем Вертихвостки и далеким Снаркеном...

— Я слыхал о Снаркене. Он велик?

— Весьма величавый город. Во всяком случае, так я слышал, а самому не посчастливилось там побывать. Тебе он покажется восхитительным. Красивее, чем Поластринду.

— И опаснее?

— Путешествие не стоит выеденного яйца, если оно не опасно. Но ведь мы с тобой романтики, верно? Впрочем, излишние тревоги ни к чему. Ты — всего лишь турист, ищущий отдыха, свежих впечатлений и открытий.

— Как же, как же. Насколько я успел изучить этот мир, с туристами он не очень-то деликатен.

— Это не должно беспокоить столь искусного чаропевца. — Речь колдуна снова была прервана треском в кладовке, за которым последовало несколько обрывков разудалой песни. — Ты уже не новичок в нашей профессии, к тому же у тебя будет надежный спутник — посох из таранного дерева. Считай это отпуском, мой мальчик. Каникулами.

— Интересно, почему мне все время кажется, будто вы что-то недоговариваете?

— Потому что ты пессимист, дружок. Но я это не в упрек. Пессимизм — весьма полезное качество для того, кто избрал карьеру мага. Успокойся, на этот раз я не посылаю тебя на поиски непри-

ятностей. Тебе не придется сражаться с могущественными восточными завоевателями. Я прошу всего лишь съездить за щепоткой порошка, за лекарством для старой черепахи. Никаких войн. Да, путь неблизкий, но нет оснований считать, что он будет еще и трудным. Ты выйдешь отсюда, пойдешь на юг к Вертихвостке, спустишься по течению на лодке. В устье пересядешь на торговое судно и со всеми удобствами доплывешь до Снаркена. А оттуда сушей доберешься до Кранкуларна. Мне это представляется недолгой увеселительной поездкой.

— Представляется? Вы хотите сказать, что не знаете, далеко ли от Снаркена до Кранкуларна?

— Не очень далеко.

— Клотагорб, для существа, привыкшего к точным формулам и заклинаниям, вы временами бываете непростительно расплывчатым.

— А ты — непростительно болтливым, — огрызнулся волшебник.

— Извините. Сказывается юридическое прошлое. «Не обходись одним словом там, где можно употребить пять». Наверное, я все-таки рожден адвокатом, а не басовиком-металлистом.

— Ну, этого ты не выяснишь, пока не вернешься в собственный мир, чему не бывать, если...

— Знаю, знаю, — устало вздохнул Джон-Том. — Если я не съезжу в Кранкуларн и не вернусь к вам с лекарством. Ладно, похоже, мне не отвертеться.

— Куда отраднее было бы видеть, что ты отправляешься в путь добровольно, с горением в очах, со стремлением помочь тому, кто желает тебе только добра.

— Даже будь у меня такое стремление, вы бы все равно постарались лишить меня выбора. Скажете, нет?

— Да, — задумчиво ответил Клотагорб. — Надо полагать, постарался бы.

Глава 2

В день своего ухода Джон-Том пребывал не в лучшем расположении духа. И вовсе не от того, уныло признался он себе, что ему тягостно покидать эти края. В этом мире у него не было дома, как, впрочем, и намерений профессионально заняться чаропением.

Во-первых, это привело бы к открытому соперничеству с Клотагорбом. Да, такая идея едва ли пришлась бы старику по вкусу, хоть он и неплохо относился к Джон-Тому. Во-вторых, Джон-Том еще не настолько хорошо овладел своими удивительными способностями, чтобы они приносили ему верный кусок хлеба. И не надеялся овладеть в обозримом будущем, предпочитая хранить

чаропевческий талант на крайний случай и больше полагаясь на посох и мозги, не раз выручавшие его из переделок.

И вообще, дуара доставляла куда больше удовольствия, когда он играл забавы ради, совсем как дома на своей старенькой, видавшей виды гитаре. Сейчас, по пути в город, он наигрывал просто так, чтобы облегчить душу. Исполнил кое-что из совершенно немагического Нейла Даймонда и с грустью удержался от соблазна поподражать бесподобному виртуозу струн Теду Наджентy. В выборе репертуара требовалась осторожность. Даймонд был вполне безобиден, а попробуй Джон-Том сбацать что-нибудь из Наджента, к примеру «Кошачью лихорадку» или «Кричащую мечту», — и кто знает, чем это кончится.

Хорошо хоть погода баловала путника. Стояла ранняя весна, в Колоколесье, названном так за листья в форме колокольчиков, позвякивающие от малейшего дуновения ветерка, витали ароматы свежих и увядающих цветов. Всюду порхали стеклянные бабочки, их полупрозрачные крылышки отбрасывали на траву разноцветные блики. Мятные пчелы самой что ни на есть психоделической раскраски хлопотали среди цветов.

Одна из них облюбовала Джон-Томову рубашку цвета индиго — приняла ее, видимо, за гигантский ходячий цветок. Ее брюшко было раскрашено не обычными желто-черными полосками, а розово-лимонно-оранжево-шоколадно-бирюзовыми. Долго и задумчиво разглядывали друг друга человек и насекомое. В конце концов, утратив надежду поживиться пыльцой или нектаром, пчела с гулом улетела искать растение попитательней.

С того ненастного дня, когда Джон-Том, совершенно незнакомый с этим миром, посетил Линчбени в компании выдра Маджа, город ничуть не изменился. Именно Маджа и разыскивал он сейчас, ибо, несмотря на сугубую конфиденциальность поручения Клотагорба, плыть через Глиттергейст в одиночку он не собирался. Слишком уж изобиловало это измерение традициями и обычаями, о которых юноша до сих пор не имел ни малейшего представления. Познания же Маджа относились к категории практических, житейских, ибо для выдр не бывает ничего драгоценнее собственной шкуры. Выдра — это ходячая мохнатая тревога, она готова к прыжку в сторону или к иному защитному маневру при малейшем намеке на опасность. Джон-Том решил воспользоваться Маджем, как во времена Первой мировой союзники пользовались голубями для обнаружения отравляющих газов.

Мадж едва бы счел эту аналогию лестной, но его мнение Джон-Тома не интересовало. Несмотря на сомнительность его нравственных принципов и весьма расплывчатые представления о лояльности, выдр здорово помог ему в прошлом и мог пригодиться вновь.

Однако удача не спешила присоединиться к Джон-Тому. В тавернах, куда обычно наведывался Мадж, его и след простыл.

Понапрасну обошел юноша все игорные дома и прочие излюбленные притоны выдра. Только на другом конце города, в довольно приличном меблированном доме, где вонь из парадного была не столь убийственной, поиски дали результат.

Консьержкой там была толстая угрюмая коала. Из ее пасти свисала резная трубка. Коала ожесточенно скребла пол у порога.

— Хей, видала я его, — ответила она Джон-Тому. Когда-то ей обкорнали правое ухо. Вероятно, постоялец, с которым она вступила в пререкания, пустил в ход зубы. — Ты пойми, человече, мне не меньше твоего охота прознать, куда он запропастился. Удрал, шельма, задолжав мне за полнедели. Оно конечно, надували меня и покруче, но ты встань на мое место: ишачишь тут, лап не покладая, каждый серебряк бережешь...

— Всего за полнедели? — Чтобы не смотреть на коалу сверху вниз, Джон-Том опустился на корточки. — А ведь вам известно, где он. Просто вы вешаете мне на уши лапшу, которой он вам отсыпал на тот случай, если его будут искать. Сдается мне, задолжать он мог кому угодно, только не вам.

Коала наморщила черный нос, вытерла лапы о передник, затем осклабилась.

— А ты не дурак, человече, хотя речи и повадки у тебя маленько странные.

— Вообще-то я не отсюда, — признался юноша. — Мой дом довольно далеко от Линчбени. Так что я не кредитор, и не налоговый инспектор, и не судебный исполнитель. Мадж — мой друг.

— Вона как? Может, бывший друг? — Коала встала, утопив в ведре жесткую щетку. Она едва доставала Джон-Тому до пояса, и в этом не было ничего необычного. В мире, где существа пяти с половиной футов ростом считались верзилами, Джон-Том выглядел Голиафом.

— Хей, так ты и впрямь его друг? Ну, так ты, стало быть, уникум. Я и ведать не ведала, что окромя собутыльников и врагов у выдр бывают приятели.

— Это не важно. Я его друг, и мне с ним надо встретиться.

— Это еще зачем?

— Я отправляюсь в поход, чтобы оказать услугу великому волшебнику Клотагорбу.

— А, этому старому прохвосту...

— Он не прохвост. Разве вы ничего не слышали о битве у Врат Джо-Трума?

— Угу, слыхала, слыхала. — Она подняла ведро. Внутри бултыхнулась щетка. — А еще я слыхала, что нельзя верить всему, об чем пишут в газетах. Значится, в поход ради него отправляешься? В опасный небось? Можно и голову сложить, верно?

— Не исключено.

— Хей, ну, а ежели я тебе скажу, где выдр, ты его заберешь с собой?

— Конечно. Обязательно. За тем-то он мне и нужен.

— Так и быть. Скажу. Я тебе, человече, не соврала, он мне и вправду задолжал. Просто не хотела говорить, да и не только тебе, — боялась, другие раньше меня до него доберутся. Но лучше, ежели так. Куда лучше. Ради такого платы за несколько дней не жалко.

— Насчет платы можно договориться. — Джон-Том тряхнул кошельком с золотом, предназначенным для переправы через Глиттергейст.

Консьержка отмахнулась.

— Да ладно тебе, человече. Ты уж постарайся утащить его с собою в опасный поход. Мне куда приятней будет воображать, как в далекой чужой стране он жарится на вертеле каннибалов. За несколько монет такое удовольствие не купишь.

— Как пожелаете, мадам. — Джон-Том убрал кошелек.

— И еще дай слово, что когда-нибудь непременно заглянешь ко мне и поведаешь обо всем с самыми кровавыми подробностями. За это я сама тебе приплачу.

— Смею заверить, для меня это будет делом первостепенной важности, — сухо пообещал Джон-Том. — Итак, где же мне найти друга?

— Не тут. Севернее.

— Во Флиртограде?

— Не-не, дальше к западу. В Тимовом Хохоте.

— В Тимовом Хохоте, — повторил Джон-Том. — Благодарствую. А вы не в курсе, чем он там занимается?

Консьержка исторгла резкий, отрывистый лай — смех коалы.

— Тем же, чем всегда занимается этот выдр, куда бы он ни наведался: воровством, мошенничеством, развратом и пьянством. Бьюсь об заклад, ты его без труда сыщешь, коли не забудешь, о чем я сказала.

— Не забуду. Ни разу не бывал к северу от Линчбени. Расскажите, каково там живется, в этом Тимовом Хохоте.

Коала пожала плечами.

— Как тута, как во Флиртачии. Как в любом городишке Кололесья. Скучно, тесно, первобытно, но не так уж и худо, ежели ты не лентяй и умеешь постоять за себя.

— Премного благодарен, мадам. Вы уверены, что я вам ничего не должен за столь любезно предоставленные сведения?

— Ступай и не сори деньгами, — напутствовала его коала. — Жду не дождусь, когда ты воротишься и порадуешь меня вестью о долгой и мучительной смерти выдра.

— Не стоит так уж сильно на это надеяться, — предупредил Джон-Том. — Мадж из тех, кто всегда выходит сухим из воды.

— Знаю, знаю. Когда он навострил отсюда лыжи, я и ухом не повела. Ладно, по возвращении заплатишь его должок, если Мадж не окочурится в походе.

— Этим я не ограничусь, мадам. Самого заставлю заплатить.

— Годится. Ну, счастливого пути, человече.

— И вам всего хорошего, мадам.

Преодолевать пешком все расстояние до Тимова Хохота в намерения Джон-Тома не входило, тем паче что Клотагорб подкинул ему деньжат на транспорт. Через Линчбени регулярно проезжал местный эквивалент почтовой кареты, и Джон-Том приобрел билет на этот экипаж, весьма напоминающий гроб на колесах. В движение его приводили четыре красивых коня, а с пассажирами обращались двое трехфутовых бурундуков в грязных ливреях. Суетливо громоздя чемоданы, тюки и ящики на задок дилижанса, они бранились, как портовые грузчики.

Приняв их за старших в артели, Джон-Том ошибся. Когда он проходил мимо четверки, одна из лошадей скосила на него глаз.

— Эй, парень, давай-ка пошевеливайся. Нешто нам весь день тут куковать?

— Виноват, но продавец билетов сказал, что вы простоите еще пятнадцать минут.

— Маразматик, чтоб его! — фыркнула кобыла. — Вот уж не знаю, до чего докатится этот мир, ежели и впредь мы будем полагаться на обслугу.

— Кому ты это говоришь? — вздохнул стоящий в паре с нею жеребец. — Эх, угораздило же нас родиться с копытами вместо рук! Вот и приходится нанимать в посредники неповоротливых недоумков.

— Твоя правда, Эльвар, — сказал конь, томившийся позади него.

Сетования затянулись до самого отъезда дилижанса.

— Все расселись? — осведомилась кобыла из второй пары. — Ну, коли так, держитесь за скамейки.

Бурундуки вскочили на задок экипажа, вознамерясь отдышаться и почиститься. Кучера при карете не было — кони сами отлично знали дорогу. Грызуны ведали только погрузкой и разгрузкой и были на побегушках у четверки — ведь она, как ни крути, выполняла основную работу.

Все бы ничего, решили вскоре Джон-Том и прочие пассажиры, не будь у коней ужасной привычки распевать на скаку. Обладая сильными и ясными голосами, они пели совершенно не в лад, и седокам всю дорогу до Тимова Хохота пришлось испытывать невыразимые муки, внимая бесконечному пронзительному ржанию. Когда один из страдальцев в конце концов нашел в себе отвагу пожаловаться, ему бестактно предложили сойти и топать дальше на своих двоих.

Две задержки в пути графиком не предусматривались. Нагуляв аппетит, артель остановилась пощипать сочной травки на роскошном лугу, а в другой раз кобылы затеяли ожесточенный спор насчет того, кто из них кичится франтовскими щетками волос за копытами.

К Тимову Хохоту подъехали уже в сумерках.

— Эй, вы там, сзади! — проржал передний жеребец. — А ну, шевелись! Нас стойла заждались. Знаю, у вас всего по две ноги, но ведь это не оправдание для бездельников.

— Да как вы смеете?! — возмутилась пассажирка, лисица-модница. Изящество ее хвоста подчеркивали вплетенные в него золотые цепочки, а поля дорогой элегантной шляпки, обломанные в тряске, жалко свисали. — Еще ни разу в жизни я не подвергалась столь хамскому обращению! Не сомневайтесь, при первой же возможности я поговорю с вашим начальником.

— А я и есть начальник, сестренка. — Жеребец хохотнул. — Желаешь наябедничать — валяй выкладывай мне прямо в глаза. — Он окинул ее взглядом. — Что до меня, так я думаю, ты слишком многого хочешь. Скажи спасибо, что мы не требуем от тебя дополнительной пошлины с веса.

— Ах так! — Рыжий хвост хлестнул коня по храпу, и лисица поспешила прочь — за багажом.

Только вмешательство подруги удержало коня от попытки выдрать клок меха у рыжей обидчицы.

— Дрел! Придержи норов! — Она закинула голову на его холку. — Нельзя кусать оплаченный груз, это вредит сношениям с широкой общественностью.

— Держу пари, что все ее сношения — с широкой общественностью. — Конь фыркнул, остервенело роя копытом землю. — Какого черта эти полосатые крысы тянут кота за хвост? Я загибаюсь без скребницы и сладкой люцерны!

— Знаю, дорогой, знаю, — успокаивающе сказала кобыла, водя щекой по его гриве, — но ты обязан держать себя в рамках приличий, хотя бы из профессиональных соображений.

— Сам понимаю, — донеслось до Джон-Тома, когда он уходил к зданию станции. — Только временами нет-нет да и подумаешь, а не лучше ли нам купить маленькую ферму где-нибудь в провинции да нанять мышей и одного-двух человечков для черной работы.

Кроме Джон-Тома, в станционное здание не заглянул ни один пассажир. Лиса и остальные уже разошлись, только он не знал, куда теперь идти.

— Чем могу помочь? — поинтересовался за низкой конторкой пожилой куница. Длинное туловище и узкая талия хищника живо напомнили Джон-Тому о Мадже. Однако этот был стройнее и носил темные шорты, белую безрукавку, козырек на тесемке и бифокальные очки, тогда как выдр предпочитал шляпы веселой расцветки, яркий жилет и панталоны.

— Я в этом городе чужой.

— Сдается мне, вы везде чужой, — угодил в точку куница.

Джон-Том пропустил эту реплику мимо ушей.

— Скажите, может ли гость вашего славного городка найти где-нибудь кров, стол и немного безобидных развлечений?

— Что касается меня, — последовал чопорный ответ, — то я — человек семейный. Можете попытать счастья в «Золотой Печати». Там поют фольклорные песни многих рас, а иногда играет струнное трио из Колансора.

— Вы недопоняли. — Джон-Том заговорщицки ухмыльнулся. — Я жажду не приобщения к культуре, а веселого времяпрепровождения.

— Все я понял, — вздохнул дежурный. — Ладно. Ступайте по главной улице до Изначально Белого переулка, по нему — до самого конца, там будут две боковые улочки, обе ведут в тупики. Подойдите поближе к северному тупику. Если запаха и шума не хватит, чтобы найти вход, ищите как раз над керосиновым фонарем маленькую вывеску с резным изображением афганки.

— Собаки? Или шерстяной шали?

Хищник облизал губы.

— Называется это заведение «Элегантная шлюха». Уж там-то вы наверняка найдете любые развлечения на свой вкус. Впрочем, не знаю. Я человек семейный.

— Разумеется, — без тени насмешки в голосе произнес Джон-Том. — Спасибо.

Бредя в одиночестве по слабо освещенной главной улице, он жалел, что рядом нет Талеи. Талеи, с ее огненно-рыжими волосами и невероятной выносливостью. Талеи, с ее безрассудной отвагой и вспыльчивостью. Любит ли он ее? Твердо сказать «да» он бы уже не смог, однако полагал, что любит и что она любит его. Увы, она слишком ветрена, и ей ничуть не улыбается удел супруги чаропевца-скитальца, которому вдобавок еще далеко до совершенства в его ремесле.

Довольно скоро после битвы у Врат Джо-Трума она с печалью предложила, чтобы каждый из них ступал своей дорогой. Ей требовалось время на обдумывание серьезных вопросов, и ему она посоветовала заняться тем же самым. Расставание далось Джон-Тому тяжко, и с тех пор он корил себя, что не удержал Талею. Хотя, возможно, она просто-напросто была слишком своенравна и не годилась в жены никому.

И все же он цеплялся за надежду. Кто знает, вдруг в один прекрасный день ей наскучат скитания и она вернется. Оставалось только ждать.

Что же касается Флор Кинтеры — из группы скандирования, которую он по неосторожности затащил в этот мир, то она стала причиной великого разочарования. Вместо того чтобы втюриться в него по уши, она в конце концов со всею страстью предалась карьере солдата удачи, наемника-меченосца, и сбежала с долговязым кроликом Казом, обладателем голоса Рональда Колмана и аристократических манер. Флор осталась мечтой, способной воз-

вращать Джон-Тома к реальности, причем возвращать очень быстро.

Хорошо хоть, этот мир вполне годился для скитаний в поисках мечты. Впрочем, на сей раз Джон-Тому предстояли странствия в поисках лекарства. Размышляя об этом, он свернул в узенький переулок.

Там, как и предрекала куница, он услыхал пение и хриплый хохот. Но вместо маленького жалкого керосинового фонаря у входа светился большой, респектабельный, из чистого шлифованного хрусталя.

Над дверью покачивалась вывеска с изображением расфуфыренной гончей — сплошь завитки шерсти, перья и драгоценные камни. Распутно задрав попку, псина оглядывалась через мохнатое плечо с таким видом, будто спрашивала: «Дружок, перепихнуться не желаешь?»

Под вывеской имело место крылечко. Зайдя под козырек, Джон-Том дважды постучал в дверь, покрытую толстым слоем масляной краски. Ему открыла трехфутовая мышь в накрахмаленном костюме.

На Джон-Тома обрушился звуковой сель, а мыш-швейцар ощупал его взглядом с ног до головы.

— Заходи и развлекайся, сударь, — сказал он наконец, освобождая путь.

Кивнув, Джон-Том вошел. Мыш закрыл за ним дверь.

Посетитель очутился в гостиной с превосходной мебелью и буйной компанией представителей нескольких десятков зоологических видóв. Они чего только не вытворяли, демонстрируя полное безразличие к видовой принадлежности тех, с кем им приходилось совокупляться. Среди них Джон-Том заметил нескольких человек — мужчин и женщин, безмятежно развлекавшихся со своими мохнатыми братьями по разуму.

Джон-Том полюбовался их возней, послушал сладострастные речи, обратил внимание на движения рук и ног и заподозрил, что попал вовсе не в бар. Предназначение этого места не вызывало сомнений. Он пребывал в замешательстве — хотя с чего бы? Где, как не здесь, следует искать Маджа?

И все же ему не хотелось попасть впросак. Первое впечатление чаще всего бывает обманчиво.

— Прошу прощения, но ведь это дом терпимости, не правда ли?

Мыш-швейцар обладал на удивление густым голосом, настоящим басом, громыхающим из серого тельца.

— У нас тут всякие, кто только на свете водится, — меланхолично пробормотал он. — Всякие. А что ты ожидал увидеть, красавчик? Библиотеку?

— Вообще-то нет. Книг тут днем с огнем не сыщешь, по-моему.

Мыш-швейцар оскалил в улыбке острые зубы.

— Ошибаешься, книжки у нас тоже имеются. С картинками. Сколько хочешь картинок, сударь, если ты по этой части.

— Пожалуй, чуть позже. — Джон-Тома разбирало любопытство. Может, и впрямь попозже, когда он разыщет Маджа.

— Похоже, сударь, ты с дороги. Не угодно ли выпить-закусить?

— Благодарствую, я не голоден. Вообще-то я друга ищу.

— А в «Элегантную шлюху» только за тем и ходят, чтобы друга найти.

— Вы не так поняли. Я не в этом смысле.

— А в каком, сударь? У нас по-всякому развлекаются.

— Я ищу товарища, помощника. — Джон-Том начал злиться: мысли мыша катились по одной-единственной колее.

— А, вот теперь понял. Так, значит, никаких развлечений? Между прочим, здесь не клуб фронтовых друзей.

— Ты отличный продавец. — Джон-Том решил улестить мыша-швейцара. — Может, позже. Я хочу сказать, ты самый маленький сводник из тех, кого мне доводилось видеть.

— Я не маленький и не сводник, — ответил мыш не без достоинства. — Если хочешь потолковать с мадам...

— В этом нет необходимости, — перебил Джон-Том, хотя его подмывало выяснить, как выглядит эта мадам, да и вообще, кто она такая. — Парнишка, которого я ищу, носит тирольку с пером и кожаный жилет, не расстается с длинным луком, и ко всему прочему он — выдр. Звать его Мадж.

Мыш-швейцар пригладил ус, почесал за ухом. Только сейчас Джон-Том заметил у него крошечные беруши. Что ж, разумно — у мышей очень тонкий слух, и при работе в гуще вечного праздника им без затычек не обойтись.

— Сударь, имя и приметы мне ничего не говорят, но на постое у нас нынче только один выдр, и искать его лучше всего на третьем этаже, в номере двадцать три.

— Благодарствую, сударь. — Джон-Том чуть ли не бегом пустился в направлении, указанном лапкой мыша-швейцара. Но сначала положил на нее серебряную монетку, и та исчезла с быстротой молнии.

— И тебе спасибо, сударь. Ежели я еще зачем-нибудь понадоблюсь, когда ты встретишь друга или кто он тебе, не откажи в любезности, дай мне знать. Меня зовут Потаскун, я тутошний мажордом.

— Может, попозже, — пообещал Джон-Том, взбегая по деревянной лестнице с резными перилами. Он не испытывал охоты посвящать мыша-швейцара в свои дела. И не то чтобы гостеприимство этого дома вызывало у него неприязнь (долгая разлука с Талеей изнуряла его тело не меньше, чем душу), однако не в борделе же предаваться утехам истомленной плоти! На вид тут чистенько и миленько, но где гарантия, что не подцепишь этакий

симпатичный штаммик СПИДа, причем необязательно человеческой разновидности? В этом мире напрочь отсутствовала современная медицина, а Джон-Том весьма сомневался, что добрый трипак можно вылечить одной-двумя песенками.

Посему, добравшись до второго этажа, он усмирил либидо и пустился на поиски нужной двери. Но вскоре его приостановило зрелище, напомнившее, что это реальный мир, а не наркотический улет в шизовый зоопарк.

Он миновал парочку каких-то божьих тварей, даже не удостоив их взглядом. Навстречу ему по коридору дефилировала исключительно пропорционально сложенная девица лет двадцати, может, чуть постарше, около пяти футов ростом, одетая в прозрачную комбинашку персикового цвета. Трубочка, что пыхала у нее в зубах, едва ли могла закоптить ореол горделивой, бьющей через край женственности.

— Ну, и на что ж это ты вытаращился, красавчик-смуглявчик?

До Джон-Тома постепенно дошло, что вопрос не совсем риторический, и он открыл рот, но ответ застрял между языком и зубами. Каким-то чудом юноше удалось протиснуться мимо девицы. Лишь воспоминание о Клотагорбе, помирающем у себя в Древе вместе с шансами Джон-Тома на возвращение, не позволило ему остановиться. И все же голова его крутилась, как корабельный прожектор, пока красотка не исчезла из виду, а он зашагал дальше с прелестной картинкой перед мысленным взором и четким, как от светящегося предмета, ореолом на сетчатке. Юноша даже слегка огорчился, добравшись до искомой двери. Стуча, он бросил последний тоскливый взгляд на опустевшую лестничную площадку.

— Мадж? — Он постучал еще раз и уже готов был снова позвать, но тут дверь распахнулась, да столь внезапно, что ему пришлось отпрянуть. В проеме стояла выдра в тонком кружевном пеньюаре.

Брови ее были завиты и подкрашены, усы — позолочены. Она сопела, но Джон-Том не придал этому особого значения. Выдры часто сопят.

Бросив на незваного гостя один-единственный взгляд, выдра проскочила мимо него и со всей прытью, на которую способны короткие лапки, припустила по коридору.

Джон-Том проводил ее глазами и уже хотел войти, но тут из номера выскочил второй комок меха, а за ним — третья, столь же очумелая выдра. Обе помчались к лестнице следом за своей товаркой.

Недоумевающе покачав головой, Джон-Том шагнул в сумрак номера.

От фитиля сиротливой свечки по комнате растекалось чахлое сияние. На узорчатых обоях отплясывали золотистые тени; кроме

них, не шевелилось ничто. Закрывая от пола до потолка две стены, поблескивали зеркала в резных рамах. На туалетном столике покоился изящный умывальный таз. Дверь в сортир была приотворена. У противоположной стены стояла кровать из кованого железа, украшенная литыми листьями и виноградными лозами. Передняя спинка слегка выгибалась наружу. На кровати высилась гора простыней и подушек — настоящее извержение превосходного постельного белья. Из всего этого Джон-Том сделал вывод, что двадцать третий номер здесь не самый дешевый.

Из груды шелков и бархата донесся приглушенный и все же узнаваемый голос:

— Лизетт, это ты, милашка? Простила меня и вернулась? Умница! Значит, поняла, что это была всего-навсего шутка, что я не имел в виду ничего плохого...

— Должно быть, впервые в жизни, — холодно перебил Джон-Том.

Наступила тишина. Затем кипа зашевелилась, и вынырнула голова. В полумраке блеснули черные глазки.

— Е-мое, глюк! Перебрал пузыристого!

— Не знаю, чего ты перебрал, — сказал Джон-Том, направляясь к кровати, — но я не глюк.

Тыльными сторонами лап Мадж протер глаза.

— Верно, кореш, ты не глюк. Слишком уж ты здоровенный, язви твою, для глюка. И все-таки за каким лешим тебя принесло?

— За тобой.

— Ну и выбрал же ты моментик! — Мадж исчез под простынями. — Где мое шмотье?

Джон-Том отвернулся, поискал в тени и обнаружил жилет, шляпу, штаны и сапоги. Лук-великан и колчан со стрелами лежали под кроватью. Юноша сбросил на матрас охапку выдровых пожитков.

— На.

— Спасибо, приятель. — Выдр принялся суетливо натягивать одежду. — Ей-ей, сама судьба тебя привела к бедному старому Маджу.

— Насчет судьбы не уверен. Но ты, похоже, в самом деле мне рад. Не стану врать, будто я на это рассчитывал.

— Как? — оскорбленно вскинулся Мадж. — Чтобы я, да не обрадовался старому другу? Да за кого ты меня держишь?

Не иначе, в лесу кто-то сдох, сказал себе Джон-Том. Чем еще объяснить, что на сей раз выдр решил обойтись без дотошных расспросов и привычного брюзжания?

Словно в ответ на его недоумение распахнулась дверь. В проеме, на фоне ярко освещенного коридора, стояла фигура, при виде которой курильщик опиума в ломке — и тот повременил бы с затяжкой.

Раскормленная до безобразия барсучиха щеголяла в алом

платье, отороченном кисейным кружевом. Наманикюренные пальцы были сплошь унизаны перстнями. Было трудно поверить, что массивные каменья на жирной шее — настоящие. Драгоценности отблесками озарили номер.

За спиной мадам толпились любознательные посетители. Подняв лапу, она властно указала на кровать и прорычала:

— Он здесь!

— Ах, мадам Лорша! — залебезил Мадж, торопливо нахлобучивая тирольку. — Я не в силах удержаться от комплимента по поводу великолепного сервиса в вашем заведении!

— Это будет самый последний комплимент в твоей жизни, паразит ты этакий! Сейчас мы сдерем с твоей задницы шкуру и постелем ее вместо коврика. — Она шагнула в комнату и щелкнула пальцами. — Торк!

Сгибаясь, чтобы не треснуться башкой о косяк, в номер вошел самый здоровенный теплоземелец из всех, кого доводилось встречать Джон-Тому. Юноша просто опешил, увидев существо выше себя ростом. Гризли вымахал по меньшей мере на семь с половиной футов. Он носил лосины из черной кожи и рубашку, а на руках — нечто походившее в сумраке на тяжелые боксерские перчатки. Очень скоро выяснилось, что это вовсе не перчатки.

Конечно, Джон-Том не мог знать, что именно произошло в номере «люкс» или за его стенами и отчего барсучиха — несомненно, владелица злачного местечка — глядит злыднем на его мохнатого приятеля, с необычайной поспешностью влезшего в сапоги. Но вид гигантского гризли с медными кастетами на лапищах ясно давал понять, что ближайшее будущее не сулит Маджу ничего хорошего.

— Мадам, я понимаю ваше беспокойство, — сказал Мадж, как бы между делом подтаскивая к себе лук и колчан, — но щас тут мой приятель, и все будет нормалек.

— Правда? — спросила барсучиха. Гризли скалил белоснежные зубы, почесывая кастетом широченную ладонь. Мадам Лорша окинула Джон-Тома цепким взглядом. — Это как понимать? Ты берешься оплатить его счет?

— Оплатить его счет? В каком смысле?

— Он трое суток безвылазно проторчал в этом номере. Лакал самые дорогие вина, развлекался с лучшими девочками, а теперь клянется, что за его ублюдочной душой нет даже паршивого серебряка!

Джон-Том оглянулся. Нисколько не смутившись, выдр пожал плечами.

— Чувак, по крайней мере, я был с ними честен. Так прямо и сказал, что я на мели. Но ведь теперь все в порядке, правда? Ты же заплатишь, да?

— Ты его друг? — спросила барсучиха.

— Вообще-то да. — Джон-Том вытащил Клотагорбов коше-

лек и потряс им. Мелодичный звон заметно успокоил барсучиху с медведем. Мадам даже улыбнулась.

— Вот это, сударь, мне куда больше по нраву. Вижу, вы человек благородный, хоть и не шибко разборчивый в знакомствах.

Мадж напустил на себя обиженный вид.

— Сколько он вам задолжал? — спросил Джон-Том.

Мадам не колебалась ни секунды:

— Двести пятьдесят, сударь. Плюс за изгаженное белье. Вы только поглядите, во что он его превратил!

— Я заплачу, — уверил Джон-Том и, грозно подняв посох, повернулся к Маджу. — Если вы на минутку оставите нас вдвоем, я постараюсь выколотить пыль из его шкуры.

Барсучья морда снова расползлась в улыбке.

— Сударь, ваше удовольствие — наше удовольствие. — Она снова щелкнула пальцами. Разочарованный гризли повернулся и с урчанием нырнул в дверной проем.

— Развлекайтесь, сударь. А коли вам от нас понадобится кислота или лучина, да все что угодно, — заведение немедленно предоставит. Почтем за честь, сударь.

За ней затворилась дверь. Как только человек и выдр остались наедине, Джон-Том принялся осматривать комнату. Он нашел только одно окно — слева от входа. Попытался открыть и сразу понял, что номер не пройдет.

— Ты чего, приятель? — спросил Мадж, приближаясь бодрой походкой. — В чем проблема-то? Расплатись со старой шлюхой, и айда отсюда.

— Все не так просто, Мадж. Это деньги Клотагорба, их нам должно хватить хотя бы до Снаркена. Да к тому же я соврал, что могу заплатить сполна. Двух с половиной сотен мне никак не наскрести.

Джон-Том приналег на оконную раму, а Мадж отступил на шаг.

— Погоди чуток, кореш. В каком смысле — до Снаркена? Это ж через весь Глиттергейст пилить. Скажешь, нет?

Джон-Том изучал оконную раму.

— Похоже, заперто снаружи. Хитро. Но наверняка можно выломать.

Мадж все пятился к кровати.

— Приятель, очень здорово, что ты зашел меня навестить, но боюсь, я тебе не попутчик. Кстати, ты говоришь, за всем этим стоит волшебник?

— Вот именно. Он занемог, и я должен принести ему лекарство.

— Чудненько. Передай старой черепахе мой привет и пожелание наискорейшего выздоровления. Что же касается старины Маджа, то его ожидает собственная оздоровительная прогулка. К тому же его легкие, значит, не в ладах с морским воздухом.

— Никуда ты без меня не пойдешь, — рявкнул Джон-Том. — Только попробуй шагнуть к двери, сразу мадам позову. Я помню, как она на тебя смотрела. Она с удовольствием отделит твою башку от всего прочего. Кстати, этот окорок, гризли, тоже не прочь с тобой позабавиться.

— Уж не думаешь ли ты, что я испугался мешка с салом, который общается посредством урчания? — спросил Мадж.

Джон-Том отвернулся от окна.

— Видно, мне и впрямь надо их позвать. Ты прав, Мадж, на тебе свет клином не сошелся. Я без труда найду себе другого спутника.

— Полегче, чувак! — подскочил к нему выдр. — Не бери в голову. Значица, в Снаркен?

— Может, и подальше.

— Но ведь дальше нету ни хрена!

— Отчего же? Недалеко от Снаркена, если идти в глубь материка, лежит городок. — Юноша пошарил между рамами и был вознагражден двойным щелчком. — Ага!

Он медленно поднял стекло. Где-то наверху, внутри здания, зазвенело что-то медное и ужасно громкое.

— А, зараза! На этой хреновине — сторожевое заклятие!

В коридоре раздался частый топот.

— Приятель, некогда горевать, а ворон считать и подавно. — Мадж перемахнул через подоконник и поехал вниз по водосточной трубе. Джон-Том спустился не столь быстро, завидуя ловкости выдра.

Когда они достигли мостовой, в оконном проеме появились искаженные яростью морды.

— Выдра! Ты от меня не уйдешь! — завопила мадам Лорша, потрясая кулаками. Джон-Том все ждал, что за его спиной раздадутся шаги гризли и на шее сомкнутся огромные лапищи.

— На краю света разыщу! Еще никто не убегал от мадам Лорши!

— Насчет края света она в самую точку угодила, — бормотал Джон-Том, шагая за выдром бесчисленными улочками и закоулками. Он не сомневался, что мадам отправила за ними погоню. — Туда-то нам и надо.

— Чувак, — укоризненно промолвил Мадж, — опять ты говоришь словечки вроде «мы» и «нам».

— Мадж, мне нужна твоя помощь.

На главной улице они сбавили шаг, чтобы затеряться среди горожан, идущих по своим делам. Тимов Хохот был не из маленьких городов — куда больше Линчбени. Вряд ли головорезам мадам Лорши легко будет их выследить. Вот только необычный рост...

Джон-Том ссутулился.

— Клотагорб тяжело болен, и мы с тобой обязаны разыскать для него снадобье. Мне, между прочим, не сильнее твоего хотелось уходить.

— Вряд ли сильнее, чувак, потому как я никуда уходить не собираюсь. Тока пойми меня правильно. Ты мне помог смотаться из этой дыры. Ей-богу, я полон благодарности, но не стану же я гробиться из-за такого пустяка! Нешто ты или старый словоблуд-отравитель мне дороже собственной шкуры?

Джон-Том и Мадж разделились, чтобы обойти влюбленную парочку, и воссоединились через секунду.

— Мне нужен толковый проводник.

— Тогда ты чуток не к тому подкатился, кореш. В Снаркене я ни разу не был.

— Я хотел сказать, мне нужен спутник, знающий этот мир. Пока я здесь живу, я многое узнал, но это ничто по сравнению с тем, чего еще не знаю. Мне необходим твой добрый совет и еще больше — твоя житейская мудрость.

— Ну, понятно! — важно пропыхтел Мадж. — Думаешь, ко мне подлизаться можно, да? Думаешь, я забыл, что в своем мире ты готовился в адвокаты? Да ты меня, кореш, за дурака держишь.

— Мне нужен попутчик, которому я верю, как самому себе, — настаивал Джон-Том. Судя по растерянности на мохнатой физиономии, такой уловки Мадж не ожидал.

— Шеф, так нечестно, и ты это знаешь.

— А еще, — выложил Джон-Том козырного туза, — за помощь тебе полагается кругленькая сумма.

Это пробудило интерес.

— Слушай, так что ж ты с этого не начал? А то пошел лепить, как хреново его старому твердолобому скупейшеству из-за подагры или что у него там и как ты вот-вот окочуришься без моих уникальных способностей... — Он дружески обнял Джон-Тома за талию, находившуюся вровень с его плечом. — Эх, шеф, тебе ж до хрена учиться.

Вокруг уютно сгущался вечерний туман, а выдр оживленно болтал, что, мол, не знает, как там в Запределье, а здесь всего красноречивее золото и за верность надо платить звонкой монетой, а не словами.

Джон-Том согласился, что их миры существенно разнятся; он и дальше поддакивал выдру, протестуя в душе. Впрочем, в этот час не имело значения, кто из них прав. Главное, Мадж согласился идти с ним.

Стараниями Маджа они в конце концов отыскали таверну в богатом квартале. Выдр уже слышал звон Клотагорбова золота, поэтому Джон-Том не осмелился скаредничать. Он ограничился скромным ужином, а выдр устроил себе роскошный банкет и слопал столько, сколько хватило бы вышибале мадам Лорши. За эту неделю, объяснил Мадж другу, он истратил уйму энергии и теперь хотел набраться сил для долгого похода.

Лишь проглотив последний кусок, выдр удовлетворенно откинулся на спинку стула.

— Так, говоришь, за Снаркеном есть «дальше»? А я отвечаю, что это все враки. Интересно, как это «дальше» описывает его колдовская милость?

— Ну, — промямлил Джон-Том, ковыряясь в десерте, — подробностей я от него не добился. Это просто город, а в городе аптека, а в аптеке лекарство.

— Ага, я помню, ты упоминал какой-то городишко. А название у него имеется?

Сочтя горько-сладкий ягодный десерт вполне съедобным, Джон-Том подчистил тарелку.

— Кранкуларн.

— ЧЕГО?! — Мадж резко выпрямил спину, будто аршин проглотил. Роняя из пасти недоеденное желе, он ошарашенно смотрел на человека, сидевшего напротив. Несколько посетителей с любопытством покосились на него, поняли, что драки не ожидается, и вернулись к еде. Мадж вытер липкие усы, набычился и заговорил вполголоса: — Этта, повтори, шеф, как эта дыра прозывается?

— Кранкуларн. Вижу, это название тебе знакомо.

— Знакомо, знакомо. Тут ты прав, язви тебя. Приятель, это гиблое место.

— А я уж было поверил, что за Снаркеном ничего нет.

— Считается, что нет, кореш, но, с другой стороны, кто может знать наверняка? Ходят слухи, будто этот Кранкуларн то и дело переползает с места на место, что твой клоп на стенке. И тот, кому повезет туда добраться, обратно уже не воротится. Это врата самой преисподней. И, уж конечно, ты туда не потащишься.

— Не только потащусь, но и кое-что приобрету и благополучно вернусь с покупкой. И ты мне в этом поможешь. Ты обещал.

— Черта с два, кореш. Потому как пока мы с тобой торговались, ты про Кранкуларн даже словом не обмолвился. — Он встал со стула и обнаружил, что в пах ему упирается Джон-Томов посох, незаметно просунутый под столом.

— Сядь! — велел человек.

Выдр осторожно уселся.

— Мадж, ты обещал. Ты согласился меня сопровождать. По сути дела, ты нанялся ко мне за предложенную плату. В тех краях, откуда я родом, устный контракт вступает в силу с момента оглашения условий обеими сторонами. А в нашем случае условия уже оглашены.

— А как же *Кранкуларн*, а, шеф? Слушай, а нельзя ли раздобыть эту микстуру где-нибудь в другом месте?

— Я сам пытал на этот счет волшебника, но он гнул свое. Лекарство продается только в Кранкуларне. — Джон-Том облокотился на стол и заговорил с оттенком злости в голосе: — Да неужто, по-твоему, мне охота тащиться на край чужого света ради пилюль для какого-то старого бздуна? Конечно, Клотагорб — симпатич-

ный старикан, но мне тоже жизнь дорога. Однако выбирать не приходится. Если он даст дуба, я застряну здесь навсегда, и тогда моя песенка спета. Твой мир — штуковина довольно занятная, но, черт побери, я д о м о й хочу! Я лишился Уэствуда в вечер спилберговской премьеры, я потерял книжные развалы на бульваре Голливуд, и пляж, и гастроном с пончиками, и уличные лотки с китайской едой, и...

— Успокойся, приятель, я верю. Ради бога, избавь меня от воспоминаний детства. Так, гришь, у нас договор, да? Что ж, по крайней мере, свои права ты защищать насобачился. — Выдр улыбнулся и похлопал по посоху.

Джон-Том покраснел. Он поступил в точности так, как на его месте поступил бы Мадж, и эта мысль оказалась не очень-то приятной.

— Так ты будешь соблюдать уговор?

— Ага, — с явной неохотой произнес Мадж. — Я дал слово, так что теперь связан по рукам и ногам. Эх, говорят, жизнь чем короче, тем счастливей. Уж лучше так загнуться, чем в своей постели. Хоть не в одиночку...

— Ну, помирать нам еще рановато. — Джон-Том хлебнул из кубка холодного сидра. — Мы доберемся до Кранкуларна, раздобудем старикашке лекарство и возвратимся. Пара пустяков.

— Твоя правда, кореш. Пара пустяков. — К нескрываемому отвращению хорошо одетых посетителей, сидевших за соседними столами, выдр насмешливо рыгнул. — Будь проклят тот день, когда тебя занесло на мирную полянку, где я так славно охотился! Дался же тебе старина Мадж! Нет бы прицепиться к какому-нибудь другому бедолаге.

— Тебе еще повезло. Если припомнить все твои неудачи, то неизвестно, кто из нас дал маху: ты, согласившись идти со мной, или я, пригласив тебя.

— Приятель, ты бередишь мои раны! — Мадж принял оскорбленный вид — это он умел в совершенстве.

— Удивительно, что после трех дней в борделе твои раны еще способны реагировать на такую ерунду. Дожевывай, и пошли искать ночлег. На сегодня с меня довольно.

Глава 3

Маджа удалось разбудить только с шестой попытки. После трех дней непрерывного распутства, увенчавшихся чудовищной обжираловкой, выдр не смог даже до ванной добраться самостоятельно. Панталоны он натянул шиворот-навыворот, правый сапог перепутал с левым. Джон-Том помог Маджу утвердиться на задних лапах, и они побрели по Тимову Хохоту в поисках транспорт-

ного средства. У торговца, изнывавшего от безделья, они взяли внаем приземистый фургон с престарелой ящерицей в качестве тягловой силы. И фургон, и ящерицу было обещано оставить в Ярровле, что в устье Вертихвостки. В Ярровле они рассчитывали без особых хлопот сесть на купеческое судно, идущее к Снаркену через Глиттергейст.

Им удалось выскользнуть из города, не попавшись на глаза мадам Лорше и ее душегубам, и вскоре они ехали на юг по узкому торговому тракту. Как только друзья оказались под сенью леса, Мадж заметно успокоился.

— Сдается мне, кореш, мы смылись от старой карги.

У Джон-Тома полезли кверху брови.

— Мы?

— Ну, а то кто же, шеф? Разве не нас ожидает увеселительная прогулочка и разве не нам придется рисковать своими шкурами ради какого-то старого полоумного колдуна? Вряд ли я погрешу против истины, если скажу, что это мы вывернулись из когтей толстожопой шлюхи.

— Все хорошее и все плохое пополам, так тебя понимать? — Джон-Том подергал вожжи, понукая древнюю ковыляющую рептилию. — Пожалуй, ты прав.

— Вот и чудненько, — лукаво ухмыльнулся Мадж. — Ну, так как насчет того, чтобы усладить меня блеском наших деньжат, а, кореш?

— Спасибо, но наши дорожные расходы я беру на себя. Кое в чем мне нужна твоя помощь, но только не в хранении казны.

— Ну, как скажешь. — Мадж привалился лопатками к жесткой спинке козлов, закинул лапы за голову и принялся разглядывать сквозь позвякивающие ветви утреннее солнце. — Ежели ты мне не доверяешь, то и черт с тобой.

— По крайней мере, если в пути мне придется дать дуба, я буду уверен, что наши деньги в целости и сохранности.

Они остановились перекусить под деревом с колокольными листьями величиною с квартовые кувшины. Мадж достал вяленое змеиное мясо и фруктовый сок. При виде сока его передернуло, но выдру хватило ума понять, что он намного превысил недельную норму спиртного и что нельзя постоянно увеличивать процент алкоголя в крови без существенного вреда для организма. Кривясь, Мадж наполнил кружку соком.

В лесу что-то блеснуло, и он резко повернул голову вправо. Но все было спокойно, листья-колокольчики мелодично названивали под утренним ветерком, летающие ящерки перепархивали с ветки на ветку, играя в салочки с психоделической пчелой.

И все же...

Мадж осторожно поставил стакан возле колеса фургона.

Серая ящерица сладко посапывала на солнцепеке, опустив массивную голову на передние лапы. Джон-Том лежал в тени.

Казалось, весь мир наслаждается покоем. Но это ощущение было обманчивым.

— Погоди-ка, приятель. — Мадж подскочил к задку фургона, но потянулся не за едой и питьем, а за оружием.

Однако арбалетная стрела, вонзившаяся в доску между его лапами, вынудила выдра медленно опустить их.

— Разумное решение, — послышалось из зарослей.

Джон-Том поспешил принять сидячее положение.

— Кто это сказал?

В следующее мгновение он обнаружил большую и разнообразную коллекцию пик и копий, направленных на него со всех сторон и принадлежащих столь же разнообразной и весьма неприятной на вид коллекции явных недоброжелателей.

— Это я облажался, — досадуя на себя, покаялся Мадж. — Услыхал, как они подползали, да слишком поздно.

— Это не столь уж существенно, — прозвучал все тот же голос. — Нас слишком много, и нам велено доставить вас живыми. Правда, насчет здоровья никто ничего не говорил.

В кольцо вооруженных теплоземельцев вошел коати, разве что самую малость уступающий ростом Джон-Тому. Чернота его природных полос контрастировала с коричневой боевой раскраской морды и хвоста. В пасти недоставало клыка, а уцелевшие длинные и острые зубы покрывал ядовито-желтый налет. Налет был и на кинжале, только не желтый.

Джон-Том лихорадочно соображал. Его дуара и посох из таранного дерева лежали там же, где и выдров лук — в фургоне, на койке. Вот бы добраться до них... И что тогда? Вожак этой шайки — а коати явно вожак — прав: численный перевес слишком велик.

— Ладно. Чего вам от нас надо? — осведомился Мадж. — Мы, ни в чем не повинные путники, не ахти какая пожива для грабителей.

Коати покрутил длинной мордой и уставился на них блестящими черными глазами.

— Ваше имущество меня совершенно не интересует. Мне приказано доставить вас к хозяину.

— Значица, Лорша нас все-таки сыскала, — тоскливо пробубнил Мадж. — Вот ведь жадюги, за клепаный серебряк удавят. Зря ты, кореш, со мной связался.

— Я тоже считаю, что зря и что три даровых дня в борделе — слабая причина для смертоубийства.

— Успокойтесь, — вмешался коати. — Никто нам не говорил про смертоубийство. Ведите себя прилично, и я вам отвечу тем же. — Он прищурился, глянув на Маджа. — О чем это ты лопотал, а? Что за Лорша такая?

Мадж расстался с воспоминаниями и повернул физиономию к коати.

— Разве ты не за тем сюда приперся, чтобы вернуть нас в Тимов Хохот, к мадам Лорше?

— Нет. Я из Гнилых Горшков.

— Из Гнилых Горшков? — недоуменно переспросил Джон-Том.

— Большой город, — сообщил ему Мадж. — Злачных местечек раз, два и обчелся, чего не скажешь о ханжах и целомудренных занудах.

— А нам он нравится, — возразил енот, приподнимая алебарду.

— Да ради бога, — уступил Мадж. — Так кому мы понадобились в ваших расчудесных Гнилых Горшках?

— Цанкресте, нашему господину, — ответил коати.

— Какому еще Цанкресте? — снова удивился Джон-Том. Вопрос, в свою очередь, заставил коати и его приспешников озадаченно переглянуться.

— Вы хотите сказать, что ни разу не слышали о Властелине Тьмы и Манипуляторе Тайных Искусств?

Джон-Том отрицательно покачал головой.

— Боюсь, что ни разу.

Коати обеспокоился.

— Может, мы ошиблись? Может, нас послали не за этой парочкой? Сайл, Ало, ну-ка, загляните в фургон.

Двое из шайки вскочили в кибитку и, не тая презрения к аккуратности, принялись ворошить поклажу. В считанные мгновения они обнаружили Джон-Томовы дуару и посох. Сайл с ликующим видом поднял трофеи над головой.

— Все верно, это чаропевец, — сказала мускусная крыса.

— Хорошенько присматривайте за инструментом, и тогда чаропевец не причинит нам вреда, — велел подручным главарь.

— Да я в любом случае не причиню вреда, — заметил Джон-Том. — Что с нами хочет сотворить этот ваш Цанкреста?

— Ничего хорошего, можешь мне поверить, — промолвил Мадж.

— О, значит, до одного из вас все-таки дошли слухи про нашего господина?

— Ага, только навряд ли эти слухи украшают его репутацию. — Мадж повернулся к Джон-Тому: — Этот парень, Цанкреста, главный колдун не только в Гнилых Горшках, но и ваще на севере Колоколесья. Значица, в любом городе, в любой деревне живет колдун, или ведун, или ведьма и твердит, будто по части магии он любому соседу даст сто очков вперед.

— Цанкреста — лучший, — заявил коати. — Он мастер.

— Я с тобой, шеф, насчет этого спорить не буду, — сказал Мадж. — Мне нет дела ни до колдунов, ни до ихних дрязг, ни до ихнего мастерства, я всем этим сыт по горло. Так что, братцы, коли вы пришли за чаропевцем, забирайте его, а меня не трогайте. Ведь я простой бедный странник на извилистом жизненном пути

и лезу из кожи вон, чтобы сводить концы с концами и не впутываться в мировые проблемы.

— Возможно, все обстоит именно так, — произнес, неодобрительно глядя на него, главарь, — но у меня инструкции. Я должен привести к хозяину чаропевца по имени Джон-Том и того, кто его сопровождает. У вас будет возможность высказать свои соображения господину. Не исключено, что он вас отпустит.

— А ежели не отпустит?

Коати пожал плечами.

— Меня это не касается.

— Легко тебе говорить, — понурился Мадж.

Человека и выдра тычками копий оттеснили к фургону, где им связали руки и усадили на задок. Двое приспешников главаря устроились на козлах и взяли вожжи.

Маленькая процессия двинулась к северу, забирая чуть западнее Тимова Хохота. Линчбени и река Вертихвостка лежали в противоположном направлении.

— Об этом Цанкресте, приятель, дурная слава ходит, — прошептал спутнику Мадж. — Я не в том смысле, что он шарлатан какой-нибудь. Ежели судить по тому, что я о нем слыхал, дело он знает, но бессовестен, как сам дьявол. С чарами мухлюет, заклинания передергивает, короче, с таким играть не садись. Что до меня, то я бы с ним, да и с прочей гнилогоршковой публикой, связываться не рискнул — без порток оставят. Да и ваще, с ними не повеселишься.

— После такого отзыва об их главном колдуне я понимаю почему.

— Во-во. — Мадж указал головой на кучеров. — Вишь, даже этим невдомек, на кой ляд мы сдались ихнему господину. Может, это нам на руку, а? Давай пораскинем мозгами, как бы распрощаться с этой милой компашкой головорезов, пока нас не явили пред светлы очи самого Цанкресты. Во мне растет занятное ощущение, что, ежели такое случится, не видать нам ни Глиттергейста, ни других спокойных вод.

— Не стоит его недооценивать. — Джон-Том покосился на коати, который шествовал во главе колонны, беседуя с двумя разбойниками. — Этот малый не похож на простого наемного душегуба.

— Белую косточку в шутовском наряде не утаишь, — заметил Мадж.

— Однако попытка — не пытка, — решил Джон-Том и повысил голос: — Эй, шеф!

— Умолкни! — цыкнула с козел мускусная крыса и показала короткий меч. — Не то сожрешь на завтрак собственный язык. Хочешь узнать, какова на вкус твоя болтовня?

— Я хочу поговорить с вашим командиром, только и всего.

Такая знаменитость, конечно, не пожалеет минутки-другой для своего пленника.

Видимо, уши коати не уступали чуткостью его носу. Он остановился и подождал кибитку.

— Чаропевец, я не питаю к тебе зла. О чем ты желаешь поговорить? Между прочим, меня зовут Ченельска.

— Скажи, ты случайно не догадываешься, зачем мы понадобились твоему господину? Почему столь великий и могущественный колдун тратит драгоценное время на какого-то ничтожного чаропевца?

Ченельска поразмыслил и перевел взгляд на Маджа.

— Ответь мне, крыса водяная, этот долговязый человек в самом деле так глуп или хочет меня разыграть?

— Нет, — произнес Мадж таким тоном, будто решил во что бы то ни стало убедить Ченельску в своей искренности. — Он и впрямь круглый болван.

— Вот спасибо, Мадж! Рад узнать, что ты обо мне самого лестного мнения.

— Неужели, — растерянно спросил Ченельска, — вы и в самом деле никогда не слыхали о соперничестве между нашим властелином и тем, кому служите?

— А кому я служу? Клотагорбу, что ли? Я ему не служу. Я не ученик, не подмастерье и вообще никто. У него другой служит. Мы с черепахой просто друзья.

— Вот именно. Такие близкие друзья, что стоило ему захворать и лишиться сил, и вы вместо него отправились в далекий и опасный поход, взялись переплыть через Глиттергейст и добыть редчайшее, бесценное лекарство.

— Вот черт! — гневно воскликнул Джон-Том. — Откуда ты знаешь?

Коати осклабился и тявкнул — это означало смешок.

— Похоже, у Клотагорба действительно есть другой слуга. Подмастерье, каких поискать. Толковый, обходительный, трудолюбивый, верный. Просто находка — если забыть о его пристрастии к глоточку-другому доброго пузогрея.

— Сорбл?! Этот пьяный лупоглазый придурок?

Скалясь, Ченельска кивнул.

— Как ты догадываешься, разговорить его оказалось несложно. Бедняжка нуждался только в сочувствии и понимании. Едва лишь слуги моего господина предоставили Сорблу и то, и другое, он восхитил их своим красноречием.

— С него станется, — печально заметил Джон-Том.

— В наших краях, — продолжал коати, — всегда было вопросом первостепенной важности, кто из колдунов самый могущественный. Клотагорб из Древа или мой властелин Цанкреста. Пока мир терялся в догадках, властелин жил спокойно. Но недавно он узнал, что за пределами ближайших окрестностей Гнилых Горш-

ков большинство населения склонно заблуждаться насчет Клотагорба. — Он подступил поближе к фургону и понизил голос, чтобы не подслушала шайка. — Спасение мира не всякому по плечу, этого нельзя отрицать. Когда пришла весть о победе над Броненосным народом при Вратах Джо-Трума и о роли, сыгранной вашим господином Клотагорбом, мой хозяин мало смог повлиять на великий сдвиг в общественном мнении, и с тех пор он пребывает в самом убийственном расположении духа.

— Как будто Клотагорб спас все теплые земли только в пику ему, — с отвращением вымолвил Джон-Том.

— Возможно, это и не так, но маги в подобных ситуациях бывают очень обидчивы. Цанкреста корпит над злыми чарами, готовит ядовитые сюрпризы, и горе тому, на чью голову падает его гнев. С того дня, как его обскакал Клотагорб, к нему лучше не подходи! Единственный способ вернуть самоуважение и избавиться от стыда — это совершить что-нибудь потрясающее, чтобы сравняться в популярности с магом-черепахой. Но как этого добиться, хозяин не представляет. Клотагорб не отвечает на его вызовы, не соглашается выйти на поединок.

— Клотагорбу, — вежливо объяснил Джон-Том, — недосуг играть в бирюльки.

— А я слышал, будто это из-за маразма.

Джон-Том промолчал. Спорить с Ченельской не стоило — еще разозлится.

— Короче говоря, мой властелин крайне огорчен, поскольку ему никак не доказать свою непревзойденность в искусстве магии. Не так давно до нас дошел слух, будто Клотагорб серьезно болен и собственное колдовство ему не помогает. Будто ему необходимо снадобье, которое можно раздобыть только за Снаркеном. Это известие привело моего господина в восторг.

— Когда выпутаемся из этой передряги, — прошептал Джон-Том Маджу, — я вздерну Сорбла за ноги, а под клювом поставлю откупоренную бутылку бренди.

— Кореш, я всей душой молю судьбу дать тебе такую возможность.

— Благодаря сведениям, любезно предоставленным учеником Клотагорба, мы сумели обнаружить и перехватить вас, — продолжал Ченельска.

— Ну, и какой же прием ожидает нас у вашего господина?

— Этого, человек, я не знаю. Сейчас он считает необходимым сорвать вашу миссию, предотвратить возвращение к черепахе с бесценным лекарством. Когда она вконец ослабеет, господин, быть может, сжалится и отправится в путешествие на юг, даст ей шанс нижайше просить его о пощаде.

— Тщетные надежды, — уверил Джон-Том собеседника. — Прежде чем взмолиться о пощаде, Клотагорб плюнет Цанкресте в рожу.

— В таком случае, надо полагать, он умрет, — бесстрастно произнес коати. — Но его судьба меня не интересует. Я всего лишь служу своему властелину.

— Да, ты хороший раб.

Коати подскочил к фургону и яростно хлопнул по борту.

— Я не раб!

— Раб — это тот, кто беспрекословно исполняет волю своего господина, не задумываясь о последствиях.

— Я знаю, какие будут последствия! — Ченельска сверкнул глазами, из которых напрочь исчезло дружелюбие. — Во всяком случае, в одном последствии я уверен. На моем здоровье это путешествие скажется куда меньше, чем на твоем, понял? Умником себя мнишь, человек? Хозяин меня предупредил насчет чаропевческих штучек-дрючек. Без инструмента никакой ты не волшебник, а сама по себе твоя глотка способна исторгать только безобидные песенки. И если ее перерезать, то и вовсе опасаться будет нечего. Что же касается этой водяной крысы, дружка твоего закадычного, то хозяин, может, захочет его отпустить. В таком случае я сам его подстерегу, чтобы воздать по заслугам. — С этими словами он прибавил шагу.

— Кажись, я начинаю жалеть, что ты не оставил меня у мадам Лорши, — сказал в тот вечер выдр.

— На попечении симпатяги Торка? — Джон-Том фыркнул. — Будто не знаешь, что, не окажись там меня, ты б сейчас носился по всему Тимову Хохоту.

— Лучше умереть после трех дней блаженства, чем валяться в грязной гнилогоршковой каталажке и оплакивать утраченную светскую жизнь.

— Мы живы, и это уже кое-что.

— Ты так думаешь? Да ты ваще мастак хвататься за соломинки.

— Однажды я видел, как человек развел костер, не имея под рукой ничего, кроме сухой травинки. Это было высоко в горах, и мы грелись всю ночь.

— Тока нынче здесь нет ни его, ни его костра.

— Ты слишком быстро сдаешься. — Джон-Том посмотрел вперед, на Ченельску, горделиво шествующего во главе своей шайки. — По прибытии я мог бы подать в суд за нарушение хабеас корпус, да вот только боюсь, на Цанкресту это не подействует.

— А что это, кореш? Какая-нибудь запредельная магия?

— Да. Что-нибудь вроде магии очень нам понадобится, чтобы выкарабкаться из этой переделки и сохранить головы на плечах. И еще: спасая собственные шкуры, не будем забывать о бедняге Клотагорбе. Ведь он на нас положился.

— Ага, и заодно поглядим, не свалял ли он дурака.

Они все еще ехали в обратную сторону по дорогам и тропам, ночуя под прикрытием леса и сторонясь населенных мест. Ченельска стремился избегать ненужных эксцессов и удерживать

своих не совсем надежных солдат от соблазнов цивилизации. Поэтому минуло немало дней, прежде чем они добрались до окраины поселения, слишком большого для деревни, но слишком маленького, чтобы носить громкое название «город». В отличие от Тимова Хохота и Линчбени, открытых всем ветрам, его окружала грубая, но прочная каменная стена. Она была не слишком высока, и Джон-Том намотал это на ус, пока они ехали вдоль нее к западу.

Ворота в стене отсутствовали, их заменяла маленькая дверца. Пинками и тычками пленников заставили пробежать несколько прогонов каменной лестницы, мимо потрескивающих и чадящих креозотовых факелов и втолкнули в вонючую камеру. Толстый дикобраз провернул ключ в огромном железном замке и отошел от решетки, оставив их в густом сумраке.

— Ну как, приятель, оптимизм не растерял? — Мадж прислонился к сырой стене и засопел. — Неважнецкая перспектива — гнить в подземелье без надежды на спасение и коротать последние часы в философских беседах.

Джон-Том, не теряя ни секунды, принялся ощупывать поросшие мхом стены.

— Халтура! Кладка кривая, да и цемент не ахти.

— Виноват, — саркастически произнес Мадж, — поговорим об архитектуре.

— Архитектура, Мадж, наука полезная, и не спеши от нее отмахиваться. Поняв, как сложено здание, можно его разобрать.

— Ты прав, шеф. Сейчас ты разыщешь слабый камешек, выковырнешь его, и нам на головы свалится весь клепаный городишко. Вот тут-то мы и освободимся. Раз и навсегда. — Он уполз в угол. — В этой выгребной яме даже параши нет. Надеюсь, нас скоро прикончат и не будут морить в этой вонище до скончания века. — Мадж вернулся к решетке, ухватился за прутья и заорал тюремщику: — Эй, вертухай, подташи-ка сюда толстую задницу!

Дикобраз неторопливо встал со стула и приблизился к камере. Возле решетки он развернулся, и Мадж торопливо отпрянул от ощетиненных двухфутовых игл.

— Весьма обяжешь, если будешь обращаться ко мне чуточку повежливее.

— О чем разговор, шеф. Не бери в голову. Ты тока войди в мое положение. Думаешь, приятно тута куковать?

— Ничего я не думаю, — ответил надзиратель. — Я делаю свое дело, а потом возвращаюсь домой, к семье. Нет, не могу я войти в твое положение.

— Извини, — обратился к нему Джон-Том, — ты случайно не знаешь, сколько нас здесь продержат?

— Увы.

«Заторможен. Дикобразы тугодумы, и этот не исключение.

Но тугодум — вовсе не обязательно идиот»,— предостерег себя Джон-Том.

— У нас отобрали имущество, — сообщил он. — Ты не слыхал, что с ним сделали?

Дикобраз лениво указал вверх.

— Там оно, в караулке. Когда хозяин велит доставить вас к нему, вместе с вами отправят и барахло.

— Ты не в курсе, что нас ожидает?

Дикобраз отрицательно покачал головой.

— Понятия не имею. Да меня это и не касается. Я делаю свое дело, а в чужие не суюсь, вот так-то.

Мадж, тотчас угадавший намерения спутника, печально произнес:

— Прежде чем бросить сюда, нас обчистили. Интересно, кореш, они нашли кошелек с бабками?

— Кошелек с золотом? — Видимо, дикобраз был не настолько заторможен. Впервые его полуопущенные веки распахнулись, но тут же глаза сощурились вновь.

— Обдурить меня хочешь? Ченельска ни за что не оставит золото там, где его могут украсть другие.

— Да, но вдруг он не подозревает о его существовании? — вкрадчиво спросил Мадж. — Чувак, нам просто не хочется, чтобы он наложил на него лапу. Если думаешь, что мы врем, то пойди погляди сам. Чего проще? Ключи у тебя. Вряд ли в твое отсутствие мы успеем выкопать подземный ход и сделать ноги.

— И то правда. — Тюремщик двинулся к лестнице. — Не вздумайте шутки шутить! Решетка вам не по зубам, да и помочь вам тут никто не возьмется.

— Ой, да куда мы денемся! — замахал лапами Мадж.

— Между прочим, — небрежно произнес Джон-Том, — раз уж ты будешь наверху, может, окажешь пустяковую услугу? Здесь ужасно сыро и темно. Немножко музыки нам не помешает, да и тебе тоже. Когда день-деньской вкалываешь в подземелье, недолго и депрессию нажить.

— Да что ты, какая там депрессия, — отозвался дикобраз, шагая по ступенькам. — Наоборот, я люблю, когда сыро, темно и тихо. Но все-таки хотелось бы послушать твою музыку. Ченельска сказал, что ты чаропевец.

Джон-Том упал духом.

— Вообще-то нет. Я только учусь. Даже еще не совсем понимаю, что такое чаропение. Мне просто охота помузицировать. Для души.

— Оно, может, так и есть, да только ни к чему рисковать.

— Погоди! — отчаянно воззвал Джон-Том. — Ну, подумай сам. Раз ты слыхал про чаропевцев, то наверняка знаешь, что без своих инструментов они колдовать не способны.

— Верно, слыхал. — Дикобраз с подозрением поглядел на него.

— Ну, а как насчет такой идеи: ты приносишь дуару, мой инструмент, но даешь его только после того, как сковываешь мне руки, чтобы я не смог убрать их за решетку? И если мое пение вдруг покажется опасным, ты всегда успеешь выбить дуару из моих рук. Что скажешь?

Надзиратель поломал голову над непривычной проблемой. Джон-Том и Мадж ждали, затаив дыхание и радуясь тому, что их окружает сумрак. Он помогал скрывать возбуждение.

— Пожалуй, тут и впрямь никакого риска, — проговорил наконец тюремщик. — Сказать по правде, мне любопытно послушать. Ладно, пойду проверю, на месте ли твой инструмент, да и кошелек с золотом.

— Ты не пожалеешь, — крикнул Джон-Том вслед дикобразу. Как только он исчез из виду, Мадж взволнованно посмотрел на друга.

— Приятель, неужто ты и впрямь сумеешь чтой-то сделать?

— Не знаю. Придется попробовать. Черта с два он отдаст дуару, не подстраховавшись. И я понятия не имею, что бы такое спеть, чтобы выбраться отсюда, пока он не спохватится и не отберет дуару. Не знаю, и все тут. В моем мире у меня была точно такая же проблема.

— Чувак, ты уж напряги мозги, не то число миров, которым тебя очень недостает, удвоится. Я не представляю, зачем мы понадобились Цанкресте, но навряд ли он будет церемониться с двумя слугами ненавистной черепахи.

— Мы не слуги. Во всяком случае, ты.

— Ага, поди объясни это Ченельске. Нет, кореш, на мне, как и на тебе, чертово клеймо, и тут ничего не попишешь. Поэтому давай найди что-нибудь эффективное и быстродействующее.

— Ну, не знаю... — Джон-Том уже копался в памяти. — Ведь я, кроме тяжелого металла, всерьез ничем не занимался...

Мадж указал на стены.

— По мне, так это в самый раз.

— Не совсем, — раздраженно возразил Джон-Том. — Это название течения в популярной музыке. Да ты уже слышал мое исполнение.

— Ага, и не буду врать, что понял хоть слово.

— Значит, у тебя есть кое-что общее с моими родителями.

Раздавшиеся на лестнице шаги мгновенно заставили их умолкнуть.

— Парень, ты уж постарайся, а?

— Стараюсь. — Джон-Том просунул руки между прутьями и замер в ожидании. При виде целой и невредимой дуары, свисающей с лапы тюремщика, его дух подскочил до небес.

— Золота не было, — уныло сообщил дикобраз.

— Какая жалость! — прерывисто вздохнул Мадж. — Впрочем, чего еще можно было ожидать от такого прохвоста, как Ченельска. Но ведь проверить было невредно, а?

— Пожалуй. Ну, что ж. — Дикобраз подошел ближе, протянул инструмент Джон-Тому, но в последний момент заколебался. — И все-таки не знаю...

— Да чего там, не бойся! — На лице Джон-Тома замерзла широкая улыбка. — Ну, скажи, что плохого, если я маленько побренчу? Согласись, не всякому выпадает шанс послушать начинающего чаропевца, который играет просто так, ради удовольствия.

— Как раз это меня и тревожит. — Тюремщик отошел назад и порылся в деревянном сундуке. Вскоре он вернулся, чтобы затянуть на запястьях Джон-Тома наручники из толстой кожи, соединенные между собой цепью. Еще, к великому огорчению юноши, он привязал к грифу дуары крепкую веревку.

— Вот так-то лучше, — с явным удовлетворением произнес дикобраз и отдал инструмент. Джон-Томовы пальцы благодарно легли на привычную деревянную поверхность и легонько провели по двойному набору струн.

Надзиратель расположился на стуле и крепко сжал в кулаке конец веревки.

— Ну вот, если вздумаешь шутки шутить, мне даже к решетке бежать не придется. Достаточно будет дернуть за веревочку. — Он слегка потянул на пробу, и Джон-Том едва не выпустил дуару из рук.

— Эй, дай чуток слабины! — взмолился он. — А то я не смогу играть.

— Ладно. — Тюремщик опустил лапу. — Но если мне покажется, что ты пытаешься меня провести, сразу отберу эту штуковину и разобью об пол.

— Не волнуйся, я ничего такого не сделаю. Правда, Мадж?

— Конечно, кореш. Ты ж обещался этому благородному созданию. — Выдр уселся, приняв насмешливо-скептический вид. — Сбацай-ка нам колыбельную, Джон-Том. Что-нибудь легонькое, успокаивающее. Чтоб мы, бедолаги, позабыли и свои, и мировые проблемы.

— Ага, — присоединился к его просьбе дикобраз, — сыграй что-нибудь в этом роде.

Джон-Том терялся в сомнениях. Наверное, для начала лучше всего исполнить одну-две безобидные песенки, чтобы усыпить опасения этого педика. Но вся беда была в том, что он, увлекаясь главным образом хард-роком, выучил не больше легких мелодий, чем оперных арий. Вряд ли стоило лезть в репертуар Оззи Осборна, да и «Кисс» тут мало чем мог помочь. Подумав о песне «Грязные дела дешевле пареной репы» группы «Эй-Си Ди-Си», он сразу сообразил, что один куплет будет стоить ему окончательного прощания с инструментом.

Он решил попытать счастья с чем-нибудь вроде «классики рока». Может, сгодятся песенки Роя Орбисона? Горло едва ли вытянет, но попробовать можно.

Казалось, это подействовало. Дикобраз лениво развалился на стуле и внимал с откровенным наслаждением, но веревку из лапы не выпускал.

Джон-Том сэгуировал в куплет, где пелось о дне, «когда ушла ты от меня», и надзиратель не пошевелился. Однако и стены темницы не раздались по сторонам, чтобы выпустить узников. Тогда обескураженный юноша заиграл «Америку» Нейла Даймонда. В камере судорожно померцало несколько призраков статуи Свободы и острова Эллиса, но их появление не вызвало у Джон-Тома ощущения безопасности.

Затем он обратил внимание на Маджа. Сидя в густой тени, выдр медленно показывал, будто подтягивает что-то к себе, а затем бросает за решетку. Джон-Том несколько секунд непонимающе смотрел на него, а затем, посреди строфы «Больше нас не проведешь», сообразил, к чему клонит его приятель.

Бечева! Бечева, которую дикобраз привязал к дуаре, чтобы в случае опасности выдернуть ее из рук Джон-Тома. Если им с Маджем удастся завладеть ею, то они смогут соорудить короткое лассо и набросить его на какое-нибудь оружие, а то и на большую связку ключей, лежащую на столе.

Но прежде необходимо каким-то образом обездвижить тюремщика. Поскольку он выглядел засыпающим, Джон-Том, насколько мог, понизил голос и спел наисладостнейшую из известных ему баллад, а следом за нею — «Звуки тишины» Саймона и Гарфункеля. Эта подборка оказалась вполне удачной и вызвала дикобразий храп. Для страховки Джон-Том добавил расслабляющую версию «Ярмарки в Скарборо».

Наконец он легонько дернул бечеву. Полусмеженные веки надзирателя тут же распахнулись, бечева натянулась.

— Не надо больше так делать, — прорычал он.

В тот миг Джон-Том не сомневался, что теперь его разлучат с дуарой, а заодно и с единственной надеждой на спасение.

— Я ничего такого не хотел! — в отчаянии вскричал он. — Просто от игры в одной позе руки заболели. Поверьте!

— Ладно уж... — Надзиратель грузно опустился на сиденье. — Смотри, не балуй. Спой-ка еще песенку. Ничего подобного до сих пор не слышал. Мне нравится.

Упав духом, Джон-Том заиграл первое, что пришло на ум, — тему из фильмов «Рокки». Возможно, свою роль сыграло разочарование, а может, накатившее безразличие... Как бы то ни было, он вдруг ощутил бегущую по телу энергию. Постарался сосредоточиться на ней и решил допеть бесполезную песню до конца — вдруг она натолкнет на что-нибудь годное.

В смрад темницы просочился слабый запах озона. Под по-

толком затрещало. Мадж на всякий случай отполз в дальний угол. Джон-Том подскочил — его ударило по запястьям электрическим током. Он тоже хотел удрать в глубину камеры, но кожаные наручники и цепь по ту сторону решетки сразу напомнили о себе.

«О, черт! — выругался он про себя. — Опять я перестарался и натворил что-то не то!»

Однако, что бы он ни натворил на этот раз, убежать было невозможно. Выронив дуару, он безуспешно рвал с себя «браслеты».

Инструмент брякнулся об пол и засиял, подскакивая, словно иглодержатель над диском.

Медлительный дикобраз поднялся на задние лапы и смотрел во все глаза. Бечеву он выронил, предпочтя развернуться к стойке с оружием и выбрать длинное копье, которое было незамедлительно нацелено в камеру.

И Джон-Тому стало крайне неуютно при мысли о том, что тюремщик может без труда прикончить его на месте.

— Чаропевец! Ты чего это?! А ну, перестань!

— Я ничего! — истерично выкрикнул Джон-Том, молясь в душе, чтобы его страх — вполне настоящий — не показался дикобразу фальшивым. — Развяжи мне руки!

Тюремщик не отозвался на просьбу, ошалело глядя, как по камере медленно кружат жгутики флюоресцирующего газа и сгущаются в подобие столба.

— Не ври! Это волшебство! Волшебство!

— Болван, я сам знаю, что волшебство. Освободи меня! — кричал Джон-Том, безрезультатно дергаясь у решетки.

Тюремщик сохранял безопасную дистанцию.

— Чаропевец, меня предупреждали насчет тебя! А ну, прекрати сейчас же! — Он прижался колючей спиной к стене и пополз вдоль нее к решетке. Откуда мог дотянуться до узника копьем, чей наконечник выглядел исключительно острым.

— Не могу я прекратить. Не знаю, что тут происходит. Не понимаю!

— Не верю! — Надзиратель сорвался на визг и с самыми серьезными намерениями ткнул копьем.

Внезапно в газовом облаке раздалось звонкое «баммм!». Светящийся столб рассеялся, на его месте, в центре тюремной камеры, стояло здоровенное, по меньшей мере семи футов ростом, существо. Оно сутулилось, чтобы не упираться макушкой в потолок.

Мадж трусливо отскочил к стене. Джон-Том торопливо вспоминал последнюю песню, спетую без души, но эффектом превзошедшую всех своих эмоционально насыщенных предшественниц. Тему из фильма «Рокки». Как же она называется?

Ах да, «Глаз тигра»!

Глава 4

Вообще-то их было два, и они с изумлением глядели по сторонам. Никогда еще Джон-Том не видал белого тигра, да к тому же в боевых доспехах и стоящего на задних лапах. Полосы из кожи и меди, образуя подобие юбки, прикрывали его тело от талии до колен. Поножи и наплечники держались на кожаной шнуровке и защищали конечности только сзади. На голове поблескивал роскошный медный шлем со стрелкой, украшенной тонкой резьбой. Из прорезей в шлеме торчали уши.

Огромная мохнатая голова поворачивалась, с неудовольствием разглядывая тюрьму и ее обитателей. Прядая белыми ушами с черными кончиками, четверть тонны тигрятины пыталась разобраться в обстановке. Внезапно лапы опустились к ножнам, и мгновение спустя каждая держала по пятифутовому мечу с бритвенно острым лезвием и зазубренным острием.

— Клянусь всеми девятью кошачьими демонами, я ничего не понимаю! Что тут пхоисходит? Клянусь, я сейчас же получу ответ, или кому-то чехтовски не поздоховится! — Узкие желтые глаза впились в прутья решетки. Тигр шагнул вперед и опустил взгляд на дрожащего дикобраза.

— Эй, ты, что это за конуха? Почему я взапехти? Или ты немедленно ответишь, или я сделаю ожехелье из твоих позвонков.

— С-с-с-т-т-ража! — Вместо крика из пасти дикобраза вырвался сбивчивый шепот. Сообразив, что зов унесся не слишком далеко, он повысил голос: — На помощь!

— Хватит чихикать! Лучше отвечай.

Самка, решил Джон-Том. Голос громовой, но, несомненно, женский. Да и в заклинании подразумевалась тигрица.

Она повернулась и увидела Маджа.

— Эй ты! Почему он не желает со мной говохить?

— Ты ко мне обращаешься, милашка? — неохотно отозвался выдр.

Тигрица наклонилась, положила меч, а затем легко оторвала выдра от пола. Ее когти, выпущенные не целиком, по длине почти не уступали пальцам Маджа.

— А то к кому же, а, мочалка-недомехок?

— Извини, красотка. Я и предположить не мог такой великой чести.

— Караул! — До дикобраза вдруг дошло, что там, где не помогает голос, следует использовать лапы. С поразительной быстротой он взлетел по лестнице. — Караул, помогите!

— Эй, ты! — Тигрица выронила Маджа, и тот предусмотрительно отбежал к стене. — А ну, вехнись! Слышишь?

— Он решил, что вы опасны.

— А это еще кто? — Только теперь она обратила внимание на Джон-Тома.

— Я говорю, что он вас испугался. Поскольку вы здесь, с нами.

— Однако ты ужасно велик для человека.

— А вы ужасно велики для современной девушки. — Джон-Том все еще сражался с наручниками.

— Что это за помойка? — Она медленно повернулась, чтобы повнимательнее осмотреть темницу. Очевидно, тигрица нисколько не боялась — только сердилась.

— Подземная тюрьма в городе Гнилые Горшки.

— Ни хазу не слыхала, — сказала амазонка из семейства кошачьих. — Тюхьма, говохишь? Это я и сама вижу, кхасавчик. — Она заметила его путы. — А почему на тебе нахучники?

— Я — чаропевец, — объяснил он. — Решил немножко помузицировать и, похоже, ненароком затащил сюда вас.

— Так вот оно что! — Джон-Том напрягся, чтобы выдержать взгляд пылающих желтых глаз. Она отступила на шаг и приподняла оба меча. — Так чего же ты ждешь? Отпхавляй меня обхатно.

Он поежился, прижимаясь к решетке.

— Я... гм... Боюсь, мне это не по силам. Ведь я не знаю, как действует мое волшебство. Может, потом попробую. Но без дуары все равно ничего не выйдет. — Он показал на инструмент. — Да и не смогу я играть со связанными руками.

— Да, это вполне очевидно. У меня, да будет тебе известно, глаза есть.

— И очень красивые.

— Ха! — Тигрица чуточку смягчилась. — Чахопевец, говохишь? Если судить по манехам, ты больше смахиваешь на солиситоха.

Не ведая, какого она мнения о солиситорах, Джон-Том не стал упоминать о своем юридическом прошлом. Один из мечей вдруг взметнулся и рубанул воздух. Мадж не то ойкнул, не то взвизгнул, а Джон-Том зажмурился. Но клинок прошел точно между прутьями и разрубил цепочку наручников. Два быстрых поворота когтистой лапы — и руки его на свободе.

Потирая затекшие предплечья, он сказал:

— И все-таки без дуары мне не обойтись.

Сверху донесся шум, и юноша поспешил представить себя и друга:

— Я — Джон-Том Меривезер, а это — Мадж. — Он вспомнил песенку, спетую перед «Глазом тигра». — А тебя, должно быть, зовут Шалфей, Тимьян или Розмарин. — Отчего-то имя Скарборо не казалось ему подходящим.

— Довольно близко. Меня зовут Хозахык.

Джон-Том кивнул своим мыслям. Вновь слова песни и его желания прихотливо смешались. Набрав в легкие воздуха, он в который раз вкратце поведал свою историю и закончил ее так:

— Мы хотим помочь умирающему колдуну. А другой колдун, завистливый негодяй, пытается нам помешать. Его прихвостни схватили нас, притащили сюда и заперли.

— Меня это все не касается, — заключила тигрица. — Но ты в самом деле считаешь, что у меня кхасивые глаза?

— Прекрасные.

«Почему Мадж не проронит ни словечка? — недоумевал Джон-Том. — В таких делах он куда опытней, чем я».

Но выдр, забившись в угол, держал пасть на замке.

— Как топаз, — рискнул уточнить Джон-Том.

— Да ты, я вижу, не только музыкант, но и льстец! Ну так вот, захуби себе на носу: я не из тех, на ком всякие самцы могут оттачивать кхаснохечие.

— Конечно, конечно. Мне вовсе ни к чему, чтобы меня считали льстецом и лицемером. Я всего лишь констатировал факт.

— Все, доконстатиховал? Ладно. Так куда это вам нужно попасть, чтобы помочь умихающему пхиятелю?

— За Глиттергейст.

— Так далеко на запад? — Она изумленно покачала головой. — Да, в удивительном михе мы живем.

— Еще в каком удивительном, — пробормотал Джон-Том.

— Ни хазу не плавала по океану, а по Глиттехгейсту и подавно. — Тигрица посмотрела сквозь решетку. — Так это и есть твоя волшебная палочка?

— Это и есть. Кроме нее, мне бы пригодились ключи. Вон они, на столе. Если мы завладеем бечевкой, привязанной к дуаре, может, удастся подтащить ключи сюда. — Он поглядел на лестницу. — Но, боюсь, уже поздновато.

— Ну что ты, мой сахахный. Хаз уж тебе так необходимы эти ключи... — Розарык положила лапы на прутья, сделала могучий вдох и поднатужилась. По доспехам побежала рябь от вздувшихся мускулов. Раздался скрежет, и металлические прутья согнулись, как спагетти. Тигрица шагнула в проделанную ею дыру, подошла к столу и взяла связку ключей.

— Они еще нужны?

Мадж уже выскочил из камеры, Джон-Том наступал ему на пятки. Юноша поспешно подобрал дуару и повесил на плечо.

— Думаю, обойдемся. Розарык, ты истинная дама.

— Ага, вся такая нежная, деликатная, утонченная, — добавил Мадж.

— Кажется, вы мне нхавитесь, — задумчиво произнесла Розарык, глядя на Маджа, — хотя никак не возьму в толк, льстите вы или шутите. — Она взмахнула тяжелыми мечами. — Надеюсь, все-таки шутите. Иначе я вам не завидую.

Джон-Том поспешил ее успокоить.

— Не стоит придавать значение болтовне Маджа. Он все время

треплется. Это как болезнь. — Он обернулся, чтобы кинуть на выдра предостерегающий взгляд.

— Это я и сама вижу, — сказала тигрица. — Ладно. Не знаю, как я попаду домой, но знаю точно, что в этой дыхе мне делать нечего. Давайте лучше найдем местечко, где можно спокойно посидеть и потолковать.

— Меня устраивает, — согласился Джон-Том.

В этот момент на верхней ступеньке появился дикобраз, которому предшествовала парочка рослых и вооруженных до зубов волков. Они увидели Розарык почти в то же мгновение, что и она их. Стряхивая мох с потолка боевым кличем — смесью дикого рева и проклятия — и вращая обоими мечами, как пропеллерами, она ринулась по лестнице, которая опустела с поразительной быстротой.

Отвесив легкий поклон, Мадж простер лапу.

— После вас, о виртуоз колдовства и чаропения.

Джон-Том состроил ему рожу и поспешил за Розарык. Сверху доносились панические крики, вой, визг и тявканье. И над всем этим доминировало громоподобное взревывание тигрицы.

— Не спеши меня расхваливать, — сказал Джон-Том выдру. — Она не совсем то, что я надеялся вызвать.

— В этом, босс, я не сомневаюсь, — усмехнулся Мадж, резво скача по пятам за другом. — Как всегда, верно? И тем не менее хоть ты ни разу не получал от своего чаропения че хотел, оно обычно помогало.

— Мадж, если ты не перестанешь болтать, она поймет, что я не способен отправить ее домой.

— Да ладно, кореш, — сказал Мадж на очередной лестничной площадке. — Зачем делать из мухи слона. К тому же, — его улыбка расползлась до ушей, — если милашка вздумает скандалить, ты снова скажешь про прекрасные глаза.

— Слушай, заткнись, а?

Главное караульное помещение выглядело так, будто в нем погулял смерч. Все столы валялись кверху ножками, пол был усеян обломками мебели, искрошенные древки копий и пик впитывали в себя пахучую жидкость из разбитых кувшинов. В караулке остались двое стражников — они пластом лежали поверх обломков. Никто не возражал, когда Джон-Том и Мадж принялись шарить по уцелевшим сундукам и шкафам.

В одном из сундуков обнаружились лук и стрелы Маджа, в другом — боевой посох Джон-Тома. Кошелек Клотагорба пропал бесследно, да Джон-Том и не надеялся его найти. Исчезновение золота больше расстроило его спутника.

— Сволочи, ублюдки, ворье проклятущее! — кипятился Мадж, будто напрочь запамятовал, что ему и самому случалось умыкнуть кошелек-другой.

— Угомонись. — Джон-Том потащил его вверх по лестни-

це. — А то ты так страдаешь, будто впервые в жизни остался без гроша в кармане.

— Я этого не утверждаю, приятель, — отозвался Мадж, прекратив свои стенания. — Значица, когда я знакомлюсь с золотишком или серебришком, расстаться с ним бывает потруднее, чем со старым другом.

— Хотелось бы посмотреть, как ты тоскуешь не о деньгах, а о чем-нибудь другом.

— Чувак, ты ко мне несправедлив.

Мадж выставил перед собой лук с готовой вылететь и ужалить стрелой. Если судьба будет к нему благосклонна, она поставит под выстрел Ченельску или кого-нибудь из его прихлебателей. Ничто не могло порадовать выдра больше, чем продырявленный коати.

— Тебя интересует моя чувственность? — продолжал Мадж. — Эх, видел бы ты меня у мадам Лорши!

— Я говорю о чувствах: порядочности, любви — а не о похоти.

— Думаешь, есть разница?

Этот отрезок лестницы оказался последним. Они вышли на маленькую площадь, освещенную факелами и масляными лампами. Слева высилась городская стена, справа — окраинные здания.

Джон-Том пригнулся. Над его головой со свистом пролетел дюжий волчище, перекувыркнулся в воздухе и с тошнотворным звуком влепился в стену. Кругом царила сумятица, трубили рога и орали стражники, уже переполошившие большую часть общины. В ближайших окнах вспыхивали огни, ошеломленные горожане выглядывали на площадь.

Приплясывая от восторга, Мадж любовался учиненной тигрицей паникой. Видимо, обыватели решили, что Гнилые Горшки подверглись нападению чужеземной орды. Отчасти они были правы.

Джон-Том пошел вперед.

— Эй, вы, — крикнула ему и выдру Розарык, небрежно отшвыривая здоровенную крысу с коротким мечом, которая ухитрилась подобраться к ней вплотную. Крыса проехала по мостовой, оставив на камнях обломки доспехов и клочья шкуры. — Не туда! Вон туда!

Человек и выдр бросились следом за ней. Джон-Том выставил перед собой посох, а Мадж прикрывал тыл — его короткие задние лапы мелькали так часто, что казались неясным пятном.

Они бежали, уворачиваясь от копий и стрел. Мадж успевал отвечать на каждый выстрел, сбивая со стены, как в тире, фигуру за фигурой.

Перед Джон-Томом возникла гиена в тяжелой кольчуге; свирепо рыча, она вращала над головой кистень. Джон-Том подставил посох, и цепь намоталась на него. Он рванул посох на себя, а

затем — вниз, и щедро усеянный шипами кистень опустился на шлем противника. Гиена рухнула как подкошенная, а беглецы помчались дальше, и Джон-Том на бегу стряхнул трофей с посоха. Чуть позже дорогу им преградила толстая деревянная дверь. Стрелы гнилогоршковцев вонзались в дерево или раскалывались о каменную кладку городской стены. Гарнизон пытался перегруппироваться.

Мадж быстро осмотрел дверь.

— Ни хрена себе! Кажись, с той стороны заперли.

— Пхошу пхощения, — сказала Розарык.

Под прикрытием посоха и лука она навалилась на дверь спиной, уперлась пятками в мостовую. Дерево выдержало, чего нельзя было сказать о железных петлях. Троица выбежала из города. Вдогонку ей летели проклятия и стрелы, однако ни один стражник не рискнул выйти за ворота. Тигрица наглядно показала, на что она способна в рукопашном бою, и местная солдатня отлично усвоила урок. Они дожидались приказа от кого-нибудь из начальства, но все говорило о том, что приказ основательно запоздает.

Прежде чем стража все-таки отважилась на погоню, беглецы успели затаиться под покровом ночи и Колоколесья. Они набрели на поляну, где несколько поваленных ветром деревьев-великанов образовали естественную засеку, и устроились на ней. Джон-Тома, отличного стайера, и Маджа, гордившегося своей неистощимой энергией, не утомила долгая пробежка. А Розарык устала. Самцы подождали, пока она переведет дух.

В свете луны тигрица сняла шлем, расстегнула широкий пояс с мечами и отложила в сторону. Потом прислонилась спиной к толстенному стволу. Казалось, ее ярко-желтые глаза светятся в полумраке. В схватке она не пострадала, но на доспехах осталось немало царапин и вмятин.

— Мы у тебя в долгу, — промолвил наконец Джон-Том. — Ты спасла нам жизнь.

— Пожалуй, ты пхав, но будь я пхоклята, если знаю, как получить с тебя долг. Говохишь, ты не хотел затащить меня в кутузку?

— Разумеется. Это произошло совершенно случайно. Я пытался усыпить тюремщика, а когда ничего не вышло, расстроился и спел первое, что на ум взбрело. И вот ты здесь.

— Значит, я — пехвое, что тебе взбхело на ум?

— Ну, не совсем. Вообще-то раньше я никого похожего на тебя не видел. Но, когда я упражняюсь в чаропении, такое случается частенько.

Она кивнула и повернула голову к зарослям, обыскиваемым выдром на предмет чего-нибудь съедобного.

— Эй, недомехок, он пхавду говохит?

— Меня зовут Мадж, длиннозубая барышня, — ответили из кустов. — Между прочим, щас я кой-что для вас делаю. Если вы

прекратите награждать меня кликухами, я возьмусь отплатить тем же.

— Как дама с утонченным вкусом, я выше всего ценю вежливость, — будничным тоном ответила Розарык.

У Маджа определенно вертелась на языке язвительная реплика, но он сдержался и подтвердил:

— Да, парень сказал правду. Он могущественный чаропевец. Самый могущественный на свете, хотя порой мы в этом чуток не уверены. У него, значица, нехорошая привычка — затевать одно, а получать совсем другое.

Джон-Том беспомощно развел руками.

— Да, это так. У меня есть кое-какие способности, но они, похоже, мне не подчиняются. И теперь они впутали в это дело тебя.

— Что ж, мой сахахный, ты все объяснил доходчиво и вежливо. Так говохишь, тебе надо к Глиттехгейсту?

— И дальше. Мы должны добраться до Снаркена.

— Никогда не бывала в Снахкене. Говохят, это своеобхазное местечко. Высококультухное. — Она призадумалась и в конце концов вздохнула. — Ладно. Хаз ты утвехждаешь, что не сможешь вехнуть меня домой, я, пожалуй, пойду вместе с вами. К тому же, человече, мне нхавится твое кхаснохечие.

У тигрицы замерцали глаза, и Джон-Тому отчего-то стало не по себе.

— Да, милашка, он у нас мастак вешать лапшу на уши, — сказал Мадж, появляясь из кустов с пригоршней светло-зеленых ягод. Джон-Том взял несколько штук, раскусил одну — сладко.

Подчеркнуто любезно выдр протянул ягоды тигрице.

— Фу! — Розарык отпрянула и широко улыбнулась, обнажив впечатляющий ряд зубов. — Да что ты, мой сахахный! Неужели я смахиваю на вегетахианку?

— Нисколько, дорогуша, но раз уж мы заговорили о вежливости, то я решил держать марку.

Она благодарно кивнула и обвела лапой окружающие заросли.

— Утхом я себе добуду еды. Похоже, дичи тут в избытке.

— Уверен, мы наткнемся на что-нибудь съедобное. — Джон-Том повернулся к выдру. — Мадж, что ты думаешь насчет погони?

Ответом ему было злорадное тявканье.

— Да они мозги свои жалкие вывихнут, пока разберутся, что к чему. Я заметил, холопов Цанкресты там было мало, а в основном — самые обыкновенные придурки из городской стражи. Если кто и сумеет организовать погоню, то только эта дырка от задницы, Ченельска. Но пока до него дойдет высочайшее распоряжение, мы успеем смазать пятки.

— А тебе не приходит в голову, что они сумеют найти нас по следам?

— Кореш, с той минуты, как мы выбрались из этой выгребной ямы с громким названием Гнилые Горшки, я только и делаю, что путаю след. Ни хрена они не найдут.

— Ну, а вдруг? Ты забываешь о Розарык. Наверняка где-нибудь остались отпечатки ее крошечных лапок.

Мадж состроил хитрую рожу.

— Конечно, шеф, ты прав. Они могут наткнуться на след милашки. Они могут прочесать лес с севера на юг, поскольку помнят, что мы держали путь к старой Вертихвостке. Они могут облазить все деревья в Колоколесье. Они могут наизнанку вывернуться от усердия, но все равно толку не будет, потому как отсюда мы дернем не на юг, а на запад. Ведь мы сейчас так далеко к северу от реки, что все равно, куда итить, лишь бы к океану.

Джон-Том выковыривал из своей памяти скудные познания в географии этого мира.

— Если пройти подальше на запад, то лес кончится, и мы уткнемся в торфяники Нижесредних болот.

— В точку, парень. Ни одному умнику не взбредет в голову искать нас в этих болотах.

— Не потому ли, что через них еще никто не проходил?

— Опять в точку. Тем надежнее.

С сомнением глядя на него, Джон-Том оперся лопатками о поваленное дерево.

— Мадж, хотел бы я знать, что у тебя на уме.

— Многоуважаемый певчий птах, я согласен выслушать обратное предложение, но, кажись, вы не вполне подготовлены для аргументированного диспута.

— Ты прав, сейчас я спорить не буду. Отложим до утра.

— До утра так до утра. Спокойной ночи, приятель.

Джон-Тома разбудил гром. Он моргнул, поглядел на серое небо, затянутое плотными облаками, и моргнул еще раз. В этом мире, как и в его собственном, облака не считались диковиной. Но только белые, а не в черную полоску.

Он хотел пошевелиться и не нашел для этого сил. На груди у него покоилась огромная мохнатая лапа, а другая, изогнувшись под его затылком, образовала нечто вроде подушки с подогревом. К сожалению, «подушка» нарушала циркуляцию крови в его пульсирующей левой руке.

Он попытался высвободиться, и тотчас громоподобное мурлыканье тигрицы сменилось прерывистым рыком. Она завозилась, но лапу не убрала.

Уловив краем глаза движение, Джон-Том повернул голову. Мадж восседал на своем ложе из листьев. Он потянулся, с ухмылкой глядя на друга.

— Да не сиди же ты, черт бы тебя побрал! Дай руку!

— Да ты что, чувак?! Хочешь, чтоб я нарушил умилительную семейную сценку?

— Перестань валять дурочку.

— Кореш, это ты мне говоришь? Еще вопрос, кто из нас ее валяет.

Беспомощный чаропевец обжег его взглядом и снова попытался высвободиться. Вотще — казалось, на нем лежала мягкая гора.

— Слушай, Мадж! У тебя совесть есть?

— У кого? У меня? Приятель, да неужто ты меня так плохо знаешь?

Розарык повернулась, и страшная тяжесть навалилась Джон-Тому на живот и грудь, заставив его захрипеть и засучить ногами. Тигрица вновь замурлыкала.

Мадж неторопливо встал и приблизился, чтобы с задумчивым видом полюбоваться на парочку.

— Сдается мне, наша утонченная и нежная дама вовсе довольна судьбой. Неча ее беспокоить. Не понимаю, почему ты так нервничаешь, она ж тебе рот не зажимает. Если б ты знал, шеф, как многообещающе все это смотрится. Правда, не стану врать, будто горю желанием поменяться с тобой местами. Я бы под ней сразу заблудился.

Джон-Том положил ладонь на морду тигрицы и толкнул. Она слегка передвинула голову и чуть не откусила ему пальцы. Поспешно убрав руку, он обнаружил, что дышать стало легче.

— Погони не слыхать?

— Ни звука, кореш, ни запаха. Вроде они сбиты с толку и напуганы. Но ежели они нас ищут, то, как пить дать, идут не сюда, а в обход Нижесредних болот. И все-таки чем скорее мы тронемся в путь, тем будет лучше. — Мадж повернулся и принялся собирать свои вещи. — Вставай, парень. Время не ждет.

— Отличная хохма, Мадж. Как, по-твоему, я смогу от нее отделаться?

— Разбудить. Прогони ее, приятель.

— Нет уж, спасибо. Моя голова мне больше нравится там, где ей положено находиться, — на плечах. Не знаю, как эта малютка поступает с теми, кто не дает ей спать.

У Маджа блеснули глазки.

— А ведь занятно было бы поглядеть, правда, шеф?

Однако идти на крайние меры не пришлось. Разговор двух друзей в конце концов разбудил тигрицу. Она открыла бездонные желтые глаза.

— А, человек! Добхое утро.

— Доброе утро. Розарык, я ценю твое расположение, но ты мне так сломаешь руку.

Желтые глаза сощурились.

— Это что, намек на избыточный вес?

— О нет, что ты! — Мадж, отошедший по нужде в кусты, не сумел удержаться от смеха. — Напротив, я считаю тебя стройняшкой.

— Стхойняшкой? — Розарык поразмыслила. — Пожалуй, мне нхавится это словечко. Ты хочешь сказать, что у меня хохошая фигуха?

— Ни разу не видел тигра с плохой фигурой, — вполне искренне сказал Джон-Том. Но Розарык, похоже, была разочарована. Она откатилась в сторону.

— Навехное, этот мохнатый шахик пхав. Ты по меньшей мехе наполовину солиситох.

Джон-Том перевернулся на живот и потряс левую руку, желая и вместе с тем боясь восстановить ток крови. Тотчас в нервы вонзились тысячи иголок и булавок, вынудив его заскрежетать зубами.

— У себя на родине я учился на защитника прав. Со временем юриспруденция могла бы стать моей профессией.

— Чахопение лучше, — возразила она. — Стхойняшка, говохишь?

— Ага. — Он сел и принялся надевать сапоги.

— Ну, ладно. Кажется, ты мне нхавишься, человек.

— Спасибо, Розарык. Ты мне тоже нравишься.

— Стхойняшка. — Она обкатывала в голове новое слово, как леденец во рту. — Хочешь знать, каков ты на мой взгляд? — Надевая доспехи, она тщательно завязывала каждый ремешок, застегивала каждую пряжку. — Симпатичен. Да, пожалуй, ты симпатичный.

— Здорово. — Джон-Том постарался, чтобы его голос прозвучал ровно. — Это очень мило.

Застегивая штаны, из кустов вышел Мадж.

— Чудненько, приятель. Я тоже всегда считал тебя симпатягой.

— Как тебе понравится, если твои усы сейчас будут засунуты в твою же задницу? — ласково осведомился Джон-Том.

— Успокойся, чувак. — Веселье Маджа заметно улеглось. — Айда лучше на запад. Мы разок обвели их вокруг пальца, но рано или поздно отсутствие следов тех, кто проболтался о своем желании пойти на юг, покажется им очень странным, и они примутся искать нас повсюду.

Джон-Том повесил дуару на плечо и поднял посох.

— Веди.

Мадж поклонился. В его голосе появился густой оттенок насмешливого подобострастия.

— Как прикажет ваша оскорбленная симпатичная милость.

Джон-Том хотел треснуть выдра посохом, но не ему было тягаться с ним в проворстве.

Глава 5

Им понадобилось несколько дней, чтобы добраться до окраины Нижесредних болот — обширной и, по слухам, необитаемой страны, граничившей на западе с Колоколесьем и простиравшейся к югу до северного побережья Глиттергейста. Прошагав целый день по топким торфяникам, Мадж счел вполне безопас-

ным свернуть к югу — в первый раз с тех пор, как они сбежали из города. Переправа через океан обещала серьезные проблемы. Там, где Глиттергейст соприкасался с южной оконечностью торфяников, портов не было и в помине, но Джон-Том вынужден был согласиться с выдром, что едва ли стоит идти вдоль побежья обратно на восток, к устью Вертихвостки. В Ярровле и других тамошних портах их наверняка подстерегают слуги Цанкресты.

Сами же торфяники выглядели не слишком живописными, но ничуть не страшными, и Джон-Том терялся в догадках, как им удалось приобрести столь зловещую репутацию. По слухам, любой, кто сюда приходил, обратно уже не возвращался — нечего сказать, хорошее утешение для тех, кому предстояло тащиться через эту болотистую глушь.

Унылость местных пейзажей лишь изредка нарушалась красными железистыми натеками на серых обнажениях коренной породы. Деревья там не росли, встречались лишь редкие кусты и сиротливые островки травы. С неба не сползал серый покров туч. Морось и туман нагоняли на путешественников тоску, один лишь Мадж не поддавался ей. Казалось, ничто не намерено воспрепятствовать их продвижению. И никто. Издали до них то и дело доносились бессмысленные крики и жалобное завывание, однако ни одна живая душа не рисковала приблизиться к бивуаку. Они забирались в самое сердце болот, куда, вероятно, не проникал еще никто. Ландшафт постепенно видоизменялся, причем отнюдь не к лучшему. Исчезла последняя корявая поросль. Здесь, в чертоге вечной сырости и тумана, царили грибы.

Огромные шляпки съедобных грибов и поганок осыпали проходящих под ними мириадами спор. Иные из этих кособоких уродин обладали стволами толщиной с можжевеловый куст, тонкие полупрозрачные ножки других устремлялись к перенасыщенному влагой небу. Напрасны были попытки найти здесь яркие краски, способные отразить нагнетаемую местностью тоску. Преобладали коричневые и серые тона. Даже редкие темно-бордовые и болезненно-желтые пятна не дарили отдохновения от монотонного парада уныния. Пятнистая растительность перемежалась полосатой. На глаза беглецам попался даже гриб в клеточку, напомнивший Джон-Тому неевклидовы шахматы. Печеночник частенько доставал человеку до пояса, а лишайники и мох срастались в толстый податливый ковер, и в нем ноги и лапы утопали по лодыжку. Коренные граниты были обезображены едкой жидкостью, выделяемой ползучими грибницами. И над всем этим дичайшим пейзажем висела неизмеримая толща отмерших и окаменелых надежд.

Первые два дня путники выдерживали скорость, но затем она пошла на убыль. Теперь на привалах они дольше спали и меньше времени уделяли трапезе, равнодушно съедая вынутую из котомок или найденную по дороге пищу. Почему-то во рту любая еда

становилась пресной и жесткой, а после камнем давила на желудок. Свежая дождевая вода не утоляла жажду, и от нее оставалось металлическое послевкусие.

Они провели на торфяниках почти неделю, прежде чем Джон-Том наткнулся на скелет. Как и все недавние находки, эта вызвала у его спутников лишь равнодушное бормотание.

— Ну и что? — проворчал Мадж. — Это ни черта не значит.

— Я сажусь, — сказала Розарык. — Устала.

Устал и Джон-Том, но вид ярко-белых костей, торчащих из ржавчины и плесени, пробудил его настороженность от летаргического сна.

— Мне это не нравится, — произнес он. — Здесь творится что-то очень подозрительное.

— Если ты насчет отравы, приятель, то ошибаешься. — Мадж показал на окружающую растительность. — Я остерегался. Все, что мы тут подобрали и сожрали, было съедобно, хоть и хреновато на вкус.

— Везунчики, — вздохнула Розарык. — А для меня — никакой дичи. Вот и пхиходится не только овощи есть, но и эту пакость. Клянусь, до сих пох я никогда в жизни не ела такой мехзости.

— Нудно, тоскливо, невкусно... Неужели вы не видите, что происходит? — спросил друзей Джон-Том.

— Чувак, да чего ты всполошился? — Выдр улегся на пружинистую моховую кочку. — Угомонись. Глотни чего-нибудь.

— Да. — Розарык сняла пояс с мечами. — Давайте посидим, отдохнем. Куда спешить? Погони не видать и не слыхать. Да и вхяд ли нам суждено с ней повстхечаться.

— Она права, приятель. Выбери местечко помягче да присядь.

— Послушайте, вы! — Джон-Том хотел придать своему голосу твердость и тут же с испугом обнаружил, что с языка слетают блеклые, начисто лишенные эмоций слова. Ему было тошно, он казался себе полным ничтожеством. Что-то его угнетало с первого шага по болотистой почве торфяных болот. Не только унылость окружающих пейзажей. Нечто куда более опасное. Неотвратимое, словно сумерки души. Оно все глубже проникало в его сознание, разъедая волю, разлагая веру в себя. В конце концов, оно могло разрушить и тело — скелет служил тому наглядным доказательством. Враг терпелив, умен и очень расчетлив, сообразил Джон-Том. Надеясь отвоевать у него свой энтузиазм, он повернулся и закричал в пустыню:

— Кто вы такие, зачем это делаете? Чего вы хотите?

Чувствовал он себя при этом круглым дураком. Даже хуже чем дураком, так как понимал, что спутники сочтут его психом. Но они промолчали, хотя для него куда предпочтительней был бы скепсис.

Вокруг путников еще плотнее сгустился дух безнадежности.

На торфяниках царил покой. В одном юноша был совершенно уверен: колдовство тут ни при чем. Слишком медленно, слишком вкрадчиво действовал враг. Надо было что-то предпринять, но ничего не приходило в голову, кроме мысли о том, как будет глупо, если они, сумевшие вырваться из Гнилых Горшков, дадут погубить себя самой что ни на есть ерундовой ерунде — меланхолии.

Он опешил, услыхав тоскливый голос:

— Разве ты еще не понял?

— Кто это сказал? — Юноша завертел головой, но никого не увидел.

— Я. — Голос принадлежал восьмифутовому грибу охряного цвета, стоявшему слева от Джон-Тома. Растение слегка кивнуло в его сторону пятнистой шляпкой.

— Да и я мог бы так сказать, — произнес другой гриб.

— И я, — вступил в разговор третий.

— Грибы, — неуверенно произнес Джон-Том, — не говорят.

— Отчего же? — удивился первый гриб. — Нас, конечно, болтунами не назовешь, но речь — естественная функция нашего существования. Хотя, согласен, говорить тут особо не о чем. Я в том смысле, человече, что у нас не просто скучно. Здесь тоска смертная. СМЕРТНАЯ!

— Да, эпитет точный, — подтвердила гигантская поганка, к которой привалилась Розарык. Тигрица отпрянула с быстротой, которой ее движениям так недоставало последние дни, и схватилась за мечи.

— Я бы сказал, что надо хорошенько это обсудить, — продолжал первый, считавшийся, видимо, у грибов записным оратором. Джон-Том не заметил у него ни губ, ни ротового отверстия. Слова и мысли полностью формировались в собственном мозгу юноши, и телепатия эта была липкой, как клейстер.

— Да что тут можно обсуждать?

— Верно, ни к чему тратить время на разговоры, — согласился другой гриб, с длинной и узкой шляпкой. — Это я к тому, что всю жизнь мы торчим на одном месте, не путешествуя и не зная свежих впечатлений. Какое у нас самое увлекательное занятие? Разбрасывать споры?

— Да уж, удовольствие, — прокомментировала поганка. — Потому-то мы и помалкиваем. Ты, человече, никогда не слыхал наших речей, вот и поверил, что фангусы не говорят. Видали мы этих ходячих всезнаек.

— Это ерунда, — сказал второй гриб. — Все ерунда, не стоит силы тратить.

— Погоди. — Джон-Том приблизился к оратору, слегка теряясь от нелепости происходящего. — Ребята, вы с нами что-то делаете. С того самого дня, как мы появились на торфяниках.

— Почему ты так считаешь? — спросил оратор. — Чего ради мы должны тратить силы на какие-то действия?

— В вашей стране мы изменились. Чувствуем себя необычно.

— Что значит необычно, человече? — спросила поганка.

— Подавленными. Усталыми. Выжатыми, как лимон. Никчемными. Беспомощными. У нас изменилось мировоззрение.

— И ты решил, что в этом виноваты мы? — спросил второй гриб. — Ошибаешься. Просто такова жизнь. Нормальный статус существования.

— Этот статус ненормален.

— Нормален, — возразил первый гриб, — для наших торфяников.

Джон-Том решил стоять на своем.

— Тут какая-то телепатия. Нам передается ваше ощущение безнадежности, ваши идеи о бессмысленности любых действий. Это разъедает наши души.

— Человече, погляди-ка по сторонам. Что ты видишь?

Джон-Том медленно повернулся кругом, но смутная надежда на открытие не оправдалась. Его взгляд скользил все по тому же пейзажу: камни, грибы, лишайники, мох, туман и тучи.

— А теперь ответь, пожалуйста, — попросил первый гриб, — ну, разве это не тоска?

Самообладание Джон-Тома опасно таяло. Мадж и Розарык уже засыпали, и юноша прекрасно понимал: если он последует их примеру, никто из них больше уже не проснется.

Взгляд снова зацепился за белые кости, и это вернуло Джон-Тома к жизни.

— Скажите, много ли времени понадобилось владельцу этого скелета, чтобы впасть в неизбывную тоску?

— Ты должен признать, что здесь твоя жизнь тосклива.

— Пожалуй, я верю, что у вас есть основания считать свою жизнь тоскливой.

— «Есть основания считать»! — простонала поганка. — Какие там основания? Она тосклива, и все тут. Человече, я не кто-нибудь, я фангус, а это само по себе муторно.

— Я едал грибы, которые оставили самые светлые воспоминания, — возразил Джон-Том.

— Он еще и каннибал! — устало произнесла высокая поганка. — Какая тоска! — Она тяжко вздохнула (разумеется, телепатически), и на Джон-Тома нахлынула волна печали и тревоги.

Он зашатался, стряхивая тенета, которые угрожали опутать его разум.

— Перестаньте!

— Так ведь мы ничего не делаем. Зачем тратить силы? Расслабься, человече. На что тебе стремления, желания и прочий бесполезный ментальный балласт? К чему изводить себя заботами о всякой ерунде? Все суета, поверь. Приляг, отдохни, посмотри

на жизнь проще. Пускай дурацкие тревоги сделают тебе ручкой и сгинут. Открой душу истинному покою бытия, и тебе сразу сильно полегчает.

Джон-Том вытянулся на торфе, но тотчас спохватился и принял сидячее положение. И указал на скелет.

— Как полегчало ему?

— Он правильно отреагировал, только и всего, — сказала поганка.

— Он мертв! — возразил юноша тоном обвинителя. — Вы его убили! А если не вы сами, то это место.

— Его погубила тоска, его убило уныние, его прикончила безнадежность. Он завершил свой путь точно так же, как это делает любое живое существо. Он сгнил.

— Сгнил?! Вы паразитируете на гнили, скажешь, нет? Вы процветаете на мертвечине!

— И это он называет процветанием! — пробормотала другая поганка. — Разумеется, мы разложили органику на компоненты. Порой я удивляюсь, зачем мы это делаем, для чего тратим силы? Ведь это совершенно ни к чему. Мы живем, чтобы умереть. Человече, давай поговорим о тоске...

Джон-Том встал, подошел к тигрице и изо всех сил потряс за огромное плечо.

— Проснись, Розарык! Проснись, черт бы тебя побрал!

— Зачем тхатить силы? — сонно прошептала она, глядя на юношу из-под полуопущенных век. — Дай поспать. Нет, не давай...

Тихая мольба ударила его, словно крик о помощи.

— Не дам, успокойся. — Он тряс тигрицу, пока она не села и не протерла глаза. Тогда он перешел к Маджу, уютно свернувшемуся калачиком, и невежливо пнул его.

— Шевелись, водяная крыса. Хватит помирать. Лучше вспомни, куда мы идем. Подумай об океане, о свежем просоленном воздухе.

— Пожалуй, парень, я останусь, — томно ответил выдр. — Ей-богу, нет смысла куда-то тащиться...

— Правильно, правильно, правильно, — зазвучал роковой хор.

— Будь другом, шеф, дай чуток покемарить. Че спешить? Никто за нами не гонится. Оставь меня.

— Черта с два я тебя оставлю! Подумай о вкусной жратве, о славных делах, которые нас с тобой ожидают, о деньгах, которые мы заработаем. Вспомни, — произнес он с неожиданным воодушевлением, — о трех деньках в «Элегантной шлюхе».

Глаза выдра приоткрылись, губы расползлись в блаженной улыбке.

— Да, чувак. За эти воспоминания стоит подержаться.

— Бессмысленно, бессмысленно, бессмысленно, — ухала капелла аскомицетов.

— А ваще ни к чему, приятель, — сказал выдр, и Джон-Том на миг испугался за друга, пропадающего ни за понюшку табаку.

Но тут Мадж вскочил на задние лапы и обвел окружающую растительность гневным взором.

— Однако все это это чертовски забавно.

— Помоги, Розарык, — велел ему Джон-Том, испытавший великое облегчение. Он снова обратился к своим неприметным и даже равнодушным недругам: — Вот что, братцы, я не в силах переделать ваш характер, и вообще ничем не могу помочь, раз уж вам нравится замечать у жизни только серые тона.

— Нам не нравится, — сказал первый гриб. — Просто она такая и есть. Серая, убогая, муторная, гнилая, однообразная. Думаешь, мы бы не изменились, если б могли?

— Но она стала бы другой, будь на то ваша воля.

Сняв с плеча дуару, юноша заиграл самую бодрую и жизнерадостную песню из своего арсенала: «Высота скалистых гор» Джона Денвера. Затем добавил «Все, что нам нужно, — человеческое тепло» Рика Спрингфилда. Когда он закончил, серое небо не прояснилось и туман не развеялся, но у него изрядно посветлело на душе.

— Ну, что вы на это скажете?

— Воистину тоска! — ответила поганка. — Я не о песне, а о голосе.

«На торфяниках небось миллионов восемьдесят грибов, — подумал Джон-Том, — а меня угораздило набрести на музыкального критика. Абсурд!»

Он засмеялся и от этого повеселел еще больше.

— Если ничто не способно приукрасить ваше существование, то не станет ли ваша жизнь чуточку более сносной, если вы оставите нас в покое?

— Человече, мы обязаны делиться своими переживаниями, — сказал второй гриб. — Не взвалить на тебя их тяжесть было бы просто подло. А мы не подлые — мы равнодушные. Тебя привело в эти края понимание суетности жизни, осознание своей беспомощности перед этой суетностью. Человече, взгляни правде в глаза: космос — неудачник.

«Безнадежны. Эти твари безнадежны, — сердито сказал себе Джон-Том. — Как остановить врагов, идущих на тебя не со щитами, мечами и копьями? Что противопоставить бортовому залпу угрюмости, огневому валу сомнений? Они так уверены в себе, так убеждены в истинности своих речений! Ладно, будь по-вашему, я вам покажу истину! Если вас невозможно переспорить, может, к победе приведет соглашательство?»

Он набрал полные легкие воздуха.

— Ваша беда в том, что у каждого из вас — депрессивная мания.

Долгая пауза, атмосфера раздумий, наконец — вопрос поганки:

— О чем это ты, человече?

На заднем плане одна сыроежка шепнула другой:

— Он считает нас чокнутой тусовкой!

— Я не силен в психологии, но кое-чему на юридическом учат, — пустился в объяснения Джон-Том. — И держу пари, никто из вас не пытался решить свои проблемы с помощью психоанализа.

— С помощью чего? — спросил первый гриб.

Джон-Том нашел подходящий камень — острый, неудобный, зато совершенно не располагающий ко сну — и уселся на него.

— Прошу внимания. Кому-нибудь из вас доводилось слышать о Франце Кафке?

...Минуло несколько часов. У Маджа и Розарык сна не осталось ни в одном глазу, а ментальные голоса вокруг них едва звучали, хотя по-прежнему округа тонула в беспросветности и меланхолии.

— ...И еще, — разливался Джон-Том, тыча пальцем вверх, — возьмем небо, которое вы постоянно упоминаете. Эта привычка — не что иное, как инфантильный анальнозащитный блок. Ну, может, я не совсем точно выразился, — поправился он, вспомнив о весьма существенной анатомической разнице между собой и аудиторией, — но суть от этого не меняется.

— С этим мы ничего не можем поделать, — произнесла поганка. — Сырость, тучи и холод с нами всегда. Без них мы бы все погибли. Это тоскливо само по себе. Но что может быть тоскливее, если ты не очень-то любишь вечную сырость, тучи и холод?

Ощущая, как победа выскальзывает из рук, Джон-Том отчаянно искал ответ.

— Вечные тучи и сырость — вовсе не самое главное. Самое главное — ваше мировоззрение.

— Что значит — наше мировоззрение? — осведомился новый участник спора, любознательный плесневый грибок. — Наше мировоззрение никчемно, бессмысленно и безрадостно.

— Только если вы сами в этом убеждены, — сообщил Джон-Том. — Вы, конечно, можете считать свою судьбу безнадежной. Но почему бы не взглянуть на ситуацию под другим, позитивным углом? Всего-навсего переменить точку зрения. Чем пенять на вездесущее уныние, подумайте лучше о вечной стабильности, неизменности климатических и топографических характеристик этой местности. Для душевного здоровья важнее всего — позиция.

— Человече, я не уверен, что понимаю тебя, — промолвил другой гриб.

— Я тоже, кореш.

— Мадж, умолкни. Поверьте, наше существование — это то, что создаем мы сами. От нашего взгляда на окружение зависят чувства, вызываемые этим окружением.

— Глядя на такое окружение, что можно почувствовать, кроме тоски? — спросил печеночник.

— Ну ладно. Если такой подход вас больше удовлетворяет — как хотите. В постоянном унынии и брюзжании нет ничего плохого, если вам от этого хорошо. Но скажите, вам когда-нибудь доводилось испытывать бодрость и веселье?

— Нет, нет, нет, — тотчас откликнулась вся аудитория.

— Так отчего же вы решили, что эти чувства хуже уныния и подавленности?

— Путешественники, приходившие сюда до вас, ничего подобного не говорили, — прошептала поганка. — Они во всем соглашались с нами, а после устраивались на отдых и спокойное двухмесячное разложение.

Джон-Тома слегка передернуло.

— Конечно, они соглашались, но разве не выглядели лучше, чем вы? Разве не действовали решительней вашего? Разве не жили в большей гармонии с окружающей средой, нежели вы?

— Естественно, они не жили в большей гармонии с окружающей средой, — ответил первый гриб, — ведь эта среда...

— Сырая и наводит тоску, — договорил за него Джон-Том. — Хорошо, что вы со мной согласились. От постоянной депрессии нет вреда, если вы его не видите. Скука — чем не удовольствие? Если это чувство порождено окружающей средой и не вызывает у вас неприятия, значит, вы живете со средой в гармонии и потому должны испытывать спокойствие, уверенность и удовольствие.

В глазах Розарык застыло недоумение, однако она молчала. Мадж тоже сидел тихо и лишь покачивал головой из стороны в сторону. Но они думали, и это не позволяло опасному безразличию снова прокрасться в их души.

— Эй, — пробормотала багровая поганка, — а может, и правда хорошо все время ощущать тоску и сырость, если тебе это на пользу?

— Вот именно! — обрадовался Джон-Том. — Об этом-то я и толкую. Все существа не похожи друг на друга, и состояние духа, удобное нам, ходячим, совсем необязательно годится для вас. Видите, это открытие, по крайней мере, избавит вас от вечной путаницы, как избавило большинство моих сородичей.

— Чтоб меня! — воодушевился трюфель, притулившийся под гроздью шампиньонов. — Существование — бессмыслица. Жизнь — гнилушка. Сознание — мура. И знаете что? Мне это нравится. Все нормально!

— Чудесно, — кивнул Джон-Том. — Так держать! — Подбоченясь, он повернулся кругом. — У кого еще есть проблемы?

— У нас, — отозвалась флотилия грибов, облепивших кучу осклизлых гнилых водорослей на берегу маленького пруда.

— Расскажите, — радушно предложил Джон-Том.

— Это началось, когда мы были еще спорами...

В том же духе беседа продолжалась всю ночь. К утру Джон-Том оказался выжат как лимон, но в окружающий его грибообразный лес впервые робко заглянуло веселье — разумеется, сентиментальное. В общем и целом, сеанс групповой психотерапии завершился поразительным успехом.

Мадж и Розарык полностью оправились от коварно навеянной летаргии, им не терпелось идти дальше. Но Джон-Том удерживал их, желая убедиться, что грибные души исцелились хотя бы отчасти, хотя бы на время — достаточное, чтобы пропустить беглецов к Глиттергейсту.

— Да, человече, задал ты нам задачку, — сказал гриб-великан, выступающий от лица всего леса.

— Уверяю вас, если вы хорошенько осмыслите мои слова и обеспечите себе достаточную душевную свободу, то обнаружите: существование в этой среде дарит только наслаждение, — заявил Джон-Том.

— Ну, не знаю, — нерешительно произнес мухомор, и тенета уныния, едва не погубившие путников, снова опустились на Джон-Тома. — Но чем дольше я размышляю, тем больше склоняюсь к твоей точке зрения.

Паутина рассыпалась.

— Вот и ладненько. — С каждой минутой усталость все настойчивее напоминала о себе. — Я бы рад остаться и еще поболтать с вами, но нам пора идти к Глиттергейсту. Вы случайно не знаете, в какой он стороне?

За его спиной три гигантских гриба сложились пополам и уткнулись макушками в грязь.

— В этой, дружище. Ступай с миром... И если надумаешь поучаствовать в нашем сладостном тлении, всегда милости просим.

— Это слишком большая честь для меня, — вежливо отказался Джон-Том, направляясь к югу следом за Маджем и Розарык. — Я, видите ли, не гожусь на удобрение.

— А почему? — с неподдельным интересом спросил хор сыроежек.

С опаской подумав о том, что он, возможно, оставляет за собой целый лес грибообразных чудовищ Франкенштейна, Джон-Том отмахнулся.

— Как-нибудь потом объясню.

— Ну конечно, вот так возьмешь и уйдешь, — забрюзжал мухомор. — Разве мы заслуживаем разговора по душам?

— Я с вами всю ночь говорил. А теперь от вас снова веет безнадежностью.

— Это не от меня! — возразил, оправдываясь, мухомор. — Кроме того, безнадежность — то же самое, что и уныние.

— Совсем не то же самое. Почему бы вам не обсудить эту тему между собой? — Джон-Том прибавил шагу, следом за ним полетел телепатический ропот.

Слух о сеансе психотерапии несся по торфяникам, опережая путников. Интенсивность окружающего уныния значительно колебалась в зависимости от восприимчивости местных грибов к Джон-Томову лечению. Царство самой смертной тоски, где ментальная аура фангусов обладала поистине коматозной мощью, Джон-Том со товарищи обошли стороной, и потому у них больше не возникало острого желания прилечь и навеки отрешиться от мирской суеты.

Наконец, грибницы сменились цветущими кустарниками и вечнозелеными деревьями, а затем наступило утро, когда путешественники вышли из зарослей на широкий галечный пляж, где в изобилии лежали отшлифованные волнами агаты и жадеиты. В жизни Джон-Тома это утро было самым счастливым.

Воткнув в галечник посох, он повесил на рукоять заплечный мешок, сел и всей грудью вдохнул морской воздух. Запахи водорослей и соли были душещипательно знакомы.

Испустив восторженный вопль, Мадж отшвырнул лук, колчан, котомку и одежду и с безрассудной отвагой плюхнулся в теплый прибой. У Джон-Тома возникло искушение последовать его примеру, но он дьявольски устал и не нашел в себе сил даже пошевелиться. Рядом уселась Розарык, и они смотрели, как ликующий выдр блаженно плещется в волнах.

— Эх, жаль, нет тут моей досочки, — прошептал Джон-Том.

— Твоей чего? — Тигрица глянула на него сверху вниз.

— Это такой плоский предмет из стекловолокна и эпоксидной смолы. Плавучий. Встаешь на него, и волна несет тебя к берегу.

Розарык поразмыслила.

— Должно быть, это занятно. А ты бы не мог меня научить?

Джон-Том виновато улыбнулся.

— Я же говорю, у меня нет с собой доски.

— Какой величины нужна доска? — Тигрица встала и принялась снимать доспехи. — Уж конечно, не больше, чем я?

— Эй, Розарык, погоди. Я думал, кошки терпеть не могут воду.

— К тигхам это не относится, мой сахахный. Пошли. Спохим, я доплыву до бехега быстхее любой доски.

Он поколебался, обшаривая глазами пляж. Но кого, кроме них, могло занести на этот пустынный берег?

Какого черта, сказал он себе.

Прозрачная тропическая соленая вода смыла последние клочки уныния. И хотя спина Розарык уступала гладкостью полированному стеклопластику, густой белый мех давал отличную сцепку с человеческими ступнями. Под мехом перекатывались мускулы, когда тигрица, повинуясь командам Джон-Тома, загребала могучими лапами. Понадобилось совсем немного времени, чтобы понять: серфинг на спине тигра куда увлекательней скачки по волнам на неодушевленной полимерной штамповке.

Полдень застал их сохнущими на теплой гальке под ласковым солнцем. Затем чистый и свежий Джон-Том развел костер и начал сооружать недолговечный кров из плавника, а Мадж и Розарык отправились добывать пропитание. Берег кипел жизнью.

Вскоре два не похожих друг на друга охотника вернулись с охапками ракообразных, каждый — величиной с королевского краба. Трех из них — убитых, вылущенных и поджаренных на костре — хватило, чтобы насытить всех, даже тигрицу. На сей раз Джон-Том не стал и дергаться, когда засыпающая амазонка притулилась к нему. Мадж свернулся клубочком по другую сторону костра. Впервые со дня побега из Гнилых Горшков они спали спокойно.

Глава 6

Как обычно, первым пробудился Мадж. Он сел, потянулся и зевнул, да так натужно, что задрожали усы. Солнце только что взошло, над погасшим костром витал слабеющий дымок. Сон выдра — самый лучший сон за последние несколько недель — нарушили посторонние звуки.

Мадж снова услышал шум — услышал, в этом сомневаться не приходилось. Заинтересовавшись, он быстро оделся и на цыпочках отошел от все еще спящих друзей. У вершины песчаного холмика, с лятнами прибрежной травы, он укоротил шаг и осторожно посмотрел через гребень. И обнаружил нарушителей тишины.

Да, Мадж и его спутники были на пляже не одни. Неподалеку от их лагеря к берегу приткнулось маленькое одномачтовое судно, и четверо здоровенных и жутких на вид представителей различных зоологических видов толпились вокруг маленького, сухонького индивидуума. Два верзилы вырывали друг у друга какой-то предмет одежды.

Мысленно пожав плечами, Мадж решил отступить. Его разбудил жалобный зов о помощи. Голос был громок и явно принадлежал старику. Но выдра все это не касалось. У него своих забот хватало.

Кто-то прикоснулся к его плечу. Резко втянув воздух, он отпрыгнул, перекувыркнулся и схватился за короткий меч. Затем успокоился — это был Джон-Том, а Розарык стояла совсем близко за спиной юноши.

— Что тут происходит?

— Да ниче, парень. Не наше дело, верно? Сами разберутся. А я вполне созрел для завтрака.

— Неужели ты ни о чем не можешь думать, кроме жратвы, денег и секса?

— Плохо ты меня знаешь, шеф. Иногда я думаю про секс, жратву и деньги. А иногда...

— Ладно, хватит, — раздраженно перебил Джон-Том.

— Четвехо на одного, — сердито пробормотала Розарык. — И этот один не выглядит силачом. Не слишком галантно.

— Надо что-то делать, — прошептал Джон-Том. — Мадж, обойди их лесом с левого фланга и возьми на прицел. Я атакую в лоб. А ты, Розарык...

Но тигрица уже перевалила через гребень и бросилась вниз.

«Н-да, настоящими тактикой и стратегией тут и не пахнет», — мысленно произнес Джон-Том.

— Мадж, вперед!

— Эй, кореш, погоди минутку. — Глядя, как Джон-Том бежит по пятам за Розарык, размахивая посохом и кричит во всю силу легких, выдр выругался: — Дураки чертовы!

Затем он положил на лук стрелу и бросился вдогонку.

Но боя не получилось. Увидав семь футов и пятьсот фунтов белой тигрицы, несущихся с холма, вращающих длинными тонкими мечами и ревущих так, что на ближайших деревьях тряслась листва, хулиганы дружно ринулись к суденышку.

Четверо драпали сломя голову и оказались за пределами досягаемости меча еще до того, как Розарык, разгоряченная атакой и выкрикивающая им вслед оскорбления и вызовы, забежала в воду. Мадж мог бы достать их одной-двумя стрелами, но не видел смысла в убийстве удирающих незнакомцев или приобретении врагов. Он всегда считал: самая лучшая драка — та, которая не состоялась.

Тем временем Джон-Том сочувственно склонился над побитым спасенным, просунул руку под тонкую мохнатую шею и помог сесть.

Жертвой хулиганов оказался старый хорек — дальний родственник Маджа. Его худобе могла бы позавидовать любая выдра. Коричневый мех на теле и черная «маска» на морде были более чем основательно тронуты сединой. Одеждой незнакомцу служили бежевые шорты и жилет, а обувью — изношенные сандалии. Поблизости, втоптанная в песок, лежала самая обычная шляпа с вислыми полями, а рядом — кожаный мешок. Еще несколько таких же мешков были разбросаны по пляжу. Все они были пусты.

Постепенно у старого хорька восстановилось дыхание. Он открыл глаза, увидел Джон-Тома и затравленно огляделся.

— Спокойно, дружище, спокойно. Они не вернутся. Мы об этом позаботились.

Хорек недоверчиво посмотрел на юношу, затем его взор скользнул по берегу и застыл на кожаных мешках.

— Мой капитал! Мои товары! — Старец вскочил и поочередно осмотрел мешки. Потом уселся на песок, горестно вздохнул и скинул с колен последний мешочек.

— Пропало. — Он печально покачал головой. — Все пропало.

— Что пропало, дедуля? — спросил Мадж, поддев носком сапога один из мешков.

Хорек даже не оглянулся на него.

— Мое состояние, мое крошечное состояние. Я... Я был скромным коробейником, приторговывал на землях к востоку отсюда всякими безделушками. И теперь эти противные пираты... — он махнул лапой в сторону моря, где беглецы поставили парус и уже исчезали на горизонте, — отняли все, что мне удалось скопить за мою убогую, никчемную жизнь. Они меня держали в неволе, заставляли делать за них грязную работу: стряпать, мыть и стирать, пока они охотились за другими ни о чем не подозревающими путниками. Они обещали отпустить меня подобру-поздорову, но в конце концов я им надоел, и они, вместо того чтобы вернуть меня в цивилизованные края, решили высадить на пустынном, необитаемом берегу, бросить в этой неведомой стране, где я умру от голода. Они отняли то немногое, что мне удалось сберечь на черный день. Они смеялись, отбирая мои припасы. Им бы ничего не стоило лишить меня жизни, не появись вы в самый последний момент... ибо я не соглашался остаться в одиночестве...

— Вы нам ничем не обязаны, — сказал Джон-Том. — Мы здесь совершенно случайно.

— Ага, приятель, скажи это еще раз, — с отвращением пробормотал Мадж, вешая лук на плечо.

Джон-Том пропустил его реплику мимо ушей.

— Мы счастливы, что смогли помочь. Нам не нравится, когда кого-то обижают, особенно пожилых граждан.

— Кого?

— Стариков.

— А! Но как же мне отблагодарить вас, сударь? Ведь я разорен.

— Забудьте. — Патетика хорька слегка смутила Джон-Тома.

Кривясь от боли и держась за поясницу, хорек поднялся.

— Мое имя Яльвар. Кому я обязан своим спасением?

— Я Джон-Том, чаропевец. В некотором смысле.

Хорек почтительно поклонился.

— Я сразу догадался, что вы весьма могущественны.

Джон-Том указал на мрачного Маджа.

— А этот комок мохнатого недовольства — мой друг Мадж.

Выдр немедленно фыркнул.

— А эта башня безрассудной отваги — Розарык.

— Знакомство со столь выдающимися существами — великая честь для меня, — смущенно произнес хорек, падая на песок и обхватывая сапоги Джон-Тома. — Увы, у меня ничего не осталось. Я потерял товары, деньги, припасы — все, кроме одежды, которую вы видите на мне. Я обязан вам жизнью. Располагайте

ею, господа! Возьмите меня к себе в услужение. Позвольте отработать долг.

— Эй, постой-ка. — Джон-Том высвободил ноги из объятий хорька. — Я не сторонник рабства. Э!

— Приятель, не стоит спешить, — торопливо вмешался Мадж. — Выслушай этого бедного придурка, то есть этого несчастного коробейника. У него ничего не осталось, ни гроша за душой. Ему нужна защита, иначе он снова наткнется на какую-нибудь шайку и тада его наверняка прикончат, ради одного шмотья. — Он ободряюще посмотрел на хорька. — Ну так как, шеф? Кухарить умеешь?

— У меня есть кое-какие таланты по части кулинарии, добрый господин.

— Мадж... — предостерегающе начал Джон-Том. Выдр отмахнулся.

— Еще ты бормотал насчет стирки.

— Да, милостивый сударь, бормотал. Я способен самой старой и зловонной тряпке вернуть девственную чистоту, обойдясь сущим пустяком моющих средств. Помимо этого, я весьма искусен в штопке. Вы не смотрите на преклонный возраст. Я не буду для вас обузой.

Мадж с важным видом прохаживался взад-вперед.

— Ну ладно, чувак. Думаю, надо сжалиться над тобой и принять в нашу компанию. А, шеф?

— Мадж, ты же знаешь, что я думаю насчет прислуги.

— Джон-Том, прислуга тут совершенно ни при чем. Чуваку нужна наша помощь. Без нее ему отсюда вовек не выбраться. Вот он и горит желанием внести свою лепту.

Хорек с энтузиазмом закивал.

— Добрые господа и дама! Умоляю, не отвергайте мои жалкие услуги! Позвольте сопровождать вас! Может быть, мое злосчастье не уживется в соседстве с такими могущественными созданиями, как вы.

— Держу пари, ты ловкий торгаш, — заключил Джон-Том. — Ладно, можешь идти с нами, но как равный, а не как слуга или раб. Мы тебя возьмем в долю... — Он вспомнил кошелек с золотом, украденный холуями Цанкресты. — ... как только сможем это себе позволить.

— Великий господин, мне достаточно лишь пищи, крова и защиты.

— Хватит называть меня господином, — сказал Джон-Том. — Я тебе всех представил по именам.

— Как пожелаете, Джон-Том. — Хорек отвернулся и посмотрел вдоль берега. — Что теперь будем делать? Как я догадываюсь, вы направляетесь к востоку. Если идти в ту сторону долго, можно добраться до земель, граничащих с Колоколесьем и рекой Вертихвосткой, где процветает цивилизация.

— Больно нужно, — фыркнул выдр.

Джон-Том отрицательно покачал головой.

— Нет, Яльвар, восток нам ни к чему. Мы хотим попасть на юг, в Снаркен.

— На том берегу Глиттергейста?! Господин... Джон-Том, я долго прожил и немало повидал. Путь до Снаркена неблизок и чреват опасностями. Уж лучше начать далекий поход к устью Вертихвостки. И еще: где на этом пустынном берегу мы найдем корабль? А к северу отсюда лежат Нижесредние болота. Через них еще никто не проходил.

— Мы прошли, — гордо заявил Мадж.

— Вот как? Что ж, сомневаться в ваших словах не приходится. Однако, если мы все же отправимся на север, то уклонимся от восточных торговых путей. Там корабля не нанять.

— Не жди от меня возражений, кореш, — сказал Мадж. — По мне, лучше всего сделать так, как ты советуешь, — вернуться в Колоколесье, к Вертихвостке, и начать все сызнова. Ченельска небось уж умаялся нас искать.

— Нет, — твердо произнес Джон-Том. — Назад я не собираюсь. Мы слишком далеко зашли.

Мадж исподлобья поглядел на него.

— Парень, но ведь ты только что выслушал этого мудрого старикана. Как, по-твоему, мы через это переберемся? — Он обвел рукой пустынную, без единого паруса гладь океана. — Ты ведь знаешь, приятель, я не дурак поплавать, но предпочитаю водоемы, где можно добраться до берега.

— Джон-Том, ты можешь что-нибудь пхедложить? — спросила Розарык.

Он постоял в молчании, кипя от злости, а потом выдал:

— Могу! Я запросто могу наколдовать для нас судно!

— Ой-ой-ой! — Мадж попятился к деревьям, выискивая подходящий валун. — У его милости высохли штаны, и он готов снова заняться чаропением.

Розарык удивленно посмотрела на выдра.

— Почему ты язвишь, колобок волосатый? Хазве не это его пхофессия?

— Может, кой-кто так и считает. Что же до меня, то я скорее возьмусь чистить зубы крокодилу, чем ассистировать Джон-Тому в его фокусах.

— Я не понимаю. Чахопевец он или не чахопевец?

— Чаропевец, — подтвердил Мадж. — В этом сомневаться не приходится. Если б только не пустяковая привычка попадать не в ту мишень. Когда это случается, лучше держаться подальше от тира.

— Розарык, — обратился к тигрице Джон-Том. — Отойди, спрячься с ним за камни. — Он был безумно зол на выдра. Разве не он, Джон-Том, одержал великую победу у Врат Джо-Трума? Конечно, благодаря чистой случайности, но все-таки...

— Нет уж, мой сахахный, — возмутилась тигрица. — Если не возхажаешь, я постою здесь.

— Молодчина. — Джон-Том взял дуару на изготовку, повернулся лицом к океану, где вскоре, как он надеялся, возникнет подходящее судно без экипажа, мирно стоящее на якоре. К тому же не стоило показывать Розарык, как он нервничает. Когда-то на далекой реке он уже пытался при помощи магии сотворить лодку, чтобы перебраться со спутниками на другой берег. Вместо этого ему пришлось познакомиться с Фаламеезаром, драконом-марксистом. Доверясь магии, он получил удачный, хоть и совершенно неожиданный результат. Но где гарантия, что на этот раз все кончится благополучно?

Однако идти на попятную было поздно. Он уже похвастался и теперь чувствовал, как взгляд тигрицы сверлит его шею. Если он сейчас передумает, Мадж сочтет его неумехой, а Розарык — трусом. Придется рискнуть. Он перебрал в уме названия нескольких песен и отмел все. Песенки, которые напрашивались сами, предлагая наипростейший выход, вызывали у него панический страх.

Он проверил звучание струн и запел.

В тот же миг вокруг него замельтешили искорки — казалось, песок под ногами ожил и засветился. То были гничии, крошечные ультранедолговечные живые частицы, непременные спутники действующей магии. Они коалесцировали в яркое облако, танцующее вокруг него; любая попытка разглядеть одного из них приводила к тому, что он исчезал. Гничии принадлежали к той категории вещей, которые можно заметить только краешком глаза и которые пропадают бесследно, стоит к ним повернуться.

Джон-Том, Розарык и остальные ощутили их присутствие. Это было добрым признаком: чаропение не пропадало втуне. Разумеется, на этот раз мелодия показалась вполне безобидной даже боязливому Маджу, чье мнение о музыкальных пристрастиях Джон-Тома мало отличалось от мнения президента Учительско-родительской ассоциации. Выдр был вынужден признать: вопреки обыкновению выбранная Джон-Томом песенка не режет слух, пусть даже текст, как обычно, абсолютно непостижим.

Джон-Том исполнял песню с предельно бледной эмоциональной окраской: «Шлюп «Джон Б.» ансамбля «Бич Бойз». С учетом сложившейся ситуации выбор казался вполне логичным.

Поначалу ничего не происходило, однако Яльвар на всякий случай сделал защитные пассы перед мордой и грудью и перебрался поближе к Маджу. А выдр с тревогой ждал, когда объявится непредвиденное.

Наблюдая эту сцену, тигрица робела, но превозмогала себя и не трогалась с места.

Тревоги Маджа не оправдались. Впервые магические потуги Джон-Тома были вознаграждены ожидаемым успехом. Готовый

при первом же признаке опасности метнуться в лес, выдр медленно выбрался из-за валуна.

— Чтоб меня трахнули, как синеглазого бандикута! — пробормотал он возбужденно. — Пацан что обещал, то и сделал!

Сразу за линией прибоя на волнах уютно покачивался одномачтовый шлюп. Корма смотрела на берег, и на пластине любой без труда мог прочесть: «Джон Б.».

Аккорды и голос постепенно утихли, гничии и облако голубого тумана, из которого появилось судно, исчезли. Шлюп мирно дожидался пассажиров. Розарык одобрительно положила лапу на плечо Джон-Тома.

— Клянусь, ты настоящий чахопевец, мой сахахный. Кохаблик смотхится немного необычно, но он мне нхавится. А ведь мне довелось немало походить под пахусами.

Джон-Том все еще сжимал дуару, словно боялся, что шлюп (сколь ни реален он с виду) вдруг исчезнет в набежавшем откуда-нибудь тумане.

— Рад за тебя. А мне ни на чем крупнее серфа плавать не случалось.

— Не волнуйся. Я незнакома с этим типом яхт, но если у нее есть паруса, я с ними управлюсь.

— И я, — произнес Яльвар за их спинами. — В молодости я много плавал на разных судах.

— Видите? — приближаясь к ним, подал голос выдр. — Старый воротник уже окупает свое спасение.

— Ладно, — неохотно кивнул Джон-Том. — Пойдем посмотрим, что на борту.

Первым до шлюпа добрался Мадж — в воде он был как дома. К тому времени, когда Джон-Том перевалился через фальшборт, выдр уже завершил предварительный осмотр.

— Он полностью оснащен, хотя все чертовски странное.

— Дай взглянуть. — Джон-Том первым спустился в камбуз.

На банках и ящиках красовались знакомые ярлыки: «Хормель», «Армор», «Оскар Мэйер», «Хебрью Нейшнл». Еды хватило бы на кругосветное плавание. К тому же наличествовали рыболовные снасти и баллон, под завязку заполненный пропаном. Джон-Том проверил плиту и был вознагражден вспышкой синего пламени, заставившей Розарык отпрянуть.

— Я не вижу топлива!

— Насколько я могу судить, корабль вполне годен для далекого путешествия, — одобрительно прошептал Яльвар. — Я восхищен.

— В песне он предназначался для дальнего плавания, — пояснил Джон-Том.

Кроме парусной оснастки, шлюп был оборудован дизельным мотором. Джон-Том не стал его заводить. Пускай его спутники

немного пообвыкнут, и тогда он ошеломит их новым волшебством.

— Розарык, раз уж ты самый опытный мореплаватель среди нас, почему бы тебе не стать капитаном?

— Как пожелаешь, Джон-Том.

Розарык протиснулась через люк на палубу и начала знакомиться с необычной, но вполне постижимой оснасткой. Как на любой современной яхте, она не требовала больших мускульных усилий. Тигрице не составило особого труда разобраться в механике.

Электрическая лебедка моментально выбрала якорную цепь. Розарык встала к штурвалу, шлюп развернулся, его паруса наполнились теплым ветром, и путешественники направились в открытое море. Через час галечный берег и торфяники с их озадаченным фангоидным населением остались далеко позади.

— В какой стохоне Снахкен? — спросила Розарык, одновременно управляясь и со штурвалом, и с ручным воротом. Грот раздувался под напором свежеющего ветра.

— Не знаю. Ты же мореплаватель.

— Мохеплаватель, но не навигатох, человече.

— Зюйд-вест, — сказал Мадж. — Пока держим правильно.

Розарык скорректировала курс по компасу.

— Есть зюйд-вест!

Шлюп плавно переходил с галса на галс, мгновенно повинуясь легким прикосновениям к штурвалу. Джон-Том, которому удачное колдовство частично вернуло уверенность в себе, повторил песню и на всякий случай исполнил «Плыви, плыви, моряк» все тех же «Бичей». Солнце ласкало, ветер не утихал, и казалось, Снаркен рядом, сразу за горизонтом.

Отложив наконец дуару, Джон-Том проводил Яльвара на камбуз и разъяснил все тонкости обращения с газовой плитой и такой запредельной эзотермией, как консервные ключи и ножи. Прохлопотав до сумерек, он позволил себе первым улечься в койку.

Для того чтобы проснуться от неистовой качки.

— Вставайте, чаропевец! Вставайте!

В крайнем недоумении Джон-Том повернулся на другой бок и уставился в перепуганные глаза хорька.

— Что... В чем дело?

Он опешил, услыхав собственный голос — неестественно густой и замедленный. Кораблик, казалось, совершал сальтомортале.

— Чаропевец, нам грозит огромная беда! Огромная!

Яльвар исчез, а Джон-Том решил сесть. Это удалось только с третьей попытки. Затем он попробовал встать с койки и обнаружил, что не в силах отличить днища от верхней палубы. Днище нашло его само.

— Да что же это? — донеслось издали.

Он кое-как вскарабкался на ноги.

— Ничего не...

Он дотянулся до рамы нижней койки и попытался выпрямиться.

— А где...

С неимоверным трудом юноше удалось принять стоячее положение. Ноги подкашивались, словно вознамерились идти в ими самими выбранном направлении и не желали исполнять противоречащие указания мозга.

— Что со мной? — простонал он.

В люке появились два лица — одно над другим. Оба расплывались.

— А-а, че-ехт! — протянула Розарык. — Он же пьян! А я, духа, пхоглядела, как он добхался до хмельного.

— И я. — Мадж силился протиснуться между ней и косяком. — Да подвинься же, чертова амазонища!

Он схватил Джон-Тома за плечи и потряс. Юноша отшатнулся.

— Пускай меня прижучат, как коричневую полевку, ежели он не пьян. Эй, шеф, где ты раздобыл бухало?

— Какое еще бухало? — пробасил Джон-Том. — Я не...

Днище чуть не выскочило у него из-под ног.

— Слушайте, какая сволочь качает наш автобус?

Мадж отступил с омерзением на морде.

— Сволочь — это тот, кто надирается в одиночку.

— Оставь его, — велела Розарык, — придется самим управляться.

Они отвернулись.

— Эй, погодите! — завопил Джон-Том. Он шагнул вперед, и шлюп — коварное и подлое, как выяснилось, создание, расчетливо выдернул из-под него днище. Джон-Том налетел на люк и вцепился в него изо всех сил.

«Мадж прав, — дошло до него сквозь тепловатый туман, налипший на глазные яблоки. — Я пьян».

Он до предела напряг рассудок, но не смог вспомнить ничего крепче апельсинового сока, выпитого за ужином. Спев два куплета из «Шлюп «Джон Б.» (чтобы корабль не дематериализовался под ними среди ночи), он отправился почивать. Яльвар не спал и был трезв. Все были как стеклышко, и спать никому не хотелось... Кроме него.

В этот момент юноше отчаянно понадобился иллюминатор. Обнаружив его, он в самое последнее мгновение успел высунуть голову и вылить мутное содержимое желудка в столь же мутный океан. Волна довольно сильно лупила в борт, и Джон-Том, закончив блевать, обнаружил, что успел вымокнуть. Тошнота слегка отступила, но трезвее он не стал.

Кое-как он закрыл иллюминатор, задвинул шпингалет, шатаясь, выбрался на палубу. Едва он ступил на тиковые доски, на

него с яростью накинулся ветер. Розарык с мрачной решимостью сжимала штурвал, а Мадж и Яльвар развлекались отнюдь не лучшим образом, пытаясь зарифить грот.

— Пошевеливайтесь! — Рев тигрицы почти был едва слышен в шуме бури. — А то его обязательно сохвет!

— Да и наплевать, — простонал Джон-Том, прижимая ладони к вискам. — Только давайте не будем орать, хорошо?

— Вы это небесам скажите, чаропевец, — взмолился Яльвар.

— Да, кореш, тебе пора поколдовать, — присоединился к хорьку промокший до нитки Мадж. — Угомони клепаную стихию. Хватит с нас этой чертовой бури, будь она трижды проклята.

— Сделаю все что угодно, — пообещал юноша, — только не шумите.

Он качнулся и свалился бы за борт, если бы в последний момент не ухватился за планшир.

— Я ничего не понимаю! Когда я спать ложился, было так спокойно...

— Ну, а теперь неспокойно, кореш, — перебил Мадж, меряясь силами с тяжелым мокрым парусом.

— А я ни хазу не видала, чтобы такой свихепый ухаган налетал так внезапно, — добавила борющаяся со штурвалом Розарык.

— Слова, — пробормотал Яльвар. — Слова чаропесни! Вы их помните? — Он смотрел на Джон-Тома в упор. — Вы не позабыли слова?

— Но это же просто хоровой рефрен, — простонал Джон-Том. — Просто хоровой рефрен. «В жизни хуже не бывало, разрази нас гром!» — пробормотал он, понизив голос. — Нет, вы не подумайте, что я на это напрашивался.

— Но вы это спели. Духам не под силу отличить текст от подтекста, они все понимают буквально.

— Но в моей жизни бывало хуже. — Отступив на ватных ногах от леера, Джон-Том протестующе крикнул небесам, которые явно собирались разразить их громом: — Куда хуже!

Небеса не удостоили его вниманием.

Несколько часов экипаж «Джона Б.» воевал с волнами. Дважды суденышко едва не затонуло, и спасли его далеко не волшебные усилия помпы, которую Джон-Тому удалось завести, заблевав от натуги все машинное отделение. Зато после можно было не бояться приступов рвоты — желудок очистился полностью. Впрочем, самому желудку так не казалось.

Вскоре после того, как они откачали воду из второго трюма, ветер начал утихать. Через час улеглись и чудовищные волны. Но экипажу полегчало не намного, ибо громы и молнии уступили непроницаемо густому туману.

Опершись о леер, Мадж заворчал:

— Кореша, к земле нам сейчас лучше не приближаться.

Он глянул вверх. Там мелькали слабые проблески, но туман даже не думал таять.

— Эй ты, здоровенное желтое недрило! Я знаю, ты там! Почему бы тебе не испарить эту висячую мочу, чтоб мы могли видеть дорогу?

— Слова песни, — буркнул Яльвар.

— Шеф, прикуси язык, а не то я тебе помогу, — зарычал Мадж.

Царило утро. Где-то в вышине висело и, вероятно, посмеивалось солнце. Компас по-прежнему указывал путь, но ветер улегся вместе с бурей, а жалких потуг Джон-Тома было совершенно недостаточно для пробуждения новенького блестящего двигателя.

Заново поставленный парус безвольно свисал с мачты. Шлюп плелся по зеркально гладкому мелководью. Иногда песчаное дно угрожающе поднималось к килю, но сменялось синей пропастью всякий раз, едва у экипажа появлялась надежда на скорую высадку. Розарык, как могла, управлялась со штурвалом, а выдра и хорька нельзя было упрекнуть, по крайней мере, в недостатке зоркости и быстроты реакций.

На склоне дня туман все еще упорно цеплялся за шлюп, и казалось, песня Джон-Тома одновременно дарит им спасение и навлекает гибель. Исчезновение ветра выглядело подозрительно.

Рано или поздно вокруг шлюпа сомкнутся мели, и странникам придется коротать свой недолгий век посреди чужого океана.

Раздражение точило душу каждому, даже Розарык. Их чаропевец, сотворивший этот чудесный кораблик, даже о себе самом не в состоянии позаботиться. Хорошо хоть его больше не рвет. Удивительно, как это он, капли в рот не взявши, вдруг оказался, мягко говоря, навеселе? А перипетии нынешнего дня подействовали на него еще хуже. Теперь он таскается взад-вперед по палубе и бормочет песенки, такие дурацкие, что никто из спутников просто не в состоянии их расшифровать.

Исключительно из предосторожности Мадж припрятал дуару в укромном местечке. Если чаропевец, будучи как стеклышко, вовлекает тебя в такую передрягу, страшно даже вообразить, на что он способен во хмелю.

— У нас только один шанс, — заявил наконец Яльвар.

— Говори, шеф. — Сидя на баке у левого борта, Мадж не отрывал тревожного взора от коварного мелководья.

— Надо поворотить. Мы не успели отойти далеко от берега, прежде чем начались досадные злоключения. Можно вернуться, высадиться и подождать попутного ветра, который домчит нас до устья Вертихвостки и цивилизованных мест.

— Заманчиво, шеф, да только с ним этот номер не пройдет. — Выдр кивнул в сторону Джон-Тома, пластом лежавшего на палубе и то смеющегося, то икающего в тумане.

— Но разве он не обязан нам уступить? — удивился Яльвар. — У него есть дар, но нет власти над ним.

— Кой в чем ты прав. Я не ахти какой спец по части чаропения, но тута и так все ясно. Он мой друг, и я обещался помочь ему добраться до цели, что бы с ним ни случилось.

«К тому же, — напомнил себе выдр, — если мы воротимся без лекарства, вряд ли можно будет ожидать особой щедрости от Клотагорба». Не в обычаях Маджа было пренебрегать вознаграждением, затратив столько труда.

— Но как же нам быть? — взмолился Яльвар. — Других заклинателей или волшебников среди нас нет. А вывести Джон-Тома из этого странного состояния мы не в силах, ибо оно — следствие его собственного чаропения.

— Может, сам оклемается, — с деланной бодростью произнес Мадж, печально глядя, как Джон-Том переворачивается на живот посреди верхней палубы и снова корчится в рвотных спазмах. — Жалко парня, сразу видать, что похмелюга ему в диковинку. — Словно в подтверждение слов выдра Джон-Том опять перевернулся и свалился с каюты, чуть не улетев за борт. Приняв сидячее положение, он расхохотался. На борту шлюпа «Джон Б.» только ему ситуация казалась забавной.

Мадж сокрушенно покачал головой.

— Ужас как жалко.

— Да, это печально, — согласился Яльвар.

— Это куда печальней, чем ты думаешь, кореш. Вишь, как он мается потрясающим отходняком, которому позавидовал бы самый прожженный алкаш, — а ведь пацану даже не пришлось напиваться. Разве не обидно?

Он глянул за борт — песчаное дно подступило вплотную — и крикнул в сторону кормы:

— Милашка, пару градусов вправо!

— Слышу, слышу. — Судно слегка изменило курс, и дно тотчас исчезло.

— Ниче, выветрится, — бубнил выдр. — Обязательно. Невозможно ходить под кайфом всю жизнь, сколько ни заколдовывай свое брюхо. Никак не возьму в толк, када он успел?

— Когда и все остальное, — объяснил Яльвар. — Разве не помнишь песню?

— «В жизни хуже не бывало, разрази нас гром!» Ты про это?

— Не только. Вспомни: он назначил капитаном тигрицу, потому что среди нас она лучший мореход. Это означает, что он теперь — первый помощник.

— Может, и так, кореш. Я не дока в кораблевождении и морских словечках.

— Он опустился до ранга старпома, — уверенно продолжал Яльвар. — А дальше — как в песне: «Старпом надрался, как свинья».

— Ага, теперь припоминаю. — Выдр кивком указал на беспомощного чаропевца, который все еще пребывал во власти непо-

стижимой для остальных истерии. — Выходит, ему самому невдомек, до чего он доколдовался?

— Боюсь, это именно тот случай.

— Слов нет, до чего жалко. Ну, почему он не меня назначил старпомом? Я б такой крутой балдеж перенес в десять раз легче. Ладно, авось очухается.

— Я тоже надеюсь. — Яльвар посмотрел в небо. — Кажется, мы скоро выйдем из этого потустороннего тумана. А там и штиль, возможно, кончится, и нам удастся вернуться.

— Вот что я тебе скажу, чувак... — Чей-то вопль не дал Маджу договорить, застудив кровь в его жилах. Точнее, застудил не сам звук, а его источник. Кричала вода по правому борту.

Вопль повторился.

— Эге-гей! Эй, вы, на шлюпе!

— В чем дело? — Розарык нахмурилась, вглядываясь в туман. — Джон-Том, пхоснись!

Паруса все еще висели, как белье на веревке.

— Что? Проспись? — Джон-Том захохотал и попытался встать.

— Эге-гей, на шлюпе! — раздался другой голос, на сей раз женский.

— Что... Кто это? — Спотыкаясь, Джон-Том обогнул каюту и вытаращился в туман. В этот момент его зрение (как и разум) функционировало далеко не лучшим образом.

В тумане материализовалось второе плавсредство — глиссер со стекловолокнистым корпусом, отливающим перламутром, и подвесным мотором. На виниловых банках восседали трое... Нет, четверо. Две пары. Все — люди, все — нормального роста и телосложения, каждому — за двадцать.

— В чем проблема, «Джон Б.»? — спросил сидевший у мотора юноша. Казалось, он тоже маленько под градусом. Между передними банками стоял походный термос, набитый льдом и алюминиевыми жестянками с пивом.

Джон-Тома зашатало. Это галлюцинации, очередной логический этап распада личности. Он перегнулся через борт и попытался сфокусировать остатки зрения на подозрительной сигарете, переходившей из рук в руки на носу чужой лодки. Вторая парочка поочередно затягивалась из стеклянной трубки.

Мотор глиссера ревел на холостых оборотах. Одна из девиц, свесясь за борт, полоскала в океанской воде темные очки. Возле пивного ледника покоилась корзина для пикников, увенчанная большим початым мешком коржиков — кривых, кожистых, из тех, что вкусом напоминают чистую прожаренную соль. Возле мешка имели место двухфунтовая банка «краснокожего арахиса от Плантера» и несколько тропических фруктов яркой окраски.

Джон-Том взвыл и замотал головой. Появление этого глиссера и этой компании мигом заставило бы его протрезветь, не будь его собственные чары такими стойкими. Самозваному старпому

суждено было остаться пьяным. Он нечаянно проглотил вертевшиеся на языке слова и спросил со второй попытки:

— Вы... Вы кто?

— Я Чарли Макреди, — радостно ответил рулевой и окружил себя дымовой завесой. Улыбнувшись от уха до уха, он наклонился вперед и обратился к подружкам: — Бьюсь об заклад, этот парень маленько съехал. Небось крутая была вечеринка.

Джон-Том тотчас вспомнил о своей радужной шапочке из кожи ящерицы, рубашке цвета индиго и остальных предметах одежды. Нормальной одежды — для Клотагорбова мира.

Девушка на носу лодки упорно возилась с солнцезащитными очками. Видимо, до нее не доходило, что промыть следует не стекла, а собственные глаза. Она снова склонилась над водой и едва не полетела за борт. Дружок успел схватить ее за лямку бикини и удержал на палубе, невольно сдавив при этом кое-какие чувствительные части тела. Девушка резко обернулась и занесла кулак, но промазала — благодаря травке, которую четверка увлеченно курила все утро. Почему-то промах вызвал у красотки неудержимое хихиканье.

А Джон-Тому было уже не до смеха. Он воевал со своими пьяными мыслями и магическим ядом в крови.

— Ребята, вы *кто*?

— Я же сказал, — раздался в ответ отягощенный «дурью» голос рулевого. — Макреди моя фамилия. Чарльз Макреди. Биржевой маклер из Манхэттена. «Меррил Линчинг». Слыхал небось? Играем на повышение. — Он опустил ладонь на плечо соседки — та внезапно погрузилась в задумчивость, зачарованная, видимо, блеском лака на своих ногтях. — Это Баффи. — Он кивнул в сторону носа. — Вон те детишки — Стив и Мери-Энн. Стив у меня в конторе работает. Верно, Стив? — Стив не отозвался, они с Мери-Энн хихикали уже дуэтом.

Рулевой повернулся обратно к Джон-Тому.

— А ты кто?

— Чертовски интересный вопрос, — запинаясь, ответил Джон-Том и оглядел свой нелепый костюм. Неужели это и есть знаменитая белая горячка? Почему-то он всегда считал, что в этом состоянии можно встретить кого-нибудь поинтереснее балдеющей четверки отпускников, нагруженных пивом и солеными коржиками.

— Я... я... — На одно ужасное мгновение в его памяти, там, где хранилось имя, угнездилась пышная, мягкая пустота. Такое замешательство охватывает тебя, когда ты входишь в дешевый зальчик кривых зеркал на муниципальной ярмарке и вынужден двигаться к выходу, выставив руки перед собой и проталкиваясь сквозь «ничто» собственных отражений.

Меривезер, сказал он себе. Джонатан Томас Меривезер. Старшекурсник юридического факультета КЛАУ — Калифорнийско-

го Лос-Анджелесского университета. Все это он медленно повторил рулевому.

— Рад встрече, — сказал Макреди.

— Но вы-то, вы-то кто? Откуда вы взялись? — Джон-Том почти кричал, но, даже сознавая это, не мог остановиться. Его отчаяние готово было пресечь любые поползновения самоконтроля.

Песня... Невинная, казалось бы, песенка, а сколько самых неожиданных последствий! Сначала — появление шлюпа, за ним шторм и опьянение, а теперь... Куда там по тексту направлялся шлюп «Джон Б.»?

Манхэттенский маклер показал направо.

— Вышли на денек проветриться из Нассау, а лоханка — из медицинского яхт-клуба. Слыхал небось, а, приятель? Ты откуда? Багамы? Мимо Майами проскочил, что ли? — Он покачивал пластиковыми бусами, висевшими у него на шее. — Если хочешь, можешь вернуться с нами.

— Это невозможно, — ошалело прошептал Джон-Том. Вот так взять и вернуться домой? Это невероятно. Как там поется в песенке, повторенной им столько раз? «Мимо города Нассау несемся по волнам. Я хочу домой, я хочу домой... В жизни хуже не бывало, разрази нас гром».

«Я хочу домой, — пропел Джон-Том про себя, — мимо города Нассау. Да... Да, мы пойдем следом за вами». Мы пойдем следом за вами. Он изо всех сил вцепился в планшир, прикипев глазами к большому мотору «Эвенруд», взрыкивающему за кормой лодки.

— Ну что, дальше двинете или за нами?

— За вами, — пролепетал Джон-Том. — Пойдем за вами. — Он повернулся к штурвалу. — Розарык, ставь все паруса... Нет, погоди! — Он спохватился, что ветра все еще нет. — Мотор! Я заведу мотор, и мы пойдем за ними. — Он шагнул к люку и тотчас ощутил, как падает навзничь и переваливается через борт над стеклянным обтекателем глиссера.

Огромная лапа ухватила его и втащила обратно на палубу.

— Побехегись, мой сахахный, — шепнула Розарык, одним прыжком преодолевшая расстояние между ним и штурвалом. — Кто эти стханные чужаки? — спросила она, глядя за борт. — Клянусь, я не в силах добхаться до сути их слов.

— Скажи им, — слабо простонал Джон-Том, глядя на глиссер, — кто ты, скажи им, где мы были.

Но Чарльз Макреди, биржевой брокер на отдыхе, семь дней, шесть ночей — 950 долларов за все, включая перелет из Ла-Гуардия и обратно (конечно, если не считать намеченной на этот вечер попойки), не ответил. Он смотрел на шлюп, на котором семь футов белой тигрицы, облаченные в кожу и медь, стояли на задних лапах и пристально разглядывали его.

На носу захихикали еще пуще. Подружка Макреди переключилась на пальцы ног, вперив в них остекленевший взгляд Будды.

Макреди столь поспешно швырнул за борт окурок, будто тот был пропитан цианидом, и внятно произнес: «Ну ни хрена ж себе!» Затем плюхнулся на банку и врубил мощный подвесной мотор.

— Нет! Постойте! — закричал Джон-Том. — Подождите! — Он хотел прыгнуть за борт, и Розарык понадобилось напрячь огромные мускулы, чтобы не дать ему утопиться. В таком состоянии он не то что плыть — на воде удержаться не смог бы.

— Эй, полегче, Джон-Том! Да какой демон в тебя вселился?!

Он выкрутился из ее лап, нырнул в люк машинного отделения и вцепился в дизель. На сей раз мотор завелся, причем всего лишь с третьей попытки. Юноша торопливо вскарабкался по трапу и понесся к штурвалу. Стрелка компаса плясала. Он вдавил кнопку в пульт. Под палубой нерешительно заурчало, но вскоре затихло. Он снова стукнул по кнопке. «Врр... врр...» — отозвался дизель.

С бака прибежал Мадж.

— Что тут у вас за чертовщина творится?

Розарык, стоявшая на страже у борта, растерянно посмотрела на выдра.

— Тут были люди на лодке. Должно быть, где-то хядом земля.

— Я слышал. Потрясно, дьявол меня побери. И что, они готовы довести нас до берега?

Розарык пожала плечами.

— Кажется, они чего-то испугались.

Джон-Том рыдал. Рыдал и нажимал кнопку стартера.

— Ты не понимаешь! Ты не понимаешь!

Вдали утихал стрекот мотора глиссера. Дизель «Джона Б.» упорно оказывал неповиновение.

Наконец раздался глухой рев. Розарык подпрыгнула и ухватилась за планшир. Шлюп пришел в движение.

— Где они? — вскричал Джон-Том, пытаясь одновременно рулить и искать в тумане катер. — Куда они пошли?

— Не знаю, Джон-Том, — беспомощно произнес Яльвар. — Я не разглядел. — Он неуверенно показал в туман за носом. — Кажется, туда.

Джон-Том передвинул рычаг скорости, и мотор беспрекословно подчинился. Они должны были находиться неподалеку от Нассау. Четверка ньюйоркцев вышла в море всего на один день, брокер сам об этом сказал. К тому же у них только купальные костюмы, да и еды кот наплакал. А от Нассау рукой подать до побережья Флориды. До Майами, Диснейленда, гостиниц и мыльных опер по телеку в дневные часы. Образы, намеренно утопленные в глубине памяти, наперегонки ринулись к поверхности. Дом...

Он дома.

Он настолько обалдел от надежды и радости, что не подумал,

как воспримет Нассау его появление в обществе Маджа, Яльвара и Розарык. Но все это не имело значения. Никакого.

Совершенно о том не подозревая, он наколдовал себе возвращение домой.

Глава 7

В отчаянии он цеплялся за эту мысль, а между тем близился вечер. По-прежнему не показывались впереди ни Нассау, ни Багамы. Ни намека на прогулочные яхты и катера, в изобилии бороздящие гладь Карибского моря. Ни единого берегового огонька. Только вездесущий туман да изредка — проблеск ущербной луны, этакое бдительное серебряное око, следящее за тем, как мореплаватели расстаются с надеждой.

Джон-Том не отошел от штурвала и утром. Туман наконец исчез — нет, не исчез, а перебрался в его сердце и уплотнился в тяжелый комок. Теперь в любом направлении видимость была несколько миль, однако никому не посчастливилось заметить кокосовую пальму, низенький островок или манящий стеклянно-стальной фасад отеля «Хилтон». Лишь после того, как вышло все топливо в баке и двигатель, покашляв, затих, измученный рулевой опустился на палубу.

Хуже всего было то, что он протрезвел. Отчаяние и усталость изгнали из тела чаропевческий дурман. Ирония судьбы: здравый рассудок вернулся, когда в нем отпала необходимость.

Не вымолвив ни слова, Розарык опять встала за штурвал. Стоило пропасть туману, как возвратился ветер и наполнил паруса.

— Куда мне дехжать, Джон-Том? — спросила тигрица ровным голосом.

Он молчал, тупо глядя за борт.

Мадж пристально посмотрел на молодого человека.

— В Снаркен, милашка. Ты знаешь курс.

Розарык кивнула и повернула штурвал.

— Что это с ним?

— Вчера вечером, — задумчиво ответил Мадж, — он на несколько минут уверовал, что может воротиться домой, в родное Запределье. А по-моему, мы не могли вот так запросто перескочить из мира в мир, хоть и повстречали лодку, набитую какими-то придурковатыми людьми. Хотя пташки смотрелись потрясно, тут уж не поспоришь.

Розарык ошпарила его неприязненным взглядом.

— Ну и ублюдок же ты! У твоего дхуга хандха, а ты, дехьмовый извхащенец и дегенехат, только пхо секс и можешь думать!

— Ты, самодовольная шлюха! Поменьше бы крутила полоса-

той жопой! Даю на отсечение мамашину голову, под этим хвостом целая армия потрудилась на славу.

Розарык кинулась к Маджу, но ее остановил призрак голоса:

— Не надо! Пожалуйста.

Впервые за целые сутки к ним повернулось знакомое лицо.

— Не стоит. Из-за меня — не стоит.

Розарык неохотно возвратилась на свой пост.

— Слышь, приятель, — мягко обратился выдр к Джон-Тому, — ты никак всерьез поверил, что мы перешли в твой мир?

Джон-Том кивнул.

— Так было в песне. Я этого вовсе не ожидал, но поверил. И ничего не смог поделать. Слишком пьян был.

— А может, мы и сейчас в твоем михе? — предположила Розарык.

Мадж заметил под водой движение.

— Постой! Кажись, я знаю, как выяснить. — Он отправился на бак.

Слегка пошатываясь, Джон-Том встал. Розарык протянула лапу, чтобы помочь, но он отмахнулся и сказал с тусклой улыбкой:

— Спасибо. Я уже здоров. Трезв, как архангел.

— Так ты из-за песни опьянел?

— Да. Этого я тоже не планировал. Ничего, уже прошло. Вот почему я не думаю, что мы все еще в моем мире. Хорошее ушло вместе с плохим. — Его голос упал до шепота: — Розарык, я был дома! Дома!

— Джон-Том, мне тебя так жалко! Честное слово!

— У тебя большое сердце, Розарык. И все остальное. — Он вновь улыбнулся и двинулся на нос. Может, он ошибается. Может, еще есть шансик, пусть даже самый крошечный?

Выдр, перегнувшись через борт, вглядывался в воду.

— Как ты намерен это выяснить? — спросил Джон-Том.

Мадж поднял на него взгляд.

— Это нетрудно, босс. Тока попроси. — Он снова уткнулся глазами в волны, рассекаемые носом шлюпа, и вдруг позвал: — Эй, вы! Где мы?

Джон-Том наклонился и увидел гладкие тела с серыми спинами. Гибкие существа играючи догоняли шлюп и катались на волне, поднимаемой корпусом. Одно из них высунуло из воды бутылкообразную голову и проскрипело в ответ:

— Во второй половине первой четверти.

Раздался дружный писклявый смех — остальные дельфины оценили шуточку своего собрата.

Мадж виновато посмотрел на Джон-Тома.

— Прости, чувак, но у этой шайки морских комедиантов ни в жисть не получить вразумительный ответ.

— Не важно, — вздохнул юноша. — Их способность отвечать говорит сама за себя.

— Эгей! — подал голос другой скользкий пловец. — Ребята, а вы слыхали хохму насчет кальмара и Третьей Хозяйки Тридцатого косяка?

— Не-а. — Заинтересованный Мадж оперся о планшир.

Дельфин без труда держался вровень с набирающим скорость шлюпом.

— Похоже, она...

Не пожелав выслушать океаническую похабщину, Джон-Том отправился на центральную каюту созерцать горизонты.

Да, он уже не дома. Возможно, весь этот эпизод — не более чем галлюцинация. Результат алкогольного опьянения. И не было никакого глиссера с очумелыми брокерами из Нью-Йорка.

Но ведь Мадж, Розарык и Яльвар тоже их видели...

Последние следы интоксикации исчезли, оставив Джон-Тому жутковатый холод в душе и теле. Худо, когда судьба закидывает тебя в чужой мир. Но еще хуже, когда она дразнит миражами твоей собственной реальности, твоей родины. Должно быть, точно такие же чувства испытывает маленькое бедное дитя, вынужденное накануне Рождества стоять перед главной витриной супермаркета.

Перевесив дуару на грудь, он снова затянул ту песенку, стараясь менять модуляции голоса и длительность куплетов. Пел, пока из пересохшего горла не стал вырываться только хрип. Безнадежно. Слова оставались всего лишь словами.

С тем же результатом он исполнил еще несколько песен, где хотя бы мимоходом упоминалось о доме, о возвращении домой, о тоске по родине. Шлюп «Джон Б.» изящно рассекал волны, ведомый на юго-запад опытной мореплавательницей. Хоть бы жалкий клочок суши вдали — при виде него у Джон-Тома отлегло бы от сердца... Одни лишь бескрайние воды, да дельфины со своими неисчислимыми солеными шуточками.

— Прямо по курсу парус! — крикнул Яльвар с верхушки гротмачты.

Отбросив печали, Джон-Том спустился к бушприту, где стоял Мадж. Но как ни всматривался, видел только пустынный горизонт. Зато Мадж без труда различил вдали то же, что и хорек.

— Кореш, я его вижу!

— Как он выглядит?

— Обыкновенно — не как наш.

Последние надежды Джон-Тома рухнули. Значит, это не современное судно.

— Большая лоханка, — продолжал Мадж, — весла в два ряда. Знаешь, приятель, чтой-то она мне не нравится.

— Почему?

— Ну, сам подумай, шеф. Тока дураку взбредет на ум без дела болтаться по океану. А океан дураков не жалует.

Чужой корабль быстро приближался. Вскоре и Джон-Том сумел различить его силуэт.

— Ты видишь флаг?

Мадж вгляделся и задрожал.

— Вот и каюк нам, парень. У них на нок-рее — сердце, пронзенное ножом. Пираты.

Он засеменил к корме, Джон-Том поспешил вдогонку.

— А я думал, по Глиттергейсту ходят только купцы.

— Во-во, купцы и те, кто на них охотится. — Выдр испуганно приплясывал вокруг Розарык. — Слышь, ты, чертова карикатура на дылду-куртизанку! Сделай чегой-нибудь!

Резко выкрутив штурвал, тигрица холодно произнесла:

— Думаю, нас уже заметили.

— Джон-Том, спой, чтоб мы унеслись подальше отсюда!

За кормой быстро рос силуэт пиратского корабля. Вдоль бортов выстроились диковинные на вид фигуры. Два ряда весел синхронно погружались в воду и выныривали.

— Ветех слабоват, — заметила Розарык. — А у них пхевосходство — весла.

— У нас есть мотор, но нет топлива. — Джон-Том пытался распутать ремень дуары у себя на шее и зачарованно разглядывал надвигающегося Левиафана. — Интересные очертания.

— Не интересней моей задницы! — визгливо выкрикнул Мадж. — Когда нас сцапают, увидишь, какой она может быть интересной.

— Боюсь, я знаю не слишком много песен про корабли, — огорченно произнес Джон-Том, стараясь сосредоточиться, — а про пиратов и вовсе ни одной. Понимаешь, там, откуда я пришел, пираты — редкость, пережиток далекого прошлого. Не самая благодарная тема для современных бардов.

— Сбацай что-нибудь современное, — взмолился выдр. — Что хошь!

Второпях Джон-Том испробовал две полузабытые мелодии, но они не оказали ни малейшего воздействия на шлюп и приближающуюся галеру. Да и затруднительно вспомнить что-нибудь путное, когда Яльвар, преклонив колени, жалобно взывает к Северу, а Мадж то истерически вопит тебе в лицо, то в панике мечется по палубе.

Очень скоро ему стало не до воспоминаний. Раздался могучий рев тигрицы:

— Эй, вы! Встхечайте абохдажную команду.

Джон-Том положил дуару. С музыкой придется обождать. Над ним высилась палуба пиратской галеры. У борта выстроились существа — столь разношерстной компании Джон-Том не встречал за все время своего пребывания в этом мире.

Вот стоят три свирепых кабана с четырехфутовыми пиками в лапах, рядом — грязный корноухий полярный медведь. Парочка рысей поигрывает щербатыми боевыми топорами и готовится съехать вниз по свисающим с борта канатам. Дальше — тапир, экипированный солнцезащитными очками чудовищной величины, целится в шлюп из лука.

— Взять их! — прорычала старая гнилозубая рыжая рысь. Крутя над головой кривым ятаганом, она отважно прыгнула за борт и встретила брюхом набалдашник Джон-Томова посоха. Раздался судорожный всхлип и треск сломанного ребра.

Как только рыжая рысь отправилась за борт шлюпа, на Розарык по канату соскользнул койот, вознамерясь раскроить ей голову булавой. Дружно сверкнули мечи тигрицы, и тотчас четыре конечности порхнули в разные стороны, а туша койота беззвучно упала на палубу и щедро обрызгала ее кровью, пока билась в ужасающих конвульсиях.

При виде этого желудок старпома взбунтовался, но сразу же испуганно притих: нимало не обескураженные пираты градом посыпались с борта галеры. Юношу сразу потеснили двое закованных в броню ленивцев (которых можно было упрекнуть в чем угодно, только не в лености) и — к великому замешательству Джон-Тома — человек средних лет. Ленивцы дрались без оружия, полагаясь на шестидюймовые когти. Двигались они медлительнее других пиратов, но доспехи из толстой кожи надежно защищали их от ударов противника.

Джон-Том пятился, пока не прижался спиной к лееру. В тот же миг между ленивцами проскочил человек и попытался разрубить юношу топором. Джон-Том поднырнул под лезвие, сделал выпад и концом посоха попал одному из ленивцев по носу. Послышался треск кости, и Джон-Том почувствовал, как хрящ вминается под его весом. Ленивец рухнул, обливаясь кровью, а его приятель двинулся вперед, выставив перед собой обе лапы.

Джон-Том перенацелил посох, нажал потайную кнопку, и выброшенные из древка шесть дюймов стали вонзились нападающему в горло. Прежде чем повалиться навзничь, ленивец всем своим видом выразил изумление. Человек с топором отступил.

Яльвар и Мадж рубили абордажные крючья, что притягивали шлюп к галере, но получалось не слишком удачно, поскольку надо было еще и защищаться. Затем их подмяла под себя волна атакующих. Розарык, оттесненная к корме, стояла перед толпой, ощетиненной копьями и пиками. Всякий, кто подступал к ней на дистанцию выпада, вскоре околевал, загадив палубу своими внутренностями.

Наконец один из помощников пиратского капитана пролаял приказ. Копейщики подались назад, уступая места лучникам. На тигрицу нацелились десятки стрел. Будучи отважной воительницей, но не самоубийцей, она кивнула и сложила оружие. Пираты со

стальными цепями и обручами облепили пленницу и заковали так умело, что любые попытки освободиться задушили бы ее.

Потом шлюп был взят на буксир, а угрюмый квартет пленников поднялся по сходням на палубу враждебного корабля. Там бдительные стражники выстроили их в шеренгу, а остальные пираты подвергли — в некотором отдалении — почтительному осмотру. Только одно существо рискнуло подойти к ним вплотную — оттого, видимо, что не было запятнано кровью.

Ростом этот леопард не уступал Джон-Тому. Его красивый и вместе с тем надежный доспех состоял из кожи с замысловатым тиснением и сплетенных колец из серебристого металла; сзади наличествовало отверстие для хвоста, нижняя половина которого весьма походила на протез. Но выяснять, верна ли его догадка, Джон-Том счел бестактным. С ремня, опоясывающего талию огромного кота, свисали четыре длинных ножа. Мускулистые лапы были обнажены, если не считать кожаных перчаток без пальцев, — дабы в драке выпускать длинные когти, зато с обилием заплат и царапин. На черном носу хозяина перчаток багровела глубокая, плохо залеченная рана. Все это Джон-Том разглядел, пока леопард молча прохаживался мимо пленников.

— Вы хорошо дрались, — прорычал наконец леопард. — Очень хорошо. Даже чересчур хорошо, по-моему. — Он многозначительно посмотрел за корму, где покачивался шлюп. — Слишком много верных друзей пришлось отдать за этот жалкий приз. — Его глаза полыхнули зеленым огнем. — Я не из тех, кто жертвует славными парнями ради любого хлама, но уж очень было любопытно глянуть на вашу чудную посудину. Откуда путь держите и где раздобыли эту диковину? Бьюсь об заклад, она не из дерева сработана.

— Стекловолокно.

Леопард стрельнул в Джон-Тома глазами.

— А! Так ты, стало быть, хозяин.

Джон-Том кивнул.

— Он самый.

Что-то ужалило его в лицо, и он отшатнулся, на миг ослепнув. Рука инстинктивно метнулась к щеке и опустилась, встретив кровь. На лице остались четыре параллельных следа — неглубокие, можно даже сказать, пустяковые. Но пройди когти леопарда чуть выше — и Джон-Том лишился бы глаз.

Из горла тигрицы вырвался сдавленный рык, а Мадж пробормотал забористое ругательство. Проигнорировав обоих, леопард шагнул вперед, и они с Джон-Томом едва не столкнулись носами.

— Я — господин, — зловещим тоном произнес леопард. Мадж снова заворчал, и пират незамедлительно обжег его глазами. — Ты что-то вякнул, дерьмоед?

— Кто, я? Да я просто горло прочищал... господин. Драка вышла жаркая, вот оно и пересохло.

— Погоди, скоро тебе будет еще жарче. — Внимание гигантского кота вернулось к Джон-Тому. — Жалобы есть?

Юноша опустил взгляд, ощущая, как по лицу струится кровь, и тревожась: а вдруг она не остановится?

— Нет, господин. Никаких жалоб, господин.

Леопард одарил его ледяной улыбкой.

— Вот так-то лучше.

— Вы капитан этого корабля... господин?

Леопард запрокинул голову и взревел:

— Я Сашим, первый помощник! — Он посмотрел направо и отступил в сторону. — Капитан сейчас пожалует.

Джон-Том уже не знал, кого и ожидать. Может, еще одного медведя или другое, столь же впечатляющее создание. Он позабыл, что мозги капитанам нужны не меньше, чем мускулы. Облик капитана удивил его, но не шокировал. Извращенная традиция, мелькнуло у юноши в голове.

Капитан Корробок был попугаем — ярко-зеленым, с синими и красными пятнами. Рост — чуть ниже четырех футов. Вместо одной лапы — деревяшка, прикрепленная к коленному суставу металлическими штифтами. Кожаная повязка прикрывала пустую глазницу.

По обычаю пернатых граждан этой страны Корробок носил килт. Кроваво-красный, он превосходно гармонировал с алым жилетом. Отсутствие узоров на одежде говорило о том, что попугай распрощался со своим родом. В отличие от других крылатых существ, попадавшихся Джон-Тому на глаза в этом мире, Корробок обходился без шляпы или кепи. Пернатую грудь облегала узкая перевязь, сверкающая дюжиной стилетов. (Впоследствии один из пиратов поведал пленникам, что капитан бросает сразу по четыре маленьких смертоносных клинка: два — ухватистыми концами крыльев, один — клювом, и еще один — здоровой ногой. При этом он балансирует на деревянной ноге, и клинки попадают в цель с летальной точностью.)

Уцелевший ярко-синий глаз поочередно ощупывал узников. Над и под повязкой перья отсутствовали, и голая кожа отливала нездоровой желтизной.

— И это что, весь экипаж нашего приза? — Он поднял глаз на помощника, и Джон-Том с изумлением увидел, как могучий леопард съежился и отступил. Затем Корробок встретился взглядом с каждым своим подручным.

— Да вы же просто молокососы! — Не только Сашим, но и все остальные головорезы трепетали перед увечной зеленой птицей. Джон-Том решил не перечить ей. — Без малого сотня против четырех. Это ж надо! Да-а, лихие у меня молодцы, нечего сказать. — Свешивая голову то вправо, то влево, он снова внимательно оглядел пленных. — Ну да ладно. Так куда же вы, голуби, путь держали?

— Да так, вышли на несколько деньков из устья Вертихвостки́, — добровольно залебезил Мадж. — Захотелось, знаете, рыбки половить, вот так...

Деревянный протез мелькнул в воздухе и саданул выдра между ног. Позеленев, почти как капитан, Мадж схватился за ушибленное место и рухнул. Корробок равнодушно посмотрел на него.

— У эмира Эзонского есть обычай нанимать евнухов для охраны дворца. Я покамест не решил, как с вами быть, но еще одна ложь, и ты познакомишься с ножиком корабельного костоправа.

Джон-Том попытался угадать, кому из окружающей его коллекции головорезов довелось познакомиться с ножиком костоправа, но не сумел. Оставалось лишь предположить: кто бы это ни был, он не понес свои «досто́инства» в клинику города Майо.

Мадж держал себя в руках — в буквальном смысле слова. Голубой глаз уставился на Джон-Тома.

— Кажется, человече, ты посмышленей своего хитрожопого приятеля. Ну, так куда вы направлялись?

— В Снаркен, — незамедлительно ответил Джон-Том.

Корробок кивнул.

— Вот теперь похоже на правду. Я угадал, ты неглупый экземпляр, хоть и странный на вид. Откуда ты взялся, дылда? Не из Колоколесья ли?

— Да, — рискнул соврать Джон-Том. Впрочем, прозвучало это довольно правдоподобно.

Высморкавшись на палубу, попугай фыркнул.

— К счастью для вас, нынче утром у меня хорошее настроение. — Джон-Том подумал, что ему не хотелось бы повстречаться с этим существом, когда у него дурное настроение.

— Вы, ребята, — попугай указал на Маджа и Яльвара, — начинайте драить палубу, она вас давно дожидается. Уверен, эта работенка придется вам по вкусу. Или нет?

Не зная, следует ли сказать «да, господин», или «нет, господин», или вообще промолчать, Яльвар стоял и дрожал от страха. Мадж и вовсе не испытывал желания комментировать. Видимо, Корробока это устраивало. Он равнодушно кивнул, а затем перевел холодный взгляд на высоченную Розарык.

— Ну, а тебя я не прочь взять к себе в команду. В драке ты не новичок, это сразу видно. Ты бы нам пригодилась.

— Пожалуй, я обмозгую эту идею, мой сахахный.

Славная девочка, подумал Джон-Том, какой смысл злить пиратского попугая? Однако Джон-Тома взяла досада, оттого что Розарык не ответила прямым отказом. Конечно, она не восприняла всерьез предложение Корробока... Хотя почему бы и нет? Ничто не связывало ее с Джон-Томом. Напротив, у нее были все основания расстаться с ним. Разве не он выдернул тигрицу против ее воли из родной страны и вовлек в опасности, без которых

она могла прекрасно обойтись? И почему ей нельзя с легкостью поменять неуравновешенного, страдающего ностальгией чаропевца на разбойничьего атамана?

Чаропевца? Джон-Том чуть не забыл о своих способностях. Никто из этих убийц не подозревает о его «хобби». Он мысленно умолял товарищей, чтобы хранили тайну и не ляпнули сдуру лишнего. Особенно он волновался насчет престарелого Яльвара. Но купец был парализован страхом и не высовывался с признаниями.

Словно прочитав его мысли, пиратский капитан вновь удостоил юношу вниманием.

— Ну, а ты, дылда, на что годишься?

— Я?.. Я тоже умею драться.

Корробок посмотрел на первого помощника.

— Пожалуй, — неохотно подтвердил Сашим.

Корробок хмыкнул, а Джон-Том добавил:

— Кроме того, я по профессии эстрадный певец, трубадур.

— Хар! Певец, говоришь? Порой и нам на этой шаланде случается спеть песенку-другую. — Он с отвращением поглядел на экипаж. — И меня уже тошнит от пьяного рева моей невоспитанной шайки.

Боясь выдать возбуждение, Джон-Том продолжал:

— Мой инструмент — на нашем корабле, среди прочего личного имущества.

— В самом деле? — От сверлящего взгляда попугая Джон-Тома прошиб пот. — Значит, он и сейчас там. Куда ему деться? А тебе, похоже, не терпится показать свои способности?

— Да что вы, господин! — Джон-Том ощутил, как индиговая рубашка прилипла к спине. — Просто я тревожусь за великолепный инструмент. Будет очень обидно, если один из ваших замечательных матросов разломает его в напрасной надежде найти внутри золото или драгоценные камни.

Корробок снова фыркнул.

— Не бойся, мои бродяги знают свой поганый шесток. — Он обратился к леопарду. — Отведи их вниз и запри в арестантском кубрике. Пускай маленько попарятся.

— Этих тоже? — Сашим указал на Яльвара и Маджа.

— Да, палуба потерпит. Пусть они подышат вонью друг дружки, глядишь, скоро охрипнут, выпрашивая работу.

Эта «утонченная» шутка была встречена одобрительным смехом разбредающихся по своим местам матросов. Пиратский корабль повернул к западу, и шлюп послушно поплыл в его кильватере.

Джон-Том, когда его заталкивали в трюм, впервые посмотрел на гребцов. Почти всем им одеждой служила собственная шерсть. Кого здесь только не было — от людей до грызунов. Но всех род-

нила одна черта: крайняя степень физической и умственной дегенерации.

«Вот где мы найдем свой конец, — устало подумал он, — на веслах. Если только не найдем способа удрать отсюда».

В тот момент врата рая казались молодому человеку близкими как никогда. Если бы только удалось заполучить дуару... Пускай его чаропение непредсказуемо, пускай он не умеет толком выбирать подходящие к случаю песни, в одном он уверен: кое-какой магией он обладает. И первая попытка к бегству может стать последней, в этом юноша тоже не сомневался. Корробок далеко не олух, и второй возможности попрактиковаться в колдовстве ему не предоставит.

Розарык вдруг резко выпрямилась и бросила взгляд через плечо, на лапу, протянутую к ее крестцу. Первый помощник осклабился.

— Котеночек, еще хаз дотхонешься до меня — и я сыгхаю мотивчик на твоих костях.

— Полегче, каланча, — ухмыльнулся леопард. — Знаю, дай тебе шанс, и ты свою угрозу исполнишь. Но не получишь ты шанса, не надейся. Учти, детка, в долгом походе тебе будет куда легче, ежели ты обуздаешь норов и перестанешь глядеть букой на бедного Сашима. А коли нет, так на нашей лоханке цепей навалом. Может, сердце у тебя и железное, зато все остальное — мясо и кости. Хотя мясцо отменное. Подумай, голубка. Корробок подарит тебя мне, если я как следует попрошу.

Тигрица обожгла его взглядом.

— Я не гожусь в подахки, захуби это себе на носу.

Сашим пожал плечами.

— Годишься, не годишься — какая разница? Я положил на тебя глаз, и ты будешь моей. Лучше сразу свыкнись с этой мыслью.

Пленников заперли в зарешеченном кубрике. На прощание Сашим одарил тигрицу похабной улыбкой и вслед за своими дружками поднялся по трапу.

Розарык устало села, выпуская и пряча огромные когти.

— Змея мохнатая! Если бы я могла добхаться до его...

— Не сейчас, Розарык, — предостерег Джон-Том. — Мы должны подождать. Они еще не знают, что я чаропевец. Если бы только мне вернули дуару, позволили сыграть и спеть, у нас появился бы шанс.

— Какой шанс, кореш? — В углу деморализованный Мадж сполз по переборке. — Шанс затащить сюда, как Розарык, какую-нибудь несчастную танцовщицу? Осыпать эту клепаную лохань цветами?

— Я что-нибудь придумаю, — сердито пообещал Джон-Том. — Вот увидишь.

— Как же, босс, увижу! Держи карман! — Выдр перевернулся

на бок, словно не заметив, что пол кубрика покрыт гнилой соломой, потемневшей от мочи прежних узников.

— Что ты делаешь?

— Собираюсь покемарить.

— Неужели ты сможешь уснуть?

— Сумею, потому что устал. — Выдр хмуро посмотрел на Джон-Тома. — Устал драться. Устал бояться. А пуще всего устал слушать, какой ты великолепный чаропевец. Если сумеешь выколдовать нас из этого гадючника и перенести поближе к цивилизации, разбуди. А не сумеешь, так, может, мне повезет и я уже никогда не проснусь.

— Нельзя поддаваться унынию, — упрекнул его Яльвар. — Ни в коем случае.

— Слушай, ты, старый бесполезный пердун! Захлопнул бы поддувало, а?

Оскорбленный хорек погрузился в молчание.

Джон-Том приблизился к решетке и схватился за прутья, глубоко утопленные в дереве. В темноте по трюму шастали крошечные хищные ящерки и огромные бесстрашные клопы. Слышно было, как их сородичи снуют наверху по балкам.

Юноша возвратился к Розарык и ласково погладил ее между ушами. В ответ зазвучало усталое подавленное мурлыканье.

— Не волнуйся, Розарык. Я тебя в это втянул, я и вытащу. Может, сам не вернусь домой, но тебя обязательно спасу. Я перед тобой в огромном долгу. Перед всеми вами.

Мадж уже почти уснул и не услышал обещания. Яльвар, смирясь с судьбой, устраивался на соломе в другом углу.

«Обязательно спасу, — размышлял Джон-Том, — вот только жаль, еще не знаю как».

Глава 8

В прошлом понятие «драить палубу» носило невинный оттенок, будучи отголоском детских воспоминаний, романтических историй о деревянных кораблях и железных мореходах. Реальность предложила Джон-Тому нечто совершенно иное.

Вообразите себя на четвереньках на грубой дощатой палубе. Вы обнажены по пояс, и свирепое солнце покрывает шею волдырями и сдирает кожу со спины. Со лба, живота и из-под мышек ручьями течет пот. Любой мелкий и жесткий пустячок, например, пылинка или кончик вашего собственного волоса, попав в глаз, рождает желание с воплем кинуться за борт. Соленый воздух усугубляет муки, бередя язвы, вызывая зуд и нагноения. В ладони, покрытые мозолями от широких щеток и разъеденные щелоком, то и дело впиваются занозы. Медленно продвигаясь через

всю палубу, вы должны заботиться о том, чтобы не оставить за собой ни единого пятнышка, не то какой-нибудь хохочущий пират напомнит о нем, опустив твердую подошву сапога на ваши израненные пальцы.

К полудню Джон-Том уже не считал плен лучшей альтернативой прыжку за борт, к плотоядным рыбам этих широт. Его надежда корчилась в смертных судорогах. Он начисто позабыл о болезни Клотагорба, о необходимости вернуться с лекарством, забыл обо всем, кроме самой неотложной задачи: выжить.

Только к вечеру они отдраили последний квадратный фут главной палубы и были переведены на полуют. Рулевой — старый седой кабан — не обращал на них внимания. Корробок не появлялся, и за это Джон-Том был ему искренне благодарен.

Слева от капитанского насеста был сооружен грубый временный навес. В его жиденькой тени, сгорбившись и вытянув ноги, сидела девушка лет шестнадцати, может быть, чуть старше. Вероятно, когда-то она была миловидна, но сейчас ее длинные белокурые локоны больше напоминали морские водоросли, налипшие на череп с блекло-голубыми глазами. Рост ее не превышал пяти футов. И она была совершенно нагой, если не считать тяжелого стального обруча на шее, от которого к палубе тянулась цепь, дававшая узнице свободу передвижений в радиусе десяти футов, и ни дюймом больше; этой длины как раз хватало для того, чтобы девушка могла добираться до борта и справлять естественные надобности на глазах у всего экипажа. Джон-Тому не составило никакого труда разглядеть ожоги и ссадины, покрывавшие почти все ее тело.

Когда к ней приблизились товарищи по несчастью, она не вымолвила ни слова. Только сидела и смотрела.

Тыльной стороной ладони Джон-Том смахнул пот с губ. Кроме пленников и старого рулевого, на полуюте никого не было, и юноша рискнул прошептать:

— Девушка, кто ты?

Никакого ответа. Только холодный и пристальный взгляд голубых глаз.

— Как тебя зовут?

— Не лезь к ней, приятель, — тихо посоветовал Мадж. — Разве не видишь? От нее почти ничего не осталось. Свихнулась, бедняжка, или уже близка к этому. А может, ей оттяпали язык, чтоб не кричала.

— Ничего подобного, — возразил рулевой, бдительно следя за курсом галеры. — Это Глупость, капитанова куколка. Несколько месяцев назад он снял ее с тонущего корабля. С той поры от нее никакого проку, одни хлопоты. Строптивая, неблагодарная. Сколько ни бился с ней капитан, она как была, так и осталась обузой. Невдомек мне, на что она Корробоку. Скинул бы за борт,

вот и вся недолга. Глупостью было ее спасать, глупостью — держать на борту, вот мы и дали ей это прозвище.

— А какое ее настоящее имя?

Под навесом раздался тонкий, едва слышный голос:

— Нет у меня имени. Глупость вполне годится.

— Ты можешь говорить? Тебя еще не сломили?

Она с горечью посмотрела на Джон-Тома.

— Да что ты вообще понимаешь? Я за тобой следила. — У нее скривились губы. — Видела, как брали твое судно и тащили тебя на борт. Ты уже еле дышишь. Тигрицу пока не тронут. Старикашка и двух недель не протянет. Выдр проживет чуть подольше, если возьмется за ум. Ну, а ты, — презрительно глядя на Джон-Тома, продолжала она, — скоро ляпнешь что-нибудь невпопад и лишишься языка. Или с тобой случится кое-что похуже.

— А с тобой что случилось? — Джон-Том сдерживал голос и жестикуляцию, боясь привлечь внимание Сашима или еще кого-нибудь из подручных капитана.

— Послушай, какое тебе дело?

— Есть дело. И тебе должно быть до нас дело, потому что мы хотим бежать с этого корабля.

Если рулевой и подслушивал, он ничем себя не выдал. Девушка визгливо рассмеялась.

— Почему ты решил, что я спятила? — Она посмотрела на Розарык. — Этот парень сам того, правда?

Розарык не ответила, лишь ожесточеннее стала тереть палубу.

— И ты убежишь с нами, — продолжал Джон-Том. — Я не могу оставить тебя здесь.

— Отчего же? Я тебя не знаю, ты — меня. Ты мне не хозяин. — Она сплюнула на палубу. — Пустой разговор, никуда вы не денетесь...

— Что с тобой случилось? — мягко и настойчиво повторил он.

Видимо, его слова все-таки чуточку разморозили девичье сердце. Глупость отвернулась.

— Плыла с родными из Йорсты к островам Дурла на торговом пакетботе и сдуру напоролась на этих ублюдков. Отца убили вместе со всеми самцами, а после прикончили мамашу. Сестренка была слишком маленькая, и пираты решили, что проку в ней нет, а потому бросили за борт. Короче говоря, всех убили, кроме меня. Почему-то я приглянулась этому жуткому чучелу, которое пираты называют своим капитаном, не к ночи он будь помянут. Может, он надеется продать меня в рабство. — Глупость пожала плечами. — Но я стараюсь, чтобы со мной у них были одни хлопоты. За это команда и наградила меня кличкой.

— Последнее время хлопот с тобой поменьше, — многозначительно пробормотал рулевой.

— А ты не пыталась бежать? — спросил юноша.

— Куда отсюда убежишь? Да, пыталась. Уж лучше утонуть

или достаться акулам, чем жить в этом аду. Потому-то меня и посадили на цепь. Я всего один раз попробовала...Знаешь, побои — вовсе не самое страшное... Да ты и сам скоро в этом убедишься.

Опасливо косясь на рулевого, Джон-Том едва слышно прошептал:

— И не собираюсь. Мы удерем отсюда. Хочешь с нами?

— Нет. — Девушка посмотрела ему в глаза. — Нет уж, уволь. С меня хватит.

— Потому-то я и хочу забрать тебя.

Она отвернулась.

— Я что-нибудь не то сказал?

— Кореш, прикуси язык. — Мадж легонько толкнул его в бок. — Тута капитан, чтоб ему сгнить в собственном дерьме.

— Ну, как идем, Пьюлевайн? — осведомился Корробок у рулевого.

— Точнехонько по курсу, капитан.

Снова сосредоточившись на чистке палубы, Джон-Том услышал приближающийся стук капитанской деревяшки.

— А чем занимаются в это чудесное утро наши молодцы-уборщики? Надо полагать, в работе они достойны тех отчаянных рубак, которых мы едва уговорили погостить на нашей лохани?

— Нет, капитан. — Рулевой позволил себе утробный смешок. — Сразу видать, работнички из них неважнецкие. Да и чего еще можно было ожидать от таких тюфяков?

— Это славно. — Корробок обошел вокруг Джон-Тома и остановился между ним и навесом Глупости. Затем повернулся к человеку здоровым глазом.

— Хар, ну а теперь, стало быть, каждый из нас знает свое местечко в мироздании?

— Да, капитан, — с готовностью подтвердил Джон-Том.

— Хар, вот это подходящий ответ. Следи за своим тоном, дружок, и ты еще поживешь и послужишь. — Корробок бросил взгляд под навес, и Джон-Том похолодел при виде выражения лица девушки. Глупость попятилась в тень.

— Что, полюбезничал с малышкой?

Отрицать было сложно, поскольку беседа целиком прошла на глазах у рулевого.

— Одно-два словечка, господин. Совершенно безобидных.

— Хар, ну, еще бы. Малютка — смышленая особь, но, боюсь, у нее не слишком товарный вид. Следствие строптивости.

Джон-Том промолчал и налег на щетку, как на рубанок.

— Старайся, мальчик, старайся. Драй хорошенько, а как все будет сделано, мы, глядишь, и позволим тебе поразвлечь нас. — К хохоту капитана присоединился рулевой. — Хоть и не совсем так, как ты думаешь. Вместе с малюткой.

— Хоть распните, я не лягу под этого перетрусившего хлыща! — возмутилась девушка.

Корробок недобро покосился на свою пленницу.

— Глупость, да ты, никак, возомнила, будто у тебя есть выбор? Счастлив тебя разочаровать. — Он резко взмахнул здоровой ногой. Девушка негромко вскрикнула. На ее бедре появились две одинаковые багровые полоски.

Ногти Джон-Тома впились в деревянную основу щетки.

— Хар, вот так-то. Надеюсь, я больше не услышу возражений.

Глупость вжалась в тень и захныкала, зажимая царапины на ноге.

— Малютка, ты мне уже изрядно поднадоела. Как только доберемся до суши, я от тебя отделаюсь, причем выберу покупателя, разделяющего мои вкусы по части развлечений. Может, тебе еще доведется с грустью вспомнить старые добрые деньки, проведенные в обществе Корробока. Хар! — Он повернулся к уборщикам. — Работать, падаль, работать!

Затем капитан обратился к рулевому:

— Когда управятся на палубе, отправь их на нос драить борта. Вывеси в сетках. Если кто и вывалится, это послужит уроком остальным.

— Будет исполнено, капитан, — ответил рулевой.

Корробок распростер ярко-зеленые крылья и спланировал на главную палубу. Пьюлевайн насмешливо посмотрел на Джон-Тома.

— Держите языки за зубами, а норов в узде и, может, проживете еще не меньше года. — Назидание сопровождалось густым утробным хохотом. — Все еще надеетесь убежать?

«Держу пари на твою скотскую задницу, убежим! — Джон-Том накинулся на палубу — больше некуда было излить ярость. — Убежим и заберем с собой эту замордованную девчонку».

И пусть он не отдавал себе в этом отчета, но встреча с Глупостью сделала то, чего не сделало даже его отчаянное положение: вынудила осознать, сколь эгоистично вел он себя последние часы, хандря и кляня судьбу. Оказывается, неприятности не только у него. От Джон-Тома зависят все: Мадж, Яльвар, Розарык, умирающий в дупле Клотагорб, а теперь еще и Глупость.

Да, ему не удалось вернуться в собственный мир. Ну и что с того? Напрасные переживания ни на дюйм не приблизят его к Лос-Анджелесу. К тому же друзьям срочно нужна его помощь.

Мадж мигом уловил перемену в настроении товарища и энергично, как на втором дыхании, заработал щеткой.

— Кореша, вкалывайте и не падайте духом, — шепнул он Яльвару и Розарык. — Заметили, какая рожа у моего пацана? Это неспроста. Может, у него мозги маленько набекрень, зато он часто находит выход там, где его не найдет никто другой.

— О, боги, хоть бы ты не ошибся! — прошептал Яльвар. — Иначе мы воистину обречены.

— Полшанса, — шепнул Мадж. — Все, что ему нужно, это полшанса.

— Он и этого может не получить, — вздохнула Розарык.

В ту ночь, пока его измученные спутники спали как убитые, Джон-Том планировал и просчитывал. Корробок позволит ему спеть, хотя бы из любопытства. Необходимо с исключительной осторожностью выбрать песни, чтобы не вызвать у капитана ни малейших подозрений. В том, что кровожадный попугай будет начеку, юноша не сомневался.

Стало быть, нужны мягкие, ровные, успокаивающие мелодии. Совершенно невинные на слух и вместе с тем очень эффективные. Нужна мощная лирика без малейшего оттенка угрозы.

Лишь составив в уме программу концерта, он позволил себе забыться в тяжком кошмаре.

На следующее утро первый помощник велел пленникам вычистить основание грот-мачты. Даже не взглянув на них, мимо проковылял Корробок. Джон-Том, медленно повернувшись к нему, почтительно окликнул:

— Прошу прощения, господин капитан.

Попугай повернулся и уперся кончиками крыльев в гладкие птичьи бедра.

— Мальчик, не отнимай у меня время. У тебя еще уйма работы.

— Я знаю, господин, но это совсем не та работа, для которой я лучше всего подхожу. Мне ужасно недостает моего основного занятия, то бишь пения. Поверьте, я непревзойденный знаток песен далеких стран.

— В самом деле, сынок?

Джон-Том энергично кивнул.

— Я знаю немало чудесных мелодий и стихов поразительной красоты. Я умею извлекать из своего инструмента самые сладчайшие звуки. Вы убедитесь, что они нисколько не режут слух. Осмелюсь заметить, иные строки даже непристойны. — Он позволил себе подмигнуть.

— Понятно. — Корробок поразмыслил. — Неужели всего за сутки ты сумел разобраться, в чем твоя выгода? Хар! Впрочем, солнце и щетка быстро прочищают мозги. Хар! Значит, ты предпочел бы заработать ужин горлом, а не руками? Я прав?

— Если на то будет ваша воля, капитан. — Джон-Том постарался принять обнадеживающе смиренный вид.

— Так, говоришь, песни далеких стран? Давненько на нашей лохани не звучало песен, если не считать воплей добропорядочных граждан, улетающих за борт. — Он поглядел влево, где Мадж, Яльвар и Розарык надраивали планшир. — А как же твои приятели? Неужто придут в восторг, когда им достанется твоя работа?

Джон-Том облизал губы и шагнул вперед, пряча ухмылку от спутников.

— Видите ли, господин капитан... Мне, конечно, не хочется их

огорчать, но что я могу поделать? У меня вот-вот спина переломится. И в отличие от них я лишен меха, защищающего кожу от солнца. Похоже, мои страдания ничуть их не волнуют, так почему меня должно интересовать их мнение?

— Ты прав, бедный голокожий человечек. Не стану врать, что меня это трогает, однако... — Корробок помолчал с задумчивым видом, а Джон-Том затаил дыхание. — Ладно, менестрель, будь по-твоему. Мы дадим тебе шанс. Хар! Но, — угрожающе добавил он, — если ты хитришь, чтоб отлынивать от работы, я заставлю тебя отполировать изнутри весь нос нашей посудины.

— Что вы, капитан! Я не хитрю! К тому же, — нашелся юноша, — разве стал бы я повсюду таскать музыкальный инструмент, если б не был менестрелем?

— Как теоретик и практик в области извращений, я мог бы много чего предположить, хар! Но вижу, у тебя нет необходимого воображения. — Он повернулся и выкрикнул: — Каскрель!

К нему подскочила белка с грязным нечесаным хвостом.

— Спустись в мою каюту и принеси инструмент. Тот, что мы взяли на последнем призе.

— Слушаюсь, господин, — проскрипела белка и исчезла в люке.

— Пойдем, дылда. — Следом за Корробоком Джон-Том поднялся на полуют. Там капитан уселся в плетеное кресло, подвешенное к рее. Спинка кресла-корзинки была дополнена поперечной жердью — это позволяло капитану выбирать позу для отдыха.

На этот раз он решил сесть в корзину. Мгновением позже появилась белка с дуарой. Джон-Том постарался не смотреть на инструмент с вожделением, тем более что за матросом по трапу взошел любопытный Сашим. Белка отдала целую и невредимую дуару, и Джон-Том любовно погладил ее. Он уже готов был заиграть, но ему помешал незнакомый голос.

Сначала юноше показалось, будто собачьи уши поджаты. Приглядевшись, он увидел рваные края — следы варварской хирургии. Пес хромал и опирался на костыль — в отличие от Корробока у него обе ноги были на месте, просто одна на целый фут короче другой. С выступающих далеко вперед челюстей свисали щеки.

— Не надо, кап'н.

Корробок недовольно обозрел вновь прибывшего.

— А что тебя не устраивает, Макриг?

Старый пес перевел взгляд на Джон-Тома.

— Не дело это, господин. Пусть он лучше драит палубу.

Деревянной ногой Корробок выбил из-под мышки матроса костыль. Макриг засеменил в поисках опоры и плюхнулся на задницу под грубый хохот своих друзей.

— Хар! Ну, где же твоя утонченность, Макриг? Где тяга к культуре?

Старый матрос как ни в чем не бывало поднялся на ноги и выпрямился во все свои четыре с половиной фута.

— Просто он мне не нравится, кап'н. Ни он сам, ни его манеры.

— Разлюбезный Макриг, я тоже не испытываю любви к бесперым, но вид голой кожи не вызывает у меня разлития желчи. Ну, а манеры... — Он устремил на Джон-Тома пугающий, приводящий в замешательство взгляд. — Какие у тебя манеры, человек?

— Какие угодно, господин капитан. — Джон-Том опустил глаза.

Взгляд попугая задержался чуть дольше необходимого.

— Хар, вот это правильно. Все-таки подобострастия еще маловато, но это поправимо. Видишь? — Он посмотрел на старого матроса. — Ничего тут плохого нет. Музыка нам не повредит. Или повредит, а, дылда? Учти, если у меня мелькнет хоть тень сомнения...

— Что вы, капитан! — зачастил Джон-Том. — Я всего лишь бродячий артист и хочу попрактиковаться в своем ремесле...

— Хар! И спасти свою тонкую шкурку, — усмехнулся Корробок. — Быть по сему.

Он откинулся на спинку мягко покачивающегося кресла. Стоявший поблизости Сашим ковырялся в зубах чем-то похожим на сосульку длиною в фут. Джон-Том понимал: если в песне прозвучит хотя бы намек на мятеж или неповиновение, эта «сосулька» вонзится в его беззащитное горло.

Он нервно тронул струны, раскрыл рот... и дал петуха. Экипаж откликнулся новым взрывом хохота. Корробок откровенно наслаждался смятением юноши.

— Простите, господин. — Он откашлялся, мечтая о стакане воды и не отваживаясь попросить. — Эта песня... кхе... принадлежит группе менестрелей, называющих себя «Орлами»[1].

Корробоку это польстило.

— Мои родичи по полетам... Правда, я давно предпочел летать вдали от родни. Орлы сильны, но умишком небогаты, да и от пения их я не в восторге. Больно уж голоса высоки и пронзительны.

— Нет-нет, — поспешил объяснить Джон-Том. — Песню придумали не орлы, а люди вроде меня, выбравшие себе такое название.

— Странный выбор. Почему бы им не назвать себя «Людьми»? Впрочем, это несущественно. Спой, менестрель. Согрей наши черствые сердца.

— Как прикажете, господин.

Дуара изрядно уступала привычной гитаре, но игралось Джон-Тому легко. Он начал с «Будь спокоен», и на сей раз из горла свободно полились высокие ноты. Потом он исполнил следующую тему из своей тщательно продуманной подборки. Корробок за-

---

[1] Имеется в виду ансамбль «Игле». «Eagles» в переводе на русский — «Орлы».

крыл глаза, пираты заметно расслабились. Музыка понравилась всем. Джон-Том сыграл «Лучшую любовь» и перешел к попурри из «Би Джиз».

Неподалеку от него Мадж заморгал и плюхнул мастику на древесину.

— Что он затеял?

— Не знаю, — ответила Розарык. — Не слышу упоминаний пхо могучих демонов и духов.

Один лишь Яльвар работал, улыбаясь.

— В неведении не только вы, но и эти бандиты. Прислушайтесь! Неужели не понимаете? Если он запоет о бегстве или сражении, леопард в тот же миг проткнет ему горло. Джон-Том знает, что делает. Вы не прислушивайтесь к словам. Все идет, как он хочет. Оглянитесь вокруг. Посмотрите на экипаж.

Мадж внял совету. Его глаза округлились.

— Чтоб меня! Они засыпают!

— Да, — кивнул Яльвар. — Пираты настороже и ждут малейшего намека на сопротивление, а он их потчует колыбельными. Воистину, Джон-Том искуснейший чаропевец.

— Ну, уж это, приятель, ты загнул, — угрюмо пробормотал Мадж. — Сколько раз я видал, как все катилось к черту, когда он уже праздновал победу.

Однако на сей раз все говорило о том, что чаропевец добьется своего. Он уже томно распевал дальше.

— Глядите, — возбужденно прошептал Яльвар сквозь стиснутые острые зубы, — заклинания действуют даже на капитана и его прихвостня.

Он был прав. Корробок обмяк в кресле, Сашим зевнул и уселся рядом на палубу. Эта парочка являла собой весьма неприятное зрелище.

А вокруг моргали, зевали и засыпали на месте матросы. Сон не шел только к трем пленникам.

— Мы понимаем, что он делает, — объяснил Яльвар. — И к тому же магия обращена против других.

— Это здорово, шеф. — Мадж подавил зевок и удивленно моргнул. — Ха, а ведь сильная штука!

Когда Джон-Том доигрывал последние аккорды, пиратский корабль шел лишь по воле ветра и волн. Его кровожадные матросы храпели на палубе, в трюме и даже на вантах. Джон-Том шагнул к Корробоку, ощупал его взглядом и не нашел того, что искал. Тогда он вернулся к друзьям.

— Никто не заметил, куда он запрятал ключи?

— Нет, кореш, — прошептал Мадж. — Но не мешало бы найти их, и поскорей.

Джон-Том двинулся к люку, что вел в капитанскую каюту, и остановился в нерешительности. Спуститься-то можно, но как быть дальше? Ключи могут лежать в запертом сундуке, в одном из

многочисленных шкафчиков, в тайнике под гнездом или матрасом... Да и кто сказал, что они вообще в каюте? Вдруг ими ведает Сашим или еще кто-нибудь из помощников капитана?

Невозможно искать их и одновременно баюкать пиратов. Кое-кто из них уже беспокойно шевелился, и Джон-Том не имел ни малейшего понятия о том, сколько продлится действие заклинаний.

— Приятель, сделай что-нибудь. — Мадж подергал цепь, соединяющую его лодыжки.

— Где могут быть ключи? На капитане их нет.

Внезапно ему вспомнились стихотворные строки. В них не было намека на местонахождение ключей, но присутствовало нечто совершенно иное. В этой песне речь шла о желтых глазах и торжествующих котах. «Мышиный дозор никогда не спит», летальная песенка про бдительного кровожадного котенка. Во всяком случае, так он когда-то охарактеризовал ее своему другу.

Юноша торопливо запел, жалея, что рядом нет Андерсона с его флейтой, стараясь не сбиваться с ритма и чутко следить за коматозным экипажем.

Внезапно звено якорной цепи, которой была скована Розарык, с треском раскололось. Тигрица изумленно поглядела на обломки, затем на Джон-Тома и, не сказав ни слова, взялась за куда менее прочные цепи своих товарищей. Два могучих рывка — и Мадж с Яльваром исчезают под палубой, а тигрица переходит к Джон-Тому. К тому времени, когда она избавила его от оков, снова появились выдр и хорек. У Маджа за плечами висели лук и колчан, а морду было почти не видать за охапкой тигриных доспехов. Яльвар, тяжело дыша, волок за собой огромные мечи.

Пленники бросились к буксирному канату, что тянулся к «Джону Б.». Замешкался только Джон-Том.

— Пошли, — махнула ему лапой Розарык. — Чего ты ждешь?

— Девушка! — возбужденно прошептал он. — Я обещал.

— Ей это ни к чему. А у нас с нею будут только хлопоты.

— Извини, Розарык. — Молодой человек повернулся и побежал к навесу.

— О, демоны! — прошипела тигрица и бросилась следом. Песенные чары уже теряли свою силу. Некоторые моряки ворочались и неровно сопели.

Мимо Джон-Тома пронеслась огромная полосатая фигура с бесчувственным телом Глупости, перекинутым через плечо подобно охотничьему трофею. У юноши екнуло сердце, но он тут же сообразил, что Глупость жива и здорова, просто уснула заодно с пиратами.

— Доволен? — тихо прорычала тигрица.

— Вполне. — Он ухмыльнулся и побежал следом за ней на корму.

Мадж и Яльвар уже перебрались на шлюп: выдр без труда фор-

сировал водную преграду вплавь, а Яльвар, с характерным для хорька проворством, — по канату. Розарык, изготовясь к прыжку, вдруг заметила, что Джон-Том опять остановился.

— Ну а тепехь-то в чем дело?

— Понимаешь, Розарык, мне не в диковинку убегать, и я недурно плаваю, но, видишь ли, море волнуется, а у меня жутко устали руки от проклятой щетки, и я вовсе не уверен, что доплыву. Ты прыгай. Я постараюсь не отстать, а если все-таки отстану, ты, когда отвяжешь канат, разверни шлюп и вытащи меня из воды.

Тигрица сокрушенно покачала головой.

— Клянусь всеми кошачьими демонами, таких болтунов я не встхечала даже схеди людей. Дехжись покхепче. — Она повернулась к нему спиной спасать жалкие, истерзанные останки мужского эго. Он обеими руками обхватил ее за шею, стараясь при этом не скинуть Глупость. Словно не замечая удвоенной ноши, Розарык стала спускаться на передних лапах по канату. И вот наконец все трое в относительной безопасности — на палубе «Джона Б.».

— Руби канат! — крикнул Маджу Джон-Том, перебегая к штурвалу. — Розарык, ставь паруса.

— С удовольствием. — Она сбросила Глупость на палубу. Джон-Том вздрогнул, но тут же решил, что еще один-два синяка просто потеряются на фоне ссадин и ушибов, покрывающих все тело девушки.

Розарык взялась сразу за две лебедки, а Мадж коротким мечом принялся рубить толстый канат, который соединял шлюп с пиратской галерой. Через считанные секунды «Джон Б.» вновь обрел свободу. Его паруса расправились и наполнились ветром.

Когда с палубы большего корабля донеслись первые крики изумления и ярости, Джон-Том уже развернул шлюп.

— Как раз вовремя, — одобрительно произнес Яльвар с верхней палубы. — Определенно, у вас дар.

Джон-Том только пожал плечами и сосредоточился на ловле ветра.

— Я действовал без плана и репетиций. Тут нет моей заслуги. Просто удачное сочетание музыкальных навыков и еще чего-то, случайно подхваченного в этом мире.

— Все же вы талантливы, и бессмысленно это оспаривать.

На миг Джон-Тому почудилось, будто на месте Яльвара около грот-мачты стоит и глядит на него снизу вверх совершенно иное, моложавое существо. Он моргнул — наваждение исчезло. Все тот же старый, согбенный, усталый хорек.

Мадж ставил спинакер, чуть поодаль Розарык лихо управлялась с такелажем, а еще дальше над планширом разбойничьего судна виднелся ряд искаженных ненавистью физиономий. Пираты ожесточенно жестикулировали, кровожадные проклятия сотрясали воздух, но все перекрывалось громоподобным кудахта-

ньем Корробока. Головы морских злодеев исчезли за фальшбортом, а потом рассыпались по всей галере — экипаж ринулся на мачты. Под бой барабана и щелканье бича рабы, не успев протереть спросонья глаза, налегли на весла. Галера прибавила скорость.

Но на сей раз ветер дул в левый борт «Джона Б.». Даже при помощи гребцов галере с квадратными парусами не угнаться было за современной яхтой с косой парусной оснасткой. И все-таки, пока гребцы не попадали от изнеможения, казалось, что Корробоку удастся сократить дистанцию между кораблями. В конце концов Мадж распутал узел, не дававший подняться спинакеру. Парус расправился во всю ширь, наполнился ветром, и шлюп лихо оторвался от преследователя.

— Ура! Получилось! Уходим! — возликовал Джон-Том, и Мадж вторил ему с юта. С риском для жизни балансируя на кормовом леере, выдр повернулся спиной к галере, спустил штаны, сложился пополам и принялся мастерски строить рожи. Пираты ответили леденящими кровь посулами, но их вопли звучали все глуше.

— Да, мы уходим. — Яльвар пристально посмотрел на вздутые паруса. — Лишь бы ветер не подвел.

Когда их незваные попутчики изрядно поотстали, Мадж перестал кривляться, спрыгнул на палубу и натянул штаны.

— Классно мы их сделали, а, шеф? — Он улыбнулся от уха до уха и дружески шлепнул Джон-Тома по спине. — Да будь я проклят, если ты меня не надул. Я-то ждал явления какого-нибудь десятифутового демона, который сотрет этих ублюдков в пыль, а ты и меня охмурил не хуже, чем их!

— Попробуй я играть в открытую, Корробок еще до вечера прокатил бы меня на пике. — Джон-Том скорректировал курс.

— Ага, запросто. Боже ты мой! До чего ж ты ловко обтяпал это дельце, чувак, как ласково уложил их в постельку, а после освободил эту чудовищную дамочку. — Он кивнул в сторону Розарык.

— Вообще-то сначала я собирался искать ключи, — признался Джон-Том, стараясь утаить смущение. — А когда вспомнил, что понятия не имею о том, куда Корробок засунул связку, я смекнул: Розарык — наша единственная надежда.

Тигрица спустилась к ним с мачты и поглядела за корму.

— А я об одном жалею: не успела кое с кем попхощаться. — Глаза ее сузились, а из горла вырвалось такое жуткое рычание, что спутников пробил озноб. — С пехвым помощником, напхимех. Интехесно, удивился бы он, пхоснувшись без своих...

— Розарык, — с укором перебил Джон-Том, — не пристало даме так...

Тигрица показала огромные острые клыки.

— Это зависит от того, какая дама, пхавда, Джон-Том? — Внезапно она отстранила его, прошла вперед и хмуро вгляделась в даль.

— В чем дело? — Он повернулся лицом к корме.

Ее голос прозвучал ровно, без малейшего испуга:

— Похоже, мы еще не окончательно пхостились с Коххобоком.

Глава 9

— Яльвар, спрячься внизу, — велел хорьку Джон-Том. — На палубе ты нам не понадобишься.

— Вынужден не подчиниться, господин. — Старец подобрал длинную острогу и крепко сжал ее в лапах. — Я не вернусь в это плавучее чистилище. Лучше умру здесь.

Задумывая и осуществляя свой рискованный план бегства с пиратского корабля, Джон-Том кое о чем забыл. Он так долго прожил в чужом мире, что перестал видеть разницу между людьми и животными.

Он не учел способности Корробока и некоторых его матросов летать.

Крылатых пиратов оказалось всего шестеро. Вероятно, капитан увлек их за собой под угрозой казни или высадки на необитаемый остров — иначе такой крошечный отряд едва ли решился бы атаковать беглецов. За попугаем, вооруженные дротиками и легкими мечами, летели двое здоровенных воронов, ястреб и маленький сокол.

Чтобы самому участвовать в схватке, Джон-Том включил автопилот. Яльвар зачарованно любовался очередным «волшебством» — красной лампочкой, мигающей на пульте управления.

Матросам не занимать было проворства и хитрости, да и Корробок, хоть и потерял в боях глаз и ногу, не мог пожаловаться на крылья. Он спикировал, а затем, резко изогнувшись всем телом, завис в двух десятках футов над шлюпом. Однако очень скоро выяснилось, что пират просчитался. Замысел Корробока был неплох. От летучих разбойников требовалось только держаться вне досягаемости оружия бывших пленников и осыпать их тонкими, как иглы, дротиками. Могло бы сработать — не случись на руках у противника джокера. Мадж с удовольствием застрелил из лука сокола, а затем ранил одного из коршунов.

Это вынудило пиратов броситься в рукопашную, но теперь и проворство не помогло — защитники шлюпа превосходили их ростом. Один из крутящихся мечей Розарык рассек надвое раненого ворона, а чуть позже третья стрела Маджа пробила тонкие доспехи ястреба.

Видя, что в ближнем бою врага тоже не одолеть, Корробок дал приказ к отступлению.

— Ну, гады, берегите потроха! — орал попугай, приплясывая

от злости в воздухе за пределами досягаемости стрел. — Клянусь, я поставил печати на ваших судьбах! Весь океан, нет, сволочи, весь мир не спрячет вас от меня! Куда б вы ни драпанули, старый Корробок все равно вас разыщет и заставит пожалеть, что на свет родились!

— Кончай вонять, чувак! — Мадж сопроводил этот совет длинной и оскорбительной тирадой, подвергая сомнению происхождение попугая. Розарык выслушала с омерзением.

— Какое жлобство! Пхосто с души вохотит, ей-богу. Ах, до чего ж я стосковалась по изысканной хечи цивилизованного общества!

Мадж услышал и надменно воззрился на нее.

— Ни хрена себе! Да будет тебе известно, котенок-слоненок, что изысканностью моя клепаная речь не уступит ничьей.

— Да, — согласилась тигрица с приторной улыбкой. — Пхосто ума не пхиложу, как я могла думать по-дхугому.

Между ними встал Джон-Том.

— Ну, а теперь-то вы из-за чего скандалите? Мы победили и благополучно идем прежним курсом.

— Кого... Кого мы победили?

Голос, доносящийся с трапа, дрожал. От дерзости в нем и следа не осталось.

Джон-Том вспомнил о Глупости.

— Розарык, встань за штурвал.

— Джон-Том, если хочешь знать мое мнение...

Он отключил автопилот. Шлюп резко взял вправо, и тигрица была вынуждена ухватиться за штурвал, чтобы удержать яхту от оверкиля.

Джон-Том осмотрел трап и увидел девушку, съежившуюся на самой нижней ступеньке. В чистоте и тесноте шлюпа она казалась поразительно хрупкой. На бледной шее темнело уродливое пятно обруча.

Юноша пригляделся к нему. На шлюпе полный комплект инструментов, среди них обязательно найдется слесарная ножовка или напильник.

— Успокойся, — мягко, даже ласково произнес он. — Ты свободна, как я и обещал. Не совсем свободна, конечно, — уточнил он с ободряющей улыбкой. — Ты теперь с нами, но про Корробока можешь забыть. Больше он не будет над тобой измываться. Я всех усыпил чаропением. И тебя. Пока пираты дрыхли, мы сбежали.

— Так... ты, значит, волшебник? — сбивчиво произнесла она. — Надо же, а я в тебе сомневалась.

— Пустяки. Порой я сам в себе сомневаюсь.

Девушка покачнулась, и он спохватился.

— Эй, ты что-то неважно выглядишь.

— Я так устала... — Глупость прижала ко лбу ладонь и упала в объятия Джон-Тома, мигом заставив его вспомнить о ее наготе,

не говоря уже о запахе. Корробокова галера не служила эталоном чистоты. По всей видимости, Глупость не мылась с первого дня плена.

Поддерживая девушку одной рукой за талию, он помог ей встать.

— Пошли со мной.

С трудом переставляя ноги, она двинулась к мостику.

— Сейчас ты сможешь помыться, а потом мы придумаем, как снять эту железяку. Пока ты принимаешь душ, я подыщу что-нибудь из одежды. Тут наверняка есть запас тряпья.

— Господин, вы так добры ко мне!

Он снова улыбнулся.

— Вот так-то лучше. Но господина не надо. Зови меня просто Джон-Том.

Глупость кивнула и опять привалилась к нему. Казалось, она вот-вот зарыдает. Но она не зарыдала — ни в те мгновения, ни позже. На судне Корробока ее первым делом отучили плакать.

Пока девушка мылась, Джон-Том обыскал корабельные шкафчики. В одном нашлась знакомая одежда — знакомая ему, но не его спутникам. Он выбрал кое-что и положил рядом с ножовкой и напильником.

Он ожидал перемен к лучшему и все же был потрясен, когда она опять появилась на палубе.

Обруч был снят. Волосы вымыты и аккуратно зачесаны назад. Глупость смущенно разглядывала себя.

— Должно быть, я чертовски глупо смотрюсь в этой странной одежде.

— Тут, милашка, я с тобой спорить не берусь. — Изумленный Мадж приблизился, чтобы внимательно рассмотреть необычный наряд. — Странный материал. — Его лапа прикоснулась к девичьей ноге и поднялась выше. — Здесь тоже.

— Это не материал! — Она сердито шлепнула нахального выдра по пальцам.

Мадж улыбнулся и лукаво возразил:

— А по мне, крошка, очень даже чудненький материальчик. Такой гладкий...

— Ах ты, крыса водяная! Попробуй только еще раз так сделать, я тебя...

Джон-Том не вмешивался. Пустяки. Мадж всегда несносен, и Глупость, наверное, уже это поняла. Молчал юноша и по другой причине: хотел разобраться в сумятице своих чувств.

Глупость была прелестна — для описания ее внешности никакое иное слово не годилось. Юная и свежая, она стояла на палубе в старых джинсовых шортах «Леви Страус» и поношенном бумажном свитере с надписью на спине: «Шлюп Джон Б.». Она выглядела умопомрачительно привычно, как могла выглядеть

любая девушка на пляже в его родном мире, и Джон-Том едва удержался от возгласа.

Только поблекшие, но все еще заметные ссадины на лице да белый след обруча напоминали о том, где он ее встретил. Надо было найти судовую аптечку или спеть целебную песню — в этом мире она порой помогала лучше мазей и бинтов.

Розарык окинула свою новую спутницу хмурым взглядом и фыркнула.

— Маленькая и тощая. Ох уж мне эти люди.

Глаза ее обратились к разгорающимся звездам. Яльвар уже спал где-то внизу — лишения последних дней совершенно измотали бедного старого хорька. Горизонт за кормой был чист, пиратский корабль давно скрылся из виду. Ветер улегся, но волны по-прежнему толкали шлюп к Снаркену — утраченной и вновь обретенной цели.

Обнаружить Снаркен не составило труда. Чем ближе они подходили к городу, тем чаще на глаза попадались суда. Милях в пятидесяти от берега им осталось только пристроиться в кильватер двух купеческих кораблей.

Длинная гряда холмов, чьи склоны окунались в море, была прорезана широким, но забитым судами проливом. За ним путешественники обнаружили просторную бухту, окаймленную густой зеленью, которая поднималась по склонам на несколько футов. Вдали виднелись горы повыше.

В дальней оконечности бухты лепились друг к дружке пристани и доки, возле них стояли десятки кораблей из ведомых и неведомых стран. На юго-западном побережье Глиттергейста не было порта крупнее Снаркена.

Джон-Том вел шлюп мимо торговых кораблей в поисках свободного причала. Среди пристаней преобладали капитальные, из гладких валунов, несомненно, в далеком прошлом принесенных на берег ледниками, а позднее крепко посаженных на известковый раствор и прикрытых сверху дощатым настилом.

Наконец путники обнаружили подходящее местечко у пирса. Мадж пошел торговаться с хозяином пристани, и тут возник финансовый вопрос — после визита в Гнилые Горшки они остались без гроша в кармане. В конце концов был достигнут компромисс. Он имел форму нескольких нержавеющих молотков из инструментария шлюпа. На такую сделку алчный хозяин пошел с превеликой охотой.

— Как думаешь, Мадж, — спросил Джон-Том, когда они шли по пирсу, — можно оставить корабль без присмотра?

— Честного парня издалека видно, по нынешним временам это птица редкая. Ничего со шлюпом не станется, к тому же этот жмот его боится.

Джон-Том кивнул и, сойдя с настила на брусчатку набережной, умерил шаг. Вокруг них погромыхивали и скрипели доверху

нагруженные товарами и влекомые ящерицами фургоны. Воздух полнился непривычными ароматами.

— Знаешь, чувак, эта сделка вынудила меня задуматься над одной проблемой.

— Над какой?

— Как быть с деньгами? Нельзя ж распродавать корабль по частям.

Джон-Том задумчиво потер подбородок.

— Ты прав. Надо будет покупать еду в дорогу, потребуется уйма денег.

— А я вам вот что скажу, — вмешалась недовольная Глупость. — Мне нужны настоящие шмотки, а не дурацкое чужеземное тряпье. Это же курам на смех! И вообще. — Она провела руками по бедрам, слишком туго обтянутым джинсовой тканью. — С ними столько неудобств...

К ней шагнул Мадж.

— Ну-ка, милашка, дай глянуть. А что, ежели расстегнуть вот эту...

Девушка отпрыгнула от его растопыренных пальцев.

— Убери лапы, водяная крыса! А то без них останешься!

Мадж оскорбленно пожевал губами и повернулся к Джон-Тому.

— Чувак, есть идея. Почему бы нам ее не сбагрить? Пожалуй, это лучшая мысль из тех, которыми поделилась с нами засранная перина по имени Корробок. Малютка наполовину отмыта и выглядит поприличнее, и за нее можно выручить неплохие деньжата. Одним камнем убьем двух зайцев, скажешь, нет?

На сей раз выдру понадобилась вся его ловкость, чтобы подныряуть под свинг Джон-Тома. В погоне за ним юноша добрался до штабеля деревянных бочек и хоть не сумел стащить оттуда неутомимого Маджа, зато порядком нагнал на него страху.

— Да что ты, кореш, с цепи сорвался? Уймись. — Человек и выдр с трудом перевели дух. Мадж выглянул из-за бочки. — Стоит ли из-за такой муры убивать друг дружку? Я же тока предложил.

— Ладно, слезай. Но чтобы впредь никакого собачьего бреда насчет торговли Глупостью и кем бы то ни было.

Объект жаркого спора с интересом посмотрел на своего защитника.

— А почему ты не хочешь меня продать? Я же тебе никто. Впрочем, не думай, будто я неблагодарная, — вряд ли я протянула бы еще месяц на том корабле. Я хочу помочь и не знаю, чем еще отплатить за твою доброту. — Она бросила на выдра предостерегающий взгляд. Сообразительный Мадж промолчал. — Все, что у меня есть, — это я сама. Если тебе так нужны деньги, можешь продать меня. Я стою недешево. — Девушка не смогла выдержать взгляд Джон-Тома и отвернулась. — Даже после плена.

Джон-Том изо всех сил старался не сердиться на нее.

— Глупость, там, откуда я пришел, людьми не торгуют.

— Почему? — В ее глазах мелькнуло искреннее недоумение. — А как же вы поступаете с теми, кто больше ни на что не годится?

— Для них существуют благотворительность и социальное обеспечение.

Она непонимающе покачала головой.

— Мне это ни о чем не говорит.

Он попытался объяснить:

— Мы стараемся предоставить каждому самое необходимое для жизни, минимум средств к существованию.

— Даже если от этих людей никакого проку?

— Да.

— Я бы не назвала такой подход разумным.

— Может, он и неразумный, зато гуманный.

— Чтоб меня! Дорогуша, это объясняет все. Держу пари, до такой дичайшей белиберды могли додуматься тока людишки.

— Работорговли не будет! — отрезал Джон-Том.

— Ладно, парень. Ежели ты готов выложить другую идею насчет пополнения наших фондов, я тебя охотно послушаю. — Мадж показал на ряды зданий, что тянулись вдоль берега. — Нам нужны жратва, ночлег и припасы.

Джон-Том посмотрел на молчаливую Розарык.

— Скажи, ты бы не стала ее продавать, верно?

Тигрица отвернулась.

— Не мое это дело. — Она фыркнула, глянув на девушку. — Может, она всего лишь пытается сказать тебе, что хочет пойти своей дохогой.

— Глупость, это правда? — спросил Джон-Том у девушки.

— Нет. Мне некуда идти. Но и обузой быть не хочется. Я готова помочь...

— Отлично сказано! — бодро воскликнул Мадж. — Эх, чувак, если б не твои предрассудки, я б уж шел искать подходящий рынок...

— Погоди-ка. — Джон-Том приветственно кивнул мысли, родившейся в его голове. — Можно продать шлюп.

— Волшебную лодку? — На физиономии Яльвара отразилось сомнение . — А это разумно?

— А почему бы и нет? По словам Клотагорба, от Снаркена до Кранкуларна добираться надо сушей. Ни волшебная, ни любая другая лодка нам уже не понадобится. А на обратный проезд, надеюсь, мы сумеем раздобыть денег. Надоело мне корячиться с парусами. Хочу побыть пассажиром.

Он опустил ладонь на плечо Маджа.

— Видал, как хозяин пристани ухватился за наши молотки? Думаю, кто-нибудь из местных богатеев охотно купит яхту. Здесь нет ничего похожего на нее.

— А я бы все-таки предпочел сбыть девчонку, — пробормо-

тал Мадж. — Но ты прав, шеф, за лодку можно больше выручить. Я не судоторговец, но не пожалею сил, чтобы обтяпать дельце с наибольшей выгодой.

— Вот и прекрасно, Мадж. Раз ты берешь это на себя, я спокоен.

В тот же день Мадж продал шлюп, получив плату в золоте. Покупатель — судоторговец — остался в восторге, а хозяин трясся от возбуждения, пересчитывая комиссионные. Джон-Том не испытывал грусти, памятуя о том, что шлюп ему достался за одну-единственную песенку.

На ночлег они расположились в чистой и сравнительно недорогой прибрежной гостинице.

— Ну, кореш, что дальше? — прочавкал Мадж, зарывшись носом в еду. Яльвар за столом держался как аристократ, Розарык трапезничала с поразительной для тигрицы аккуратностью и умеренностью, Глупость уминала все, что перед нею ставили, и насытилась гораздо раньше остальных. Уверенный, что девушка не нуждается в няньках, Джон-Том отсыпал ей горсть монет и отослал покупать наряды, более подходящие к ее новому окружению.

— Надо выяснить, в какой стороне лежит Кранкуларн, — сказал он выдру, прихлебывая горячительное из высокой кружки, — запастись всем необходимым и трогать. Клотагорб ждет, и вообще не к чему тут засиживаться.

— Я готова идти, — кивнула Розарык. — Хочется подышать здоховым сельским воздухом. Океаном я сыта по гохло.

— Приятель, я вижу, ты все-таки намерен довести это безумное предприятие до печального конца.

— Ты же знаешь, Мадж. Я дал слово.

— Я боялся услышать чтой-то в этом роде. — Выдр стер соус с губ. — Посиди здесь.

Мадж исчез в главном зале ресторана и чуть позже вернулся, но не один. С ним шествовал великолепно причесанный орангутан в поношенном, но опрятном костюме. Воротник и манжеты пенились кружевами, оранжевая борода была коротко подстрижена, а зубы сжимали дымящуюся трубку с длинным кривым чубуком. С левого уха свисала серьга — гранат в серебряной оправе.

— Так этоо вы желаете путешествоовать поо суше? — Необычный ритм его голоса напомнил Джон-Тому о другом орангутане, почтенном докторе Нилантосе из Линчбени. Еще он вспомнил ограбления, к которым приложили руку добрый доктор и его сообщница, пламенноволосая Талея. Он заставил свои мысли вернуться в настоящее. Талея была далеко.

— Именно так. Нам нужно лекарство.

Примат понимающе кивнул.

— Да, лучшегоо места, чем наш Снаркен, для пооискоов лекарства не найти. Этоо крупнейший гоороод на западноом берегу

Глиттергейста. Если вы не найдете тоогоо, что вам нужноо, здесь, тоо вы не найдете этоогоо нигде.

— Слышишь, парень? — с надеждой спросил Мадж. — Что я тебе говорил? Можно прямо отсюда начинать поиски микстуры для старикашки.

— Мне очень жаль, Мадж.

— Да брось ты, чувак! Что нам стоит заглянуть хотя бы в местную аптеку?

— А в чем прооблема, чужеземец? — спросил орангутан. Чашечка на конце тонкого чубука источала сильный и нежный аромат, и Джон-Том заподозрил, что в ней содержится не только табак. Видимо, орангутан заметил интерес в его глазах, так как протянул трубку чубуком вперед.

— Хоотите поопрообоовать?

Джон-Том удержался от соблазна.

— Нет, спасибо. Дело — прежде всего.

— Этта, шеф, а как насчет меня? — Мадж алчно смотрел на трубку.

— Вам не предлагаю, — невозмутимо ответил орангутан.

— Необходимое нам лекарство, — заговорил Джон-Том, спеша опередить комментарии Маджа, — можно приобрести только в одной аптеке. В городе Кранкуларне.

Орангутан чуть заметно вздрогнул и яростно пыхнул трубкой.

— Чтоо? Кранкуларн?

— В магазине «То, не знаю что».

— Угу. — Орангутан выбил трубку о край стола и ногтем выскреб чашечку, стараясь не замарать костюм из шелка и бархата. — Никоогда не бывал в Кранкуларне, ноо проо магазин кооечтоо слышал. Поогооваривают, оон не поолноостью ооправдывает своое название, будтоо бы этоо проостоо рекламный трюк для привлечения внимания к гоороодку. Ноо хоодят и другие слухи.

— Но вы там ни хазу не были, — заметила Розарык.

— Ни разу. И незнакоом с теми, ктоо там бывал. Ноо я знаю, где оон доолжен нахоодиться.

— Где? — Джон-Том нетерпеливо подался вперед.

Орангутан поднял тяжелую, мускулистую руку и показал на запад.

— Там. В тех краях.

Мадж раздраженно подергал усы.

— Ни хрена себе, точное направление! Почему никто из этих доброхотов никогда не дает точного направления?

— Не воолнуйтесь, — улыбнулся орангутан. — Если вам ообязательноо надоо в Кранкуларн, вы дооберетесь. Где оон нахоодится, ни для коогоо не тайна. Проостоо туда никтоо не хоодит, воот и все.

— А почему?

Орангутан пожал плечами и пошлепал толстыми губами о чубук.

— Чтоо касается меня, чужеземец, то я никоогда не испытывал желания. А у оостальных, наверноое, своои причины. Если вам туда надоо, моогу только пожелать удачи. — Он отошел от стола, подпрыгнул и грациозно двинулся к своему столику, перемахивая с канделябра на канделябр и не беспокоя посетителей, заполнивших к этому времени залы.

— Чепуха какая-то, — проворчал Джон-Том. — Никто не ведает, что творится в Кранкуларне. Почему туда никто не ходит?

— Я бы мог высказать несколько предположений, — задумчиво произнес Яльвар.

— В самом деле, дряблоносый? — повернулся к нему Мадж. — Так почему б тебе, шеф, не просветить нас, дурачков?

— Возможно, там таится неизвестная опасность.

— Клотагорб меня бы предупредил, — возразил Джон-Том. — Какой ему резон скрытничать? Ну, Яльвар, что еще?

— Возможно, там вообще ничего нет.

— Я предпочитаю верить Клотагорбу. Продолжай.

Хорек развел лапами.

— Вы всегда с такой надеждой говорите об этом магазине. Но вдруг вы не найдете там того, что ищете? Большинство таких заведений не оправдывает своей репутации.

— Выясним, — твердо пообещал Джон-Том, — потому как все равно туда пойдем, кто бы что ни говорил.

Внезапно его взгляд соскользнул с хорька, а выражение лица изменилось.

— В чем дело, парень? — мгновенно насторожился Мадж. — Что ты там углядел?

— Темноту. Ночь. Уже давно стемнело. Слишком давно. Глупость должна была уже вернуться. — Он возмущенно посмотрел на выдра. — Мадж! О, черт, неужели ты все-таки...

— Эй, приятель, погоди кипятиться. — Выдр трусливо выставил перед собой лапы. — Я высказал свое мнение, а ты не согласился — значит, вопрос снят. Да не стал бы я ничего такого делать за твоей спиной.

— Если предложить хорошую цену, ты родную бабушку продашь без ее согласия.

— Босс, я никогда в жизни не видал родную бабушку, так что не возьмусь гадать о ее цене, но клянусь, насколько я знаю, малютка сделала только то, о чем ты ее попросил. Пошла разжиться каким-нибудь приличным шмотьем для голокожих. Она, правда, не совсем голокожая...

В голове у Джон-Тома вспыхнуло новое подозрение, и он повернулся к самому рослому существу в их компании.

— Розарык?

На стол упала тень широкого торса, а затем опустилась поло-

вина жареной ящерицы на блюде величиной с дуару. Прежде чем ответить, тигрица с наводящей жуть неторопливостью поковыряла в зубах.

— Мне не очень пхиятно выслушивать инсинуации, мой сахахный. По-моему, случилось самое очевидное.

— Очевидное?

— Ты же дал ей золото. Если судить по ее намекам, ты ей ничего не должен, да и она тебе, поскольку ты отклонил ее пхедложение насчет пходажи в хабство. Я нисколько не сомневаюсь: она отпхавилась на поиски собственной судьбы. Свободу мы ей вехнули. Любви к нам она не питает, и я должна пхизнать, что это взаимно.

— Не могла она так поступить, — с тревогой в голосе пробормотал Джон-Том. — Она не такая.

Раздался резкий, лающий смех Маджа.

— Слушай, чувак, да откуда тебе знать, какая она? Даже я ума не приложу, что она за птица. А ведь я повидал стока баб, скока тебе и не снилось. Всех видов...

— Она не такая, Мадж, — упрямился Джон-Том. — Не такая, и все. К тому же в этом городе она никого не знает. И мы для нее — единственные друзья и защитники.

— Такие, как она, — неприязненно заметила Розарык, — найдут себе дхузей где угодно.

— И все-таки не могла она сбежать вот так, даже не предупредив. Может, ты и прав, Мадж. Может, ей захотелось пойти своей дорогой. Но она бы сказала...

— С чего бы это? — осведомился Мадж с сарказмом в голосе. — Чтобы мы не волновались за нее? А может, она не любительница долгих прощаний? Да ладно, кореш, мура все это. Видал, какой город огромный? Разве ее тут найдешь?

— Подождем до утра, — твердо заявил Джон-Том. — Если не выспимся, от нас точно проку не будет. И выспаться надо на койках, которые не съезжают и не качаются.

— Приятель, я целиком присоединяюсь к твоему пожеланию. Утром порасспрашиваем народ.

— Да, Мадж, по части расспросов ты мастер. Вон как ловко нашел этого орангутана, рассказавшего нам про дорогу до Кранкуларна.

— Да ладно тебе, чувак. Кой-чем он помог. — Выдр небрежно указал назад. — На запад. Самый как раз. Должно быть, про девчонку я разузнаю не больше. Не пойму, шеф, что ты так за нее беспокоишься? Я думал, самое главное — привезти Клоту-жмоту его слабительное.

— Прежде убедимся, что с девушкой все в порядке. Может, она в беде. Я ее, конечно, отпущу, но сначала своими ушами услышу, что ей этого хочется.

Мадж скривился.

— По мне, парень — так это твои похороны. Тока постарайся, чтоб они не стали и моими.

Спали они крепко, а поутру отправились по ближайшим магазинам готового платья. Да, девушка с такими приметами заходила в несколько лавок. След оборвался после восьмой.

— Кореш, взгляни правде в глаза. Она предпочла одиночество.

— Последняя попытка.

Джон-Том кивком указал на перекресток, где били баклуши два скунса в мундирах. Полицейский патруль, совсем как в Линчбени. Благодаря особенностям своей анатомии скунсы всегда и везде были первыми кандидатами на службу в полиции. Не прибегая к насилию, они удерживали в рамках приличий возбужденные толпы и буйных арестантов. Джон-Том предпочел бы любые побои их зловонию.

Держиморды повернулись навстречу чужестранцам и уделили особое внимание тяжеловооруженной Розарык.

— Проблема, чужаки? — спросил один из них.

— Никаких проблем.

Оба полосатых хвоста расслабленно опустились, и это крайне обрадовало Джон-Тома.

— Мы ищем товарища. Человеческую самку, примерно, средней ну, может, поздней молодости. Привлекательная, мех светлый. Вчера вечером ходила тут по магазинам.

Полицейские переглянулись, затем тот, что стоял слева, поднял над головой лапу ладонью вниз.

— Вот такой высоты?

— Да, — Джон-Том заволновался.

— В чудной такой одежде? Темно-синие панталоны?

— Это она. — Вдруг юноша вспомнил, с кем разговаривает. — Что с ней стряслось?

— Насколько я знаю, ничего особенного. Мы всего лишь исполняли свой долг. — Скунс махнул лапой в сторону круто спускающейся улочки. — Четыре квартала прямо, два — налево. Когда мы на нее наткнулись, она была в полном отрубе. Так, говоришь, она ваша подруга?

Джон-Том кивнул.

— Мы пытались привести ее в чувство, но не очень удачно. А что с нею стряслось — это мы сразу поняли. Карманы панталон и куртки вывернуты, а у самой вот тут шишка. — Он дотронулся до головы за левым ухом. — С лимон.

— Кто-то шарахнул ее по башке и обчистил, — тоном знатока заключил Маджк.

— Мой промах, — вздохнул Джон-Том. — Я думал, она умеет за себя постоять. — Он посмотрел на Маджа.

— Эй, кореш, не вздумай катить на меня. Это не я ее припечатал. Она говорила, что не нуждается в няньках, помнишь? Стало быть, язык у нее подлиннее, чем извилины в мозгах. В няньках

она не нуждается, а? Черта с два. — Выдр повернулся к полицейским и уныло спросил: — И что с ней было дальше?

— Ее сбыли с рук. — Полицейский посмотрел на напарника. — Не знаешь, куда ее сплавили из участка?

Второй скунс пожал плечами, а первый призадумался.

— Дайте-ка поразмыслить...

— В больницу? — предположил Джон-Том.

— С какой-то плюгавой шишкой? Смеешься, чужак? Да пока мы ее волокли в участок, она наполовину очухалась. Все стонала насчет мамаши и еще кого-то... Документов при ней, помнится, не было никаких. Да, она вспоминала какого-то хмыря... — Скунс порылся в памяти. — Пом-Пом?

— Джон-Том. Это я.

— А где тебя искать, она объяснить не смогла — похоже, крепко ей врезали. Ну, а нам это имя ничего не сказало. Девчонка вела себя чудно, ну, мы и подумали, что она маленько чокнулась. Говоришь, средней молодости?

Джон-Том кивнул.

— А мне показалось, для человека она куда моложе. Подросток. Ага, вспомнил, куда ее дели потом. Ее забрали социальные службы. Несколько общин бросали жребий, и выиграли Друзья Улицы.

— Да, точно, — подтвердил напарник. — Я сам об этом читал в рапорте.

— Друзья Улицы? Кто они такие? — спросил Джон-Том.

— Что-то вроде сиротского приюта. — Полицейский повернулся и указал: — Вон они где обретаются, на горе Курьи Потроха. Сроду там не бывал — повода не возникало. Туда ее отвели. Думаю, с ней все в порядке. Говорят, там чисто, уютно и пристойно.

На руку Джон-Тома успокаивающе легла лапа выдра.

— Вишь, кореш? Все уладилось само собой, причем наилучшим образом.

— Да, — согласилась Розарык. — Пойдем-ка в гостиницу, Джон-Том. В пхиюте девчонке будет лучше, чем с нами.

Джон-Том выслушал и удивил Яльвара тем, что поинтересовался его мнением.

— Если вам действительно небезразлична точка зрения недостойного слуги, то я вынужден встать на сторону ваших друзей. Несомненно, юной женщине самое место среди сверстников, под опекой тех, чьи обязанности — заботиться о детях, к которым судьба была слишком жестока. А нам следует заняться своими делами.

Джон-Том кивнул.

— Может быть, ты и прав, Яльвар. — Он поглядел на Маджа и Розарык. — И вы, наверное, тоже. — Он перевел взгляд на старшего скунса. — Вы уверены, что это приличное заведение?

— На улицах Снаркена полно беспризорной молодежи. Мы

то и дело кого-нибудь задерживаем, поэтому здесь много приютов. Одни — на государственном обеспечении, другие — частные. Если я не путаю, Друзья Улицы — частная лавочка.

— Ну, хорошо, — проворчал Джон-Том, уступая весомости доводов и мнению большинства.

— Так когда же мы поедем, чувак?

— Можно завтра утром. Если сумеем до вечера добыть все необходимое.

— Добыть ящик воблы? Раз плюнуть, кореш. Предоставь это мне. А вы с горой кошатины и старым педиком ступайте в гостиницу. Отдохните, подышите напоследок морским воздухом. Положитесь на старину Маджа.

Джон-Том внял его совету и к вечеру был вознагражден появлением у гостиницы не одной, а двух больших и удобных кибиток, доверху набитых съестным. Влекли их две рогатые ящерицы из тех тяжеловозов, что способны с одинаковой легкостью носиться по ровным дорогам и горным тропам.

— Молодчина, — похвалил Джон-Том выдра. — Ты поработал на славу.

Казалось, Мадж подверг себя неописуемой пытке, сунув лапу в карман и вытащив три золотые монеты.

— А это сдача, приятель.

Джон-Том едва не лишился дара речи.

— Просто с ума сойти! Мадж, да ты еще и сдачу возвращаешь?

— Босс, умоляю, не говори ничего! — с мукой в голосе произнес Мадж. — И без того тошно.

— Мадж, а тебе никогда не приходило в голову осесть где-нибудь и заняться честной торговлей?

— Кому? Мне? — Выдр содрогнулся всем телом. — Да я б тогда самоуважение потерял, не говоря уже о лицензии линчбенийской воровской гильдии. И разбил бы сердце моей бедной матушки.

— Извини, — прошептал Джон-Том. — Больше не буду.

Розарык подвергла груз тщательному досмотру.

— Выдха, я беху назад все, что пхо тебя говохила. Схеди снабженцев тебе нет хавных. — Она поглядела на Джон-Тома. — Здесь с лихвою хватит на многомесячный поход. Он не зхя потхатил золото.

Мадж отвесил низкий поклон.

— Спасибо, о высочайшая, сладчайшая и целомудреннейшая. Ну, а теперь что вы скажете насчет роскошного ужина перед походной диетой? — Он направился ко входу в гостиницу.

Джон-Том задержался и растерянно произнес вдогонку друзьям:

— Послушайте, я разделяю ваши чувства и уважаю ваше мнение, и вы, наверное, абсолютно правы, а я, должно быть, ошибаюсь. Я понимаю, вы хотите поесть и поспать, но я не устал и не про-

голодался. Знаю, это выглядит глупо, но я все-таки собираюсь найти Друзей Улицы и попрощаться с Глупостью.

Мадж всплеснул лапами.

— Люди! Слышь,парень, ну, че терять время? Девчонка — прочитанная глава, и этим все сказано.

— Прочитанная глава, — согласился Яльвар, — со счастливым концом. Пусть так и будет. Зачем терзать себя?

— Я не терзаюсь. Я совсем ненадолго. — Юноша ущипнул струну дуары. — Спою ей напоследок и скажу, что мы будем возвращаться этой же дорогой. На случай, если ей захочется повидать нас или еще что-нибудь...

— До чего ж трогательно, — пробормотал Мадж. — Черт с тобой, кореш. Пойдем, покончим с этим делом.

— Ты тоже идешь? — удивился Джон-Том. — А как же роскошный ужин?

— Потерпит. — Мадж взял человека под руку, и они стали подниматься по склону горы. — Глянь-ка, чувак. Ночь черна, что сердце судебного пристава. — Он внимательно разглядывал узкую петляющую улочку. — А ты уверен, что мы разыщем это местечко?

Джон-Том кивнул.

— Оно на вершине. К тому же всегда можно спросить у встречного. Мы же не младенцы беспомощные.

— Нет, — напугал их голос, раздавшийся позади. — С этой минуты не беспомощные.

— Розарык? Ты еще не проголодалась?

— Сыта по гохло болтовней, — огрызнулась она. — Я хешила все-таки пхогуляться с вами и позаботиться, чтобы вас не пхихезали по пути. Может, те гхабители все еще охудуют здесь.

— Милашка, мы сами с усами, — парировал Мадж.

— В этом я не сомневаюсь. Но ваши усы будут в большей сохранности, если я пойду с вами.

Джон-Том смотрел мимо нее. Она проследила за его взглядом.

— Яльвах тоже хотел идти, но надо подниматься на гоху, а в его годы это совсем непхосто. Он подождет и постохожит повозки.

— Прекрасно. — Джон-Том повернулся и пошел дальше. — Мы скоро вернемся.

— Ага, враз, — подтвердил Мадж.

Но оба они ошибались.

Глава 10

Друзья Улицы располагались на верху обращенного к морю склона горы, в комплексе зданий из тесаного камня на известковом цементе. Вопреки ожиданиям Джон-Тома окружали приют не трущобы, а уютные частные виллы и ухоженные скверы.

— Кто бы ни обустроил это местечко, — сказал он спутникам, приближаясь к парадному, — деньжата у него водятся.

— Куры не клюют, — уточнил Мадж.

Несколько длинных, узких двухэтажных строений были соединены между собой труднопреодолимыми стенами. В лунном свете на крышах поблескивала черепица. Из двух окон сквозь тонкие щели наружу сочился свет, в остальных же помещениях владычествовала тьма. Ничего удивительного: в столь поздний час дети должны лежать в постелях. Доступ к дверям парадного входа преграждала увитая цветами решетчатая калитка из кованого железа.

Зато снаружи висел шнурок звонка. Джон-Том потянул за него и услышал далекое треньканье колокольчика. Поблизости деревья-великаны шелестели листвой. Далеко внизу искрилась бухта, иллюминируемая тысячами ярких звезд Снаркена.

Калитка отворилась, и на посетителей с любопытством поглядела немолодая бельчиха во всем черном, вплоть до кружевной оторочки обшлагов. С седой шеи свисал золотой медальон на золотой же цепочке. Выгравированные на нем буквы были столь мелки, что Джон-Тому не удалось их разобрать.

— Да? Чем могу быть полезна?

— Это вы управляете приютом? — спросил Джон-Том.

— Я? — удивилась неулыбчивая бельчиха. — Нет. Вам нужен директор? Осмелюсь поинтересоваться, зачем? — Она пристально посмотрела на Розарык.

— У нас к нему пара-тройка коротеньких вопросов. — Юноша одарил белку самой заискивающей из своих улыбок.

— Часы приема — с полудня до отбоя. — Она явно собралась затворить калитку.

Сохраняя улыбку, Джон-Том шагнул вперед.

— У нас есть основания считать, что недавно наша знакомая... — он запнулся, не сразу найдя подходящее слово, — была зачислена в приют.

— Вы имеете в виду, что не знаете этого точно?

— Да. Это могло произойти вчера.

— Я проверю. Но гостей мы пускаем только до отбоя.

Снова она попыталась закрыть калитку, и снова Джон-Том поспешил ее остановить.

— Госпожа, я вас умоляю! Завтра мы должны отправиться в долгий и трудный поход. Мне нужна только минутка — убедиться, что ваше заведение так же восхитительно выглядит внутри, как и снаружи.

— Н-ну... — неуверенно произнесла она, — подождите. Директор сейчас на всенощной молитве. Я спрошу насчет вас.

— Благодарствую!

За сим воспоследовало долгое томление на пороге, и у Джон-Тома даже родилось подозрение, что им вежливо отказали. Он

вновь потянулся к шнурку, но тут появилась белка, а за ней — пожилой человек.

Как всегда, Джон-Том удивился при виде человека на высокой административной должности. В мире Клотагорба люди не относились к числу процветающих видов, будучи всего лишь одной из десятков разумных форм жизни.

Директор уступал Джон-Тому считанные дюймы в росте — то есть для аборигена был необычайно долговяз. Его облачение ничем, кроме другого покроя, радикально не отличалось от бельчихиного: траурно-черное, с такими же кружевными манжетами, золотым медальоном. Руки были сложены на груди, тронутые серебром волосы на лбу и висках аккуратно зачесаны назад. Седая козлиная бородка торчала вперед, а на носу поблескивали стеклышки и тонкая проволочная оправа очков. Джон-Тому он показался гибридом Полковника Сэндерса и контрабасиста. Однако его улыбка лучилась радушием, а в голосе звучало участие.

— Приветствую вас, странники. Добро пожаловать к Друзьям Улицы. — Он указал на белку. — Ишула передала мне, что среди наших подопечных есть ваша подруга?

— Мы так полагаем. Ее зовут Глупость.

Директор нахмурился.

— Глупость? Что-то я не припомню никого с таким... Ах да! Юная женщина, приведенная к нам вчера вечером. Она поведала жуткую историю о пиратах, плативших ее в северных водах. А вы, стало быть, те самые благородные путешественники, которых она назвала своими спасителями?

— Совершенно верно.

— Подумать только, в каком ужасном мире мы живем! — Директор скорбно покачал головой. — Не всякое разумное существо способно вытерпеть столько страданий, сколько их выпало на долю этого бедного дитяти.

Джон-Том вынужден был мысленно признать, что покамест его тревоги и подозрения беспочвенны. И все же он не мог уйти, не посмотрев, в каких условиях живут питомцы Друзей Улицы.

— Сударь, я понимаю, час поздний. К тому же тут прохладно. Но завтра мы отправляемся в далекое путешествие, я уже говорил вашей помощнице. Нельзя ли нам зайти на минутку, чтобы полюбоваться вашей обителью? Мы просто хотим убедиться, что Глупость найдет здесь хороший уход. Мы не намерены предъявлять свои права на девушку. Я более чем уверен: она охотно предпочла бы остаться здесь.

— Конечно, входите, — сказал директор. — Кстати, меня зовут Чокас. А это Ишула, привратница.

Белка пропустила гостей и задвинула железный засов. Джон-Том назвал свое имя и представил спутников.

— Тут замечательно, я в этом нисколько не сомневаюсь. —

Чтобы войти в дверной проем, тигрица вынуждена была пригнуться.

Они попали в продолговатый белый вестибюль. Чокас вел их мимо облицованных плиткой стен, не скупясь на слова и не сетуя на поздний визит. Белка замыкала шествие, время от времени отставая, чтобы смахнуть хвостом пыль со скамьи или вазы.

Джон-Том заполнял паузы директора вежливыми репликами, но спутники ему в этом не помогали. Они искали признаки лжи или скрытого недоброжелательства. Безуспешно.

Коридор и примыкавшие к нему комнаты были безупречны. Повсюду на полках и в нишах стояли горшки с декоративными растениями, свисали они и с потолочных балок. Частично застекленная крыша свидетельствовала о хорошем отоплении здания. Не дожидаясь просьбы, Чокас предложил гостям пройти в глубь владений Друзей Улицы. Джон-Том согласился. Он уже успокаивался.

В трапезной вдоль чистых столов стояли мягкие скамьи, а кухня сияла не хуже вестибюля.

— Гигиена — предмет нашей гордости, — поведал директор.

Продовольственная кладовая ломилась от съестного, годного для возмещения энергетических затрат самых разнообразных организмов. Кроме того, попутно выяснилось, почему здания соединены между собой стенами. Они окружали широкий внутренний двор, где в тени высоких деревьев среди игровых площадок журчали фонтаны.

— Пошли, — шепнула Розарык, наклонясь к Джон-Томову уху. — Или еще не налюбовался? Лучше, чем тут, девчонке нигде не будет.

— Вынужден признаться, я ожидал увидеть нечто совсем иное, — произнес юноша. — Черт побери, кажется, меня подмывает самому здесь остаться. — Он повысил голос, обращаясь к директору: — Чокас, да у вас просто образцовое заведение!

Человек кивком поблагодарил.

— На нас возложена почетная миссия опекать беспризорников и тех, кто в младые годы сбился с истинного пути. Мы очень серьезно относимся к своим обязанностям.

— А чему вы их учите? — спросила Розарык.

— Истории, географии, математике, общественным наукам, домоводству, в частности, шитью и поварскому делу. Есть и физическая подготовка, есть уроки дисциплины и вежливости. Мы смеем полагать, что наша учебная программа отработана безупречно.

— Что ж, я увидел достаточно. — Джон-Том поглядел в сторону дортуаров, расположенных на втором этаже. — Прощай, Глупость. Интересно было с тобой познакомиться. Желаю счастливой и полноценной жизни. Может, нам еще доведется встретить-

ся. — Он повернулся к вестибюлю. — Благодарим за экскурсию, Чокас.

— К вашим услугам. Приходите в любое время, господа. Друзья Улицы всегда рады гостям.

Калитка затворилась, оставив трио на брусчатке улицы. Розарык двинулась вниз по склону.

— Тепехь наша совесть чиста. Можем заняться более важными делами.

— Я должен согласиться: здесь ей будет лучше, чем с нами, — сказал Джон-Том. — Что поделаешь, такое положение стабильнее любой альтернативы, которую мы могли бы ей предложить.

— Эй, вы! Не гоните!

Джон-Том и Розарык обернулись к Маджу, изучающему вход.

— В чем дело, Мадж? — На экскурсии Джон-Том не услышал ни единого замечания из уст выдра. — Мне казалось, тебе сильнее всех не терпится вернуться в гостиницу.

— Так и есть, кореш.

— Ну, так пошли, выдха, — раздраженно промолвила тигрица. — Только не вхи, что будешь скучать по киске. Ты питал к ней не больше симпатий, чем я.

— Твоя правда, о хозяйка массивных ляжек. По мне, так она упряма, невежественна, и проку от нее не жди, хоть и навидалась всякого. Жисть — штука крутая, а я вам не нянька для писюх. Но в такой тюряге я не оставлю даже пронырливую и скользкую саламандру из тех, что шныряют по потолку и норовят тебя обгадить.

— Ты что-то углядел? — Джон-Том подошел к нему. — По-моему, там шик, блеск и красота.

— Лажа! — отрезал выдр. — Мы видели только туфту, которую нам пихали под нос. Этот кореш, Чокас, склизкий, как дерьмо перекормленной совы. Я таким не буду верить, покуда ссать не разучусь. — Он повернулся к Джон-Тому и Розарык. — Я, конечно, не заблуждаюсь насчет того, что вы заметили один пустячок. Скажите-ка, сосунки востроглазые, почему с первых этажей на улицу не смотрит ни одно оконце?

Джон-Том кинул взгляд налево, затем направо и убедился в полной правоте выдра.

— Ну, не знаю. Вероятно, у них есть причина.

— Вот и я про то же. А еще, заметь, на вторых этажах все окна зарешечены.

— Всего лишь декорации из кованого железа, — прошептал Джон-Том, пройдясь взором по верхним этажам.

— Декорации? Чувак, ты это всерьез?

— В походе небезопасно, — напомнила Розарык, — а сихоты беззащитны. Хешетки, навехное, нужны от вохов, чтобы не кхали подхостков для пходажи в хабство.

— Если это так, то Друзья Улицы — жуткие перестраховщики. По эту сторону стены возле приюта нет ни единого деревца.

Мадж снова был прав: между частными владениями и ближайшим строением приюта лежало открытое пространство улицы.

— И что это доказывает? — спросил Джон-Том.

— Да ни хрена, кореш. И все ж таки я нутром чую: чтой-то здеся не так. Занятно было бы поболтать с одним-двумя питомцами в сторонке от этой пираньи с беличьим хвостом и разлюбезного экскурсовода.

— Я наслышан о разных приютах, но рядом с этим самый лучший из них покажется хуже гнилогоршковской кутузки, из которой мы дали деру.

— Как раз это, приятель, меня и тревожит. — Мадж обвел глазами безмолвные стены. — Слишком уж тут клево.

— Не уверен, что я тебя понимаю.

— Да ты сам подумай, шеф. Детеныши всегда грязные. Им точно так же свойственно пакостить, как мне — потеть. Это естественно. Тут наверняка полным-полно детенышей — и вдруг чистота, как в будуаре у придворной дамы.

Рассматривая зарешеченные верхние окна, Розарык спокойно произнесла:

— Пожалуй, для такого заведения здесь и в самом деле слишком чисто. Почти как у вхача в кабинете.

— И ты, Розарык? — удивился Джон-Том.

— Что значит — и ты? Выдха хассуждает здхаво. Я не скхываю своей непхиязни к детенышу, но буду спать спокойнее, зная, что он в хохоших хуках.

— Ну, раз вы оба так считаете, надо поговорить с ней перед уходом.

Джон-Том двинулся к калитке, но Мадж удержал его за руку.

— Расслабься, чаропевец. Старый хрен держался вполне миролюбиво, но лишь потому, что мы не задавали каверзных вопросов и не совали нос куда не просят. Если б он хотел, чтоб мы повидались с кем-нибудь из детей, он бы так и сказал. Сомневаюсь, что он горит желанием нам помочь.

— У него на то веская причина. Дети, наверное, спят. Поздно уже.

— Все? Вряд ли. А как насчет ночных жителей? Сусликов и мотыльков?

— Вероятно, у них отдельные помещения, чтобы не мешали остальным, — предположил Джон-Том. — И ночным не нужно освещение.

— И все-таки должен быть хоть намек на жизнь. Вспомни, ведь мы говорим о шайке детенышей.

Джон-Том покусал нижнюю губу.

— Верно, тут чертовски тихо.

— Как в склепе, кореш. Ты мне вот что скажи: почему бы тебе не усыпить их всех чаропением, как ту кодлу на пиратской лохани?

— Не выгорит. На корабле все слышали дуару и мой голос, а тут слишком много стен.

Мадж кивнул.

— Ладно. Значица, теперь моя очередь маленько поколдовать.

— Твоя?

Выдр ухмыльнулся, изогнув усы.

— Парень, ты тут не единственный магистр необычных искусств.

Они отошли вдоль стены подальше от входа. По пути Джон-Том обратил внимание на отсутствие других наружных дверей. Впрочем, они могли находиться с другой стороны комплекса, да к тому же над Друзьями Улицы не довлел «Лос-Анджелесский свод правил пожарной безопасности».

Возле дерева, росшего ближе всех к зданию, Мадж остановился.

— А теперь, моя маленькая мурлыка, есть работенка и для тебя. — Он указал вверх. — Видишь вон тот сучок? Второй снизу?

Розарык кивнула.

— Сможешь залезть на него и проползти до конца?

Она нахмурилась.

— Зачем? Ветка не выдехжит моего веса.

— В этом-то все и дело, милашка.

Джон-Том тотчас разгадал замысел выдра.

— Не годится, Мадж. Ветка швырнет тебя башкой об стену, и вместо ценного друга у меня на руках окажется мохнатый сумасшедший самоубийца.

— За меня не волнуйся, шеф. Я знаю, что делаю. Мы, выдры, рождаемся акробатами. Жисть наша ваще проходит в забавах, но када надо, мы бываем серьезными. Дай попробовать.

— Не больше одной попытки. — Джон-Том передвинул дуару на грудь. — Почему бы не закинуть тебя на крышу с помощью чаропения?

Идея пришлась Маджу не по вкусу.

— Потрясный будет эффект, правда, чувак? Кошачья серенада под этими решетками даже летучую мышь разбудит.

— Мне не нхавится такое схавнение, водяная кхыса. — Розарык полезла на дерево. Мадж пожал плечами.

— Нравится, не нравится — какая разница? Ты бы всполошил весь гадюшник.

— Я бы пел тихонько...

— Ага, и катапультировал бы... виноват, Розарык, меня на середину какого-нибудь далекого океана. Без обид, приятель, ведь ты не хуже моего знаешь: бывают случаи, когда твое чаропение лупит мимо цели. Поэтому сейчас я предпочел бы дерево.

— Спасибо за вотум доверия, — пробормотал Джон-Том, глядя вверх. Розарык уже осторожно кралась по указанной ветке. — Валяй, но, по-моему, ты спятил.

— Почему, шеф? Впрочем, ты, безусловно, прав. Это доказывается тем, что я стою здесь и прошу забросить меня на каменную стену, вместо того чтобы кайфовать на мягкой койке где-нибудь в Колоколесье. — Он отошел от толстой ветви, опускающейся к земле под тяжестью Розарык.

Тигрица ползла, пока могла удерживаться всеми четырьмя конечностями, затем свесилась и двинулась к концу ветки на передних лапах. Через несколько секунд листья зашуршали о брусчатку.

Мадж угнездился на самом конце, в петле, образованной двумя сучками.

— Ну, милка, что ты на это скажешь?

Тигрице приходилось удерживать ветку всем своим весом. Она пристально поглядела на далекую крышу.

— Шансов пхомазать больше чем достаточно. Кому мы должны вхучить твои останки?

— Дернула же меня нелегкая связаться с оптимистами! — пробормотал выдр. — Спасибо вам обоим за ободряющее напутствие. — Он похлопал по суку, на котором сидел. — Вортайль. Надеюсь, веточка не треснет, пока будет разгибаться. Из такой древесины делают корабельные ребрышки. — Он оглянулся на Розарык. — Крошка, я весь к твоим услугам.

— Ты увехен, что не хасшибешься?

— Не уверен. Но не вижу смысла сидеть на заднице и рассуждать об этом.

— Ну, уж эта часть тела точно уцелеет. — Тигрица соскочила с дрожащего сука.

Ветка вортайля так хлестнула вверх, что завибрировал потревоженный ею воздух. Чудовищная сила швырнула Маджа в ночное небо. Выполнив сальто-мортале, выдр пошел на снижение по элегантной дуге.

Как выяснилось, он просчитался лишь самую малость. До крыши он не долетел, но и не разбился об стену.

Поначалу казалось, что Маджу предстоит шмякнуться о мостовую, но в последнее мгновение пальцы его правой лапы намертво вцепились в оконную решетку. Он довольно долго висел, переводя дух. Затем ухватился второй лапой и забрался на подоконник.

Его друзья стояли внизу, задрав головы.

— Сможешь туда пролезть? — тихо спросил Джон-Том.

Мадж ответил презрительным фырканьем. Раздался скрежет, и через несколько секунд до ушей Джон-Тома и Розарык долетел металлический щелчок.

— А твой пхиятель весьма ловок.

— У него большой опыт обращения с замками, — сухо пояснил Джон-Том.

Новый щелчок дал понять, что окно открыто.

Человеку и тигрице было очень неуютно на пустой, залитой лунным светом улице. Минута тянулась за минутой. Наконец из открытого окна змейкой выскользнула розовая веревка. Джон-Том ухватился за нижнюю из связанных друг с другом простыней.

— Меня она выдержит, — сказал он тигрице. — А тебя — едва ли.

— Ничего. Ведь ты ненадолго, только попхощаешься с детенышем. — Она кивком указала на ближайшую кипу вортайлей. — Я подожду на дехеве. Там меня никто не заметит. А увижу что-нибудь подозхительное — свистну.

Джон-Том опешил.

— А я и не знал, что тигры умеют свистеть.

— Ну, так знай. — Она повернулась и тенью скользнула к деревьям.

Джон-Том полез вверх, упираясь ногами в стену. Мадж был наготове и помог ему забраться в окно.

В комнате юношу окружила кромешная мгла.

— Где мы? — прошептал он.

— Кажись, в какой-то кладовке, чувак. — Ночное зрение Маджа в несколько раз превосходило человеческое.

Но пока они осторожно пробирались по кладовой, глаза Джон-Тома привыкли к потемкам и сумели различить ведра, кадки, щетки, тряпки и другие предметы гигиены. Мадж остановился у двери и налег на ручку.

— Заперто с той стороны. — Выдр рысью умчался во тьму и вернулся с чем-то наподобие шила. Вставил его в замочную скважину и тихонько поковырялся. Звук, которого Джон-Том не расслышал, явно удовлетворил Маджа. Он вынул шило и толкнул дверь. Та бесшумно отворилась.

Мадж заглянул в темную спальню. Повсюду кровати, кушетки, подстилки и прочие разнообразные ложа для детенышей различных биологических видов. Окна на противоположной стене выходили во внутренний двор, где били фонтаны и росли деревья. Эти окна в отличие от наружных не были забраны решетками.

Они на цыпочках вышли из кладовки и двинулись между рядами спящих подростков. Все питомцы Друзей Улицы выглядели стерильно чистыми и ухоженными. Их прически заставили бы любую модницу позеленеть от зависти: волосок к волоску, шерстинка к шерстинке. Как и в столовой и в вестибюле, здесь царили уютная прохлада и безупречная чистота.

— Не вижу признаков дурного обхождения, — произнес Джон-Том, переходя от кровати к кровати.

Мадж с сомнением покачал головой.

— Слишком опрятно тут, кореш. Слишком клево.

Они пересекли длинный дортуар из конца в конец, но Глупости не нашли. Следующая дверь тоже оказалась запертой.

— И еще одно, чувак. Слишком много замков. — Мадж снова запустил шило в замочную скважину.

За дверью они обнаружили короткий коридор и слева — лестницу, ведущую вниз. Пройдя по коридору, Мадж снова пошуровал в замке, и друзья приступили к осмотру второй спальни.

Их шаги заглушались покряхтыванием, посвистыванием и похрапыванием. В центре зала они увидели Глупость. Джон-Том осторожно потряс ее. Она повернулась на спину, разлепила веки... И с трудом подавила крик.

По распахнутым во всю ширь глазам, по напряжению тела, по выражению лица безошибочно угадывался страх. Почти так же девушка встречала каждое появление Корробока на палубе пиратского корабля.

В следующее мгновение она узнала юношу, обняла и заплакала.

— Джон-Том! Джон-Том! И Мадж! Я думала, вы обо мне позабыли. Думала, ушли, а меня бросили.

— Нет, Глупость, мы тебя не забыли. — Он остро ощутил нежные округлости под тонкой ночной рубашкой и мягко отстранил девушку. — Что случилось?

Она затравленно огляделась.

— Вы должны вызволить меня отсюда! И побыстрее, пока не пришел ночной патруль.

— Ночной патруль? Может, ты имеешь в виду нянечек?

— Нет, я имею в виду патруль. Тут строжайше запрещено вставать после отбоя с кровати. Если тебя застанут на ногах, то изобьют. Не так сильно, как Корробок, но тоже мало не покажется.

— Но мы были тут недавно и не увидели никаких признаков...

— Кореш, не будь дураком, — нервно произнес Мадж. — Потвоему, опекуны этих богом обиженных настока глупы, чтоб колошматить их у всех на виду?

— Нет, конечно. Так тебя били?

Глупость сплюнула на пол.

— Только из любви ко мне. Здесь тебя дубасят ради твоего же блага. Бьют в классе, если не выучил урок. Бьют в столовке, если неправильно держишь нож. Бьют, если не скажешь «да, господин» или «нет, госпожа». А иногда, кажется, здесь бьют забавы ради, просто чтобы напомнить тебе, какой мерзкий мир ты оставил за этими стенами. — Ее ногти глубоко вонзились в руку Джон-Тома. — Джон-Том, ты должен вытащить меня отсюда.

Он не мог знать, насколько правдивы ее обвинения, но отчаяние в голосе звучало достаточно искренне.

Мадж стиснул рукоятку короткого меча.

— Приятель, давай-ка не расслабляться. Смотри, кой-кто из детенышей уже шевелится.

— Я начеку. — Джон-Том повернулся к соседней койке, принадлежавшей пуме в точно такой же, как на Глупости, черной ночной рубашке. Она села, протирая глаза.

— Глупость правду говорит? — спросил он молоденькую кошку.

— Кто... Кто вы? — испугалась самочка. Глупость поспешила ее успокоить.

— Все в порядке. Это мои друзья.

— А ты кто? — спросил, в свою очередь, Джон-Том.

— Меня зовут Мэйеалн. — К изумлению молодого человека, она шумно засопела. Он еще ни разу не видел плачущего представителя семейства кошачьих. — Сударь, по... пожалуйста, помогите и мне выбраться отсюда.

Ее голос вызвал каскад жалобного и робкого шепота:

— И мне, господин.

— И мне!

— Мне тоже...

Все обитатели дортуара проснулись и столпились вокруг койки Глупости, чтобы гладить взрослых и на разных диалектах умолять о помощи. По десяткам спин, обтянутых черной тканью ночных рубашек, взволнованно хлестали хвосты.

— Я не понимаю... — промямлил Джон-Том. — С виду у вас так мило... Но они, конечно, не должны наказывать вас по любому поводу.

— Если бы только это, — вздохнула Глупость. — Тебе еще не бросилось в глаза, как тут идеально?

— Ты хочешь сказать, чисто?

Она отрицательно покачала головой.

— Не просто чисто. Стерильно. Горе тому из нас, кто попадется с пятнышком грязи или ниткой на одежде. От нас требуют идеала во всем — в поведении за столом, учении, богослужении, — чтобы к тому времени, когда мы достаточно состаримся для возвращения на улицу, воспитать из нас идеальных граждан. Надзиратели — вся банда — выпестованы здесь и другой жизни не знают. Это отпетые подонки. Мы носим только черное, ведь живые цвета отвлекают. Никаких поблажек — танцев, пения и прочего. Может, у пиратов все шуточки грубы и жестоки, но в них хоть юмор есть. А в этой тюряге — ни тени юмора.

Мэйеалн выскользнула из постели, села на пол и прижалась к ногам Глупости.

— Есть еще кое-что, — взволнованно прошептала она. — Расскажи им.

— К этому-то я и веду. — Глупость нервно оглянулась на дверь в дальнем углу комнаты. — Поскольку веселье и развлечения образцовой личности строжайше противопоказаны, то чуть

ли не в первую очередь от тебя требуют соответствия идеалу именно в этом отношении.

Мадж нахмурился.

— Милашка, а попроще нельзя?

— Я имела в виду, что никакие приятные пустяки не должны отвлекать нас от главной цели — превращения в идеальных граждан.

Выдр вытаращился на нее, затем окинул изумленным взглядом разношерстную компанию подростков в черном.

— Господи, куда нас занесло? Что за дьявольское логово? Так, значит, каждый из этих...

Она гневно кивнула.

— Да. Большинство. Самцы оскоплены, самки стерилизованы. Достижение совершенства путем устранения чувственных помех. Завтра должны прооперировать меня.

— Против твоей воли? — Джон-Том вырывался из бульдожьей хватки холодного, клинически чистого ужаса.

— А что мы можем поделать? — тихонько всхлипнула Мэйеалн. — Мы все сироты, кто за нас заступится? А у Друзей Улицы превосходная репутация, городские власти ценят их за идеальный порядок в приюте.

— К тому же Друзья Улицы возвращают обществу не простых граждан, а образцовых, — добавила Глупость. — Граждан, которые никогда не доставят властям хлопот.

Джон-Тома аж затрясло от ярости.

— Куда вы пойдете, — спросил он выхолощенных бедолаг, — если сумеете выбраться отсюда?

И снова — молящий хор: «Куда угодно...», «Все равно...», «В гавань — я хочу быть моряком...», «Я умею шить и гладить...», «А я рисую неплохо...», «Я бы стала...».

Он цыкнул на них.

— Мы вас выведем. Придумаем что-нибудь. Мадж, как насчет спальни, через которую мы пришли? Можно без риска вернуться с детьми этим же путем?

— Да хрен с ним, с риском, чувак. — Ни разу еще Джон-Том не видал выдра в таком гневе. — Мы не только воротимся в ту спальню, мы выпустим из этого гноилища всех сопляков. А нука, айда за нами, — позвал он детенышей. — Тока тихо.

Джон-Том пошел последним, убедясь, что никто не остался, и гоня перед собой сирот, будто стадо овец.

Коридор и лестница встретили их безмолвием. В следующем покое, обойдя все койки, сироты разбудили своих товарищей и объяснили, в чем дело. Проход быстро заполнялся суетливой, взволнованной молодежью.

Мадж отворил дверь в кладовку, и в то же мгновение распахнулась вторая дверь в спальню. В проеме стояла широкая пятифутовая фигура взрослого самца рыси. Глаза полыхали зеленым.

— Что тут происходит? — заговорил рысь. — Клянусь восемью ступенями чистоты и непорочности, я шкуру сдеру с зачинщика! — Тут он заметил Джон-Тома, подобно башне высившегося над подростками. — Как ты сюда попал?

Джон-Том ответил с широкой невинной улыбкой:

— Да так, в гости зашел. Понимаю, уже поздновато, но у меня специальное разрешение Чокаса.

— Что-о?! Зашел в гости? А где пропуск? А почему не в положенные часы?

Джон-Том улыбался. Вокруг него сплотились детеныши.

— Приятель, я же сказал — у меня особое разрешение.

Надзиратель угрожающе отвел назад уродливый черный арапник.

— Кто бы ты ни был, ты пойдешь со мной к господину директору. Я не знаю, как ты сюда пробрался, и ты тоже, — добавил он, углядев Маджа. — Но вам придется многое объяснить. А все прочие, — взревел он, — по койкам!

Толпа заволновалась, поднялся шум.

— Послушай, шеф, ты совсем напрасно всполошился, — скалясь от уха до уха, Мадж мелкими шажками двинулся к рысю.

Арапник рассек воздух перед самым носом выдра. Громко хныча, дети бросились врассыпную.

— Погоди-ка, дружище. — Джон-Том выставил перед грудью посох. — Кнут — штука серьезная, верно?

— Пустяки, о заклинатель змей. — Мадж по-прежнему ухмылялся, а надсмотрщик зорко следил за его приближением. — Есть у меня в запасе один хитрый трючок.

— Довольно, нарушитель! Еще один шаг — и я тебе вышибу глаз.

Мадж остановился и в притворном страхе всплеснул лапами.

— Как, ты посягнешь на совершенство? Боже мой! Ты хочешь испортить мою идеальную внешность? — Он начал поворачиваться и вдруг прыгнул на рыся.

Природа не обделила Джон-Тома ловкостью, но куда ему было тягаться с Маджем — коричневым пятном в тусклом свете? Арапник свистнул и приложился к шее выдра, но за долю секунды до этого меч рассек кнутовище над самыми пальцами кота.

Надзиратель ринулся к открытой двери.

— Мадж, не надо! — воскликнул Джон-Том, но Мадж не услышал.

А может, и услышал, но не счел нужным отреагировать. Крутанувшись в воздухе, короткий меч треснул рысь рукоятью по затылку. Громко прозвучало звучное «бац!», и надзиратель рухнул как подкошенный.

Джон-Том с облегчением вздохнул.

— Недурной бросок, Мадж. Ни к чему нам отягощать свою вину убийством.

Мадж спрятал меч в ножны.

— Ты прав, чувак, но я не принимаю похвалу. Я честно пытался отделить ему башку от туловища.

— А теперь быстро! — наставлял подростков Джон-Том, ведя их к дверям кладовой. — Не суетиться, все успеют выбраться... И в спину друг дружку не пихать...

Когда за открытым окном зашевелились тени, Розарык напрягла зрение. Никто еще не заметил импровизированной веревки, но достаточно было бы одного случайного прохожего, чтобы поднялась тревога.

Тигрица ожидала появления Джон-Тома, Маджа и, быть может, девушки, но уж никак не бесшумного водопада детенышей. Некоторые — прирожденные верхолазы — соскальзывали по простыням быстро и грациозно, другим спуск давался потруднее, но все благополучно перебрались на мостовую. Покинув укрытие, тигрица бросилась к стене, а детеныши, в большинстве своем не обратившие на нее внимания, — в разные стороны. Тени деревьев одну за другой проглатывали их темные фигурки.

Исход продолжался несколько минут. Наконец в оконном проеме показались Джон-Том, Мадж и Глупость.

И в тот же миг по всему приюту замерцали огни.

Глава 11

Выходит, заключила тигрица, подозрения выдра возникли не на пустом месте. Только этим можно было объяснить массовый побег. Она нетерпеливо ждала, пока по веревке соскользнет Мадж. Сразу за ним полезла Глупость.

Как только в окне появился Джон-Том и ухватился за кованую решетку, что-то просвистело над его головой и стукнулось внизу о мостовую. Подобранный тигрицей предмет оказался небольшой дубинкой, усаженной на конце гвоздями — не самое подходящее орудие для приютского педеля или учителя.

Внизу, на улице, исчез из виду последний беглый сирота. А в приюте надсаживались колокольчики. Мадж добрался по веревке до мостовой, Глупость рухнула с высоты пять футов и чуть не сломала лодыжку. Да и как было не упасть, если над ее головой спиралью закружилось розовое полотно?

— А, черт! — выругался, глядя вверх, выдр. — Я привязал веревку к столбику кровати. Видать, ктой-то ее перерезал.

Снизу было видно, как Джон-Том, вися на одной руке, отмахивается посохом. Из кладовой вылетали на улицу яростные вопли. Громко скрипела, сгибаясь в петлях, решетка.

— Еще чуток — и его сцапают, — беспомощно пробормотал выдр, — если тока раньше решетка не отвалится.

Он ошибся дважды. Из кладовой кто-то ткнул за окно копьем. Джон-Том отпрянул от острия и сорвался. Посох вывалился из пальцев, а сам он полетел вниз головой, закутанной в плащ из ящеричьей кожи. Закричала Глупость. Из теней донеслись возгласы потоньше — кое-кто из детей задержался передохнуть и увидел падение своего избавителя.

Но тошнотворного удара плоти о камень не последовало.

Розарык тихо крякнула, и только этот звук выдал напряжение ее могучих лап под тяжестью Джон-Тома.

Стащив с головы плащ, он поднял взгляд на тигрицу.

— Спасибо, Розарык.

Она ухмыльнулась и осторожно опустила его. Юноша выпутался из накидки и подобрал посох. Дуара, висевшая у него за спиной, перенесла падение отлично.

— Чертовски хороший подхват, милашка. — Мадж хвалебно шлепнул тигрицу по заду и брызнул в сторону, не дожидаясь, пока огромная лапа вышибет из него дух.

В открытом окне появилось несколько образин, воздух над мостовой сотрясался от яростного рева и непередаваемо жутких угроз. Джон-Том пропускал их мимо ушей.

— Не ушибся? — участливо осведомилась Розарык.

— Целехонек. — Он поправил накидку и вытер лицо. — Если б ты меня не поймала, долго пришлось бы Клотагорбу дожидаться своего лекарства.

— Я вижу, ты вытащил девчонку.

Глупость решительно шагнула к ней.

— Я не девчонка! Я такая же большая, как и ты.

Подняв брови, Розарык окинула взглядом этого человеческого недомерка.

— Дохогая, таких больших, как я, здесь нет.

— Все зависит от того, чему отдается предпочтение: качеству или количеству.

— Эй, телки, вы это че? — Мадж встал между дамами. — Я, конечно, не намекаю, что вам полезно выпустить друг дружке потроха, но, прежде чем начать драчку, вы уж дайте мне минут десять для рывка на старте. — Он вытянул лапу вправо. — Хотя, помоему, сейчас не самое удачное время для личных разборок.

Возле парадного появилась по меньшей мере дюжина взрослых в черном. Джон-Тому не удалось определить, с ними ли Чокас, да это и не интересовало его настолько, чтобы задерживаться.

Они двинулись в противоположном направлении, и вскоре Джон-Том увидел, что погони можно не опасаться. Гестаповцы в черных мундирах, носящие невинное прозвище Друзья Улицы, и не думали их преследовать. Они рассыпались по улицам и переулкам в поисках своих беглых подопечных.

Джон-Тому очень хотелось вмешаться, но, сколь трудно это ни было, он убедил себя, что для детей сделано все возможное. Боль-

шинство, если не все, благополучно скроются в густонаселенном городе и, надо полагать, не упустят первой же возможности избавиться от подозрительных черных рубашек с кружевами.

То же самое предстояло одной из его спутниц.

— Глупость, надо снять рубашку.

Она послушно принялась стягивать ее через голову.

— Нет, нет, не сейчас, — поспешил он остановить девушку.

Они бежали по улице, круто спускавшейся к морю. Накрапывал дождь. Джон-Тома это радовало — дождь заставит детей попрятаться.

— А почему не сейчас? — Глупость посмотрела на него с любопытством, сразу уступившим место застенчивой улыбке. — В плену у Корробока на мне не было ничего, кроме железного обруча, но тогда моя нагота тебя не смущала.

— Она меня не смущает, — солгал он. — Просто дождь идет, и я не хочу, чтобы ты схватила воспаление легких.

Жители Снаркена, вышедшие на вечерний променад, с интересом оглядывались на бегущих.

— А мне нипочем, если ты увидишь меня голой, — невинно заявила она. — Ведь я тебе чуточку нравлюсь, правда, Джон-Том?

— Конечно, ты симпатичная.

— Нет. Я не об этом. Скажи, я тебе нравлюсь?

— Слушай, Глупость, не будь дурочкой. Ты еще ребенок.

— Кореш, фигурка у нее не детская.

— Мадж, не суйся! — вспылил Джон-Том.

— Ну, извини, шеф. Не мое собачье дело, да? — Он попытался спрятать ухмылку и, мельтеша короткими толстыми лапами, живо переместился поближе к Розарык.

— Я просто забочусь о твоем благополучии, — попробовал объяснить Глупости Джон-Том. — И не в моей натуре заводить любимчиков. Ты, наверное, заметила, что из приюта мы выпустили всех, а не тебя одну.

— Да, но пришли вы не ради всех, а ради меня одной.

— Конечно, Глупость. Ты же наша подруга. Хорошая подруга.

— И только? — Мокрая ткань, плотно облепив девичью фигурку, все сильнее отвлекала Джон-Тома от дороги. — Всего-навсего хорошая подруга?

Краем уха слушая этот инфантильный диалог, Розарык не могла подавить раздражение. Люди — идиоты. Сама она на бегу успевала осмотреть каждую аллею, которую они пересекали. Друзья Улицы, как только соберут попавшихся беглецов, конечно, заявят в полицию о налете на приют. Мало ей этой заботы — приходится выслушивать банальности из уст юной человеческой самки, бесстыдно флиртующей с Джон-Томом.

Но отчего? — задумалась она над причиной своего смущения. Почему ей так докучает безобидная человеческая болтовня? Ведь чаропевец, хоть он и очень мил, не принадлежит ни к одно-

му из родственных ей семейств. Ни о чем, кроме дружбы и взаимного уважения, тут и думать не стоит. Человек — тощее безволосое существо, ростом едва достающее ей до пояса. Надежда связать с ним судьбу нелепа!

Тигрица убеждала себя, что ее интерес к нему естествен. Джон-Том — друг и спутник. Как он сказал девчонке?.. «Не в моей натуре заводить любимчиков». Да, тут его понять можно: мало приятного, когда тебе навязывается какая-то сопливая проныра. А уж Глупость своего не упустит, дай ей хоть полшансика. В чем, в чем, а в этом сомневаться не приходится.

Розарык сокрушенно качала головой, видя, как парень теряется под градом шпилек и прозрачных намеков, и дивясь примитивности человеческого обряда ухаживания. О Джон-Томе она была лучшего мнения.

Наконец у нее лопнуло терпение.

— Думаю, можно больше не спешить.

Джон-Том и Мадж согласились. Все перешли на быстрый шаг. Розарык приблизилась к девушке.

— И еще я думаю, нам совсем не вхедно было бы немного помолчать. Ни к чему пхивлекать к себе внимание. И вот еще что. Если и впхедь я буду вынуждена слушать жеманные посулы этой кхивляки, меня может выхвать.

Глупость вонзила в тигрицу свирепый взгляд.

— Ты чем-то недовольна?

— Ничем особенным, самочка. Пхосто я считаю язык бесценным дахом, и мне всегда действует на нехвы, когда им болтают попусту.

Глупость повернулась к Джон-Тому, ее синие глаза и светлые локоны полыхнули отблесками витрин и уличных фонарей. Засверкали и дождевые брызги на коже.

— Джон-Том, ты тоже считаешь, что я несу чушь?

— Ну, разве что самую малость.

Она состроила великолепно отшлифованную гримасу горькой обиды. Розарык вздохнула и отвернулась, тоскливо подумав: чем же все это кончится? Чаропевец показал себя человеком недюжинного ума и проницательности, и теперь тошно было смотреть, как им вульгарно манипулируют. Она скрипнула зубами и прибавила шагу.

— Я тебе не нравлюсь? — шепнула Глупость Джон-Тому.

— Что ты! Конечно, нравишься.

— Я знала! — Она повернулась и так неожиданно обхватила его руками, что он чуть не упал. — Я знала, что ты в меня втюрился.

— Глупость, я тебя прошу. — Джон-Том неохотно высвободился, а Розарык с трудом преодолела соблазн помочь ему и заодно сломать паршивке обе руки. — Глупость, у меня уже есть женщина.

Ее глаза тотчас потухли.

— Ты ни разу об этом не говорил. — Теперь она смотрела прямо перед собой.

— Потому что не было необходимости. Ее зовут Талея. Она живет далеко отсюда, за Глиттергейстом, возле Линчбени-града.

Эти слова не миновали ушей выдра, и он остановился подождать товарищей и вставить невинным тоном:

— Конечно, нельзя сказать, что она «его» женщина. Они всего лишь друзья.

Это разоблачение мигом вернуло Глупости оптимизм.

— О! В самом деле?

— К тому же ты слишком молода для того, о чем думаешь, — продолжал Джон-Том, взглядом обещая выдру медленную и мучительную смерть.

— Для чего молода?

— Просто слишком молода. — Странно, только что на языке вертелись подходящие слова. Удивительно, как ловко они смылись в самую неподходящую минуту.

— Спорим, я сумею убедить тебя в обратном? — кокетливо предложила девушка.

— Вот наша улица. — Он поспешил прибавить шагу. — Еще две-три минуты — и мы в гостинице.

Из ниши в стене дома навстречу им выскочила мохнатая фигурка. Розарык потянулась за мечами, Мадж ухватился за лук, а Глупость спряталась за спину Джон-Тома. Разглядев фигурку, все успокоились.

— Яльвар! — Джон-Том не смог скрыть удивления. — Что ты здесь делаешь?

Старец прижал к губам палец и поманил их за собой. На цыпочках они двинулись следом, свернули в длинный узкий переулок, в нестерпимое зловоние гниющих отбросов. Яльвар показал вперед, за широкий перекресток.

Обе тяжело нагруженные кибитки по-прежнему стояли у гостиничного крыльца, привязанные к перилам. Но возле них ошивались по меньшей мере две дюжины скунсов и виверр в мундирах снаркенской полиции. Подле переднего фургона в задушевной беседе с командиром полицейского отряда коротали время несколько типов в добротных цивильных костюмах.

Яльвар отступил в тень.

— Я заметил, как они подошли, — прошептал он. — Многие остались возле наших повозок, другие поднялись по лестнице. Я притворился в баре пьяным и подслушал, о чем они говорили между собой и с хозяином гостиницы. — Взгляд хорька перебрался с Джон-Тома на Маджа. — Они говорили про тебя.

— Про меня? — сдавленно пискнул Мадж. — Э, чувак, да я-то тут при чем?

— При том, — пояснил Яльвар тоном обвинителя, — что ты, похоже, успел тут кое с кем сыграть в кости.

— Ну, и что плохого в этой доброй старой игре? О, черт! Потвоему, лучше б кто-нибудь из них застал меня в койке с его проклятой дочкой?

Перед глазами Джон-Тома вдруг замелькали картинки: великолепные фургоны, красивые тягловые животные, новая упряжь и целая гора съестного.

— Мадж... — с угрозой произнес он.

Выдр отступил, прекрасно сознавая, что переулок слишком тесен для маневра.

— Постой, приятель, не кипятись. Нам требовались припасы, верно? Ведь это достойная причина, скажешь, нет? Ты ж подумай, дома, в Линчбени, нас ждет не дождется больной бедолага волшебник и еще уйма отличных парней, которым старикашка позарез нужен живым и здоровым.

— Мадж, как тебе это удалось? Как ты сумел за один раз надуть такую уйму народу?

— Ну, мы, выдры, знамениты своим проворством, а чем я хуже других?

— Похоже, на этот хаз ты их всех пехеплюнул. — Розарык внимательно разглядывала гостиницу. — Судя по этой толпе мусохов, ты не ограничился несколькими пхаздношатающимися матхосами.

— Много ли чести облапошивать бедных тружеников, ведь верно, милашка? Да и что мы выручили с продажи лодки? Еще неизвестно, хватило ли бы денег на припасы и снаряжение для нормальной экспедиции, а благородная игра кое с кем из самых благополучных горожан дала нам все необходимое.

— Да только от твоей предприимчивости пользы теперь с гулькин нос, — пробормотал Джон-Том.

Яльвар порылся в груде ломаных ящиков.

— Держите, — сказал он, протягивая им заплечные мешки. — Выбросил из окна, пока нас искали внизу. А больше ничего не успел.

— Яльвар, ты чудо. — Джон-Том счистил грязь со своей котомки. — Спасибо.

— Пустяки, господин. — Джон-Том давно уже перестал поправлять хорька. Пусть говорит «господин», ежели ему нравится. — Я жалею лишь о том, что не сумел предупредить вас пораньше, — добавил Яльвар с виноватой улыбкой. — Уж эти мои старческие лапы!

— Это бы не помогло. Мы были слишком заняты — спасали Глупость.

— Что дальше? — спросила Розарык, забирая свою увесистую котомку.

Джон-Том раскинул мозгами.

— Тут торчать — никакого резона. У фараонов целых два повода упечь нас в кутузку. Во-первых, за дельце с Друзьями Улицы, а

во-вторых, за проделки нашего приятеля. Второе страшит меня больше, ибо мне совсем не нравится, как полицейский начальник любезничает с жертвами Маджа. Я не горю желанием совершить экскурсию в снаркенскую тюрьму.

— Кореш, дай мне шанс оправдаться, — заныл выдр, указывая на Глупость. — Кабы ты не увлекся беготней за своей кралей, мы бы давно свалили из этой выгребной ямы. — Мадж неприязненно поглядел на девушку. — Конечно, я не снимаю с себя вины, но прошу учесть искреннее раскаяние. — И добавил с надеждой: — Мы еще можем ее продать.

— Нет. — Джон-Том обнял девушку за плечи. — Пока мы не найдем для нее надежное прибежище, она останется с нами.

— Я могла бы кое-что предложить, — сказала Глупость.

Он сразу убрал руку и отрывисто произнес:

— Ладно. Нет смысла ждать, пока до нас доберутся полицейские.

Он двинулся обратной дорогой. Мадж пошел за ним, пинками отшвыривая с пути отбросы.

— Меня это устраивает, чувак. Хотя, сдается, до чертова Кранкуларна пешкодралом придется чапать. Можно прямо щас и отправляться. Только давайте не будем пилить всю дорогу бедного старого Маджа за то, что не обеспечил вам увеселительной поездки.

— Идет. А меня не будем пилить вот за это. — Джон-Том с такой силой приложил сапог к Маджеву копчику, что тигрице пришлось напрячь мускулы, вытаскивая выдра из груды трухлявых бочек.

Снаркен они покидали пешком — усталые, подавленные, злые. Мадж жаловался на каждом шагу, однако согласился искупить свою ошибку — «пустяковую, разумеется», и идти головным дозором. Сыграла свою роль и осторожность — выдру хотелось держаться подальше от Джон-Томова сапога.

Вскоре Маджу удалось снять с себя часть вины, воротясь из очередной недолгой отлучки с охапкой дамского платья, а точнее, сомнительного рванья, при виде которого Джон-Том с трудом одолел брезгливость.

— Забрал у пьяной сервалихи, — объяснил выдр, пока ликующая Глупость меняла ночную рубашку на местами тесное, зато чрезмерно изукрашенное оборками платье. — Той шлюхе оно ни к чему, а нам пригодится.

Они медленно, но упорно пересекали предместья. Когда над горизонтом поднялось солнце и осветило уже далекую бухту, они находились на склоне самого высокого холма к западу от города. В крошечной гостинице путешественники позавтракали, расплатившись кое-какими вещицами из заплечного мешка Джон-Тома, которому хотелось приберечь три золотых на черный день. Полуденное светило увидело их вдали от города — они брели под сенью ухоженных фруктовых деревьев.

Мадж погладил брюхо.

— Совсем недурно для иностранной кухни, приятель.

— Пожалуй, но больше роскошествовать не придется. Будем экономить.

— Можно приторговывать девичьей лаской.

— А что, это мысль, — задумчиво произнес Джон-Том.

— Что ты сказал? — опешил Мадж. — Неужто согласен?

— Конечно, если она не против. Эй, Розарык, — позвал Джон-Том идущую впереди тигрицу. — Тут у Маджа идея, как с твоей помощью разжиться наличными.

— Нет-нет, парень! — запаниковал выдр. — Я имел в виду девицу! Девицу!

Джон-Том пожал плечами.

— Большая девица, маленькая девица — какая разница?

Он поднял голову, чтобы снова окликнуть Розарык, и мохнатая лапа шлепнула его по губам. Для этого выдру пришлось встать на цыпочки.

— Лады, босс. Я тя понял. Больше не буду сорить идеями.

— Да уж, постарайся, а то я ознакомлю с одной из них Розарык.

— А я буду все отрицать.

— Еще бы! Вот только кому она поверит — тебе или мне?

— Кореш, это слишком подлый трюк.

— А кто научил меня изобретать подлые трюки? Настоящий мастер своего дела.

Маджу ничуть не польстил этот сомнительный комплимент.

Они медленно, но верно продвигались на запад. С каждым днем облик местности все ощутимее менялся на сельский. Дома встречались все реже. Субтропическая флора уступала место хвойным рощам, напоминавшим Маджу его любимое Колоколесье. Пальмы и тонкокорые прибрежные деревья остались позади.

У одиноких встречных странники пытались выяснить направление, но любые расспросы наталкивались на недоверие, пустословие или незнание. Все утверждали, что Кранкуларн «где-то на западе», но никто не мог ответить определенно. По словам туземцев, в Кранкуларне искать нечего, кроме приключений на свою задницу, а на кой ляд селянам приключения, ежели им за глаза и за уши хватает сборщиков подати из Снаркена, этих упырей кровожадных?

Короче говоря, никем не виданный Кранкуларн пользовался тем не менее громкой славой, и слава эта отнюдь не воодушевляла потенциальных гостей города.

Спустя двое суток после того, как дорога превратилась в узкую тропку, они сидели на обочине, отдыхая и наслаждаясь ярким солнышком. Вдоль тропинки журчала прозрачная речка, искрясь на пути к неблизкому уже Глиттергейсту. Паучий октет деловито

ткал между двумя деревьями шестифутовую артельную паутину. Любую добычу эти существа всегда делили поровну.

Джон-Том разглядывал сосновую шишку, упавшую ему под ноги. Она была красивая — длинная, чешуйки блестят, как бронза. Мадж, скинув сапоги, бродил по ручью и сокрушался, что тот слишком мелок — не поплаваешь. Яльвар искал в лесу ягоды и съедобные коренья для пополнения более чем скудных запасов. Розарык дремала под вечнозеленым деревом, согнувшимся почти параллельно земле, а Глупость, как обычно, держалась на предельно близкой дистанции от Джон-Тома.

— Не горюй, — сказала она, — доберемся.

Джон-Том крошил шишку, бросая чешуйки в ручей и глядя, как они, точь-в-точь малюсенькие коричневые лодочки, исчезают за осклизлыми камнями.

— Как мы туда доберемся, если никто не может показать дорогу? Запад — это слишком расплывчато. Я думал, главное — до Снаркена доплыть, а дальше будет просто. Я думал, кто-нибудь из крестьян обязательно знает путь до Кранкуларна. По словам Клотагорба, магазин «То, не знаю что» достаточно знаменит.

— Достаточно — для того, чтоб его обходили стороной, — прошептала Глупость.

— Кто-то из туземцев соврал. Наверняка. Чтобы ни один не знал дорогу — да неужели такое возможно? Но почему они скрытничают?

— Может быть, — задумчиво произнесла Глупость, — они за нас волнуются и желают нам добра. А может, и вправду не знают пути.

— Простительно не знать пути, мальчик, если город гуляет.

— Что? — Джон-Том уставился на старого бурундука, стоявшего подле кустов тронъзалая. Одну руку он держал за спиной, другой опирался на резной набалдашник трости. На носу покоилось пенсне, древняя мягкая шляпа прикрывала лоб до самых глаз. Серая рубашка была расстегнута до пояса, а ниже держались на помочах коричневые штаны из грубого хлопка. В пасти недоставало многих зубов.

— Что значит — гуляет? — Заинтересованная Розарык поднялась и подошла к остальным. При виде нее у бурундука расширились зрачки, и Джон-Том поспешил его успокоить:

— Это Розарык, наша подруга.

— Хорошо, — прозаически отреагировал бурундук. Маджу ужасно не хотелось выбираться из прохладной воды, поэтому он ограничился тем, что обернулся и стал слушать.

Старец прислонился к дереву и помахал тростью.

— Гуляет — значит, перемещается, сынок. И никогда не задерживается подолгу на одном месте.

— Ерунда, — фыркнула Глупость. — Это всего лишь город. Такой же, как все.

— Конечно, девонька, это город, но совсем не такой, как все. Кранкуларн — уникум. — Его пенсне из-под полей шляпы пустило лучик в глаза Джон-Тому. — Скажи, длинный человек, зачем вы туда идете?

— Хотим кое-что найти. В магазине.

Бурундук кивнул.

— А, в лавке «То, не знаю что».

— Так вы о ней слышали?! — встрепенулся Джон-Том. — Нам нужна одна вещь... Лекарство. Говорят, его можно приобрести только в этом магазине.

Бурундук проворчал (его голос весьма напоминал скрип ржавого железа):

— Так вот за чем вы идете...

— Да, и проделали огромный путь. Через весь Глиттергейст. Помогите, пожалуйста. Нам нужно направление. Точное направление.

Снова ворчание-скрежет:

— М-да, изрядный путь для того, чтобы выставить себя на посмешище.

— Это не блажь. Мой друг и учитель, великий волшебник, очень болен, ему совершенно необходимо лекарство. Расскажите, как добраться до Кранкуларна, а уж мы постараемся не остаться в долгу.

Старец печально покачал головой.

— Мальчик, я бы сказал, если б знал, но, увы, ничем не могу помочь. Я не знаю, где сейчас Кранкуларн.

Джон-Том поник.

— Это ведомо только им, — добавил бурундук, — а я — не тот, кто рискнет их спрашивать.

— Предоставьте это нам, — нетерпеливо попросил Джон-Том. — Они — это кто?

— Волшебные, конечно. Кто ж еще?

— Волшебные?

— Да, малютки-чародеи. Народец эльфов. Неужели вы ничего о нем не слышали?

Глаза Глупости загорелись детским любопытством.

— Когда я была маленькой, очень любила сказки про волшебный народец. Мне их мама рассказывала. — Она притихла, а Джон-Том сказал, спеша перевести беседу в русло более свежих воспоминаний:

— Где нам найти этих эльфов? — Он готов был лезть хоть к черту в пекло, лишь бы черт был сведущ и откровенен.

— Сынок, я бы никому не посоветовал так рисковать, но, вижу, ты полон решимости. — Бурундук указал на крутой склон за спинами путников. — Они обитают на этих холмах, в тесных ущельях и сырых развалинах и чураются иноплеменников. Нормальные народы вроде моего с ними дружбы не водят, но ты —

человек, а они, говорят, человекоподобны. Возможно, тебе повезет больше. Поищи в местах, где вода поглубже и почище, где камни почти черны, где берега укрыты густым ковром мха, где...

— Этта, дедуля, погоди-ка, — перебил Мадж, восседая на камне посреди потока. — Тут тоже мох. Надеюсь, у него нет нравственных проблем?

Бурундук нахмурился.

— Какие такие нравственные проблемы могут быть у ничтожного мха?

Мадж успокоился. Из его памяти еще не стерлось путешествие по торфяникам Мудльтупа, едва не завершившееся катастрофой.

— Пустяки, не бери в голову.

Бурундук поглядел на него, как на придурка, и повернулся к Джон-Тому.

— Вот в таких местечках ты сможешь встретить волшебный народец. Конечно, если захочешь.

— Похоже, у нас нет выбора. — Джон-Том поднялся и стал рассматривать окаймленный бахромой деревьев склон холма.

Пожилой бурундук пошел своей дорогой.

— Прощай, и удачи тебе. Удачи. Она пригодится в поисках эльфов, и еще больше — если поиски увенчаются успехом.

За гребнем простирался густо заросший лесом склон — чем ближе к подножию, тем отвеснее. Вскоре идти стало трудно, путники то и дело оступались и соскальзывали с опасной крутизны. Хуже всего приходилось Джон-Тому и Розарык; хорьку и выдру, которых природа наградила потрясающей ловкостью и низким центром тяжести, спуск не доставлял хлопот, а девушка обладала гибкостью молодого гиббона.

По дну ущелья протекал ручей — шире предыдущего, но не настолько, чтобы можно было назвать его рекой. За его валуны и коряги цеплялись мох и различные папоротники. В сыром, прохладном воздухе жужжали насекомые, а темные граниты и сланцы насыщались теплом солнца.

Почти весь день они обыскивали ручей и наконец решили идти дальше. Непреодолимый водопад вынудил их перебраться на другой берег и подняться на обрыв. Они перевалили через гребень, спустились в долину и остановились на ночлег.

В середине следующего дня, когда они осматривали уже четвертый каньон, в душе у Джон-Тома зашевелилось подозрение, что волшебный народец — не более чем миф, сочиненный старым, болтливым и зловредным грызуном специально для легковерных путешественников.

В конце запоздалого завтрака Мадж вдруг сорвался со своего сиденья — кочки, усеянной масляно-желтыми цветами, — и тявкнул от боли и неожиданности. Эхо возгласа раскатилось вдоль ручья.

Все вскочили на ноги. Розарык машинально ухватилась за мечи, Глупость съежилась, изготовясь к бегству, а у Яльвара на затылке вздыбилась шерсть. Джон-Том, хорошо знакомый с импульсивностью выдра, оставил посох на земле.

— Черт возьми, какая муха тебя укусила?

Мадж изогнулся штопором, пытаясь рассмотреть свой зад.

— Это точно, кореш, укусила, так ее растак. Эй, Глупость, не в службу, а в дружбу, погляди, крови нет? — Он поворотился к девушке спиной и легонько нагнулся. Она осмотрела поясницу, косматый хвост и участок тела, защищенный кожаными штанами.

— Ничего не видать.

— Да ты слишком далеко сидишь.

— Ах ты, извращенец мохнатый! — Девушка отодвинулась, бросив на выдра полный отвращения взгляд.

— Нет, правда, крошка. Я, конечно, не стану отвергать это обвинение, но ктой-то в самом деле покусился на мое филе.

— Лжец! На черта мне сдалось твое филе?

Писклявый, но твердый голос исходил из кочки с цветами. Джон-Том подобрался к ней на четвереньках и стал высматривать источник опровержения.

Крошечные ручки раздвинули стебли, такие же желтые, как и лепестки, и перед Джон-Томом появился некто крошечный, крылатый, женственный и ужасно перекормленный.

— Будь я проклят! — прошептал он. — Эльфиня-толстуха!

— Следи за языком, чудище! — Оскорбленная эльфиня тяжело, но не без грации перебралась на коричневую с красными продольными полосами колоду. — Да, знаю, у меня есть небольшая личная проблема, но я не терплю, когда мне о ней напоминают всякие большеротые люди.

— Виноват, — с притворным раскаянием произнес Джон-Том. — Ты эльфиня, правда? Из волшебного народца?

— Нет, — огрызнулась она. — Я портовый грузчик из Снаркена.

Джон-Том присмотрелся. Одеяние незнакомки напоминало вьющиеся жгутики осенней лавандовой паутины. На голове поблескивала миниатюрная тиара — сдвинутая набекрень, она закрывала глаз. Длинные локоны ниспадали до бедер. В левой руке эльфиня держала тонюсенький золотой жезл. Крылышки казались целлофановыми пластинками, испещренными красной финифтью.

— Нам сказали, — затаив дыхание, произнесла Глупость, — что вы способны нам помочь.

— Да ну? А какой мне в этом интерес? У нас своих забот хватает. — Эльфиня посмотрела на Джон-Тома. — Какая миленькая дуара. Красавчик, да ты никак музыкант?

— Он чаропевец, и очень могущественный, — сообщил ей

Мадж. — Добрался сюда с того берега Глиттергейста за лекарством для старого волшебника.

— Болван он могущественный, а не чаропевец. — Эльфиня тяжело уселась на бревно, небрежно и совсем не аристократически раскинув ноги. По прикидкам Джон-Тома, она была дюйма четыре в высоту и почти столько же — в ширину.

— Меня зовут Джон-Том. — Он представил спутников.

Наступила неуютная пауза. Наконец юноша нарушил ее вопросом:

— А вас как зовут?

— Тебя не касается.

— Конечно, конечно, — произнес он уступчиво. — Не хотите помочь — не надо, только я не пойму, почему мы должны грубить друг другу.

— Что? Вежливый человек? Чушь собачья. — Эльфиня пожала плечами. — Ладно, лысотелый, черт с тобой. Я — Грельджен. Что, не звучит?

— Нет, отчего же. — Джон-Том дал себе зарок как можно бережнее обращаться с этой волшебной пинтой агрессивности.

— Толковый ответ. Найдется что-нибудь перекусить?

Яльвар запустил лапу в котомку.

— Кажется, немножко вяленой змеи осталось да несколько черствых булочек.

— Тьфу! — Плевок улетел вправо. — Я про настоящую еду. Фруктовый пирог, корзиночки со взбитыми сливками, крем-нектар, медовый бисквит...

— Кажется, я начинаю понимать, в чем ваша проблема, — сказал Джон-Том, осторожно выбирая слова.

— Да неужто, чучело грибоногое? У тебя, стало быть, все схвачено? Приколото и засушено? — Теперь Грельджен расхаживала взад-вперед по бревну, подчеркивая слова взмахами крошечных крыльев.

— Ведь ты летать не умеешь, верно?

Она повернулась к нему лицом.

— Конечно, умею, дубина. — Прозрачные крылышки затрепетали. — На что они мне, по-твоему? Вместо кондиционера?

— Хорошо, тогда покажи, как ты летаешь. Давай-ка, вспорхни.

— Фи! Делать мне больше нечего, кроме как потешать банду бескрылых уродов.

— Не умеешь ты летать! — торжествующе заявил Джон-Том. — Вот в чем твоя основная проблема. Ты такая...

— Человек, не зарывайся! — предостерегла фея.

— ...цветущая, что не способна преодолеть собственный вес. Хоть я и не понимаю почему. Шмель тоже тяжелый, а летает запросто, причем безо всякого колдовства.

— Я — эльфиня из волшебного народца, — ответила Грельджен таким тоном, будто общалась с малолетним идиотом, — а не

шмель. Между нами и шмелями уйма анатомических, аэродинамических и метаболических различий, которых тебе, олуху, вовек не понять. А что касается проблемы, то ваша куда посерьезнее, ибо вы, остолопы, нарвались на очень важную шишку. — Она ткнула жезлом в сторону Маджа. — Этот индюк покушался на мою жизнь!

От изумления Мадж разинул пасть.

— Кто? Я? Да я вас пальцем не тронул, ваше коротышество.

— Врешь, крысиный дух! Ты на меня уселся!

— Черта с два! Ты сама под меня заползла! И ваще, как я мог заметить тебя или еще кого-то среди этих цветочков?

Грельджен сложила руки на груди.

— Я сидела, ни в чьи дела не лезла, подкреплялась нектаром и пыльцой, а ты намеренно уронил на меня свою крысиную задницу.

— А по-твоему, прежде чем куда-то присесть, я обязан с лупой осмотреть каждый дюйм?

— На нашей земле — да.

— Но ведь мы не знали, что это твоя земля. — В пикировке с крошечной ведьмой Мадж быстро терял терпение.

— Ага! Покушение на жизнь плюс преступная халатность. Хуже не бывает. — Сунув в рот два пальца, она исторгла пронзительный свист. Джон-Том восхитился: в Манхэттене эта крошка могла бы остановить такси, проезжающее в двух кварталах от нее.

Но сейчас на ее зов из-под грибов, цветов, мха и корней деревьев явились не такси, а огромный, в несколько сотен, рой соплеменников. Некоторые из них держали в ручонках такие же, как у Грельджен, жезлы, но большинство сжимало миниатюрные луки, арбалеты, стрелы и копья. Джон-Том жестом предостерег Розарык, чуть было не обнажившую мечи. Тигрица, конечно, тяжелее всей этой армии, но...

— Магия, — прошептал он.

Розарык смирилась, но не из-за его увещеваний.

— Магия или не магия, а наконечники у них влажные. Яд, надо думать. Не очень галантно.

— Будь ты в четыре дюйма ростом, тоже не выбирала бы средства.

К нему приблизился Яльвар и прошептал:

— Чаропевец, будьте предельно осторожны, иначе мы исчезнем без следа. Эти существа заслужили репутацию великих волшебников.

— За меня не волнуйся, — ответил Джон-Том. — Будем надеяться, что не все они такие вредные и воинственные, как наша подружка.

— Что? Что ты сказал?

— Я сказал, — повернулся он к Грельджен, — что ты очень

гостеприимна. Как это любезно — познакомить нас со всеми твоими родственниками и друзьями.

— Дылда, когда один из нас в беде, на помощь бросаются все.

Джон-Том заметил, что ни один из окруживших их эльфов не в состоянии летать. Ходили они вперевалку, с явным трудом, а самый стройный из них был кандидатом в эльфийское отделение Клуба толстяков.

— Вы — наши пленники, — заключила фея.

— Понятно, — кивнул Мадж. — А если нам не захочется быть вашими пленниками?

— Тогда вы умрете, — заверила его противная эльфиня.

Мадж полюбовался выставкой крошечного блестящего оружия.

— Приветливая публика, язви твою...

— Глаз с них не спускать, — велела Грельджен своим сородичам, после чего повернулась, спустилась на кончик сука, спрыгнула в шелестящую траву и вступила в неслышную пленникам беседу с другими владельцами жезлов. В большинстве своем они носили лохмотья.

Мадж ни за что не сел бы на мелкую сошку, зло подумал Джон-Том.

Через несколько минут совещание вельможных эльфов закончилось.

— Сюда. — Крошечный копейщик указал вверх по течению ручья. Окруженные микроскопической стражей, злополучные путешественники беспрекословно покинули бивуак.

— Мадж, ты правда ее не заметил? — спросил Джон-Том.

— Приятель, да неужто я такой идиот, чтобы нарочно садиться на жирных эльфинь? Пошевели мозгами. Мне цветочки приглянулись, только и всего.

— Значит, ты не посмотрел, — с укором произнес Джон-Том.

— Значит, я не посмотрел. А куда я должен был посмотреть?

— Да ладно, забыли. Никто не виноват.

— Жалко, что я ее не расплющил, — пробормотал выдр, старательно понизив голос.

— Вряд ли это подействовало бы, — вмешался в разговор Яльвар. — Эльфы славятся своей эластичностью.

— Это я вижу. — Мадж разглядывал тучных конвоиров. — Вон та малютка с изящным ротиком, похоже, без труда заменит собою мячик.

— Помолчи, — попросил его Джон-Том. — У нас и так неприятности. Она может услышать.

— Наплевать, шеф, пускай слушает. — Держа передние лапы в карманах, раздраженный выдр отшвыривал пинками гальку. — Если ей не хватает ума понять...

Внезапно ему на пасть легла лапа величиной с его голову.

— Пхикуси язык, выдха! Слышал, что сказал Джон-Том? Не зли волшебных, они и так уже хаспсиховались.

— А мне нравится их злить, — огрызнулся Мадж, отталкивая лапу тигрицы. Но произнес он эти слова шепотом.

Ручей сужался, стены каньона сдвигались все ближе друг к другу. Деревья и кусты переплетались между собой, и пленникам приходилось ломиться сквозь все уплотняющуюся растительную завесу.

Сумерки застигли их на окраине деревни волшебного народца. Но в облике ее не было ничего колдовского. Вокруг естественного амфитеатра — жиденькая россыпь крошечных лачужек, отовсюду веет запустением и небрежением. Некоторые хатки обрушились, и даже дупла, вырубленные в массивных древесных корнях, выглядели убого из-за куч мусора перед их дверями. Все яснее ясного говорило о том, что волшебный народец совершенно опустился.

Во множестве миниатюрных окошек горел свет, из узеньких дымоходов сочился дымок.

В стороне от деревеньки шестидюймовая каменная стена, украшенная арками высотою в фут, примыкала обоими концами к крутому утесу из серого гранита; вместе они окаймляли круглую площадку.

Четверо пленников заполнили собой эту арену. Как только они перешагнули через игрушечную на вид стену, Грельджен зашла с двумя эльфами под арку и деловито забубнила, царственно помахивая жезлом. Дочитав заклинание до конца, она вышла из проема и удалилась в деревню вместе со своей свитой.

Глупость попыталась было перешагнуть через смехотворный барьер, но тотчас с криком отскочила как ужаленная и испуганно подняла к глазам правую руку.

— Что такое? — встревожился Джон-Том.

— Жжется. Воздух раскален.

В порядке эксперимента Джон-Том махнул рукой над крошечной каменной оградой. В тот же миг над ней поднялась сплошная стена пламени. Он отдернул руку и подул на пальцы, надеясь, что не останется волдырей.

Да, подумал юноша, сбежать отсюда будет нелегко.

Розарык со вздохом уселась на твердую землю.

— Печальное и смешное завехшение твоей экспедиции, Джон-Том. Подумать только — я в плену у шайки невоспитанных и хаздхажительных насекомых.

— Не спеши вешать нос. Может, они еще согласятся нас отпустить. Кроме того, — он передвинул дуару на грудь, — мы тоже не лыком шиты. Кой-какое волшебство и у нас найдется.

— Е-мое! — воззвал Мадж к небесам. — За что мне такая непруха?!

— Господин, я не уверен, что чаропение поможет против магии

народа эльфов, — промолвил Яльвар. — Странствуя по свету, я нередко слышал об их неуязвимости для любого колдовства, кроме их собственного. Вполне возможно, здесь ваше искусство не поможет и даже обернется против вас.

— Ты об этом не говорил, — пальцы Джон-Тома упали со струн вместе с остатками самообладания, — а я не знал.

— Может быть, я заблуждаюсь, но слышал об этом своими ушами, и очень часто.

— Что ж, отложим магию напоследок.

— А какой смысл, чувак? Ведь она и без того через раз лупит тебя по башке. И ежели она взаправду против тебя ополчится, то мне бы не хотелось при этом торчать здесь.

— Мне тоже, Мадж. — Джон-Том поглядел на мигающие огоньки деревни. — Но как быть, если не останется выбора? Похоже, малютки не очень-то расположены выслушивать наши протесты.

— А по мне, так они все свихнулись, — произнесла Глупость.

В меркнущем свете она выглядела цветущей, многочисленные синяки и ссадины, приобретенные на судне Корробока, быстро заживали. С каждым днем она становилась все крепче, гибче и женственней. И с каждой попыткой все успешнее вгоняла Джон-Тома в краску.

Он повернулся к Маджу, стоявшему почти вплотную к невидимому барьеру.

— Что такое, Мадж?

Выдр состроил гримасу, встопорщив усы.

— Ты тоже чуешь, кореш? Гнильем несет. — Он кивнул в сторону деревни. — Может, ребятишки и волшебные, но это словечко вовсе не относится к их канализации.

— По пути я заметила сады, — задумчиво проговорила Розарык. — Они выглядят запущенными.

— Значит, эльфы переживают упадок. Прогнило что-то в этом королевстве.

— Ну, а нам-то, парень, какая разница? У нас своих забот выше крыши. И первая — как отделаться от Ее Толстопузия.

— Надо выяснить, отчего у них нелады, — возразил Джон-Том. — И тогда, возможно, мы сумеем найти с ними общий язык.

— Вот ты этим и займись. Ну, а я бы пока маленько покемарил.

В том, что выдр способен спать на голых камнях, юноша нисколько не сомневался. Выпихни Маджа из самолета на высоте две тысячи футов, он и то успеет соснуть секунд двадцать, прежде чем раскроет парашют. Нередко Джон-Том завидовал этому таланту.

— Сон не решит наших проблем.

— Ну, не скажи, шеф. Одну из моих, причем самую насущную, он решит. У меня зенки слипаются.

— А что, если твоя магия все-таки подействует пхотив волшебства эльфов? — с надеждой спросила Розарык.

— Не знаю. — Джон-Том постучал по деке дуары, и та отозвалась гулким мелодичным звуком. Луна освещала узкое дефиле и окружавшие пленников густые заросли. — Все-таки я хочу ее приберечь на крайний случай.

Тигрица сняла доспехи, соорудила из них жесткое подобие подушки, легла и опустила тяжелую голову на черно-белые лапы.

— Мне кажется, кхайний случай уже наступил.

Утром к ним пришли эльфийские старейшины во главе с Грельджен. Жестокосердная Немезида переоделась в ниспадающую каскадами мантию из оранжевого шифона. Нежные пастельные тона ничуть не смягчили исходящей от нее угрозы.

— Почти всю ночь мы решали, как поступить с вами, обормоты, — грубо сообщила она.

Джон-Том потянулся, помассировал поясницу и укорил себя за то, что не додумался воспользоваться вместо подушки тигрицей. За ночь, проведенную на жесткой земле, у него свело все мышцы.

— Я лишь одно могу сказать: все ваши обвинения абсолютно необоснованны. Ни в одном из инкриминируемых нам преступлений мы не виновны. Так что же будем делать?

— Есть, — ответила она.

— Вот и славно, от завтрака не откажусь. — Мадж попытался изобразить воодушевление. Может, его друг все-таки не ошибся в своих ожиданиях и настырные волшебные ублюдочки вспомнили правила хорошего тона? — И где ж мы будем харчиться?

— Неподходящее местоимение. — Грельджен отвернулась и подняла жезл.

Взгляд Джон-Тома проследовал в указанном направлении в кусты, и яркий свет дня открыл ему то, что вчера вечером утаил сумрак. За околицей, выше по течению ручья, поперек неглубокой канавы лежали толстые окоренные сучья. Очаг хранил следы недавнего пользования. Мадж тоже увидел его, и воодушевление — пусть даже наигранное — мгновенно растаяло без следа.

— И что же на первое, милашка?

— Фрикасе из водяной крысы, — охотно ответила Грельджен. — Под бутылочку эльфийской амброзии. О таком конце осужденный за покушение на чужую жизнь может только мечтать.

До сих пор Джон-Том считал конфликт с эльфами чистейшей воды недоразумением, следствием досадного непонимания. Но теперь воображаемая картинка с плотоядными малютками вокруг великолепно обглоданного скелета Маджа вытеснила ситуацию в сферу сюрреализма.

— Послушайте, вы не должны никого из нас есть.

Грельджен уперла пухлые ладошки в мягкие бока.

— Это еще почему?

Джон-Том лихорадочно искал убедительный ответ.

— Ну... во-первых, это не подходит к вашему имиджу.

— Ты спятил, — решительно заявила эльфиня, глядя на него исподлобья. — Пойду-ка проконсультируюсь у старейшин, можно ли нам есть сумасшедших людей.

— Я всего лишь хотел сказать, что это выглядит дикостью. А как же медовые бисквиты, корзиночки и прочее?

Грельджен помолчала, а когда наконец заговорила, в ее голосе появился оттенок смущения.

— Вообще-то ты прав. Но вся беда в том, что время от времени нас одолевает эта страстишка... Ну, ты понимаешь. И тот, кого в такую пору занесет сюда нелегкая, попадает в деревенское меню. — Она взглянула на Глупость и постаралась вернуть голосу высокомерие. — А еще мы считаем полезным купаться иногда в крови девственниц.

Поразмыслив над этими словами, Глупость всхлипнула и с истерическим хохотом покатилась по земле. Увидев на щеках беззащитной девушки слезы, Грельджен фыркнула и оглянулась через плечо.

Джон-Том тоже посмотрел в ту сторону. За околицей волшебной деревни несколько эльфов-здоровяков волокли вниз по склону внушительных размеров деревянный чан.

— Стойте! Церемония омовения отменяется.

С разочарованным ворчанием грузчики поволокли чан обратно в кусты.

— По-твоему, это смешно? Ладно, тогда ты первой пойдешь на огонь. Вместо водяной крысы.

Это обещание получше любого кляпа заставило Глупость умолкнуть.

— А почему она? — поинтересовался Джон-Том.

— А почему не она? Во-первых, она уже обескровлена.

— Что?! Нет! — Глупость попятилась от Грельджен и прижалась спиной к гранитной скале. — Только посмей меня тронуть! Как клопа раздавлю!

Грельджен равнодушно махнула жезлом и что-то прошептала.

Глупость с воплем отпрыгнула и схватилась за спину — в одно мгновение гранит раскалился докрасна.

— Начинай покоряться судьбе, девчонка. Ты — в утреннем меню, это решено. И учти: если что-нибудь и способно вывести меня из себя, так это строптивый завтрак.

— Пожалуйста! — вскричал Джон-Том, упав на колени и согнувшись так, что его глаза оказались чуть ли не на одном уровне с глазами крошечной мучительницы. — Мы вам не желали зла! Мы хотели только попросить о помощи.

— Не обессудь, дылда. Я же сказала, временами у нас появляется жуткий аппетит, и в такие дни нам нужно мясо.

— Но почему — наше? — спросил Мадж. — В этих лесах небось столько ящериц и змей, что на всю деревню хватит.

— К нам они не забредают, — проворчала она, — а охотиться мы не любим. К тому же лесные твари не совершают неспровоцированных покушений.

— Е-мое, — пробормотал Мадж. — Неужто в этих малюсеньких головенках нет ни капли мозгов? Сколько можно долдонить: я не хотел!

Похлопывая жезлом по крошечному стеклянному шлепанцу, Грельджен молча смотрела на выдра. Джон-Том отрешенно заметил, что ножки у эльфини не такие уж и крошечные — по крайней мере на три размера больше обувки.

— Хватит сотрясать воздух. Нет у меня желания с тобой соглашаться. — Свистом подозвав группу помощников, эльфиня прошла под аркой и направилась к Глупости.

Из девушки полностью выветрилась агрессивность, и она спряталась за спиной Розарык. Джон-Том понимал: это ее не спасет.

— Послушайте, — в отчаянии взмолился он, пытаясь выиграть время, а заодно передвинуть поудобнее дуару и вспомнить какую-нибудь подходящую песню. — Вы сказали, что едите мясо только во время голода.

— Ну и что? — раздраженно отозвалась Грельджен.

— А чем вы обычно питаетесь? Кроме того, о чем уже упоминали?

— Молоком и медом, пыльцой и амброзией, нектаром и сладким соком. Чем еще может питаться народ эльфов?

— Так я и подозревал. — В нем вспыхнула надежда.

— Ну и что? — повторила она, насупясь.

Юноша сел, положил ногу на ногу и опустил дуару на землю.

— Я полагаю, в этой деревне нет профессиональных диетологов?

— Кого?

— Конечно, откуда же им взяться. Видишь ли, все ваши проблемы связаны с питанием. Этим объясняется не только противоестественное влечение к протеину, но и ваша... необычная округлость форм. Молоко — это нормально, но все прочее — не что иное, как чистый сахар. Даже гадать не возьмусь, какую жуткую уйму калорий вы поглощаете с ежедневной порцией амброзии. Вероятно, в полете вы расходуете немало глюкозы, но, если перестаете летать, проблема мигом усугубляется.

Один из эльфийских старейшин вышел из-за спины Грельджен и осведомился:

— Что за чушь несет этот человек?

— Не важно. — Грельджен оттеснила его назад и снова повернулась к Джон-Тому. — Я не вижу смысла в твоей болтовне, а если бы и видела, ничто бы от этого не изменилось, потому как

у нас жор, и никуда от него не деться. — Она направила жезл на дрожащую Глупость. — Эй ты, девчонка, напрасно прячешься. Выйди вот сюда, чтоб я могла тебя видеть.

Джон-Том слегка переместился, заслоняя девушку собой.

— Подожди! Ты должна меня выслушать! Неужели не понимаешь? Чтобы избавиться от тяги к протеину, достаточно лишь изменить гастрономические привычки.

— Нам неинтересно менять гастрономические привычки, — сказал другой старейшина. — Мы любим нектар, мед и амброзию.

— Хорошо, хорошо! — возбужденно согласился Джон-Том. — Тогда остается только один выход. Да. Единственный способ избавиться от пристрастия к протеину — сбросить лишний вес, до последней унции. Вы должны разорвать порочный круг. — Он подобрал дуару. — По крайней мере, дайте мне возможность помочь. Может быть, чаропение для этого и не годится, но это все-таки магия.

— Человек, за кого ты нас принимаешь? — полюбопытствовала Грельджен. — Думаешь, мы не осознаем этой пустяковой проблемки? Думаешь, мы не пытались решить ее с помощью собственной магии?

— Но среди вас нет чаропевцев.

— Нет. Такая магия у нас не в ходу. Но мы испробовали все! И абсолютно без толку. Твое чаропение не поможет. Ничто нам не поможет. Мы испытали все виды волшебства, известные народу эльфов, все способы колдунов-великанов. Мы в ловушке у собственного обмена веществ. — Она закатала рукава. — А теперь хватит вешать нам лапшу на уши, ладно? — Эльфиня снова подняла жезл.

— Только один шанс! Дайте мне только один шанс! — взмолился молодой человек.

Грельджен перенацелила жезл на него, и он съежился.

— Предупреждаю, чудище: если это какая-нибудь уловка, мы тебя зажарим раньше девчонки.

— Мне кажется, есть волшебство, которого вы не испробовали.

Эльфиня звучно рыгнула.

— Червивый помет? Тоже было.

— И даже аэробика?

Грельджен открыла рот, но через секунду закрыла и отвернулась, чтобы посоветоваться со старейшинами.

Джон-Том трепетал от волнения.

Наконец она отделила от кольца голов свою и с большой неохотой спросила:

— Что это за волшебство? Никогда о нем не слышала.

Сделав глубокий вдох, Джон-Том положил дуару, поднялся и стал раздеваться до пояса.

Подойдя поближе, Розарык прошептала ему на ухо:

— Сахахный, ты что, пхипас неизвестный мне фокус? Скажи, надо будет взяться за мечи?

— Нет, Розарык, никаких фокусов.

Она пожала плечами, покачала головой и отошла.

Джон-Том начал с вращения руками, постепенно расширяя круги. Тотчас Грельджен отступила на несколько шагов и угрожающе подняла жезл.

— Вам надо научиться этому волшебству, — сказал он поспешно. — Это базовый комплекс аэробики. Он не только устранит противоестественную тягу к белковой пище, но и вернет вашим телам аэродинамические свойства.

— Что все это значит? — спросил один из молодых эльфов.

Старейшина пихнул его под ребра.

— Глупый, это значит, что мы опять сможем летать.

— Летать? Летать опять? Опять летать? — Толпа мигом подхватила рефрен.

— Это уловка, — буркнула Грельджен, но мнение большинства уже перевесило (если это выражение здесь уместно).

— Ладно. — Она сунула жезл под мышку и подняла на Джон-Тома строгие глаза. — Человек, мы даем тебе шанс. И если ты надеешься протянуть время, то будешь очень разочарован.

— Это не уловка, — заверил ее Джон-Том, ощущая, как по его бокам струится пот. А ведь он еще даже не начал! — Я, конечно, не Ричард Симмонс, однако вижу, что вам необходимо начать с азов. — Кожей чувствуя пристальные взгляды нескольких сотен пар глаз, он снова набрал полную грудь воздуха и возблагодарил себя за ежеутренние пробежки, сохранившие ему достойную форму. — Давайте начнем с глубоких наклонов. Руки на бедрах, и поосторожнее с крылышками. Приготовились. — Он поколебался. — Лучше всего это делать под музыку.

Грельджен что-то проворчала под нос, повернулась и отдала краткий приказ. Вскоре сквозь волшебную толпу протолкались несколько крошечных фигурок и заняли места на стене. Каждый музыкант держал в руках хрупкий инструментик. Оркестр состоял из двух флейт, пяти-шести барабанов и чего-то напоминающего ксилофон, побывавший в жуткой автокатастрофе.

— Что играть? — пискнул микроскопический маэстро.

— Что-нибудь живенькое.

— Плясовую или хороводную?

Оркестранты посовещались между собой и наконец заиграли бодрую мелодию со слабыми восточными обертонами. Джон-Том подождал, улавливая ритм, затем одарил улыбкой внимательную, хоть и преисполненную сомнений аудиторию.

— Готовы? Тогда начали. Делай, как я. — Он резко наклонился и выпрямился. — Давайте, это нетрудно. Раз, два, три, наклон. Раз, два, три, наклон. Вот так.

На глазах у спутников Джон-Тома несколько сотен эльфов

неумело, но старательно подражали человеческим движениям. Охи и вздохи самой разнообразной тональности в зависимости от размеров глоток не заставили себя долго ждать.

Грельджен хрипела и потела, оранжевый шифон насквозь пропитался потом.

— Ты уверен, что не пытаешься нас угробить?

— Нет-нет. — Джон-Том и сам дышал чуточку тяжелее. — Видишь ли, это волшебство — не мгновенного действия. Нужно время.

Он присел и сцепил пальцы на затылке, гадая, много ли успеет показать, прежде чем Грельджен скиснет.

— А вот это упражнение называется приседанием. Сели, встали, сели, встали. Эй, ты, отстаешь, ну-ка, не лодырничать! Сели, встали, сели, встали.

Неожиданно он встревожился: а вдруг Грельджен и ее коллеги осерчают, не дождавшись результатов? Но волнения оказались напрасны, волшебный народец терял вес так же быстро, как и набирал.

Уже на следующий день самые свиноподобные жители деревни хвастали друг перед другом складками кожи на талии. На третий день перемены ощутил каждый, а на четвертый даже Грельджен удалось немного попорхать.

— Не понимаю, чувак, — сказал Мадж, — ты говорил, это не магия. Но погляди, как быстро они сдулись.

— Все дело в метаболизме. Их организмы пережигают калории гораздо интенсивнее, чем наши, и, как только к ним возвратится способность летать, горение ускорится.

Результаты проявлялись и в отношении Грельджен к пленникам. Вместе с весом ее покидала враждебность, хоть и нельзя сказать, что эльфиня превращалась в ангелочка.

— Человек, ты принес нам великий дар — новое волшебство: — Это прозвучало на пятый день плена и спустя довольно долгое время после того, как среди эльфов перестали ходить разговоры о съедении гостей на ужин.

— Я должен сказать тебе правду. Это не магия, а всего лишь упражнения.

— Называй как хочешь, — ответила Грельджен, — но для нас это магия. Мы уже немного похожи на эльфов из далекого прошлого. Даже я, — гордо добавила она и в подтверждение своих слов сложилась пополам, о чем пять дней назад не могла и помыслить. Разумеется, она это сделала в воздухе — так было намного проще. И все же прогресс был неоспорим.

— Вы свободны, — сказала она путешественникам.

Розарык шагнула вперед и осторожно взмахнула лапой. Но от невидимой завесы жара почти ничего не осталось. Тигрица беспрепятственно перешагнула через игрушечную стенку.

— Благодарность наша безгранична, — продолжала Грельд-

жен. — Вы говорили, что пришли к нам за помощью. — Наслаждаясь новообретенной подвижностью, она выполнила в воздухе аккуратный пируэт. — Что вам угодно?

— Узнать направление к одному местечку, — ответил Джон-Том. — Городу под названием Кранкуларн.

— А! Странная цель. Впрочем, не буду совать нос в чужие дела. Подождите.

Жужжа, как оса, она полетела в деревню и через несколько минут вернулась с четырьмя похудевшими старейшинами. Все они устроились на стене, и четверка развернула пергамент площадью шесть квадратных дюймов — листа крупнее эльфам изготовить не удалось.

— Значит, Кранкуларн?

Джон-Том кивнул. Эльфиня закатала рукава винно-красного с белым платья и забубнила заклинание, водя жезлом по пергаменту, который сразу задрожал, будто лист на ветру. На его поверхности прорисовалась золотая черта. Она тянулась вдоль гор и рек, по дорогам и тропам, ни одна из которых не вела напрямик к золотистому алмазу, блестевшему в верхнем левом углу карты.

Наконец Грельджен умолкла. Дрожь пергамента унялась, позволив старейшинам разжать сведенные судорогой пальцы. Джон-Том подобрал с травы свеженачерченную карту и ощутил тепло. Неподалеку от одной из тонюсеньких тропок ярко флюоресцировало крошечное пятнышко.

— Этот огонек всегда покажет, где вы находитесь, — пояснила Грельджен. — Почаще заглядывайте в карту, и тогда ни за что не заблудитесь. — Трепеща прозрачными крылышками, эльфиня зависла у плеча юноши и провела жезлом по пергаменту. — Как видишь, добраться туда непросто. Ни одной прямой дороги.

— Нам сказали, что Кранкуларн перемещается.

— Все верно, есть у него такая особенность. Но ты не бойся, карта все равно доведет. Смею заверить, на картографии мы собаку съели. Полезное ремесло, да вот только редко случается им пользоваться. Нам и здесь очень нравится.

Поблагодарив, Джон-Том сложил карту и бережно засунул в карман индиговой рубашки.

— А все-таки, человек, зачем тебе нужно в Кранкуларн?

— Хочу приобрести одну вещицу в магазине «То, не знаю что».

Эльфиня кивнула с серьезным выражением крошечного личика.

— Правда, до нас дошло множество слухов, — продолжал юноша, — что в этом магазинчике небезопасно.

— Да, это так. Ибо в этом магазине, человек, всегда хранится немалый запас Истины. А Истина, да будет тебе известно, — самый непопулярный товар. Мой тебе совет: выбирай покупки

с большой осторожностью. Тамошние призы и скидки не всегда доводят до добра.

— Мы будем бдительны, — уверил он.

Грельджен неторопливо кивнула.

— А заодно берегите свои сердца и души. Что ж, человек, желаю удачи тебе и твоим спутникам. Если возвращаться будете этим же путем, мы вам покажем Облачный Танец. Возможно, — добавила она задумчиво, — я и сама в нем поучаствую.

— В воздухе куда проще танцевать, чем на земле, — заметила Глупость.

Грельджен ухмыльнулась.

— Детка, все зависит от того, что ты выделываешь в воздухе.

Она чинно повернулась кругом и, сопровождаемая четверкой старейшин, упорхнула в деревню.

«И вот мы снова на свободе, — подумал Джон-Том, — не только мы, но и волшебный народец».

Глава 12

Карта помогла выбраться из узкого дефиле, где обитали эльфы. Деревню они покидали под музыку и ритмичное кряканье — все население, словно охваченное массовым безумием, занималось аэробикой. Грельджен было еще далеко до изящества Джейн Фонды, но она была полна решимости переплюнуть своих подданных, и Джон-Том ничуть не сомневался, что воли ей на это достанет.

Несколько дней шествия по стране непуганой дичи — и вот позади перевал через самую высокую гору и западный склон гряды. Вопреки утверждению Грельджен, будто остаток пути до Кранкуларна окажется нелегким, путники с каждым днем чувствовали себя все увереннее. Покинув деревню эльфов, они не встречали ни опасных животных, ни разумных существ, и пищи им хватало с избытком.

Впереди лежала пустыня, но Джон-Том верил, что ее удастся преодолеть дня за два. Все шло прекрасно. Их больше не тревожили дурные сны, и юноша просыпался с запасом сил и веры в себя. Опавшая листва служила удобным пружинистым ложем. Они снова углубились в лиственный лес, оставив позади вечнозеленый...

Он натянул на себя плащ. От ночного костра осталось лишь несколько струек дыма. По ту сторону кострища посапывала Розарык, а рядышком похрапывал Мадж. Обычно выдр просыпался первым.

Джон-Том окинул взглядом весь бивуак и торопливо сел.

— Яльвар? Глупость?

Отклика не последовало. Ни от деревьев, ни от чего-либо иного.

Он вскочил и позвал снова. Крики разбудили Маджа и Розарык.

— Ну, что еще стряслось, приятель?

Джон-Том повел вокруг себя рукой.

— Смотри сам.

Мадж поглядел на места у костра, где должны были лежать исчезнувшие.

— Э, кореш, да они не за ягодками к завтраку ушли. Видишь, все их шмотки пропали.

— Может, их выкрали? — пробормотал Джон-Том.

— И чтобы я пхи этом ухом не повела? — спросила Розарык. — Чепуха.

— Ты права, это исключается. Значит, сами ушли, причем скрытно, что свидетельствует о преднамеренности...

— О чем? — озадаченно прорычала тигрица.

— Извини, привычка к юридическим терминам. Я в том смысле, что они заранее решили смыться. А почему — не спрашивай.

— И куда же они могли уйти?

— Ну, может, где-нибудь поблизости есть город. Сейчас посмотрю карту.

Он сунул руку в карман и вскрикнул. Краткие и суетливые поиски подтвердили наихудшее из опасений: карта исчезла бесследно.

— Мадж, это не ты...

Выдр оскорбленно встопорщил усы и отрицательно замотал головой.

— Ты ее мне, шеф, ни разу не давал. Я видел, как ты сам запихнул ее в карман. — Мадж вздохнул, сел на камень и поправил тирольку, придав перу обычный франтовской наклон. — Слов не нахожу, до чего ж я удивлен. Этот Корробок, конечно, ублюдок каких поискать, но он явно знал, что делает, когда давал девчонке кликуху.

— Я с самого начала подозхевала ее, — добавила Розарык. — Зхя мы не пходали стехву в Снахкене, когда была возможность...

Джон-Том вдруг поймал себя на том, что глядит вперед, сквозь редколесье, на далекую пустыню.

— А Яльвар? Он тоже сбежал. Это уже полная чушь. Куда он денется без нашей помощи и защиты?

Мадж, стоявший возле друга, успокаивающе положил лапу ему на плечо.

— Эх, парень! Неужто ты так плохо изучил жизнь с тех пор, как очутился в нашем мире? Кто знает, чего наобещал девчонке старый Яльвар. Он — торгаш, купеза. Бьюсь об заклад, малышка польстилась на его посулы, предпочла нам старикашку. Может, на тот бережок его высадили честные ребята, которых он надул.

В этом мире, чувак, нельзя никому верить на слово. А про Яльвара мы знаем только то, что в своем родном городе он был старым богатым педиком.

— Ну, допустим, ему понадобилась помощь Глупости. Но зачем они стащили карту? Для возвращения в Снаркен она не нужна.

— Так ведь ясно же. Они ушли не в Снаркен. — Мадж повернулся и опустил глаза на едва различимую тропку. — И мы наверняка сможем в этом убедиться.

И действительно, неподалеку от бивуака на сырой от росы земле обнаружились два четких отпечатка: маленький, можно даже сказать, изящный след Яльвара, а рядом — вмятина от сандалии Глупости. Следы спускались вниз по склону и вели в пустыню.

— Теперь понятно, шеф, куда они намылились. В Кранкуларн? Потому и сперли карту.

— Но для чего? — Розарык недоумевающе покачала головой. — Почему они не захотели идти вместе с нами?

— Господи, милашка, да ты такая же бестолковая, как и он. Неужто до вас обоих еще не дошло? Яльвар — деляга. Он задумал скупить все запасы лекарства, а потом отправиться к его волшебной милости и заломить бешеную цену. И Клот согласится, потому как иначе ему придется отбросить коньки. — Выдр посмотрел на Джон-Тома. — Кореш, мы напрасно доверяли старому пердуну. В благодарность он нагнулся и набздел нам прямо в рожи.

— Ну, насчет Яльвара, может, ты и прав, — с горечью промямлил Джон-Том, — но чтобы Глупость...

— А почему бы и нет, парень? Или ты думаешь, она в тебя втрескалась? Да ей такое пришлось пережить... Разве можно осуждать девчонку за то, что она решила маленько позаботиться о себе?

— Но ведь о ней заботились мы! Хорошо заботились!

Мадж пожал плечами.

— Выходит, не очень хорошо. Я ж говорю: старикашка черте чего мог ей наобещать в награду за помощь.

— И как тепехь быть, Джон-Том? — мягко спросила Розарык.

— Не назад же поворачивать... Можно было бы вернуться в волшебную деревню за другой картой, но на это уйдут недели. Если Мадж прав в своих подозрениях, времени терять нельзя, иначе Яльвар и Глупость наверняка доберутся до лекарства раньше нас. Ничего. Я успел очень внимательно изучить карту и многое запомнил.

— Мура это все, кореш. — Мадж наклонился и чуть не ткнулся носом в землю, а когда выпрямился, у него топорщились усы. — Осталось бы хоть чуточку запаха, а уж выдра унюхает его и на суше, и на воде, вот так. А этот след — крепкий, как от шлюхи в течке. Пока нет дождя, мы с него не собьемся. А впереди — пус-

тыня, и если не будем считать ворон, запросто догоним чертовых ренегатов.

— Я с тобой, мой сахахный. Джон-Том, не вешай нос.

— А я и не думал вешать, Розарык. Я думал о том, как мы с ними поступим, когда догоним.

— Главное — догнать! — Она наклонилась к нему и обнажила ослепительно белые клыки. — А уж остальное пхедоставь мне.

— Розарык, я не уверен, что ты обойдешься с ними галантно... — Хоть Джон-Тома и провели, мысль о Глупости в лапах тигрицы ничуть его не утешила.

— Джон-Том, любой мой поступок соответствует кодексу чести, котохый свято соблюдается на моей ходине, — произнесла тигрица ледяным тоном. Затем нахмурилась — у нее возникло подозрение. — Только не говохи, что все еще питаешь симпатии к маленькой стехве.

Юноша надел котомку.

— У нас еще нет доказательств, что она ушла с Яльваром добровольно. А вдруг он ее заставил?

Мадж уже ждал на краю бивуака — ему не терпелось пуститься в погоню.

— Ну, пошли же, чувак! Даже если тебе наплевать на возраст, вспомни хотя бы, что девчонка крупнее и сильнее старого хорька. И вполне могла заорать.

— Необязательно. Например, если Яльвар приставил нож к ее горлу. Да, я согласен: все выглядит так, будто она ушла по своей охоте. Но мы не можем обвинять ее, пока не получим неопровержимых улик. Не пойман — не вор.

Мадж сплюнул.

— Еще одна благоглупость твоего мира?

— Не только моего, — возразил Джон-Том. — Это вселенский трюизм.

— Моя вселенная, приятель, о нем и слыхом не слыхивала.

Розарык оставила спорящих и пошла впереди, то отыскивая на тропинке следы, то высматривая в зарослях признаки засады. Время от времени Мадж обгонял ее и тыкался носом в землю. Иногда следы беглецов исчезали под проточной водой или смешивались со следами других существ, но ничто не могло сбить Маджа с толку.

— Похоже, они смазали пятки, как только мы все задрыхли, — заключил выдр после полудня. — Опережают нас часов на шесть, а то и поболе.

— Догоним. — Джон-Том шел широким, легким, размеренным шагом.

— А может, хорек не так уж стар, как прикидывался? — предположил Мадж.

— Все равно догоним.

Но и на следующий день они не догнали девушку и хорька.

До позднего вечера они шли за тигрицей, пока накопившиеся ушибы и царапины не вынудили Джон-Тома объявить привал.

Спали они беспокойно и еще до рассвета двинулись дальше. Во второй половине дня последние деревья сменились чахлым кустарником и голыми камнями. Впереди широкая, чуть всхолмленная желто-коричневая равнина переливалась в чистейшую гипсовую белизну, простершуюся от горизонта к горизонту. Пустыня лежала довольно высоко над уровнем океана, и потому жара в ней была не смертельна, а всего лишь изнурительна. Стоял мертвый штиль, и тонкий покров песка хранил отчетливые следы Яльвара и Глупости.

И это было хорошо, поскольку песок намного хуже удерживал запах, чем сырая почва, и Маджу было все труднее отличать его от запахов обитателей пустыни.

— Кореш, надеюсь, ты неплохо запомнил карту.

— Это Полновременная пустыня, если не ошибаюсь.

Мадж нахмурился.

— Я думал, пустыни бывают только безвременные.

— Не смотри на меня так, не я придумал это название. — Джон-Том показал за низкие дюны. — Воду мы найдем наверняка только в центре пустыни, в городе Красный Камень. Пустыня не очень широка, но все равно сумеет прикончить нас, если собьемся с пути.

— Да, парень, умеешь ты успокаивать. — Выдр поглядел на Розарык. — Эй, длиннохвостая, друзей наших не видать?

Сверхъестественно зоркий взгляд тигрицы обшарил горизонт.

— Никого и ничего. Один песок.

— А, черт! Вы как сговорились. — Мадж вытряхнул песок из сапога.

К утру оставленные позади горы превратились в бугры. Напрасно Джон-Том высматривал вокруг зелень и влагу. Неужели эта земля абсолютно бесплодна? Даже зачуханный кактус порадовал бы глаз.

Они не увидели ничего. Конечно, из этого не следовало, что Полновременная пустыня необитаема. Но жизнь, если и была, не спешила поставить об этом в известность трио путешественников.

Юноше постоянно казалось, что за следующим барханом он увидит Яльвара и Глупость. Но не тут-то было. Ни в тот день, ни в следующий.

На третий день Мадж предложил спутникам остановиться и опустился на колени.

— Ну-ка, ну-ка! Ты заметил?

— Что заметил? — По лицу Джон-Тома струился пот, а в душе царило отчаяние, вызванное не только безуспешностью поисков, но и мучительной жарой.

Мадж хлопнул лапой по песку.

— Этот песочек. Приглядись-ка.

Джон-Том упал на колени. Вначале он ничего особенного не увидел. Вдруг из-под пальцев Маджа выползла песчинка, потом вторая, третья. Они двигались на восток.

Лапа Маджа их не шевелила. Не делал этого и ветер. Ветра не было вовсе.

Пока одиночные песчинки выбирались из-под мизинца выдра, возле большого пальца воздвигался маленький вал. Песок совершенно самостоятельно перемещался в субширотном направлении.

Джон-Том положил ладонь на горячую поверхность, увидел тот же феномен и ощутил, как на затылке вздыбились волосы.

— Ползучки хреновы, — пробормотал выдр, вставая и отряхивая лапы.

— Какое-нибудь подземное смещение, — предположил Джон-Том. — Или под песком кто-то живой.

Последняя гипотеза показалась неприятной, и он поспешил ее отвергнуть. Пока у них не было никаких доказательств, что эта страна обитаема.

— Это еще не все. — Мадж показал назад. — Видишь тот холм? Вон тот, мы вчера через него перешли. Чертовски забавно, верно?

Джон-Том и Розарык напрягли зрение, чтобы рассмотреть пейзаж дальней родственницы Серенгети[1].

— Теперь он ниже.

— Так это ж естественно, Мадж. Мы отошли от него, вот он и уменьшился.

Выдр упрямо покачал головой.

— Чертовски быстро уменьшился, кореш. — Мадж надел котомку и двинулся дальше. — И вот еще что. Вам не показалось, что мы топаем вниз по склону?

Джон-Том не пытался скрыть замешательства. Взмахом руки он указал на западный горизонт.

— О чем ты говоришь? Мы на ровной земле.

— Я — не на ровной. — Выдр напряг мозги, чтобы передать ощущения словами. — Чтой-то тут не так, шеф. Нюхом чую.

В тот вечер нюх пригодился выдру больше, чем вестибулярный аппарат. Обнаружив на песке темное пятно, он вырыл ямку и был вознагражден струйкой удивительно чистой воды.

Странникам хватило терпения наполнить мехи, и лишь после этого они утолили дикую жажду. Эту ночь решено было провести у источника влаги.

Ощутив, как его трясут, Джон-Том разлепил веки и сонно уставился во мрак. Над ним высился силуэт встревоженного Маджа.

---

[1] Национальный парк в Танзании.

— Приятель, не мешало бы тебе глянуть кой на что.

— Среди ночи? Сбрендил?

— Надеюсь, чувак, — прошептал выдр. — Всей душой надеюсь.

Джон-Том вздохнул и отбросил накидку. И обнаружил, что выплевывает песок. Над лагерем сияла полная луна, освещая котомки, оружие и частично зарытые в песок ноги Розарык.

— Ночью ветер поднялся, вот и все. — Он поймал себя на шепоте, хотя понижать голос вроде было ни к чему.

— Да неужто ты чувствуешь ветер?

Джон-Том послюнил и поднял палец.

— Нет. Полный штиль.

— Тогда полюбуйся на свои копыта.

Джон-Том внял совету и увидел, как его ступни обтекает песок, движущийся намного быстрее, чем вчера. Юноша отдернул ноги с такой поспешностью, будто эти крошечные зернышки кварца обладали зубами.

— Посмотри вокруг, приятель.

Да, движение песка к западу намного ускорилось. Казалось, оно убыстряется на глазах. Безостановочное смещение сопровождалось сухим шорохом трущихся друг о друга крупинок.

В конце концов голоса разбудили тигрицу.

— Что тут твохится?

— Не знаю, — проворчал Джон-Том, следя за движением. — Песок ползет, к тому же гораздо быстрее, чем вчера. И я вовсе не уверен, что хочу знать, в чем тут причина.

— Может, лучше вехнуться? — Розарык вытряхнула песок из сандалий и принялась обуваться.

— Вернуться нельзя. — Джон-Том натянул сапоги. — Если пойдем назад, то прости-прощай Яльвар, Глупость и, конечно, лекарство для Клотагорба. Но я не желаю никого из вас принуждать. Розарык, ты меня слушаешь?

Она не слушала, а показывала на запад.

— Кажется, намечается альтехнатива. Мы уже не одни.

Цепочка верблюдов, обнаруженных тигрицей, еще не поравнялась с ними, но шла параллельным курсом. Расхватав вещи, троица бросилась наперехват каравану. Солнце уже готовилось взойти на небосклон и принести с собой не только желанный свет, но и абсолютно никому не нужную жару. А песок вокруг бегущих все смещался, неуклонно смещался к западу.

Верхом на верблюдах ехала разношерстная компания грызунов — сумчатые крысы, полевые мыши и другие обитатели пустыни, сильно смахивающие на усатых карликов-бедуинов. Подбежав к головному верблюду, Джон-Том хотел отвесить легкий поклон, но оступился и едва не растянулся на песке.

— Куда вы так торопитесь?

Крыс не удостоил его ответом. Зато заговорил верблюд:

— Мы идем в Красный Камень, человек. Сейчас там собираются все пустынники. — Величавые манеры Джон-Томова собеседника вполне соответствовали повадкам дромадеров. Он сплюнул влево, и юноша едва успел увернуться от сгустка зловонной слюны.

— Кто вы, путники? — полюбопытствовал крыс. Подобных ему на верблюжьей спине могло уместиться полдюжины.

— Чужие в этой стране.

— О да, это вполне очевидно, — заметил верблюд.

— А почему все идут в Красный Камень? — спросил Джон-Том.

Верблюд оглянулся на своего наездника и печально покачал головой.

— Неужто не знаете? — удивился крыс.

— Чувак, ежели б знали, разве б спрашивали? — сказал Мадж.

Крыс широко развел передними лапами.

— Наступило Стечение. Пора, когда нити волшебства, связующие эту землю, стягиваются в один узел. Пора обращения времени.

— Что это значит?

Крыс пожал плечами.

— Не требуй у меня объяснений. Я не чародей и знаю лишь одно: если до рождения новой луны ты не укроешься в Красном Камне, то уже никогда не доберешься до него. — Он шлепнул верблюда по холке, и тот раздраженно повернул голову.

— Бартим, не надо так делать, а то пойдешь пешком. Я размеряю свою скорость, как и все мои сородичи.

— Да, но время поджимает!

— О да, только послабее, чем ты, — капризно ответил верблюд и оглянулся на приотставшего Джон-Тома. — Чужеземцы, мы встретимся в Красном Камне, а если не встретимся, то выпьем чарку за помин ваших душ.

Тяжело дыша от жары, Джон-Том перешел на шаг. По твердой земле он бежал бы еще долго, но песок мигом отнял силы. Притомились и Розарык с Маджем.

— И что же все это означает, а, Джон-Том?

— Не понимаю. Чепуха какая-то.

— Хазве ты не чахопевец?

— Я знаю свои песни, а не чужую магию. Если бы с нами был Клотагорб...

— Приятель, будь здесь его колдовское сиятельство, то мы были бы далеко отсюда.

— Ты понял, о чем они предупреждали?

Выдр сердито разрыл сапогом песчаный вал, успевший вырасти вокруг его лап.

— Они боялись. Чего — не могу сказать, но боялись, точно. Сдается, не мешало бы последовать их совету и двинуть дальше.

Они надеются дотемна добраться до Красного Камня, значит, это и нам по силам. Айда, а?

Они бежали друг за другом размеренной трусцой, регулярно меняясь местами и очень редко останавливаясь пожевать чего-нибудь и глотнуть воды. Постепенно вес воды уменьшался, но в тот вечер им предстояло напиться в Красном Камне — или уже никогда не напиться, если караванщики не шутили. А в том, что они не шутили, трое путников убедились на склоне дня, не только не обнаружив города, но и потеряв из виду караван. Песок передвигался очень быстро и всякий раз, когда они переводили дух, норовил засыпать ступни.

Вначале Джон-Тому показалось, будто он тонет, но быстрый взгляд через плечо открыл истину. Позади вздымалась земля. Казалось, они удаляются от берега, а берег стремится дотянуться до них, догнать неудержимо растущей волной отлива. У юноши возникла идея повернуть и взобраться на гребень песчаной волны, но он не рискнул, предположив, что за этим валом они могут увидеть другой, еще выше.

Они побежали дальше. Легкие горели, ноги болели и подкашивались. Вскоре Мадж упал, и человеку с тигрицей пришлось поднимать его, а песок алчно хватал выдра за сапоги.

Упав во второй раз, Мадж вяло замахал лапами, отвергая помощь товарищей. Видимо, неисчерпаемый источник его энергии все-таки иссяк.

— Бесполезняк, ребята. Я скис. Спасайтесь сами.

Джон-Том воспользовался задержкой, чтобы слегка отдышаться.

— Ты прав, старина, — сказал он наконец. — Так будет практичнее. Я никогда не забуду твою благородную кончину.

Он не сумел увернуться, и горсть песка хлестнула его по затылку.

— Задница у меня будет благородная, а не кончина! Отделаться хотите от меня, что, не так? Бросить бедолагу Маджа в пустыне на верную смерть?

Джон-Том постарался не показать апоплектичному выдру свою ухмылку.

— Извини, дружище. Я тоже вымотался, и будь я проклят, если соглашусь тащить тебя на закорках.

Выдр поплелся за спутниками.

— Эй, ты, неуклюжая лицемерная скотина, гляжу, тебе это кажется жутко потешным?

Джон-Том подавил смешок — еще и по той причине, что не хотел сбивать дыхание.

— Да ладно тебе, Мадж! Знаешь ведь, что я тебя не брошу.

— Ах, значица, он меня не бросит! А если б я не поднялся, что тогда? Где гарантия, что вы вернулись бы за мной, а?

— Сложный вопрос, Мадж. По-моему, тебе просто захотелось прокатиться верхом.

— Чертовы враки! — Выдр обогнал его и занял место во главе крошечной колонны. Его короткие мохнатые лапки двигались, как поршни бензинового мотора.

Тигрица укоротила шаг, чтобы идти рядом с Джон-Томом, и прошептала:

— Он какой-то стханный, твой пушистый дхуг.

— Мадж-то? Что ты, он вполне нормален. Ленив, приврать любит, но во всем остальном он просто душка.

Розарык поразмыслила над его словами.

— Сдается мне, нхавственные нохмы твоего миха кое в чем отличаются от наших.

— Все зависит от того, какую часть цивилизации рассматривать. К примеру, в таком местечке, как Голливуд, Мадж был бы как рыба в воде. Или в Вашингтоне, О. К.[1]. Там бы его таланты не залежались без дела.

Розарык непонимающе покачала головой.

— Мне эти названия ни о чем не говохят.

— Как и большинству моих современников. Так что все в порядке.

Песчаный вал за ними все рос, поднимался в вечернее небо. В любую минуту его гребень мог обрушиться и поглотить троих путников, похоронить их заживо под многими тоннами песка. Джон-Том старался думать о чем угодно, только не об этом. И не о том, что надо поднять ногу и поставить ее перед другой, и так без конца... Как только наклон догоняющей их стены превысит сорок пять градусов, масса песка ринется вниз, и тогда держись!

Вокруг, насколько хватало глаз, пустыня силилась дотянуться до звезд, и Джон-Том мог только гадать, чем это вызвано. «Стечение» — так сказал крыс. Взошла луна и коснулась измученных, задыхающихся беженцев серебристыми щупальцами. Крыс предупреждал: если до восхода луны не укроетесь в Красном Камне, вам конец. Но когда наступит критический момент? Сейчас, или через несколько минут, или в полночь? Сколько еще осталось времени?

Тут закричала Розарык, и впереди показалась горстка холмиков. Они припустили что было сил. Очертания возвышенностей прорисовывались все четче, и вскоре не осталось сомнений — это Красный Камень, город, получивший свое имя благодаря красному песчанику, пошедшему на строительство его многоэтажных башен и домов. В первых лучах луны и последних — солнца город казался объятым пламенем.

Здесь, на подступах к городу, беглецы были не одиноки. Не-

---

[1] Округ Коламбия (*прим. перев.*).

которые беженцы добирались пешком, иные — в ненавязчивом обществе верблюдов и осликов. Кое-кто ожесточенно хлестал тягловых ящериц по головам.

Мимо промчалось несколько страусиных выводков — без пассажиров, но с тяжелыми вьюками на рудиментарных крыльях. Не было седоков и на кугуарах, целая семья которых прибежала с севера на задних лапах — в точности как Розарык. Бранясь, вопя, скуля и хныча, потоки разнородной жизни сливались в охваченную паникой толпу, которая ломилась в город.

— Ничего, прорвемся! — крикнул Джон-Том друзьям, когда они добрались до края толпы. Он не оглядывался, боясь,что желто-коричневая песчаная лавина немедленно разоблачит его предсмертный блеф. В горле пекло, как под капотом новенького «Корвета» после дня непрерывных гонок, но остановиться и глотнуть воды за пределами спасительных стен он не осмеливался.

Затем под его ногами заколыхался бревенчатый мост. Джон-Том глянул вниз — дыра на дыре. Вероятно, лес для моста привезли с далеких гор. У рва, черным кольцом обнимавшего город, не было видно дна.

Сначала Джон-Том предположил, что Красный Камень возведен на холме в центре кратера древнего вулкана, но версия рассыпалась, стоило поглядеть на ров повнимательней. Слишком уж гладкими и отвесными были его стены — даже для рукотворных. Нет, этот жуткий ров выкопало н е ч т о. То, чего юноша даже вообразить не мог.

В воздухе витали разные запахи, в том числе тяжелый мускусный дух. Мост казался бесконечным, проемы между здоровенными бревнами — опасно широкими. Стоит Джон-Тому оступиться, и он, даже если не сорвется, будет раздавлен обезумевшим от страха живым катком.

В городе, за надежными стенами, паника сразу утихала. От ворот шеренги высоких стражников в желтых мундирах направляли выдыхающийся поток беженцев в огромный внутренний двор. Эта полоса земли шириной в несколько сот футов отделяла городскую стену от зданий и предназначалась для тех, кто искал убежища от ползучих песков.

«Часто ли такое бывает?» — гадал Джон-Том. Насчет этого верблюд и крыс ни словом не обмолвились, но и так было ясно: бунт песка — явление регулярное и предсказуемое.

— Мне надо видеть, что творится снаружи, — сказал он тигрице, возвышающейся над толпой, подобно каланче. Она кивнула.

Ожидая наплыва беженцев, предусмотрительные горожане поставили палатки. Хотя Джон-Том и его друзья вошли в Красный Камень последними, их меньше всего заботили поиски крова.

— Сюда. — Розарык взяла его за руку и повела за собой сквозь мельтешащую, роящуюся толпу — казалось, полосатый айсберг

разрезает меховое море. Мадж кое-как ухитрялся держаться в кильватере.

Они подобрались к городской стене и шли вдоль нее до каменной лестницы. Там Джон-Том высвободил руку из лапы Розарык и двинулся вверх.

А вдруг песок заполнит ров? Что тогда?

На стене уже стояло несколько любознательных. Держались они невозмутимо, и Джон-Том предположил, что опасности нет. И вообще, в городе все вели себя слишком спокойно для большой беды.

Скучающий стражник — долговязый сервал в высоком тюрбане, защищающем нежные уши, — шагнул в сторону, освобождая проход.

— Экскурсанты, не забывайте про вибрацию, — предупредил он.

Они поднялись на самый верх стены и увидели пустыню. За рвом выворачивался наизнанку ландшафт. Бесследно исчезли горы, преодоленные ими несколько дней назад. Ни пятнышка материнской породы, ни единого скального останца — только песчаное море, одинокая двухсотфутовая волна, идущая на город и шипящая подобно миллиарду раскаленных сковородок с беконом. Джон-Тому остро захотелось вниз, он решил спросить стражника, что будет дальше, и уже положил ладонь ему на плечо, но передумал, увидев безмятежные лица других зрителей.

Могучая волна не разбилась о хилые городские стены, а начала соскальзывать в темный ров, бесконечным водопадом стекать в сверхъестественно глубокую траншею. Волна тоже была бесконечна. На глазах у экскурсантов она как будто поднялась еще выше — гребень рвался к облакам, а подошва осыпалась в пропасть.

Вокруг города неистовствовал гром, под ногами у Джон-Тома ощутимо дрожали блоки песчаника. Он повернулся. Куда ни глянь — волна, даже крыши домов ее не заслоняют. Город окружен песчаным валом многофутовой высоты и неизмеримого объема, и все это каскадом рушится в бездну, опоясывающую Красный Камень.

Прошло тридцать минут. Волна начала сокращаться. По-прежнему тонны песка ссыпались в ров и исчезали бесследно. Еще несколько минут, и каскад разбился на струйки. А вскоре последние песчинки улетели в пропасть.

За рвом, залитый лунным светом, лежал скелет пустыни — камень такой же голый, как поверхность луны. Между Красным Камнем и горами не осталось ничего живого, ничего подвижного. В коренной породе темнело несколько воронок — древних впадин, считанные минуты назад полных песка и гравия.

Раздались негромкие голоса зрителей, повернувшихся спи-

ной ко рву и обнаженной пустыне. Джон-Том с товарищами последовали их примеру.

Точно в центре Красного Камня особняком стояла необычная стеклянная башня, ее тонкий шпиль приковывал к себе все взоры. В воздухе витало предвестие удивительного зрелища.

Поддавшись любопытству, Джон-Том решил было выяснить у стражника, что будет дальше, но тут раздался шум, и под ногами задрожала каменная кладка. На сей раз то была иная тряска — словно сама планета пришла в движение. Шум нарастал, превращался в зловещий рев, в неумолчный грохот. Глубоко под землей что-то происходило.

— В чем дело, как ты думаешь? — крикнула Джон-Тому тигрица.

Отвечать было бессмысленно — Розарык не услышала бы.

И вдруг неистовый ветер сорвал шляпы с голов и вуали с лиц. Джон-Томова накидка заполоскалась перед ним, как радужный флаг. Шатаясь и клонясь под напором неожиданного ветра, он всматривался в башню.

Из верхнего отверстия стеклянной трубы в небеса ударили пески Полновременной пустыни — многосотфутовый фонтан, нацеленный точнехонько в луну. Под самыми облаками, достигнув заданной высоты, кварцевый гейзер раскрылся зонтиком. Джон-Том инстинктивно втянул голову в плечи и стал высматривать убежище, но сразу спохватился: никто из беженцев не шевелится. Значит, бояться нечего.

Песок не сыпался на стены — казалось, он падает на невидимую крышу. Затем он расползался облаком и желтым ливнем возвращался в пустыню. И так — несколько часов кряду. Лишь когда луна покинула зенит и основательно опустилась к горизонту, гейзер начал слабеть и наконец иссяк. Рев прекратился, его сменил оживленный гомон жителей города и беженцев.

Бездонный ров снова опустел, а Полновременная пустыня за ним обрела прежний вид. И неподвижность. Теперь стало ясно, почему в ней есть вода, но нет жизни.

— Великая магия, — с пафосом произнесла Розарык.

— Смертельная магия. — Мадж наморщил нос. — Запоздай мы хоть на несколько минут, и валялись бы сейчас где-нибудь там, с кишками, набитыми песком.

Джон-Том остановил проходившую мимо лису.

— Это все? Что будет дальше?

— Дальше, человече, — отвечала лиса, — мы будем спать и праздновать конец этого Стечения. А завтра отправимся по домам.

Она двинулась к лестнице, а Джон-Том задержался, чтобы порасспросить одного из стражников — четырехфутового мускусного крыса с модной короткой стрижкой на всем теле.

— Извините, мы здесь впервые. — Юноша кивком указал на пустыню. — Такое каждый год случается, что ли?

— Дважды в год, — сообщил крыс. — Потрясное, надо думать, зрелище, когда в первый раз.

— А зачем это делается? С какой целью?

Стражник почесал нижнюю челюсть.

— Говорят, это все пески времени. Всего времени. Когда они идут своим путем, их надо поворачивать вспять. А кто или что их поворачивает, никому не ведомо. Боги, духи, а может, какая-нибудь здоровенная тварюга от скуки — кто его знает. Я не волшебник и не ученый. — Он отвернулся.

— Оставь его, приятель, — сказал Мадж. — Лично мне начхать, отчего это происходит. Спасение собственной шкуры — занятие крайне утомительное, я на лапах еле стою. Найти бы местечко для ночевки да горло чем-нибудь промочить.

Он стал спускаться по лестнице. Джон-Том и Розарык пошли следом.

— Как ты думаешь, что это было? — спросила тигрица юношу.

— Я могу исходить только из слов стражника. Пустыня — своего рода песочные часы, заключающие в себе все время. — Он задумчиво поглядел в небо. — Интересно, замрет ли оно, если как-нибудь остановить механизм. — Джон-Том повернулся к стеклянной башне. — Вот бы поглядеть, что там внутри.

— Лучше не стоит, — отсоветовала тигрица. — А то еще найдешь там что-нибудь... Напхимех, отпущенный тебе схок...

Он кивнул.

— И то верно. У нас другая головная боль.

— Пхошу пхощения?

— Яльвар и Глупость. Если вся пустыня укрывается здесь от Стечения, то и они, наверное, пришли сюда. Если, конечно, их не настигли пески.

— Честное слово, Джон-Том, я об этом не подумала. — Она оглядела внутренний двор.

— Или, — продолжал юноша, — они не добрались до края пустыни.

— Да, ты пхав. — Она подняла взор, затем выпрямилась. — Не важно. Мы их найдем.

Розарык поискала свободное место в толпе. Немногочисленные гостиницы скорее всего были заняты наиболее состоятельными беженцами. Городские ворота уже распахнулись настежь, и из них сочилась живая струйка.

— Джон-Том, знаешь, что мне пхишло в голову? Похоже, мы с тобой недооценили стахого Яльвара. А вдхуг он нахочно заманил нас в пустыню, чтобы мы, не зная о Стечении, погибли?

Джон-Том поразмыслил.

— Думаю, это вполне вероятно. А еще я думаю, что в следующий раз, повстречав нашего старого приятеля, мы будем очень осмотрительны.

Глава 13

Расспросы на базаре в конце концов принесли плоды — обнаружился след Глупости и Яльвара. Действительно они на несколько дней опередили преследователей, однако в Красном Камне верховых животных не нанимали. Видимо, Яльвар был не только умнее, чем считали его бывшие друзья, но и куда выносливей. Источник информации — торговец — понятия не имел, куда держали путь девушка и хорек. Но Джон-Том довольно сносно помнил карту и мог догадаться сам.

Пустыня имела форму полосы, протянувшейся с севера на юг. Обратный путь в Снаркен мог лежать только через Красный Камень. Итак, подтверждалось их первое предположение: Яльвар стремился как можно быстрее добраться до Кранкуларна.

Тигрице не пришлось искать ночлег. Нельзя было терять ни минуты. С огромной неохотой Джон-Том позволил Маджу наворовать еды, и путники выбрались из Красного Камня, не дожидаясь, пока их ни о чем не подозревающие жертвы проснутся и обнаружат убыль в своем имуществе.

— На обратном пути за все заплатим, — заявил Джон-Том.

— А чем, позволь полюбопытствовать? — Мадж сгибался под тяжестью битком набитой котомки. Песок под ногами снова был неподвижен и на удивление прохладен. Казалось невероятным, что недавно эти песчинки угрожали их жизни.

— Не знаю, но надо как-то положить конец этому постоянному воро...

— Кореш, ну, я тя умоляю!

— Этой постоянной реквизиции. Мадж, почему ты настаиваешь на эвфемизмах?

Выдр ухмыльнулся.

— Ради соблюдения приличий, чувак.

— Мне это тоже не по нхаву, — прошептала Розарык. — Но для достижения цели надо использовать все доступные способы.

— Понимаю, но мне будет куда спокойнее, если на обратном пути мы отдадим «должок».

Мадж вздохнул и укоризненно покачал головой.

— Эх, люди-люди.

Вопреки расчетам Джон-Тома беглецы все не показывались. Путники случайно встретили несколько групп кочевников, возвращавшихся в свои стойбища, иногда делили с ними ночлег. Но все они, выслушав приметы Яльвара и Глупости, продемонстрировали полное неведение.

На третий день вдалеке появились отроги холмов, что лежали за западной кромкой Полновременной пустыни. На четвертый они уже шествовали по зеленой траве, под несущими прохладу кронами, через густые кустарники.

Мадж наслаждался ароматом и близостью бегущей воды, а Розарык смаковала свежее мясо.

В первый же день путешествия по лесу она одним ударом меча свалила ящерицу-одиночку величиной с корову. Мадж пособил ей в разделке туши и принялся стряпать, подбрасывая в костер тонкие белокорые стволики.

— Ах, до чего же вкусно пахнет! — заявил чужой голос.

Розарык приняла сидячее положение, Мадж огляделся, а Джон-Том перестал бренчать на дуаре.

На краю полянки стоял пятифутовый кускус с вежливым выражением на морде. Одеждой ему служили короткие коричневые панталоны и перекрывающие друг друга кожаные ленты и тесемки, обувью — ажурные башмаки из змеиной кожи. На каждом бедре висел метательный нож. Опираясь на короткий посох, он цепким голым хвостом почесывал подбородок. У Джон-Тома мелькнуло подозрение, что в посохе незнакомца, как и в его собственном, скрыт короткий смертоносный клинок. Бежевый мех кускуса был усеян коричневыми крапинками.

Как и все его сородичи, он был потрясающе уродлив — хотя, возможно, какая-нибудь самка-кускус могла придерживаться на этот счет иного мнения. Он терпеливо ждал, совершенно не проявляя враждебности.

— Подходите, присаживайтесь, — сказал ему Джон-Том, когда Розарык встала на ноги, а Мадж переместился поближе к луку.

— Сударь, вы очень любезны. Я — Хаткар.

Джон-Том представился и назвал друзей по именам. Розарык прислушалась и с упреком поглядела на гостя.

— Вы не один.

— Нет, о могучая госпожа, я не один. Разве я забыл об этом сказать? Прошу прощения и спешу исправить оплошность. — Хаткар вытянул губы дудочкой и издал резкий высокий свист.

Под шорох и треск кустов на полянку выбралась и образовала кольцо вокруг кускуса солидная стая всевозможных существ — от привычных глазу Джон-Тома крыс и мышей до бандикутов и фаланг. Среди них маячила даже ночная руконожка в огромных солнцезащитных очках и с коротким серповидным оружием. Все были одеты в лохмотья. Сапоги и сандалии просили каши. Не самая процветающая шайка, решил Джон-Том. Присутствие многочисленного оружия отнюдь не успокаивало. Определенно, это не мирные селяне, захотевшие подышать лесным воздухом, подумал он, и все же, если они желают закусить...

— Охотно поделимся с вами, — сказал он Хаткару. — Тут на всех хватит.

Хаткар смотрел мимо него — на стоящего у костра Маджа. Черный язык скользнул по черным губам.

— Вы очень любезны. Те из нас, кто предпочитает мясо,

давно не видели столь изысканного яства. — Он изобразил жуткую пародию на располагающую улыбку.

Джон-Том показал на Розарык.

— Да, она знатная охотница.

— И это неудивительно — при таком-то росте. И все-таки она одна, а нас много. Почему же ей повезло, а нам нет?

— Потому что уменье важнее числа. — Огромная лапа погладила рукоять длинного меча.

Видимо, на Хаткара это не произвело впечатления.

— Не всегда. Например, если сотня охотников на одну ящерицу...

— Не всегда, — холодно согласилась тигрица.

Кускус переменил тему.

— И что же вы, путники, делаете в столь далеких от цивилизации краях?

— Выполняем важное поручение великого и могущественного чародея, — ответил Джон-Том. — Идем в город Кранкуларн.

— В Кранкуларн? — Хаткар оглянулся на своих коллег, очень плохо скрывающих веселье. — Дурацкое поручение.

Джон-Том небрежно провел пальцами по посоху. Его уже начинал раздражать любопытный и таинственный незнакомец. Не хочет есть, так пусть проваливает со своей оравой. Лицемерная болтовня в меню не входит.

— Возможно, мы вам кажемся дураками, — произнес Хаткар, и смешники за его спиной мигом умолкли. Джон-Том не ответил — ждал, что будет дальше.

На физиономию кускуса вернулась улыбка, он придвинулся к огню.

— Ах да, вы же предложили нам угощение. Разумный ход. Явно рассчитан не на дураков. — Он вытащил метательный нож. — Можно, я отрежу кусочек? Мясцо, похоже, отлично прожарилось. У вас превосходный повар.

Мадж промолчал. Джон-Том пристально смотрел на гостя. Что он намеревался сделать? Резать мясо или... бросить нож?

Внезапно в него что-то полетело. Он упал на землю, перекувырнулся и через мгновение застыл в оборонительной стойке, с посохом перед грудью. Мадж подхватил лук и наложил стрелу. Сверкнули мечи Розарык. И все это — за две секунды.

Хаткару хватило осторожности не поднять нож. Его банда угрожающе ощетинилась оружием. Но кускус смотрел не на Джон-Тома, а на существо, пролетевшее над самой землей и плюхнувшееся к ногам высокого человека.

Одетый во все черное мангуст стонал, лежа на животе. На его узкой спине виднелась необычная отметина.

— Фасет, — прошипел Хаткар, — в чем дело?

Мангуст перевернулся на спину, поглядел на него и взвизгнул от боли, прикоснувшись к земле ушибленной задницей.

— Во мне.

Все обернулись на голос. На поляну развязной иноходью вышел единорог. Он весь, вплоть до подшерстка, сверкал — но не слабенькой амальгамой, а настоящим червонным золотом, как монета или кольцо. Не блестели лишь белые пятна на лбу и задних ногах. Казалось, он только что выбрался из ванны с жидким золотом.

В зубах он держал маленький арбалет. Уронив трофей к ногам Джон-Тома, он многозначительно указал головой на все еще стенающего мангуста. Теперь Джон-Том узнал отпечаток на панталонах Фасета. То был след копыта.

Хаткар вышел из себя.

— Кто ты такой, четвероногий, черт бы тебя побрал? — выпалил он, злобно глядя на единорога. — И кто тебя просил совать нос не в свое дело?

Окинув его лазурным взором, единорог холодно ответил:

— Теперь это мое дело. — И улыбнулся Джон-Тому. — Меня зовут Дром. Я пасся в зарослях и услышал разговор. Я бы, конечно, проигнорировал его, как проигнорировал ваше появление, но тут, — он кивком указал на мангуста, который отполз к своим приятелям, боязливо сторонясь Хаткара, — случилось мне наткнуться на этого эбенового червя, нацелившего тебе в спину свою игрушку. — Дром придавил арбалет копытом. Раздался хруст. — Этот неприятный тип, — последовал кивок в сторону Хаткара, — отчасти прав: моя хата с краю. Я не позволяю себе вмешиваться в дела стадных существ, однако очень не люблю, когда стреляют в спину. — Он повернул величественную голову, сверкнув золотистой бородкой, и недобро посмотрел на кускуса.

— Ты настоящий хыцарь, мой сахахный, — одобрительно произнесла Розарык.

— Болван! Зря ты сунулся. — Хаткар отбежал к своей шайке. — К тому же он нагло врет. Бесспорно, это насекомое, — он пнул жалкого Фасета, — пыталось всадить в тебя стрелу, но при чем тут я? Я его впервые вижу.

— Ты назвал его по имени, — возразил Джон-Том.

— Совпадение! Всего лишь совпадение! — Хаткар все отступал. За его спиной беспокойно ворчали и переминались бандиты.

— Я рад, приятель, что ты его не знаешь. — Наконечник стрелы Маджа бдительно следил за ретирадой кускуса. — Мне ненавистна мысль о том, что ты способен водить дружбу с любителями засад.

— А как же ваше приглашение? — поинтересовался Хаткар.

— Пожалуй, для нас предпочтительнее обед в узком кругу, — надменно улыбнулся Джон-Том. — Во всяком случае, пока мы не разобрались, кто есть кто.

— Отменять приглашение — моветон.

— О, моя спинка! — скулил мангуст. — Мне, кажется, хребет поломали!

— Заткнись, дырка от задницы. — Хаткар пнул Фасета в зубы, брызнула кровь. Взглянув на высокого человека, кускус попытался улыбнуться. — Ей-богу, я эту тварь впервые вижу.

Его шайка уже рассасывалась по лесу.

— Вот так всегда. Ходишь, ищешь сочувствия... Ладно, я все понимаю. Уж не сердитесь, если вам досадил наш визит. — И его самого поглотили заросли.

Розарык постояла, навострив уши, и обеспокоенно прошептала:

— Они все еще здесь.

— Где? — спросил Джон-Том.

— За дехевьями.

— Они растянулись цепью и пытаются вас окружить.

— Кореш, позволь тебя поблагодарить за своевременное вмешательство, — произнес Мадж, настороженно обшаривая глазами заросли. — Мне б эту шельму ни в жисть не учуять..

— И мне, — призналась Розарык, удостаивая останки арбалета мимолетным взглядом.

— Не понимаю, — пробормотал Джон-Том. — Ведь мы предложили накормить их досыта.

— Их интересовала не только жратва. — Дром отшвырнул копытом обломки арбалета. — Я знаю репутацию этой банды. Они охотятся за оружием, доспехами, добротной одеждой и деньгами.

Мадж издал лающий смешок.

— Деньгами! Вот это и впрямь забавно. У нас ни медяка за душой.

— Ну, они-то об этом не знают. — Единорог кивком указал на лес. — А кабы узнали, то вряд ли это помогло бы вам.

— Ты прав.

Стараясь держаться за ящеричьей тушей, Розарык медленно повернулась кругом.

— Да, они еще здесь. Может, думают, что мы их не слышим? Но они меня недооценивают. — Она заурчала горлом, и от этого звука в жилах у Джон-Тома заледенела кровь. — Наш друг пхав. Они пытаются зайти в тыл.

— И захватить вас врасплох. Хаткар не стал демонстрировать всю свою силу. Пока он с вами говорил, большинство его головорезов сидело в укрытии.

Джон-Том с тревогой разглядывал безмолвные деревья.

— Сколько их всего?

— Немало. Хотя, конечно, я могу судить лишь по тому, что увидел, пока шел сюда.

— Мы ценим вашу помощь, но вы, наверное, уже можете идти. Наши проблемы — это наши проблемы.

— Теперь они и мои, — возразил единорог. — Вы имеете дело с хладнокровными убийцами, с извращенным понятием о чести. Из-за меня их вожак у всех на глазах отпраздновал труса, и теперь он должен или убить меня, или потерять честь и свое положение.

Розарык пошла к опушке.

— Идемте сюда, здесь входе можно укхыться.

Единорог отрицательно помотал головой, золотая грива всколыхнулась в сиянии лучей, проникающих сквозь кроны деревьев.

— Вряд ли это поможет, тигрица. Я вижу, ты сильна и в бою не промах, но их слишком много, а в тесноте драться не с руки. Если они бросятся разом со всех сторон, твоя песенка спета. Нужна позиция поудобнее.

— Можешь что-нибудь предложить? — спросил Джон-Том.

— Есть тут неподалеку одно местечко. Думаю, если сумеем туда добраться, они нас не возьмут.

— Так давайте уносить ноги. — Джон-Том закинул котомку за плечи.

Мадж медлил, раздираемый общей тревогой и печалью по времени, напрасно потраченному на готовку. Его колебания не укрылись от глаз Розарык.

— Сытый желудок — штука хохошая, но только не в том случае, когда он выпущен вместе с дхугими потхохами. Честное слово, кохоткоусый, похой твои пхедпочтения меня удивляют.

— Порой я сам себя удивляю, кисуля. — Шествуя за жеребцом, выдр с тоской оглядывался сквозь кусты на брошенное жаркое.

Дром бежал ровной, но медленной иноходью, чтобы не отрываться от своих новых товарищей. Все с опаской озирались по сторонам, больше всего полагаясь на уши Розарык.

— Стахаются дехжаться с подветхенной стохоны, но я слышала, как они зашевелились. Впхочем, пока они позади. Должно быть, все еще думают, что мы в лагехе.

— Подождите, — остановил спутников Джон-Том. — А где Мадж?

Розарык невнятно выругалась.

— Вот чехтова выдха! Глаз да глаз за ним нужен. Вехнулся за мясом! У твоего пхиятеля вместо ума одни пехвобытные инстинкты.

— Да, зато он не дурак. Вон он!

Появился Мадж, сгибающийся под куском жаркого весом почти с него самого.

— Извиняйте, друзья, я весь день готовился к чертову банкету, так что будь я проклят, если оставлю все этим сволочным ублюдкам.

— Ты и так будешь проклят! — рассердился Джон-Том. — Хоть бы подумал, как ты все это потащишь!

Выдр сбросил тяжелую ароматную ношу с плеч.

— Розарык?

— Уволь, выдха. Любишь кататься, люби и саночки возить.

— Теряем время, — вмешался Дром и добавил, опустив голову: — Давайте. Держите покрепче.

Быстрый удар головой — и жареное мясо нанизано на спиральный рог.

— А теперь — деру, пока до них не дошло, что мы сбежали. — Единорог повернулся и побежал дальше. — Фу, какая гадость!

— Что — гадость? — спросил трусивший рядом Джон-Том.

— Запах жареной плоти, сама идея пожирания одним живым существом другого живого существа, миазмы обугленного протеина. Что, мало?

У Джон-Тома вдруг пропал аппетит.

Вход в древнее строение скрывался под пологом вьюнков и лиан. Тигрица войти не решалась. Необычные прорези окон и треугольные проемы дверей наводили на мысль о существах, правивших этим миром задолго до появления теплокровных.

— Здесь обитали сьюлолки, — пробормотал Дром, вбегая в здание. Раздавшиеся вдалеке вопли ярости прибавили тигрице отваги. Она согнулась в три погибели и протиснулась через низкий портал.

Внутри они обнаружили единственную комнату под сводчатым потолком, достаточно высоким, чтобы Розарык смогла выпрямиться во весь рост. Хватило места и всем остальным. Мадж с восторгом разглядывал узкие окна — какими бы эстетическими мотивами ни руководствовались неведомые зодчие, эти проемы идеально решали насущную проблему беглецов. Выдр наложил на лук стрелу и уселся возле одной из бойниц.

Джон-Том занял позицию слева от входа, чтобы отделать посохом любого, кто попытается войти. Через секунду ему пришлось перейти ко второму окну. Розарык полностью завалила вход массивным, весом не меньше трехсот фунтов, камнем.

— Отличное место для обороны. — С помощью копыта Дром сбросил остывающее жаркое с рога на чистый камень. — В соседней комнате под полом бьет ключ. Для циркуляции воздуха в потолке достаточно трещин. Я тут частенько ночую — это вполне безопасно. — Он указал на сырое сено, устилающее пол. — И пища рядом.

— Для тебя, — кивнул Джон-Том, высматривая в зарослях преследователей. — Ну, а у нас есть кое-что в котомках, да еще — спасенный ростбиф. — Он посмотрел вправо, на выдра, сторожащего окно. — Все-таки зря ты это, Мадж.

— Господи, чувак, да чего ж хорошего в драке на пустой желудок? — Выдр наклонился вперед и принюхался, шевеля черным носом. — Если вздумают штурмовать, я им дам жару. Прав наш рогатый приятель: это клевое местечко.

Розарык с опаской разглядывала резные украшения на стенах.

— Это очень стахая кхепость. Я чую дхевние стхахи. — Она вытащила оба меча.

Дром с шумом опустился на пол.

— А я — только свежее сено и воду.

Из-за деревьев послышались угрожающие крики. Мадж ответил несколькими отборными ругательствами, помянув Хаткарову мамашу, которую никогда не встречал, но с которой, как пить дать, знакомы тысячи других. Тем самым он инспирировал дождь стрел, бездарно расщепившихся о толстые каменные стены. Одна влетела в окно Джон-Тома и вонзилась в земляной пол.

— Берегись, атакуют! — предупредил он спутников.

Тактика бандитов изощренностью не отличалась. Под прикрытием лучников ко входу ринулся широкий ассортимент енотов, лис и котов, облепивших с двух сторон здоровенное бревно. Но Розарык налегла на валун широкой спиной, и тот даже не шелохнулся. А тем временем Мадж успешно обескровил стенобитную команду.

— Готов, педрило! — орал выдр всякий раз, когда его стрела попадала в цель.

Так продолжалось несколько минут. Наконец стенобитчики, не будучи по призванию самоубийцами, бросили таран и отступили под прикрытие леса, подгоняемые смертельными посланцами Маджа. Во время схватки никто из них не приблизился к окну Джон-Тома, и того разобрал стыд — Мадж и Розарык не оставили на его долю работы.

— Что дальше? Вряд ли они еще раз полезут в лобовую атаку.

— Ага, зато придумают какую-нибудь пакость, это как пить дать, — предрек выдр. — Слышь, парень, почему бы тебе не разобраться с ними при помощи дуары?

— Мне это и в голову не пришло. Впрочем, на бегу думать и петь затруднительно.

— А зачем нужна музыка? — заинтересовался Дром. — Чтобы поиздеваться над ними?

— Не-а. Он у нас, этта, чаропевец, — ответил Мадж, — причем чертовски удачливый. — И добавил как бы между прочим: — Когда держит свое умение в узде.

— Чаропевец, — задумчиво сказал единорог. — Я польщен.

На душе у Джон-Тома немного потеплело, хоть ему и не очень понравился пристальный и выжидающий взгляд жеребца.

— Как думаешь, что они теперь предпримут? — спросил Джон-Том выдра.

Мадж рассматривал деревья.

— У этой шайки, кажись, с фантазией не лучше, чем у кучи коровьих лепех. Стало быть, они попытаются нас выкурить. Ежели

наш четвероногий прав насчет трещин в крыше, то чуваки зря потеряют время.

— Ты увехен, что здесь только один вход?

— Другого мне найти не удалось, — ответил тигрице Дром.

— Вряд ли ты искал лазейки, пригодные для некоторых из нас, — рассудительно заметил Мадж и отдал Джон-Тому лук и колчан. — Проверю-ка я все норки и дырки, шеф. Ни к чему нам клепаные сюрпризы вроде ножика в спину. — Он направился к полуразвалившейся перегородке.

— Мадж, я ведь по этой части не спец.

— Да ты тока заори, если снова полезут. Чего проще. Покажи из окна стрелу, им этого хватит. Они ж не знают, что ты мазила. — Он согнулся и исчез под косо лежащим камнем.

Джон-Том неумело наложил стрелу и опер лук о подоконник, а Розарык заняла место выдра у другого окна.

— Я не понимаю, — прошептала она, зорко наблюдая за лесом, — мы обходимся Хаткаху слишком дохого. Выдха уже уложила пятехых или шестехых. На месте этого пахня я бы плюнула и пошла искать менее опасную добычу.

— С его стороны это было бы весьма разумно, — кивнул Дром, — не будь он разбойничьим вожаком, которому грозит бесчестье. Нет, он не отступится, однако новых потерь шайка ему не простит. — Единорог поднялся на ноги и подошел к окну Розарык. Она посторонилась.

— Хаткар! — выкрикнул он.

Довольно не скоро раздался злой голос:

— Кто меня зовет? Ты, что ли, козел с колючкой на мозгах?

— Да, это я, — подтвердил Дром, неуязвимый для шпилек бандитского атамана. — Слушай меня. Эти путешественники — нищие, у них нет денег.

За деревьями зазвенел смех кускуса.

— Думаешь, я в это поверю?

— Это правда. И в любом случае, тебе их не победить.

— На твоем месте я не был бы столь уверен в этом.

— Вам сюда не ворваться.

— Допускаю, что ты прав, но мы все равно вас выкурим. Может, и не сразу, но обязательно.

— Если вам это удастся, я отведу их в другое местечко, еще понадежнее. Я знаю эти леса, а ты знаешь, что я не вру. Зачем тебе бессмысленные потери? Ступай лучше своей дорогой. Плох тот атаман, который губит своих парней ради грошовой добычи.

Кое-где за деревьями раздалось ворчание — последние слова Дрома явно угодили в цель. Хаткар поспешил ответить:

— Куда бы ты их ни увел, мы со следа не собьемся.

— Может, и не собьетесь, а может, угодите в ловушку. Мы, лесовики, умеем защищаться от вас, баловней цивилизации. На

моей земле всего довольно: и ловчих ям, и подрытых деревьев. Ищите их на свою погибель.

На сей раз заросли ответили молчанием. Дром удовлетворенно кивнул и понизил голос:

— Вот и славно. Теперь они подумают, может, даже поспорят. Если им достанет ума, мы уйдем отсюда без нового насилия.

Джон-Том смотрел сквозь прорезь в каменной стене.

— Думаешь, им и в самом деле не чуждо здравомыслие?

— Не знаю, но Хаткар знает, что я говорю правду, — тихо ответил единорог. — Эту часть леса я знаю лучше, чем он, и ему об этом известно.

— Но как же нам выбраться отсюда и проскользнуть мимо них?

Дром хихикнул.

— Тут я маленько прихвастнул. Но ведь Хаткар знает, что под крепостью не меньше десятка тайных ходов.

— Ежели они и есть, то чертовски тайные. — Мадж выполз из щели в стене и принялся отряхивать жилет и усы от известняковой пыли. — Тесно, как кое-где у малолетней шлюхи. Никто крупнее змеи там не пролезет. Так что мы здесь в полном ажуре.

Джон-Том охотно вернул выдру лук и растянулся на полу, выбрав, где помягче.

— Тогда надо ждать, когда они снова нападут или оставят нас в покое. Думаю, спать будем по очереди.

— Довехь оххану мне, сахахный, — вызвалась Розарык. — По ночам я вижу не хуже, чем днем.

— А пока мы ждем их следующего шага, — проговорил Дром, — вы, может быть, расскажете, зачем пришли в эти края, столь отдаленные от культурных стран?

— Это длинная история. — И Джон-Том принялся рассказывать ее в очередной раз.

Между тем солнце опускалось, на лес ниспадал тенистый покров. Время от времени о каменные стены щелкала стрела — разбойники не надеялись поразить кого-нибудь из защитников, а просто хотели пощекотать им нервы. Хаткар, потеряв слишком много своих бандитов, действительно не хотел лезть на рожон. Он понимал: если снова бросить ватагу на неприступные стены, она может плюнуть на все и разбежаться по лесу.

В ту ночь он и двое самых мудрых разбойников — старый крыс и волк — отошли от главного лагеря и стали держать военный совет.

— Ну, так как же нам добраться до этих вонючих ублюдков?

Морда и лапы крыса были покрыты шрамами, а мех тронут белизной. В потемках он вляпался передней лапой в грязь.

— А зачем голову ломать? Раз уж они засели в этой норе, дадим им там сгнить, и дело с концом. Мертвяков откуда хочешь легко выковырять.

Хаткар наклонился к крысу, в его глазах гневно блеснула луна.

— А ты знаешь, что сегодня случилось? Знаешь? Они меня выставили на посмешище! Меня, Хаткара! Еще никому не удавалось выставить Хаткара дураком и уйти, чтобы хвастать этим. И они не уйдут. Во всяком случае, своими ногами.

— Да это же только идея, — пробормотал крыс. — Что, нельзя высказаться?

— Можно. Ты высказался. А я говорю, это чушь.

Крыс промолчал.

— А может, выкурить гадов? — предложил волк.

Кускус презрительно фыркнул.

— Думаешь, они к этому не готовы? Раз не пытаются удрать, значит, дым им не страшен, а раз дым не страшен, то он скорее всего и не подействует.

— А не пробиться ли, — подал голос крыс, — через верх?

Хаткар вздохнул.

— Вот так всегда. Все норовят предложить очевидное, один лишь я умею находить нестандартные решения. Проклятый четвероног привел их прямиком сюда, стало быть, он не врет, что хорошо знает эти леса. Он не из тех, кто идет на неоправданный риск. По его словам, в любую минуту они могут смыться и забраться в крепость понадежнее. Может, он врет, да нам проверять не резон. Здесь их надо брать, пока все карты раскрыты. Отсюда вывод: перво-наперво необходимо избавиться от копытного придурка.

— А как насчет пары-тройки лучников? С хорошим ночным зрением? Может, они сумеют подкрасться к стене и стрельнуть наверняка?

Хаткар поразмыслил.

— Неплохо. Только вот закавыка: если они сразу не уложат единорога, эта вонючка, водяная крыса, запросто продырявит их всех. В жизни не видал такой стрельбы. — Он раздосадованно покачал головой. — Нет, Парш, пожалуй, это не годится. Они обязательно выставят часового, а я больше не хочу посылать ребят под стрелы выдра. Нет, придется нам подумать, как бы выманить единорога, да подальше от крепости, чтобы там спокойно пристрелить. Сам пристрелю, если получится.

Крыс плюнул на землю.

— Да неужто такое возможно?

— А что? Кажись, я знаю способ.

Хаткар хмуро взглянул на волка.

— Брунгунт, я же полушутя.

— А я — на полном серьезе. Главное — найти подходящую приманку.

— Да, брат, — ухмыльнулся Парш, — крепко тебе дали по башке в деревеньке Оллорори. Напрочь мозги перемешались. Чем же ты его выманишь, умник?

— Продолжай, Брунгунт, — заинтересовался Хаткар.

Волк приблизил к нему пасть.

— Надо будет это обтяпать, когда остальные гаврики задрыхнут. Мы-то глаз не сомкнем и унюхаем жеребца, когда придет его черед сторожить. Ежели они выставят только одного часового, дело, считайте, в шляпе. Тут, конечно, осторожность нужна ого-го какая! Единорог — шельма хитрая, коли учует нас, то и носа наружу не покажет, чем его, подлеца, ни приманивай. А мы, значица, так сделаем: подкинем наживку и отойдем подальше. Получится, вот увидите. Коли наживка ему по вкусу придется, он за нею сам потянется, а там мы ему, глядишь, дорожку-то обратную и заступим. Коли в лес драпанет — пущай, лишь бы под ногами не путался и тем стервецам не пособлял.

— Нет! — сверкнул глазами Хаткар. — Нет. Копытный мне тоже нужен. Я хочу видеть его мертвым. Не сразу, конечно. Для начала мы ему поджилки перережем. — Он злобно ухмыльнулся в темноту. — Да, чикнем поджилочки. Пускай попляшет. — Он с трудом заставил себя вернуться из царства сладостных грез в реальность. — Значит, приманка... И где же мы ее раздобудем?

Брунгунт почесал ухо, и даже на морде Парша сквозь гримасу скепсиса проглянуло любопытство.

— Перво-наперво надо сыскать деревню или ферму, где людей много. — Волк сопровождал свои слова размеренными кивками. — Да, братцы, колдовство это древнее, очень древнее, но чтобы им пользоваться, вовсе незачем быть чародеем. Оно само подействует. Неспроста, верно, бают, что единорога силой споймать нельзя, а только хитростью и коварством...

— Ближе к делу, — раздраженно потребовал Хаткар.

Волк перешел на скороговорку:

— Не надо к нему лезть, сам выйдет. Как привязанный, пойдет за девицей, так старики бают.

На морде Хаткара отразилось сомнение.

— За какой еще девицей? За кельтской кобылой, что ли?

— Нет, нет. Тут человеческая девственница нужна.

У крыса даже челюсть отпала от изумления.

— Да ты точно спятил! Где ты здесь найдешь девственницу, не говоря уже о ее видовой принадлежности?

— Есть тут в округе городишко...

— Крестльвэ, — кивнул Хаткар.

— Так чего ж, братцы, стоит попробовать? — осклабился волк.

— Девственница, значит... А ты, Брунгунт, ничего не напутал?

— Бают, в мире эта связь — самая крепкая. Девчонке надо только подале отвести его от логова, пока он нас не учуял. И он за нею пойдет, непременно. А почему да отчего, лучше не спрашивай. За что купил, за то и продаю.

— Ладно, попытка не пытка. Но учти, Брунгунт: облажаешься — я твоими ушами свое копье украшу.

— Так нечестно, — запротестовал волк. — Это ж легенда, байка, при чем тут я?

— Уши береги, волчара. — Хаткар поднялся. — И остальным этот совет передай. Парш, ты идешь со мной. — Он обжег Брунгунта грозным взглядом. — Постараемся управиться побыстрее. Сдается мне, волшебство это лучше действует по ночам, а я не хочу давать четвероногому еще день на раздумья о надежном логове. — Он посмотрел сквозь деревья на залитую лунным светом крепость. — Да, чикнем поджилочки... Хочу полюбоваться, как ты, паскудник чертов, на коленях ко мне поползешь... А после и коленки размозжу.

Глава 14

Присев на корточки, Хаткар показал на полянку перед безмолвной крепостцей. Стройная и миловидная девушка, стоявшая рядом с ним, смотрела широко раскрытыми глазами. Посреди ночи ее разбудила мать и велела идти с этим уродливым незнакомцем. Девушке очень не хотелось уходить, но мамаша настояла. Дескать, ничего с тобой не случится, еще до рассвета воротишься целая и невредимая, а там дрыхни хоть весь день. Вдобавок ей посулили сластей.

— Вот мы и пришли, малявка.

— Не называй меня малявкой! — огрызнулась она. — Ростом я не ниже тебя, и у меня имя есть — Шелковинка.

Хаткар тихонько зарычал, однако взял себя в лапы.

— Ну, извини. — Он недолюбливал щенков, но нуждался в помощи этой соплячки.

— Ты обещал моему папаше два золотых, ежели я выманю единорога. Слушай, а с чего ты взял, что он ко мне выйдет?

— Выйдет, — заверил ее Хаткар. — Только будь с ним ласковей, навешай на уши, какой он сильный и красивый.

Шелковинка настороженно смотрела на кускуса и двух его присных, и не было в ее взоре той невинности, о которой с жаром твердили ее родители.

— А ты уверен, что единорог на меня клюнет?

— А ты уверена, что ты девственница?

— Еще бы. — Она устало вздохнула. Ей удалось подслушать, как незнакомец обсуждал эту тему с ее мамашей.

Хаткар повернулся и указал на лес.

— В той стороне лощинка с озерцом, вот и веди его туда. Мы будем ждать.

— А что будет, когда мы придем? — полюбопытствовала она.

— Не твоя забота, мал... Шелковинка. За твои услуги мы расплатимся с папашей, а ты будешь меня слушаться и помалкивать.

— Ладно... — Девушка колебалась. — Вы ведь плохого ему не сделаете, а? Ни разу не видала единорога, говорят, они такие лапушки!

— Ну что ты, как можно! — соврал, не моргнув глазом, Хаткар. — Мы всего-навсего хотим сделать ему сюрприз. Ведь мы с ним друзья не разлей вода. Так что ты не говори про нас четвероногому, а то сюрприз не получится, смекаешь?

— Смекаю. — Она повеселела. — Люблю сюрпризы. А можно, я погляжу, как вы его удивите?

— О чем разговор, — охотно согласился Хаткар. — Я думаю, ты тоже удивишься. — Он пошел прочь, уводя за собой Брунгунта и Парша.

— Тут темно, — нерешительно сказала им вслед Шелковинка.

— Все будет в ажуре, — отозвался Брунгунт. — Ты ж сама говорила, что уже большая, разве не так?

— Верно, говорила.

— Вот и славненько. Доведи копытного до озерца и ступай домой.

— А почему мы просто не похитили эту шлюшку? — спросил Парш, когда трое разбойников вернулись к поджидающей банде.

— Деревня большая, — ответил Хаткар, — в такой сподручно покупать припасы. Цены кусаются, но дело того стоит. И еще, Брунгунт говорит, девчонка должна сама согласиться, а иначе волшебство не подействует.

— Все верно, — кивнул волк. — Своими ушами слышал.

— Так что ничего лучше не придумаешь, — подвел итог Хаткар.

Девушка стояла, отсчитывая минуты, необходимые друзьям единорога для подготовки сюрприза. Затем вышла на полянку перед старым разрушенным зданием. При ходьбе ее лучшее платье великолепно подчеркивало крепенькие округлости. Мамаша добрую четверь часа расчесывала ее золотисто-каштановые локоны, чтобы дочка выглядела на все сто. На этом настоял старый волк.

Два золотых. На такие деньги родители много чего накупят, не забудут и про сласти. Шелковинка решила во всем слушаться кускуса, пускай он даже соврал насчет сюрприза. В конце концов, кто он ей, этот рогатый четвероногий?

И все-таки, выходя под серебристое сияние луны, она слегка дрожала. О прекрасном одиноком звере по свету ходило немало легенд. Единороги предпочитали жить в лесной чаще, чурались цивилизации и общества разумных существ.

Древние камни хранили молчание. Может, позвать? А как? «Эй, единорог»? У кого спросить совета? Хаткар и его приятели скрылись в чаще, не оставив даже запаха. Старый волк уверял,

что ей достаточно лишь подойти к развалинам, а после единорог сам выйдет. И побредет за ней, как на веревочке, до самого озера, где его ожидает сюрприз.

Она неподвижно стояла перед руинами. И не видела, как среди них кто-то зашевелился.

Бдивший на часах Дром поднял голову, его ноздри затрепетали. Моргая, он поглядел на спящих.

Тихо переставляя копыта, чтобы не потревожить своих новых друзей, он приблизился к оконцу-бойнице и выглянул наружу. Под луной одиноко стояла маленькая изящная фигурка.

Человеческая фигурка — воплощение юности и чистоты.

В нем забурлили первобытные чувства.

Необходимо подвергнуть манящее существо опознанию и никого при этом не разбудить. Кивнув своим мыслям, единорог стал осторожно отодвигать камень, загромождавший вход.

Совладав с ним, он вышел на траву и принюхался. Ночной воздух благоухал чистым и сладостным ароматом. Девушка была одна; не ощущалось даже слабого ветерка, способного замаскировать посторонние запахи.

Шелковинка, опасливо следившая за его приближением, отступила на шаг.

— Приветик. Ты... чертовски хорош. — Она облизала губы, бросила взгляд через плечо и произнесла заговорщицким тоном: — Красавчик, не хочешь пройтись со мной? Для прогулки по лесу ночка в самый раз.

— Одну минутку, малявка. Сначала я должен кое-что уладить. — Дром вернулся к руинам, сунул голову в проем входа и тихонько проржал: — Подъем!

В крепости на полу зашевелились. Розарык, обладавшая самым чутким сном, быстро села при виде портала, уже не защищенного валуном.

— И что дальше? — спросила она, глядя на единорога. — Объясни-ка, мой сахахный. — Она поднялась и направилась к камню. — Если сейчас нападут...

Дром преградил ей путь.

— Расслабься, кошачья гора. Не нападут. Они даже не следят за нами.

За спиной тигрицы просыпались Джон-Том и Мадж.

— Откуда ты знаешь? — Розарык осторожно выглянула из крепости и сразу увидела и учуяла девушку. Но больше — никого.

— У них кое-что другое на уме. — Единорог тихонечко заржал (в прямом и переносном смысле). — А когда сообразят, какого сваляли дурака, мы будем слишком далеко. Кто из вас лучше всех бегает?

— Розарык — на длинные дистанции, — сонно отозвался ничего не понимающий Джон-Том. — А на короткие, наверное, я.

— Чудесно. Ты и выдр забирайтесь ко мне на спину, и поехали.

Снаружи раздался нежный, но слегка раздраженный голос:

— С кем это ты говоришь? Почему не хочешь выйти и поболтать со мной?

— О черт! Это еще кто? — Мадж подскочил к окну. — Е-мое! Девка!

— Что? — К нему подбежал Джон-Том и с изумлением увидел человеческую фигуру посреди полянки. — Чем она там занимается?

— Меня соблазняет. — Дром снова хохотнул. — А Хаткаром и его шавками тут даже не пахнет. Держу пари, они отошли подальше, залегли в засаде и ждут, когда меня выманят неодолимые чары юной и невинной человеческой самки.

— Не совсем уверен, что понимаю.

— Это из древней легенды. Очень старое волшебство.

— Хреновое волшебство, — заключил Джон-Том.

— Что ты, оно настоящее и действует превосходно. Только не на меня. Теряем время. — Он подставил Джон-Тому бок и низко опустил голову. — Сумеешь забраться? Если надо, держись за гриву.

Джон-Том без труда залез и помог Маджу усесться позади себя на крепкую, широкую спину единорога.

— Потеснитесь маленько, — попросил Дром. — Нельзя же оставлять девчонку Хаткару.

Он рысью выбежал наружу. Розарык выскочила следом и окинула заросли ничего не упускающим взглядом.

Шелковинка вытаращила на них глаза. Про спутников единорога Хаткар и старый волк не обмолвились ни единым словом. Огромная кошка, выбежавшая за четвероногим, смогла бы слопать ее в один присест.

Единорог остановился и улыбнулся, запрокинув голову с козлиной бородкой.

— Не бойся, малявка. Все будет в порядке. Как тебя угораздило в это впутаться?

Шелковинка ответила не сразу.

— Они заплатили папаше и мамаше. Дали два золотых, чтобы я пошла с твоими друзьями и помогла сделать сюрприз.

— Сюрприз? Понятно, — проворчал Дром, кивая.

— Думали, ты пойдешь за мной. — Она повернулась и показала. — Вон туда, к затопленной лощине. И там бы тебя ждал сюрприз.

— Да уж, еще тот сюрпризец, — тихонько прорычал Мадж.

— Наши планы меняются, — сообщил девушке Дром. — Садись ко мне на спину, перед этим красивым господином. Свое дело ты сделала — выманила меня из логова. Только теперь мы предпримем небольшой обходной маневр. Как видишь, твоя часть до-

говора хоть и не до конца, но выполнена, и родители имеют право оставить деньги у себя.

— Ну, не знаю. — Девушка смущенно ковырнула землю носком башмака. — Я же не привела тебя к озеру...

— Так разве тут твоя вина? — Дром приблизил к ней голову. — Скажи, неужто тебе пришлась по душе эта публика?

— Нет, — твердо ответила Шелковинка. — Совсем не пришлась. Но что я могла поделать?

— Да ты и впрямь сама невинность! Не горюй, малявка. Ты сделала все, что могла.

— А как же сласти? — капризно спросила она.

Джон-Том протянул руку. Девушка неохотно подняла свою и в тот же миг была подхвачена и усажена на единорога. Близость ее тела смутила Джон-Тома, напомнив о Глупости.

Дром повернулся и пустился вскачь, с трудом обуздывая бешеный галоп, чтобы не оторваться от Розарык. Джон-Том нисколько не сомневался, что при необходимости Дром вынес бы трех упитанных взрослых мужчин, а юноша, девушка и выдр для него — пустяк.

Через несколько километров жеребец перешел на шаг. Розарык тяжело дышала.

— Хотел бы я видеть рожи этих ублюдков, када они нас хватятся, — произнес Мадж.

— Ее они тоже хватятся. — Джон-Том улыбнулся, глядя на соседку. — Где твоя деревня, а, малявка?

— Я не малявка!

— Прости меня, юная дама. Где ты живешь?

Девушка поглядела в заросли и показала на север.

— Там. — Ее чувство ориентации было превосходным.

Дром кивнул и сменил курс. Спустившись по пологому склону, он оглянулся на Джон-Тома.

— Ну что ж, от назойливого внимания Хаткаровой шайки ты отделался. Пойдешь дальше, в Кранкуларн?

— Мы должны, — ответил Джон-Том. — И будем счастливы, если ты пожелаешь идти с нами.

— Ага, чувак, — присоединился к нему Мадж. — Мы охотно примем твою помощь.

— Я наслышан о Кранкуларне, но никогда там не был. С удовольствием составлю вам компанию.

— Решено. — Джон-Том был доволен. Единорог — отличный попутчик, уже не говоря о том, что ехать куда веселее, чем идти.

К утру они добрались до околицы Шелковинкиной деревни. Ее окружали обработанные поля. Джон-Том помог девушке спешиться.

— Как ни крути, я сделала не все, — с тревогой в голосе прошептала она.

— Ты сделала все, от тебя зависящее. А в том, что кое-кто остался с носом, твоей вины нет.

Поселение было обнесено прочным деревянным палисадом и могло, по всей видимости, выдержать штурм любой шайки обозленных разбойников. Джон-Том не думал, что Хаткар захочет отыграться на девушке или ее родителях.

— Ты мне все еще кажешься красавчиком, — сказала Шелковинка Дрому. — Можно тебя поцеловать на прощание? Считай это пожеланием удачи.

Дром с явным неудовольствием пожевал губами.

— Я бы без этого прекрасно обошелся, но раз уж тебе приспичило... — Он опустил голову и получил звонкий поцелуй под правый глаз.

— Иго-го, — пробормотал жеребец, когда девушка отстранилась. — Ну, а теперь ступай, человек, и считай, что сегодня тебе повезло.

— Прощай, единорог. Прощайте, чужеземцы. — Девушка махала рукой, пока они не исчезли в лесу.

Больше никакие орды подлых и мстительных разбойников не пытались заступить им путь на запад. Путники надеялись, что Хаткар не раньше полудня догадается о крушении своих планов и вернется к развалинам.

— Кажется, я понимаю, в чем тут дело, — прошептал Джон-Том. — Шелковинка — девственница.

— Да с чего ты взял, приятель? — усомнился Мадж. — Я и сам ее видел, но как можно судить по одной только внешности?

— Иначе бы ей не дали это поручение. — Юноша опустил взгляд на своего скакуна. — Ведь она девственница, да, Дром?

Розарык с любопытством посмотрела на единорога.

— Да, судя по облику и запаху.

— Где-то я читал, что юные девственницы для единорогов неотразимы.

— Да, это очень давнее и вполне обоснованное поверье. Хаткар построил на нем свой расчет и преуспел бы, если б не один пустяк, о котором разбойники не подозревали.

— О чем это ты, чувак? — поинтересовался Мадж.

Дром оглянулся на выдра.

— Я голубой.

— А? Э... Слышь, кореш, может, мы лучше пешочком?

— Чепуха. Мы еще не так далеко от Хаткара и его головорезов, чтобы испытывать судьбу.

— Ну, это как посмотреть. Да и ни к чему тебе, босс, надрываться, таская нас на горбу. Нам бы не хотелось причинять тебе неудобства.

— Выдр, сдается мне, это ты испытываешь неудобства.

— Кто, я? Да что ты! Я просто...

— Чем ты недоволен, а, Мадж? — вмешался Джон-Том. — Мне казалось, ты рад случаю дать отдых своим драгоценным лапкам.

Жеребец хмыкнул.

— Расслабься, выдр, ты не в моем вкусе. — И добавил мечтательно: — Вот если б ты был першероном, или клейдесдалем, или на худой конец англичанином...

— Если тебе так хочется бояться, вспоминай про Хаткара, — предложил Маджу Джон-Том.

Совет пошел впрок, однако выдр то и дело оробело косился на жеребца. Впрочем, его смущение вскоре развеялось при звуках далекого грома. А может, то был яростный рев.

Родителям Шелковинки заплатили за ее услуги авансом. Джон-Том как в воду глядел: Хаткар не отважился идти на штурм сильно укрепленного селения ради своих денег. И не на ком было ему сорвать злость, пока он не узнал, что девчонка действительно сделала все, от нее зависящее, и заслужила не наказание, а награду. Она так и не получила вожделенных сластей, зато на зависть подружкам могла безбоязненно ждать зимы, кутаясь в новенький волчий тулуп.

Ближе к вечеру путники разбили лагерь. От жаркого, спасенного Маджем с риском для собственной жизни, почти ничего не осталось, но Розарык вскоре принесла еды на всех. Дром довольствовался лепестковыми педальками с ближайшей лужайки. Каждый голубовато-розовый цветок, когда его жевали, издавал свою особенную музыкальную ноту.

Мадж ужинал рядом с Джон-Томом.

— Приятель, тебя это не беспокоит?

— Нет... А что меня должно беспокоить?

Мадж кивнул в сторону единорога.

— Он.

Джон-Том уплетал вкуснейший, сочнейший, ароматнейший бифштекс.

— Он уже спас нам жизнь и, может, еще не раз спасет. А его сексуальные предпочтения, сказать по правде, нисколько меня не волнуют. На Голливудском бульваре таких, как он, пруд пруди.

— Ладно, может, ты и прав. А знаешь, я его с самого начала раскусил, еще когда он этак ненавязчиво подкатился к нам из леса.

Дром услышал эти слова и изрек с достоинством, вскинув голову:

— Выдр, я не подкатился. Я снизошел. — Он перевел взгляд на Джон-Тома. — Значит, прежние твои помощники могут тебя обскакать и унести из Кранкуларна все лекарства?

— Надеюсь, этого не случится, хотя чем черт не шутит. Они украли мою карту.

— Подумаешь, потеря. Не горюй. — Жеребец захрустел пуч-

ком фиолетовых ормодов с лепестками, отливающими аметистовой эмалью. Перетираемые зубами единорога цветы гудели. — Я знаю дорогу.

— Нам говорили, будто Кранкуларн передвигается.

— Только в чьем-то воображении. Это слухи, а распускает их тот, кто пересекал город, но даже не подозревал об этом, или ходил вокруг него, как слепой. Вот и сочинил, будто Кранкуларн перемещается. Вовсе он не перемещается, просто разыскать его бывает нелегко — надо очень захотеть. Можешь мне поверить, я об этом от знающих парней слышал. И берусь вас туда довести.

— Чертовски нехилая идея, — признал Мадж. Он злился на себя: «Чем тебе так досадил этот единорог, и почему ты его боишься? Дром — парняга славный, что, разве не так? И ты ничем не смахиваешь на английского скакуна. Или ты ни разу не слыхал пословицы «Дареному единорогу в зубы не смотрят»? Хватит дергаться, чувак, расслабься... Смотри, четвероногий тащил тебя и Джон-Тома всю дорогу от Хаткаровых угодий и даже ни разу не закапризничал. Да ежели скакать на нем поочередно, можно запросто обогнать старого мудака и его шлюшку-пособницу».

Они быстро продвигались на запад, но бывшие друзья как в воду канули.

И когда наконец четверо скитальцев достигли окраины самого Кранкуларна, Джон-Тому едва поверилось в это. В пути у него наполовину созрела убежденность, что город существует только в воображении Клотагорба. Однако он ошибался.

Нет, город существовал в действительности, и вот, столько раз побывав на волоске от смерти, оставив позади Нижесредние болота, Глиттергейст и бесчисленные холмы и овраги, Джон-Том узрел свою цель... И был более чем разочарован.

Фон выглядел весьма впечатляюще: покрытый густым лесом и слегка дымящийся вулкан. Зато сам город навевал не меньшее уныние, чем грязный мещанский Линчбени. Полуразрушенные лачуги, обветшалые двух- и трехэтажные дома из дерева и глины прятались друг за дружку, словно страшились прямых солнечных лучей. К улицам и уродливым, крытым шифером строениям цеплялся сажистый туман. На подступах к городу в ноздри путешественников полезла знакомая вонь: запахи немытых представителей самых разных зоологических видов в сочетании с «ароматом» открытой канализационной системы. Из Джон-Тома быстро выветрилось появившееся поначалу воодушевление.

Массивные дубы и клены, растущие в самом городе, давали куда больше тени, чем требовалось его обитателям, и кое-где даже ухитрялись потеснить здания. Джон-Том хотел было спросить Дрома, туда ли они пришли, но тут единорог встал на дыбы и едва не скинул его и Маджа. Тигрица, зарычав, приняла защитную стойку.

Прямо на них, изрыгая дым и яростный рев, несся демон о трех ногах. На его спине ехал кролик в широкополой фетровой шляпе, муслиновой рубашке с длинными рукавами, расстегнутой на груди, и короткой розовато-лиловой юбке наподобие килта — излюбленной одежде разумных форм жизни этого мира. Огромные задние лапы кролика были босы.

Возле путников демон затормозил. Сделав глубокий вдох, Джон-Том поспешил успокоить товарищей:

— Все в порядке. Он нам не опасен.

— С чего ты взял, Джон-Том? — Розарык не убрала лап с эфесов мечей.

— Я знаю, что это такое. Трехколесный вездеход «Хонда Эй-Ти-Си», — объяснил он, любуясь красным демоном. — Ишь ты, даже с автоматикой. А я и не знал, что «Хонда» выпускает «Эй-Ти-Си» с автоматикой.

— Подходящее имечко для демона, — пробормотал Мадж.

— Хой-хо! — довольно воскликнул кролик и завел мотор. — Ребятки, могу я вам помочь?

— Конечно, можете. — Джон-Том показал на вездеход. — Где вы его раздобыли?

Мотор взревел, и Дром в страхе отпрянул.

— В лавке «То, не знаю что». А то где же?

Вот тут-то Джон-Тома и охватил восторг. Стало быть, Клотагорб ничего не выдумал. Здесь действует очень мощное колдовство, иначе как объяснить сверхъестественное появление «Эй-Ти-Си» в этом мире?

— Туда-то нам и надо.

— Понятно, — кивнул кролик. — Славно, что вы решили сюда заглянуть. А то, знаете, туристы к нам в Кранкуларн нечасто забредают. Почему-то стараются обойти нас стороной.

— Может, из-за вашей расчудесной репутации? — предположил Мадж.

Кролик оценивающе посмотрел на них.

— Иноземцы. Не знаю, захочет ли Снут вас обслуживать. Не очень-то она жалует чужаков. — Он повел плечами. — Хотя не мое это дело. Попробуйте. Может, что и выйдет.

— Снут? А кто это? — спросил Джон-Том.

— Хозяйка «Того, не знаю чего». — Кролик оглянулся и показал себе за плечо: — Пройдете через город, а там — по северной тропе, что огибает гору по подошве. Лавчонка Снут маленько на отшибе. — Он повернул голову и окинул незнакомцев последним пристальным взглядом. — Жалко вы смотритесь, ребятки. Не знаю, за чем вы идете в лавку, только вам понадобится все ваше везение, чтобы выйти оттуда не с пустыми руками. Эх, нет у вас моей лапки — на счастье.

Кролик газанул, и вездеход, взревывая и подскакивая, умчался в лес.

— И все-таки это был демон, — прошептал Мадж.

— Не демон, а всего-навсего машина. Из моего мира.

— Не хотела бы я жить в твоем михе, Джон-Том. — Розарык состроила гримасу. — Какой шум! А вони-то, вони!

Джон-Том понимал: машина перенесена с помощью волшебства, превосходящего Клотагорбово. У него быстрее забилось сердце. Если Снут умеет перетаскивать в этот мир такие громоздкие предметы, как вездеход со склада в Киото, Лос-Анджелесе или Торонто, ей, наверное, под силу и отослать кое-что в один из этих городов.

Или кое-кого.

Но по пути через Кранкуларн он не разрешил себе привыкать к этой мысли.

Большинство жителей, занятых своими делами или скучающих, не обращали внимания на пришельцев. Многие пользовались или играли вещами явно нездешнего происхождения. Все настырнее в голову Джон-Тома лезли мысли о шансах на возвращение. Может, эта Снут вовсе не волшебница, а простая местная купчиха, которой посчастливилось наткнуться на анизотропные ворота между измерениями или нечто в этом роде?

Мадж указал спутникам на бродячего менестреля. Маленькая мышь весьма сносно наяривала польку — но не на дуаре, рульлире или лающей флейте, а на синтезаторе «Касиотон 8500». «Интересно, как она запоет, когда сядут батарейки?» — подумал Джон-Том.

Далеко не все запредельные вещи, попадавшиеся на глаза, были созданы в его мире. Вместо вывески над заведением, которое Джон-Том поначалу принял за рыбную лавку, висел шар; вращаясь и переливаясь красным и белым сиянием, он демонстрировал то название заведения, то имя владельца. Шар держался в воздухе, похоже, сам по себе. На глазах у путников он принял форму сначала рыбы, а затем нескольких самок разных видов, причем в весьма вызывающих позах.

Секс продается, напомнил себе Джон-Том. Любой, даже рыбий. Он подошел к заведению и встал под шаром. Никакой опоры, никакой энергоподпитки — чем же, спрашивается, объяснить фотонную пластичность шара? В одном лишь он был уверен: эта вещь — не из его родного измерения.

Как и инструмент, которым старый мандрил пилил дрова. У него была рукоять, как у обычной металлической пилы, а вот вместо острозубого полотна — блестящий стержень не более четверти дюйма в диаметре. Обезьяне достаточно было подтягивать перчатки, выбирать полено и, взявшись обеими руками за рукоять, опускать на него тонкий стержень, режущий дерево, словно масло.

Следовательно, существуют и другие миры, и у этой Снут, очевидно, есть доступ к товарам многих из них. Шагая по городской

улице, юноша размышлял о реакции спутников на появление вездехода. Обитатели мира магии, незнакомые с двигателями внутреннего сгорания, не могли не принять эту шумную машину за демона. В Кранкуларне чужих машин хватало. Стоило ли удивляться, что он пользуется дурной репутацией?

Зато горожане держались спокойно и вполне уверенно, и это роднило их с жителями других городов и селений, где довелось побывать Джон-Тому. В том, что они свыклись с многочисленными чужеродными артефактами, не было ничего противоестественного. Приспособляемость разумных существ независимо от их размеров и видовой принадлежности поистине безгранична. В мире Джон-Тома каких-нибудь сто лет назад переносной телевизор или калькулятор показались бы колдовством даже просвещенным гражданам, которые, однако, охотно нашли бы им применение. Если уж на то пошло, многие ли из его современников полностью понимают, за счет чего достигаются точность и быстрая работа компьютеров? Разумные существа готовы ежедневно брать на вооружение все новые непостижимые устройства, на чем бы они ни работали — на щелочных батарейках или на таинственных заклинаниях.

Джон-Том и его друзья уже покидали город. Следом лениво плыл туман, да кое-кто из жителей провожал их равнодушным взглядом. На плодородных склонах вулкана росли огромные деревья, они миролюбиво перешептывались о чем-то над головами путников.

Расспросы о Яльваре и Глупости не дали никаких результатов. Либо эта парочка заблудилась, либо преследователям с помощью Дрома удалось ее опередить. В душе у Джон-Тома шевельнулась печаль: ему все еще не верилось, что Глупость помогла хорьку украсть карту.

Но сейчас не время об этом думать. По словам кролика, в магазине у Снут могут возникнуть сложности. Джон-Том ломал голову, сочиняя проникновенную речь. Им нужен сущий пустяк. Лекарство. Никаких мудреных диковин вроде шара или беззубой пилы. Его рука потянулась к трубке, висящей на шее. В ней хранился рецепт снадобья, жизненно необходимого Клотагорбу. Не для того Джон-Том тащился с ним в такую даль, чтобы вернуться с пустыми руками.

Напрасно высматривали они на обочинах рекламную доску или еще какой-нибудь знак близости магазина. Наконец, обогнув кипу дубов, они увидели простенькое одноэтажное деревянное строение, притулившееся к скалам. В центре фасада перекошенная деревянная дверь загораживала вход, на широкое крыльцо падала тень от козырька.

Еще на крыльце стояло два пустых кресла-качалки. Дранки на скате крыши, заползавшей, казалось, на скалу, давно нуждались в замене. По всей видимости, общая площадь этого соору-

жения не превышала тысячи квадратных футов. То есть для сочетания жилья, магазина и склада — маловато.

Когда они подошли поближе, из дома появилось существо и уселось в кресло-качалку, отозвавшуюся жалобным скрипом. Природный ржавый окрас этого кенгуру сливался с алым цветом фуфайки и килта, покроем напоминавшего кроличий. Самый широкий из нескольких карманов находился на животе — видимо, обеспечивал доступ к сумке. Джон-Том пригляделся, но не смог определить, действительно ли в сумке есть детеныш, или ему только показалось, что у кенгурихи подрагивает низ живота. Не имея представления об этикете прыгающих сумчатых, юноша счел за лучшее не спрашивать об этом.

На морде кенгуру посверкивали старушечьи очки с шестиугольными линзами, а на шее — тяжелое ожерелье из бирюзы, черного оникса и малахита. Правое запястье украшал хорошо подобранный браслет, а в зубах дымилась трубка из кукурузного початка. Время от времени она перемещалась из одного угла пасти в другой.

Джон-Том остановился у нижней ступеньки крыльца.

— Простите, это вы Снут?

— Надо полагать, — ответила кенгуриха, покачиваясь в кресле, — поскольку больше никто в округе такого имени не носит. — Она вынула из пасти трубку и задумчиво посмотрела на пришельцев. — Вы, ребята, не из здешних мест. Чем могу служить?

— Мы забрались к черту на кулички, чтобы слегка отовариться, — ответил Джон-Том.

Она вздохнула.

— Этого-то я и боялась. Только со всем разберешься, присядешь отдохнуть — и вот нате вам. Ох уж мне эти пересчеты номинальных цен на валюту по курсу...

У Джон-Тома глаза на лоб полезли от изумления.

— Но ведь так говорят в моем мире!

— Правда? Попутешествуйте с мое, тоже будете путаться.

Джон-Том решил тянуть за ниточку с предельной осторожностью — кроличье предостережение не шло у него из головы.

— Мы вовсе не хотим вас беспокоить. Можем и до завтра подождать. — Он попытался заглянуть в магазин. — Кстати, не было ли тут в последнее время одного-двух посетителей? Старого хорька, а с ним, возможно, человеческой самки? — Он затаил дыхание.

Кенгуриха почесала подбородок свободной лапой.

— Не-а. С такими приметами — никого. И вообще ко мне уже давненько не заходили негородские покупатели.

Джон-Том не стал указывать кенгуру на неуместность слова «негородские» в данном контексте, предпочтя этому краткий миг торжества. Они победили! С помощью Дрома опередили Яльвара в гонке к Кранкуларну. Наконец-то можно успокоиться. То, ради

чего они совершили долгое и трудное путешествие, считай, уже у них в руках.

— Ну что ж, не хотим нарушать вашу сиесту. — Он повернулся спиной к кенгуру. — Лучше зайдем завтра.

Рядом промелькнула маленькая коричневая тень. Мадж принял на нижней ступеньке агрессивную стойку.

— Нет уж, начальник, давай-ка чуток задержимся. — Выдр пригвоздил хозяйку магазина желчным взглядом. — Неужто именно про этот свинарник я тока и слышу последние две недели? Неужто эта вшивая развалюха и есть чудесный, удивительный, величественный магазин «То, не знаю что»? И неужто ты — его хозяйка?

Снут кивнула.

— М-да-а, — с омерзением протянул Мадж. — Сам бы ни за что не догадался.

— Мадж! — Джон-Том гневно схватил выдра за плечо.

Однако кенгуриха ничуть не выглядела оскорбленной.

— Первое впечатление, мой маленький пушистый родственник, бывает обманчивым. — Снут повернулась к Джон-Тому и встала на огромные мощные ноги. Ростом она не уступала ему. Хлипкие доски крыльца затрещали под ее тяжестью. — Судя по вашему облику, вы проделали немалый путь. Кроме кранкуларнцев, большинство покупателей прибывает ко мне издалека, причем иные — самыми окольными путями. Кое-кто из них возвращается ни с чем. — Она показала старую дощечку с выцветшими каракулями, приколоченную к двери. Надпись гласила:

«АДМИНИСТРАЦИЯ ОСТАВЛЯЕТ ЗА СОБОЙ ПРАВО ОТКАЗА В ЛЮБОЙ УСЛУГЕ»

— Но ведь мы не ради себя хотим просить вас о помощи, — сказал Джон-Том, — а ради великого волшебника, живущего в Колоколесье за Глиттергейстом. Его зовут Клотагорб.

— Клотагорб? — Глаза за старушечьими очками сощурились, ладонь зависла футах в четырех над крыльцом. — Старая черепаха? Вот такого роста?

Джон-Том азартно кивнул.

— Он самый. Вы знакомы?

— Лично — нет, но наслышана. В своем ремесле он почти на вершине.

Такой отзыв произвел впечатление даже на скептика Маджа, всегда считавшего Клотагорба, самое большее, талантливым факиром-полумаразматиком, которому разок-другой чисто случайно улыбнулась удача.

— А что с ним?

Джон-Том повозился с трубкой и наконец выковырнул бумажку.

— Он говорит, что умирает и мучается ужасными болями. И что вот это способно его исцелить.

Снут взяла записку, поправила очки и прочла, шевеля губами.

— Так, так... Думаю, найдется. — Она оглянулась на Джон-Тома. — Преданность наставнику делает вам честь.

Вместо гордости эта похвала вызвала легкий стыд — ведь от здоровья Клотагорба зависело возвращение Джон-Тома на родину. Еще неизвестно, согласился бы он идти за лекарством для старика, если бы все обстояло иначе.

— Вы переоцениваете мой альтруизм.

— Едва ли. — Кенгуриха одарила юношу очень необычным взглядом. — Из вас может получиться неплохой судья. Ваши добрые инстинкты побеждают здравый смысл.

Уже во второй раз возле этого магазина у Джон-Тома округлились глаза.

— Откуда вы знаете, что я изучаю право?

— Просто догадалась, — рассеянно ответила Снут, явно не желая развивать эту тему. И протянула рецепт. — Можно, я оставлю это у себя?

Джон-Том пожал плечами.

— Почему бы и нет? Нам нужно только лекарство.

Она аккуратно положила записку в сумку, и Джон-Тому снова показалось, будто там кто-то шевелится. Если у Снут есть детеныш, то он либо очень мал, либо стеснителен.

— Входите. — Она повернулась и открыла дверь нараспашку.

Посетители поднялись на крыльцо и переступили порог. Гостиная была обставлена в простеньком калейдоскопическом стиле. Справа от входа стояло еще одно кресло-качалка, только не из дерева, а из прозрачных мыльных пузырей, облепивших тонкий металлический каркас. Пузыри медленно передвигались, всем своим видом демонстрируя готовность лопнуть в любую секунду.

— Неужели вы на этом сидите? — полюбопытствовала Розарык.

— А оно вряд ли еще на что-то годится. Хотите попробовать?

— Боже упаси! — отказалась тигрица. — До него же кончиком хвоста не дотхонешься — схазу лопнет.

— Не думаю, — спокойно и уверенно ответила кенгуриха.

Розарык неохотно приняла приглашение и осторожно уселась в кресло. Мыльные пузыри подались под ее тяжестью, но не полопались, а как ни в чем не бывало стали переползать с места на место, легонько массируя спину сидящей. Почти тотчас раздалось громкое мурлыканье.

— Сколько? — спросила Розарык.

— Извините. Демонстрационная модель. Не продается.

— Вставай, Розарык, — позвал Джон-Том. — Мы не за этим пришли.

Она неохотно покинула ласковое кресло.

Пока они пересекали комнату, Джон-Том увидел катушечный магнитофон, печь СВЧ и множество иных знакомых аппаратов вперемешку с абсолютно чужеродными. Снут подвела гостей к другой двери, завешенной темными керамическими полосками; за ней оказалась кладовая, набитая всевозможным хламом. Слева виднелась ванная комната.

Вторая висячая решетка пропустила их на склад.

У Джон-Тома потемнело в глазах. Рядом невнятно зашипела Розарык, и даже говорливый Мадж утратил дар речи. От изумления Дром шумно втянул воздух.

Магазин помещался в горе, по всей видимости, занимая ее целиком.

Глава 15

Перед ними тянулся проход между длинными рядами металлических стеллажей, поднимавшихся вверх футов на двадцать (то есть до середины высоты помещения) и заполненных товарами в коробках, ящиках и без упаковки. Пустые места на полках можно было пересчитать по пальцам. Ряды стеллажей и проход сливались вдалеке в расплывающуюся точку.

Джон-Том повернулся и поглядел налево. Точно такая же картина. Он повернулся направо и увидел зеркальное отражение левой стороны.

— Мне никогда и не снилось... — начал он, но хозяйка магазина тотчас перебила:

— Да что вы, покупатель, конечно же, снилось. Все видят сны. — Она небрежно обвела вокруг себя лапой. — Здесь представлено множество миров во всем их разнообразии. Некоторые экспортируют уйму товаров, другие — совсем чуть-чуть. Я стараюсь иметь дело с солидными поставщиками. Сказать по правде, нелегкая это работенка — содержать такое заведение. Время в нем так и норовит повернуть вспять и чего только не вытворяет с товарами.

Джон-Тому никак не удавалось оторвать взгляд от бесконечных рядов.

— И как же вы здесь управляетесь в одиночку?

— Ну, прежде всего благодаря модернизации. — Она достала из бокового кармана синеватый брусок металла длиной шесть и шириной два с половиной дюйма, с прозрачной пластинкой на лицевой стороне. Джон-Том не заметил ни кнопок, ни рычажков. — Карманный компьютер.

Снут поднесла вещицу к глазам юноши. По пластинке побежали цепочки слов. Менялись языки, менялись шрифты. Дваж-

ды Снут поворачивала компьютер вертикально, и слова сыпались сверху вниз. Несколько раз они двигались справа налево. Иногда буквы исчезали, уступая место быстро чередующимся цветам, а потом на какое-то мгновение пропали и цвета. Осталась только музыка.

— Питается энергией мыслей. Удобная штучка. К сожалению, о месте ее выпуска можно только догадываться, но там определенно очень талантливые ребята. Видите?

На прозрачной пластине застыла химическая формула, а под ней — длинный ряд цифр.

— Сюда. — Снут прыжком развернулась влево и поскакала по проходу. Розарык на бегу разглядывала бескрайние ряды товаров.

— Сколько всего у вас полок?

— Точно сказать не могу, — ответила кенгуриха. — Их число постоянно меняется.

— И вы одна справляетесь с такой горой работы? — осведомился Джон-Том.

Снут кивнула.

— К этому привыкаешь. Бизнес мне по душе, да и на прибыль грех жаловаться.

— А далеко ли отсюда лекарство?

— Недалеко. За полдня доберемся. Скоро остановимся перекусить, может, возьмем скутер.

— Это что-нибудь вроде «Хонды Эй-Ти-Си», на которой носится по округе один из ваших покупателей?

— Да, «Хонда» — любимая игрушка нашего Фохарфы. Рано или поздно он с ее помощью сломает себе шею. Нет, скутер — это всего-навсего безынерционный диск. Им можно управлять посредством ощущения своей взаимосвязи с магнитным полем планеты.

Джон-Том судорожно сглотнул.

— Боюсь, у меня нет прав на вождение такой техники.

— Пустяки. Я с удовольствием прогуляюсь.

— А нельзя ли нам обзавестись этой хреновиной на обратную дорогу? — с надеждой спросил Мадж.

— Увы, это единственный экземпляр. К тому же я взяла за правило не выпускать кое-какие товары дальше Кранкуларна. И без того этот мир довольно сложен. Если забыть про осторожность, можно чрезмерно технологизировать волшебство.

— Похоже, у вас не очень быстрый оборот, — заключил Дром.

Снут на скаку пожала плечами.

— Единорог, я не гонюсь за богатством. Мне работа нравится — вот в чем главное. Она позволяет быть в курсе того, что творится в большом космосе. Торговля намного лучше сплетен и куда правдивее, чем официальные средства массовой информации.

— Стало быть, доход невелик, — решил Мадж.

— Все зависит от того, выдр, какой вам нужен доход.

Джон-Том с подозрением посмотрел на кенгуру.

— Чудно такое слышать от хозяйки магазина. А вы сами часом не волшебница?

— Кто, я? — Предположение явно шокировало кенгуриху. — Что вы, сударь. Это очень ответственная профессия, она налагает слишком много ограничений. Нет уж, спасибо. Мне куда больше по нраву мое нынешнее ремесло. Да и прожиточный минимум в Кранкуларне невысок.

Помолчав, она спросила:

— А почему вы спрашивали насчет хорька и девушки?

— Они путешествовали вместе с нами, — объяснил Джон-Том. — К сожалению, потом наши пути случайно разошлись.

— Ни хрена себе случайно! — буркнул Мадж. — Старый педик и сучка умыкнули у нас карту, и только благодаря удаче, да упрямству этого чаропевца, да географическим познаниям однорогого мы...

— Так вы чаропевец? — перебила выдра Снут, улыбнувшись Джон-Тому. — Я сразу заметила дуару, но приняла вас за обыкновенного странствующего музыканта.

— Я еще дилетант, — признался Джон-Том. — Учусь контролировать свои способности.

— Думаю, научитесь, хотя, мне кажется, еще очень не скоро.

— Понимаете, для меня это так ново... Я не о музыке, а о магии. Да мне все тут в диковинку. Я не из этого мира.

— Знаю, у вас запах иномирянина. Вы попали сюда против своей воли и очень этим огорчены. Совершенно напрасно. Новизна — лучшее удовольствие на свете. — Она указала на стеллажи. — Для меня каждый новый товар — источник восхищения.

— Охотно разделил бы ваш энтузиазм, но не могу избавиться от ностальгии. Кстати, — с надеждой спросил юноша, — поскольку вы имеете дело с чужими мирами, вас, наверное, не затруднит отправить меня домой?

— Мне ужасно жаль, — тихо ответила Снут, и у Джон-Тома не возникло даже тени сомнения в ее правдивости. — Я только получаю и распространяю товары, а переправлять людей не имею права.

Джон-Том приуныл.

— Что ж, я не особенно надеялся. Да и Клотагорб предупреждал.

— Вы бы не могли рассказать о ваших путешествиях? Как ни удивительно, многие иные миры я знаю куда лучше, чем свой собственный. Вот что бывает, когда с головой уходишь в работу.

Желая сделать хозяйке приятное, а еще притупить собственное разочарование, Джон-Том вкратце поведал ей о своих приключениях в этом долгом походе. Миновало не меньше половины

дня, прежде чем Снут наконец сообщила, что они у цели. Джон-Том поглядел вдаль. По-прежнему рядам стеллажей не было видно конца.

Здесь в пузырьках, баночках и иных контейнерах, изготовленных из незнакомых материалов, хранились медикаменты чужих миров. На двадцатифутовых стеллажах, перед которыми остановились посетители, экспонировалась вселенская фармакопея. Джон-Том увидел таблетки и капсулы, мази и бальзамы, бандажи и бинты вперемешку с не столь легко узнаваемыми вещами.

Несколько секунд Снут осматривала стеллаж, потом сверилась с металлическим бруском и скакнула на несколько ярдов дальше, чтобы взобраться на середину одной из моторизованных стремянок, которые ездили по желобам в каменном полу и доставали до верхних полок.

— Вот оно, — удовлетворенно произнесла кенгуриха, открывая самую заурядную на вид картонную коробку и извлекая пластиковый цилиндрик. — Всего одна упаковка. Придется пополнить запас. Здесь слишком мало места, я не могу держать больше одного предмета каждого наименования. Видите, вот тут сбоку — инструкция, полагаю, ваш колдун сумеет ее перевести.

— Безусловно. — Успокоенный Джон-Том потянулся к контейнеру.

— Попрошу не шевелиться!

Юноша резко обернулся, тигрица зарычала и схватилась за мечи, а выдр попытался натянуть тетиву.

— Не следует этого делать.

Из-за прозрачного ящика с замороженными цветами появилась и направилась к покупателям знакомая фигура. В лапах Яльвар держал нечто похожее на арбалет, но многозарядный. По меньшей мере три дюжины смертоносных наконечников, собранных в концентрические круги, угрожающе смотрели на Джон-Тома и его товарищей.

— Отравлены. На всех хватит, даже на тебя, хозяйка длинных зубов.

Глаза Розарык полыхнули гневом, но лапы медленно соскользнули с эфесов.

— Благоразумное решение, — кивнул Яльвар.

Джон-Том смотрел мимо него.

— Глупость? Где Глупость?

Оставшись без ответа, юноша испытал прилив воодушевления, и этому не смог помешать даже опасный поворот событий.

— Так, значит, она ушла с тобой не по своей воле? Да?

— Да, — равнодушно подтвердил Яльвар. — Но все-таки она пошла, а мне только того и надо было. Я нуждался в носильщике самых необходимых припасов и пришел к выводу, что ею будет легче манипулировать, чем любым из вас. Действительно, из нее получилась недурная вьючная лошадь. — Он самодовольно ух-

мыльнулся. — К тому же мне всегда нравилось избавлять девиц от невинности, а у нее еще оставалось кое-что.

Чудовищным напряжением воли Джон-Том подавил желание кинуться на хорька. Яльвар бдительно держал его под прицелом, готовый при малейшем угрожающем движении выпустить на волю ядовитый рой.

— Где она? Что ты с ней сделал?

— Как-нибудь на досуге я расскажу тебе об этом, мой пылкий и непрозорливый друг. — Хорек покосился на Снут. — Так это и есть бесценное лекарство, жизненно необходимое нашему славному Клотагорбу? Как интересно! Что-то мне и самому вдруг захотелось подлечиться. Эй, хозяйка, если ты не против, я заберу это снадобье.

— Кореш, — язвительно произнес Мадж, — для твоей хворобы такого плюгавого пузыречка чертовски мало.

— Ты уверен? А между тем я гораздо здоровее, чем притворялся, желая вас околпачить. Я не думал, что вы сумеете добраться сюда без карты, и потому не стал торопиться. В любом случае, полагал я, благодаря моему помощнику я всегда смогу узнать ваше местонахождение. Действительно, он оказал мне ценную услугу. В одиночку мне бы не удалось преследовать вас, держась всего в двух переходах.

— Что еще за помощник? — насторожился Джон-Том.

— Хар, человече, разве таким тоном встречают старых друзей? — прозвучал голос, который Джон-Том надеялся никогда больше не услышать. Он повернулся направо.

— Корробок!

Попугай отвесил легкий поклон.

— Как мило, что ты не забыл мое имя! А я не забыл, как ты пением околдовал наш корабль. Да, то была моя промашка. Не догадался, что у тебя на уме, думал, ты хочешь только развлечь старого Корробока. Но я был не одинок в своей надежде свидеться с тобой. Не одинок, хотя мой презренный экипаж выбрал нового капитана, после чего я едва сумел долететь до материка, где увидел знакомую диковинную лодку. Памятуя о вашей цели, я решил идти по следу и ждать — авось да и подвернется случай отплатить добром за добро. И вот однажды в лесу я заметил, как двое ушли от остальных. — Он кивнул в сторону Яльвара. — Увидав, как нежно он обращается с моей старой подружкой Глупостью, я понял: вот парень, близкий мне по духу. Поэтому я присел поболтать с ним, и после обмена любезностями мы с этим славным хорьком пришли к взаимопониманию. Хар!

— Эта птица выхежет нам сехдца и спляшет на них, — прошептала Розарык Джон-Тому. — Уж лучше сейчас напасть на мехзавцев.

— Да погоди ты, киса-переросток, — одернул ее Мадж. — Еще не все карты раскрыты. Скажешь, нет?

— Шепчитесь о чем хотите, — буркнул Яльвар. — Вам это не поможет.

Из ножен, свободно свисающих с пояса, Корробок извлек короткий тонкий меч. Отверстия в клинке придавали ему легкость и прочность. Попугай любовно погладил лезвие.

— Немало дней провел я в сладостных мечтах о нашем воссоединении. Умоляю, не давайте моему новому другу повода прикончить вас слишком быстро. Я хочу, чтобы эта встреча крепко запомнилась всем. Да, запомнилась! Видите ли, голуби, у меня больше нет ни корабля, ни экипажа. У меня осталось только это мгновение, и я не хочу его сокращать.

Джон-Тома вдруг осенило, и он повернулся к Яльвару.

— Ты служишь Цанкресте, да? Ты с самого начала служил Цанкресте. И на северном берегу Глиттергейста прибился к нам не случайно. Те громилы вовсе на тебя не нападали. Это была только инсценировка, чтобы втереться в доверие.

— Хохошо сказано, Джон-Том, — заметила Розарык.

— Ты мне вот что скажи, — спокойно продолжал Джон-Том. — Сколько тебе заплатит Цанкреста, если лекарство не достанется Клотагорбу?

Хорек захохотал, но при этом необычное оружие в его лапах даже не шелохнулось.

— Заплатит? Идиоты! Чаропевец? Ха-ха-ха! Цанкреста — это я! Колдун Гнилых Горшков, Непревзойденный Магистр Тайных Искусств, Прорицатель Неведомого и Срыватель Покровов! Дураки! Юродивые, клянчащие жалкие знания! Да вы слепы, как троглодиты Татрата, и глупы, как плесень, что цепляется за жизнь в трещинах камней.

Казалось, хорек раздувается от самодовольства, хотя ни размеры, ни его силуэт на самом деле не менялись. Но изогнутый хребет обрел жесткость, голос уже не дрожал, а глаза, ставшие вдруг бездонными, лучились нечистым внутренним светом. Вокруг него разливалась едва ощутимая зловещая темная аура.

— Я не ожидал, что кто-то из вас сумеет дойти до конца. Но там, где замешан чаропевец, пусть даже олух, нельзя быть уверенным ни в чем. Посему, когда вы сбежали из Гнилых Горшков и мои рабы потеряли след в лесах, я сам решил отправиться на поиски. Вынужден признать, меня сбило с толку дерзкое и неожиданное бегство в торфяники. Сбило, но ненадолго. Вскоре я сумел догнать вас на берегу Глиттергейста и осуществить маленький розыгрыш. Я рассчитывал управиться быстро, но, как оказалось, удача и неудача идут за вами, куда бы вас ни понесло — через океан на шлюпе и на корабле этой родственной души, даже в страну воинственных эльфов. Когда же вы ухитрились выторговать у них не только свободу, но и помощь в виде карты, я решил

раньше вас добраться до магазина «То, не знаю что» и скупить все лекарство.

И снова вы меня удивили — не умом и проницательностью, а слепой удачей. Поэтому мы с Корробоком двинулись параллельными путями по этой до нелепого огромной барахолке. Он летел поверху, время от времени уточняя ваше местонахождение, а я шел по проходу, и наконец вы любезно обнаружили для меня объект наших поисков, коим я теперь с удовольствием завладею. — Он посмотрел на Снут. — Не думаю, что у нее найдется под лапой устройство или снадобье, способное защитить ее от быстродействующего яда хрут. Как только эта склянка будет у меня, я избавлю вас от оружия и отдам под заботливую опеку моего терпеливого друга. Наверное, ему наскучат ваши вопли прежде, чем вы умрете.

Острым, точно бритва, мечом Корробок аккуратно подравнивал перья. Глаза Цанкресты затянула мечтательная поволока.

— Ах, подумать только: не за горами тот день, когда я буду стоять у смертного одра старой черепахи, держать перед ней драгоценное, так отчаянно необходимое ей снадобье, и она, протягивая слабые лапки, усладит мое сердце униженными мольбами! Воистину это будет день великого триумфа!

— Что ты сделал с Глупостью?

Цанкреста отвлекся от розовых грез:

— Ты спрашиваешь о моей вьючной лошади и заложнице? Чаропевец, я никогда тебя не боялся, но твои таланты своенравны и зачастую совершенно непредсказуемы. Противостоять невероятному бывает нелегко. К тому же приходилось учитывать пылкую натуру кое-кого из твоих спутников. Так вот, помня о вашем несдержанном и низменном нраве, я постарался хорошенько обуздать девчонку, дабы удержать от напрасной и рискованной попытки спасти вас.

— Ты ее загипнотизировал?

— Мне знаком этот термин. Да, если ты имеешь в виду, что я затуманил ее простенький разум с целью добиться послушания. Но теперь она не нужна — ни как грубая рабочая сила, ни как гарантия вашего благоразумия. — Хорек указал вдаль по проходу. — Эти стеллажи тянутся до самого центра горы, а она, как вы могли заметить, вулканического происхождения. Можно предположить, что все проходы заканчиваются в весьма горячем местечке. Вероятно, там хранятся товары, требующие постоянного тепла. Я и сам сделан не изо льда, а потому отпустил девчонку, позволив ей брести до конца прохода. На судне Корробока она приобрела темный окрас. Осмелюсь предположить, что в центре горы он сразу сменится на пунцовый.

Джон-Том отступил на шаг, и Цанкреста поднял необычный самострел.

— Пусть идет. Она — ничто.

За спиной Розарык блеснуло золото. Снова Цанкреста вскинул оружие, но на его лапу легло пернатое крыло.

— Не надо, — прорычал Корробок. — Пускай рогатый идет. С ним я не ссорился. Все равно он не успеет спасти девчонку. А мне эта троица нужна живьем и в полном сознании. — Он направился к лестнице, одним крылом держа меч, а другую протягивая к Снут. — Лекарство, ведьма! Если, конечно, не возражаешь.

— Как вам угодно.

— Нет! — воскликнул Джон-Том. — Не отдавайте.

— Я не участвую в вашей междуусобице, — твердо ответила кенгуриха. — Разбирайтесь сами. — Снут бросила драгоценный контейнер. — Вот, ловите.

Корробок не успел схватить маленький пластиковый цилиндр. Он ударился об пол и тотчас выплюнул густую тучу черного дыма.

Джон-Том бросился в сторону и вниз. Тренькнула тетива, и он ощутил удар по голенищу сапога. Остальные стрелы, не причиняя вреда, забарабанили по спине, прикрытой толстой накидкой из ящеричьей кожи. Он не услышал криков боли и молил бога, чтобы от оружия Цанкресты не пострадали его друзья. Поднимаясь, юноша изготовил посох к бою, но в ту же секунду решил, что против Корробока мечи Розарык и лук Маджа сгодятся лучше, а ему надо взять на себя волшебника. Поэтому он отбросил посох и ухватился за дуару. На память пришла старая мелодия «Муди Блюз», вполне подходящая для борьбы со злом.

Он заиграл и запел.

Это сразу возымело желаемое действие. Едва начал рассеиваться дым, Джон-Том услышал стоны хорька, а вскоре увидел, как тот пятится, шатаясь и держась за голову.

Но Цанкреста был не из тех, кто легко сдается. Собравшись с силами, он метнул в Джон-Тома пылающий взгляд и продекламировал:

Все, конец тебе, юнец,
Не спасет меч-кладенец,
Ломай, круши, дави, герпетологический борец!

Пальцы чародея удлинились, обернулись могучими удавами и, корчась и извиваясь, потянулись к Джон-Тому. Юноша не мог с уверенностью сказать, в чем тут причина — в страхе за Глупость или за себя, а может, в неистовой ярости, — но музыка звучала в самой его душе, и он, не пропуская ни ноты, перешел на скользящую мелодию «Джефферсон Эаплейн». Змеи сморщились, съежились и превратились в пальцы хорька. Но Цанкреста не стушевался и вновь протянул к Джон-Тому лапы.

Ксилема, целлюлоза, древесина сдавленная!
Зародыш твердейшего дерева, срок твой настал!
Хлорофиллическая трансформация, яви себя!
Дай мне оружие длинное, ровное, острое
И крепкое, словно камень!

Деревянный рожон, возникший из воздуха и метнувшийся в грудь Джон-Тома, был толщиной с небольшое дерево. Из его заостренного конца вырвалось несколько ветвей. Он разрастался на лету, выпуская корни и листья. Джон-Том едва успел переключиться на «Пироманию» «Деф Лепард».

Огромное растущее копье взорвалось, превратилось в огненный шар. Силой взрыва Цанкресту опрокинуло навзничь. Джон-Тому это дало время выяснить, как идут дела у его друзей. Они остались невредимы, хотя на полу в проходе крови было немало. Вся она проистекала из одного источника, утыканного зелеными и синими перьями. В сторонке лежал клювастый череп, еще дальше — нога, на полупустом стеллаже — пара крыльев. Морда и когти Розарык тоже были в крови в отличие от обоих клинков, так и не покинувших ножен. Тигрица прекрасно обошлась без них, расчленив Корробока столь же ловко и аккуратно, как Джон-Том делил на части жареных цыплят.

Мадж прошел вперед и вскинул лук, чтобы всадить стрелу в Цанкресту. Подняв лапу, волшебник небрежно пробормотал одно-единственное слово, и стрела обратилась в труху еще до того, как раскрошилась о бедро хорька. А тем временем Джон-Том с тревогой думал о Глупости. Если Дром не успеет настичь ее прежде, чем...

Заметив, что самый опасный противник отвлекся, Цанкреста взмахнул над головой лапой и зычно произнес заклинание. Между ним и чаропевцем образовалась черная тучка. Зловеще раскатился гром.

Джон-Том едва успел выкрикнуть нужные слова из песни Прокола Харума и заслониться дуарой от молнии, выскочившей из тучи. Дуара поглотила разряд, однако удар был столь силен, что Джон-Том с трудом устоял на ногах.

Впервые в глазах Цанкресты мелькнул страх. Страх, но не отчаяние. Еще не отчаяние. Хорек злобно взирал на недруга, не пытаясь запахнуть на себе гнилые лохмотья.

— Значит, это не случайно, — пробормотал он. — Не в одной удаче дело. Я этого опасался, но не принимал слишком близко к сердцу. Выходит, напрасно. Думаешь, ты победил, да? Думаешь, сломил меня? — Он поглядел вверх, на лестницу, где стояла Снут с настоящим лекарством в лапах. Цанкреста так бдительно следил за Джон-Томом, что не заметил, как хозяйка магазина подменила лекарство дымовой шашкой. — Все вы думаете, что я раздавлен. Так вот, знайте: вы жестоко ошибаетесь! Меня, Цанкресту, вам не одолеть, ибо я учел все, вплоть до последней мелочи,

какой бы мизерной и невероятной она ни казалась. Я даже допустил, что этот желторотый чаропевец может обладать ничтожной толикой таланта.

— Ну, так давай, сделай меня! — Джон-Том казался себе десятифутовым великаном. В нем бурлила энергия, из него рвалась музыка. Пальцы его звенели, дуара казалась третьей рукой. Он вознесся на высоту звезд, что поют перед тысячами слушателей в огромных концертных залах и на аренах. Он только что не левитировал. — Давай, Цанкреста, — подзуживал он волшебника. — Покажи, на что ты способен. Выплесни всю свою мерзость. На любой твой трюк у меня найдется песенка, и когда ты выдохнешься... — В его голове уже звучал мотивчик, которым он собирался закончить поединок. — ...когда ты выдохнешься, Яльвар-Цанкреста, я спою тебе отходную.

Хорек пожевал губами и грустно покачал головой.

— Бедный, простенький эмигрант поневоле! Неужели ты всерьез веришь, что я так жалок? Да я знаю сотню мощнейших заклинаний, я помню тысячу страшнейших проклятий. Но ты прав. Я понимаю, против твоей музыки они бессильны.

Что-то не так, подумал Джон-Том. Цанкреста должен молить о пощаде, а он по-прежнему хладнокровен.

— Да, твоя музыка могущественна, чаропевец. Но ты — слаб. Вот тут. — Хорек постучал себя по голове. — А я, да будет тебе известно, заранее приготовился ко всему. — Он посмотрел направо. — Черрок, ты мне нужен.

Из ниши на полупустом стеллаже появилась новая фигура. Джон-Том принял защитную стойку: пальцы на дуаре, в голове — обойма контрпесен.

Однако новый персонаж не вызвал у него никакого страха. Хотя бы потому, что был совершенно невзрачен. Рост пересмешника едва достигал трех футов — еще меньше, чем у Корробока. Носил он очень неброский черный килт с желто-бежевым узором, ладно пригнанную к фигуре желтую жилетку без рисунка и желтое кепи.

Цанкреста царственным жестом указал на Джон-Тома.

— Вот тот, о ком я говорил. Сделай то, за что тебе заплачено.

Пересмешник тщательно отряхнулся, упер в бедра гибкие кончики крыльев, свесил голову и покосился на Джон-Тома.

— Я слыхал от Цанкресты, будто ты — лучший.

— Лучший — в чем?

Пересмешник потянулся крылом за плечо. Розарык и Мадж напряглись, но птица достала не стрелу и не дротик, а плоскую деревянную коробку с тремя рядами струн на верхней планке.

— Сайхид, — прошептала Розарык.

Черрок угнездил под крылом удивительный инструмент, а на другом крыле согнул жесткие перья.

— Сейчас узнаем, кто из нас лучший.

— Чтоб меня прищучили за мамашу мэра, — прохрипел ошарашенный Мадж. — Этот чертов ублюдок тоже чаропевец!

Глава 16

— Это, — с гордостью ответил пересмешник, — я самый и есть.

— Послушай, дружище, — произнес Джон-Том, как только дуара успокаивающе прижалась к его ребрам, — я с тобою незнаком и не вижу причины для драки. Если ты не глухой, то наверняка разобрался, в чем тут дело, кто из нас хороший, а кто — на стороне зла.

— Зла-шизла, — хмыкнул пересмешник. — Я простой деревенский чаропевец. Не мое это ремесло — рассуждать о нравственности. Я, знай себе, играю музыку, а всем остальным пускай занимаются солиситоры и судьи. — Перья рывком опустились к рядам струн. — Приступим, человече.

Голос из пернатого горла звучал нежно и сладостно, тогда как Джон-Томов — грубо и хрипло, и пересмешник без особых усилий достигал октав, о которых человек мог только мечтать.

Ну-ну, мрачно подумал Джон-Том, видя, как хорек расплывается в улыбке, ничего, мы еще поглядим, кто из нас лиричнее, изобретательнее и виртуознее. На крайний случай у него оставались энтузиазм и самая обыкновенная громкость.

Гора погромыхивала, стеллажи содрогались. Пол под ногами ходил ходуном, с потолка сыпалась каменная пыль, а двое чаропевцев швыряли друг в друга убийственными фразами и сокрушительными ритмами. Черрок пел о злых языках и разбитых сердцах, о духовных муках и неверии в себя. Джон-Том парировал схожими по содержанию куплетами «Куин», «Стоунз», Пэт Бенатар и «Флитвуд Мэк». Лязгающие аккорды пересмешника разбивались об аккорды «Клэш». Птице даже пришлось звать на подмогу разбитое воинство Броненосного народа, и Джон-Том вынужден был очень шустро пошевелить мозгами, чтобы отбиться тяжеловесной «Новой волной» Адама Анта.

Пока чаропевцы сражались, Мадж норовил воткнуть стрелу в Цанкресту. Но хорек, знавший мастерское обращение выдра с длинным луком, всячески старался не стать удобной мишенью.

В конце концов Джон-Том почувствовал: какими бы ни были последствия, необходим перерыв. У него перехватывало дыхание, а пальцы онемели и кровоточили от непрестанного щипания струн. И, что хуже всего, горло саднило, словно разодранное наждаком, и все настойчивее грозило пожизненной хрипотой.

Но и противнику в этой суровой дуэли приходилось несклад-

ко. Черрок уже не оправлял горделиво перья после каждой песни, да и самоуверенностью от него больше не веяло.

Поэтому Джон-Том отважился на совершенно иную тактику.

— Слышь, приятель, вот эта последняя песенка, ну, про подгатого слоника с ножичком... Славно, ей-богу. Кой-какие переходы — просто смак. Мне бы так не суметь.

— Пальцы, — просипела птица, — не всегда лучше перьев. — В подтверждение своих слов она подняла правое крыло и помахала его гибким краешком. — Да ты и сам не лыком шит. Как это там у тебя, про грязные дела, что стоят очень дешево?..

— «Эй-Си Ди-Си», — устало ответил Джон-Том. — Я рассчитывал вызвать нескольких убийц-берсеркеров. Черта с два.

— И все-таки хорошая попытка, — похвалил Черрок. — Я почти ощутил нож возле горла.

Цанкреста шагнул вперед, заботясь о том, чтобы орудие расправы заслоняло его от Маджа.

— Это еще что такое? Я плачу не за светскую беседу с этим человеком! Я плачу за убийство!

Черрок повернулся к волшебнику. Его глаза недобро сощурились.

— Уж потерпите минутку, господин Цанкреста. Вы мое чаропение купили, а не душу.

— Мне тут только экзистенциализма не хватало, мужлан чирикающий! Делай что тебе велено!

Пересмешник даже бровью не повел.

— А я и делаю. — Он кивнул в сторону Джон-Тома. — Этот парень чертовски силен. Может, даже получше меня.

— Не знаю, кто из нас лучше, да и знать не желаю, — зачастил Джон-Том, — но поешь ты, словно буря, а играешь, как дьявол. Дорого бы я дал, чтобы научиться твоей последней песенке. — Он сыграл аккорд. — Может, пяти пальцев и маловато, но ужасно тянет попробовать.

— Ну, не знаю... У дуара только два набора струн, а у моего сайрида — три. Впрочем, ежели ты и пропустишь ноту-другую... — Пересмешник поднялся и шагнул к юноше. — Давай поглядим.

— Прекратить братание с врагом! — рявкнул Цанкреста, удерживая пересмешника за плечо. Черрок стряхнул его лапу.

— Может, он вовсе не враг.

— Конечно, не враг! — Воодушевясь, Джон-Том двинулся навстречу птице. — Работа есть работа, но зачем двум профессионалам бить друг другу носы? — Подойдя к Черроку, он по-товарищески обнял его за плечи; для этого пришлось нагнуться. — Певец, это не твоя война. Музыкантам-волшебникам нашего калибра междуусобица ни к чему. Наоборот, нужно сотрудничество. Ты только вообрази, каких чудес мы натворим, если объединимся! Даешь не поединок, а джем-сейшн!

— А что, мне это нравится. — Черрок зашарил глазами по проходу. — Где тут ягоды?

— Да я не про обычный джем. Я имею в виду совместную игру. Дуэт поющих колдунов.

В жилет пересмешника вцепилась когтистая пятерня.

— Не допущу! — заорал хорек, подпрыгивая на коротких лапах. — Не позволю! Я тебе заплатил, и хорошо заплатил! У нас договор! Слишком многое поставлено на кон...

— Ага, в том числе и моя репутация, — холодно перебил Черрок и перевел взгляд на Джон-Тома. — Но ведь это несложно уладить между друзьями, верно? Ну, а деньги... — Он снова повернулся к волшебнику. — Деньги ты можешь забрать. Кажется, мне неохота...

— Берегись, приятель! — Выдр кинулся грудью на Цанкресту. Еще миг — и кинжал хорька, подло спрятанный под крылом ни о чем не подозревающей птицы, поразил бы Джон-Тома. Двое хищников, сплетясь в клубок, покатились по полу.

— Дежжи его, сахахный! — Розарык спешила Маджу на подмогу, демонстрируя готовность сковырнуть голову колдуна с такой же легкостью, как пробку с бутылки.

Но хорек уже с трудом поднимался на задние лапы, оставив на полу окровавленного Маджа. Продемонстрировав невероятное проворство, он избежал молниеносного прыжка Розарык и вскарабкался на ближайший стеллаж. Посыпались коробки и ящики; раздраженно отбивая импровизированные снаряды, тигрица выискивала свою добычу. Затем полезла следом за ней — медленно, но неотвратимо.

А Джон-Том склонился над Маджем, обеими лапами зажимающим кинжальную рану.

— Вот и все, шеф, — еле слышно произнес выдр, глядя на друга сквозь полусмеженные веки. — Кранты, помираю. А ведь я знал: когда-нибудь это случится. Да тока не ожидал, что так рано, да еще в какой-то поганой лавчонке на полпути к краю света. Я в том смысле, что собирался дать дуба в своей постели. — Прозрачные коричневые глаза были полны тоски и скорби. — А ведь славно мы с тобой погуляли, а, кореш? Случалось нам и похохотать до упаду, и поиграть со смертью. Да, парень, будет тебе о чем спеть... — Веки сомкнулись, затем слабо приоткрылись. — Жалко, что все так кончилось. Ежели у тебя осталась еще одна песенка, посвяти ее старине Маджу. И пусть это будет песенка про золото, чаропевец. Не суждено мне помереть в своей койке, так может, я найду покой под грудой золота, а? Закопай меня под этим мусором, и я свалю отсюда счастливым...

Джон-Том опустился на колени рядом с неподвижным выдром, приподнял одной рукой его голову и спокойно заявил:

— Мадж, кинжал вошел от силы на полдюйма, и кровь почти

не идет. Если хочешь вытрясти из меня золотишко, изобрети что-нибудь получше.

— Золотишко? — жалобно спросил выдр. — Да что ты, кореш! Неужто решил, будто я в такое время способен ловчить, выманивая у волшебника золото? За кого ты меня держишь?

Джон-Том не ответил.

Маджразвел лапами, и его глаза округлились от изумления.

— Ну, надо же! Да ты тока посмотри! Заживает, приятель! А все благодаря твоей магии. Спасибо, шеф, спасибо! Никогда этого не забуду.

— В этом я не сомневаюсь, — брезгливо сказал Джон-Том. Он встал, и затылок Маджа стукнулся о пол.

— Ай! Ах ты, чертов хитрожопый, долговязый, безголосый всезнайка и сукин...

Не дослушав до конца, Джон-Том повернулся и посмотрел в глубину прохода. Но в колдовском дыму и в пыли, опустившейся со свода, было совершенно не видать Цанкресты и кровожадной тигрицы. Битва переместилась в другой проход, на другой ряд стеллажей. Исчезла и Снут, и это было понятно: владелица магазина предпочла дожидаться исхода битвы в безопасном укрытии. Точно так же, наверное, поступил бы и Джон-Том, случись ему поменяться местами с кенгуру.

— Вставай, Мадж, — нетерпеливо велел он. — Надо помочь Розарык.

Все еще зажимая лапой легкую рану, выдр поднялся.

— Да брось ты, чувак, зачем этой горной гряде наша помощь. Конечно, я пособлю ее искать, но даю башку на отсечение, что она раньше нас доберется до этого хмыря Цанкресты. — Мадж поморщился, рассматривая рану. — Вот паскудник! Такую жилетку испортил!

— Погоди! — Джон-Том вгляделся в дым. — Кажется, она идет.

Но вернулась не тигрица. Существо рысило на четырех ногах, и его золотистая шкура поблескивала даже в полумраке. На спине единорога, обхватив его шею, ехала девушка — красная, как вареный омар.

Весь в поту и мыле, Дром остановился возле Джон-Тома и Маджа.

— Жарко, — сказал он, хоть это было ясно и так. — Чуть не испекся.

Глупость сползла на руки юноше. Она была без сознания.

— Шагала, как лунатик, прямиком к жерлу. Едва успел перехватить.

— Джон-Том...

Он держал ее осторожно — этого требовал обширнейший ожог первой степени.

— Я... не понимала, что происходит, что я делаю. Яльвар... Он такое со мной сотворил... Я больше не могла думать сама... — Ее голова упала на грудь Джон-Тома. — В то утро, когда он меня разбудил и велел идти за ним, я хотела закричать, предупредить вас, но ничего не вышло. Он меня увел, но то была уже не я, нет! Как будто я попала в плен к собственному телу и не могла выбраться. — Девушка захныкала, по щекам побежали слезы. Затем она изумленно подняла глаза: — Плачу? А ведь я думала, что разучилась плакать.

— Ты была под гипнозом. — Недоумение в ее глазах не рассеялось, и тогда Джон-Том пояснил: — Это разновидность волшебства. Ты не владела собой.

Он прижал ее к себе и, услышав стон, поспешил успокоить:

— Мы найдем что-нибудь от ожога. Наверное, Снут поможет. У меня еще осталось три золотых — те, что Мадж не растранжирил в Снаркене. Купим лекарство и для тебя.

— Ничего, — прошептала Глупость, — уже все в порядке. — Она повернулась к Дрому. — Но если бы не он, все было бы по-другому. Я не знала, о чем и думать, когда увидела, как он несется ко мне по коридору. А потом он объяснил, кто он такой. Что он ваш друг и что вы все тоже внутри горы, сражаетесь с Яльваром-Цанкрестой. — Она подбежала к единорогу и благодарно обняла его за шею.

Чуточку потерпев, Дром попятился и высвободился.

— Мадам, я рад, что оказался вам полезен, но просил бы избавить меня от бурных эмоций.

— Но я думала... — Глупость явно обиделась, и Джон-Том поспешил ее успокоить:

— Дром вовсе не злой, Глупость. Просто он такой, какой есть. Я тебе потом объясню. — Он взглянул на единорога. — Ты здорово рисковал, Дром.

— Я старался. — Единорог оглядел коридор. — А где же большая самка? И злюка-хорек? Вы одолели его в мое отсутствие?

— Нет. — Джон-Том с улыбкой посмотрел на пересмешника. — Это Черрок. Сообразив, что самому ему меня не переколдовать, Цанкреста позвал на подмогу другого чаропевца. Мы с Черроком устроили тут настоящий музыкальный ураган, прежде чем поняли, что гармония лучше диссонанса. А Цанкрестой занялась Розарык.

— Что ж, остается только пожалеть хорька.

— Твоя правда, кореш, — сказал Мадж. — Розарык — бабенка лютая. Эх, будь она разочка в четыре поменьше...

— Мадж, когда же ты научишься мыслить масштабно? — Джон-Том посерьезнел. — Цанкреста не только сметлив, но и шустер. Может удрать.

— Чувак, да куда он денется? — возразил Мадж. — Ставлю на

кон свой причиндал, из этой норы только один выход. Я бы сказал так: чем суетиться, давайте лучше разыщем ее хозяйку, долговязую крысу. Лекарство было у нее в лапе, когда заварилась каша, и я готов побожиться, что оно по-прежнему там.

Времени на обратный марш-бросок ушло немало, и Джон-Томово предположение насчет быстроногости хорька полностью оправдалось. Когда они сворачивали в последний коридор, Цанкреста был уже там.

— Не заметила, как он улизнул в боковой пхоход, — гневно прорычала тигрица, присоединившись к ним чуть позже. — Но тепехь-то не уйдет!

Тяжело дыша, Цанкреста стоял перед выходом. От его наряда остались жалкие лохмотья, и вообще хорек уже очень мало походил на волшебника. Он оглянулся и увидел быстро приближающихся мучителей. Впрочем, никто не мешал ему выбежать из магазина и устроить им снаружи какую-нибудь пакость. Никто, кроме старой самки кенгуру.

— Прочь с дороги, ведьма! Мое время драгоценно, и я не желаю тратить его на споры.

— А я здесь не для того, чтобы спорить с тобой, — спокойно ответила Снут, покачивая трубкой. Ее правая лапа была вытянута ладонью вперед. — Ты должен заплатить.

— Заплатить? За что? — нетерпеливо прорычал Цанкреста. Его враги припустили во весь дух, впереди неслась разъяренная тигрица. Да, он не мог тратить время впустую.

— За ущерб, причиненный товарам и инвентарю.

— Я пытался спастись от обезумевшей кошки, которая гонится за мной даже сейчас. Я не виноват ни в каком ущербе!

— Ты виноват во всем, — мрачно отрезала Снут. — Ты спровоцировал конфликт. Ты сорвал сделку. Все это я готова простить, но прямые убытки ты возместишь. Здесь не филантропическая организация. Здесь бизнес. — Она пощелкала пальцами. — Я жду.

— Дура! Я же сказал: не желаю тратить время на споры! Согласен, эта лавчонка смотрится впечатляюще. Но я — Цанкреста из Гнилых Горшков — видал и поинтереснее. Даю тебе последнюю возможность убраться с дороги!

Снут не шевельнулась. Лапа волшебника нырнула в уцелевший карман и бросила в хозяйку магазина чем-то маленьким и круглым, а лапы кенгуру дернулись к животу. Раздался хлопок — взорвавшись, шарик заполнил дверной проем едким красным дымом. Джон-Том предостерегающе крикнул — и опоздал.

— Вот так-то, ведьма! Теперь я перешагну через твой труп.

Но в дверях происходило нечто совершенно непредвиденное Цанкрестой. Из сумки кенгуру, в которой, как показалось недавно Джон-Тому, кто-то шевелился, вдруг полезло что-то неверо-

ятно быстро растущее. В тот же миг стало ясно: никакой это не детеныш. На глазах у остановившихся преследователей хорька оно достигло роста Джон-Тома.

Цанкреста медленно попятился от привидения. Оно вымахало на сорок футов, до самого потолка, но и этим не удовлетворилось. Вскоре ему пришлось сгорбиться под каменным сводом.

Призрак имел форму красного кенгуру, но его морда ничем не напоминала добрых вегетарианцев вроде Снут. С умопомрачительно огромных заостренных ушей свисали толстые золотые кольца. Продолговатая пасть изобиловала серповидными зубами, крошечные черные зрачки в обрамлении серо-желтых белков смотрели вниз. В клубах серого дыма, лениво сочащегося из сумки Снут, пряталась достойная бегемота талия. Горильи руки доставали до пола, вывернутые в суставах пальцы упирались в камень.

На лбу призрака ярко алела лента со светящимися символами, безусловно принадлежащими иному, древнему, миру. Неощутимый ветер трепал на скалоподобной груди тонкий шелк фуфайки.

И еще был голос. Не мягкий и скромный, как у владелицы магазина, а пугающий глубиной и широтой звучания. Слова привидения обращали гору в трепет:

— ОСТАНОВИСЬ, ГНУСНЫЙ БЕС, ВО МРАКЕ КОПОШАЩИЙСЯ, БЕЗДАРНЫЙ НЕУДАЧНИК. Я — ГАРУН АЛЬ-РУДЖИНН, ВЛАСТЕЛИН ВСЕХ ДУХОВ ВРЕМЕН МИНУВШИХ И ВРЕМЕН ГРЯДУЩИХ, ВСЕХ ПРИЗРАКОВ МИРА, КОИМ ПРАВЯТ МАРСУПИАЛЫ, ВЛАДЫКА ВСЕХ ПРОЧИХ, КРОМЕ ЖАЛКИХ СУЕТЛИВЫХ ТВАРЕЙ, ОБРЕЧЕННЫХ ТАИТЬСЯ В ТРЕЩИНАХ СКАЛ И СЛУЖИТЬ ПИЩЕЮ ЧЕРВЯМ. ОСТАНОВИСЬ И УСТРАШИСЬ! — К Цанкресте потянулась рука длиною с мачту, годную для плавания по Глиттергейсту.

Волшебник отпрянул и прижался спиной к стеллажу в напрасной попытке найти укрытие. Его морда исказилась гримасой отчаяния. Упав на колени, он взмолился:

— Пощади меня, пощади! Я не знал!

— НЕВЕДЕНИЕ — ДОВОД НАДМЕННЫХ! — загрохотал призрак. — ОТВЕРГАЮЩИЙ ЗНАНИЕ РЕДКО ПРОСИТ НРАВОУЧЕНИЙ. ПОПИРАЮЩИЙ ОБЫЧАИ ЖАЛОСТИ НЕ ДОСТОИН. НЕ ОТДАЮЩИЙ ДОЛГОВ ЗАСЛУЖИВАЕТ НАКАЗАНИЯ.

— Прости! — завопил, обезумев от страха, Цанкреста. — Я был ослеплен гневом!

— ТЫ БЫЛ ОСЛЕПЛЕН СВОИМ ЭГО, А ЭТО ГОРАЗДО ХУЖЕ.

— Пойми, ужасно быть вторым! Я не мог этого вынести. Я поддался неодолимому желанию вернуть себе доброе имя, славу величайшего практика мистических искусств. Да, порой я поступал нехорошо, но исключительно из любви к профессии! — Он простерся ниц, раскинув лапы. — Отдаюсь на твою милость!

— ЧЕРВЬ, ТЫ ЛЮБИШЬ ТОЛЬКО СЕБЯ. МИЛОСТЬ? ДА РАДИ

НЕСКОЛЬКИХ МОНЕТ, РАДИ ДЕМОНСТРАЦИИ СВОЕГО ПРЕВОСХОДСТВА ТЫ ГОТОВ БЫЛ УБИТЬ МОЮ СМЕРТНУЮ. МИЛОСТЬ? ТАК И БЫТЬ, Я СНИЗОЙДУ ДО МИЛОСТИ.

Хорек приподнял голову, в его затравленном взгляде появилась надежда.

— ВОТ ТЕБЕ МОЯ МИЛОСТЬ: ВМЕСТО МЕДЛЕННОЙ СМЕРТИ — БЫСТРАЯ!

Цанкреста заверещал и метнулся влево, но не успел увернуться от огромной лапы. Пальцы сжались один-единственный раз, и визг больше не повторился. Лишь хруст костей кратким эхом разнесся под сводами пещеры.

Джон-Том и его спутники стояли, утратив дар речи.

Кулачище разжался и выронил кровавый сгусток, только что бывший Яльваром-Цанкрестой, колдуном Гнилых Горшков.

— ТЕПЕРЬ ВЫ, — произнес призрак чуть менее оглушительно. — ВОТ ТАК И БЫВАЕТ: СОБИРАЕШЬСЯ УЛАДИТЬ В ВЕЧНОСТИ ПУСТЯКОВОЕ ДЕЛЬЦЕ И ВДРУГ ЗАМЕЧАЕШЬ, ЧТО ОНА БИТКОМ НАБИТА ДОЛЖНИКАМИ. ЧТО Ж. — Массивный зубастый череп повернулся к Джон-Тому: — ПРИДЕТСЯ СЛЕГКА ЗАДЕРЖАТЬСЯ.

— Эй, погоди-ка! — Джон-Том попятился. — Мы готовы рассчитаться. Мы вовсе не воровать сюда пришли.

Он оглянулся на Снут, но та беспомощно развела лапами. Видимо, она не умела обуздывать приглашенных джиннов.

— ТЫ МОЖЕШЬ РАСПЛАТИТЬСЯ ЗА ТОВАР, БЛЕДНЫЙ ЧЕРВЬ, НО ЧЕМ ТЫ МНЕ ЗАПЛАТИШЬ ЗА ВЫЗОВ? ДЕНЬГИ ТВОИ МНЕ НИ К ЧЕМУ. МОЖЕТ, СУМЕЕШЬ РАЗЖАЛОБИТЬ МЕНЯ ПЕСЕНКОЙ? — Лавка «То, не знаю что» заполнилась вулканическим хохотом.

Джон-Том почувствовал, как его подталкивают в спину.

— Валяй, кореш, не тушуйся, — бодро прошептал Мадж. — Попытка не пытка. В случае чего я буду рядом.

— Что бы я без тебя делал!

Однако выдр был прав: необходимо как-нибудь умилостивить джинна и выбраться из подземелья. Но Джон-Том полностью выдохся, состязаясь с Черроком и Цанкрестой, и неважно соображал. К тому же он изрядно разозлился. Может быть, злость — не самая надежная помощница в таких ситуациях, но это его уже не беспокоило.

— Слушай, ты, Гарпун Аль-Хурджин!

Джинн засверкал глазами.

— МНЕ НЕ НРАВЯТСЯ СМЕРТНЫЕ, КОВЕРКАЮЩИЕ МОЕ ИМЯ!

— Ладно, учту, — пообещал Джон-Том, — но уж и ты не обессудь. За последние две недели мы чертовски вымотались. Пришлось добираться сюда за лекарством для больного друга. Если

бы не вмешался этот старый прохвост, — указал он на кровавую лепешку, — мы бы уже выбрались отсюда и пошли своей дорогой. Короче, мы не имеем к нему никакого отношения.

— ВЕРНО, ВЫ БЫ УЖЕ ШЛИ СВОЕЙ ДОРОГОЙ, НО ОТВЕТЬ, МАЛЕНЬКИЙ СМЕРТНЫЙ, КАКАЯ ДОРОГА ВОИСТИНУ ТВОЯ?

— Снут, лекарство все еще у вас?

Кивнув, кенгуриха разжала пальцы и показала драгоценную пробирку. Тотчас опустилась ладонь величиной с автобус, заслоняя Снут от Джон-Тома.

— ЛЕКАРСТВО ТЫ СМОЖЕШЬ ЗАБРАТЬ. ЕСЛИ СУМЕЕШЬ ПОНРАВИТЬСЯ. ТЫ УЖЕ ВИДЕЛ, ЧТО БЫВАЕТ СО СМЕРТНЫМИ, КОТОРЫЕ МНЕ НЕ НРАВЯТСЯ.

Теперь Джон-Том понимал, отчего Кранкуларн, торгующий всевозможными чудесами, тем не менее пользуется весьма неважнецкой славой.

— ДОЛГО РАЗМЫШЛЯЕШЬ, СМЕРТНЫЙ. НЕ НАДЕЙСЯ ПОЙМАТЬ МЕНЯ НА КАКОЙ-НИБУДЬ ДУРАЦКИЙ ТРЮК, Я НЕ СОГЛАШУСЬ УМЕНЬШИТЬСЯ И ЗАЛЕЗТЬ В БУТЫЛКУ. — Над ними простерлась широченная длань, и Глупость съежилась. — ЧТОБЫ ПОКАЗАТЬ СВОЕ МОГУЩЕСТВО, МНЕ ВОВСЕ НИ К ЧЕМУ СОКРАЩАТЬСЯ В РАЗМЕРАХ. ДОСТАТОЧНО ОПУСТИТЬ ПАЛЕЦ ТЕБЕ НА ГОЛОВУ.

— Покупатель всегда прав, — огрызнулся Джон-Том.

— ЧТО ЕЩЕ ЗА ЧУШЬ СМЕРТНАЯ?

— Старое доброе купеческое правило.

— СМЕРТНЫЙ С ДЕЛОВОЙ ХВАТКОЙ. — Похоже, джинн заинтересовался. — ЛАДНО, ТАК И БЫТЬ. МОЖЕШЬ РАСПЛАТИТЬСЯ НАТУРОЙ. ЕСЛИ СУМЕЕШЬ, ТЕБЕ И ТВОИМ ДРУЗЬЯМ, ВОЗМОЖНО, УДАСТСЯ УЙТИ ОТСЮДА С ЦЕЛЫМИ КОСТЯМИ. ТЫ — ЧАРОПЕВЕЦ. Я СЛУШАЛ МНОГИХ ЧАРОПЕВЦЕВ, И НИ ОДИН ИЗ НИХ МНЕ НЕ ПОНРАВИЛСЯ. КАЖЕТСЯ, ТВОИХ ЗЕМЛЯКОВ СРЕДИ НИХ НЕ БЫЛО. УСЛАДИ МЕНЯ ЧАРОПЕСНЬЮ ТВОЕГО МИРА, ПОСМЕШИ, ЗАИНТРИГУЙ. СПОЙ ЧТО-НИБУДЬ НЕОБЫЧНОЕ. ТОГДА И ТОЛЬКО ТОГДА ТЫ ПОЛУЧИШЬ ЛЕКАРСТВО И УЙДЕШЬ! — Джинн сложил на груди лапы с толстенными, как вековые дубы, мускулами. — ПОСТАРАЙСЯ НЕ ОШИБИТЬСЯ В ВЫБОРЕ ПЕСНИ. Я УЖАСНО ВСПЫЛЬЧИВ И ВТОРОГО ШАНСА ТЕБЕ НЕ ДАМ.

Джон-Том потел, лихорадочно соображая, чем же можно купить расположение этого волшебного отродья, имеющего доступ к сокровищам тысяч миров. Какая мелодия, какие стихи не покажутся джинну пресными и скучными?

Слева, пристально глядя на юношу, стояла Розарык. Мадж невнятно бормотал — похоже, молился. За спиной у Джон-Тома беспокойно переминалась с ноги на ногу Глупость. Дром бил ко-

пытом о пол и мечтал оказаться снаружи, где по крайней мере был шанс улепетнуть.

Шею Джон-Тома пощекотали перья.

— Коллега, ты справишься. — Черрок ободряюще улыбнулся.

Мистика. Песня должна быть насыщена мистикой, но не настолько, чтобы джинн заподозрил подвох. Что тут может подойти? Худо, что в прошлом, кроме юриспруденции, Джон-Том отдавал себя исключительно хард-року, разучивал только шлягеры, платиновые хиты.

Значит, есть всего одна возможность, всего один путь. Нужны туманные намеки вместо прямых обвинений, нужен загадочный, местами непостижимый текст. Песня, которая заставит джинна задуматься.

Он позволил пальцам пробежаться по струнам дуары. В горле пересохло, но хрипота уже исчезла.

— Поосторожнее, приятель, — предостерег Мадж.

К своему удивлению, Джон-Том сумел улыбнуться выдру.

— Мадж, не потей.

— Что ты можешь дать из того, шеф, чего у него еще нет? — Мадж взмахом лапы указал на бесконечные ряды стеллажей с товарами неведомых измерений. — Какое сокровище?

— Другое настроение, — тихо ответил Джон-Том и запел.

Само собой, он понимал, что дуара не предназначена для извлечения загробных звуков, но это его и не беспокоило. Бесконечно отзывчивый, поразительно разноголосый инструмент с потрясающей точностью копировал ноты, которые Джон-Том добывал из своей памяти, и усиливал их, оглашая высокие своды необыкновенным вибрирующим стоном — что-то среднее между плачем инфернальной басовой скрипки двенадцатирукого маэстро и храпом спящего бронтозавра. Лишь одному человеку удавалось такое прежде, и Джон-Том не жалел пальцев и губ, подражая ему.

— О, если б ты, собравшись с духом, — проникновенно взывал он к джинну, — пришла ко мне, мы вместе любовались бы восходом с морского дна...

Тигрице слова и музыка казались бессмыслицей, однако она заметила их необычность. Пещера вокруг нее озарилась обломочками и осколочками света — то гничии, предвестники волшебства, во всей своей неописуемой красе зароились вокруг Джон-Тома.

Действует! Воодушевясь, он повысил голос. Гарун Аль-Руджинн подался вперед, но протест (или вопрос) застыл у него на устах. В свирепых желтых белках мелькнула неуверенность. Джон-Том не умолкал:

— Ответь, бывало ли такое, скажи, случалось ли с тобой?

Джинн качнулся и подался назад на несуществующих пятках.

Огромные горящие глаза слегка заблестели, словно по ним провели вощеной бумагой.

— А вот со мною — да, — прошептал Джон-Том.

Аккорды отскакивали от стен и звенели в ушах джинна, а тот, казалось, погрузился в сладостную прострацию.

Джон-Том и сам ощущал головокружение, вспоминая слова и ноты. Миновала недолгая вечность. Из транса его вывел Мадж.

— Готово, приятель, — прошептал он, крепко встряхнув Джон-Тома. — Пошли. Нечего тут торчать.

Но пальцы Джон-Тома все еще перебирали струны, а лицо было вдохновенно-прекрасным. Перед ним огромным ржаво-красным студнем расплывался джинн: лапы сложены на груди, огромные когти сцеплены.

— Прекрасно... Прекрасно... Прекрасно... — лепетал он.

— Парень, пойдем! — Мадж повернулся к тигрице, медленно покачивающейся под музыку. Глаза ее потускнели, из пасти стекала тоненькая струйка слюны. Выдр хотел пнуть ее в зад, но не сумел поднять лапу так высоко. Пришлось шлепнуть Глупость.

— А? В чем дело? — Девушка недоуменно заморгала. — Прекрати драться! — Ее взгляд остановился на балдеющем джинне. — Что это с ним? Он на себя не похож.

— Кабы он один, — буркнул Мадж. — Помоги разбудить остальных.

Им удалось привести в чувство Дрома, Черрока и Розарык, но Джон-Том упорно не желал возвращаться в реальность. Он успел так глубоко вжиться в апатичный, томящийся образ героя песни, что сам стал ее жертвой.

— Пхоснись! — теребила его Розарык. Джон-Том повернул голову и, не отрывая пальцев от струн, широко улыбнулся.

— Проснуться? Зачем? Все так прекрасно. — Он смотрел сквозь тигрицу. — Я тебе еще не рассказывал, как ты прекрасна?

Это ошеломило Розарык, но лишь на мгновение.

— После хасскажешь, сахахный. — Она перекинула чаропевца через левое плечо и двинулась к выходу, сторожко поглядывая на окаменевшего джинна.

— Одну секундочку. — Дром задержался, чтобы выхватить из пальцев Снут контейнер с лекарством.

— Эй, сынок, а как насчет платы?

— Уже заплачено, мадам. — Жеребец указал рогом на Гарун Аль-Руджинна. — Стребуйте с него.

С этими словами Дром рысью кинулся вон из магазина следом за друзьями.

Уперев лапы в бедра, Снут проводила его мрачным взглядом.

— Ох уж мне эти туристы! Всякий раз убеждаюсь, что хлопот с ними больше, чем прибыли. — Она выскочила на крыльцо и ус-

пела заметить, как посетители исчезают в зарослях. Затем вернулась, нашла нужную табличку, повесила на дверь и закрылась изнутри. Надпись на табличке читалась довольно легко:

«УШЛА ОБЕДАТЬ.
БУДУ ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ»

Джон-Том трясся на могучем плече Розарык. Рядом вприпрыжку бежал Мадж, Глупость скакала на недовольном, но мягкосердечном Дроме. Постепенно Джон-Том выплывал из ментальной пучины, куда погрузился заодно с Гарун Аль-Руджинном. Пальцы уже еле водили по струнам, голос опустился до шепота. Глаза моргали.

— Очухивается, — заключил Мадж.

— Да и пора уже, — сказала Глупость. — Что он с собой сделал?

— Заколдовал, — пробормотал Дром. — Никогда такого не видел. Какое могущественное чужеземное волшебство!

Мадж фыркнул и сказал с ухмылкой:

— Верно, чувак. От этого волшебства чудище вырубилось начисто, только и сам шеф малость перебрал.

Джон-Том схватился за темя.

— О-о-о!

— Что, кореш, похмелюга?

— Нет. Нет, ничего. — Он резко оглянулся на курящуюся гору. — Аль-Руджинн? Он на самом деле был?

— Был, да сплыл. Как всегда, ты оказался на высоте.

— Это все песня, — заторможенно прошептал Джон-Том. — Хорошая песня. Особая. Лучшая у Джими. Я сразу понял: ни от чего другого джинн так не приторчит, как от нее. Розарык, можешь меня опустить.

Тигрица бережно поставила его наземь.

— Айда, приятель. Пока твои чары не выветрились, надо убраться отсюда подальше.

— Думаю, все будет в порядке. — Джон-Том посмотрел назад, где сквозь зелень виднелась гора. — Эта песенка не из тех, что удерживают на месте. Она счастливая, расслабляющая. Мне этот Аль-Руджинн не показался счастливым и расслабленным. Похоже, теперь он маленько размяк.

Шествуя по извилистой тропке, они обнаружили город-призрак с медлительными туманными обитателями. Недобро ухмыляясь чужеземцам, привидения уплывали из реальности и появлялись вновь.

— Он здесь, но кое-кто его не видит, — сказал Дром, и Джон-Том наконец понял. Настоящий Кранкуларн был не вещественней дыма, не осязаемей сна.

Оставляя город позади, странники едва одолели искушение пуститься со всех ног. Впереди лежали знакомые леса, а далеко за

океаном — Линчбени. Справа то и дело доносился треск «Хонды», но на сей раз кролик, будь он настоящим или призрачным, не удостоил их своим появлением. Джон-Том разок оглянулся, желая убедиться, что он на самом деле побывал в Кранкуларне, однако вместо старого, ветхого города, как ему показалось, там стоял огромный бурлящий котел, полный пляшущих и хохочущих демонов. Он задрожал и больше не оборачивался.

К вечеру путники выбились из сил и уже не думали о том, гонится ли за ними по горячему следу Аль-Руджинн с дюжиной своих мстительных родичей. Мадж и Розарык взялись разводить костер, а остальные попадали где стояли.

— По-моему, мы уже в безопасности. — Джон-Том пригладил ладонями длинные волосы и резко сел. — Лекарство! У кого...

— Спокуха, чувак. — Мадж извлек из кармана цилиндрик. — Вот оно, в целости и сохранности.

Юноша поднес контейнер к глазам. И ради этой фитюльки — от силы дюйм в длину и полдюйма в диаметре — он вынес столько тяжелейших испытаний?! Цилиндрик был изготовлен из белого пластика, печать на колпачке выглядела необычно.

— Интересно, что это за отрава? — Он принялся отвинчивать колпачок.

— Погоди-ка, шеф! — поспешил вмешаться Мадж. — Стоит ли?! — Он кивком указал на контейнер. — Знаю, ты у нас чаропевец и все такое, но вдруг эта скляночка неспроста запечатана, а?

— Любая емкость с медицинским препаратом должна быть запечатана, — ответил Джон-Том. — Будь эта хреновина опасна, Клотагорб строго-настрого запретил бы ее открывать.

Еще один поворот — и колпачок отделился, сделав продолжение спора бессмысленным.

Юноша посмотрел на содержимое, затем приблизил контейнер к носу и понюхал.

— Ну? — Дрома разбирало любопытство. — Что это, по-твоему?

Единорог не дождался ответа. Нахмурясь, Джон-Том перевернул цилиндрик и высыпал на ладонь несколько таблеток. Озадаченно посмотрел на них и, прежде чем кто-то успел воспрепятствовать, лизнул. И посидел в задумчивости несколько мгновений, причмокивая.

Внезапно с его лицом произошла жуткая, драматическая перемена. Глаза выпучились, а рот скривился в гримасе ненависти. Он вскочил и дрожащей рукой до белизны в суставах стиснул пластик.

— Взбесился! — оступаясь, Глупость попятилась к деревьям. — В него вселился демон!

— Нет! — прорычал сквозь зубы Джон-Том. — Нет.

Гримаса ненависти уступила место опустошенности. Он замахнулся, чтобы швырнуть контейнер и драгоценные таблетки в

лесную чащу, но в последний миг передумал. Раскрыв ладонь и вновь опустив глаза на лекарство, юноша зловеще улыбнулся.

— Нет. Мы их донесем. Донесем и предъявим Клотагорбу. Пусть видит, ради чего мы пересекли полмира и раз десять побывали на волоске от смерти. — Он перевел взгляд на испуганных спутников. — Это лекарство. Оно его вылечит. Обязательно. А после, когда он избавится от слабости и болей, я удавлю его голыми руками!

— Джон-Том, что-то я тебя не пойму. Если это то самое снадобье, почему ты хасстхоился?

— Почему расстроился? Я тебе скажу, почему расстроился. — Он потряс перед тигрицей контейнером. — Это ацетилсалициловая кислота, вот почему я расстроился! — Внезапно гнев его испарился, и он тяжело присел на поваленное дерево. — Как же я сразу не догадался? Как?

Попытка Маджа выговорить запредельное словцо закончилась позорной неудачей.

— Чувак, ты это к тому, что чертова отрава тебе знакома?

— Знакома? — Джон-Том поднял на выдра усталый взгляд. — Мадж, ты помнишь, как я появился в этом мире?

— Еще бы, кореш. Тот денек непросто вычеркнуть из памяти. Я чуть не раскидал твои потроха по всей цветочной лужайке.

— Помнишь, во что я был одет?

Выдр скривился, вспоминая.

— В тесную такую рубашонку и дурацкие штаны.

— Джинсы, Мадж, джинсы. Когда черепаха ненароком перенесла меня в этот мир, при мне были кое-какие вещицы. Часы... правда, они не работали — батарейки сели.

— В смысле — чары выдохлись?

— Об этом давай потом, ладно? Часы, зажигалка, несколько ключей в металлической коробочке, и еще коробочка... Примерно вот такая. — Он очертил в воздухе прямоугольник. — В ней были полезные мелочи, я носил их с собой на всякий пожарный. Таблетки «пепто-бисмол» от расстройства желудка, штучки две лейкопластыря, несколько синих таблеток — их предназначение в столь разнородной компании лучше не обсуждать. И еще — белые. Мадж, ты помнишь белые таблетки?

Выдр отрицательно покачал головой.

— Кореш, неужто я стал бы рыться в твоем личном барахле? — На самом деле ему просто помешали открыть обе коробочки.

— Те таблетки, Мадж, ничем не отличаются от этих. — Джон-Том неподвижно смотрел на пузырек. — Ацетилсалициловая кислота. Аспирин. Старый заурядный повседневный аспирин.

— Мне думается, в этих кхаях он не такой уж повседневный, — заметила Розарык.

— Слышь, приятель, — успокаивающе произнес Мадж, — ну, откуда старикашке было знать, что ты таскаешь эту гадость в зад-

нем кармане? Это досадное недоразумение, только и всего. Он честный.

— Ты так считаешь? Клотагорб знает все!

— Тогда на кой ляд ему посылать нас на край света, если у него в доме уже есть лекарство?

— Чтобы проверить меня. Испытать мою верность. Он меня прочит в наследники — на тот случай, если не сумеет отправить домой, — и хочет убедиться, что я не уроню его репутации. Вот и выдумывает для меня экзамены.

— Ты намекаешь, — осторожно проговорил Мадж, — что с самого начала этот чертовски опасный поход не имел смысла? Что мы могли бы прекрасно обойтись без великих подвигов, спокойненько выпивая, как приличествует цивилизованным существам, под сенью Колоколесья?

Джон-Том печально кивнул.

— Боюсь, ты абсолютно прав.

Реакция Маджа застала Джон-Тома врасплох — он-то ожидал по меньшей мере вспышки ярости. Вместо этого выдр схватился за живот, согнулся и повалился на землю, где принялся неистово кататься под раскаты дикого хохота. Чуть позже кроны деревьев содрогнулись от заливистого ржания Дрома. Поддалась истерии и Розарык, хотя она, конечно, вела себя куда пристойнее.

— Чего вы ржете, идиоты? Неужели забыли, как в этом походе мы с полдюжины раз едва не угробились?

Почему-то эта реплика подействовала на спутников Джон-Тома, как щекотка.

Только один из его друзей не смеялся. Шею юноши обвили мягкие руки, и две еще более мягкие округлости опустились к нему на колени.

— Я понимаю, Джон-Том. Мне тебя очень жалко. Обещаю никогда над тобой не смеяться.

Он попытался высвободиться, но не тут-то было — девушка успела угнездиться на его коленях и сцепить пальцы в замок.

— Глупость! — Он поерзал. — Я же предупреждал: между нами ничего не будет. Во-первых, у меня уже есть дама, а во-вторых, ты слишком молода.

Она вложила в улыбку все свое обаяние.

— Но она на том краю света, а я с каждым днем все старше. Если дашь хоть полшансика, я все сделаю, чтобы тебе понравиться.

Единорог лежал на спине и слабо сучил ногами, а из глаз Маджа текли слезы. Джон-Том снова и снова пытался согнать девушку, но терпел фиаско, поскольку его руки всякий раз натыкались на опасные выпуклости.

Выдр, с чьих усов свисали слезинки, а под глазами блестели влажные полосы, посмотрел на приятеля.

— Ну, че, чаропевец? Как ты теперь из этого выколдуешьс

Мадж ощутил легкий толчок в спину — оказывается, к н вплотную подполз единорог.

— Знаешь, выдр, хоть ты и невеличка, у тебя уйма других стоинств. Я не прочь проводить тебя до дома. Это даст нам возм ность получше узнать друг друга. Говорят, было бы желани возможность найдется. — Дром положил голову на ляжки Мадж

У того от ужаса расширились зрачки, и пришел черед хо тать Джон-Тому.

Момент
волшебства

Посвящаю Тому Хильдебрандту,
доброму другу и спутнику в путешествиях
по землям Несбыточного

Глава 1

— А я считаю, что Оплод должен уйти!

Перед длинным овальным столом Кворума стоял Асмуэль-муравьед и сердито оглядывал присутствующих. Его нос и поверхность стола влажно поблескивали. В городе Квасеква все было влажным, потому что расположен он был на многочисленных островах озера Печальных жемчужин. Острова соединялись между собой дамбами, и каждый имел своего представителя в Кворуме.

На этот раз спор разгорелся так горячо, что воздух здесь раскалился даже сильнее, чем над озером. Представители островов избирали советника по вопросам магии и волшебства.

В конце зала томился претендент на этот таинственный пост. Ему опасливо прислуживали несколько лакеев, которые явно боялись пришельца. Впрочем, пугал он не только слуг, но и некоторых членов Кворума, хотя те, конечно, ни за что бы не признались в этом публично.

Только двое из присутствующих открыто поддерживали неожиданного соискателя. Ими были Киндор и Вазвек, которые надеялись с его помощью добиться для себя преимуществ. Остальные члены Кворума глядели на сикофантов с глубоким отвращением.

Теперь к ним переметнулся и Асмуэль.

Когда муравьед сел, со своего места поднялась рысь Домурмур и бесстрастно начала:

— Я же, в свою очередь, считаю, что странник, претендующий на столь высокое положение, должен доказать, что умеет не только отравлять воздух дурным запахом.

Лапы рыси покоились на деревянной поверхности старинной столешницы, черной и блестящей, как бутыль с маслом.

Киндор тотчас бросил какое-то завуалированное оскорбление, и снова поднялся беспорядочный шум. Все успокоились только тогда, когда Трендави, подняв лапу, призвал всех к молчанию. Он не стал вставать, потому что жизненный опыт научил его быть сдержанным и не скакать ванькой-встанькой, что совсем не пристало законодателю.

Старый ящер-панголин, прищурившись, внимательно по-

смотрел на претендента, сидевшего в дальнем конце зала, и заговорил:

— Оплод Хитроумный почти тридцать лет был главным советником Кворума по вопросам магии и волшебства. Он вел дела искусно и мудро. Много полезного для города и его жителей было сделано по его советам.

Тут Трендави снова поднял чешуйчатую лапу. Между собравшимися пробежал ропот одобрения. Промолчали только Киндор и Вазвек. Пришелец тоже не проронил ни слова.

Тут Трендави повернулся к одиноко сидящему претенденту, который ухмылялся про себя, словно вспоминая одному ему понятную шутку.

— Что верно, то верно: до сих пор человек по имени Маркус демонстрировал Кворуму лишь свой бойкий язык, но ничего больше.

Незнакомец встал и подошел к черному столу.

— Ну что же, друзья, коли вы отдаете должное моему языку, то позвольте мне еще раз воспользоваться им.

В это время массивная туша личного телохранителя претендента загородила входную дверь.

— Вы позволите мне подойти поближе? — приятно улыбаясь, спросил Маркус Неотвратимый (так он называл себя сам).

Рысь Домурмур невольно подумала, что для человека этот тип умеет держаться довольно обходительно, тогда как люди обычно не отличаются хорошими манерами.

Трендави кивнул. Внимание присутствующих полностью сосредоточилось на пришельце.

Маркус Неотвратимый, в свою очередь, ясно различал исходящие от членов Кворума страх, неприятие, любопытство — и открытую поддержку некоторых. Сейчас надо сосредоточиться на том, чтобы убедить колеблющихся, решил он про себя. Он может рассчитывать на троих из десяти присутствующих. Тех, кто его боится, можно не брать в расчет. Перетянуть на свою сторону нужно, по крайней мере, еще двоих.

Пока необходимо действовать осторожно, чтобы не перепугать их до смерти. Настаивать на своем еще рано — его положение в Квасекве очень непрочно. Несмотря на все могущество, Маркус не хотел иметь дело с объединившимися противниками. Лучше расположить в свою пользу большинство.

— Я пришел сюда из далекой земли. Страна, откуда я родом, удивительнее, чем вы способны себе представить.

— Да, так ты рассказываешь, — опять вступила Домурмур, которая стала кем-то вроде лидера оппозиции. — Но твоим речам трудно поверить.

— Однако они подтверждаются моим присутствием здесь, не так ли?

— Вот уж совсем необязательно, — возразила Ньюмадин, ко-

кетливо оглаживая усы. Одно ушко у нее переломилось посередине и наклонилось вперед, что считалось у кроликов признаком красоты.

Маркус отвернулся на секунду и прокашлялся. Ему совсем не хотелось кашлять, но нужно было скрыть выражение, невольно промелькнувшее на лице. Дело в том, что он ненавидел, когда его называли лжецом. Успокоившись, претендент снова повернулся к аудитории. Он не стал отвечать на реплику Ньюмадин, но дал себе слово как следует ее запомнить. Да, он ее не забудет, потому что Маркус Неотвратимый никогда не забывает врагов.

— А в чем дело?

Обезьяна-ревун по имени Каскоум только пожал плечами.

— В твоем облике и поведении нет ничего особенно примечательного. В Квасекве обитает множество человеческих особей. Здесь спокойно живут бок о бок самые разнообразные существа. По соседству с нами есть земли с довольно большими человеческими популяциями. Так что твое обличье ничего не доказывает.

Маркус подошел к столу и с удовольствием заметил, как сидевшие поблизости со страхом отшатнулись.

— Но я не просто человек из обычных смертных. Я волшебник, знаменитый волшебник по имени Маркус Неотвратимый. Не вам судить о моем могуществе, ибо вы не в состоянии понять всю глубину моих возможностей и вообразить размах моих талантов.

— А также поверить в такое вранье, — шепнула Домурмур прелестной Ньюмадин.

Трендави прочистил горло и снова заговорил, вдумчиво и, как ему казалось, беспристрастно.

— Видно, ты высоко ценишь свои возможности, раз без колебаний явился сюда, на Кворум, чтобы бросить вызов Оплоду, чья преданность и талант не вызывают сомнений. Обычай требует, чтобы претендент прежде показал себя в подмастерьях. Я объясняю причину твоего поведения скорее смелостью характера, чем невежеством ума. А вот что думает об этом Оплод, будет видно.

Тут говорящий кивнул на саламандра, который сидел в кресле советника справа от Трендави.

Красно-оранжевые пятна украшали спину Оплода. На нем было одеяние, слегка напоминающее плащ, все в свободных широких складках. Саламандры не могут носить облегающей одежды из-за липкого вещества, выделяемого кожным покровом, к которому пристает любая ткань. Длинный хвост Оплода нервно подергивался. Ему совсем не нравилось то, что рассказывали о Маркусе Неотвратимом. То, что он видел собственными глазами, нравилось ему еще меньше. Однако саламандр помалкивал, как этого требовал этикет. Конечно, его мнение никто и не собирался принимать как руководство к действию. Выбор главного советника по делам магии и волшебства всегда был делом сугубо

практическим. Когда придет его черед, у него будет возможность высказаться. Поэтому Оплод сидел спокойно, стараясь не принимать участия в дискуссиях и одновременно не забывая следить за своим хвостом.

Маркус продолжил свою речь:

— С помощью магии я умею делать вещи, в которые трудно поверить.

— Это опять слова. — Домурмур шлепнула лапой по столу.

Маркус только ухмыльнулся в ответ.

— Я ждал такой реакции. Конечно, вы хотите от меня не только рассказов.

— Да уж, неплохо бы увидеть хоть что-нибудь. А то нам и раньше приходилось иметь дело с очень красноречивыми претендентами, — саркастически бросила рысь.

На секунду показалось, что Маркус Неотвратимый вот-вот потеряет терпение. Однако его ярость не испугала Домурмур. У рыси характер был потверже, чем у многих ее коллег.

— Вы правы, пора переходить от слов к делу.

Соискатель поднялся со своего места, и все глаза устремились на него. Когда встал саламандр, светящиеся шары, свисающие с резного каменного потолка, засверкали ярче. Они давали ровный мягкий свет благодаря магии Оплода. Прислужники, стоявшие у дверей, зашептались между собой. И они, и все члены Кворума ощущали волшебную силу, исходящую от старого мага, и понимали, как глубоко тот задет происходящим.

Вокруг претендента распространялась аура совсем другого рода. Его окружала атмосфера тайны и враждебности, которую тоже почувствовали все, стоило ему войти в зал. Эта атмосфера совершенно не соответствовала тому величавому виду, который напускал на себя новоявленный маг.

Да и весь его облик не производил благоприятного впечатления. Конечно, для человека он был довольно высокого роста, но совсем не великан. Голова круглая, а шерсти сверху меньше, чем у многих. Доведись ему вступить в рукопашную с любым из членов Кворума, он, пожалуй, проиграл бы всем, за исключением старого Трендави, потому что выглядел неповоротливым, да и над поясом у него нависало брюшко.

Однако магам предстоял совсем другой поединок. Оплод обратился к членам Кворума:

— Я не вижу причин уклониться от брошенного мне вызова. Более того, я должен был бы ответить на него, даже если бы мне очень этого не хотелось, поскольку другого способа сделать правильный выбор у вас нет. Народ Квасеквы достоин иметь советника, который может доказать, на что он способен.

Он глубоко задумался, как будто ушел в себя, потом вздохнул, растирая слизь, покрывающую лапы, тканью широкого одеяния.

— Мне уже не раз приходилось демонстрировать свои воз-

можности и, я надеюсь, еще не раз доведется в будущем. Как ты, пришелец, смотришь, не провести ли нам соревнование прямо сейчас?

И саламандр круглым глазом взглянул на претендента.

— Сейчас и прямо здесь. — Маркус был непоколебимо уверен в себе. — Однако я новичок в подобном деле. Подскажите, нужны ли нам секунданты?

— Я думаю, не нужны, тем более что мой ученик и помощник Флют еще очень молод. Ни к чему подвергать его колдовским воздействиям — это может повредить дальнейшему развитию.

— О, я постараюсь не совершать ничего такого. — Маркус повернулся к своему телохранителю. — Пругг, что бы ни происходило, стой в стороне и не вмешивайся. Понял?

Огромный телохранитель молча кивнул и отошел от стола. Но оставаться безучастным зрителем он не мог, как, впрочем, и все присутствующие. Ему не терпелось увидеть, как проявит себя хозяин. Пругг даже беспокоился немного: шутка ли, ведь Оплод был самым известным магом в их краях. Конечно, его хозяину легко удавалось повергать в почтительное изумление простых крестьян, но перехитрить Оплода — задача посложней.

Однако Маркус Неотвратимый был совершенно спокоен. Он ухмыльнулся и сделал широкий жест в сторону саламандра.

— Начинай первым.

Оплод не улыбнулся в ответ.

— Каждому, чтобы жить и не болеть, совершенно необходима еда. Для народа Квасеквы нет пищи лучше рыбы, которая водится в озерах вокруг нас.

Он отбросил широкие рукава, прочистил горло, и голос его раскатился по всему залу:

Вокруг, куда ни бросишь взор,
Сверкает множество озер,
В которых много вкусной рыбы.
И даже больше, чем всегда,
Подарит пищи вам вода,
Чем вы вообразить могли бы.
И будет так из года в год,
Пока советник здесь — Оплод!

Все члены Кворума и прислужники по-детски зачарованно смотрели, как над полом, прямо в воздухе, появился сверкающий голубовато-зеленый водоворот. Из водоворота хлынула рыба, и посередине зала, прямо на полу, образовалась гора шевелящихся живых виво, тех самых виво, которые обладают несравненным вкусом и которых так трудно поймать. И все это невероятно богатое угощение устроил Оплод одним мановением руки и заклинанием.

Волшебник заговорил только тогда, когда последняя рыбина плюхнулась на каменный пол и водоворот исчез.

— Способен ли ты в любую минуту обеспечить жителей города пищей?

Маркус на секунду нахмурился, затем снова улыбнулся. Подняв руку над головой, он растопырил пальцы. Черный плащ трепетал у него за спиной. Напрасно члены Кворума напрягали слух — даже те, кто разобрал кое-что, не смогли понять ни единого слова. Оплод, который отчетливо слышал все, что говорил претендент, не смог понять заклинания. Слова, произнесенные Маркусом, звучали странно и резко.

Но, несмотря на неясность, эффект они произвели замечательный. У стола возникло ярко-зеленое свечение. Некоторые члены Кворума нервно задвигались, но Маркус небрежно успокоил их, заверяя, что волноваться не о чем.

Сияние захватывало все бо́льшее пространство, становилось слабее, а потом сформировалось в куб, зависший над полом. По лицу Маркуса было видно, что он доволен работой.

Перед собравшимися висел огромный аквариум без стенок. Вода удерживала форму только благодаря магии. Внутри, будто в озере, стайкой плавали виво, хорошо видимые всему Кворуму.

— Не знаю, как вы, но я предпочитаю не расходовать продовольствие попусту. Не лучше ли брать для еды ровно столько рыбы, сколько нужно, а остальная пусть плавает и ждет своей очереди свеженькая?

— Правильно! — воскликнул Киндор, но соседи зашикали на белку-летягу. Оплод сердито глянул на него и повернулся к улыбающемуся Маркусу. Стало ясно: поединок будет нешуточным.

— Ну что же, ты способен накормить жителей Квасеквы в трудные времена, пришелец. А сможешь ты защитить их от нападений?

Снова саламандр поднял лапы, совершая в воздухе волнообразные движения.

Кто угрожает нам мечом,
Узнает вскоре, что почем.
Мы не попрячемся в кусты —
Ведь наши руки не пусты.
Из чудотворного огня,
Булатом кованым звеня,
Победы будущей залог,
Явись, сверкающий клинок!

На этот раз вспыхнуло пламя. Все, кто присутствовал на Кворуме, заслонили лица от жара, а прямо перед ними из огня возникли меч, щит и длинное копье. Жар начал убывать, огонь — гаснуть.

Волк Ноториан поднялся с места и оглядел выкованное на глазах оружие, взвесил на руке меч, погремел им по щиту.

— Вполне годится для хорошего боя.

— Для одного воина, — с готовностью согласился Маркус. —

К тому же обученного. А рядовой гражданин? Как он или она сможет защитить себя?

Он опять воздел руки, и снова никто из присутствующих не понял ни слова из заклинаний, которые претендент завершил, закинув плащ круговым движением на плечо. В воздухе образовался вихрь, раздался металлический звук, и что-то, выскочив из-под плаща, упало на пол. Потом еще и еще. Металлический грохот нарастал, сверкающим потоком падали ножи.

Ноториан поднял один из них и попробовал лезвие.

— Лучшей стали я в жизни не видел, — объявил он ошеломленному Кворуму.

Извержение ножей не прекращалось до тех пор, пока Трендави не поднял лапу.

— Хватит!

Маркус кивнул и забросил плащ за спину. Грохот металла прекратился. На полу лежала гора ножей разных форм и размеров. Маркус отбросил несколько и поклонился Кворуму.

— Как пожелает заказчик!

Потом он обвел рукой образовавшуюся груду оружия.

— Я хочу подарить все это Кворуму и жителям Квасеквы, которая стала для меня вторым домом.

— Да ведь это всего лишь ножи! — пробормотал Каскоум.

— А ты предпочел бы сабли? Или что-нибудь пострашнее? — спросил Маркус, расслышавший его бормотание. — Например, что-то в этом роде?

Он поднял к потолку левую руку. Из растопыренных пальцев вырвалась молния и перебила древко знамени, укрепленного за столом напротив мага. На сидящих посыпались куски дерева, а потом упало и само знамя. Маркус только ухмылялся, наблюдая, как барахтающиеся под полотнищем члены Кворума пытаются выбраться и соблюсти при этом видимость достоинства.

— Ну как? Может, сотворить еще что-нибудь?

— Нет-нет, мы удовлетворены, — проскрежетал Трендави, вылезая из-под знамени.

— Ты способен накормить и разрушить, а можешь ли ты созидать? — резко вмешался Оплод.

И снова лапы саламандра задвигались в такт заклинаниям.

Утвердим и мощь и честь
Нашей доблестной державы!
Для величия и славы
Все, что надо, в недрах есть.
Есть сапфиры и рубины,
Бирюза, опалов груды,
Сердолик, аквамарины,
Аметисты, изумруды.
И, наконец, лаская глаз
Сверкает царь камней — алмаз!

В центре стола возникли кристаллы: голубые и желтые, розовые и синие. Казалось, они вырастали прямо из дерева. Их грани, отражая свет, бросали на восторженных зрителей разноцветные отблески. Когда Оплод закончил, вся поверхность стола была покрыта драгоценными камнями. Прислужники, стоявшие вдоль стен, громко зааплодировали.

Однако Маркус Неотвратимый улыбнулся еще шире и зашевелил пальцами. Аплодисменты сменились испуганными перешептываниями.

Из каменных стен и потолка начали расти цветы — экзотические, незнакомые, издающие нежнейшие ароматы. Головокружительные расцветки и запахи заполнили зал Кворума.

Стало ясно, что мнение многих изменилось в пользу претендента.

— Вы довольны? — спросил Маркус. — Ответьте, кто из нас достоин звания самого могучего мага?

— Маг — это фокусник, а не волшебник, — заметил Оплод.

Маркус пожал плечами.

— Я предпочитаю называться магом. Я привык к этому и хочу, чтобы меня звали так. Что до моих фокусов, то они ничем не хуже твоего волшебства. Или показать что-нибудь еще?

— Разве только вот это, — медленно произнес Оплод. — Ты показал нам, что способен сделать для других, а что ты можешь сделать для себя самого?

Сказав эти слова, саламандр вытянул красно-черную лапу в сторону Маркуса и начал произносить заклинание такой страшной силы, что повторить его было просто невозможно. Потянуло сквозняком, на присутствующих зашевелился мех. Свет ламп потускнел. Все, кто был в зале, задержали дыхание, чтобы частица энергии, попав внутрь, не обратила их в прах.

Маркус Неотвратимый стал медленно подниматься в воздух. Он упер руки в бока и, склонив голову набок, одобрительно кивал, наблюдая за собственной левитацией.

— Скажите, а ведь неплохо! Совсем неплохо, — проговорил он и поднял руку. Потом что-то небрежно пробормотал.

И вдруг Оплод Хитроумный, Оплод-мудрец, Оплод — советник по вопросам магии и волшебства при Главном Кворуме Квасеквы исчез.

Пока Маркус медленно опускался на пол, все пришли в себя, и тут прислужники завопили, а самые впечатлительные члены Кворума ударились в панику.

— Что ты с ним сделал? — сквозь зубы проговорила Домурмур, потому что прекрасно понимала — это провал. — Где он?

— Где он? Дайте подумать... — Маркус потер подбородок. — Возможно, он там?

И он резким жестом указал в сторону дальней двери.

Слуги, стоявшие около нее, рассыпались в разные стороны, опрокинув блюдо с фруктами.

Но Маркус отвернулся от них, оглядывая зал.

— Нет, пожалуй, он там, под столом!

И некоторые члены Кворума невольно наклонились, но затем быстро выпрямились, потому что поняли, как ловко манипулирует ими пришелец.

— А может, он тут, прямо вот здесь? — И Маркус Неотвратимый снял черную шляпу, перевернул ее донышком вниз и три раза постучал. Оттуда вывалился ошеломленный, потерявший ориентацию Оплод Хитроумный. Оттолкнув предложенную Маркусом руку, он с трудом встал на ноги, пошатнулся и потряс головой, стараясь сообразить, где находится.

Теперь большинство в Кворуме поддерживали Маркуса.

Оплод, прищурившись, уставился на противника, не обращая внимания на крики присутствующих:

— Я не знаю, как ты это делаешь, но твердо уверен: что-то в твоей магии не совсем чисто.

— О, все в полном порядке, — возразил претендент, ничуть не смутившись. — Просто мое волшебство немного отличается от того, с чем вы знакомы. Или вы боитесь всего нового и непривычного? — Теперь он повернулся лицом к собравшимся. — Неужели вы боитесь незнакомых вещей даже в том случае, если они лучше известных вам?

— Нет, — быстро ответил Трендави. — Мы не боимся новизны. Напротив, Квасеква может гордиться тем, что всегда идет навстречу новым веяниям и поощряет нововведения.

Он с грустью поглядел в сторону Оплода.

— Мои рекомендации таковы: Кворум официально провозглашает Маркуса Неотвратимого Главным Советником по вопросам магии и волшебства, а Оплоду Хитроумному выносит благодарность за долгие годы безупречной службы и несколько позже предложит ему новую официальную должность.

— Поддерживаем! — раздалось сразу несколько голосов.

Дело было сделано. Маркус стоял, скрестив руки на груди, улыбаясь и принимая поздравления от своих сторонников и сдержанные слова признания от тех, кто был его оппонентом. Некоторые хотели выразить Оплоду сочувствие, но саламандр не стал медлить. Быстро, но с достоинством он покинул Кворум, потому что еще не пришел в себя после фокуса, который проделал с ним Маркус. Саламандр был потрясен, но не напуган и уж тем более не укрощен.

В кабинете было темно. Оплод предпочитал рассеянный свет и сырость. Его апартаменты располагались на самой окраине комплекса Кворумата, ниже уровня воды. Древние камни стен не позволяли водам озера Печальных жемчужин проникнуть внутрь, но пропускали приятную сырость. На стенах и потолке рос крас-

ный и зеленый мох. Вся мебель была сделана либо из камня, либо из корня дерева борам, устойчивого к влаге.

Под потолком висели магические шары-лампы, но светили они тусклее, чем всегда, что отражало подавленное состояние духа волшебника. Оплод лежал в каменной ванне для размышлений и, не отрываясь, глядел на слабо мерцающий шар. Ванну наполнили свежей озерной водой, в которой плавали кусочки мха и лишайников, тина, мелкие водяные насекомые и светло-голубые теплые грелки. В покоях царила атмосфера мягкая и влажная, весьма подходящая для саламандров.

Однако очевидно было, что Оплоду не до того. Он лежал на спине, скрестив лапы на груди и пошевеливая под водой хвостом. Неподалеку молодой, небольшой по размеру саламандр поддерживал огонь в очаге. Это был Флют, одетый в накидку подмастерья. Он прекрасно понимал причины беспокойства хозяина. Ученик выглядел плотнее своего учителя, и пятна на его спине были черные, а не красные. Розовые перистые жабры плотно прижались к шее. Испытывая волнение и беспокойство, Флют тем не менее терпеливо ждал, когда учитель выйдет из ванны. Для него этот день тоже был полон печали, потому что он уже знал о событиях в зале Кворума. К вечеру новость разойдется по всему городу.

В конце концов, Оплод поднялся из воды, с трудом задышав воздухом, и торжественно провозгласил:

— Нет, этого нельзя допустить!

— Прости, мастер, — тихо осведомился Флют, — чего нельзя допустить?

— Да, я проиграл, и тут ничего не поделаешь. Не отрицаю, магия пришельца очень сильна. Он настоящий волшебник, или маг, или как там ему будет угодно себя называть. Блестящий престидижитатор с непонятными приемами. Однако меня страшат не его возможности, но его намерения. Их я понимаю даже хуже, чем его магию.

Оплод подошел к огню. Флют оглядел стол — все ли готово к ужину — и вернулся к очагу, где кипела похлебка из майской мухи. Ученик осторожно помешал ее. С этим блюдом надо обращаться особенно деликатно, иначе гнезда мухи станут мягкими, клейкими и не будут похрустывать на зубах — качество, которое особенно ценится гурманами.

— Мне особенно не понравилось, как его поддерживали в Кворуме Киндор и Вазвек, — продолжал саламандр, глядя на огонь. — Эти два оппортуниста готовы вступить в союз со всяким, кто обещает им прибыль. А у Асмуэля и ему подобных спины гибкие, как у червяков. С такой поддержкой Маркус может добиться всего!

— Добиться чего?

— Всего, чего пожелает. Теперь он — Главный Советник Кворума. Пост очень престижный, во всяком случае для большинст-

ва. Но не для него, как мне думается. Это видно по глазам. Тут никакого колдовства не нужно — достаточно тридцати лет житейского опыта. Нет, Флют, он стремится к большему. Этого-то я и боюсь.

— Подозреваешь какие-то козни, мастер?

— Эх, Флют, я так давно живу на свете и так давно имею дело с властями предержащими, что очень легко распознаю стремление повелевать. На лице Маркуса Неотвратимого без труда читается жажда власти. Покидая Кворум, я увидел ее совершенно отчетливо, но никто пока этого не заметил, кроме меня. Знаешь ли ты, Флют, что жизнь в Квасекве хороша именно тем, что у нас никогда не было правителя? Никаких королей, президентов или императоров. Над нами есть только Кворум, который замечательно работает в обстановке ограниченной анархии. И это нам, жителям Квасеквы, прекрасно подходит. Однако Маркус думает иначе. Он видит слабость там, где мы видим силу. Конечно, в нашей системе есть уязвимые места, особенно если находятся готовые пасть ниц перед первым же диктатором, явившимся к нам с претензиями на власть.

— Ты думаешь, мастер, что он хочет объявить себя верховным правителем?

— Если бы знать наверняка! — Оплод рассеянно слизнул языком соринку с левого глаза. — В любом случае я теперь уже ничего не могу сделать.

— Неужели его волшебство настолько сильнее твоего, мастер?

— Сегодня оно было сильнее. — Саламандр пожал скользкими плечами. — Кто знает, что будет завтра? Но отрицать его могущество невозможно. Знать бы, откуда он его черпает...

Тут Оплод прервал свою речь и с сокрушенным видом подсел к столу.

Флют потянулся к кастрюлям.

— Подавать ужин, мастер?

— Нет, пока нет, — отмахнулся саламандр. Он явно был захвачен какой-то мыслью. — Если бы можно было угадать его намерения, мотивы... Но когда речь идет о людях, все становится таким неопределенным, зыбким.

— А что, если он действительно более могуществен, чем ты?

Вопрос не был ни праздным, ни дерзким.

— Тогда нам потребуется помощь такого мага, который способен справиться не просто с великим, но со странным волшебством.

— Неужели есть на свете маги талантливее тебя?

Впервые за этот день Оплод улыбнулся.

— Как мало ты еще видел, мой юный ученик! Мир невообразимо огромен, полон чудес и сюрпризов. Конечно, на свете есть волшебники посильнее меня. В данную минуту я как раз думаю об одном из них. Он мудрее всех остальных, знания его простира-

ются далеко за пределы постижимого. Полагаю, он посильнее Маркуса Неотвратимого. Скажем, я надеюсь на это. Тот волшебник храбр, смел, он истинный пример для других магов. Я говорю о Клотагорбе из Древа. Вот кого надо просить о помощи.

Флют нахмурился и отвернулся, чтобы учитель не заметил скептической улыбки.

— О нем я кое-что слышал, мастер. Говорят, что этот волшебник мудр, исполнен знаний, прошел большой жизненный путь и способен на удивительное, это правда. Однако мне что-то не доводилось слышать, что он храбр и смел.

— Конечно, многое, о чем рассказывают, может быть просто слухами, — уступил Оплод. — Но то, что он может совершать удивительные вещи, — доказанный факт. Ведь благодаря ему, как ты знаешь, удалось нанести поражение Броненосному народу в битве у Врат Джо-Трума.

— Дело в том, мастер, что мне приходилось слышать множество разных рассказов об этой битве, и не все они одинаково повествовали о маге Клотагорбе из Древа. Все сходятся лишь в одном — он был там в решающий момент. Однако его вклад в победу трактуется по-разному.

— Все равно, он — единственный достаточно могучий волшебник, способный прийти нам на подмогу. Придется просить его о помощи, он не должен нам отказать.

— Как же ты сообщишь ему о нашей просьбе, мастер? — спросил Флют, грустно посматривая на булькающую похлебку, которая, того гляди, могла перевариться. — Может быть, мне следует подготовить пентаграмму для дистанционного заклинания?

— Нет. — Оплод поднялся из-за стола. — Возможно, Маркус достаточно опытен в этих делах и отследит его. К тому же нет гарантии, что оно сработает на таком расстоянии. Дом Клотагорба расположен далековато от Квасеквы. Я уже стар и, боюсь, не смогу преодолеть его, потому что давненько не практиковался в дистанционных заклинаниях.

Признание учителя в собственной слабости поразило Флюта, хоть он и постарался этого не показать. Ясно, что сегодняшнее поражение лишило мага не только заслуженно высокого положения, но и уверенности в себе.

А может быть, Оплод Хитроумный просто соблюдал разумную осторожность? Флюту приятнее было думать так.

— Нам нужен гонец, — бормотал волшебник, — надежный, привычный к далеким путешествиям, быстрый. Не из тех, кто боится покинуть земли, окружающие озеро Печальных жемчужин.

Он еще немного подумал, потом кивнул головой и взглянул на ученика.

— На острове Кинатве, самом дальнем из четырех островов, составляющих восточную часть нашего города, в тех местах, где собираются пернатые, живет ворон Пандро. Пришли его ко мне

так, чтобы ни одна душа не знала. Я объясню ему, что от него требуется. Мне ни разу не приходилось прибегать к помощи летучей братии, но я слышал, что этот ворон храбр и достоин доверия. Повторяю еще раз: будь очень осторожен. Говорят, у Маркуса уже теперь есть шпионы, которые доносят ему обо всем, что происходит в городе. Да, он победил меня сегодня, однако он не дурак, это очевидно. Я уверен, Маркус по-прежнему считает меня самым опасным соперником. Не отрицаю, он прав, — мрачно бормотал Оплод. — Я вижу и чувствую, что он за личность, а потому всегда буду бороться против назначения Маркуса на любой ответственный пост в городе, который так люблю. Полагаю, он об этом догадывается, к тому же этот тип не из тех, кто полагается на случай. Маркус наверняка следит за моим домом, но ты ведь сможешь покинуть его незаметно? Вряд ли кто-то, кроме тебя, знает о потайном выходе.

— Когда мне отправляться, мастер?

— Прямо сейчас. — Тут волшебник запнулся. — Ты уже поел?

— Это не имеет значения. Я могу поесть в другое время.

— Ничего подобного. Тебе потребуется много сил. Давай сначала поужинаем.

Они сели за стол, но трапеза прошла в глубоком молчании. Потом Флют плотно закутался в непромокаемый плащ и двинулся в сторону алькова, расположенного под аркой в дальнем конце комнаты. При ближайшем рассмотрении арка оказалась колоколом в разрезе, сделанным из плотно пригнанных друг к другу керамических плиток. Заклинания Оплода убрали воду из комнаты. Флют поднимался по каменной лестнице, пока не добрался до того места, где черная вода озера плескалась о стенку колокола. Подмастерье приготовил плавники, расправив их лапами, и нырнул.

Несколько сильных быстрых гребков вынесли его далеко в открытое озеро. Флют, не выныривая на поверхность, плыл энергично и безошибочно в сторону восточных островов. Как и все остальные, входящие в город Квасекву, они были соединены между собой дамбами. Но ходить теперь по улицам в открытую не стоило.

Наступило время прятаться и таиться в глубинах озера.

Глава 2

Оплод принял ворона в официальном облачении, надев высокую, узкую, заломленную назад шапку, балансирующую на самой макушке скользкой головы. Флют остался молча стоять у дверей.

На вороне был килт его клана — в зеленую, фиолетовую и красную клетку, — а также жилет бледно-фиолетового оттенка. На

груди висела золотая цепь. Подвижным кончиком крыла Пандро потирал у себя под клювом.

— А теперь расскажи-ка все как есть, чародей. — Ворон внимательно изучал бумаги, полученные от Оплода. — Ты хочешь, чтобы я полетел сначала на север по намеченному пути, потом отклонился на запад и, таким образом, доставил твое послание.

Он снова пошелестел бумагами, нашел ту, что была письмом, а не картой, и продолжил:

— Значит, отдать его я должен старой черепахе по имени Клотагорб, живущей... — он сверился с картой, — в огромном дереве. И все это за сотню монет.

Оплод молча кивнул.

— Далековато нужно лететь, черт возьми!

— Я слышал, ты не боишься больших перелетов.

— Я ничего не боюсь и уж меньше всего — дальних перелетов. Однако смотри, как секретно ты все обставил, да и сумму платишь немалую, поэтому, мистер Оплод, ты уж извини меня, но я должен знать, в чем загвоздка.

Оплод глянул на ученика, вздохнул и улыбнулся ворону.

— Да, мне не следует скрывать от тебя правду. Ты должен понимать, какая важная миссия на тебя возложена. Так вот, Пандро, ты уже знаешь, что пост Главного Советника Кворума занял другой.

— Конечно, весь город знает про этого Маркуса... И что с того?

— Уважаемый Пандро, у меня есть причины считать, что у пришельца злые намерения. Я не могу убедить в этом членов Кворума, потому что они решат, будто я обозлен и возвожу на Маркуса напраслину. Выступить против него в одиночку я тоже не могу. Мне необходима помощь. Клотагорб, которого тебе предстоит найти, и есть тот единственный маг, что способен нам помочь. Загвоздка, как ты выражаешься, заключается в том, что Маркус Неотвратимый хитер и весьма искусен в колдовстве. Ты уверен, что никто не видел, как ты сюда вошел?

— Совершенно уверен, — ответил из угла Флют. — Я был очень осторожен.

— В таком случае, уважаемый Пандро, загвоздки может и не быть. Однако, когда полетишь на север, будь настороже, потому что Маркус неглуп. Если он догадается, что ты помогаешь мне, твоя жизнь может оказаться в опасности. Не дай бог он заметит, как ты прибыл сюда или отсюда улетел. Тогда ему захочется прервать твое путешествие.

— Это все? — спросил ворон, уперев крылья в бока, потом свернул послание и карту, чтобы сунуть их в заплечный мешок. — Тогда тебе не о чем волноваться, мастер Оплод. Во всей Квасекве не найдется летуна, способного пробыть в воздухе так долго, как я, довольствуясь при этом скудной пищей. В полете мне нет рав-

ных, кого бы ни послал Маркус, если он кого-нибудь пошлет вопреки ожиданиям.

Тут Пандро провел по клюву кончиком крыла.

— Видал? Я два раза ломал клюв в бою, так что постоять за себя я сумею. Мне не страшен в воздухе никто, кого бы ни послали следом. Или он меня не догонит, или я его отколочу.

— Уверенность — дело хорошее. Но и переоценивать себя не нужно.

— Не беспокойся. Я постараюсь все сделать как следует. У меня есть подруга и три птенца, к которым мне непременно нужно вернуться. Согласись, это посильнее даже сотни монет. Будь спокоен, я доставлю твое послание.

— Ты можешь лететь ночью? — спросил Оплод.

— Ночь ли, день ли — воздух для меня всегда одинаков независимо от того, светло на улице или темно. Если для тебя это важно, я могу отправиться сегодня вечером.

— Для меня это очень важно, — улыбнулся Оплод. — Ночь — теперь наша лучшая помощница.

Флют важно кивнул в знак согласия.

— Как пожелаешь, мастер, — ответил ворон.

— Осторожность — прежде всего, — наставлял Оплод. — У Маркуса везде шпионы, даже среди пернатых.

— Я буду помнить об этом. Стоит покинуть окрестности озера, и передо мной — свободное для полета пространство. К тому же я знаю всех, кто хорошо летает и дерется на наших островах. По-моему, среди них нет никого, кто продался бы этому типу.

— Я думаю не о твоих родичах, — мрачно сказал Оплод, — а о тех, кого Маркус может вызвать своей магией с других небес, пострашнее наших.

— Стоит ли волноваться о том, чего нельзя предусмотреть? Мне кажется, не стоит. Впрочем, у тебя такая работа — думать. — И ворон постучал себя по лбу. — Значит, так. Кого я не смогу обогнать или победить в драке, того нужно будет перехитрить.

— Тогда вперед, в дорогу. И поторопись с возвращением.

Пандро направился к двери.

— Можешь ставить на меня, мастер.

— Ворон, говоришь? — Маркус Неотвратимый вполуха слушал, что говорила ему мышь. Он был поглощен новыми апартаментами, предоставленными ему Кворумом. Они располагались в башне и были лучшими на территории Кворумата.

— Да, п-премудрый. — Мышь немного заикалась, а от близости могучего и страшного нового советника стала заикаться сильнее обычного. — Он в-в-вылетел прямо с того места, г-где на улицу Моссамей выходит обиталище волшебника.

— В каком направлении он полетел?

— Н-н-на север, премудрый. Там не живет почти никто из летунов нашего города.

Маркус с трудом оторвался от созерцания роскошной резьбы по дереву и посмотрел на своего телохранителя.

— Что ты думаешь обо всем этом, Пругг?

Очень большой и ужасно сильный, Пругг не отличался умом. Поэтому, несмотря на рост и силу, над ним все время посмеивались. Раньше посмеивались. Теперь же, когда Пругг стал охранником и приближенным Маркуса Неотвратимого, насмешки прекратились. Богатырь понял и оценил новое положение, испытывая признательность к своему хозяину. Маркус дал ему уверенность в себе, хотя Пругг почти ничего не понимал из того, что ему говорили.

Теперь ему не приходилось напрягать голову: Маркус думал за него. Самому Пруггу процесс размышлений давался с трудом. Никто отныне не смел насмехаться над ним. Наоборот, все его боялись и уважали. Для Пругга это было в новинку, более того, ему понравилось такое положение вещей. Маркус давал все, что было нужно новому прислужнику, а тот платил безоговорочной преданностью.

Прежде чем ответить на вопрос хозяина, Пругг изо всех сил напряг голову.

— Земли на север от города заселены меньше, чем все другие окрестности, хозяин.

— А что там есть?

— Там раскинулись леса, которые населены народами, не подчиняющимися нашему городу, да и вообще никакому правительству, хозяин. Дальше на север, за лесами, находится Руни-пай — первое из бесчисленного множества болот, которые, соединяясь между собой, образуют пояс, идущий с запада на восток. Эти болота отрезают нас от всех земель, расположенных севернее.

— Расскажи мне про эти земли.

— Я ничего о них не знаю, хозяин. Никогда там не был и не знаю никого в городе, кто посещал бы те края.

— Так, значит, туда и направилась птица прямо из дома Оплода? — На этот раз Маркус, кажется, действительно заинтересовался. Он повернулся к мыши. — Ты в этом уверена?

— Уверена, п-премудрый. Он полетел, стартовав недалеко от д-д-дома волшебника. Я внимательно наблюдала за ним с соседней крыши.

— Ну хорошо, а почему ты думаешь, что он летит по поручению Оплода?

Маленькая шпионка придвинулась поближе и взволнованно зашептала. У нее даже усы тряслись — так хотелось угодить всемогущему магу:

— У волшебника Оплода есть молодой помощник по имени Флют. Я заметила, что он разговаривал с вороном, прежде чем тот отправился в путь.

Маркус только рассеянно качал головой, любуясь инкрустацией на полированной поверхности в центре стола, около которого стояло только одно кресло.

Этому креслу чего-то не хватает, какого-то украшения сверху. Может быть, фигуры демона или химеры, вырезанной из дерева. Нужно, чтобы что-то привлекало взгляд посетителя. И уж если на то пошло, стол необходимо поставить на возвышение и так вести прием посетителей.

Маркус вспомнил о мыши, которая продолжала стоять у его ног, с надеждой глядя на мага.

— Что-нибудь еще?

— Это все, п-премудрый.

Маркус кивнул и посмотрел на Пругга.

— Дай ей золотую монету.

— Спасибо тебе, п-премудрый.

Шпионка-мышь не привыкла к такой щедрости, но Маркус считал, что помощникам надо платить много, иначе на тебя будет работать только всякая шваль, готовая продаться первому встречному. Может быть, на этот раз он немного переплачивает, зато покупает себе верного и ценного слугу.

Мышь схватила монету и быстро отскочила от молчаливого страшного Пругга. Потом она несколько раз подобострастно поклонилась и шаркнула ножкой, прежде чем уйти совсем.

Когда дверь за ней закрылась, Пругг повернулся к своему благодетелю.

— Что будем делать, хозяин?

— А что ты предлагаешь?

— На свете есть летуны побыстрее воронов, хозяин. Я бы послал одного из них следом и, чтобы не рисковать, велел бы убить посланца Оплода.

— Он опередил нас на целые сутки, — пробормотал Маркус, — но предложение твое дельное.

Пругг гордо ухмыльнулся.

— Я пошлю за ним, но не стану никого искать или нанимать. Лучше выполнить задуманное с помощью заклинаний.

— Так точно, хозяин. — И Пругг с восторгом приготовился наблюдать, что будет делать его повелитель.

А маг тем временем вышел на середину комнаты. Отсюда была убрана вся мебель, все украшения, чтобы освободить пространство. Телохранитель отошел в сторону, чтобы лучше видеть происходящее. Странно, но Маркусу для волшебства совсем не требовалось специального помещения, и вообще ничего, кроме свободного пространства для пассов.

Как обычно, Маркус тихо забормотал магические формулы. Не то чтобы Пругг способен понять его слова лучше, чем Оплод, но Маркус Неотвратимый не хотел рисковать.

В комнате заметно потемнело, воздух как будто замер. Конечно, будь под потолком светящиеся шары, Пруггу лучше было бы видно, но хозяин не хотел, чтобы в доме оставалось хоть что-нибудь от Оплода, и велел использовать для освещения факелы.

Послышалось слабое завывание, странное и пронзительное, нараставшее с каждой минутой. Пругг напряг зрение и увидел, как в центре комнаты, прямо в воздухе, стало появляться нечто. Как и говорил маг это было нечто летающее, но такое, чего Пругг не только никогда не видел, но и слыхом не слыхивал. Он в ужасе попятился, несмотря на то что появившиеся существа оказались меньше его, — настолько уродливы и страшны они были.

Однако Маркус пришел в восторг от их внешности. Он словами и руками направлял их полет, и существа кружились над его головой.

— Прекрасно, прекрасно! Даже лучше, чем я надеялся. Эх, если бы я мог вызывать их в детстве! Да, Пругг, много времени потребовалось, чтобы освоить это искусство. Видишь, они точно такие, как я описывал.

Демоны кружились и вертелись над головой хозяина, издавая бешеные вопли и клацая длинными зубами. В замкнутом пространстве комнаты шум получался оглушительным.

Тут Пругг заметил, что у демонов не было лиц. Ни глаз, ни носов, ни даже ртов. Только зубы, щелкающие зубы. Клыки без челюстей. Пругг почувствовал, что дрожит. Оказывается, бывают вещи пострашнее ночных кошмаров.

— Вперед, на север! — воскликнул Маркус, указывая направление. — Там летит ворон по имени Пандро. Куда летит — не знаю. Ваша задача — не дать ему туда долететь. Вперед!

Безликие демоны один за другим, цепочкой, вылетели в открытое окно. Только после того, как рычащий и завывающий хор затих вдали, Маркус опустил руки и вернулся к столу.

— Так вот, Пругг, по поводу этого кресла. Я хочу, чтобы ты... Ты меня слушаешь? — Маг внимательно посмотрел на телохранителя.

Тот с трудом оторвал взгляд от окна, куда только что вылетели демоны, и повернулся к хозяину. Маркус вел себя так, будто не творил никаких заклинаний. Для него это было обычным делом — взять и вызвать потусторонние силы. Да, Пруггу просто повезло, что у него такой повелитель.

Стоял прекрасный теплый день. В воздухе было влажно, но не душно. Землю внизу не было видно за густыми деревьями. Пандро улетел далеко на север от Квасеквы, оставив позади и окраины города и поселения дружественных соседей.

Восходящие потоки теплого воздуха позволяли ворону без усилий парить над густым тропическим лесом. С тех пор как он

покинул дом, Пандро останавливался только однажды, прошлой ночью, чтобы немного поспать. Проснулся он еще до рассвета, быстро позавтракал фруктами, орехами и сухой рыбой, а потом полетел дальше на север.

Ворон припоминал, что должен лететь по направлению к Коколесью, о котором в Квасекве ходили только смутные слухи. Оплод уверял его, что оно действительно существует, как существует и великий волшебник, которому предстояло получить послание.

Если этот волшебник не миф, Пандро доставит письмо. В то утро он чувствовал себя особенно уверенно. Ворон был доволен собой и даже решил пропустить обычную дневную трапезу, чтобы покрыть расстояние побольше. До сих пор полет был совершенно безопасным. Перед отправлением он уверял подругу, что ему предстоит скорее приятное путешествие, чем трудное задание. Пока все так и шло.

Вдруг Пандро услышал за спиной шум. Шум постепенно нарастал. Сначала ворон не мог понять, что напоминает ему этот звук. Возможно, так могли бы лететь представители Броненосного народа. Однако они тоже существовали когда-то давно, в прошлом. О них тоже ходили только слухи. Пандро видел их изображения, но рисунки были скорее порождениями буйной фантазии, чем реальными свидетельствами.

Родственники обычных жуков и прочих ползучих тварей, живущих в лесах и озерах, имели твердый панцирь и серые глаза. Никто из них ни разу не добирался до Квасеквы, поэтому ворон не ожидал встретить в пути броненосных. Обернувшись, он разглядел своих преследователей. Как ни поражен был Пандро, пришлось признать, что они очень напоминают виденные им изображения Броненосного народа.

Когда же те, кто летел за ним, подобрались еще ближе, ему сделалось страшно. Нет, это были совсем не броненосные, несмотря на некоторое сходство в обличье. Они были куда ужаснее! У тех, по крайней мере, лица. Эти же, безликие, покрытые панцирем, не походили ни на кого на свете. На том месте, где у соплеменников Пандро находились клювы, видны были только жадные, острые, как бритва, странно изогнутые клыки.

Ворон напрягал все силы, но напрасно. Его нагоняли с устрашающей легкостью. Надеясь спрятаться между деревьями, он нырнул в лес. Однако когда Пандро выглянул из-за ветвей, то увидел, что преследователи не отстали, но даже приблизились. Ворон прятался, путал следы, уходил вниз, применяя все известные ему хитрости. Он то исчезал в листве, резко разворачивался и летел назад, то снова поднимался в небо. Демоны не отставали. Они были неутомимы. Их неотступность устрашала, она означала неминуемую гибель.

Вдруг один из преследователей не сумел увернуться и с разгона врезался в ствол гигантского дерева токоро, так что только кора полетела в разные стороны. Оглянувшись, Пандро с облегчением увидел, как тот падал, крутясь и кувыркаясь, а потом ударился о землю. Ага, значит есть еще надежда! Хоть они и демоны, однако не бессмертны и вполне уязвимы. От мучителей все-таки можно избавиться!

Нападающих было шестеро, теперь их осталось пять. Но продолжать сражение в таком темпе не под силу никому! Маневрирование среди деревьев отнимало больше сил, чем обычный полет. Однако делать нечего: оторваться от демонов Пандро не мог, приходилось скрываться в лесу.

Один из преследователей, огибая толстенный ствол, попался в лапы огромному летающему ящеру. Сцепившись, они ударились о землю с такой силой, что кровь брызнула. Ящер обалдел от свирепости, с которой вцепился в него странный малыш, а демон не смог вырваться из острых когтей хищника. Так они и остались внизу.

Теперь их четверо, лихорадочно соображал Пандро. Сердце его отчаянно колотилось о грудную клетку, болели мускулы крыльев. Один из демонов завис прямо над его головой. Пришлось сложить крылья и камнем упасть вниз. В последнюю секунду ворону удалось избежать столкновения с землей, однако кривой клык все же задел левое крыло. Полетели черные перья.

Взмыв в облака, ворон осмотрел полученную рану. Она оказалась поверхностной, но еще немного — и ему пришел бы конец. А между тем силы нападавших не убывали, они выглядели такими же бодрыми, как и в начале битвы. Надо что-то предпринимать, и как можно скорее. Нельзя же вечно прятаться между деревьями.

Ворон опять сложил крылья и спикировал. Все четыре демона ринулись за ним, вопя в унисон.

Снова немного не долетев до земли, Пандро отпрянул в сторону, и на этот раз спрятался за ствол заранее выбранного дерева. Преследователи разделились и напали на него с двух сторон. Первый просвистел над головой, второй тоже промахнулся и проскочил слева. Третий метил прямо в горло, но врезался в дерево — только клыки посыпались. Четвертый отлетел в сторону, чтобы оглядеться.

Пандро, изо всех сил махая крыльями, возвращался в сторону Квасеквы, надеясь, что демоны его потеряли и он сможет немного погодя развернуться и снова лететь на север. Оглянувшись через плечо, приметил двоих, рыщущих над вершинами деревьев. Они искали его в противоположном направлении.

А где же третий?

Пандро обернулся вовремя. Он успел увернуться, однако демон, целившийся в глаз, все-таки вонзил зубы ему прямо в шею.

Брызнула кровь, полетели перья. Перед глазами ворона, застилая голубое небо, закачались облака. Он почувствовал, что падает, падает вниз, в зеленую могилу.

Прощай, милая подруга Асенва с таким обольстительным хвостом, прощайте, птенцы! Прощай, мудрый волшебник, с тревогой глядящий в будущее. Пусть твоя кожа всегда будет влажной! Я старался, как мог. Но ты не предупредил меня, что придется сражаться с демонами.

Ветви первого же дерева встретили его, и он сильно ударился...

Демоны вернулись, и теперь Пругг получал истинное удовольствие, наблюдая за лицами Киндора и Вазвека. Несмотря на видное положение в Кворуме, те страшно перепугались, приняли оборонительные позы и только что не прятались под плащ хозяина. Маркус выждал несколько минут, дав гостям как следует ужаснуться, а потом заверил, что им ничего не угрожает, потому что безликие демоны — его верные слуги. Но Вазвек не посмел вылезти из-за спины мага до тех пор, пока страшные существа не угомонились в приготовленных для каждого из них нишах.

Убедившись, что демоны заснули, Пругг осторожно приблизился к ним. Он не хотел показать членам Кворума, что боится. Однако чародейство повелителя наполняло его ужасом.

— Спокойно, Пругг, они тебя не тронут. Им не сдвинуться с места, пока я не прикажу, — сказал Маркус.

Телохранитель внимательно осмотрел вернувшуюся троицу. Они действительно вели себя смирно и не обращали на него никакого внимания. Демоны были невелики ростом, зато изогнутые клыки производили сильное впечатление даже на него. Пругг потрогал один клык пальцем — демон не пошевелился.

— Почему-то вернулось только трое, — бормотал Маркус. — Как они вам, Киндор? Хотите, я оживлю их, и они потанцуют для вас в воздухе?

— Нет, нет, нет, советник, — заторопился Киндор. Он вцепился в свою накидку и трясущимися пальцами пытался застегнуть пуговицы, успевшие расстегнуться, пока он прятался от демонов. — Никогда не видал ничего подобного.

— А много вы вообще видели демонов? — ухмыльнулся Маркус, разглядывая перепуганную белку. — Они теперь совершенно безвредны. Но вернемся к нашему разговору.

После того как на все вопросы Маркуса были даны подробные ответы, он отдал несколько распоряжений. Маркус Неотвратимый уже не советовал — он был выше этого. Он распоряжался, а Киндор и Вазвек торопились выполнить его указания, чтобы угодить повелителю. Дела шли хорошо, хозяин был доволен.

Отпустив гостей и с интересом проследив, как быстро и почтительно они удаляются, маг вернулся к молчаливым демонам.

— Только трое. — Он потер пальцем нижнюю губу, а потом указал на последнего. — Видишь, на одном зубе кровь?

— Вижу, хозяин, — ответил Пругг.

— А чья кровь? Может быть, самого демона?

Телохранитель изо всех сил напряг мозговые извилины, но быстро сообразить не мог.

Маркус поморщился.

— Ну, что ты такой бестолковый? Ты знаешь, что ты бестолковый?

— Прости, хозяин, я знаю, что туповат. Но ведь я стараюсь!

— Ладно, я держу тебя не за сообразительность. Но ты должен знать, что это не может быть кровью демонов, потому что у них нет крови. Как нет и жизни. Они оживают только тогда, когда я хочу. И будут мертвы до тех пор, пока я не прикажу им ожить. Из этого следует, что перед нами кровь не демона, а ворона-гонца.

— Ага, значит, вот как, — понял Пругг. — Черный ворон, которого послал бывший советник, скользкий Оплод, погиб и не донес до места какое-то послание. — Пругг был доволен собой. — Можно, я сообщу саламандру, что его слуга убит?

— Нет, ни в коем случае. И я не скажу. Пусть себе валяется в ванне и думает, что его письмо скоро дойдет до адресата. Потом пусть думает, что ворон его подвел. Словом, пускай поломает голову над тем, что случилось, и не мешает нам некоторое время. — Маг злобно улыбнулся. — Мне еще многое надо успеть, и не стоит всяким саламандрам путаться у меня под ногами.

— Что с ним случилось?

Слова едва доходили до Пандро сквозь черный туман в голове. Сначала ворону даже показалось, что он бредит, но потом он услышал еще кое-что, на этот раз отчетливее:

— А я почем знаю? Я что, похож на доктора?

— Нет, ты скорее похож на недолеченного пациента, сбежавшего из больницы для чокнутых, — ответил первый голос.

— Ну, вы, заткнитесь! Кажется, он приходит в себя, — сказал кто-то третий.

Голоса затихли. Пандро подумал, что от него ждут какой-нибудь реакции.

— Я вас хорошо слышу, но почему-то не вижу. Наверное, ослеп, — прохрипел он.

— Ослеп, — констатировал кто-то без намека на сочувствие.

— А ты пробовал открыть глаза? — мягко спросил третий голос.

Пандро, подумав, ответил:

— Нет, не пробовал.

— Так открой!

Ворон мигнул и увидел, что лежит на грубой деревянной платформе, укрепленной между ветвями высоко над землей. В листве мелькали маленькие изящные птицы. Все они были значительно меньше ворона — каждая ростом всего в несколько дюймов.

На него смотрели три птички, две были одеты в сине-черные килты и ярко-красные жилеты, а третья красовалась в бело-желтом килте и розовой жилетке. Однако по сравнению с естественной окраской перьев это пестрое одеяние казалось блеклым.

Сначала Пандро не мог их различать, потому что птички ни минуты не сидели спокойно — они все время порхали то впереди, то сзади, петляя в ветвях и ссорясь между собой. Время от времени они подлетали к огромным тропическим цветам, во множестве украшавшим дерево, чтобы выпить нектара.

Опершись на крылья, Пандро попытался сесть, но поморщился от боли. В том месте, где крыло соединялось с шеей, кровь уже подсохла. Не успей он вовремя увернуться, демон впился бы ему прямо в лицо. Ворона передернуло от одного воспоминания.

— Ты откуда? Что ты здесь делаешь? Ты кто? Почему у тебя цепь?

Вертлявое трио забросало его вопросами, не ожидая ответов. Один, все время чирикая, стучал Пандро по плечу.

— Потише, ребята, — взмолился ворон. Оглядевшись, он увидел на окружающих деревьях множество крошечных домиков и традиционных крытых гнезд. — Дайте сначала спросить мне. Где вы меня нашли?

Один из болтливых колибри подлетел поближе, Пандро ощутил ветерок от стремительно мелькающих крыльев, которые невозможно было разглядеть. Колибри показал головой вправо.

— Вон оттуда ты свалился. — Под клювом у птички сверкнули алые перья... — По дороге переломал все ветки. Странно, что ты не раскроил себе череп.

— Там, наверху, кое-кто тоже попытался проверить мой череп на прочность.

— Охо! — закричал другой колибри, горло которого сверкало синевой, подобно альпийскому озеру. — Там была драка! Если кто-то хочет подраться...

И он, воинственно глядя в небо, скрутил в кулачки кончики крыльев.

— Следи за своим давлением, Веретено, — бросил третий, двигающийся чуть-чуть медленнее остальных.

— А ты следи за своим тылом! — Одна из птичек упала на него сверху, и колибри начали носиться друг за другом, толкаясь лапками, крыльями и клювами. Когда круг распался, Пандро увидел, что все целы и невредимы. Ни один даже не запыхался. Двое

вспорхнули наверх, чтобы напиться сладкого нектара, а третий остался с раненым гостем, сочувственно глядя на него.

— Вот так всегда в наше время — никто даже подраться толком не умеет.

— Да, цивилизация сейчас находится в упадке, — сухо ответил Пандро. — Но если я не выполню возложенное на меня поручение, ей придется совсем туго.

— Ах ты, черт, поручение! — Колибри заплясал вокруг ворона, и перья на его груди сверкнули изумрудами.

Тут Пандро поднялся, разминая крылья, осмотрел себя и понял, что дело обошлось большим шрамом у основания шеи и несколькими потерянными перьями. Все остальное было в порядке.

— Да, я выполняю поручение бывшего советника Кворума города Квасеквы, мага Оплода, — гордо объявил он.

— Никогда не бывал в Квасекве, — затряс головой колибри, да так, что ворону немедленно пришлось уворачиваться от острого клюва. — Там ничего не случается. Такая скука!

— Тебе, брат, все кажется скучным. Кто же виноват, что ты живешь в двадцать раз быстрее, чем все остальные?

— Никто не виноват, — ответил Веретено. — Что вы можете поделать, если вы такие медленные и скучные? Весь мир очень медленный и скучный.

— Как бы ему не пришлось очень скоро оживиться, — мрачно заметил Пандро. — Весьма странный человек захватил пост Главного Советника в Квасекве. Оплод — маг, который меня послал, — обеспокоен тем, что из этого может получиться, потому что человек этот явился неизвестно откуда и к тому же оказался могучим волшебником. А его планы внушают Оплоду серьезные опасения.

Тут страшная мысль поразила ворона, и он схватился за грудь, но, нащупав медальон, в котором было послание, успокоился. Демоны сорвали с него заплечный мешок, но не тронули цепь на шее и висевший на ней медальон. Хорошо, что он догадался спрятать письмо туда.

Пандро посмотрел на небо.

— Они решили, что со мной покончено.

— Кто решил?

— Демоны, которых, видимо, послал Маркус Неотвратимый, тот самый новый советник, о котором я говорил. Оплод предупреждал меня об опасности, но что я мог поделать — они оказались резвее меня.

— Демоны! Вот это да! — обрадовался Веретено. — Давно ждали мы хорошей драки! — Он повернулся к остальным. — Я отправляюсь за Жужжалом и остальной компанией, и мы им покажем!

— Подожди минуту! — остановил его Пандро.

Колибри завертелся в воздухе.

— Не стоит вам искать этих демонов.

— Мы не боимся никого, кто летает.

— Конечно, не боитесь. Но тут совсем другое дело. — Ворон содрогнулся, вспомнив ледяное прикосновение к шее, и он рубанул воздух крылом. — У них зубы, а не просто клювы. Они разорвут вас на части.

— Пожива для кондоров! — завопил второй колибри, порхая вверх-вниз и нанося воображаемому противнику удары справа и слева. — Мы повыдергаем им все крылья! Мы...

— Ничего ты не сделаешь! — возразил самый рассудительный из вертлявого трио. — Нет здесь никаких демонов.

Сверкнули алые перышки на грудке.

— Как нет?

— Ты видишь вокруг хоть одного демона?

— Нет...

Колибри приуныли и сели, наконец, на платформу.

— Пока не видели, но, если ворон покажет, где их найти... — Веретено немного приободрился.

Ворон энергично замотал головой.

— Благодарю покорно, у меня полно дел. К тому же вы бы уже давно познакомились с этими демонами, если бы они меня искали. А так — они сбили меня и улетели, не зная, что я еще жив.

Пандро напряг длинные черные крылья и взлетел над платформой. Главные плечевые мускулы были целы и невредимы. Все в порядке, не считая того, что он чудом остался жив.

— Спасибо за помощь, но мне пора в путь. Теперь я вижу, что саламандр недаром беспокоится о судьбе нашего мира.

— Да кому интересны заботы старого волшебника? — фыркнул Веретено.

— Вот это ты напрасно, — задумчиво прощебетал третий, самый разумный колибри. Он посмотрел вслед Пандро. — Высокого тебе полета, брат, и не оглядывайся.

— Не волнуйся, — крикнул ворон, забирая все выше и выше. — Подумайте вот о чем: Оплоду Хитроумному кажется, что у нового мага есть планы и расчеты, касающиеся не только Квасеквы, но и земель за ее пределами. Может, они затронут и ваш лес.

— Ему лучше сюда не соваться, — заверещал Веретено, подпрыгивая и кувыркаясь в воздухе так, что не было видно крыльев. — Тут и демоны не помогут, придется ему убираться отсюда без хвоста.

— Нет у него хвоста! Я же говорил, он — человек. — Голос Пандро был уже еле слышен.

Веретено присел на ветку.

— Человек? А что может понадобиться от нас человеку? — Он

пожал плечами и повернулся к соседу. — Давай полетим к Жужжалу, прихватим всю компанию и устроим хорошую драчку!

— Давай!

И птички взлетели в воздух.

Третий, однако, задержался, стараясь ухватить смысл слов, сказанных вороном. Потом пожал плечами и пустился догонять приятелей.

Да, трудно быть маленьким колибри: ум и память у него тоже очень маленькие.

Глава 3

— Но я-то знаю, что она меня любит, — воскликнул Джон-Том, меряя шагами спальню своего друга черепаха. Места в ней было достаточно даже для его длинных ног, потому что Клотагорб при помощи пространственного заклинания благоразумно раздвинул стены комнаты.

Надо сказать, что внутренность дерева была полна разных помещений, которых прежде здесь, конечно, не было, — и все благодаря волшебству старого чародея. Однако в данный момент он тихо лежал на груде твердых подушек, служивших ему постелью, высунув голову из панциря и подперев мозолистый подбородок лапой, и никаким чародейством не занимался. Клотагорб просто следил глазами за молодым человеком, нервно бегающим по комнате.

— Ты знаешь, а ведь и я был влюблен когда-то.

Такое откровение заставило Джон-Тома замереть.

— Кто? Вы?!

Черепах поднял голову и возмущенно уставился на долговязого бестактного юнца сквозь толстые шестиугольные очки.

— Интересно, а почему бы и нет? — И тут на него снизошла сентиментальная задумчивость. — Это было лет эдак сто шестьдесят тому назад. Она была так мила! Раскраска верхней части панциря напоминала ограненные драгоценные камни, а нижняя была гладкой, как полированный гранит.

— И что случилось?

Клотагорб вздохнул.

— Она бросила меня ради одного сладкоречивого матамата. Ее вкусы были несколько эксцентричнее моих.

И маг снова вернулся к действительности.

— Так вот, у меня на этот счет тоже есть кое-какой опыт. Поэтому, мой мальчик, я и говорю: твоя Талея тебя не любит. Кроме того, ты очень многообещающий чаропевец, и тебя ожидает лучшая участь. А она — всего-навсего мелкая воровка.

Джон-Том в смущении отвернулся.

— Меня не интересует ее профессия. Она спасла мне жизнь, а я спас ее. Мы любим друг друга, и все тут!

— Да ничего не «все тут»! — возразил непоколебимый Клотагорб. — Я не возражаю против того, что она — храбрая, мужественная особа. Очень хотел бы добавить — разумная. Но мужество и храбрость не всегда означают любовь. Что же до всего остального, то если бы она была девушкой разумной и любила тебя, то была бы сейчас тут рядом.

Джон-Том был растерян, но не сдавался.

— Ну вы же помните, какая она — легкомысленная, ранимая, нервная, особенно когда поблизости вы.

— Особенно когда поблизости я? С чего бы ей нервничать от этого?

— Ну, как же? Вы — самый могучий и великий волшебник в этом мире. Многие начинают нервничать рядом с вами.

— Неужели? А мне-то казалось, что многих я просто раздражаю. Послушай моего совета: выбрось Талею из головы. Она будет мешать тебе учиться, а ты и так запустил занятия.

Чародей смахнул пыль с одной из подушек и нахмурился.

— Надо бы заставить Сорбла убраться, если только мне удастся загнать этого мерзавца в угол и произнести заклинание от пыли.

— Нет, черт побери, она меня все-таки любит! — воскликнул Джон-Том с чувством. — Я знаю, я уверен. Она... она просто не готова, не готова к постоянной привязанности. Ее нужно убедить, уговорить. — Молодой человек уставился в пол, покрытый слоем древесных опилок. — Нетрудно сделать это, знай я, где она теперь.

— Взбалмошная особа вроде нее никогда не угомонится.

Клотагорб снял очки и, прищурив глаза, стал протирать линзы, а потом снова нацепил их на клюв.

— Слушай, а может, тебе на ней жениться, а затем вы будете заниматься каждый своим делом. Тебе еще столько нужно увидеть!

— Я хочу увидеть все это вместе с ней.

Последовала неловкая пауза. Потом Джон-Том подошел к кровати и опустился рядом с ней на колени.

— Послушайте, вы ведь самый великий на свете волшебник. Помогите мне!

Клотагорб, покачав головой, с трудом принял сидячее положение и скрестил лапы на панцире.

— Отказать такому проницательному юноше довольно трудно. Однако мне бы хотелось, чтобы ты выбрал себе в подруги кого-нибудь понадежнее.

— Но я люблю Талею.

— А как насчет девушки по имени Кинтера, которую ты притащил сюда из своего мира?

Джон-Том сглотнул, отвернулся и двинулся от черепаха.

— Зачем же вспоминать? Вы же знаете, как мне это неприятно.

— А почему? Не потому ли, что в конце концов она предпочла многомудрого кролика Каза? — Клотагорб погрозил ему пальцем. — Вот что бывает, когда думаешь, что твои желания совпадают с желаниями других. Возможно, физически она была близка к твоему идеалу, но не умственно или эмоционально. То же самое можно сказать и о Талее.

— Нет. — Джон-Том завертелся на кровати. — Талея — то, что нужно! Я уверен в этом. Пусть наши отношения развиваются немного медленно... Клотагорб, прошу вас! Ведь вы можете помочь мне, если захотите.

— Каким образом? Сотворить любовное зелье, чтобы ты подлил ей в питье? — Маг покачал головой. — Такими мелкими эмоциональными воздействиями я не занимаюсь, и ты это прекрасно знаешь. Пойди к любому аптекарю в Линчбени, если уж на то пошло. Я дам тебе рецепт, но сам заниматься такой ерундой не буду. Однако ты только напрасно выбросишь деньги: в любой аптеке можно купить средство ничуть не хуже.

— Не нужны мне ваши зелья и рецепты! Я прошу совета, мудрый Клотагорб.

— Ах вот как? Пожалуйста! Пойди и подстригись.

Джон-Том даже застонал. Волосы его были длиной всего до плеч.

— И здесь то же самое! У вас предубеждение против волосяного покрова, и только потому, что на вас самом нет ни волоска.

Черепах внимательно осмотрел себя.

— Ай-ай-ай, да ты никак заметил? Вот так наблюдательность! И как это такой внимательный молодой человек не сумел завоевать вечной привязанности женщины, о которой думает, что она его любит? Не могу понять!

— При чем здесь «завоевать»? Мы не на войне.

— Напрасно! Возможно, лет через двести ты изменишь свой взгляд на любовь.

— Да прекратите вы изображать мудрого старца! Очень мне нужны поучения! Мне необходим совет, а вы тут со своим сарказмом!

— Если ты стремишься узнать, что такое любовь, тебе, мой мальчик, не следует пренебрегать сарказмом.

Джон-Том решил сменить тему.

— Знаете, я сочинил для нее песню.

— Если ты думаешь, что сможешь заколдовать ее при помощи песни, чтобы добиться...

— Нет, нет, это просто песенка, такая коротенькая дружеская песенка, чтоб Талея узнала о моих чувствах. Мне легче рассказать об этом в музыке. Хотите послушать?

— Разве у меня есть выбор? — пробормотал Клотагорб, правда очень тихо.

Джон-Том отправился в угол, где оставил свою дуару — редкий вид гитары с двумя наборами струн. Он поднял ее и ласково погладил. Славный инструмент! Сколько раз он помогал ему, благодаря неожиданной способности творить волшебство, пусть не всегда предсказуемое и управляемое.

— Мелодия должна расположить ее ко мне. Мне хотелось придумать песенку о том, что ей нравится больше всего, и спеть при следующей встрече.

— Тогда спой о богатом алкоголике, заснувшем под забором в темном переулке. Вот это ей точно понравится! — предложил Клотагорб.

Джон-Том проигнорировал замечание.

— Я помню, как однажды она сказала мне, что любит розы. «Они — симпатяжки» — так она выразилась. Ей никогда в голову не придет сказать: прекрасные, романтические. Талея вообще не относится к романтическому типу женщин. Ей просто нравился запах роз, она думала, что они идут ее волосам. Поэтому я стал вспоминать какую-нибудь песню о розах. Но те исполнители, которых я люблю, о таких вещах обычно не поют. Приходилось быть очень осторожным, чтобы дело опять не кончилось какой-нибудь тигрицей... Помните, я рассказывал эту историю? Так вот, я выбрал в конце концов одну песенку и хочу, чтобы вы послушали и высказали свое мнение.

— Минуточку, мой мальчик, постарайся, чтобы в моем доме дело обошлось без твоего обычного горе-чародейства. Хочешь попрактиковаться — ступай на улицу.

— Все будет в порядке.

Джон-Том устроился на сиденье.

— Это просто песенка, я не собираюсь колдовать.

Клотагорб только устало прикрыл глаза.

— Ну, если ты совершенно уверен...

Джон-Том ухмыльнулся.

— Конечно, уверен на все сто. Что может быть странного в песенке о розах?

Он опустил пальцы на струны, сначала на первые, потом на вторые, ощущая их упругость.

Полились аккорды, мягкие, успокаивающие, совсем непохожие на те диссонансы, резкость которых так нравится исполнителям «хэви метал». Клотагорб постепенно перестал волноваться.

— Ладно, мой мальчик, если ты уверен, что все будет в порядке, если ты контролируешь ситуацию...

Но тем не менее он отодвинулся от певца так далеко, как только мог.

Джон-Том ободряюще улыбнулся и начал песню. Музыка была прелестна, но Клотагорб не терял бдительности. Он следил не

только за мелодией и был прав. У подножия кровати возникло красное свечение.

— Вот видишь, мой мальчик, я же говорил!

Но Джон-Том не слушал. Мысли о Талее перенесли его в царство любви. Он думал только о том, как она будет слушать песню, сочиненную для нее человеком, который ее обожает.

Яркий кроваво-красный шар повис в воздухе, разбрасывая вокруг искры, а голос Джон-Тома набирал силу. Клотагорб в волнении замахал лапой. Шар упал на пол и тут же исчез.

Старый чародей облегченно вздохнул и прищурился, ожидая, когда певец умолкнет. Поэтому ветки, которые начали пробиваться из-под опилок, остались поначалу незамеченными. А росли они с устрашающей скоростью.

Джон-Том завершил куплет и гордо глянул на учителя.

— Ну, вы видите? Не о чем беспокоиться. Кое в чем я уже преуспел и теперь могу себя контролировать. Мне кажется, я достиг того уровня, когда могу наколдовать то, что хочу.

Тут выражение его лица немного изменилось, и он с любопытством спросил:

— Забавно! Я не помню, вы сажали что-нибудь около кровати?

Боясь увидеть нечто страшное, Клотагорб тут же перевесился через край ложа и едва не упал. Прямо из пола росли тонкие аккуратные веточки. Пока они смотрели, на этих веточках набухли и раскрылись бутоны нескольких десятков роз сорта «Американская красавица».

— Ну как? — восхищенно воскликнул Джон-Том. — Какая девушка устоит перед такой красотой?

— Пожалуй, — неохотно согласился Клотагорб. — Надо признать, букет у тебя получился премиленький.

Джон-Том вернулся к дуаре.

— Я не спел еще второй куплет. Какой цвет вы выбираете на этот раз? Как насчет ярко-желтого?

Он снова запел, и новый куст появился быстрее, чем его предшественник. Он был раза в два выше и весь усыпан душистыми желтыми цветами.

— Все очень просто! Говорю вам, контроль я уже освоил.

Клотагорб, не отрываясь, смотрел на куст.

— Освоил? Хорошо. Тогда останови его рост.

У Джон-Тома даже челюсть отвисла.

— Что остановить?

— Останови рост этого куста.

— Но я же больше не пою!

— Ты ему об этом скажи.

Клотагорб указал на неукротимо растущие розы.

Не требовалось никакой особенной остроты зрения, чтобы увидеть, как куст продолжает захватывать пространство. Он до-

брался почти до потолка и, когда ветки наконец уткнулись в него, пошел расти в стороны, выбрасывая все новые отростки и цветы.

— Не волнуйся, сейчас я спою последний куплет, и тогда с ним будет кончено.

Певец принялся за дело. В комнате, наполненной тяжелым ароматом, зазвучали нежные, сладкие слова.

Но на плодовитый куст это не произвело никакого впечатления. Он продолжал расти. Опутав потолок и стены, розы начали заполнять комнату. Ростки пересекались и перепутывались. Некоторые ветки были уже толщиной с березовый ствол. Комната ходила ходуном.

— Хватит! — Клотагорба прижало к изголовью кровати.

Джон-Том попытался пробиться к ближайшей двери, но едва успел увернуться от двух толстенных веток с острыми трехдюймовыми шипами, преградивших ему дорогу.

— Не понимаю, в чем дело. Я же больше не пою!

— Еще бы ты пел!

Клотагорб пытался вытащить один из ящичков, спрятанных у него в панцире.

— Давно надо было смазать. Все заржавело...

Наконец ящичек удалось выдвинуть, и маг стал искать что-то внутри.

— Надо успеть прежде, чем... — бормотал он.

— Прежде чем — что? — поинтересовался совершенно растерявшийся Джон-Том, отступая от надвигающейся ветки, выплюнувшей ему прямо в лицо огромный цветок. От взрыва аромата у юноши закружилась голова.

— Прежде, чем эти проклятые цветочки будут расти прямо из нас! — заорал Клотагорб.

Путь к двери был блокирован, и Джон-Тому пришлось на четвереньках ползти к единственному месту в комнате, свободному от растительности, — кровати Клотагорба.

— Видимо, я перестарался.

— Ну, мой мальчик, твоя наблюдательность и врожденная способность замечать очевидное постоянно изумляют меня.

Маг достал из ящичка в панцире какую-то коробочку, аккуратно его задвинул и только затем открыл коробочку.

— Нашел!

Достав щепотку белого порошка, он наклонился и начал читать заклинание:

Корни, листья и цветы
Небывалой красоты,
Пусть погибнут ваши клетки,
Пусть поникнут ваши ветки.

Черепах бросил порошок прямо в надвигающиеся шипы. Порошок тут же испарился, а ветки задрожали, остановились и, наконец, поникли и засохли. Теперь со всех сторон их окружала

роскошная розовая тюрьма. Джон-Тому показалось, что его сейчас вырвет.

Он попробовал сделать шаг к двери в лабораторию, но понял, что может продвинуться не больше чем на несколько дюймов. Шипы, острые и длинные, как шпаги, прижали его обратно к подушкам. Юноша снова забрался на кровать.

— Извините меня, пожалуйста, — прошептал он упавшим голосом.

Запах роз становился удушающим. Клотагорб вздохнул и отечески потрепал Джон-Тома по плечу.

— Ничего, мой мальчик, все мы бываем порой слишком самоуверенными. В одном ты совершенно прав: это маленькое цветочное подношение, без сомнения, произвело бы на твою даму, окажись она здесь, сильное впéчатление. Особенно если бы ее не разорвало в клочки. О твоем колдовстве можно сказать только одно — ты ничего не делаешь понемногу.

Вокруг их маленького убежища на кровати покачивались тысячи роз разнообразных цветов и оттенков.

— Ничего особенно вредного в твоем чародействе нет. Однако, мой мальчик, тебе надо научиться держать в узде свой энтузиазм.

Джон-Том окинул взглядом спальню.

Букет, конечно, впечатляет, но его трудно доставить по назначению.

Тут Клотагорб спрятал голову в панцирь так, что виднелась одна макушка, и сполз с кровати. Он тоже попытался пролезть сквозь густые заросли, но безуспешно. Шипы не могли проколоть толстенную броню, но чародею не хватило сил пробиться сквозь сплетение веток. Пришлось и ему вернуться на кровать.

— Ничего не получается. Я уже не так молод и ловок, как прежде.

— Может, попробовать какое-нибудь заклинание?

Клотагорб лаконично заметил:

— Ты эти джунгли наколдовал, ты их и уничтожь «каким-нибудь заклинанием».

Джон-Том смущенно сжал руки.

— Мне кажется, не стоит даже пробовать!

Клотагорб от удивления поперхнулся.

— Что? Как ты сказал? Какая скромность! Какое смирение! Вот истинное вознаграждение для меня! Сегодня мы миновали еще один рубеж на пути к обретению мудрости.

Его насмешки были прерваны громким, звучным голосом:

— К вам кто-то пришел.

— Черт возьми, это звонок заговорил, — заворчал волшебник. — За что судьба посылает мне гостей так некстати.

Они терпеливо ждали, сидя на кровати. Через некоторое время откуда-то со стороны входа раздался неуверенный голос:

— Эй, хозяин!

За буйными зарослями с трудом угадывались контуры ученика чародея, стоящего в дверях. Сорбл с утра был почти трезв, что само по себе было уже чудом.

— К вам пришли, хозяин.

Клотагорб поморщился.

— Это мы и без тебя знаем, дурень, и звонок тоже слышали. Кто пришел?

— Он говорит, что проделал длинный путь специально, чтобы доставить нам важное послание, хозяин.

— Да они все так говорят.

— Это ворон, его зовут Пандро, он прибыл из далекого города Квасеквы.

Неожиданно Клотагорб заинтересовался.

— Квасеква, говоришь? Давненько не получал я известий из тех мест. Припоминаю, там был один молодой, но подающий надежды волшебник по имени Оплод. Он тогда только начинал свою деятельность.

— Именно от него и прибыл гонец! — воскликнул Сорбл. — Пандро говорит, что это очень срочно.

— Да, Оплод. Именно так его звали, хоть я и не уверен — память уже не та. Нужно с ним встретиться.

Тут чародей вдруг нахмурился.

— Я надеюсь, ты не предложил ему ничего крепче фруктового сока?

— Я, хозяин? Неужели вы думаете?..

— Да, думаю. А теперь помолчи и займись гостем. Проводи его в комнаты и скажи, что я скоро буду. Потом пойди в кладовку, что рядом с гостиной, возьми большие садовые ножницы, принеси их сюда и выпусти нас из этих джунглей. Мы займемся нашим гостем, а ты остаток дня посвятишь стрижке кустарника вокруг моей кровати.

Филин Сорбл тихонько вздохнул.

— Как прикажете, мастер, — помолчав, сказал он. — Могу я спросить, что здесь произошло?

— Можешь. Это очень поучительная история. Маленькую ботаническую катастрофу вызвала чувствительность нашего юного чаропевца. Видишь ли, он влюблен, а пальцы у него еще зелены. Но, по правде сказать, самая большая проблема находится у него на плечах, а не на руках.

Этот мягкий упрек Джон-Том постарался принять со всей покорностью, на какую только был способен. Чтобы не причинить ненароком еще какой-нибудь ущерб окружающим, он постарался выбросить из головы мысли о прекрасной Талее и сосредоточиться на предстоящей встрече с гостем из далекой страны.

Вскоре острые садовые ножницы прострigли в зеленой чаще тоннель и пленники выползли наружу.

— Отличная работа, — похвалил волшебник своего учени-

ка. — Теперь расчисть все остальное. Оставь только розовый куст прямо под окном. Цветы на нем очень хороши, и к тому же в том углу всегда сыро.

— Да, хозяин, — ответил тот и принялся изо всех сил щелкать ножницами.

Ворон ожидал их в гостиной на специальном гостевом насесте, устроенном для удобства крылатых визитеров. Наверно, он проделал большой путь, но выглядел на удивление бодро. Джон-Тома очень заинтересовал синяк на лбу посланца, отсутствие части перьев на крыле и страшный шрам на шее сзади. Рана была совсем свежей, и Джон-Том подумал: уж не связана ли она каким-то образом с прилетом ворона в Колоколесье?

Если Клотагорб и заметил все эти подробности, то виду не подал. Он мрачно уставился на большой стакан, из которого гость с удовольствием прихлебывал.

— Что это?

— Что? — Ворон не сразу понял, о чем спрашивает волшебник. — А, это. — Он приподнял стакан. — Прекрасный напиток и довольно крепкий. Он пришелся как нельзя кстати. Чрезвычайно вам благодарен...

— Знаю, знаю, кого тут нужно благодарить, — грозно заворчал Клотагорб. — А сам он тоже приложился? Как гостеприимный хозяин?

Не успел ворон ответить, как чародей развернулся и сердито затопал обратно в спальню.

— Сорбл! — завопил он.

Джон-Том и Пандро неловко молчали, пока через пару минут не вернулся Клотагорб.

— Счастье, если к ночи ему удастся расчистить эти заросли, а уж если он не отхватит себе при этом кусок ноги, тогда — двойная удача. Ладно, с ним я потом поговорю.

Волшебник постепенно успокоился и вспомнил о госте.

— Извините, что я так внезапно прервал нашу неначавшуюся беседу. Теперь к делу. Вас зовут Пандро? Вы прилетели сюда из Квасеквы?

Ворон степенно поставил стакан на полку, соединенную с насестом, и подтвердил:

— Да, сэр.

— Далекий был путь.

— Да, неблизкий.

Пандро слетел вниз и запрыгал по полу, приближаясь к собеседнику.

—Хочу обратить ваше внимание на то, что я просто гонец, нанятый для доставки письма. Я даже не знаю толком его содержания, потому могу рассказать только то, что известно мне. Однако послание, которое я должен передать, объяснит ситуацию у нас в стране лучше.

Он достал из цилиндрического медальона, висящего на шее, бумаги.

— Это письмо от Оплода, который прежде был советником Кворума Квасеквы по делам магии и волшебства.

— Что значит «прежде был»?

Клотагорб стал внимательно просматривать бумаги через толстые очки и скоро погрузился в чтение.

Джон-Том решил занять гостя разговором.

— Что у вас с шеей?

Ворон инстинктивно потянулся крылом к свежей ране.

— Пока я летел сюда, на меня напали. Кто-то или что-то очень не хотел, чтобы я добрался до цели.

— А кто на вас напал?

— Демоны, — ответил Пандро с восхитительной небрежностью. — Безликие демоны. Серо-черные, с длинными изогнутыми клыками и безглазые.

Такого Джон-Том не ожидал.

— Да что вы говорите? — воскликнул он в изумлении.

— Это были настоящие демоны — Пандро настаивал на своем, принимая искреннее изумление Джон-Тома за недоверие. — Неужели вы думаете, я не сумею разобраться, демон это или не демон, особенно если он пытается оторвать мне голову?

— Я вам верю, — успокоил его Джон-Том.

Ворон принялся с интересом рассматривать своего собеседника.

— Вы — самый большой человек, какого мне доводилось видеть.

— К тому же я — чаропевец, — гордо заметил Джон-Том.

Клотагорб, не поднимая головы от письма, ввернул:

— Что есть, то есть! Хотите взглянуть на его чародейство? Пойдите в соседнюю комнату.

— Там нет ничего интересного. Так, пустяки! — вдруг заторопился молодой человек. — Скажите, вы работаете у этого мага Оплода?

— Нет, меня наняли для выполнения этого поручения. На службе я не состою, если вы это имели в виду.

Клотагорб закончил чтение письма и недовольно кивнул.

— По-моему, все не так уж серьезно. Однако Оплод принимает происходящее близко к сердцу, и письмо написано на грани истерики. Мое личное участие, видимо, не требуется. Но оставить без внимания просьбу о помощи я не могу.

Он повернулся к ворону.

— Что собой представляет этот Маркус Неотвратимый? Вы его видели?

Пандро отрицательно покачал головой.

— Я выполняю небольшие поручения: доставка, отправка — вот такие услуги. Мне редко приходится бывать в комплексе Кво-

румата, поэтому мне не доводилось сталкиваться с ним. Но от других я слыхал, что видели его немногие, потому что он держится особняком. Зато рассказов о Маркусе и его магии ходит множество.

— Он действительно человек?

— Так говорят.

— Значит, он человек, явившийся сюда из другого мира?

Клотагорб снова уткнулся в бумаги.

Джон-Том едва сознание не потерял от волнения, однако тотчас нашел в себе силы для вопроса:

— Из другого мира? Может, он тоже чаропевец, как я? Или играет на каком-нибудь инструменте?

Пандро даже попятился от столь неожиданного энтузиазма.

— Нет, ничего подобного я не слыхал. Говорят, он шепчет свои заклинания, чтобы никто его не подслушал. Про музыку тоже разговоров не было.

— Происходи там нечто подобное, Оплод непременно упомянул бы об этом в послании, потому что все остальное здесь сказано, — заметил Клотагорб, внимательно наблюдая за реакцией Джон-Тома. — Тут написано, что он человек, владеющий искусством магии и утверждающий, что он явился из другого мира.

— Но ведь это вполне может быть. Почему вы сомневаетесь? — волновался юноша. — Случилось же со мной такое. Может, и с ним тоже.

— Все возможно. Однако, если у тебя доброе сердце и благородные намерения, это совсем не означает, что у другого пришельца все будет точно так же. Он вообще может оказаться не из твоего измерения. Вспомни о множественности миров!

— Вы правы. — Джон-Том сразу сник. — Я так разволновался, что совсем забыл об этом.

Пошелестев бумагами, волшебник продолжал:

— Из письма Оплода следует, что Маркус, по-видимому, насквозь фальшив и социально ненадежен. Оплод боится не столько того, что уже случилось, сколько того, что еще может произойти, тем более что магия пришельца действительно мощна.

Клотагорб сложил бумаги.

— Но все это не мое дело. Я не собираюсь решать проблемы, выпавшие на долю другого чародея. Оплод сам признает, что проиграл Маркусу в честном соревновании. Возможно, те страхи, на которые он намекает, есть отражение его собственного недовольства сложившейся ситуацией. В письме говорится об ожиданиях и страхах, а не о реальной угрозе. Для паники я не вижу оснований, а что произошло в стране с тех пор, как Маркус занял место Оплода? Начался террор, введена инквизиция или еще что-то в этом роде?

— Нет, сэр, — ответил Пандро. — Что касается рядовых граж-

дан, все осталось как было. Во всяком случае, до моего отлета. Но... — добавил он задумчиво, — на меня напали демоны, причем над лесами, где прежде их скоплений не наблюдалось.

— Я не берусь судить, мне плохо знакомы те места. А что ты обо всем этом думаешь, Джон-Том?

Волшебник и чаропевец углубились в дискуссию, а тем временем ворон терпеливо ждал. Конечно, не ему судить, плох волшебник или хорош, но если бы его спросили, то он ответил бы прямо, что ждать помощи от этой компании не приходится, и Оплод ошибается, надеясь на них. Подмастерье, встретивший его в этом доме, был настоящим пьяницей, тут и сомневаться нечего. Черепах совсем одряхлел, а долговязый молодой человек показался космополиту Пандро несколько провинциальным.

Но Оплод, наверное, знал, что делал, когда посылал его за помощью.

Так о чем они там говорят?

— Этот Маркус — из моего мира, с моей родины! — настойчиво твердил Джон-Том. — Он попал сюда по ошибке, как и я.

— Но в эфире за последнее время не произошло таких возмущений, как тогда, когда я тебя сюда притащил, — отвечал Клотагорб.

— Возможно, он попал сюда еще каким-нибудь способом. Разве вам известны все связи между измерениями?

— Нет, — признал Клотагорб, слегка обидевшись. — Я уже говорил, все возможно. Мне только хотелось бы, чтобы ты понял: нет оснований утверждать, что Маркус Неотвратимый явился из твоего мира. Оплод пишет, что этот тип, видимо, уже давно занимается магией. Ты же, к примеру, открыл в себе эту способность, лишь некоторое время пожив тут. Более того, трепотня насчет другого мира может оказаться простым желанием набить себе цену — у магов это бывает— или попыткой напугать впечатлительных жителей Квасеквы. Здесь у нас тоже живут люди. Маркус может оказаться здешним, а вовсе не пришельцем из другого измерения. Просто болтун, и все! Не забывай, мальчик: твоя материализация здесь была совершенно случайной.

— А если в его случае это не случайность? — возразил Джон-Том. — Вдруг какой-то волшебник из соседнего мира нашел способ переходить из одного измерения в другое?

— Ты, помнится, говорил, что у вас нет волшебников?

Джон-Том сконфузился.

— Да, это так. Но, может быть, там он был кем-нибудь еще? Например, инженером... Помните, вы думали, что я — инженер? И теперь вместо заклинаний он произносит вслух какие-нибудь теоремы или формулы? Дело в том, что я хочу знать наверняка. Понимаете, Клотагорб, наверняка! А если он попал сюда не случайно, если он сумел это устроить, значит, надо думать, он сумеет

устроить и возвращение домой. Ведь если мы объединим наши усилия, проще будет вернуться!

Клотагорб кивнул.

— Я предвидел твою реакцию, мой мальчик. Конечно, тебя взволновала такая информация, и это естественно. Более того, я не стану мешать тебе выяснить все, что так тебя интересует.

Глава 4

Пандро молчал уже довольно долго.

— Послушайте, вы говорите примерно то же, что толковал мне Оплод. Повторяю, я всего лишь посланник.

Он махнул кончиком крыла в сторону письма, которое держал Клотагорб.

— Однако Оплод сказал мне кое-что еще. Если Маркус и впрямь из другого мира, то это — мир Тьмы и Зла. — Ворон многозначительно посмотрел на Джон-Тома. — Так вы говорите, что вы тоже оттуда?

— Все возможно, — вмешался Клотагорб. — Но пока нет причин верить этому.

— Так вот, хотя вы, молодой человек, весьма необычно выглядите, однако, судя по описаниям, совсем непохожи на Маркуса Неотвратимого.

— Расскажите, каков этот Маркус? — нетерпеливо попросил Джон-Том.

— Конечно, он человек. Высокий, но гораздо ниже вас. Толще и старше. Растительности на голове мало.

Джон-Том кивнул.

— Это какой-нибудь инженер из нашего мира.

— Одежду он, говорят, не менял с тех пор, как попал сюда.

— Опиши! На нем джинсы — такие штаны из грубого голубого материала? Или костюм? Нечто с вырезом мысом спереди и под ней — белая рубашка, а на шее завязана длинная полоска материи.

— Нет, — задумчиво ответил Пандро, — совсем не то. Я слышал, он одет во все черное, сшитое из превосходной гладкой ткани. Сверху плащ, а на голове — странная черная башня. И еще — в районе сердца у него леденящее душу пятно крови.

— Что-то не совсем понятно, — медленно произнес Джон-Том.

А он был так уверен!..

— Необязательно Маркусу быть твоим соплеменником, — возразил Клотагорб. — Возможно, не так уж он и опасен. По крайней мере, интересный тип.

— Сэр, даже если он родом оттуда, откуда и вы, на вашем месте

я бы не рассчитывал на его помощь. Если верить Оплоду, этот маг думает только о своих интересах, — вступил ворон.

— Наверно, потому, что он напуган. Если мы вместе попробуем вернуться домой и преуспеем, тогда он никому не будет страшен, — сказал Джон-Том.

— Сэр, все в Квасекве будут благодарны вам, если вы избавите нас от Маркуса. — Пандро замялся. — Оплод ничего такого не говорил, но ходят слухи, что у Маркуса есть план покончить с Кворумом и стать императором или королем. Для Квасеквы это было бы настоящей катастрофой. В нашей истории не было абсолютной монархии. Мне кажется, Оплод Хитроумный уверен, что сейчас — самое время остановить пришельца, пока он не начал воплощать в жизнь свои ужасные замыслы.

— Если, конечно, они существуют. Похоже, у твоего хозяина просто мания преследования.

— Все же вам следует обратить внимание на его письмо. Оплод говорил, что вы очень мудры, смелы... и неустрашимы...

Клотагорб снял очки и стал их протирать.

— Да, я припоминаю, что, будучи еще фамулесом, Оплод отличался любовью к исключительно точным определениям.

— Хотелось бы рассказать вам побольше, но я всего лишь посланник.

— Ты даже не подозреваешь, как велика твоя заслуга в этом деле.

— Так вы пошлете помощь? — с надеждой спросил Пандро.

— Конечно!

— Вы сами отправитесь?

— Помощь будет, — заверил ворона Клотагорб. — Можешь передать это Оплоду. Полагаю, он ждет ответа, и такое известие его ободрит. Что касается деталей, то о своих секретах я предпочел бы не распространяться.

— Понятно, сэр, — сказал ворон. Покончив с тягучим напитком, он отставил кубок и поклонился. Направляясь к двери, Пандро спросил: — Еще что-нибудь передать?

— Сорбл! СОРБЛ!! — завопил чародей. — А, пустяки, я сам справлюсь.

Дверь по мановению его руки распахнулась. Хотя и очень скромное, это маленькое волшебство поразило Пандро. Теперь всю дорогу он пролетит под впечатлением от визита и, конечно, расскажет о нем в Квасекве.

— Нет, больше ничего. Скажи Оплоду, если понадобится передать мне еще что-нибудь, пусть присылает тебя.

— Ну нет! Он-то, может, и захочет, но я не полечу. Хватит с меня всех этих чудес: людей из других миров, безликих демонов... Нет уж, спасибо, сэр! Я передам, что вы посылаете Квасекве подмогу. Думаю, он будет тронут. А захочет отблагодарить вас — пусть делает это собственноручно. Никогда больше...

— Ты хотел сказать просто — «никогда», — поднял голову Джон-Том, вспомнив стихотворение Эдгара По.

Ворон странно посмотрел на него, перед тем как поклониться в последний раз. Затем тяжелая деревянная дверь закрылась за ним.

— Будем надеяться на лучшее, — сказал Джон-Том после ухода ворона. — Я начинаю собирать нас в дорогу.

— Что значит «нас», мой мальчик? — мягко спросил Клотагорб.

Джон-Том даже споткнулся.

— Подождите-ка. Ведь он тут толковал, что вы так мудры, смелы и неустрашимы...

— Боже мой, так вот что, оказывается, сказал ворон. — Клотагорб принялся рассматривать потолок. — А мне-то показалось: «мудры, стары». Это более точное описание. В любом случае, я не намерен бросить все и пуститься в долгое путешествие просто ради восстановления попранных прав какого-то волшебника. Как я и говорил, ничего критического в ситуации я не вижу.

— Ничего критического?! Какой-то пришлый злодей выкидывает вашего коллегу с его законного места, собирается захватить целый город, причем неясно, какие цели у него на уме...

— Город тот не мой, и сместили не меня. Что касается «коллеги» Оплода Хитроумного, я с ним не работал и знаю о нем только понаслышке.

— Вы чертовски прохладно относитесь к нему...

— Я бы назвал это трезвой оценкой. Но помощь я пошлю. Раз ты так убежден, что Маркус Неотвратимый прибыл оттуда же, откуда и ты, то я бы на твоем месте не откладывал встречу с ним ни на час. Я лишь немного задержу тебя. — И Клотагорб взглянул на дуару, висевшую за спиной у юноши. — Ты можешь управляться со многими вещами, неплохо знаешь эти края. Твоих способностей хватит, чтобы выкрутиться из затруднительного положения. — Маг ухмыльнулся. — Если этот Маркус и в самом деле так воинствен, как считает Оплод, ты всегда можешь припугнуть его букетом.

Джон-Том кисло улыбнулся.

— Что я буду делать без вашей поддержки и доверия? — спросил он.

— Мои поддержка и доверие будут с тобой. Твой талант растет на глазах. Я лишь пытаюсь контролировать твое самомнение, чтобы ты не лопнул от уверенности в себе. Однако Оплод торопит, да и ты тоже, — продолжал старый волшебник. — Я буду вам только помехой. Думаю, ты и сам прекрасно справишься.

— А что, если он совсем не из моего мира? — призадумался Джон-Том. — Вдруг это какое-нибудь странное, демоническое существо в человеческом обличье? Если верить Пандро, получается не очень-то похоже на доброго старого обитателя Земли.

— Поступишь с ним так, как того потребуют обстоятельства, — строго сказал черепах. — Не могу же я вечно быть твоей нянькой!

— Я уже взрослый.

— Тогда и веди себя соответственно. — Клотагорб поморщился от внезапного приступа боли. — Кроме того, опять мой артрит разыгрался.

— Забавно, что ваш артрит дает о себе знать всякий раз, когда предстоит долгий путь.

— Да, интересная особенность, не правда ли? — не моргнув глазом, согласился Клотагорб.

Маг, тяжело переваливаясь, заковылял к спальне и заглянул в комнату.

— А, Сорбл, кажется, освободил мою кровать! По-моему, он что-то там кромсает. Надеюсь, он не настолько пьян, чтобы отхватить себе кусок крыла.

— Сорбл! — вскричал он. — Как твои дела, бесполезный пернатый пьянчужка?

— Я так устал, мастер, — раздался слабый голос из колючих зарослей. — Эти ветки такие... твердые. — Голос замер, затем просительно заныл: — Не могли бы вы уничтожить их каким-нибудь заклинанием?

— Может, и мог бы, но ученика я держу не для того, чтобы самому заниматься грубой работой. Подобные упражнения всегда на пользу организму, в особенности если этот организм перенасыщен молекулами этилового спирта.

— Чем, мастер?

— Есть такие жидкие магические символы.

— Да я... никогда, мастер, я...

Клотагорб захлопнул дверь в спальню, заросшую розовыми кустами, чтобы не слышать излишне выразительных уверений Сорбла в его невиновности, и повернулся к Джон-Тому.

— Оплод склонен к преувеличениям, мой мальчик. Все саламандры вообще предрасположены к паранойе. Но я уверен, дорога в Квасекву тебе понравится. Путешествие будет долгим, но приятным. Говорят, это чрезвычайно красивый город, выстроенный на архипелаге посреди озера Печальных жемчужин. Будь я лет на сто помоложе, я, пожалуй, не колеблясь отправился бы с тобой.

Джон-Том кивнул.

— Звучит заманчиво. Напоминает нашу недавнюю увеселительную прогулку в далекий Снаркен, не так ли?

Клотагорб перевел взгляд куда-то вдаль.

— В любом путешествии могут случиться неудачи, которых не предугадаешь. — Он смущенно прокашлялся. — На этот раз тебе не придется пересекать бескрайние океаны или мрачные торфяники. Только мелкие тропические озера и лагуны — как те,

на которых расположена Квасеква. Местность с умеренным климатом, край спокойной красоты. Настоящий рай по сравнению с холодным Колоколесьем. Частенько подумывал я о том, чтобы перебраться в те чудные места, когда отойду от дел.

— Вы никогда не уйдете в отставку, потому что слишком заботитесь о своей репутации.

— Нет, мой мальчик, это серьезно. Может, когда мне будет лет триста, я решусь.

— Надеюсь, когда вам стукнет триста, меня здесь уже не будет.

— Да, твое неутолимое желание вернуться домой... Возможно, Маркус тебе поможет.

— Вы все время пытаетесь внушить мне, что без вас в дороге мне будет лучше. Но на этот раз вы правы. Я пошел бы куда угодно, на любых условиях, будь у меня хоть какой-то шанс оказаться поближе к дому.

— А как же Оплод?

— Возможно, он действительно преувеличивает, как вы говорите. Если Маркус — мой земляк, то мы встретимся, побеседуем и вместе что-нибудь придумаем.

— А если все наоборот?

Джон-Том глубоко вздохнул.

— В таком случае воспользуюсь дуарой. Если дело дойдет до поединка в волшебстве, думаю, как-нибудь справлюсь.

«Главное — самому не наделать ошибок», — добавил он про себя.

— Отлично, мальчик мой! Так держать! Если ты удержишься на этой позиции, я убежден, изменения в Квасекве произойдут очень скоро.

Юноша все еще колебался.

— Есть тут одна сложность. Я не могу идти так далеко в полном одиночестве. У вас нет возможности, да и необходимости сопровождать меня. Однако без спутника я все же не рискну пускаться в путь. Ворон мне не компания. Такое занятие не для него: любому надоест висеть в воздухе и ждать, пока тот, кто плетется по земле, тебя догонит. А как тут у вас насчет общественного транспорта?

— Мысль хороша, но здесь нет ничего такого, друг мой. Никаких сношений между Колоколесьем и Квасеквой нет. Все торговые пути между Тимовым Хохотом, Линчбени и другими городами проходят через Глиттергейст или Поластринду.

— Тогда я хотел бы взять с собой своего старого приятеля.

Клотагорб грустно покачал головой.

— Не самый лучший для тебя выбор.

— Мне просто нравится, когда Мадж рядом. У него хорошо подвешен язык, он знает местные обычаи и все ходы-выходы, неплохо владеет оружием и вполне заслуживает доверия, по край-

ней мере когда я присматриваю за ним целый день и не позволяю запустить лапу в мешок с деньгами.

Клотагорб пожал плечами под панцирем.

— Твоя голова — тебе и выбирать.

Джон-Том нахмурился.

— Единственная проблема в том, что я понятия не имею, как его найти. В последний раз я был вынужден прочесать все места вплоть до Тимова Хохота. Поскольку Квасеква совсем в другом направлении, я потеряю кучу времени на поиски, обшаривая Колоколесье, — закончил он с надеждой в голосе.

— Пожалуй. Но не смотри так невинно и не подлизывайся. Это не производит на меня ни малейшего впечатления. Впрочем, если ты настаиваешь на его участии...

— Я бы не настаивал, — быстро сказал Джон-Том, — но так мне будет легче поверить в успех затеи в целом.

— Очень, очень хорошо. Посмотрим, что я могу сделать. Попытаюсь найти его и объяснить, что от него требуется. А что касается тебя, то пора собираться в дорогу. Тщательно уложи рюкзак и позаботься о запасных струнах для дуары. Постарайся хорошенько выспаться. А в отношении твоего «друга» — я предпочел бы вернуться к этому разговору завтра утром.

— Сколько же времени все это займет — найти его и доставить сюда?

— Нам нужно только сидеть и ждать, мой мальчик, сидеть и ждать.

На следующее утро Джон-Том поднялся, радуясь перспективе встречи с соотечественником, который, возможно, поможет ему вернуться домой... Не то чтобы ему было плохо с Клотагорбом — нет! Напротив, старый волшебник изо всех сил старался, чтобы человек, случайно попавший сюда из другого мира, не чувствовал себя чужим и одиноким. Да и самому Джон-Тому жизнь здесь не казалась скучной. Совсем наоборот! Но недавний студент всей душой стремился к спокойной, ничем не примечательной жизни обремененного заботами начинающего юриста где-нибудь в Вествуде, штат Калифорния.

Он умылся в деревянной раковине, которая вырастала прямо из стены дома-дерева. Не в первый раз Джон-Том задумался над тем, какое хитроумное заклинание обеспечило выполнение таких сложных плотницких работ внутри расширенного ствола обыкновенного дуба. Он аккуратно оделся и проверил содержимое своего мешка. Там лежали сушеные фрукты, орехи, вяленое мясо, набор лечебных травок и мазей, маленькая жестяная коробочка с пилюлями и бинтами, которые были при нем, когда он неожиданно очутился в этом мире, смена белья и кое-что из туалетных принадлежностей. Мешок был явно тяжелее, чем во время путе-

шествия в Кранкуларн. В тот раз Клотагорб предупредил, что на пути ему встретятся города и деревушки, где можно найти кров, еду и все необходимое. А территория между Колоколесьем и Квасеквой хотя и приятна по климату, но куда менее заселена. Это означало жизнь в походных условиях, что, в общем-то, устраивало Джон-Тома. Если Клотагорб верно описал земли к югу от Вертихвостки, то впереди его ждало приятное путешествие.

Теперь сперва завтрак, а затем он спросит мага, удалось ли ему найти Маджа. Наверно, придется выйти навстречу будущему попутчику. Короткий, дружеский обмен новостями — и они двинутся в путь, бодро, но не спеша, на юг, наслаждаясь ясными днями и предаваясь воспоминаниям о том, как...

Жуткий крик раздался где-то неподалеку и прервал размышления. Толстые стены дома-дерева сотрясались. За этим воплем последовали второй и третий, причем один был ужаснее другого. У Джон-Тома волосы встали дыбом. Первой мыслью было, что Маркус Неотвратимый оправдал наихудшие предположения Оплода. Выследив ворона Пандро, он послал своих безликих демонов, чтобы покончить со всеми возможными союзниками бывшего советника. Джон-Том схватил посох из таранного дерева, пулей вылетел в соседнюю комнату и бросился вниз. По дороге он нажал на потайной рычажок, и из посоха высунулось шестидюймовое отточенное лезвие. О, только бы успеть прежде, чем злодеи проникнут в Древо и схватят старого волшебника! Вопли тем временем продолжались, но интенсивность их начала убывать. Похоже, они доносились откуда-то со стороны кухни. Джон-Том свернул в узкий коридор, налетев на стенку, вприпрыжку добрался до столовой и затормозил у входа.

В массивном кресле возле стола, росшего прямо из пола, восседал Клотагорб. Из горшка, над которым струился пар, он огромной ложкой черпал похлебку из протертой рыбы и водорослей. Высокий стакан, наполненный мутной водой из поросшего тиной пруда стоял по левую руку от него. Плита, около которой Сорбл прилежно трудился над двумя кипящими котелками и одновременно пек хлеб, испускала жар. Юноша увидел, как филин слетел с насеста, приделанного над плитой, вытащил из духовки двух жареных мышек, засунул их между ломтями свежего хлеба и принялся за собственный завтрак. Хлеб пах просто изумительно.

Но Джон-Том не думал о еде. Его взгляд был прикован к странному сооружению, которое появилось в центре комнаты. Там стояла клетка не особо изящной конструкции. Футов шести в высоту и трех-четырех в ширину, она, казалось, парила над кафелем пола. Клетка была шестиугольной. Верх с низом соединяли не прутья, а тончайшие нити, которые не дрожали под воздействием жара, но не двигались даже тогда, когда брызжущее слюной и орущее существо, заключенное внутри, неистово билось о них

всем телом. Его немедленно отбрасывало обратно, будто нити были сделаны из прочнейшей стали. Так как существо было связано по рукам и ногам, то ему приходилось колотиться головой и плечами, впрочем, довольно безуспешно. Находившийся в клетке субъект напоминал не то цилиндр, не то мумию, спеленутую толстой веревкой с головы до пят.

— Доброе утро! — доброжелательно сказал Клотагорб как ни в чем не бывало. — Позавтракаешь с нами?

— Минуточку. — Джон-Том отложил посох. Он медленно обошел парящую в воздухе клетку, ни на секунду не отрывая от нее взора, пальцем проверил толщину прутьев. Несмотря на все усилия, ни одна нить не поддалась. Руку пришлось отдернуть, так как связанное существо попыталось укусить его за палец. Острые зубы поцарапали кожу, и молодой человек слизнул кровь с ранки.

— Прости, Мадж, но я не имею к этому никакого отношения.

— Ах, он не имеет отношения, чужестранское отродье, дылда, ублюдочный слизняк, трепло! Конечно, не имеешь, чтоб вам сдохнуть обоим, тебе и этой твердопанцирной глыбе, которая называет себя волшебником.

Клотагорб, проигнорировав тираду, продолжил трапезу.

— Не пори чепухи, приятель! Вы вдвоем всегда играли против меня. И не смей отрицать, всегда так было!

Джон-Том, продолжая посасывать чуть было не ампутированный старым другом палец, миролюбиво сказал:

— Он только собирался найти тебя и передать мою просьбу.

Юноша повернулся к магу:

— Ты ведь только хотел известить его!

Клотагорб замер, не донеся ложку до рта.

— Ты прав, я так и сделал. Он был довольно далеко, в городке рядом с Ягнячьей фермой в Гиигсе.

— Вовсе даже не далеко! — завопил Мадж. Он попытался усесться, но веревочная обертка мешала, поэтому пришлось ему устроиться, оперевшись спиной о прутья. — Пожалуй, скроешься от вас, грязные ублюдки! Но это меня не остановит. Никогда! Я еще уйду от вас! — Он обвиняюще посмотрел на Джон-Тома. — За что ж ты меня так подставил, парень? Я-то думал, что после того маленького вояжа по морю, когда я подсобил тебе, мы даже скорешились...

Джон-Том поймал себя на том, что не может смотреть выдру в глаза.

— Да, мы были... во всяком случае, в том путешествии. Но с тех пор тут еще кое-что произошло... — Он попытался улыбнуться. — Ты знаешь, как высоко я ценю твое участие и твою помощь.

— А, так ты позвал старого проныру Маджа, чтобы он берег твою шкуру, верно? А может, тебя еще перед сном баюкать?

Юноша ничего не ответил, и выдр переключился на кухонный стол:

— Развяжи меня немедленно, мерзостная куча протухшего рептильего мяса, а не то, стоит мне выбраться, я затолкаю тебя в собственный панцирь и забью все дыры, слово даю!

— Ну, ну. — Клотагорб аккуратно промокнул рот полотняной салфеткой. — Потрудитесь не забывать, с кем разговариваете.

— Да я знаю прекрасно, с кем! Всем известный господин надоеда. Плевать я хотел, понятно? И буду говорить все что вздумается, хоть в змею меня преврати, хоть в червяка, хоть в поганого человечишку. Мне все равно. На этот раз вы оба переборщили. И никуда я не собираюсь, особенно вот с этим. — Он посмотрел на Джон-Тома. — Ни за океаны, ни в драку, ни на рынок за каштанами. Никуда, никогда, ни за что!

Джон-Том оставил в покое свой недокушенный палец.

— Ты когда-нибудь слышал о Квасекве?

— Ква-чего?

— Квасеква. Она находится далеко на юге от Колоколесья. Уникальный край, прекрасный тропический город, выстроенный на громадном озере. Для выдр место поистине райское.

— Населен очаровательными дружелюбными существами, — добавил Клотагорб, не отрываясь от десерта. — Они-то знают, как принять чужеземца, чтобы он чувствовал себя как дома. А леди, говорят, в особенности.

Мадж, казалось, дрогнул, но ненадолго, и завел снова:

— Нечего меня умасливать и уговаривать. Ни за что! Знаю я вашу манеру. — Он кивнул в сторону юноши. — Этот вот дьявол-подлиза... Да оба хороши, вам бы лед продавать полярным медведям! Со мной эти штучки не пройдут. Делайте что хотите!

Джон-Том подошел к клетке, озарив сумрачную кухню своей самой дружелюбной улыбкой. Держась на безопасном расстоянии от лучшего друга, он сказал:

— Ну, давай, Мадж, еще раз. Помоги, будь другом.

Выдр не отвечал, уставившись в дальний угол.

— Я вижу, как ты огорчен, и могу понять почему. Я, честно, тебе сочувствую и не виноват, что ты попал сюда таким образом. Я собирался разыскать тебя по дороге, но Клотагорб решил, что нужно беречь время, и перенес тебя сюда вот так, не посвящая меня в свои планы.

— Время! Я тебе скажу, что такое время, кореш. А ты знаешь, где я был, когда его волшебная милость выдрал меня из реальности и забросил черт знает куда? Ты хоть представляешь, что означают пять минут в Хаосе?

— Есть, конечно, более щадящие способы перемещения тел, но они занимают слишком много времени, — пробормотал Клотагорб.

— Опять времени! — На морде Маджа появилось тоскливое выражение. — Так я вам расскажу. Был я, стало быть, у Шорвана, во дворце Азартных игр, что в Нижнем Зубодране. Неплохое местечко для такого азартного парня, как я. Приходит мне двенадцать в масть. Двенадцать! — Он с трудом сдержал рыдания. — А куш какой, какой куш, друзья! На три, на четыре года полнейшего комфорта хватило бы! Собираюсь играть и, представьте, знаю, у кого что на руках. Да, один парень мог меня обыграть, но ему пришлось бы блефовать, потому как не было у него на руках такой карты, как у меня. Хитроват, но трусоват. Видел я, как тряслись его паршивые усики. Ну, думаю, сейчас я его, и... Сгребаю все мои фишки, звенящую груду, трофей, добытый тяжким трудом и усилием, и что, вы думаете, со мной тут приключилось? А, что?

Джон-Том ничего не ответил.

— Меня заносит в Неведомый Хаос, а это не райский садик, точно вам говорю. И вот, пожалуйста — замотан, как подарочек на день рождения, в этой чертовой клетке, и вот тот пучок замызганных, изъеденных молью перьев сообщает мне, что я нужен тебе, приятель, для очередной самоубийственной экскурсии.

Джон-Том посмотрел на Клотагорба, но тот не выглядел особенно расстроенным.

— Ты сам говорил, мой мальчик, что хочешь, чтобы этот тип сопровождал тебя. Я уже выражал легкое неодобрение...

— Но мне хотелось добровольной помощи.

— Не будем терять время, это все — семантика.

— Не желаешь терять драгоценное время? Так почему бы тебе не отправить нас в Квасекву тем же способом?

— Не так это просто, мой друг. Перенести и отправить — разные вещи. Заклинания гораздо сложнее, чем ты можешь себе представить. Перенесение и то требует больших усилий, а я, должен признаться, не специалист по отправлению. Будь я всемогущим, я бы переместил сюда этого Маркуса, что сразу упростило бы ситуацию, ты не находишь? К сожалению, не могу. И этот вызов мне удался только благодаря прочной твоей ассоциации с объектом и...

— Кого это ты кличешь объектом, куриные твои мозги? — оживился Мадж, но тут новая мысль захватила его: — А Маркус, о котором вы говорите, это кто такой?

— Именно с ним я и должен встретиться в прекрасной Квасекве, — объяснил Джон-Том.

— Да разве может твоя Квасеква сравниться с игорным залом, где барыш тока лежит и ждет, чтоб его захапали? Двенадцать в масть! Полжизни! — Выдр опять посмотрел на Клотагорба. — Вы бы хоть потрудились, ваше волшебничество, доставить меня сюда первым классом, а не экономическим.

— Я вообще-то не сторонник лишних расходов.

— Да уж, босс, для себя-то вы, наверно, всякий раз заказываете места получше, когда путешествуете. Освободите меня в конце концов от этих проклятых веревок!

— Пожалуй, мне удастся сделать что-нибудь, как только ты совсем успокоишься и будешь вести себя несколько цивилизованнее. Эти вопли и ругательства, ох...

Маг что-то промямлил про себя, но ничего не изменилось.

— Ну и что? — спросил Мадж.

— Еще не все. Теперь чихай.

— Я, да? Вот так — и все? Думаешь, чихнуть так же просто, как языком трепать? Ну, ладно. — Мадж глубоко вдохнул, пощекотал усиком нос и нарочно громко чихнул в сторону Джон-Тома.

Веревки упали к его ногам и превратились в пыль. Выдр стоял, потирая затекшие лапы.

Все тот же старина Мадж, подумал Джон-Том, утираясь и внимательно рассматривая старого друга. На выдре был новый, серый с серебряной нитью пиджачок и бриджи в тон ему. Новые ботинки были ярко-синего цвета. За спиной висели давно знакомые Джон-Тому лук и колчан со стрелами. На голове красовалась все та же приплюснутая зеленая фетровая тиролька, но перышко в ней торчало новое.

— Так, пожалуй, будет получше, босс. А как насчет этой клетки, черт бы ее побрал?

— Какой клетки? — спросил, улыбаясь, Клотагорб. — Насколько я вижу, тебе преграждают путь всего несколько тонких ниточек.

— Гм, несколько. Какие же они тонкие? Думаешь, я не пробовал? — Выдр опять ударил по стенке, и ниточки действительно порвались. Маджу даже пришлось резко отпрыгнуть в сторону, так как падающая деревянная крыша едва не свалилась ему на голову. Теперь он стоял на полу кухни, с удивлением разглядывая то, что секунду назад было местом его заточения, а сейчас превратилось в пару досок, соединенных тонкими нитями.

— Хуже волшебника, черт его дери, может быть только волшебник, разыгрывающий дурацкие шутки, — пробурчал Мадж.

— Я никого не разыгрываю, — с достоинством ответил Клотагорб. — Все эти глупые забавы для развлечения темного плебса не соответствуют моему высокому положению.

Он кашлянул.

— Но я признаю наличие у себя некоторого чувства юмора. В мои годы и тебе иногда будет приятно позабавиться самым безобидным образом. Что касается твоих загубленных двенадцати, я, конечно, приношу извинения. Уверен, что Оплод Хитроумный, к которому вы направляетесь, приложит все усилия, чтобы с лихвой возместить понесенный тобой ущерб.

— Ага, вы всегда обещаете, шеф...

— Во всяком случае, тебя ждет восхитительная экзотическая Квасеква, чей климат и прочие чудесные свойства достойны поэм.

— Да ладно, босс. Это я уже слышал. — Выдр засопел. — Двенадцать в масть!

Он взглянул на Джон-Тома.

— А знаешь ты, сколько игрок ждет такого момента?

— Представления не имею. И вообще мне кажется, что, самое большее, у тебя могло быть на руках пять в масть.

Мадж задумался.

— По-моему, мы тут с тобой о разных вещах говорим, кореш. Ты и не поймешь никогда. — Он продолжил, обращаясь к Клотагорбу: — Ну ладно, этот тип живет черт знает где, и неизвестно, заплатит он мне или нет за потерянное время и прочую суету. Но как же, черт побери, быть с денежками, что добыты тяжким трудом и на карту поставлены, а теперь лежат на зеленом сукне? Кто возьмет на себя ответственность за все это?

— Твои карточные долги не имеют ко мне ни малейшего отношения, — медленно произнес Клотагорб. — Но я согласен с тем, что ты не должен незаслуженно страдать.

— Вот то-то же. — Мадж явно был удивлен и даже смягчился от такого поворота. — Знаете, босс, если б вы не промурыжили меня, как старую калошу, я б, может, с охотой согласился на это предприятие, которое вы мне предлагаете вместе с этим недостриженным. Что до Квасеквы — я там не бывал, что правда, то правда. А что от нас требуется?

— Проверить нового советника, вновь избранного главного мага, который называет себя Маркусом Неотвратимым, — объяснил Джон-Том.

— Сильно сказано. — Глазки Маджа сощурились, и взгляд заметался от юноши к волшебнику. — И это все? Вы ничего не утаили от старины Маджа, надеюсь?

Это задело Клотагорба.

— Конечно, нет, — ответил он с обидой.

— Разве бы я мог, Мадж? — начал Джон-Том.

— Что-то мне все это не нравится. Очень уж вы скорешились. Мне как-то спокойнее, когда вы ссоритесь. — Выдр обратился к Клотагорбу: — А что за местность лежит между здешними лесами и Квасеквой?

— О, исключительно приятный, нетронутый, малонаселенный тропический край. Я бы сам отправился и насладился бы путешествием, если бы не мой артрит.

— Есть еще кое-что. — Джон-Том положил руку на плечо Маджа. Выдр отстранился, но кусаться все же не стал. — Маркус, говорят, из каких-то далеких миров. Если вдруг окажется, что мы с ним соотечественники и найдем общий язык, то, может, появится шанс вернуться домой — как для меня, так и для него.

— Ясно. Лично для меня весь смысл этого вояжа в том, чтобы

проводить тебя в последний раз, хотя не знаю, смогу ли я вынести двух иноземных зануд одновременно. Против тебя я, разумеется, ничего не имею, но, может, когда ты, наконец, отчалишь к себе, я смогу вернуться к нормальной жизни.

— К нормальной, значит, жизни, — сухо заметил Клотагорб, — которая состоит из мелкого воровства, драк, донжуанства и беспробудного пьянства.

— Да, вот именно, — согласился выдр, совершенно не заметив сарказма.

Клотагорб с грустью посмотрел на Маджа.

— Боюсь, ты безнадежен, водяная крыса. — Он внезапно задумался и продолжил: — А мне рассказывали, что в игре артиум не бывает больше одиннадцати в масть...

— Я полагал, что артиум — это такая пряность, — вступил Том.

— Это пикантнейшая и азартнейшая игра, мой мальчик. И пряности в ней тоже используются, как кости или карты. — Маг проницательно посмотрел на Маджа. — Лапы у вас, часом, не в кардамоне ли?

— Ух ты, потрясно. — Мадж воздел лапы к небесам, как бы прося их о защите. — Занесли меня черт знает куда от самого большого в моей недолгой жизни выигрыша и еще обвиняют в мошенничестве, и кто?! Тот, кого там даже не было!

— Кардамонил карты? — настаивал Клотагорб.

Отчаянно тряся головой, Мадж повернулся к Джон-Тому и схватил его за руку в поисках сочувствия.

— Так что, парень, раз наш курс уже определен, пора отправляться. Чем быстрее выйдем, тем быстрее сумеем вернуться домой, правда?

— Но можно подождать и до завтра, раз я сэкономил столько времени и Клотагорб доставил тебя прямо сюда. Завтра утром — в дорогу.

Джон-Том был поражен неожиданным энтузиазмом со стороны компаньона.

— Тогда пойдем поболтаем, тем паче что тебе наверняка есть что рассказать мне, да и у меня столько всего было...

И выдр потащил Тома к выходу.

— Двенадцать в масть. — Клотагорб потер подбородок и внимательно посмотрел вслед стремительно уходящему выдру. Мадж поспешил удостовериться, что дверь за ними плотно закрылась.

Глава 5

На следующее утро, когда они наконец вышли в дорогу, шел проливной дождь. Настроение у Маджа совершенно изменилось: выдр просто выпихивал Джон-Тома за дверь.

— Ну зачем тревожить старикана? — настойчиво повторял он. — Пускай бедняга отдыхает.

— Расскажи мне об этой игре, Мадж. Я кое что слышал, но не представляю, как на деле...

— Ну вот, теперь ты, приятель! Как-нибудь потом, по дороге. Ты ведь не хочешь, чтобы о старине Мадже сложилось извращенное представление? Кроме того, у меня есть для рассказа тема поинтереснее. Я не говорил вчера о лисичке с Десятинного Плетня, которая?..

Дождь потоками скатывался с переливчатого плаща из кожи ящерицы, который Джон-Том держал над головой. Выдр же игнорировал ливень и только убрал шляпу в мешок чтобы та не промокла, потому что выдры одинаково комфортно чувствуют себя и когда мокры с головы до пят, и когда сухи.

Тяжелые водяные капли заставляли звенеть колокольные листья, давшие название всей местности, но большинство деревьев стояло безмолвно. Неподалеку на ветке застыла тендария. Крапчатая голубая летающая амфибия сидела, задрав голову так, чтобы в распахнутую пасть попадала и накапливалась в прикрепленном к нижней челюсти мешочке дождевая вода. Каждую новую порцию влаги тендария несла к глиняному гнезду, спрятанному в дупле, и выливала там в крохотный бассейн. Придет время, и она отложит в гнезде яйца. Бассейн очень пригодится юным амфибиям, чтобы они росли там, пока не станут достаточно взрослыми для жизни в воздушной среде.

— В самом деле, Мадж, тебе не кажется, что пора менять образ жизни?

— А что в нем неправильного, в моем образе жизни?

— Главное, что ты не можешь считать его продуктивным. Ты же умница, Мадж, но почему-то жизнь ведешь совершенно бессмысленную.

— Приятель, это же свобода. Вот настоящий вызов обществу: балансировать на грани между разрешенным и не очень, а остальные пусть голову ломают, на какой ты стороне. — Выдр залихватски подмигнул. — Конечно, весь фокус в том, чтобы стоять двумя ногами с двух сторон и успеть в нужный момент совершить пируэт, дабы не засекли ни здесь, ни там. Скучать не приходится!

— Наверно, это увлекательно, но твое будущее так неопределенно. Держу пари, у тебя ничего не отложено на черный день.

— На черный день? Черт возьми, парень, знаю я, как некоторые беспокоятся о черном дне, всю жизнь проводят в ожидании и предвкушении, когда же он наступит. Смерть — как будто цель их жизни. Похоже, их и жизнь-то не очень интересует. Вешались бы сразу, и дело с концом, никаких хлопот!

— Ну и продолжай в том же духе. Только кто пожалеет, когда

тебя не станет? Никто слезы не уронит, цветка не положит. Или, думаешь, воровская братия позаботится о тебе?

Мадж пожал плечами.

— Я как-то и не беспокоюсь. Но я знаю одного, кто, может, и всплакнет.

— Да? И кого?

— Тебя, кореш!

Выдр рассмеялся так заразительно, что Джон-Тому пришлось отвернуться, чтобы скрыть улыбку.

— Может, и так, но я думаю, что тебе нужно все-таки подумать о цели.

— Зачем вообще планировать? Это ж убивает всякий интерес к жизни. Я принимаю все ее удары, как бы тяжелы они ни были.

Приятели шли, разговаривая о смысле жизни и цели существования. В качестве примеров Мадж приводил случаи из своей биографии, иногда странные, часто сомнительного свойства, но скучные — никогда. Джон-Том выдавал в ответ изречения самых разных авторов, которые приходили ему на ум, — от Б. Ф. Скиннера до Вуди Аллена. Но все его аргументы не производили ни малейшего впечатления на свободолюбивого выдра.

Впереди показалась гранитная глыба, которая еще хранила отпечатавшиеся на камне следы М'немаксы. Вскоре они миновали знакомые леса и увидели высокие берега Вертихвостки. Ближе к западу ее воды шумно бурлили, несясь к Глиттергейсту, в то время как на востоке высились вершины Зубов Зарита, откуда брали свое начало притоки этой реки. Путь на юг был преграждён стремительным течением ее вод.

— Как нам перебраться на тот берег?

— Ну, я-то переплыву за пару минут. Мне это доставит гораздо больше удовольствия, чем весь предыдущий переход.

Мадж огляделся, изучая побережье.

— Найти бы подходящее сухонькое бревно, и я подтолкнул бы тебя на ту сторону. Видишь, как я забочусь о тебе, что бы там ни говорили некоторые.

Они поискали на берегу и действительно нашли подходящее бревно. Вытянув длинные ноги, Джон-Том уселся на него и, вцепившись в узел с вещами Маджа, изо всех сил старался удержаться, пока выдр спускал бревно на воду. К счастью, чувство равновесия у выдра было развито превосходно. Каждый раз, когда Джон-Том едва не плюхался в реку, Маджу удавалось предотвратить падение, и юноша вышел на берег, даже не замочив сапог.

Выбравшись на песчаную отмель и отряхнувшись, они еще полежали на солнышке, пока мех выдра окончательно не высох. Потом Мадж оделся, и они продолжили путь по удобной тропе, чтобы вскоре очутиться на Нижних Холмах Дуггакурры. Долина, загроможденная круглыми валунами, поверхность которых была сглажена дождями и ветром, представляла собой величественное

зрелище. В расщелинах между глыбами разросся густой кустарник. Хвойные деревья, из которых в основном состояло Колоколесье, остались позади, но никаких следов роскошных тропических джунглей вокруг озер пока видно не было.

На следующее утро привал закончился чуть раньше обычного. Джон-Том потушил тлеющие угольки костра и разбросал пепел. Важно было экономить время. По мере их углубления в долину валунов становилось все труднее находить тропу, и потому Джон-Тома даже не удивил обескураженный вид Маджа, вернувшегося из разведки.

Или это было нечто большее, чем просто растерянность? Юноша поднялся, стряхнув золу с колен.

— Что случилось? Что там с тропой?

— Ничего, шеф. С тропой-то все в порядке, да лучше б тебе самому пойти глянуть.

— Глянуть на что?

— По-моему, там впереди земля горит, — ответил Мадж. Джон-Том подавил раздражение, увидев, что выдр не шутит. Он поспешно взвалил на спину рюкзак и побежал за Маджем. Охваченные тревогой, они не произнесли по дороге ни слова. Очутившись на возвышении между валунами, Джон-Том увидел поднимающееся откуда-то слева белое облако. Им пришлось пройти еще с милю, прежде чем он понял, что это не дым. Теперь и Мадж сообразил, что ошибся.

— Извини, друг, но я бросился обратно, не дойдя до этого места. Это не дым, а, похоже, пар.

— Именно, — согласился Том. — Но откуда?

Они увидели источник пара, когда поднялись на следующую горку. Впереди открывалась великолепная панорама. Внизу, несмотря на холодное утро, кипело и бурлило множество горячих озер всех возможных цветов и размеров. К ним ступенчатыми известняковыми террасами спускались скалы, каждая из которых выглядела, как вход в восточный дворец. Сверху, оживляя и без того дивную картину, из горячих ключей, над которыми поднималась белая пелена, каскадами била вода. В изумрудных бассейнах, окруженных желтовато-коричневой растительностью, виднелись голубые, желтые и зеленые водоросли.

— Просто как в Йеллоустоне, — пробормотал Джон-Том. — Увидеть такое — это здорово!

— А я-то, идиот, — ворчал Мадж. — Думал, пожар.

— Не расстраивайся. Издалека в самом деле похоже. — Джон-Том опустил мешок на землю и снял рубашку.

Выдр с удивлением воззрился на него.

— Куда это ты собрался?

— Я не принимал ванну с тех пор, как мы покинули Колоколесье.

— Хм, горячая ванна — это чтой-то новенькое.

— Ну, найди себе похолоднее и присоединяйся, — сказал молодой человек, стягивая с себя остальную одежду. — Обожаю горячую воду. Ты не забывай, пожалуйста, что у меня нет такого слоя жира и меха, как у тебя.

— Какого еще жира? — набросился на него Мадж. — Вовсе я не жирный.

— Это подкожный слой, который защищает тебя от холода, когда ты находишься под водой.

— Звучит просто омерзительно. — Выдр оттянул кожу на лапе, рассматривая ее так, будто в первый раз видел.

Но, черт побери, не сидеть же ему и смотреть, пока Джон-Том плещется? Однако вода в бассейне, который выбрал для себя его приятель, была слишком горяча на вкус Маджа. Зато в том, что был рядом, — в самый раз, только песок на дне уж очень горяч. Выдр быстренько разделся, плюхнулся в воду и поплыл.

— Горячая ванна! У этих людишек какие-то чудные понятия обо всем.

Джон-Том не отвечал — ему было так приятно лежать в теплой воде под бульканье и шум срывающихся со скал потоков. В этой спокойной долине не было ни одного гейзера.

— Там, откуда я прибыл, есть племя маори, которое живет в местности, похожей на эту. Она называется Роторуа. Горячий пар поднимается там круглый год, — лениво рассказывал юноша Маджу.

Выдр отфыркивался, плавая в своем бассейне.

— Нет, это не для меня. Вот ледяная горная речка, чтобы искупаться, — самый как раз. Но кожные складки эта водичка, конечно, прочищает.

Тут он нырнул, выгнувшись изящной дугой. А пока Мадж был под водой, прямо над ним раздался какой-то всплеск.

Джон-Том стоял на горячем донном песке и пытался рассмотреть, что же такое шлепнулось за спиной у выдра, как снова что-то просвистело в воздухе и, угодив в каменную глыбу, разлетелось на кусочки. Некоторые из них упали в воду и всплыли на поверхность. Он подобрал один обломок и сразу все понял.

Мадж вынырнул и увидел приятеля, забившегося в узкую щель под нависающей скалой. Он подгреб поближе.

— Что стряслось, кореш?

— А ты не видел?

— Чего не видел? — Мадж нахмурился, кувыркнувшись в теплой водичке.

— Посмотри, что пролетело над тобой, когда ты нырял.

— Надо мной?..

Тут возле правого плеча выдра что-то просвистело, и он юркнул под воду, выпучив глаза от страха.

— Дьявол, кто-то хочет подстрелить нас.

Он нагнулся как раз вовремя, так как вторая стрела врезалась в воду прямо за его спиной.

Выдр вылетел из озерка как снаряд, выпущенный из глубинной пушки. Одним махом он преодолел каменный барьер, разделяющий водоемы, и быстро поплыл к Джон-Тому.

Их оружие и одежда лежали как раз на противоположной стороне, на открытом месте.

— Надо б туда сбегать. — Мадж сплюнул. — Не можем же мы торчать здесь и ждать, когда нас накроют.

Он глубоко вдохнул и опять скрылся под водой, но Том схватил его за загривок и выдернул обратно.

— Обожди минуточку, посмотри!

С полдюжины стрел рассекли пространство высоко над их головами. Из-за дальних скал раздался какой-то писк. Снова засвистели стрелы, но ни одна не попала в купальщиков.

— Кажется, метят не в нас.

Мадж подплыл к самому краю скалы, за которой они прятались, и проследил за полетом стрел.

Довольно скоро с другой стороны раздались крики и выстрелы. Несколько дротиков описали над их головами дугу, повторяя траекторию стрел, так напугавших путников. Выстрелы слышались все отчетливее, и вскоре появились обе воюющие стороны.

Противники заполонили единственную на всем протяжении долины теплых источников природную насыпь. Сквозь испарения были видны летящие градом стрелы, дротики и камни. Мадж и Джон-Том затаились, стараясь не обнаруживать себя, насколько это было возможно.

В массе дерущихся можно было различить сусликов и кротов, но основную часть воинов с обеих сторон составляли луговые собачки высотой футов в пять. Ловко и умело действуя клинками, они рубили и кололи налево и направо. Их пронзительный визг заглушал шипение и грохот водяных каскадов. Они сражались с таким ожесточением, что Джон-Тому эти, в общем-то, симпатичные зверюшки показались просто страшными. В резне, свидетелями которой оказались приятели, не было ничего комичного. Тела падали в исходящую паром воду, то и дело сыпались удары мечей, и кристальной чистоте источников вскоре пришел конец. Вода потемнела от крови.

Все это продолжалось добрых полчаса, пока те, что слева, не начали отступление. Их противники удвоили усилия и мгновенно захватили насыпь. Затем они рассыпались по холму, добивая ослабевших и раненых. Они делали это так кровожадно, что у Джон-Тома мороз пошел по коже, несмотря на теплую воду. Вдруг что-то укололо его в плечо, и за спиной раздался голос:

— Эй, вы! Марш из воды!

Джон-Том обернулся. Два победителя стояли и рассматривали

его. У одного из них, державшего копье, на голове был шлем, сделанный, похоже, из черепа жертвы и украшенный разноцветными бусинами, перьями и разными финтифлюшками. Элегантное варварство, подумал Джон-Том, что было довольно точным определением.

— А, привет, шеф, — радостно выкрикнул Мадж. Он невинно сложил лапки на животе. — Мы тут купались маленько. Знаете, даже не заметили, что у вас заварушка случилась...

Тот, что с черепом, развернул свое копье, и наконечник его застыл в нескольких миллиметрах от носа Маджа.

— Да, да, выходим, выходим. — Выдр выбрался на берег. Джон-Том последовал за ним.

Испуганные неожиданно большим ростом Джон-Тома, захватчики слегка отступили и даже позволили пленным забрать свою одежду. Взгляды всех были прикованы к странной паре, прошествовавшей перед ними. Путников сопровождало писклявое обсуждение:

— Где вы их нашли?

— Там, в одном пруду.

— Как вы считаете, что они там делали?

— Ясное дело, шпионили.

— Неплохое местечко, если, конечно, у них действительно были такие намерения...

— Каков человечище, а?

— Не такой уж силач, по-моему.

Обмен мнениями продолжался, пока к ним не подошел отряд луговых собачек посолиднее, облаченных в настоящие доспехи. Их возглавлял седой старейшина ростом чуть побольше Маджа. Его латунный шлем имел прорези для ушей и дуги для защиты скул.

— Я — генерал Покнет, — произнес он командирским голосом, не терпящим возражений, и продолжил с любопытством: — А вы, я вижу, нездешние...

Джон-Том не стал с ним спорить.

— Мы — путешественники и попали сюда по пути на юг.

— На юг? — Генерал помрачнел. — Там, за холмами, на юге ничего нет.

— В той стороне находится город-государство Квасеква, — с готовностью ответил Джон-Том.

— Никогда не слышал о таком, — сказал Покнет, качая головой. Усы его задрожали.

— Тем не менее туда мы и направляемся. — Джон-Том кивнул в сторону залитой кровью насыпи. — Похоже, ваше войско победило.

— Да, сегодня победили мы.

— Рад слышать.

— Нечего подлизываться, человече. Мы сквитались с витте-

нами до следующего месяца. Потом опять будем бороться, чтобы выяснить, за кем право на источники.

Мадж наморщил лоб, пытаясь понять, о чем идет речь.

— Кореш, можно я встряну? У вас что, каждый месяц такой межсобойчик?

— Естественно, — сказал офицер, стоящий за Покнетом.

— Вы и в самом деле не знаете, что здесь происходит? — спросил генерал.

Выдр и человек одновременно покачали головами. Покнет указал на водоем.

— Это мой дом, земля поултов. — Он повернулся к холму, усыпанному телами погибших. — За этим холмом территория виттенов, наших наследных врагов. Каждый первый день месяца мы воюем.

— Чтобы развеяться? — в замешательстве спросил Джон-Том.

— Типично человеческая глупость. Конечно, нет. Чтобы завладеть вот этим. — Покнет указал на обширный кусок долины горячих источников.

— А на что вам эта уйма кипящей воды? — полюбопытствовал Мадж.

Генерал с презрением посмотрел на него.

— Цивилизованные народы знают, что делать с теплом. Мы готовим пищу, стираем одежду, используем его по-разному. Тот, кто владеет насыпью, владеет Малмуном, а владелец Малмуна — хозяин источников.

— Простите наше невежество, но что такое Малмун?

Генерал снова покачал головой.

— Судя по всему, вы двое действительно ничего не знаете.

— Именно, ваше превосходительство, — радостно согласился Мадж. — Перед вами всего лишь парочка болванов, заплутавших в этих краях по дороге на юг.

— Здесь надо кое-что прояснить. Вы сказали, куда направляетесь. А откуда вы пришли?

— С севера, из-за реки Вертихвостки. Ту местность называют Колоколесьем, — объяснил Джон-Том.

— Пожалуй, это и есть причина вашего чудовищного неведения о проблемах цивилизованной жизни, — заметил генерал. — Но ваша нарочитая неосведомленность подозрительна. Это не что иное, как тонкий маневр. Вне всяких сомнений, вы — шпионы виттенов.

Вокруг Джон-Тома и его приятеля немедленно замкнулось кольцо из копий.

— Эй, босс, секундочку! Мы всего-навсего принимали ванну. Не знаем мы никаких виттенов-дриттенов-смоултов-поултов!

Один из солдат поддел Маджа копьем, и выдр дернулся, злобно глядя на обидчика.

— Ну, давай, попробуй еще раз, короткие усики! Я тебе так задам, что своих потом не узнаешь.

Старший офицер наклонился к генералу и зашептал ему на ухо:

— Прошу прощения, ваше превосходительство, но их тупость кажется мне ненаигранной. Похоже, они понятия не имеют о Малмуне.

— Хм, ну ладно. — Генерал подкрутил ус. — Вы, конечно, странная парочка, тут и говорить нечего. Пожалуй, даже слишком странная. Вряд ли виттены решились бы использовать вас.

— Самая странная, какую твои глазки когда-нибудь видели, босс, — поспешил вставить Мадж.

— Я мог ошибиться, приняв вас за разведчиков. В конце концов, вы могли купаться здесь случайно, не подозревая, что окажетесь в центре сражения.

Круг из копий начал распадаться. У Джон-Тома вырвался вздох облегчения.

— Да, сэр, именно так все и было.

— Отдайте им их оружие, — распорядился Покнет, дав команду копейщикам разойтись.

Он подошел поближе к Джон-Тому, с интересом разглядывая странного великана.

— Раз вы не наши враги, полагаю, вы можете считать себя нашими гостями.

— Ваше превосходительство, если вы не возражаете, мы бы... — Джон-Том запнулся, раздраженно взглянув на Маджа, выдавшего ему тычок под ребро.

Выдр поманил его.

— Слушай сюда! Знаю я этих тоннельных жителей. Жутко обидятся, если не принять их любезного приглашения погостить.

— Ох, ну хорошо, — сказал Джон-Том, потирая бок. — Итак, мы ваши гости. Что это означает?

— Хороший стол за дружеской беседой, — ответил генерал. — Поведаете нам, кто вы, откуда и за чем идете.

Он отвернулся и начал отдавать распоряжения. Подчиненные перегруппировались и рассеялись по насыпи. Покнет и офицеры остались с гостями. Генерал бодро вышагивал впереди, заложив руки за спину. За ним семенил оруженосец, который тащил меч и шлем главнокомандующего.

— Расскажите мне, как же случилось, что человек и выдр вместе путешествуют?

— Ну, это мы оставим на десерт, — лукаво ответил Джон-Том. — Если вы не против, я бы тоже хотел кое-что узнать...

Со стороны выдра раздалось недовольное шипение, но юноша не обратил на это внимания.

— Почему вы не можете поделить с виттенами долину источников?

Генерал мягко улыбнулся.

— Ты всего лишь невежественный чужестранец, и потому я прощаю твое любопытство. Знаешь ли ты, — объяснял он, будто ребенку, — что существует только один символ источников — Малмун? За него-то мы и воюем. Кто владеет Малмуном, тот владеет долиной.

— Но ведь здесь хватило бы места для двух племен. Почему бы вам не поделить территорию?

— Зачем делить, — взгляд генерала стал несколько странным, — когда можно иметь все целиком?

— Но это разумнее, чем вовлекать соседей в кровавую бойню.

— А нам это нравится, нашим соседям тоже, — просто ответил Покнет.

— Но почему вы так уверены, что разделить долину было бы хуже? Вы пробовали когда-нибудь?

— Полный абсурд! Мы никогда не доверяли этим виттенам, даже и не пытались. Только повернись к ним спиной — тут же перережут глотку и навсегда завладеют долиной. Если кто-то из нас и останется в живых, Малмуна мы больше не увидим. Во всяком случае, в течение ближайшего месяца.

— Сражения у вас бывают только по первым числам? И ни у кого не возникает желания напасть, скажем, в середине месяца или в конце?

У генерала стал такой вид, будто его оскорбили.

— Разумеется, нет! Не думаете ли вы, что мы — дикие варвары? Возмутительная идея! Ах, ну вот мы и дома.

Впереди, в склоне холма, виднелась дыра. Огромные деревянные ворота с искусным резным узором были широко распахнуты, за ними виднелся хорошо освещенный тоннель. Около него стояла, замерев, шеренга часовых. Слева располагалось еще несколько входов, более скромных.

Генерал провел Джон-Тома и Маджа внутрь. Как всегда, Джон-Тому пришлось нагнуться, чтобы не задеть потолок. Суслики и кроты, оказавшись под землей, смогли снять защитные очки.

В помещении их ждали не участвовавшие в сражении соплеменники, те, кто занимался обыденными делами. Солдаты и мирные жители бурно приветствовали друг друга. Рядом, весело попискивая, резвилась молодая поросль. Ее возня изредка переходила в настоящую драку.

Тоннели расходились во все стороны. Наконец, и хозяева и гости повернули направо и оказались в комнате, высота которой позволила Джон-Тому распрямиться и помассировать уставшую ноющую спину.

В зале стояло шесть столов, каждый окружали миниатюрные аккуратные стульчики. С каменного потолка свисали боевые знамена, а стены украшали копья и другое, более экзотическое оружие.

В нескольких каминах, вытяжки которых уходили высоко под потолок, горел огонь. Над пламенем висели котлы и чайники.

— Это — офицерская столовая, — объяснил Покнет и направился к центральному столу. Джон-Том нашел подушечку и попытался на ней пристроиться. Стол был настолько низок, что всякая возможность использовать стулья для юноши исключалась.

Прислужницы внесли блюда с горами орехов и фруктов. Генерал разгрыз один орех и по-снайперски отправил скорлупу в стоящую посреди длинного стола общую корзину. Скоро комната наполнилась писком и треском, то и дело мимо пролетала ореховая скорлупа. У Джон-Тома было такое ощущение, будто он очутился в автомате для поп-корна.

Мадж переключился на разговор с одной из служанок, предоставив генерала Джон-Тому.

— Давно вы воюете таким образом, раз в месяц?

— Столько, сколько помнит история, — уверил его Покнет. — Нас это устраивает и виттенов тоже. Это придает нашей жизни смысл, в основе которого — стремление обладать Малмуном.

— Что же это такое — Малмонг?

— Малмун, — мягко поправил генерал и показал на камин, занявшись очередным орехом.

На каменной полке покоился керамический шар диаметром фута три, ярко размалеванный красным, розовым и коричневым и покрытый белой глазурью. Из всех скульптур, виденных когда-либо Джон-Томом, эта была самой уродливой, если только ее вообще можно было считать произведением искусства.

— Это — Малмун, — с гордостью сказал Покнет. — Тот, кто побеждает первого числа, обретает его. Он — символ источников. Пока Малмун у нас, виттены не смеют приблизиться к долине. Он здесь уже шесть месяцев. Обладание им дается дорого, но от этого ценность Малмуна только возрастает.

Джон-Том ничего не ответил, так как вкушал в это время содержимое длинного тонкого ореха, которое стало наградой за долгую возню с крепкой скорлупой.

— Мне кажется, я понял. Если вы лишаетесь Малмуна, то теряете право на источники.

Генерал важно кивнул.

— Каждый раз мы берем его с собой на войну. Если побеждают виттены, они забирают Малмун, чтобы владеть долиной целый месяц. — Он усмехнулся, испытывая явное удовольствие от замешательства Джон-Тома. — Наверное, сейчас они уже очень грязные.

— Что-то я не видел Малмун во время битвы, — заметил Джон-Том.

—Не думаете же вы, что мы можем подвергнуть его опасности, — в ужасе вскричал генерал. — Те, кто владеет Малмуном, по-

мещают его в специальный контейнер, подальше от вражьего глаза. Но здесь вы видите его во всей красе... Ничто не может его заменить, он совершенно незаменим, совершенно.

— Маленький кусочек блевотины, — прошептал Мадж.

Выдру удалось отыскать на столе нечто алкогольное, и он осушал кубок за кубком с такой скоростью, что изящная луговая собачка сбилась с ног, наполняя его снова и снова.

— О, господи, следи за языком, — зашипел на Маджа Джон-Том и улыбнулся Покнету. — Поскольку мы чужестранцы, нам вряд ли пристало критиковать ваши обычаи.

— И не надо, — вкрадчиво посоветовал генерал. — Наслаждайтесь угощением, а потом идите своей дорогой. Ну, расскажите о ваших планах.

Он с любопытством посмотрел на исполинского гостя.

Джон-Том поведал собравшимся об их приключениях. Подземные жители все вежливо выслушали, хотя не поверили ни единому слову. Нет, некоторая доля истины в рассказах, конечно, присутствовала, и все, без сомнения, оценили историю с развлекательной стороны, неизменно сопровождая концовку каждого эпизода вежливыми аплодисментами.

Были и другие развлечения. Посреди зала свалили в кучу нескольких распятых на кольях пленных виттенов так, чтобы леди, которые не занимались сервировкой стола, могли разорвать несчастных на кусочки. Это зрелище окончательно испортило Джон-Тому аппетит, хотя хозяева восприняли происходящее с восторгом.

Мадж постоянно влезал с предостережениями, настаивая, чтобы Джон-Том держал свое мнение при себе, потому что в чужой монастырь со своим уставом соваться бесполезно. И вообще, мало ли что им приходилось видеть в дороге? Завтра они отчалят, и не надо испытывать судьбу.

Джон-Том неестественно улыбался, делая вид, что ему здесь нравится. Другого выхода просто не было. Наконец развлечения закончились, и все стали расходиться. Хозяева постарались раздобыть для гостя кровать нужного размера, чтобы Джон-Том мог вытянуться на ней во всю длину. Постель была удобной, но заснуть ему никак не удавалось. Юноша ворочался и вспоминал все увиденное и услышанное за день. Сложившаяся здесь ситуация была бы совершенно неприемлема в цивилизованном человеческом обществе. Хуже, чем просто неприемлема, — она была гадкой, отвратительной, противоречила всякому здравому смыслу. Дальше так продолжаться не могло. Подобный порядок вещей не имеет права на существование.

Неожиданно Джон-Том принял решение.

Глава 6

В норе, где его устроили на ночь, было темным-темно, и немного погодя Джон-Том решил, что час настал. Прошло добрых пять часов с тех пор, как обитатели подземного города отошли ко сну. Он шарил рукой по стене, пока не нашел масляный факел, прикрепленный там так же, как и во всех комнатах, коридорах и залах, и, повозившись с кремнем, умудрился наконец его зажечь.

— Мадж! — позвал он, повернувшись к ложу своего попутчика. — Вставай, пора двигаться. Отсюда надо выбираться. Мы поможем нашим хозяевам, хотят они этого или нет. Эй, Мадж!

Джон-Том протянул руку, пытаясь нащупать плечо друга, потому что в неверном свете факела видел он довольно плохо. Но рука наткнулась на матрас. Одеяло упало на пол.

— А, черт! — пробормотал Джон-Том, хватая факел и оглядывая все углы. Он ожидал увидеть выдра валяющимся без сознания на полу. Но того просто не было ни в комнате, ни в ванной, ни в коридоре.

Джон-Том стоял один в каком-то тоннеле, лихорадочно обдумывая ситуацию. Вокруг — ни души. Неужели чертова водяная крыса бросила его в самом начале путешествия? Зная характер Маджа, такой вариант исключить было нельзя. А может, он болтается где-нибудь в подземном городе и пьет с новоприобретенными друзьями или проигрывает в карты последние штаны? Настоящий бандит! Как он мог бросить товарища! Ладно, в конце концов, Мадж превосходно читает следы. Можно поклясться, что он без труда найдет своего исчезнувшего попутчика, если только захочет. Пусть остается, раз ему нравится. У Джон-Тома есть цель поважнее. В этом уголке земли надо многое изменить, и давно! Счастливый случай дал ему возможность исправить чудовищное зло, которое здесь творится.

В темноте он с трудом пробрался через зал. Налево показалась тускло освещенная и совершенно пустая офицерская столовая. Всю посуду уже убрали, в трех каминах, иногда вспыхивая, слабо тлели угли. Вокруг не было ни души. Джон-Том на цыпочках прошел между столами и оказался перед центральным камином. Местным обитателям ни за что не дотянуться до каминной полки, а для него это не составило труда. Однако знаменитый Малмун оказался тяжелее, чем можно было предположить.

Он с трудом удержал его и кинулся обратно через зал, потом — бегом вверх по тоннелю, ведущему к поверхности. Малмун, надежно привязанный к поясу, был скрыт широкими складками зеленого плаща. Вскоре Джон-Том увидел стражу: двух сусликов, бдительно несущих ночное дежурство. Те тоже узнали гостя.

— Добрый вечер, сэр, — вежливо поприветствовал чуже-

странца один из стражников. — Поздновато гуляете для дневного жителя.

Джон-Том старался укрыть от любопытных глаз выпуклость на правом боку.

— Не спится что-то.

— Что ж, дело хорошее, — одобрил другой сторож.

— Думал, не пойти ли пройтись, — продолжил Джон-Том и тут же сообразил, что, к счастью, широкий плащ прикрывает его рюкзак. А иначе он выглядел бы странно и неуместно для короткой вечерней прогулки.

Но стража ничего не заметила и не заподозрила. Джон-Том бочком обошел их, продолжая радостно улыбаться.

— Хочу быстренько прогуляться по окрестностям, а потом вернусь, чтобы пораньше поднять своего друга.

Тут стражи посмотрели друг на друга.

— Чудно говорите, сэр. Ваш компаньон отправился к источникам еще час назад.

— Не может быть! Вы в этом уверены? Это был мой друг?

— В Поулте, кроме него, нет выдр. Значит, это должен быть он, больше некому. Правильно?

— Наверное. Конечно, это он. Интересно! А мне ничего не сказал, хитрая бестия! Придется его отругать. А, догадался в чем дело! Он, видимо, отправился поплавать при луне.

— И ничего вам не сказал? — Второй стражник вдруг напрягся, что-то заподозрив. — Это странно.

— Нет-нет, ничего странного, — заверил его Джон-Том, неуклонно продвигаясь к заманчиво близкому выходу на поверхность. — Он поступает так сплошь и рядом.

— Странное для дневного жителя времечко он выбрал, чтобы искупаться, — продолжал стражник.

— Ну, вы не знаете водяных крыс, — не переставая улыбаться, тараторил Джон-Том. — Никогда не знаешь, чего от них ждать.

Тут он развернулся и припустил к выходу, оставив за спиной взволнованно переговаривающихся стражей.

Отойдя подальше, Джон-Том бросился бежать. Стражники могут стать опасными, если заинтересуются им по-настоящему и начнут проявлять любопытство.

Интересно, что этот поганый выдр делает на источниках поздней ночью? И отчего он не сказал ни слова своему другу о предстоящей экскурсии? Бессмыслица какая-то, однако весьма похоже на Маджа! Джон-Том на секунду остановился перевести дух и пристроить поудобнее груз на поясе.

Ночь действительно была создана для купаний при луне. Месяц уже поднялся высоко в небо, и его бледный свет серебрил валуны и клубящийся туман. Маджа нигде не было видно, тишину нарушало только бульканье и журчание воды в источниках да шипение пара.

Но тут Джон-Тому показалось, что он слышит еще какие-то звуки. Они то появлялись, то пропадали, но это была не вода и не пар. Источник находился где-то за небольшой группой скал.

Джон-Том подобрался туда с большой осторожностью. Звуки казались ему одновременно знакомыми и пугающими. Возможно, это виттены-шпионы явились сюда, чтобы разведать местность, прежде чем начать очередную резню. Но, забравшись на скалы и заглянув вниз, он увидел Маджа. Тот был не один. Джон-Тому показалось, что он узнает прелестную луговую собачку, которая прислуживала им за торжественным обедом. Эдакая кокетливая шалунья! Но в эту минуту она совсем не казалась кокетливой. Мадж тихо постанывал, а она издавала быстрые и очень высокие вскрики и повизгивания. Настолько высокие, что не все они воспринимались человеческим ухом. Но Джон-Том все равно сообразил, что происходит. Тут разговор шел не о погоде, и вообще они были заняты не разговорами.

— Мадж! — прошептал Джон-Том.

— Что за черт!

Выдр отпрянул от партнерши, оступился, поскользнувшись на круглом камне, и полетел через голову. Его подруга кинулась за сброшенной одеждой. Острый глаз выдра быстро нашел Джон-Тома, примостившегося среди камней. Заметив друга, он облегченно вздохнул.

— Это ты, прах тебя подери? Ты что, решил довести меня до инфаркта?

— Нет, — ответил Джон-Том, сам не понимая почему, шепотом. Подружка Маджа притаилась в углу. — Лучше одевайся. Пора отсюда выметаться.

Облегчение в глазах выдра сменилось изумлением.

— Как, прямо сейчас? — Он сердито начал собирать одежду и отброшенное в сторону оружие. — Неужели у тебя нет ни на грош совести? А еще друг называется...

— Ну, ты меня извини. Я же не знал. Если бы ты хоть словом обмолвился, куда собираешься вечером...

— Ты бы тут же принялся меня отговаривать. Что я, тебя не знаю, что ли? Какого черта ты заторопился? Почему вдруг засобирался?

— Знаешь, Мадж, я видел сегодня, как они дрались. Брат на брата, как говорится. Послушал их разговоры, узнал их мрачную историю... Вижу, что перед нами народ, настолько одурманенный жестокими обычаями, что он уже перестал понимать необходимость избавления от них.

— Извини, приятель, — перебил его выдр, натягивая штаны. — Перед нами народ, вполне довольный своими обычаями и тем, как он живет.

— Вот поэтому они и не могут выбраться из порочного круга, в который попали. Оглянись, Мадж! В этих источниках достаточ-

но горячей воды, чтобы обеспечить оба народа с избытком. Ведь они сражаются не потому, что им ее не хватает.

— Джон-Том, иногда мне начинает казаться, что не хватает мозгов у тебя, а не горячей воды у них! Они воюют между собой уже не одну сотню лет, так почему ты думаешь, что сможешь разом их помирить?

Джон-Том усмехнулся и пошарил под плащом.

— Потому что я здесь лицо постороннее, и никакие предрассудки не помешали мне взять вот эту штуку.

При виде священного Малмуна у подруги Маджа перехватило дыхание.

— Этот предмет — не символ горячих источников и дружеского примирения, а олицетворение упрямства и косности политиков. Теперь, когда он здесь, у них не осталось никакого фетиша, никакого объекта поклонения, за который нужно сражаться, им придется помириться.

Выдр молча смотрел вытаращенными от изумления глазками на своего друга, очевидно, пораженного тяжким безумием. Потом он сказал:

— Ты украл Малмуна, или как там называется этот чертов урод! Ты его просто спер!

— Именно, — очень довольный собой, подтвердил Джон-Том.

— Как хорошо было бы, ежели прежде, чем воплощать свои самые заветные идеи, ты бы посоветовался с бедным старым Маджем.

В это время где-то неподалеку послышалось:

— Они пошли в этом направлении, сэр.

Это был голос одного из стражников. Голос, который отвечал ему, был тоже хорошо знаком. Он принадлежал генералу Покнету. К тому же тот был не один.

— Вперед! — воскликнул Джон-Том и бросился к гряде, пересекавшей долину источников.

— До встречи, любовь моя, — торопливо попрощался Мадж с подругой, потершись на прощание носом о ее черненький носик. Потом выдр бросился через камни и скалы вслед за своим приятелем.

Вскоре появились преследователи — наспех одетые и кое-как вооруженные луговые собачки. Они издавали воинственные крики и писки, размахивая над головами копьями и саблями.

— Погоди, послушай! — Джон-Том поднял Малмуна высоко над головой. — Дай мне объяснить им, в чем дело.

— Да заткнись ты! — отрывисто бросил Мадж, стараясь на бегу привести в порядок свой костюм. Он молился в душе, чтобы не споткнуться, потому что не успел толком обуться. — Разве с ними можно разговаривать?

— Но я должен! Стоит им только услышать меня, они сразу поймут, что я все делал для их же блага, для того, чтобы они жили в мире и согласии со своими соседями.

— Дерьмо змеиное! Да они слушать тебя не захотят!

— Им придется. Ведь Малмун у меня.

— То-то и оно! Вряд ли это заставит их быть благоразумнее, приятель. — Тут Мадж вспомнил кое-что еще и совсем затосковал. — Видишь, какое дело — эта лапочка, с которой я тут валандался в тумане, оказалась дочкой самого генерала.

— Мадж! Как ты мог! После того, как они оказали нам такое гостеприимство, накормили, дали кров...

— Скажите, какой добродетельный! Тоже мне, обезьяна безволосая! — огрызнулся выдр. — А кто спер их поганого божка, спрашивается? Ежели б ты хоть словом обмолвился, какую задумал реформацию, может, нам не пришлось бы сейчас делать ноги.

— А если бы ты рассказал мне...

— То что бы ты сделал? Присоединился бы и благословил наше любовное свидание? Что-то непохоже... Смотри! — Выдр указал вперед. — Они нас обошли. Теперь конец. Вот так дела! Ох, чувствую, отварят они мне одно место в кипятке, и никакие мои прошлые заслуги не помогут.

— Да погоди ты! Слушайте меня! — Джон-Том замахал в воздухе Малмуном.

В ответ со стороны преследователей раздался дружный рев.

— Во-во! — саркастически хмыкнул Мадж. — Ты их раздразни как следует. Чтобы они, не приведи бог, не помиловали нас от доброты сердечной или еще что-нибудь в этом духе.

— Нет, это еще не конец. Гляди! — Джон-Том указал подбородком в другую сторону. — Появилось войско виттенов. Наверно, их дозорные услыхали шум и послали за подкреплением.

— Чтобы вырвать нас из когтей смерти, — облегченно сострил Мадж. — Однако ты очень рисковал, знаешь ли. Конечно, у нас теперь их чертов божок, и виттены сделают нас национальными героями, это уж точно. Эй, друг... ты куда?

Джон-Том вместо того, чтобы кинуться в сторону виттенов, спасителей от верной гибели, быстро приближавшихся к ним по каменной гряде, свернул направо. Он бежал по боковой тропинке, ведущей на самую высокую в округе гору. Теперь они карабкались вверх, перепрыгивая через водопады и лужи горячей грязи. Виттены и поултры обменивались в темноте яростными взглядами, но от драки воздерживались, потому что были заняты другим. К тому же до первого дня месяца было еще далеко.

— Приятель, ты что делаешь, куда тебя несет?

Мадж никак не мог сообразить, что происходит. Он одновременно пытался понять цель их сумасшедшего бессмысленного бегства и следить за преследователями.

— Убежать от всех нам так и так не удастся. Заворачивай к виттенам — они встретят нас как героев. Или отдай этого керамического урода поултам. Только пристрой куда-нибудь эту мразь!

— Так я и сделаю, — мрачно пообещал Джон-Том. — Для того я ее и украл. Хочу показать обеим сторонам всю ошибочность их поведения.

— Чувствую, скоро мы на своей шкуре почувствуем всю безошибочность их стрельбы из лука. Я еще удивляюсь, почему мы до сих пор живы.

— Они боятся, что я уроню Малмуна, — объяснил молодой человек.

— Точно, — Мадж немного успокоился. — Значит, эта гнусная штуковина вроде как гарантирует нам жизнь.

Склон круто пошел вверх. Джон-Том начал карабкаться на невысокую скалу, из которой бил источник. Мадж следовал за ним по пятам.

Когда беглецы достигли вершины, у подножия уже сошлись виттены и поулты. Враждующие стороны разглядывали друг друга при свете факелов, не зная, что предпринять в такой ситуации. Конечно, можно было начать сражение, но непонятно, ради чего. Впервые в истории Малмун, драгоценный и почитаемый божок, оказался в руках постороннего.

— А теперь слушайте меня! — Джон-Том поднял статуэтку над головой. Преследователи тотчас оценили всю серьезность минуты и замерли. Стало совсем тихо, слышалось только шипение пара, плеск воды и треск горящих факелов.

— Я знаю, что за вещь держу в руках и что она для вас значит. И вы знаете, вернее, думаете, что знаете. Вам кажется, что этот божок олицетворяет честь, достоинство и победу в сражении. Но вы ошибаетесь. Ничего этого нет. В тех краях, откуда я родом, давно, очень давно знают, что такое междуусобные войны, и поняли всю ценность мира и бессмысленность бойни.

— Отдай его нам! — послышался голос из толпы поултов. Это был генерал Покнет. — Верни его нам, и мы отпустим тебя с целыми гениталиями. Только вон того типа, — он указал на Маджа, — ты уж оставь нам.

Выдр, спрятавшись за широкую спину Джон-Тома, ответил генералу неприличным жестом.

— Нет, отдай его нам! — закричал предводитель виттенов. — Отдай его нам и назови ту награду, которую сочтешь достойной. Ты поможешь стереть из нашей памяти шесть месяцев невыносимого позора.

— Я никому его не отдам. — Джон-Том, крепко держа в одной руке Малмуна, другой широким жестом обвел всю долину источников. — Здесь хватит воды и тепла на всех. Никакой нужды каждый месяц устраивать кровопускание. Я уверен, что вы все хорошие и добрые в глубине души. Однако вы страдаете одной общей

страшной болезнью, причем так давно, что не знаете, как ее лечить. А вот я знаю и собираюсь вылечить вас прямо сейчас.

Снизу, от подножия скалы, где собралась воинственная толпа, раздался дружный вздох, а кое-кто даже вскрикнул, потому что Джон-Том отвел назад правую руку и швырнул Малмуна так далеко, как только мог. Мадж был среди тех, кто кричал громче всех.

Все лица были повернуты туда, куда отправился божок. Казалось, он летел очень медленно, кувыркаясь в лунном свете. Потом ударился об острую крутую скалу, торчащую посреди горячего озера и со звоном разлетелся на куски. Осколки тотчас исчезли в кипящей воде.

— Вот так! — Джон-Том упер руки в бока и торжествующе посмотрел вниз. — Видите, как все просто? А теперь, впервые за многие годы, пожмите руки вашим соседям. Вы понимаете, что сейчас произошло? А произошло то, что вчерашний день стал последним, когда вам пришлось убивать друг друга из-за источников. Теперь вы сможете пользоваться ими все вместе, как и следовало бы с самого начала. Тепла и воды здесь хватит на всех. — Юноша радостно улыбнулся своей аудитории. — Благословенны будут миротворцы!

Он закончил свою горячую речь, но слушатели продолжали молчать. Солдаты-виттены неуверенно поглядывали на своих заклятых врагов-поултов. Потом, поколебавшись немного, они начали переговариваться между собой, сначала слегка неловко, потом все живее, и в конце концов дискуссия стала всеобщей. Генерал Покнет, расталкивая толпу, направился к командиру виттенов. Они тут же быстро и горячо заговорили, а потом энергично пожали друг другу лапы.

Затем генерал Покнет повернулся к скале, посмотрел на вершину и, при полной поддержке вожака виттенов, громко скомандовал:

— Схватить и вырвать им глаза!

Этот приказ был с большим энтузиазмом поддержан солдатами обеих сторон. Они кинулись на штурм отвесной, но не очень высокой скалы. Джон-Тому пришлось увертываться от свистящих над головой стрел. Копья падали все ближе и ближе.

Мадж бросился вниз по противоположному от атакующих склону.

— Ничего не понимаю, — растерянно лепетал Джон-Том, следуя за выдром.

— Зато я понимаю, — Мадж быстро оглянулся. — Я понимаю, что нам надо по-быстрому чесать отсюда, а то они такое с нами сделают, что и понимать будет некому.

Крики разъяренных преследователей становились все громче.

— Эй, шеф, веселее! — Мадж бежал во всю прыть, придерживая на голове шляпу. — Тебе удалось-таки уговорить их прийти к согласию кое в чем.

— Все равно не понимаю, — бормотал Джон-Том, оглядываясь, дабы убедиться, что они смогли немного оторваться от тех, кому он так здорово помог избавиться от вековых предрассудков. — Я же сделал то, что было нужно и тем и другим.

— Ты сделал то, что сам считал нужным и для тех, и для других. Вот в этом и заключается маленькая разница. Надо отдать тебе должное — благодаря твоим усилиям они объединились. А теперь заткнись — и ходу! — Совершенно убитый, Джон-Том припустил так, как только могли бежать его длинные ноги.

Ночь и туман помогли беглецам уйти от погони, хотя временами казалось, что луговые собачки будут гнаться за ними до края земли, пока не поймают. Но скалы Дуггакурры сменились болотистой низменностью, густо поросшей мшистыми деревьями и цветами с длинными лепестками, которые издавали стонущие звуки, когда их шевелил ветерок. Цивилизованным существам местность совершенно не подходила, особенно для ночной охоты, поэтому виттены и поулты неохотно прекратили преследование.

Насекомые и крошечные амфибии наполняли воздух непрерывным жужжанием и писком. Когда Мадж наконец нашел относительно сухой холмик, Джон-Том уже промок до костей и был весь облеплен грязью. Он сидел и уныло наблюдал, как выдр разжигает костер.

— Слушай, а не опасно здесь останавливаться? — спросил Джон-Том, настороженно оглядываясь в темноту.

Он не боялся простуды — ночь была влажной и теплой. Но болота вокруг могли кишеть разными насекомыми — разносчиками болезней. Он живо представил себе водяных жуков и гигантских пиявок, один укус которых мог заразить человека чумой.

— Спокойно, здесь мы в безопасности, приятель.

Мадж добавил в костер пару веток. Влажное дерево горело неохотно и протестующе шипело. Выдр оглядел ландшафт и продолжил:

— Что, не похоже на душистый тропический рай твоего наставника Клотагорба? Довольно гнусная местность. Причем, заметь, против воды я совсем не возражаю. Мне и в воде хорошо, и на суше, сам знаешь. — Тут он брезгливо оглядел себя, особенно грязный жилет. — Но во что здесь превращается одежда приличного джентльмена — просто уму непостижимо!

Джон-Том сидел около костра, обхватив колени руками, и пристально смотрел на огонь. Он так устал, что даже не мог есть.

— Все-таки я не понимаю, что произошло. Я же хотел только мира и гармонии. — Тут он зло посмотрел на своего приятеля. — А ты тем временем искал, с кем развлечься.

Мадж задумчиво жевал рыбью спинку.

— Знаешь, кореш, ты должен наконец усвоить одну вещь: хватит вмешиваться в чужие дела. Нет ничего противнее приста-

ваний с добрыми намерениями. Может, после прошедшей ночи все эти поулты-виттены будут жить лучше, но вряд ли они станут счастливее. Кажется, их отношения были хорошо отлажены. Ты представь: уж ежели воевать с соседями, то лучше делать это на регулярной основе. Все готовы и вооружены, и никаких тебе неприятных сюрпризов и неожиданных нападений среди ночи. Что до меня, то я ничего не имею против такой регулярности, потому как наслышан о куда менее цивилизованных способах решения разногласий.

— А это что — цивилизованный способ? — проворчал Джон-Том. — Да чего я удивляюсь? Для вашего вонючего мира все очень характерно.

Некоторое время у костра царило молчание. Мадж догрыз рыбу, потом порылся в рюкзаке и достал еще одну. Как всякий опытный бродяга, прежде чем отправиться в путь, он готовил свой рюкзак так, чтобы в любую минуту можно было сняться с места. Выдр помахал перед своим попутчиком рыбой, как учитель линейкой.

— Ну что ж, приятель, мне на это возразить нечего — не доводилось твой мир навещать. Однако, чтоб зря не спорить, давай допустим такое сомнительное предположение, что ты прав: в сравнении с твоим мой мир выглядит и вонючим, и нецивилизованным. Но что поделаешь, это — мой дом. Мне здесь приходится жить и, как это ни грустно, тебе тоже. Поэтому не пора ли спуститься с облаков и кончить проповедовать? Хватит судить здешний народ по нездешним стандартам. Тебе легче будет с ними поладить, да и неприятностей поубавится.

— Ничего я не могу с собой поделать, Мадж, — тихо ответил Джон-Том, глядя на свои руки. — То ли тут виновато мое юридическое образование, то ли сам я так устроен, но если встречаются мне на пути несчастье, несправедливость, страдание, то я должен что-то предпринять для изменения такого порядка вещей.

Мадж кивнул в ту сторону, где остались виттены и поулты.

— Конечно, в их отношениях много и несправедливости, и страданий, но ведь в любой жизни есть доля и того, и другого. Разве не так обстоят дела и в твоем мире? Что же до несчастий, то, думается, они были вполне довольны и счастливы, пока на них не свалился ты.

— Но так не должно быть, Мадж!

— По твоим понятиям. Обрати внимание, я не говорю, что твои понятия нехороши, но они твои и больше ничьи. И хватит навязывать их всякому, кого тебе случится пожалеть.

Джон-Том вздохнул и перекинул дуару со спины на колени. Когда он тронул струны, над водой полились унылые звуки.

— Ты что, хочешь переубедить меня своими дурацкими заклинаниями?

Джон-Том покачал головой.

— Не собираюсь я никого заклинать. Если не возражаешь, хочу немного попеть — на душе грустно.

Он принялся играть просто так, чтобы отвлечься от печальных мыслей и воспоминаний о пережитых неприятностях. Интересно, где эта земля, о которой толковал Клотагорб? Земля, где живут дружелюбные народы, с низких ветвей свисают удивительные плоды, которые только и ждут, чтобы их сорвали, где цветут роскошные тропические растения? Нигде в пределах досягаемости земли не видно. Нужна лодка.

А почему бы не наколдовать ее? Неожиданно настроение у юноши поднялось. Ведь прежде ему уже доводилось проделывать такой фокус. На этот раз он не будет повторять ошибки, которые так дорого обошлись в предыдущих путешествиях.

Джон-Том начал вспоминать подходящую песню — хорошую, надежную, лодочную песню. Мадж спокойно лежал на спине, закинув лапы за голову. Но тут он быстро сел и задергал носом.

— Слушай, ты же не собирался заниматься чаропением!

— Нам нужна лодка или нет? Помнишь, однажды я уже делал нечто подобное?

— Ой-ой-ой, как же не помнить! Ты неделю после этого в себя прийти не мог.

— Ну, больше так не будет, — разуверил его Джон-Том. — На этот раз я постараюсь. Вспомнил все подходящие песенки и отобрал самые безобидные.

— Ты вечно так говоришь!

Мадж предусмотрительно спрятался за дерево, чтобы наблюдать за результатами чаропения оттуда.

Первое, что пришло Джон-Тому в голову, — «Амос Мозес» Джерри Рида, но там ничего не говорилось про лодки, да и некоторые созвучия были резковаты. Зато другая вещица того же Джерри Рида годилась как нельзя лучше. Джон-Том слегка изменил слова, чтобы наверняка вышло судно на воздушной подушке для плавания по мелководью, на котором можно было поскорее добраться до далекой Квасеквы.

В воздухе вокруг него появились первые сверкающие гничии. Это был признак того, что магические заклинания начали действовать. Над самой поверхностью воды затеплилось желто-коричневое свечение.

— Видишь, никаких неприятностей, — заметил довольный певец.

Он закончил песню пассажем в духе Ван Халена, что не совсем соответствовало стилю Джерри Рида, и стал ждать, когда наколдованный объект материализуется над поверхностью воды.

...То, что у него получилось, имело плоскую низкую палубу и плоское днище, очень напоминая судно на воздушной подушке, которое надеялся создать Джон-Том. Однако чем внимательнее

вглядывался он во тьму, тем мрачнее становилось выражение его лица. На корме не было видно никаких признаков воздушного винта. Джон-Том пожал плечами. Что-то в его магии не сработало. Может, он спутал слова? Ну и ладно, хватит и несущего компрессора. Плот мягко стукался о берег. Мадж подошел к нему и потянул за конец. Оказалось, что на нем не было не только воздушного винта, но и несущего компрессора, и даже руля. Одни голые доски.

Плот был сколочен из горбыля и имел в ширину восемь, а в длину десять футов. По бокам торчали два больших неуклюжих весла, при помощи которых его с трудом можно было заставить двигаться в нужном направлении.

— Какой блестящий образец достижений неземной цивилизации, — саркастически заметил Мадж.

— Ничего не понимаю! Я так старался, хотел избежать малейшей ошибки... — Джон-Том подергал струны дуары. — Может, попробовать еще раз?

— Нет, не надо! — Мадж торопливо положил лапу на его пальцы. — Давай не будем испытывать судьбу. Это, конечно, не верх технического совершенства. Судно не слишком быстрое, и мы с ним наверняка напыхтимся. Но оно же плавает! К тому же нам не придется самим рубить сырые бревна, чтоб сколотить что-нибудь в том же роде.

— Но я могу наколдовать корабль получше! Я уверен в этом.

— Не надо привередничать, когда дело касается магии. Конечно, ты смог бы соорудить хреновину пошустрее. А вдруг утопишь ту, что уже сделал? И придется нам топать, как раньше, пешком. Как там у вас говорится — рука в синицах лучше неба в журавлях? Кто знает, чего ты еще наколдуешь?

И тут, словно в ответ, вода вокруг плота закипела, забулькала. Мадж со всех ног кинулся по песку к луку и стрелам, а Джон-Том медленно, не отрывая глаз от воды, отступал от берега. Позади плота поднималось нечто, не имеющее ничего общего ни с воздушным винтом, ни с несущим компрессором.

Это были огромные глаза, каждый — величиной с большую тарелку.

Глава 7

Глаза горели в темноте ярко-желтым светом, и в центре каждого был маленький черный зрачок. Затем из воды появилась еще одна пара, и еще одна. И вот сверху на островок таращатся десять пар глаз.

Самое страшное было то, что все они принадлежали одному чудовищу, но жили каждый своей жизнью. Глаза висели на концах

длинных гибких отростков, торчавших из гладкого круглого светящегося черепа. Вокруг плота поднялись щупальца и руки. Две из них удерживали желтый череп на месте, чтобы тот не отделился и не уплыл в пространство. Широкий рот щелью рассекал мерцающую, как лампа, голову. И это было единственным, что казалось материальным в полупрозрачном желтом свечении, сквозь которое хорошо видны были болотная вода, плот и деревья.

— Исчезни! — заикаясь, произнес Джон-Том. — Я не вызывал тебя заклинаниями. Мадж, я правда его не вызывал!

— Правда, значит, правда, — ответил Мадж, ясно показывая своим тоном, что он думает о попытках приятеля оправдаться. Выдр держал лук наготове, но что толку? Ясно, что стрелы пройдут сквозь привидение, не причинив ему никакого вреда.

— Я знаю, что это такое. Это Блуждающие болотные огни. Они, как я слышал, живут на болотах, в топях и трясинах, ежели о них можно сказать — «живут».

— Такого не может быть! — Джон-Том прижал к себе дуару, словно надеясь ею защититься. — Болотные огни — неодушевленный объект, это просто светящиеся пузыри метана.

— А ты сам что такое? — неожиданно звучным голосом спросили Блуждающие огни. — Мешок с водой, прикованный к земле, в верхней части которого плавает чуточку мозгов. — Видение подтолкнуло плот и наполовину выбросило его на берег. Вода плеснула Джон-Тому на сапоги. — Ты меня ударил этой штукой, — заявило оно обиженным тоном.

— Зачем говорить такие вещи, дружище? Что общего может быть у нас с этими дровами, когда в нашем распоряжении имеется чудный островок, на котором можно с удовольствием провести целую жизнь? — возразил выдр.

— Не ври, Мадж!

Выдр только возмущенно воздел лапы и поднял глаза к небу.

Призрак воспарил вверх и завис над вершинами деревьев. Все десять пар светящихся глаз внимательно смотрели на Джон-Тома. Потом их взгляд медленно переполз на Маджа.

Выдр в ужасе уставился на Блуждающие огни, заискивающе улыбаясь.

— Я не имею к этому типу никакого отношения, шеф. Он идет своим путем, а я — своим. Теперь извините, но мне пора...

Мадж развернулся, чтобы нырнуть в воду.

— Я не сделаю вам ничего дурного, — успокоил их призрак. — Мне просто стало любопытно, когда появилось вот это. — Он вытолкнул плот на берег целиком. — Он взялся как бы Ниоткуда, а именно там-то мы, как правило, и обитаем. И никто, кроме нас, в тех местах не бывает, разве только редкие туристы.

— Все вышло совершенно случайно, — объяснил Джон-Том. — Нам нужен был транспорт, и я чаропением создал плот, не зная, что вы находитесь неподалеку.

Молодой человек на секунду замешкался, но потом решился задать вопрос:

— А вы уверены, что вы не просто метан?

— Мне следовало бы обидеться, — ответили Блуждающие огни, — но я не обидчив, потому что и вправду в основном состою из метана.

Тут, чтобы продемонстрировать справедливость этих слов, несколько щупальцев отделились и уплыли в пространство. На их месте тотчас выросли новые.

— Мне просто не нравится, когда меня так называют.

— Я совсем не хотел вас обидеть, — сказал Джон-Том. — К тому же почти у каждого из нас в прошлом было неприятное прозвище. Например, совсем недавно кое-кто звал меня «приготовишкой». Кстати, помогите нам, если сможете. Мы идем на юг, к городу под названием Квасеква. Не знаете ли вы, что мы встретим по дороге?

— Большую часть времени я провожу в стране по имени Нигде или Ниоткуда. Квасеква расположена в тех краях?

— Надеюсь, что нет, — честно признался Джон-Том.

— Наверное, поэтому я о ней ничего не знаю. Но есть кое-что, о чем я могу рассказать. Если вы отправитесь отсюда на юг, вам предстоит пересечь великую реку Рунипай, а она протекает очень близко от страны Нигде.

— Отсюда следует, что впереди нас ждет очень много вонючей гнусной грязи. Прежде чем я перережу глотку моему дорогому другу, хотелось бы знать наверняка, так ли это.

Вода, плескавшаяся вокруг блуждающих огней, светилась и пенилась.

— Да, путешественники, впереди у вас еще долгий путь. Даже я не знаю, где его конец.

— Тропические цветы, нежные девы, готовые заключить нас в объятия... — Мадж устало глядел на темную воду. Потом он бросил сердитый взгляд на Джон-Тома. — Знаешь что, приятель? Давно мне хотелось попробовать черепашьего супчика.

Джон-Том улыбнулся привидению.

— Спасибо за информацию. Хотя это не совсем то, что нам хотелось бы услышать.

— Разве мы всегда слышим только то, что хотим? — заметил призрак и окутался интенсивным свечением. Затем круглый череп подплыл устрашающе близко к Джон-Тому. — А знаешь, я очень люблю музыку. Мне понравилось твое пение. Не мог бы ты попеть еще?

— Конечно, с удовольствием!

Мадж зажал уши лапами.

— Спаси нас небо! Еще один ценитель музыки на мою голову! Да еще такой, что у него и ушей-то толком нет.

Несчастному выдру пришлось всю ночь напролет слушать

Джон-Тома, вспоминающего одну за другой песни, которые поют на праздник «Хэллоуин». Леденящие душу аккорды плыли над неподвижной болотной водой, а Блуждающие огни танцевали в воздухе, от восторга рассыпая искры и заставляя растущие вокруг мхи и лишайники сверкать радужными отблесками.

У Джон-Тома, пожалуй, никогда не было такой благодарной аудитории. Однако стоило слушателю устать, он, не сказав худого слова, просто растворился в воздухе.

С наступлением утра настроение Маджа не изменилось.

— Да существует ли вообще твоя удивительная Квасеква? — ворчал он. — Вот увидишь, это какой-нибудь захолустный, грязный городишко. Что, впервые, что ли, врет твой благодетель-волшебник?

— Он никогда не врет. Это запрещено сводом законов, обязательных для любого мага. Он сам мне говорил.

Мадж с отвращением вздохнул.

— Послала же судьба попутчика! Ну, даже если существует этот рай на земле, что с того? Да, так утверждает твой твердопанцирный учитель. Однако он и словечком не обмолвился, что путь туда лежит через тысячи миль сплошного болота. Что, скажешь, он и тут не наврал, трепло волшебное?

Джон-Том смутился.

— Я его не очень расспрашивал, а он не распространялся насчет расстояния, которое предстоит преодолеть.

— А я бы его сейчас порасспросил, — угрюмо заметил Мадж, трогая пальцем острие сабли. — Я б так его порасспросил, что живо проделал бы дыру в его поганом панцире...

— Осторожно, Мадж, — предупредил юноша. — Не стоит отзываться неуважительно о волшебнике, даже если он далеко от тебя. Это может плохо кончиться.

— Дерьмо лягушачье! Надоели мне твои идиотские сюрпризы до чертиков. Брошу-ка я тебя прямо сейчас и вернусь в старое доброе Колоколесье.

— А как же виттены и поулты? Справишься с ними один?

— Это ведь ты разбил их любимого божка, а не я. К тому же у поултов мне надо доделать одно дельце, которое очень хотелось бы благополучно завершить.

— Если тебя поймает генерал Покнет, он быстро доделает твое дельце, будь уверен.

Мадж только плечами пожал.

— Значит, придется обойти оба города стороной. Зато я, наконец, вернусь в Колоколесье, в Линчбени, Тимов Хохот, Дорней, к нормальной жизни. Вернусь...

Даже если бы Мадж молчал и внимательно смотрел по сторонам, он вряд ли заметил бы еще одну тень. Болото — мир теней, и новая легко растворилась в неверном свете, в перепутанных ветвях деревьев и ползучих растений.

Однако эта тень не походила на прочие. Она двигалась независимо от тех, что окутывали остров, двигалась целенаправленно и очень быстро. Наши путешественники не видели ее до тех пор, пока она не оказалась прямо над их головами, когда было уже поздно.

Мадж предупреждающе крикнул, Джон-Том бросился за палкой. Выдр успел выхватить саблю — искать лук и стрелы не было времени.

Но тень пропала так же, как появилась. Мадж лежал на песке, задыхаясь, вытаращив глаза, прижимая к груди верную саблю, несмотря на то что никто на него не нападал. Опасность исчезла вместе с тенью. На песке остались посох Джон-Тома и перо стального цвета длиной два фута и шириной дюйма четыре. Оно лежало рядом с выдром, подтверждая, что нечто, явившееся и исчезнувшее с потрясающей скоростью, было здесь.

Мадж подобрал перо и повертел в лапах. Стержень его был толщиной в человеческий палец. Выдр поправил на голове шляпу, каким-то чудом удержавшуюся там во время короткой схватки, и посмотрел на восток. Стремительная тень исчезла именно в том направлении, унося в невероятно длинных когтях Джон-Тома.

Вспомнив свои недавние высказывания, Мадж оценил возникшую ситуацию: плот цел, все их припасы — тоже, причем и его собственные, и Джон-Томовы. На нем самом нет ни единой царапины.

Значит, так тому и быть. Нет больше храброго, но невежественного, надоедливого, всюду сующего свой нос чаропевца. Можно, не смущаясь, вернуться домой. Конечно, он со спокойной душой доложит о происшествии старому волшебнику Клотагорбу — хотя бы из уважения к памяти Джон-Тома. Бедный парень, не видать ему больше родного дома. Что до волшебника, то он философски встретит весть о несчастье, случившемся с его учеником, и не станет винить выдра, ведь все произошло слишком быстро. Еще минуту назад Джон-Том сидел тут, рядом, и вежливо слушал своего попутчика. Вдруг налетело черное облако — и нет его. Разве можно ставить это кому-то в вину? Ничего нельзя было сделать.

Выдр погрузил все припасы на плот и оттолкнул его от берега. Наконец-то можно зажить своей собственной жизнью, не боясь, что тебя в любую минуту снова потащат в какое-нибудь смертельно опасное путешествие. Наконец-то можно вернуться к нормальному существованию и сладко спать по ночам, не прислушиваясь к странным шорохам.

Да, действительно ничего нельзя было сделать. Разве не так? Мадж сердито налегал на весло и размышлял, отчего так гнусно у него на душе.

Джон-Том беспомощно висел в мощных когтях и не делал попыток высвободиться. Ему оставалось только надеяться, что огромная птица предпочитает живую добычу падали и не станет бросать его с такой высоты. Рунипай блестел далеко внизу, и, разожми орел когти, юноша превратился бы в падаль в прямом смысле этого слова.

С трудом извернувшись, Джон-Том попытался разглядеть похитителя. Размах крыльев орла был огромен, он нес свою жертву почти без усилий. Подобно более мелким представителям пернатых, гигант был одет в короткую юбку-килт, облегающую из-за встречного ветра бока и хвост, и жилет с черными зигзагами по серому полю. Рисунок показался Джон-Тому знакомым, но он не мог вспомнить чем. Момент для размышлений о подобных вещах был не самым подходящим.

Птица летела, не останавливаясь, и молодой человек стал примечать, что за местность простирается внизу. Блуждающие огни описали ее совершенно точно: под ним виднелись бесконечные болота и вода, на которой лишь изредка мелькали крохотные островки.

Вскоре на горизонте появилась цель их полета. Некий мощный тектонический процесс поднял из земли огромную массу черных базальтовых скал. Со временем они густо поросли деревьями и вьющимися растениями с толстенными стволами.

На высоте примерно двух третей от земли в скале виднелось отверстие. Орел летел прямо туда. На секунду Джон-Тому почудилось, что гигантская птица не пролезет в дыру, но орел не только умудрился благополучно проскользнуть сам, но и уберег свою жертву от удара головой или ногами.

Отверстие вело не в пещеру, а в тоннель, пробитый к центру скалы, которая оказалась внутри полой.

Дважды взмахнув крыльями, орел приземлился на одну лапу. Свою добычу он пренебрежительно отбросил в сторону. Джон-Том несколько раз перевернулся в воздухе и упал, разодрав лицо о камни. Ему было очень больно, но он решил, что важнее спасти дуару, привязанную у него за спиной. Когда он, наконец, ощупал себя, то понял, что, несмотря на синяки и царапины, совершенно цел.

Не спуская глаз с орла, Джон-Том поднялся и огляделся по сторонам. Место, где он очутился, было не жерлом вулкана, а скорее результатом тектонического разлома. К далекому небу поднимались колонны-шестигранники. Нечто подобное молодой человек видел на фотографиях, изображающих горы в Шотландии и калифорнийскую Высокую Сьерру.

На вершинах колонн были как бы естественные насесты, занятые бесчисленными гнездами. Дно этой своеобразной шахты, открытой небу, было усеяно костями, дочиста обглоданными острыми, как бритва, клювами.

И гнезда, и острые клювы принадлежали пернатым обычного размера. С любопытством разглядывая их, Джон-Том по рисунку на килтах узнавал ястребов, соколов, скоп и грифов. Они взмывали в воздух и вылетали наружу через отверстие вверху, реже — через тоннель, по которому влетел он сам вместе с похитителем. Казалось, все птицы кричали одновременно, отчего вокруг стоял оглушительный шум.

Некоторые летуны приблизились, чтобы с воодушевлением прокричать гигантскому орлу: «Да здравствует Гирнот!» — и поднять правое крыло в приветственном жесте. Жест тоже показался знакомым юноше, но смутно, и он не придал ему большого значения. Слишком многое надо было осмыслить, и бедный Джон-Том как-то растерялся.

Прежде всего опасения внушало самое ближайшее будущее, несмотря на то что орел, по-видимому, не собирался есть его сию же минуту. Однако горы костей, покрывающие дно шахты, не давали повода для оптимизма.

Гигантская тень снова накрыла Джон-Тома. Со сложенными крыльями орел выглядел, быть может, и не так внушительно, однако по-прежнему устрашающе.

— Встать! Смирно! — приказал он, и Джон-Тому пришлось подчиниться, несмотря на боль от ушибов.

— Они кричат: «Да здравствует Гирнот!» Гирнот — это ты?

Ответом ему было легкое движение клюва, которым орел мог без усилий перекусить Джон-Тома напополам.

— А что тебе от меня нужно?

— Не бойся, есть не буду. Мяса здесь и так много. — Орел повел крылом. — Добро пожаловать в Приют хищника. Ты будешь здесь служить — тебе прислуживать никто не будет. Советую постараться.

— Что-то я не понимаю.

Опять легкое движение клюва, на этот раз в сторону дуары.

— У тебя инструмент. Ты музыкант?

— В некотором роде. — Джон-Тому показалось, что сейчас не время для признаний. Продемонстрировать свои возможности можно и попозже. Более того, чем дольше он сможет скрывать свой талант от похитителя, тем легче будет застать его врасплох.

— Я так и подумал, — сказал Гирнот. — Мне как раз нужен музыкант.

Джон-Том совсем было собрался сказать, что орел не похож на любителя музыки, но смолчал. Пытаясь унять предательскую дрожь в коленях, юноша храбрился, как мог. Мысль о том, что он не включен в меню ужина, подбадривала.

— Ну и местечко тут у вас!

— Это только начало. — Гирнот был явно польщен.

Вот и хорошо, подумал Джон-Том, что ты покупаешься на лесть. Надо посмотреть, до какой степени.

— Это только временная база для меня и моих войск. Ты видишь только пену на волне, которая захлестнет весь мир. Сегодня мы владеем этой горой, завтра захватим Рунипай, а потом и весь мир!

Глаза орла сверкнули и устремились куда-то в невидимую даль, что снова напомнило Джон-Тому нечто, уже виденное прежде.

— Мне незнаком рисунок на твоем килте и жилете, — заметил он.

— Естественно, потому что я из другого мира. Я явился сюда уже давно. Мне потребовалось очень много времени, чтобы организовать вот этот небольшой ударный отряд. — Орел презрительно хмыкнул. — Хищники в этом мире не слишком быстро схватывают истину.

— Значит, ты из другого мира? Интересно. Дело в том, что я тоже из другого мира.

Орел прищурился.

— Вот как? А кем ты был там?

— Изучал законы и пел песни, — признался Джон-Том.

— Песни мне нужны, а законы я создаю сам.

— А кем был ты? — спросил Джон-Том, торопясь сменить тему.

— Я? Я был символом, — ответил орел гордо. — Мое изображение было повсюду — в камне, в металле, в бронзе. Я был на значках вот такой величины. — И он свел кончики крыльев до крошечного расстояния. — И на каменных монолитах такого размера, что ты и представить себе не можешь. Я был везде, и все люди мне поклонялись. Однако для них я был только символом. Люди, не колеблясь, поставили одного из своих надо мной и сделали его символом даже главнее, чем я. Здесь моя власть кончилась, и я не смог проявить себя по-настоящему. А когда этому фальшивому символу пришел конец и его стерли в порошок, то из многих тысяч моих изображений уцелел только я один. Но, если там я был уничтожен, в этом мире меня ждала свобода. Здесь я возродился и могу начать все с самого начала, но уже как следует.

Тут орел указал крылом на бесчисленных хищных птиц, кружащихся в освещенном солнцем воздухе.

— Мои солдаты будут править всеми. Так должно быть — сильные должны управлять слабыми. Нам, обладающим острыми клювами и когтями, должны покориться существа, ползающие по земле. Это справедливо, так и будет.

В эту минуту Джон-Том все понял, поскольку знал историю достаточно хорошо.

— Я узнал тебя! — воскликнул он. — Все это было еще до моего рождения, но я вспомнил, символом чего ты являешься.

Джон-Том действительно видел Гирнота на металлических

и каменных изображениях, как и говорил орел. Он видел его вознесенным над устрашающими военными парадами, над холодными уродливыми зданиями. Этот орел был застывшим воплощением зла.

— Значит, ты не только музыкант, но и историк, — довольно констатировал Гирнот. — Ценное приобретение для нашей стаи. Скажи-ка, ты знаешь песню «Хорст Вессель»?

— Нет. Я же сказал: все это было до моего рождения. Но, кажется, я знаю, какая музыка тебе нужна. Однако почему я должен для тебя петь? Зачем помогать тебе распространять старую заразу в этом новом мире, если она уничтожена даже у нас?

— Потому что, если ты не станешь мне помогать, я откушу тебе голову и проглочу ее, как тыкву.

— С такими аргументами не поспоришь, — согласился Джон-Том и перекинул на грудь свою дуару.

— Оказывается, ты вполне разумный человек, это хорошо. До тех пор пока ты будешь вести себя разумно, ты будешь жить. Кроме того, тебе следует гордиться тем, что ты нужен стае.

— Что конкретно ты от меня хочешь? — вздохнул молодой человек.

Гирнот указал крылом на летающих птиц.

— Их довольно трудно вдохновить на битву. Не всех мне удалось убедить, что им предстоит править остальными существами, что они принадлежат к расе господ.

— Только потому, что у них есть крылья, а у других нет, они принадлежат к расе господ?

— Конечно. Те, кто выше, должны управлять теми, кто ниже. Я хочу собрать под свои знамена всех хищных птиц этого мира.

— Но вас же мало. Среди всего разнообразия животного мира вы лишь небольшой отряд хищников.

— Других мы тоже мобилизуем, — самодовольно заявил Гирнот. — Они будут служить и умирать за нас, гордясь возложенной на них задачей, особенно когда увидят, каков на деле новый порядок.

— Да не выйдет у тебя ничего — точно так же, как не вышло у того, кто устанавливал «новый порядок» на Земле.

— Он был дурак, да еще и человек к тому же. В себе я уверен. — Острый клюв был нацелен прямо на Джон-Тома, но тот стоял твердо, поскольку отступать все равно было некуда. — А теперь поглядим, не врал ли ты насчет пения. Спой, и если сумеешь вдохновить моих соратников, то будешь жить долго.

Пришлось подавить уязвленное самолюбие и взяться за дуару. Джон-Том успокаивал себя тем, что нужно как-то оттянуть время, пока не явится Мадж и не вытащит его из переделки. А уж потом они вместе придумают, как пресечь распространение этой страшной заразы.

Певец исполнил все марши, какие только мог вспомнить. Птицы заинтересовались музыкой, некоторые даже опустились пониже, чтобы послушать. Криками одобрения они встречали каждый военный марш. Когда же Джон-Том осип, Гирнот положил ему на плечо огромное крыло и дружески потрепал, отчего юноше стало совсем нехорошо.

— Отлично, музыкант! Брось ты свои примитивные моральные поучения, им нет места в этом мире! Я сумею отблагодарить того, кто посвятит мне свою жизнь и творчество.

Джон-Том очень хотел сказать орлу, что именно он думает о его философии тоталитаризма и о нем самом, но вовремя опомнился и, пожав плечами, промямлил:

— Может, и вправду тут что-то есть. Может, в этом мире твоя задумка сработает лучше, чем в том, где мы жили раньше.

— Так-то лучше. — Гирнот похлопал Джон-Тома по спине, чуть не сбив его с ног. — Те, другие, слишком торопились и обезумели. Но я не потерял здравого смысла и не собираюсь перенапрягать крылья. Наше наступление будет медленным, но неизбежно приведет к тому, что мы завоюем весь мир. На этот раз победа будет за нами.

Он оглядел и указал на небольшую пещеру.

— Вот хорошее место для тебя. Или ты предпочитаешь насест повыше?

Джон-Том обвел взглядом вертикальные стены шахты.

— Нет, я не сумею ни залезть туда, ни спуститься. Лучше мне держаться поближе к земле.

— Бедный ползучий червяк! Но вот увидишь, со мной ты сумеешь взлететь. Подумай, певец, ты можешь стать первым среди своих собратьев.

Последовал еще один сокрушающий удар по спине, и Гирнот удалился потолковать со своими приближенными.

Ничего себе, подумал Джон-Том, с харизмой у него тоже все в порядке. В воздухе стоял удушливый запах склепа, напоминая о человеческой бойне из недавней истории. Нет, эта история не должна повториться здесь. Никогда!

Но нельзя забывать об осторожности. Гирнот не дурак. Пока он уверен в преданности своего любимца, он будет слушать все, что споет ему Джон-Том. Поэтому нужно соблюдать осторожность и выждать момент, когда можно будет что-нибудь предпринять. Неизвестно, правда, что именно.

Проходили дни, а Джон-Тома не переставала изумлять та легкость, с которой Гирнот сумел подчинить себе умы и волю крылатых хищников. Они старательно маршировали по земле и тренировались в небе, забыв прежнюю свободу и независимость ради того, чтобы угодить Гирноту. Это было совсем на них непохоже.

Однажды знакомый ястреб честно признался юноше, что, ос-

таваясь наедине с собственными мыслями, многие соколы, ястребы и другие хищные птицы начинают сомневаться в непогрешимости философии Гирнота. Мысль о покорении мира не казалась им привлекательной. Но в его присутствии они становились совершенно беспомощными. Сила воли гигантского орла, его аргументация подавляли любую попытку сопротивления. Более того, всякий, осмелившийся высказать сомнение, вскоре бесследно исчезал. Поэтому никакой организованной оппозиции просто не существовало.

Этот рассказ ободрил Джон-Тома. Значит, не все они запродали свои души Гирноту, хотя смелости для сопротивления не хватает. Нужно будет использовать это обстоятельство. Однако возможности для кропотливой разъяснительной работы отсутствуют: Гирнот обязательно найдет источник «диссидентства», и тогда прости-прощай, бедный Джонатан Томас Меривезер!

Нет, тут нужно что-то быстродействующее. Если уж нельзя создать мощную оппозицию, то, может, подавить злую волю. Но все песни Джон-Тома были веселыми и жизнерадостными. Самыми мрачными в его репертуаре были военные марши, которые так нравились Гирноту. Ничего действительно подрывного и эффективного в голову не приходило, хотя думать нужно было быстро. Старые марши в его исполнении давно потеряли зажигательность, а Гирнот становился все подозрительнее. В один прекрасный день ему может прийти в голову идея поискать нового певца.

Джон-Том сидел в своей пещере на соломенной подстилке и беседовал с небольшим соколом по имени Хенсор.

— Ну, объясни ты мне еще раз, почему вы все так слепо повинуетесь Гирноту? Неужели потому, что он больше вас по размеру?

— Нет, конечно. Мы следуем за ним, потому что он умнее и лучше знает, что нам следует делать. Он знает, как объединить нас в одно целое, чтобы мы, как единый острый коготь, нанесли смертоносный удар в самое сердце тем, кто вздумает оказать сопротивление.

— Да кому придет в голову оказывать вам сопротивление?

— Все против нас. Все, кто не хочет склониться перед нами, расой господ.

— Ну, а если представить, что все склоняются перед вами?

— Такого не может быть, — уверенно возразил Хенсор. — Истину придется вбивать в головы. Так говорит Гирнот.

— Он, конечно, прав. Однако представь хоть на минуту, что все вам покорились. Что тогда?

— Тогда мы будем править без кровопролития. Это, естественно, не касается представителей низшей расы, которых придется уничтожить.

Джон-Том почувствовал, как вдоль спины пробежал холодок, но вежливо продолжал расспросы.

— А кто будет править?

— Мы. Хищные птицы, значит. Ну, конечно, под мудрым руководством Гирнота.

— Ага, все ясно. — Джон-Том поудобнее устроился на соломе. — Теперь представь, что все ваши замыслы осуществились. Вы завоевали весь мир и управляете им под руководством Гирнота. Дальше что?

— Ну... — Хенсор не знал, что ответить. Очевидно, так далеко Гирнот в своих планах не заглядывал. — Нам не надо будет работать. За нас будут и рыбу ловить, и охотиться.

— А вы что будете делать?

— Как — что? Править, конечно.

— Но у вас уже будет все, чего вам хотелось.

— А мы захотим еще.

— Чего же еще? Сколько ты можешь съесть? Сколько тебе нужно веток для гнезда или бревен для дома?

— Ну, я не знаю. — Хенсор потряс головой и потер глаза кончиком крыла. — От твоих вопросов у меня заболела голова.

— Я знаю, что вас ждет, и скажу тебе об этом. — Джон-Том быстро оглянулся. Гирнота поблизости не было. Наверное, муштровал где-нибудь своих солдат. — Скучно вам станет, вот что. От ничегонеделанья выпадут все перья, и вы разучитесь летать. Станете похожими на выводок цыплят.

— Но-но, поаккуратнее! — возразил Хенсор. — Среди цыплят есть такие, которые мне очень даже нравятся.

— Ну, ты понимаешь, что я имею в виду. Безделье может кончиться бескрылостью.

— А вот и нет, — запротестовал Хенсор. — Строевые занятия с Гирнотом помогут нам сохранить хорошую форму.

— Для чего вам сохранять форму? Нет, если уж вы завоюете весь мир, вам непременно станет скучно, и вы расслабитесь. Ведь больше сражаться не придется. Да и побежденные будут выполнять все ваши желания. А хищники рождены для охоты, поэтому, если у вас отпадет необходимость что-либо делать, вы одрябнете и разучитесь летать.

— Ты меня смущаешь!

— Я этого совсем не хотел, ни в коем случае! — горячо заверил сокола Джон-Том. — Меня беспокоит ваше будущее. Вы все сейчас в такой прекрасной форме, что просто жаль будет увидеть угасание.

— Ну, и что ты предлагаешь?

Джон-Том приблизился и заговорщически зашептал:

— Одному из вас не суждено расслабиться и потолстеть, потому что он будет постоянно следить за тем, чтобы вы не смели нарушать строй. А тот, кто нарушит, тотчас окажется на его обеденном столе.

Хенсор даже отшатнулся.

— Этого не может быть! Гирнот никогда не дойдет до такого.

Джон-Том только пожал плечами.

— Почему не дойдет? Ведь таково логическое продолжение его философии. Сильные правят, слабые должны быть уничтожены.

Ему самому такая извращенная аргументация показалась настолько дикой, что он почувствовал дурноту. Однако речь, видимо, произвела впечатление на Хенсора.

— Но у этой проблемы есть решение.

— Какое же? — сразу же заинтересовался сокол.

— Очень простое. Все должны быть равны. Никто из принадлежащих к расе господ не должен превосходить своего собрата ни в чем. Ведь это же справедливо, не так ли? И тогда каждый будет в прекрасной боевой форме.

Выражение, появившееся в глазах Хенсора, красноречиво говорило, что он незнаком с ситуацией, когда все хотят быть генералами и никто — рядовым бойцом.

— Гирноту твои слова не понравятся, — сказал с расстановкой Хенсор.

— Почему? Вы все принадлежите к расе господ, значит, каждый должен принимать равное участие в управлении рабами. Конечно, Гирнот останется главным, но ведь вы все главные, все вожаки. Разве не так всегда было принято у хищных птиц?

— Да, правда, — согласился Хенсор возбужденно. — Мы все можем быть главными, мы и вправду все вожаки.

Он повернулся и расправил сильные крылья, блеснувшие красным.

— Я должен рассказать об этом всем остальным.

Джон-Том вернулся в альков и стал перебирать немногие свои пожитки. Через некоторое время он услышал снаружи шум, который все нарастал. Улыбнувшись про себя, певец высунулся из пещеры, чтобы узнать, в чем дело.

Высоко в воздухе, в основной шахте, между солдатами — представителями расы господ разыгралась оживленная дискуссия, которая вовлекла в свой водоворот почти всех. В самом центре столпотворения мелькали очертания огромного серого орла, размахивающего в ярости крыльями.

Скоро дождем полетели перья всех цветов и размеров. Джон-Том поднял несколько и положил под подкладку своей шапки. Вопли и злые вскрики снаружи продолжались. Он подхватил дуару и по тропинке направился к тоннелю. Никто не обратил на него внимания. Все были заняты выяснением, у кого есть право быть вожаком, а у кого — нет.

По все видимости, у Гирнота возникло множество проблем с идеей коллективного руководства, а перспектива быть просто главным его не удовлетворила. Вожак, вождь должен быть один!

Но его прежде послушные солдаты бурно оспаривали необходимость единоличного правления.

Джон-Том оглянулся, прежде чем завернуть за выступ, еще раз бросил взгляд на столпотворение, в результате которого обрел свободу, и заспешил по тоннелю к выходу. Он уже почти достиг его, когда сверху, из невидимого укрытия под потолком на него спланировал огромный ястреб.

Для юноши это было неожиданностью. Размах крыльев у ястреба был огромен, а в когтях он сжимал длинную палку, заостренную с обоих концов. Но Джон-Тому куда страшнее показались клюв и когти. Ими хищник мог разорвать его на части.

— Куда направляешься, музыкант?

— Да вот, хочу немного подышать воздухом, — ответил Джон-Том неуверенно. Затем он оглянулся через плечо и посмотрел на ястреба со значением. — Ты разве не хочешь принять участие в дискуссии и внести в нее свой вклад?

— Что за дискуссия? — спросил ястреб, не спуская с Джон-Тома блестящего взгляда.

— Там пытаются определить, кто может быть достойным членом расы господ, а кто не может.

— Я — стражник, и меня устраивает мое положение, — ответил ястреб.

— Но все остальные...

Тут ястреб оборвал его, направив прямо в живот острие копья и делая шаг вперед. Юноше пришлось отступить. Стражник продолжал надвигаться, оттесняя его от выхода.

— Ты хоть слышал о развернувшемся обсуждении? — Джон-Том неуклюже попытался вернуть ястреба к теме.

— Потом узнаю.

— Но теперь все будут главными, все станут вождями.

— Я только стражник. Думаю, нам лучше потолковать об этом с Гирнотом. По-моему, тебе не разрешено «немного подышать воздухом» снаружи. В пещере достаточно воздуха.

Острие копья снова уткнулось Джон-Тому в живот, заставляя отступить его еще на два шага.

Молодой человек был на грани паники. Без оружия у него не было никаких шансов одержать верх над стражником. А тем временем Гирнот может победить своих оппонентов и снова собрать в кулак распадающийся рейх. Потом, вне всякого сомнения, последуют допросы и дознание. И тогда никакие песни не спасут шкуру любимого исполнителя от медленного отделения ее от остальной плоти.

— Подожди, давай обсудим... — Джон-Том уже умолял.

— Ерунда. Нечего мне обсуждать с представителем низшей расы, потому...

Ястреб не договорил. Он медленно повернулся, и Джон-Том

увидел, что сзади, из основания черепа, у него торчит нечто похожее на гусиное перо. И тут понял, что это — оперение стрелы.

Стражник упал вперед грудой мертвых перьев.

— Долго ты еще собираешься стоять, разинув рот? — заорал на юношу Мадж, вкладывая в лук новую стрелу и поглядывая на вход в тоннель. — Или мне особо просить, чтоб ты стронул с места свою поганую задницу?

Глава 8

— Мадж!

— Ах, брось! Как меня зовут, я знаю, а ты знаешь, как зовут тебя. — Выдр начал, пятясь, пробираться к выходу. — А теперь, ежели твоя дурная голова все еще не дает покоя ногам, будет хорошо, если она заставит их поработать.

Мадж вытащил Джон-Тома наружу и повел вниз по склону, густо заросшему деревьями, к кромке воды, где стоял плот. Когда Джон-Том создал его, он казался непривлекательным, однако сейчас плот выглядел красавцем — не хуже двенадцатиметровой моторной яхты. Они оттолкнулись и яростно заработали веслами.

Время от времени Джон-Том видел, как птицы поднимались изнутри полой скалы — только для того, чтобы снова нырнуть обратно.

— Видно, мне никогда не удастся утихомирить тебя, приятель, — произнес наконец Мадж.

— После всего того, что ты сказал во время нашей последней беседы, я думал, ты и беспокоиться не будешь. У тебя было великое множество предлогов, чтобы позабыть обо мне раз и навсегда.

— Ладно, дружище, назовем эту глупость любопытством, и все дела. Ежели я еще буду размышлять об этом, то и заболеть недолго. Может, мне было интересно узнать, склюют ли тебя птицы или что-нибудь в этом роде. А возможно, я — такой же чокнутый, как и ты.

— Мне абсолютно все равно, почему ты это сделал, но я рад, что ты меня выручил.

Мадж кивнул в сторону стремительно удаляющегося острова.

— Что все-таки там произошло? Никогда в жизни не доводилось слышать такой шум и гам. Ты что, заклинал их своими магическими песенками?

— Не совсем. В некотором роде я убедил их перейти к диалогу, чтобы пресечь несправедливость и восстановить полное равенство.

— Вот оно что! Теперь понятно, почему там начался кавар-

дак. Бедолаги скандальные! Думаешь, они не бросятся за нами в погоню, как только разберутся с этими вопросами?

— Не сразу, даже если разберутся. Возможно, их вождь и уцелеет после этой разборки, но некоторое время он будет очень занят, восстанавливая порядок в своей организации, так что пока ему будет не до меня. Однако понаблюдать за небом в течение нескольких дней не помешает.

— Понимаю, понимаю... Нам, приятель, такие сюрпризы вроде бы ни к чему.

— Совершенно ни к чему! — Джон-Том предался размышлениям: — Хочется надеяться, что Гирнот — орел этот, утащивший меня, — сообразит, что система, которую он создает, обречена на самоуничтожение. Надеюсь, он уяснит, что власть развращает абсолютно: алчность быстро вытесняет преданность и полностью овладевает умами прежде послушных единомышленников.

— И тем не менее для чего это он уволок тебя, кроме как чтоб сожрать?

— Ему понадобился музыкант.

— Ну и ну! Нет бы спросить у меня. Я б ему враз растолковал, что он только время зря теряет. — Выдр хмыкнул. — Какая-то дичь несусветная, вот так.

Если бы Мадж не спас Джон-Тому жизнь, то сейчас непременно полетел бы за борт.

Они гребли на юг, и чем дальше оставался остров хищных птиц, тем больше Джон-Том успокаивался. Определенно, у Гирнота и без него хлопот был полон клюв, и даже если бы он вдруг заинтересовался, куда делся его лейб-музыкант, все равно ему уже не разобраться, в какую сторону тот подался.

Дни бежали за днями, и Джон-Том решил, что с орлом они распрощались навсегда.

Однако окружающая среда не давала им расслабиться: она становилась все сложнее и неприятнее. Очаровательная тропическая страна, обещанная Клотагорбом, угрожающе наваливалась на них. Над крошечным плотиком башнями нависали деревья, чья мощная корневая система, торчащая из воды Рунипай, настолько преграждала путь, что приходилось менять выбранный курс и отклоняться то на восток, то на запад. Иногда корни выгибались так высоко, что можно было проплывать прямо под ними. На стволах деревьев поменьше росли трутовики и поганки.

А когда удавалось встретить на пути клочок суши, то он оказывался настолько заросшим кустами ежевики и терновника, что на нем не так-то просто было найти местечко для ночлега. Однако Мадж на этом настаивал — постоянные вечерние концерты из жутких визгов и стонов вынуждали его под любым предлогом избегать ночевок на воде.

Человек и выдр, прижавшись друг к другу, устраивались перед костерком, прежде чем ненадолго забыться тревожным сном. Но,

несмотря на страшные ночные шумы, из болотной грязи никто не вылезал и на их жизни никто не покушался.

Все время их окружали беспросветные промозглые сумерки — всеобъемлющие и всепоглощающие. Все было совсем не так, как расписывал Клотагорб.

Густой туман, поднимавшийся над поверхностью воды, цеплялся за них день и ночь. Когда шел дождь, а это случалось частенько, жара спадала, однако тогда становилось почти невозможно определить направление движения. Это вынуждало их искать пристанища под корнями мощных деревьев. Пару недель спустя Джон-Тому стало казаться, что по утрам у него на лице появляется не щетина, а плесень.

Все здесь было либо осклизлым от мха, либо шершавым от древесных грибов. Сильная влажность грозила превратить их одежду в гнилые лохмотья. Казалось, она проникала даже в мозги, мешая соображать. Становилось все труднее ориентироваться и узнавать самые обыкновенные вещи.

Путешественники вытащили плот на песчаную полоску — под свод, образованный переплетенными в воздухе корнями, — потеснив всяких пресноводных рачков и прочую живность, обитающую в этой влажной среде. Костер судорожно потрескивал, язычки пламени отчаянно боролись за выживание в перенасыщенной водой атмосфере. Ночь была темным-темна. Деревья загораживали тучи, а тучи заволакивали луну. Единственным источником света был мерцающий огонь костра.

Джон-Том не совсем заснул, когда что-то насторожило его и показалось весьма странным.

Он поднялся, хотя очень хотелось спать и глаза слипались. Рядом, завернувшись в тонкое одеяло, похрапывал Мадж, никак не реагируя на загадочный, все усиливающийся звук, разбудивший молодого человека.

Чаропевец прислушивался довольно долго, прежде чем решил накинуть плащ и отправиться на берег. Звук был какой-то неестественный, на одной ноте, похожий на капель. Юноша высунул руку, подставив ее под дождь, но быстро убрал, будто ее ужалили, потом медленно вытянул опять. Он в изумлении уставился на руку, не понимая, что происходит, и покачал головой. Необъяснимое явление упорствовало. Стало быть, Джон-Том пока еще был в своем уме.

Вода капала на вытянутую руку, но снизу вверх. Ощущение нормального дождя. Джон-Том убрал руку и лизнул дождевую каплю. Едкий, солоноватый привкус. Он успокоился. Ясно: органы чувств функционируют, как положено. Следовательно, нелады с осадками, а не с ним.

Он стоял и смотрел на дождь до тех пор, пока окончательно не проснулся, потом повернулся и пошел будить Маджа.

— У-ф-ф!.. Что, кто, в чем дело? — Выдр моргал и щурился,

глядя на него снизу вверх. Физиономия Джон-Тома, должно быть, представляла собой малоприятное зрелище в свете едва мерцающего костра. — Что случилось, кореш? Ах ты, какая темнотища! Все равно что мысли мирового судьи.

— Так ведь ночь пока! Солнце еще не взошло.

— Ничего себе! — вскинулся рассерженный Мадж. — Зачем же ты разбудил меня?

— Дождь идет, Мадж.

— Слышу. Ну и что?

— Дождь идет не по правилам.

— Как это — не по правилам? Ты что, спятил?

— Мадж, дождь идет снизу вверх.

— Ясно! Крыша поехала, — пробормотал выдр. — Горе ты мое луковое!

Он выскользнул из-под одеяла и, полусонный, заковылял к краю воды, но сначала вытянул наружу лапу. Капли дождя запрыгали, ударяясь о тыльную сторону кисти, а сама ладонь осталась сухой.

— С ума можно сойти, это точно!

Джон-Том вытянул руку рядом с выдровой лапой.

— Однако что же это такое, что это все значит?

Феномен и впрямь завораживал. Юноша смотрел, как капли дождя, ударяясь о тыльную сторону ладони, проскальзывали между пальцами и устремлялись в темное небо.

— Это значит, что твой чудесник-кудесник не шутил, когда говорил нам, что эта часть света — настоящие тропики! Думаю, здесь все так насыщено влагой, что время от времени у земли возникает потребность возвратить часть воды небесам. Если подумать хорошенько, не такая уж это нелепость. Равновесие в природе, не так ли? Сверху — вниз, снизу — вверх: есть от чего прийти в изумление.

— Это я и сам вижу. Однако что же все это значит?

Мадж убрал лапу из-под дождя-вверх-тормашками, лизнул мех у запястья разок-другой, чтобы он высох, и отправился к своему временному лежбищу.

— Это значит, что здесь очень влажное место, парень.

Джон-Том еще немножко понаблюдал за дождем-шиворот-навыворот, а потом присоединился к приятелю. Свернувшись клубком под своим плащом, он лежал и все таращился на густую завесу ливня. Монотонный шум воды, устремлявшейся в поднебесье, успокаивал.

— Действительно, в этом есть своего рода справедливость. То есть я хочу сказать, тут удивительная симметрия, если угодно — поэзия погоды.

— Все так, парень! Я согласен. А теперь давай спать.

Джон-Том повернулся к нему. Силуэт выдра на фоне затухающего огня был едва виден.

— Ты слишком торопишься жить, Мадж. Иногда мне кажется, у тебя нет ни малейшего желания удивляться чудесам природы.

— Чего, чего? — Выдр на секунду разлепил сонный глаз. — Ну, ты загнул! Моросит шиворот-навыворот, только и всего. Видно, придется мне изменить свои представления о том, как мир устроен.

— Разве? Возможно, еще не все для тебя потеряно. Может, ты еще сможешь оценить по достоинству загадочность и прелесть природы, удивительные неожиданности, хранящиеся в ее кладовых. Какая несказанная прелесть в этом слегка видоизмененном явлении природы, в этом странном дожде!

— Сказать по совести, кореш, у меня другой взгляд, иная точка зрения. Я всегда считал, что мир — это большая общественная уборная. И вот, пожалуйста, сюрприз — он, оказывается, может работать и как биде. — Он перекатился на другой бок, повозился немного и уснул.

Джон-Том еще раз смирился с фактом, что его попутчик, говоря языком эстетики, настоящий примитив. Он в глубокой задумчивости продолжал созерцать идущий вверх тормашками дождь. Тот, конечно, сбивал с толку, однако в нем была своеобразная красота и никакой опасности. В их монотонном путешествии он казался приятным разнообразием.

Дождь устремлялся вверх почти все утро. Стоя на плоту, они ни капельки не намокли, пока, работая веслами, пробивались сквозь завесу поднимающихся испарений. Плот представлял собой крошечный сухой кубик, скользящий по густо заросшим водам.

В конце концов влажность уменьшилась и область постоянных дождей осталась позади.

Поток сузился до размеров лениво текущей речушки, одной из многих, перерезающих кряжи из гранита и сланца. Конечно, такие условия показались путешественникам куда лучше тех, что были в стране, которую они прошли из конца в конец, но все-таки — отнюдь не дивный рай, разрекламированный Клотагорбом. Густой кустарник занимал все пространство между камнем и водой. Они оказались как бы в зеленом тоннеле, куда солнечные лучи пробивались неравномерно: то озаряли все ярким светом, то пропадали.

На одной из скал Мадж заприметил кусты с зеленовато-черными ягодами, по внешнему виду напоминавшими слезинки, и оба путника всю вторую половину дня чревоугодничали — лакомились вкусными ягодами. Каменистый островок обещал чистое и сухое пристанище для отдыха, и они решили остаться здесь на ночь.

Проснувшись на другое утро, Джон-Том потянулся — и сна как не бывало. Они были окружены со всех сторон не подручны-

ми Гирнота и не безликими злыми демонами Маркуса Неотвратимого.

Тридцать выдр уставились во все глаза на юношу, и каждая была удивительно похожа на Маджа. За последнее время Джон-Том испытал не одну встряску, столкнувшись с целой кучей из ряда вон выходящего, но ничего подобного с ним еще не случалось.

— Доброе утро, Джон-Том! — сказали все тридцать разом.

Он попробовал обуздать взметнувшиеся в панике мысли. Уж не наблюдает ли он множество зеркальных отражений, уж не работа ли это какого-нибудь искусного мага-фокусника? Нет, непохоже. Если бы это было так, то они все двигались и говорили бы одинаково и одновременно. А сейчас они, согнувшись в три погибели, покатывались с хохоту, кое-кто болтал со стоящим рядом соседом, а кто-то мял шляпу с пером, приветствуя Джон-Тома.

Объяснение всему этому было очень простое: здешний мир довел его до сумасшествия.

Один экземпляр стоял в стороне и внимательно наблюдал за происходящим. Этого оказалось достаточно, чтобы Джон-Том убедил себя, что ничего метафизического, туманного и невозможного не происходит. В то же время каждая особь, жестикулируя и гримасничая на свой манер, оставалась на своем месте. Ни шагу вперед, ни шагу назад!

Пока, наконец, один не толкнул его, подойдя сзади, и не напугал до смерти. Джон-Том схватил этого «передвижника» за плечи и как следует встряхнул.

— Мадж, это ты, что ли?

Глаза у выдра были совершенно остекленевшие.

— Не уверен, приятель, уже сомневаюсь. Привык, знаешь ли, считать, что я — это я. В данный момент не могу этого утверждать. Пошел собрать ягод на завтрак, а когда вернулся, застал здесь это сборище, — он жестом указал на Маджей вокруг кострища. — Возможно, я — это не я. Может быть, я — кто-то из них.

— Мы все — ты, — сказали выдры хором. — Каждый из нас.

— Правильно, но только я — самый лучший ты! — возразила парочка Маджей, стоящих справа.

— Ничего подобного! — выразила протест троица наискосок. — Мы — самые лучшие Маджи, мы.

— Ой, только не надо! Своих родителей хоть не дурачьте, — заявил квартет Маджей с правого фланга.

— Должно же быть всему этому объяснение, — сказал тихо Джон-Том. — Разумное толкование...

— Конечно, должно, кореш, — сказал тот Мадж, что стоял к нему ближе всех. — Я слишком долго таскаюсь за тобой по белу свету и потому стал таким же ненормальным, как и ты.

— Никто из вас не является ненормальным, — возразили два Маджа, стоявшие напротив.

Тут Джон-Том моргнул — а скорей всего и моргнуть не успел, — как все Маджи исчезли. Однако вместо них появилось кое-что совсем неприятное — парочка долговязых Джон-Томов, ростом не менее двух метров, в сине-зеленой одежде. Он вытаращил глаза на точную копию самого себя в двух экземплярах.

— Трюк! Это какой-то фокус, оптическая иллюзия. — Теперь он был убежден, что так оно и есть. Но кто это сделал и почему? Ночью они ничего не слышали, а острый нюх Маджа наверняка бы отреагировал на появление такого количества пришельцев. Он обернулся к выдру: — Ты не заметил ничего подозрительного на острове? Здесь был кто-нибудь, кроме нас?

— Ни души! — заверил его Мадж. — Однако каким-то чудом мы подцепили себе компанию.

— На острове, должно быть, трудится в поте лица не один, а несколько неизвестных, — пробормотал Джон-Том. — Слишком много происходит всякого-разного в одно и то же время. Одному такое не под силу.

— Тут ты прав!

Мадж повернул голову на голос и засек еще троицу Джон-Томов, беседующих друг с другом. Первый оперся на деревянный посох, другой показывал куда-то пальцем, третий разглядывал свои ладони. Все они находились в трех разных точках. Хотя тут путешественникам показалось, будто... Да, именно так! Джон-Томы занимали те же самые места, где до этого находились три исчезнувших Маджа. Выдры превратились в чаропевцев.

— Я не знаю, кто вы или что, но, если вы собираетесь нас пугать, считайте, что ваши планы провалились.

— Говори за себя, а за меня не надо, — пробормотал Мадж, с трудом переводя дыхание.

— Пугать вас? А зачем это нам? — поинтересовалось трио Маджей, маячившее слева.

Джон-Тому опять показалось, что у него что-то со зрением. Маджи и Джон-Томы пропали, вместо них появились три дерева. Каждое представляло собой ствол с гибкой кроной. Прямо у основания дерева росли цветы. В центре каждого ствола виднелось расплывчатое тестообразное лицо. Джон-Том смог различить глаза и рты, но не увидел ни носов, ни подбородков. С каждой стороны — по ушной раковине. Одинокий толстый конусообразный отросток, похожий на виноградную лозу, торчал из верхушки дерева. Джон-Том не мог со всей определенностью сказать, где кончалось одно и начиналось другое. Может быть, вообще никакого дерева не было, а была только одна высокая лоза.

— Мы вас не хотим пугать. Мы всего лишь практикуемся, совершенствуем свое искусство. И, нужно сказать, аудитория для нас — большая редкость.

Джон-Том обернулся и посмотрел, что творится за спиной. И сразу исчезли еще три Маджа. Вместо них появилась новая парочка деревьев и одна-единственная гигантская бабочка. Она махала крыльями, но места своего не покидала.

— Все так и есть! — изрекла бабочка. — Наша аудитория весьма малочисленна и собирается очень редко.

— Ваше искусство — это как понимать? — вымолвил Джон-Том.

— Мы подражатели, имитаторы, мимы, — ответила лианообразная лоза. — Наше искусство возникло из необходимости защититься от пожирателей растений. Основные деревья вообще-то находятся под нами, ниже поверхности.

Стало быть, то, на что он сейчас смотрит, подумал Джон-Том, есть не что иное, как лиана.

— Мы охраняем наши спрятанные деревья, имитируя предметы, внушающие страх пожирателям растений.

— И получается совсем неплохо! — добавила исполинская гусеница. — Вряд ли захочется отведать то, что как две капли воды похоже на тебя самого. Лично я предпочитаю фотосинтез и никогда не могла понять перистальтику пищеварительного тракта.

— Тем не менее, — парочка кошмаров в духе Сальвадора Дали решила принять участие в разговоре, — надоедает сидеть и ждать, когда начнется подкоп под наши деревья. Поэтому, чтобы оставаться в форме, мы все время перевоплощаемся. Однако это тоже утомляет, если не появляется новая аудитория со свежим восприятием.

Кошмары исчезли, а появившиеся вместо них двадцать пар рук начали синхронно аплодировать.

— Ну как? — спросило нечто, напоминающее маленького динозаврика. — Не желаете ли ознакомиться с нашим мимансом? Мы в этом жанре большие мастера.

— Будто бы! — включился в беседу квартет птичек, трепыхающихся как раз напротив только что смолкнувшего хвастунишки. — Да вам ни в жизнь не изобразить ничего подобного!

— Уж молчали бы вы, гниль болотная! — резко выступила другая лиана, мгновенно превратившаяся в удивительно живописное скопление птиц.

— А перья-то у вас совсем не такие, как надо!

— А вот и такие! — Растрепанные птички разом уставились на Джон-Тома. — Скажи-ка, гуманоид, с перьями у нас ведь все в порядке?

Юноша, не торопясь, упаковывал рюкзак.

— Затрудняюсь ответить. Подобная экспертиза не по моей части. Но с перьями, думаю, все о'кей. — Он направился к берегу, где накануне вечером они оставили плот. Мадж ковылял следом.

— Ой, да в этом деле экспертом быть не надо! — Три лозы-лианы переплелись и загородили дорогу. — Все, что от вас требу-

ется, это свежее, непредвзятое мнение. То есть нам нужна новая публика. Вы — лучшая из всех, посетивших нас. К нам давным-давно уже никто не заглядывал. Ну очень давно! И мы не можем позволить вам просто взять и уйти. У нас такой запас нерастраченных возможностей, всяких превращений, преображений и прочего! Нам необходим свежий зритель, способный оценить наше искусство.

Джон-Том глянул на переплетенные лозы и осторожно шагнул вперед. Лозы мгновенно ощетинились пучком ядовитых шипов, каждый не менее пятнадцати сантиметров длиной.

— Что думаешь по этому поводу, Мадж?

— Не знаю, что и думать, дружище. Никогда не приходилось быть судьей ни на каких соревнованиях.

— Да мы недолго, — заверили их лозы-лианы.

— Наш репертуар совсем небесконечен.

— Через пару лет мы иссякнем, — подтвердили четыре здоровенные крысы.

Превращения, происходившие с калейдоскопической быстротой, вызвали у Джон-Тома приступ дурноты, так как его мозги не успевали переваривать того, что видели глаза.

— Нам бы хотелось еще побыть на вашем представлении, — начал он неторопливо, — но нас ждут важные дела. Кроме того, я полагаю, два года — это слишком большой срок для нас.

— Да брось ты! — возразили оба его дубля, подталкивая Джон-Тома на середину круга. — Тебе понравится! Не ломайся, давай по-спортивному! Мы бы поискали другую аудиторию, если бы могли, да вот не можем — сторожим свои деревья.

— Ты что, нам не сочувствуешь? А? — вякнуло нечто такое, чему Джон-Том затруднялся подобрать название.

— Нет вопросов! Еще как сочувствую, — быстро выкрутился он. — Просто мы не можем терять столько времени, вот и все. — Джон-Том говорил вежливо, хотя был бы не против, если бы в рюкзаке нашлась большая бутыль с ядом от всяких растений-паразитов.

— Присаживайтесь и расслабьтесь, — пригласили пять чрезвычайно привлекательных голеньких дамочек, пристроившихся сбоку. — Через пару месяцев привыкнете, а уж потом будете с нами душой и телом.

— С вами душой — это как? — пискнул Мадж.

— Имеется в виду, что вы поймете дух наших выступлений.

— А-а-а... — вздохнул выдр с облегчением.

— Я первая, я уже готова! — объявила одна из красавиц.

Чудесным образом в воздухе появились три рыбины. Это была удивительная имитация, первая в программе. А потом можно было просто сбиться со счета, так как действие переходило от одной лозы или группы лоз к другой, и перевоплощения шли по кругу с головокружительной быстротой.

Как только Джон-Том или Мадж начинали проявлять признаки скуки, их немедленно, с грубой настойчивостью — криками, запахами — возвращали к происходящему.

Утро плавно перешло в полдень, на смену которому пришел вечер. Когда же на остров наползла ночь, мимы-лианы превратились в светящиеся растения, вернее, в биолюминесцентные существа.

— Все это необыкновенно развлекательно, — прокомментировал Мадж увиденное, — но лично я, кореш, не собираюсь провести здесь остаток жизни.

— Я тоже. Какой-то выход из создавшегося положения, наверное, существует.

— Что ты скажешь, если мы прикинемся чрезвычайно заинтересованными? Хотим получше рассмотреть, что и как, подходим совсем близко и идем на прорыв? Они ведь все время на одном месте, как приклеенные. Стоит проскользнуть мимо, а там без труда можно оказаться на плоту.

— Не могу с уверенностью определить, на что они способны, если дело дойдет до крайности, — произнес вполголоса Джон-Том. — Вполне вероятно, что они изобразят какую-нибудь штуку, которая примется метать ядовитые дротики. От них всего можно ждать. За нами пристально наблюдают, и я не думаю, что мы застанем их врасплох. Вообще-то они — довольно приличный народец, этакий пучок зелени, помешанный на искусстве имитации. Теперь я понимаю, что имеют в виду, когда говорят, что зрителей пленило искусство. Это именно то, что происходит с нами сейчас.

— Они собираются держать нас здесь, пока не исчерпают двухгодичный запас перевоплощений, разве не так?

— Какая от нас будет польза, если мы просто протянем ноги от голода?

— Не думаю, чтобы они довели нас до этого. Однако мы надолго тут застрянем, если только...

— Если только что? — поинтересовался Мадж, содрогнувшись при виде огромного светящегося ракообразного, возникшего в воздухе прямо перед ним.

— Хорошенький экземплярчик, не правда ли? — спросил этот краб о восьми клешнях. Длинные отростки по обе стороны от него тут же превратились в нежно-оранжевые анемоны-ветреницы.

— Если только мне не удастся заставить изобразить то, что я хочу.

Джон-Том поднялся в полный рост и сразу стал центром внимания. Испускающие призрачный свет существа пожирали его глазами.

— О'кей! Послушайте, что я вам скажу!

Лианы качнулись в его сторону. Они старались вести себя

очень вежливо, хотя это получалось совсем по-детски. Однако вряд ли можно будет обмануть их дважды. Нужно, чтобы получилось с первого захода.

— Вы утверждаете, что можете изобразить все что угодно?

— Совершенно верно! — подтвердили лианы хором. — Все, абсолютно все. Назовите что хотите. Или опишите.

В темноте они пульсировали, вспыхивали, изображая всякую всячину — от акробатической цепочки до говорящей радуги.

— Неплохо! — И Джон-Том показал на свою дуару. — Интересно, а какова ваша реакция не на словесное, а на музыкальное описание? Допустим, вы слушаете мелодию и одновременно изображаете услышанное.

— Как это? — спросило огромное мясистое ухо.

— Так, как я сказал. Можете вы передать доступными вам средствами то, что услышите в музыке? Будет звучать только музыка, и никаких слов. Сумеете вы изобразить эмоции?

— Попробуем, попробуем... Начинайте! — закричала веренница дождевых червей.

Тут Джон-Том стал наигрывать песенку, которую выбрал загодя, — нежную, без затей, расслабляющую. Однажды эта мелодия благополучно отправила в объятия Морфея целый пиратский корабль.

Казалось, песня сработала. Имитаторы пали ниц и некоторое время вообще ничего не изображали. Лианы как лианы, самые обыкновенные. Когда песенка кончилась, Джон-Том закинул рюкзак на плечо и кивнул Маджу, чтобы тот следовал за ним.

Они уже достигли края площадки, когда две лианы вдруг вскинулись и преградили им дорогу, мгновенно сотворив самую что ни на есть настоящую стену из гигантских бритвенных лезвий.

— Изумительная работа, — позволила себе саркастическое замечание парочка Маджей по соседству. — Надумали обдурить нас? Этот номер не пройдет! Мы все время настороже и внимательно следим за тем, что происходит вокруг, вне зависимости от того, имитируем ли мы в это время или нет.

— Иными словами, расслабьтесь и насладитесь нашим шоу, — посоветовали четыре Джон-Тома. — Когда проголодаетесь, притащим вам ягод. Настоящих, несымитированных.

Джон-Том и Мадж с неохотой вернулись на почетные места в центре площадки. Калейдоскоп превращений возобновился.

Мадж склонился к приятелю и прошептал:

— Сказать по совести, ягоды мне понравились, но ежели придется питаться ими целых два года, я сам стану ягодным кустарником и расцвету пышным цветом. Конечно, если только не спячу окончательно. Попробуй спеть им какое-нибудь заклинание покруче.

— Не знаю, что и делать, — заметил Джон-Том вполголоса. — В следующий раз они могут просто отобрать у меня дуару.

Он сделал несколько успокаивающих жестов, а потом громко произнес:

— О'кей! Вы убедили меня, что от вас не уйти и что перед нами непревзойденные мастера мимикрии. — Послышались одобрительные возгласы. — Между тем все, что вы изображали, представляет собой одушевленные объекты. Почти все, должен оговориться.

— Живых существ, — заметил василек под метр ростом, — гораздо труднее изображать, чем неодушевленные предметы. Имитировать неживую природу — пара пустяков.

— Наверно, вы потому так считаете, что раньше не делали этого. — Джон-Том наклонился и подобрал кусочек полевого шпата. — А это сможете изобразить? Не целую глыбу, а именно этот осколок, один к одному?

— Он еще спрашивает! — возмутился американский лось.

И в ту же секунду перед путешественниками возникла стена из кусочков полевого шпата.

— Должен признать, это просто потрясающе. — Джон-Том встал и отшвырнул осколок в сторону. — Хотя я заметил кое-где слабое движение. А ведь вы должны буквально прирасти к месту. Стало быть, полагаете, что изображать неживую природу совсем просто? Так? Ну, тогда вот задание посложнее. — Он выдержал паузу. — Хотелось бы увидеть, как вы изобразите воду. Обыкновенную воду.

Это пожелание внесло в его окружение некоторое замешательство, смешанное с решимостью во что бы то ни стало выполнить задачу. Лианы изгибались, дергались — для того чтобы справиться, требовался нешуточный физический и умственный напряг — до тех пор, пока за спиной Джон-Тома не раздались аплодисменты.

Он оглянулся. Несколько лиан аплодировали одной из своих коллег, потому что на ее месте образовался настоящий узенький водопадик. Вода даже не касалась земли, однако иллюзия была полная.

— Примите наши поздравления! Такого мы не ожидали.

Мадж толкнул приятеля локтем.

— Послушай-ка, дружище, не слишком увлекайся!

Джон-Том сделал вид, что не расслышал, и продолжал разговор с участниками представления:

— Давайте, давайте! Уверен, что так могут все, а не кто-то один.

Лианы очень старались. В скором времени и он, и Мадж оказались в окружении нескольких крошечных озер, прудика и болотца.

— Даже не предполагал, что вы способны на такое, — сказал Джон-Том. — Это впечатляет! Признаю ваш талант.

— Нет, нет, только не останавливайся! — воскликнули несколько лиан, вдохновленные удачей. — К тому, что накопилось у нас в репертуаре, мы можем вернуться в любое время. Испытай нас еще в чем-нибудь.

— Да, пожалуйста, что-нибудь потруднее!

— Попробую.

Джон-Том потер подбородок и попытался принять озабоченный вид. Он уже прекрасно знал, о чем попросит, но не хотел, чтобы существа, захватившие их в плен, поняли, что он все обдумал заранее. Чтобы удалось то, что он наметил, необходимо было, чтобы лианы сочли задание спонтанным. Кстати, и Мадж тоже.

— О'кей, — сказал юноша таким тоном, будто идея только что пришла ему в голову. Пройдясь по кругу и выразительно жестикулируя, он заговорил: — Ну вот, а вы считали, что воду трудно сымитировать. Теперь попытайтесь сделать вот что. Я хочу, чтобы вы изобразили... — он выдержал драматическую паузу, — чувства.

Лианы застыли. Потом начали раскачиваться, подергиваться — между ними вспыхнула энергичная дискуссия. Джон-Том услышал шепоток: «Не сможем, не сумеем... никогда не делали ничего подобного...» Зато некоторые шелестели нечто обнадеживающее: «Неужели не сумеем?», «Пусть гуманоид не думает, что поставил нас в безвыходное положение...», «Конечно, мы должны это сделать, правда, придется напрячься...»

— А чтобы все было по правилам, — продолжил Джон-Том, — не следует тянуть время, выжидая, когда кто-то другой выполнит задание, и повторяя за ним. Все должны работать одновременно, иначе будет нечестно. — Он кивнул на водопад. — Все должны участвовать, все вместе.

Одна лиана буквально завибрировала:

— Правильно, верно... Говори, что нам следует изобразить.

— Хорошо! Вначале изобразите... злость.

Возникло некоторое замешательство, а затем лианы начали темнеть. Они окрасились в глубокие оттенки цветов от темно-красного и желтого до оранжевого. Некоторые выпятили колючки и шипы, судорожно дергающиеся и рассекающие воздух.

— Прекрасно! Очень хорошо. — Джон-Том не скупился на комплименты. Лианы расслабились, стали поздравлять друг друга с успехом и мало-помалу вернулись к нормальному зеленому оттенку. — А теперь передохните. Следующие мои задания вы должны выполнять в темпе. Прошу вас, изобразите смех.

Лозы взмыли вверх и стали полоскаться вымпелами на ветру, хотя в воздухе не было намека даже на слабенькое дуновение. Некоторые полотнища были в мелкий горошек, другие в клеточку,

часть — в красно-белую полосочку. Одна изобретательная лиана колыхалась клетчатым пледом.

— Печаль! — выкрикнул Джон-Том.

Смех исчез, и лианы поникли, стали вялыми, безвольными, окрасившись в темно-гороховый, розовато-лиловый, даже в бледно-лиловый цвет лаванды. Стали ронять слезы, жалобно раскачиваясь, как на панихиде. По мере того как мимы справлялись с заданиями, все успешнее овладевая практическими навыками, Джон-Том убыстрял темп, предлагая им изобразить целую гамму чувств. Удивление, страх, приподнятое настроение, подозрительность, нерешительность...

— Пора закругляться, парень! — сказал Мадж. — Мы, конечно, хорошо отдохнули на этой тусовке, но не считаешь ли ты...

Джон-Том положил руку на плечо выдра и с силой надавил, продолжая выкрикивать пожелания.

Вера, надежда, милосердие, безумие...

Последнюю команду он произнес тем же тоном, что и предыдущие, с той же интонацией. Эффект получился потрясающий — каждый хотел выглядеть лучше другого.

Впервые напрочь исчезли ритм движений и мотивированность поведения. Цвета поменялись в основном в сторону диковатых оттенков. Часть растений вытянулась в длину, другие разбухли. Некоторые уменьшились настолько, что почти целиком уползли в подземелье, где были спрятаны деревья. Две лианы колотились о землю, пока не начали ломаться. Они продолжали и дальше биться о твердую каменистую почву так, что во все стороны летели клочки.

Однако Джон-Том не собирался обозревать урон, который нанесла его выдумка, потому что уже несся со всех ног к берегу, где их ждал плот.

Сначала ему пришлось тащить Маджа за собой, но потом тот опомнился. На этот раз на их пути не возникло никакого препятствия. Как только они вырвались из окружения, Джон-Том оглянулся.

Те лианы, которые еще были целы, хлестали друг друга, рассекая воздух, ударялись о землю, свистели, стонали и что-то выкрикивали. Шум и гам были даже страшнее самого зрелища.

— Я должен был добиться того, чтобы они вошли в роль, — объяснял Джон-Том на бегу, с трудом переводя дыхание. — Нужно было заставить их выполнять задания все быстрее и быстрее, одно за другим — бам! бам! бам! Необходимо было довести их до такого состояния, чтобы мои команды выполнялись рефлекторно, без раздумий и колебаний, чтобы каждый испытывал желание отличиться перед соседом. По правде сказать, я и не рассчитывал, что та колыбельная сработает, но, конечно, попытаться нужно было. Правда, они были настороже, ожидая с нашей сто-

роны какого-нибудь подвоха. Я предположил, что самое худшее, что нас ждет, — они продемонстрируют, как сложно от них убежать. Поэтому я заставил их поверить, что мы смирились с судьбой, и даже сделал попытку изобразить, будто нас увлекло их соревнование.

Джон-Том и Мадж уже были на плоту, изо всех сил налегая на весла. Они скользили по глади Рунипай и все больше увеличивали расстояние, отделяющее их от растительного сумасшедшего дома.

Мадж обернулся и посмотрел туда, где был остров.

— Скажи-ка, приятель, а они выйдут когда-нибудь из этого состояния?

Отдаленные крики и стоны, хотя и значительно ослабев, все еще были слышны.

— Думаю, да. Постепенно кто-то осознает, что они вытворяют над собой, и одумается. Глядя на него, и другие начнут возвращаться к разумному состоянию. Естественно, только те, кто не слишком далеко зашел в своем безумии. В конце концов все образуется. Но пусть они выпутываются сами и только тогда, когда мы будем далеко и в безопасности.

— Верняк! А ты и меня обвел вокруг пальца. — Выдр насупился. У Джон-Тома на лице появилось несколько виноватое выражение. Мадж спросил: — Ну что еще? Чего случилось?

— Не знаю, право! — Джон-Том отвернулся и стал смотреть на весла. — Все дело в том... Глупо ужасно. Знаю ведь... Когда мы были у лиан, я подумал... Помнишь Флор Кинтеру?

— Темноволосую леди, которую ты прихватил с собой из своего мира? Ту самую, которая потом убежала с краснобаем-кроликом?

— Ну да! Я тогда подумал, не попросить ли имитаторов, чтобы они изобразили ее. Исключительное зрелище могло бы получиться: тридцать совершенных копий совершенства — это я о фигуре — танцуют вокруг нас, а мы в середине...

— Чтоб мне провалиться! — прошептал Мадж. — Почему то же самое не пришло в голову мне? Я, конечно, не имею в виду твой идеал. Чего же я-то не попросил изобразить что-нибудь мое любимое, какую-нибудь мою фантазию?

— Теперь уже поздно об этом говорить, — заметил Джон-Том и вздохнул. — Или ты хочешь вернуться обратно? А то давай. Я подожду на плоту. Авось, и у тебя мой трюк сработает.

— Нет уж, уволь! Благодарю покорно, приятель. Я по горло сыт растительными вывертами: минуту-другую перед тобой живая тетушка Сулевак, зато потом — чудовище из кошмарного сна. Я туда ни ногой, даже если наобещают три десятка совершеннейших фемин. Пусть уж лучше при мне будут мои милашки со всеми их несовершенствами.

Глава 9

После необыкновенного всплеска разнообразия, вызванного мимами-лианами, монотонная рутина Рунипай показалась приятной сменой впечатлений. Однако по мере того, как они уплывали все южнее, местность менялась на глазах, чего нельзя было сказать о климате. Высокие каменистые горы, окутанные пышной зеленью, начали подниматься в небеса прямо из воды. На смену граниту пришел известняк. Ползучие растения и мхи, угнездившись в скальных расщелинах, способствовали появлению глубоких трещин и развитию эрозии.

— Полуразрушенный карстовый ландшафт, — произнес вполголоса Джон-Том, не скрывая изумления.

— И я только что хотел сказать то же самое, — заметил неуверенно Мадж.

На ночевку они высадились на песчаном берегу напротив скалы — настолько крутой, что даже ползучие растения, казалось, не отваживались за нее зацепиться. Пока Мадж разыскивал сухую растопку для костра, Джон-Том исследовал скалистую отвесную стену. Прохладная и сухая, она вызывала приятное ощущение надежности в краю зыбучих песков и непролазной грязи.

Мадж вернулся с охапкой сушняка и кинул ветки в ямку для костра, вырытую им загодя. Отряхивая сор с лап, он бросил хмурый взгляд на своего приятеля.

— Обнаружил что-нибудь интересное?

— Нет. Всего-навсего известняк. Мне подумалось, как чертовски приятно ощущать под ногами твердую почву посреди этой хляби. Здесь когда-то было дно неглубокого моря. Крошечные животные, погибая триллионами, падали на дно. Их раковины и скелеты состояли сплошь из кальция. И вот, спустя несколько геологических эпох, образовался этот известняк. Время шло, дно моря поднималось. Потоки воды вели свою разрушительную работу, размывая открытые места.

— Рассказывай! — заметил Мадж довольно сухо.

Джон-Том был явно разочарован этой репликой.

— Мадж, твое образование, знание теоретических основ находится в совершенно запущенном состоянии.

— Это потому, дружище, что я всю жизнь был слишком занят, получая серьезные практические навыки.

— Если бы ты послушал меня хоть пять минут, я мог бы рассказать тебе об удивительных тайнах природы.

— Может быть, потом, когда поедим, кореш, — сказал выдр, подняв лапу в успокаивающем жесте. — Я бы предпочел сначала насладиться ужином. А ты?

После плотного ужина стало ясно, что сытная еда отбила у чаропевца всякую охоту к чтению лекций. Настроение его резко

изменилось в сторону меланхолии. Взяв дуару, он стал услаждать слух несчастного Маджа длинными печальными балладами и душещипательными песнями о неразделенной любви.

Выдр терпеливо слушал так долго, как только мог, а потом с головой завернулся в одеяло. Это несколько приглушило звучание песен Джон-Тома.

— Прекрати изображать мелодраму, черт возьми! — заметил оскорбленный в лучших чувствах трубадур. — После стольких месяцев упорной практики, думаю, мое исполнение заметно улучшилось.

— Играешь ты, приятель, как никогда хорошо, — донесся голос из-под одеяла. — Но что касается вокала, это дохлый номер. Поешь ты так, будто сидишь под водой, а во рту полным-полно гальки. Скажи, что тебе больше нравится, чтобы я был тактичным или резал правду-матку?

— Ах, нет же, нет! — вздохнул Джон-Том. — Я было подумал, что в моем пении есть сдвиг в положительную сторону. — Говоря это, он перебирал струны дуары.

Голова Маджа высунулась из-под одеяла. Глаза у него были совсем сонные.

— Парень, уже поздно! Конечно, сейчас ты можешь выводить хоть какую-то мелодию, тогда как месяц назад вообще не имел ни малейшего представления, как этого добиться. Так что своего рода улучшение определенно наблюдается. Желание петь у тебя есть, вот только голоса нет. Удовлетворяйся тем, что имеешь.

— Извини, — ответил Джон-Том самодовольно, — тогда мне нужна практика, чтобы развивать слух и голос.

Маджа издал горлом сдавленный звук. Он опять проиграл. Если начнешь хвалить пение Джон-Тома, он будет петь с еще большим энтузиазмом, а если покритикуешь, то оказывается, что ему требуется практика. Жизнь все время подбрасывает всякие шуточки.

— Ну ладно, приятель! — Маджа залез под одеяло. — Осуществляй свои намерения, только не вой всю ночь напролет до утренней зари, хорошо?

— Долго играть и петь я не собираюсь, — заверил Джон-Том.

Он пел о днях, проведенных на пляже, о матушке-земле, о друзьях, с которыми был знаком в той, настоящей жизни. Потом он отложил дуару в сторону и стал устраиваться на ночь, собираясь заснуть в своей любимой позе — свернувшись калачиком.

Но что-то заставило его остановиться. Это можно было сравнить с электрическим разрядом, сверкнувшим прямо перед глазами. Он зажмурился и сел. Ощущение не пропало. Оно разрасталось. Или это ему только почудилось?

Наклонившись, он толкнул свернувшийся рядом меховой шар.

— Ну что еще? Чего надо? — Выдр высунул голову из-под одеяла третий раз за вечер. — Слушай, парень, оставайся тут у костра, а я буду спать на плоту. — Выдр быстро сел и вроде бы совсем проснулся. — На тебе лица нет, привидение увидел, что ли?

— Нет, не привидение, — прошептал Джон-Том. — Я увидел... Мадж, я не могу даже понять, что мне привиделось.

Выдр вгляделся в темноту.

— Я ничего не вижу. На что это похоже? Где ты его заметил?

— Вон там.

Джон-Том поднялся и направился к голому белесоватому утесу. Мадж шел за ним, всматриваясь в ночную темноту.

Джон-Том показал на скалу.

— Здесь. Именно тут я это увидел. И кое-что почувствовал. Всего лишь легкое колебание почвы, когда лег спать. Как будто волна дрожи.

— Приятель, здесь везде зыбкая почва.

— Нет, Мадж, под песком залегают скальные породы. Это было землетрясение, я уверен. Там, откуда я родом, землетрясения — довольно частая вещь, и я знаю, какие при этом возникают ощущения.

— А я ничего не почувствовал.

— Ты спал.

— Верно! Ну и что это было такое, что ты увидел на утесе?

— Не на утесе, Мадж. — Джон-Том дотронулся до известняка и провел по нему несколько раз ладонью. Он был холодный, твердый, абсолютно неподатливый. Ощущение такое, что под рукой монолит. — Это появилось внутри, в самой скале.

Недоверчивый Мадж тоже провел лапой по твердому камню. Сказал, тщательно подбирая слова, будто разговаривал с зеленым юнцом:

— Не могло ничего такого быть, парень. На этом утесе нет ни единой трещинки.

— Я не про утес говорю, — поправил его Джон-Том. — Это было в самой скале.

Он резко повернулся, подошел к костру и взял дуару, решив повторить последнюю песенку.

Ничего! Мадж стоял рядом с утесом, злой, расстроенный и замученный одновременно.

А потом это повторилось. Еле ощутимое подрагивание внутри скалы, едва ли способное потревожить чей-то сон.

На этот раз Мадж увидел происходящее. Джон-Том понял это, заметив, что выдр попятился от скалы. Вибрация прекратилась, потом опять возникла, но то, что появилось в скале, — осталось.

— Ты видишь, Мадж? Ты тоже его видишь?

— Не только его, приятель, — прошептал выдр, — я вижу их.

Джон-Том продолжал играть на дуаре и петь. А призрачные существа все появлялись и появлялись. Их становилось все боль-

ше и больше. Они не то чтобы скользили или ползли по поверхности утеса. Нет, они с легкостью появлялись внутри известняка, не имевшего ни единой трещины. Чуть посверкивая, эти червеобразные по размеру и форме были точь-в-точь как рука Джон-Тома до ладони. Огромные, ярко светящиеся глазищи выделялись на лбу каждого призрака. Едва различимые узоры появлялись на светящихся боках и спинке, причем каждый рисунок отличался от другого. Двух одинаковых не было.

В то время как Джон-Том и Мадж изумленно наблюдали за ними, существа образовали длинную цепь — голова к хвосту, хвост к голове, — извивающуюся, как змея. Цепь резко изогнулась, и земля у подножия скалы вздрогнула. А потом цепь распалась, и существа рассыпались по скале — бестелесные, большеглазые плоские черви, плывущие сквозь камень.

Джон-Том перестал петь, и они начали как бы бледнеть. Хотя нет, не совсем так. Они не бледнели, а просто ныряли в камень и пропадали. Джон-Том, словно в трансе, подошел совсем близко к скале. Еле различимая трещина, не толще волоса, бежала по поверхности вниз, пропадая под землей. Именно в этом месте существа образовали цепочку, и тогда раздался последний толчок. Вытянувшись в жгутик вдоль еле заметного разлома, они изогнулись, напружинились — и тогда земля вздрогнула.

— Хотел бы я знать, что они собой представляют, — пробормотал Джон-Том.

— Не могу сказать, приятель, но, кажется, они следуют своим маршрутом, а я вот замешкался и не попросил, чтобы они погодили. — Выдр направился к своему одеялу, оглядываясь на скалу. — Я предостаточно нагляделся на них.

Несколько экземпляров все еще скользили под поверхностью скалы.

— Ладно! Думаю, нам и этого хватило. Я их вызвал, так что, полагаю, смогу и от отстающих с легкостью избавиться.

— Это вы так считаете! — сказал приглушенным голосом один из плоских червей-призраков.

Пальцы чаропевца застыли, едва коснувшись струн.

— Бог мой, да они еще и разговаривают!

— А что вы думаете! Конечно, мы разговариваем, а как же! — Голосок звучал, как отдаленный ветерок, как едва уловимый шорох, коснувшийся барабанной перепонки.

Мадж был под слишком большим впечатлением, чтобы взять и просто так удалиться.

— Каким это манером они могут разговаривать, если их вообще, можно сказать, нет? — поинтересовался он.

— Кое-что они все же собой представляют, Мадж. Немного, конечно. Но они существуют, и вполне реально.

— Конечно, реально! Какое, однако, у вас самомнение! — Едва слышные слова были тем не менее произнесены отчетливо и по-

нятно, хотя Джон-Том не видел никаких движений губ. Впрочем, у червей-призраков никаких ртов и не было. — Как правило, мы прекрасно изъясняемся. Просто у нас нет никакой надобности общаться с теми, кто живет на земной оболочке.

— А почему же вы с нами разговариваете? — удивился Джон-Том.

— Ваше пение заставило нас покинуть наши жилища в земной коре. Совершенно необыкновенное пение. — Светящаяся фигурка на какое-то мгновение исчезла, но через несколько секунд снова появилась из скалы в другом месте. Она двигалась с легкостью, будто плыла в воде. — Мы очень чувствительны к колебаниям и всякого рода вибрациям. К приятным вибрациям.

— Это вы про мою последнюю песню? — удивился Джон-Том. — Ничего себе! Но я не имел в виду никаких вибраций.

— Понимаете, это мы имеем отношение к вибрациям и колебаниям, — ответил ему светящийся призрак. — Как правило, мы не обращаем внимания на тех, кто живет в вакууме, на поверхности земли, а также на колебания, производимые ими. Но ваши колебания были такими приятными, такими в высшей степени необычными. Мы вышли прочувствовать их и отблагодарить вас.

— Отблагодарить... — Джон-Том задумался. — Вы имеете в виду те небольшие землетрясеньица?

— Колебания, если позволите! — Светящееся червеобразные существа помедлили, потом соединились в цепочку — голова к хвосту, хвост к голове — и опять вытянулись вдоль трещины шириной не толще волоса. Снова резко изогнулись. Песок под ногами Джон-Тома вздрогнул и пополз.

Цепочка рассыпалась, и все ее многочисленные звенья заскользили обратно в скалу.

— Но ведь это невозможно! Вы не можете существовать в сплошной скале.

— Сплошной? Большей частью то, что кажется сплошным, по сути пустое, полое, — заметило одно из существ. — Разве вам это неизвестно?

Конечно, оно было совершенно право. Вещество состоит из протонов, нейтронов, электронов и мельчайших частиц, таких, как кварки, пи-мезоны и прочие экзотические, почти гипотетические частицы. А между ними — пустота, ничто, хотя частицы связаны между собой какими-то силами с причудливыми названиями типа «очарование» или «цвет». Так что и планеты в основном состоят из пустоты.

Тогда почему бы не жить существам, считающим такие пустоты вместительными и даже удобными для обитания? Сомнения нет, они тоже должны состоять большей частью из этого самого ничто.

— А как вы сами себя называете?

В его мире их бы назвали призраками, привидениями — как еще можно охарактеризовать эти пугающие, светящиеся бестелесные существа, которые редко показываются людям? Они совсем не похожи на души умерших, но ведь и ламантины тоже не очень похожи на русалок, а вспомните, сколько раз ошибались моряки, принимая их за сирен, демонических существ, обитающих на морских скалах.

Возможно, светящиеся черви стали причиной для разговоров о привидениях в разных мирах? Например, в родном мире Джон-Тома на поверхность их выталкивают колебания, вызванные сильными психологическими переживаниями, а здесь на них действует пение под дуару. Кажется, в этом был свой сверхъестественный смысл.

— Мы никак не называемся. Мы просто есть, и все, — ответило светящееся ничто.

— Спойте какую-нибудь другую песенку, — прошептал голос на ухо Джон-Тому. — Спойте еще одну песню о планете, в которой мы живем.

Он так и сделал, припомнив все, что мог, о Земле, почве, скалах. Камень вдруг ожил — сотни светящихся червеобразных существ подпрыгивали, наслаждаясь его завораживающим пением, то есть колебаниями, возникающими при вибрации струн дуары и его голосовых связок. Время от времени они образовывали цепочку, и тогда происходили короткие, совсем нестрашные землетрясения.

— Как жаль, что вы не можете последовать за нами и петь в нашем обществе, — обратился к Джон-Тому один из танцующих. — Такое утонченное возбуждение в однообразной ткани реальности! Но вы не можете жить у нас, так же как и мы не можем существовать в вакууме, который вы называете своим миром.

— Это не вакуум. — Джон-Том протянул руку и коснулся скалы. — Здесь и атмосфера существует, и живые существа.

— Пустота, — возразил говоривший, и пока Джон-Том понял, что происходит, существо скользнуло к нему в ладонь. Приоткрыв рот, он смотрел на свои пальцы. Мадж при этом только застонал. — Пустота, в которой двигаются отдельные твердые тела.

Рука Джон-Тома пылала, будто в огне, излучая свет во все стороны. Боли не было, только странная дрожь, будто все кости у него онемели. Дрожание передалось локтю, потом спустилось обратно к пальцам. Он прижал их к утесу, и свет ушел в скалу.

— Это болезненно, — сказал светящийся червяк, — я не могу долго терпеть. Для нас ваша среда — почти вакуум. Земля в этом плане лучше — она компактна, в ней много места, чтобы передвигаться, и не страшно затеряться. А теперь нам пора уходить. Близость к вакууму нас угнетает.

Остался только один светящийся червь. Все остальные нырнули в скалу.

— Спойте нам еще когда-нибудь, а мы попытаемся остаться с вами подольше.

— Обязательно!

Джон-Том помахал на прощание. Он не знал, есть ли какой-нибудь другой способ прощаться с существами, которых практически нет.

И вот уже голова червя вошла в скалу, за ней все остальное туловище постепенно, волнообразным движением растворилось в камне. Все исчезло. Последние слабенькие содрогания почвы, сопровождаемые отдаленным громыханием, показались Джон-Тому аналогом его собственного прощального жеста. Потом звук и тряска затихли.

— До свидания! Они прощаются с нами, — прошептал Джон-Том, завороженный воспоминанием о странных пришельцах. — Ах, какой мир!

Мадж глубоко вздохнул.

— Очень хочется, приятель, чтоб в следующий раз ты загодя меня предупредил, когда надумаешь заниматься чаропением.

Джон-Том повернулся спиной к скале.

— Прости, но я не собирался заклинать. Я всего-навсего просто пел.

Мадж сел и натянул одеяло на ноги. Начинало моросить.

— А вот я совсем не уверен, что ты можешь «просто петь», кореш.

Дождевые капли с шипением испарялись, соприкоснувшись с затухающим костром.

Джон-Том свернулся калачиком под своим плащом, предварительно убедившись, что дуаре дождь не угрожает.

— Я хочу сказать, — продолжил выдр, — что мне кажется, ты не можешь контролировать свои чары, когда начинаешь колдовать, и не можешь контролировать их даже тогда, когда вовсе колдовать не собираешься. Так или нет?

— По крайней мере, сегодня ничего опасного мои песни не сделали, — возразил Джон-Том.

— Удача слепа! Хотя, нужно сказать, это был довольно интересный народец...

— Вот видишь! К тому же они не лишены обаяния. Интересно, много ли места в земной коре подходит для их обитания? Возможно, даже весь шарик — до самого расплавленного ядра.

— Чего расплавленного? Ну ты и придумаешь! Тоже мне, оригинальная концепция!

— Ничего оригинального в этом нет. — Джон-Том натянул плащ на голову, чтобы спрятаться от дождя. — Что, по-твоему, может находиться в самом центре вашей планеты, кроме расплавленного ядра?

— Всем это хорошо известно, приятель. Гигантская косточка. Сам знаешь, что наша Земля есть не что иное, как зреющий плод,

помещенный в бесконечность. Однажды она даст росток, и мы станем свидетелями великих перемен.

— Примитивный мистический вздор! Центр планеты представляет собой расплавленный металл и горные породы, находящиеся под воздействием высокой температуры и давления.

Закончив, Джон-Том перекатился на другой бок и попытался заснуть.

Дождь капал на его плащ, барабанил по непромокаемой коже, стекая в воды Рунипай. Гигантская косточка!.. Абсурд. Бессмыслица вроде той, что внутри камня обитают некие создания, похожие на червей, светящиеся творения природы.

А вообще-то, разве не черви кишмя кишат в гниющем плоде?

Ерунда какая-то, ерундистика...

Джон-Том решил прекратить дальнейшие мудрствования. Все это становилось смехотворным, сумасбродным и даже безумным.

Кроме того, в воображении появился образ гниющего плода, что вызвало ощущение дискомфорта.

Он попробовал сконцентрироваться на недавней встрече, вспомнил, как все происходило. Ну и как же их назвать? Обитатели недр, скальные жители, граждане страны камней? Неведомо почему юноша подумал о том, что могло бы произойти, соберись они вместе — тысячи, миллионы светящихся существ — у какой-нибудь огромной трещины в земной коре. Ну, допустим, у тектонического разлома Сан-Андреас. Что там, под этой древней трещиной? Просто края континентальных платформ, трущиеся друг о друга? Или это результат работы миллионов геологических созданий, соединившихся хвост к голове, голова к хвосту, чтобы извиваясь, содрогаться в едином порыве каждые два столетия или около того?

Такая мысль не способствовала спокойному сну ни здесь, ни в любом другом месте мира. Геологический народ выбрался на поверхность под воздействием его чаропения? Абсурд, чепуха! Как и многое другое на небесах и на земле, что кажется нереальным из-за внешней бессмыслицы.

Геологический народец... Геолки... Поскольку другого имени нет, он назовет их так, чтобы удобнее было вспоминать. Вряд ли доведется повстречаться с этими существами еще раз. Джон-Том медленно погружался в сон, думая, сможет ли он когда-нибудь спуститься в пещеру без того, чтобы в каменных стенах ему не почудились огромные светящиеся глаза.

Джон-Том считал появление карстовых пород, мимо которых они плыли, верным признаком того, что скоро станет суше. Однако несколько дней упорного продвижения вперед рассеяли эти надежды. Скалистые вершины делались все ниже и ниже, но

островов больше не становилось. Путешественники, как и прежде, плыли по гнилой, покрытой пеной воде под сенью склоненных деревьев, напоминающих огромные зонты.

По крайней мере, теперь юноша знал одно: если Клотагорб когда-нибудь попросит его совершить еще одно небольшое приятное путешествие, он потребует, чтобы маг описал ему точно и без прикрас ту местность, которую предстоит пересечь.

Хотя какое это имеет значение! Они с Маркусом Неотвратимым обязательно станут друзьями и, объединив свои таланты, сумеют вернуться домой. Такая мысль ободряла Джон-Тома и помогала продолжать утомительное путешествие, преодолевая жару и влажность.

Обычно в полдень они останавливались отдохнуть и перекусить, ожидая, когда через час-другой тяжелый жар спадет и солнце уйдет из зенита. На этот раз островок, выбранный ими для привала, оказался не особенно гостеприимным — он зарос какой-то странной корявой растительностью, изъеденной временем. Но это был единственный клочок сухой земли в колышущейся трясине, по которой они плыли.

Скорее бы домой! Дома «биг-маки» и вечерние футбольные матчи по телевизору в понедельник, игра в «летающие тарелки» на пляже и мультфильмы в субботу по утрам... Такие до боли знакомые вещи, и никаких болотных безобразий... Придется догонять в университете, пересмотреть все пропущенные фильмы. Только бы вернуться когда-нибудь в университет! Ведь он просто исчез, испарился, пропал без вести. Нужно будет каким-то образом восстанавливаться, ликвидировать хвосты...

А для чего это нужно? Всего-навсего рассказать, что с ним произошло за последние месяцы? Извините, господин декан, член ученого совета, видите ли, случилось так, что меня перенесло в другой мир... Если бы здесь были мои друзья Клотагорб и Мадж, они бы вам все объяснили... Клотагорб, знаете ли, известный волшебник. Ну, он — черепаха, сэр, футов четырех ростом. Мадж немного повыше, потому что он выдра, и... Погодите, господин декан, кого это вы вызываете?

Нет, придется придумать что-нибудь поубедительнее. Поубедительнее и поизящнее. Может, сказать, что ему надоела каждодневная рутина и он отправился в Южную Америку для расширения кругозора? Профессора очень любят, когда им говорят о расширении кругозора.

По земле под ногами прошла мелкая дрожь.

— Опять твои друзья-призраки пожаловали, — пробурчал Мадж, но слова прозвучали неотчетливо, потому что рот у него был набит рыбой.

Джон-Том внимательно посмотрел на влажную скользкую поверхность острова, на котором они расположились. Было уже совсем светло — непохоже, что геолки могут появиться в такое

время. Во всяком случае, никаких признаков их приближения не видно. К тому же и на дуаре он не играл. Может, они крутятся где-нибудь поблизости, надеясь, что Джон-Том сыграет для них что-нибудь еще?

Он наклонился и, сощурившись, стал внимательно рассматривать странную поверхность острова. Мертвая или увядающая растительность, мхи и лишайники, крошечные рачки и водоросли.

— Нет, это не геолки, Мадж. Гору гумуса, на которой мы сидим, может встряхнуть даже небольшое колебание воды.

Мадж указал на унылую стоячую воду вокруг.

— Да откуда ему взяться? Здесь только мы и гоним воду своим плотом.

В это время по острову прошла еще одна волна дрожи, значительно сильнее прежней. Джон-Том поднялся на ноги и сказал:

— Я думаю, нам надо убираться на плот. Очень осторожно и очень быстро.

Но Мадж уже опередил его мысль прыжка на три. Земля снова задрожала. Теперь она ходила ходуном, а Джон-Том где бегом, где кувырком летел к плоту.

Тем временем остров начал медленно подниматься из воды.

Глава 10

— Ну-ка, парень, пошевеливайся! — крикнул Мадж упавшему на четвереньки Джон-Тому и протянул ему лапу.

Джон-Том попытался встать, но поверхность под его ногами тряслась, как желе, когда то поднимается из воды. Он собрался с силами и прыгнул, приземлившись на бревна. Мадж неистово налегал на весла, пытаясь столкнуть плот в воду.

Слишком поздно. Вокруг образовалась суша, и они оказались поднятыми высоко в воздух вместе с плотом. Вода стекала с черного холма, пенясь там, где края острова уходили в болото. Мадж лежал плашмя, держась за лианы, скрепляющие бревна. Джон-Том схватился за весло. Их окружала странная растительность, покрывавшая поверхность острова даже в тех местах, где он был скрыт водой. Она напоминала остовы мертвых кактусов. Моллюски, улитки и другие обитатели мелководья пробирались к воде, так как дома их неожиданно оказались поднятыми в воздух. Джон-Тому очень хотелось присоединиться к ним, но оставить плот со всеми припасами было нельзя.

Участок, за который они зацепились, наконец-то остановился, но впереди черная земля продолжала подниматься. Эта башня из грязи и болотной тины не переставала расти до тех пор, пока угрожающе не нависла над ними. С ее боков скатывались бесчис-

ленные обитатели дна, обезумевшие рыбы и случайно налипшие растения.

Затем гора открыла дюжину, а может, и больше глаз и уставилась на маленькие существа, осевшие на ее склоне.

Отпустив лианы, Мадж закрыл лапами глаза и простонал:

— Проклятье!

Не выпуская весла, Джон-Том изумленно глазел на неожиданно возникшую гору болотной тины.

— Хо-хо-хо, — сказало это странное видение, продемонстрировав беззубый рот, достаточно большой, чтобы проглотить плот вместе со всем, что на нем было. — Что у нас за новости?! Гости!

Джон-Том попытался улыбнуться.

— Просто проплывали мимо.

— Вы меня оцарапали. — Голос был низким, грубым и тягучим.

— Очень жаль, мы не нарочно.

— О, все в порядке. Мне это даже нравится.

Гора ухмыльнулась.

Джон-Том отметил, что рот имел неограниченную ширину. Он то увеличивался, то сжимался, иногда переползая на другую сторону головы. Подобное происходило и с глазами, которые из маленьких точек раздувались в пузыри размером с хороший автомобиль. Огромная распухшая масса закрыла небо и деревья.

— Я рад это слышать, — осторожно сказал Джон-Том.

— Ты милый, — ответила тина. — Другой. Мне нравится разнообразие. — Глаза оглядели болото вокруг. — Здесь совсем не происходит ничего нового. Всегда одно и то же. Я люблю разнообразие.

У Джон-Тома свело руки, он медленно ослабил хватку.

— Ты живешь здесь, в болоте?

Ему такой вопрос показался нормальным. Но ответ оказался совсем не таким, как он предполагал. Где-то в глубине раздался медленный булькающий смех. Он звучал, как отдаленный рокот барабанов.

— В некотором роде я и есть болото. Я... — И гора пробормотала что-то невнятное.

Джон-Том нахмурился.

— Простите, я не понял последнего слова.

Разумная биомасса повторила урчание, напоминающее извержение вулкана.

— Ты что-нибудь разобрал, Мадж?

— Либо у него несварение, либо его звать Брулюмпус. — Выдр уже набрался смелости и выглянул из-под сцепленных пальцев.

— Брулюмпус, — повторил Джон-Том.

Он продолжал смотреть болотной горе в глаза, что было совсем непросто, учитывая их постоянное перемещение туда-сюда

по черной массе, подобно стеклянным шарикам в нефти. Тошнотворная картина. Юноша постарался думать о чем-нибудь еще.

— Это я... — И гора издала звук, подобный извержению вулкана.

Джон-Том отпустил шест. Несмотря на размеры и массу, гора грязи не казалась угрожающей. Наоборот, она делала попытки выказать дружелюбие. Да и Клотагорб учил его, что нельзя позволять запугивать себя большими размерами. Однако когда опасность окружает со всех сторон, сделать это нелегко.

Он постарался тщательно сформулировать фразу. Брулюмпус не выглядел особенно смышленым.

— Вы, несомненно, очень приятное болото. Я рад, что мы не доставили вам беспокойства. — Он махнул левой рукой. — Мы путешествуем на юг.

— Это мило, — заметила гора.

Совсем не блещет умом. Джон-Том задумался.

— Сейчас, чтобы продолжить наш путь, нам нужно спустить плот на воду. Не могли бы вы, — он показал жестами, что требовалось сделать, — опустить нас вниз, чтобы мы оказались на плаву и продолжили путешествие?

— Продолжили путешествие? — Бока Брулюмпуса закачались так, что Джон-Тому пришлось снова ухватиться за шест. — Но вы же другие. Вы — разнообразие. Мне нравится разнообразие. Мне нравятся перемены.

— Да, ты тоже нам нравишься, но надо продолжать путь. Это очень важно.

Его слова не произвели никакого впечатления на Брулюмпуса.

— Перемены, перемены, — повторил тот задумчиво. — Я хочу, чтобы вы остались и обеспечили мне разнообразие.

— С большим удовольствием, но мы не можем. Нам надо двигаться.

— Останьтесь. Я буду все время держать вас при себе и заботиться о вас. Вам нужна пища. Я дам вам пищу. — Часть затопленного бока поднялась, и в чашеобразную выемку угодила целая стая маленьких серебристых рыбок. Какой-то момент они беспомощно бились, пока болото вновь не ушло под воду.

— Если вы промокнете, я могу высушить вас. — Джон-Том и Мадж вздрогнули, когда толстый пласт вязкой массы поднялся из воды, чтобы заслонить их от облаков. Он провисел несколько секунд в воздухе, прежде чем вернуться на место.

— Я буду держать вас в объятиях, и любить вас, и оберегать вас, — восторженно провозгласил Брулюмпус.

— Это очень мило с вашей стороны, и мы с радостью согласились бы, но нам в самом деле нужно...

— Обнимать вас, обожать вас, и доставлять вам удовольствия, и баловать вас, и...

Джон-Том уже собирался повторить протест, но сильная лапа, схватившая его за запястье, заставила юношу промолчать. Мадж встал на цыпочки и шепнул ему на ухо:

— Брось, приятель. Не видишь, от него ничего не добьешься. Ты пытаешься вразумить помойку, у которой мозгов-то со спичку. Она не собирается нас отпускать, примерно как мимы-лианы.

— Она должна нас отпустить! — Дуара удобно висела за спиной. — Я всегда могу выручить нас чаропением.

— Не знаю, шеф, насколько это здесь сгодится. Не уверен, умен ли этот кусок дерьма настолько, чтобы его можно было пронять чаропением. Сейчас-то он дружелюбен. Мы постараемся не делать ничего, что может обидеть нашу крошку. Он не слишком быстро двигается и соображает, поэтому он может разозлиться прежде, чем на него подействуют заклинания.

— Сделаю вас счастливыми, буду кормить вас и обнимать вас... — Брулюмпус снова и снова бормотал свою припевку.

— Что же нам делать, Мадж?

— Не смотри на меня, парень. Мое дело предупредить, и все. Это ты собираешься заниматься волшебством. Я принимаю вещи такими, какие они есть. Обычные вещи, каждодневные. Я пробью себе путь через любое болото, будь оно хоть грязным, хоть заразным. Но, черт меня возьми, сидеть и препираться с ним я не буду.

— Вот спасибо тебе. Вот помог!

Выдр тонко улыбнулся.

— Все это — в благодарность за чудесное путешествие, которое ты мне организовал, приятель.

Он зажал лапами уши, пытаясь заглушить непрекращающийся речитатив Брулюмпусовой любви.

— Трогать вас, и обнимать вас, и кормить вас...

— Что бы ты ни собрался делать, кореш, делай скорее. Я не уверен, что смогу долго выносить эти помои.

— Что можно ожидать от помоев, кроме помойного разговора?

Не забывая предостережений Маджа, Джон-Том пытался решить, что следует предпринять. Все это время Брулюмпус продолжал свои причитания.

Они понравились ему, потому что являлись разнообразием в монотонном его окружении, потому что они были новыми. Но так не могло продолжаться бесконечно. Когда-нибудь все приедается. Однако если принять во внимание его умственный уровень, этот день может наступить не скоро. Когда? Кто знает! Брулюмпус может любить и баловать их лет двадцать, а то и больше. Если Брулюмпус и в самом деле часть Рунипай, то он вечен. Следовательно, им придется жить здесь, пока они не превратятся в пару высохших трупов, которые затем поглотит болото.

Что же в них такого особенного, такого интригующего? Во всяком случае, они ничем не отличались от прочих людей и выдр.

Возможно, только умом. Точно, в этом все дело! Болото хотело разнообразия в компании. Ему хотелось новых бесед, хотелось того, чего не могли дать деревья, скалы, рыбы.

Тогда должен быть выход, который позволил бы удрать, не потревожив наглого захватчика.

— Хочешь послушать кое-что интересное?

Гора грязи наклонилась, заливая края плота пеной и мутной водой. Джон-Том и Мадж поспешно отпрянули назад.

— Не надо слишком близко. Я повторю, если ты меня не расслышишь.

Близость бездонной разинутой пасти смущала, несмотря на добрые намерения Брулюмпуса. Может, однажды от скуки, вместо того чтобы обнимать, он решит съесть их?

— Ну, начинай, — заявило болото. — Скажи что-нибудь интересное. Скажи что-нибудь новенькое.

— Сказать по правде, мы вовсе не такие уж интересные. — Джон-Том попытался изобразить утомленность. — На самом деле мы обычные, даже скучные.

— Нет. — Брулюмпус был не так прост. — Вы очень интересные. Все, что вы говорите и делаете, очень интересно и ново.

— Конечно, но существуют вещи гораздо интереснее, чем мы. Такие, что всегда новы, и интересны, и различны.

Брулюмпус отодвинулся. Вода плескалась о его бока, пока он обмусоливал это простое заявление.

— Что-то интереснее вас? И даже более привлекательное?

Это не совсем то, что хотел сказать Джон-Том, но раздумывать было уже поздно.

— Конечно, более привлекательное, более интересное, более разнообразное. Более какое угодно. Оно не будет с тобой спорить, или смущать тебя, или заставлять тебя думать. Оно просто будет здесь, с тобой — интересное, привлекательное и меняющееся.

— Где оно?

— Я дам его тебе, но, в свою очередь, ты должен пообещать отпустить нас.

Брулюмпус обдумал это предложение.

— Ладно, но если ты обманываешь меня, — сказал он мрачно, — если оно окажется не таким разнообразным, вы останетесь со мной навсегда, чтобы я мог обнимать вас, и баловать вас, и...

— Знаю, знаю, — бросил Джон-Том, доставая из-за спины дуару. Он взял несколько аккордов. Эти песни обеспечат успех его заклинаниям. Он не только хорошо помнил их, как и вообще всякие песни, но знал, что даже в его собственном мире они производили сильное впечатление.

— Какого черта, дружище? Как ты собираешься выполнять прихоти этого тупицы?

— Не приставай, Мадж, я работаю.

Выдр откинулся назад, глядя на задумчиво выжидающего Брулюмпуса.

— Порядок, шеф, но лучше бы ты ублажил эту вонючую груду отбросов поживей, а то, похоже, с каждой минутой она любит нас все сильнее. Хотя, конечно, стоит тебе запеть, и она мигом изменит свое отношение.

Запевая, Джон-Том пропустил колкость мимо ушей. Несмотря на встречу с Брулюмпусом, он был в этот день в хорошей форме. Даже Маджу пришлось признать, что кое-что в его песнях на этот раз отдаленно напоминает гармонию.

Первым в луче мягкого света на боку Брулюмпуса появился игрушечный гироскоп. Он привлек его внимание всего на несколько минут. Следующими Джон-Том наколдовал старинные напольные часы. Это заинтересовало их тюремщика чуть больше, но он тут же заметил, что Джон-Том может издавать такие же мелодичные звуки, но только лучше.

Джон-Том попытался заинтересовать его игрой в «монополию», но Брулюмпусу была неинтересна торговля недвижимостью, поскольку он сам был своего рода недвижимостью. Под скептическим взглядом юноша поспешно и суетливо произвел кухонный комбайн, дерево фуджибелл и блошиный цирк. Но ничто не привлекло внимания Брулюмпуса. Маджу, однако, пришлось немедленно познакомиться с цирковыми артистами, а затем броситься в воду, яростно почесываясь.

— Ты утопил артистов! — свесившись с плота, крикнул ему Джон-Том.

— Сейчас я утоплю не только артистов! — Брулюмпус уже поднял выдра на плот, и Мадж сердито уставился на певца. — Давай воздержимся от паразитов, ладно?

Джон-Том вздохнул.

— Во всяком случае, это его не заинтересовало. Не волнуйся, я просто разогреваюсь.

— Ну-ну.

Мадж сел и принялся выжимать шляпу.

Блошиный цирк подал Джон-Тому идею создать что-нибудь, способное заразить Брулюмпуса, но все, что он мог придумать, скорее могло причинить вред ему или Маджу, чем этой куче прогнившей тины.

Поэтому молодой человек сосредоточился и исполнил роль рога изобилия.

Он создал модель корабля с дистанционным управлением, световое оформление концерта Скрябина, стопку журналов «Плейбой», совок для угля, лошадь-качалку. Ничто не задержало внимания Брулюмпуса дольше чем на минуту, а пространство вокруг плота стало напоминать склад Армии спасения. Уверенность Джон-Тома пошатнулась.

— Существует ли нечто такое, что я могу создать и заинтересовать тебя? — спросил он жалобно.

— Конечно, нет, — проурчал Брулюмпус. — Как это случится, если я могу иметь все, что ты создаешь, и тебя самого в придачу?

Джон-Том был поражен. Об этом он не подумал. Возможно, Брулюмпус был туповат, но инстинктивно он улавливал очевидное.

— Ой, вот об этом-то мы не подумали, не так ли, чаропевец? — усмехнулся Мадж. — Мы ведь хитрее всех, не правда ли? Мы должны были сразу это учесть, да? Что до меня, я нахожу тебя скучнее дохлой крысы, но этой куче грязи ты сгодишься в компаньоны. Так что, мы влипли, а?

— Есть у меня в запасе одна штука. Я подумал о ней в первую очередь. Но, как я уже говорил, это разминка. Однако, — добавил он, — мне не приходил в голову последний аргумент, и я не уверен теперь, что моя задумка сработает. То, что я хочу сделать, годится только для полного тупицы, но Брулюмпус, кажется, еще хуже. Слишком сложное не произведет на него впечатления, но и слишком простое не заинтересует его так, как мы.

— Лучше попробовать, что ты там придумал.

— Я так и хочу поступить, — заверил выдра Джон-Том. Его пальцы тронули струны дуары.

Мадж прислушался к странным стихам, слетавшим с уст его друга-чаропевца. На этот раз песня была совсем непонятная — она лилась быстрым потоком. В ней не было никакого смысла, зато чувствовалась сила. Несомненно, мощное чаропение, как и обещал Джон-Том. Выдр взволнованно ждал, что же принесет музыка на этот раз.

Парящий шар зеленого цвета появился перед Джон-Томом. Странный образ возник в его центре и стал обретать очертания и форму. Он сильно отличался от всего, что было сотворено раньше, и не походил ни на дедушкины часы, ни на игрушечную лодку, ни на лошадку. Маджу он напомнил вещь, называвшуюся кухонным комбайном.

Только этот предмет не был мертвым. Он шумел и вибрировал. Или только так казалось? Мадж моргнул и понял все. Нет, предмет не был живым, он только создавал видимость жизни, иллюзию жизни, но на самом деле был набит зомби.

Заинтересованный Брулюмпус наклонился вперед, уставившись на предмет и поднимая боками маленькие волны. Многочисленные глаза сфокусировались на одной точке. Джон-Том совершенно точно выбрал объект для материализации. Брулюмпус забыл о путниках, как будто их не существовало.

Мадж поймал себя на том, что сам, не отрываясь, глядит на ящик, полный зомби. Ему было понятно изумление Брулюмпуса. Вот это волшебство! Он попытался понять, что говорят зомби, и

не мог. Но каким-то образом их крики и вопли завораживали. Мадж не мог оторваться, не мог отвести взгляда. Они захватили его, взяли в плен так же, как и Брулюмпуса, — эти странные, потрясающие зомби, такие увлекательные и манящие.

— Удвойте ваше удовольствие, удвойте вашу радость вдвойне хорошей, вдвойне мятной жевательной резинкой!

Появился еще один зомби, чей голос был низким и мрачным, как у Брулюмпуса. Зомби глядел на Маджа так, будто нес на плечах всю тяжесть бытия. Он сказал:

— Вы страдаете... от... нерегулярного стула?

Кто-то настойчиво потянул Маджа за лапу. Чтобы разглядеть Джон-Тома, ему пришлось моргнуть. Тот озабоченно смотрел на него.

— Минуточку, приятель, — попросил выдр, не узнавая собственного голоса. — Погоди чуток. Я должен дослушать это. Тут, видишь ли, важное дело, а я... я... — Он, облизнув губы, помедлил.

— Что ты, Мадж?

— Я хочу узнать, как предохранять кухонный пол от некрасивого желтого налета. Вот черт, у меня и не было его никогда.

— Нет, Мадж, не давай ему добраться до тебя.

Молодой человек потащил выдра к плоту. Мадж слабо сопротивлялся.

— Но, кореш, что делать с грязью на моем воротнике?

— Наплюй, Мадж! — Джон-Том шлепнул его пару раз, затем подтолкнул к веслу. Они спихнули плот с бока неподвижно замершего Брулюмпуса на воду и заработали веслами изо всех сил. Понемногу выдр стал приходить в себя.

— Черт меня подери, — наконец выдохнул Мадж, — что это за жуткая магия?

Брулюмпус уже скрывался за горизонтом. Он лежал без движения в воде, уставившись на вопящий, смеющийся, убеждающий ящик, который мгновенно довел его до коматозного состояния. На прощание до них долетело несколько энергичных слов:

— Вы-ы-ы заслу-ужи-и-или-и-и отды-ых-х-х сегодня-я-я-я!

— Джон-Том!

— Что? — Юноша продолжал настойчиво грести, желая уйти как можно дальше от той части болота, которая звалась Брулюмпусом, — на тот случай, если магия перестанет действовать.

— Я никогда больше не буду критиковать твое пение.

— Ну, как же! Разумеется, будешь, — ответил Джон-Том с усмешкой.

— Не-а, никогда. — Мадж поднял правую лапу. — Клянусь всеми прелестями полевки Ченрил, лучшей куртизанки Тимова Хохота!

Он посмотрел на пенный след, оставляемый плотом, и передернул плечами.

— Меня это тоже захватило, приятель. Я даже не понял, что происходит. Коварная штуковина. — Он оглянулся на своего компаньона, когда им пришлось пригнуться под нависающими над водой ветками. — Как ты зовешь эту жуткую обалделовку?

— Коммерческое телевидение, — объяснил Джон-Том. — Я думаю, только это и могло сработать. Причем оно крутит такую дрянь сутки напролет.

— Хоть бы никогда больше ничего подобного не видеть!

— Надеюсь, что оно не сведет Брулюмпуса с ума, — пробормотал Джон-Том. — В конце концов он не так уж плох для кучи грязи.

— Эх, парень, пропадешь ты через свое мягкосердечие. Ты готов улыбаться даже собственному убийце.

— Ничего не могу с собой поделать, Мадж. Мне все существа нравятся вне зависимости от того, какая у них внешность.

— Только помни, что большинство из них не отвечают тебе взаимностью.

Джон-Том посмотрел задумчиво.

— А не спеть ли мне еще несколько куплетов, чтобы усилить заклинание?

— А не хочешь ли ты погрести, кореш?

— Ну вот, — улыбнулся Джон-Том, — я же сказал, что ты снова будешь критиковать мое пение.

— Меня достали не твои песни, а твой голос, шеф.

Препирательства заняли остаток дня и начало следующего. К этому времени они удостоверились, что покинули сферу влияния Брулюмпуса. Несколько дней спустя путников ожидал приятный сюрприз. Пейзаж снова стал меняться, а вместе с ним и климат.

По убеждению Маджа, давно уже пора было снизиться влажности и появиться настоящей суше. Рунипай стал принимать вид скорее тропического озера, чем непроходимой трясины.

Высоко и прочно поднимались из воды острова. С поверхности исчезла пена и мутная взвесь. Вместо того чтобы образовывать заводи вокруг кочек и деревьев, вода начала двигаться в южном направлении. Потоки вскоре начнут превращаться в реки, а реки означают развитие торговли, то есть цивилизацию.

Возможно, они уже недалеки от цели путешествия.

А затем, как случалось уже не раз, растущая уверенность была уничтожена внезапной катастрофой. На спокойной воде под безоблачным небом мир внезапно перевернулся.

Джон-Тома подбросило в воздух. Он взлетел, беспомощно размахивая руками, больно ударился о воду и попытался удержаться на поверхности. Но как только юноша поплыл, что-то схватило его за икры. Он почувствовал, как его тащит вниз — прочь от затухающего солнечного света, от кислорода, которого уже настоятельно требовали легкие.

Он не видел, что схватило его, да и какое это имело значение? Чем сильнее Джон-Том лягался и вырывался, тем, казалось, быстрее уходил вниз. Вниз, прямо вниз, на дно Рунипай. Его легкие уже не горели, они, казалось, готовы были разорваться вместе с лихорадочно бьющимся сердцем.

Последнее, что он запомнил перед тем, как начать тонуть, был Мадж где-то слева от него. Выдр плавал гораздо лучше, чем Джон-Том, однако он тоже шел ко дну, увлекаемый чем-то непреодолимым, быстрым, расплывчатым.

...Джон-Тома еще не оставил весь ужас происшедшего, когда он перевернулся и его стало тошнить.

Когда легкие и желудок очистились от того, что было, казалось, половиной Рунипай, он приподнялся и неуверенно огляделся.

Юноша сидел на подстилке из сухой травы и камыша, лежащей на утрамбованном земляном полу. Рассеянный свет проникал сквозь прозрачный свод над его головой. Он напоминал стеклянный, но был сделан из какого-то другого материала.

Слева стоял Мадж, исследуя одну стену купола. Перед подстилкой стояла лужа воды, тихо плескавшаяся об утрамбованную землю. Вода была очень темной.

Почувствовав сзади движение, выдр взглянул на юношу.

— Я уже начал сомневаться, очухаешься ли ты вообще, приятель.

— Я тоже. — Джон-Том неуверенно поднялся. — Минуту назад во мне, похоже, было больше воды, чем снаружи.

Он снова закашлялся. Во рту стоял вкус тины, внутри все дрожало.

— Где мы?

— Мы в чьем-то жилье, парень, — мрачно проинформировал его выдр. — Но я не думаю, что тебе понравятся хозяева.

— Что ты имеешь в виду?

Получалось, что Мадж намекал на близкое знакомство с теми, кто их поймал, но Джон-Том ни разу не бывал в месте, подобном этому. Во всяком случае, он такого не помнил.

Выдр кивнул ему.

— Глянь-ка на эту штуковину.

Джон-Том присоединился к другу и стал разглядывать стены прозрачной тюрьмы. Дотронувшись до них пальцами, он ощутил, что это не стекло. Однако это не было и пластиком. Вещество было клейким, так что пришлось отрывать пальцы от стены. Часть вещества осталась на ногтях, и он вытер руки о штаны.

Удивительно! Штаны были сухими. Это значило, что Джон-Том пробыл без сознания несколько часов, не меньше. Со стен не текло и не капало. Что касается источника неясного колеблющегося света, то он был виден. Купол лежал на дне озера. Над

ними — Рунипай, а поверхность, как прикинул Джон-Том, находилась на расстоянии добрых шестидесяти футов. Это приблизительно, так как он не привык оценивать глубину, находясь на дне.

Джон-Том снова повернулся к стене.

— Я думаю, это какие-то выделения.

— Хочешь сказать, что кто-то пришел и наплевал здесь?

— В общих чертах да. — Юноша провел рукой по стенке в направлении потолка. — Это все органическое, а не искусственное.

Внезапное воспоминание заставило его уставиться на выдра.

— Ты сказал, что это чей-то дом?

— Ага, так и есть. — Мадж провел его по камере и показал на другую стену тюрьмы.

Купол покоился на покатом склоне, который резко обрывался сразу за сооружением. Пятьюдесятью футами ниже, на дне озера, располагалось множество подобных строений. Их архитектура казалась незнакомой — простые очертания и никаких украшений. Какие-то тени медленно двигались между ними.

Джон-Том узнал некоторых, и волосы у него на загривке встали дыбом, потому что ему вспомнилось несколько самых неприятных моментов в его жизни.

— Я же сказал, что они тебе не понравятся, — пробормотал Мадж.

Джон-Том придвинулся к стене так близко, как только мог, не касаясь липучей поверхности, и уставился в глубину. Несмотря на мутный свет, он уже понял, кто их захватил.

Броненосный народ.

Глава 11

Их не должно было быть здесь! Эти теплые, полные спокойствия воды были так далеко от их смердящего дома на Зеленых Всхолмьях, где Броненосный народ упорно строил свою цивилизацию жесткокрылых. Не так давно они с Клотагорбом помогли разгромить их в битве у Врат Джо-Трума. Но здесь были отнюдь не Зеленые Всхолмья, и старый волшебник ничего не говорил о возможной встрече с ними по дороге в Квасекву. Похоже, он и сам не знал о проникновении броненосных в эти воды. Ничего хорошего это не сулило. По всей вероятности, вообще никто не догадывался о том, что они здесь обитают.

— Этого не может быть. Что им здесь делать — так далеко от родины? Местные не потерпели бы присутствия колонии насекомых.

— Согласен, приятель. Любой уважающий себя тепловодный житель погнал бы этих бронированных ублюдков назад, к сточ-

ной яме, которую они называют домом. Если бы местные узнали, им бы носа не дали высунуть из своего навозника, вот так. Но не забывай, что здесь — тихая заводь, а эти тараканы-переростки — превосходные ныряльщики. Пока оккупантов не обнаружат, никто не поднимет тревогу.

— Странно, что охотники из Квасеквы или откуда-нибудь еще до сих пор их не засекли.

— Может, их и видели, парень. — Мадж заговорил коротко и отрывисто. — Кто-то их, может, и заметил — вот как мы, — да так отсюда и не выбрался, чтобы рассказать об этом.

Молча они вернулись к стене и стали разглядывать зараженный броненосной нечистью водоем. Джон-Том наблюдал за передвигающимися на спине плавунцами. Их неподвижный взгляд был прикован ко дну. Какой-то хищный водяной жук тащил личинку стрекозы. Водяные насекомые всевозможных форм и размеров виртуозно проносились над сооружениями колонии, если это была колония. Тут ясности не было.

— Как ты думаешь, у них есть связь со столицей, с Куглухом? Или это изолированное независимое поселение?

Мадж поморщился.

— Откуда я знаю? Пока ты тут валялся в полубессознательном состоянии, они уже интересовались нами, и теперь меня тревожит наше будущее.

— То есть?

— Они утащили твою дуару.

Это было совсем плохо, просто никуда не годилось. Джон-Том задумался.

— Может, — неуверенно начал он, — они просто из любопытства...

— Верно, — саркастически заметил Мадж. — Эдакие лупоглазые любители музыки. Нравится им собирать всякие инструменты. Наверное, попросят тебя потом что-нибудь сыграть, но я бы на это не очень рассчитывал. Слишком уж много времени они потратили, перешептываясь, изучая твою дуару, да и на тебя долго пялились.

— Есть какая-нибудь возможность выбраться отсюда?

Джон-Том посмотрел на слабый источник тусклого света — таким казалось отсюда далекое солнце.

— Эта чертова стена крепка как сталь, кореш. Путь, чтобы войти или выйти, только один. Не думаю, чтобы нам удалось провести заплыв в ближайшее время.

Выдр потянул Джон-Тома к небольшой луже около стены, отмечавшей выход наружу.

— Глянь-ка, далеко не уйдешь.

Прямо возле входа в купол, чуть ниже, дрейфовал наводящий ужас представитель речной фауны. Это был гигантский водяной жук длиной не менее восьми футов. Похожий на утопленника в

доспехах, он застыл, выставив наружу жвалы, которыми можно было враз отхватить руку или ногу.

Пока купание отменяется, отметил про себя Джон-Том.

Он оглянулся. К ним приближалось существо размером поменьше. Юноша попятился.

— Что это?

Мадж не шелохнулся.

— Поставщик воздуха.

У небольшого жучка задние ноги были раза в два длиннее остального туловища. Ряд жестких, но гибких волосков покрывал каждую конечность. Достигнув купола, он повернулся спиной к отверстию. Между задними ножками у него находилась тонкая шелковистая оболочка, наполненная воздухом.

Приблизившись к отверстию, жук взбрыкнул ножкой, и оболочка лопнула. Затем последовал громкий «бульк», и ноги Джон-Тома захлестнуло водой. Потом вода откатилась, а его будто обдало порывом свежего весеннего ветра. Жук отправился восвояси.

— Они это делают регулярно, — объяснил Мадж, — поэтому мы здесь до сих пор не закисли.

— Предусмотрительно с их стороны.

Мадж повернулся и нервно зашагал взад-вперед.

— Если б они и во всем остальном вели себя так же... Может, лучше было бы захлебнуться?

Сделав с полдюжины пробежек, выдр снова остановился перед входом.

— Я понял, что могу обогнать этого гигантского урода, только бы проскочить мимо него. — Тут Мадж задумался. — Да только вряд ли мне удастся сделать это целиком, а не по кусочкам...

Джон-Том сел на тростниковую циновку.

— До сих пор они на нас не нападали.

— Да уж, до самого последнего момента, а потом было бы уже поздно. — И Мадж указал на мирно покачивающегося возле их тюрьмы гигантского жука. — Вот этот кусок бронированного дерьма подплыл снизу и перевернул нас. А его родственнички помельче поджидали, чтобы отбуксировать сюда вниз.

Выдр оглядел друга.

— Пока нас тащили в этот кокон, лицо у тебя раздулось, как мочевой пузырь у ящерицы. Я уж думал, ты концы отдашь. Они потанцевали немного у тебя на спине, пока не выжали из тебя целый галлон воды, а потом это им надоело. Через пару минут ты застонал и отрубился. Мне оставалось только стереть тину с твоего лица и ждать, проснешься ли ты вообще. Это все было вчера.

Джон-Том кивнул.

— Да, похоже, я был почти готов. А где вещи и плот?

— Валяются где-нибудь на дне. Видать, лениво им было собирать все это, — грустно сказал Мадж. — А оружие наше они

хранят вон там, в сухом складике, чтобы вода не попортила. Держу пари, что это главные вещественные доказательства обвинения.

Джон-Том подошел к стене. Рядом с местом заточения, отделенный каким-то футом водяной толщи, находился заполненный воздухом кокон меньших размеров. Он был завален пожитками и оружием неизвестно скольких путешественников, их товарищей по несчастью, которых занесло в этот район Рунипай. Самые последние трофеи лежали наверху, на плетеной корзине: меч и посох Джон-Тома, короткий клинок, стрелы и лук Маджа, даже кое-что из съестного, а на вершине пирамиды — почти невредимая сухая дуара. Если бы не вода и преграды, он добрался бы до нее...

— Маджа, нам бы только заполучить дуару.

— И ты бы усладил их слух пением, кореш. Увы, отсюда только один выход, который я и проверять не буду, пока этот плавучий маятник торчит здесь. Нет бы ему отлучиться. Поживился бы чем-нибудь в другом месте или еще чего... Охо-хо. — Выдр отпрянул в дальний угол.

Джон-Том нервно оглянулся.

— Что случилось?

— К нам гости...

Джон-Том поспешил к Маджу.

Один за другим троица броненосных зашла в камеру. Хотя большая часть их жизни проходила под водой, они тем не менее должны были время от времени подниматься на поверхность, чтобы подышать, потому что имели не жабры, а легкие. Для житья им приходилось строить камеры, заполненные воздухом, — такие, как эта.

Двое вошедших были похожи, как братья-близнецы. На каждом красовалось что-то вроде нержавеющего, отливающего металлическим блеском панциря, сделанного, как показалось Джон-Тому, из каленой меди. Третий же, высокий и худой, более всего походил на богомола, но вообще Джон-Том ничего подобного в мире насекомых прежде не встречал, ни здесь, ни на родине. В отличие от приземистых спутников на этом не было ни доспехов, ни оружия. Взамен он держал в клешне несколько тонких металлических листков, испещренных гравировкой. Этот чахлый, но длинный субъект наклонился, чтобы посовещаться с приспешниками. Они принялись обсуждать написанное на железных таблицах. Затем богомол выпрямился и в обвиняющем жесте вытянул конечность, указывая на Джон-Тома.

— Без сомнений, это он.

— Это он, — громко провозгласили оба его спутника.

— Кто? — наивно спросил Джон-Том.

— Музыкальный волшебник, который вызвал огненного коня и убил императрицу Скрритч у Врат Джо-Трума. Ты — это ты!

Джон-Том расхохотался.

— Знаете ли, я впервые слышу об императрице Скрритч и о Вратах Джо-Трума тоже. О чем это вы? Мы с приятелем путешествуем по этим краям. Мы недалеко от Квасеквы, у нас, так сказать, каникулы. Клянусь, я не знаю, о чем речь, черт побери!

— Однако ты умеешь лгать. Это уже говорит о многом, — пробормотал длинный оппонент. — Ты делаешь это очень явно. Ты — волшебник, и незачем отрицать.

— Да, отрицаю, и очень явно, как вы тут выразились.

Тут двое коротышек двинулись к юноше, вытащив короткие кривые кинжалы, на серповидном острие каждого из которых торчали зазубрины. Они прогромыхали мимо Джон-Тома, и один приставил свой клинок прямо к горлу Маджа. Выдр даже не попытался вырваться, так как спрятаться было негде.

Закованный в хитин оратор не обладал возможностями для выражения эмоций, но все было понятно по его интонации.

— Ты продолжаешь отпираться?

Джон-Том сглотнул.

— Возможно, я и участвовал в битве у Врат, но там была добрая половина жителей Теплоземелья.

Острие еще ближе придвинулось к адамову яблоку Маджа, сбрив при этом несколько волосков у него на шее.

— Что-то не могу припомнить. Может, и было какое-нибудь маленькое заклинаньице, — поспешно добавил юноша.

Кривой клинок отодвинулся, и Мадж снова смог дышать.

— Вот так-то лучше, — сказал броненосный.

— Но не нужно понимать это слишком буквально, — воскликнул Джон-Том, однако собеседник проигнорировал его, продолжая разговор с помощниками.

— Для нашего передового отряда Империи сегодня — великий день, знаменательный день.

Его пособники вложили свои жуткие кинжалы в ножны. Их хитин был темно-коричневым снаружи и черным внутри с отметинами в виде черных полос на рудиментарных надкрыльях. Окраска оратора была желто-черной с белыми пятнами на покровах панциря.

— Всех наградят орденами, — продолжал он, — военный консул будет очень доволен. Сама императрица лично выразит благодарность.

— Императрица? — вырвалось у Джон-Тома, но теперь это не имело значения, раз его опознали. — Вы только что говорили, что она погибла в сражении.

— Это так. Но я имею в виду ныне царствующую, ее Величество Исстаг. Она будет присутствовать при твоей казни. Небольшое возмещение за тот урон, который вы нанесли Империи в битве у Врат. Я собственноручно передам тебя Великим Палачам. Наши наземные братья будут весьма довольны.

— Ваши братья? Значит, вы не участвовали в битве?

— Расстояние не позволило нам выслать помощь на Зеленые Всхолмья. В любом случае война велась на суше. От нас было бы немного толку, о чем мы несказанно сожалеем. Сегодня ты дал нам шанс наверстать упущенное.

— Но если вы не участвовали в войне, что вы имеете против нас? — Джон-Том отчаянно сопротивлялся неизбежному. — Почему бы не отпустить нас с миром? У нас нет вражды к обитателям Куглуха.

— С тобой у нас давние счеты, волшебник. Уничтожив тебя, мы принесем славу нашей колонии. Мы восстановим свой престиж. Тебя нужно содержать в целости и сохранности, чтобы передать Великим.

— Послушай, шеф, — вдруг заговорил Мадж. — Что-то неохота мне испробовать на своей шкуре все ваши штучки, но раз ты так жаждешь презентовать нас императрице и ее палачам, то не лучше ли нас сперва умертвить?

Оратор покачал головой.

— Это не доставит удовольствия Высочайшему двору.

— Представляю, как им было бы обидно, — заметил выдр.

Длинный броненосный не понял иронии:

— Такое отношение свидетельствует в твою пользу. Для прислужника очень, очень похвально.

— Для какого еще прислужника?

Этот вопль выдра, как и все аргументы Джон-Тома, приведенные чуть раньше, не был замечен.

— Может статься, императрица позволит мне, недостойному, присутствовать на развлечении с твоим участием.

— Я непременно помашу тебе ручкой, — проворчал Мадж.

— В противном случае мне будет достаточно чести доставить вас к императрице.

— У меня есть вопрос, — заявил Джон-Том. — Как вы узнали, кто мы такие? — Он показал на склад с оружием. — Судя по всему, немало народу из-за вас погибло.

— Это нарушители границы.

Насекомое наставило свои фасеточные глазки на человека.

— Что касается вашей идентификации, ты, человек, себя недооцениваешь, — выдавил броненосный хриплым скрежещущим голосом, который исходил из длинной тонкой трубочки, служившей ему ртом.

— Ты думаешь, мы так плохо организованы, что не можем распространить в своих рядах приметы наших злейших врагов? Думаешь, мы позволили бы вам проскользнуть незамеченными? Здесь хорошо известны крупнейшие полководцы и волшебники из стана теплоземельцев. Можешь гордиться тем, что попал в число знаменитостей, и тебя сразу узнали даже в местах, столь далеких от Врат.

Отчего-то Джон-Том не чувствовал себя польщенным.

— Если вам известно, что я — великий маг, вы должны понимать, что я нахожусь здесь и задаю вопросы, только чтобы удовлетворить свое любопытство, прежде чем покинуть вас.

— Не думаю, что только твоя любознательность заставила тебя надолго замешкаться, — проницательно заметил длинный. — Если бы ты мог беспрепятственно улизнуть, я уверен, что тебя бы здесь уже не было. Да ты бы и не попался, владея нужными заклинаниями.

Он замолчал, и Джон-Том почувствовал, что гигантское насекомое разглядывает его.

— Известно, что в сражении у Врат среди обитателей теплых земель присутствовал великий чаропевец, чужеземец, но чтобы творить заклинания, певцу нужен инструмент. — Он махнул невероятно длинной конечностью в сторону соседнего купола. — Возможно, вон тот.

Джон-Том даже не взглянул на дуару.

— Возможно. А может, эта маленькая флейта, с которой я никогда не расстаюсь.

Его рука исчезла под рубашкой.

Два стража немедленно бросились к выходу. В замешательстве они устроили свалку у кромки воды, прежде чем туда юркнуть. Гигантский водяной жук снаружи с трудом зашевелился, ворочая клешнями.

Длинный вздрогнул, но не сдвинулся с места и расслабился, когда увидел, что правая рука Джон-Тома все еще под рубашкой.

— Маленькая шутка? Понятно.

Он добавил что-то еще и повернулся, чтобы посмотреть, что делается у входа. Стражи с опаской вглядывались в заполненный воздухом купол.

Джон-Том не до конца понял своего собеседника, но кое-что из сказанного прозвучало, как ругательство, выдавленное из разговорной трубочки. Ругательство, исполненное презрения.

Под уничтожающим взглядом своего начальника стражи вернулись. Их вид, насколько это возможно было понять, был не особо довольным. Как ни в чем не бывало, броненосный снова обратился к Джон-Тому:

— На завтра приготовлено специальное транспортное средство. Туда войдет микропомещение, подобное этому, так что мы в безопасности проследуем под водой до Куглуха. Между Зелеными Всхолмьями и здешними местами множество речек и тихих озер. Нам не следует слишком часто обнаруживать своего присутствия. Любая возможность побега для вас исключена. Зато насладитесь путешествием. Смотрите, как мы вас балуем.

— Откормленные тельцы, — буркнул Джон-Том. — А как вы собираетесь перебраться через горы Зарита?

— Существуют подземные реки, текущие сквозь массив. Нам

они известны. Ты тоже их увидишь. Правда, поделиться этой информацией тебе ни с кем не придется. У меня есть к тебе вопрос, человек. Что тебе нужно здесь, на юге, в такой дали от дома, что находится за Вратами?

Мадж показал большим пальцем на Джон-Тома.

— Этот тип — он один из этих полоумных туристов, слыхал о таких? Потащился смотреть разные там чудеса природы и все такое.

— А ты?

— Я-то? Так, ерунда. Я, наверно, тоже ненормальный. Иначе что мне здесь делать?

С этими словами он шлепнулся на тростники с выражением крайнего раздражения на морде, явно отказываясь отвечать на дальнейшие расспросы, хоть убей его на месте!

— Твоя личность весьма, должно быть, интересна, — заметил длинный. — Занятно будет поразвлечься беседой с тобой во время пути.

— Боюсь вас огорчить, — сухо сказал Джон-Том. — Не имею ни малейшего желания разговаривать с хладнокровными убийцами.

— О, вовсе не хладнокровными. Ты разочаровываешь меня. Я предполагал более просвещенную реакцию с твоей стороны. — Он сделал какое-то движение, которое могло сойти за пожимание плечами, а может, и за что другое. — На окончательный приговор это не возымеет действия. Твоя судьба предопределена.

С достоинством он повернулся и скрылся в тамбуре, неотступно сопровождаемый своими упитанными спутниками. Водяной жук-сторож отплыл, с уважением пропуская троицу.

Джон-Том посмотрел вслед длинному, который поплыл к строениям, расположенным ниже.

Со стороны входа раздался всплеск. Огромные жвалы водяного жука вне воды выглядели еще внушительнее.

— Ты останься, — хрюкнула голова хрипло, после чего чудище дернулось обратно, чтобы возобновить неподвижную вахту. Купол снова залило водой, и подводная тюрьма стала еще более сырой.

— Он сказал, «завтра», — пробормотал Джон-Том, вглядываясь в водяные небеса. Снаружи уже сгущались сумерки, потому что солнце ушло за горизонт. — У нас не так много времени.

— У нас совсем нет времени, кореш. Мы обречены.

— Мадж, никогда не говори так. Я отказываюсь это признавать.

— Влипли, нечего сказать.

Выдр отвернулся, оплакивая свою судьбу.

И в самом деле, похоже, выхода не было. Даже если бы им удалось проскользнуть мимо чудовищного стража, их передвижение в воде заметил бы любой представитель подводной колонии,

чувствительный к вибрации. Если в куполе пробить дыру, хлынет вода и преградит путь к спасению. Кроме того, чтобы сделать что-то с этим прочным клейким материалом, нужна по меньшей мере неделя объединенных усилий Джон-Тома и Маджа, имеющих только ногти и клыки. Все это напоминало клетку, надежно оборудованную сигнализацией. Им оставалось покориться судьбе.

Мысль о побеге не оставляла Джон-Тома. Однако к моменту окончания вечерней трапезы, приготовленной их тюремщиками, юноша вынужден был признать, что его богатое воображение неспособно изобрести не только никакого плана, но даже намека на него.

Пожалуй, на этот раз Мадж был прав. Они влипли. Может, подвернется возможность удрать во время их путешествия в Куглух. В таком случае бессонное бдение только снижает их шансы. Коврик на полу был мягким, но от этого не становилось легче.

— Где же второй? — взволнованно спросил чей-то скрежещущий голос.

Джон-Том открыл глаза. Снаружи снова лился свет, но очень слабый. Солнце только вставало. Холодный сырой воздух заставил юношу поежиться. Приподнявшись на подстилке он попытался приспособиться к слабому освещению.

Вокруг нервно суетились водяные жуки. Они исследовали стены, обнюхивали пол, рвали циновки вокруг Джон-Тома. Каждый был вооружен шестидюймовым кинжалом. Он насчитал не менее дюжины этих тварей. Позади них мельтешили еще двое, разбрызгивая воду, появившуюся из-за их недавнего вторжения. По мере того как его сознание прояснялось, Джон-Том разобрался, что они не просто суетились, а были очень возбуждены.

Ближе к входу стоял длинный жук. Рядом копошились его бестолковые помощники. С кинжалами наголо они изучали внутренность купола.

Тут слова, произнесенные броненосным, продравшись сквозь полусонные мысли молодого человека, обрели смысл.

— Мадж! — Джон-Том встал на четвереньки и пощупал место, где прошлой ночью сидел выдр. — Мадж!

В комнате все еще держался стойкий мускусный запах, который вместе с вмятиной на коврике был всем, что осталось от выдра. Когда юноша поднялся, его сразу же окружили трое водяных жуков, вооруженных мечами. Сопоставив факт отсутствия Маджа с их возбуждением, он пришел к очевидному заключению.

Выдр сбежал.

Восходящее солнце все ярче освещало картину безуспешных поисков, а улыбка Джон-Тома становилась все шире. Броненосные уже сбились с ног. Все-таки количество потайных мест под куполом было очень ограничено. Каким-то образом выдру уда-

лось улизнуть, не разбудив товарища и не потревожив гигантского сторожа.

Джон-Том не сердился на Маджа за то, что тот не разбудил его. Разумеется, каков бы ни был способ побега, он наверняка не годился для неповоротливого человека, иначе выдр вытащил бы их обоих. Джон-Том отказывался думать иначе. Впрочем, это справедливо, даже очень справедливо, что втянутому в эту авантюру помимо своей воли выдру суждено было спастись. Но долго смаковать успех Маджа не пришлось, ибо над молодым человеком уже возвышалась долговязая фигура. Яркие глазки внимательно уставились на одинокого узника, и все тот же голос повторил вопрос, который с минуту назад он задавал своим подчиненным:

— Где второй? Низенький меховой раб?

— Он не раб, — с вызовом ответил Джон-Том. — А что до того, где он, почему бы вам самому не поползать здесь и не посмотреть с просвещенной точки зрения?

Броненосный не обратил внимания на дерзость Джон-Тома.

— Говори, или тебе оторвут конечности!

— Как?! И императрица лишится удовольствия? Впрочем, не важно. О том, где он, я знаю не больше вашего. Я спал, и из глубокого сна меня пробудил шум, который вы здесь подняли. Вы были тут, а Мадж удрал. Куда он скрылся, я понятия не имею.

— Не думаю, что это так, но ты прав, это уже не важно. Для нас имеешь значение только ты. В Куглухе тебя встретят с радостью. А побег мехового — досадное недоразумение. И все.

Он взмахнул длинной лапкой. Хитин сверкнул на свету.

Несколько мелких рабочих насекомых протаскивали через вход нечто длинное, прямоугольной формы. Выглядело сооружение довольно громоздко и напоминало гроб, но Джон-Том понял, что это предназначалось для него живого, а не для его останков.

— Тебя доставят в целости в Куглух вот таким образом.

Объяснение броненосного было излишним.

— Экипаж готов. Теперь приготовят тебя.

Джон-Том отпрянул, но его окружили со всех сторон. Он был гораздо выше любого из броненосных, за исключением длинного жука, но они были вооружены.

— Что значит «приготовить»?

Оратор с готовностью принялся объяснять:

— Хотя и без инструмента, но ты умен и искушен в колдовстве. Это нужно, чтобы не оставлять тебе возможности для какого-нибудь вредительства или самоубийства в последний момент.

Тут его длинные лапки вытянулись, и Джон-Том оказался на полу. Ему стало видно, что делалось за спиной у длинного жука. У входа терпеливо ожидала какая-то тварь вроде таракана, ростом футов пять. К спине насекомого был привязан пузырь с воз-

духом, внутри которого виднелись посох Джон-Тома, дуара и остатки припасов с плота. Рабочие прикрепляли к спине другого таракана похоронные дроги.

Затем длинный отошел и перед юношей предстал самый уродливый экземпляр среди представителей Броненосного народа, какого он когда-либо видел. В отличие от длинного и водяных жуков этот индивид передвигался не на четырех конечностях, а на всех шести. Туловище было длинное и тонкое, плоское от головы до груди, тогда как брюшко было непомерно раздуто, как шар. Окраска у него была навозная, лишь крохотные глазки горели ярким красным огнем.

Приблизившись к Джон-Тому, существо подняло две передние конечности. Маленькие рудиментарные крылышки мелко завибрировали. Это был недоразвитый представитель броненосных: в нем не было и трех футов. Из нижней части раздутого брюшка торчала длинная спиральная трубочка, которая заворачивалась вокруг туловища и головы насекомого. Ее кончик, напоминающий иглу для инъекций, трепыхался на расстоянии фута от головы.

У Джон-Тома участилось дыхание, ему отчаянно захотелось в какое-нибудь укромное местечко, но такового не было.

— Послушайте, нет необходимости это делать, — стал он уговаривать предводителя, не сводя глаз с трепыхающейся штуковины. — Я вам не доставлю никаких хлопот. Без дуары я бессилен.

— Разумная предосторожность, особенно после пропажи твоего спутника, — ответил верховный жук. — Я не желаю, чтобы однажды и ты исчез по дороге в Куглух.

— Да я же не смогу, не смогу я! — Джон-Тома уже не смущала истерика в голосе. Его обуял ужас при виде надвигающейся трехфутовой иглы.

— Сопротивляться бесполезно, — уверил его оратор. — Ты себе только навредишь. Яд Руза уже испробован на теплокровных. Он прекрасно знает, какую дозу нужно ввести, чтобы обездвижить тебя на время пути.

— Черт побери, мы же не в медицинском институте! Вы не вколете мне эту дрянь!

Он кинулся вправо, надеясь проскочить мимо удивленных стражей и прорваться к воде, совершенно не заботясь о том, применят ли они оружие.

Но тем не пришлось чего-либо предпринимать. Едва Джон-Том пошевелился, Руз ударил его. Жало хлестнуло подобно атакующей кобре. Джон-Том ощутил жгучую боль между поясницей и бедром, как только игла прошла сквозь брюки и проколола кожу. Его самого удивило, как он при этом завопил. Ощущение было такое, будто ему впрыснули кислоту.

Завершив свою миссию, Руз отполз назад и с интересом посмотрел на человека. Жуки-стражники бросились врассыпную,

потому что прежде, чем упасть, юноша, шатаясь, сумел сделать два шага. Его рука потянулась к левой ягодице, в которой все еще пылал огонь, другой рукой он попытался подтолкнуть себя к выходу.

Сначала начали отниматься ноги. Вскоре это ощущение достигло бедер и разлилось по всему телу. Его ничего не беспокоило теперь — только страх. Когда омертвение достигло плеч, он упал. Каким-то образом Джон-Тому удалось перевернуться на спину. Перестали сгибаться локти, затем обездвижились запястья и пальцы. В поле зрения появилось узкое пучеглазое рыло длинного, который с высоты своего роста воззрился на неподвижного человека.

Джон-Том напряг голосовые связки, пытаясь заставить их работать.

— Ты... лгал... мне.

— Отнюдь, — спокойно возразил броненосный. — Ты не умрешь. Ты всего лишь не способен к сопротивлению.

— Я не об этом. — Речь требовала от Джон-Тома титанических усилий. Задыхаясь, слабым голосом он продолжил: — Ты... не сказал... что это... больно...

Длинный не ответил, продолжая разглядывать юношу, словно букашку на предметном стекле микроскопа.

Интересно, как долго продлится действие инъекции? И сколько еще раз на пути в Куглух он станет объектом свирепого нападения Руза? Лучше уж покончить с собой при удобном случае. Но даже этого Джон-Том сейчас не мог. Его паралич был для броненосных гарантией.

Было непонятно, удовлетворен ли длинный жук, безразлично ему или он сожалеет. Что до Руза, то тот просто выполнил свою работу, продозировав инъекцию с хирургической точностью. Уродец удовлетворенно тряс аномально крошечной головкой, всем своим видом показывая, что задача обездвиженья узника им выполнена. Длинный отошел к группе невооруженных плавунцов, ожидавших поодаль.

Джон-Том почувствовал, как жесткие лапки грубо переворачивают его. Он хотел было воспротивиться, восстать против мучителей, но, увы, мог двигать только глазами.

Джон-Тома поместили в стеклянный гробик, который был по размерам несколько больше него, намереваясь затем взгромоздить ношу на спину таракана. Внутри водонепроницаемого контейнера было безмятежно тихо и тепло. Джон-Том тщетно боролся со сном. Они добивались как раз этого, и потому он упрямо сопротивлялся.

Длинный стоял рядом, отдавая указания. Джон-Тома подняли и перетянули вместе с контейнером тонкими ремнями.

Похоже, его понесли. По крайней мере, он мог заметить сквозь прозрачные стенки какое-то движение. Он ничего не чувствовал.

Вдруг ему показалось, что он падает. Контейнер то ли выпал, то ли выскользнул. Вокруг снова поднялась суета, но причина ее осталась тайной. Вследствие инъекции начало замутняться зрение. Скоро, наверное, он погрузится в сон, несмотря на отчаянные попытки не засыпать.

Продолжая глядеть прямо перед собой, Джон-Том смог различить движущуюся над куполом большую темную массу, очертания которой заслонили солнце. На вершине она на некоторое время задержалась, после чего сооружение начало разваливаться. Купол не треснул и не раскололся, как стекло или пластик, а просто обратился в прах.

Разрушительный поток воды закружил и саркофаг, и тела его мучителей, но замутненное сознание Джон-Тома не позволяло определить, как и куда его опрокинуло. Он остался один, как камешек в стеклянной бутылке, и кувыркался между стенами и полом. Что-то развалило купол — только в этом он и был уверен. Закрученный в водовороте юноша очень хотел закричать, но теперь уже парализовало и голосовые связки, и язык... Впрочем, все равно — его некому было услышать. Тут рухнули стены, и вихри воды вынесли его из-под развалин.

Вода успокоилась. За пределами разбитого купола было спокойно, хотя безмятежную гладь озера замутили кувыркающиеся обломки. Или это померкло его сознание?

Казалось, он снова летит вниз, по-прежнему вращаясь и кувыркаясь, теперь уже по склону подводной горы, где находилась его тюрьма. Благодаря водной среде снаружи и воздушной подушке внутри контейнера падение было медленным. Однако воздух начал терять первоначальную свежесть и становился спертым. Когда у Джон-Тома потемнело в глазах, у него мелькнула мысль, что это не из-за полученной инъекции, а вследствие уменьшения и без того скудного запаса кислорода. В таких условиях накачанный наркотиком Джон-Том ощущал эйфорию. Ему больше не грозили повторные встречи с Рузом, и еще менее заботило его мучительное расчленение в далеком Куглухе. Он собирался умереть здесь и сейчас. Он бы улыбнулся, если бы не паралич. Броненосный народ явно лишился возможности насладиться ритуальной местью.

Тьма окружила его, и Джон-Том был рад ей...

Глава 12

Прошла целая вечность, прежде чем он понял, что температура вокруг него повышается. Возможно, в этом не было ничего странного, но его удивило, что он может чувствовать такие изменения.

Он попытался открыть глаза, но мускулы не подчинились. Кажется, он еще не совсем мертв. Все тело кололо, и это было мучительно.

Поскольку глаза отказывались служить, он попытался пошевелить губами. Они двигались, но с трудом. Нужно заставить губы раскрыться. Ему необходим глоток воздуха.

Проделав сложную серию движений, он попытался крикнуть. Воздух прошел через горло в легкие, как кусок сырой печенки. Однако сделать следующий вдох было уже легче. Долгое время бездействовавшие железы начали вырабатывать слюну. Это облегчило дыхание.

Возможно, он еще не умер. Тут пришлось вступить в спор со своим телом, настаивавшим, что он все-таки умер. Либо утонул, либо задохнулся, или и то и другое одновременно — но уж точно не остался в живых.

Первое доказательство в пользу защиты: он может дышать. Обвинение дрогнуло перед этим аргументом, а затем все свидетельства его смерти были развеяны. Ничего нет лучше, чем представить неожиданного свидетеля в критический момент, подумал он. Теперь надо убедить суд, что сознание вернулось к нему.

Вызываю первого свидетеля защиты. Прошу — зрение! Поднимите веко и клянитесь на вашем зрительном нерве. Даете ли вы торжественную клятву видеть, воспринимать, передавать изображение мира вокруг этого полутрупа? Клянусь.

Кто-то смотрел на него сверху вниз — неясное пятно вместо лица. Выражение очень обеспокоенное. На лице был черный нос, много коричневого меха, сияющие взволнованные глаза и подрагивающие усы.

— Маджж, — пробормотал он. Рот был точно наполнен клеем.

Лицо расплылось в сверкающей улыбке и отвернулось.

— Видали? Вот интересно — он думает, я его друг.

Успокаивающий, дружеский, уверенный голос. Проблема лишь в том, что принадлежит он не Маджу, потому что слишком высок.

Джон-Том приложил руку к уху и, обрадованный тем, что может это сделать, попытался его прочистить.

— Не падай духом, парень, — произнес голос. — Выглядишь ты неважно.

— Ну, соответственно, — прошептал он. Вместе с сознанием к нему постепенно возвращались силы. — Я себя чувствую не очень важно.

Склонившаяся над ним выдра определенно не была Маджем. Вместо знакомой зеленой фетровой шляпы с пером незнакомец носил кожаный берет, украшенный стеклянными пуговицами. Лицо было уже, чем у Маджа, а черты — более тонкие. Вместо жилета он носил сложную конструкцию из ремней и металлических колец. Что было ниже, Джон-Том не видел. Чтобы взглянуть

с другой точки, нужно было приподняться на локтях, а к этому он еще не был готов.

— Привет, — сказала выдра. — Меня зовут Куорли. Ты милый. Мадж говорил, что ты милый, но не очень смышленый. Но мне кажется, что чаропевец должен быть смышленым.

Возможно, это изогнутые ресницы, подумал Джон-Том. Или полоски краски над глазами? Макияж? Или боевая раскраска? Он не мог определить.

В поле зрения появилась еще одна улыбающаяся выдра. Снова не Мадж. Лицо ее было слишком широким, почти толстым. Сама идея толстой выдры казалась невозможной, но невозможно было также отрицать как принадлежность вновь прибывшего к данному виду, так и его комплекцию. Он носил широкую шляпу с опущенными полями, сползающую на глаза.

— Норджил, — представила его Куорли.

— Привет, красотка! — Нахмурившись, Норджил взглянул на самку.

Все имена перемешались у Джон-Тома в голове. Придется разобраться в них попозже.

В настоящий момент вся энергия юноши была сконцентрирована на том, чтобы сесть. Когда ему это не удалось, он свалился, повернувшись на левый бок. Операция увенчалась некоторым успехом, если не считать того, что его вырвало. Это заставило отпрыгнуть склонившихся над ним. Несмотря на комплекцию, Норджил оказался таким же проворным, как и любая выдра.

— Жив он, порядок, — заметил Норджил с отвращением.

Джон-Том решил, что они находятся на острове — вдалеке виднелись воды Руниnай. Броненосных не было и в помине.

Взглянув туда, где были его ноги, он увидел навесы, какие-то более надежные укрытия и пару потрескивающих костров. Две незнакомые вычурно одетые выдры жарили на длинных вертелах огромных рыбин.

Несколько других насаживали выпотрошенную рыбу на хворостины и оставляли вялиться на солнце.

— Мы — охотничья экспедиция, — сообщила Куорли. — Улов получается гораздо лучше, когда работают все вместе. Кстати, так значительно веселее. Здесь клево. Обычно мы не забираемся так далеко к северу, но уже давно всем хотелось разведать этот район, так что мы решили отправиться и посмотреть. Тебе чертовски повезло, что мы здесь оказались.

Появился еще кто-то. Норджил подвинулся, освободив ему место. Наконец-то знакомое лицо и голос!

— Утречко-то какое, приятель! — Мадж, сдвинув шляпу на лоб, бросил быстрый взгляд на Джон-Тома и нежно обнял Куорли за талию. Она, усмехнувшись, прижалась к нему.

Неудивительно, что Мадж сияет, подумал Джон-Том. Он так

давно не был среди себе подобных. Джон-Том попытался улыбнуться в ответ.

— Привет, Мадж.

— Как себя чувствуешь, парень?

— Как тесто для лапши — раскатанным с обеих сторон.

— Не знаю, что это такое, но выглядишь ты ужасно, вот так. Тебе здорово досталось там, внизу. — Выдр кивнул направо. — Мы нигде не могли тебя найти. Старая Мемоу увидела гроб, в который тебя засунули, когда тот уже скользил по дамбе. Не заметь она тебя тогда, было бы поздно.

Джон-Том кивнул.

— Кажется, я могу сесть.

— Думаешь, ты уже готов к этому, приятель?

— Не уверен, но надо попробовать.

Сильные короткие лапы поддержали юношу. На минуту ему показалось, что он опять упадет. Его друзья заволновались, и он поспешил успокоить их.

— Нет, мне сейчас лучше, все в порядке. Это все действие той дряни, которую в меня влили. Такое чувство, будто катишься с горы на роликах.

— Что такое ролики? — спросила Куорли.

— Видишь? Я же говорил тебе, он со странностями, даже для человека, — бросил Мадж.

Она искоса глянула на Джон-Тома.

— Да, но он симпатичный.

— Не забивай себе голову глупостями, милашка. Кроме того, у него самого сплошные глупости в голове. — Мадж кивком указал на друга. — Какая-то фобия или еще что-то. Словом, он считает, что влюбляться можно только в себе подобных. Не ценит разнообразия.

— Жаль. — Куорли взгрустнула, затем встряхнулась. — Что ж, это его дело.

Джон-Том почти не обратил внимания на беглое обсуждение его сексуальных предпочтений и попытался вернуть чувствительность щекам и лбу, растирая их.

— Что случилось? Как тебе удалось удрать?

— Ну, приятель, после того как прошлой ночью ты заснул, я бодрствовал, ломая себе голову и пытаясь что-нибудь придумать. В темноте хорошо думается, а вокруг после захода солнца было чертовски темно. Некоторые из броненосных имеют собственные красноватые огоньки, но они не приближались к нашей тюрьме. Им не требуется много света, они привыкли ориентироваться, чувствуя вибрацию воды.

Во всяком случае, в голове не было ни одной разумной мысли, когда появился жук-поставщик с пузырями и принес очередную порцию воздуха. И тут до меня дошло, кореш. Единственным, что попадало в нашу камеру регулярно и безусловно, был воздух,

и единственный, кто покидал ее, был жук, приносивший его. Эта идея засела у меня в башке, и я перекатился к выходу, будто бы ворочаясь во сне. В следующий раз, когда жук-поставщик появился и сбросил воздух, я отдыхал себе мирно, как гробовщик, у самой воды и как бы выпал следом за ним. Даже не пытался плыть, просто лежал на воде, чтобы не потревожить нашего молоторукого стража каким-нибудь движением. Надо признаться, тот даже не обернулся. Здоровый толстопанцирный урод!

Жучишка даже не подозревал, что я следую за ним. Видно, был слишком занят своей проклятой работой. Во всяком случае, я поднимался, как пузырь, не шевелясь, пока мы не оказались на самой поверхности. Тогда я просто лег в дрейф, как старое бревно. После того как меня слегка отнесло, я начал потихоньку плыть, готовясь побить все рекорды на длинной дистанции, ежели сзади что-нибудь покажется. Ничего, ушел чисто! По-настоящему поплыл, лишь когда убедился, что я уже далеко, в безопасности, и никто меня не заметил. Ну, приятель, ты не видал ничего быстрее!

— Меня обрадовал твой побег, но я не ожидал, что ты вернешься за мной.

Мадж слегка смутился, стараясь не глядеть на друга.

— Ну, теперь, парень, могу честно сказать, я понял тогда, что в одиночку тебя не выручить. Так что в некотором роде я всплакнул, попрощался, решил, что было приятно познакомиться, а сам рванул по дуге к северу. Я еще не так далеко ушел, когда проголодался и нашел глубокий омут, полный рыбы. После этого небольшого заплыва я был ужас как голоден.

Так вот, нажрался я и вдруг запутался в большой сети. Думал, что эти мерзкие жуки как-то выследили меня и снова поймали. Не столько даже испугался, как разозлился сам на себя. И обнаруживаю, когда меня вытащили на свет, что попался не нашим старым пучеглазым друзьям, а куче дальних родственников. — Он потрепал Куорли по заду, и она захихикала.

Необычный вышел звук. Джон-Тому не приходилось слышать раньше хихиканья выдры.

— Слышал бы ты его, покуда мы вытаскивали его из сети, — сказала она Джон-Тому. — Запутался в нашей рыбе, камыше и наживке, а все туда же! Ну и глотка!

— Просто я — импульсивный тип, вот и все, милашка. — Выдр повернулся к Джон-Тому. — Однако, оказавшись в этой веселой компании, мне пришлось выдержать настоящую битву со своей совестью, парень. Я не знал, что делать. Потом предоставил им решать, стоит ли рисковать, чтобы попытаться вырвать тебя из хитиновых челюстей смерти, как оно и случилось. А знаешь ли ты, что они все как один выбрали самое глупое — спасать тебя? — Мадж сокрушенно покачал головой. — Ради тебя рисковали жизнями, как форменные психи, приятель.

— Весьма признателен, — с чувством сказал Джон-Том, — за ваше коллективное сумасшествие.

Куорли глянула на Маджа.

— Что он сказал?

— Не обращай внимания, милашка. Такое с ним случается. Ничего страшного. Знаешь, он учился на юриста, тут уж ничем не поможешь. Это что-то вроде болезни рта.

Куорли оценивающе оглядела Джон-Тома.

— Я-то думала, ты — чаропевец.

— И это тоже, — ответил юноша.

Мадж наклонился к ней и зашептал:

— У него все смешалось в голове, видишь?

— Угу. — Куорли бросила сочувствующий взгляд.

Джон-Том снес все это молча — отчасти потому, что привык к Маджу и его манере шутить, отчасти потому, что был слишком счастлив остаться живым и невредимым и не хотел препираться из-за выпадов в свой адрес.

— Как в конце концов меня оттуда вытащили? — Он потер лоб. — Все, что я помню, нечто темное и широкое, закрывающее свет, а затем — рушащийся свод.

Мадж умудрился принять важный вид, не меняя позы.

— Моя драгоценная матушка всегда говорила, что, ежели мне придется драться с превосходящим противником, надо найти булыжник — достаточно большой, чтобы сравняться с ним в силе. Нам пришлось поискать, прежде чем мы нашли подходящий камень, что лежал себе спокойно на самом большом из островов. Не так-то просто это сделать в такой мутной луже. Мы загрузили его в самую прочную рыболовную сеть, которую они захватили, а поутру группа наших поплыла и сбросила камень на их драгоценный купол. — Он усмехнулся, вспоминая. — Запросто разнесли его.

— Меня это могло бы раздавить, — задумчиво пробормотал Джон-Том.

Мадж пожал плечами.

— Была и такая вероятность, приятель. Только они заметили, что мы приближаемся — хотя было уже поздновато, надо прямо сказать, — Броненосный народ стал организовывать защиту. Наша атака была для них неожиданной, поэтому им не удалось удержать нас. К тому же нет такого жука, который мог бы обогнать плывущую выдру. На это вообще мало кто способен, особенно когда мы очень постараемся. А ежели бы мы случайно придавили тебя нашим маленьким подарком, тебе это повредило не больше, чем если бы вообще не сбрасывали камня.

— Это верно, — признал Джон-Том.

— Мы слегка беспокоились, — сказала Куорли, — что этот валун окажется недостаточно большим, чтобы разрушить твою тюрьму.

— Ну и шороху мы навели, — удовлетворенно заметил Норджил. — Повеселились! Мы плавали кругами вокруг этих жуков, но пришлось понервничать, когда мы не нашли тебя там.

— Меня выбросило напором воды, когда рухнул свод, — объяснил Джон-Том.

— Точно, приятель, — подтвердил Мадж. — Мемоу вовремя заметила тебя, а затем мы удрали оттуда прежде, чем жуки, которым не проломило голову, собрались с мыслями. Помнишь нашего очаровательного долговязого хозяина? С особым удовольствием лицезрел я его башку, раздавленную скалой. Кажется, только у него одного и были мозги. Я не думаю, чтобы они вскорости стали преследовать нас.

Усвоив все сказанное, Джон-Том кивнул. Когда он наконец встал, это движение вызвало бурю поздравлений от всей компании.

— Ты считаешь, что мы здесь в безопасности?

— Наверняка, — ответила Куорли. — Во-первых, они, как сказал Мадж, остались без главного. Во-вторых, мы возвращались к лагерю кружным путем и замели следы. К тому же теперь мы далеко от них. — Она покачала головой, как бы не веря собственным словам. — Броненосный народ — и прямо здесь, в Озерном краю. Кто бы мог подумать, что такое возможно?

— Озерный край? Значит, мы уже не в Рунипай?

Выдра показала на север.

— Граница весьма условна, но мы находимся вроде как на рубеже.

— Как вы определяете, где кончается одно и начинается другое?

— Нюхом, — проинформировала его Куорли. — Когда пахнет чистым, мы знаем, что это Озера. Когда начинает вонять, значит, мы на Рунипай.

Уразумев это, Джон-Том произнес почти неслышно:

— Не знаю, как отблагодарить вас за все.

Она пожала плечами.

— Подумаешь, большое дело. Как говорит Норджил, это было веселое приключение. Нужно время от времени делать что-то возбуждающее, или жизнь становится ужасно скучной.

Джон-Том пожал лапу Норджилу, затем Маджу и подошел с тем же к Куорли. Она проигнорировала протянутую ладонь человека, обвила лапки вокруг шеи и, пригнув его голову вниз с удивительной силой, залепила полдюжины коротких колючих поцелуев прямо в лицо. Джон-Том попытался вырваться, ибо это напоминало атаку водомета.

Маджа, безусловно, забавляло замешательство друга.

— Да не волнуйся ты, приятель. Все выдры себя так ведут. Потому что мы по-настоящему дружественные и любящие. — Он притянул к себе Куорли. — Не правда ли, детка?

Она снова издала свое обычное хихиканье. Джон-Том осторожно взглянул, не собирается ли Куорли снова наброситься на него. Он попытался представить, как она хихикала, протаранивая грудную клетку кому-нибудь из броненосных.

— Ну, давай, парень, познакомься с остальными.

Мадж, обхватив Джон-Тома за талию, повел его к лагерю. Другой лапой он крепко обнимал Куорли.

Дальше все походило на пребывание в ступке, полной орехов, думал Джон-Том, пытаясь разобраться в толпе новых друзей. На него навалилась, толкаясь, пихаясь, пожимая руки, целуя, пребывающая в постоянном движении компания рыболовов. Они задавали вопросы с такой скоростью, что «сверхзвуковая» была бы слишком слабым эпитетом. За последние месяцы он, казалось, научился общаться с одной выдрой. Однако попытка разговора одновременно с одиннадцатью была явным превышением возможностей нормального человека. Вскоре юноша сдался, позволив неиссякаемой энергии и возбуждению своих спасителей накрыть его волной эмоций.

Некоторые выдры были выше и тоньше Куорли, но никто не мог тягаться с Норджилом по толщине. Были здесь и самки, и самцы. Все свободно общались, и, хотя некоторые были как-то связаны между собой, формальных отношений наподобие семейных у них не существовало.

Главой этой анархической компании была старшая самка с серебристым оттенком меха по имени Мемоу. Она оглядела воскресшего человека пристальным взглядом.

— Что ж, — наконец произнесла она деликатно, — мех у тебя коротковат, а ноги длинноваты, но у меня, например, многовато годков и маловато зубов, и ничего.

Она усмехнулась, продемонстрировав неполный комплект зубов. Похоже, это ее не волновало. Наблюдая за Мемоу, Джон-Том решил, что ее вообще мало что может обескуражить.

— Добро пожаловать к нам.

— Я высоко ценю ваше приглашение, мэм. Мадж и я, мы... — Он запнулся, поглядев мимо матроны. Аккуратно сложенные у стены одного из укрытий, сухие и практически непопорченные, лежали его посох, рюкзак и, что важней всего, его незаменимая дуара. — Вы спасли наши вещи!

— Естественно, приятель, — сказал Мадж. — Или ты думаешь, что сначала мы бросились искать тебя?

Собравшиеся вокруг выдры рассмеялись, оценив юмор.

— Неудивительно, что ты спелся с этой компанией, — парировал Джон-Том. — Ведь они смеются даже твоим дурацким шуткам.

— Что он сказал? — спросил маленькую Сплитч Кноркл. Последний был самым большим и сильным в группе, всего на полфу-

та ниже Джон-Тома. Сплитч, напротив, была крошечной самочкой с густым мехом.

— Не поняла. Мадж говорил, что он учился на юриста.

— Хм, — хмыкнул Кноркл, как будто этим объяснялось все.

Мадж обратился к Джон-Тому:

— Ладно тебе, шеф. Давай только не будем сейчас петь. Мы же только что подружились. Ты ведь не хочешь с ними распрощаться, правда?

Мемоу погрозила Маджу пальцем.

— Ну же, будь поласковей со своим другом. Не беда, что до него все доходит с трудом. Ему пришлось намного хуже, чем тебе, — ведь это его чуть было не убили эти ужасные насекомые. — Повернувшись, она по-матерински улыбнулась Джон-Тому. — Ни о чем не беспокойся, малыш. Я прослежу, чтобы этот сопляк попридержал свой язык, пока я рядом.

— Все в порядке, Мемоу. Я привык. Такова его манера. Сарказм ему так же необходим, как дыхание.

— Хм, ничего не имею против острых зубов, но не переношу острых языков. Однако если тебе все равно, я оставлю вас в покое.

— Знаешь, твое предложение присоединиться к вам очень любезно. Я люблю рыбалку, не говоря уж об этом парне, но, боюсь, мы не сможем принять приглашение.

В ответ раздалось несколько разочарованных вздохов, но ничто не могло сравниться со страдальческим выражением, появившимся на морде Маджа.

— Ну, кореш, неужели мы не можем остаться здесь еще немного? Так приятно для разнообразия пожить в безопасности среди друзей. — Он взял Джон-Тома под руку и, отведя его в сторонку, заставил пригнуться, чтобы зашептать прямо в ухо: — К примеру, здесь полно еды, босс. Мы ушли от броненосных, здесь хорошая компания, много смеха, песен и, кроме того, — он еще понизил голос, — и малышки: Куорли, Сплитч и Сэссвайз. Горячи, как озеро, в которое ты бросил Малмуна. Говорю тебе, приятель, нам нужно...

Джон-Том выпрямился, окинув выдра уничтожающим взглядом.

— Мне следовало бы догадаться, что все твои аргументы основаны на низших инстинктах, Мадж. Ты руководствуешься зовом гормонов, а не разумом.

— Ну и задница же ты, кореш, ежели хочешь утащить меня от целой кучи жаждущих красоток, чтоб отправиться в чужой город на переговоры с каким-то злым волшебником. Нет, ты точно тронутый.

— Может быть, они отправятся с нами — покажут дорогу?

Мадж яростно затряс головой.

— Не надейся. Это ж компания рыбаков, забыл? Они плава-

ют по озерам и заходят лишь в маленькие порты — поторговать. Им не нужны большие города вроде Квасеквы.

— Не нужны?

Джон-Том, повернувшись, направился к шумной толпе их веселых спасителей. Мадж плелся сзади, пытаясь поймать друга за рукав.

— Ну, парень, постой минутку. Что ты хочешь им сказать? Ежели они хорошо тебя приняли, это еще не означает, что одно неосторожное слово не может настроить их против нас. Послушай же меня, приятель!

Проигнорировав слова друга, Джон-Том подошел к Мемоу.

— Твое предложение мне очень понравилось, но мы в самом деле не можем остаться с вами. Понимаешь, нас послали по чрезвычайно важному делу, и оно близко к завершению.

Мадж закрыл лицо лапами и со стоном повалился на спину.

— Чтоб мне провалиться! Он хочет все рассказать, идиот чертов!

Чаропевец именно это и собирался сделать.

Аудитория слушала, затаив дыхание, пока он не кончил рассказ.

— Вот почему, — заключил Джон-Том, — боюсь, мы не сможем принять ваше предложение. Нам предстоит еще много работы, которую я с радостью променял бы на несколько месяцев охоты и рыбалки.

Выдры тотчас принялись обсуждать услышанное и спорить. Страстность этих дебатов слегка ошеломила Джон-Тома, но все дерганья за уши, укушенные носы и разнообразные проклятия в конечном счете привели к полному консенсусу.

Первой, поигрывая ожерельем, заговорила Дрорч. Ожерелье напоминало тяжелый серебристый шнур и сияло на солнце.

— Что вы сделаете вдвоем против правителей Квасеквы?

— Все, что сможем. Все, что должны. Может быть, там совсем неопасно и не будет никаких проблем, если мне удастся найти общий язык с этим Маркусом Неотвратимым. Если мы сможем достичь взаимопонимания, то потом будем рыбачить сколько душе угодно.

— Я бы на это не рассчитывал, — медленно сказал Фрэнджел. — Судя по тому, что я слышал об этом типе... Говорят, Маркус поднял налоги не только в городе, но и в окрестных землях.

— Значит, повысят налоги и на наш улов, — зло пробормотал Вапп.

— Ну, мы никогда не платили налогов Квасекве и не собираемся! — объявил Флатцэссэйрэнгелик.

— Точно... Да-а... Никогда! — Все подхватили этот протестующий выкрик.

Мемоу, подняв лапу, призвала к тишине.

— Где ты слышал об этом, Фрэнджел?

— В самой Квасекве, когда в последний раз заезжал туда за продуктами. Два типа зачитывали указ на углу улицы.

Джон-Том, поджав губы, уставился сверху вниз на Маджа.

— Значит, они никогда не бывают в больших городах, да?

Выдр в ответ вымученно улыбнулся, ища какую-нибудь большую нору, чтобы убраться с глаз долой.

— А что еще ты слышал? — выпытывала Мемоу у молодого выдра.

Фрэнджел облизнул губы.

— Слышал, что этот Маркус собирается требовать от всех присяги на верность. Не Квасекве, а лично ему.

— Это возмутительно... Не бывать этому... Пусть катится в Зеленые Всхолмья, если думает, что сможет навязать это всем!

Мемоу повернулась к Джон-Тому, и крики оборвались.

— Ты все еще не дал четкого ответа на вопрос Дрорч, человече. Если ты не найдешь общего языка — что бы это ни значило — с Маркусом Неотвратимым, как ты собираешься заставить его прекратить свою деятельность?

— Естественно, наши действия будут зависеть от его реакции. Если он станет упорствовать и откажется сотрудничать, что ж, у меня есть разрешение великого волшебника Клотагорба, моего наставника, поступать так, как я сочту нужным в интересах жителей Квасеквы. Как сообщил вам Мадж, я в некотором роде чаропевец. Это известно Броненосному народу, поэтому они так стремились захватить меня.

— Жуки начисто лишены элементарного вкуса, — проворчал Мадж.

Он стоял немного в стороне с угрюмым видом и отказывался принимать участие в разговоре.

— Предположим, что твоя волшебная сила действует. Ты всерьез считаешь, что сможешь превзойти этого мага? По слухам, он необычайно могуч. Он нанес поражение знаменитому Оплоду Хитроумному.

— Как я уже сказал, — ответил старой выдре Джон-Том с уверенностью, которой, однако, не испытывал, — мы сделаем все, что необходимо.

Он пробрался сквозь толпу выдр, чтобы подобрать свой рюкзак, забросил его за спину, проделал то же с дуарой и взял свой посох. Затем со значением глянул в сторону одинокой фигуры, стоящей отдельно от остальных.

— Мадж!

— Что?! — прорычал выдр не оборачиваясь.

— Нам пора.

Мадж грустно покачал головой.

— Вот, всегда так!

Испустив тяжкий вздох, он поплелся за Джон-Томом, который направился к берегу.

Сзади напряженно совещались рыболовы, сдвинув головы в круг, что со стороны походило на команду регбистов, сгрудившихся вокруг мяча.

Первым поднял голову Фрэнджел.

— Постой-ка, человече! Мы идем с вами.

Помедлив, Джон-Том повернулся.

— Это чертовски благородно с вашей стороны, и нам, безусловно, было бы веселее в компании, но это — не ваша драка, у вас нет тех обязательств, что у меня.

— Да ну тебя с твоими обязательствами! — заявила Куорли. — Мы не собираемся оставаться здесь и терпеть, чтобы нас душили налогами.

— Вот это правильно! — сказал Джон-Том. — Никакого налогообложения без представительства.

— И этого мы тоже не желаем! — зло бросила Сэссвайз.

Джон-Тому осталось только пожалеть о своей реплике. Куорли придвинулась к нему поближе.

— Во всяком случае, тебе не обойтись без нашей помощи, Джонни-Том.

— Это почему?

— Ведь у тебя больше нет лодки.

«Из-за всей этой кутерьмы я стал хуже соображать, — подумал он. — Такую важную деталь упустил из вида».

— Думаю, нам придется попросить у вас плот или что-то в этом роде. Броненосный народ уничтожил наш. Не могли бы вы нам одолжить один из ваших?

— Не будь дураком, — подмигнула она и присоединилась к суете своих товарищей.

Джон-Том остолбенело наблюдал, как выдры свернули лагерь, упаковали вещи и приготовились к отплытию. Все заняло около пяти минут. Во всяком случае, судно было всего одно: большая низкая лодка, стоявшая на якоре на другом конце острова. Снасти были аккуратно сложены под палубой. Джон-Том последовал за выдрами на борт, чувствуя, что уже устал. А ведь он ничего не делал, только наблюдал.

— Но почему, — спросил он Куорли, — почему вы рискуете собой, чтобы помочь нам?

— По ряду причин, — ответила она. — Основная — нам скучно. Даже ловля рыбы может надоесть, знаешь ли.

Джон-Том попытался принять серьезный вид.

— Это не игра. Если я не полажу с Маркусом, это может оказаться опасным для всех. — Он вспомнил, как описывал Пандро атаку безликих демонов, почти наверняка посланных магом. — Он способен применить силу против тех, кто, по его мнению, задумал что-то против него.

— Тю! — деликатная маленькая Сплитч сплюнула за борт. — Если он тебе чем-то досадит, мы быстро научим его, как надо

себя вести, не так ли? Немного опасности придаст пикантность визиту.

Джон-Том мог только восхищенно наблюдать, как дружно они отчалили от берега. В компании не чувствовалось никакого волнения. Напротив, все работали и возбужденно говорили, словно предчувствуя грядущую схватку.

— Не знаю, что и сказать.

— Побереги слова для Маркуса Неотвратимого, — предложил Кноркл, усаживаясь за весло. На коротких лапах вздулись мускулы.

— Судя по тому, что говорит Фрэнджел, они тебе еще пригодятся. Этот тип, волшебник, кажется, довольно несговорчив.

Команда встретила это заявление одобрительными возгласами.

Джон-Том осмотрел середину лодки. Там не было мачты, но она и не предполагалась — только два ряда весел. Он поискал незанятую скамейку.

— Какие проблемы, молодой человек? Вы что-то ищете? — Мемоу заняла место на корме у румпеля.

— Хочу немного размяться.

— Любезно с твоей стороны, но, боюсь, свободных мест нет. Каждый из нас знает, что делать. Так что устраивайся поудобнее и сиди, пока мы не доберемся до Квасеквы.

— Спасибо. Но мне это не нравится.

— А тебе это необязательно должно нравиться. — Она весело улыбнулась. — Ну, садись же, не путайся под ногами и веди себя прилично.

— Да, мэм, — послушался Джон-Том.

Все, кроме Сэссвайз, которая была впередсмотрящей, налегли на весла. Аккуратно развернувшись под руководством Мемоу, лодка начала двигаться на юг. Джон-Том сидел, ерзая, пока наконец, не выдержав, не зашептал кормчей на ухо:

— Я вовсе не хочу опрокинуть лодку, Мемоу, но я не могу сидеть просто так, когда все остальные работают. Я не так воспитан.

— Чепуха! Тебе в любом случае делать нечего. Здесь всего восемь весел.

Джон-Том задумался, потом радостно воскликнул:

— Знаю!

Он пристроил дуару так, чтобы на ней можно было играть.

— Я могу спеть несколько песен, которые помогут вам грести.

— Да-а-а!.. Здорово!.. Отличная мысль!.. Послушаем его пение!.. — с энтузиазмом подхватили гребцы.

— Нет, нет, нет! — рванулся Мадж, хватая Джон-Тома за пальцы. — Ты можешь своей магией забросить нас обратно к броненосным или что-нибудь того хуже.

— Успокойся, Мадж, я просто хочу сыграть. Без всякой магии.

— Слыхал я это раньше, слыхал! — Этот возглас был адресован собратьям Маджа. — Он, конечно же, чаропевец. Беда в том, что у него случаются побочные эффекты, которые...

Весело запев, Джон-Том заглушил предостережения выдра, сосредоточившись на дуаре и настроив ее на предельную громкость. Маджа нельзя было расслышать при таком звуке. В конце концов выдр сдался и отодвинулся от певца настолько далеко, насколько это было возможно без риска упасть за борт. Он сидел на корточках на носу лодки, его глаза нервно следили за музыкальным инструментом в ожидании грядущей катастрофы.

Джон-Том модифицировал традицию Дионы Ворвик и начал веселую ритмичную песенку с новым текстом: «Ты не знаешь ли пути на Квасекву?», затем перешел к «Вот когда я попаду в Кворумат». Поскольку лодка продолжала скользить по воде без всякого ущерба для себя, Мадж в конце концов позволил себе расслабиться. Куорли очень помогла ему в этом.

Строчки не рифмовались, но это не смущало Джон-Тома. Песни о путешествиях всегда приятно петь, а тем более песни про плавания. Время от времени вступали выдры, и их высокие фальцеты набрали силу, когда они запомнили слова припева. Не важно, что все пели вразнобой. Неустойчивый тенор Джон-Тома прекрасно вписывался в нестройный хор. Недостаток таланта они компенсировали избытком энтузиазма. Каким-то непостижимым образом лодка, несмотря на это, держалась курса.

К тому времени, как Джон-Том взял последние аккорды «Мы плыли по заливу Лунного Света» и начал «Греби, греби, греби, налегай на весла», Мадж готов был провести остаток пути привязанным к корме, опустив голову под воду.

— Лишь одно меня утешает во всем этом, приятель, — сказал он Джон-Тому в паузе между куплетами.

— Что именно?

— Нет такой жестокой пытки, такого ужаса, даже такой медленной казни, какую Маркус Неотвратимый может мне придумать и которую я не смог бы выдержать после этого.

— Почему, Мадж? — Джон-Том помедлил, прежде чем взять пару новых аккордов. — Можно подумать, что ты — музыконенавистник.

— Как же можно так подумать, кореш? Разве можно ненавидеть то, чего нет?

Куорли поменялась местами со Сплитч и обняла Маджа за шею.

— Ну, что ты, Маджи-Ваджи, не будь таким букой! — Она взлохматила своими усами усы Маджа, и это заставило его смягчиться.

— Так и быть, — согласился он. — На этой лодке есть кое-что музыкальное.

Щекочущие пальцы заставили Джон-Тома подпрыгнуть. По-

вернувшись, он увидел хихикающую Сэссвайз, налегавшую на весло.

— Куорли была права насчет тебя. Ты действительно симпатичный.

Джон-Том начал быстро сочинять следующую песню.

Глава 13

Проходили дни, и за плечами у них осталось уже немало миль. Ландшафт резко изменился. Огромные, заросшие лианами и мхом острова уступили место пальмам цвета ржавчины и кустам размером с хороший дом, усеянным цветами всех оттенков радуги. Вода за бортом была так чиста, что позволяла видеть на глубину пятидесяти футов. Изменилось даже небо — дымка и туман остались позади. Влажность снизилась до вполне приемлемого уровня, и полуденный свет стал не таким ярким.

Начали попадаться скопления рыбачьих лодок и поселения на сваях. Выдры приветственно махали жителям, и те отвечали им. Мрачная туча, нависшая над этим прекрасным краем, казалось, была чем-то нереальным. Повсюду, куда бы ни упал его взор, Джон-Том видел признаки изобилия и веселый работящий народ. Человеческих особей среди жителей было немного.

Постепенно малые острова сменились большими, а хижины из тростника и пальмовых стволов — прочными деревянными и каменными конструкциями. Из труб домов, разбросанных на крутых склонах, поднимался дым. На вершинах скал прилепились жилища пернатых.

Клотагорб оказался прав. Это была удивительная и процветающая земля. Джон-Том сказал об этом Маджу.

— Да, пожалуй, он не соврал, — с неохотой согласился выдр. — Но почему-то его волшебничество забыл предупредить нас о той слизи и грязи, сквозь которую нам пришлось продираться, чтобы попасть сюда. Такой пустяк упустил, а?

Джон-Том посмотрел исподлобья.

— Хотел бы я побольше знать об этом Маркусе.

— Ты все еще думаешь, что вы — земляки?

Выражение лица Джон-Тома говорило о том, что уверенности в этом у него нет.

— Я вообще не знаю, что думать, Мадж. Теперь я уверен менее чем когда-либо. Как бы хотелось мне услышать о нем что-нибудь приятное!

Он глубоко вздохнул.

— Но уже скоро мы все узнаем.

Выдры продолжали петь, затягивая одну за другой песни, которым он обучил их в последние дни, завывая так отчаянно, что

даже сам педагог был несколько утомлен исполнением. Пальцы не слушались его, и он с усилием аккомпанировал на дуаре, хотя большой необходимости в этом уже не было.

— Это когда-нибудь прекратится? Разве они не понимают, какое серьезное дело им предстоит?

— Они все понимают, кореш, и они ведут себя настолько серьезно, насколько могут. Знаешь, одна выдра еще в состоянии сохранить серьезность, но две уже не могут глядеть друг на друга без смеха. А собери вместе трех дольше чем на две минуты, и ты получишь настоящую гулянку. Шеф, не беспокойся за них. В битве это дьяволы.

— Легко могу в это поверить. Тебя в сражении я уже видел.

— Эти ребята точно такие же.

— Здорово иметь союзников. Естественно, они должны поутихнуть, когда мы доберемся до Квасеквы. Нам нельзя привлекать внимания, когда мы войдем в город.

— Можешь не рассчитывать на тишину и благопристойность с этим табором. И помни: ты сам подговорил их на это.

— Я их не подговаривал. — Джон-Том обнаружил, что оправдывается. — Они добровольно!

— Так просто тебе, кореш, от них теперь не отделаться, ты уж извини.

— Если они не станут вести себя тише, мы привлечем к себе всеобщее внимание. Я не хочу, чтобы этот Маркус знал о моем приближении, пока я не подготовлюсь к встрече с ним.

— О, я бы не суетился на этот счет, шеф. Как рассказывала мне моя малышка Куорли, Квасеква — громадный город, полный шума и гвалта, ежели там все, как прежде. Так что мы вполне впишемся.

— Тебя совершенно не заботит происходящее, а, Мадж? Особенно если неподалеку находится парочка девиц...

— Ну, за меня не тревожься. Это твое пуританское нутро не дает тебе наслаждаться вниманием окружающих. К тому же тебе не очень везло с твоей рыженькой...

— Нужно время, чтобы Талея приняла какое-то решение, — холодно ответил Джон-Том.

— Приятель, она — вольная птичка, так-то. Может, вернется, а может, и нет. Ты, возможно, кое-что смыслишь в чаропении, но о женщинах я знаю гораздо больше. Это — совершенно особые знания.

— Ты, во всяком случае, очень хорошо знаешь, как болтать. — Джон-Том на мгновение умолк. Взгляд его остановился на Мемоу, стоящей у руля. Ее лапы твердо держали штурвал, направляя корабль, а вся компания в сотый раз запевала «Поднимай якоря».

— С этой кодлой я не смог бы теперь расстаться, даже если бы очень захотел.

— Боюсь, что так, — согласился Мадж. — Опять могу повто-

рить тебе: за них не беспокойся. И не забывай: не так-то просто было выкрасть тебя у броненосных.

— Знаю, знаю. Было бы очень плохо, если бы кто-то пострадал из-за меня.

— Тут на корабле не лопухи-салаги собрались. Они знают, во что ввязываются, — мрачно сказал выдр.

Их прервал крик Сплитч с носа:

— Квасеква!

Джон-Том и Мадж бросились к ней.

Если Клотагорб недооценил все тяготы их путешествия, то он недооценил и всего великолепия их конечной цели. Прямо по курсу виднелись три из пяти островов, на которых был расположен город. По склонам центрального возвышения на каждом из них поднимались огромные дома, сложенные из белоснежного известняка, который добывают в каменоломнях. Легкий бриз овевал пальмы, и повсюду поблескивали крытые медью крыши.

Теперь путешественники попали в транспортный водоворот. Большинство лодок было меньше, чем у них, кроме нескольких парусников. Справа располагался остров Дрельфт, остров Софанца — по левому борту, а центральный, остров Кваси, где находился комплекс Кворумата, маячил прямо по носу лодки. Все три соединялись массивными каменными мостами, бесчисленные арки которых были достаточно высоки, чтобы суда беспрепятственно проходили под ними. Резные раковины и звериные фигуры украшали каждую арку.

На мостах толпился люд. Несмолкающий гул толпы разносился далеко над поверхностью воды. Разноголосая болтовня свидетельствовала о том, что жизнь кипела и торговля шла.

Квасеква совсем не показалась Джон-Тому городом, который может стать жертвой тирании деспота-чужеземца и покориться ему. До сих пор местные жители никогда не выступали против собственного правительства. Пока не выступали... Если удача и чаропевческие способности не покинут его, удивительная столица всегда будет такой же, как в это утро.

А цветы! Джон-Том никогда не видел столько цветов сразу. В воде плавали соцветия размером с ладонь, они были желтого и ярко-лилового цвета. Джон-Том поднял одно из них и глубоко вдохнул легкий аромат: чистейшая мята.

За бортом вздымались носы маленьких суденышек. Разнообразные животные торговали с них всякой всячиной: мелкими вещицами ручной работы, сушеной рыбой, свежими фруктами и овощами, напитками со льдом, разными эротическими штучками, припасами для кораблей. Мемоу твердо вела корабль мимо этого изобилия, несмотря на призывы плавучих торговцев.

Цветы росли на деревьях, свешивались со стен домов, украшали разделяющие улицы зеленые живые изгороди и даже под-

нимались прямо из озерной воды. Мимо скользили будто сделанные из резины подушки, похожие на водяные лилии, в центре которых топорщились соцветия из изумительных мелких голубых цветов размером не больше ногтя мизинца. Соцветия еще меньшего размера свисали с шелковистых шаров, плывущих в теплом воздухе. Когда бриз стихал, они садились на воду, чтобы со следующим порывом подняться вновь. Благодаря им небо казалось наполненным летающими рубинами.

Мемоу налегла на штурвал, и корабль медленно повернул влево, к окаймляющим Кваси низким причалам.

— Вон там гостиница, где мы часто останавливаемся, когда бываем здесь, — сказала она Джон-Тому. — Неплохое местечко. Есть где перекусить и отдохнуть, переваривая последние слухи и самые интересные сплетни.

— Все вроде как обычно, — заметил Джон-Том. — Люди выглядят довольными. Может быть, мы как-нибудь сговоримся с Маркусом.

— Иногда красивый мех скрывает гнилую плоть. Посмотрим. А неплохо бы в самом деле сейчас поваляться в настоящей постели...

Немного изменив курс, она махнула лапой в сторону двухэтажного каменного здания, стоявшего прямо впереди, у самой кромки воды.

— Парень, который держит это заведение, его зовут Чериал, в курсе всего, что здесь происходит. Он расскажет нам, что нас ждет: опасное приключение или наслаждение жизнью и отдых.

Когда они подплыли ближе, стало ясно, почему гостиница располагалась именно здесь. Из-за того что ее возвели прямо на озере, приют был равно доступен обитателям и воды и суши. Пришвартовав корабль к ближайшей свободной причальной тумбе, новые друзья Джон-Тома ввели юношу внутрь.

Единственный большой зал с низкими сводчатыми потолками служил столовой и был переполнен беседующими бобрами, нутриями, мускусными крысами и капибарами, не говоря уже о незнакомых выдрах. Вода свободно плескалась у отверстия, ведущего прямо в озеро, позволяя воспользоваться этим выходом какому-нибудь пресноводному созданию.

Снаружи раздался удар грома. Им посчастливилось прибыть прямо перед началом тропической грозы. Со своего места Джон-Том видел тяжелые капли, возмутившие гладь озерных вод. Хорошо все-таки, что им удалось оказаться под крышей в этот час. Внутри было уютно и сухо.

Мемоу покинула друзей и через несколько минут вернулась в сопровождении хозяина. Джон-Том приветствовал его сидя, так как выложенный плиткой цвета морской волны потолок был слишком низок.

На Чериале, рослом коала, поверх пиджака и непременных

коротких штанишек был надет фартук, а на лбу — ярко-голубая повязка. Плюхнувшись в свободное кресло, хозяин устало вздохнул и поздоровался с гостями.

Джон-Том потягивал сладкий сидр, терпеливо ожидая, пока Чериал обменивался любезностями со всеми выдрами.

Пол в заведении был весь в сквозных отверстиях, и влажность в комнате напоминала о прибрежном расположении гостиницы. Однако на стенах не было и следа плесени. Похоже, зал каждую ночь тщательно выскребали. Несмотря на это, Джон-Тома не покидало ощущение, что он находится в огромном аквариуме.

— Ну, как улов, Мемоу?

Она пожала плечами и опустила сигарету с дурманом, которой перед этим попыхивала.

Джон-Том тоже хотел сделать затяжку этого зелья, но поборол искушение. Сегодня ему нужна ясная голова, а полсигареты привели бы его в горизонтальное положение.

— Неплохо. У нас было несколько интересных отклонений от маршрута, и вот мы вернулись даже раньше, чем предполагали. Повстречали этого парнишку и его приятеля и помогли им выбраться из одной передряги. Это Джон-Том...

— Привет! — Он протянул руку и был удивлен крепким рукопожатием коала.

— Его друг Мадж тоже где-то здесь. А, не важно. — Она наклонилась над столом. — Существенно то, на что мы наткнулись в том месте, где в Озеро впадает Рунипай: там настоящая колония броненосных, живущих в воде.

— Броненосный народ? — Глаза Чериала округлились. — Потрясающе! Как ужа-асно, вот это новость!

— Да уж, новость хоть куда! — согласился Фрэнджел.

— Дальше некуда, — продолжал Чериал. — С этим надо что-то делать. Броненосным штучкам нельзя позволить вторгаться в на-аши воды. Снарядить экспедицию и вытравить их всех оттуда к чертовой матери!

— Без паники, дружище. — Мемоу сложила серебристые лапки. — Колония не так велика, и мы заставили их задуматься над тем, что некоторое время им лучше не высовываться.

Из угла, где сидели остальные выдры, раздались возгласы одобрения. Только Мадж не принимал участия в общем разговоре, так как был слишком занят свежесваренной рыбкой.

— Значит, ты вернулась ко мне раньше, чем рассчитывала. Что же я могу сделать для тебя, моя прекра-асная леди?

— Ах ты, старый льстец, Чериал... — улыбнулась с противоположного конца стола Мемоу.

Дождь припустил сильнее. Джон-Том слышал, как капли барабанили по крыше. Тепло, исходящее от мохнатых тел, и стойкий мускусный запах действовали на него усыпляюще. Было бы так

приятно оказаться сейчас в теплой постели и проспать дня два. К сожалению, пока это нереально.

— Нас интересует новый советник Кворума. Кто он, каковы его планы, чем он занимается? — спросил Джон-Том.

— Та-ак, тебе нужна информация о Маркусе Неотвратимом, да? — Благожелательное настроение Чериала мигом улетучилась. — Мне есть что рассказать о нем, и все — очень неприятное. Никто не обратил особого внимания на то, что он сместил Оплода. Главный советник занят в основном Кворумом. О-очень немногое из того, что он делает, доходит до нас, простых граждан. Правда, поползли всякие слухи, но пока дело не коснется их самих, все игнорируют то, что происходит в правительстве.

Чериал понизил голос и огляделся, прежде чем продолжить:

— Говорят, у этого Маркуса теперь целая сеть своих собственных шпионов. В Квасекве — соглядатаи, представляете? — Он покачал головой, силясь поверить в то, что сам только что произнес. — В последнее время появились подтверждения этому. Сначала никто не верил. Мы еще не до конца все поняли, поэтому Квасеква выглядит как обычно.

— Не верил чему? — еле слышно спросила Сэссвайз.

— Тому, что делает новый маг. Он распустил Кворум, сказал, что «временно», пока не изберут следующий. Сейчас в Квасекве он все вершит сам.

Чей-то голос перебил его:

— Так я и знал!

Все повернулись в ту сторону.

— Что знал, Мадж? — спросил Джон-Том.

— Что нужно было оставаться дома.

— Тише. — Джон-Том нервно оглянулся на зал, но никто из прочих постояльцев, кажется, не заинтересовался беседой, которая велась в дальнем углу комнаты. Разумеется, хороший шпион и не должен был обнаружить свое любопытство.

— Мы еще не знаем, кто в чем замешан и кто чем занимается, — осторожно сказал Чериал. — Ходят слухи, что тех членов Кворума, которые не поддержали его, Маркус заточил в темницу в подвалах Кворумата. Поскольку никто не видит ни его, ни членов Кворума, то это нельзя проверить, а те, кто ходит туда-сюда, как Киндор и Вазвек, ничего не говорят.

— Когда это случилось?

— Всего несколько дней назад. — Чериал потер свой плоский черный нос и чихнул. — Никто на самом деле не знает всего. Спрашиваешь — тебе отвеча-ают, что члены Кворума вовлечены в длительные и сло-ожные дискуссии о будущем города. Правда, то же самое мо-ожно услышать, когда они устраивают какую-нибудь вечеринку, чтобы погулять как следует.

— То есть ваше правительство либо свергнуто, либо абсолютно нетрезво, — заключил Джон-Том.

Чериал кивнул.

— Что же до серьезности всего происходящего, мы опасаемся, что Маркус установит свою власть в Кворуме с помощью тех, кто поддержит его, и ста-анет несокрушимым.

Он взглянул на Джон-Тома.

— Ты так интересу-уешься нашими делами, хоть и нездешний, парень. Почему?

— Вы, наверно, слышали, что Маркус — из какого-то другого мира?

Чериал кивнул.

— Я думаю, что, если бы мы встретились, я смог бы навести тут кое-какой порядок.

Коала посмотрел на Мемоу.

— Это правда? Он пришелец?

— Кто же станет такое выдумывать?

— Может, волшебник? — предположил Чериал.

— Именно потому, что я — пришелец, я и хочу поговорить с Маркусом, — сказал Джон-Том.

Чья-то лапа опустилась ему на плечо.

— Ну вот что, приятель, — пробурчал Мадж, — ежели этот малый сумел свергнуть законное правительство, то, мне сдается, он вовсе не тот, кто будет рад отправить тебя домой.

— Допускаю, что все это звучит не слишком обнадеживающе, но ведь мы знаем слишком мало, чтобы делать выводы. И не узнаем больше, пока не встретимся с Маркусом. Я уже говорил, может быть, он творит все это, чтобы защитить себя. Ведь он оказался в незнакомой обстановке и тревожится за свою безопасность.

— Значит, он защищает себя, подмяв всех остальных? — гневно пробормотал Чериал. — Из этого ничего не выйдет. С ним нельзя увидеться. Он никого не принимает. Многие искали встречи с ним, но никому это не удалось, а те, кто слишком упорствовал, исчезли.

— Есть какой-нибудь секретарь, который назначает встречи в Кворуме, или кто-нибудь в этом роде?

— В Кво-оруме есть. У Маркуса нет. Его видят только члены Кворума. А секретарь Кворума скажет тебе, что это невозмо-ожно.

— Понятно. — Джон-Том погрузился в раздумья. — Придется нам самим назначить встречу. Где он живет?

— По слухам, его апартаменты — в комплексе Кворумата.

Джон-Том придвинулся к коала близко, как только мог.

— Вы случайно не знаете, нет ли там входа, который не очень охраняется?

Мадж громко хмыкнул.

— Черт меня дери, кажется, ты начал наконец видеть вещи такими, как они есть, а не такими, как тебе хотелось бы?

— Я всегда был прагматиком, Мадж, — сухо заметил Джон-Том.

— Ах, вот как это теперь называется! А я-то думал, этот способ именуется: «Ломай дверь и входи».

— Мы не будем ничего ломать, — резко возразил Джон-Том.

— Там есть несколько входов для прислуги, — сказал Черил, — но они все охраняются.

— Кто несет караул?

— Всегда по-разному.

Тут, улыбнувшись Джон-Тому, впервые заговорила Куорли:

— Не беспокойся об охране. Предоставь это Сэссвайз, Сплитч и мне.

— Не знаю, — неуверенно откликнулся молодой человек, но она перебила его:

— Мы знаем, как надо поступать.

Со стороны ближайшего стола донеслось хихиканье.

— Я бы не стал просить вас, Куорли, если бы это не было так важно. Право, я не хочу, чтобы этим занимались...

Перед ним снова возник Мадж.

— Заткнись, — зашипел он, — или ты оскорбишь леди. Они просто хотят немного пошалить и чертовски хорошо представляют, что нужно делать. Может, даже недурно развлекутся.

— Мы любим так проводить время, — поддакнула с соседнего столика Сэссвайс.

Джон-Том в очередной раз был поражен повадками выдр. Он засмущался...

— Это может оказаться очень опасным.

— По-моему, ты это уже говорил. — Куорли распалилась еще больше. — Поэтому мы и находимся здесь.

— Верно, дорогуша. — Мемоу посмотрела на Джон-Тома. — Мы поможем тебе проникнуть в Кворумат и встретиться с Маркусом Непостижимым.

— Неотвратимым, — поправил ее Джон-Том. — Но почему?

— Кажется, мы объясняли. Нам плевать на политику нового мага, но мы готовы пресечь любые посягательства на нашу свободу. Не бывать этому!

— Ни за что! — рыкнул Кноркл.

— Еще бы, — согласился Норджил.

— Заметано, — заключила Мемоу, нежно улыбнувшись Джон-Тому.

— Примите огромную благодарность из самой глубины наших сердец. Ты согласен, Мадж? Мадж?!

С другого конца комнаты донеслось хихиканье, свидетельствующее, что в данный момент Маджу показалось более важным добраться до сокровенных глубин еще чьего-то сердца.

Глава 14

Молодой месяц и темнота способствовали тому, что они незамеченными подобрались к Кворумату.

Комплекс возвышался на узком скалистом полуострове, который, как кривой палец, выступал мысом далеко в озеро. Благодаря этому почти невозможно было незаметно подойти к нему по суше, и они решили подкрасться с воды.

Сооружение оказалось гораздо более внушительным, чем представлял себе Джон-Том: над озером поднимались шесть этажей. Многочисленные стены и башни год от года множились, пока не поглотили самые первые строения внутри разросшегося на землях Кворумата ансамбля. Снаружи башни окружали контрфорсы, а их крыши увенчивали флагштоки, на которых развевались знамена каждого из составляющих город островов.

Наконец лодка, которую они одолжили у Чериала, причалила к одинокому молу. Там уже стояли на якоре несколько суденышек, покачиваясь на легкой зыби, как маятники метронома.

Выскользнув из лодки, Куорли, Сэссвайс и Сплитч водрузили себе на головы по шляпке с перышком. Все три были одеты, как говорится, убийственно. Даже не пытаясь скрыть своего присутствия, они прямиком направились к караульному посту, блестяще имитируя подвыпивших дам, которые после попойки решили слегка развеяться.

Тем временем Джон-Том и компания залегли в лодке в ожидании. Дело шло к полуночи. Джон-Том засмотрелся на луну, которая была точно такой же, как та, что он не раз видел дома, над Тихим океаном. И горы, и лагуны были такими же, как там. Каким образом все это могло существовать в другом мире, так сильно отличающемся от его собственного? Здесь было столько всего, пока недоступного его пониманию!

Звуки приближающихся шажков заставили юношу очнуться от грез. Как и все в лодке, он встрепенулся и схватился за посох. Однако перед ними появилась знакомая мордочка. Один глаз озорно выглядывал из-под сдвинутой набекрень шляпки.

— Ну, давайте, — быстро прошептала Куорли.

Они выскочили из лодки и помчались вдоль мола. Джон-Том был неплохим бегуном, но он сразу почувствовал, что с его бандурой на спине это не так-то легко.

По каменным ступенькам Куорли провела их к круглому дворику, откуда просматривался пирс. На земле бок о бок лежали без сознания волк и ласка. У них предусмотрительно отобрали оружие — оно валялось поодаль. Над стражами, кокетливо поправляя свои наряды, стояли Сэссвайс и Сплитч. Сэссвайс вертела каким-то предметом, похожим на стальные нунчаки. Свободной лапой она показала на ласку.

— Эта штучка — его. Когда мы познакомились, я попросила разрешения взглянуть на них поближе. Он забеспокоился, как бы я себя, такую хрупкую, ненароком не повредила. Но я пообещала быть осторожной. — Она поднесла пальчик к губам и сделала невинные глазки. — Боюсь, я все-таки была не очень осторожна. Мне ужасно стыдно.

— Ладно, надо убрать все это.

Мемоу велела Дрорч, Ваппу и Кнорклу связать охранников, которые мирно посапывали. Должно быть, им снилось нечто более приятное, нежели то, что с ними приключилось. Когда они придут в себя и поймут, что случилось, то будут страшно раздосадованы.

— Но мы же не можем так их оставить. — Джон-Том пристально посмотрел на проем, ведущий в здание. — Сюда явится другой патруль и обнаружит их.

— Верно, — пропищала младенческим голосом крошка Сплитч. — Давайте кинем их в озеро.

— Нет, что ты! Я очень хочу, чтобы мы обошлись без лишних жертв.

— Я же говорил тебе, что он со странностями, — прошептал Мадж на ухо Куорли.

— А можно положить их в лодку, — предложила Мемоу.

Пока выдры перетаскивали часовых, Джон-Том нетерпеливо топтался на месте.

Коридор, который так и манил внутрь здания, пока пустовал. Прошло несколько томительных минут. Юноша с удивлением заметил, как лодка медленно отходит от мола, и на ней поднимаются паруса. Сэссвайс объяснила:

— Мы пришли к компромиссу. Теперь-то их никто не найдет. Ветер понесет их прямехонько по озеру.

— А вдруг они столкнутся с другой лодкой? Например, с рыбаками?

— Тогда будет уже все равно, — заверила его Сплитч. — Представляешь, тебе приказали охранять важный объект, и тут кто-то находит тебя плывущим в лодке, связанным, да еще и без штанов. Ты что, побежишь докладывать командиру?

— Пожалуй, нет. — Джон-Том снова переключил свое внимание на коридор. — Необходимо найти Маркуса.

Он окликнул Мемоу, застывшую возле стола.

— Все спокойно?

Она кивнула и махнула лапой. Собравшись, все начали обсуждать изящную мебель и мраморный пол. Потолок здесь был достаточно высок, что позволяло Джон-Тому идти не горбясь. В отсутствие препятствий его постоянно набивавшей шишки голове было очень привольно.

Все прошествовали через длинный холл и свернули налево. От Чериала они узнали, как устроен нижний этаж Кворумата, но

это не было тайной. Зато никто не знал, где находится резиденция Маркуса. Ее еще нужно было найти.

Все шло нормально, пока Сэссвайс не подпрыгнула оттого, что ее чем-то зацепило сзади. Приземлившись, она пустилась распекать ни в чем не повинного Норджила:

— Будешь ты следить за собой или нет? Что ты делаешь с этим дурацким мечом?

— Э-э, миледи, послушайте, я всего лишь держу его наготове на случай, если на нас нападут... Если вы не против. — Он помахал обломанным, но по-прежнему острым источником конфликта. — А вам, наверное, следовало бы чехольчик такой маленький на себя надевать, когда вы выходите, а, мэм?

— Что?! Я тебе дам, чехольчик... Идиот!

— Вы, двое, тихо! — резко оборвала их Мемоу.

Но Джон-Тому стало ясно, что уже поздно.

Впереди на значительном расстоянии коридор пересекали лисы с алебардами, и шум заставил их вернуться и проверить, в чем дело. Они молча уставились на сбившихся в плотную кучку незваных гостей.

— Эй, вы кто такие? — требовательно спросил один из них.

— Дворняжье отродье, — проворчала Мемоу. Оглянувшись, она скрылась в боковом коридоре.

Не зная, что предпринять, Джон-Том последовал за ней. Сзади раздались вопли и крики.

— Ничего себе сюрпризик, — буркнул Мадж.

— Все будет нормально, — уверила его Куорли, — вот увидишь. Мы скоро оторвемся от этих болванов.

Мадж резко затормозил.

— Да уж, а как насчет еще и этих болванов...

Путь им преградил целый взвод солдат, который немедленно напал на них. Отряд представлял собой забавную смесь животных всех мастей. Размеры солдат варьировались от закованных в броню крыс и мышей до кошек и обезьян.

Джон-Том невинно начал:

— Извините, можно у вас спросить...

Но тут макак замахнулся на него ножом, и Джон-Том отпрыгнул, уронив снаряжение на чужие копья. Вместо того чтобы выслушивать объяснения, макак развернул ружье и попытался врезать Джон-Тому по зубам прикладом.

Тот поспешно пригнулся, и приклад проскочил мимо. Сильный удар посохом снизу сбил обезьяну с ног. Узкий глухой коридор поглощал звуки борьбы. Выдры явно проигрывали в этих условиях, потому что не могли использовать свой главный козырь — прыткость. Однако подоспевшее подкрепление не помогло охране добраться до противников, и обе группировки остались друг против друга в разных концах коридора. Превосходящие силы

охранников не могли быть вовлечены в бой с незваными гостями, но и для последних путь к отступлению был отрезан.

Джон-Том увидел, как Мадж рассек сухожилие вискаче. Из раны хлынула кровь, и онемевший от ужаса полосатый солдат упал.

Вдруг что-то ударило молодого человека по затылку, и он, потеряв равновесие, стал озираться вокруг в поисках напавшего, но ничего не увидел, потому что перед глазами у него пошли круги. Круги вспыхнули с новой силой: его опять ударили. Джон-Том встряхнул головой и зажмурился, после чего медленно обернулся и наконец увидел нападавшего. За стропила зацепился хвостом опоссум, к поясу которого были привязаны железные гири. Он высматривал себе новую мишень среди выдр, которые были для него слишком низкорослы. До опоссума же добраться никто не мог. Мадж сражался мечом и не мог снять его из лука.

Но опоссуму явно не приходилось раньше бороться с такими великанами, как Джон-Том. Юноша попытался зацепить висящего противника своим посохом, но сделать это незаметно ему не удавалось. Опоссум, в свою очередь, решил, что пришла пора решительных действий. На этот раз он выбрал железный шар, покрытый короткими шипами, и прицелился им в Джон-Тома. Юноша, подпрыгнув, попытался увернуться. Неожиданно Джон-Том нажал на посохе рычажок, и показалось шестидюймовое лезвие, которое пронзило горло опоссуму. Тот вознесся на какой-то момент к потолку и, прежде чем рухнуть тюфяком на пол, выглядел весьма удивленным.

Выдры сражались стойко, но, сколько бы неприятелей они ни положили, на место поверженных становились все новые и новые. Теперь весь Кворумат должен быть на ногах, мрачно думал Джон-Том.

Наконец Мемоу приказала остановить сражение, заметив скрюченную фигурку бедняги Норджила, приникшую к мраморному полу. Он получил с полдюжины ран от мечей и медленно расставался с жизнью. Из-за льющейся рекой крови пол стал скользким. Выдры окончательно лишились своего единственного преимущества — скорости. И тут Мемоу подняла свой меч и сказала:

— Довольно, мы сдаемся.

— Сдаемся? Как так сдаемся? — спросила, тяжело дыша, Куорли. Ее чудесный наряд изорвался в драке, но, что касалось остального, она была невредима.

— Да, Мемоу права. — Кнорки отбросил свой меч. — Лучше уж собраться с силами и мыслями в плену, чем погибнуть здесь.

К ним подступила стража, собирая мечи и ножи и проворно обыскивая всех в поисках спрятанного оружия. Джон-Том просил оставить ему дуару, но ее конфисковали вместе с рюкзаком.

Когда все завершилось, перед ними появился мускулистый ягуар. Его кожаные доспехи были изрядно изрезаны.

— Объясните свое возмутительное вторжение, — прорычал он.

Джон-Том шагнул вперед и прорычал в ответ:

— Да, это именно возмутительно. Мы прибыли к назначенному часу на встречу, но вместо вежливого приема на нас вероломно напали. Что тут за солдаты, в самом деле? Головорезы и убийцы?

Ягуар сощурился и обхватил лапой подбородок.

— Встреча? С кем же?

— С Маркусом Неотвратимым, — нагло заявил Джон-Том. — Его понос прошибет, если он узнает, что мы пострадали.

— Ты говоришь, с Маркусом? — Офицер сдернул с головы шлем. Вид у него был очень усталый. — Может, ты еще скажешь, что все это — недоразумение, которое будет моментально улажено, как только я провожу вас к нему?

— Естественно, — не моргнув глазом, ответил молодой человек.

Ягуар, похоже, задумался.

— Хозяин сейчас спит, он не хотел, чтобы его беспокоили. Это обстоятельство бросает тень сомнения на твой рассказ, человече. Может случиться так, что встреча, которую ты ждешь, состоится в Официальной Мученической Камере. Но решения принимаю не я. Этим займется Маркус Великий.

— Нас это устраивает. Вы бы только провели нас к нему. Я думаю, он забыл о нашем визите, назначенном на сегодняшний вечер. Он все уладит и наведет порядок. — Джон-Том свирепо глянул на столпившихся позади офицера солдат. — Когда Маркус узнает, что произошло, плакали ваши головы.

— Лично я предпочитаю сам их рубить, — бесстрастно ответил ягуар. — Кстати говоря, некоторые из них при этом славно подпрыгивают, а иные разбиваются вдребезги. Интересно, что будет с твоей.

Джон-Том почувствовал слабость в коленях, но не подал виду.

— Так почему бы нам не обратиться к Маркусу?

— В самом деле, почему? — неожиданно переспросил офицер. — Я уже говорил, что только он способен уличить или оправдать тебя. Не последовать ли тебе за мной?

Он сделал приглашающий жест лапой.

— Это другое дело.

Джон-Том уверенно подошел к ягуару, продолжая посматривать на охранников.

Они спустились на несколько этажей вниз. Атмосфера стала плотной и влажной. Они оказались ниже уровня озера; вода здесь неумолимо проникала сквозь древнюю каменную кладку.

— Неужели Маркус Неотвратимый живет здесь? — спросил Джон-Том у провожатого.

— Нет, — промолвил ягуар. — Я же сказал, он спит. Я уведомлю его о твоем прибытии. Если Маркус ждет вас, уверен, он тут же выйдет. А пока, мне кажется, тебе будет небезынтересно побеседовать с членами нашего правительства. Они как раз ожидают тебя в новом зале заседаний.

— Мы слыхали, что некоторые члены Кворума не вполне согласны с политикой нового советника.

— В самом деле? Это злостные сплетни, лишенные всякого основания. Сейчас торговые ряды в городе, куда стекается весь народ, переполнены сплетнями. Тебе не следовало бы обращать внимания на пустую болтовню. А вот и привратник Кворумата.

— Эй! — гаркнул ягуар на дремлющего пекари. — Визитеры в Кворум!

Посверкивая в слабом свете клыками, стражник пробудился и пропустил их.

Увидев железные решетки, Джон-Том опешил, но было уже поздно. Они оказались в маленькой железной клетке.

— Мы пришли. Желаю приятно провести время на совещании, — вкрадчиво сказал офицер.

Когда туда же втолкнули негодующих и изрыгающих проклятия выдр, дверь захлопнулась.

Джон-Том с ненавистью посмотрел сквозь прутья.

— Ты — подлец, задница, сволочь!

— Ого, каков лексикон у друзей Великого Маркуса, — насмешливо бросил ягуар. — Я извещу его о вашем приходе. А вы пока располагайтесь. Я должен отдать распоряжения о вашей вечерней трапезе. Помои подадут часика через два.

Он повернулся и зашагал по лестнице. Его смех становился все громче и громче. Ягуар просто упивался своей остротой.

В камере выдры оказались в обществе членов Кворума, которые отказались поддержать Маркуса. Там же находилась и еще одна интересная персона. Вперед вышел облаченный в мантию саламандр и представился:

— Приветствую вас, юные узники. Я — Оплод Хитроумный, бывший советник по делам магии и волшебства Кворума Квасеквы. Ныне — советник тех же искусств, но в свергнутом Кворуме.

Джон-Том не был готов к встрече с Оплодом, да и с другими узниками тоже. Не найдя свободного угла, чтобы приткнуться, он опустился на пол в центре клетки.

— Я виноват, что втянул вас всех в эту историю. Нужно было идти одному.

— Не бери в голову, Джонни-Том, — сказала Куорли.

— Ага. — Дротч сочувственно положила лапу ему на плечо. — У тебя не было выбора. Ты бы не смог уговорить нас остаться, даже если бы захотел.

— Точно... Правда... Конечно... — раздался согласный хор выдриных голосов.

— А почему меня никто не спрашивает, чего я хотел? — Мадж нашел себе местечко на полу, чтобы плюхнуться. Мемоу по-матерински погладила Джон-Тома по голове.

— Вот что, дружок, для Норджила пришел его час. Может, и для нас всех тоже. Мы не жалеем об этом.

— Но я жалею, черт побери! Вас здесь быть не должно!

— Золотые слова! — огрызнулся Мадж.

— Вот что, Мадж...

— Мадж, Мадж, — снова огрызнулся выдр. — Ты что, всехняя мамочка? Имею я право сказать? Имею! Вы-то всего несколько дней возитесь с этим певцом дерьмовым, а я месяцами должен терпеть его со всякими его волшебными штучками. Я всего-навсего хочу нормальной жизни. Заметьте, обычной жизни! А он меня выдергивает все время, чтоб я составлял ему компанию в идиотских, распроклятых, тупых поисках неизвестно чего и черт знает в чем еще. В общем, надоел он мне. — Он обратился к Джон-Тому: — Слыхал, кореш? С меня хватит!

Куорли посмотрела на него, не веря своим ушам.

— Мадж, ты меня удивляешь.

— Черт возьми, детка, я и сам себе удивляюсь, почему я здесь. Но то, что все обернулось именно таким образом, меня нисколечко не удивляет. Этот трухлявый дряхлый Клотагорб заварил кашу, а теперь мы все ее расхлебываем. Единственное, что меня действительно удивляет, так это то, что я до сих пор жив в вашей компашке.

И он повернулся ко всем задом.

— Клотагорб? — Старый саламандр утер лицо. — Так это вы — та помощь, которую послал нам великий Клотагорб?

— Не мы, — поправила его Мемоу. — Мы приплыли сюда вместе с ними. Вам следует говорить с этим юным джентльменом. — Она указала на Джон-Тома.

Оплод обратил взор на неловкого Джон-Тома, и тут один из членов свергнутого Кворума высказал то, что вертелось у всех на языке:

— Его, и только? Его и этого вздорного выдра? Это и есть наше спасение? Это — помощь, которую Клотагорб нам послал?

— Боюсь, что так. — Оплод, колеблясь, посмотрел на Джон-Тома. — Но, может быть, вы — разведчики? Да? А Клотагорб со своей волшебной армией разбил лагерь где-то неподалеку, ожидая от вас сведений?

Посмотрев советнику в глаза, Джон-Том вздохнул.

— К сожалению, боюсь, что мы и есть ваше спасение. Я и Мадж. И наши новые друзья. Не слишком эффективная вышла помощь. У меня был план незаметно проскользнуть сюда, чтобы встретиться и поговорить с глазу на глаз с Маркусом прежде, чем кто-то перехватит нас. Но это сорвалось.

— В эфире — последние известия, — съехидничал Мадж из своего угла.

— Интересная стратегия, — пробормотал Оплод. — Но чего бы вы добились, если бы не провал? Ваши переговоры точно так же закончились бы здесь, где находятся все, кто не поддерживает его единоличную власть.

Джон-Том попытался взять себя в руки.

— Необязательно. Если бы он отказался нас выслушать, я готов был вступить в сражение с ним. Я занимаюсь чаропением и весьма преуспел в этом.

Оплод тяжело опустился на пол.

— Чаропевец? И все?

— Подождите! В самом деле, я достиг неплохих результатов в этой области.

— Ты меня не понимаешь. Я вовсе не хочу принижать твоих достоинств, твоего таланта, но ты должен иметь в виду, что и я — не последний волшебник здесь — оказался бессилен перед колдовством Маркуса. Оно столь же непредсказуемо и своеобразно, сколь действенно. Обычный чаропевец, пусть и очень речистый, не может рассчитывать на победу. — Саламандр выпрямился, чтобы рассмотреть, что у Джон-Тома за спиной. — К тому же у тебя с собой нет инструмента, чтобы аккомпанировать заклинаниям.

— Его конфисковали вместе с оружием и вещами.

— Это не имеет значения, — грустно сказала Ньюмадин. — Очевидно одно: этому юноше не выстоять против Маркуса.

— Я вообще-то рассчитывал найти здесь большее понимание, — заметил Джон-Том. Критика начала его раздражать. — Вы же понятия не имеете о моих возможностях. Вы не знаете, что я умею.

— Может быть, — сказала старая белка-летяга, одетая в лохмотья. Повязка на лбу свидетельствовала о том, что она не смирилась со своей отставкой и последующим заключением. Хвост ее тоже был сильно потрепан. — Но мы отлично знаем, чего ты сделать не в состоянии: выйти отсюда, чтобы встретиться с Маркусом. Никто его не видит, кроме ближайших помощников — Киндора, Асмуэля и разных им подобных предателей. И еще этого низколобого громилы Пругга.

— Я должен с ним увидеться. Нам необходимо встретиться. Это единственный путь решить многие проблемы.

— Все окончится довольно скоро, как только он сосредоточит в своих руках всю власть, — сказала белка по имени Силринди. — Маркус будет избавляться от неугодных, сажая их на кол, привязывая что-нибудь тяжеленькое и кидая в озеро, где поглубже. Мы сами виноваты. Не следовало допускать его к конкурсу на звание советника.

— Таков закон, — произнес Оплод.

— Да, но ты предупреждал нас, а мы не послушали.

— Сейчас не время для раскаяний и упреков. Нам нужно попытаться обратиться к народу. Наша последняя надежда — всеобщее восстание. Еще можно попробовать подкупить его приближенных и убить Маркуса.

— Это будет непросто и может ускорить расправу над нами, — вступил старый Трендави. — Учитывая, как тщательно его охраняют.

— Надо попробовать. И в магическом, и в политическом плане он становится сильнее день ото дня. Мы рискуем упустить момент, когда можно его скинуть. Я вовсе не хочу, чтоб меня нанизали в конце концов на вертел, как окуня. Если только Клотагорб не одумается и не пришлет нам настоящую помощь.

— Ну, вот что, други. — Маджж вскочил и пробежался по камере. — Хватит! Я допускаю, что мы не произведем никакого впечатления ни на Маркуса, ни на кого-либо еще, но, пардон, какого черта валить на нас все ваши промахи? У нас все было схвачено, пока кто-то не двинул мечом не в то место, а еще кто-то не вспылил больше, чем надо. Джон-Том делал для вас все что мог. Мы ж не виноваты, что у вас здесь такой бардак! И вот мы по доброте душевной явились сюда. — Джон-Том с изумлением слушал горячую речь Маджа. — Хотели помочь вам и вашим обывателям, а то все, что вы можете, это стенать и жаловаться на жизнь. Так этого мало! Может, мы и сглупили, но я вижу, что от нашей возни хуже вам не стало. Давайте же прекратим поносить друг друга, и попробуем объединить наши усилия, и придумаем, как сохранить в целости наши головы и загривки, а?

В камере царила тишина, пока Джон-Том не произнес нежно:

— Спасибо, Маджж.

Выдр тут же развернулся к нему.

— Заткни лучше свой фонтан и поскрипи мозгами. Вечно лезешь куда не надо! — Он раздраженно прислонился к решетке.

— Очаровательного дружка ты нашел себе, — усмехнулась Куорли.

— Уникальный экземпляр, правда? — Настроение у Джон-Тома улучшилось, он снова обратился к Кворуму. — Ну вот. Пока мы живы и можем соображать. Оплод, если вы такой великий волшебник, как же случилось, что вы, с вашими способностями, до сих пор не на свободе?

— Мальчик, думаешь, я не пробовал? Первое, о чем позаботился Маркус, после того как поместил нас в камеру, — это какое-то сдерживающее заклятие. Я здесь бессилен. Не думаю, что он опасается моих заклинаний, поскольку уже доказал свое превосходство. Просто он очень осторожен и не оставляет никаких шансов своим противникам.

Оглядев каменные стены, окружавшие их с трех сторон, Джон-Том кивнул:

— А как насчет подкопа?

— Вот этим? — Каскоум поднял ложку и затупленный нож. — Даже если нам удалось бы врезаться в эту древнюю стену при помощи столовых приборов, у нас слишком мало времени.

Джон-Том хотел предложить еще кое-что, но тут снаружи, на лестнице, раздались шаги.

Посадивший их в тюрьму ягуар спускался по ступеням, а за ним громыхали тяжеловооруженные стражники. Офицер подошел к решетке и заглянул внутрь. Заключенные посмотрели на него. Их лица выражали целую гамму чувств — от неприкрытой дерзости до полного презрения. Ягуар этого как будто не видел.

— Кто у вас главный? — Он гнусно ухмыльнулся. — Я не имею в виду тебя, Трендави. Пожалуй, ты теперь способен возглавить только поход к писсуару.

Свергнутый премьер молчал, пытаясь сохранить если не положение, то достоинство.

— Давайте, я жду.

— Вот он, — вдруг произнес Мадж, указывая на Джон-Тома.

— Спасибо, — процедил юноша.

Мадж пожал плечами.

— Ты всегда говорил, что хочешь быть первым, приятель. Зачем же теперь пасовать?

— Эй, юный хулиган, не забывай, главная здесь — я. Я иду с тобой.

Пекари открыл клетку.

Джон-Том мягко отстранил выдриху.

— Нет, Мемоу. Спасибо, но я пойду один.

Он обратился к ягуару:

— Куда?

— Великий Маркус желает знать, зачем вы вторглись в его дом и сколько еще изменников залегло снаружи, ожидая, когда вам удастся его свергнуть.

— Кроме нас, больше никого нет, — сказал Кноркл.

Повернувшись, Мемоу отвесила ему подзатыльник, сбив с головы шляпу.

— Надо же соображать, Кноркл! Скажи-ка, может, ты и веревочку им поможешь намылить, когда нас будут вешать?

— Простите, мэм. — Пристыженный Кноркл потянулся за шляпой.

— Маркус, — продолжил офицер, — хочет также знать, откуда вы пришли, не удрал ли кто-нибудь из вас и каковы могут быть намерения ваших союзников.

На этот раз комментариев не последовало. Ягуар снова повернулся к Джон-Тому.

— Советую тебе не запираться и правдиво отвечать на все вопросы, которые Маркус задаст тебе.

Джон-Том не верил своей удаче. Это было именно то, чего он

так страстно хотел. Естественно, молодой человек сдержался и напустил на себя дерзкий вид.

— Ну, идем к нему!

— Да, ты больше похож на безрассудного смельчака, чем на тупицу.

Ягуар сделал знак. Стражники выстроились полукругом, перекрывая выход, пока пекари возился с замком. Как только Джон-Тома выдернули из клетки, решетка с грохотом захлопнулась, и лязг железа эхом отозвался в подземелье.

— Один момент, — небрежно бросил юноша.

Строго посмотрев на него, ягуар упер лапы в бока и произнес:

— Только не пытайся тянуть время, человек, иначе мы заставим Маркуса ждать, а это ему совсем не понравится.

Джон-Том придвинулся и заговорщицки зашептал:

— На самом деле, главный здесь — не я. Я просто странствующий менестрель. Видите ли, меня вынудили примкнуть к этой шайке. Понимаю, вам кажется, будто это я устроил побоище у входа.

Ягуар со значением кивнул.

— Но потому именно я и не страшусь встретиться с Великим Маркусом. Он сразу поймет, где правда. Единственное, чего я боюсь, что он не поверит мне, пока не услышит моего пения, а я не могу петь без моей дуары. Ваши подчиненные отобрали.

Ягуар погрузился в размышления, пристально изучая Джон-Тома. Узник же попытался придать своему лицу самое подобострастное выражение, на какое только был способен. Наконец офицер перевел взгляд на своего заместителя-лиса.

— О чем это он говорит?

Грубым низким голосом тот подтвердил:

— Среди изъятых вещей есть одна дуара.

— Вы осторожно с ней обращались? — задыхаясь, спросил Джон-Том.

— Да, сэр. Совершенно целый инструмент.

С отсутствующим взором офицер снова обратился к Джон-Тому:

— Странная и довольно обременительная деталь вооружения. Так, говоришь, ты пришел побеседовать, а не нападать? — Он снова ухмыльнулся. — Но обратно ты ее не получишь.

— Это же всего лишь музыкальный инструмент, — взмолился молодой человек, почувствовав, что ускользает последняя надежда.

— Бунтовщик! Личное имущество всех предателей конфискуется. Хотя есть способ вернуть твою собственность.

— Что мне для этого нужно сделать?

— Убедить Маркуса, что ты невиновен.

Смех ягуара раскатился по подземелью.

— Ну пойдем, и забудь о том, что нужно тебе...

Выдры столпились у решетки, подбадривая его, а бывшие члены Кворума угрюмо взирали на происходящее, в замешательстве прижавшись к дальней стене.

— Не унывай, Джонни-Том!.. Держись, старик!.. Не давай им себя сломить! Покажи им, что ты не лыком шит!.. К черту их всех!

Он обернулся и, поднимаясь, одарил друзей обнадеживающей улыбкой. Перед ним шли трое стражников, и еще трое замыкали шествие. Рядом вплотную шел офицер. Никакой возможности для побега!

Они преодолели с полдюжины пролетов, пока, наконец, не показался каменный парапет. После тяжкой влажной атмосферы подвала легкие юноши обжег холодный ночной воздух. Несколькими этажами ниже в лунном сиянии поблескивали воды огромного озера.

Пока его вели к башне, он думал о том, что можно было бы спрыгнуть вниз, спикировать навстречу свободе. Но два момента его сдерживали. Не рассчитав прыжка, можно запросто разбиться о камни внизу. Во-вторых, он все-таки гораздо лучше бегает, чем плавает. Без сомнения, у Маркуса были союзники и среди водных обитателей. Его в один момент схватили бы вооруженные бобры, например, мускусные крысы. Кроме того, Джон-Тому не удалось бы встретиться с таинственным магом. Конечно, он предпочел бы появиться перед Маркусом с привычно покачивающейся на боку дуарой, но, по крайней мере, он скоро увидит, что представляет собой их главный враг.

Джон-Том ощутил нервозность в поведении идущего рядом офицера. Кем он окажется, этот Маркус Неотвратимый? То, что он является человеком, понятно. Но каким человеком, из какого мира? Соотечественником Джон-Тома, кем-то из этого мира или еще откуда-нибудь? Может, это всего лишь колдун с чрезмерно взыгравшим тщеславием, который состряпал себе происхождение из другой вселенной, чтобы запугать конкурентов? Или он прибыл из неизвестного измерения, где господствует зло?

А кого вообще можно считать человеком? Кто-нибудь с рогами на голове и жалом на хвосте является таковым? А если именно такое описание окажется ближе всего к истине, то разве будут волновать это создание ничтожные проблемы какого-то Джонатана Томаса Меривезера?

К башне, куда они направлялись, вел один-единственный узкий проход. Окружавшие его каменные стены резко обрывались в воду где-то далеко внизу. Караул у дверей был самым внушительным из всех, какие встречались Джон-Тому до сих пор. Там стояли львы ростом за шесть футов, вооруженные тяжелыми железными топорами. Ягуар поздоровался со своими могучими кузенами, и львы пропустили их в холл.

Оказавшись внутри, конвой вдруг утратил свою развязность. Нервно и странно перешептываясь, стражники стали беспокой-

но вглядываться в освещенный факелами коридор. Было видно, что дальше идти им не хотелось, но ягуар смело повел их вперед, пока все группа не оказалась на расстоянии десяти футов от последней двери. Там офицер взял Джон-Тома за плечо и подтолкнул вперед. Остановившись перед дверью, конвоир трижды постучал лапой по дереву. Створки медленно открылись. Другой лапой ягуар так толкнул юношу в спину, что тот споткнулся о порог. Дверь за ним быстро захлопнулась.

Комната была небольшая, с высоким потолком и открытыми балками, на которых покачивались связанные вместе скелеты. То ли они принадлежали неудачливым просителям, то ли имели отношение к магическим опытам. Для Джон-Тома это осталось загадкой.

Комната освещалась мягким рассеянным светом. В тех местах, где обыкновенно висели факелы, или масляные лампы, или, если состоятельный владелец мог себе это позволить, волшебные светящиеся шары, здесь находились потрепанные, но исправно функционирующие лампы дневного света. Присмотревшись, Джон-Том не обнаружил ни розеток, ни шнуров. Тем не менее помещение они освещали.

Щедро украшенная бронзой и золотом мебель была местного производства. В комнате стояли большой стол со стульями, несколько хрустальных ваз, наполненных драгоценными камнями, а также множество статуй и настенных украшений. Но самое интересное, что там было, — еще более интересное, чем флюоресцентные лампы, — это три модели самолетов по два фута каждая, уютно пристроенные в одном из альковов: красный «фоккер-биплан», пикирующий бомбардировщик времен Второй мировой войны «катласс» и миниатюрный «супер-бичкрафт».

— Можешь подойти, — объявил голос.

Джон-Том обернулся и вгляделся в скудно освещенный дальний угол зала.

Это Маркус Неотвратимый? Джон-Том пошел на звук, готовый в любой момент к отступлению. Подойдя ближе, он различил в полумраке трон с высокой спинкой, стоящий на возвышении, к которому вели ступеньки. Рядом на низких столиках виднелись канделябры. К ножке кресла был прислонен необычный, украшенный драгоценными камнями, но пригодный для сражения меч. Это обстоятельство втайне порадовало Джон-Тома, как намек на то, что великий маг не полагается всецело на свое колдовское мастерство.

На троне, развалясь, сидел Маркус Неотвратимый и властно смотрел на визитера. Рядом с его правой рукой лежало нечто, приковавшее к себе внимание Джон-Тома. Этот предмет, несомненно, был самой непостижимой деталью во всем интерьере.

— Я, — величаво произнес обладатель трона, — Маркус Неотвратимый, Великий Маркус, Правитель Квасеквы и Озерного

края, а также всех пограничных земель. В ближайшем будущем — Император Вселенной.

— Да, — ровным голосом ответил Джон-Том.— Я уже знаю, кто вы. Что я хотел узнать, — продолжил он, показав на заинтересовавший его предмет возле ладони Маркуса, — не бутерброд ли это с копченой грудинкой? С виду потрясающе похоже...

Он принюхался.

— ...И пахнет точно так же. Это должен быть он.

У Джон-Тома потекли слюнки, он за десять шагов чувствовал запах горчицы.

У Маркуса округлились глаза, и он поднялся с места. Наконец, Джон-Том смог его хорошенько рассмотреть. На Маркусе был странноватый черный костюм, грязная белая рубашка и галстук бантом, криво завязанный на шее. На голове красовался изъеденный молью цилиндр. В руке Маркус держал черную пластиковую палочку с белыми кончиками. Позади с трона свешивалась черная накидка.

В общем, он представлял собой не очень внушительное зрелище, за исключением одной детали, которую жители Квасеквы, вероятно, не замечали: на ногах у него были грубые коричневые башмаки.

— Как ты осмелился мне дерзить? — набросился на юношу Маркус, но голосу его не хватало уверенности.

Пять футов и шесть дюймов, определил Джон-Том. Ну, семь. За сорок и не в лучшей форме. Над ремнем выпирало брюшко, несмотря на отчаянные усилия мага скрыть его. Цилиндр, судя по всему, скрывал порядочную плешь. Угрюмые, глубоко посаженные глазки сверкали из-под кустистых коричневых бровей, а под ними красовались большие мешки. У него был почти треугольный плоский нос. Джон-Том не мог определить, является ли форма носа природной или же это результат неоднократных повреждений.

Рот был тонкий и изящный, почти девический. На щеках выделялись вьющиеся бачки. На пальце поблескивал непомерно большой перстень с фальшивым бриллиантом.

— Извините, просто я последний раз видел копченую грудинку в Вествуд Дели на бульваре Уилшир. Если бы вы знали, что я ел в течение нескольких месяцев, вы бы поняли меня.

Маркус Неотвратимый спустился с трона и оказался в невыгодном положении, поскольку вынужден был смотреть на узника снизу вверх.

— Откуда ты знаешь про грудинку?

— Я знал про нее всю свою жизнь. — Джон-Тома окончательно оставил страх. Не слишком все обнадеживающе, но и не сильно пугает. — Я аспирант... Точнее, был аспирантом на юридическом факультете Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, пока не попал сюда.

— В Калифорнийском университете? — пробормотал Маркус. — Гм, будь я проклят...

Маг медленно обошел гостя, внимательно осматривая его, как музейный работник изучает только что полученный шедевр.

— Ты не пудришь мне мозги, малыш? Ты это серьезно?

— Конечно, черт побери! Ну а вы кто такой?

— Я — Маркус Неотвратимый, вот кто. Правитель Кваскуквы. — Он помотал головой. — Проклятье! Никак не могу выговорить «Квасеквы».

— Да бросьте вы эту лажу. Скажите, как вас зовут, и как вы здесь оказались.

Маркус кивнул.

— Ладно.

Он снял цилиндр и положил на ближайший столик. Взору Джон-Тома предстала лысая, как бильярдный шар, голова правителя.

— Но сперва, малыш, расскажи, как ты попал сюда?

— Не знаю, — честно признался Джон-Том. — Здешнему волшебнику приспичило поэкспериментировать, и почему-то попался именно я. Хотя это случилось не по злому умыслу, но мне от этого не легче. Он не может помочь мне вернуться, по крайней мере на данном этапе. В общем, я тут застрял, и даже очень. А вы?

— Знаешь, малыш, это потрясающе...

Джон-Том сел на стул и приготовился слушать.

— Видишь ли, — начал Маркус, — я не профессиональный волшебник.

Джон-Том предпочел это не комментировать. «Послушаем, — сказал он себе. — Маркусу надо выговориться». Кажется, он давно этого хочет.

— Маркус Неотвратимый — мое сценическое имя. На самом деле я — Мэркл Кратцмейер из Перл-Эмбой, Нью-Джерси. Я годами выступал с одним и тем же номером по всему Восточному побережью. Конечно, мне никогда не удалось бы разбогатеть, но это все же лучше, чем разносить салат на рынке, и можно работать в удобное время. И всегда может случиться, что тебя заметит какой-нибудь агент и пригласит в Вегас. Однако этого не произошло. Однажды я выступил в неплохом кабаке на Манхэттене и еще пару раз — в очень крутом клубе в Атлантик-Сити, но обычно мне не везло. Я работал где придется: частные вечеринки, бары, детские дни рождения. — Он скривился. — Боже, ненавижу выступать на детских праздниках. Маленькие сопляки ползают вокруг тебя, толкаются и выпрашивают леденцы. Я работал во всех забегаловках от Джерси-Сити до Серф-Сити. Я знаю жизнь, малыш, и не с лучшей стороны.

Маркус глубоко вздохнул, облокотившись на один из столов.

— Что ж, попал я как-то на завод Кона Эдиссона. Группа парней, которые там работали, организовала холостяцкую пирушку

для мастера, так как этот простак должен был на следующий день жениться. У них не было денег, чтобы снять зал, поэтому они вместе с ночной сменой устроили ее прямо на заводе. Получилось неплохо. Я работал и в куда более мерзких дырах. Там было шумно, но, по крайней мере, чисто. Я показывал обычную программу, постепенно подходя к грандиозному финалу, и все шло хорошо, зрители были в восторге, а может, просто уже под мухой.

— Грандиозный финал?

— Ага. — Маркус гордо просиял. — Я должен был перепилить кого-нибудь пополам.

— Оригинально!

— Эй, не придирайся малыш. Может, это старый трюк, но он по-прежнему имеет успех. Кроме того, надо было сделать еще кое-что, прежде чем отправляться домой. У них был очень большой торт; видал такой когда-нибудь?

— Видел, конечно, — кивнув, ответил Джон-Том.

— Ага. Они наняли крошку из местного притона. — Маркус задумался, сдвинув кустистые брови. — Мерилл или Черилл — так, кажется, ее звали. Во всяком случае, она выскакивала из торта в купальнике... Трюк в том, что я машу палочкой, и после того, как парни прекращают орать, купальник с нее слетает. Ловко, а?

— Очень остроумно, — осторожно согласился молодой человек.

— Я старался сделать все, чтобы ребята не пожалели о затраченных деньгах. Я махал палочкой туда-сюда... — Он продемонстрировал это, взмахнув дешевой пластиковой палочкой. — Но не смотрел, куда иду. Вдруг все закричали, девица завизжала, и я почувствовал, что лечу вверх тормашками. Эх ты, думаю, дурак набитый, схлопотал наконец, перестарался на пару шагов. Я все падал и падал. Проклятая накидка закрывала глаза, только мелькнула какая-то динамо-машина, или генератор, или что там было, не знаю. Потом я ударился. Скажи-ка мне, парень, когда ты был маленьким, ты совал палец в розетку?

Джон-Том кивнул.

— Ну, следующие десять секунд я чувствовал себя так, будто сделал именно это, но только сунул туда голову. Меня тряхнуло, а потом я отключился. Очнувшись, увидел, что лежу в каком-то гроте, а здоровый коренастый тип, склонившись надо мной, спрашивает, как я себя чувствую.

Тон Маркуса был искренним.

— Малыш, я могу тебе сказать, хотя такое трудно представить, что на этом мальчишнике я ничего не пил. Клянусь, ни капли. Ну, может, пару кружек пива и глоток водки. Тоже хорошая штука. Но я знаю, что не был пьян. Итак, стараюсь держаться спокойно, несмотря на то что этот тип, сбежавший из фильма ужасов, стоит надо мной. Тут мне пришла в голову мысль взмахнуть палочкой и с помощью нескольких волшебных слов попы-

таться его отпугнуть. Как ты думаешь, что случилось? Что-то подхватило эту тушу и швырнуло через всю комнату. — Он помедлил, сделав большой глоток из оловянной кружки. — Местное пойло не так уж плохо, малыш. Так или иначе, я понял, что эта глыба говорящего мяса боится меня больше, чем я его. Тогда я стал забавляться со своей старой палочкой, и как ты думаешь, что я понял?

— Что? — настороженно спросил Джон-Том.

— Что все дешевые трюки, которыми я занимался двадцать пять лет, вся чушь, которую я демонстрировал избалованным детям и их тощезадым мамашам, не дававшим мне передохнуть, — все они здесь действуют, по-настоящему. Я могу творить настоящее волшебство, и не только такое, какое я делал раньше, но и совсем новые вещи. Ну, не клево ли?

Итак, я переговорил с тем большим болваном, который меня нашел, и понял, что у него много мышц, но крыша слабовата. Потом ознакомился с местностью. Узнал, что тут есть другой волшебник, который всем заправляет на посту сановника. Я прощупал подходы, представил себя с лучшей стороны и наконец встретился с парой ребят, что заседали в этом Кворуме, или мафии, или Конгрессе — назови его как хочешь. Некоторые из них почуяли, откуда ветер дует, некоторые нет, и с помощью небольшого волшебства, а также тех, кто мыслил правильно, я прибрал к рукам весь этот чертов город.

Он развел руки в стороны и усмехнулся.

— Вот так. Я, Мэркл Кратцмейер из Перл-Эмбой, ныне — советник, вождь, глава. И это лишь начало, малыш. Лишь начало. Здешние волосатые щетки думают, что я — самое великое явление природы после рубленой печенки. И знаешь ли, это так! Существуют вещи, которые я могу делать, но до которых просто еще не додумался. Я, Мэркл Кратцмейер... После долгих лет унижений, поедания отбросов, «да-сэрства» и «нет-мэмства» я — наверху. Знаешь ли, это приятно!

— Звучит неплохо, — согласился Джон-Том. — Да, забыл сказать: я сам немного владею магией.

— Да ну? — Маркус внезапно насторожился.

— О, ничего серьезного, ничего подобного тому, что делаешь ты, — поспешил разубедить его Джон-Том. — Так, маленькие фокусы. Развлечения, и не более того.

Воспользовавшись моментом, он подошел ближе. Маркус не отпрянул.

— Я сейчас подумал, что, работая вдвоем, мы могли бы найти способ вернуться домой.

Маркус воззрился на него, не веря своим глазам.

— Вернуться домой? Какого черта мне возвращаться, парень? Ты посмотри на мое теперешнее положение. Скажи-ка мне вот что: ты честно играешь, не передергиваешь? Тогда, может

быть, ты мне и пригодишься. Было бы приятно иметь кого-нибудь, с кем можно поговорить о доме. Но вернуться? — Он обвел рукой богато обставленную комнату. — Хочешь, чтобы я все это бросил и вернулся к работе в барах, на свадьбах и в дрянных рабочих клубах? Имей же мозги, малыш. В любом случае я не знаю, как можно вернуться, даже если бы и хотел этого. Не пойдет! Видишь ли, эти щетки знают, что такое деньги и что такое власть, даже если большинство из них, похоже, сбежало из местного зоопарка или с собачьей площадки. Иными словами, они знают, что главное в жизни. Может, у некоторых из них усы растут не вниз, а вбок, а вместо рук у них лапы, а вместо кожи — мех, но все же они — люди. И я могу ими управлять. Черт, я ими уже управляю! Как было сказано, это только начало.

Знаешь что еще? — Маркус подмигнул, и Джон-Том почувствовал отвращение. — Здесь есть люди — такие, как мы.

— Знаю.

— А некоторые девицы очень даже ничего. Я видел здесь нескольких. Их не взяли бы в варьете, потому что они низковаты ростом, но меня это устраивает — я ведь и сам не баскетболист. Они все трепещут передо мной, боятся! — Тут Джон-Том подумал, что глубоко посаженные глазки Маркуса стали походить на поросячьи более, чем обычно. — Мне это нравится. Очень нравится, малыш. Я люблю смотреть, как все они кланяются и расшаркиваются передо мной, съеживаясь от страха. Вернуться домой? — Он засмеялся коротким неприятным смехом. — Попытайся я в Нью-Йорке пристать к девке вдвое страшнее местных, она плюнет мне в лицо и позовет полицейского. Ты молод и хорош собой, малыш. С тобой этого никогда не случалось. Ты не представляешь, каково это, когда женщина, перед которой ты преклоняешься, плюет на тебя. Но никто не посмеет плюнуть на Маркуса Неотвратимого! — прорычал он после паузы. — Вернуться домой? Лучше я прямо сейчас перережу себе глотку. Всю жизнь мне доставалась короткая спичка. Всю жизнь меня унижали. Довольно! Это мой шанс восторжествовать над ними, и я не собираюсь его упускать.

Джон-Том слушал бред Маркуса, едва сдерживаясь, чтобы не напомнить ему, что в этом мире его никогда не унижали. Джон-Том был достаточно взрослым и уже повидал жизнь, чтобы понять, какие именно особенности личности Маркуса Неотвратимого больше всего ему не нравятся.

Он — один из тех бесцветных, незначительных, неинтересных, безымянных людей, чьей единственной целью в жизни было занять несколько строк в правительственном компьютере. Он был скорее цифрой, чем-то неосязаемым, имеющим человеческий облик. Существом, в нормальных условиях неспособным делать добро и слишком некомпетентным, чтобы творить настоящее зло.

Но пространственно-временное искажение, сбой в последовательности событий, ирония вечности швырнули его в этот мир и дали ему способность разрушать, выходя за рамки его природных возможностей. В своем собственном мире Мэркл Кратцмейер просто исчез бы, в конце концов не оказав большого влияния на развитие событий.

Но в этом мире Маркус Неотвратимый и его способность к волшебству представляли страшную угрозу для здешних жителей, незнакомых с его историей, его проблемами, его скрытой завистью и ненавистью. Для такого, как Маркус, верившего, что все силы Вселенной ополчились против него, все это было не важно. Он жаждал пробиться наверх, отомстить, не замечая, кто или что стоит у него на пути.

Итак, Джон-Том оказался одновременно и прав, и не прав. Человек, узурпировавший власть в городе-государстве Квасеква, и в самом деле происходил из его мира, но только телом. Душой он был настоящим воплощением зла и угрожал всем, кто входил с ним в контакт. Теперь насущной проблемой стало не возвращение домой, а спасение — свое и своих товарищей.

Было ясно, что единственным стремлением Маркуса является захватить большую власть.

Джон-Том понимал, что впредь нужно вести себя очень осторожно. Маркус неглуп. Он необразован, но у него отменная смекалка, а это опаснее истинного интеллекта.

— Понимаю. Знаешь, ты тут превосходно устроился. Эмигрантам вроде нас с тобой — из старых добрых Соединенных Штатов Америки — следовало бы держаться вместе. Я уже говорил, что у меня тоже есть небольшой талант. Конечно, с тобой мне не сравняться, но кое-какие мелочи у меня получаются. Понимаю, что мы не можем быть равны, не станем командой. Этого я и не жду. Но если мои способности присоединить к твоим, мы сможем кое-что показать этим несчастным животным.

— Ага! А знаешь, чего мне по-настоящему хочется? — помолчав, спросил Маркус, после того как Джон-Том сделал свое предложение. — Хотел бы я получить пару «биг-маков», немного жареного картофеля и ванильный коктейль.

— Этого и мне хотелось бы, — с энтузиазмом поддержал его Джон-Том. — Почему бы тебе не позволить мне сделать это? — Он огляделся вокруг, будто ища что-то. Мне лучше удается волшебство под музыку. Это как с твоей палочкой — помогает настроиться. Ну, ты понимаешь, что я имею в виду. Твоя стража забрала мой инструмент. Если бы я мог получить его обратно, обещаю организовать ежедневный мак-фестиваль. — Юноша указал на стол. — Прямо тут. А потом мы можем подумать о будущем.

Маркус уставился на него, затем снова неприятно хмыкнул.

— Что с тобой, парень? Думаешь, я вчера родился? Думаешь,

я прожил всю жизнь, роясь на свалках Восточного побережья, и ничего не знаю о людях?

— Не понимаю, о чем вы говорите, — отрывисто бросил Джон-Том.

— Черта с два, не понимаешь. Слишком уж много в тебе прыти. Готов сейчас же подружиться со мной, готов помочь, торопишься бросить своих дружков, и слишком уж тебе не терпится заполучить в руки свою гитару, или что там забрали у тебя мои ребята?

Маркус улыбнулся. Улыбка у него была еще неприятней, чем смех.

— Однако хочу тебе сказать одну вещь. Я — честный парень. Помнишь, я говорил тебе о моем приятеле? Его зовут Пругг. Может быть, я позволю тебе побороться с ним за твою гитару. Нет, я придумал кое-что получше. Ты побьешь его. Тогда я возьму тебя в партнеры, и мы все будем делить пополам. Как тебе это, малыш?

Прежде чем Джон-Том успел ответить, Маркус посмотрел на что-то за его спиной и свистнул.

— Эй, Пругг! Иди сюда, к нам. Хочу представить тебя этому пай-мальчику.

Что-то задвигалось в темноте, в глубине комнаты. Часть стены повернулась вокруг своей оси, после чего стал виден огромный силуэт. Кто-то вошел в залу. В одной лапе он без напряжения держал железную дубинку, выглядевшую, как штанга тяжеловеса, оплавленная с одного конца. Кожаные доспехи толщиной в два дюйма защищали его грудь и бедра.

Медведь был почти девять футов высотой и весил около полутора тонн.

— Убить сейчас? — выжидающе прорычал он.

— Нет, не сейчас. — Маркус оглянулся на Джон-Тома. — Как насчет того, чтобы побороться, малыш? Сможешь победить его?

— Да ладно, — с беспокойством сказал Джон-Том. — Это не смешно.

— Клянусь твоей задницей, совсем не смешно. — Улыбка Маркуса испарилась, когда он почти вплотную придвинулся к пленнику. — Вы, студенты паршивые, думаете, что все знаете, не так ли? Мамочка и папочка платят за колледж, за машину и дают деньги на свидания?

По правде говоря, Джон-Тому приходилось работать по полдня на двух работах, чтобы оплатить обучение, но Маркус не дал бы ему вставить даже слово.

— А у меня все было по-другому. Когда мне было двенадцать, я таскал ящики с овощами, чтобы заработать себе на ботинки. Салат, помидоры, огурцы, кабачки и прочая дрянь. Думаешь, я видел эти деньги? — Он злобно потряс головой. — Мой старик забирал их и покупал выпивку, а потом они с матерью уходили и напивались каждую субботу. Если я ронял один из ящиков и все рассыпалось, у меня вычитали из заработка. Когда поступала све-

жая партия овощей, учащиеся колледжей обычно приходили к нам из города покупать их для супермаркетов. Раз я засмотрелся на одну из женщин, что сопровождала их. Клевая девка была — длинные ноги и все такое. Я тащил на спине полный ящик помидоров и уронил его. Все побилось. Часть мякоти попала ей на туфли, и меня заставили чистить их перед всеми. А остальные смеялись. Мне этого никогда не забыть, малыш. Вот уж не думал, что у меня когда-нибудь появится шанс расквитаться.

— Но то был не я, — как можно спокойнее возразил Джон-Том. — Меня там не было. Вероятно, я тогда еще не родился.

— Какая разница? Все вы, ученые сопляки, одинаковы. Думаете, что лучше всех все знаете. Даю тебе шанс побороться за свободу. Твои дружки мне такого шанса не дали.

Пругг улыбнулся и издал рычание, громом прокатившееся по комнате.

— По крайней мере, позволь мне взять инструмент.

— Зачем? Чтобы ты смог заняться магией? Попытался бы исчезнуть? Нет, малыш, не надейся. Теперь моя очередь, и я играю на все. Я крепко держу эти кости, пока судьба не вырвет их у меня из рук. Мне сейчас нужно все, и не требуется никаких умников, маменькиных сынков, пытающихся пролезть на мою территорию. Я напущу на тебя Пругга. Может быть, он и не убьет тебя. Может быть.

Маркус посмотрел на дверь, словно Джон-Том перестал для него существовать.

— Эй, Раздирающий Коготь, входи!

Появился ягуар, приведший Джон-Тома сюда.

— Да, хозяин?

— Забери этого умника и отправь его к дружкам, но не причиняй вреда. Он мне будет нужен позже — для дела.

— Да, хозяин. — Раздирающий Коготь положил мощную лапу Джон-Тому на плечо. — Пошли-ка, человек.

Джон-Тома вывели из зала, а вслед слышались Маркусовы насмешки:

— Что-то не нравится, малыш? Почему никаких остроумных замечаний? Я-то думал, у ваших на все готов ответ. Разве не так? Не так?

Дверь плотно закрылась, но даже когда его под охраной вывели из башни, Джон-Тому казалось, что он по-прежнему слышит напыщенный бред Маркуса Неотвратимого.

Он не чувствовал особого оптимизма, когда его вели обратно, в недра Кворумата.

Нужно каким-то образом получить обратно дуару. Единственный путь сбросить этого дурацкого диктатора, в которого превратился Мэркл Кратцмейер, — это магия.

Разумеется, без дуары не было шанса выстоять против медведь-горы по имени Пругг.

— Отопри, — приказал ягуар сторожу с ключами. Джон-Том увидел друзей, прильнувших к прутьям решетки. Ясно, что они заметили выражение его лица, так как приветствий не последовало. Лишь Оплод, когда решетка отворилась и юношу бесцеремонно втолкнули внутрь, заинтересованно взглянул на него. Решетка закрылась с металлическим клацаньем, эхом прогремевшим в темноте.

Стража и ключник, болтая, ушли вверх по лестнице. Как только они скрылись, выдры столпились вокруг Джон-Тома.

— Что, приятель? Как все было?

— Что ты узнал? — с любопытством спросил Оплод.

— Он из моего мира, это точно, но мне не хочется называть его соотечественником. По правде сказать, я не видел, как он занимается магией, но не сомневаюсь, что этот тип способен колдовать. Его покои об этом свидетельствуют.

— Он лично продемонстрировал мне свои возможности, — мягко сказал Оплод.

— Ну, чего ему надо? — спросил Мадж.

— Того же, что и любой кастрюле, метящей в императоры, — безграничной власти. Он очень опасный, трусливый, пронырливый ублюдок, и это дает ему сомнительные выгоды. О, он разыграл великодушие. Сказал, что, если я одолею его телохранителя, он вернет мне дуару.

— Пругга? — со знанием дела кивнула Домурмур. — Ты мне нравишься, человек, но я бы поставила на твоего противника.

— Я тоже, — мрачно согласился Джон-Том. — У меня столько же шансов побить его, сколько у Раздирающего Когтя устроить нам побег. Возможно, даже меньше. — Он взглянул на Маджа. — Помнишь вышибалу в заведении мадам Лорши в Тимовом Хохоте? По сравнению с Пруггом он — щенок.

Усы Маджа дрогнули.

— Звучит не особо обнадеживающе, приятель.

— Еще бы. — Юноша помедлил. Что-то беспокоило его с того момента, как он вернулся в камеру, но Джон-Том был слишком занят, описывая встречу с Маркусом, чтобы сосредоточиться. Он сделал это сейчас и произнес:

— Эй, кажется, я чувствую...

Три пары мохнатых лап зажали ему рот и большую часть лица, полностью ослепив его. Приблизившись, Мемоу поднесла палец к губам и зашикала. Джон-Том медленно кивнул, и лапы были убраны.

Взяв его за руку, она повела его в самый темный угол камеры. Остальные выдры раздвинулись, пропуская их. Там, где камера закруглялась, следуя очертаниям стены, был небольшой изгиб. Источник того, что беспокоило Джон-Тома, находился там.

Постоянный шум. Он раздавался из темного угла, где часть пола была уже разобрана. Лучшие землекопы из выдр быстро рас-

ширяли отверстие. Куча вынутой земли была сложена у дальней стены. Мемоу указала на нее.

— Все прогнило из-за древности и сырости. Куорли учуяла, что откуда-то поступает воздух, и мы проследили источник по полу. Нам удалось разбить старые камни! — Наклонившись вперед, она возбужденно прошептала: — Как идет дело, друзья?

Выглянул Кноркл. Морда его была перепачкана влажной грязью и искрошенным камнем.

— Там что-то внизу, мэм. И не твердое, и не вода.

— Пахнет тоже не очень-то, — высказал мнение Мадж. Он придвинулся к Джон-Тому, который отметил, что смена настроения у выдр происходит быстрее, чем двигаются их лапы.

— Воздух? Откуда он идет? — Вытянувшись, Джон-Том пытался разглядеть что-нибудь в дыре, но мелькающие лапы и грязь мешали ему.

— Может быть, там выход? — с надеждой прошептала Мемоу.

Силринди подошла посмотреть. Завернувшись в изорванный плащ, белка принюхалась.

— Не может быть! Это самый нижний уровень Кворумата.

— Необязательно, друзья мои.

Те, кто не копал, обернулись к Оплоду. Его слова внушили Джон-Тому надежду.

— Есть разные... предания. — Мудрый, всезнающий взгляд скользнул по старой кладке. — Комплекс Кворумата — старейший в Квасекве и самый большой. Говорят, после того как он был построен, вокруг разлилось озеро Печальных жемчужин, так что крепость, в которой мы заключены, когда-то возвышалась над водой. И нет ничего невозможного в том, что ниже могут лежать древние помещения.

Команды землекопов работали посменно, а остальные внимательно следили за лестницей. Энергия и решимость работников поражали, если только выдры не устраивали свалку. Тогда вмешивалась Мемоу и разнимала дерущихся. Драки обычно были короткими и безобидными, но отнимали драгоценные минуты, не говоря уже о том, что мог вернуться Раздирающий Коготь или охранник и осмотреть камеру.

Джон-Тома не особо беспокоило, что находится под древними, пропитанными влагой камнями. В любом случае это лучше, чем поединок с телохранителем Маркуса.

— Она уже достаточно широкая, — Фрэнджел вытер лапы о шорты, — кто первый?

— Пойду я, — сказала Мемоу.

Сэссвайс оттолкнула ее.

— Нет, не вы, мэм. Красота вперед ума.

— Я так и сказала, — парировала Мемоу, отпихивая ее.

Пока они спорили, Флатцессэйрэнгелик (но вы можете звать его просто Флатц) прыгнул между ними и исчез в проломе. Мяг-

кий звук, свидетельствующий о его приземлении, был ясно слышен стоящим наверху.

— Не так уж плохо, — прошептал он снизу, — тут что-то вроде тоннеля. По дну течет вода. Я слышу, как она кое-где капает со стен, но, кажется, свод достаточно прочный.

— Он большой? — спросила Мемоу.

— Не очень-то. Думаю, это старый дренажный тоннель. Мне надо пригибаться, чтобы не задеть потолок.

Джон-Тома пробрала дрожь. Он всегда страдал клаустрофобией и неуютно чувствовал себя в зданиях с низким потолком. Если нужно пригибаться Флатцу, это означает, что ему придется ползти на корточках или по-пластунски. И это — в узком тоннеле, полном воды, расположенном ниже уровня озера, навстречу неизвестной судьбе.

А тоннель может сужаться, смыкаясь вокруг них все теснее и теснее, сдавливая бока и ноги, пока...

Кто-то толкнул его.

— Эй, кореш, все в порядке? — Лицо Маджа выражало искреннюю заботу. — Ты чуток позеленел.

Джон-Том несколько раз глубоко, размеренно вздохнул.

— Со мной все в порядке. Пошли.

За Флатцем последовала Куорли, затем Сэссвайс, затем Фрэнджел. Следующей была Силринди; она в нерешительности остановилась перед маленьким зияющим отверстием.

— Давайте не будем спешить. Мы не знаем, что там, внизу.

— Зато знаем, что здесь, наверху, — сказал Оплод, обходя ее. Хвост саламандра подрагивал, когда он говорил. — Постоянное голодание, вечное унижение, а то и хуже.

— Тебе легко говорить, волшебник. Для вас, саламандр, вода — родная стихия, как для рыб. — Она указала на выдра. — В определенной мере это относится и к нашим трудолюбивым гостям. Но остальные обитают исключительно на суше. Что, если вода поднимется до потолка?

— Что, если солнце завтра не взойдет? — спросил Оплод. — Оставайся здесь, если хочешь, и извинись за нас перед Маркусом Неотвратимым. У остальных — свидание со свободой.

Повернувшись, саламандр нырнул в отверстие, демонстрируя проворство, не соответствующее его возрасту.

Старый Трендави последовал за ним. Остальные члены Кворума спустились следом, пока не осталась только Силринди.

Джон-Том спрыгнул в дыру и взглянул вверх.

— Я тоже живу на суше, Силринди. Если я могу, значит, можешь и ты.

Белка стояла, глядя вниз на высокого молодого человека. Затем Силринди что-то прошептала, задержав дыхание, прижала хвост к спине и прыгнула.

Выдры прикрывали тыл. Они позаботились о том, чтобы за-

делать пол как можно лучше. Чем позже обнаружат дыру, тем лучше.

После того как пролом был заделан, в тоннеле стало темно, как в могиле. Джон-Том обнаружил, что может идти, согнувшись в три погибели. Спину ломило, но это было лучше, чем ползти по неглубокой холодной речушке, бегущей по дну тоннеля. Однако он все время ударялся головой о потолок, который, к счастью, стал гладким от древности.

Это было что угодно, но только не приятная прогулка. Он налетал на мохнатые тела впереди, а сзади его толкали. Единственной связью и ориентиром были прикосновение, запах и возбужденное перешептывание.

Казалось, они прошли много миль в темноте, когда по тоннелю разнесся голос Фрэнджела.

— Здесь развилка. Каким путем пойдем?

— Откуда ветер дует сильнее? — спросила Мемоу.

— Из левого тоннеля, мэм, но здесь потолок ниже.

Джон-Том тихо выругался.

— Не обращай внимания, парень, — сказал Мадж, шедший прямо за ним. — Ты с этим справишься.

— Придется. Если я вернусь в камеру, меня сразу же нокаутирует двухтонная зверюга.

— Пошевеливайтесь! — прокричал Мадж. — У нас все в порядке.

Они двинулись вперед, пока Фрэнджел снова не поднял тревогу.

— Здесь сильно течет вода.

Цепочка распалась. Джон-Том слышал, как выдры скребутся вокруг.

— Камень мягкий, — объявила Мэмоу. — Вероятно, мы сможем пробиться. Если вода из озера не хлынет сразу; возможно, мы сможем выбраться этим путем.

— Вы, может быть, и сможете, — сказал Силринди, — а остальные? Мы не знаем, сможем ли мы надолго задержать дыхание.

— Что лучше — шанс обрести свободу или верная смерть, ожидающая нас там, в тюрьме? — спросил ее Оплод.

— Тебе легко говорить, волшебник с жабрами.

— Мемоу, — вмешался Джон-Том, — тоннель идет дальше?

— Да.

— Тогда, думаю, нам следует идти вперед. Может быть, найдем местечко получше. Если нет, мы всегда сможем вернуться и попытаться выбраться здесь.

— Я тоже так думаю, молодой человек, — ответила она. — Мы никого не бросим!

Остальные выдры встретили эти слова с одобрением, и цепочка снова двинулась дальше.

Когда они ползли мимо тоннеля, обнаруженного Фрэнджелом, ноги Джон-Тома окатило холодной водой. Сразу же за непрочной стенкой лежало озеро, готовое прорвать ее в любой момент. Если это случится, когда они заберутся подальше в тоннель...

Он заставил себя сосредоточиться на лежащей впереди дороге.

Казалось, они идут по кривой, поворачивающей все время влево. Джон-Том был полностью дезориентирован из-за кромешной темноты, но выдр она не беспокоила. Он задавал себе вопрос, а не придется ли им вернуться обратно в то место под камерой, откуда они отправились в путь. Тогда уж лучше бы озеро прорвало стену.

Затем послышался голос Фрэнджела:

— Здесь отверстие!

В следующий момент они выбрались из тоннеля в огромное помещение. Джон-Том с трудом выпрямился. Сначала подземелье показалось тоже темным, но, когда глаза привыкли, он обнаружил, что может различать в темноте слабые контуры.

Источник света был слишком далек — маленькое отверстие высоко над ними.

— Какой-то колодец, — предположила Куорли, — внутри Кворумата. Это вам ничего не напоминает?

Члены Кворума собрались вместе и посовещались. Никто из них особо не интересовался архитектурой и устройством сооружения, откуда они правили городом. Лишь у Оплода были кое-какие соображения.

— В менее цивилизованные времена осужденных преступников сбрасывали в ямы. Возможно, это как раз такое место, давно заброшенное и только что обнаруженное нами вновь.

— Черт! — вырвалось у Маджа.

— Что такое? — спросил Джон-Том.

— Споткнулся, приятель. — Он поискал в темноте, поднял какой-то предмет и дал всем пощупать. Джон-Том немедленно идентифицировал его. Это был череп примата.

Оплод забрал его у Маджа, и все увидели, как его лапы двигаются по кости.

— Проломлен, когда его владельца сбросили сверху, — объявил саламандр.

Глаза всех немедленно обратились к далекому светлому кругу.

На мгновение воцарилась тишина. Затем Сэссвайс сказала:

— Эй, вы, лентяи! Посмотрим, велико ли отверстие. Возможно, есть другой вход.

Все рассеялись и начали ощупывать стену. Взобраться наверх было невозможно, даже проворным выдрам. Влажные стены смыкались, образуя свод над головой. Вероятно, только Оплоду удалось бы это в молодые годы. Сейчас у него уже не хватило бы сил удержаться на гладкой нависающей поверхности.

— Идея, — сказал Мадж, — давайте построим пирамиду.

Выдры кратко обсудили это предложение, затем собрались в самой середине подземелья и устроили удивительное акробатическое представление. Они умудрились выстроиться в четыре яруса, но Сплитч все равно оказалась на расстоянии большого прыжка от места, где вертикальный ствол колодца расширялся у закругленного потолка.

Пирамида развалилась, и выдры принялись отряхиваться.

— Ничего не вышло бы, даже если б я достала до него, — сказала Сплитч. — Шахта скользкая, как ледяная горка; там не за что зацепиться. Она слишком широка, чтобы перекинуть мост. — Она внимательно посмотрела на Джон-Тома. — Ты достаточно высок, чтобы сделать это, Джонни-Том, но тебя туда никак не поднять.

— Лучше бы нам найти какой-нибудь выход, — пробормотал Оплод. — Череп свежий.

Все ощутили беспокойство.

— Это ничего не значит, — сказала Домурмур. — Без сомнения, это одна из последних жертв Маркуса.

— Наверняка, — с готовностью согласился саламандр. — Вопрос вот в чем: если жертва недавняя, то кто или что так быстро обглодал мясо с костей? — Легкий свет лился из его выпуклых глаз, когда он вглядывался в темноту.

— Если бы у меня была дуара, — прошептал Джон-Том, — я бы мог наколдовать лестницу, или веревку, или что-нибудь еще. Если бы мы...

Его прервал шум сверху — голоса и звуки церемониальных труб.

— Уйдите из-под отверстия и храните молчание, — приказал Оплод.

Все быстро отбежали.

Послышались звуки борьбы, еще раз взвыли трубы, затем раздался ужасный высокий крик, громкость которого быстро нарастала. Он резко оборвался, когда что-то ударилось об пол с влажным, неприятным стуком. Упавший дернулся, а затем затих.

Звуки наверху замерли. Джон-Том осторожно выглянул и ничего не увидел. Беглецы медленно собрались вокруг того, что было сброшено в колодец.

Это была макака, ростом не более четырех футов. Разорванный белый кружевной воротник окружал шею, под ним был зелено-голубой вязаный жакет, заправленный в темно-зеленые шорты из блестящей змеиной кожи. Рукава украшала золотая вышивка, а узкую талию стягивал золотой пояс.

Шея была согнута под неестественным углом. Одна рука вывернулась за спину. Открытые глаза уставились в отверстие колодца.

— Умер мгновенно, — мягко прокомментировал Оплод. — При ударе сломал шею. Бедняга!

Каскоум пробрался вперед.

— Я знал его. Это почтенный Иестутия.

— Да, я тоже его знал, — склонилась над телом Силринди. — Один из наиболее уважаемых горожан! — Она взглянула на отверстие колодца. — Маркус чувствует себя очень уверенно, если начал убивать таких выдающихся людей.

— Потише, потише, — заворчал Мадж откуда-то слева.

— Послушай, выдр, только что был предательски убит один из наших друзей и коллег, и я не вижу причины...

— Заткнись, пожирательница орехов, или я засуну тебе в глотку твой собственный хвост. — Голос выдра понизился на октаву. — Здесь есть что-то.

По спине Джон-Тома пробежал холодок. Он вспомнил, что кто-то обглодал мясо с первого черепа.

— Мадж, мы проверили...

— Здесь, выше, есть еще один тоннель, друзья. Большой. А в нем что-то начинает двигаться.

— Ты пытаешься напугать нас, — нервно сказала Силринди.

— Ну что ж, убедитесь сами, ваша честь, — с сарказмом ответил Мадж. — Вы думаете, мне нечем заняться, как только выдумывать страшные истории, так, что ли?

Подойдя ближе, он положил лапу на плечо белке.

— Почему бы вам не пойти и не посмотреть самой, чтоб доказать всем, какой я лжец.

Ноги Силринди, казалось, приросли к полу.

— Слушайте, вы все, — вмешалась Мемоу.

Мадж и Силринди прекратили спор, когда вдали что-то заскребло по камням. Потом послышался тяжелый вздох.

Сквозняком потянуло из другого тоннеля, подумал Джон-Том, или кто-то просыпается.

Неосознанно все попятились назад, к дренажному тоннелю.

— Что об этом говорят старые легенды? — спросил Джон-Том волшебника Оплода.

— Ничего, — шепотом ответил тот. — Здесь никого не должно быть. Это место для мертвых.

Хрусть! Посыпался гравий. Звук сопровождался мощным выдохом и запахом горелого угля. Куорли вцепилась в лапу Маджа.

— Оно идет сюда!

— Стой спокойно, не показывай вида, что мы боимся, — посоветовал Мадж, пытаясь укрыться за Мемоу и Сэссвайс.

Оплод поднял руку и прошептал несколько слов, но это не подействовало на то, что приближалось к ним медленно, но неотвратимо.

— Бесполезно! Я по-прежнему нахожусь под действием за-

клинания, которое Маркус наложил на меня. Я не могу освободиться.

— Приготовьтесь бежать в тоннель, — сказала Мемоу.

Вход в него был рядом, но нужно время, чтобы всем забраться туда через узкое отверстие. Внезапная перебежка и толчея у входа могли привлечь внимание того, что приближалось к ним из темноты.

Тут на миг вспыхнуло пламя, сопровождаемое тяжелым едким запахом.

Затем раздалось низкое ворчание — мощное, утробное.

— Попытайся-ка что-нибудь спеть, приятель, — попросил Мадж Джон-Тома.

— Но у меня нет дуары.

— Все равно, попытайся, кореш, попробуй хоть что-нибудь.

— Сэссвайс, — сказала Мемоу, — ты, Флатц и я попытаемся отвлечь его внимание, пока остальные по одному заберутся в тоннель. Остальным приготовиться!

Выдры нащупывали старые кости, камни — все, что можно было использовать как оружие.

Джон-Том начал петь. В голове у него не было ни планов, ни блестящих идей. Он был уверен, что магия не сработает без дуары, но все равно нужно было попробовать. Даже если ничего не произойдет, это поможет отвлечь внимание твари, пока остальные не скроются. Первые ноты дрожали, но по мере того как Джон-Том пел, голос его выровнялся. Он слышал, как его спутники бегут ко входу в тоннель.

Неясная огромная тень придвинулась к нему и остановилась. Мадж обратился к Джон-Тому:

— Ну же, приятель! Продолжай петь. Это действует!

Не может быть, думал Джон-Том. Без дуары магия бессильна.

Однако сомневаться не приходилось: тварь остановилась в непосредственной близости от него.

Затем громоподобный шепот заполнил помещение.

— Джон-Том!

— Черт возьми, — пробормотала Сплитч, — оно его знает!

— Чаропевец! — Эхо далеко разнеслось в темноте.

Джон-Том прищурился, пытаясь что-нибудь разглядеть. Он сделал осторожный шаг вперед.

Вспышка разорвала тьму над его головой. Выдры и советники закричали и в панике бросились к тоннелю, налетая друг на друга и спотыкаясь о кости. Но Джон-Том не двигался. Огонь прошел прямо над ним. Он был направлен не в его друзей, а в потолок, чтобы осветить пещеру, ничего не разрушая.

Неожиданно яркий огонь резал глаза, но не так сильно, чтобы Джон-Том не узнал того, кто был его источником.

— Товарищ Фаламеезар, — взволнованно спросил он, — это ты?

Глава 15

Появилась огромная когтистая лапа и подхватила Джон-Тома; он явственно ощутил кожистую перепонку между пальцами. Лапа донесла его до гигантского рта, полного острых кривых зубов. Если чудовище вздумает дыхнуть, то через секунду от чаропевца останутся только угли и обожженные кости. Но в воздухе чувствовался лишь жар, запах серы и ни малейшего намека на ароматы крематория.

— Неужели это ты, Фаламеезар? Черт меня побери, как я рад!

— Эх, товарищ Джон-Том, нас тут действительно всех вместе черт побрал. А что здесь делаешь ты? — мрачно спросил дракон.

Джон-Том уселся на скользкой чешуйчатой лапе и крикнул друзьям:

— Успокойтесь, все в порядке. Это товарищ Фаламеезар, настоящий сознательный пролетарий.

— Что он говорит? — спросила Мемоу у Маджа.

Тут выдр смело вышел на середину.

— Мы хорошо знаем этого парня. Он выручил нас однажды, когда мы добирались до Поластринду. Но чтоб меня разорвало на месте, ежели я знаю, как он здесь очутился. — Маджа взглянул в тоннель, из которого выглядывали испуганные морды его товарищей по несчастью. — Все в порядке, не волнуйтесь. Можно выходить. — Потом, понизив голос, он добавил: — Тока уж, пожалуйста, насчет денег и доходов с ним ни словечка.

Маджа напряженно вспоминал, о чем Джон-Том горячо и убежденно, хотя и непонятно, беседовал с речным драконом, пока тот вез их по Вертихвостке. Джон-Том называл дракона... Как же он его называл?.. Маринистом? Маркинистом?.. Нет, как-то по-другому. Ага, вспомнил. Марксистом! Дракон был марксистом. Знать бы еще, что это такое.

И не просто марксистом, а сознательным и последовательным. Однако Маджа не проведешь, он-то знает, что дракон — просто парень со сдвигом.

Всем своим приятелям, вылезающим из тоннеля, выдр тихо говорил:

— Главное — действуйте коллективно.

— Что это значит? — спросила Мемоу.

— Откуда мне знать, черт бы меня побрал! Тока вели остальным, чтоб тоже действовали коллективно.

А Джон-Том тем временем гладил дракона по зубастой пасти.

— Эх, друг Фаламеезар, похоже, мы оказались товарищами по несчастью.

— Похоже, что так.

Дракон аккуратно опустил юношу на землю, огляделся и разинул пасть. Оттуда вырвался столб пламени. Бывшие члены Кво-

рума в ужасе прижались к стене — устояли только Оплод и компания выдр. Но огонь, направленный точно на груду мусора, поджег лишь ее, и в свете неровного пламени впервые с тех пор, как они покинули темницу, беглецам стало отчетливо видно все, что их окружало.

Дракон лег на брюхо и положил голову на лапы. Остальные собрались вокруг.

— Как ты умудрился сюда попасть? — стал расспрашивать Джон-Том.

— Знаешь, не удалось мне поднять на должную высоту сознательность масс на берегах Вертихвостки, — начал дракон. — Вот я и решил поискать других угнетенных, до которых лучше дойдут идеи коммунизма. Об этой земле я и раньше слышал много хорошего — здесь и озера большие, и рыбы полно. Отправился я сюда и сразу понял, что трудящиеся тут остро нуждаются в организации. — Он вздохнул, и облако дыма медленно всплыло к потолку. — Однако, как часто бывало и раньше, не хотят они меня слушать.

— Интересно знать, почему? — прошептала Куорли.

— Решил я тогда, что, раз уж у меня ничего не получается с народом, надо попробовать сагитировать их руководство.

— Ах вот как! — протянул Джон-Том.

— Именно так, и здешний правитель обманул меня, заморочил голову сладкими речами. А ведь тоже человек, как и ты, но только совсем на тебя не похож.

— Маркус Неотвратимый?

— Я же не знал, что он сверг здешнее законное правительство. Не знал, что он могучий волшебник, да к тому же гнусный фашист, у которого одно на уме — эксплуатация трудящихся масс ради личной наживы. Пока я все это сообразил, он меня усыпил. Смутно помню, как меня притащили в большой зал, который находится прямо над нами, разобрали пол и сбросили сюда. Потом потолок снова заложили. Я попробовал вырваться, но стены здесь крепкие, сложенные из толстого камня. Вот и сижу, как настоящий узник империализма. Однако этот проклятый эксплуататор хорошо меня кормит. Если затрубит труба, значит, пора есть.

Фаламеезар повернул голову и обнюхал тело несчастной макаки.

— На этот раз сбросил банкира. Маркус умен — знает, что я ем только капиталистов.

— Ты меня удивляешь, Фаламеезар, — возмутился Джон-Том. — Даже банкира можно убедить в справедливости всенародного дела.

— Ну, мертвого уже нельзя. — Дракон еще раз обнюхал тело. — Да, точно, покойник был банкиром. Ненавижу банкиров, они все гнусные грабители!

Прижавшись к дальней стене, Ньюмадин лихорадочно проверяла содержимое своих карманов. Она, как и покойная макака, понемногу занималась ростовщичеством, и до сего дня у нее не было повода сожалеть об этом. К счастью, Фаламеезар, поглощенный разговором с друзьями, не стал всерьез принюхиваться, и Ньюмадин успела избавиться от денег, расписок и долговых обязательств.

— К тому же, — продолжал Фаламеезар, — драконам нужно чем-то питаться.

Он вытянул длинную шею, одним махом отправил несчастную макаку прямо в рот и начал шумно жевать.

— Вот тебе раз! — пробормотала Сэссвайс, оглянувшись на Ньюмадин. — А она в обморок упала.

Фаламеезар тоже это заметил и начал принюхиваться, не переставая жевать.

— Что с ней случилось? Мне кажется, я чую запах...

Тут Джон-Том поторопился отвлечь дракона.

— Это она от спертого воздуха. Кстати говоря, перед тобой законное правительство Квасеквы. Видишь, Маркус обошелся с ними не лучше, чем с тобой. А ведь это законно избранный, как бы это выразиться, совет народных депутатов, свергнутый злым волшебником.

— Вот уж не думал, что у них было такое прогрессивное правительство, — удивился Фаламеезар.

— Они работают в этом направлении, — заверил его Джон-Том. — Ведь правда?

— Да, да, да! — как-то уж слишком поспешно ответили хором члены Кворума. Точнее, те из них, кто еще не потерял сознания.

Фаламеезар заметно обрадовался.

— Приятно встретиться с единомышленниками даже при таких печальных обстоятельствах. А еще лучше — увидеть наконец старого друга. Даже тебя, Мадж, хоть ты и высказывал иногда очень реакционные мысли.

Тут он осторожно погладил выдра по спине когтем, напоминающим острую кривую саблю.

— Эх, мне бы только вернуть мою дуару! — бормотал Джон-Том. — Маркус не додумался наложить на меня противомагическое заклятие.

— Ты прав, — подтвердил Оплод. — Я бы сразу почувствовал.

— Нужно проверить одну вещь, — сказал юноша и направился назад к тоннелю. — Придется вернуться в темницу.

— Ты не шутишь?

— Нет, Мадж. Есть у меня одна идея. Слушай, вы с Куорли можете пойти со мной?

— Всегда на меня рассчитывай, Джонни-Том.

Готовность Куорли заставила и Маджа выразить согласие.

— Я скоро вернусь, Фаламеезар, — сказал чаропевец.

— Успеха тебе, товарищ, — ответил дракон.

— Подожди минутку, — остановила его Мемоу уже у выхода. Она бросила выразительный взгляд назад. — О чем нам говорить с этим драконом?

— Да о чем угодно. Он большой любитель поболтать. О том, какая наверху погода, всякие шутки-анекдоты. Фаламеезар обожает шутки, причем самые простые. Только чтоб никто не вздумал говорить, что хочет разбогатеть. Прославиться — сколько угодно, но не разбогатеть. И не забудьте повторять, как вы ненавидите капиталистов-эксплуататоров.

— А кто это?

— Да не важно. Главное, что вы их ненавидите. Ему будет приятно.

Но Мемоу все не отпускала Джон-Тома.

— А что ты собираешься делать? Хочешь попробовать какое-нибудь заклинание, чтобы вытащить нас отсюда.

Он кивнул.

— Но ведь ты говорил, что без дуары колдовать не умеешь?

— Волшебство волшебству рознь. — Джон-Том подмигнул выдре и, нагнувшись, принялся собирать кости. Набрав целую охапку, он велел Куорли и Маджу сделать то же самое.

— Ой-ой, с твоей дуарой, приятель, было много легче. Не нужно было стока таскать на себе.

Спотыкаясь под неприятным и тяжелым грузом, Джон-Том поплелся в тоннель следом за Маджем и Куорли.

По узкому темному ходу трудно было пробираться и со свободными руками, а уж с охапкой костей этот путь показался вдвойне тяжелым. Но выдры не жаловались, и Джон-Том готов был скорее лопнуть, чем просить о передышке.

Через некоторое время они оказались как раз под входом в их камеру. Сбросив поклажу, Мадж, как по дереву, вскарабкался по спине Джон-Тома и прислушался.

— Мертвая тишина. Видно, с тех пор как мы ушли прогуляться, к нам не приходили с проверкой. Да и зачем? Куда мы можем сбежать, ежели подумать?

— Отодвинь камни и лезь наверх.

— Я-то полезу, кореш, но сам-то ты понимаешь, зачем это нужно?

— Ты тоже скоро поймешь, зачем.

И верно. Когда груз был доставлен на место и разложен в соответствии с инструкциями Джон-Тома, Мадж сообразил, что задумал его длинноногий и лишенный шерсти друг.

— Что там такое, — спросил сторож-росомах лисичку-фенька, сидевшего напротив него. Огромные уши фенька насторожились и тотчас повернулись на шум.

— Ага, я тоже слышал что-то. — Он положил на стол стран-

ные треугольные карты и заорал в сторону лестницы: — Эй, там, заключенные, тише! А то не получите свою баланду.

Странный и страшный стон, прервавший игру стражников, повторился громче.

— Не похоже на выдр, — сказал росомах, почистив коготь о клык.

Потом он отодрал от палки полоску коры, сунул в рот кусок чистой древесины и задумчиво пожевал. Когда стон повторился, росомах аккуратно положил карты на стол так, чтобы их не видел партнер, и раздраженно зарычал.

— Придется посмотреть, что там происходит.

— Может, они убивают друг друга.

— Лучше бы они этого не делали. Нас ведь предупредили, что заключенные должны быть в целости и сохранности, пока новый волшебник не решит, что с ними делать.

Он снял со стены почти метровый нож, а фенек подхватил длинное копье, которым удобно тыкать заключенных через решетку. Оба взяли по факелу и отправились вниз по лестнице. Очень скоро они оказались в подземелье около решетки, внимательно вглядываясь в темноту.

— Клянусь длинным хвостом моей бабушки! — пробормотал изумленно росомах. — Что с ними могло случиться?

Раздражение быстро сменилось настоящим испугом.

— Умерли, они все умерли... — стонал дрожащий голос из глубины клетки.

— Что ты имеешь в виду? Как это — все умерли? — заикаясь, спросил фенек, стараясь разглядеть в темноте того, кто говорил. Ответом ему был только стон.

— Открой-ка дверь, — попросил фенек росомаха, у которого были ключи. Тот кивнул и, отперев замок, слегка приоткрыл решетчатую дверь. Зажав в лапе длинный нож, он осторожно вошел в клетку, а фенек остался у входа на тот случай, если пленники попробуют прорваться.

Но в темнице никого не оказалось. Только в дальнем углу прямо на полу сидел высокий человек, прижавшись спиной к стене и дрожа от страха.

— Что тут у вас случилось? Где остальные? — Тюремщик беспокойно оглядывал пустую клетку.

— Это все волшебник, — слабо стонал Джон-Том, указывая куда-то трясущейся рукой.

— Что — волшебник? — Морда росомаха дернулась, когда он проследил взглядом за дрожащим пальцем.

У стены, совсем рядом, высилась гора белых костей. Будь у тюремщиков время разглядеть ее как следует, они бы поняли, что скелеты не имеют никакого отношения ни к выдрам, ни к саламандрам, ни к панголинам. Но, возможно, они все равно не разо-

брались бы, что к чему. В конце концов, в области анатомии им достаточно было знать, куда ткнуть ножом, чтобы добить жертву.

— Клянусь Печами Сурани! — прошептал в ужасе росомах.

— Что такое? Где заключенные? — спросил фенек, сунув голову в клетку и вглядываясь во тьму.

— Все погибли. Ничего от них не осталось, одни кости. — Росомах повел факелом, чтобы осветить угол темницы. — Неужели бывает такое сильное волшебство?

— Он совершил это! Саламандр!

— Старый Оплод?

— Да, да! Скользкий такой! Он сказал, что устал от жизни, устал от всех нас, и всех уничтожил. Одного меня пощадил.

— Но ведь на него было наложено заклятье, чтобы он не мог больше колдовать. Сам новый маг постарался. То есть нам так сказали, — возразил росомах.

— Правильно, все так и есть. Но этот скользкий вступил в заговор с силами тьмы и поклялся, что каждый, кто встанет у него на пути, превратится в такую же груду костей. — И Джон-Том снова указал на угол. — Я сам, своими глазами видел, как он это проделал. Мясо стекало с костей, как масло, таяло и стекало...

Фенек не выдержал. Он видел, что в темнице остался только один живой заключенный, поэтому любопытство пересилило осторожность. Держа копье наготове, он вошел в камеру.

— Что тут несет этот придурок? — спросил он.

— Видишь, все остальные умерли, — заикаясь, сказал росомах, указывая на кости. — Волшебник Оплод погубил их. Вот оно — великое волшебство! — В голосе его звучал ужас.

— Ну, я не знаю, — забормотал фенек. — Надо сказать начальству.

И он попятился к выходу.

Воспользовавшись их замешательством, Мадж и Куорли, прятавшиеся в расщелинах потолка, зажав в зубах берцовые кости, упали сверху на тюремщиков.

От неожиданности росомах выронил нож. С испуганным дрожащим человеком произошла вдруг разительная перемена, и через несколько секунд оба тюремщика замертво лежали на полу.

Мадж тут же подхватил копье фенька, а Куорли вооружилась ножом.

— Вот это — настоящая магия! — кровожадно ухмыльнулся Мадж и пнул росомаха ногой.

— Жаль, что пришлось их убить! — пробормотал Джон-Том. — Ненавижу бессмысленную резню.

— Как это — бессмысленная? Совершенно необходимая, — возразила Куорли и вопросительно посмотрела на Маджа. — Он что — брезгливый или что похуже?

— Вот именно, что похуже. Но ты на него не сердись, милашка.

Они выбрались из темницы и двинулись вверх по лестнице.

Никто не встретился им по дороге, а потому они благополучно сумели добраться до комнаты, где только что играли в карты сторожа. Набрав целую охапку оружия, они начали искать лук Маджа и дуару Джон-Тома.

— Здесь нет! — проворчал Мадж, перевернув содержимое последнего ящика. — Можа, где-нибудь дальше? Мне кажется, когда нас вели сюда, я видел справа какую-то запертую кладовку.

Джон-Том согласился, и они полезли выше.

Кладовая нашлась именно там, где говорил Мадж. Дверь в нее была приоткрыта, а на пороге стоял пухлый заяц.

Друзья заметили его в тот момент, когда он увидел беглецов и собрался захлопнуть дверь. Мадж метнул копье, чтобы остановить зайца, а Куорли кинулась на него с ножом. Но прежде чем она успела перерезать несчастному горло, тот испустил пронзительный крик. Такой отчаянный предсмертный вопль могут издавать только зайцы.

— Проклятье! — воскликнула Куорли и посмотрела на лестницу. — Через минуту на нас накинется кодла. Я их задержу, а вы с Маджем ищите то, за чем пришли.

Джон-Том бросился в кладовую. В углу на горе копий валялся знакомый посох. Джон-Том схватил его, как руку друга, протянутую в беде. А где дуара?

— Давай-ка, парень, пошевеливайся.

Джон-Том повернулся и увидел Маджа. Лук и колчан со стрелами уже висел у него за спиной. Но кроме этого выдр был весь усыпан драгоценными камнями. Длинные мониста из золотых монет украшали грудь, ожерелья из жемчуга и самоцветов повисли на шее и запястьях. Лапы сжимали какие-то золоченые тарелки и кубки, на которых тоже поблескивали камни. На голове, прямо поверх смятой шляпы, выдр напялил две тиары.

— Мадж, ты что — спятил?

Выдр моргнул, потом в замешательстве уронил свой груз. Монеты и драгоценные камни покатились по полу.

— Понимаешь, забылся на минуту, ты уж прости. — Мадж неохотно начал снимать с себя украшения. — Можа, все-таки прихватим с собой хоть чуток?

— Ни в коем случае, — сердито отрезал Джон-Том.

— Эй вы, там, шевелите задницами! Заснули, что ли?

Крик Куорли послышался одновременно с тяжелым топотом по лестнице. Раздался испуганный вопль, и в кладовую вкатился крупный еж, в животе которого зияла огромная ножевая рана.

— Сколько, вы думаете, я могу одна отбиваться от этой банды?

Джон-Том снова повернулся в сторону кладовой, но Мадж развернул его в другом направлении. Выпучив глаза, выдр смотрел на огонь в камине.

— Вон твоя дуара!

Джон-Том, не чуя под собой ног, кинулся к пылающему ка-

мину. Не замечая ни жара, ни искр, он схватил свой бесценный инструмент, который лежал, к счастью, на самом верху. Дуара в нескольких местах почернела, но огонь не успел добраться ни до корпуса, ни до струн. Тронув одну из них, юноша услышал знакомый нежный звук.

— Еще чуть-чуть, и пропала бы моя дуара. — У него даже горло перехватило от этой мысли.

Джон-Том быстро пробежал по ладам — все в порядке. Музыка зазвучала на полную мощь, и легкая дрожь прокатилась по камням пола.

— А теперь сматываемся!

Куорли удерживала наседавшую охрану только благодаря тому, что лестничный проем был очень узок и негде было развернуться. Мадж тут же пустил в ход свой лук, и очень скоро весь проход был завален телами. Уцелевшие стражники поспешно отступили.

— Будут знать, как лезть! — завопил довольный Мадж.

Друзья кинулись вниз по ступеням. Вслед им неслись яростные крики и шум свалки. Джон-Том, к счастью, не забыл прихватить ключи от темницы, висевшие на поясе у несчастного росомаха, и теперь запер за собой дверь. Мимо него просвистели стрелы — это тюремщики наконец вызвали лучников.

Джон-Том бросил ключи в отверстие в полу и сам спрыгнул вслед за ними.

— Надо бы завалить дыру камнями, чтобы было как прежде, — предложила Куорли, упав сверху прямо на Джон-Тома и скатившись по его спине.

— Это слишком долго, — ответил молодой человек. — Они все равно видели, что мы бежали сюда. Первое, что сделают, открыв дверь, это проверят пол и стены.

Джон-Том помчался по тоннелю, задевая головой о низкий потолок, отчаянно ругаясь и не выпуская из рук посоха, дуары и целой охапки захваченного оружия.

Они не успели пробежать и половины пути до своих, когда за спиной послышались крики. Джон-Том почувствовал, что его уверенность в успехе предприятия сильно пошатнулась, и тут же припустил со всех ног. Но бежать быстрее было невозможно: тоннель сужался.

— Они сюда не пойдут! — закричал Джон-Том.

— Они полезут за нами повсюду. Ежели прошли мы, то и они тоже смогут.

— Давай вперед! Я потом догоню.

— За каких же трусов ты нас принимаешь? — завопил Мадж в ярости. — Неужели после всего, что мы пережили вместе, после всех приключений я мог бы бросить тебя на произвол судьбы? Кем ты меня считаешь?

Джон-Том задыхался, с трудом ловя воздух, но все же не удержался от колкости:

— Ну конечно, если что-нибудь случится со мной и с дуарой, у тебя вообще не останется шансов выбраться.

— А что ты думаешь? Про это я тоже вспомнил, — признался Мадж.

Джон-Том ухмыльнулся — ведь выдр все равно не видел его в темноте.

— Ну, вот и хорошо. А то я подумал, не отсырели ли у тебя мозги от здешней влажности.

— Эх, недооцениваешь ты старину Маджа! — Однако по голосу не чувствовалось, что выдр очень оскорблен.

Тем временем погоня приближалась. Свет факелов уже падал на спины беглецов, заставляя их шевелить ногами еще быстрее. Казалось, тоннель за время их отсутствия удлинился, растянувшись, как резиновая труба. Единственное преимущество, которое было у них перед преследователями, — они знали, куда бегут.

Однако когда впереди появился смутный круг света, обозначавший вход в подземелье, где их ждали, Джон-Том уже явственно различал за спиной голоса стражников. Трое друзей кувырком вкатились в зал, и оружие, громыхая, рассыпалось по полу. Остальные выдры тут же расхватали его и замерли в ожидании.

Джон-Том повернулся и обнаружил, что в его плаще застряли две стрелы. Толстая кожа, из которой был сделан плащ, снова спасла жизнь его хозяину... Джон-Том еще не вытащил застрявшие стрелы, когда из тоннеля появились первые стражники и увидели, что перед ними уже не три беглеца, а более дюжины вооруженных выдр.

Вперед вылетел ягуар с саблей наголо, задыхающийся от погони.

— Вот вы где! Повеселиться решили? Ладно! Задал ты нам гонку! — Он огляделся и нашел глазами Джон-Тома. — Посмотрим, как ты побегаешь, когда тебе перережут сухожилия.

Тут Фаламеезар поднял голову, прикрыл один глаз и плюнул. Небольшой раскаленный огненный шар ударил в саблю ягуара, и та растаяла прямо у него в лапе.

Ягуар увидел огромный темный силуэт, поднимающийся из-за выдриных спин, глаза его вылезли из орбит, и, бросив раскаленную рукоять, он кинулся обратно. Но дорогу ему преградили солдаты, сгрудившиеся у входа.

Фаламеезар вытянул губы и еще раз сделал «пуф!».

Хвост ягуара загорелся, и он, расталкивая подчиненных, наконец прорвался в тоннель. Довольно долго оттуда, затихая, слышались его крики и ругательства.

— Думаю, с этой стороны нам больше ничто не угрожает, — сухо заметил Джон-Том.

— Пожалуй, — согласился Оплод, но тут же охладил общую

радость: — Ягуар немедленно донесет о случившемся Маркусу, и, можете быть спокойны, тот немедленно предпримет необходимые меры. Из этого помещения есть только два выхода: в тоннель и в старый колодец, что у нас над головой. Оба их очень легко заткнуть. И тогда мы или задохнемся здесь, или умрем с голоду, причем для этого не потребуется прибегать к магии. Поэтому нужно выбраться отсюда прежде, чем Маркус узнает о нашем побеге и что-нибудь придумает.

Водянистые глаза саламандра уставились на Джон-Тома.

— Клотагорб, по всей видимости, очень верил в твои магические способности, если послал тебя одного в ответ на мой призыв о помощи. Если ты действительно чаропевец, ты должен сейчас же вызволить нас отсюда. Даже волшебнику нужно пространство для маневра, а здесь его маловато.

— Он правильно говорит! Мы добыли твой музыкальный ящик. Теперь показывай, на что ты способен.

Все повернулись к Джон-Тому, и тот обрадовался, что темнота скрывает от всех его неловкость и неуверенность в себе. Надо начинать петь, но что?

«Блюз фолсомской тюрьмы» Джона Кэша не произвел никакого впечатления на каменные стены, как, впрочем, и ни одна из исполненных песен и тюремных баллад. Джон-Том, несмотря на прохладу, вспотел. Мадж сидел спокойно и выглядел довольно отрешенно. Он и раньше видывал подобное. Оплод был откровенно разочарован, а остальные — растеряны. Это мешало Джон-Тому сосредоточиться, хотя исполнение шло вполне успешно.

— Что с ним? — Куорли наклонилась к Маджу, прижимаясь к его боку. — Ничего не происходит.

Мадж ласково погладил ее по шерстке.

— Иногда у него не все гладко выходит с этой магией. Ты не сомневайся, он настоящий чаропевец. Тока занялся он этим делом совсем недавно, а потому не всем еще овладел. Иногда заклинания срабатывают, иногда — нет. А иной раз нужно просто проявить терпение и подождать.

— Я постараюсь, — ответила Куорли смущенно. — Только Оплод, помнится, сказал, что времени у нас в обрез.

Джон-Том начал хрипеть, а песни по-прежнему не производили никакого эффекта. В воздухе появилось только несколько совершенно бесполезных гничиев, которые исчезали, даже не дождавшись конца песни.

Уже потеряв всякую надежду, Джон-Том просто для поднятия духа решил исполнить композицию «Деф Леппард». Но никаких волшебных дверей в стенах, никаких магических лестниц и заколдованных коридоров при этом, как и раньше, не возникло.

Однако появилось кое-что другое.

Выдры зашевелились. Испуганный шепоток пополз среди членов Кворума. Глаза Оплода сузились, он начал гладить подбо-

родок, стараясь понять значение происходящего. Конечно, это великое волшебство, но в чем его смысл и что оно несет?

Один Мадж знал, откуда взялись движущиеся светящиеся призраки, возникшие у ног чаропевца и пустившиеся в радостный танец. Он понял, кто они, потому что видел уже подобные явления.

— Как ты решился их позвать? — спросил он Джон-Тома тихо, завороженно следя вместе со всеми за пляской призраков.

Дуара продолжала издавать звенящие, громоподобные аккорды.

— Это геолки! — прокричал Джон-Том. — Только непонятно, что мы с ними будем делать!

Глава 16

Изящные, светящиеся существа все множились, пока не заполнили собой весь пол и большую часть стен. Они проходили сквозь камни, как будто плавая под музыку, которая была слышна им одним. Иногда ее ритм, казалось, совпадал с ритмом дуары, иногда — нет. Помещение осветилось всеми цветами радуги.

Джон-Том выразительно закончил припев и, продолжая играть, заговорил:

— Привет! Вы меня помните?

— Конечно. Приятно вновь встретить тебя, музыкант.

Возможно, с ним говорил тот же геолк, что и в прошлый раз, когда они впервые увидели друг друга в карстовых скалах Руни-пай, а может, и совсем другой. Трудно сказать наверняка, потому что окраска геолка в этом случае ничего не значила.

— Поешь, как и прежде?

— Да, но теперь не на свободе. Мы все здесь пленники.

Тут Джон-Том осторожно попытался вставить в свою речь слова из песни «Леппард»: «Пленники страшного, темного мира...»

— Страшного? Объясни мне разницу между одним вакуумом и другим, — удивился геолк.

— Разница в свободе передвижения. То, что для тебя само собой разумеется. Вы можете выручить нас отсюда. Я буду играть для вас все что угодно и так долго, как вы захотите, только помогите нам отсюда выбраться. Там, выше, есть отверстие. Сделайте что-нибудь, чтобы мы могли туда забраться.

— «Забраться»? Что это значит? — холодно полюбопытствовал светящийся червь. Другие пленники следили за их диалогом как завороженные. — И что значит — выбраться? Нам нравятся ваши пустоты, но до ваших передвижений нам дела нет.

Наверняка есть что-то полезное, что умеют делать геолки, лихорадочно соображал Джон-Том. Они двигаются в сплошном

камне, входят и выходят из него, когда им угодно... Ага! Они умеют создавать землетрясения.

— Послушай! Найдите в стене трещину... ну, в скале, которой мы окружены. Выстройтесь в цепочку, как вы делали раньше. И слушайте музыку!

— Не хочется этим заниматься, — возразил геолк равнодушно. — Чтобы начать содрогание, нужно соединить усилия, а сейчас у нас совершенно нет настроения.

— Как это — нет настроения? Нет настроения объединяться? — В разговор включился новый голос.

Джон-Том продолжал играть, одновременно пытаясь утихомирить Фаламеезара. Но в том проснулось политическое сознание, и успокоить его было уже невозможно. Он был охвачен вдохновением.

— Товарищ, доверь это дело мне! Здесь нужна организационная работа.

— Ты не понимаешь, Фаламеезар, — попытался возразить Джон-Том. — Они не обычные существа. Они не станут...

— Пролетарии всех стран, соединяйтесь и восстаньте! — завопил дракон. — В солидарности ваша сила, и тогда никто не сможет остановить вас!

— Нас и так никто не останавливает, — возразил темно-синий геолк. — К тому же мы не пролетарии.

Но Фаламеезар не обращал внимания на возражения. Он обрушил на светящиеся существа такой поток марксистской риторики, какого Джон-Тому никогда прежде слышать не приходилось. Ему эти лозунги казались бессмыслицей, но на геолков они действовали как гипноз.

— Владимир Ильич мог бы гордиться вами! — грохотал дракон. — Покажите всему миру, чего можно добиться настоящей рабочей солидарностью.

Трудно сказать, что именно подействовало — музыка Джон-Тома, агитация Фаламеезара или все вместе, но геолки начали собираться в дальней стене и, извиваясь, выстраиваться в линию.

— Все отойдите! — предупредил Мадж. — И не удивляйтесь. Всякое может случиться, надо приготовиться. — Он улыбнулся своему другу-заклинателю. — Провалиться мне на этом месте, если мы отсюда не выберемся!

А геолков становилось все больше и больше, пока, наконец, противоположная стена не засверкала ярким светом. Джон-Тому пришлось закрыть глаза, чтобы не ослепнуть.

Фаламеезар вопил что-то вдохновляющее о рабочем братстве, а Джон-Том и его дуара начали исполнять знаменитую «Приди и почувствуй шум» группы «Квайт Райот». Земля вздрогнула, потому что геолки, выстроившись в мощную линию, похожую на канат, дернулись вместе. Сотрясение сбило с ног Джон-Тома, и даже Фаламеезар отлетел в сторону.

Музыкант продолжал играть, хотя голова у него моталась из стороны в сторону. Он старался сохранить прежний темп и виртуозность игры, пытаясь подражать таким гитаристам как, Джими, Робин Трауер или Эдди ван Хален. Но в конце концов ему пришлось остановиться, потому что каменная пыль лезла в ноздри и он начал задыхаться.

И тут Джон-Том увидел свет. Не от геолков, а другой, настоящий.

Геолки исчезли, а с ними и основная часть стены. Свет потоками падал на дно колодца, так как правая часть крыши обрушилась. На месте стены и крыши до самого верхнего этажа поднималась гора камней.

Фаламеезар грудью пробивал себе дорогу среди обломков.

— Свобода! Долой иго империалистического неоколониализма! — И с энтузиазмом полез вверх по крутому склону. — Где он? Ведите меня к нему!

— Постой, товарищ! Полегче. — Джон-Том с трудом поспевал за разъяренным драконом. — Если он увидит тебя, то снова усыпит.

— Ничего подобного! — решительно возразил Фаламеезар. — Разбуженное сознание народа невозможно снова погрузить в спячку! — Из пасти дракона валил дым и сверкало пламя. — Я превращу этого фашистского диктатора в пепел.

И он снова полез вверх.

— Ты его недооцениваешь! — закричал Джон-Том вслед. Но безрезультатно. Фаламеезар был неглуп, но чересчур импульсивен, особенно когда его охватывала революционная лихорадка.

Сверху послышались крики, и, подняв головы, они увидели стражников Маркуса. Те с нескрываемым ужасом смотрели в провал, образовавшийся буквально у них под ногами. Тот, кого не испугало это зрелище, был обращен в бегство свирепым видом Фаламеезара, стремительно карабкающегося снизу. Верхний этаж опустел с потрясающей скоростью.

— Дракон займется солдатами, — пробормотал Джон-Том, — а мне предстоит справиться с Маркусом. Уж не знаю и как.

— Ты справишься, дружище. Ты вообще здесь единственный, кто может это сделать.

Джон-Том был исполнен мрачной решимости.

— Вдруг мне удастся уговорить геолков собраться у Маркуса в позвоночнике? Нет, черт возьми, мы его достанем! Смог же я организовать настоящее землетрясение по-марксистски! — Он помахал рукой своим товарищам. — Вперед! Пора наверх!

Подбадривая себя криками и лаем, выдры двинулись вверх по склону. Оплод и члены Кворума последовали за ними на почтительном расстоянии. В конце концов, они были руководителями, а не бойцами.

Фаламеезар обыскивал неразрушенную часть большого зала

на предмет оставшихся в живых фашистов. А когда в дверь заглядывал какой-нибудь испуганный стражник, его встречал устрашающий язык пламени. Дракон вдохновенно запел «Интернационал», перевирая и музыку, и слова, но Джон-Том не поправлял его. Чешуйчатый марксист был слишком увлечен, превращая в пепел свору наемников капитала.

— Нужно как можно скорее найти Маркуса, пока тот не пришел в себя. А Фаламеезар займется гвардией.

Джон-Том посмотрел на бывшего премьер-министра Трендави.

— Вы можете показать мне дорогу в его башню?

Престарелый яшер-панголин с достоинством кивнул: «Конечно, друг мой», и повел его через единственную уцелевшую дверь.

Время от времени на пути им попадались гвардейцы Маркуса, но выдр было невозможно испугать ничем, хотя они уступали своим противникам и в росте, и в вооружении. Стражники разбегались, не оказывая сопротивления. Очевидно, слух о том, что пленники вырвались на свободу, уже облетел весь Кворумат, и солдаты боялись даже попасть им на глаза. Им страшно было встретить эту орду фанатиков, возглавляемую огнедышащим, хотя и очень болтливым драконом.

— Нам сюда, — сказал Трендави, сворачивая влево. Они вышли наружу, туда, где совсем недавно Джон-Тома под конвоем вели в святилище самого Маркуса Неотвратимого.

— Его хитрость обернулась против него самого, — проговорил Оплод, когда они, наконец, немного замедлили движение. Члены Кворума едва не падали от усталости, но саламандр был полон сил, глаза его поблескивали. — Башня неприступна с трех сторон, но и выйти из нее можно только здесь.

— Я иду к нему, — сказал Джон-Том. — Остальные пусть подождут снаружи.

— Именно это я как раз и хотел предложить, — вставил Мадж.

Они бросились вперед. Вооруженные львы, сторожившие вход к Маркусу, когда Джон-Тома привели сюда в первый раз, куда-то пропали.

Наступил момент последнего и решительного противостояния, но молодой чаропевец не знал, что делать. Конечно, своим друзьям он об этом не мог сказать.

Наступай! Не давай противнику опомниться. Так его учили, так он и будет действовать. Этот совет ему дали в зале суда, а не на занятиях по военной подготовке. Но Джон-Том решил — то, что хорошо в зале суда, пригодится и на поле брани.

Каждая дверь, соединявшая внутренние покои, открывалась перед ними легко и без усилий, но наконец они оказались перед огромной темной преградой, которая не только не подалась, подобно дверям, но наклонилась вперед и зарычала. Свет факела

тускло отражался в кожаных доспехах. Перед друзьями возвышался Пругг, державший в лапе огромную палицу.

— Стоять! — угрожающе заревел медведь-телохранитель.

Фрэнджел сделал попытку прошмыгнуть мимо, но палица стремительно ударила как раз по тому месту, где только что, с полсекунды назад, стоял выдр, и раздробила пустой камень. Только совершенно неподражаемая прыткость Фрэнджела спасла его от неминуемой гибели. Тот, кто не обладал реакцией выдры, был бы размозжен тут же.

Это послужило сигналом. Уворачиваясь от смертоносных ударов Пругга, они носились вокруг, тыкая его саблями, нанося удары копьями, не забывая криками подбадривать друг друга:

— Коли его! Руби ему котелок!.. Замочи его!..

И вдруг из-за спины Джон-Тома, в стороне от общей свалки, раздался одинокий голос:

— Давай, сноси его с ног! Я ему горло перерву!

Певец повернулся и похлопал Маджа по плечу.

— С ног, говоришь, снести? Горло перервешь? — спросил он, еле сдерживая ярость.

Мадж спрятал лапы за спину и попытался улыбнуться.

— А я вроде тылы прикрываю. Чтоб со спины не напали. А что?

— Задницу ты свою прикрываешь!

— Ну так ведь я это самое и говорю!

Джон-Том довольно часто мирился с бессовестной трусостью своего приятеля, но на этот раз он не выдержал. Ведь рядом бесстрашно сражались, пролагая ему путь вперед, такие крошки, как Сэссвайс и Сплитч. Он просто обезумел от гнева.

— Ты подлый, вонючий, бездарный трус!

Он схватил Маджа за загривок и хвост. Задние лапы выдра крутились в воздухе, он пытался вырваться изо всех сил.

— Потише, приятель, пусти меня сейчас же!

— Нет! Нечего прятаться, сражайся вместе со своими братьями, черт бы тебя побрал!

И Джон-Том швырнул выдра вперед, не рассчитывая сил. Он был вне себя и не думал о последствиях. Сделав в воздухе кульбит, Мадж, к своему ужасу, приземлился прямо на голову Пруггу. От удара шлем на голове медведя съехал вперед и упал на глаза, на время ослепив его. Заметив это, Куорли наклонила голову и бросилась вперед, чтобы нанести медведю страшный удар прямо между столообразных ног. Но немного промахнулась. Пругг только хрипло крякнул, нагнулся и попытался поймать Маджа, который поспешно сползал с него по спине. При этом медведь выронил из лап палицу. Мемоу, Кноркл и Вапп тут же побросали свое оружие и подхватили упавшую дубину. Нацелив ее толстым концом в противника, они пошли на таран, так работая ногами, что только пыль полетела. Палица со страшным стуком врезалась в шлем

с которого только что скатился Мадж. Отдача от этого удара разбросала выдр в разные стороны.

Пругг издал странный утробный звук и повалился, как подрубленное дерево. Его тело упало на пол с тяжелым стуком «бр-р-рум-м».

Джон-Том и остальные кинулись мимо него, в то время как те, кто нанес медведю решающий удар, с трудом поднимались на ноги.

Впереди возвышалась последняя дверь. Неужели они опоздали? Неужели не сумели опередить мага? Или Маркус Неотвратимый ждет внутри, чтобы уничтожить противников каким-нибудь колдовством, принесенным в этот мир из другого?

Джон-Том подергал ручку. Странно, но дверь была не заперта. Выдры сгрудились вокруг.

В дальнем конце зала на троне восседал Маркус Неотвратимый, урожденный Мэркл Кратцмейер. Внешность его несколько изменилась: галстук-бабочка сидел как следует, белая рубашка сверкала белизной. Казалось, явление непрошеных гостей его нисколько не встревожило.

— Слышал, слышал, что вы натворили, детки. Не думал, что вы сумеете добраться сюда. Ну, поздравляю. — Он заглянул Джон-Тому через плечо, ища своего верного телохранителя.

— Он почивает, — усмехнулся Джон-Том, оскалив зубы. — Об этом позаботились мои друзья.

— Доберусь я до лысого гада! — завопила Дрорч. Джон-Тому пришлось ее придержать.

— Это было бы слишком просто. Боюсь, что просто здесь не получится.

— Нет, не получится, мальчик, — тихо ответил Маркус и встал.

Там, на возвышении, в свете факелов он совсем не напоминал дешевого иллюзиониста из варьете из города Перл-Эмбой. Вокруг него распространялось как-бы черное свечение, ощутимая злая аура. Она каскадом опускалась на выдр, сбившихся у дверей, и некоторые из них невольно отступили на шаг.

Маркус спустился с возвышения. На нем были теперь белые перчатки, а туфли сверкали ослепительным блеском. Хотя, как и раньше, они были неподходящего коричневого цвета, заметил Джон-Том.

Волшебник медленно поднял пластмассовую волшебную палочку, но чаропевец даже не пошевелился. Мадж вдруг исчез за дверью, не ожидая начала колдовства.

Маркус опустил палочку и усмехнулся:

— Как быстро покидают тебя твои друзья!

— Меня-то как раз не покидают друзья, — ответил Джон-Том. Он повернулся и посмотрел на выдр, столпившихся у его ног. — Прошу вас — дальше все должно происходить между нами двоими. Подождите в соседнем зале.

Его послушались и начали по очереди выходить за дверь,

причем каждый желал ему удачи и обещал, что стоит ему только крикнуть, как они тотчас примчатся, несмотря на опасность.

— Вот такие у меня друзья! Хотелось бы посмотреть на твоих.

Маркус перестал улыбаться.

— Ну, умник, ты еще пожалеешь! — Он посмотрел на дуару. — Это ее ты так хотел заполучить обратно? Довольно странная штука.

Джон-Том небрежно пробежался по струнам. Комната взорвалась звуками.

— Ну что же, ловко! — одобрил Маркус. — Теперь посмотрим, что получится у меня.

Он нацелил на Джон-Тома палочку и что-то тихо забормотал.

Певец приготовился, не зная еще, что нужно будет делать: то ли отражать удар, то ли затягивать песню. Но вместо этого он едва не рассмеялся. Из рукава волшебника поползли яркие шарфы, как будто Маркус давал представление на домашнем празднике.

Однако шарфы стали обматываться вокруг Джон-Тома, не останавливаясь и не убывая.

Надо быстро что-то предпринимать, а то через пару минут можно превратиться в психодилическую разноцветную мумию. Какую песню он знает про одежду? Про шарфы *или про галстуки*? Поток шелка уже не казался смешным. Вспомнил одну песенку из мультфильма про китайскую прачечную. Нет, не подходит!

В отчаянии он решил исполнить что-нибудь из альбома Кэрол Кинг «Tapestry». Шарфы дрогнули, но не исчезли. Вместо этого они начали распутываться и самостоятельно складываться на ближайшем столе в аккуратные отглаженные стопки, рассортированные по расцветкам. Сначала освободились бедра и колени, потом щиколотки, и вот, наконец, так же быстро, как они вылезли из рукава, все шарфы улеглись на стол.

Маркус нахмурился и опустил руку. Шелковое наводнение прекратилось.

— Быстро же ты отреагировал. Ну, может, в Атлантик-Сити твой трюк и не сработал бы, а здесь сошло и так.

Потом он поднял обе руки.

— Для следующего фокуса мне нужна ассистентка.

В воздухе прямо перед ним стало возникать серебристое сияние, которое постепенно обретало форму и плотность под воздействием пальцев и палочки волшебника. Появилось нечто, напоминающее песочные часы, к счастью, без когтей и клыков. Джон-Том смотрел, не отрываясь.

Она была высокого роста, почти такая же высокая, как он. Очаровательная блондинка почти без одежды... Она шла ему навстречу, шепча что-то пухлым, манящим ртом, уговаривая, соблазняя, умоляя о чем-то.

— Прошу вас, мне нужны добровольцы из зала.

И Джон-Том понял, что шаг за шагом идет к ней. Тут ему по-

казалось, что сквозь девушку он видит Маркуса. Блеснул золотой зуб во рту волшебника — тот улыбался.

Джон-Том отшатнулся, хотя для этого потребовалось настоящее усилие воли, так соблазнительно было видение. А девушка все шла к нему, протягивая безупречной формы руку, чтобы увести с собой на сцену. К тому же ей так нужна была его помощь!

Нет, сопротивляться было невозможно. Зато можно было петь! В этом нет ничего плохого. Какую бы приятную, нежную балладу посвятить красавице?

Сначала неуверенно, потом с нарастающим звуком он начал «Королева убийц» Фредди Меркури.

Светловолосая гурия при первых же аккордах стала корчиться в агонии. Она колебалась и дергалась, но совсем не так, как хотелось исполнителю. Зато стал заметен нож, зажатый у нее в руке. Тут девушка с криком кинулась на певца, и, вместо того чтобы поднять перед собой дуару как щит и отразить удар, Джон-Том продолжал старательно петь, изо всех сил подражая интонациям Фредди Меркури.

И за секунду до того, как нож, направленный прямо ему в горло, достиг цели, видение растаяло, как кусок сахара в горячем чае.

Джон-Том заморгал, а Маркус зарычал что-то неразборчивое, глядя мимо него, а потом снова забормотал и замахал палочкой. Черный плащ раздуло за спиной, хотя воздух в комнате не шевелился.

За спиной Джон-Тома раздался знакомый рев, такой неожиданный в этом окружении, — проснулись безликие демоны.

Они ожили и вылетели из ниш, целясь изогнутыми клыками прямо ему в лицо. Джон-Том ловко увернулся от одного «фоккера» и бросился за стол, так как самолеты снова взлетели и вошли в пике, намереваясь во что бы то ни стало добраться до его глаз. Он не мог вспомнить ни одной песни про самолеты. Единственная, имеющая хоть какое-то отношение к летающим предметам, совсем не подходила для этой ситуации, но певец решил, что с ее помощью он сможет хоть немного потянуть время и собраться с мыслями.

И он запел:

Выше, выше лети в голубую даль
На моем прекрасном воздушном шаре...

И тут же комнату заполнили сотни, даже тысячи шаров всевозможных цветов, форм и размеров. Металлические демоны Маркуса рвались через эти ярко раскрашенные препятствия, те лопались с громким «бумом», похожим на звук китайского новогоднего фейерверка.

Крыло одного из «фоккеров» задело голову Джон-Тома. Его остро заточенный пропеллер, едва не обезглавивший когда-то

ворона Пандро, был обмотан яркими обрывками резины. «Фоккер» сделал мертвую петлю и разбился о стену. Еще через минуту второй демон прыгал по полу и наконец остановился, потому что мотор у него заглох, забитый лопнувшими шариками.

Когда третий, и последний, демон вылетел из окна и, кашляя и задыхаясь, спикировал в воды озера навстречу смерти, Джон-Том мысленно послал благодарность от Четвертого измерения Пятому. Он подождал, пока не исчезли все воздушные шары, и стал смотреть, что будет делать теперь Маркус Неотвратимый.

Тот не выглядел ни подавленным, ни испуганным, но и прежней самоуверенности в нем поубавилось.

—Ты, парнишка, был прав, как я погляжу. Ты был прав, а я ошибался. Вовсе ты не панк и хорошо знаешь свое дело. Может, мы и поладим в конце концов. — Маркус пошел ему навстречу. — Давай помиримся. О'кей? Нам лучше работать вместе, чем все время пытаться сбить друг друга с ног.

Джон-Том оглядел волшебника подозрительно, но на этот раз из рук Маркуса не появилось ни страшных гурий, ни механических летающих убийц. Только обычный букет цветов.

— Конечно, такой подарок лучше подносить девице, — произнес Маркус, — но ничего более подходящего мне в голову не пришло. А так все станет ясно.

Тут волшебник помахал букетом перед носом бывшего оппонента.

Джон-Том улыбнулся и закивал. Главное, он вовсе не хотел кивать, но все равно делал это, потому что цветы пахли так свежо и расслабляюще. Именно расслабляюще. Он так давно не расслаблялся. Цветы говорили ему, что пора отдохнуть, забыться. От букета исходил удивительно успокаивающий, какой-то липкий запах.

— Вот и все, малыш. Все кончено. И незачем драться. Давай поцелуемся и помиримся. Черт возьми, из-за чего нам драться? У нас очень много общего.

Но почему Джон-Том начал отступать? Эта речь испугала его настолько, что он попятился, пока не почувствовал, что уперся спиной в стенку. В чем дело? Разве он хотел отступать? Какая-то крошечная часть мозга, не отравленная ароматом букета, завопила: пой что-нибудь! Пой первое, что на ум взбредет! Пой про то, что имеет хоть какое-то отношение к цветам.

Но Ван Хален не поет о цветах. Не поют о них и группы типа «Мотли крю» или «Годвана». Цветики-ромашки не ложатся на музыку «хэви-метал».

Однако не все же великие группы играют только тяжелый рок. Есть некоторые...

Джон-Том начал играть и петь, про себя удивляясь, какая подходящая композиция пришла ему в голову. Значит, говоришь,

лучше преподнести такой подарок девице? Отчего же? Так тоже неплохо.

На этот раз он пел не Маркусу, а прямо букету:

Карма, карма, камели-и-я,
Ты приходишь и уходишь, о-о-о.

Подражать голосу Бой Джорджа, шелковому, как будто слегка масляному, было трудно. Но Джон-Том справился, а его дуара сумела изобразить все — от гитары-бас до соло на губной гармошке.

Маркус замер, в оцепенении глядя на то, как его гипнотический букет поднимается в воздух в ритме музыки. Лепестки цветов крутились, как лопасти крошечных вертолетиков, потом отрывались от его пальцев и летели стройной цепочкой, чтобы, сделав круг вокруг головы Джон-Тома, так же строем вылететь в ближайшее высокое окно.

В руках Маркуса остался бумажный конус, в котором скрывалось пятидюймовое лезвие стилета. Он, спотыкаясь, стал отступать от певца к своему трону. Цилиндр у него съехал набок, несколько пуговиц на дешевой белой рубашке расстегнулось. Теперь он вновь походил не на Маркуса Неотвратимого, а на провинциального фокусника.

— Маркус, ты опять проиграл, — сказал Джон-Том. — Бросай свои штучки, пока я серьезно не взялся за музыку. С тобой все кончено.

Тут волшебник как будто опомнился. Казалось, близость трона и та власть, которую он воплощал, давали ему новые силы.

— Ты действительно так думаешь, малыш? Ты считаешь, что со мной все кончено? Да я до сих пор только шутки шутил. Развлекался. Думал, тебе и этого будет достаточно, но ошибся. Вот кому теперь и вправду пришел конец, так это тебе!

В лице Маркуса появилось что-то дикое, в глазах сверкнуло бешенство. Все, что он создал тут, в этом мире, куда он попал против воли, все, чего он добился, ускользнуло от него. Казалось, его покидал даже разум, за который волшебник цеплялся из последних сил. Нет, Он победит, он останется Маркусом Неотвратимым, Императором Всего на свете! И никакой тощий панк-рокер ему в этом не помеха!

Он снял цилиндр и, держа его в правой руке, стал шептать что-то, водя над ним палочкой. Потом Маркус несколько раз постучал по краю.

Сначала ничего не происходило, и Джон-Том решил, что маг действительно достиг пределов своих возможностей. Но потом из цилиндра поползло нечто, какой-то грязно-зеленый туман.

В комнате стало темно. Субстанция, возникшая из цилиндра волшебника, угрожающе пульсировала. Она обтекала ножки стульев, приникла к полу, сползла вниз со ступеней возвышения, на

котором стоял трон. Страшное нечто двигалось медленно, изучая и ощупывая то место, куда его вызвали.

Маркус выглядел как-то растерянно, и Джон-Тому тут показалось, что его противник в ярости сделал что-то, неожиданное даже для себя самого, вызвал силу, с которой уже не мог справиться.

Да, зло, породившее ядовитый зеленый туман, было несравненно сильнее глупых надушенных букетов и безликих демонов. В нем не было ничего комического. Несмотря на бестелесность, облако казалось реальнее и страшнее всех прочих порождений Маркусова волшебства.

Маг осторожно заглянул в шляпу. То, что он там увидел, очень ему не понравилось. Он уронил цилиндр, как будто обжегся, и попятился к трону, не отрывая от цилиндра глаз. Тот покатился по ступеням и упал на пол. А устрашающее облако продолжало выползать изнутри. Оно казалось полупрозрачным, но смотреть сквозь него было тяжело, от этого кружилась голова. Внутри зеленоватой субстанции извивались и бились в агонии какие-то существа. Они тихо стонали, тщетно пытаясь вырваться из своей туманной тюрьмы. И этот звук был страшен, он леденил кровь.

Туман добрался до потолка и пошел распространяться вширь. Джон-Тому хотелось бежать, немедленно выбраться из комнаты. Угроза, исходившая от Маркуса, казалась теперь пустяковой, он о ней почти забыл. Нужно бежать отсюда как можно скорее! Только это по-настоящему важно.

Но тут тонкое щупальце гнилисто-зеленого цвета коснулось его ноги, и Джон-Том понял, что не может двинуться с места. Щупальце было тоненьким, воздушным, его прикосновение — ласкающим, но парализовало до полной неподвижности. Певец ощутил пронизывающий холод.

У облака были крохотные, как булавки, глаза, плавающие над круглым овалом рта. Они мерцали в тумане, сонные и равнодушные. Существа, бьющиеся внутри, появлялись и крутились вокруг этих глаз и рта, пытаясь вырваться наружу.

Облако говорило тихим, умиротворенным голосом, который не слушать было просто невозможно. Джон-Том чувствовал, как холод пронизывает его при каждом произнесенном слове.

— Я пришла за тобой. Хорошо, что ты сам меня позвал.

Теперь зеленая мгла заполняла почти всю комнату, постепенно заползая Джон-Тому за спину. Еще немного, и она поглотит его целиком. Джон-Том понимал, что за этим последует: его втянет внутрь, и он присоединится к тем беспомощным, стонущим теням, что мечутся внутри.

Теперь он уже знал, кого вызвал Маркус, кого наколдовал своей яростью и злобой. Сработал инстинкт.

Но если тело замерло в неподвижности, то язык по-прежнему работал. Наверное, зеленое чудище хотело, чтобы жертва го-

ворила. Возможно, это был прощальный дар каждому, кого оно пожирало.

— Ты... Ты Смерть?

Красноречивое молчание было ему ответом. Холод продолжал охватывать его со всех сторон, медленно и неотвратимо.

— Я не знал, что можно видеть Смерть.

Облако стало еще гуще, ледяной зеленый холод начал пощипывать голую кожу.

— Тот, кто не видит приближения Смерти, просто слеп. — Овальный рот был теперь совсем близко, того гляди коснется губ. Вот он — поцелуй Смерти!

Джон-Том как будто со стороны слышал теперь свой голос и поражался тому, каким он стал слабым.

— Ты сказала, что пришла за мной, потому что я звал тебя. Но звал не я!

На мгновение страшное забвение отступило. Завитки зеленого отвратительного тумана отползли, холод немного отпустил. Джон-Том заметил, что дрожит, и впервые в жизни счел это добрым знаком.

— Ты звал меня.

— Нет!

Певец попытался поднять руку к дуаре, но каждый палец весил, кажется, тысячу пудов. Он попытался поднять другую руку, напрягаясь что было сил. Рука медленно, но все же поднялась. Джон-Том тянул ее вверх, потому что это было необходимо. Он не пытался трогать дуару — в этом не было смысла. Перед ним был противник, которого нельзя было победить пением.

Напрягая слабые, дрожащие пальцы, Джон-Том указал сквозь облако.

— Это он тебя звал!

— Нет! — дрожащий голос отозвался из дальнего угла. Маркус скорчился на троне, стараясь в нем спрятаться. — Нет, это был не я! Я не звал тебя...

Облако не спускало с Джон-Тома неотвратимо спокойного взгляда. Но, возможно, внутри его появилась еще одна пара глаз, направленная на Маркуса. Возникла пауза, во время которой все в комнате замерло, как на краю бездны.

Затем Смерть зашептала:

— Мэркл Кратцмейер, из Перл-Эмбой, штат Нью-Джерси, возраст сорок восемь лет. Ты упал в динамо-машину и был мгновенно убит электрическим током. Ты уже умер.

— Нет! — Маркус дрожал и махал палочкой перед страшным облаком. Он был в истерике, глаза выпучены, а зеленый туман все надвигался, готовый поглотить его. — Нет, я не умер! Я теперь здесь. И буду здесь жить.

— Ты умер, — тихо настаивала Смерть. — Я пришла за тобой,

а ты пропал. Я искала тебя. Мне не нравится, когда меня обманывают.

Потом в комнате возник еще один звук, который заставил похолодеть Джон-Тома так, что он забыл о прикосновении зеленого тумана. Это смеялась Смерть.

— И вот ты сам меня вызвал. Те, кто еще жив, говорят, что в мире много забавного.

— Нет! — взвизгнул Маркус. Потом он начал скулить: — Я не звал тебя, не звал! Уходи! — Его палочка беспомощно дрожала в воздухе. — Отправляйся откуда пришла. Я тебе приказываю!

Облако отползло от трясущегося Джон-Тома, медленно клубясь по полу в сторону трона. Только теперь певец почувствовал, что снова может двигаться. Он начал потихоньку пятиться к двери, но потом остановился. Если Смерть захочет найти его, дверь для нее не преграда. Однако он почему-то был уверен, что теперь ничего страшного не случится. А ведь он едва не пал жертвой обычной путаницы.

Джон-Том повернулся. Туман уже полностью поглотил Маркуса, но голос несчастного мага был еще слышен. Существа внутри облака радостно потянулись, чтобы принять новую жертву в свою компанию. Факелы замигали и погасли, остался только мутный зеленый свет.

Никаких криков и драматических возгласов. Просто жалобное хныканье, доносившееся со стороны трона, вдруг прекратилось, и облако начало медленно отступать, постепенно уходя в шляпу, из которой его так необдуманно вызвали. В ту самую шляпу, в черный цилиндр самого безобидного вида, который покойный Маркус Неотвратимый наверняка купил в дешевеньком магазине в Джерси-Сити долларов за десять.

И вот облако исчезло. В зал как-то неуверенно начал просачиваться свежий воздух. На полу валялась черная пластмассовая палочка с белым наконечником — единственное, что осталось от Маркуса Неотвратимого и Всемогущего, правителя Квасеквы и всего Озерного края.

Все еще дрожа, Джон-Том подошел к трону, подобрал ее и постучал по дереву. Звук получился тихий, щелкающий. На рукоятке отчетливо видна была надпись: «Сделано в Гонконге». Держа палочку кончиками пальцев, певец подошел к шляпе и уронил ее внутрь. Та мгновенно исчезла. Тогда Джон-Том глубоко вздохнул и проделал самую трудную в своей жизни операцию. Он поднял шляпу, осторожно держа ее в правой руке, подошел к окну и зашвырнул так далеко, как только смог. Она улетела в темноту, и юноша провожал ее взглядом, пока та не упала. Шляпа была настолько легкой, что вода даже не плеснула, когда та ударилась о ее поверхность. Возможно, шляпа скоро утонет, или воды реки, вытекающей из озера Печальных жемчужин, понесут ее дальше,

в море Глиттергейст, где она погрузится в пучину тусклых, бездонных вод.

Джон-Том почувствовал, что ему жаль Мэркла Кратцмейера. Но Маркуса Неотвратимого было совсем не жаль.

Сзади раздался скрип. Чаропевец даже подпрыгнул от неожиданности.

— Ну, как у тебя тут? — спросил сзади неуверенный голос. Из-за двери выглянул кончик носа Маджа.

Джон-Том вздохнул.

— Нормально, Мадж. Все кончено. Можешь входить. — Он сглотнул комок в горле. — Все можете войти.

— Ладненько, — ответил выдр. Однако прежде чем переступить порог, он внимательно оглядел пустой тронный зал. Вслед за ним, держа оружие наготове, ввалилась и вся компания.

Мемоу скрестила руки на груди.

— Бр-р-р! Ну и холодина тут, молодой человек. Что здесь произошло?

— Маркус, не подумав, вызвал своего старого друга, и они ушли вместе.

Неожиданно Джон-Том ощутил ужасную усталость и огляделся, чтобы найти место, куда присесть. Трон отпал сразу же, поэтому он плюхнулся на гору красиво расшитых подушек, сваленных в углу.

К нему, ковыляя, приблизился Трендави.

— А что же наш город?

— Он в вашем распоряжении. Можете получить его обратно.

Трендави принял эту весть торжественно. Он низко поклонился Джон-Тому, который от изнеможения не смог этому даже воспротивиться, и отправился рассказывать обо всем остальным членам Кворума.

Оплод пересек зал, принюхиваясь к холодному воздуху. Потом посмотрел на молодого человека мудрыми, все понимающими глазами.

— Здесь побывала Смерть. Это ты ее вызвал?

— Не я, а Маркус. Мне кажется, он не понимал, что делает. Оказывается, в другом мире Маркус уже умер. В моем родном мире. От Смерти он спасся, оказавшись здесь. Но все это время она его искала.

— Значит, жадность и злоба толкнули его в руки судьбы, — пробормотал Оплод. — Так свершилась справедливость. — Он снова принюхался. — Большое волшебство происходило в этом зале. Великая магия.

— Не знаю, великая или нет, — Джон-Том потер лицо руками, — но ощущение осталось такое, будто меня долго топтал рассерженный слон.

Куорли успокоительно похлопала его по плечу.

— Все кончено, певец. Дело уже сделано.

И тут через весь зал до них донесся голос, заставивший всех повернуться.

— Эй, глядите на меня! — На троне сидел Мадж, его коротенькие ножки чуть не на фут не доставали до пола, передние лапы лежали на резных подлокотниках. — Видали, кто теперь император Квасеквы? Вы, паразиты, все должны мне кланяться, — тут он подмигнул маленькой Сплитч. — Конечно, леди могут подходить вне очереди.

Джон-Том как бы невзначай заметил:

— Именно там сидел Маркус, когда его забрала Смерть.

Мадж тут же перестал болтать ногами.

— Что ты говоришь?! Думаешь, очень меня напугал? А вот и нет! — И он быстренько спрыгнул с трона. — Только здесь что-то холодно, мне это совсем не по вкусу.

Мадж поспешно ретировался.

— Вот и кончились все наши волнения, — сказала Мемоу.

— Ну, кое-что еще осталось, — задумчиво проговорил Джон-Том. — Вы, кажется, забыли, что в Кворумате, на нижних этажах, бушует революционно настроенный дракон.

— А это действительно серьезная проблема? — нахмурилась рысь Домурмур. — Он же твой друг. Разве ты не можешь попросить его оставить нас в покое?

— От вашего покоя скоро камня на камне не останется, если он узнает, чего стоит ваше правительство. Придется вам уничтожить коррупцию и взяточничество, а также отвратительную практику продажи должностных мест.

Силринди даже задохнулась от возмущения.

— Но это же невозможно! Как тогда управлять государством?

Джон-Том только ухмыльнулся.

— Вот Фаламеезар вас и научит. Но я поговорю с ним, и, может быть, нам удастся прийти к компромиссу, который удовлетворит все заинтересованные стороны.

— Благодарим тебя, — облегченно сказал Трендави с поклоном.

Впоследствии Фаламеезару помогли открыть на берегу острова Квасе центр политического образования и даже, более того, приучили граждан города не шарахаться от него в ужасе. Но очень скоро горожане совершенно перестали его пугаться, зато до смерти устали от нудных проповедей марксистской идеологии. И, несмотря на угрозы, они прекратили посещать центр, и даже городская полиция не могла заставить их сидеть и слушать драконовы лекции.

— Да я лучше съем жареную пчелу, чем буду слушать всю эту ерунду! — заявил по этому поводу хозяин гостиницы.

Поэтому однажды, попрощавшись с Джон-Томом и его друзьями, Фаламеезар отплыл от города в поисках более благодарной аудитории, громко распевая «Интернационал». И закат, на-

встречу которому он удалялся, был идеологически выдержанного ярко-алого цвета.

На следующий день после этого Джон-Тому пришлось отправиться в сопровождении группы мрачных полицейских на уединенный причал, принадлежащий властям города. На самом его конце он увидел большую меховую кучу. То там, то здесь в этой груде виднелись глаза, налитые кровью, непонятные сцепления лап, и вся эта мешанина сильно отдавала запахом спиртного.

Сержант полиции, морская свинка небольшого роста, был нескрываемо зол. Он жестом указал на кучу:

— Ваши приятели?

— Э-э, да, сэр...

— Ну вот и сделайте с ними что-нибудь! Нам пришлось силой выкинуть их из таверны «Весельчак-гиббон». Они напились там до безобразия и хулиганили.

— Ну зачем же вы так? Ведь они спасли ваш город от тирана Маркуса Неотвратимого.

— Это было черт-те когда, — ответил сержант. — С тех пор они успели испакостить половину того, что помогли спасти, оскорбить множество женщин и даже кое-кого из мужчин. Они устраивают гулянки по ночам в самых неподходящих местах и вообще ведут себя вызывающе.

Из меховой кучи вывалился некто и уставился на полицейского слезящимися глазками.

— Кто здесь ведет себя вызывающе, ты, паршивый кусок змеиного дерьма, объеденный червяками?

— Мадж, ты что такое говоришь?!

Выдр развернулся и прищурился на Джон-Тома.

— А, это ты, друг? Где ж ты был прошлой ночью? Такую вечеринку пропустил!

Морская свинка даже носом задергала от отвращения. Подняв голову, полицейский сказал долговязому юноше:

— Эта вечеринка продолжается уже больше месяца, и терпению Кворума пришел конец. В знак благодарности за совершенный ради Квасеквы подвиг было решено отправить вас в дорогу, не задерживая. — Он махнул в сторону лежащих выдр. — Мы постарались свалить их тут, не причиняя ущерба. Заберите своих друзей куда-нибудь подальше.

— Извините их, пожалуйста, за причиненное беспокойство.

Но морская свинка только посмотрела на Джон-Тома искоса.

— Ну что вы, какое беспокойство! В результате стычки с вашими приятелями больше тридцати лучших полицейских моего подразделения лежат теперь в госпиталях. — И он снова ткнул пальцем в сторону меховой кучи. — Вы разбирайтесь тут с ними как хотите, только чтоб они оказались где-нибудь подальше отсюда.

Джон-Том подождал, пока полицейские удалились с пирса, и посмотрел на выдр.

— Ну, не стыдно вам после этого? Неужели самим не противно? Сначала заслужили глубокую благодарность всего населения, а потом сами же эту благодарность и растоптали.

Тут из кучи поднялась Сэссвайс, размахивая саблей.

— Это кто тут чего растоптал? Да я его...

Следом за ней выползла Дрорч и накинулась на свою кузину:

— Опять ты ткнула меня своей селедкой, шлюха мокрохвостая! Я тебе быстро шерсть-то повыдергаю!

— Не забудь позвать себе подкрепление, сучонка!

Тут они сцепились, кусаясь и катаясь по земле так, что только клочки шерсти полетели в разные стороны. Их схватка была настолько энергичной, что привела в чувство всю компанию. Груда тел распалась. Из нее вылез Кнорклл и, дотащившись до края причала, склонился к воде. Его долго и мучительно рвало прямо в озеро Печальных жемчужин.

Джон-Том смотрел на эту картину и только безнадежно качал головой. Потом он произнес фразу, о которой вскоре горько пожалел. Эта фраза оказалась самой большой его ошибкой с той минуты, когда он покинул относительное спокойствие, царившее в Древе Клотагорба.

Он спросил:

— Что же мне с вами делать?

На него уставилась совершенно пьяная Мемоу:

— Да ты не волнуйся, чаладой моловек... нет, молодой человек... Мы тут обсудились и решились... нельзя тебе одному пускаться в такое длинное путешествие, обратно в Колосо... нет, Кослосо... Колоколесье, вот!

— Нет, ни в коем случае! — быстро заговорил Джон-Том. — То есть я вам очень благодарен, но мы с Маджем добрались сюда совершенно самостоятельно и обратно тоже доберемся! — Он оглянулся, лихорадочно ища поддержку.

Мадж не замедлил отреагировать.

— Чем больше компания, тем лучше, — высказался он заплетающимся языком.

Шатаясь, пьяные выдры собрались вокруг растерянного певца, крича и размахивая саблями, не задумываясь, что в любую секунду могут изуродовать и себя, и окружающих.

— Ура! Давай вместе... Вместе веселей! Да здравствует чаропевец!

Джон-Том едва увернулся от клинка, который чуть не отхватил ему полноги. Он попятился к краю пирса, туда, где предусмотрительная полиция уже привязала лодку, на которой приплыли в город выдры.

Вперед выскочил Мадж, обнимая одной лапой Куорли, другой — Сэссвайс.

— Во здорово будет! С такой-то компанией дорога будет куда веселей. К тому же я обещал моим подружкам, что познакомлю их с Клотагробом... нет, с Кротагорбом... — И он зашептал на ухо Куорли: — У этого волшебника есть помощник, Сорблом зовут. Так вот, этот Сорбл делает такой самогон — закачаешься! Я ничего лучше не пробовал, правда! Продирает до кишок, дорогуша.

Куорли прижалась к нему.

— Замечательно, Маджик!

— Нет, нет! — умоляюще заговорил Джон-Том. — Это невозможно. Клотагорб серьезный, трезвомыслящий волшебник. Мне важно, чтобы он и меня считал таким же, иначе он меня домой никогда не отправит.

— Вот мы и поладим! — завопил Вапп. — Потому что мы народ тоже серьезный, а трезвыми быть вообще не собираемся.

Лохматые лапы подхватили протестующего чаропевца и понесли к лодке. После короткой неразберихи, связанной с путаницей в веслах, лодка заскользила по глади озера. Дрорч принялась петь во весь голос, хотя и фальшиво, но с большим энтузиазмом.

— Плыви, плыви, моя лодка...

Песню тут же подхватили другие, и шум поднялся такой, что его не могли не услышать все хищные рептилии от Квасеквы до реки Вертихвостки.

Джон-Том лежал на дне лодки, смотрел в небо и думал, что, возможно, Маркусу Неотвратимому повезло больше, чем ему.

В плену
пертурбаций

Посвящается Алексу Берману
и Сиду, которые верили в меня
и много сделали для выхода книги

Глава 1

С миром все было вроде бы в порядке, пускай даже под миром разумелся тот, в котором Джон-Том очутился не по своей воле. Юноша глубоко и удовлетворенно вздохнул. Осеннее утро выдалось на редкость замечательным. С ясного неба лился яркий солнечный свет, в воздухе разливалось благоухание; вдобавок ко всему прочему Джон-Том чувствовал, что ему можно не опасаться каких-либо неприятностей с желудком. Итак, с миром все было в порядке. То же самое юноша мог сказать и о себе. Тревожиться совершенно не о чем: в занятиях он преуспел настолько, что сам волшебник Клотагорб вынужден был с неохотой признать — прогресс очевиден. Если так пойдет и дальше, со временем Джон-Том окажется достойным прозвища чаропевца. Н-да, в последние дни волшебник пребывал в исключительно благодушном настроении — отчасти из-за того, что его ученик, филин Сорбл, дал зарок не брать в рот ни капли спиртного, едва выйдя перед этим из трехдневного запоя. Собутыльники жестоко подшутили над Сорблом: воспользовавшись тем, что тот потерял сознание — рухнул на пол таверны и начисто перестал воспринимать действительность, — они выдернули у филина почти все хвостовые перья. В результате сего прискорбного происшествия Сорбл выразил искреннее желание вернуться в давно позабытое состояние, именуемое трезвостью. Да что там Сорбл! Джон-Тому вдруг вспомнилось, что Клотагорб резко прекратил жаловаться на свой кишечник. Что ж, остается только поблагодарить судьбу, ибо нет зрелища более жалкого, нежели черепаха, которая страдает поносом.

Правда, какое-то время спустя юноша осознал, что в глубине души у него все же гнездится некое смутное беспокойство. Ничего конкретного, ничего такого, во что можно было бы ткнуть пальцем; тем не менее что-то не давало Джон-Тому покоя. Он сердито фыркнул — что, мол, за ерунда — и решил одолеть смятение чувств при помощи обильного и сытного завтрака. Однако ему скоро стало ясно, что тут бессильны и свежие кольчатые черви, и сушеные, хрустящие на зубах анемоны. Джон-Том повернулся к единственному окну в стене пещеры, сквозь которое проникал внутрь дневной свет, и вывернул усики, на концах коих

располагались глаза, чтобы лучше видеть. Снаружи один за другим на утес, в котором находилась пещера, накатывали могучие валы. В сыром воздухе ощущался запах соли и морской воды. Пол и стены пещеры украшали плети высохших водорослей. В небе сверкали оба солнца. То, что побольше, отливало багрянцем, а маленькое светилось обычным бледно-зеленым светом. Набежавшие багровые облака соответствовали настроению Джон-Тома, но никак не могли быть его причиной.

Юноша подобрал с подноса крошки и отправил их себе в пасть. Напряжение возрастало: стебельки глаз судорожно задергались, и Джон-Тому пришлось приложить немало усилий, чтобы заставить их успокоиться. Нервы, подумалось ему, обычное дело. Однако с какой стати он нервничает? Если с миром все в порядке, из-за чего сыр-бор? Джон-Том вздохнул, встряхнулся, выпрямил глазные усики — не помогло. Мало-помалу у него сложилось впечатление, что с миром произошло нечто ужасное.

За спиной раздалось шипение. Этот звук отвлек Джон-Тома от размышлений о причине неотвязного беспокойства и вынудил повернуться к тоннелю, что выходил из пещеры наружу. За шипением послышался скрежет, а следом прозвучали слова привета. В пещеру протиснулся Клотагорб. Как и подобает существу столь почтенного возраста, его панцирь был вдвое больше, чем у Джон-Тома. Волшебник ловко перебирал шестью хитиновыми ногами. Стебельки, на которых подпрыгивали и раскачивались из стороны в сторону глаза, потрясавшие мудростью выражения, были бледно-бирюзового цвета. Очутившись в пещере, Клотагорб прислонился к стене у окна, чтобы не упустить ни глоточка напоенного морской солью воздуха, затем подогнул ноги и взмахнул клешней.

— Вот тебе задачка, мой мальчик. Как ты себя чувствуешь? Голова не болит? Не тошнит?

— Нет, — отозвался Джон-Том, шевельнув в дополнение глазными усиками. — Все просто отлично. Денек шикарный. Вот только...

— Что? — справился волшебник.

— Да так, ничего. Ну... В общем, проснувшись, я... Как бы это выразиться... Мне кажется, что я — не совсем я. Такое чувство, будто... Короче говоря, все словно шиворот-навыворот.

— Иными словами, ты ощущаешь, что что-то не так, но не можешь определить, что именно?

— Точно! Неужели у вас то же?..

— По-видимому, да. Во всяком случае, я чувствую это с самого пробуждения.

— Ну да! — воскликнул юноша. — А я-то все ломал голову, никак не мог сообразить...

— Да что ты? Разве это так трудно?

Прежде чем Джон-Том собрался с мыслями для ответа, в пе-

щеру ввалилась многоножка около трех футов длиной. Она скорбно воззрилась на Клотагорба, затем мельком оглядела Джон-Тома. Юноша сразу узнал Сорбла.

— Сорбл, ты снова напился! Помнится, ты давал зарок...

— Прошу прощения, — пробормотала многоножка, чуть было не грянувшись об пол. — Но когда я утром увидел себя в зеркале, то... Ну, сами понимаете.

— Понимаю? Что я должен понимать?

— Он что, до сих пор не объяснил? — поинтересовалась многоножка, переведя взгляд обратно на волшебника.

— Что?

— Так вы не заметили ничего необычного? — недоверчиво спросил Сорбл.

— Необычного? Да нет, пожалуй... — И тут Джон-Тома будто осенило. Он испытал ощущение, схожее с тем, какое возникает, когда сунешь палец в электрическую розетку. Вот в чем дело: он не замечал! К примеру, принял как должное превращение Сорбла, хотя прекрасно знал, что тот — филин ростом под три фута и приблизительно с таким же размахом крыльев, а глаза у него круглые, как плошки, и обыкновенно налитые кровью. В общем, о подробностях можно было спорить, но многоножкой Сорбл не был точно. — Разрази меня гром! Что с тобой стряслось, Сорбл?

— Со мной? — воскликнула многоножка. — Да то же, что и с вами! Ты, видно, еще не смотрелся в зеркало.

Юноше просто-напросто нечем было хмуриться, поэтому он лишь несколько раз прищелкнул клешней, чтобы показать, что раздосадован и озадачен, а затем принялся осматривать себя. Ну и что? Похоже, все в норме. Шесть подогнутых хитиновых ног, две клешни, стебельчатые глаза... Да, к жвалам прилепились крошки еды, панцирь нуждается в чистке, но в остальном все так, как и должно быть.

— Ты по-прежнему не понимаешь, что к чему? — Клотагорб оставался на удивление спокойным, хотя, бывало, раздражался по куда более пустяковым поводам.

— Нет, не понимаю, — буркнул Джон-Том; в его голосе отчетливо прозвучало недовольство. — Не знаю, что такое случилось с Сорблом, из-за чего он трансформировался, однако...

Подожди, перебил он сам себя. Что значит «трансформироваться»? Думай, думай, это крайне важно. Итак, трансформироваться. То бишь измениться. Преобразиться. Превратиться. В голове у Джон-Тома что-то щелкнуло. Юноше вдруг почудилось, что его глаза — всего-навсего линзы камеры, принадлежащей кому-то постороннему, и этот посторонний внезапно взял и нажал на кнопку затвора.

Джон-Том снова оглядел себя, окинул внимательным взглядом сверху донизу. Он задрожал, затрясся всем телом, несмотря на то, что опирался на целых шесть ног. Дрожь била его как сна-

ружи, так и изнутри. Неужели начинает тошнить? Кстати говоря, Клотагорб, когда заявился в пещеру, спрашивал насчет тошноты. Что ж, сейчас он, того и гляди, получит ответ на свой вопрос. Желая в глубине души ослепнуть и оглохнуть, Джон-Том ошарашенно озирался по сторонам. Изменился не только Сорбл. Во-первых, волшебник Клотагорб никогда не жил в насквозь сырой пещере, что выходила к океану. Он с давних пор обосновался в громадном раскидистом дубе, расширив своими чарами дупло в стволе дерева до весьма впечатляющих размеров. Дуб рос посреди Колоколесья, а вовсе не на берегу неведомого моря, вода в коем вдобавок отливала не синим или зеленым, а красным. Во-вторых, старое доброе солнце ни с того ни с сего исчезло без следа, а вместо него возникли два малопривлекательных на вид светила — багровое и бледно-зеленое. В-третьих, Клотагорб был черепахой если не преклонного, то достаточно почтенного возраста, а не каким-то там членистоногим. Помимо всего прочего, сам Джон-Том, в прошлом — Джонатан Томас Меривезер, был молодым человеком шести футов двух дюймов роста, склонным к худобе, с русыми, до плеч, волосами и задумчивым выражением лица. Юноша оглядел себя в третий раз и с горечью отметил, что осознание случившегося не привело ни к каким положительным переменам. Он все еще оставался огромным голубым крабом.

— Мой мальчик, ты можешь сказать, что должен был сообразить раньше, — заявил Клотагорб снисходительным тоном, который порой доводил юношу до белого каления, — но позволь сообщить тебе, что привыкание к столь внезапному изменению занимает обычно много времени, тем более — сразу после пробуждения.

— Привыкание? — В голосе Джон-Тома послышались панические нотки. — Черт побери, что происходит? Что стряслось с вами и с Сорблом? Что... — Он взмахнул было клешней, но, увидев ее перед собой, торопливо опустил, как будто это могло что-то исправить. — Что случилось?

— Да будет тебе известно, мой мальчик, — Клотагорб провел клешней вдоль глазного усика с таким видом, словно занимался этим каждое утро с самого рождения, — мы очутились в весьма затруднительном положении.

— Опять? — простонал Джон-Том. Вернее, ему показалось, что он простонал; на деле же у него вырвался не стон, а жалобное шипение. — Ну почему мы вечно оказываемся в затруднительном положении? Почему не в приятном? Не в терпимом, на худой конец? Почему нам постоянно приходится принимать судьбоносные решения?

— Мой мальчик, ты впадаешь в истерику.

— Никуда я не впадаю, — отрезал Джон-Том. — Я злюсь, и мне не по себе, но никакой истерики не предвидится.

В этот миг исполинский голубой краб, терпеливо выслушивавший его причитания, словно растворился в воздухе — заодно с

пещерой, водорослями, ревом океана и пряным запахом соленой воды. Багрово-зеленый свет сменился неярким теплым свечением. Футах в шести от юноши возник стул, на котором восседал Клотагорб, волшебник Клотагорб в своем истинном облике. Он пристально глядел на Джон-Тома. За спиной чародея виднелась стена из светло-коричневого дуба. Помещение приобрело привычные очертания: кровать, стол со стулом, в углу — рукомойник и раковина. Джон-Том поднялся, пересек на негнущихся ногах комнату, подошел к рукомойнику и плеснул холодной водой в лицо и на руки; затем взял полотенце и принялся вытираться, радуясь гладкости собственной кожи. Хитиновый панцирь сгинул, будто его и не было. Юноша прикоснулся к недавно вымытым волосам, ощупал голову.«Я стал самим собой!» — воскликнул он мысленно, испуская облегченный вздох. Выходит, мир вернулся в нормальное состояние? Вернулся ли? Что разумел волшебник под затруднительным положением? Джон-Том знал, что Клотагорб не из тех, кто бросается словами; к тому же все эти фокусы с переменой наружности — прекрасная иллюстрация серьезности происходящего.

Ну и ладно. Справимся, и не с таким справлялись. Клотагорб наверняка придумает, как быть и что предпринять. Разумеется, поначалу он будет ворчать, кряхтеть и жаловаться на судьбу, но сделает все, что нужно, а Джон-Том, как обычно, наберется по ходу дела опыта. Поистине смешно даже предполагать, что чародей, среди заслуг которого — план сражения у Врат Джо-Трума, решающей схватки с Броненосным народом, а также изобретение способа подавать внутрь Древа горячую и холодную воду, — не сумеет совладать с тем, кто (или что) вынудил его проснуться поутру в обличье голубого краба. Да, но что, если это повторится? Джон-Том лишь теперь заметил, что у него дрожат руки.

— Эй, — проговорил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — смотрите-ка. Может, я и впрямь впадаю в истерику?

— Запоздалая реакция, — отозвался Клотагорб, неодобрительно прищелкнув языком; впрочем, взгляд волшебника выражал искреннее сочувствие. Маг сунул лапу в один из ящичков на своем животе, порылся в нем и извлек крохотный пакетик. Он раскрыл его, вытряхнул содержимое в воздух и произнес заклинание, которого Джон-Том еще не слышал:

Да прекратится дрожание рук,
Да воцарится покой.
Мысли, назад! Ваш нарушился круг,
Глади подобный морской.
Таллиум, кондралиум,
Вступай-ка в дело, валлиум[1]!

---

[1] Валлиум — фирменное название транквилизатора, который снимает беспокойство и мышечное напряжение (*прим. перев.*).

В следующий миг по телу Джон-Тома разлилось спокойствие. Облегчение было столь полным и неожиданным, что юноша не устоял на ногах. Если бы не Сорбл, который успел подхватить его и довел до кровати, он бы повалился на пол.

— Пожалуй, я слегка перестарался, — буркнул Клотагорб.

— Нет-нет, ни в коем случае, — возразил Джон-Том. — Большое спасибо... спасибо.

— Да, перестарался. — Волшебник кивнул головой в такт собственным мыслям. — Тебе слишком хорошо.

Не обращая внимания на слабые протесты юноши, он сделал замысловатый жест. В голове у Джон-Тома мгновенно прояснилось. Юноша притворился, что весьма благодарен, однако в действительности испытал сильное разочарование.

— Уф! Что это было, сэр?

— Сейчас не время заниматься фармакологическими экспериментами, — ответил чародей, погрозив молодому человеку пальцем. — Сказать по правде, мой мальчик, ты еще не готов к тому, чтобы обучаться им. С тебя вполне достаточно, что ты, благодаря мне, в состоянии соображать. Разве ты забыл, о чем мы говорили?

— Забудешь, как же. — Джон-Том уселся на кровати и положил руки на колени; лицо его поскучнело. — Очередное затруднительное положение.

— Похоже, я переоценил твои возможности, — фыркнул Клотагорб. — Ну, ничего, побочные эффекты скоро прекратятся.

— Жалко, — пробормотал Джон-Том. — Если я правильно вас понял, сэр, все повторяется снова, так? Но с меня хватит. Тем более вы, несомненно, обойдетесь и без моей помощи.

— Ты так думаешь? — справился Клотагорб, глядя на юношу сквозь шестигранные стекла очков. — С чего ты взял?

— Разве не вы превратили нас в самих себя? — Джон-Том обвел рукой комнату. — Вы вернули все на прежние места. Я — это я, вы — это вы, а мир стал таким, каким ему и следовало быть.

— Разумеется, — согласился волшебник, — однако должен тебя разочаровать: моей заслуги тут нет.

— Вы хотите сказать, что все произошло без вашего участия? — озадаченно переспросил Джон-Том.

— Именно так, мой мальчик. Я ничего не искажал и не исправлял.

— Значит, — проговорил Джон-Том, — мы опять можем обернуться не пойми кем?

— Совершенно верно. В любой момент мы с тобой можем стать голубыми крабами, а Сорбл — той самой омерзительной многоножкой, и оказаться вместо Древа в сырой пещере, и...

— Ладно-ладно. — Мысль о возможном возвращении обратно в тело шестиногого краба заставила Джон-Тома содрогнуться. Он вовсе не желал вновь очутиться в благоухающей морем пеще-

ре. — Но я не понимаю. Такие вещи, насколько мне известно, ни с того ни с сего не происходят.

— Факты, мой мальчик, свидетельствуют об обратном. К тому же случись нечто подобное снова, его последствия могут быть совсем другими.

— К чему вы клоните? — спросил Джон-Том, оглядывая комнату, словно в поисках признаков предстоящего изменения. Взгляд юноши задержался сперва на стуле, затем — на вешалке, занятой чистой рубашкой.

— К тому, что в следующий раз мир может измениться куда сильнее, причем это наверняка произойдет неожиданно, безо всякого предупреждения.

— Значит, то была не иллюзия? — спросил Джон-Том, поразмыслив над словами волшебника. — Значит, Сорбл и мы с вами и впрямь превратились невесть в кого?

— Да. Преображению подверглись не только мы, но и весь мир. Тебе не почудилось, что ты обернулся голубым крабом. Ты стал им.

— Я... Может быть... — Юноша не докончил фразы.

— Что, мой мальчик?

— Мне подумалось, что вы решили подшутить над нами, — выговорил наконец Джон-Том, отводя взгляд. — Вы ведь постоянно испытываете меня.

— Что ж, вполне разумное допущение, — заявил Клотагорб. — Однако ты забыл, что я не в том возрасте, чтобы подшучивать над кем бы то ни было. Нет, я вовсе не собирался испытывать тебя. Если бы все было так просто...

Джон-Том задумчиво кивнул и потянулся за дуарой, которая висела на спинке кровати. Юноша взял инструмент в руки, перекинул через плечо ремень. На лице чародея промелькнула тень беспокойства.

— Что ты намерен делать?

Тревога Клотагорба имела под собой основания: несмотря на прилежание в занятиях, чаропение Джон-Тома под аккомпанемент дуары оставляло желать лучшего. Да, его музыка творила чудеса, но, как правило, совсем не те, на которые он рассчитывал.

— Ничего особенного, — буркнул юноша. Неужели Клотагорб до сих пор видит в нем не более чем дилетанта? — Вы что, по-прежнему не доверяете мне?

— Мой мальчик, у тебя просто талант угадывать, о чем я думаю.

Джон-Том хотел было срезать несносного старого ворчуна язвительным замечанием, да так и застыл с разинутым ртом, уставясь на мизинец левой руки. Тот вырос в длину на добрых три дюйма и превратился в извивающегося червяка, который исхитрился вдруг развернуться, окинул юношу свирепым взглядом, а затем исчез. Джон-Том пошевелил пальцем и судорожно сглотнул.

— Да, я видел, — отозвался Клотагорб, отвечая на вопрос, который читался в глазах Джон-Тома. — Изменения различаются

по силе воздействия. Отнюдь не все они столь серьезны, как то, которое разбудило нас с тобой. Очевидно, измениться может как мир в целом, так и крохотная его часть. К примеру, твой мизинец. Наше восприятие изменений зависит от того, чем мы занимаемся в тот миг, когда они происходят. Нам повезло, что в момент первой пертурбации мы всего-навсего умывались и завтракали. Потрясение, не говоря уж о психическом шоке, было бы куда ощутимей, если бы ты занимался тогда чаропением или сидел на толчке.

— Понятно, — сказал Джон-Том и покачал головой. — Знаете, оказавшись здесь по вашей воле, я имел достаточно возможностей ознакомиться с магией, но ни с чем подобным мне сталкиваться еще не доводилось.

— Магия тут ни при чем, — заявил волшебник. — То, что произошло и продолжает происходить, является результатом действия природных сил.

— Какая разница! — пробормотал Джон-Том, отрешенно махнув рукой, и испуганно посмотрел на ладонь, проверяя, не случилось ли с ней чего-нибудь этакого. — Как ни назови — природными ли силами, магией или физикой, — результат один: нечто изменяет структуру мироздания, не спрашивая ничьего согласия.

Он тронул струны дуары. Раздался приглушенный мелодичный звук. Клотагорб быстро огляделся — как видно, чтобы удостовериться, что в комнате все осталось по-прежнему.

— Ты прав. Вдобавок невозможно предсказать, когда случится очередное изменение и насколько серьезным оно будет. Однако это нечто нужно остановить. Если ничего не предпринять, изменения начнут повторяться все чаще. Хуже того, они будут раз от раза все серьезнее.

— Что может быть хлеще превращения в голубого краба?

— Взгляни на себя, — посоветовал волшебник. — Лично я предпочел бы оказаться в теле краба, нежели в твоем, бледнокожее ты млекопитающее.

Джон-Том свыкся с наветами в свой адрес, а потому пропустил замечание Клотагорба мимо ушей.

— И кто же всему причиной? — справился он, пощипывая струны дуары.

— Никто.

— То есть никакой злонамеренный колдун?

— Совершенно верно, — откликнулся Клотагорб. — Мы столкнулись с природным явлением, наподобие землетрясения.

Что касается землетрясений, в них Джон-Том разбирался, пожалуй, получше чародея, однако он решил не сбивать старика с мысли.

— Вы сказали «явлением»? То бишь причина всему — однаединственная? — Палец юноши вновь предпринял попытку обер-

нуться червяком, однако суровый взгляд, как ни странно, положил конец превращению.

— Именно так, — ответил Клотагорб, принимаясь расхаживать по комнате. — Эта причина искажает мир, вносит изменения в структуру мироздания, заставляет электроны в атомах сходить с привычных орбит. Думается, речь идет об испускании чрезвычайно мощных дестабилизирующих потоков энергии. Степень подверженности нашей Вселенной переменам различается в зависимости от мощности того или иного потока.

— Нашей Вселенной? — выдавил Джон-Том.

— Ну да. — Клотагорб величественно кивнул. — По-твоему, я случайно назвал положение затруднительным? К счастью, подобные происшествия случаются крайне редко, ибо пертурбаторов на свете не так уж много. Пертурбатор — вот источник всех наших неприятностей. — Волшебник прищурился. — Улавливаешь, к чему я клоню?

— Конечно, конечно. Но что такое пертурбатор?

— Это слово обозначает вообще-то два понятия. Однако одно из них нас ни капельки не интересует, поэтому перейдем сразу ко второму. Определить его довольно трудно. Проще всего охарактеризовать пертурбатор как органически-неорганическое существо, которое не здесь и не там и одновременно, в каждый конкретный миг, здесь и там. Он движется сквозь бесконечное число возможных и невозможных вселенных, неся с собой череду перемен.

— Ясно, — пробормотал Джон-Том, отчаянно пытаясь доискаться хоть какого-нибудь смысла в том нагромождении противоречий, которое изливалось из уст волшебника.

— Как я уже сказал, их немного, — продолжал Клотагорб. — Обычно они проносятся сквозь вселенные с такой быстротой, что изменения проходят незамеченными. Однако теоретически возможно поймать пертурбатор и задержать его в одном месте. Надеюсь, ты понимаешь, что это означает для того, кто привык свободно перемещаться в космосе. Предположим, что пертурбатор в самом деле оказался в плену. Скорее всего он начнет все чаще выбрасывать энергию. Мы сейчас, кажется, это и наблюдаем.

— Иными словами, — проговорил Джон-Том, — мы попали в беду из-за того, что некое существо, способное изменить структуру мироздания, страдает, если можно так выразиться, от приступа межпространственной клаустрофобии?

— Ты, по своему обыкновению, излишне красноречив, но суть проблемы от тебя не ускользнула.

— Слабенькое утешение. Но как можно остановить такое? — Юноша внезапно осознал, что его кожа приобрела красновато-коричневый оттенок. Панцирь Клотагорба сделался ярко-розовым. Мгновение спустя все исправилось. — Я понимаю, что надо

торопиться. Мир и без того достаточно паскуден, чтобы еще изменять его день ото дня, но...

— Решение, как мне представляется, весьма простое, правда, добиться желаемого будет, наверное, трудно. Необходимо отыскать пертурбатор и освободить его.

— Признаться, я не совсем разобрался в том, как можно поймать нечто, способное проникать из вселенной во вселенную, — покачал головой Джон-Том. — Ведь он не бабочка, верно?

— Увы, мой мальчик, я знаю об этом не больше твоего, — развел лапами Клотагорб. — Тем не менее его поймали.

— И кто же? — криво усмехнулся юноша. — Неужели кто-нибудь вроде нас с вами?

— Все мы обладаем скрытыми возможностями, — сурово произнес волшебник. — На свете не существует такого, чего нельзя было бы достичь. Нужно лишь время, желание, острый ум и слепое везение.

— Ладно, допустим, что кто-то поймал пертурбатор. Значит, надо его найти и выпустить на волю, прежде чем все мы чокнемся. Заметано. — Пальцы Джон-Тома вновь ущипнули струны дуары. — Так почему бы на сей раз не послать на подвиги других? Пускай чародеи — вон их сколько — покажут, на что они годятся, а то все мы да мы.

— Потому, — заявил Клотагорб наставительно, — что я, как тебе прекрасно известно, самый могущественный из чародеев. Кому, как не мне, действовать на общее благо там, где прочие волшебники наверняка вынуждены будут бесславно отступить?

— Угу, — буркнул Джон-Том. — А мне, разумеется, придется отправиться с вами, потому что я пользуюсь вашим гостеприимством; и потом, кроме вас, у меня нет никакой надежды когда-либо вернуться домой.

— А еще потому, что у тебя доброе сердце, ты прислушиваешься к моим советам и изнываешь от неискоренимого стремления помогать ближним, — прибавил Клотагорб. — Мой мальчик, ты неисправимый позер.

— Спасибо на добром слове. Что ж, по крайней мере, нам не предстоит совершить ничего сверхъестественного. Эти изменения, конечно, надоедают, но физического вреда они не причиняют.

— Как сказать, — фыркнул волшебник.

— Послушайте, а без меня вы никак не обойдетесь? Уж один-то единственный раз...

— Если пертурбатор не освободить, — начал Клотагорб, сцепив пальцы и уставившись в потолок, — он не перестанет изменять мир, вследствие чего местная структура материи претерпит необратимые искажения, и мы тогда можем утратить кое-что из насущно необходимого.

— Например?

— Например, гравитацию.

— Ладно, уговорили, — буркнул Джон-Том, глубоко вздохнув. — Сдается мне, от этой штуки не спрячешься.

— То-то и оно, мой мальчик, то-то и оно. Тебе не спрятаться ни от нее, ни от меня.

— Да зачем я вам нужен? С моими способностями к чаропению...

— Не принимай мои шутки близко к сердцу. Ты уже добился кое-каких успехов, а за время нашего путешествия сможешь углубить свои познания. И потом, я старею, так что помощь того, кто молод и силен...

— Будто, кроме меня, никто вам не пособит, — хмыкнул Джон-Том. Он неоднократно слышал жалобы волшебника на возраст и вовсе не стремился к тому, чтобы подновить их в памяти. — Я же сказал: ладно. Похоже, у меня нет выбора. Да и у вас, кстати, тоже, раз на карту поставлена судьба всего мира. Между прочим, как он выглядит, этот пертурбатор?

— Кто знает? — пожал плечами Клотагорб. — Говорят, что он способен с легкостью менять внешний вид. Вполне возможно, нам он покажется деревом, камнем или клочком тумана. Мы с тобой определяем то, что видим, в знакомых нам терминах, то есть сравниваем новое с тем, что известно. Но учти, что пертурбатор — явление не естественное, а сверхъестественное. Его основная характеристика — нестабильность по форме или по составу, вернее, по структуре. В одной древней книге утверждается, что на него приятно смотреть. Характер его, если можно так выразиться, отнюдь не злобен. Искажения возникают неумышленно, просто в силу того, что иначе не получается. Если бы не привычка устраивать в тех вселенных, куда он залетает, сумасшедший дом, было бы любопытно познакомиться с ним покороче.

— А вы вообще-то уверены, что мы имеем дело с пертурбатором?

— Только пертурбатор может изменять мир подобным образом, — изрек Клотагорб, превратившийся вдруг в пожилую мышь с ярко-желтыми крыльями. Крылья требовались ему затем, что восседал он на верхушке ели вышиной в полных сто футов. Джон-Том бросил взгляд на головокружительную бездну под ногами и с немалым трудом удержался на дереве. Последние слова чародея получили неожиданное и весьма впечатляющее подтверждение. Пертурбация длилась около трех минут, по истечении которых мир мгновенно возвратился в приличное состояние. Убедившись, что они находятся внутри дуба, Джон-Том испустил облегченный вздох. Разумеется, в действительности они и не покидали дупла — это действительность покинула их.

— По-вашему, мы и впрямь превращаемся? Может, вся закавыка в том, что на нас наводят галлюцинации?

— Мой мальчик, упади ты с того дерева, за которое цеплялся несколько секунд назад, — заметил Клотагорб, — от тебя оста-

лось бы мокрое место. Конечно, ты вернулся бы к действительности, но в виде кровавого месива на полу. Ну да, у тебя были крылья, однако сумел бы ты ими воспользоваться?

— Кажется, я начинаю понимать, с какой стати вы отправляетесь на поиски. — Юноша взял с полки кувшин и налил в стакан воды. К его изумлению, в стакане очутилась пенистая голубая жидкость, которая шипели и пузырилась, словно выражая недовольство. Джон-Том выронил стакан. Шипение сделалось поистине оглушительным. Юноша нырнул под кровать, а Клотагорб проворно спрятался внутрь панциря. Стакан взмыл к потолку этакой крохотной ракетой, отскочил от стены, которая внезапно стала резиновой, и ринулся на нахала, что осмелился прикоснуться к нему. Джон-Том поспешно заполз под кровать. Поскольку у них не было ни пистолета, ни сачка для ловли бабочек, оставалось только ждать, пока таинственная жидкость не перестанет шипеть и не растратит всю свою энергию. Это произошло почти в тот самый миг, когда пертурбация завершилась. В стакане вновь оказалась вода, он завис на мгновение в воздухе, а затем рухнул на спинку кровати и разбился вдребезги. Клотагорб осторожно высунулся из-под панциря. Джон-Том также покинул свое убежище, косясь на лужицу на полу, словно опасался, что та возьмет да и кинется на него.

— Попробуй снова, мой мальчик. Теперь все должно быть в порядке.

— Обойдусь. — Джон-Том выпрямился. — Что-то расхотелось.

— Нервишки шалят, а? Ничего, пройдет. Всем нам придется следить за собой. Ведь прежде, чем дела пойдут на лад, положение станет гораздо хуже.

— Сказать по правде, сэр, помогать вам для меня в радость. Вы не упускаете случая обнадежить.

— Тихо, мой мальчик, — приструнил волшебник юношу. — Ты должен оставаться спокойным хотя бы для того, чтобы не утратить способность к чаропению.

— Вам легко говорить! Останешься тут спокойным, как же! Вы-то знаете, что к чему. Будь я величайшим чародеем на свете, я бы тоже не дергался. А так — откуда мне знать, чем все обернется?

Ответ Клотагорба ничуть не прибавил храбрости Джон-Тому.

— Ты шутишь, мой мальчик? Я перепугался до полусмерти.

Глава 2

Джон-Тому пришлось нагнуться, чтобы не стукнуться головой о притолоку. Клотагорб постарался сделать свой дом максимально удобным для человека, однако не стал прибегать к закли-

нанию, которое изменило бы высоту комнат и коридоров. Такие заклинания отнимают много времени и сил, а потому, как заявил волшебник, ими пользуются лишь тогда, когда возникают неисправности в канализации или водопроводе. Поэтому юноша, переходя из комнаты в комнату, вынужден был сгибаться чуть ли не в три погибели. Впрочем, нет худа без добра. Подобные гимнастические упражнения, продолжавшиеся из месяца в месяц, закалили Джон-Тома, и теперь, изредка стукаясь лбом о косяк, он лишь досадливо морщился. Юноша полагал, что изучил дупло в стволе дуба как свои пять пальцев, однако коридор, в который свернул Клотагорб, был ему незнаком. Он уводил куда-то вниз.

Впереди замаячила фигура Сорбла. Ученик чародея сжимал в лапе палку, на конец которой был насажен светящийся шар. Несмотря на шар, в коридоре царил зыбкий полумрак — верный признак того, что филин самостоятельно сотворил огнетворное заклинание.

— Я здесь, хозяин.

— И снова в стельку, — буркнул волшебник.

— Нет, учитель, — возразил Сорбл, распрямляясь. — Видите, я не качаюсь. Я различаю и вас, и Джон-Тома.

Юноша присмотрелся к филину. Странно, но факт: глаза фамулуса против обыкновения если и были налиты кровью, то совсем чуть-чуть.

— Это нам не понадобится, — заметил Клотагорб, разумея светильник.

— Как же так, хозяин? Разве мы идем не в погреб?

— В погреб? — переспросил Джон-Том. — А я и не подозревал, что он у вас есть. Почему вы мне его не показывали, сэр?

— Потому что он используется не по прямому назначению. Я бываю там в исключительных случаях.

— Держите, хозяин, — сказал Сорбл, протягивая волшебнику палку с шаром. — Я пошел.

— Интересно знать, куда? Ты идешь с нами, Сорбл. Если все время будешь убегать, так ничему и не научишься.

— Я читаю книги.

— Их недостаточно. Необходима практика.

— Хозяин, я боюсь погреба!

На лице Клотагорба появилась гримаса отвращения. Он упер лапы в бока, то бишь в панцирь: поскольку в силу обстоятельств рождения чародей принадлежал к черепашьему роду, его тело помещалось между щитками роговых пластин.

— Порой мне кажется, что ты никогда не поднимешься выше ученика. Тем не менее по договору я обязан вбить в твою башку хотя бы крупицы знаний. Если тебе так легче, можешь не гасить свет. — Клотагорб покачал головой. — Надо же: филин — и боится темноты.

— Я боюсь не темноты, хозяин, — возразил Сорбл, набравшись, по всей видимости, мужества, — а того, что в погребе.

— Минуточку, — вмешался Джон-Том, — минуточку. О чем, собственно, речь? Чего ты боишься, Сорбл?

— Ничего, — пробормотал филин, искоса поглядев на юношу.

— Погоди, — не отступал тот, — ты же сказал, что чего-то там боишься. Чего именно?

— Ничего, — повторил Сорбл.

— Да, каши с тобой не сваришь, — фыркнул Джон-Том. — Что его напугало, сэр?

— Ничто, — изрек чародей.

— Благодарю, — криво усмехнулся Джон-Том. — Наконец-то мы все выяснили.

— Сорбл, ты останешься со мной, — заявил Клотагорб, окинув ученика суровым взглядом. — Мне может потребоваться твоя помощь. Иного способа узнать нахождение пертурбатора у нас нет. Это должен понимать каждый. — Он посмотрел на Джон-Тома. — Не так ли, мой мальчик?

— Разумеется, — отозвался тот без малейшего промедления, а мысленно прибавил: «Знать бы, с чем я соглашаюсь».

— Кроме того, — сообщил волшебник, вновь повернувшись к Сорблу, — ты будешь сопровождать меня в дороге.

— Я? — воскликнул филин. — Но я всего лишь ученик, неопытный подмастерье! И потом, кому-то надо приглядывать за домом, оплачивать счета, забирать...

— Дом приглядит за собой сам, — перебил маг. — Стыдись, Сорбл! Даже Джон-Том идет со мной, как же я могу оставить тебя?

— Ему проще, чем мне.

— Он явился к нам из совершенно иного мира и не имеет ни малейшего желания учиться магии, однако сумел-таки кое-чего добиться. Бери с него пример, ученик! Он того и гляди станет настоящим чаропевцем. Куда подевалось твое честолюбие, твое желание познать тайны Вселенной?

— Может, я лучше позабочусь о стирке? — предложил филин.

— Я брал тебя в ученики, а не в домохозяйки, — фыркнул Клотагорб. — Если бы мне была нужна домохозяйка, я бы нанял кого-нибудь попривлекательнее и противоположного пола. А раз ты мой ученик, то должен идти за мной повсюду, по желанию или без оного. Не забывай, ты подписал договор. Сдается мне, ты пребывал тогда в некотором отупении с похмелья. Да, жаль, что я не знал, какое времяпрепровождение ты предпочитаешь. Но договор есть договор. Я сделаю из тебя волшебника, пускай мы оба в итоге ляжем костьми — один от усердия, а другой от бестолковости.

— Ну и ложитесь, коли вам так хочется, — пробормотал Сорбл себе под нос.

— Вдобавок, — закончил Клотагорб, — вполне может случиться так, что ты окажешься мне полезен.

— Да ну? В смысле, ну да.

— Вот именно, что «ну да». Утром, во время пертурбации, я не заметил у тебя склонности к панике, хотя был вправе предполагать обратное.

— Пертурбация? Что это такое? — Похоже, удивление Сорбла было неподдельным.

— Ты что, не помнишь? — изумился Джон-Том. — Дупло превратилось в пещеру, лес снаружи — в океан, мы с твоим хозяином обернулись голубыми крабами, а ты — противной многоножкой. Ну, вспомнил?

— Ах, это. — Физиономия Сорбла выразила облегчение. — А я-то решил, что и впрямь что-то прозевал. Так на вас тоже нашло?

— Сорбл, — сказал Джон-Том, — ты все перепутал. Это было не наваждение, а пертурбация.

— Серьезно? — Филин поглядел сперва на чародея, затем на молодого человека. Те утвердительно кивнули. — Ну и что? Нашли из-за чего беспокоиться!

— Ну как?.— справился Клотагорб у человека, не сводя глаз со своего ученика. — Пожалуй, это — единственное благоприятное последствие злоупотребления алкоголем. Пертурбация не встревожила Сорбла, поскольку он постоянно пребывает в аналогичном состоянии, то бишь вечно пьян в доску.

— Понятно, — проговорил Джон-Том. — Вы хотите сказать, что для него перемена была не столь разительна, потому что он воображал себе во время запоев и не такое?

— У меня не бывает запоев, — возразил с оскорбленным видом Сорбл. — Я знаю меру.

— Ну так вот, мой дорогой ученик, — произнес Клотагорб, — ты привык к галлюцинациям настолько, что перестал обращать на них внимание. Дабы ты и дальше вел себя не менее достойным образом, разрешаю тебе взять в дорогу бочонок вина, которое ты будешь потреблять достаточно свободно, но под моим неусыпным наблюдением. Как там в поговорке: смазанное колесо лучше катится? Похоже, ее сложили про тебя.

Сорбл, судя по всему, не верил собственным ушам. Он застыл, как в столбняке, разинув клюв, потом спохватился и кинулся благодарить чародея:

— Конечно, я отправлюсь с вами, учитель. Тем более что выбора вы мне все равно не оставляете. — Он заколебался. — А вы не шутили, когда говорили, что позволите мне... гм... освежаться в пути?

— Увы, не шутил, — вздохнул Клотагорб. — Для всех нас

крайне важно, чтобы ты как можно дольше находился в своем привычном состоянии. Разумеется, за тобой будут следить, чтобы ты не перебрал лишнего.

— Не волнуйтесь, мастер! — радостно воскликнул филин. — Я вас не подведу.

— Гм... Посмотрим, посмотрим. А теперь, раз мы разобрались, кто и куда идет, продолжим-ка наш путь. Времени у нас в обрез. Если мы не сумеем быстро освободить пертурбатор, частота искажений возрастет и может дойти до того, что пертурбации станут постоянными.

— Я не понимаю, хозяин, — пробормотал Сорбл, — но погреб...

— Я же сказал, иного способа нет! — вспылил Клотагорб. Он подтолкнул филина вперед. — И прибавь шагу, не то подпалю тебе перья — будешь нам вместо светильника!

Сорбл тут же припустил чуть ли не бегом.

Стены коридора — вернее, тоннеля — были земляными. Ни тебе деревянных подпорок, ни бетонных блоков, ни металлических решеток — кругом, куда ни глянь, сырая земля. Под ногами чавкало. По тоннелю сновали какие-то крошечные существа, которые, едва завидев свет, немедля зарывались в стены или в пол. Вполне возможно, Клотагорб не преувеличивал — они бы обошлись и без светящегося шара, однако Джон-Том искренне радовался, что волшебник не стал настаивать на своем. Очевидно, существование погреба поддерживалось каким-либо дополнительным заклинанием, или же здесь было задействовано то самое, которое превратило дупло в уютное и довольно просторное обиталище. Так или иначе, подумалось юноше, представить себе дерево с погребом еще труднее, нежели вообразить дупло размерами с городскую квартиру.

Воспользовавшись тем, что Сорбл отдалился на несколько шагов, Джон-Том прошептал на ухо волшебнику:

— Сэр, он нас не слышит. Что же его так напугало?

— Он тебе ответил: ничего.

— Послушайте, сэр, я не хотел бы показаться навязчивым, но не могли бы вы выразиться малость поконкретнее?

— В конкретике, мой мальчик, суть любого объяснения. Скажи мне, каково кратчайшее расстояние между двумя точками?

— Прямая. Хотя я учился на юридическом, а в математике никогда не был силен, уж это мне известно.

— Тогда ты ничего не знаешь. Все твои знания — нуль, ничто, каковое и есть кратчайшее расстояние между любыми двумя точками.

— Ничто? — переспросил Джон-Том и нахмурился.

— Именно! — воскликнул волшебник. — Наконец-то ты сообразил. Ну конечно, кратчайшее расстояние между двумя точ-

ками — ничто. Ведь если между ними ничего нет, значит, они совпадают.

— Признаться, я запутался.

— Логика соблюдена?

— С точки зрения семантики — несомненно. Но вот с точки зрения математики...

— Слушай меня внимательно. Если между двумя точками ничего нет, ничто не мешает им располагаться касательно друг друга, верно? Если нас отделяет от пертурбатора всего-навсего ничто, мы разыщем его без особого труда.

— Подождите, подождите. А как же расстояние?

— Ну да, рукой до него не дотянуться.

— Тогда каким образом, черт побери, вы намерены разыскать его, тем более — в погребе? — Джон-Тому казалось, что над ним потешаются.

— Когда спустимся в погреб, мы обнаружим там ничто, с противоположной стороны которого находится пертурбатор вкупе со всем остальным. Однако все остальное нас сейчас не интересует.

— Ну-ну, — пробормотал обескураженный Джон-Том, решив закончить с расспросами и подождать, пока не увидит погреб собственными глазами.

Переход по тоннелю растянулся, мнилось, чуть ли не на час, но на деле занял лишь несколько минут. Затем последовал крутой поворот налево, и все трое очутились в крохотном помещении со сводчатым потолком, которое, насколько мог судить Джон-Том, располагалось по центру исполинского дуба, служившего пристанищем чародею. Земляной пол под ногами был сухим и ровным. Некое существо замерло на мгновение, ослепленное Сорбловым светильником, а затем с писком исчезло в норе, черневшей в дальнем углу. С потолка, переплетаясь между собой, свешивались кривые толстые ветви. Благодаря им создавалось впечатление, что потолок украшает изысканная деревянная решетка. Среди крупных веток виднелись и другие, поменьше, которые торчали в разные стороны, словно выискивая, где можно поживиться влагой и питательными веществами. Корни, подумал Джон-Том. И как он сразу не догадался? Погреб под корнями! Юноша признался в несообразительности Клотагорбу, который уселся на стоявший посреди погреба массивный стул; другой мебели в помещении не было.

— Ты прав, мой мальчик, — отозвался волшебник. — Надо сказать, это особенный погреб. — Он запрокинул голову, долго всматривался в переплетение корневищ, потом указал пальцем. — Вон корень зависти, рядом с ним — корень вдохновения, а в углу, вон тот, золотистый, — корень зла.

Джон-Том пригляделся повнимательнее. Интересно, из чего состоит корень: дерево цвета золота или золото цвета дерева? Заметив любопытство юноши, Клотагорб улыбнулся.

— Не увлекайся, мой мальчик, это небезопасно. — Он повернулся к филину. — Сорбл, раз уж ты принес светильник, поставь его сюда.

Ученик медленно приблизился к чародею, воткнул палку со светящимся шаром наверху в землю и поспешно отступил к стене. Джон-Том расположился по соседству с Сорблом. Клотагорб скрестил руки на животе и закрыл глаза, из чего следовало, что он готовится произнести весьма могущественное заклинание. В доказательство серьезности своих намерений волшебник пробормотал пару-тройку фраз, потом снял очки, сунул их в футляр и положил последний в один из верхних ящичков у себя на груди.

— Что дальше? — шепотом справился у филина Джон-Том. — Кого он собирается призывать?

Сорбл как будто норовил вжаться в стену, совершенно игнорируя тот факт, что сырая земля запачкала его перья, и не сводил широко раскрытых глаз с волшебника, который погрузился в предваряющий чародейство транс.

— Ты же знаешь. Ничто.

— Ах да. Совсем забыл. Ведь что скрывается в погребе? Ничто.

Джон-Том пошутил, однако Сорбл воспринял его слова в буквальном смысле.

— Ну конечно. Я рад, что ты меня понимаешь.

Клотагорб, глаза которого по-прежнему оставались зажмуренными, медленно повернулся к ним лицом и извлек из другого ящичка на своей груди бумажный свиток.

— Сорбл!

— Да, хозяин? — пробормотал филин.

— Это тебе. Будешь читать.

Джон-Том отметил про себя, что голос волшебника изменился, сделался чуточку громче и приобрел известную торжественность, как будто чародей за те несколько секунд, в течение которых пребывал в раздумьях, помолодел на добрых двести лет. Юношу подмывало спросить, так ли это на самом деле, но он не решился. Что касается намерений Клотагорба, было ясно, что тот вот-вот раскроет их.

Сорбл аккуратно развернул свиток и прищурился, разбирая первые строчки.

— Мастер, я не знаю, получится ли у меня. Почерк такой мелкий...

— Получится, получится, — уверил ученика Клотагорб. — Помнится, природа наделила тебя поразительно острым зрением. Можешь вернуться к стене, которую ты так усердно подпирал, но когда я дам тебе знак, начинай читать.

— Как скажете, хозяин, — Сорбл послушно попятился туда, где стоял сильно озадаченный всем, что творилось вокруг, Джон-Том.

Клотагорб неторопливо воздел передние лапы к темноте под

потолком. На глазах у изумленного юноши лапы волшебника словно ухватились за некую невидимую опору и подтянули за собой тело; в итоге чародей оказался сидящим в воздухе над своим стулом. Клотагорб спрятал в панцирь задние лапы и голову, лишь глаза поблескивали из-под роговой оболочки. Интересно, подумалось Джон-Тому, неужели черепаха чего-то опасается? Юноша быстро огляделся по сторонам. Ничего, только грязь да корни дерева. Ничего? Не о том ли твердил перепуганный Сорбл? И тут Клотагорб заговорил. Он произносил слова протяжно, нараспев, а царивший в погребе полумрак становился, казалось, все плотнее, стискивал в своих объятиях светящийся шар, и тот постепенно превратился в слабую искорку света, изнемогавшую в сражении с тьмой.

Темнота как будто усиливала звуки. Джон-Тому чудилось, он слышит, как колотится в груди сердце. Дыхание юноши сделалось прерывистым. Мрак, который заполнял погреб, не был обычным мраком. Его нельзя было сравнить с безлунной ночью, ибо он отнюдь не навевал успокоения. Это было не просто отсутствие света, а непроглядная тьма, нечто живое, обладающее ростом и весом, нечто такое, от чего перехватывало дыхание. Джон-Том осознал, что еще немного — и он ударится в панику. Ему мнилось, он задыхается, но вдруг в темноте вспыхнул второй огонек, и дышать сразу стало легче. Свет исходил от того самого свитка, который вручил своему ученику Клотагорб. Чем дальше читал Сорбл — сперва неуверенно, затем без малейшей запинки, — тем ярче становилось свечение.

— Друзья мои, — читал филин, — я пришел к вам ныне с тем, чтобы заручиться вашей поддержкой. Если меня изберут, обещаю делать все, что пойдет на благо народу и стране. Я приложу все усилия к тому, чтобы стать лучшим губернатором из всех, каких только знала провинция. Я сокращу налоги и увеличу расходы на социальные нужды. Я позабочусь о стариках и об укреплении оборонной мощи. Я... Я...

Джон-Том, теряясь в догадках, слушал с разинутым ртом нескончаемый перечень столь знакомых несбыточных обещаний. По правде сказать, он ожидал услышать совсем другое — какое-нибудь неизмеримо древнее и могущественное заклинание, а вовсе не речь записного политика. Похоже, политики все на одно лицо, неважно, к какому миру они принадлежат. Все те же посулы, все те же заверения, в общем, полная ерунда, которая ни к чему не ведет. Ни к чему? К ничему?!

Разумеется! Вот что призывал Клотагорб, вот что он заклинал и звал сюда, в погреб под корнями раскидистого дуба. Через ничто, которое отделяло его от пертурбатора, он надеялся установить местонахождение последнего. Теперь ничто смыкалось вокруг, словно норовя вытеснить их из погреба. Джон-Том чувствовал во рту привкус горечи. Впечатление было такое, будто на него на-

ползает живое одеяло, которое стремится проникнуть в ноздри и в горло, но не в состоянии достичь этого, пока светятся шар и свиток. Рука юноши невольно легла на струны дуары. Он совсем уже собрался было спеть что-нибудь веселенькое, однако в последний миг, под влиянием здравого смысла, отказался от своей затеи: ведь если его песни могли бы хоть чем-то помочь чародею, Клотагорб наверняка упомянул бы о такой возможности. А так, вздумай он запеть сейчас, в момент наивысшего, по всей видимости, напряжения, все старания волшебника могут пойти насмарку, и тогда темнота восторжествует. К тому же еще неизвестно, что страшнее — ничто или гнев Клотагорба. Вот почему Джон-Том не стал предпринимать какие-либо действия; он просто стоял, и слушал, и пытался уяснить, что, собственно, происходит.

О каком ничто может идти речь, когда оно — явно что-то? И потом, что значит: «в погребе ничего нет»? А как же стул Клотагорба, светящийся шар на конце палки и чудесный свиток, не говоря уж о троих живых существах? Джон-Том, как ни старался, не находил ответа, а потому счел за лучшее прислушаться к бормотанию Сорбла и тут, совершенно неожиданно, сообразил, что к чему. Текст на свитке представлял собой типичное предвыборное выступление политического деятеля, изобилующее хвастливыми заверениями и лживыми обещаниями, то есть являлся даже меньше чем ничем, а потому как бы низводил до своего уровня все то, что находилось в погребе.

Нет, поправил себя юноша, не все. В помещении по-прежнему присутствовали светящийся шар, Сорбл со свитком в лапах, парящий над стулом Клотагорб, а также посторонние смутные, зыбкие тени, размытые очертания диковинных фигур, серые пятна на фоне темноты. Вернее, они были не столько серыми, сколько чуть менее темными, нежели окружающий мрак. Так сказать, антрацитовые призраки. Джон-Том присмотрелся повнимательнее, и призраки прямо на глазах утратили часть своей зыбкости. Стало возможно различить черты серых лиц, серые же языки, которые сновали вперед-назад меж черными зубами. Привидения тихонько постанывали, очевидно, переговариваясь друг с другом. Определить, что стоит за этими стонами — слова, музыка или жалобные возгласы, — было весьма затруднительно. Вот они, обитатели мрака, подумал Джон-Том.

Голос Сорбла стал немного громче. Чувствовалось, что филину страшно, однако он не прерывал чтения. Клотагорб продолжал творить заклинания, произносил нараспев загадочные фразы на неведомом языке. Светящийся шар сделался ярче. Темнота словно слегка отступила. Погреб куда-то исчез. Корни и склизкая грязь на стенах, которая вызывала что-то вроде клаустрофобии, сгинули без следа. Как ни странно, юноше отчаянно захотелось, чтобы они вернулись на место, ибо на смену им пришла

пустота, то бишь ничто. Чудилось, что вокруг простирается Вселенная, безграничная и лишенная каких бы то ни было отличительных признаков. Ни земли, ни ощущения того, что над головой возносится к небу могучий дуб. Только посверкивали в непостижимой дали редкие, бесконечно одинокие звезды. Джон-Том тщетно напрягал зрение, стараясь рассмотреть хотя бы парочку туманностей: он словно перенесся в ту часть пространства, где отсутствовала даже космическая пыль.

— Где мы? — прошептал он и вздрогнул, испугавшись собственного голоса. — Куда нас занесло?

— В ничто, — отозвался Сорбл, оторвавшись на мгновение от свитка. — В мимолетную мысль, в фантазию, которая на миг стала явью. Мы очутились с обратной стороны хаоса. Местечко, конечно, еще то, лично я не хотел бы здесь поселиться.

Внезапно показалось, что пол уходит из-под ног, и филин торопливо возобновил чтение. Теперь он читал в два раза быстрее. Постепенно неприятное ощущение миновало, мир как будто выпрямился. Впрочем, относительно ничто такие понятия, как «прямо» и «криво», не имели смысла.

Вдруг хилый огонек светящегося шара засиял с новой силой. Джон-Том встрепенулся. Ему померещилось, что он видит некий предмет, от которого исходит колоссальная энергия, который вертится волчком и постоянно меняет форму. Юноша моргнул. Бешеное верчение, от которого шла кругом голова, и не думало прекращаться. Этот предмет был, вне всякого сомнения, живым, однако вряд ли являлся органическим существом. Насквозь чужеродный, он принадлежал иным мирам и подчинялся исключительно своим законам.

Джон-Том попробовал определить, что же такое он лицезреет, но вскоре был вынужден признать, что не может. Ему казалось, он наблюдает бутылку Клейна внутри листа Мебиуса, который балансирует на макушке дисконтинуума Шварцшильда. Предмет вертелся как сумасшедший, мутировал, трансформировался на глазах, перетекал из одной нереальности в другую, проносился сквозь ничто со скоростью миллиарда миль в секунду и сверкал ярче любой из алых звезд-гигантов. Вдобавок рядом с ним располагалось нечто, чего никак нельзя было разглядеть, нечто куда более обыденное и все же наделенное чудовищной энергией. Вот оно заметило, что на него смотрят... Джон-Том не знал, каким образом это произошло, он только почувствовал на себе чей-то взор и пошатнулся, словно получил удар в челюсть. Нечто испустило разъяренный вой. Должно быть, оно что-то сделало, ибо неописуемо прекрасный предмет, который был пертурбатором, внезапно задрожал. Хаос вокруг как бы кристаллизировался. Раздался оглушительный грохот, от которого у Джон-Тома чуть не лопнули барабанные перепонки. Юноша прижал к ушам ладони, его зубы сами по себе заскрежетали друг о друга. Ему чудилось,

что он очутился в котле, по которому молотят без устали огромные кувалды. Он покачнулся и наверняка бы упал, если бы было куда падать.

Сорбл растерянно взирал на происходящее. Свиток выпал из его лап и разлетелся во все стороны, оказавшись ни с того ни с сего разодранным на мелкие кусочки. Филин попытался было ухватить один из них и продолжить чтение, но не сумел, поскольку тот в мгновение ока отлетел на расстояние в тысячу парсеков. Вконец перепуганный филин рухнул на пол.

Да, на пол, ибо они все трое неведомо как вновь попали в погреб. Над ними возник потолок, с которого свешивались корни дуба; появились и пропитанные сыростью стены. Джон-Том глубоко вздохнул. Господи, до чего же приятно, когда воздух пахнет землей, водой, жизнью! Погреб буквально пронизывало ощущение жизни. Стена, о которую опирался юноша, влажная и скользкая, подтверждала реальность перемены. Посреди помещения блистал светящийся шар. Клотагорб, как и прежде, восседал на стуле. Волшебник прижимал лапы к груди и тяжело дышал. Убедившись, что стена не собирается исчезать, Джон-Том оторвался от нее и шагнул к чародею, чтобы посмотреть, не нужна ли тому помощь. Ему было жарко, хотя температура в погребе ничуть не изменилась. Тем не менее на лбу Джон-Тома выступил пот — холодный пот — свидетельство кратковременного пребывания в ничто. По крайней мере, так он думал, хотя не помнил, когда умудрился вспотеть. Ну естественно: за пределами ничто не жарко и не холодно, там вообще ничего не ощущаешь.

— С вами все в порядке, сэр? — спросил Джон-Том, стараясь унять дрожь в руках.

— Конечно, — отозвался волшебник, окинув юношу пристальным взглядом, удовлетворенно вздохнул и улыбнулся. — В полном порядке, насколько это возможно для моего возраста. Ты видел?

— Видел, только не знаю что. — Джон-Том взглянул на светящийся шар, который распространял вокруг успокоительное сияние. Впервые в жизни он радовался тому, что находится не где-нибудь, а под землей. — Вы имеете в виду пертурбатор?

— А что же еще? — фыркнул Клотагорб, обретающий, похоже, прежнюю самоуверенность. Волшебник поднялся, приблизился к палке с шаром и потянулся. — Считай, что тебе неслыханно повезло, мой мальчик. По-моему, никто из живущих на свете не может похвастаться тем, что ему довелось лицезреть пертурбатор. Они обычно не задерживаются, пролетают мимо без остановки, а если им и вздумается притормозить, их, как правило, не узнают. Признаться, наш меня несколько удивил.

— То, как он менялся?

— Ну что ты! Пертурбатор просто не может не изменяться.

Я не ожидал, что он будет столь великолепен. — Волшебник посмотрел за спину юноше. — Сорбл! Куда ты запропастился?

— К сожалению, никуда, учитель, — откликнулся филин, потирая бок, и состроил гримасу.

— Хорошо. Ну, пошли. Возвращаемся наверх.

— Хозяин, я потерял свиток. Его у меня вырвали. Я ничего не мог поделать.

— Ерунда. Когда понадобится, я восстановлю его. Так что не переживай. Давай пошевеливайся, тебе предстоит упаковать наши пожитки.

— Вам не придется подгонять меня, хозяин, — проговорил филин, выдергивая из земли палку с шаром. — Я пойду куда угодно, только бы очутиться подальше отсюда. — С этими словами он нырнул в тоннель.

— Поддержи меня, мой мальчик, — сказал Клотагорб. — Что-то мне не по себе.

— Неудивительно, — буркнул Джон-Том. — Я и сам, того гляди, свалюсь. — Он обнял чародея за панцирь, и они, опираясь друг на друга, направились вслед за Сорблом.

В тоннеле Клотагорб попросил остановиться, достал из ящичка на груди очки и принялся изучать их на расстоянии вытянутой лапы.

— Запотели, — сказал он, извлек тряпицу и начал протирать стекла. — Однако мы побывали в той еще переделке.

Джон-Том встревоженно оглянулся. Ничто не преследовало их, не гналось по пятам. Да и как оно могло? Ведь ничто — это ничто, оно не способно на какие-либо действия.

— Я знаю, куда нам надо идти, мой мальчик, — сообщил чародей и постучал себя по голове. Послышался громкий скрежет кости о кость. — Путь долгий, но не слишком трудный.

Знакомая песня, подумалось Джон-Тому.

— И куда же? — осведомился он.

— Сдается мне, ты о таких местах и слыхом не слыхивал. Дорога ведет на север, за Колоколесье, мимо Оспенспри и Крешфарма-на-Болотах. Ты в такую даль, верно, и не забирался. Цивилизацией там и не пахнет. Но нужно торопиться. Скоро начнется зима и всякое путешествие станет невозможным. Мы должны освободить пертурбатор до наступления холодов. К несчастью, проблем прибавилось.

— Да ну?

— Боюсь, что так. Я полагал, что пертурбатор угодил в природную ловушку — завалился в яму или застрял в трещине, которых хватает в межпространственной структуре мироздания. Но причина оказалась в другом.

Джон-Том ощутил, как на лбу вновь выступает холодный пот. Ему вдруг вспомнились взгляд невидимых глаз и разъяренный рык.

— Значит, пертурбатор застрял у нас не случайно?

— Увы, мой мальчик. — Волшебник вздохнул. — Его задержали умышленно, насильственно, с заранее определенной целью. Кажется невероятным, но правда на то и правда, чтобы опровергать самые смелые домыслы. Скажу честно, меня до сих пор одолевают сомнения.

— А я вообще не верю, что такое возможно. Из того, что вы мне наговорили, я понял, что пертурбатор нельзя ни поймать, ни удержать.

— Я тоже так думал, однако, по всей видимости, случилось именно то, чего никто из нас не допускал. Я ощутил присутствие некой враждебной и чрезвычайно могущественной силы. Кто-то пленил пертурбатор и заключил его в пространственно-временную клетку. Если мы не освободим беднягу, он не только коренным образом изменит наш мир, но и уничтожит себя в тщетных попытках вырваться на волю.

— Но тогда погибнет и тот, кто его захватил.

— Разумеется. — Волшебник кивнул.

— Бред какой-то! — воскликнул Джон-Том.

— Ах, мой мальчик, наконец-то ты начинаешь понимать, с чем мы столкнулись.

Джон-Том погрузился в молчание и до выхода из тоннеля не проронил больше ни слова.

Глава 3

Сборы не заняли много времени. Готовясь к путешествиям, Джон-Том старался следовать совету своего закадычного друга: чем меньше поклажи, тем легче путь. К тому же в этом мире быстрота передвижения была куда важней комфорта, а приспособляемость зачастую оказывалась полезнее лишней пары брюк.

Он заглянул в кабинет волшебника и обнаружил там Сорбла, который упаковывал под присмотром Клотагорба всевозможные фиалы и пакетики.

— Я готов, — сказал юноша.

— Хорошо, мой мальчик, очень хорошо, — отозвался чародей и раздраженно взмахнул лапой. — И куда я задевал свои измерительные приспособления? Вот разыщу их, и сразу отправимся.

— Я пораскинул мозгами над тем, что вы сказали мне вчера, — сообщил Джон-Том, прислонясь к стене. — Ну, насчет того, с чем мы столкнулись. По-вашему, тот, кто поймал пертурбатор, не в своем уме?

— Совершенно верно, — откликнулся Клотагорб и довольно улыбнулся, вытащив на свет несколько ложечек, перехваченных

золотым кольцом. — Кто бы то ни был, он сошел с ума. Спятил, чокнулся, офонарел, рехнулся, сбрендил, тронулся. Я ясно выражаюсь, или мне продолжить?

— Пожалуй, не стоит, — сухо ответил Джон-Том.

— Я рад, что ты так понятлив. Нам всем необходимо отчетливо сознавать, с кем мы имеем дело, поскольку возможность договориться с этим безумцем следует отнести к разряду фантастики. Сражаться же с теми, кто, очевидно, не отдает себе отчета в том, что сражается, необычайно трудно.

Чародей извлек из ящика стола металлическую шкатулку и осторожно приподнял крышку. Джон-Том разглядел внутри набивочный материал. Клотагорб достал из шкатулки маленький деревянный ларчик и осмотрел его содержимое, которое состояло из стеклянного фиала, заполненного маслянистой зеленой жидкостью. Как будто удовлетворенный увиденным, он положил ларчик обратно в шкатулку и протянул последнюю Сорблу.

— Помести ее поглубже и, ради всего святого, смотри не урони.

— А что случится, если я все-таки уроню ее, учитель? — справился филин.

— Нечто столь ужасное, столь катастрофическое, — проговорил Клотагорб, — что мне и за две сотни лет не найти подходящих слов для его описания.

— А, — протянул Сорбл, кладя шкатулку в свой тюк. — Не беспокойтесь, хозяин, я буду осторожен.

Клотагорб направился к книжной полке, возле которой пристроился Джон-Том, и принялся отбирать тома — должно быть, с целью прихватить их с собой. Юноша, который не сводил глаз с Сорбла, спросил:

— А что в том фиале, сэр? Взрывчатое вещество или какая-нибудь кислота?

— Разумеется, нет, — отозвался волшебник. — Я, конечно, стар, но не настолько, чтобы торопиться на тот свет. Это негашеная известь.

— Что-то я вас не пойму, — признался Джон-Том, нахмурив брови.

— Ты слишком часто расписываешься в собственном невежестве. Хорошо еще хоть не притворяешься, что понимаешь. Неужели до тебя никак не дойдет, что умение творить магию означает сноровку в обращении как с формулами, так и с живыми существами? Если Сорблу не из-за чего будет волноваться, он найдет способ почаще прикладываться к вину, которое я разрешил ему взять в дорогу. Жалкий пьяница, учился бы с таким же рвением! Ну вот, а теперь он поостережется злоупотреблять моей добротой.

— Мне казалось, поводов для волнения предостаточно, однако я разделяю ваше мнение, — произнес юноша, наблюдая, как Кло-

тагорб роется в книгах, ставит большинство обратно на полку и отбирает лишь отдельные экземпляры. — А как вы думаете, каков из себя наш противник? Что он опасен, мы знаем. А еще?

— Если ты безумен, — ответил волшебник после недолгого размышления, — исправить положение можно двумя путями: или вылечиться, или попытаться принудить окружающих примириться с тобой. По правде сказать, я впервые встречаю психопата, который предпочел второй путь. Разумеется, тот, кто захватил пертурбатор, пошел на это ради какой-то цели, преследуя личную выгоду. В результате миру угрожает опасность вывернуться наизнанку. Что ж, для безумца нет ничего лучше, нежели безумный мир. Любому, кто обвинит тебя в сумасшествии, можно ответить: «Сам такой». Тем более, никто не посмеет заявить, что ты живешь в мире, который сотворило твое воспаленное воображение, ибо никто не удостоился иной участи. Такова, мой мальчик, логика нашего противника — логика умалишенного.

На последних словах волшебник начал видоизменяться. Его тело значительно вытянулось в длину. По прошествии нескольких секунд Джон-Том обнаружил, что беседует с огромной мохнатой желтой гусеницей. Стена кабинета, к которой прислонился юноша, превратилась в нечто эфемерное, а кабинет как таковой — в громадный прозрачный шар, внутри которого располагались диковинные предметы непонятного происхождения и неведомого назначения. Джон-Том взирал на все это безобразие двумя парами фасеточных глаз. Он чувствовал себя как-то неловко; все тело ниже талии жутко чесалось. Вспомнив про свои многочисленные ноги, он принялся терзать ими бурый с красноватым отливом мех, в котором гнездились паразиты. В углу шара парил крошечный голубой мотылек.

— Странно, — пропищал мотылек, — хозяин, вы теперь больше Джон-Тома. Наверно, тут ты чем старше, тем крупнее. Видите, какой я маленький?

— Скорее уж чем умнее, — буркнул чародей. — Как бы то ни было, ощущение не из приятных. Что скажешь, Сорбл?

— Мне нравится. Кажется, я уже бывал мотыльком.

— А мне нет, — пробормотал Джон-Том. — Надеюсь, это скоро кончится.

Желудок юноши так и норовил выплеснуть наружу все свое содержимое. Отсутствие костяка напугало Джон-Тома настолько, что он боялся сделать хотя бы шаг, понимая, впрочем, что ничего страшного, по всей видимости, не произойдет. Он твердо вознамерился не потворствовать желудку — не только из-за того, чтобы не уронить себя в глазах Клотагорба, но и потому, что вовсе не стремился узнать, чем питаются бурые с красноватым отливом гусеницы; так что просто сидел и чесался. Миновало около пяти

минут. Затем еще столько же. Кожа Джон-Тома зудела не от паразитов, а от нарастающего нервного напряжения.

— Что будем делать?

— Ждать, — откликнулся Клотагорб, пошевелив усиками. — Иного нам не остается.

— Сдается мне, ожидание затягивается, — заметил обеспокоенный Джон-Том.

— Естественно. Я же говорил, что с каждой новой пертурбацией их длительность будет возрастать.

— И пускай себе возрастает, но мне надоело изображать из себя гусеницу! — Джон-Том попробовал переменить положение, однако достиг лишь относительного успеха. — По-моему, меня сейчас вытошнит.

— Постарайся обойтись без этого, мой мальчик. Побочные эффекты неизбежны, но такое... Хотя, с точки зрения науки...

— К чертям собачьим вашу науку!

Юноша согнулся пополам. В следующий миг он осознал, что вновь очутился в знакомой обстановке и стал самим собой, высоким молодым человеком с крепким и надежным костяком. Однако желудок, несмотря на обратное превращение, продолжал вытворять нечто невообразимое, словно в доказательство того, что метаморфоза не была отголоском сновидения. Джон-Том кинулся к раковине, плеснул в лицо холодной водой, ухитрился протолкнуть некоторое количество ее вниз по пищеводу. Как будто обошлось. Бледный и осунувшийся, он выпрямился и ухватился обеими руками за край раковины, чтобы не упасть.

— Да, удовольствие ниже среднего.

— Вполне с тобой согласен. — По тону волшебника невозможно было определить, сочувствует он Джон-Тому или насмехается. — Между прочим, пока нам везет. А представь себе, что ты идешь по мосту, и вдруг этот мост превращается в тонкую проволоку. Надо либо устоять на ногах (но тут нужна ловкость канатоходца), либо вцепиться в проволоку руками, а иначе ты упадешь, а когда мир вернется в нормальное состояние, выяснится, что имярек такой-то почил в бозе во время пертурбации. К моему глубокому прискорбию, тебя уже будет не воскресить.

— Все готово, хозяин, — подал голос Сорбл.

— Отлично, — кивнул чародей. — Ну, мой мальчик, бери свои вещи, а я свои. — Он взвалил на плечо один из двух тюков, лежавших на полу возле двери кабинета.

Джон-Том закинул за спину рюкзак и направился следом за волшебником к выходу. Внезапно его словно осенило.

— Минуточку! Мы что, идем пешком? Неужели вы намерены пересечь Северное плато на своих двоих?

— Ни в коем случае, — заверил Клотагорб. — Доберемся до Линчбени, а там наймем повозку.

— Легко сказать «доберемся». И потом, зачем идти, — юноша положил ладонь на гриф дуары, — когда можно доехать?

— Ой-ой! — воскликнул Сорбл, оглядываясь в поисках наиболее безопасного места.

— Мой мальчик, я не в том настроении, чтобы творить дорожные заклинания, — хмыкнул Клотагорб. — Мне и без того хватает дел. Вдобавок я подзабыл необходимые формулы, а вспоминать их сейчас некогда.

— Насколько мне известно, сэр, — усмехнулся Джон-Том, — скромность к числу ваших добродетелей не относится. Значит, вы изнемогли в схватке с ничем, правильно?

— Я не стану отрицать, что слегка подустал, — произнес чародей, с тревогой посматривая на дуару. — По-моему, я догадываюсь, что ты собираешься предпринять. Не уверен, что от этого будет толк. Да, за последние месяцы ты кое-чего, несомненно, добился, однако точность твоих чаропений по-прежнему оставляет желать лучшего.

— Я не претендую на совершенство. — Джон-Том почувствовал, что краснеет. — И не претендовал никогда. Но, черт возьми! Я уже не тот, каким был, когда впервые взял в руки дуару. И потом, вы же знаете, что дорожные заклинания мне удаются. У меня получались плоты и лодки, а однажды — сам М'немакса!

— Мой мальчик, — заявил Клотагорб, — ты прогрессируешь на глазах, тебе есть чем гордиться, но все же простые дорожные заклинания, если меня не подводит память, не по твоей части.

— Вот именно, что подводит, сэр. Вспомните наше первое путешествие на юг, к Вертихвостке. Мы гадали, на чем бы нам добраться до Поластринду, и я, чтобы облегчить путь, вызвал чаропением л'бореанскую ездовую змею.

— Ты прав. Я совсем забыл. Однако... Ну да, ты ведь пытался вызвать вовсе не ее, а потому, когда змея появилась, испугался не меньше остальных.

— Было дело. — Джон-Том потупился и смущенно прокашлялся. — Тем не менее заклинание сработало, и средство передвижения оказалось вполне пригодным для наших целей. А на сей раз я, благо опыт позволяет, вызову змею сразу. Никаких проблем!

— По совести говоря, перспектива брести пешком до Линчбени меня не вдохновляет, — признался чародей. — Пожалуй, я разрешу тебе попробовать. Если ты уверен...

— Разумеется, уверен.

— Мои ноги, должно быть, старше головы, — вздохнул Клотагорб. — Вдобавок мы сможем избежать препирательств при найме повозки. Что ж, мой мальчик, действуй. Я прошу тебя только об одном: давай выйдем наружу. Мебель старая, а случиться может всякое...

Джон-Том послушно направился к двери, чувствуя себя так, словно вырос разом на несколько дюймов — не в прямом, а в переносном смысле: новой пертурбации пока, к счастью, не предвиделось. Впервые за все время их знакомства Клотагорб сам попросил его сотворить заклинание; юноша был полон решимости не подвести своего благодетеля и наставника.

Утро выдалось свежим и ясным, в воздухе ощущалось приближение осени. Клотагорб не зря торопился отправиться в путь: с наступлением зимы все проходы через Северное плато окажутся занесенными снегом. Однако при виде буйства красок в лесу было весьма и весьма затруднительно представить себе устилающее землю белое покрывало.

Клотагорб наложил на входную дверь простенькое, но действенное заклятие, а потом они с Сорблом отошли подальше. Джон-Том покинул тень раскидистого дуба и встал там, где трава доходила ему до колен. Он провел пальцами по струнам дуары, подстроил инструмент и прочистил горло. Сорбл не выдержал, попятился бочком от хозяина и спрятался за деревом. Клотагорб, по-видимому, разделял опасения ученика, однако, обладая более закаленной нервной системой, остался стоять, где стоял. Джон-Том погрузился в раздумье; между тем его пальцы пощипывали струны, извлекая негромкие звуки. Подобное происходило с ним и прежде. Он твердо знал, что именно хочет вызвать своим заклинанием, но не имел ни малейшего представления о том, какая песня тут годится. В конце концов, змеи и все, что с ними связано, отнюдь не относились к излюбленным темам рок-музыкантов.

Правда, существовала такая группа, которая называлась «Уайтснейк»[1]. Может быть, подойдет какая-нибудь песня, в которой хотя бы вскользь упоминается о транспортных средствах? Ничего лучшего Джон-Тому в голову не приходило; к тому же он постоянно ощущал на себе требовательный взгляд понемногу теряющего терпение Клотагорба. Нет, нужно поскорее что-нибудь спеть, пусть даже заведомую чушь; чаропевец он, черт побери, или безмозглый идиот? Джон-Том зажмурился, припомнил слова — и запел, притоптывая ногой в такт музыке.

Некое возмущение в воздухе, скорее угаданное, нежели ощутимое, вынудило его открыть глаза. На самом краю поля зрения кружила парочка гничиев, предвестников волшебства. Они, как правило, появлялись в тот миг, когда чаропение начинало срабатывать. Это был добрый знак; юноша удвоил усилия. Однако, сколько он ни старался, количество гничиев оставалось прежним. Не показывались ни их собратья, ни тем более чешуйчатое тело л'бореанской ездовой змеи. Джон-Том делал все, что в его силах; пальцы юноши летали по струнам с легкостью, которой позавидовал бы и Ричи Блекмор. Он играл и пел, и наконец в воз-

---

[1] В буквальном переводе «Белая змея» (*прим. перев.*).

духе стало материализовываться нечто громадное и кольцеобразное. Джон-Тому хотелось улыбнуться и окликнуть Сорбла с Клотагорбом, однако он сознавал, что дело еще не кончено. Искоса поглядев на зрителей, он заметил, что филин высунулся из-за дерева, убедившись, по всей видимости, что природных катаклизмов опасаться не приходится.

Джон-Том продолжал петь, испытывая в глубине души все большую тревогу. Как он ни пыжился, сколько новых строф ни вспоминал, предмет, который лежал на земле, упорно отказывался удлиняться. Насколько было известно юноше, ездовых змей таких размеров на свете отродясь не существовало. Он пел и пел, пока у него не запершило в горле. Последний аккорд затерялся в листве деревьев. Гничии умчались на поиски более удачливого чаропевца.

Джон-Том осторожно приблизился к тому, что лежало на земле. Это нечто имело в длину всего-навсего несколько футов. Тоже мне, ездовая змея! Ну и ладно, подумалось юноше, зато получилось. Главное — не что, а как! Он помедлил, потом нагнулся и дотронулся до диковинного предмета. Ну и что, змея как змея, правда, резиновая...

— Среди волшебников, мой мальчик, — проговорил подошедший Клотагорб, глядя на резиновое чудище поверх очков, — ходит присловье, что даже богини судьбы обладают чувством юмора.

— Чтоб тебя перевернуло!

Джон-Том пнул змею, и та отлетела далеко в кусты. Тревога сменилась яростью. Ну и дурака же он свалял! Не сумел выполнить то, чем во всеуслышание похвалялся, и вдобавок выставил себя полным идиотом перед учителем. Все коту под хвост — недели практики, тщательное изучение методов и стилей игры, тренировка слуха. На, получай подарочек из галактического магазина игрушек! Богини богинями, но кто-то над ним точно потешается.

— Бери свой тюк, ученик, — сказал Клотагорб, со вздохом отворачиваясь от юноши. — Линчбени все так же далек, а ночевать в лесу дважды мне что-то не хочется.

— Погодите! Ну погодите же! Еще не все!

— Неужели? Мой мальчик, ты явно переутомился.

— Потерпите, сэр. Последняя попытка.

Значит, они не верят в его способности. Ну что ж, сейчас он им покажет! Он или наколдует змею, или сдохнет на месте! Посуровев лицом, Джон-Том отвернулся от чародея с Сорблом и запел новую песню. Раздражение и смятение чувств придавали каждой строке особую выразительность. И в той, и в другой эмоции заключалась несомненная сила. В ином состоянии юноша вряд ли прибегнул бы к ним, но теперь он даже радовался подобному обороту событий; к тому же дела сразу пошли на лад: яркие крас-

ки осеннего утра как будто поблекли, из зыбких сумерек возникли гничии, целые сотни, окружившие певца и его товарищей искрящимся, переливчатым облаком. Как обычно, они держались на краю зрения. Гничиев нельзя было заметить иначе как уголком глаза.

Джон-Том играл и пел, вертелся как угорелый, заходился в крике. Пальцы его левой руки отплясывали сарабанду на верхних струнах дуары, а ладонь правой будто приклеилась к деке инструмента. Юноша играл и играл, и постепенно в воздухе перед ним начали вырисовываться очертания чего-то вполне материального, достойного столь редкого усердия.

Сорбл благоразумно спрятался обратно за дерево. Даже Клотагорб невольно сделал шаг назад. Дуновение ветерка донесло до них омерзительную вонь. Очертания того, что сотворил Джон-Том, становились все отчетливее; предмет обретал массу и плотность. Но вот с формой что-то было не так. Юноша торопливо закончил песню и присмотрелся к материализовавшемуся шедевру. Похоже, он вновь напортачил. Разве это — ездовая змея? По крайней мере, хоть не игрушка из космического универмага, и то ладно. Форма предмета была на удивление знакомой. Джон-Том признался себе, что такого он никак не ожидал. В горле у него першило, пальцы онемели. Юноша закинул дуару за спину, поморщился от боли, которую причинило ему это движение, и приблизился к своему творению. Оно все яснее проступало из мерцающей пелены, тускневшей буквально на глазах.

Сорбл выпорхнул из-за дерева, заложил над диковинкой пару виражей, а затем приземлился рядом с Джон-Томом.

— Во имя семи демонов воздуха, что ты такое соорудил?

Юноша пропустил вопрос филина мимо ушей. Он осторожно прикоснулся к предмету. Поверхность не обдавала жаром и не обжигала холодом, она была гладкой и сверкающей, как шкура л'бореанской ездовой змеи. Джон-Том обошел предмет вокруг, осмотрел его со всех сторон. Тут к ним с Сорблом присоединился Клотагорб.

— Мои опасения подтвердились. Тем не менее интересная штуковина. Я не знаю, как она устроена, однако ясно, что перед нами транспортное средство. Иначе для чего ему колеса? — Волшебник постучал по одному из колес. — Они изготовлены не из древесины и не из металла, но из какого-то гибкого чужеродного материала. — Неожиданно Клотагорб наморщил нос; картинка получилась весьма забавная. — Ну и запах!

— Запах как запах, — отозвался Джон-Том. — По правде говоря, я и не подозревал, что такое существует на самом деле. Между прочим, л'бореанская змея этому и в подметки не годится. В общем, идти до Линчбени нам не придется. Прокатимся с ветерком! Ну да, запашок, конечно, есть, но к нему можно привыкнуть. В том мире, из которого я прибыл, издается куча дешевых

книг, журналов и всякой ерунды, и во всех них печатают рекламные проспекты. Эта штука тоже была в проспектах, однако я и думать не думал, что мне доведется столкнуться с ней в действительности. Помнится, никто ее так и не приобрел. О чем бишь я? А, реклама. В проспектах рекламировались различные армейские излишки.

— Что такое «армейский», мне неведомо, — задумчиво произнес Клотагорб, — но чтобы кто-то похвалялся излишками... Невероятно!

— Армейский — значит принадлежащий армии, — сообщил Джон-Том. — В моем мире имеется множество армий. Все они создаются с одной-единственной целью: выкачивать из налогоплательщиков деньги, которые тратятся потом на то, что никому не нужно, на разную ерунду, каковая впоследствии передается в магазины по торговле излишками. Материалов в армиях мало, денег из года в год требуется все больше, а магазины переполнены, так что приходится постоянно открывать новые. Это удивительный процесс, уникальный от первой до последней стадии. В тех изданиях, о которых я упомянул, порой рекламировали достаточно полезные вещи. Понимаете, магазины норовили завлечь покупателей, а потому сулили такое, чего, как я думал, на свете и не бывает. Самой знаменитой была реклама, которая предлагала армейский джип всего за двадцать пять долларов. Разумеется, умные люди соображали, что никакой дурак не продаст джип за столь смехотворную сумму, но реклама все равно печаталась, год за годом, несколько десятилетий подряд. На деле же таких джипов просто не существовало, и теперь я знаю, почему. Их не раздобудешь без магии. Кстати говоря, тот восхитительный аромат, который вы обозвали вонью, есть не что иное, как благоухание бензина. У нас дома это один из наиболее распространенных запахов.

— Искренне сочувствую, — буркнул Клотагорб.

— Не могу поверить, — бормотал Джон-Том, ошарашенно разглядывая армейский джип грязно-зеленого цвета с открытым кузовом, вполне пригодный к тому, чтобы отправиться на нем в путешествие. Сам того не ведая, юноша оказался единственным счастливчиком, которому довелось увидеть воочию легендарный автомобиль стоимостью всего двадцать пять долларов. Должно быть, сказал он себе, такие машины скрываются от людей в укромном уголке пространства, в почти недосягаемом месте; там выстроены в ряд полумифические джипы, а по соседству с ними расположились не менее фантастические механизмы вроде овощерезок, которые срабатывают при малейшем прикосновении двухдолларовых рентгеновских трубок, что позволяют подросткам смотреть сквозь стены, а чуть поодаль лежат груды кремов для увеличения бюста и налоговые формы, которые можно заполнить, не обладая степенью доктора бухгалтерских наук.

Джон-Том подобрал рюкзак и швырнул его на заднее сиденье автомобиля.

— Чего вы ждете? Забирайтесь!

— Ты уверен, что все будет в порядке? — настороженно справился Клотагорб.

— Опасность столкнуться с другой машиной на перекрестке нам не угрожает, — ответил Джон-Том, — а больше и бояться нечего.

— Я предпочел бы змею. — Продолжая ворчать, волшебник уселся на сиденье рядом с водительским и постарался устроиться поудобнее. — Странное, однако, кресло. Ну да ладно, думаю, что как-нибудь приноровлюсь.

Сорбл взмыл в воздух, подлетел к машине и опустился на спинку заднего сиденья, которая, очевидно, представлялась ему вполне надежной опорой. Пожалуй, мелькнула у Джон-Тома шальная мысль, когда они будут пересекать каменистую равнину, лежащую впереди, на долю филина выпадет меньше всего неудобств.

— Ну, посмотрим, — бодро воскликнул юноша. Он бросил взгляд на приборную панель, и его энтузиазм мгновенно иссяк: пояснительных знаков на ней было раз-два и обчелся. Однако в замок зажигания, как и положено, были вставлены ключи. Джон-Том завел двигатель, надавил пару раз на педаль газа, прислушался, затем выжал сцепление, хмыкнул про себя, увидев краем глаза выражение лица Клотагорба, и включил передачу. Автомобиль рванулся с места, проехал расстояние приблизительно в половину обхвата дуба и остановился. Двигатель замолчал. Юноша нахмурился и снова взялся за ключ; стартер противно заскрежетал, но тем дело и кончилось. Джон-Том посмотрел на древний датчик расхода топлива. Ну, разумеется, никаких сверхъестественных причин: стрелка датчика застыла на нуле. Юноша вздохнул.

— Вот и приехали, — проговорил он. — Все бы ничего, но даже ездовую змею перед тем, как трогаться в путь, следует покормить.

Клотагорб поглядел на загадочный датчик со стрелкой.

— Понятно. И чем питается твой агрегат?

— Бензином, — кисло отозвался Джон-Том. — Той самой жидкостью, которая так приятно пахнет.

— А где вы его берете? — справился Сорбл.

— Да где угодно, — бросил в сердцах Джон-Том. — Пожалуй, пройдусь-ка я до ближайшей заправочной станции и залью канистру-другую.

— Мой мальчик, ты не хочешь думать. — Клотагорб погрозил юноше пальцем. — Ты расстроен, что вполне естественно, однако настоящие волшебники не могут позволить себе такой роскоши. Да, они, бывает, огорчаются, но не более того. Пораскинь мозгами. Из чего состоит этот твой бензин?

— Это очищенное топливо, — пустился в объяснения Джон-

Том, мысленно пожав плечами. — Его получают из нефти. Ну, знаете, из такой густой черной жидкости, которая скапливается под землей. Какая разница? Положим, мы отыщем нефть, и что дальше? К несчастью, нефтеочистительного завода у меня в кармане не завалялось.

— У тебя — может быть. — Глаза чародея блеснули. Клотагорб сунул лапу в один из ящичков на панцире и извлек оттуда черную таблетку размером с мраморный шарик. — Где тут рот?

Продолжая хмуриться, Джон-Том выбрался из джипа, обошел его вокруг и остановился у левого заднего колеса.

— Вот здесь.

— Брось туда, — сказал Клотагорб, вручая юноше таблетку. Джон-Том повертел ее меж пальцев. На ощупь таблетка казалась резиновой, а сверкала точно черный жемчуг. А почему бы и нет? В конце концов, хуже не будет. Сам не зная, зачем он так поступает, — впрочем, Клотагорб ничего с бухты-барахты не делает, — юноша уронил таблетку в заливное отверстие и услышал, как она глухо стукнулась о дно пустого бака. Чародей воздел к небу правую лапу и что-то пробормотал себе под нос, а потом сплюнул. Джон-Тому почудилось, что слюна волшебника была чернее ночи.

— Теперь попробуй завести.

Джон-Том состроил гримасу, уселся на свое место и осторожно повернул ключ в замке. Двигатель чихнул, кашлянул — и заработал. Юноша надавил на педаль газа, и фырчание перешло в оглушительный рев. Он отпустил педаль: как ни странно, двигатель, по всей видимости, не собирался глохнуть. Стрелка на датчике переместилась к противоположному краю шкалы.

— Что вы... Нет, как вам это удалось, сэр? Что было в той таблетке?

— Да будет тебе известно, что нефть входит в состав множества магических средств, — сообщил Клотагорб. — Я всего лишь собрал воедино несколько концентратов и катализировал их заклинанием, предназначенным для адаптации углеводородов. В общем, проще простого. Мне трудно судить, на сколько хватит таблетки, однако какое-то время она наверняка продержится, так что благодаря твоим вокальным упражнениям и моему волшебству мы можем ехать.

— Если мне когда-нибудь посчастливится отыскать дорогу домой, — проговорил Джон-Том, — я, с вашего разрешения, прихвачу с собой парочку таблеток и листок с текстом заклинания. — Он включил передачу и повел джип в направлении ближайшего из торговых путей на Линчбени. — Считайте, что мы уже на месте. Правда, черт его знает, вдруг опять откажет...

Автомобиль подпрыгивал на камнях, лихо расплескивал лужи, переваливал через рытвины. Чем дальше они отъезжали от дуба, тем большим уважением проникался Джон-Том к машине. Подумать только, этакое чудо — за пародию на рок-концерт!

Глава 4

Джип весело катил на север, то и дело подскакивая в воздух на очередном ухабе. Вскоре после отъезда Джон-Том убедился, что амортизаторы у автомобиля начисто отсутствуют: колеса сидели на осях, которые крепились прямо к днищу. Интересно, подумалось юноше, что отвалится раньше — дно джипа или его собственный зад? Клотагорб, судя по всему, никак не мог решить, какие чувства вызывает у него Джон-Томова игрушка. Во всяком случае, она если и уступала л'бореанской змее в удобстве передвижения, зато значительно превосходила последнюю в скорости. К тому же она ничего не предпринимала по своей воле, что было и хорошо, и плохо. Взять, к примеру, громадную ящерицу, которая грелась на солнышке посреди дороги. Змея тут же прогнала бы нахалку, а так им пришлось объезжать разомлевшую рептилию по весьма пересеченной местности. В результате волшебник едва не вывалился из своего панциря. Вдобавок углеводородное заклинание, насыщавшее брюхо металлического монстра, постепенно утрачивало силу, а потому Клотагорб был вынужден время от времени подновлять его, причем не упускал ни единой возможности напомнить Джон-Тому, что такого не выдержит даже величайший из чародеев. Похоже было, что близится миг, когда им придется бросить машину и продолжать путь пешком.

Меньше всех страдал от непрерывной тряски Сорбл. Лишь только он чувствовал, что болтанка начинает действовать ему на нервы, как немедля взмывал в воздух и парил над макушками деревьев, предоставляя своим несчастным спутникам испытывать всю прелесть езды по ухабам.

Впрочем, ящерицы им больше не попадались, а ближе к Линчбени дорога стала более ровной, и они смогли хоть немного насладиться очарованием осени в Колоколесье. Деревья не спешили сбрасывать листву, а потому их кроны переливались всеми оттенками красного и золотистого, которые прекрасно гармонировали с огненно-рыжим ковром, устилавшим местами землю. Однако то, что было поистине великолепным на вид, на слух воспринималось совершенно иначе. Стоило задуть ветерку, как листья на ветках принимались звенеть, но не дружно, не в лад, как обычно летом, а вразнобой, кто во что горазд. Клотагорб объяснил, что звучание листьев-колокольцев целиком и полностью зависит от времени года. Искушенный лесовик способен по звону листвы предсказывать погоду. По весне песни деревьев сладостны и мелодичны, летом — исполнены истомы, осенью же, когда опадает листва, они — нестройные и несколько грубоватые. Терзавший уши звон сопровождал путешественников вплоть до того

момента, когда они, заехав в Линчбени и миновав Флиртачию, выбрались из леса к югу от Оспенспри.

— С Поластринду ему, конечно, не тягаться, — заявил Клотагорб, подразумевая Оспенспри, — но сам по себе городок неплохой, где-то даже красивый. Он расположен среди холмов, на северном рубеже цивилизации. — Волшебник подался вперед и пристально всматривался в даль, выглядывая на горизонте очертания городских зданий.

Им то и дело встречались стада жирных ящериц-абизмо, что паслись на лугах, доедая летнюю траву. Вдалеке виднелись высокие холмы — первые признаки близости Северного плато. Джон-Том слегка удивился тому, что абизмо бродили по равнине без всякого присмотра, однако сказал себе, что они, должно быть, приучены возвращаться к вечеру в свои загоны.

— Оспенспри славится садами, — продолжал Клотагорб. — В них собирают самые лучшие в теплых землях яблоки и плоды деревьев токла.

Джон-Том крепко сжимал руль обеими руками. Долгая дорога от Линчбени сказывалась на джипе все сильнее. Ему с первого дня было далеко до «Порше», а теперь он окончательно превратился в разболтанный драндулет. Юношу преследовали кошмарные видения: вот они только-только вписываются в крутой поворот, и вдруг руль отрывается от колонки и оказывается у него в руках. По счастью, ничего подобного пока не произошло. «Дотяни до города, — мысленно обратился Джон-Том к дребезжащему автомобилю, — дотяни, милый, а там мы тебя похороним по всем правилам».

Джип обогнул холм, увенчанный сосновым бором, и глазам спутников предстало громадное черное облако, застывшее в неподвижности над Оспенспри этаким клоком пропитанного копотью хлопка. Джон-Том притормозил, но останавливаться не стал. Что касается прекрасного Оспенспри — чудесного города, о котором Клотагорб твердил не переставая всю дорогу, с его многочисленными потоками, арочными мостами и фонтанами, — этого северного цветка, то он мало соответствовал восторженному описанию волшебника. Вместо высоких изящных зданий долину, что раскинулась под облаком, заполняли крошечные глиняные хижины. Меж ними тянулись каналы, по которым текла грязная вода. За пределами поселения каналы соединялись в один и образовывали реку. Удивительно, но факт: сразу за городом грязная вода становилась чистой и прозрачной, как будто проходила сквозь очистные сооружения; однако ничего похожего поблизости не наблюдалось. Как и утверждал Клотагорб, деревьев в городе было не перечесть, но все они, все до единого, погибли, и вовсе не от ранних холодов. Казалось, их погубило нечто куда более ужасное, нежели зимняя стужа. На склонах холмов к северу от города, где располагались прежде знаменитые сады, виднелись

только бурые скелеты с кривыми стволами и голыми ветвями. Ни на какие плоды не было, естественно, и намека. А сверху надо всем этим чудовищным разором нависло зловещее черное облако.

— Хозяин, вы уверены, что нам надо именно сюда? — осведомился Сорбл, совершив аккуратную посадку на спинку заднего сиденья.

— А куда же еще, пернатый ты недоумок?! — Чувствовалось, что чародей озадачен, если не сказать изумлен. Он ошеломленно взирал на открывшееся им зрелище. — Это Оспенспри. Вон Акомарский холм, вон три источника, которые снабжают город водой. — Клотагорб привстал и оперся о лобовое стекло, которое застонало под его весом.

Позади простиралось во всем блеске осеннего великолепия Колоколесье, в звоне листвы которого слышались скорбные, однако отнюдь не пророчащие беду нотки. А впереди лежал некогда прекрасный Оспенспри — осквернённый, испоганенный, словно придавленный к земле колоссальным облаком. Когда волшебник заговорил снова, голос его выражал муку.

— Поезжай дальше, мой мальчик. Город и тех, кто в нем проживал, постигло несчастье. Возможно, мы сумеем чем-то помочь. По крайней мере, мы должны попытаться.

Джон-Том кивнул и переключил скорость с нейтральной на первую. Раздался громкий скрежет, и джип покатил в направлении Оспенспри.

— Что такое токла?

— Ты никогда ее не пробовал?

— Кажется, нет, — отозвался юноша, не сводя глаз с дороги. — По-моему, у нас, в моем мире, она не растет.

— Мне жаль твой мир, ибо токла — поистине замечательный плод. Ее можно съесть сколько угодно, поскольку она сжимается в желудке.

— То есть как? Растворяется?

— Нет, она сжимается перед тем, как желудок ее переваривает. По форме она вот такая, — чародей повел рукой, и у Джон-Тома создалось впечатление, что токла похожа на две груши, сросшиеся верхними концами. — Проходя по пищеводу, каждый кусочек сжимается до размеров ногтя, однако у тебя возникает чувство, будто ты закусил буханкой хлеба.

— И впрямь жаль, что она у нас не растет, — позавидовал Джон-Том. — Все бы с ума посходили. Фруктовая диета!

— Диета? — переспросил Сорбл. — Что это значит?

— Ты не знаешь, что такое диета?

— Джон-Том, почему вы, люди, так любите задавать глупые вопросы? Если бы я знал, что такое диета, я не стал бы спрашивать, верно?

— По правде сказать, Сорбл, пьяным ты мне нравишься больше, — заметил юноша.

— Разумеется, — ответил филин, пожав плечами. — Я и сам с трудом переношу себя трезвого.

— Диетой называется способ избавиться от лишнего веса посредством сознательных ограничений в еде.

Филин прищелкнул клювом. Тряска не настолько лишила его сообразительности, чтобы он не обратил внимания на очевидную глупость.

— Разве вес бывает лишним? По-моему, все, наоборот, стараются набрать его. Я правильно тебя понял: твои сородичи намеренно морят себя голодом?

— Не совсем так, но в общем и целом ты прав. Они делают это, чтобы лучше выглядеть. Видишь ли, в моем мире чем ты худее, тем более привлекательным тебя считают.

— Чушь, — фыркнул Сорбл, вытерев клюв кончиком крыла.

— Мой мальчик, — вмешался Клотагорб, — странность принятых в твоем мире условностей не перестает поражать меня. Я рад, что не имею возможности познакомиться с ними на собственном опыте. Вряд ли я сумел бы к ним приноровиться.

— Смотрите! — воскликнул Сорбл. — Тут кто-то живет.

Джип медленно катился по улице мимо первых домов — если глиняные и соломенные постройки заслуживали столь громкого названия. Из узеньких переулков на путников таращились горожане. По тому, как они выглядели, сразу становилось ясно, что разразившаяся катастрофа не минула их стороной. Жители Оспенспри, подобно населению любого более-менее крупного города, являли собой весьма разношерстную компанию; досталось всем — двуногим и четвероногим, кошачьим, собачьим и прочим. Все они словно не верили в реальность происходящего и в то же время, судя по унылым физиономиям, почти примирились с бедой. У всех горожан наличествовал общий физический недостаток, который возник скорее всего не из-за дурной наследственности. Поначалу это уродство мнилось путешественникам случайным, однако чем ближе они подъезжали к центральной площади, тем сильнее утверждались в противоположном мнении, ибо горожане — стар и млад, вне зависимости от пола или видовой принадлежности — все, от щенков до умудренных годами патриархов, превратились в горбунов.

— Что бы здесь ни случилось, — заявил Клотагорб, поправляя очки, — жители Оспенспри пострадали не меньше, чем сам город. Направо, мой мальчик.

Джон-Том подчинился, и джип выкатился на круглую площадь, посреди которой возвышалась грязно-зеленая колонна высотой под тридцать футов. С ее вершины стекала вода. Колонну окружал забор из гнилых деревяшек; в некоторых местах его дополняли угрюмые гранитные глыбы.

— Остановись тут, — велел чародей. Джон-Том послушно затормозил. Клотагорб вылез из машины и направился к колонне.

— Что это такое, сэр?

— Оливиновый фонтан. Проектировали три года, строили двадцать лет. Его воздвигли члены Гильдии мастеровых Оспенспри. Я читал о нем. Он должен находиться именно здесь, но, как видишь, сие произведение искусства ничуть на него не похоже. А как он был прекрасен: мраморные и бронзовые трубы, статуи из алебастра и оливина размером с мой панцирь! Да, то, что обрушилось на город, изуродовало не только спины жителей, но и всю здешнюю красоту.

За тем, как движется по улицам диковинный экипаж, наблюдали многие горожане, но лишь отдельные личности сохранили достаточно мужества и любопытства, чтобы последовать за джипом на площадь. Самым смелым оказался старый лис с таким же горбом, как и у всех остальных. Он тяжело опирался на палку. Мех на его морде поседел, из чего следовало, что лис находится в весьма преклонном возрасте; из усов сохранилась только половина — по левую сторону пасти. Кто-то попытался задержать старика, но он отпихнул незваных доброжелателей и выступил вперед. Очевидно, он не боялся смерти, как достаточно часто бывает с теми, кто дожил до таких лет.

— Незнакомцы, откуда вы прибыли? По вашему виду я заключаю, что вы не местные.

— Мы с юга, — ответил Джон-Том. — Можно сказать, из Линчбени.

— Вы далеко забрались, — заметил лис, кивнув головой, медленно обошел джип и прикоснулся дрожащей лапой к крылу автомобиля. — Что за странная повозка? Никогда такой не видел. Я был бы рад встретиться с кузнецом, который выковал ее.

— Какая есть, такая есть, — буркнул Клотагорб, становясь перед лисом. — Лично меня больше интересует то, что произошло с вами. Я не бывал в вашем городе, но много слышал о нем и читал, а потому знаю заочно все достопримечательности. Последний из тех, с кем я беседовал, заглядывал к вам не так давно, однако он ни словом не упомянул о чем-либо подобном. — Волшебник обвел лапой площадь. — Что стряслось? Что за страшная беда вас постигла?

— А ты наблюдателен, приятель, — проговорил лис, окидывая чародея пристальным взглядом. — Все случилось в мгновение ока, безо всякого предупреждения. Откуда ни возьмись появилось облако. — Он ткнул палкой вверх. — Вон оно, висит себе и висит, как приклеенное. Ни дождинки, ни снежинки; камень — и тот живее, чем оно. А ветер если и задует, то все время на нас.

— Вы не пробовали прогнать его? — справился Клотагорб, который, запрокинув голову, изучал громоздкую тучу.

— Все наши волшебники оказались бессильны. Их чары не подействовали. Да и как можно подействовать на пар? Ведь это же пар, верно? Мы взывали ко всем богам, которые отвечают за погоду, а толку — сами видите.

— При чем тут боги? Ваш город страдает не от климатического явления. Разумеется, погодные заклинания здесь не помогут.

— Пертурбатор, — пробормотал Джон-Том, неожиданно догадавшийся, куда клонит чародей.

— Совершенно верно, мой мальчик.

— Но почему мы тогда не изменились тоже? — спросил Джон-Том, на всякий случай ощупывая спину. — И почему лес за пределами города остался таким, каким был?

— Воздействие пертурбатора, мой мальчик, не обязательно должно быть масштабным. Многие пертурбации, притом различной силы, строго локализованы. Не забывай, пертурбатор постоянно пребывает в движении, постоянно испускает энергию. Порой он воздействует всего лишь на клочок земли площадью в квадратный фут, порой — на рощу или на отдельный город. Тем не менее надо признать, что мы столкнулись с самой серьезной из всех пертурбаций, с какими нам доводилось иметь дело. Помнишь, я говорил тебе, что если пертурбатор не освободить, степень изменений будет неуклонно возрастать и мы рискуем очутиться в мире, который подвержен перманентным пертурбациям. В Оспенспри произошло именно то, чего я опасался. Пертурбация, признаком которой является, по моему мнению, черное облако, обосновалась здесь надолго, быть может, навсегда, если...

— Если вы ее не прогоните, сэр, — докончил Джон-Том.

— Да, — кивнул волшебник. — Мы должны попытаться.

— Раз «мы», тогда ладно. — Джон-Том порылся в багажнике джипа, извлек дуару и начал разворачивать материю, которой был обернут инструмент. Внезапно ему на плечо легла лапа Клотагорба.

— Нет, мой мальчик. Я справлюсь один. Эти бедняги и без того достаточно намучились.

Джон-Том молча проглотил обиду, поскольку ведать не ведал природы того бедствия, которое поразило Оспенспри; к тому же он многократно убеждался, что уязвленная гордость — отнюдь не лучший советчик. Что ж, пускай будет так, как хочет Клотагорб.

Лис настороженно следил за действиями Сорбла, который помогал волшебнику готовиться к сеансу магии. Тем временем от толпы отделилась другая фигура и, шлепая по грязи, направилась прямиком к Джон-Тому. Юноша повернулся навстречу.

— Мы друзья. Мы хотим помочь вам. Однако моему наставнику нужно как можно больше свободного пространства, а потому... — Слова замерли у него на устах. Он не верил своим глазам. Если не считать горба, в фигуре, медленно приближающейся к

нему, было что-то ужасно знакомое. Да нет, мысленно отмахнулся Джон-Том, не может быть. И все же — эти глаза, эти усы...

— Ты что, обезьяний сын, предлагаешь мне сматывать удочки?

— Мадж! — воскликнул Джон-Том, напрягая зрение. Нет, ошибки быть не могло. — Мадж, неужели ты?

— Конечно, я! Недоносок паршивый, безволосая обезьяна! Или ты ослеп? Ну да, я чуток пониже ростом, чем был когда-то, и что с того? Морда-то у меня та же самая, да и твоя не изменилась. Все та же гнусная харя.

— Мадж, как я рад тебя видеть! — Джон-Том ощутил внезапное облегчение. — Даже при нынешних обстоятельствах.

— Иди ты в задницу со своими обстоятельствами, приятель, — выдр кивнул в сторону джипа. — Как я погляжу, знакомые все лица. Его волшебная милость собственной дряхлой персоной вместе со своим пропойцей-учеником. Ты, случаем, не знаешь, у него не найдется чем промочить горло? Я б не отказался пропустить стаканчик-другой, ежели тока этот хмырь не вылакал все запасы отсюда до южного океана. Скажу тебе честно, никада не понимал тех, кто закладывает лишку.

— Что я слышу? — изумился Джон-Том. — Нет, вы послушайте!

— А че тут слушать, парень? Я всегда знаю меру. Главное — не перебрать, а там заливайся хоть по горлышко. Потом отливаешь, и ты свеженький, как огурчик. Теперь понял? Кстати, а че это вас занесло в такую даль от дома? Я-то думал, вы торчите себе в своем Древе, в тепле и уюте, и дожидаетесь зимы.

— Ты, наверно, заметил, что в мире за последние недели кое-что разладилось?

— Кореш, ты меня умиляешь. — Выдр со смешком покачал головой. — Конечно, можно выразиться и так, но не проще ли сказать, что мир окончательно спятил?

— А как ты попал сюда, Мадж? Что привело тебя в Оспенспри? Между нами, видок у тебя еще тот, куда омерзительней обычного.

— По-моему, приятель, мне просто повезло. В общем, я решил немного подшустрить в Гнилых Горшках — неплохое, доложу тебе, местечко, особенно после того, как там сменилась власть, — и получилось так, что мне пришлось уносить ноги.

— Кого ты надул на сей раз?

— Надул? Приятель, за кого ты меня держишь?

— Ладно, замнем, — буркнул Джон-Том.

За разговором оба они не сводили глаз с джипа, в котором восседал Клотагорб. Волшебник занимался тем, что сооружал нечто невообразимое из гнилых кольев забора, каких-то приборов, которые он извлек из своего тюка, и нескольких предметов, сильно смахивающих на кухонную утварь.

— Скучать мне было некогда, — продолжал выдр. — А уж када начались всякие, как ты их обозвал, неполадки, и подавно. Хорошенькое ощущение: глядишь в зеркало и знать не знаешь, какое чучело уставится на тебя оттуда в следующий миг; и того хлеще — лежишь себе в постели, никого не трогаешь, и вдруг бац!.. В Окоте я свел знакомство с шикарной капибарочкой. Ты ведь помнишь, приятель, я их обожаю.

— Насколько мне известно, Мадж, ты обожаешь всех, кто ходит, говорит и относится к противоположному полу.

— Ну и что? Значица, я единственный, кого не назовешь расистом. Так вот, тока мы собрались достойно завершить вечерок, как она враз, у меня под носом, не говоря уж об остальном, превратилась в не пойми что с кучей глаз, двумя головами и всем таким прочим. Разумеется, я сам выглядел не лучше, но поверь мне, чувак, всю мою страсть как рукой сняло.

— Естественно, — хмыкнул Джон-Том. — Подробности можешь оставить при себе.

— В том-то и дело, парень, что подробностей нет и никогда не было. — Мадж печально вздохнул. — После Окота я заглянул в Гнилые Горшки, едва унес ноги и прикинул, что раз того и гляди повалит снег, пора мне подаваться на юг, и поскорее. А потом решил завернуть на пару деньков в расчудесный Оспенспри. Между прочим, приятель, что тут была за красотища!

— Клотагорб говорил мне.

— Ясненько. В общем, походил я, поглазел по сторонам, надышался свежего воздуха, отъелся на дармовых харчах, побывал пару раз на свиданках — и на тебе, снова пошло-поехало! Ну, ты понимаешь, все изменилось — и я, и городишко со своими раззявами-жителями. Ладно, сижу, жду, када все кончится. Две минуты, потом два часа... Наконец до кого-то дошло, что ждать нечего. Сперва народ маленько попсиховал, но знаешь, я их не виню. У самого в башке помутилось. Полегоньку все очухались: рожи кислые, а чувствуешь себя так, словно, пока ты дрых, у тебя стащили все твои причиндалы. Соображаешь, о каких причиндалах речь? — Мадж ткнул пальцем в небо. — А над городом торчит это клепаное облако. У-у, гадина черномазая, как бы дал!.. Короче говоря, приятель, дело швах. Вот почему я балакаю с тобой весь скукоженный, точно меня дубиной по чайнику шарахнули. Будем надеяться, его чародейство дотумкает, что к чему, а то здешние совсем уж приуныли, тока успевай носы вытирать.

— Если что-то вообще можно сделать, Клотагорб это сделает, — гордо заявил Джон-Том.

— Во-во. А что, ежели он перезабыл все свои заклинания? Двести лет назад я бы и не дергался, но сейчас-то он, сам знаешь, уже не тот.

— Все мы не те, что были когда-то, Мадж.

— Послушай, приятель, — произнес выдр, смачно плюнув, —

коли ты не перестанешь подначивать меня, я, пожалуй, сделаю тебе ручкой. Мне за ту неделю стока приятного наговорили — до конца жизни хватит. И все-таки, — он прищурился и пристально поглядел на юношу, — какими ветрами тебя занесло в эти холодные края?

— Теми же, какие дуют над Оспенспри и надо всем миром. Если не утихомирить их, пертурбации, как выражается Клотагорб, будут становиться все серьезнее.

— Понятно. Значит, вы с мистером Клотагорбом набиваетесь миру в спасители. А в чем загвоздка, парень? Надеюсь, ничего сверхъестественного?

— Да как сказать. Эти перемены происходят постоянно, но мы их не замечаем — не те масштабы. А теперь вся проблема в том, что некто захватил в плен источник изменений. Клотагорб полагает, что мы имеем дело с безумцем. — Юноша указал на склон холма, обезображенный погибшими плодовыми деревьями. — Тот, кто учинил весь этот разор, находится вместе с пертурбатором, то бишь причиной перемен, к северу отсюда. Туда-то мы и направляемся.

— На север? — Глаза Маджа округлились от изумления. — Приятель, да вы никак повредились в уме? Ты хоть представляешь себе, каково вам придется на Плато? Или ты забыл, что зима на носу? Я тебе не завидую, с твоей-то шкурой. Был бы еще мех, а то смотреть тошно.

— Когда на карту поставлена судьба мира, о шкуре приходится забыть. Если мы не освободим пертурбатор и не обуздаем того, кто его поймал, мир рискует оказаться в весьма неприятном положении, по сравнению с которым зимняя стужа — сущая ерунда. По-твоему, Клотагорб покинул бы Древо ради чего-то менее важного?

— Ну да, он отправил бы тебя совершать подвиги в одиночку. Надо же, — хмыкнул выдр, — его чародейство и впрямь оторвал задницу от стула. Видать, дело серьезное. Говоришь, пертурбатор? Вот оно, оказывается, что. Выходит, это он устраивает... как их там... пертурбации?

Джон-Том утвердительно кивнул.

— Что ж, тада вы с его толстозадостью как раз подходите. Я давно подозревал, что старик Клотагорб малость пертурбнутый, а уж про тебя и говорить нечего. Валяйте, ребята, тока смотрите, чтоб не стало еще хуже. — Мадж попытался выпрямиться, но не сумел. — Кстати, я еду с вами.

— Что?

Юноша решил, что ослышался. Чтобы Мадж вызвался рискнуть жизнью — такое не могло присниться и в страшном сне.

— Что «что»? — передразнил выдр. — Ты ж сам сказал, кому-то надо остановить пер... пер... В общем, скока можно изменяться? А коли так, вам понадобится помощь, особенно на Плато. Ты

ведь хуже младенца, шагу не можешь ступить, чтобы во что-нибудь не вляпаться.

Джон-Том не нашелся что ответить. Слова попросту не шли у него с языка. Заявление выдра потрясло юношу не меньше, чем вид подвергшегося перемене города. Разумеется, Мадж обладал обширным и весьма красочным словарем, однако само понятие добровольности было ему столь же чуждо, как и обет целомудрия.

— Не знаю, — пробормотал наконец юноша. — Неужели ты в самом деле предлагаешь нам помощь? По собственной воле? Без принуждения?

— Ну конечно, паренек. — Мадж принял оскорбленный вид, чего за ним, как правило, не водилось. — Я тебя спрашиваю, за кого ты меня держишь?

— Тебе интересно? Давай посмотрим, кто ты у нас есть. — Джон-Том принялся загибать пальцы. — Вор, бабник, трус, негодяй...

— Расслабься, кореш, расслабься, — поторопился перебить Мадж. — Я ж сказал, что соглашаюсь добровольно. Вам не обойтись без моей помощи. Я дам вам с его колдовским сиятельством сто очков вперед в умении разведывать местность, а этот пернатый мешок с костями, черепаший ученик, годится только на то, чтоб пить горькую.

— Однако сюда мы как-то добрались. — Теперь уже оскорбился Джон-Том.

— Знаешь пословицу: дуракам всегда везет? В общем, я еду с вами, если вы меня возьмете.

Некогда полный сил и энергии выдр представлял собой жалкое зрелище. Джон-Том невольно преисполнился сочувствием к своему закадычному другу, а от искреннего стремления Маджа помочь у юноши запершило в горле, на глаза навернулись слезы.

— Мы с радостью примем тебя в свою компанию, Мадж, — проговорил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Заметано, приятель. — Выдр выглядел одновременно довольным и себе на уме. Он мотнул головой в сторону фонтана, возле которого возился со своим аппаратом Клотагорб. Волшебник бормотал заклинания, перемежая их проклятиями в адрес неуклюжего Сорбла. — Что они затевают?

— Не знаю, — признался Джон-Том. — Клотагорб вроде бы собирался выручить Оспенспри из беды, но каким образом — не сказал. Тебе же доводилось иметь с ним дело: он предпочитает действие словам.

— Точно, — подтвердил Мадж. — Вот почему невинным страдальцам, вроде нас с тобой, никогда не удается вовремя улизнуть.

Горожане по-прежнему не отваживались приблизиться к чужакам, однако внимательно следили за происходящим. Только у старого лиса достало храбрости завести разговор с незнакомца-

ми. Джон-Том свел Маджа с лисом, а сам поспешил к волшебнику — узнать, не требуется ли его помощь.

— Требуется, мой мальчик. Куда же я без тебя? — Чародей поправил очки, которые норовили сползти с клюва. Джон-Том потянулся было за дуарой, но Клотагорб остановил его: — Нет, нет, петь не надо. Будь добр, подержи вот это.

Слегка уязвленный, Джон-Том тем не менее послушно ухватился за край складной деревянной платформы, воздвигнутой поблизости от фонтана. Юноша ожидал услышать одну из грубоватых шуточек Маджа, однако тот, как ни странно, промолчал. Должно быть, ситуация не вдохновляла на остроумие. Джон-Том попробовал определить на глаз назначение платформы, но вскоре отказался от своей затеи ввиду тщетности усилий.

— Для чего она, сэр?

Волшебник словно не слышал вопроса. Он расхаживал вокруг аппарата, рассматривал его под разными углами, иногда наклонялся или становился на колени, чтобы проверить расположение устройства относительно холмов к северу от города, время от времени что-то подправлял, подкручивал, а затем шел дальше. Вернувшись к тому месту, откуда начал обход, он остановился, повернулся и направился к своему тюку, возле которого громоздился на земле большой ящик; в нем имелось около дюжины выдвижных ящичков. На глазах у заинтригованного Джон-Тома чародей принялся смешивать в чашке порошки, которые извлек из шести верхних ящичков. Вся процедура заняла от силы пять минут. Потом Клотагорб высыпал содержимое чашечки в глубокий металлический сосуд, подвешенный точно по центру платформы, которую держал Джон-Том.

— Облако над нашими головами, — произнес волшебник с таким видом, будто юноша задал вопрос всего лишь мгновение назад, — является локальным средоточием возмущения, которое продолжает воздействовать на Оспенспри и его обитателей. Если нам удастся изменить химический состав облака, не говоря уже о местоположении, то есть превратить его опять в заурядное скопление пара, мы, как мне кажется, сумеем заодно прекратить пертурбацию.

Джон-Том запрокинул голову и уставился на зловещую черную тучу.

— А что вы собираетесь предпринять, сэр?

— То, мой мальчик, что представляется мне наилучшим. Держи крепче.

— Это не опасно, сэр? — справился юноша, стискивая в кулаках деревянные ножки платформы.

— Мой мальчик, разве я когда-либо подвергал тебя опасности? — Прежде чем Джон-Том успел изречь фразу, которая напрашивалась сама собой, чародей начал произносить мудреное и

весьма внушительное на слух заклинание. Одновременно он делал руками пассы над металлическим сосудом, вырисовывая в воздухе сложные геометрические фигуры:

Слову внемли, черных скопище тайн,
Слушай меня, неподвижная туча.
Прочь! Я велю тебе: прочь улетай,
Больше несчастного края не мучай!
Та, что тебя удерживает жестко,
Пускай во прах рассыплется решетка!

Свисавший с платформы сосуд задрожал, закачался из стороны в сторону, сорвался с кожаного ремня, но не упал, а остался на месте, как бы обретя невидимую опору. Он подскакивал, вертелся вокруг собственной оси и светился, причем свечение становилось все ярче. Джон-Том ощущал, как вибрируют в его ладонях ножки платформы. Сооружение казалось слишком хрупким, чтобы выдержать нарастающий грохот, который исходил из сосуда, однако пока вроде бы не собиралось разваливаться. Сосуд сделался ослепительно белым. Земля под ногами содрогнулась. Зеваки, что располагались поодаль, кинулись врассыпную. Грохот перешел в оглушительный рев. Джон-Тому чудилось, что он стоит под водопадом. Клотагорб беззвучно разевал рот; волшебника совершенно не было слышно. Внезапно он воздел лапы к небу. Над площадью громыхнул гром. Сорбл свалился наземь с лобового стекла джипа. Джон-Том стиснул зубы, но не отпустил ножек, хотя в ушах у него звенело, а пальцы потихоньку онемели. Глаза юноши были полуприкрыты, а потому он почти случайно заметил, как из горлышка сосуда взметнулось вверх нечто вроде серебристой ракеты. Свист, которым сопровождался полет самодельного снаряда, быстро затерялся в раскатах грома. Клотагорб глядел из-под лапы вслед ракете, исчезнувшей в черноте тучи. Неожиданно он проронил:

— Можешь отпустить, мой мальчик.

Джон-Том с облегчением подчинился и принялся тереть ладони одна о другую, чтобы к ним вернулась чувствительность.

Облако испустило рык, который прозвучал, как эхо того грохота, что сопутствовал вращению сосуда. Этот звук был менее оглушительным и куда более естественным, а потому и приятным на слух. Перед ним в туче блеснуло некое слабое подобие молнии; потом возникло сияние, которое распространилось по краям клубящейся массы. Раздался новый рык. Облако словно о чем-то спрашивало.

— Что вы сделали, сэр?

— Единственное, что требовалось, мой мальчик, единственное, что мог.

— А что дальше? Будет какое-нибудь чудо?

— Если нам повезет, то да.

У Джон-Тома затекла шея, а потому он опустил голову и пере-

вел взгляд на платформу, служившую опорой хитроумному аппарату, который зашвырнул в небо сверкающее невесть что. Кожаный ремень, на котором первоначально висел металлический сосуд, попросту испарился. Сам сосуд валялся на земле: этакая полурасплавленная питьевая кружка. Таинственный аппарат, против ожиданий Джон-Тома и вопреки законам физики, остался цел и невредим, хотя та сила, которая запустила ракету, должна была разнести его вдребезги, а жар, что расплавил сосуд, — испепелить до основания. Юноша обескураженно помотал головой. Ничего не скажешь, Клотагорб — мастер устраивать спектакли с участием сверхъестественных явлений.

— Чудеса, да и только, — буркнул подковылявший Мадж. Выдр наклонился, повел носом и недовольно сморщился. — Все никак не соберусь спросить у его чудодейства, почему как магия, так обязательно сплошная вонь?

— Мадж, ты способен опошлить все на свете!

— Эх, приятель, твой свет сам что хошь опошлит. Кстати говоря, от него тоже смердит так, что и покойник не выдержит.

Джон-Том сделал вид, что не слышит, нагнулся и протянул руку к сосуду. В небе по-прежнему погромыхивал гром, в воздухе ощущалась неприятная сырость. Юноша осторожно прикоснулся к расплавленному металлу. Тот оказался холодным. Тогда Джон-Том подобрал сосуд, положил его на ладонь и принялся рассматривать. Не верилось, что совсем недавно он излучал палящий жар; в настоящий момент от сосуда исходил поистине ледяной холод. Мадж был прав: металл попахивал чем-то не слишком ароматным. Джон-Том сунул палец внутрь, провел им по стенке, а когда извлек наружу, увидел, что к ногтю прилипли черные крошки. Юноша поднес палец к носу и принюхался.

— Ну что, кореш? — поинтересовался Мадж.

— Не знаю, — отозвался Джон-Том и вновь поглядел на небо. — По запаху похоже на иодид серебра. Там, откуда я пришел, им или чем-то в этом роде засеивают облака.

— Приятель, мы тут засеиваем не облака, а землю, — буркнул выдр, кинув на юношу косой взгляд. — Не говори ерунды.

Джон-Том не стал спорить. Он направился туда, где стоял Клотагорб. Чародей продолжал смотреть в небо. Какой же ты молодец, старикан, подумал Джон-Том и понял вдруг, что улыбается.

И тут случилось нечто невероятное. Произошло чудо, о возможности которого упоминал волшебник. Джон-Том осознал, что уже не улыбается, а хохочет во все горло. Еще немного — и он пустился бы в пляс.

С неба закапал дождь.

Гром звучал поначалу сварливо, затем озадаченно, а теперь гремел басовито и уверенно. Джон-Том запрокинул голову, подставляя дождю лицо, наслаждаясь чистой, свежей, естественной — ну, может, самую чуточку неестественной — влагой.

— Ну-ка, — воскликнул Мадж, выхватывая у юноши сосуд, — дай я понюхаю. Тут чтой-то не так. — Выдр глубоко вдохнул, глаза его широко раскрылись. — Разрази меня гром, приятель, там было настоящее бренди! Может, осталась даже капелька-другая, как раз для старины Маджа. — Он хотел было выпить остатки содержимого, однако ему помешал Джон-Том.

— Эй! — Юноша поспешно отобрал у Маджа полурасплавленный сосуд. — Тебе что, жить надоело? Иодид серебра... Или хлорид? — Джон-Том принюхался; на лице его появилось озадаченное выражение. — И вовсе не бренди, а самый настоящий бурбон.

— Ну и дела, приятель, — пробормотал изумленный выдр. — Лично я чую шоколадный ликер.

— А я — то ли сауер[1], то ли водку, — откликнулся Джон-Том. — Что происходит?

— Ничего особенного, мой мальчик, — произнес Клотагорб, прикрывая лапой очки, чтобы на стекла не попало ни капли дождя. — Тот компонент, определение которого вызывает у тебя столь значительные затруднения, является весьма дорогостоящим и куда более существенным, нежели все то, что ты перечислил. Если бы не обстоятельства, требующие решительных действий, я бы ни за что не стал применять его. Сей компонент встречается крайне редко, а потому служит предметом вожделений; им стремятся завладеть и те, кто творит магию, и те, кому наплевать на все, кроме выпивки. Мы называем его спиртэксом. — Волшебник снова поглядел на небо. Дождь лил не переставая, превращался мало-помалу в настоящий ливень. Громовые раскаты стихли, и теперь слышался лишь стук о землю дождевых капель, которые падали отвесно, под прямым углом, благо на ветер не было и намека.

— Никогда о таком не слышал, — буркнул Джон-Том.

— Спиртовой эссенцией, — пояснил чародей, — я постарался не только прогнать облако, но и вернуть Оспенспри к действительности, а потому должен был использовать нечто, способное смешиваться с водой.

— Чтоб у меня зенки повылазили! — вопил между тем Мадж, который запрокинул голову, широко разинул рот и непрерывно облизывался. — Приятель, ты что, совсем ума лишился? Пей, пока пьется! Или ты думаешь, что дождик никогда не кончится?

Сорбл, подобно выдру, не собирался упускать столь благоприятную возможность. Теперь понятно, почему он помалкивал, подумалось Джон-Тому. Пока остальные были заняты разговорами, филин медленно, но верно поднимался к вершинам блаженства. Юноша осторожно слизнул каплю, что собралась у него на кончике носа. М-м, мятный ликер. Вторая капля имела привкус

---

[1] Сауер (*амер.*) — лимонный коктейль (*прим. перев.*).

«Галльяно», третья — «Мидори» или чего-то очень похожего. Хватит, сказал себе Джон-Том. В конце концов, он ведь не испытывает ни жажды, ни желания упиться до чертиков.

— Осафинское! — горланил Мадж. — Терраквинское! Кусаж, гвинал, эссарк, гудмейж! — Выдр повалился на землю, перевернулся на спину, широко раскинул в стороны лапы и как будто забыл обо всем на свете.

Однако насладиться алкогольным ливнем в гордом одиночестве у него не получилось. Горожане Оспенспри быстро распознали целебные свойства дождевых струй и повыскакивали из своих хижин — сперва по двое и по трое, а потом повалили на улицы возбужденной гурьбой. К общему веселью присоединились даже те, кто мнил себя трезвенниками: они поступили так для того, чтобы не завидовать впоследствии менее благоразумным соседям, которые наверняка будут рассказывать о чудесном ливне до конца своих дней. Дождь шел и шел, и вдруг унылый городской пейзаж начал меняться буквально на глазах. Мертвые деревья и растения ожили, словно по мановению волшебной палочки. На стеблях, которые, казалось, давным-давно высохли, раскрылись лепестки цветов, на ветках стали набухать и распускаться почки, стволы деревьев распрямлялись, как бы наливались жизненной силой и победно вскидывали облаченные в зеленую дымку ветви. Плодов ожидать не приходилось, ибо их пора уже миновала, однако урожай следующего года обещал быть поистине умопомрачительным. Капли дождя сотворили чудо с полями, на которых вызревала когда-то поздняя пшеница. Припавшие к земле колосья встрепенулись, поднялись в полный рост, зазолотились спелыми зернами. Кстати сказать, потом из этого зерна выпекли хлеб, который прославился на все Колоколесье и далеко за его пределами тем, что тесто караваев и буханок слегка отдавало алкоголем, а каждый ломоть напоминал по вкусу тот или иной сорт вина.

Джон-Том наблюдал сквозь пелену дождя и тумана за преображением Оспенспри. Город как будто разогнулся, скинул с себя тяжкую обузу. Постройки и те, кто ютился в них, словно вдохновились метаморфозой, которая произошла с черным облаком. Чем светлее становилось последнее, тем радостнее делались Оспенспри и окрестности. На глазах у Джон-Тома город превратился из островка запустения и отчаяния в истинный цветок севера. Глиняные хижины исчезли без следа, на их месте вознеслись к небу величественные здания из дерева и камня. Грязь под ногами моментально высохла, явив взгляду брусчатку белого мрамора с красноватыми прожилками. Облепленный зеленой слизью фонтан преобразился в изящный шпиль, украшенный воздушными арками; из десятков отверстий хлынули прозрачные водяные струи. Возникли вновь и мраморные статуи, и сотни сверкающих

зеленых гранатов — оливинов, которые дали площади ее название.

Облако стало как бы растворяться в воздухе, причем процесс шел удивительно быстро. Вскоре над городом впервые за несколько недель засияло солнце. Истомившаяся от жажды земля впитывала влагу, которая миновала канализационные стоки и разинутые пасти горожан. Утратив свое могущество, облако заодно с пертурбацией, признаком которой оно являлось, растаяло, словно его и не было.

Вместе с городом воспряли и обитатели Оспенспри, а также Мадж, который лишился горба и отплясывал теперь сарабанду на цоколе бассейна, окружающего фонтан. Однако внимание Джон-Тома привлек вовсе не выдр, а тот самый лис, который единственным из горожан отважился приблизиться к джипу. Высокий и стройный, он стоял, горделиво подбоченившись, перед Клотагорбом; на нем были уже не лохмотья, в которых он появился на площади, а шикарный костюм из темно-коричневой, отороченной зеленым бархатом ткани. Деревянные пуговицы украшала медная отделка. Меж слегка тронутых сединой ушей располагалась зеленая же фетровая шляпа с кожаным верхом. Джон-Том прикинул на глаз, что старик будет, пожалуй, ему по плечо.

— Меня зовут Соренсет, — сообщил лис, вежливо поклонившись чародею и молодому человеку. — Я старший советник Магистрата Оспенспри. Мы весьма вам обязаны, сэр. Ваш гений и столь своевременная помощь спасли нас от ужасной беды. Я счастлив засвидетельствовать свое почтение величайшему из волшебников.

— Жители Оспенспри славятся своей наблюдательностью, — фыркнул Клотагорб. — Я совершил лишь то, что сделал бы на моем месте любой мало-мальски приличный маг.

— Однако до вас это никому не удавалось. — Соренсет зажмурился и запрокинул голову, наслаждаясь благодатным теплом солнечных лучей. — Вы сняли с нас проклятие. В Оспенспри и раньше случались неприятности, но они никогда не затягивались надолго. Мы уже начали опасаться, что черное облако зависло над городом навсегда.

— Оно может вернуться, в прежнем обличье или в каком-нибудь ином.

— Что вы сказали? — переспросил изумленный лис. — Разве такое возможно?

— Разумеется, возможно. Я уничтожил облако, но не причину его появления. До тех пор пока эта причина сохраняется, каждое утро будет отличаться от предыдущего, а мы, ложась спать, рискуем проснуться совсем не такими, какими легли. Чтобы устранить указанную причину, мы трое и отправились в путешествие, покинув свой дом на юге.

— Если вам что-то нужно, — заявил Соренсет, — вы только

скажите, и мы постараемся снабдить вас всем необходимым. Ведь вы восстановили наш город, наши тела и души.

Лис повернулся и указал на великолепные здания, выстроившиеся по периметру площади. Из раскрытых окон и распахнутых дверей доносились смех, радостные возгласы, хмельные крики. Шум стоял такой, что у Джон-Тома зазвенело в ушах, и он мысленно возблагодарил судьбу за то, что в веселье принимает участие лишь половина горожан; что касается второй половины, ее составляли те, кто чересчур увлекся поглощением живительной влаги. Они мирно дремали на порогах своих жилищ, на садовых скамейках или просто на земле, набираясь, по-видимому, сил для грядущих праздничных торжеств.

Мадж спрыгнул с мраморного цоколя, кинулся к Джон-Тому и облапил его. Из пасти выдра вырывались нечленораздельные звуки — нечто среднее между лаем и улюлюканьем. Юноша пошатнулся, не устоял на ногах и рухнул навзничь, увлекая за собой Маджа. Сердиться на выдра он не мог, ибо, во-первых, Мадж обладал способностью заражать окружающих своим настроением, а во-вторых, он и сам несколько переусердствовал, пробуя на вкус капли животворного дождя. Юноша ощущал легкое головокружение; он добродушно ухмыльнулся, глядя на восседавшего на нем Маджа. Что же до Сорбла, тот летал вокруг фонтана, постепенно сужая круги. Наконец произошло то, к чему неминуемо шло дело: филин неверно рассчитал расстояние, задел крылом о фонтан и плюхнулся в бассейн, так что Джон-Тому с Маджем пришлось выуживать его оттуда. Соренсет и Клотагорб взирали на охватившее молодежь безумие со снисходительным видом, как то и пристало существам столь почтенного возраста.

— Кажется, — заметил лис, — все вопросы придется решать нам с вами. Остальные, по-моему, не в том состоянии.

— Я даже рад этому, — отозвался волшебник. — По крайней мере, никто не будет задавать дурацких вопросов. Вы хотите знать, что нам нужно? Я сейчас перечислю. Кстати, помимо припасов на дорогу, надо бы позаботиться и о ночлеге. Надеюсь, хоть кто-то из трактирщиков к ночи достаточно протрезвеет.

— Я знаю подходящее местечко, — сказал Соренсет. — Лучшего вам не найти. Когда владельцы узнают, кому дают приют, они будут безмерно счастливы. Насчет оплаты не беспокойтесь. Вы — гости Магистрата, который действует от имени жителей благодарного Оспенспри.

Музыка, которую исполнял оркестр для увеселения пирующих, была томной и ненавязчивой, благо из инструментов наличествовали исключительно флейты и струнные. Обычно подобная музыка доводила Джон-Тома, в прошлом рок-гитариста, чуть ли не до исступления, но сейчас он вдруг обнаружил, что после долгого путешествия с юга на север наслаждается покоем и мягкостью звуков. С профессиональной точки зрения его весьма за-

интересовали многочеренковая флейта, на которой наигрывала рыжая рысь, и тридцатиструнная лира в лапах разряженного гиббона. В сравнении с последней двойной набор струн на дуаре Джон-Тома казался детской игрушкой. Однако у гиббона, когда он идет, лапы волочатся по земле, а человеческие руки вовсе не такие длинные. К тому же, продолжал размышлять юноша, пощипывая струны дуары, пускай-ка этот гиббон извлечет хотя бы парочку аккордов из инструмента, который связан с параллельным измерением!

Поневоле создавалось впечатление, что горожане, все до единого, стремились лично выразить благодарность своим спасителям. Если бы не Соренсет, который вежливо, но твердо преграждал путь большинству признательных оспенсприйцев, путешественникам пришлось бы туго. Тем, кто не понимал сразу, лис доходчиво объяснял, что путники устали, а впереди у них долгая и трудная дорога.

Поток славословий слегка ослабел после пертурбации, которая случилась ближе к вечеру. Она не могла равняться с той, что притянула к городу черное облако, ни продолжительностью, ибо длилась всего-навсего минут десять, ни серьезностью, однако отрезвила жителей Оспенспри и остудила наиболее горячие головы. Горожане и все прочие превратились в разноцветных бабочек, а здания обернулись коконами всевозможных размеров и форм. Перед тем как пертурбация завершилась и мир возвратился в нормальное состояние, то тут, то там можно было заметить нервное трепетание сверкающих крылышек. Это событие несколько подпортило эффект, произведенный действиями Клотагорба. Внезапно оказалось, что Соренсету уже не нужно отгонять тех, кто рвался облобызать лапы чародея.

— Неблагодарные создания, — проронил волшебник, отправляя в рот ложку супа. — Им, видите ли, мало того, что я спас город! Изволь, мол, спасти мир, тогда посмотрим!

— Не судите их слишком строго, — произнес Джон-Том. Юноша доел то, что было у него в тарелке, и откинулся на спинку стула, ощущая приятную тяжесть в желудке. Сытный ужин в таверне, особенно по сравнению с торопливыми перекусами по пути, за которыми следовали казавшиеся бесконечными часы тряски на разболтанном джипе, напомнили ему, что еда — не только необходимость, но и блаженство. — Они не ведают, что происходит. Быть может, мы с вами единственные, кто знает истинную причину изменений, — мы и, конечно, тот, кто захватил пертурбатор.

— Невежество не извиняет дурных манер, — буркнул Клотагорб; тем не менее чувствовалось, что Джон-Тому удалось несколько успокоить волшебника.

К ним за овальный стол подсели Соренсет и прочие члены Магистрата. Клотагорб, который не успел еще переварить обиду,

предпочитал отмалчиваться, а потому рассказывать о путешествии и планах на будущее пришлось юноше. Советники внимательно слушали. Когда Джон-Том кончил, председатель Магистрата, самец белки-летяги по имени Талла, летательную перепонку которого украшали многочисленные знаки отличия, заявил:

— Одно можно сказать наверняка. Тот транспорт, на котором вы приехали, дальше будет бесполезен. Путь пролегает по горам.

— А как насчет ездовых змей? — справился Джон-Том.

— Они не выдержат холода, который царит на Плато.

— Значит, пойдем пешком, — хмыкнул Клотагорб и принялся постукивать по столу пальцами обеих лап. — Перспектива, разумеется, малопривлекательная, однако она пугает меня гораздо меньше, чем то, что может ожидать нас, когда мы доберемся до цели.

— А что предлагаете вы? — спросил юноша.

— В Оспенспри, — отозвался после недолгого молчания Соренсет, — проживает немало тех, кто промышляет извозом. Но кто из них согласится отправиться на Плато в это время года, я не могу даже предположить. Мы постараемся узнать, нет ли среди них добровольцев, но не более того. Понимаете, одно дело припасы, и совсем другое — жизнь горожанина.

— Конечно, понимаем, — фыркнул Клотагорб.

— Я пойду узнаю, — вызвался нервозного вида бандикут. Он извинился перед гостями, выбрался из-за стола и поспешил к выходу.

— С нас хватит и одной-единственной лошади, чтобы везла поклажу, — продолжал Клотагорб. — Признаться, относительно добровольцев меня гложут сомнения.

— Вы же спасли город! — воскликнул Джон-Том.

— Мой мальчик, — изрек чародей, одарив юношу высокомерным взглядом, — поживи с мое на свете, и ты тоже придешь к выводу, что альтруизм не относится к числу самых распространенных добродетелей.

Установилась тишина. Неожиданно ее нарушило громкое чавканье, которое донеслось из-за соседнего с овальным стола. Джон-Том искоса поглядел на Маджа. Тот жадно поглощал здоровенную жареную рыбину, причем уткнулся в нее всей мордой, так что над тарелкой виднелась только его макушка. Джон-Том наклонился и прошептал на ухо приятелю:

— Ты что, не можешь жевать с закрытым ртом?

Маджоторвался от рыбы и уставился на юношу. Из пасти выдра торчал недоеденный кусок, морда была вся в масле.

— Ну, ты даешь, начальник. Слушай, покажи-ка мне, как жуют с закрытым ртом, сделай одолжение. А ежели не можешь, тада не мешай. — Он снова погрузился по уши в рыбину. На зубах у него захрустели рыбьи косточки.

— Я имел в виду другое, — проговорил Джон-Том, еле сдер-

живаясь, чтобы не вспылить. — А именно: шум, с которым ты ешь.

— Чем он тебе не нравится?

— Это неприлично. Есть надо тихо, а когда жуешь — закрывать рот.

— Приятель, — вздохнул Мадж, — люди что, все такие чокнутые? Я не могу есть иначе, даже если б захотел.

— Почему?

— Потому что пасть у меня не как у обезьяны, понял? Тебе закрыть едальник проще простого, ведь твои челюсти не выпирают вперед. На, полюбуйся. — Выдр придвинулся к Джон-Тому. Юноша отшатнулся и сморщил нос: от Маджа буквально воняло рыбой. — Сам видишь, дело не в желании, а в конституции.

— Извини, я как-то не подумал. — Джон-Том помолчал, взглянул на выдра, вернувшегося к прерванному занятию, нахмурился и произнес: — Эй, погоди-ка...

Докончить фразу ему не удалось, ибо вновь заговорил Клотагорб. Слова волшебника предназначались не членам Магистрата Оспенспри, но новоявленному участнику экспедиции:

— Ты, там!

Все разговоры мгновенно прекратились. Мадж мало-помалу сообразил, что взоры присутствующих устремлены на него. Он повернулся и переспросил с набитым ртом:

— Кто, я?

— Ты, ты, водяная крыса, — отозвался волшебник, пристально глядя на выдра сквозь шестигранные стекла очков. Джон-Том переводил взгляд с одного на другого и нетерпеливо предвкушал продолжение.

Мадж, как видно, почувствовал, что дело пахнет керосином. Он аккуратно сложил остатки рыбы на тарелку и принялся облизывать пальцы.

— Что угодно его чародейству?

— Джон-Том сказал мне, что ты вызвался сопровождать нас на север.

— Угу. Раз Джонни-Том сказал, значица, так оно и есть.

— Интересно знать, с какой стати? — осведомился Клотагорб. — Что-то не похоже на тебя.

— Босс, может, не будем переходить на личности? — Мадж провел лапой по усам. — Я ж все растолковал Джон-Тому. Помогая здешним, вы помогли и мне. Я стал самим собой, и теперь мне не придется до конца жизни маяться с этим треклятым горбом. В общем, вы меня спасли, а долг платежом красен. Какой был, кривой да горбатый, я ведь не мог зарабатывать на хлеб.

— То есть лазить по карманам? — Будь у Клотагорба брови, они наверняка поползли бы вверх. — Или речь идет о воровстве вообще?

— Этта, сэрра, разве так встречают старого друга, который

вдобавок по собственной воле вызывается сопровождать вас невесть куда? Ежели вы ни на что больше не годитесь, кроме как оскорблять меня, я...

— Никто не собирается преуменьшать благородство твоего поступка. Я всего лишь хочу уяснить для себя твои побудительные мотивы. Сдается мне, ты почуял, что опасность нам угрожает нешуточная, а потому, благо обладаешь зачатками разума, догадался, что спокойнее всего будет рядом со мной.

— Так, Мадж? — спросил Джон-Том.

— Приятель, ты меня обижаешь! Вы оба меня обижаете. Всякий раз, стоит мне предложить этим олухам свою помощь, тут же начинаются идиотские вопросы. Знаешь, парень, друзья так не поступают.

— Учти, тебе не поздоровится, если мы поймем, что ты втерся в нашу компанию только ради того, чтобы сохранить шкуру. Скажу откровенно, меня заботят не столько твои мотивы, сколько то, можем ли мы рассчитывать, что ты не сбежишь в решающий момент. Такого я допустить не могу. Я должен доверять всем своим спутникам. — Прежде чем Мадж успел возмутиться, Клотагорб наставил на выдра палец. Глаза волшебника за толстыми стеклами очков как будто потемнели, сменили природный карий цвет на тускло-рдяный. — Клянись, крысиный сын, отродье речной шлюхи, что отправляешься с нами по своей воле, что будешь исполнять, не прекословя, все распоряжения и что присоединяешься к нам не из трусости, а ради блага всех обитателей теплых земель. — Овальный стол, за которым сидели отцы города и гости, окутала алая дымка. Посетители не сводили глаз с Клотагорба. — Клянись кровью, которая течет в твоих жилах, разумом, который, может быть, обитает в твоем мозгу, вожделением, которое щекочет твои чресла. Клянись!

— Ладно, ладно, — пробормотал Мадж, выставляя перед собой обе лапы. — Нельзя ли полегче, ваше чудодейство? И че вы так пыжитесь? Конечно, клянусь.

Алая дымка растаяла, глаза Клотагорба обрели прежний цвет. Удовлетворенный волшебник уселся поудобнее — его стул был чуть-чуть повыше, чем у остальных, что объяснялось заботливостью хозяев и особенностями черепашьего сложения, — подобрал вилку и воткнул ее в кучу речных водорослей, что лежали перед ним на тарелке.

— Отлично. Я принимаю твою клятву и беру тебя с собой. Надеюсь, ты отдаешь себе отчет, сколь ужасными будут последствия, если тебе вдруг вздумается нарушить слово?

— А то, — буркнул Мадж. Вид у выдра был такой, словно ему глубоко плевать на угрозы волшебника. — Скока шума из-за ерунды! — Он совсем уже собрался было вновь приняться за рыбу, но тут к нему наклонился Джон-Том.

— Клотагорб впервые на моей памяти заставил тебя в чем-то поклясться.

— И что с того, приятель?

— Только то, что теперь ты не сможешь прятаться в кусты при первом же удобном случае. Тебе придется или держать слово, или сразу умереть, чтобы не связываться с разгневанным Клотагорбом.

— Слушай, паренек, не учи ученого, — выдр вонзил зубы в рыбину.

— Мадж, да что с тобой? — удивился Джон-Том. — Когда ты успел перемениться?

— С чего ты взял, что я переменился, приятель? Думаешь, я испугался этого старого хрыча? Еще не хватало! Просто я соображаю, что к чему, да пережил, между прочим, парочку ваших пертурбаций. Его толстозадость верно подметил: чем ближе к нему, тем безопаснее.

— Здесь я с тобой согласен, — сказал Джон-Том. — Хорошо, что ты идешь с нами. Кто знает, что нам предстоит...

— Чего? — встрепенулся Мадж, не донеся до рта очередной кусок. — О чем ты там болтаешь, кореш? Я так понимаю, его чудомудрие освободит пертурбатор, или как он называется, а потом — все по домам, верно?

— Может, да, а может, и нет. Рано или поздно мы столкнемся с тем, кто затеял все это, и предугадать, как он поступит, сейчас невозможно. Освобождение пертурбатора означает спасение мира, однако нам от того не будет ни тепло, ни холодно. Трудно сказать, как все повернется. По-моему, тот, кто поймал пертурбатор, не обрадуется нашему вмешательству в его дела.

— Ясненько. — Выдр положил кусок обратно на тарелку и привстал из-за стола. — Пожалуй, с меня хватит. Мы не договаривались насчет какого-то там психопата, который сидит на вашем прегорбаторе.

— А как же клятва, Мадж? — напомнил Джон-Том, кладя руку на плечо другу.

— Клятва? Разве я клялся торчать за столом, пока не лопну с натуги? Ладно, извиняйте и все такое прочее.

Мадж отпихнул стул и устремился в мужскую комнату.

— Что стряслось с водяной крысой? — справился Сорбл, который расположился на насесте близ овального стола; он ухватил клювом жареную ящерицу, стащил ее с вертела, каковой был воткнут в насест, проглотил и довольно причмокнул. — Никак переел?

— Что-то я не припомню, чтобы за Маджем такое водилось, — отозвался Джон-Том. — Он, верно, наконец-то понял, во что ввязался, и поперхнулся собственной клятвой.

— Бывает, — философски заметил Сорбл. — Немногие из нас способны предвидеть последствия тех или иных поступков. Взять,

к примеру, меня. О чем я думал, когда записывался в ученики к Клотагорбу?

— Что? — переспросил чародей, окинув филина суровым взглядом. — Что ты сказал, Сорбл?

— Я сказал, хозяин, что мы все должны равняться на Джон-Тома, который подает нам пример своими песнями. — Филин вежливо рыгнул и улыбнулся, чтобы сгладить впечатление.

Глава 5

Постели оказались восхитительно мягкими, не менее роскошными, нежели угощение за праздничным столом, и путники впервые за несколько недель выспались от души. Как обычно, Клотагорб поднялся прежде всех; Джон-Том, проснувшись, увидел, что волшебник делает какие-то заметки в записной книжке. Спустившись к завтраку, четверка столкнулась с Соренсетом. Вид у того был весьма изнуренный.

— Дела, — объяснил лис в ответ на сочувственные расспросы путешественников. — Некоторые горожане до сих пор страдают от воздействия на них, как вы ее называете, пертурбации, а другие — их тоже немало — мучаются с похмелья. У меня есть для вас хорошие новости. Когда позавтракаете, мы с вами прогуляемся до конюшни.

— Вы нашли добровольца? — справился Клотагорб. Соренсет утвердительно кивнул. — Отлично. Судьба к нам благосклонна.

— Правда... — начал было лис, смущенно отводя взгляд.

— Что? Говорите прямо, нашли вы кого-нибудь, кто повезет наши вещи, или нет?

— Нашел, нашел. Боюсь только, что сей доброволец придется вам не по вкусу. Во-первых, это не он, а она, во-вторых, характер у нее бунтарский и она способна разорвать договор, как только решит, что ее что-либо не устраивает.

— Она? — пробормотал Клотагорб. — Подумаешь, эка невидаль! Лишь бы у нее была крепкая спина и неутомимые ноги. Что касается предполагаемого столкновения характеров, тут беспокоиться нечего. Со мной ужиться проще простого, ибо я отличаюсь весьма добродушным нравом. — С дальнего конца стола донесся некий непонятный звук. Волшебник пристально посмотрел на своего ученика. — Тебе попалось что-то неудобоваримое, Сорбл?

— Кха!.. Нет, учитель, — выдавил филин, прижимая к физиономии салфетку, то ли чтобы вытереть клюв, то ли чтобы скрыть усмешку.

— Я рад, что с тобой все в порядке. Итак, мы отправляемся на встречу с вашей, мой друг, протеже. Времени терять некогда.

— Эй, начальник, — запротестовал Мадж, — а как же завтрак?

Джон-Том поднялся и отодвинул от стола стул, на котором разместился выдр.

— Идем, Мадж. Ты же слышал: времени у нас в обрез. Между прочим, глядя, как ты обжираешься, можно вообразить, что тебя не меньше суток морили голодом.

— Приятель, по-твоему, я вчера наелся? — Выдр провел лапой по усам. — Да что там было есть? Одна жалкая рыбешка, и ту мне не дали обглодать как следует.

— Жалкая? Она была ростом почти с тебя. Ну, идем.

— Ладно, сочтемся, — буркнул Мадж и соскочил со стула. — Однажды я устрою тебе такую же подлянку. — Он перекинул через плечо лук и колчан со стрелами; Джон-Том подобрал дуару и свой посох, вырезанный из древесины таранного дерева. Вдвоем они направились вслед за Клотагорбом и Соренсетом, которые вышли на улицу, где их, паря над мостовой, поджидал Сорбл.

Лис провел путешественников через центральную площадь, сверкающую всеми цветами радуги, через деловой квартал, где кипела с утра пораньше жизнь; какое-то время спустя они очутились в промышленном районе Оспенспри. Мадж всю дорогу жаловался и угомонился лишь тогда, когда компания достигла конюшен. К тем вели многочисленные аллеи, по которым сновали фургоны со снедью и повозки с уборщиками. Соренсет сообщил, что конюшни принадлежат почтенному семейству тяжеловозов, один из представителей которого заседает в Магистрате. Просторные стойла размерами в три раза больше обычных предназначались для супружеских пар, а те, что поменьше, для холостяков. Во главе каждого ряда стойл располагалось помещение, в котором оформлялись заказы и происходил найм рабочей силы. Эту работу выполняли, естественно, уже не лошади, ибо если, скажем, першерон может перевозить грузы хоть весь день напролет, заполнение отчетности ему не под силу. Попробуйте-ка сами написать что-нибудь копытом! Поэтому за канцелярию отвечали капуцины, бабуины и прочие расторопные создания.

Ведомые Соренсетом путники миновали те стойла, что поражали роскошью убранства, и приблизились к последнему ряду, который состоял из менее шикарных, однако столь же безупречно чистых апартаментов, выходивших на крохотную речушку. Тут, как правило, селились вольнонаемные, то есть те, кто предпочитал трудиться в одиночку, а потому неудивительно, что в кормушках сено встречалось гораздо чаще, нежели овес или люцерна. Завернув за угол, путешественники оказались на улице, вернее, на аллее, обсаженной тутовыми деревьями. В конце аллеи находилось стойло с покосившейся входной дверью. Слева от двери висел громадный почтовый ящик, сконструированный таким образом, что корреспонденцию из него можно было доставать как руками, так и пастью. Над ящиком виднелась медная

табличка, на которой была выгравирована изящная надпись: «Дормас».

Соренсет улыбнулся спутникам и нажал на кнопку звонка. Внутри стойла что-то негромко звякнуло и послышался низкий, слегка раздраженный женский голос:

— Убирайтесь! Я не в настроении!

— Такая дамочка мне по сердцу, — одобрительно кивнул Мадж.

— Это я, советник Соренсет, — произнес несколько обескураженный лис. — Я привел тебе клиентов.

— Чтоб ты провалился вместе со своим Советом! Пошел прочь! Не нужны мне никакие клиенты! — Внезапно тон Дормас переменился. — Хотя погоди-ка. Я тебя знаю. Ты рассказывал мне про южан, которые идут на север и ищут, кто бы согласился сопровождать их через Плато, верно?

— Ну да, — отозвался Соренсет, обретая на глазах прежнюю величественность. — Можем мы войти?

— Пожалуйста. Дверь открыта.

Соренсет откинул наружную щеколду, распахнул тяжелые деревянные створки и придержал их, пропуская гостей вперед.

Джон-Том увидел перед собой животное, закутанное в бежевое одеяло. Присмотревшись повнимательнее, он нахмурился.

— Вы не лошадь.

— Это еще что за остроумец? — осведомилась Дормас у Соренсета.

— Нет, я от нее без ума, — пробормотал Мадж, восхищенно прицокнул языком и прислонился к стене. Сорбл, вошедший последним, закрыл за собой дверь.

— Вы мул, — прибавил Джон-Том.

— Сдается мне, человече, — проговорила Дормас, — ты только вчера родился на свет. К твоему сведению, я не лошадь и не мул, а лошачиха.

— Прошу прощения?

— Проси, проси, может, и получишь. — Она вновь повернулась к Соренсету. — Ты говорил, что мне предстоит путешествовать в компании волшебников и воинов. Про слабоумных младенцев у нас и речи не было.

— Послушайте, — воскликнул Джон-Том, — я не...

— Мул, — перебила его Дормас, — есть плод любви лошади и осла, точнее, кобылы и осла. Лошачиха же происходит от жеребца и ослицы. Лично я рада, что не родилась безволосой обезьяной. — Она смерила юношу взглядом. — Любопытно! Трудов всего ничего, а итог ишь какой вымахал.

— Я же извинился, — буркнул Джон-Том. — Откуда мне было знать? Физиология четвероногих — не моя специальность.

— Дипломатичности тебя, похоже, тоже не учили.

— Ну, хватит, в самом деле! Меня зовут Джон-Том. Это вели-

кий волшебник Клотагорб, его слуга и ученик Сорбл и мой друг Мадж. Мы счастливы, что вы вызвались помочь нам.

— Вызвалась, как же! — фыркнула Дормас и поглядела на Клотагорба. — Ты, верно, предводитель этой шайки недоумков. Человек слишком молод, филин пьян в стельку, у водяной крысы жуликоватый вид. Значит, остаешься только ты.

— Во повезло старику, ниче не скажешь, — хмыкнул Мадж себе под нос.

— Лис пообещал, что мне заплатят соответственно опасности, которой я буду подвергаться. Сами понимаете, зима на носу, тут уж не до шуток.

— Вы не пожалеете, что присоединились к нам, — заверил чародей.

— Так-то лучше. — Казалось, заявление Клотагорба слегка утихомирило Дормас. — А то «вызвалась»!

— Приятно познакомиться, — произнес Сорбл, который успел уже взгромоздиться на стропило.

— Извините, если я обидел вас, — проговорил Джон-Том. — У меня и в мыслях не было ничего дурного. Просто я чересчур мало знаю о вашем мире.

— Все мы не без греха. Да, если кто до сих пор не сообразил, меня зовут Дормас.

— Привет, милашка, — бросил выдр и задорно присвистнул. — А я Мадж.

— Глазки у тебя, конечно, бегают, но ты мне нравишься, водяная крыса. По крайней мере, за словом в карман ты явно не полезешь. — Дормас снова повернулась к советнику. — Гуляй отсюда, Соренсет. Спасибо и все такое, но сейчас пойдет разговор не для твоих ушей. Свою долю огребешь потом.

— Какую долю? — изумился лис, который, не дожидаясь, пока его выпроводят, сам направился к двери. — О чем ты говоришь? — Он одарил спасителей города блеклой улыбкой. — Прошу прощения, у меня много дел. Всего хорошего, а главное, удачи. — С этими словами Соренсет исчез за дверью.

— А теперь обсудим кое-какие подробности, — изрекла Дормас.

— Подробности? Я полагал, что Соренсет все уладил, — удивился Клотагорб.

— Ничего подобного. Он свел нас и на том успокоился. Ну, милости прошу, гости дорогие.

Задняя комната представляла собой разительный контраст с бедно обставленной передней. В ней имелось удобное соломенное ложе, подстилка которого, судя по всему, менялась и проветривалась каждый день, а также позолоченная поилка и прочие принадлежности, какие обыкновенно сопутствуют представителю — или представительнице — лошадиного племени. Кроме того, в ней находилось множество картин, большинство которых изо-

бражало холмы и росистые луга, однако попадались и горные пейзажи. Внимание Джон-Тома привлек портрет хозяйки в окружении пары горных козлов. Все трое помахивали копытами в сторону невидимого художника.

— Ну как? — справилась Дормас. — По-моему, ничего.

— Рисовали, видно, не вчера? — поинтересовался Мадж, который присоединился к Джон-Тому и тоже разглядывал картину.

Дормас фыркнула, но промолчала. Она приблизилась к стоявшему у стены картотечному шкафу, выдвинула зубами второй сверху ящик, покопалась в нем, извлекла лист бумаги, толстый, будто картон, положила его на стол и придавила четырьмя деревянными брусками, предназначавшимися, по-видимому, именно для этой цели.

— Я и сама умею писать, но с теми, у кого вместо копыт пальцы, мне, конечно, не тягаться. Вот мой типовой договор, можете проверить. Кстати, я внесла в него дополнительный пункт касательно места назначения.

Клотагорб подковылял к столу, поправил очки и принялся читать.

— Полагаю, мадам, что, исходя из вашего возраста и сложившихся обстоятельств, вы не вправе диктовать нам свои условия.

— Да ну? Вот что я тебе скажу, волшебник. Работа мне не нужна. Я живу здесь, потому что рядом мои друзья, потому что люблю смотреть на реку, а еще потому, что не выношу тех чванливых морд, которые населяют стойла для богатеев. Не понимаю, чего они пыжатся. Расхаживают с таким видом, будто копыта у них из чистого золота. У меня на счету куча денег, однако я ни перед кем не выхваляюсь. Что касается работы, я берусь за нее только тогда, когда она меня устраивает. В общем, если будете артачиться, то лучше сразу ступайте искать кого-нибудь другого, кто согласится в канун зимы тащиться за вами на Плато.

— Но если вы так богаты, — удивился Джон-Том, — зачем было затевать всю эту канитель?

— Да затем, младенчик, что я одобряю ваши намерения, о которых мне рассказал Соренсет. Вдобавок вы сняли проклятие с нашего города. В отличие от многих моих коллег, кругозор у меня пошире спины, не говоря уж о том, что они и понятия не имеют об этике. Мне кажется, вы заслуживаете помощи, пускай даже за плату. И потом, наличные всегда пригодятся. — Джон-Том чувствовал себя так, словно был вынужден выслушивать лекцию некой старой девы. — Тут меня ничто не удерживает. Я обожаю путешествовать ради собственного развлечения; к тому же, если память не подводит, неоконченных дел не осталось. Верно, я как раз на днях добила книжку.

— Книжку? — переспросил Джон-Том. — И много вы читаете?

— У тебя удивительная способность превратно истолковы-

вать слова, — покачала головой Дормас. — Опять-таки к твоему сведению, я писательница, и, смею сказать, достаточно известная. Впрочем, где тебе знать? Ты ведь, на мой взгляд, не из тех, кто глотает любовные романы, тем более с четвероногими главными героями. Ну да ладно, о вкусах, как говорится, не спорят. Сдается мне, ты не слыхал о Ширaз Сассуэй?

— Боюсь, что нет, — признался Джон-Том. — В последнее время мне было не до книг. Я учился.

— Стыдись! — укорила Дормас; взор ее приобрел мечтательное выражение. — Когда вернемся, я, пожалуй, дам тебе почитать одну мою вещицу. «Бесплодные усилия бессовестной Любви». По слухам, на юге она пользовалась успехом.

— Милашка, — вмешался Мадж, кинув на Дормас похотливый взгляд, — а как ты смотришь на то, чтобы нам с тобой пойти прогуляться?

— Отрицательно, водяная крыса. Прогулки остались в прошлом. Я достаточно нагулялась в юности. Так что все позади.

— Конечно, а где же еще? — изрек Мадж, убедившись, что находится на безопасном расстоянии от зубов Дормас.

— Похоже, — проговорил Клотагорб, — в этом документе условий больше, чем в договоре между ведьмой и ее фамильяром[1].

— Меня пару раз пытались надуть, — объяснила Дормас, — поэтому пришлось принять меры предосторожности. Разве ты поступаешь иначе, чародей? — Она стала с задумчивым видом перечислять те пункты, которые, очевидно, представлялись ей наиболее важными. — Поклажа располагается так, как удобно мне, а не вам. О весе договариваемся заранее. Никаких дополнений в последний миг. Сандвича лишнего — и то не возьму. Короче, ничего страшного, обычная осторожность. Зато вы получаете все, чего добивались. Груза я беру больше, чем лошадь, а бегу гораздо быстрее осла. Я могу подниматься по склонам, на которые и ступить-то жутко, могу, если понадобится, идти вслепую. Пищи мне требуется мало, и я не слишком разборчива — что дадут, то и съем. Была бы трава, а остальное неважно. Что касается зимних холодов, тут со мной в выносливости может потягаться разве что лошадь Пржевальского, а их в окрестностях что-то не встречалось. Плюс мой неоценимый опыт. Я повидала свет, где только не побывала! Я не из городских, не то что некоторые так называемые скакуны, которых сейчас развелось хоть пруд пруди.

— Мы и сами вдоволь побродили, — вставил Джон-Том.

— Рада слышать, жеребчик. Значит, мне не придется присматривать за всякими разными несмышленышами. Да, еще одно. Везти никого не повезу, если только кто-нибудь из вас не ухитрится сломать ногу. Я вьючное животное, а не ездовое, и менять

---

[1] Фамильяр (*фольк.*) — подручный ведьмы, как правило, крыса или нетопырь (*прим. перев.*).

свои привычки не собираюсь. Не устраивает — ступайте договариваться с пони или квaггами.

— Мы пойдем пешком, — заявил Клотагорб. — В конце концов, нам и вправду не впервой. Ноги у нас в полном порядке, пускай их всего две, а не четыре. Обещаю, что вы повезете лишь поклажу. Мы справимся самостоятельно. Однако, — прибавил он, показывая на договор, — прежде чем я подпишу его, мне хотелось бы удостовериться в вашей пригодности. Вполне возможно, мы окажемся в смертельной опасности, ибо нам противостоит некто, чья личность остается пока загадкой и чьи поступки определяются неведомой формой безумия. Кроме того, нас ожидает столкновение с обладающим невероятной силой феноменом из параллельной Вселенной. На карту поставлена судьба всего мира. Поэтому мы должны быть готовы к чему угодно и действовать сообща. Я не могу допустить, чтобы кто-либо подвел меня в миг наивысшей угрозы, будь то по причине трусости или примечания в тексте договора.

— Да будет тебе известно, волшебник, — произнесла Дормас, вся подобравшись; она словно превратилась вдруг в чистокровную арабскую лошадь, — я в жизни не нарушала своего слова. Так что можешь не волноваться. — Ее взгляд задержался на Мадже. — А ты, водяная крыса? Не боишься?

Мадж, который к тому времени возвратился на прежнее место у стены, сунул в пасть соломинку, позаимствованную с ложа Дормас, и принялся жевать ее, попутно разглядывая когти на своей правой лапе.

— Знаешь, крошка, по правде сказать, сердечко екает. Но я повидал, на что способен его чудодейство, тем более в компании моего туповатого, но добродушного дружка, а потому с ними мне ниче не страшно. И потом, от этих пергорбаций лично у меня уже башка кругом идет. Раз от них не сбежать, значица, надо попробовать с ними справиться. Между прочим, мы с ним, — он ткнул лапой в сторону Джон-Тома, — бывали и не в таких переделках. Не то чтобы я привык, что моей заднице постоянно что-то угрожает, но удивляться, признаюсь честно, перестал. Видишь ли, мне все чаще кажется, что я чуть ли не сроднился с этим олухом-чаропевцем. Почему-то всегда выходит так, что куда он, туда и я. Словом, мы с ним сцепились, как два возчика, телеги которых врезались друг в дружку на перекрестке.

— Не слишком удачное сравнение, Мадж, — заметил Джон-Том.

— Я говорю, че думаю, приятель, — отрезал выдр. — Ну так вот, коли спрятаться от пердолбатора не получается, я решил не упускать случая пообщаться накоротке с его чародейством. Можа, он меня тоже чему-нибудь научит.

— Понятно. Весьма основательные причины, весьма похваль-

ные чувства. Ты мне нравишься. Дайте-ка мне перо. Вон оно, в стаканчике на стене.

Клотагорб исполнил ее просьбу. Дормас взяла перо в зубы и с неожиданной ловкостью расписалась под текстом договора. Волшебник одобрительно кивнул, а затем прикоснулся к бумаге своим перстнем-печаткой. На странице остался оттиск в форме черепашьего панциря, украшенного большой буквой «К».

— Удобно, — проговорила Дормас.

— И куда дешевле, чем покупать новые перья, — прибавил Клотагорб. — Если хотите, могу сделать вам такой же и продам вдобавок чернильное заклинание. Вот только отпечаток копыта займет целых полстраницы. Вашему поверенному это вряд ли особенно понравится. Ему некуда будет вносить дополнения.

Дормас усмехнулась, опустила договор в ящик и закрыла его, подпихнув напоследок мордой.

— Вообще-то я не такая мымра, какой кажусь. Вы скоро узнаете, что путешествовать со мной — одно удовольствие.

— Хватит с нас его чудомудрия, — прошептал Мадж на ухо Джон-Тому. — Верно, кореш?

— Когда выступаем?

— Если вы не против, завтра утром.

— Отлично. Я встаю вместе с солнцем. Надеюсь, задержек не будет.

— Еще одна торопыга, — буркнул Мадж. — И почему мне вечно попадаются те, кто не умеет наслаждаться жизнью?

— Когда решается судьба мира, тут уж, Мадж, не до наслаждений.

— А нужно ли его спасать, приятель? — справился выдр, потягиваясь и зевая. — Ведь мир-то давным-давно чокнулся, как и все вокруг. Знаешь такую поговорку: «Ошалела вся семья, ты в порядке лишь да я»? Так вот, насчет тебя я чтой-то не уверен.

— Ты распинался перед Дормас по поводу нас с Клотагорбом, — произнес Джон-Том. — Скажи-ка мне, только честно: ты и впрямь настолько переменился или попросту сообразил, что с нами тебе будет спокойнее всего?

— Приятель, до чего ж ты, однако, занудлив, аж тоска берет! Ты ж знаешь, как быстро мне все прискучивает. А в Оспенспри народ как на подбор — одна рожа мутнее другой; вдобавок облако это треклятое, чтоб ему пусто было! Походил бы с горбом, поглядел бы я на тебя! Небось мигом бы удрал: фьють — и нету.

— Странно, что я не догадался сразу. Ты печешься не о других, а о собственной шкуре.

— Парень, — заявил Мадж, подмигнув юноше, — я бы не пришел даже на твои похороны, если бы мне сказали, что там не выйдет стибрить и носового платка. Я думал, ты меня знаешь.

— Пожалуй, я рад это слышать, а то мне показалось, что ты от пертурбации слегка повредился в уме.

— Кто, я? Паренек, старина Мадж крепок, как горы, свободен, как ветер в поле, и надежен, как земля под ногами!

Внезапно земля под ногами, о которой упоминал Мадж, сгинула, словно ее и не было. Джон-Том обнаружил вдруг, что плавает в полупрозрачной зелено-голубой воде и лицезреет нечто похожее на маленькую барракуду. Справа от него трепыхался жирный ушастый окунь, рядом с которым дрейфовал заключенный в раковину реликт той далекой поры, когда на планете доминировали рыбы и прочие обитатели моря. Юноша попытался было сохранить равновесие, но вскоре сообразил, что сохранять, собственно, нечего, тем более что он не тонет. Он пошевелил плавниками: сперва спинным, затем боковыми и, наконец, брюшным, вызвав немалый интерес у наблюдавших за ним Клотагорба, Дормас и Маджа. Неожиданно мимо Джон-Тома промелькнула крохотная рыбка с переливчатой чешуей. Она устремилась к Клотагорбу и начала выписывать вокруг того сверкающие круги.

— Я боюсь! — захныкала она голосом Сорбла.

— Успокойся, — посоветовал Джон-Том. — Мы переживали и не такое.

— Тебе легко говорить, — простонал Сорбл. — Хозяин проводит в воде много времени, как и твой усатый друг, а я привык летать, а не плавать.

— Думаешь, ты один оказался в столь незавидном положении? Я ведь тоже не большой любитель воды, не говоря уже о Дормас.

— Однако ты часто купаешься, — возразил Сорбл. — Среди моих сородичей есть такие, кто обожает воду — бакланы или там утки, — но сам я терпеть ее не могу. О, как мне плохо!

— Да заткнись ты, губошлеп пернатый! — рявкнул разозлившийся Мадж. — По-твоему, я в восторге от плавников? Кстати сказать, измени океан свой цвет на бутылочный, ты бы, сдается мне, живо бросил пускать нюни, благо бутылка для тебя все равно что дом родной! Хватит ныть!

— Я вот-вот умру от страха, а он обзывается, — пожаловался несчастный Сорбл.

— Не нервничай, — проговорил Джон-Том, чрезвычайно заинтригованный новизной обстановки. — Пертурбация скоро кончится.

— Неужели? С чего ты взял? Или ты сейчас что-нибудь споешь и сыграешь нам на своем чудесном инструменте?

Джон-Том скосил глаза на дуару: та превратилась в темно-зеленый лист какой-то водоросли.

— А может, — продолжал Сорбл, — хозяин сделает что-нибудь эдакое? Ведь у него в запасе столько всяких штучек! Но ты вспомни, что случилось с Оспенспри. А если снова произошло то же самое, только на иной манер? Тогда мы насегда останемся рыбами и будем жить в этой противной воде! — Он завершил очеред-

ной круг, покинул Клотагорба и ринулся к Маджу и Дормас. — Вы можете говорить что угодно, но плавать — вовсе не летать. Я...

Сорбл не докончил фразы. Джон-Тому почудилось, что в голове у него, где-то поблизости от глаз, раздался щелчок. Плавники исчезли заодно с океаном, и все вновь очутились в задней комнате обиталища Дормас. Хозяйка стойла озадаченно воззрилась на юношу, затем перевела взгляд на Клотагорба. Мадж от неожиданности пошатнулся, но устоял на ногах. Что касается Сорбла, ему решительно не везло. Вместо того чтобы спокойно держаться на одном месте, он сновал туда-сюда, а потому, когда пертурбация завершилась, не смог замедлить движения и врезался в стену, после чего рухнул на пол, зажмурился и обхватил голову крыльями. Как ни удивительно, он улыбался. Еще бы — у него снова появились крылья, а от ненавистной воды осталась лишь малая толика влаги в поилке Дормас.

— Я предупреждал вас, — произнес Клотагорб. — Пертурбации могут быть опасны сами по себе даже в том случае, если они кратковременны. Поэтому просто необходимо соблюдать спокойствие и не делать резких движений. Думаю, все согласятся со мной: причина подобной осторожности очевидна. — Он махнул лапой в сторону Сорбла. — Благодарю за наглядный пример, ученик.

— Подавитесь вы своим примером, — пробурчал Сорбл, но так тихо, что волшебник его не услышал.

— Итак, все решено, — подытожил чародей, протягивая лапу Дормас. Та ткнулась носом ему в ладонь. Сделка состоялась.

— Встречаемся завтра утром. Где вы остановились?

Клотагорб назвал лошачихе трактир.

— Мы хотели бы выйти в путь сразу после завтрака.

— Договорились.

— Надеюсь, наше сотрудничество будет плодотворным и взаимовыгодным.

— А я надеюсь, что успею добежать до толчка, — отозвалась Дормас. — Прошу прощения. — Она повернулась и скрылась за ширмой, которая отделяла дальнюю часть комнаты.

После столь необычного прощания путники направились в трактир, чтобы собрать пожитки и подготовиться к долгому и трудному подъему, который предстоял поутру. Едва они вышли на улицу, как обнаружили, что находятся в центре внимания горожан, которые немедленно признали в них своих спасителей. Больше всего любопытных взглядов досталось на долю Клотагорба, чей панцирь в результате словно увеличился в размерах. Волшебник был из тех, кто не упускает ни малейшей возможности понежиться в лучах собственной славы. Сорбл парил в вышине; он летел прямее обычного, ибо краткая инкарнация в образе обитателя моря потрясла филина до глубины души и несколько отрезвила. Воспользовавшись моментом, Мадж подобрался по-

ближе к Джон-Тому, чтобы поболтать без боязни быть подслушанным.

— Скажи-ка мне, приятель, тока честно: на что мы можем рассчитывать?

— Ты о чем, Мадж?

— Не валяй дурака, кореш. Мы с тобой не первый день знакомы. Ты прекрасно знаешь, что я разумею. Как по-твоему, получится у нас освободить этот пер... пер... Ну и словечко!.. Пербулдатор?

— Если верить Клотагорбу, получится. Он считает, что опасность исходит не от пертурбатора, который улетит прочь, как только окажется на свободе, а от того, кто сумел захватить его. Дальше я и сам ничего не знаю, а потому можешь не выпытывать — бесполезно.

— Нечего сказать, подбодрил, — хмыкнул Мадж.

— Да все будет в порядке. Ну-ка вспомни, сколько раз мы с тобой выпутывались?

— То-то и оно, приятель. У меня до хрена поводов для беспокойства: что однажды я попаду-таки в лапы держимордам, или повстречаю старую любовь, или столкнусь нос к носу с тем, кого обставил в картишки. Но сильнее всего я опасаюсь, что в один прекрасный день сработает этот гнусный закон средних чисел, и старый добрый Мадж погорит ни за что ни про что. И потому нынешняя ваша затея меня, по совести говоря, не слишком вдохновляет.

— Чего ты скуксился? Где тот веселый Мадж, с которым мы закадычные друзья?

— На дороге в Линчбени, за сотню миль отсюда.

— Посуди сам: во время прежних путешествий нам приходилось выбираться из беды своими силами. А на сей раз с нами Клотагорб. С его знаниями и моими песнями мы справимся с любыми неприятностями.

— Мягко стелешь, приятель, да жестко спать, — буркнул Мадж. Он помолчал, а потом ткнул пальцем себе за плечо: — Как тебе дамочка? Спина у нее широкая, язычок острый, но, на мой вкус, старовата. Хорошенькое будет дело, коли она сдаст где-нибудь по пути. Мне как-то не улыбается переть на себе все ваши тюки.

— У меня такое чувство, что Дормас не подведет. А что до ее возраста, Мадж, все мы не молодеем, — заявил Джон-Том с высоты своих неполных двадцати пяти. — Я выяснил, что в здешнем мире старишься быстрее.

— Ну да, ежели жить той жизнью, которую мы вели год назад, — с готовностью согласился Мадж. — Можа, ты и прав насчет старушки, но я был бы не прочь разжиться более существенной помощью. Жалко, что ты не можешь позвать того дракона.

— Фаламеезара? В последний раз я видел его, когда он уплывал из Квасеквы куда-то на юг. Он очень далеко от нас — сколько

ни кричи, не докричишься. И потом, он вряд ли присоединился бы к нам. Драконы любят тепло, а на Плато холодно, и чем дальше мы заберемся, тем, по словам Клотагорба, будет холоднее.

— Чихать я хотел на всякие холода. Мы, выдры, не боимся ни жары, ни стужи. А вот за тебя, паренек, мне тревожно.

— За меня? Спасибо, конечно, однако с какой стати?

— А с той, что если твоя задница примерзнет к земле, мы лишимся пары крепких рук, не говоря уж о твоих песенках, которые порой, как ни странно, к чему-то приводят. Как ты собираешься спасаться от морозов, с твоей-то шкурой?

— Надеюсь, мы управимся до наступления зимы, — сказал Джон-Том.

— А ежели нет?

— Тогда можешь притащить мой заледеневший труп сюда, кинуть его в бочку с мартини и выпить оттуда за упокой моей души. Ты, я смотрю, что-то совсем извелся. Не спеши меня хоронить. Я здоров как бык.

— Ага, и ума у тебя не больше. Ну да ладно, ты хоть здоров...

— А ты?

— А мне не по себе.

— Тут, случайно, нет никакой связи с твоим образом жизни?

— Приятель, и я подумал о том же. Вот почему я решил завязать с бабами, жратвой и выпивкой.

— Ничего не скажешь, вовремя. В путешествии тебе все равно не представится возможности поразвлечься.

— Так в том-то вся и соль, приятель. Вот почему я чувствую себя не в своей тарелке. Понимаешь, завязать с бабами, жратвой и...

— И выпивкой, — докончил Джон-Том и покачал головой. — А я-то, дурак, думал, что ты и впрямь переменился. — Состроив гримасу, он ускорил шаг.

— Чувак! — На морде Маджа, когда он догнал молодого человека, было написано искреннее изумление. — Ты че? Да что может быть хуже?

— Хуже, чем что?

— Чем перемениться, разрази тебя гром, недоносок паршивый!

Глава 6

Как оказалось, Дормас ничуть не преувеличивала, когда утверждала, что является находкой для путешественников. Несмотря на тяжелый груз, она нетерпеливо рвалась вперед. Клотагорбу пришлось даже напомнить ей о своем почтенном возрасте и о том, что две ноги, сколь бы они ни были крепки, все равно не ровня четырем.

Джон-Том был уверен, что лошачиха намеренно показывает им, на что способна, чтобы к ней с самого начала относились как к равноправному участнику экспедиции. Так или иначе, но к концу первого дня пути ни Маджу, ни кто-либо другой уже не отпускал шуточек относительно выносливости или резвости Дормас. Юноше вспомнилось, как отреагировала лошачиха, когда ее наконец навьючили.

— И это все? Ребята, а зачем вам понадобилась я? Вы бы вполне обошлись парочкой крыс.

Вопреки своему собственному заявлению по поводу того, что никому не позволит ехать на себе, Дормас время от времени разрешала Сорблу усаживаться к ней на спину — вернее, на верхний из тюков. Она объяснила, что отдыхать не значит ехать. Джон-Том получил изрядное удовольствие, наблюдая за филином, который восседал поверх горы поклажи, цепляясь когтями за ремень, и выглядел точь-в-точь как султан из перьев на гусарском кивере. Переведя дыхание, Сорбл взмывал в небо и снова принимался за исполнение обязанностей службы воздушной разведки.

Невероятно, но факт: усердие Дормас оказывало дисциплинирующее воздействие даже на Клотагорба. Своим поведением лошачиха избавила спутников чародея от нескончаемых жалоб на больные ноги, на ревматизм и на тяжесть панциря. Клотагорб хранил молчание и в тех местах, где путешественникам приходилось особенно трудно. Джон-Тома выручали длинные конечности, а Маджа, который не обладал ни целеустремленностью волшебника, ни крыльями, ни лишней парой ног, — свойственная выдрам жизнерадостность.

В лесах к северу от Оспенспри живые существа встречались весьма редко. Чем выше поднимались путники, тем меньше становилось вокруг колокольных деревьев, дубов и платанов, которые постепенно сменялись вечнозелеными породами. Джон-Тому казалось, что он различает голубую ель и несколько разновидностей сосны. Попадались и более экзотические представители растительного мира — например, густой кустарник, ветви которого усеивали трехдюймовые шипы, острые, как иглы дикобраза. Маджу предупреждал товарищей, когда те приближались к растениям или деревьям, прикосновение к которым могло причинить вред всем, кроме закованного в костяной панцирь Клотагорба.

Сознание того, что Сорбл осматривает дорогу сверху, а чародей с Маджем не сводят глаз с подлеска, позволило Джон-Тому несколько расслабиться. Вечнозеленые деревья, огромные валуны, устилавшие землю сосновые иголки напоминали ему о лесистых холмах Орегона и Монтаны. Юноша развлекался тем, что мыском ноги откидывал с тропинки многочисленные ветки и шишки. Он как раз собирался пнуть особенно крупную шишку, как вдруг кто-то толкнул его и он повалился наземь. Разъяренный как зверь, Джон-Том немедля вскочил и накинулся на Маджа.

— Что за шутки, черт побери?! — Он ощупал дуару и испустил вздох облегчения, убедившись, что та в целости и сохранности. — Ты же мог сломать инструмент!

— Приятель, ты что, предпочел бы сломаться сам? — Выдр поправил перо, которое венчало его шляпу и упало ему на глаза, когда он пихнул Джон-Тома. Клотагорб, Сорбл и Дормас молча наблюдали за происходящим. Мадж показал на шишку, однако дотрагиваться до нее не стал.

— Ну как, ваше чародейство? Узнаете подарочек?

Клотагорб, прищурясь, поглядел сквозь очки на совершенно безобидную с виду шишку.

— Твои глаза, водяная крыса, не уступают остротой языку, — произнес он и перевел взгляд на Джон-Тома. — Чем кричать на своего друга, ты бы лучше поблагодарил его.

— За что? — буркнул Джон-Том, который упорно отказывался видеть за поступком выдра некую разумную основу. В конце концов, толкать человека из-за обыкновенной шишки... Стой, одернул он сам себя. Мир, в который он попал против своей воли, научил его многому, в частности, тому, что «обыкновенных» вещей на свете не существует.

— Насколько мне известно, — разглагольствовал между тем Мадж, — сосновые орешки любят все. Некоторые мои родственнички за них глотку перервут. Я тоже не прочь погрызть их, когда выдается минутка. Чем не еда для тех, кто торопится куда-то, как мы?

— Что такого особенного в этой шишке? — фыркнул Джон-Том, стряхивая хвою с рукавов рубашки.

— У деревьев, приятель, свой способ предохранять семена от всяких голодающих, будь то разумные существа, как я, или разные там остолопы, любители лесных прогулок, или, к примеру, ты.

Мадж наклонился, оглядел шишку со всех сторон, потом осторожно подобрал ее и показал товарищам.

— Ну и что? — спросил Джон-Том, вдосталь налюбовавшись. — Шишка как шишка.

— Да? Посмотри-ка сюда, чувак. — Выдр показал пальцем на макушку шишки. — Гляди, верхний ряд совсем пустой. Куда, потвоему, подевались орехи? Не знаешь? Так я тебе скажу: дерево само их выдернуло.

— И что с того? Какая разница?

— А вот какая. Вот что случается, парень, када лопух вроде тебя пинает эту миленькую шишечку.

Мадж размахнулся и швырнул шишку настолько далеко, насколько у него хватило сил, за груду валунов. Мгновение спустя раздался оглушительный взрыв, к небу взметнулось оранжевое пламя, за которым тянулся шлейф черного дыма. Джон-Том моргнул. Когда дым слегка рассеялся, Мадж повернулся к юноше и уставился на того, уперев лапы в бока.

— Ну как? Понравилось? Если бы не я, приятель, прыгать бы тебе без ноги.

— Я... Я не знал, Мадж. — В горле у Джон-Тома запершило. — Какое счастье, что в моем мире таких шишек не водится!

— Не может быть, кореш, — заявил Мадж, направляясь следом за Клотагорбом и Дормас, которые продолжили движение. — Где-нибудь наверняка попадаются.

— Нет, ты ошибаешься. Я не слыхал, чтобы кого-то разорвало на куски взрывом сосновой шишки.

— У вас что, не бывает такого, что люди заходят в лес — и поминай как звали? — осведомился выдр.

— Почему же, бывает. Однако они погибают от голода или жажды, от укуса змеи или от чего-нибудь еще, но только не от сосновых шишек.

— Откуда ты знаешь, если они пропадали с концами?

— Рано или поздно их находят.

— А как насчет тех, которые как в воду канули? — не отставал Мадж.

— Ну, считается, что они упали со скалы или их завалило камнями в пещере. В общем, в таком духе.

— Ха! А ты пробовал разыскать в лесу кусочки от того, кого разнесло взрывом? И не пробуй — все равно не найдешь. То, что уцелеет, склюют стервятники.

— Этот разговор беспредметен, — заявил Джон-Том, вперяя взгляд вдаль. — Я отказываюсь продолжать его.

— Приятель, а в твоем мире много сосен? Ну, таких, как здешние?

— Мадж, — ответил со вздохом Джон-Том, — их там столько, что не перечесть. Люди валят деревья, пилят на доски и тому подобное, однако никто и никогда на моей памяти не взрывался на сосновых шишках.

— Тебя послушать, так деревья ни хрена не соображают! Они прекрасно знают, что с толпой дровосеков им не сладить, а потому стараются подловить обормотов, вроде тебя, поодиночке.

— Все, хватит! — Джон-Том отвернулся от Маджа, остановился и принялся рвать спелые ягоды брусники. Горьковатый привкус ягод отнюдь не способствовал улучшению настроения, равно как и лучезарная улыбка, которой одарил юношу Клотагорб.

Взрывающиеся шишки! Враждебные сосны! Бред, чепуха на постном масле! Клотагорб с Маджем просто потешаются над ним, только и всего! По счастью, дома таких мутантов днем с огнем не сыщешь. Разумеется, люди пропадают в лесах тех же Орегона или Монтаны, но они заслуживают подобной участи — безмозглые идиоты, предпочитающие наслаждаться «красотой дикой природы» в гордом одиночестве. Естественно, что они то падают

с утесов, то бултыхаются в реки, то... То наступают на взрывоопасные шишки? Да нет, ерунда, такого не бывает.

Тем не менее сейчас он, к сожалению, не дома, а в чужом мире, и потому следует, пожалуй, воздерживаться от не слишком осмотрительных действий. Приняв решение, Джон-Том старательно избегал даже притрагиваться к шишкам, которые, как назло, попадались все чаще. Одна свалилась с дерева прямо перед носом у юноши. От неожиданности он подскочил, услышал за спиной сдавленный смех, обернулся и наградил Маджа испепеляющим взглядом. Выдр поспешно принял более-менее серьезный вид. Джон-Том подобрал шишку, осмотрел ее — верхний ряд семян был на месте — и сердито отшвырнул в сторону. Ладно, пусть забавляются. В конце концов, осторожность еще никому не повредила, так что и впрямь нечего пинать без разбора все, что оказывается под ногами.

Вечером на стоянке у неутомимой Дормас обнаружился новый талант. Выяснилось, что она, вкупе с острым умом, несносным характером и широкой спиной, обладает высоким и приятным сопрано. Она спела у костра великое множество песен и баллад, за что ее отблагодарили бурными аплодисментами. Явно польщенная Дормас скромно потупилась.

— Я пою не часто, — объяснила она, — но вы, ребята, утомили меня своей болтовней, и я решила для разнообразия послушать себя.

— И правильно сделали, — заметил Джон-Том. Вдруг он нахмурился. Что-то было не так. Самую малость, но все же не так. — Странное, признаться, чувство, — добавил юноша. Он повел рукой и отметил про себя, что с ней произошло нечто непонятное.

— Пертурбация, — сказал Сорбл, который пристроился на ветке росшего поблизости дерева. Голос филина прозвучал както необычно.

Джон-Том поднял голову и огляделся. Сорбл оставался как будто прежним Сорблом; тем не менее в его облике что-то неуловимо изменилось. Мадж также выглядел не совсем таким, каким был всего лишь мгновение назад. Что за хитрая пертурбация? Юноша ощущал себя иначе, нежели до сих пор, на протяжении всей своей жизни. Что же случилось? Внезапно Джон-Тома осенило.

— О господи! — Он ошарашенно уставился на Клотагорба. — Знаете, сэр, поскорей бы она заканчивалась.

— Мой мальчик, эта пертурбация вызывает у меня живейший интерес, — отозвался волшебник, наружность которого претерпела весьма незначительные изменения, однако голос сделался наподобие Джон-Томова, на добрую октаву выше.

Мадж и Сорбл громко застонали, сообразив наконец, чем

обернулся лично для них очередной фортель плененного пертурбатора.

— Перемена не столь радикальна, как многие из тех, с какими мы уже сталкивались, — продолжал Клотагорб. — Очевидно, последствия одних пертурбаций куда более серьезны, чем последствия других.

— Любопытно, — пробормотала Дормас, внимательно изучая свой новый облик. — Я давно хотела узнать, на что это будет похоже. Правда, не скажу, что я в восторге. Раньше было все-таки лучше.

— Степень изменения, — сообщил волшебник, — варьируется в зависимости от видовой принадлежности.

— По-вашему, — воскликнул Джон-Том и подивился про себя тому, какой у него тонкий голосок, — мы угодили в не слишком серьезную пертурбацию?!

Когда миновали первоначальные изумление и растерянность, все стало ясно и понятно даже для тех, кто отказывался верить собственным глазам. По воле пертурбатора пол каждого из путников поменялся на противоположный. Чисто мужская, за единственным исключением, компания превратилась за долю секунды в дамское общество, слегка разбавленное присутствием одного мужчины.

— Когда она закончится? — простонал Мадж, вернее, не простонал, а взвизгнул. — Ведь она не затянется, верно, ваше чудотворство?

— К твоему большому огорчению, Мадж, предсказать, сколько продлится пертурбация, практически невозможно, — отозвался Клотагорб. Джон-Тому бросилось в глаза, что красноватый узор на панцире волшебника приобрел розовато-лиловый оттенок.

— Е-мое, да что ж это за издевательство?! Хорошо еще, что мы не в Оспенспри. Ежели б меня сейчас ктой-нибудь видел, я б сдох со стыда.

— Что, водяная крыса, понял, каково быть женщиной? — осведомилась Дормас. Ее слова прозвучали как-то удивительно по-мужски.

— Понимаете, — пустился объяснять Джон-Том, — подобная перемена для Маджа — поистине катастрофа. Боюсь, что ему приходится тяжелее, чем всем нам, вместе взятым.

— Да сделайте же что-нибудь, ваше чародейство! — взмолился выдр. — Ну что вам стоит, а? Вы ведь прогнали то поганое облако, что торчало над Оспенспри. Чего вы ждете, пока я окочурюсь? Вот возьму и помру, а вы потом расхлебывайте. Эх, ваше превосходительство, жалко вам, что ли?

— Сия пертурбация, — торжественно изрек Клотагорб, — ничем не угрожает ни жизни, ни здоровью, а потому не требует,

чтобы ее прекращали магическими средствами. Наберись терпения: рано или поздно все станет, как было.

— А если не станет? А если растянется на несколько дней или на неделю? Вы что, хотите, чтобы я спятил? — Мадж повернулся к Джон-Тому. — Че молчишь, приятель? Ну-ка, спой нам песенку. Или тоже зажлобился?

— Мадж, мне вряд ли легче, чем тебе, но я согласен с Клотагорбом. Сейчас не время прибегать к чаропению. Чересчур рискованно. — Неожиданно юноша усмехнулся. — Так что расслабься, милашка.

— Слушай, приятель, — взвился Мадж, — шутки шутками, но надо и меру знать!

— А чем ты недоволен? По-моему, если с нами шутят, то достаточно остроумно. Судьба явно не обделена чувством юмора.

— Заткнись, ты, облезлая обезьяна! Придержи язык, не то я...

— Что? Выцарапаешь мне глаза?

Выдр прорычал что-то невразумительное и рывком надвинул на уши шляпу, которая тоже слегка изменилась, заодно с остальной одеждой. Джон-Том оглядел себя с ног до головы и вынужден был признать, что платье на нем, в общем-то, весьма миленькое. До чего же странно, подумалось ему, что в подобных ситуациях выручает не что-нибудь, а именно юмор.

Отчетливее всего перемена ощущалась в облике Маджа и самого Джон-Тома, поскольку у тех видов, к которым принадлежали, соответственно, Клотагорб, Сорбл и Дормас, внешние различия между полами были не столь очевидными.

— Ну помогите же! — взвыл несчастный Мадж, который, судя по всему, пытался спрятаться в шляпе. Та превратилась в импозантный широкополый головной убор, который вполне смотрелся бы на какой-нибудь южной красавице. Джон-Том, проникшись сочувствием к другу, вопросительно взглянул на Клотагорба.

— Может, попробовать, сэр? Мне кажется, расклад почти идеальный: пертурбация не слишком серьезная, как раз чтобы поучиться, как с ними бороться.

— Хорошо, мой мальчик, — согласился задумчиво чародей. — Только будь осторожен. Помни, что неверное чаропение обернется еще большим злом.

— Куда уж хуже! — буркнул Мадж. — Разве может быть хуже?

— Может, — отозвалась Дормас. — Например, если ты распустишь язык.

— Лучше пожалей меня, милашка... Или надо было сказать «сэр»?

— Не знаю, — призналась Дормас. — Посмотрим, на что способен этот ваш чаропевец.

Джон-Том снял с плеча дуару и погрузился в размышления. Предупреждение Клотагорба было как нельзя кстати. Юноша перебирал в уме песни наиболее мужественных исполнителей и

женственных исполнительниц и остановился наконец на старом добром Элвисе П. и Тине Тернер. С точки зрения музыки такой выбор оставлял желать лучшего, однако если рассуждать магически, все было в полном порядке.

— Поехали, — произнес юноша со вздохом, прокашлялся и запел, ощущая себя не в своей тарелке из-за того, что пел сопрано. К его великому облегчению, какое-то время спустя он обрел свой собственный голос и стал снова самим собой. Впрочем, радость Джон-Тома никак не могла сравниться с чувствами Маджа. Едва обратное превращение завершилось, выдр встал на голову и прошелся колесом вокруг костра. Он бесновался до тех пор, пока у него не пресеклось дыхание.

— Бедный перхаватор, — проговорил Мадж, отдышавшись. — Верно, тяжко ему приходится, коли он вытворяет такие штуки. Я буду не я, ежели не выпущу его на волю!

— Надеюсь, все пройдет так, как мы задумали, — проронил Клотагорб. — А теперь предлагаю лечь спать. Утром возможны всякие сюрпризы, поэтому не мешает набраться сил. Следующая пертурбация, вполне вероятно, потребует заклинаний порешительнее.

Нечего сказать, комплимент, хмыкнул про себя Джон-Том. Впрочем, ожидать от волшебника похвалы было по меньшей мере нелепо. Однако поспать и впрямь стоит. Юноша отложил дуару, закутался в плащ из ящеричьей шкуры и лег на спину, улыбнувшись Маджу, который пристроился рядом.

— Спокойной ночи, крошка.

— Приятель, тебе что, не терпится узнать, каково это — петь без единого зуба во рту? — огрызнулся выдр и отвернулся от человека.

Утро напомнило всем, что серьезные пертурбации могут происходить как наяву, так и во сне. Равнодушие спящих к окружающему миру не имело в данном случае ровным счетом никакого значения. Джон-Том потянулся было за дуарой, но обнаружил, что, во-первых, инструмент куда-то запропастился, а во-вторых — тянуться, собственно, было и нечем. Тогда юноша попытался сесть и окончательно запутался в ощущениях, ибо сидеть тоже было не на чем. Смятение чувств не могло скрыть того факта, что серьезнее пертурбации еще не случалось. Воздух был густым, как суп, и таким же мутным. Джон-Том напряг зрение, чтобы разглядеть хоть что-то, и почувствовал, что глаза как бы соскальзывают куда-то вбок. С немалым трудом ему удалось подавить страх, закравшийся в сердце. В конце концов, он по-прежнему видит, пускай даже различая всего-навсего черное и белое. Других цветов глаза не воспринимали. Вернее, сказал себе юноша, воспринимать-то они, быть может, и воспринимают, а вот цвета исчезли.

Небо над головой было каким-то белесым, деревья вокруг —

темно-серыми. Тут Джон-Том заметил чудовище и шарахнулся от него. Чудовище тоже попятилось, и вдруг юноша сообразил, что оно испугалось не меньше, чем он сам. Поблизости ворочались еще три монстра, причем все они шарахались друг от друга, как от заразных. Вот бы, подумалось Джон-Тому, поглядеть на себя со стороны.

Постепенно юноша осознал, что заодно с цветовосприятием утратил обоняние. Хорошо хоть сохранился слух. Он отчетливо слышал те звуки, которые издавало при движении его новое тело. Если судить по ним, мелькнула у Джон-Тома шальная мысль, выходит, что он лишился ног и приобрел взамен самое настоящее невесть что.

Пертурбация не просто исказила реальность; она вывернула последнюю наизнанку. До сих пор перемены, которые насылал пертурбатор, имели некий смысл; сейчас же с миром творилось нечто совершенно бессмысленное. Может, пертурбатору передалось безумие того, кто его пленил?

— Эй! — выдавил Джон-Том. — Кто-нибудь меня понимает?

— Я, — отозвалось страшилище, наружность которого была не столько отталкивающей, сколько гротескной. Подобная оболочка казалась совершенно неподходящей для юркого, вечно суетящегося Маджа, однако голос принадлежал именно выдру. Правда, понять, откуда исходят слова, не представлялось возможным, поскольку ни у Джон-Тома, ни у Маджа не наблюдалось ничего похожего на пасть или рот.

Следом за выдром откликнулся Клотагорб, затем Дормас и Сорбл. Все оказались налицо, преображенные, но в здравом уме и твердой памяти. Дормас была крупнее всех, Сорбл превратился, по сравнению с другими, в этакого симпатичного крошку. Поневоле создавалось впечатление, что пертурбация совершалась согласно законам трансформации масс, из чего следовало, что к ней можно применить те или иные физические формулы.

Если не считать разницы в размерах, путники выглядели одинаково: громадные бесцветные лепешки протоплазмы в среде чуть менее плотной по консистенции жидкости. Внутри лепешек просматривались некие расплывчатые тени; сверкающая эпидерма находилась в постоянном движении. Огромные одноклеточные существа, амебы-мутанты. Джон-Том не знал точно, в кого они превратились, но порадовался про себя, что никогда не углублялся в биологию.

— Пренеприятнейшее положение, — пробормотал беззвучно Клотагорб. — Интересно, насколько велики пределы нашей досягаемости? — Он выпустил ложноножку и попытался ухватить нечто, плавающее неподалеку. В результате выяснилось, что они могут передвигаться посредством перемещения веса. Будь у него желудок, подумалось Джон-Тому, последствия могли бы быть са-

мыми плачевными. А так юноша испытал всего-навсего приступ мысленной тошноты.

— Что произошло? — справилась амеба голосом Дормас. — В кого мы превратились?

— Мой опыт тут бессилен, — отозвался Клотагорб.

— Я знаю, — проговорил Джон-Том и немедля ощутил на себе «взгляды» многочисленных светочувствительных органоидов. — Мы стали чем-то вроде амеб, только крупнее и несколько сложнее по строению. К примеру, мы можем мыслить.

— И ваще все в порядке, верно, приятель? — произнес Мадж. — Скоро эта дребедень кончится. Так, ваша амебность?

— Искренне надеюсь, что да. — Волшебник огляделся по сторонам. — Наши припасы исчезли, а такого не случалось ни разу во время предыдущих пертурбаций.

Джон-Тома как осенило. Он понял вдруг, что, сам того не подозревая, весьма точно охарактеризовал положение дел.

— Припасы на месте, — возразил юноша, — просто мы их не видим. Суть в том, что мы и впрямь превратились в микроскопические организмы, то есть изрядно уменьшились. — Он сделал неопределенный жест ложноножкой. — Вон те валуны скорее всего обыкновенные песчинки, а деревья — микроскопические лишайники. Если подует ветерок, нас унесет неведомо куда. Хорошо, что мы легли спать на полянке, которая защищена от ветра.

— Мы такие крохотные, а думаем и говорим. Разве это возможно? — спросила Дормас.

— Очевидно, возможно. Откуда мне знать? Я что, специалист по теории пертурбаций? С чего вы взяли, что в них должна быть логика?

— Мы в опасности, — угрюмо изрек Клотагорб. — Ожидать, пока все разрешится само собой, по меньшей мере рискованно. Следует что-то предпринять. Однако я остался ни с чем, а потому...

— Как насчет песенки, Джон-Том? — справился Сорбл.

— Мне нужна дуара. Без нее ничего не выйдет.

— А ты попробуй. Вдруг получится?

— Чего ради? — Джон-Том вздохнул, и все тело его грузно всколыхнулось. — Я только зря потрачу время и силы.

— Может быть. А может, и нет, — сказал чародей. — Раз тебе не на чем аккомпанировать, постарайся раздобыть инструмент.

— Интересно знать, где? — хмыкнул Джон-Том. — Леса тут и в помине нет, значит, корпус не выстрогаешь. А потом, из чего прикажете делать струны? Вдобавок я все равно не смогу играть, даже если инструмент и найдется.

— Почему? — удивился Сорбл.

— Потому что у него нет пальцев, дурья башка, — объяснил Мадж.

— Это не препятствие, — заявил Клотагорб.

— Будь у тебя дуара, приятель, ты бы мог наколдовать себе вторую.

— Что значит «не препятствие», сэр?

— Наши тела, — сообщил Клотагорб, изгибаясь восьмеркой, — обладают поистине невероятной гибкостью. Им можно придать любую форму.

— А, понятно. Вы предлагаете мне отрастить пальцы.

— Нет, мой мальчик, я предлагаю отрастить дуару.

— Это невозможно.

— На свете нет ничего невозможного. Попытайся.

Джон-Том пожал несуществующими плечами.

— Ладно. Все лучше, чем дожидаться, пока тебя сдует или смоет.

Легко сказать, подумалось юноше, да трудно сделать. Кто знает, каким образом можно превратиться в музыкальный инструмент? Джон-Том постарался представить себе дуару так, словно видел ту воочию. Вот струны, вот резонатор, вот колки — само воспоминание причиняло острую боль. Тем не менее юноша не отступал. Добившись возникновения отчетливого образа, он принялся трансформировать тело. Процедура оказалась не только трудоемкой, но и весьма болезненной. Однако Джон-Том продолжал видоизменяться и в конце концов, к величайшему своему удивлению, обнаружил, что обрел столь знакомую форму.

Что ж, теперь дело за песней. Нужно что-нибудь этакое, подходящее к ситуации, что помогло бы преобразиться. Пожалуй, как раз сгодится Пол Уильямс. Джон-Том запел и одновременно заиграл на самом себе.

И аккорды, и голос звучали совсем не так, как он привык, однако деваться было некуда, и Джон-Том продолжал измываться над собой, попутно размышляя о том, что ни к чему хорошему это не приведет. Внезапно вдалеке возникло нечто громадное и светящееся, оно стремительно приближалось, сверкая подобно крошечному солнцу. Какое-то время спустя внутри него стало возможно различить очертания чего-то, казавшегося смутно знакомым.

Дормас испуганно отпрянула, Мадж и Сорбл проявили себя не с лучшей стороны. Клотагорб, однако, даже не шелохнулся. По всей видимости, он сразу понял то, до чего Джон-Том добрался лишь постепенно, по цепочке натужных умозаключений. Появление сего существа, во-первых, свидетельствовало о том, что усердие юноши не пропало втуне, а во-вторых, позволяло судить, до каких же размеров уменьшились путешественники.

— Стойте! — крикнул чародей. — Знаете, кого вы испугались? Это же гничий!

То и вправду был гничий, один-единственный представитель племени, которое всегда откликается на действенные магические

заклинания. Выходит, подумалось Джон-Тому, что-то все-таки получается!

Джон-Том все наяривал, и мало-помалу диковинные звуки, которые он издавал поначалу, обретали сходство с настоящей музыкой. Юноша восхищался собственными достижениями. Одно дело играть на инструменте, который является как бы частью тебя, продолжением твоих рук, и совсем другое — бренчать на себе самом. Он играл и пел, и небо исподволь, еле заметно стало светлеть, на нем появились проблески желтого, слабый намек на то, что в мире, кроме черноты и мутной белизны, существуют иные цвета. Желтый цвет усилился, превратился в золотистый; на небосводе возникло солнце — яркий, сверкающий шар, тепло которого согревает мир. Да, то был не очередной гничий, а взаправдашнее солнце. Внезапно что-то будто щелкнуло, наступил миг, когда ориентация в пространстве оказалась полностью утраченной; Джон-Том пошатнулся и, чтобы устоять на ногах, ухватился правой рукой за дуару, а левой — за вовремя подвернувшийся валун. Свершилось! Краем глаза он заметил, как растворилась в воздухе искорка света, и мысленно пожелал гничию счастливого пути, надеясь, что тот остался доволен импровизированным концертом. Музыка по-прежнему звучала в сознании юноши, заставляя вибрировать тело. К великому огорчению Джон-Тома, последствия пертурбации сходили на нет удивительно быстро. Он действительно сожалел о том, что все, похоже, кончилось: ведь не каждому музыканту удается осуществить заветнейшую мечту всей своей жизни. Увы, минувшего не вернешь; теперь остается только вспоминать о былой радости, пережитой в те поистине восхитительные мгновения.

Вокруг возвышались молчаливыми часовыми лесные деревья, которые выглядели так, как им и положено. Посреди полянки виднелось кострище, поблизости от которого высилась горка поклажи. Почтенный чародей лежал на спине; он отчаянно дрыгал лапами, норовя принять более приличное положение. Мадж, сидящий на камне, лихорадочно ощупывал свое тело, удостоверяясь, очевидно, все ли на месте. Дормас, которая также очутилась на земле, моментально вскочила. К Сорблу, естественно, возвратилась способность летать; филин тут же взмыл в небо и принялся кружить над поляной, оглашая окрестности боевым кличем своего клана.

Окрик Клотагорба вырвал Джон-Тома из пучины музыкального наслаждения.

— Мой мальчик, что ты стоишь как пень? Помоги мне подняться! Я бы перевернулся и сам, если бы не пертурбация, которая, по-видимому, лишила меня сил.

Старый лентяй, подумал Джон-Том, однако отложил дуару в сторону. Вдвоем с Маджем они кое-как ухитрились поставить волшебника на задние лапы.

— Хорошо, что все обошлось, — сказал Клотагорб. — Надо признать, без костяка мне было несколько неуютно.

— Точно, — подхватил Мадж. — Даже хуже, чем без... Ну, вы понимаете. По крайней мере, в прошлый раз мы хоть на чтой-то были похожи. Пожалуй, я б не отказался чегой-нибудь выпить. — Он направился к горке тюков. — Ты как, Дормас?

— Конечно, за.

После того как бутылка прошлась по кругу и каждый из путников приложился к одному и тому же горлышку, глотнул того же самого горячительного напитка, что и остальные, между ними окончательно установились весьма дружеские отношения.

— Давайте я упакую ее обратно, хозяин, — предложил Сорбл. Как филин ни старался скрыть своих истинных побуждений, его выдала дрожь в голосе.

— Сам справлюсь, — буркнул чародей, укладывая бутылку в картонную коробку. — Иначе мы скоро обнаружим, что ты не в состоянии отличить, кто из нас кто. А твое острое зрение может еще пригодиться.

— По-вашему, вот-вот случится новая пертурбация? — справился Джон-Том.

— Что касается «вот-вот», тут у меня нет ни малейшей уверенности, поскольку частоту пертурбаций предсказать невозможно, — ответил волшебник. — В один день их может произойти три или четыре, а затем на протяжении недель нас будет тревожить разве что мимолетное помутнение зрения. Из того немногого, в чем можно быть уверенным, когда имеешь дело с пертурбатором, главное — его нестабильность, вследствие чего нельзя предугадывать ни частоту, ни степень серьезности пертурбаций. Иными словами, положение крайне неопределенное.

— Вот и я говорю, босс, — воскликнул Мадж, стукнув себя лапой по лбу. — Ну и вляпались мы, однако! Между прочим, у меня такое чувство, будто я слопал какую-то гадость.

Джон-Том было усмехнулся, но вдруг осознал, что и его собственный желудок на грани извержения. Судя по всему, остальные путешественники страдали не меньше. Дормас тряслась как в лихорадке.

— Да, — изрек Клотагорб, который, несмотря на то, что выглядел не лучше других, внимательно наблюдал за своими спутниками, — я также испытываю симптомы внутреннего расстройства. — Он мигнул, потом на мгновение зажмурился. — Такое впечатление, что они усиливаются. Думаю, мы должны только радоваться.

— Пертурбация? — выдавил Джон-Том. — Уже?

— Вряд ли, мой мальчик. Скорее, последствия предыдущей. Мне кажется, крошечные существа, которыми мы были, не совсем безвредны. Если помните, они слегка отличались друг от друга размерами и формой.

— Выходит, мы сейчас мучаемся из-за них? — пробормотал Джон-Том. — То есть, они — носители инфекций?

— Именно так, — подтвердил волшебник, осторожно усаживаясь на землю. — Разумеется, мы не могли определить этого сразу, потому что болезнь, как правило, не действует сама на себя. Однако теперь ситуация коренным образом изменилась. Внутри нас находятся болезни, которыми мы недавно являлись.

На лбу Джон-Тома выступили капли пота. Неожиданно юноша понял, что чехарда в желудке прекратилась. Интересно получается — сперва выворачивает наизнанку, потом бросает то в жар, то в холод. Ну да ладно, не страшно; только бы побыстрее заканчивалось. Он поглядел на Маджа.

— Отошел? Меня как будто отпустило, только лихорадит немножко.

— Да как тебе сказать, приятель... Чесотка замучила.

— Бедняга. И где чешется?

— Знаешь, кореш, я, пожалуй, не стану уточнять, — отозвался выдр и повернулся к кустам, из которых доносились весьма непристойные звуки, которые издавал вынужденный приземлиться Сорбл.

Джон-Том последовал примеру Клотагорба и сел на траву. Он утешал себя тем, что последствия пертурбации не могут сказываться бесконечно долго. Можно было бы и спеть что-нибудь этакое, чтобы ускорить процесс, но не стоит, вероятно, искушать судьбу. К тому же состояние организма не слишком располагало к песням.

Дормас словно впала в детство: она практически не вынимала копыта из пасти — то ли сосала его, то ли пыталась вызвать рвоту. Клотагорб непрерывно хлюпал носом, будто умудрился неведомо где и как подцепить простуду. Под глазами у чародея набрякли мешки.

— Очень интересно, — проговорил он. — Мой мальчик — апчхи! — отчего у тебя на лице высыпали пятна?

— Корь, — объяснил Джон-Том, вытирая потный лоб. — Я никогда не болел корью, а теперь, похоже, придется. Зато больше уже не заболею. Видите, и от пертурбации может быть какая-то польза.

— Попробуй убедить в этом Сорбла, — посоветовал Клотагорб. Из кустов за спиной волшебника по-прежнему доносились непотребные звуки.

— Давай, парень, — подзадорил Мадж, который, по-видимому, успел совершенно оправиться. — Растолкуй нашему пьянчуге, что пить надо с умом.

— Кстати сказать, я не простужался довольно давно, — заметил Клотагорб. — А ты, говоришь, никогда не болел корью? — Джон-Том утвердительно кивнул. — Значит, каждый из нас стра-

дает от того, чего, по счастливой случайности, ему до сих пор удавалось избегать или чем он не хворал достаточно длительное время.

— Чтоб я сдох, ваше чудодейство! Да вы никак помирать собрались? Слушайте, парни, я... — Мадж запнулся, глаза его округлились. Внезапно он словно переломился пополам и ухватился обеими передними лапами за промежность. Причина, по которой он отказывался уточнять, где именно у него чешется, стала вполне очевидной.

— Весьма любопытное явление, — заметил Клотагорб, разглядывая скрючившегося выдра, и звучно высморкался.

— Что с ним такое, сэр? — спросил Джон-Том, проводя пальцем по щеке.

— Трудно сказать. Должно быть, гонорея или что-нибудь еще менее приятное.

Выдр со стоном рухнул на колени, а затем принялся кататься по земле. Хотя неожиданное нашествие хвори не миновало никого из путешественников и все они натерпелись достаточно, мучения Маджа не могли не вызвать у Джон-Тома искреннего сочувствия.

— Так нечестно! — вопил горемычный выдр. — Нечестно!

— Мадж, пертурбатор не разбирается, что честно, а что нет.

— Не может быть! Да я целый год не связывался ни с одной заразной шлюхой!

— Пертурбатору все равно, — повторил Джон-Том.

Наконец выдр успокоился, сел, стянул штаны и, тяжело дыша, взялся изучать свои мужские достоинства.

— Слушай, приятель, ведь такого больше не случится, верно?

— Не знаю, Мадж, — отозвался Джон-Том. — Надеюсь, у меня теперь иммунитет к кори, но утверждать не берусь. Мы ни от чего не застрахованы.

— Белиберда, — буркнул Клотагорб, протер очки и снова высморкался.

— К сведению твоей толстозадости, — прорычал Мадж, испепеляя чародея взглядом, — ежели б мы могли обойтись без тебя со всеми твоими штучками-дрючками, я б с превеликим удовольствием размозжил тебе башку и выпустил потроха!

— Я вовсе не имел в виду тебя. — Клотагорба, судя по всему, нисколько не напугали угрозы выдра. — Кстати говоря, водяная крыса, я заметил, что ты всегда готов посмеяться над бедами других. Куда же подевалась твоя веселость? Или собственные неприятности уже не вызывают смеха?

— Не сердитесь на него, сэр, — поспешил вмешаться Джон-Том. — Венерическая болезнь — не шутка. Он ведь может остаться без своих...

Мадж испустил вопль отчаяния и повалился на траву.

Глава 7

Последствия пертурбации перестали изводить путников лишь к середине следующего дня. Джон-Том, и впрямь заболевший корью, излечился менее чем за двадцать четыре часа. Клотагорб также избавился от простуды, а Сорблу, к его несказанному облегчению, уже не приходилось каждые пять минут бегать в кусты. Дормас, которой досталось, пожалуй, сильнее всех, оправилась последней. Несмотря на всю свою серьезность, заболевания никак не отразились — разумеется, после того, как миновали, — ни на внешнем облике путешественников, ни на их здоровье.

Мадж, подобно всем остальным, тоже исцелился целиком и полностью. Однако он не мог удержаться от того, чтобы время от времени, полагая, что никто на него не смотрит, не заглядывать себе в штаны.

— Расслабься, Мадж, — посоветовал Джон-Том. — Все позади. Постарайся убедить себя, что на самом деле ничего и не было. Мы все живы и здоровы.

— Будь по-твоему, приятель, — отозвался выдр, помогая Дормас распределить поклажу. — Но если этот раздолбатор вытворит еще что-нибудь в том же духе, я порублю его в капусту!

— Хватит, Мадж. Что ты, право слово! Видишь, все в полном порядке. Значит, и ты не исключение.

— Да? По правде, парень, у меня все вроде бы как надо, но проверить лишний раз никогда не помешает. Между нами, я, пожалуй, маленько повременю связываться сам знаешь с кем. Пообвыкну чуток, а там поглядим.

— Вот и молодец, — одобрительно кивнул Джон-Том. — Давно пора, а то ты совсем уж поизносился.

— Чего? — Выдр перекинул через плечо лук, затем поднял одну лапу, прижал другую к груди и торжественно провозгласил: — Больше никаких оргий, никаких новых шлюх каждую ночь. Клянусь, приятель, я намерен завязать раз и навсегда!

— Посмотрим, — фыркнул Джон-Том, — будет ли толк от твоей клятвы. Может, ты впрямь поумнеешь. Но, кстати, развлечения в умеренных дозах идут только на пользу.

— Верно, чувак, ох как верно! Эта пакость, которую я подцепил, она наставила меня на путь истинный. Знаешь, я стока лет развлекался в свое удовольствие и думать не думал о здоровье. Но теперь понял, что надо чуток остепениться. Коли я стану приглядывать за собой, глядишь, доживу до старости в добром здравии. — Мадж подхватил свой заплечный мешок и двинулся вперед по тропинке, которая уводила в неведомые дали. — Сдается мне, я малость погорячился, — пробормотал он на ходу. — Шлюхи на то и шлюхи, чтоб их менять хотя бы через раз.

— Он неисправим, — пробурчал волшебник, грозя пальцем вослед выдру. — Запомни, мой мальчик: водяную крысу утихомирит только могила.

— Сэр, — возразил Джон-Том, соразмеряя шаги с неспешной походкой чародея, — нельзя же ожидать, что Мадж переменится за одну ночь.

— Я ожидаю от него лишь того, что рано или поздно он сдохнет под забором, — ответил Клотагорб. — Однако я далек от мысли умерять твой пыл.

— Возможно, вы правы, сэр, но я не собираюсь отступать.

Джон-Том посмотрел на Маджа, который, весело насвистывая, шел во главе цепочки. Выдр крутил головой из стороны в сторону; несмотря на благодушное настроение, в котором, по-видимому, пребывал, он, похоже, не забывал о своей прямой обязанности — предупреждать товарищей о вероятных опасностях.

По крайней мере, подумалось юноше, Мадж наверняка умрет счастливым. А он сам? И потом, пристало ли ему, чужаку с другой планеты, из иного времени, осуждать обитателя здешнего мира? Ведь, очутившись здесь, пускай даже не по своей воле, он потихоньку, почти незаметно, утратил многие из казавшихся прежде незыблемыми этических принципов. Разумеется, он никогда не опустится до уровня Маджа, однако его теперешнего уже не сравнить с тем зеленым юнцом, которого призвал к себе по ошибке Клотагорб. К тому же какой смысл лукавить? Он и на Земле не отличался склонностью к пуританизму: мог выкурить по случаю сигаретку с марихуаной и частенько вместо того, чтобы сидеть на лекциях, разглядывал в бинокль приятеля, что происходит в женском общежитии, окна которого выходили на ту же улицу, что и окна мужского. В общем, кто он такой, чтобы порицать Маджа? В конце концов, выдру не откажешь в умении развлекаться, а он, Джонатан Томас Меривезер, пока на это не способен. Слишком глубоко в нем засел законовед. Он чересчур пристально наблюдает за собой, уделяет чересчур много внимания самоконтролю. Может, однажды Мадж покажет ему, как надо веселиться?

«Прекрати! — одернул себя юноша. — Твоя беда в том, что ты беспокоишься по пустякам! Например, сейчас ты беспокоишься по поводу того, что не стоит на деле и выеденного яйца».

Разозлившись на собственные мысли, Джон-Том мыском ноги отшвырнул с тропинки камень — причем предварительно убедился, что это не сосновая шишка, — и попытался подумать о чем-нибудь другом, ибо ничто так не раздражает человека, как споры с самим собой, которые вдобавок ставят его в предурацкое положение.

Как бы извиняясь за свои выходки, пертурбатор некоторое время не подавал ни малейших признаков жизни. Путешественники продвигались все дальше. Вокруг простиралось грозное Се-

верное плато; на пертурбации не было и намека, если не считать нескольких малопримечательных происшествий. Так, Джон-Том обнаружил как-то утром, что стал обладателем двух левых рук, а Мадж под вечер того же дня приобрел серебряный мех — не серебристого оттенка, а именно серебряный, из тонких волосков с металлическим отливом. Выдр страшно огорчился, что обратное превращение совершилось раньше, чем он успел сбрить ставшую столь драгоценной шерсть. Впоследствии произошла еще одна метаморфоза: Дормас обернулась грациозной тигровой лошадкой, кожа Джон-Тома стала смуглой, как у полинезийца, а серо-коричневое оперение Сорбла сделалось золотистым. Клотагорб заявил, что это — лишнее напоминание о том, что не все пертурбации связаны с неприятными последствиями. К разочарованию Джон-Тома, искусственный загар исчез заодно со всеми прочими «модификациями», тогда как юноша уже представлял себе, какой произведет фурор, появившись на пляже.

Он все смелее прибегал к помощи песен, чтобы в известной степени смягчить воздействие той или иной пертурбации. Теперь ему требовалась такая песня, которая позволила бы зафиксировать на веки вечные наиболее благоприятные из побочных эффектов, наподобие того самого загара. Было бы просто замечательно, размышлял он на досуге, сохранить в неприкосновенности, скажем, лишные сорок фунтов мышц или увеличение коэффициента интеллектуальности до ста единиц. Подобные мысли занимали Джон-Тома все сильнее, и наконец он счел возможным поделиться ими с Клотагорбом.

— Мой мальчик, ты играешь с огнем, — предостерег тот. — Не забывай о своих многочисленных промахах. Сколько раз у тебя выходило не то, к чему ты стремился?

— Сэр, если вы хотите отговорить меня от попытки, придумайте причину поосновательнее.

— Хорошо, мой мальчик, — чародей вздохнул. — Раз ты настаиваешь... Вместо того, чтобы осуществить благоприятную перемену — да, осуществить, ибо ты замыслил не простое исправление последствий пертурбации, а нечто куда более серьезное, — ты рискуешь превратить себя в чудовище, справиться с которым будет весьма сложно.

— Сэр, да вы только представьте, какие перед нами откроются возможности, если все пройдет гладко? Допустим, очередная пертурбация сделает вас на сто лет моложе, чем вы есть. Разве вам не хочется снова стать молодым, телесно и духовно?

— Телесно, пожалуй, да. Ты искуситель, мой мальчик. Сто лет подвижной жизни... Нам не под силу повернуть время вспять, но пертурбация способна на многое. — Как показалось Джон-Тому, глаза волшебника заволоклись дымкой воспоминаний. — Что ж, перспектива и вправду заманчивая, однако вы, молодежь, часто не соразмеряете вероятные выгоды с не менее вероятным

риском. Поэтому, мой мальчик, тут нужно хорошенько все обдумать.

Джон-Том принял совет чародея к исполнению и погрузился в размышления. Чем дольше он думал, тем меньше оставалось у него энтузиазма. С пертурбацией, которая омолодила бы Клотагорба на добрую сотню лет, все обстояло далеко не так гладко, как казалось с первого взгляда. Ведь случись она в действительности, самому Джон-Тому окажется тогда минут семьдесят пять, а о том, что означает сей удивительный возраст и как из него выбраться, юноша не имел ни малейшего понятия. Какое-то время спустя он пришел к выводу, что его идея никуда не годится, а потому решительно отмел ее как откровенно бредовую. Чем опасен пертурбатор? Тем, что искажает реальность. Искажать же искажение, подумалось Джон-Тому, несравнимо опаснее.

Мысли о сохранении побочных эффектов пертурбации вскоре сменились раздумьями о подступающих зимних холодах. Путешественники достигли тех мест, климат которых заставлял воспринимать даже не столь уж далекий Оспенспри как южный курорт. Днем было еще ничего, но вот по ночам стояла лютая стужа, хотя до прихода зимы, которая укроет землю белым снеговым одеялом, оставалось несколько недель.

Холод ничуть не беспокоил ни Маджа с его густым мехом, ни Сорбла, который, помимо наличия роскошной шубы из перьев, постоянно пребывал в блаженном подпитии, а потому не обращал на морозы ровным счетом никакого внимания. Дормас они, по-видимому, если и донимали, то не слишком сильно. Однако Клотагорбу с Джон-Томом приходилось туго. Им нечего было противопоставить даже предвестникам зимы. Озабоченность чародея проявлялась в том, что он заговаривал о погоде, по крайней мере, раз на дню.

— Нам необходимо как можно скорее отыскать и освободить пертурбатор, иначе зима застанет нас на Плато. Я вовсе не стремлюсь спасти мир ценой собственной гибели в северных снегах.

— Мы уложимся в срок, сэр, — заверил волшебника Джон-Том. — Если на обратном пути попадем в пургу, просто-напросто сядем на Дормас, и она довезет нас до дома. Помните, в договоре сказано, что она обязуется везти пострадавших.

— А кто будет показывать ей дорогу?

— Сорбл.

— Лично я, — Клотагорб презрительно фыркнул, — не позволю ему проводить себя даже до ванной комнаты.

— Ну, тогда Мадж.

Клотагорб поглядел на Маджа, который, насвистывая что-то себе под нос, раскалывал на камне обломком гранита размером с его кулак лесные орехи. Потом он перевел взгляд обратно на Джон-Тома.

— Я рад, мой мальчик, что ты, невзирая на тяготы, которые выпали нам в пути, сохранил свое уникальное чувство юмора.

— Сэр, я знаю, что Мадж порой ведет себя далеко не лучшим образом, однако если дело дойдет до выбора между жизнью и смертью, он, я уверен, не откажет мне в помощи. Или вы запамятовали, сколько раз он выручал меня в прошлом?

— Былого не вернешь, — изрек волшебник. — Важно не то, что было, а то, что есть. Сдается мне, мой мальчик, ты доверяешь не тому, кому следует.

— Я с вами не согласен, сэр. Мы с Маджем друзья. Верно, Мадж?

Выдр поднял голову, вопросительно взглянул на юношу и проговорил с набитым ртом:

— Что верно, приятель?

— Что мы с тобой друзья. Я только что сказал Клотагорбу, что, случись мне замерзнуть в снегу, ты меня обязательно вытащишь.

— Ну да, конечно, кореш! Что же это за друзья, коли один не может положиться на другого? Я дотащу тебя до теплых краев, пускай даже у меня на башмаках сотрутся подметки. Подыхать буду, а дотащу! Пускай меня всего перекосит с натуги, я буду тащить и тащить, пока...

— Эй, Мадж, смотри не переоцени своих возможностей.

— Спасибо за совет, парень. — Выдр отвернулся от человека и возобновил прерванное занятие.

— Ну как? — справился Джон-Том у чародея. Клотагорб улыбнулся.

— Разумеется, водяная крыса никогда тебя не обманывала.

— Ему, конечно, случается приврать — с кем не бывает, — но, в общем и целом, он парень неплохой.

— Да? Я бы сказал немножко иначе, но тебе виднее.

В разговоре возникла пауза, которая пришлась как нельзя более кстати, ибо Джон-Том уже собирался отпустить в адрес старого волшебника весьма нелестное замечание. Что за идиотская привычка — не доверять никому на свете?! С какой стати Маджу врать? Слегка остыв, юноша обнаружил, что, сам того не подозревая, время от времени скашивает глаза на выдра, как будто заразился пессимизмом Клотагорба. Упрекнув себя в непоследовательности, Джон-Том с кислым видом допил остававшийся в кружке чай.

На следующее утро взорам путешественников явились увенчанные снежными шапками могучие пики. Джон-Том, внимательно изучив столь внушительное зрелище, поинтересовался у Клотагорба:

— Надеюсь, сэр, нам не придется карабкаться на них?

— Не знаю, мой мальчик, — ответил чародей, всматриваясь в даль. — Мне известно, что пертурбатор находится где-то там, но

где именно, я, признаться, затрудняюсь сказать. Нам не остается ничего другого, как просто продолжать путь. Возможно, мы сумеем достичь своей цели.

— А если нет, шеф, что тогда? — справился Мадж, которого, по всей видимости, перспектива взбираться на горы прельщала ничуть не больше, чем Джон-Тома. — Повернем домой? Мол, разбирайтесь сами, а мы пошли?

— Увы, мой мохнатый друг, разбираться придется нам, ибо этого не в силах сделать никто другой. Мы должны взобраться туда, где томится в заключении пертурбатор.

Снежные пики возвышались на значительном удалении от того места на Плато, где разбили свой лагерь путники, а потому все тешили себя надеждой, что обнаружат пертурбатор задолго до того, как приблизятся хотя бы к подножию заоблачных круч. Джон-Том то и дело бросал исподтишка восхищенные взгляды на чародея. Клотагорб проявил удивительное присутствие духа, которое рисовалось еще более величественным на фоне непрекращающихся стенаний остальных членов экспедиции: по идее, ему первому следовало сетовать на превратности судьбы, ибо строение тела черепахи никак не годилось для лазания по скалам.

Миновало несколько дней. Горы по-прежнему маячили на горизонте, упорно не желая приблизиться хотя бы на пядь; зато появилась новая трудность — туман. Белесая пелена была столь плотной, что сквозь нее не могли что-либо различить даже необыкновенно острые глаза Сорбла, так что приходилось целиком и полностью полагаться на Клотагорба, который определял верное направление, руководствуясь какими-то таинственными соображениями.

— Терпеть не могу туман, — сообщил Мадж, принюхался и наморщил нос. — И находятся ведь придурки, которые его обожают! По мне, так пропади он пропадом. Чем тут восторгаться, когда того и гляди заплутаешь?

— Помнится, — заметил Джон-Том, — я видел такое в фильмах, когда показывали Золотые Ворота в Сан-Франциско.

— Ворота из золота! — воскликнул выдр. Судя по тому, как заблестели его глазки, он мгновенно излечился от хандры. — Слушай, приятель, оказывается, и в твоем мире есть на что поглядеть! Пожалуй, жить там не так уж плохо, а?

— Мне жаль разочаровывать тебя, однако ворота, о которых я упомянул, вовсе не из золота. Их называют так потому, что они кажутся золотыми в определенное время суток.

— А, вон оно что... Значица, они не годятся и в подметки бриллиантовым вратам Мотарии? И впрямь жалко. Ну да ладно; а насчет Мотарии я слыхал, что... — И Мадж, не дожидаясь, пока Джон-Том изъявит желание послушать, пустился рассказывать свою историю. Когда он кончил, выяснилось, что туман стал гуще.

Останавливаться, однако, никто не собирался. Мадж продолжал принюхиваться, словно надеялся уловить в сыром, промозглом воздухе некий намек на затаившуюся угрозу. Внезапно справа от него послышалось невнятное бормотание. Выдр повернулся к человеку.

— Эй, кореш, я ничего не имею против того, чтоб ты распевал свои песенки, но че ты развопился, как раненый бегемот?

Джон-Том промолчал. Впереди проступал из пелены тумана лес, и юноша был занят тем, что пытался различить что-либо за первым рядом деревьев. Наконец он отозвался:

— Мадж, я тут ни при чем. По правде говоря, я как раз хотел спросить тебя...

— Меня? Да я держу пасть на замке, не то что некоторые!

— Не спорю, однако носом ты шмыгаешь так громко, что слышно на всю округу. Сделай милость, перестань фыркать. Кажется, я расслышал какой-то посторонний звук.

Мадж нахмурился, но подчинился. Он прислушался и сощурил глаза.

— Разрази меня гром, парень, ты прав! Надо же, я думал, тока ты можешь петь таким гнусавым голосом!

К Джон-Тому приблизилась Дормас. Она настороженно повела ушами.

— Вы тоже слышали, ребята? Кто-то то ли поет, то ли читает заклинание. И чувствуете, какой мерзкий запах?

— Чем пахнет? — спросил Клотагорб, который не отличался ни остротой слуха, ни зоркостью Маджа. Кроме того, все внимание волшебника было поглощено очками, которые постоянно норовили запотеть от сырости.

— Сдается мне, грызунами. — Дормас глубоко вздохнула. — В воздухе столько влаги, что трудно сказать наверняка.

— Верно, дорогуша. Так и чудится, что вот-вот захлебнешься.

— Мадж, — проговорил Джон-Том, состроив гримасу, — на будущее выбирай, пожалуйста, сравнения поизящнее.

— Приятель, против правды не попрешь.

— Да, грызуны, — подтвердила Дормас. Ноздри лошачихи раздулись. Джон-Том ощутил себя беспомощным младенцем. Рядом со своими товарищами он выглядел совершенно невосприимчивым к запахам.

— Нельзя ли установить, сколько их там? — осведомился Клотагорб.

— Как тут установишь? — хмыкнула Дормас. — И потом, какая разница? Мы ведь двигаемся не в том направлении.

— Вполне возможно, что возвращаться мы будем другой дорогой. — Волшебник задумчиво поглядел на клубящийся туман. — Лично мне было бы весьма любопытно узнать, по чьей территории пролегает наш путь.

Сорбл испустил тяжкий вздох.

— Мне тоже, — буркнула Дормас.

Мадж с недоверием воззрился на лошачиху, затем перевел взгляд на чародея.

— Вы что, спятили? Или забыли, что любопытство до добра не доводит?

— Волков бояться — в лес не ходить, — бросила Дормас и направилась к деревьям, обнюхивая на ходу землю.

— Мы находимся далеко от Оспенспри, за пределами цивилизации, — изрек Клотагорб и надел на клюв очки, которые немедленно начали запотевать. — Однако это ничего не значит. До меня доходили слухи о диких племенах, которые якобы населяют здешние чащобы. Было бы неплохо самим убедиться в их существовании.

— Начальник, а не проще ли прочесть какую-нибудь книжонку?

— Да будет тебе известно, господин недотепа, что никакие, как ты выразился, книжонки тут не помогут. — Чародей повернулся, намереваясь, очевидно, последовать за Дормас. — Их просто нет. Исследователи предпочитают изучать тропики или края с умеренным климатом. Здесь же до нас почти никто не бывал, поэтому нам предоставляется поистине уникальная возможность.

— Ага, угодить в пасть какой-нибудь мерзопакостной крысе. — Мадж посмотрел на Джон-Тома. — Ты согласен со мной, паренек?

— Я согласен с тем, что, не рискуя, ничего не узнаешь, — произнес юноша и удостоился одобрительной улыбки Клотагорба. — Извини, Мадж. — С этими словами Джон-Том двинулся следом за волшебником.

— Идиоты! Ну и хрен с вами, проваливайте отсюда!

Выдр сложил на груди лапы и демонстративно уселся на землю. Сильнее всего он разозлился из-за того, что спутники попросту игнорировали его. Он вовсе не возражал, чтобы на него кричали, вопили, оскорбляли, однако, когда те, с кем Мадж расходился во мнениях, вели себя так, как будто выдра не существует на свете, ему хотелось пересчитать собеседникам ребра или, пуще того, распороть брюхо. Впрочем, в теперешнем положении он не мог рассчитывать даже на такое утешение, ибо его нож не проткнул бы панциря Клотагорба, а Джон-Том и Дормас наверняка предугадали бы намерения выдра. Поэтому Мадж сорвал свою злобу на ни в чем не повинном кусте, который, к собственному несчастью, имел неосторожность вырасти поблизости от того места, где плюхнулся на мокрую траву раздосадованный выдр.

Джон-Том, Дормас и Клотагорб по-прежнему не обращали на кипевшего от негодования Маджа ни малейшего внимания. Они пытались определить источник загадочных звуков, раздававшихся в лесу. Казалось, их разносит по окрестностям заполонивший плато туман. То была песня — диковинная, непривычная для

слуха. Мелодия различалась отчетливо, но вот слов было не разобрать.

— Древний язык, — сказал чародей. — Несомненно, заклинания передавались из уст в уста, от колдуна к колдуну, так что те, кто заклинательствует сейчас, могут и не понимать того, о чем поют. Однако чары есть чары, они все равно сохраняют силу.

Джон-Том никоим образом не относил себя к лингвистам, но даже он чувствовал древность заклинаний. Те как будто состояли большей частью из рыков и стонов, то бишь из звуков, которые обычно издают существа, не способные ни мыслить, ни говорить. Неудивительно, что Клотагорб заинтересовался открытием Маджа. Юноша обернулся к выдру.

— Эй, Мадж, чего ты там застрял? Иди сюда!

— Ну уж нет, приятель, — отозвался выдр, подчеркнуто поворачиваясь спиной. — Ежели вам так приспичило, можете подыхать, а у меня в роду дураков не было.

— Оставь его, мой мальчик, — посоветовал Клотагорб. — Мы вполне обойдемся собственными силами. По крайней мере, можно будет не опасаться, что он выкинет какой-нибудь фортель. Дормас, запах не улетучился?

— Наоборот, чем ближе мы подходим, тем он сильнее. Треклятый туман! Он когда-нибудь рассеется?

Путешественники медленно двинулись вперед. Сорбл устремился за ними и уселся на один из тюков на спине Дормас. Мадж ошарашенно уставился на филина.

— Сорбл, и ты туда же? Ошалел, что ли?

— У меня нет выбора, — сообщил филин. — Я должен сопровождать хозяина.

— Не беспокойся, Мадж, — проговорил Джон-Том. — Мы скоро вернемся. А ты, раз остаешься, сторожи лагерь.

— Чего? В одиночку? — Выдр огляделся по сторонам и невольно содрогнулся при виде белесой клубящейся пелены тумана. Когда он заговорил снова, его голос напоминал сдавленный рык: — Слушай, ты, безволосая обезьяна, хватит меня подначивать, понял? Ты ж знаешь, что я ни за какие деньги не соглашусь торчать, как пень, в этом вонючем тумане!

— По совести говоря, мне плевать на то, согласишься ты или нет, но если хочешь присоединиться к нам, кончай трепать языком и бери руки в ноги, недоносок паршивый!

После сего обмена любезностями, который лишь упрочил дружбу человека и выдра, все стало на свои места. Мадж догнал спутников и зашагал во главе маленького отряда рядом с Джон-Томом, вернее, впереди него, стараясь держаться подальше от юноши.

— Мой мальчик, — заметил с улыбкой Клотагорб, — ты начинаешь понимать, что слова порой — наиболее действенное оружие.

— Разумеется. Я же, как-никак, учился на юридическом факультете. И потом, я знаю Маджа достаточно давно, чтобы разбираться в его характере. Между прочим, он бы все равно потащился за нами. Просто ему хотелось обратить на себя внимание.

— Не переоценивай своих возможностей, мой мальчик. Поведение водяных крыс непредсказуемо. Я бы поостерегся принимать на веру все его слова и судил бы только по поступкам.

— Знаете, сэр, тут волноваться не из-за чего. Я, конечно, доверяю Маджу, но в разумных пределах.

Путешественники поднялись по пологому склону, спустились в лощину, миновали ее и очутились в лесу, который начинался у подножия следующего холма. Когда они взобрались на вершину, таинственное пение сделалось гораздо громче. Теперь к звукам голосов примешивались рокот барабанов, посвистывание дудок и нечто, походившее на грохот тамбурина. Мадж жестом призвал товарищей соблюдать молчание; впрочем, его предупреждение несколько запоздало. Все прекрасно понимали, что время разговоров миновало, настала пора смотреть и слушать.

Внезапно в пелене тумана образовалась прореха, сквозь которую просматривалась крохотная долина. Среди деревьев виднелись сооруженные из веток, для надежности обмазанных грязью, кособокие хижины. Перед двумя или тремя из них горели костры, возле которых сушились разнообразные растения. Между хижинами сновали какие-то существа; они перетаскивали с места на место корзины с ягодами и орехами, а также кипы растений, которые уже успели высохнуть вблизи пламени.

— Белки-то мне знакомы, — прошептал Джон-Том. — А это что за твари? Вон те, с закругленными ушами?

— Пищухи, — объяснил Клотагорб. — Пищухи и сурки. Смотри, как они одеты.

Вне зависимости от принадлежности к тому или иному виду, все жители лесного поселения носили одинаковую одежду, которая состояла в основном из декоративного вида юбочек, изготовленных из древесной коры, каковую, должно быть, поначалу размягчили в воде, а затем выкроили по фасону. Куртки и все такое прочее заменял, по-видимому, густой мех, имея который, можно было не бояться холодов. Наряд довершали головные уборы — от простых лент до изысканных тиар из сушеных ягод и выбеленных временем костей.

Чуть поодаль от хижин расположились полукругом музыканты, которые, не жалея сил, наяривали на своих инструментах. Напротив них сидели певцы — как показалось Джон-Тому, сплошь мужского пола, облаченные в убранство воинов, что подразумевало, помимо все тех же юбочек, ожерелья, кольца и шлемы из черепов животных, причем ясно было видно, что далеко не все черепа были в незапамятные времена собственностью хищников.

— Ни хрена себе, — пробормотал Мадж. — Ну и дела! Да это ж каннибалы!

Между полукружиями музыкантов и певцов возвышалась деревянная платформа, посреди которой торчал длинный шест. Трое пищух возились со сложенными у его подножия дровами. Вот они развели огонь и отошли на безопасное расстояние, внимательно следя, чтобы пламя не перекинулось на платформу. Судя по громадному количеству устилавшего хворост лапника, от костра требовался не столько жар, сколько как можно больше дыма; вдобавок пищухи непрерывно подкидывали в огонь листья и кору.

Ветер гнал дым на существо, привязанное к высокому шесту. Горемычный пленник был одет в рубашку и штаны из змеиной кожи, а обут в кожаные башмаки; его передние лапы утопали в огромных, кожаных же, варежках. Костюм бедолаги дополняли медные шипы, череда которых начиналась от башмаков и заканчивалась на широких плечах. Джон-Том никак не мог сообразить, какой цели служат шипы — то ли они используются как украшения, то ли как средство обороны. Юноша припомнил, что у некоторых воинственных народов такие шипы применяются и для того, и для другого. Талию пленника перехватывал усеянный медными заклепками ремень; второй, немногим короче, облегал шею. Ростом узник был около четырех с половиной футов, хотя казался ниже из-за того, что опустил голову. Он кашлял и чихал, будучи не в силах не дышать, а следовательно, не вдыхать густой черный дым.

На краю платформы лежал большой заплечный мешок, выделанный, по-видимому, из той же самой кожи, какая пошла на одежду обреченного на удушье существа. Размеры мешка производили весьма внушительное впечатление. К нему была приторочена тонкая сабля, которая, если поставить ее вертикально, достала бы, должно быть, рукояткой до плеча своего владельца. Время от времени дым относило в сторону, и тогда путешественникам представлялась возможность как следует разглядеть пленника. Не узнать того было поистине немыслимо; таких, как он, узнают, как правило, с первого взгляда.

— Что он тут делает? — прошептал изумленный Джон-Том. — Я думал, коалы предпочитают тропики. Во всяком случае, в Кололесье они мне не встречались.

— Ты прав, мой мальчик, они редкие гости в наших краях, — отозвался Клотагорб. — И вправду интересно, что погнало его в такую даль? Надо отметить, одет он как раз по погоде.

— Бедняга, — посочувствовала коале Дормас. — Любопытно, в чем он провинился, что его так мучают.

— Верно, всего лишь шел мимо, — пробурчал Мадж, слегка подаваясь назад. — Ну все, хорош. По-моему, нагляделись вдоволь, пора и удочки сматывать.

— Ты ошибаешься. Разве непонятно, к чему идет дело? Они собираются задушить его дымом. Никто на свете не заслуживает подобной смерти.

— Да неужто, приятель? Откуда ты знаешь, может, он плюнул в душу этой шайке немытых обормотов? Может, его судили и вынесли приговор. Как и положено, все честь по чести. Я тебе говорил, не лезь в чужой дом со своим стаканом. — Выдр кивнул в направлении поселения. — Видишь, как он одет? Одно слово, варвар. Нет, парень, ты как хочешь, а по мне, пускай разбираются сами.

— Если он совершил преступление, — откликнулся Джон-Том, — я хочу знать, насколько оно серьезно. А если нет, тогда мы обязаны выручить его. В конце концов, ведь может сложиться так, что однажды случайный прохожий окажет такую же услугу мне.

— Ну да, — хмыкнул Мадж, — жди! Кореш, сдается мне, ты глуп, как пробка. Ни один дурак не станет с тобой связываться.

— Я тоже был бы не прочь узнать, что привело его сюда, — произнес Клотагорб. — Уж больно странное получается стечение обстоятельств.

— Да вы что, рехнулись? Что за идиотская привычка вечно лезть на рожон?

— Мадж, где твоя забота о ближнем?

— В заднем кармане, приятель, вот где! И потом, о каких ближних речь? Или ты разумеешь вон те гнусные рожи? Не скажу, чтобы я был в восторге от их манер, но рисковать собственной задницей ради того, чтобы пособить какому-то там придурку, — нет уж, приятель, я если и чокнулся, то не до такой степени.

Джон-Том посмотрел на платформу. Пленник ослабел настолько, что уже не мог даже кашлять.

— Мы должны что-то предпринять.

— Давай-давай! Бери с собой эту старую перечницу, и ползите туда, разрезайте веревки, освобождайте своего ненаглядного медведя. Кстати, можешь сказать тем ребятишкам, что тебе очень жаль, но лавочка закрывается. Думаю, они тебя поймут. Нет, они будут просто счастливы — рассчитывали закусить одним идиотом, а их вдруг оказалось трое!

— Хотя меня снедает любопытство, а также переполняет справедливое возмущение, — изрек Клотагорб, — я вынужден признать, что в словах водяной крысы есть определенный смысл. При всем нашем сочувствии коале мы не вправе забывать о том, что подвигло нас на это путешествие. Риск должен быть оправданным, чего я в данном случае не наблюдаю.

— Вы правы, сэр, — проговорил Джон-Том после недолгого размышления. — И ты тоже, Мадж.

— Приятель, — воскликнул изумленный и одновременно польщенный выдр, — да мне никак удалось втемяшить в твою глупую башку хотя бы крупицу разума?

— Мы можем освободить коалу безо всякого риска. — Юноша потянулся за дуарой.

Для того чтобы уяснить намерения Джон-Тома, вовсе не требовалось быть семи пядей во лбу.

— Ты хорошо подумал, мой мальчик? — справился чародей. — Ведь если у тебя ничего не выйдет, мы неминуемо попадем в лапы дикарей.

— Не беспокойтесь, сэр. Уверяю вас, все будет в порядке, — Джон-Том принялся подстраивать инструмент. — Я понял, в чем моя беда. Мне обычно приходилось петь, что называется, с налета, то есть я не успевал подготовиться. Но теперь, когда у меня появилась возможность присмотреться к дикарям и послушать их музыку, все будет иначе. Я не подведу.

— Твоя уверенность обнадеживает. Скажи, мой мальчик, откуда она вдруг взялась?

— Я собираюсь воздействовать на них той самой музыкой, которую они играют. — Джон-Том усмехнулся. — Понимаете, я услышал достаточно, чтобы уловить мелодию, а сейчас попробую переложить ее в стиле рока, разумеется, со своими собственными словами. — Он провел пальцами по струнам дуары. — Ничего сложного. Я мог бы сыграть такое даже во сне.

— Что ж, чувак, валяй, а я пошел обратно. — Мадж повернулся и двинулся в сторону лагеря.

— Не обращай на него внимания, — сказала Дормас и ободряюще улыбнулась. — Я верю в тебя. Давай, покажи этим мерзавцам, где раки зимуют.

— Надеюсь, до такого не дойдет.

Юноша прокашлялся. Он хотел всего лишь освободить пленника и вовсе не стремился стереть дикарей с лица земли. Пальцы ударили по струнам, над лесом раскатились первые аккорды, и Джон-Том запел, стараясь придерживаться той манеры исполнения, которой прославился когда-то Оззи Осборн.

Результаты не замедлили сказаться. Палочки замерли на полпути к барабанам. Посвистывание флейт и грохот тамбурина мгновенно прекратились. Голоса певцов смолкли, и все, кто находился в долине, уставились на диковинную фигуру, что возникла вдруг из тумана на вершине холма.

Джон-Том предполагал, что его парафраз музыки дикарей парализует каннибалов. Однако ничего подобного не произошло. Впрочем, хотя лесовиков явно не зачаровали раскаты тяжелого металла, срывавшиеся со струн дуары, дикари, к немалому облегчению юноши, не кинулись гурьбой на холм, размахивая своими дубинками. Правда, они побежали, но — в противоположном направлении, роняя дубинки, копья и прочее вооружение. Следом за самцами бросились врассыпную самки, волоча за собой детенышей. Воздух огласился жалобными воплями. Воины расставались с оружием потому, что им требовались лапы, чтобы

зажать уши или обхватить голову. Не прошло и пяти минут, как все до единого жители деревни исчезли в лесу. И тут заговорил пленник:

— Ради всего святого, перестаньте и развяжите меня, а лучше убейте, чтобы я больше не слышал этих чудовищных звуков!

Коала хотел, по-видимому, прибавить что-то еще, но поперхнулся и закашлялся.

Смутившись, Джон-Том прервал песню на середине куплета и повернулся к товарищам. Как обнаружилось, от его музыки страдал не только пленник. Мадж, скрючившийся под деревом, осторожно отнял лапы от ушей и принялся озираться по сторонам. Сорбл закутался в крылья, как в одеяло; Дормас бессильно скрежетала зубами, ибо ей заткнуть уши было попросту нечем. Клотагорб спрятался в панцирь и, похоже, не спешил выбираться на свет. Какое-то время спустя он все же высунулся наружу: сперва задние лапы, потом передние и — последней — голова. Чародей поправил очки, съехавшие с клюва, приблизился к Джон-Тому и положил лапу на ладонь юноши. Пальцы волшебника слегка дрожали.

— Выполни мою просьбу, мой мальчик.

— А если они нападут на нас сзади? — спросил Джон-Том, всматриваясь в туман.

— Мне кажется, мы при всем желании не найдем их.

— Значит, у меня получилось?

— Скажем так, — чародей деликатно прочистил горло, — им не понравилось, что ты переделал их древний гимн.

— А... — Джон-Том поразмыслил над словами Клотагорба, а затем спросил: — И вам, по-моему, тоже?

— По крайней мере, тебе удалось завладеть нашим вниманием.

— Во-во, — поддержал Клотагорба Мадж, — еще б ему не завладеть! Меня словно шандарахнули кувалдой по башке.

— Весьма примитивная мелодическая линия в сочетании с тем, что ты именуешь современной музыкой, и исполненная вдобавок на дуаре, обладает несомненной и значительной силой воздействия.

— Сэр, вы хотите сказать, что магия тут ни при чем? Что дикари разбежались, не выдержав моего пения?

— Нет, приятель. Его чудомудрие хочет сказать, что от твоей, как ты ее называешь, музыки и кошки бы сдохли!

— Понятно, — Джон-Том пожал плечами и вздохнул. — Ладно, главное, что мы добились того, ради чего все затевалось.

— Развяжете вы меня или нет? — Голос коалы, неожиданно низкий и звучный, будто прибавлял медведю роста.

— Ишь какой нетерпеливый! — Сопровождаемый Сорблом Мадж побежал вниз. Джон-Том подождал, пока выдр отбежит подальше, а затем повернулся к Клотагорбу.

— Иными словами, сэр, петь я так и не научился.

— Сказать по правде, мой мальчик, мне кажется, было бы несколько непоследовательно утверждать обратное. Видишь ли, в твоем голосе наличествует некий тембр, который делает его трудновоспринимаемым для чувствительного слуха. И потом, как я уже говорил, музыка дикарей была весьма примитивной. Принимая во внимание обстоятельства, вполне естественно, что ты не сумел придать ей хотя бы подобие гармоничности.

— Нéужели настолько плохо?

— По-моему, водяная крыса один-единственный раз в своей жизни сказала чистую правду. Ну, мой мальчик, не вешай нос. Ничего страшного не произошло. Ты же все-таки чаропевец, а не бард.

— Знаю. Но я хочу стать бардом! И что же мне теперь делать, если я пою не как Лайонел Ричи или Далтри?!

— Увы, мой мальчик, сдается мне, тебе придется довольствоваться ролью чаропевца.

Что ж, размышлял Джон-Том, пока они с Клотагорбом и Дормас дожидались возвращения Маджа, Сорбла и спасенного от смерти коалы, ему, в конце концов, есть чем гордиться. Никто другой из известных музыкантов не способен сыграть и спеть так, чтобы врагов охватила паника, не способен творить чудеса и сдвигать с места маленькие горы. Беда в том, вздохнул юноша, что его тянет петь, то есть делать то, чего он не умеет и чему вряд ли сможет научиться. Сколько он ни пытался подражать Маккартни и Уэйту, всегда выходило нечто вроде помеси Ангуса Макки из «Эй-Си Ди-Си» и исстрадавшейся от полового воздержания мыши. Кстати, если уж на то пошло, сипение Макки и мышиный голосок не слишком отличаются друг от друга.

Положив руки на дуару, Джон-Том глядел на лес, где между деревьями по-прежнему клубился туман. Он, конечно, верил Клотагорбу, однако вовсе не стремился быть застигнутым врасплох, если на холме вдруг появится какой-нибудь отчаянный дикарь. Надо только не забыть предупредить товарищей, когда он вновь соберется запеть ту же песню.

Глава 8

Мадж разрезал ножом веревки, которыми пленник был привязан к шесту, а Сорбл быстро расклевал путы на передних лапах коалы. Спасенный пошатнулся и, не поддержи его Мадж, наверняка бы упал — так затекли его мышцы. Выдр повел коалу вверх по склону, а Сорбл подхватил мешок, сиротливо лежавший на краю платформы, взмыл в воздух и поспешил к своему хозяину. Он, разумеется, намного опередил Маджа и медведя, медленно

взбиравшихся на вершину холма. Недавний пленник все еще кашлял, но уже не так надрывно и часто, как раньше. По-видимому, он изрядно наглотался дыма. Глаза его налились кровью, он то и дело проводил по ним лапой. Мадж подвел коалу к стволу поваленного ветром дерева и мягко подтолкнул в спину: мол, садись. Медведь послушно уселся и некоторое время сидел молча и неподвижно, лишь шевелил порой мохнатыми ушами. Из носа у него непрерывно текло. Наконец он поднял голову, обвел взглядом своих спасителей и заговорил звучным басом:

— Спасибо, друзья. Не всякий нынче отважится рискнуть собственной жизнью, чтобы спасти чужака. Не знаю, поверите вы мне или нет, но я был уверен, что что-нибудь этакое обязательно случится. Однако оно все не случалось и не случалось, и я, признаться, слегка встревожился. В общем, спасибо.

— Что значит «что-нибудь эдакое»? — справился Джон-Том.

— Если вы не против, я объясню попозже. А сейчас мы чересчур близки к костру, с которым у меня связаны не лучшие воспоминания. Может, поговорим по дороге? — Коала поднялся с бревна и запрокинул голову, чтобы взглянуть в лицо юноше. — Не сочтите за грубость, ну вы и дылда! Да, благодарю за музыку. Вы не обиделись, что я не попросил повторить?

— Если вам не по нраву моя музыка, можете вернуться в деревню. Там вас наверняка примут с распростертыми объятиями. — Джон-Том улыбнулся, дабы показать коале, что он всего лишь отвечает в том же духе.

— Хватит с меня их объятий! — ухмыльнулся медведь. — Варвары, язычники, трусливые ящерицы! Надеюсь, они не остановятся, пока не добегут до края света. Да, меня зовут Колин. С представлениями можете не спешить, времени у нас достаточно. — Он сделал шаг и споткнулся. Мадж хотел было подставить ему плечо, но коала махнул лапой, давая понять, что обойдется без посторонней помощи. — Спасибо, друг, но я справлюсь сам. Тебе и без того было со мной преизрядно хлопот.

Коала взял у Сорбла саблю и мешок, закинул последний за плечи, а клинок сунул в особой формы ножны, притороченные к куртке на спине. Несмотря на то что лапы у него были короткие и толстые, тем более в варежках, он ухитрился проделать эту операцию, даже не посмотрев через плечо. Да, подумалось Джон-Тому, кем бы Колин ни оказался в действительности, с оружием он явно на «ты». Захоти он сам изобразить что-либо подобное, мелькнула у юноши мысль, беды не миновать.

— Слушай, — обратился к коале Мадж, — ты ближе нашего спознался с теми милыми ребятишками. Как по-твоему, станут они преследовать нас? Волшебник — вон тот, в очках, — уверяет, что нет.

— Волшебник? — переспросил Колин. Он кивнул Клотагор-

бу; в его кивке чувствовалась вежливость без высокомерия и почтительность без подобострастия. — Сдается мне, он прав. Да что там говорить, храбрейшим из них понадобится полдня только на то, чтобы остановиться!

Засмеялись все, кроме Джон-Тома, выдавившего слабую вымученную улыбку.

— Стойте! — неожиданно воскликнул Колин, когда они прошли примерно половину пути до лагеря. — Давайте наверняка избавимся от погони. — Он повернулся спиной к Джон-Тому. — Верхний карман с левого бока. Маленькая зеленая бутылочка. Осторожнее, ладно? Эти мерзавцы швыряли мой мешок как попало, и я, честно говоря, понятия не имею, что уцелело, а что разбилось.

Джон-Том расстегнул указанный карман, достал бутылку и протянул ее коале. Пробка грозила вот-вот вылететь из горлышка, но пока держалась. Колин повертел сосуд в лапах, посмотрел на просвет, фыркнул и принялся изучать землю под ногами.

— Мне нужны ветки с иголками, — сказал он.

Джон-Том внутренне весь вскинулся, но промолчал и присоединился к Маджу, который с энтузиазмом взялся за поиски.

— И что теперь? — осведомился юноша, когда ветки были собраны. — Они не настолько велики, чтобы за ними можно было спрятаться.

— Как сказать, человече, — отозвался Колин и озорно подмигнул, будто насмехаясь над раздраженным Джон-Томом. Он покапал на ветки бесцветной жидкостью из бутылки, а затем вручил ту юноше и велел положить обратно в мешок. Ноздри Джон-Тома затрепетали от сильного едкого запаха. — Делайте, как я. — Следуя наставлениям медведя, Джон-Том и Дормас пропустили вперед всех остальных, а потом двинулись сами, заметая следы ветками. Какое-то время спустя они отбросили ветки в кусты.

— Чтоб я сдох, приятель, что у тебя в бутылке? — справился Мадж, вытирая лапой нос.

— Концентрированное эвкалиптовое масло, — ответил Колин с усмешкой. — Если лесовики все же попытаются преследовать нас, они так нанюхаются его, что будут чихать аж до темноты. — Коала поглядел сначала на Маджа, затем на Джон-Тома.

Забавный тип, подумал юноша, и вовсе не так прост, как кажется с первого взгляда. Не то чтобы молчун, но и не любитель трепать языком. Говорит, что думает, безо всяких экивоков. Пожалуй, такой без труда доберется в одиночку до цивилизованных земель.

Однако, как вскоре выяснилось, до расставания было довольно далеко. Когда компания уже ближе к вечеру остановилась отдохнуть в тени гребешкового дерева, обнаружилось, что коалу объединяет с путешественниками не только отвращение к варварскому гостеприимству. Колин сидел, прислонившись спиной к толстому, иссеченному шрамами стволу, и о чем-то перегова-

ривался с Сорблом и Дормас. Клотагорб погрузился в панцирь и предался в уединении размышлениям, навещая ту чудесную страну мечты, доступ куда был открыт лишь ему одному. Джон-Тому такое состояние чародея напоминало зимнюю спячку, но сам Клотагорб именовал это метафизическим экскурсом. В беседах с юношей он неоднократно объяснял, что определяет столь экстравагантным способом их местонахождение, ориентируясь по тем или иным звездам, с которыми будто бы состоит в родстве. Джон-Том пробовал доказывать абсурдность той точки зрения, что некое живое существо, песчинка во Вселенной, может находиться в известных отношениях с несколькими неизмеримо далекими солнцами. Клотагорб же упорно твердил, что тут все зависит не от телесных характеристик упомянутого существа, а от степени его духовного развития. В итоге Джон-Том так и не понял, потешается над ним волшебник или говорит правду, а потому не знал, можно ли трогать Клотагорба, когда тот в подобном состоянии.

Юноша уселся на землю чуть в стороне от дерева и принялся от нечего делать тыкать концом посоха, таящим острое смертоносное лезвие, в трухлявый пень. Внезапно ему подумалось, что, может быть, стоит похоронить честолюбивые устремления, забыть о карьере юриста или рок-гитариста и зажить спокойной жизнью, вырезая из дерева различные фигурки — не на заказ, а по велению души. Вон ведь какая резьба на посохе! Эх, если бы он жил в Лос-Анджелесе, у него отбоя не было бы от клиентов!

Поблизости послышался шорох. Джон-Том поднял голову и увидел Маджа. Физиономия у выдра была, как обычно, весьма озабоченной.

— Что скажешь, кореш?

— Все вроде бы в порядке, Мадж, — отозвался юноша, посмотрев на ясное безоблачное небо, голубизна которого сверкала так, что больно было глазам. Туман давно остался позади. — Нас никто не преследует, мы спасли собрата-путешественника, а пертурбаций не случалось уже невесть сколько времени.

— Во-во, так и кажется, что удача развернулась к нам передом, а не задом, верно? — Мадж взглянул в сторону дерева, у подножия которого хохотали и перебрасывались шутками Колин, Сорбл и Дормас. — Тебя не удивляет такое совпадение?

— О каком совпадении ты говоришь? — Джон-Том сокрушенно вздохнул. Способность выдра паниковать по поводу и без повода лишь немногим уступала его склонности к выпивке, обжорству и утехам плоти.

— Подумай сам, приятель. Или ладно, я, так и быть, разъясню тебе, что к чему. Мне просто не хочется, чтоб ты вообразил, будто я тороплюсь с выводами.

— Чтобы ты да торопился? Не может быть!

— Парень, прибереги свои шуточки для другого раза. Я се-

рьезен, как никогда. Слушай сюда. Идем мы, значица, себе, бредем, никого не задеваем; похожи на себя, а не на каких-нибудь там фиолетовых жучков-паучков. Короче, все в ажуре. И тут на тебе — слышим песенку, бежим поглядеть, что стряслось, и находим этого Колина, которого шайка лесовиков коптит себе на праздничный обед. Ну что, какие мысли?

— Во-первых, мы совершили доброе дело, а во-вторых, я решительно отказываюсь понимать, куда ты клонишь.

— Хорошо, тогда слушай дальше. Мы знать не знаем, как долго Колин был в плену, верно? Может, час, а может, день. Допустим, его захватили пару-тройку дней тому назад. Вспомни-ка, приятель, когда произошла последняя серьезная пергорбация? Может быть, тот, кто поймал пердолбатор, потерял нас из виду, или мы подошли к нему так близко, что всякие фокусы уже не годятся. Что б ты сделал на его месте? А, приятель? На чем бы ты попробовал нас подловить?

Теперь, чтобы понять, к чему ведет Мадж, не нужно было обладать умственными способностями чародея двухсот лет от роду — тут разобрался бы даже младенец.

— Мадж, ты делаешь из мухи слона. Начнем с того, что у твоего предполагаемого злоумышленника не было никакой гарантии, что мы рискнем освободить Колина. И потом, расстояние не имеет для пертурбатора значения. К нему нельзя ни приблизиться и только тогда подвергнуться пертурбации, ни отдалиться от него и тем самым избежать нежелательного воздействия. Наконец, Колин, как мне кажется, не из тех, кого можно заподозрить в служении сумасшедшему колдуну. Он слишком независим, и это не маска, а истинная суть его характера.

— Выходит, тебя не удивляет, что в здешних местах, где нет ни одного мало-мальски приличного ресторана, мы столкнулись с типом, сородичи которого предпочитают нежиться на солнышке в теплых краях? К тому же он бродит в одиночку, что тем более подозрительно.

— Разумеется, мне интересно было бы узнать, что привело его сюда. Между прочим, он, вероятно, тоже полон любопытства на наш счет.

— А че тогда молчит? И почему не говорит, какого хрена ему тут надо?

— Может, потому, — предположил Джон-Том, — что нас это не касается.

— Еще как касается, парень! Мы вытащили его из огня. Пускай даже он весь из себя независимый, все равно за ним должок.

— А вдруг он глубоко религиозен и совершает паломничество к каким-нибудь святым местам?

— Че? Да ты посмотри на него, приятель! Разуй глаза! Тоже мне, бродячий проповедник церкви Шипов и Кожи! Самому-то не смешно?

— Тем не менее, Мадж, я считаю, что ты не там копаешь. Но если у тебя шило в заднице, иди и спроси у Колина, что он здесь делает.

— Понимаешь, приятель, — заюлил выдр, — у тебя язык подвешен получше моего. Может, ты спросишь?

— Значит, у меня лучше подвешен язык? — Мадж утвердительно кивнул. — А по-моему, все гораздо проще. Ты решил обезопасить себя на случай, если Колин рассердится. Ну конечно, кому охота связываться с тем, у кого такая сабля!

— Чувак, за кого ты меня держишь?! — возмутился выдр.

— Не знаю. — Джон-Том отложил в сторону посох и встал. — Наверно, за того, кто ты есть на самом деле.

— Смотри, он сейчас без сабли, — сообщил Мадж. — Но мой тебе совет: приглядывай за его мешком.

— Почему? — Юноша озадаченно нахмурился.

— Эх, приятель, учишь тебя учишь, а ты все такой же лопух. Ты что, не заметил, как он над ним дрожит? А внутри может быть все что угодно, не одна же там бутылка с вонючим маслом.

А ведь верно, подумалось Джон-Тому. Колин ни за что не соглашался расстаться со своим мешком. Он отклонил предложение Дормас, которая любезно вызвалась увеличить нагрузку на собственную спину, и заявил, что понесет ношу сам, хотя все еще время от времени кашлял. Чем дольше размышлял Джон-Том над поведением коалы, тем все более загадочным оно ему рисовалось. Юноша тряхнул головой, отгоняя назойливые мысли.

— Ты делаешь успехи, Мадж. Еще чуть-чуть, и я стану шизофреником вроде тебя.

— Знаешь, приятель, все бы были такими шизофрениками! Ваще, я уверен, что вы с ним поладите. Ты ж учился на адвоката, верно? Ну вот, а меня он просто пошлет куда подальше, и вся недолга. Да, мой тебе совет — не обвиняй его и не задирай. Так, перекинься парой словечек. Ежели что, помни: я сзади.

— Благодарю, — хмыкнул Джон-Том.

— Не стоит, приятель. Разве мы не друзья?

Юноша направился туда, где сидел ни о чем не подозревающий коала. Мадж, шагающий по пятам за Джон-Томом, понюхал траву, а затем попытался, замаскировав, как мог, свои намерения, обойти медведя со спины. Но столь опытного воина, каким, по всей видимости, являлся Колин, на мякине было не провести. Он поставил на землю кружку, чтобы освободить обе лапы, и, судя по всему, даже не взглянув на Маджа, прекрасно сознавал, что именно затеял выдр. Между тем Дормас что-то рассказывала, а Сорбл внимательно слушал. Филин устроился на одной из нижних веток дерева; он переминался с лапы на лапу. Эту привычку Сорбл позаимствовал у своего друга-журавля. Лошачиха погляделa на подошедшего Джон-Тома.

— Мы говорили о краях к востоку отсюда, — сообщила

она. — Колин утверждает, что за горами лежит равнина, которую надо пересечь, чтобы попасть к нему домой.

— Далеко забрался, — пробормотал Мадж, притворяясь, будто разглядывает шишку.

— Да, — подтвердил Колин, — вам идти было ближе.

— Не сочти за обиду, — начал Джон-Том, потирая подбородок, — но с нашей стороны было бы не вполне естественно не поинтересоваться, что погнало тебя в путь. Ведь здешние края не располагают к прогулкам; к тому же ты путешествуешь в одиночку...

— Я люблю путешествовать, — отозвался Колин. — А поскольку сородичи не разделяют моих чувств, приходится странствовать одному.

— Понятно.

Мадж кинул на Джон-Тома вопросительный взгляд, а потом, видя, что юноша как будто не собирается продолжать разговор, воскликнул:

— Ну же, парень! Валяй дальше!

— Дальше куда, Мадж?

— Значит, любишь путешествовать, да? — справился выдр, становясь перед коалой, и сплюнул на землю. — И как впечатленьице от тутошнего захолустья? Понравилось тебе у лесовиков? И ваще, выходит, ты забрел сюда по чистой случайности?

— Конечно. Какие у меня могут быть дела в этом, как ты выразился, захолустье?

— То-то и оно. — Пальцы Маджа легли на рукоятку ножа. — Выкладывай, приятель. Неужели ты думаешь, что мы раззявим рты и скушаем твою байку насчет любви к путешествиям?

— А разве вы сами не путешествуете? Что-то я не заметил у вас никакого другого снаряжения, кроме походного.

— Када это ты успел чегой-то там заметить?

— Я всегда замечаю такие вещи, — усмехнулся коала.

— Да ну? Любопытный ты, однако, ничего не скажешь. А знаешь, что случается с теми, кто сует нос не в свое дело?

— Не горячись, друг, — произнес Колин ровным голосом. Он посмотрел на Маджа, потом перевел взгляд на Джон-Тома и Дормас. — Хорошо, я расскажу вам. Только вы вряд ли мне поверите.

— Там поглядим, — бросил Мадж, оскалив зубы в волчьей ухмылке.

— Все началось несколько месяцев назад, — начал коала, — настолько давно, что я даже запамятовал, когда именно. Я был сильно занят, причем своей истинной деятельностью...

— Истинной? — переспросил Джон-Том.

— Да. У меня две профессии. Первая, — коала пристально поглядел на Маджа, — телохранитель. Так я зарабатываю себе на хлеб. Поэтому со мной лучше не связываться. — Выдр убрал лапу

с рукоятки ножа. — Но истинное мое призвание в другом. Хотите смейтесь, хотите нет, но я гадаю по рунам.

— Что такое? — раздался за спинами собравшихся новый голос, в котором сквозило удивление. Все повернули головы влево. Клотагорб вышел из транса, вынырнул из панциря и теперь потягивался и зевал. Вот он поднялся и направился к товарищам, усиленно моргая на ходу. — Кто тут гадает по рунам?

— Я, — ответил Колин и потянулся за своим мешком. Джон-Том и Мадж замерли в ожидании, но коала достал всего-навсего маленький узелок, завязанный у горлышка веревкой. Узелок был расшит серебряной нитью; вышивка представляла собой сочетание весьма замысловатых узоров, которые, по-видимому, являлись колдовскими символами. — Здесь у меня подручные средства.

— Теперь понятно, почему ты стал телохранителем, — пробурчал Мадж. — Небось, ошибся пару раз в своих предсказаниях, и тебя отколотили как шарлатана?

— Да, — произнес коала с легким раздражением в голосе, — шарлатанов гораздо больше, чем настоящих гадателей. Но я не шарлатан. Раскидывать руны способен всякий, важно уметь их читать. Я практиковался много лет, пробовал снова и снова. Меня учил Солис Длинный Хвост.

— Я слышал о нем, — заметил Клотагорб. — По-моему, он умер.

— Да, десять лет назад. Руны открыли ему, что он скоро умрет, и тогда мой учитель привел в порядок все свои дела, прибрался в доме, а потом пошел на кладбище и упал прямо в свежевырытую могилу. Никогда не видел ничего подобного. — Колин встряхнул узелок. Послышался глухой стук. — Эти руны принадлежали ему и достались мне по наследству.

— Вот почему ты так осторожно обращался со своим мешком, — сообразил вдруг Джон-Том и удостоился за догадливость утвердительного кивка. — Я впервые в жизни встречаю гадателя. На что ты гадаешь?

— Куда стоит повернуть — налево или направо, будет ли успешным замужество, когда сажать те или иные растения и в каких местах, ну и все такое прочее. — Колин подался вперед. — Однако Солис Длинный Хвост делал то, на что не способен никто другой. Он предсказывал будущее, а я, пока он был жив, старался научиться у него в первую очередь этому.

Мадж расхохотался в лицо — вернее, в морду — коале. Дормас громко фыркнула. Сорбл, самый деликатный из всех, только улыбнулся.

— Я же сказал, вы мне вряд ли поверите. — Казалось, Колин не слишком расстроен тем, что дал повод посмеяться над собой. Очевидно, он привык к насмешкам окружающих.

Джон-Том, едва коала кончил говорить, повернулся к чаро-

дею. Тот, похоже, не собирался присоединяться к общему веселью. Он пристально разглядывал медведя.

— Значит, — осведомился наконец Клотагорб, — тебя привело сюда не что иное, как гадание на рунах?

— Так и есть. Давным-давно я гадал у себя дома для одного крестьянина. Он хотел узнать, где ему копать новый колодец. Я раскидывал руны шесть раз подряд, хотя место определилось сразу, — ведь надо подать себя, показать, как ты отрабатываешь те деньги, которые берешь с клиентов. И вот я бросил руны в седьмой, последний раз. — Колин судорожно сглотнул. — Они сложились в узор, какого до сих пор еще не выпадало. Я объяснил крестьянину, где рыть колодец, и побежал в библиотеку местной Гильдии волшебников. В конце концов мне удалось отыскать тот узор.

— И? — поторопил Джон-Том, крайне заинтригованный.

— Узор означал грядущее и неотвратимое преображение мира. Перемена должна была совершаться постепенно, шаг за шагом. Вдобавок руны предупреждали, что если не помешать этому преображению, в итоге произойдет грандиозная катастрофа.

— Ты случайно не выяснил, какая именно? — спросил Клотагорб.

— К сожалению, нет. Правильно истолковать узор, в который складываются руны, не так-то легко. Насколько я понял, катастрофа каким-то образом связана с размерами солнца.

— Размерами? — взвизгнул Мадж.

— Узор предвещал нарастание перемен, усиление их воздействия и внезапное увеличение размеров солнца. Сдается мне, уж лучше изжариться на костре дикарей, чем дожидаться светопреставления.

— Сверхновая, — пробормотал Джон-Том и посмотрел, прищурясь, сквозь ветки на мирное полуденное солнце, сияющее в чистом небе. — То есть произойдет пертурбация, которая повлияет на гелиевый цикл, и солнце превратится в сверхновую. Интересно, а что тогда станется с моим миром?

— Слушай, приятель, чтой-то я не разберу. Какая такая сверхновая, и каким она боком пристала к нашему солнышку? Ты что, уже поверил этому лопуху с его костяшками? И потом, пускай даже так, при чем тут мы?..

— Вот почему я оказался в здешних краях, — продолжал Колин. — Я хочу предотвратить последнюю перемену. Руны не сказали, что мне надлежит делать, однако указали дорогу к тому месту, где я смогу чего-то добиться. Я иду туда. — Медведь принял молчание спутников за выражение недоверия к его словам. — Я знал, что вы мне не поверите.

— Наоборот, — произнес Клотагорб, — мы верим тебе больше, нежели ты — сам себе. Ибо ответ на твой вопрос совпадает с отве-

том на наш. Мы преследуем ту же цель. Нас привело сюда стремление осуществить то, к чему, как выяснилось, стремишься и ты.

— Вот оно что, — проговорил Колин, оглядывая по очереди своих спасителей. — Руны обещали мне помощь, но я и думать не думал, что их обещание сбудется так скоро.

— Погоди, приятель, погоди, — вмешался Мадж. — Если кто кому и поможет, то не мы тебе, а ты нам.

— Какая разница, Мадж, — осадил выдра Джон-Том. — Ты же слышал: Колин очутился тут по той же причине, что и мы.

— Да, — подтвердил коала. Как ни странно, в его голосе как будто проскальзывало разочарование. — Однако я ошибся в толковании. У меня вышло, что помощь будет состоять в появлении армии из нескольких тысяч воинов. Но если мне суждено проделать остаток пути в компании ходячих диковинок, так тому и быть.

— Кого ты называешь диковинками, гнусная твоя харя? — прорычал Мадж.

— Ну-ка уймись, — велел выдру Клотагорб и вновь повернулся к Колину. — Значит, ты не всегда понимаешь, что говорят руны?

— Боюсь, что нет. Руны несовершенны по самой своей природе, а делать точные предсказания, когда пользуешься несовершенным материалом, невозможно. Полгода назад я потерял впустую два месяца из-за того, что двинулся не в том направлении.

— Ничего страшного, — утешил медведя Джон-Том. — К твоему сведению, я чаропевец. Так вот, пару раз случалось так, что мои чаропения приводили вовсе не к тому результату, которого я добивался. — Юноша кинул предостерегающий взгляд на Маджа, однако, по счастью, мысли выдра были, по всей видимости, заняты чем-то другим, а потому он упустил прекрасную возможность пройтись по поводу магических способностей приятеля.

— Мы поможем друг другу, — изрек Клотагорб. — Я рад приветствовать тебя и надеюсь, что мы найдем общий язык. Я знаю, что является причиной перемен; мне известно также, где приблизительно эта причина находится. Объединив усилия, мы сможем с большей вероятностью рассчитывать на успех.

— Скажи мне, человек, — проговорил Колин, взгляд которого выражал некоторую растерянность, — он не обманывает?

— Клотагорб почти никогда не обманывает. Сейчас он говорит правду.

— Я в жизни не пробовал раскидывать руны, — признался чародей, — и в частности, из-за того, что наслышался о неточности предсказаний. Но вполне может быть, что ты окажешься полезен там, где не достанет тех способностей, коими обладают остальные. Во всяком случае, лишняя крепкая рука в подобном путешествии отнюдь не будет помехой. Мы встретим опасность плечом к плечу.

— Я рад, что теперь мне есть с кем поболтать, — отозвался Колин. — Мы, коалы, по возможности избегаем одиночества. —

Он заколебался. — Знаешь, старик, если я ничего не напутал, времени у нас в обрез. Мы можем не успеть.

— Можем, — согласился Клотагорб, — но отсюда не следует, что мы обязательно не успеем. Когда речь идет о пертурбаторе, надо помнить, что он изменяет не только пространство, но и время. Поэтому достаточно вероятно, что, хотя сроки и поджимают, у нас пока сохраняется известная свобода действий.

— Хорошо, коли так, — буркнул медведь.

— Сильнее всего, — продолжал Клотагорб, устремляя взгляд в сторону величественных, увенчанных снежными шапками горных вершин, — я опасаюсь того, что безумец, который завладел пертурбатором, мало-помалу начинает понимать, как управлять происходящими переменами.

— Тем лучше, — заявил Джон-Том. — Раз так, он, быть может, помешает солнцу превратиться в сверхновую.

— Если захочет.

— Но ведь иначе он погибнет вместе со всем миром! Это...

— Безумие, мой мальчик, чистейшей воды безумие. Но подумай: если ты не в своем уме и вдобавок несчастен, что может быть предпочтительнее, нежели самоубийство космических масштабов? Я страшусь того, что мы можем столкнуться с целенаправленной пертурбацией, то бишь с той, которая будет нацелена точно на нас. Маловероятно, конечно, однако полностью исключать такую возможность я бы не стал.

— Да, ваше превосходительство, утешили, нечего сказать.

— Мадж, ты же сам утверждал, что против правды не попрешь.

— Правда! Куда ни плюнь, всюду эта мерзопакостная правда! Слушай, лопоухий, а чем докажешь, что ты не наврал с три короба?

— Ты назвал меня лжецом? — справился Колин, положив лапу на рукоять сабли. Глаза коалы сузились.

— Да ладно, приятель, брось! Видали мы таких! Ну чего ты ухватился за свою палку? Думаешь, я испугался? — Мадж оглядел товарищей. — Слушайте, ребята, что ж вы уши-то развесили? Он вам заливает, а вы и рады? У него что, на морде написано, что ему можно доверять?

— Мадж, сколько раз... — начал было Джон-Том, однако замолчал, увидев, что Колин поднял лапу.

— Он прав, хотя мог бы быть и полюбезнее. Вам нужны доказательства повесомее, чем слова.

Медведь положил расшитый серебром узелок на землю и опустился на колени. Джон-Том не сводил с коалы глаз, но так и не углядел, каким образом тот ухитрился столь быстро развязать туго затянутую веревку. Колин медленно развернул узелок, и юноша испытал нечто вроде разочарования. Впрочем, он не сумел бы ответить, чего ожидал — граненых драгоценных камней или,

может статься, отливающих неким колдовским светом металлических бляшек. В узелке же, как оказалось, помещались неприглядного вида деревяшки, раскрашенные в разные цвета камешки, выбеленные временем кости и несколько лоскутков материи.

— Что это за рухлядь? — поинтересовался Мадж.

— Разве ты никогда не видел рун? Настоящих рун — не подделок и не игрушек? Между прочим, некоторые из тех, что лежат передо мной, передавались по наследству от гадателя к гадателю. — Колин притронулся пальцем к одной из рун. — Вот ей, например, и еще кое-каким много сотен лет.

— Я чувствую магию. — Клотагорб приблизился к Колину и попросил того перечислить каждую руну по отдельности. Воспользовавшись моментом, Мадж подсел к Джон-Тому.

— Сдается мне, приятель, эта встреча пойдет нам на пользу.

— Разумеется, если Колин сказал правду.

— Да нет, я не о том, — отмахнулся выдр. — Ты тока погляди на его руны! Соображаешь? — Глазки Маджа заблестели от возбуждения. — Када вернусь домой, первым делом раздобуду себе такой же мешочек и наполню его всяким дерьмом, а потом стану ходить по домам и предсказывать будущее. И как я раньше до такого не додумался?!

— Мадж, ты не понимаешь. Колин не обманщик.

— А мне-то что с того, парень? Если уж на то пошло, на чем, по-твоему, стоит мир? Правильно, на обмане. Кто хитрее других, тот и живет припеваючи. И потом, если найдутся олухи, которые будут принимать меня за гадателя, зачем мне их разубеждать? Вот тебе понравилось бы, когда тебя оскорбили в лучших чувствах? То-то, кореш. Тем, кто спрашивает гадателя, все равно, сбудется его предсказание или нет. Они просто хотят, чтоб им сказали, что делать; самим-то, понимаешь, мозгами шевелить лень. И потом, я буду гадать тока про то, в чем разбираюсь — ну, насчет бабок и баб.

— Скажи на милость, Мадж, чем ты будешь заниматься, когда состаришься? Хотя мне что-то сомнительно, чтобы ты дожил до преклонных лет.

— Приятель, — отозвался выдр, поднимая правую лапу, будто собирался принести клятву, — ты меня тада не узнаешь. Я часто воображал себе, как хожу по своей хибарке, весь такой сгорбленный, облезлый, с поседевшими усами... Наверно, я буду тока думать про бабки и баб, на другое меня уже на хватит.

— Свежо предание, — усмехнулся Джон-Том и жестом призвал выдра к молчанию. Колин закончил разговор с Клотагорбом и повернулся к прочим путешественникам.

— Тише, пожалуйста.

— Тоже мне, командир выискался, — прошептал Мадж. Джон-Том погрозил ему кулаком.

Колин зажмурился и принялся бормотать что-то себе под

нос. Внезапно подул ветер, хотя всего лишь мгновение назад на него не было и намека. Он прилетел с востока, засвистел меж веток дерева, растрепал гриву Дормас и длинные волосы Джон-Тома. Время от времени он менял направление, точно сбился с пути и не имел теперь понятия, в какую сторону лететь. Колин, который продолжал нараспев бормотать, подобрал камешки, деревяшки и остальные принадлежности своего ремесла. Джон-Том впервые заметил, какие на лапах коалы когти. Клотагорб глядел на медведя и размеренно кивал головой, то ли подбадривая Колина, то ли узнавая текст заклинания. К огорчению юноши, в воздухе не появлялось ни единой искорки света. То была иная магия, древняя и безыскусная, чуждая Джон-Тому в той же мере, как и экономическая политика республиканцев. Если верить Колину, его волшебство состояло наполовину из простого везения.

Шерсть на загривке коалы встала дыбом. Мех на ушах задрожал, будто по ним пропустили электрический ток. Колин завершил заклинание и разжал лапы. Насколько мог судить Джон-Том, профессия гадателя не требовала никакого особого умения. Бросил руны, вернее, уронил, а там хоть трава не расти. Камешки и деревяшки немного попрыгали, а затем улеглись на подстилку, которой служил развернутый узелок. Джон-Том разглядел на коже некий узор, нанесенный, по всей видимости, острым ножом или шилом. Колин глубоко вздохнул, открыл глаза и наклонился вперед. Он внимательно рассматривал руны, буквально не сводил с них глаз и даже не моргал. Его сосредоточенность производила несколько устрашающее впечатление. Мадж — и тот, похоже, проникся значительностью происходящего. Колин снова испустил вздох, затем еще и еще, пересел с колен на корточки и провел лапами по обтянутым кожей бедрам.

— Что ты пытался выяснить? — спросила Дормас.

— Так, ничего конкретного. Руны зачастую предпочитают не отвечать с первого раза, а если и отвечают, им, как правило, не следует верить. Например, как сейчас.

— Почему? — удивился Джон-Том. — Что они говорят?

Во взгляде коалы промелькнуло неожиданное сожаление. Медведь посмотрел на стоявшего рядом с Джон-Томом выдра и произнес:

— Мой добрый друг Мадж, если руны не обманывают, жить тебе осталось меньше полминуты.

Глава 9

Воцарилась мертвая тишина. Мадж оторопело воззрился на Колина. Нижняя челюсть у него отвисла. Наконец выдр улыбнулся, однако улыбка получилась кривоватой, похожей скорее на гримасу боли.

— Ах ты, паршивый ублюдок, пугать меня вздумал? — выдохнул Мадж. — Я знаю, ты нарочно, чтоб мы от тебя отвязались. Ну так вот, не на таких нарвался, понял? Я тебе не верю вот ни на столечко! — Он сплюнул и чуть было не попал на рассыпанные на коже руны, после чего оглянулся на товарищей и попятился от исполненного, казалось, печали Колина.

— Мне жаль, что так вышло, — сказал коала. — Знаешь, никогда нельзя предугадать, что скажут руны.

— Скажут? Эта куча дерьма не способна произнести ни единого словечка! Верно, Джон-Том? Ну, ты че, воды в рот набрал? Верно, ваше чудомудрие? Дерьмо, да и только!

— Отчего он погибнет? — спросил Клотагорб у Колина, не спуская глаз с Маджа, который продолжал пятиться от медведя.

— Не знаю, старик, — ответил коала.

— Дерьмо! — вопил Мадж. — Дерьмо! Сплошное вранье! — Выдр озирался по сторонам, будто ожидал, что на него вот-вот нападут. — Брехня! Чушь собачья! Я враз понял, что он шарлатан! А вы, растяпы, пялились на него, будто он с неба свалился! Тоже мне предсказатель! Ты, приятель, конечно, умен. — Мадж повернулся к Колину. — Но тебе не одурачить старину Маджа! Никто не может предвидеть будущее! Никто! А ежели и может, то не так, как ты! Что ты мог разглядеть в своей куче дерьма? — Он постучал себя кулаком по груди. — Я жив и здоров, вокруг меня мои друзья, и с ними я не боюсь ничего на свете! Ничто не...

Хвастливый монолог выдра был прерван громким треском. Джон-Том инстинктивно шарахнулся назад; Дормас последовала его примеру. Клотагорб и Колин не шелохнулись. Что касается Сорбла, то филина выручили зоркие глаза; как ни странно, острота его зрения если и притупилась вследствие ежедневного прикладывания к бутылке, то не намного.

— Осторожнее! — крикнул он.

Мадж резко обернулся. Мало кто способен потягаться с выдрой в ловкости и быстроте движений. Однако на сей раз Маджа не спасло ни то, ни другое. Почти с макушки ели, до которой он незаметно для себя допятился, свалился огромный гнилой сук. Огрев Маджа по затылку, ветка рухнула наземь. Удар был настолько силен, что по лесу раскатилось эхо; во все стороны полетели щепки и сухие иголки. Путники бросились к выдру; один только Клотагорб остался стоять, где стоял. Он с любопытством разглядывал руны.

— Очень интересно, — пробормотал волшебник. — Я было согласился с водяной крысой. Сколько мне попадалось всяких ведьм, колдунов, кудесников, заклинателей и так называемых прозорливцев, но этот Колин и впрямь умеет предсказывать будущее.

— Порядок! — радостно воскликнул Джон-Том, который опустился на колени рядом с распростертым на земле телом

выдра. Шляпа Маджа при ударе отлетела в сторону; мех на затылке был красным от крови. Однако Мадж дышал, хотя и был без сознания. — Сорбл, ты молодец, что предупредил нас!

Филин кивнул и прижался ухом к груди выдра. Когда он поднял голову, все увидели, что Сорбл улыбается.

— Он не мертвее моего. Так или иначе, сердце у него колотится, как у девственника после четырехдневной оргии!

— Ну-ка, пустите меня.

Колин подхватил Маджа на руки и, выказывая недюжинную силу, перетащил туда, где все сидели перед падением злополучной ветки. Джон-Том порылся в аптечке и извлек бутылку, заполненную золотистой жидкостью.

— По правде сказать, — заметил Сорбл и причмокнул клювом, — ты бы мог отыскать что-нибудь попроще.

— Сорбл! Тебе не стыдно?

— Я разумею, ведь он все равно жив. Чего зря переводить добро?

Ну и компания подобралась, вздохнул про себя юноша. Он наклонился над неподвижным выдром и влил несколько капель крепкого напитка прямо в разинутую пасть. Мадж закашлялся, его тело выгнулось дугой; вдруг он уселся и обрушился на Джон-Тома, который имел несчастье первым попасться ему на глаза:

— Приятель, ты че, очумел? Или решил утопить меня? — Выдр осторожно прикоснулся к собственному затылку. — Слушайте, у меня такое чувство, будто мне на башку уронили здоровенное дерево!

— Так оно, в общем, и было, — отозвался Джон-Том. Сук, задевший по касательной Маджа, был и впрямь настолько огромен, что вполне мог сойти за ствол молодого деревца.

— Считай, что тебе повезло, друг, — заметил Колин, осмотрев голову выдра. — Я рад, что ошибся. Теперь ты убедился сам, каково это — толковать руны.

— Дай мне тока добраться до тебя, я воткну твои поганые руны тебе в задницу! — взревел Мадж и потянулся было за ножом, но боль в затылке вынудила его отказаться от своего намерения. Он снова притронулся лапой к голове, а когда отнял ее, оказалось, что мех между пальцами приобрел розоватый оттенок. — Ну че вы расселись! Дожидаетесь, пока я истеку кровью?

— Хватит ныть! — прикрикнула Дормас. — Джон-Том, на дне аптечки должен быть бинт. — Юноша кивнул, порылся в мешке, достал бинт и принялся обматывать голову Маджа.

— Ай! Осторожней, приятель! Я тебе не чурбан все-таки!

— Извини, Мадж, но иначе не получается.

— Рассказывай! — буркнул выдр и смерил Колина свирепым взглядом. — Можешь быть доволен, начальник. Не то чтобы я тебе поверил, но ты, по крайней мере, заработал очко в свою пользу.

— Если бы не руны, от тебя осталось бы мокрое место. — Колин презрительно фыркнул. — Мог бы и поблагодарить.

— Интересно, за что? Раз уж ты такой умный, почему не предупредил насчет ветки? А может, ты сам все подстроил?

— Друг, не пытайся задирать меня. Я не стану связываться с тем, кто, похоже, повредился в уме. Что касается твоего вопроса, откуда мне было знать, что ты встанешь под ту ель?

— Пошевели мозгами, Мадж, — посоветовал Джон-Том.

— Ежели ты не против, приятель, чуток погодя. Боюсь, как бы они у меня не сплющились в лепешку.

— Кончай причитать, водяная крыса, — отрезала лошачиха. — Надоело слушать твое нытье. Лично мне Колин нравится. Мы должны радоваться тому, что он с нами.

— Говори за себя, милашка.

— Мадж, подумай, — убеждал Джон-Том, разрывая конец бинта надвое и завязывая узел на лбу выдра. — Если бы Колин хотел убить тебя, он бы засмеялся, когда ты получил веткой по затылку. А на деле он вместе с нами поспешил тебе на помощь.

— Все вы, адвокаты, одним миром мазаны! Вечно твердите о своей вонючей логике! Отстань, парень, я сыт по горло, о-о-о!

— Дай отдохнуть языку. Глядишь, и голова станет болеть поменьше, — сказал юноша. — Все, готов. А я-то думал, эта ветка вбила в тебя хоть крупицу разума. Но тут, верно, не обойтись без целого дерева — скажем, секвойи.

— О чем ты, мой мальчик? — спросил Клотагорб.

— Так называются очень высокие деревья, которые растут в моем мире. Я уверен, вам не доводилось видеть таких громадин...

— Не знаю, не знаю. В молодости, путешествуя по южным землям, я...

— Слушайте, — перебил Мадж, — ваше чудодейство, нельзя ли обождать с воспоминаниями? У меня чайник вот-вот отвалится, а они...

— Не думаю, что нам следует опасаться за целость твоего черепа, в отличие от его, если позволительно так выразиться, содержимого. — Волшебник благосклонно поглядел на раненого. — Мы не раз имели возможность убедиться, что череп — самая крепкая часть твоего тела и обладает вдобавок плотностью свинца.

— Давайте, давайте, — пробурчал Мадж. — Я тут лежу, можно сказать, умираю, а мне не тока не сочувствуют, а еще и оскорбляют.

— Мадж, ты и в самом деле мог погибнуть, — проговорил Джон-Том. — Ты что, недоволен, что Колин слегка ошибся в своем предсказании?

— Кореш, вы с ним два сапога пара. Значица, мне повезло? Знаешь, при таком везении я рано или поздно перережу себе глотку.

— Пожалуй, я был не прав, — сказал Колин, собирая руны. — Мне не стоило гадать. А если уж нагадал, надо было промолчать.

— Ничего подобного, — возразил Джон-Том. — Кстати, не обижайся, но мы все относились к тебе с опаской.

— Не думал, что настанет день, когда коале не поверят на слово, — вздохнул Колин, завязывая узелок и затягивая веревку.

— Когда на карту поставлена судьба части космоса, — изрек Клотагорб, — осмотрительность просто необходима.

— Вы о себе? А как же я? Где у меня доказательства, что вы — те, за кого себя выдаете?

— Я прогнал дикарей, — гордо сообщил Джон-Том.

— И где же там была магия? Я слышал ужасные звуки, от которых хотелось броситься в костер и сгореть заживо.

Мадж, видимо, вполне оправился. По крайней мере, у него достало сил рассмеяться.

— Только не нужно преувеличивать. Я, конечно, не король рок-н-ролла, однако...

— Что-то я не припоминаю такой страны, — нахмурился Клотагорб. — Где она находится?

— Отсюда не видно, — бросил раздраженный Джон-Том. — Послушайте, мы торопимся или нет?

— Разумеется, мой мальчик. Нам давно пора в путь.

— Ну да, — буркнул Мадж. — Чем скорее мы доберемся до места, тем быстрее отправимся на тот свет! Нечего сказать, шикарная подобралась компания! Чародей, который более-менее знает, где засел враг. Предсказатель будущего, который более-менее знает, что должно произойти. И не забудем чаропевца, который более-менее может защитить нас от любой опасности. И каково, по-вашему, бедолаге вроде меня? Что ему остается, как не надеяться на благополучный исход этой бредовой затеи?

— Верно, Мадж, — одобрил Джон-Том. — Между прочим, ты и не подозреваешь, сколько от тебя помощи. Стоит нам подзабыть об осторожности, как ты тут как тут со своим неувядающим пессимизмом.

— Не говори, приятель. За вами нужен глаз да глаз. — Мадж огляделся по сторонам. — Эй, где моя шляпа?

— Сейчас принесу, — откликнулся Сорбл. Филин подлетел к злосчастной елке, покружил возле нее и вернулся с чем-то зеленым и бесформенным в клюве. Он вручил это нечто Маджу. — По-моему, она угодила под ветку. Но лучше она, чем ты, правильно?

— Бедная моя шляпа! — вздохнул выдр, пытаясь выдернуть из расплющенного фетра не менее расплющенное перо. — Знаете, чье это было перышко? Кетсаля[1], у которого к тому же был тогда брачный сезон! А известно вам, сколько стоит одна такая штучка?

---

[1] Кетсаль — птица отряда трогонов; считалась священной у древних майя и ацтеков (*прим. перев.*).

— И как он его вообще продал? — пробормотал Клотагорб.

— Как-как, — хмыкнул Мадж, — продал, и все дела. Говорят, будто тот, кто носит такое перо, становится сильным, как жеребец. Правда, я не очень-то верю во все эти россказни.

— Тогда чего же ты хнычешь? — справился Джон-Том.

— Кто, я? Разве я хнычу? Парень, я всего лишь чуток расстроен. Понимаешь, опять-таки говорят, что здоровье того, кто носит перо, зависит от состояния пера.

— Ах вот оно что! Но не переживай, все равно поблизости нет ни одной дамы, за которой ты мог бы приволокнуться.

— И шут с ними, кореш. — Мадж наконец выдернул перышко и уронил его на землю. — Можа, оно и к лучшему. Теперь я уж точно не буду отвлекаться по дороге. Между нами, я бы и рад отвлечься, да не на кого.

— Вот и славно. — Джон-Том ухватил свой рюкзак. — Ну, двинулись! Идем, Мадж. Мадж, пошли!

Однако выдр словно не слышал. Он настороженно принюхивался.

— Я тоже чую, — проговорила Дормас, запрокидывая морду, чтобы задрать как можно выше ноздри.

— Что? — спросил Джон-Том.

— Где-то, приятель, чтой-то горит.

— Я пока ничего не чувствую, — произнес Клотагорб, — но воздух стал гораздо теплее. Боюсь, это не ранняя весна, а кое-что похуже. Сорбл, посмотри-ка.

— Хорошо, хозяин.

Филин раскинул крылья и взмыл в воздух, быстро набирая высоту. Остальные, будучи существами земными — в крайнем случае, земноводными, — внимательно наблюдали за Сорблом.

— Теперь и я чувствую, — пробормотал Джон-Том. — Что-то в этом запахе не то, но вот что именно?..

— Может, Сорбл нам скажет? — предположила Дормас. Ученик чародея тем временем камнем падал к земле. В последний миг, когда катастрофа казалась неизбежной, он распростер крылья и аккуратно сел на спину лошачихи. Вид у него был не просто обеспокоенный, а как у приговоренного к смерти.

— Мы в ловушке! — воскликнул филин тоненьким голоском. — Все кончено! Мы пропали!

— Сорбл, — ответствовал Клотагорб, — ты, как видно, забыл присказку: «Где наша не пропадала»? Мы многажды выходили сухими из воды в прошлом и, я полагаю, не изменим себе в будущем. Выкладывай, что ты видел.

— Ог-гонь, — выдавил Сорбл.

— Отлично. Огонь. В каком направлении он движется?

— Во всех, хозяин. Честное слово!

Нет, подумалось Джон-Тому, что-то тут и впрямь не так. Обыкновенный лесной пожар не мог напугать Сорбла до такой

степени. В конце концов, он ведь птица, то есть может в любой момент улететь...

— Что горит? — справился юноша. — Лес?

— Лес, земля, даже воздух, — отозвался Сорбл. — Весь мир в огне.

— Ты говоришь ерунду, фамулус, — произнес Клотагорб, — и уже не в первый раз.

— Хозяин, ей-же-ей, горит все кругом!

Джон-Том приподнялся на цыпочки, медленно повернулся вокруг собственной оси, окидывая взглядом горизонт. Температура продолжала возрастать, однако нигде не было видно ни дымка, что само по себе представлялось весьма странным: даже если Сорбл преувеличил и горела всего-навсего одна роща, в небе все равно должен был клубиться дым. Но с какой стати филину преувеличивать?

— Кое-кто вообразил себе невесть что, — проронила Дормас. — Если мир и вправду горит, где же дым?

— Пертурбация. — Клотагорб принялся рыться в ящичках у себя на груди, разыскивая необходимый фиал. Волшебник был уверен, что положил тот в ящичек рядом с левой подмышкой или ниже, на уровне колена. — Я полагаю, она приближается с юга. Те пертурбации, которые охватывают весь мир, обычно начинаются вдали от самого пертурбатора.

— Выходит, мы сгорим заживо. — Мадж тяжело опустился на землю. — Удовольствие, приятель, еще то.

— Вижу! — воскликнул Джон-Том, указывая пальцем на юго-запад. Все как по команде повернулись в ту сторону.

Над макушками деревьев показалась стена пламени, которое буквально пожирало все на своем пути. В огненной стене не было прорех, сквозь которые пролегали бы тропинки на свободу. Не приходилось рассчитывать даже на везение. В небе поверх надвигающейся стены сновали огненные шары. Путешественники отчетливо различали рев пламени, этакий траурный марш — отходную гибнущему на глазах миру. Что касается дыма, его по-прежнему не наблюдалось.

— Далеко, — выдохнул Джон-Том, вытирая пот со лба.

Некоторое время спустя пламя приблизилось настолько, что стало видно: горят не только деревья и трава, но и камни — от крохотной гальки до громадных валунов. Зачарованный ужасным зрелищем, Джон-Том все же смутно сознавал, что Клотагорб, стоявший чуть позади, воздел лапы к небу и бормочет какую-то тарабарщину на очередном древнем языке. Пламя наступало с ошеломляющей быстротой. Было жарко, но не настолько, чтобы на ком-либо вспыхнула вдруг одежда; никто из путников не превратился пока — и как будто не собирался превращаться — в живой факел. Да, подумал Джон-Том, огонь явно не настоящий. Сорбл был прав. Внезапно стена пламени разошлась, словно ее

рассекли топором, обогнула маленький отряд с двух сторон и снова сомкнулась. Воздух оставался пригодным для дыхания, однако повсюду, куда ни посмотри, был испепеляющий огонь.

— Световое шоу, — хмыкнул Джон-Том. Лицо, да и все тело юноши было мокрым от пота. Он попытался представить, будто лежит на пляже в Редондо и наслаждается знойным ветром из пустыни Мохаве. — Что будем делать?

— Подумать только: не так давно мне было холодно, — проговорил Колин, выказывая знаменитое чувство юмора, которое испокон веку приписывали коалам. Медведь обнажил саблю и крепко стиснул ее обеими лапами, переплетя вдобавок когти, чтобы ухватиться понадежней. К сожалению, враг был не из тех, кого колют или рубят. Должно быть, осознав это, Колин сунул саблю обратно в ножны.

— Дороги нет ни вперед, ни назад, — пробормотала Дормас, которая, как и следовало ожидать от представителя семейства лошадей, нервничала сильнее всех. — Эй, волшебник!

— Я сделал все, что мог, — отозвался Клотагорб. — Нам не остается ничего другого, как терпеливо дожидаться окончания пертурбации и надеяться, что она не затянется слишком уж надолго. Мне бы, откровенно говоря, не хотелось прибегать к силе. Даже естественные пожары не так-то просто поддаются заклинаниям, а сие пожарище можно назвать каким угодно, только не естественным. Вся проблема в том, что очень трудно уговорить пламя подождать, пока ты наведешь чары.

— Что произойдет, когда все кончится? — спросила Дормас.

— Мир станет точно таким, каким был до пертурбации, если, конечно, не случится того, что стряслось в Оспенспри.

— То есть все, что сгорело — деревья, камни, — станет самим собой?

— Совершенно верно, — кивнул Клотагорб. — Не забывайте, пертурбатор может искажать любые законы природы. Не пытайтесь обнаружить в его фокусах логику, иначе сойдете с ума. Пертурбатор следует принимать таким, каков он есть.

— Возможно, вы, сэр, и не готовы сразиться с ним, — заявил Джон-Том, — но я больше не могу терпеть. — Юноша снял с плеча дуару и повернулся к Колину. — Ты хотел доказательств? Смотри, что сейчас будет.

— Мой мальчик, стоит ли рисковать? — осведомился Клотагорб. — Одно-единственное неверное слово, одна неправильная нота — и ты уничтожишь мое охранительное заклинание. В результате мы можем оказаться захваченными пертурбацией, а когда она сойдет на нет, нам, боюсь, будет уже все равно.

— Одно или другое, — проговорил Джон-Том, кивая на солнце, — какая разница? Что так погибать, что этак. Сидя здесь, мы ни на пядь не приближаемся к пертурбатору. Тот, кто медлит,

проигрывает. — Он тронул струны инструмента. Раздались звучные аккорды, ясно различимые среди рева пламени.

— А кто поет, да не то, по тому палка плачет, — предостерег Мадж.

— Твори свою магию, человек, — изрек Колин. — Я не из пугливых.

— Посмотрел бы, на что способен мой бестолковый приятель, небось заговорил бы иначе, — пробурчал Мадж, предусмотрительно отступая подальше от своего друга.

Джон-Том призадумался. В его репертуаре имелось достаточно песен об огне. Вся трудность заключалась в том, что большинство из них — такие, как старая добрая «Пламя, ты меня жжешь» или «Иди сюда, детка, зажги мой огонь», — относились к зажигательным, а не к противопожарным. Размышления отняли несколько минут, а потом юноша заиграл и начал петь. Аккорды дуары оказали немедленное воздействие на огненную стену вокруг. Языки пламени, большие и малые, принялись взмывать и опадать в такт музыке. Однако они, по-видимому, вовсе и не думали исчезать окончательно. Во всяком случае, когда Джон-Том допел последний куплет, выяснилось, что огонь по-прежнему окружает путешественников со всех сторон. Мало того, в одном месте пламя как будто придвинулось ближе. Ну вот, подумалось юноше, что хотел, то и получил. Он не только не сумел утихомирить пертурбацию, но уничтожил-таки охранительные чары Клотагорба, то есть совершил точь-в-точь то, чего опасался волшебник. Юноша широко раскинул руки и приготовился обнять грозно ревущее пламя.

— Не валяй дурака, — пропищал крохотный красно-оранжевый язычок пламени, останавливаясь в каком-нибудь ярде от Джон-Тома.

— Присоединяйтесь к нам, — пригласил другой, держащийся чуть правее.

— Это тоже пертурбация, сэр? — справился Джон-Том, искоса поглядев на Клотагорба.

— Разумеется, мой мальчик, и, надо признать, весьма неожиданная. — Чародей пристально смотрел на танцующие язычки. — Можно подумать, что пожар выпустил на волю стихийных духов, обитателей земли и леса, отдельных деревьев и камней. Будь осторожен, не поддавайся на их призывы. Мне кажется, что если они просят составить им компанию, значит, заставить нас у них не получается.

— Не беспокойтесь, сэр. — Джон-Том с облегчением опустил руки. — Меня с детства приучили не баловаться с огнем.

— Идите, идите к нам! Мы будем играть и жечь! Снимайте свою одежду, она вам только мешает! Бегите перед ветром, пожирайте вместе с нами мир! И не вздумайте нас гнать — мы вернемся к вам опять! Присоединяйтесь!

— Нет уж, спасибо, — отозвался Джон-Том. — Соблазняйте других, а нас — бесполезно.

— Тогда спой нам песню! Такую, чтобы обжигала, опаляла, испепеляла!

— И что тогда? — спросил юноша, затаив дыхание. Спутники Джон-Тома напряженно прислушивались к разговору.

— Если она нам понравится, мы оставим вас в покое. Спой нам, и мы перестанем к вам приставать.

Джон-Тома подмывало предложить язычкам пламени показать, на что они способны, — ведь Клотагорб утверждал, что пока он сам того не захочет, огонь его не коснется, — однако юноша вовремя сообразил, что шутить шутки с лесным пожаром, вызванным к тому же неестественными причинами, довольно рискованно. Куда проще спеть все песни об огне, какие он только знает. Если на свете и впрямь существует наделенное разумом пламя, с ним лучше не ссориться. Придя к такому выводу, Джон-Том запел — громко, энергично, однако стараясь не слишком усердствовать, чтобы новоявленные поклонники его таланта, не ровен час, не перевозбудились. Он начал с «Небес в огне», знаменитого хита группы «Кисс», и закончил чуть не половиной песен из альбома «Пиромания» группы «Деф Леппард». Язычки пламени, судя по всему, оценили старания юноши: они подпрыгивали, вертелись волчком, распадались на мириады искорок, воспаряли под самые небеса. Тем временем жар сделался поистине удушающим. Джон-Том, представься ему подобная возможность, наверняка бы разделся, но не осмеливался ни отложить в сторону дуару, ни отвести взгляд от огнеликих любителей музыки. Те, похоже, были просто счастливы, однако их настроение могло в любой момент измениться. Джон-Том со страхом думал о том, что случится, когда у него иссякнет запас песен; вдобавок он осознал, что язык уже еле ворочается во рту, а в горле пересохло.

— Я устал, — проговорил юноша. — Может, передохнем?

— Нет, нет, играй, играй! — Из огненной стены выплеснулся вдруг крохотный язычок пламени, который словно лизнул руку Джон-Тома, опалив при этом волосы на тыльной стороне ладони. Юноша отпрянул и поспешно заиграл новую композицию. Очевидно, заклинание Клотагорба потихоньку ослабевало, из чего следовало, что спасение напрямую зависит от того, как долго он сможет играть и петь. Джон-Том мало-помалу стал отчаиваться в успехе своего импровизированного концерта, и тут пламя исчезло! Внезапно, без малейшего предупреждения, пертурбация завершилась. Деревья вновь обернулись деревьями, камни — камнями, а путники обнаружили, что стоят на полянке посреди хвойного леса.

— Сорбл, поднимись и посмотри, виден ли где-нибудь огонь.

Филин послушно взмыл в воздух. Ему не понадобилось много времени, чтобы установить положение дел.

— Все в порядке, хозяин. Мир такой, каким был до пожара. Мы возвратились в действительность. Ничто не горит, кроме... — Сорбл указал крылом влево от себя.

Джон-Том выкидывал замысловатые коленца, словно исполняя некий невразумительный танец, и старался избавиться от дуары, отливающей цветом раскаленного добела металла. Наконец юноше удалось швырнуть инструмент на землю. Как ни странно, тот все же не загорелся, а какое-то время спустя остыл настолько, что стало возможным снова взять его в руки. Джон-Том оглядел дуару, пощупал еще теплые струны и произнес:

— Похоже, обошлось.

— Шикарный у тебя был видок, кореш, — заметил Мадж. — Знаешь, я видел загнанных лошадей, сам загонял до полусмерти разных там дамочек, но чтобы учинить такое с музыкальным инструментом... Да ты герой, приятель, тебе памятник ставить надо!

— Я всего-навсего слегка перебрал с песнями об огне. — Юноша погладил дуару и повернулся к чародею. — Сэр, помните, вы рассуждали о пертурбациях, которые могут быть нацелены точно на нас? Это как раз такой случай?

— Трудно сказать, — отозвался Клотагорб. — Я не ощутил в пламени какой-либо особой злости, что, впрочем, ничего не доказывает, за исключением, может быть, того, что с возрастом я теряю остроту восприятия. Тем не менее одно можно утверждать с полным основанием: вне зависимости от того, являлась эта пертурбация целенаправленной или нет, она была гораздо серьезнее предыдущих. По мере того как нарастает, если можно так выразиться, возбуждение пертурбатора, вносимые им в структуру мироздания искажения становятся, очевидно, все более радикальными. Я предлагаю организовать ночные дежурства, чтобы очередная пертурбация не застала нас врасплох.

— Я могу дежурить первым, — вызвался Колин. — Мне нравится ночь.

— А я вторым, — поторопился вставить Мадж. — По мне, так лучше пораньше с утра, чем попозже вечером.

— Значит, мне достается кладбищенская смена[1], — вздохнул Джон-Том. — Дормас, я разбужу тебя, когда подойдет пора меняться.

— Не забудьте про меня, — напомнил Сорбл. Судя по виду филина, эти слова дались ему нелегко: ведь храбрость отнюдь не принадлежала к основополагающим чертам его характера. — Я могу

---

[1] Кладбищенская смена (*амер.*) — жаргонное название времени суток от полуночи и далее (*прим.* перев.).

дежурить дольше всех, ибо ночь для меня — то же самое, что для вас день.

— Надо сказать Дормас, чтобы глаз не спускала с бочонка с вином, — прошептал Мадж на ухо Джон-Тому. — А как насчет вас, ваша расфуфыренность?

— Я величайший волшебник на свете, — высокомерно проронил Клотагорб, — не говоря уж о том, что никто из вас по интеллекту мне и в подметки не годится. Разумеется, я не могу отвлекаться на всякие пустяки.

— Я так и думал.

— Придержи язык, водяная крыса. Если тебе не терпится возглавить нашу экспедицию, я...

— Не стоит, ваше чудомудрие, — ухмыльнулся выдр. — Разве я похож на идиота?

— Если ты и впрямь не глуп, как пробка, — заявил чародей, — то должен понимать, что в триста лет спать нужно как можно дольше.

Утро следующего дня выдалось холодным и ясным. Колин зевнул, потянулся и окликнул товарищей, которые все еще нежились под одеялами и в спальных мешках:

— Эй, вставайте! Я развожу костер.

— Посмотрим, как у тебя получится, когда тебе сунут в зубы факел!

— Что? — Коала резко обернулся. Единственным, кроме него самого, поднявшимся в столь ранний час был Мадж. Выдр стоял на краю полянки и разглядывал лес. Колин произнес с угрозой в голосе: — На первый раз прощаю, но только попробуй повторить!

— Чего? — озадаченно переспросил Мадж.

— Ничего. — Колин наклонился над заготовленной с вечера кучей хвороста и принялся складывать ветки на остывшем кострище.

— Ничего так ничего, — пожал плечами Мадж. — Набрать чегой-нибудь к завтраку? Ну там, ягод или орехов?

— Неважно, — последовал быстрый ответ. — Главное — мотай отсюда, а не то огребешь на орехи и ходить никуда не придется.

— Слушай, ты, — так и взвился выдр, — заткни свою поганую пасть!

Колин поначалу как будто не расслышал, однако, повернувшись, увидел, что Мадж в упор глядит на него. Коала прищурился, оторвался от своего занятия и спросил:

— Ты что-то сказал?

— Сказал, сказал, лопоухий. Ну-ка, признавайся, о чем ты толковал?

— Когда? — удивился Колин.

— Эй, вы, задиры, — проговорила Дормас, высовывая голову

из-под одеяла, — если вам невтерпеж, идите в лес и орите там в свое удовольствие. Не мешайте спать!

— Смотри не проспи все на свете, мешок с костями!

Сна у Дормас как не бывало. Лошачиха вскочила и огляделась по сторонам.

— Кто это сказал? Ну-ка, покажись, умник!

Мадж и Колин были слишком заняты выяснением собственных отношений, чтобы обратить внимание на вопрос Дормас.

— Если тебе не нравится наша компания, — прорычал выдр, — вали на все четыре стороны. Обойдемся и без тебя. Эка невидаль — гадальщик на рухляди!

— Между прочим, у меня такое впечатление, что если кто-то из нас и вправду лишний, так это ты, паршивая водяная крыса!

— Неужели? — Мадж потянулся за ножом.

— Погоди, друг. — Раздражение Колина сменилось искренним удивлением.

— Еще чего! Я научу тебя, как надо себя вести!..

— Да погоди ты! — прикрикнул Колин. — Я ничего не говорил.

— Медведь не обманывает. — Спорщики обернулись и увидели Клотагорба, который, казалось, высматривал что-то в воздухе. — Хватит пререкаться. У нас новые неприятности. Просыпайтесь, просыпайтесь!

— А? — произнес сонным голосом Джон-Том. — Что стряслось?

— Вставай, Джон-Том.

— И так всегда? — спросил Колин у своего недавнего противника, разглядывая юношу.

— Почти, — признал со вздохом Мадж. — Знаешь, он иногда пригождается, ну, как вчера, но лентяй страшный. Хлебом не корми, дай тока подремать.

— Мадж, я все слышу, — заметил Джон-Том, натягивая рубашку. — Уж кто бы говорил насчет лентяя!

— Замолчите! — велел Клотагорб, повернулся и направился к дереву, на ветке которого нес дежурство бдительный Сорбл. — Ты никого не видел?

— Нет, хозяин, но я что-то почувствовал. Я хотел вас разбудить, но потом решил, что не к спеху, благо дело все равно шло к рассвету.

— Молодец, — похвалил филина Клотагорб. — Мои наставления все же не прошли для тебя даром. Ты научился подозрительности.

— Да что происходит? — воскликнул Джон-Том. Юноша поднялся и теперь мотал головой, прогоняя остатки сна.

Чародей открыл было клюв, чтобы ответить, но тут послышался визгливый, насмешливый голос:

— Эй, ты, старая перечница, куда лезешь? Забрался в свою скорлупу и думаешь, тебе все можно? А про голову забыл? Если не образумишься, смотри, как бы тебе ее не лишиться!

— Кто это сказал? — Джон-Том поглядел на Маджа. Выдр, в свою очередь, уставился на Колина.

— Значит, не ты прохаживался на мой счет? — спросил тот.

— Конечно, не я, приятель. И, выходит, не ты отпустил ту гнусную шуточку насчет орехов?

— Вовсе нет.

Клотагорб двинулся в обход поляны и достиг ее дальней стороны, когда вновь раздался тот же голос:

— Что, настолько одряхлел, что уже и по прямой ходить не можешь? Ба, да из тебя песок сыпется! Интересно, из чего — из мозгов или из задницы?

Волшебник отступил на шаг или два, и голос умолк.

— Тут стена, — объявил Клотагорб и утвердительно кивнул в ответ на изумленные взгляды товарищей.

— Стена? — пробормотал Джон-Том, который, как ни старался, не мог различить никакой стены. — С чего вы взяли, сэр? Мир ничуть не изменился, все осталось точно таким, каким было вчера вечером.

— Целенаправленная пертурбация, — объяснил Клотагорб. — Она должна задержать нас здесь. По всей видимости, тот, кого мы разыскиваем, не обделен ни способностями, ни могуществом, хотя его мысли представляются бредовыми, а методы — весьма нетрадиционными. Мы заперты в клетке.

— Хозяин, но я не вижу прутьев. — Сорбл распростер крылья и, взлетев, поднялся над землей на добрый десяток футов.

— Ба, пирожница с крылышками! — воскликнул обладатель невидимого голоса.

— Нет, — поправил его второй, столь же неприятный голос, — это не пирожница, а летающий веник.

Сорбл словно ударился с лета о стеклянный потолок. Он неуклюже взмахнул крыльями, сумел слегка замедлить собственное падение и тяжело плюхнулся наземь; быстро вскочив, филин воззрился на небо над головой.

— Извините, что не поверил вам, хозяин. Я будто врезался в крышу.

— Все равно ничего не вижу, — пробурчал вконец озадаченный Джон-Том.

— Мой мальчик, клетка, в которой мы очутились, далеко не обычная. Я перевидал на своем веку клетки из дерева и из железа, слышал о таких, которые лепят из глины или сплетают из шелка. Мне известно даже о существовании клеток из тел живых существ. Но я никогда не сталкивался с такой, у которой вместо прутьев — угрозы и оскорбления.

Глава 10

— Ему не нравится! — произнес нараспев хор невидимых голосов. — Он считает, что мы преувеличиваем!

— У вас ничего не выйдет, — изрек Клотагорб. — Вы не удержите нас надолго и не заставите перессориться между собой. Мы для вас — чересчур крепкий орешек. Вы уже имели возможность убедиться в тщетности своих усилий. — При этих словах волшебника Мадж и Колин обменялись озадаченными взглядами. — Нам ведомо, что вы подчиняетесь тому, чей рассудок помрачен, а потому, несмотря на все ваши выходки, не можете причинить серьезного вреда находящимся в здравом уме.

— Он обозвал нас чокнутыми! — возмутились голоса. — Посмотри на себя, старикашка! — Раздавшийся затем хохот постепенно сошел на нет; он смолкал как бы исподволь, с той же неотвратимостью, с какой закрывается дверца сейфа.

— Ерунда какая-то! — воскликнул Джон-Том. — По-моему, сэр, у вас разыгралось воображение. Пошли отсюда! — Юноша направился в сторону ближайших деревьев.

— Ишь ты какой умный выискался! Эй, паренек, ты, верно, из тех, кто ничего не знает и все понимает? А черепаха все знает, но ни шиша не понимает!

Джон-Том миновал кострище и уткнулся носом в ничто — твердое, плотное, неподатливое ничто. Он вытянул руку вверх и обнаружил над головой нечто вроде совершенно прозрачного винилового покрытия.

— Провалиться мне на этом месте!

— Смотри, допросишься! — предостерег голос. Юноша поспешно отступил.

— Прутья из слов надежнее металлических, — проговорил Клотагорб. — Такова горькая правда, с которой почему-то не всегда примиряются. Итак, произошла пертурбация, окончания которой мы не можем дожидаться. Необходимо отыскать способ выбраться из ловушки. Слова не менее губительны, чем пламя, только они воздействуют не на тело, а на дух.

— Чушь! — Джон-Том схватил дуару и натянул на уши шапку. — Сейчас я им покажу! Мы с Маджем выбирались из стольких переделок, справлялись и с джиннами, и с морскими чудовищами, со злыми колдунами и прочими неприятностями, так что оскорбления нас не остановят. — Он перекинул дуару на грудь, ударил пальцами по струнам и запел.

— Гляди: чаропевец, — сообщил один голос другому. — Интересно, на какой помойке его раскопали?

— Коты и то лучше поют.

Джон-Том невольно попятился.

— Послушайте, как заливается, — вмешался третий голос. — Пой, пой, соловушка ты наш.

У Джон-Тома задрожали руки. Он начал сбиваться с ритма.

— Бедняжка! Уже устал. Отдохни, мы потерпим.

Джон-Том вынужден был опуститься на колени. Слова песни, которую он пытался спеть, застряли у него в горле.

— Да он и мухи не обидит, — заявил четвертый голос. — Странно: такой покладистый, а друзья его не выносят.

Тут Джон-Том понял, что не может больше ни петь, ни играть. Он судорожно сглотнул — оскорбления застряли комом в горле — и попытался вздохнуть. Ему давным-давно не приходилось иметь дело со столь могущественной и безжалостной магией, а уж что касается формы, в которую та облеклась, — с подобным он столкнулся вообще впервые в жизни. Лишь теперь юноша осознал, насколько силен пертурбатор. Что можно противопоставить такой мощи? Что бы спеть, чтоб хоть немного исправить положение? Ведь назначение рок-музыки — поднимать настроение, веселить, бодрить, а никак не повергать в отчаяние. Подожди-ка! Существует же разновидность рока, которая представляет собой музыкальный протест против любой власти, против всех и всяческих традиций. Юноша кое-как ухитрился встать на ноги. Да, все остальное здесь не годится. С кого начнем? «Оксо», «Секс Пистолз», «Дэд Кеннедис», «Блэк Флэг» или что-нибудь поновее? Поджилки у Джон-Тома по-прежнему тряслись, однако мало-помалу к нему возвращалась уверенность в собственных силах.

Как вскоре выяснилось, он сделал правильный выбор. Мадж зажал уши, физиономия Клотагорба выразила удивление, смешанное с отвращением. Что ж, значит, все в порядке, значит, он поет именно то, что нужно! Как и всякий более-менее сносный панк-рокер, Джон-Том прилагал максимум усилий, чтобы оскорбить своих слушателей.

— Ну как? — спросил очередной голос. Джон-Тому показалось, что прутья невидимой клетки сжимаются и свободного пространства остается все меньше и меньше. Он пошатнулся, но не упал.

— Осторожнее, — посоветовал кто-то из незримых наблюдателей. — Он может быть опасен.

— Кто, он? Не смеши меня! Это же овечка в овечьей же шкуре!

— Поет так, будто его заставляют из-под палки.

Джон-Том вновь попятился. Каждое оскорбление било точно в цель, обрушивалось на него, как и положено любому мало-мальски стоящему оскорблению, подобно удару тяжеленной кувалды. Он чувствовал себя боксером, который ведет бой продолжительностью в пятнадцать раундов. Руки юноши словно прилипли к дуаре, однако он продолжал петь, ибо ничего иного ему не оставалось. Некая сила упорно оттесняла его назад. «Мои оскорбле-

ния чересчур прямолинейны, — подумалось Джон-Тому, — вот почему они не очень эффективны». Выражениям, которые слетали с уст юноши, и вправду не хватало некой непристойной изысканности. Он как бы превратился в вооруженного топором варвара, которому противостоит с полдюжины быстрых как молния фехтовальщиков. Если бы только он смог нанести один-единственный приличный музыкальный удар, то наверняка бы сокрушил треклятую клетку! Но поток оскорблений, что изрекали обладатели насмешливых голосов, по-прежнему не иссякал, и Джон-Том чувствовал, что потихоньку проигрывает. Колкость там, язвительное замечание насчет телосложения сям, весьма нелестная характеристика всего рода Меривезеров — голоса упреждали буквально каждую фразу юноши.

— Он туп, — утверждал один голос, — туп, как валенок. Ему пришлось изрядно потрудиться, чтобы стать тем, кем он стал, но такие штучки не проходят бесследно.

Джон-Том вновь рухнул на колени.

— Ну, не настолько все плохо, — возразил другой. — В конце концов, он, похоже, знает целых два аккорда.

Джон-Том повалился на спину. Он все еще пытался играть, все еще пробовал петь, но понял вдруг, что задыхается. Он увидел над собой встревоженные лица друзей.

— Передохни чуток, приятель, — Мадж посмотрел на Клотагорба. — Сотворите что-нибудь этакое, ваше чародейство. Он совсем выдохся.

— Я никогда раньше не встречался с подобным искажением реальности. Поэтому мне трудно даже предположить, что тут можно сделать.

— Ну, я-то знаю, что делать! — воскликнул Мадж, вырывая из ослабевших рук Джон-Тома дуару.

— Подожди! — Юноша хотел было сесть, но не смог. — Подожди, Мадж! Ты же не умеешь!

— Парень, тут не нужны ни чаропения, — отозвался выдр, — ни ваша распрекрасная магия.

Маджу приходилось нелегко, ибо дуара была высотой почти с него, однако выдр все же умудрился поставить инструмент перед собой и провел лапой по струнам. Раздались надрывные звуки, сильнее всего походившие на череду душераздирающих воплей.

— Это не музыка, — фыркнула Дормас.

— Ну уж нет, милашка, извини-подвинься. Я сам соображу, что к чему.

— Он что, собирается петь? — осведомился первый голос.

— Ну да, — подтвердил второй. — И ведать не ведает, бедняжка, что сядет в такую лужу, из которой уже не вылезет.

— Неужели? — высокомерно справился Мадж. — Ну ладно, слушайте, вы, грязные, вонючие, пердолбанутые задницы!

Он запел. Голос выдра примерно соответствовал аккомпане-

менту — и то и другое было просто ужасно. Однако значение имела не столько музыка, сколько, если можно так выразиться, текст. Пускай Джон-Том именовался чаропевцем, а Клотагорб — волшебником; когда речь заходила о ругательствах, оба они были сущими младенцами по сравнению с Маджем.

Лагерь захлестнула некая незримая волна. Содрогнулся сам воздух. Джон-Том ощутил, что может дышать, и медленно сел. Боль, от которой раскалывалась голова, начала постепенно сникать. Голоса продолжали отпускать гнусные шуточки, но юноше почудилось, что в них проскальзывает растерянность.

— Какой слог! Неподражаемо!

— Не вздумай подражать, а то запачкаешься.

— И это все, на что вы способны? — прорычал Мадж. — Тоже мне, оскорбления! Слушайте дальше, дерьмо собачье!

Джон-Том обнаружил вдруг, что может встать. Он непрерывно моргал — вовсе не от оскорблений, которые, казалось, кишмя кишели в воздухе, а от жалобных звуков, срывающихся со струн дуары. Мадж, должно быть, учился когда-то играть на лире или каком-либо ином струнном инструменте, однако то, что он вытворял с дуарой, не снилось юноше даже в кошмарных снах. Тем не менее, хотя аккорды, которые брал выдр, относились к музыке точно так же, как бриллианты — к предметам первой необходимости, Маджу, похоже, удалось добиться определенного успеха.

— Пускай ваш хозяин разбогатеет, — пел выдр. — Пускай он станет знаменитым на весь мир, а потом узнает, что заболел неизлечимой болезнью.

Задул ветер, над кострищем взметнулся облаком пепел. То была последняя попытка справиться с путешественниками, и она окончилась неудачей. Мадж устремился к деревьям с таким видом, словно гнал удирающего во все лопатки врага — что он, впрочем, и делал.

— Давай, давай, — подначил его дрожащий голосок, тщетно старающийся вернуть себе былую надменность, — расскажи нам все, что знаешь. Пяти минут тебе достаточно?

— Я расскажу все, что знаем мы оба, — откликнулся Мадж, — и уложусь в две минуты!

— Если ты не замолчишь, — простонал голос, — я повешу тебя на первом же дереве.

— А если запоешь ты, — отпарировал Мадж, — я сам повешусь, лишь бы не слышать твоего мяуканья.

Наконец выдр прекратил терзать многострадальную дуару. Установилась тишина, которую нарушал лишь шелест ветра в кронах деревьев. Путешественники подождали, однако ни через минуту, ни через две не последовало ни единого оскорбления, ни единого язвительного замечания. Гнетущее ощущение того, что их вынуждают тесниться на все более узком клочке земли, исчезло без следа.

— Что, струсили, лизоблюды паршивые? То-то, нашли с кем тягаться! Я еще и не разошелся как следует! — Мадж снова ущипнул струны дуары. — По-вашему, вы умеете оскорблять? Да ни хрена вы не умеете! Послушали бы то, что доводилось слышать мне, — язык бы проглотили со стыда!

— Мадж, все кончилось! Ты молодец — сломал клетку и прогнал голоса.

— Держи, паренек. — Выдр передал дуару Джон-Тому. — Я просто хотел убедиться, что все и впрямь кончилось.

— Мадж, — проговорил юноша, — у тебя есть чему поучиться.

— Ага, — выдр горделиво подбоченился. — Я рад, что ты это понимаешь. Славный нынче денек, верно?

— Сколько слов, которые необходимо поскорее забыть! — вздохнул Клотагорб. — Подумать только, до чего мы докатились — нас спасает жуликоватая водяная крыса! Сей пример лишний раз подтверждает непредсказуемость поведения нашего врага. Мы должны ожидать чего угодно, в том числе чего не можем и вообразить. Будь у меня побольше времени, я бы, разумеется, совладал с этими разнузданными молодчиками более достойным способом.

— Ну конечно, ваше препожлобие, — огрызнулся Мадж.

— Давайте не будем ссориться, — поспешил вмешаться Джон-Том. — Лично я наслушался за это утро оскорблений на всю оставшуюся жизнь. И потом, нам давно пора в путь.

Завершив сборы, юноша подошел к Маджу и с любопытством уставился на него.

— Скажи мне вот что, Мадж. Если бы твои частушки не сработали, как бы ты поступил тогда? Что бы ты использовал как последний довод?

— Наклонись пониже, приятель.

Джон-Том послушно нагнулся, и выдр зашептал ему на ухо. Юноша внимательно слушал, время от времени кивал, выражение его лица то и дело менялось. Выдр закончил перечислять наиболее сильные из известных ему ругательств и вернулся было к прерванному занятию, но тут послышался странный гул, и земля под ногами мелко задрожала. Мадж отпрыгнул в одну сторону, Джон-Том — в другую. По счастью, трещина, которая разделила друзей, оказалась шириной всего лишь около ярда. Человек и выдр подползли к ее краям и заглянули вниз. Что касается глубины, трещина казалась бездонной. Из нее вырывалось наружу тепло; в воздухе запахло серой.

— Разрази меня гром, приятель, — пробормотал Мадж, взглянув на Джон-Тома, — я и понятия не имел, что способен так ругаться. — Он вскочил, отступил на пару шагов, примерился — Джон-Том затаил дыхание — и прыгнул. Очутившись на противоположном краю трещины, Мадж оглянулся через плечо на тво-

рение своих уст. — Чтой-то я не пойму, приятель. Раньше, скока я ни выражался, ничего такого в жизни не случалось.

— Это последствия волшебства, — объяснил Клотагорб. — Они скоро минуют. Что ж, водяная крыса, ты заслуживаешь похвалы, хоть и не проявил никаких исключительных способностей. Что ты умеешь ругаться, мы знали и прежде.

— Старый пень, — буркнул Мадж, — похвалить и то не может как следует. Я, можно сказать, спас его задницу, и вот вам благодарность. Ладно, мы еще поквитаемся. В следующий раз обходитесь сами, без старины Маджа. На кой вы мне сдались с вашими неприятностями?

— Клотагорб со всеми такой, Мадж, — сказал Джон-Том. — Разве ты видел, чтобы он вел себя иначе?

— И то верно, паренек. Он такой со всеми — нос кверху и попер, — и начхать ему с высокой колокольни на тех, кто рядом. Коли все прочие волшебники вроде него, я рад, что мне пришлось спознаться тока с одним.

— Не торопись с выводами, Мадж. Мы еще не достигли цели.

— И что с того, приятель? Сдается мне, с двумя такими придурками, как ты и его раздолбайство, мы до нее не скоро доберемся. Хоть мы справились с пожаром и с оскорблениями. — Мадж перевел дыхание. — Коли тот психопат ни на что больше не способен, мы пойдем дальше, как по накатанной дорожке.

— Надеюсь, ты окажешься прав, — Джон-Том бросил взгляд на заснеженные горные вершины. — Однако не забывай про пертурбатор. У меня такое чувство, что все происходившее с нами до сих пор — лишь цветочки; а вот когда начнутся ягодки...

Сорбл заметил с воздуха проход сквозь первую гряду скалистых пиков, и путники направились в ту сторону. После нескольких недель пути по лесистой местности приятно было очутиться на открытом пространстве. Колин так и рвался вперед, и Клотагорбу приходилось постоянно осаживать нетерпеливого медведя.

— Идти надо медленно и осторожно, — вразумлял чародей коалу. — Чем ближе мы подходим к пертурбатору, тем большей опасности подвергаемся. Враг знает, что мы приближаемся. Клетка с прутьями из оскорблений служит явным тому доказательством.

— Я не боюсь, мудрец. Мне все равно, какое он примет обличье и какие воздвигнет преграды на нашем пути. Я прошел чуть ли не полсвета и предвкушаю миг, когда всажу свой клинок в сердце злодею. Он должен понести наказание за то, что натворил столько бед!

— Мы пока не знаем, каков наш враг, — напомнил Клотагорб. — Вполне возможно, он отличается наружностью от всех известных нам существ. Так что, может статься, тебе не во что будет всаживать клинок.

— Не волнуйся, старик, я найду, что пропороть, — отозвался

коала. Внезапно волшебник, который шагал рядом с ним, начал видоизменяться. — Внимание, друзья! Все повторяется заново!

— Ничего подобного, — возразил Сорбл.

— Не спорь, ученик, — произнес Клотагорб. — Я тоже чувствую перемену. — Он широко раскинул передние лапы. — Договоримся сразу: никакой паники. Мы пережили достаточно пертурбаций, чтобы беспокоиться по поводу благополучного исхода.

Если бы волшебник хотя бы догадывался о сути грядущего изменения, он вряд ли говорил бы со своими спутниками столь уверенным голосом. Пертурбация была настолько ошеломительной, что безумие тех, кого она поразила, казалось неминуемым. Пострадали же все, кроме одного, а именно Джон-Тома, который за все то время, пока длилась пертурбация, испытал всего лишь мимолетное головокружение. Теоретически он понимал чувства товарищей, однако в силу своей принадлежности к роду человеческому не мог разделить их ужаса.

— О боже! — простонала Дормас. — Только этого нам и не хватало! Нет, я больше не могу!

— Не говорите ерунды! — изрек Клотагорб, который, несмотря на всю свою самоуверенность, пребывал мгновение назад в полной растерянности. — Я знаю, вам плохо, но мы выносили и не такое.

— Вовсе нет, хозяин, — простонал Сорбл. — Какой ужас! Я не могу летать! Где мои крылья! Зачем мне вот это?

Надо признать, что у Сорбла были основания сетовать на пертурбатор, хотя в общем и целом он пострадал не сильнее других.

— Милостивое небо, — взмолился Мадж, — верни мне мой прежний вид, и я никогда, слышишь, никогда не стану обижаться на тебя! Эй, ваше чудомудрие, я согласен с Дормас. Не знаю, скока я еще протяну.

— У нас нет выбора, — произнес чародей. — Поэтому мы должны собраться с силами. — Он заскрежетал зубами, что было удивительно само по себе, поскольку у черепах, как известно, зубов не водится. Впрочем, у Клотагорба, как и у Сорбла, они вдруг появились.

— Да ладно вам, — сказал Джон-Том, норовя подбодрить приунывших спутников. — Расслабьтесь, отдохните. Уверяю вас, со временем вы привыкнете.

— Я скорее умру, — выдавила Дормас, вмиг утратившая свою поистине уникальную способность ни при каких обстоятельствах не терять оптимизма.

— Привыкнуть к этому? — переспросил Колин. — Да я лучше выколю себе глаза, чтобы не видеть такого безобразия!

— Тебе легко говорить! — укорил юношу Сорбл. — Ты-то ничуть не изменился.

Джон-Том вынужден был признать правоту филина. Пертурбация выказала, если можно так выразиться, чудеса избиратель-

ности: она совершенно не затронула Джон-Тома и в то же время коренным образом изменила облик его друзей. В частности, Клотагорб приобрел зубы. Сорбл должен был отныне приноравливаться к жизни без крыльев. Что касается бедняжки Дормас, она, вероятно, чувствовала себя вывернутой наизнанку. С животными произошла перемена, которой их всех пугали, когда они были малышами. Иными словами, пертурбация воплотила в явь самые страшные кошмары. Все они превратились — даже боязно произнести вслух — в людей. Клотагорб, который отчаянно пытался вспомнить хоть какое-нибудь заклинание, способное вернуть ему прежний вид, преобразился в низкорослого старика с длинными седыми волосами и бородой. Он был одет в парусиновые брюки и походную куртку со множеством карманов и карманчиков. Лишь глаза за шестигранными стеклами очков, которые также изменились — слегка уменьшились, — оставались теми же самыми, хотя и глядели теперь из-под копны волос. Рядом с чародеем неуклюже раскачивалась на пятках пожилая дама добрых шести футов росту. Поклажа Дормас тоже претерпела изменения и обернулась рюкзаком, который висел у бывшей лошачихи за плечами. Короткие черные волосы, загорелое лицо — Дормас выглядела бы весьма привлекательной, когда бы не гримаса панического ужаса, исказившая ее черты. Поблизости вертелся худощавый подросток. Он беспрестанно озирался по сторонам и то и дело всплескивал руками, пока, по-видимому, не осознал, что те не заменят крыльев. Колин попробовал успокоить огорченного до глубины души Сорбла. Одежда коалы сохранилась в неприкосновенности, разве что несколько увеличился размер. Медведь превратился в зрелого мужчину ростом опять же около шести футов и весом, как прикинул на глаз Джон-Том, в пределах двухсот двадцати фунтов, причем на его теле не было ни унции жира — сплошные мышцы. Лицом он походил на киношного злодея; глаза Колина ярко блестели. Пожалуй, коалу в его новом облике можно было бы счесть образцом мужской красоты, если бы не чрезмерно большие, почти с ладонь, уши. А Мадж стал мужчиной лет тридцати с хвостиком, стройным и жилистым. На плече у него висел лук, за поясом торчал нож; то и другое оружие увеличилось до соответствующих размеров. На лице Маджа был написан страх, в голосе сквозило отвращение.

— Жуть, просто-напросто жуть! — Он вытянул перед собой руки, которые дрожали мелкой дрожью. — Вы тока поглядите! Голая кожа, ни намека на мех! — Выдр изогнулся и заглянул себе за спину. — А где мой чудесный хвост? Куда он подевался, и как мне быть без него? — Мадж уставился на Клотагорба. — Сэрра, что ж вы не говорите, что это не затянется надолго?

— К твоему сведению, водяная крыса, я также чувствую себя не в своей тарелке. Постарайся понять, что мы все сейчас в одинаковом положении.

— Ну и дела, — протянул Колин. — Вот уж не думал, не гадал... Мне кажется, я вот-вот заплачу.

— Надо что-то делать, — проговорила Дормас звонким голосом, отчетливо выговаривая слова. — Иначе лично я наверняка сойду с ума. Я хочу стоять не на двух ногах, а на четырех. Посмотрите! Ну на что они годятся? — Она показала товарищам сперва правую руку, затем левую. — Стоит надавить, и они сломаются! И не смейте утверждать, будто я ошибаюсь! Эка невидаль — мех! А мне каково? Я же не могу ходить!

— А я? Мне-то как быть? — вклинился в разговор Сорбл-подросток. — У нетопырей тоже нет меха, но они хоть летают. А я... — Он горько зарыдал.

— Успокойтесь, — произнес Джон-Том. — Скоро все встанет на свои места.

— А если нет, приятель, что тогда? — справился Мадж. Джон-Том признался себе, что испытывает не слишком приятные ощущения, видя перед собой взрослого человека и слыша знакомый голос выдра, которым говорит этот самый человек. На лице мужчины не было ни шерстинки, ни единого усика, и все-таки юноша знал, что смотрит на Маджа. Его уверенность зиждилась на голосе и глазах — голубых глазах, что глядели лукаво и вместе с тем вызывающе; кроме того, мужчина в точности воспроизводил характерные жесты выдра — правда, далеко не так ловко и быстро. — Превратился б сам в не пойми что, живо сообразил бы, что к чему.

— К сожалению, — заявил Клотагорб, — у меня пока ничего не получается, поскольку мне трудно сосредоточиться на заклинании. Нельзя ли причитать немного потише?

— Меня, — выразительно произнес Джон-Том, — не отвлекает никакой шум. — Юноша задумчиво провел ладонью по струнам дуары.

— Осторожней, паренек. — Мадж схватил Джон-Тома за локоть. — Можа, все и так обойдется. Коли ты чегой-нибудь напутаешь и мы навсегда останемся людьми, на твоей совести будет, по крайней мере, одна смерть. Предупреждаю сразу: я точно прикончу себя.

— Не волнуйся, Мадж. Все будет в порядке. Или ты забыл, как я расправился с пожаром?

— Ага, и чуть не подпалил собственную задницу. Учти, коли напортачишь, я из тебя шашлык сделаю. — Выдр убрал руку. — По правде сказать, любопытно будет послушать песенку, которая может исправить такое.

— Действуй, мой мальчик, — подбодрил юношу Клотагорб. — В конце концов, попытка не пытка. Обстоятельства, в которых мы волей случая оказались, угнетают меня ничуть не меньше, нежели остальных. А когда мысли разбегаются, придумать или вспомнить что-либо подходящее практически невозможно.

— Я постараюсь подобрать самый вразумительный текст, — пообещал Джон-Том.

Легко сказать, подумалось ему. А Мадж прав. В такой ситуации никак нельзя допустить даже незначительного промаха.

Может, подойдет что-нибудь из того, что он слышал, когда посещал занятия на факультете народной музыки? Да ну, сколько лет прошло; и потом, когда он в последний раз пробовал сыграть африканскую или индонезийскую мелодию? Помнится, он давным-давно решил для себя, что такая музыка не поможет ему пробиться в «биллбордовскую сотню»[1]. Что касается рок-репертуара, тот был куда обширней и современней, однако, сколько Джон-Том ни рылся в памяти, он никак не мог отыскать песню, которая хотя бы вскользь упоминала о превращении животных в людей. Дело осложнялось тем, что проблема заключалась не в словах: заклинание срабатывало лишь тогда, когда в нем присутствовало некое искреннее чувство.

Впрочем, есть одна песенка, которую он уже пел, избавляя мир от последствий пертурбации. А что, если спеть ее задом наперед? Бред? Может быть; но разве положение, в котором они оказались, не бредовое? Джон-Том прокрутил в памяти текст, откашлялся — и запел. Ему было довольно тяжело соблюдать обратный порядок куплетов, однако попытка, судя по всему, обещала стать успешной: дойдя до середины песни, юноша ощутил легкую тошноту, перед глазами у него возникло нечто вроде дымки. Он пел и пел, добрался наконец до первого куплета, взял последний аккорд на дуаре и огляделся по сторонам. К его великому облегчению, все вышло именно так, как он и рассчитывал. Пертурбация пертурбировалась, и друзья вновь стали теми, кем родились на свет.

— Ура! Я — снова я! — воскликнул Мадж и подскочил от радости на добрых два фута, а потом запустил обе лапы в свой густой бурый мех. — Ребята, до чего ж я счастлив! — Он вне себя от радости прошелся колесом вокруг товарищей; словом, вел себя точь-в-точь, как школьник, который вдруг узнал на пикнике, что ему положено особое угощение.

— Хорошо, что все кончилось, — проговорила Дормас. — Что ты спел, юнец?

— Песню Рика Спрингфилда «Все, что нам нужно, — человеческое тепло». Только я спел ее шиворот-навыворот. По-моему, сработало лучше некуда. — Джон-Том лучезарно улыбнулся.

Клотагорб получил обратно свой панцирь, Сорбл обрел крылья и тут же взмыл в поднебесье, где принялся выделывать фигуры высшего пилотажа; Колин передернул плечами, пошевелил ушами и потер черный нос.

---

[1] Хит-парад американского музыкального журнала «Биллборд». Итоги подводятся ежемесячно (*прим. перев.*).

— Ты молодец, чаропевец. — Внезапно он нахмурился. — Друзья, боюсь, наши испытания продолжаются. Пожалуй, этого следовало ожидать.

— Вот гадство, — пробормотал Мадж, глядевший в том же направлении, что и коала. — Слушайте, ваше чудомудрие, сколько еще нам терпеть?

— Пока не найдем пертурбатор и не освободим его, — отозвался Клотагорб.

Джон-Том повернулся и взглянул туда, куда смотрели остальные; лишь какое-то время спустя он сообразил, что взгляды всех устремлены не куда-нибудь, а на него, и в то же мгновение осознал, что с ним и впрямь произошло что-то странное. Юноша судорожно сглотнул. Итак, заклинание сработало на все сто — и даже немного больше.

— Ну, ваша черепашистость, что будем делать? — справился Мадж, который не сводил глаз с молодого человека.

Вернее сказать, с того, кто был когда-то высоким молодым человеком, а ныне превратился в высокую поджарую обезьяну. На обезьяне была одежда Джон-Тома — индиговая рубашка, шапка из кожи ящерицы, башмаки; на груди животного, вид которого был весьма и весьма озадаченным, висела дуара. Джон-Том оглядел себя, заметил необычайно длинные лапы и загибающийся кверху хвост. Он состроил жалобную гримасу, ощутив при этом, что обзавелся мясистыми отвислыми губами и острыми клыками.

— Ты малость перестарался, кореш, — заметил выдр с искренним сочувствием в голосе.

— Лично мне кажется, что так он выглядит гораздо пристойнее, — сказал Колин, а затем обнажил саблю и сделал шаг вперед, вынудив Джон-Тома попятиться.

— Эй, неужели на меня настолько противно смотреть?

— Ты заслуживаешь того, чтобы увидеть себя таким, каким представляешься друзьям. — Медведь поднес сверкающее лезвие к самому носу юноши.

Джон-Том вгляделся в собственное отражение. Внезапно у него, как показалось окружающим, отвалилась челюсть; она отвисла так низко, что едва не достала до земли.

— О господи! Ну и образина!

— Да, приятель, — подтвердил Мадж, — нас ты вылечил, а себя, похоже, заразил.

Джон-Том продолжал смотреться в слабое подобие зеркала, каким служила сабля Колина. Да, ничего не скажешь, натворил он дел! До сих пор превратить его в обезьяну, да и то не в буквальном смысле, удавалось разве что симпатичной старшекурснице, с которой они вместе посещали семинары по гражданскому праву. Она дважды соглашалась на свидание и оба раза оставляла Джон-Тома в дураках. Что ж, теперь он превзошел свою учительницу.

— Ладно, попробуем исправить положение.

— Погоди, приятель, не горячись. Ты только не вздумай петь ту же самую песенку, а то мне как-то неохота снова становиться человеком.

— Но другой подходящей я не знаю.

— Водяная крыса права, мой мальчик, — вмешался Клотагорб. — К сожалению, я бессилен помочь тебе. Справляйся собственными силами, однако постарайся не причинить попутно вреда нам. Не подвергай столь суровому испытанию наши нервные системы.

— Сэр, эти пертурбации сидят у меня вот где! Я сыт ими по горло! Честно говоря, я так устал, что голова просто-напросто отказывается соображать.

— Давай, приятель, не тушуйся, — подбодрил Мадж. — Пой, что помнишь, — вдруг набредешь на что-нибудь путное?

— Не знаю, не знаю. Я перестаю что-либо понимать.

Однако Джон-Том несколько преувеличил. Он понимал одно — выбора у него нет. Он не хотел обращать своих друзей сызнова в людей, ибо тогда наверняка не избежать истерики; но еще меньше он стремился сохранить обличье обезьяны, передние лапы которой такие длинные, что волочатся по земле. Пожалуй, в словах Маджа что-то есть. Пожалуй, на деле стоит петь все подряд. Ведь чем черт не шутит? В конце концов, когда пел, он чувствовал себя настоящим человеком. А может, в том и заключается спасение? Но как ни крути, честностью тут и не пахнет. А говорят, что судьба справедлива! Кто он такой? Студент-недоучка, несостоявшийся рок-музыкант, очутившийся вдобавок в совершенно чужом мире и ином времени, а от него постоянно ожидают чудес! Ладно, он готов, раз уж так повелось, творить чудеса, потому что с детства приучен помогать другим; но когда помощь требуется ему, что он слышит в ответ на свою просьбу? «Мой мальчик, справляйся собственными силами!» Ну и ладно, он справится, пусть даже придется разнести вдребезги этот бестолковый отвратительный мир!

Джон-Том обхватил обеими лапами дуару. Удлинившиеся пальцы без труда доставали до струн как первого, так и второго ряда. Юноша запел. Он настолько разозлился, настолько преисполнился праведного гнева, что совсем забыл, в кого превратился. Между тем среди животных никто не в состоянии тягаться зычностью голоса с той разновидностью обезьян, представителем которой сделался Джон-Том. Их крики разносятся на многие мили над горами и лесными чащобами. Так что эффект — тем более что голосу юноши вторили волшебные аккорды дуары — получился поистине потрясающий. Из горла Джон-Тома вырвалась не столько страстная мольба о превращении в человека, сколько вопль разъяренного дикаря, исполненный такой невероятной мощи, что Мадж и Клотагорб, стоявшие как раз напротив певца,

повалились наземь. Волшебник поспешил спрятаться в панцирь. Дормас также рухнула навзничь. Сорбл инстинктивно взвился в воздух, где немедля угодил в маленький ураган, возникший все по той же причине. Ураган подхватил филина, перекувырнул его и повлек прочь.

Однако Джон-Том не обращал на то, что творится вокруг, ровным счетом никакого внимания. Ему казалось, он поет как обычно, нормальным голосом, ибо его уши тоже, естественно, стали обезьяньими, а потому не воспринимали рев, сотрясающий округу, как нечто хоть сколько-нибудь выходящее за рамки обыденности. К тому же юноша, как всегда, когда целиком сосредоточивался на той или иной песне, крепко зажмурил глаза. Мадж попытался было растолковать Джон-Тому, что происходит, но не сумел перекричать потрясающе голосистую обезьяну. Дормас кое-как ухитрилась повернуться к певцу спиной; Колин и Мадж вцепились когтями в землю, чтобы не разделить участь Сорбла, которого уже не было видно. Клотагорб продолжал скрываться внутри панциря. По склону холма сошло как минимум два оползня. Во время одной из наиболее изысканных рулад, что срывались с уст Джон-Тома, купа деревьев, находившихся приблизительно в четырех сотнях футов, прямо-таки полегла на землю, словно под порывом невероятно могучего ветра. Наконец репертуар оказался исчерпанным. В горле у юноши пересохло, будто он давным-давно не брал в рот ни капли воды. Колин и Мадж, отряхивая с себя грязь и палую листву, медленно поднялись на ноги. Над деревьями показался Сорбл. Клотагорб осторожно высунул из-под панциря голову и осмотрелся. Джон-Том стал самим собой; все остальные ничуть не изменились.

— Откуда взялся ветер? — удивился юноша.

— Из твоей пасти, чувак, — отозвался Мадж и похлопал друга по плечу, для чего ему пришлось встать на цыпочки. — У тебя был такой голосина, что ты запросто мог бы докричаться до тех, кто живет на краю света. Я как-то не сразу сообразил, что отсюда следует, а потом стало поздно. Знаешь, нам оставалось тока молиться про себя, чтоб нас не унесло обратно в Оспенспри. Сдается мне, када ты человек, а не кто-нибудь еще, с тобой куда проще.

— Существует такая вещь, как чересчур полезная магия. — Клотагорб стряхнул с панциря пыль, затем взглянул в ту сторону, где, по уверениям Сорбла, находился проход через первую горную цепь. — Теперь мы можем не сомневаться, что врагу известно о нашем приближении. Твои вопли, мой мальчик, разнеслись, должно быть, по всему лесу.

Джон-Том пропустил колкость чародея мимо ушей. Он наслаждался своим собственным телом — загорелыми руками, лишенной шерсти кожей, маленькими ногтями, мозолистыми ладонями. Господи, до чего же приятно снова стать человеком! Однако в глубине души юноша сожалел об утрате столь чудного

голоса, обладая которым он мог бы перепеть целый хор. Правда, если всякий раз придется разбираться с властями по поводу оползней и прочих неприятностей... Нет уж, увольте. Джон-Том сокрушенно покачал головой. С таким голосом старая поговорка насчет музыки, от которой рушатся стены, могла бы приобрести новый, роковой смысл.

Глава 11

Колин заставил себя замедлить шаг. Он никак не мог совладать с радостным возбуждением, которое гнало его вперед, а потому постоянно отрывался от спутников. Еще бы — ведь после без малого года странствий он наконец приближался к цели!

Характер местности потихоньку изменялся, что было по душе коале. Он устал от вечнозеленых растений и тосковал по родным благоуханным лесам, а те деревья, что виднелись впереди, казались смутно знакомыми. Их кора была тонкой и бледно-серой, она слезала со стволов длинными лоскутьями, которые громоздились кучками у подножий деревьев. На ветках вместо изрядно надоевших иголок взгляд различал листья, продолговатые, изумрудного оттенка. Даже запах деревьев был иным, не хвойным.

Внезапно глаза Колина округлились от изумления. Не может быть! Где это слыхано, чтобы такие породы росли на севере? Но разве можно с чем-либо спутать благоухание, которым насыщен воздух, разве можно не узнать высокие стройные силуэты? Колин заметил, что вновь убежал от остальных, но только передернул плечами, кинул на землю мешок, бросил рядом саблю и устремился вперед со всей скоростью, на какую были способны его кривые лапы. Он ничуть не сомневался, что товарищи, достигнув этого места, подберут брошенные им вещи.

Вскоре Колин добежал до ближайшего дерева, погладил ствол, вцепился в него когтями и полез вверх. Примостившись на ветке, достаточно толстой для того, чтобы выдержать его вес, он протянул дрожащую лапу, сорвал несколько ароматных листьев и отправил их в пасть. Чем дольше он жевал, тем глубже погружался в состояние блаженного покоя. Коала крепко зажмурился от удовольствия, однако по-прежнему видел — мысленным взором — уходящие вдаль ряды деревьев, которые тянулись до подошвы того самого хребта, чьи вершины венчали снежные шапки. Для любого из сородичей Колина подобная роща была средоточием наисокровеннейших желаний. То, что ему посчастливилось набрести на нее в диком холодном краю, объяснялось лишь исключительным везением. Рай, истинный рай! Медведь потянулся за новой порцией листьев. На сей раз он не торопился: отобрал те, которые казались свежее других, а прочие бестрепетно уронил вниз.

Затем скрестил задние лапы, закинул передние за голову, прислонился к стволу, открыл глаза и, продолжая жевать, уставился в прозрачно-голубое небо. Запас сушеных эвкалиптовых листьев, который он брал с собой в дорогу, кончился много месяцев назад, а потому Колин вынужден был питаться любой более-менее подходящей растительностью, какую обнаруживал в лесу. Неудивительно, что желудок коалы неизменно пребывал в расстройстве, а еда из наслаждения превратилась чуть ли не в пытку. От бобов, орехов и сосновых иголок толку тоже было всего ничего. Но теперь он сидел на ветке настоящего эвкалипта, радовался жизни и предавался размышлениям. Надо будет как-то собрать листву и доставить ее домой. Не пройдет и года, как он станет богачом. Колин сунул в пасть третью пригоршню листьев. Впервые за долгое время он получил возможность расслабиться.

Открывшееся взору зрелище — медовый луг, что простирался во все стороны до самого горизонта, — поразило Дормас до глубины души. Она остановилась как вкопанная. Луг явился безо всякого предупреждения, возник сразу за поворотом тропинки, которая вела через сосновый бор с густым, порой едва проходимым подлеском. Такая внезапность наводила на определенные подозрения, тем более что луг, при всем его великолепии, не производил впечатления чего-то естественного, сотворенного природой. Чудилось, что ему нет ни конца, ни края; он словно сливался с небосводом. Невероятнее всего было то, что в нем росла не только трава, но и клевер, причем во множестве разновидностей: розовый, зелено-голубой, белый и даже тот, у которого, если жевать медленно, появляется ореховый привкус. Воздух был напоен медвяным ароматом. Судя по высоте стеблей, этот луг относился к величайшим из чудес света: на нем, по всей видимости, никто и никогда не пасся. То есть он был поистине мечтой всех травоядных животных.

Дормас взяла с места в галоп и с ликующим ржанием врезалась грудью в высокую траву. Та раздалась, точно морская вода под килем корабля. Вскоре Дормас утомилась скакать, наклонила голову и впилась зубами в сочные стебли. Первый миг священнодейства был исполнен невыразимого восторга. Она жадно хватала траву и думала о том, что отыскала волей случая площадку для игр, о которой грезила в бытность свою жеребенком, что теперь может, в кои-то веки, отдохнуть от тягот долгого пути. Лошачиха повалилась наземь и принялась, взбрыкивая всеми четырьмя ногами, кататься по разнотравью. Она дышала полной грудью, впитывая пьянящие ароматы, а каждый стебелек травы приятно холодил нёбо, словно сохранил на себе капельки утренней росы. Время от времени на зуб Дормас попадался клевер, вкус которого как бы открывал дорогу к неведомому доселе блаженству. Такого

луга просто не могло существовать в действительности, однако он был и, мало того, находился в полном распоряжении Дормас, которой он казался заслуженным вознаграждением за тяжкие труды и многолетние жертвы на благо общества.

Сорбл, отправившийся на разведку, не верил своим глазам. Деревья внизу внезапно расступились и выстроились неким подобием частокола вокруг озера, вода которого имела золотистый оттенок. Озеро располагалось сразу за проходом, по которому пробирались прикованные к земле спутники филина. Сорбл присмотрелся повнимательнее. У дальнего, северного берега вода была лазурно-голубой, что свидетельствовало об изрядной глубине. Однако вдоль южного побережья тянулось мелководье; совершенно не напрягая зрение, можно было разглядеть на дне гальку и чистый речной песок. Мелководье буквально кишело рыбой; такого количества Сорблу не доводилось видеть никогда в жизни. Доходило до того, что рыбины терлись друг о дружку боками, ибо им попросту не хватало места! Филин наметил себе цель: вон того лосося, потом форель, потом линя, а на закуску — красноперку. Ему не потребовалось ни малейшего усилия, чтобы завладеть добычей. Он сложил крылья и, растопырив когти, устремился вниз, а рыба даже не попыталась спастись бегством. Когда Сорбл врезался в воду, его, естественно, окатило с головы до лап. Несколько капель попало в клюв. Он сперва ничего не понял, однако затем, очень быстро, сообразил, что к чему, и подивился собственной тупости. Как можно было не узнать этот золотистый цвет?

Сорбл швырнул форель на берег, решив, что подзаправится позднее, и окунул клюв в воду. Ему хватило одного-единственного глотка, чтобы убедиться в правильности догадки. По берегам озера росли дикие злаки. Каким-то чудом здесь веками шел процесс ферментации, в результате чего озеро стало тем, чем стало. Но как в нем могла выжить рыба? Впрочем, подумалось филину, какая разница? Главное в том, что крепость озерной воды — градусов восемьдесят, а на мелководье, пожалуй, и побольше. К тому же, как не замедлил удостовериться Сорбл, вода имела разный привкус, что, без сомнения, зависело от того, какие именно злаки растут на берегу в том или ином месте. Ему вдруг вспомнился благословенный дождь, что пролился по воле Клотагорба на исстрадавшийся Оспенспри. Что ж, похоже; только тут не надо гоняться за каждой каплей, не надо спешить и поминутно оглядываться на хозяина. Сорбл припал к живительной влаге и пил до тех пор, пока не почувствовал, что вот-вот лопнет. Тогда он уселся на берегу, подобрал форель и принялся утолять голод. Поджаривать рыбу ему было лень; вдобавок сырое мясо как нельзя

лучше дополняло чудесный дар природы, во всех отношениях превосходный напиток.

Стоит ли тратить впустую годы, пресмыкаясь в учениках волшебника, когда перед ним открываются поистине блистательные возможности? Решено: он разорвет договор с Клотагорбом, слетает в Линчбени или в Оспенспри и заключит сделку с кем-нибудь из виноделов, чтобы тот поставлял сюда бутылки. Нужно только заглянуть к землемеру, застолбить озеро и окрестности на правах первооткрывателя. Да, со временем у него появятся партнеры, а пойло из озера будет продаваться в каждом баре Колоколесья. Сорбл громко расхохотался, представив себе потуги многочисленных налоговых инспекторов отыскать таинственную «винодельню» и обложить налогом ее владельца. А когда он достаточно разбогатеет, продолжал размышлять филин, то наймет в слуги Клотагорба — пускай узнает, почем фунт лиха!

Определить, сколь долго Библиотека оставалась скрытой от глаз исследователей, не представлялось возможным, однако было неоспоримо, что сюда давным-давно не ступала ничья нога. Древние каменные стены заросли диким виноградом и плющом, из трещин в глыбах фундамента тянулись ввысь стволы деревьев, которые своими раскидистыми кронами заслоняли здание от солнечных лучей. Клотагорб, по всей вероятности, прошел бы мимо, но что-то словно подтолкнуло его повернуть голову влево, и он заметил среди буйства зелени некое серое пятно, оказавшееся кусочком кладки. Когда волшебник приблизился настолько, что смог различить очертания двери, он вынужден был сознаться себе, что не имеет ни малейшего понятия о назначении сего сооружения. Чтобы разрешить загадку, следовало проникнуть внутрь. По счастью, дверь была деревянной и насквозь прогнившей. Клотагорб без страха переступил порог, и у него перехватило дыхание. Он никак не ожидал увидеть что-либо подобное и не предполагал, что может очутиться в Библиотеке! Огромное помещение занимали ряды стеллажей, на полках которых стояли книги, лежали свитки и различные диковинки, вроде круглых пластмассовых дисков в прозрачных футлярах, каменных табличек с надписями и веревок, что были завязаны вереницами узлов. Наиболее хрупкие материалы хранились под защитным покрытием.

Чародей даже не догадывался, кто возвел Библиотеку в столь укромном уголке мира, кто воздвиг ее здесь на радость случайному прохожему, однако ясно было, что неведомые зодчие строили на века. Клотагорб ошеломленно взирал на стеллажи, будучи не в силах постичь, как удалось кому-то собрать в одном месте умопомрачительное, грандиозное количество знаний. Посреди Библиотеки возвышались шкафы — отдельные из них достигали высоты трехэтажного дома, — за их стеклами виднелись тома, древ-

ние, как само время. Вдоль стен шли на разных уровнях три помоста, по которым можно было добраться до любого из стеллажей или шкафов. Эти помосты имели железные поручни, стоякам которых была придана форма загадочных иероглифов.

Сколько же тут книг? Сколько секретов, хранимых с незапамятных времен? Невозможно предположить, нелепо угадывать. Потребуются годы и годы, чтобы только пересчитать книги и занести их в каталог. Ведь неизвестно даже, откуда начинать! Однако в Библиотеке обязательно должен быть указатель, может статься, вкупе со словарем наречий и алфавитов. Ну разумеется, мысленно воскликнул волшебник и, весь дрожа от возбуждения, направился к ближайшему из стеклянных шкафов. Ему положительно необходимо найти указатель! Наверняка в Библиотеке содержатся ответы на все вопросы, над которыми он размышляет вот уже триста лет. На многочисленных полках несть числа загадкам Вселенной, что жаждут быть открытыми. Но работы здесь на целую жизнь. Если повезет, подумалось Клотагорбу, он сумеет изучить лишь малую часть сведений, что копилась на протяжении тысячелетий. Перспектива несколько отпугивала, однако предвещала одновременно великие открытия и сулила полное восхитительных прозрений будущее. Работы было непочатый край, но Клотагорб забыл о недавнем страхе: его обуяла всепоглощающая любознательность истинного ученого.

Сегодня они точно покажут все, на что способны, размышлял Джон-Том, выходя на сцену. Едва он показался из-за кулис, его оглушил восторженный рев толпы, что находилась в темноте за очерченным прожекторами кругом света. Подобно океанскому прибою, рев то вздымался, то опадал, в нем то и дело проскальзывали близкие к истерическим нотки. Мало-помалу он сменился не менее оглушительным речитативом. «Джей-Ти-Эм! Джей-Ти-Эм!» — скандировали тысячи поклонников, отчаянно хлопая в ладоши. Вслед за инициалами Джон-Тома толпа начала выкрикивать первые буквы имен и фамилий остальных музыкантов. Юноша не торопился. Пускай немного успокоятся, поостынут, иначе они попросту ничего не услышат. Из-за правой кулисы высунулся менеджер: он довольно ухмыльнулся и показал сложенные колечком большой и указательный пальцы. Джон-Том снисходительно улыбнулся в ответ. То был последний концерт, который завершал полуторагодовое мировое турне; он проходил в лос-анджелесском «Форуме» и длился восемь вечеров подряд. Сегодня был как раз восьмой вечер. Ударник Бобби озабоченно посматривал на Джон-Тома. Юноша отрывисто кивнул: мол, все в порядке. Ударник молча покачал головой. Друзья, критики, поклонники — все они удивлялись тому, откуда у Джей-Ти берутся силы, как он может исполнять из вечера в вечер одни и те же

песни и не выказывать ни скуки, ни усталости. Джонатан Томас Меривезер стал живой легендой рок-музыки. Он вовсе не делал секрета из источника своей неиссякающей бодрости. Его жизнерадостность объяснялась тем, что теперь он пел не ради денег, ибо заработал их уже вполне достаточно, не ради славы, ибо ныне мало кто мог состязаться с ним в популярности. Нет, Джон-Том продолжал петь из благодарности к своим поклонникам, которые поддержали его и помогли стать тем, кем он стал. И сегодняшний вечер был особенным не только потому, что завершал турне, но и из-за собравшихся в зале фэнов. Две недели назад группа получила премию «Грэмми». Что касается Джон-Тома, он удостоился стольких наград, что превзошел всех прочих музыкантов, каких только знала история. Этим он опять-таки был обязан своим поклонникам. Между прочим, в музыкальных кругах ходили слухи — разумеется, ничего конкретного, — что Нобелевский комитет в Стокгольме подумывает наградить Джей-Ти специальной премией за ярко выраженную социальную направленность его лирики в сочетании с несомненными поэтическими свойствами. Если слухи подтвердятся, это будет неслыханным нарушением всех неписаных традиций и канонов. Что же до Пулитцеровской премии, та, можно считать, в кармане. А политики, которые составляли сенатское меньшинство, предложили ему — вернее, умоляли, чтобы он согласился, — отказаться на время от выступлений и баллотироваться на освободившийся пост сенатора от штата Калифорния. Да, подобные почести могли испортить кого угодно, но не Джонатана Томаса Меривезера. Он воспринимал успех и восторги публики как нечто вполне заслуженное, однако не более того, и оставался все тем же простым компанейским парнем, как неоднократно объяснял осаждавшим его репортерам.

Что ж, подумалось Джон-Тому, пожалуй, он достаточно поискушал толпу. Юноша поправил ремень гитары, кивнул товарищам и подождал, пока Бобби заведет зрителей своей раскатистой дробью. Сцену вновь захлестнул вал рукоплесканий и одобрительных возгласов. Да, сказал себе Джон-Том, все идет настолько хорошо, насколько это возможно для простого смертного. Он достиг в турне всего, чего когда-либо рассчитывал добиться. Никто об этом еще и не подозревает, однако сегодня — его последнее выступление перед публикой. Он намерен принять предложение и попытать счастье в большой политике. Все хорошо, и тем не менее что-то было не так. Струны гитары как будто делались все тоньше с каждым прикосновением пальцев, залипали, и чудилось, будто их больше, чем должно быть. Пальцы тоже отказывались слушаться. Но толпа не обращала на происходящее никакого внимания. Фэны горланили громче прежнего, однако Джон-Том нервничал, и чем дальше, тем сильнее. Он повернулся к залу спиной, предоставив Бобби и Хулио разыгрывать вступление, а

сам отчаянно пытался тем временем совладать с собой. Не так, не так, что-то совсем не так, как надо!

Внезапно шум отдалился и затих, вместе с ним исчезли люди и похожий на громадную пещеру зал «Форума», а заодно — и ощущение того, что сбылись самые заветные мечты.

Если бы не голоса и смех, которые раздавались из пещеры, Мадж наверняка прошел бы мимо. Точно: голоса и смех, а еще слабый аромат спиртного и сигареток с травкой. Выдр понимал, что должен предупредить товарищей, однако те подзадержались — верно, заболтались между собой, — так что ему не оставалось ничего другого, как пойти на разведку в одиночку. У входа в пещеру не было и намека на часового. То есть все складывалось для Маджа чрезвычайно благоприятно, а он был не из тех, кто не умеет пользоваться стечением обстоятельств. Мадж проскользнул в тоннель, который освещали не колдовские шары, а смолистые факелы. Это пришлось выдру по душе. Он был сыт по горло всякими колдовскими штучками. Тоннель уводил вниз; некоторое время спустя пол выровнялся, земля под ногами сменилась каменными плитами. Присмотревшись, Мадж различил в мраморе плит малахитовую жилку, которая, словно изображая из себя тропинку, вела туда, откуда доносились голоса и смех. Ярдов через сто тоннель вывел выдра в просторную пещеру. Убранство ее превосходило роскошью фантазии отъявленнейших сибаритов и эпикурейцев. С потолка свисал массивный канделябр, в котором горела добрая тысяча свечей, причем каждая была выделана из благовонного воска. Интересно, подумалось выдру, как они запихнули сюда такую махину? Но тут внимание его привлек оркестр, состоявший из едва одетых особ женского пола; все они не только весьма искусно играли на своих инструментах, но и, по всей видимости, находились с теми в близких, если не сказать интимных, отношениях. В пещере не было ни единого самца — одни самки, и большинство их составляли выдры: стройные, с лоснящимся мехом, длинными усами и острыми клыками. Около тридцати самок танцевали под аккомпанемент оркестра, подпрыгивая и вертясь, точно дервиши в какой-то дикой пляске. Мадж глядел на них, разинув в изумлении пасть. Впрочем, подобное поведение для того, кто страдал неизлечимой склонностью к противоположному полу и оказался вдруг лицом к лицу — то бишь морда к морде — со столь многочисленной компанией одиноких красавиц, было вполне естественным. И здесь, в самый неподходящий момент, Маджу вспомнилось, что уж он-то не одинок, что снаружи его, должно быть, поджидают товарищи. Он с неохотой повернулся, чтобы уйти, но замер на месте, услышав пронзительный визг. Музыка смолкла, танцорки остановились и потрясенно уставились на выдра.

— Смотрите, — воскликнула одна из новоявленных гурий, — самец!

Пещера огласилась истошными воплями. Самки кинулись к Маджу.

— Эй, девчонки, — проговорил тот, выставляя перед собой обе лапы и принимая оборонительную позу, — тока не горячитесь. Я ж не сделал вам ничего плохого.

Самки окружили его, принялись тормошить, гладить, щипать и целовать. Мадж вырывался, но не слишком целеустремленно. Он с наслаждением вдыхал аромат дорогих духов. Самки повлекли его в пещеру. Музыка возобновилась; она стала еще исступленнее, чем прежде. Мадж догадывался, что его приглашают принять участие в празднестве, отдохнуть, что называется, от души. А как же друзья? Ничего, подождут! А если нет — пускай и дальше обходятся без старины Маджа. Приняв подобное решение, выдр погрузился в пучину наслаждений.

Джон-Том моргнул и обнаружил, что сжимает дуару в руках с такой силой, что больно пальцам. Интересно, он что, вернулся в действительность без постороннего вмешательства или все же умудрился сыграть каким-то образом мелодию, которая покончила с пертурбацией? Куда подевались «Форум» и толпа восторженных поклонников? Где фэны, что заходились в истерических воплях, пробивались поближе к сцене, чтобы прикоснуться к шнуркам на его ботинках, аплодировали каждому слову, слетавшему с уст великого Джей-Ти? Огромный концертный зал сменился уходящими вдаль рядами сосен, елей и лиственниц, среди которых попадались порой красные деревья. Лес окутывала поистине оглушительная тишина. Юноша окликнул своих товарищей, но те не ответили. Они находились рядом, но как будто не слышали его.

Колин сидел на сосне и жевал сосновые иголки; вид у него был чрезвычайно довольный. Клотагорб примостился под деревом — в развилке меж двух больших корней. Он вертел в лапах плоский камень; физиономия чародея выражала неземной восторг. Некий звук вынудил юношу повернуться налево, и он увидел Дормас, которая каталась по грязи с видом не менее блаженным, чем у Колина. Лошачиха сбросила свою поклажу, и припасы путников разлетелись в разные стороны. Поблизости от Дормас, окунув клюв в лужу с мутной дождевой водой, лежал Сорбл. Филин пускал пузыри и делал крыльями такие движения, будто демонстрировал, как надо плавать. Что касается Маджа... Джон-Том встревоженно огляделся. Где же Мадж? Справа донеслось не то рычание, не то стон. Прижимая руку ко лбу — у него внезапно разболелась голова, — юноша двинулся в том направлении, откуда шли диковинные звуки. Вскоре он добрался до лежавшего на

земле бревна, поверх которого со сладострастно оскаленной пастью распростерся Мадж. Сообразив, чем занят выдр, Джон-Том судорожно сглотнул и торопливо отвернулся. За время их знакомства Мадж неоднократно выкидывал всяческие фортели, совершал поступки, которые можно было охарактеризовать как нелепые, непрактичные и даже отвратительные, но это! Юноша постарался избавиться от картины, стоявшей перед его мысленным взором, и принялся думать о том, как быть дальше. Снова оглядев товарищей, он решил, что Клотагорб — единственный, кто способен сейчас что-либо воспринимать, а потому твердой походкой приблизился к чародею и потряс его за лапу.

— Очнитесь, сэр! Я не знаю, где вы, но явно не в себе. Прошу вас, сэр, очнитесь! Ну пожалуйста!

Клотагорб ничем не показывал, что слышит. Джон-Том постарался припомнить, как именно располагались на струнах дуары его пальцы в тот миг, когда он вернулся в реальность, потом глубоко вздохнул и выдал несколько аккордов, совершенно не представляя, чего можно ожидать. Аккорды вышли не слишком благозвучными, но, возможно, так тому и следовало быть. Волшебник моргнул — почти как Джон-Том. Его взгляд выразил несказанное удивление.

— Что? Кто? Что? — Наконец он словно только-только заметил юношу, озабоченно глядевшего на него. — А, это ты, мой мальчик. Что случилось?

— Сэр, вы где? Здесь или там?

— Где я? Конечно, в Библиотеке! Что за глупый вопрос! Я в древней Библиотеке, которая есть чудо из чудес. Хорошо, что тебе тоже удалось отыскать ее, мой мальчик. Мне потребуется помощь. Как ты понимаешь, одному такую работу не провернуть. — Чародей ткнул пальцем в камень, который держал в лапе. — Видишь, я сумел найти ключ! Перед тобой первая страница указателя, составленного, как выяснилось, весьма разумно. В нем может разобраться даже непосвященный. — Клотагорб вытянул лапу с камнем вперед, как бы намереваясь поставить что-то на невидимую книжную полку, однако неожиданно замер и ошарашенно уставился в никуда.

— Сэр, с вами все в порядке?

— Значит, никакой Библиотеки нет? — прошептал Клотагорб после паузы.

— Нет, сэр, — подтвердил Джон-Том. На чародея было больно смотреть. — Мне жаль разочаровывать вас, сэр, но... То была иллюзия. Я и сам испытал нечто подобное. Я до сих пор не знаю, как выбрался из нее — то ли потому, что она кончилась, то ли благодаря тому, что случайно взял правильный аккорд.

— Нет, мой мальчик, это не иллюзия, — отозвался чародей. — Пертурбация. Еще одна треклятая пертурбация! Выходит, ты не видел ее? Я разумею, Библиотеку?

— Нет, сэр, — повторил Джон-Том. — На меня нашло другое наваждение. Мне чудилось, я стою на сцене в звездный час своей карьеры. Заветная мечта, осуществление сокровеннейших желаний. Я имел все, к чему стремился.

— Я тоже. На сей раз объектом пертурбации стали наши осознанные и неосознанные желания. — Волшебник поглядел на камень, который по-прежнему сжимал в лапе, и раздраженно отшвырнул его в сторону. — Короче говоря, нас преизрядно одурачили.

— Ну и что, сэр? Пускай нас и вправду одурачили, но мы не остались в дураках. Все обошлось, и мы — те же, какими были раньше.

— Спасибо за утешение, мой мальчик. — Клотагорб улыбнулся. — Раз уж ты взялся заботиться обо мне, помоги старику подняться.

Джон-Том исполнил просьбу чародея. Тот выпрямился и вдруг пустился пинать ни в чем не повинный камень, оглашая воздух забористыми, весьма красочными выражениями. Юноша знал, что за Клотагорбом водится привычка прохаживаться — порой достаточно едко — по адресу других, в особенности Сорбла, но никогда не слышал, чтобы волшебник употреблял все эти словечки в отношении самого себя. Лишь теперь Джон-Том осознал, насколько глубоко уязвлена гордость чародея.

— Ну вот, сейчас и впрямь полегчало. Поверь мне, мой мальчик, я был в Библиотеке. Именно с большой буквы, поскольку равной ей на свете просто не существует. В ней хранятся сведения обо всем, что было, есть и будет. Представляешь? Библиотека прошлого, настоящего и грядущего! Все возможные ответы на все возможные вопросы. То, о чем я грезил, мой мальчик, то, чего жаждал всю свою сознательную жизнь! Да, как-то неловко чувствовать себя обманутым, тем более сверхъестественным феноменом. — Волшебник глубоко вздохнул. — А что с остальными?

— Как видите, сэр, — сказал Джон-Том, указав сперва налево, а потом вверх, на ветку, на которой восседал Колин, — они все еще находятся в своих грезах. Должно быть, на них пертурбация подействовала сильнее, чем на нас с вами.

— Не льсти себе, мой мальчик. Тут ни при чем ни твоя воля, ни чувство реальности. Насколько я понимаю, нас обоих выручила музыка.

— Наверно, вы правы, сэр. — Джон-Том передернул плечами. — С роком надо держать ухо востро: он нет-нет да и выкинет что-нибудь.

— Постарайся в ближайшее время не упоминать ни о роке, ни о судьбе, — проворчал Клотагорб. — Идем, у нас много дел. Ты будешь петь, а я прибегну к чарам.

Джон-Том вызвался вернуть к действительности Дормас. Та, очнувшись, сильно расстроилась, несмотря на уверения юноши,

что от нее тут, собственно, ничто не зависело. Все они, все до единого, оказались бессовестно околдованными. Однако Дормас упорно не желала прислушаться к голосу разума, а в конце концов заявила, что хочет пробежаться по лесу, чтобы хоть немного утешить оскорбленное самолюбие. Как подозревал Джон-Том — а так оно и было на деле, — лошачиха просто хотела удостовериться сама, что луга в лесу нет и в помине; сколько она ни искала клевер и изумрудную траву, ей попадались лишь заросли кустарника да лужи с грязной водой. Удовлетворив свое любопытство, Дормас выкупалась в пруду, в который вливался горный ручей, ибо, катаясь по воображаемому разнотравью, измазалась с ног до головы. Холодная вода смыла грязь, но раздражение и стыд остались.

Джон-Том принялся собирать мешки и тюки, а Клотагорб тем временем пытался с помощью магии вразумить своего ученика. Когда выяснилось, что волшебство на филина практически не влияет, чародей перешел к мерам физического воздействия. Неизвестно, что именно вывело Сорбла из транса — магия, которая с запозданием, но все-таки сработала, или увесистые подзатыльники, — однако филин более-менее очухался. Более-менее — потому что он был настолько пьян, как будто напился не в воображении, а на самом деле. По всей видимости, это все же было не настоящее опьянение, а психические последствия пертурбации, которые обещали постепенно сойти на нет.

Кончив собирать поклажу Дормас, Джон-Том взобрался на сосну и крепко схватил Колина за плечо. Коала методично жевал сосновые иголки и бормотал себе под нос медвежьи мантры. Юноша как следует встряхнул чревоугодника, взяв попутно один или два аккорда на дуаре. Колин, вероятно, обладал необычайно развитым чувством реальности, ибо очнулся почти моментально.

К несчастью, Джон-Том слегка перестарался: коала свалился с ветки и тяжело плюхнулся на землю, но, судя по всему, ничуть не пострадал, поскольку тут же вскочил и огляделся с таким видом, словно с ним вообще ничего не случилось. Впрочем, наружность, как известно, обманчива. Мгновение спустя Колин пошатнулся, сел и закрыл морду лапами. Джон-Том испугался, что коала все же сломал себе что-то при падении с дерева, но вскоре стало ясно, что Колин, подобно Сорблу, страдает от последствий пертурбации. Медведь объяснил встревоженному юноше, что эвкалиптовые листья обладают слабым наркотическим действием. Вот почему коалы, которые едят их непрерывно, такие сонные и малоподвижные. В общем, нестрашно, однако надо подождать, пока прояснится в голове.

Что касается Маджа, то после того, как Клотагорб оправился от шока, вызванного лицезрением выдра, они с Джон-Томом и Колином едва стащили закадычного дружка с бревна. Все ожидали, что поведение Маджа, когда он придет в себя, будет приблизи-

тельно схоже с тем, какое продемонстрировала Дормас, однако выдр лишний раз доказал, что является единственным и неповторимым в своем роде экземпляром. Когда ему объяснили, что произошло, он разразился ругательствами, подобных которым здешние леса еще не слыхивали. Казалось, содрогнулся самый воздух. Но вот пыл Маджа, не говоря уже о запасе бранных выражений, подыссяк; выдр пнул то, что осталось от бревна, — во все стороны полетели щепки — и направился прочь, очевидно, чтобы попытаться переварить обиду, которую нанес ему пертурбатор.

— Подумать только, — заметил Колин. — Неужели водяной крысе стало стыдно?

— Боюсь, Мадж даже не знает такого слова. Мне кажется, он сердится на нас за то, что мы не дали ему насладиться до конца. Ничего, скоро отойдет.

Слова Джон-Тома некоторое время спустя получили подтверждение. Выдр отсутствовал около часа, потом вернулся в лагерь и принялся помогать Дормас с поклажей. Он не проронил ни звука до тех пор, пока не был проверен и заново упакован последний мешок. Лишь тогда выдр заговорил со своим другом:

— Слушай, приятель, тебе обязательно надо было влезать? Кто тебя просил?

— Пораскинь мозгами, Мадж, — посоветовал Джон-Том, закрепляя на спине лошачихи тюк с одеждой. — Мы угодили в пертурбацию, очутились во власти наваждения. Поверь, мне тоже очень жаль, что все происходило не наяву. В общем, я должен был вернуть тебя обратно.

— Знаю, знаю. Мы все связаны одной веревочкой, и все такое прочее. Но ты что, не мог чуток погодить?

— Откуда мне знать, что может случиться, если я не потороплюсь вмешаться? — Юноша затянул узел, показавшийся ему не слишком тугим.

— Эй, осторожнее, — проговорила Дормас, обернувшись. — Ты же не шнурок завязываешь, в конце-то концов.

— Извини, — пробормотал Джон-Том. — Да если бы не я, ты бы мог никогда не вернуться в действительность! Клотагорб говорит, что в том иллюзорном мире запросто можно было застрять навсегда.

— И чем тебе это, елки-моталки, не нравится?

— Мадж, для каждого из нас в отдельности иллюзии, вполне возможно, не представляли серьезной опасности, однако они мешали нам продвигаться к цели, ради которой мы и вышли в путь.

— Приятель, скока раз тебе повторять? Заботиться надо сперва о себе, а уж потом о других. — Выдр повернулся и, понурившись, отправился на поиски ножа и лука.

Джон-Том глядел ему вслед и размышлял над случившимся. Итак, все они испытали одинаковые ощущения, у всех как бы воплотились в явь самые безудержные фантазии и мечты. Но, в от-

личие от Маджа, никто из остальных членов экспедиции не выразил желания остаться в призрачном мире осуществленных грез до конца своих дней. И причина этого не подлежит сомнению: всем, кроме выдра, было ясно, что рано или поздно ими исподволь завладеет скука — ведь когда у тебя, пускай даже во сне, есть все, стремиться не к чему. Клотагорб доходчиво объяснил, что для того, кто не может сбежать от иллюзии исполнения желаний, итогом будет смерть, а вовсе не погружение в нирвану. Вот если бы придумать способ вызывать ту иллюзию на пару часиков в день...

Интересно, о чем думает пертурбатор? Думает ли он вообще? Клотагорб не уверен, наделен ли пертурбатор интеллектом, а если и наделен — присуща ли его проявлениям узнаваемая форма. Видит ли он сны, и если да, то о чем? Разумеется, эта штука, способная проникать из измерения в измерение, из Вселенной во Вселенную, пребывает сейчас в некоторой растерянности и вдобавок нервничает. А в результате происходят пертурбации — так сказать, межпространственный холодный пот на лбу звездного скитальца. Надо признать, что из них опасны лишь те, которые направляет захватчик пертурбатора. Например, когда закончилась последняя, все хоть и вздохнули с облегчением, однако почувствовали себя немного лучше. Может, пертурбатор страдает от любого искажения реальности не меньше, чем они сами?

Карабкаясь рядом с товарищами к горному проходу, Джон-Том внезапно осознал, что хочет освободить пертурбатор не только во имя того, чтобы прекратить возмущения, которые тот вносит в структуру мироздания. Он хотел освободить его потому, что пертурбатор, при всех своих недостатках, должен быть свободен. Юноше вспомнилось, как в детстве, играя с друзьями, он спрятался в шкаф, который тут же заперли снаружи на ключ. Прошло немало лет, однако то ощущение сохранилось и по сей день. Он знал, что такое томиться взаперти, когда едва можешь пошевелиться, а потому все крепче убеждался, что никто на свете не заслуживает подобной участи — даже столь чужеродное и необъяснимое явление, как пертурбатор. Мы собираемся вызволить не механизм, сказал себе Джон-Том, а живое существо, которое нуждается в помощи.

У горловины прохода Клотагорб объявил привал. Путники уселись в кружок, постаравшись укрыться от ветра, что дул из прорехи между уходящими в небо вершинами.

— Было бы неплохо узнать, что нас ожидает впереди и к чему не мешает приготовиться. Ты не против попытаться, гадатель?

— Я ничего не обещаю, друзья, — сказал Колин, пересаживаясь, удобства ради, под гранитный уступ. — Не ждите от меня чудес.

— Учитывая, что сейчас мы находимся в полном неведении относительно завтрашнего дня, нас обрадуют любые сведения, — заметил чародей.

— Хорошо. Но я вас предупредил.

Коала достал узелок с рунами. Серебряная нить ярко засверкала на солнце. Путешественники не сводили глаз с медведя, который неторопливо совершал необходимые приготовления. Вот он подобрал руны, а затем уронил их на кожаную подстилку. Никто не проронил ни слова. Джон-Том попробовал разглядеть в беспорядке рун какой-либо узор или хотя бы намек на таковой, но после того, как у него от чрезмерного старания начала побаливать голова, вынужден был отказаться от своей затеи. Он укорил себя за невежество, однако в глубине души не мог не согласиться с Маджем: на взгляд непосвященного, руны и впрямь производили впечатление собранной на помойке рухляди. Клотагорб, по-видимому, как ни странно, вполне разобрался в сути предсказания; во всяком случае, волшебник медленно кивал головой — то ли в знак того, что понимает, то ли желая показать, что и он не лыком шит. Джон-Тома снедало любопытство, однако юноша счел недипломатичным приставать к чародею с подобными вопросами.

— Ты был прав, старик, — произнес Колин задумчиво. — Он знает о нашем приближении.

— Что ты видишь? — справился Клотагорб. — Можешь ли что-нибудь определить? Кто он, насколько силен, какими обладает способностями? С кем, по крайней мере, нам предстоит сразиться?

— Во-первых, мы не ошиблись, величая его «он». Множество признаков указывает на принадлежность к мужскому полу и на связь с магией. Должно быть, волшебник или колдун. Вполне вероятно, что лесной пожар, в котором мы едва не погибли, был вызван вовсе не пертурбацией. Я чувствую силу, которая в состоянии уничтожить мир без помощи пертурбатора.

— Его сила превосходит мою? — спросил Клотагорб тихо, однако ровным голосом. Взгляды всех без исключения путников обратились к коале. Даже весьма скептически настроенный Мадж — и тот повернулся к погруженному в раздумья Колину.

— Вряд ли, — отозвался наконец коала. — Ваши силы различаются, но чем, я не могу установить. Не забывайте, я всего лишь гадатель, а не чародей.

— Что ты еще видишь? — поинтересовалась Дормас.

— Он не освободит пертурбатор по собственной воле. Нас ожидает схватка, исход которой зависит от кого-то одного, кто сумеет обеспечить успех экспедиции. Что до тебя, волшебник, твои знания и опыт окажутся поистине неоценимыми, без них мы не сможем уцелеть. Похоже, всем нам придется пойти на жертвы. Но, повторяю, лишь один среди нас способен совладать с противником. — При этих словах Колин поднял голову и взглянул в лицо Джон-Тому. Остальные последовали примеру коалы.

Что ж, криво усмехнулся юноша, чутье, выходит, не подвело.

Впрочем, подумалось ему, разве он когда-либо сомневался в том, что освобождение пертурбатора зависит исключительно от них с Клотагорбом? Взгляды товарищей нисколько не смутили Джон-Тома. Он достаточно часто оказывался в схожих ситуациях, чтобы успеть привыкнуть к тому, что все вдруг начинают таращиться на него, как баран на новые ворота. С другой стороны, продолжал размышлять юноша, почему всегда он? Почему, к примеру, не Колин с Маджем? Ну да, хмыкнул он про себя, они такого натворят...

— Ты не сказал мне ничего нового, — проговорил Джон-Том со вздохом. — Я хотел бы побольше узнать о противнике.

— Я что-то вижу, — ответил Колин, вновь наклонившись над рунами, — но никак не могу сообразить, что именно. Руны редко дают ясные предсказания. Однако в наличии угрозы нет ни малейших сомнений. Она проявит себя двояко. С первым проявлением сможет справиться только та магия, которой владеешь ты.

— Снова петь? — буркнул Джон-Том. — Помнится, мне уже приходилось иметь дело с колдуном. Мы с ним стали потом не разлей вода. Если и этот такой же...

— Руны говорят о нескольких.

— Да? Пускай их будет несколько, я все равно превращу их в паинек. Скорее всего они станут нашими союзниками.

— Если ты сможешь превратить их в друзей, это будет чудом, ибо руны утверждают, что тебе предстоит упорная битва. Еще неизвестно, кто кого победит. Ты можешь погибнуть, потому что их магия весьма могущественна и исполнена черной злобы.

— Я же сказал, что справлюсь, — Джон-Том выпрямился. — А каково будет второе проявление?

— Тут все ясно. — Коала усмехнулся. — Тебе суждено сразиться со своим заветным желанием.

Джон-Том недоуменно покачал головой. Ему сразу вспомнился призрачный мир, в котором он находился совсем недавно, возгласы и рукоплескания фэнов, многочисленные награды и перспектива блестящей карьеры на политическом поприще...

— Как, опять? Разве не достаточно того, что я одолел его в иллюзии?

— Может, и так, — сказал Колин, глядя на руны. — Я не могу выразиться точнее. Ты предупрежден, что само по себе очень важно. Знаешь поговорку: «Предупрежден — значит, вооружен»?

— Мы победим или нет? — спросила Дормас.

— Не знаю. Что касается исхода любого дела, здесь руны труднее всего поддаются толкованию. Они показывают дорогу к месту последней, решающей схватки, но и только. Дальше ничего не разглядеть. — Коала принялся собирать камешки, косточки и деревяшки.

— Жалко, приятель, что мы сами не умеем гадать, а то бы непременно узнали, можно тебе доверять или нет.

— Я бы мог обидеться, друг, но не буду, — сказал Колин, окинув Маджа весьма выразительным взглядом. — Ты кое в чем прав. Толкования рождаются тут. — Он приложил лапу к груди. — И тут. — Палец другой лапы уткнулся коале в лоб. — Порой бросок выходит неудачным, но этот, как ни удивительно, почти не оставляет желать лучшего. — Медведь искоса поглядел на Джон-Тома. — Признаться, я бы хотел, чтобы было иначе.

— Не переживай, — отозвался юноша. — Лично я рад, что получил предостережение, хотя оно, конечно, могло бы быть и менее туманным.

— Что суждено, от того не уйти, — изрек Клотагорб, рассматривая горловину прохода. — В жизни, мой мальчик, постоянно приходится с чем-то сражаться.

Нападения начались вскоре после того, как компания вступила в проход. С круч раз за разом срывались оползни, угрожавшие завалить путников и похоронить их под массой камней и комьев земли. Правда, Клотагорбу пока удавалось посредством заклинаний обращать сонмище валунов в облако пыли.

— Согласен, решение не идеальное, — извинился волшебник, вынужденный, как и все остальные, снова отряхиваться, — но как только нас перестанут засыпать, обещаю вам сотворить отличное очистительное заклинание.

Постепенно оползни сошли на нет. Им на смену явился настоящий тропический ливень, смывший с путешественников пыль и одновременно выказавший недвусмысленное намерение устроить потоп, который отнес бы экспедицию обратно к горловине прохода. Клотагорбу вновь пришлось взяться за работу. Чародей воздел лапы к небу, пробормотал что-то насчет своего возраста и произнес некую фразу. Ливень мгновенно прекратился, вода превратилась в пар, и в течение десяти минут проход напоминал гигантскую сауну. Мало-помалу пар рассеялся настолько, что стало возможно продолжать путь.

— Ну и что? — пробурчал Мадж, показывая волшебнику на свой жилет. — Как я теперь разглажу эти складки?

— Я спасал твою жизнь, а не одежду, водяная крыса, — отрезал Клотагорб. — Смотри лучше не на себя, а под ноги.

— Как скажете, ваше чудомудрие, — отозвался выдр, который, подобно всем прочим, вымок буквально до нитки. — Надеюсь, мы не встретим никого из моих знакомых.

— Можешь не беспокоиться, друг. — Коала положил лапу на панцирь чародея. — Ты как, старик?

— Меня тревожит несерьезность, пустяковость угроз. Они не представляют собой опасности, тогда как руны предвещали иное.

— Я же говорил, толкование далеко не всегда получается достоверным. Сдается мне, на сей раз я не промахнулся, но если вдруг выяснится, что все же промазал, я ни капельки не огорчусь.

— Сэр, вы зря изводите себя, — вставил Джон-Том. —

И потом, на мой взгляд, на свете немного найдется тех, для кого обвалы и потопы «не представляют собой опасности». Наш противник, должно быть, просто не понимает, с кем имеет дело.

— Возможно, ты прав, мой мальчик. С другой стороны, не исключена вероятность того, что он пытается заманить нас в ловушку. Безумцы могут действовать весьма хитроумными способами. Впрочем, пока колдовство, которому мы противостоим, вовсе не столь могущественно, как я воображал. Если так пойдет и дальше, мы, безусловно, достигнем цели.

— Мне что-то не верится, чтобы Колин ошибся в своем толковании.

— Мне тоже, — заявил коала. — Но скажу честно: я ничего не имею против того, чтобы ошибиться.

— Хозяин! — раздался над головами путников крик летавшего на разведку Сорбла. — Друзья! Там, впереди! Проход кончается! Мы почти пришли! — Филин совершил разворот, взмахнул крыльями и снова устремился туда, откуда только что прилетел. Остальные поспешили за ним. Какое-то время спустя они обнаружили, что впервые за много недель дорога ведет не вверх, а вниз.

Глава 12

Внизу, как бы стиснутая с обеих сторон величественными пиками, располагалась чудесная маленькая долина, на дне которой лежало вытянутое в длину голубое озеро. По берегам озера росли вечнозеленые деревья и кустарники, причем лишь некоторые из них были выше дюжины футов; большинство же составляли приземистые чахлые деревца — молчаливые свидетели частенько врывающихся в долину ураганных ветров. На противоположном склоне — каменистом, почти начисто лишенном какой-либо растительности — возвышалась грозная стена.

— Крепость нашего врага, — объявила Дормас. — Иначе и быть не может.

— Крепость? — презрительно хмыкнул Мадж.

Присмотревшись повнимательнее, Джон-Том вынужден был признать, что первое впечатление оказалось обманчивым. При ближайшем рассмотрении стена вовсе не казалась грозной. Она была сложена из больших камней, между которыми только местами виднелся слой глины. Крыша сооружения, которое пряталось за стеной, была соломенной, а вовсе не черепичной или хотя бы крытой дранкой. Что касается самой стены, она явно требовала ремонта, точно так же, как дорожка, сбегавшая к озеру, — ее не потрудились даже вымостить плитами.

— То, что мы видим, существует сравнительно недавно, — заметил Клотагорб и двинулся вниз.

— С чего вы взяли, сэр? — изумился Джон-Том. — Тут же все разваливается на глазах.

— Мой мальчик, степень разрушений доказывает не столько возраст, сколько пренебрежение основополагающими принципами архитектуры. Эта постройка неудачно задумана и столь же неудачно воплощена в жизнь. Она напоминает мне те нападения, каким мы подвергались в проходе. Я все больше склоняюсь к мысли, что нам противостоит не могущественный колдун, а тот, кому до сих пор просто-напросто безумно везло. Разумеется, отсюда не следует, что мы можем ослабить бдительность; несмотря на свое безумие, враг способен использовать энергию пертурбатора и нанести смертельный удар. Не забывай о рунах.

— Я помню, сэр.

Установилась тишина. Каждый из путешественников целиком ушел в свои собственные размышления. Однако вскоре Клотагорб прибавил шагу и догнал шедшего впереди Джон-Тома. Юноша вопросительно посмотрел на чародея.

— Что такое, сэр?

— Видишь ли, мой мальчик, — отозвался волшебник после недолгой паузы и запрокинул голову, чтобы взглянуть человеку в глаза, — я уверен, что мы столкнулись с проблемой, разрешить которую под силу лишь нескольким разумным существам, но ничуть не уверен в исходе.

— Колин тоже сомневается.

— Вот именно. Поэтому я хотел бы обговорить заранее некоторые моменты.

— Что-то я не пойму, сэр.

— Сейчас поймешь. Мой мальчик, временами я бывал с тобой резковат, обращался примерно так же, как с Сорблом. Тебе могло показаться — по тону, если не по смыслу слов, — что я забочусь вовсе не о твоем благополучии, а только о том, как лучше использовать таланты, которыми ты, бесспорно, обладаешь. В таком случае знай, что ты ошибаешься. Я полюбил тебя, мой мальчик. Помни об этом, если со мной что-нибудь случится.

У Джон-Тома перехватило дыхание. Признание Клотагорба настолько поразило юношу, что он как будто онемел от изумления.

— Ты попал в наш мир совершенно случайно, — продолжал чародей, — отнюдь не по своей воле. Твое появление в ответ на мой отчаянный призыв о помощи было воспринято мной не совсем так, как ты вправе был ожидать. Я страшно огорчился и слегка рассердился.

— Я помню, — пробормотал Джон-Том.

— Однако судьба имеет обыкновение уравновешивать чаши весов. Мне даже кажется, что твой приход определенно склонил их в мою сторону. Я не побоюсь утверждать, что события развивались до сих пор в неожиданном и весьма благоприятном для

всех нас направлении. К сожалению, у меня такое впечатление, что я был не слишком гостеприимен. — Волшебник жестом отмел слабые возражения Джон-Тома. — Подожди, дай мне закончить. Я не привык раскаиваться в содеянном, так что если ты меня перебьешь, возможность скорее всего окажется упущенной. Постарайся осознать, что профессия чародея подразумевает одиночество. Те, кто занимается магией, как правило, все время трудятся; им недосуг следить за собственным поведением или налаживать нарушенные взаимоотношения. Поскольку же я — величайший волшебник на свете, мне приходится выносить тяжелейшее бремя обязанностей. Я волоку его на себе уже больше ста лет, а потому забываю порой, что жизнь заставляет меня общаться с простыми смертными, которые гораздо менее моего сведущи в тайнах нашего ремесла. Может быть, мое нетерпение воспринималось со стороны как грубость. Я хочу сказать — прости мое косноязычие, слова даются мне нелегко, — что за прошлый год ты достиг значительных успехов. Ты научился сносить мои капризы, жаловался не чаще, чем у тебя появлялась на то причина, и выполнял практически все, о чем бы я ни попросил. Мой мальчик, мне крайне важно, чтобы ты узнал мои истинные чувства. Признаться, горько думать, что один из нас — или оба — может уйти в иную плоскость бытия, затаив на другого злобу. Ты подарил мне надежду и стал для меня отрадой на склоне лет.

Прежде чем Джон-Том успел сообразить, что ответить, чародей отстал от него и принялся поджидать Дормас, замыкающую шествие. Впрочем, не поступи он так, у юноши все равно не нашлось бы подходящих слов. Да и что Джон-Том мог сказать? В своем монологе Клотагорб, впервые на памяти человека, выказал всю глубину дружеских чувств, которые испытывал к юноше. Нет, это было скорее похоже на признание в любви. Джон-Тому подумалось вдруг, что, проживи он хоть тысячу лет, ему вряд ли доведется услышать снова что-либо подобное. Внезапно его осенило: ответ, который, по размышлении, напрашивался как бы сам собой, только смутил бы Клотагорба, а может, даже и рассердил. Поэтому Джон-Том проглотил фразу, что готова была сорваться у него с языка, и, по-прежнему ощущая внутри приятное тепло, разлившееся по телу сразу после исповеди чародея, вернулся мыслями к действительности.

Тратить время на сентиментальные глупости было некогда. Следовало припомнить как можно больше песен, могущих оказаться полезными при встрече с опасностью, о какой говорил Колин. Если коала прав в своих рассуждениях хотя бы наполовину, такая встреча с неведомой угрозой, справиться с которой в состоянии лишь он, Джон-Том, могла состояться в любую секунду. Тем не менее, мысленно пообещал себе юноша, он никогда не забудет слов Клотагорба и к тому же станет напоминать их чаро-

дею всякий раз, когда тот впадет в ярость и примется распекать на чем свет стоит своего бестолкового подопечного.

Предсказания коалы начали сбываться достаточно скоро. Первая атака последовала в тот миг, когда путешественники достигли озера и ступили на извилистую дорожку, поднимающуюся по склону к полуразрушенной крепостной стене. Подул холодный ветер, который будто ощупывал путников, как бы разыгрывая из себя слепца. Студеные ветры не были, очевидно, редкостью в здешних краях, однако этот задул столь неожиданно, что застал экспедицию врасплох. Спасители мира сгрудились тесной кучкой, бросая настороженные взгляды на небо и вокруг себя. Рисковать даже с обычным, на первый взгляд, явлением природы никто не собирался.

— Дормас, — окликнул Колин, который предусмотрительно обнажил саблю и стиснул ее в своей короткой, но мускулистой лапе, — у тебя почти все наши припасы, так что ты оставайся позади. Тем более тебе удобнее сражаться задом. Ты, старик, — повернулся он к Клотагорбу, — держись в середине, там безопаснее. А вы...

— Эй, кореш, — вмешался Мадж, — а ты кто такой, чтоб распоряжаться нами? Можа, запамятовал, кто тебя выручил из беды?

— Водяная крыса, ты забываешь, что я телохранитель. Я распоряжаюсь потому, что никто из вас не обучен воинскому искусству.

— Ну-ну, — проронил Мадж и встал перед коалой. — Между прочим, я в свое время тоже повоевал, и коли речь зашла о том, кому быть главным, мы...

— Хватит, вы оба! — прикрикнул Клотагорб. Судя по тону, чародей был не в том настроении, чтобы благодушно прислушиваться к перебранке двух забияк. — Мне кажется, не имеет значения, в каком порядке мы приблизимся к этому приюту для умалишенных и каким оружием будем размахивать. По всей вероятности, сражаться придется не сталью.

— Точно, старый баран!

Колин и Мадж разом повернулись и уставились на противников. Тех было четверо. Они стояли плечом к плечу, перегораживая дорожку к крепости. Телосложением они напоминали Колина: широкоплечие, каждый ростом около четырех футов. Кожа у всех была ярко-красной. Глядя на них, Джон-Том засомневался, что они приобрели сей оттенок нежась в лучах солнца; тем не менее, что-то подсказывало юноше, что родом враги из жарких южных краев. Головы всех четверых венчала пара коротких, загнутых внутрь рожек; рты, которые, казалось, тянулись от уха до уха, полны были острых клыков. Самую любопытную подробность облика составляли глаза — вытянутые, как у ящериц, с огненно-красными зрачками и черными радужными оболочками.

— Тот, кто призвал нас сюда, — сказал первый бес, — потра-

тил на наши поиски немало времени и сил. Он велел передать вам, что дальше вы не пройдете. Ваша настырность действует ему на нервы, чего он никак не может допустить. Вот его слова: уходите или пожалеете.

— Спасибо за заботу, — отозвался Джон-Том. — По правде говоря, мы и не думали задерживаться. Нам всего-то и нужно, что освободить гостя, которого пленил ваш хозяин, а потом мы отправимся восвояси. — Юноша шагнул вперед.

— Вы не пройдете! — гаркнул второй бес, замахиваясь когтистой лапой. — Пошел прочь, болван!

— Пожалуй, ты прав, старик, — пробормотал Колин, обращаясь к Клотагорбу. — Сталь здесь вряд ли пригодится. Но надеюсь, ты не будешь возражать, если я захочу убедиться в этом на собственном опыте? — Он прыгнул туда, где стоял Джон-Том, и с размаху опустил саблю на голову того беса, который грозил юноше когтями. Лезвие прошло сквозь тело демона и ударилось о камень на земле с такой силой, что во все стороны полетели искры. Ошарашенный Колин попятился.

— Старших надо слушать, — ухмыльнулся бес.

— Чего с ними церемониться! — воскликнул третий краснокожий. — А ну!

Каждый из бесов сунул лапу себе за спину. Мадж в ответ потянулся за ножом, а Клотагорб начал постепенно съеживаться и уходить в панцирь. Однако бесы извлекли не луки со стрелами и не мечи, не ятаганы и не пики — по всей видимости, традиционное оружие было у них не в ходу. Они вооружились музыкальными инструментами. Первый держал в лапе дудку, которая извивалась, точно змея. Второй прижимал к груди плоский деревянный ящичек, по верху и по низу которого были натянуты весьма диковинным образом струны. Третий обзавелся чем-то вроде Джон-Томовой дуары — сходство было полным, если не считать того, что на бесовском инструменте имелся всего один набор струн. Наконец, четвертый обвешался крохотными барабанами, причем было непонятно, то ли это настоящие барабаны, то ли раздувшиеся до необычайных размеров опухоли. Да и вообще, чудилось, что все инструменты выросли из тел демонов.

— Чаропевцы из преисподней, — прошептал Мадж на ухо Джон-Тому. — Ну и влипли мы, кореш! — Выдр искоса поглядел на Колина. — Извиняй, приятель, что не поверил, хотя ты, конечно, мог бы и ошибиться.

— Не говори, — вздохнул коала, продолжая держать перед собой саблю, несмотря на то что всего лишь мгновение тому назад удостоверился в ее непригодности. Может быть, он воспринимал сейчас клинок не как оружие, а как охранительный амулет.

— Парень, их четверо, — продолжал шептать Мадж. — Ты сумеешь справиться с ними?

— Не знаю, — признался Джон-Том. — У них у каждого свой инструмент. Возможно, магия срабатывает, только когда играют одновременно на всех. В таком случае мы еще посмотрим, кто кого. Ну да ладно, там поглядим. — С этими словами он перекинул дуару на грудь.

Второй бес заметил движение и воззрился на юношу. У Джон-Тома неизвестно почему сложилось впечатление, что мерзкое существо нисколько не обеспокоилось, а наоборот — развеселилось.

— Ага! — воскликнул бес. — Еще один певец! Нас предупреждали о тебе, дылда! Что ж, очень приятно. Хорошо умирать под музыку, правда? Ты уж постарайся.

— Можешь не волноваться, — угрюмо заверил Джон-Том.

— Следите за мелодией, за аккордами и текстом, — проговорил бес, обращаясь к товарищам. — И чтобы в лад, а то схлопочете!

Первая песня была нацелена не на Джон-Тома, а на того из путешественников, кто посмел перейти от слов к действиям. Слова обрушились на Колина подобно удару исполинского кулака. Медведь выронил саблю, перегнулся пополам и ухватился обеими лапами за живот. Глаза его расширились — то ли от изумления, то ли от боли. Мадж сунул свой нож обратно за пояс и, переместившись с быстротой, на какую способны одни только выдры, успел поддержать коалу, который иначе повалился бы на землю. Колин захлебывался рвотой. Один-единственный куплет превратил отважного бойца в инвалида.

Бесы даже не стали заканчивать песню. И то сказать, зачем? Несколько слов, произнесенных под аккомпанемент, вывели из строя, по-видимому, сильнейшего из противников.

Джон-Том застыл как вкопанный, широко разинув рот, хотя песня на него ни капельки не подействовала; впрочем, она ведь была направлена на другого.

— Поняли? — осведомился все тот же бес. — Наш хозяин наделил наше чаропение силой, что позаимствована из бездонного колодца смятения, из тех пучин, где сливаются воедино песни печали и отчаяния, образуя отвратительную, оскверняющую души смесь. В нашей музыке звучат стоны безнадежности и вопли скорби. Никто не способен устоять перед ней. Никто не может не поддаться ее чарам.

— Боюсь, он прав, Мадж.

— Не жди, приятель, что я примусь возражать. — Выдр осторожно уложил на землю побежденного колдовством Колина и медленно выпрямился; во взгляде его читался страх. — Ну и шум, ваще! Я и думать не думал, что бывает такая музыка. Слушай, чувак, но когда они начали играть, твоя физиономия вдруг изменилась. Ты что, узнал эту песню?

— Да, Мадж, я ее знаю.

— Тада че ты стоишь? Кто из нас, разрази меня гром, чаропе-

вец? Пока ты будешь хлопать ушами, они живо с нами разделаются. Давай пой!

Однако Колин, как внезапно выяснилось, был если и побежден, то вовсе не до конца. Тяжело дыша, медведь перекатился на живот, поднялся, подобрал саблю и двинулся в сторону бесовского квартета. Мадж попробовал было остановить его, но у коалы, оказывается, осталось вполне достаточно сил для того, чтобы отодвинуть выдра с дороги. На морде Колина была написана крайняя решимость — выражение не из тех, какие можно передать словами. Бесы, впрочем, ничуть не испугались. Они затянули новую песню, куда более омерзительную, нежели предыдущая.

«У милой лживая душонка!..»

Джон-Том понял, что весь вспотел. Бесы играли традиционное старое доброе кантри. Но как они играли! Даже его музыка вынудила пошатнуться, хотя он стоял в стороне. Юноша подумал, что никогда в жизни не слышал ничего столь отвратительного, столь ужасного, столь приторного по мелодии и по тексту. Бесы играли и пели, их голоса, исполненные страдания и самолюбования, красиво переплетались. Такого Колин вынести уже не мог. Ему до сих пор не приходилось сталкиваться с чем-либо в этом роде, а потому он оказался совершенно не готов. Последним усилием воли медведь перехватил саблю как копье и швырнул ее в предводителя квартета. Куплет одной из песенок Хэнка Уильямса поверг оружие на землю.

Затем бесы повернулись к тому, кто единственный мог выстоять против них. Пальцы Джон-Тома легли на струны дуары; юноша терпеливо выжидал. Для затравки, чтобы проверить, насколько он силен, бесы сыграли кусочек из «Конвей Твитти», на что Джон-Том ответил «Розовым кадиллаком» Спрингстина. Один из бесов сбился с ритма, нахмурился и снова запел в лад с остальными. Квартет без всякого предупреждения перешел на торжественный речитатив в духе Пэтси Клайн. Обливающийся холодным потом Джон-Том откликнулся забойным «Прыжком» Ван Халена. Обмен песнями продолжался, и самый воздух в долине как будто исполнился сомнений и никак не мог решить, что лучше — дождь или солнце. Пропетые бесовским квартетом песни Тэмми Уайнетта, Джонни Кэша и Ронни Милсепа оказались настолько действенными, что путникам стало трудно дышать. Джон-Том постарался разрядить атмосферу, подбирая самую жизнерадостную музыку, какая только приходила ему на ум, — от «Бродяги» Логгина до попурри из Синди Лаупер. Однако он сражался в одиночку против четверых и мог рассчитывать исключительно на себя. Как обычно, лучшим союзником Джон-Тома был он сам. Чем дольше юноша играл, тем эффективнее становилось его чаропение.

Бесы начали отступать; они пятились, а Джон-Том медленно,

но верно продвигался вперед. Демоны не могли противостоять ни радостному возбуждению юноши, ни пронизанной животворными токами музыке, которую он исполнял. Внезапно они стали подходить все ближе друг к другу; еще миг — и бесы слились воедино как телами, так и голосами. Джон-Том вдруг обнаружил перед собой четырехголового и восьмирукого монстра. Гуманоиды же, преградившие путешественникам дорогу в крепость, сгинули без следа. Вернее, кое-какой след сохранился: с плеч монстра ухмылялись все те же бесовские рожи, руки играли все на тех же инструментах, однако общее тело сделалось грузным и уродливым. Больше всего монстр напоминал жирного слизняка; он пел и приплясывал, приплясывал и пел о мире, в котором тяжкий труд ведет к бедности, красота — к обману, а любовь — к несчастью и одиночеству. Мало-помалу Джон-Том осознал, что музыка бесов уже не та, что раньше, заметил, что ухмылки на омерзительных мордах сменились гримасами отчаяния, и понял, что побеждает. Бесы также догадывались об этом и, что, вероятно, мучило их сильнее всего, сознавали: он знает, что они догадываются. Желая окончательно расправиться с противниками, Джон-Том запел «Девочки хотят повеселиться» и пустил вперед Дормас. Песенка пришлась лошачихе по душе, и она принялась в такт музыке лягать отступающее чудище. Юноша был доволен собой — тембром голоса, постановкой пальцев на струнах, движениями рук. Он словно заново переживал те ощущения, которые испытал во время иллюзии, когда ему пригрезилось выступление на сцене лос-анджелесского «Форума». Монстр, которого, фигурально выражаясь, загнали в угол, пустил в ход свою последнюю надежду — песни Хэнка Уильямса. Ошеломленный всепоглощающей меланхоличностью лирики, Джон-Том почувствовал, что победа ускользает. Но тут как нельзя более кстати рядом с юношей очутился Мадж.

— Поднажми, приятель! Наддай, наддай, чего сник? Выдайка им на полную катушку!

Джон-Том огляделся по сторонам, заметил, что выдр стоит позади него, а Дормас и Клотагорб — по бокам, и выдал череду хитов Стиви Уандера, Тины Тернер и «Юритмикс». Монстр сразу обмяк. Юноша поспешил подлечить чудовище собственной версией «Багрового дождя» в стиле «соул». Монстр начал менять цвет с красного на бледно-голубой.

— Жми, приятель, жми! Дави его, гада!

Монстр попытался собраться с силами, чтобы атаковать путешественников более прозаическим оружием, вроде мечей и копий. Мадж и Дормас приготовились защищать Джон-Тома, но их помощь не понадобилась. Юноша прекрасно видел, что происходит, и решил нанести лирический coup de grace[1]. Его пальцы

---

[1] Coup de grace (*франц.*) — удар милосердия.

замелькали быстрее прежнего; ему казалось, он вот-вот оторвется от земли и взлетит. Должно быть, бесы никогда не сталкивались с неукротимой энергией «Нейтронного танца» группы «Пойнтер Систерз». Дуара преобразилась на мгновение в миниатюрный генератор частиц и дала залп прямиком в грудь монстра. Раздался глухой взрыв. Путники зажмурились, чтобы не ослепнуть от яркой вспышки, спрятали морды в лапах; Джон-Том заслонился дуарой. Когда к нему вернулось частично утраченное зрение, он увидел, что на том месте, где находился четырехголовый монстр, расплывается облако грибовидной формы. Вскоре оно рассеялось, и тогда обнаружилось, что дорожка и камни вокруг усеяны кусками красной плоти. Невольно создавалось впечатление, что здесь недавно взорвался воздушный шар.

— Шик! — воскликнула Дормас, разглядывая висящую в воздухе дымку — все, что осталось от облака. — Что это такое?

— То, от чего лучше держаться подальше, — ответил Джон-Том и повел товарищей в обход воронки. «Немыслимо! — подумалось ему. — На свете не существует такой вещи, как термоядерный взрыв карманного масштаба! Или в этом чокнутом мире не существует такой вещи, как «не существует такой вещи»?

— Вход! — завопил Мадж, тыкая ножом в сторону крепости. — Ну все, парень, теперь нас ничто не остановит!

— Не горячись, Мадж, — проговорил Джон-Том, ускоряя шаг, чтобы догнать вырвавшегося вперед выдра. — Не забывай, что предсказали руны.

— Да брось, приятель! — отозвался выдр, но тем не менее пошел медленней. — Я знаю, ты со всем справишься! Че нам бояться, коли ты с нами?

— Уверенность и самоуверенность, к твоему, водяная крыса, сведению, означают вовсе не одно и то же, — изрек Клотагорб. Подъем давался волшебнику нелегко: он тяжело дышал. — Я ощущаю могучую колдовскую силу, которая представляет огромную опасность. Если бы тот, кто обладает ею, находился в здравом уме, я бы ничуть не испугался, а так... Мы без особого труда преодолели проход и расправились с бесами, а это наводит на не слишком приятные размышления. И потом, — прибавил чародей, поглядев на Джон-Тома, — нашему чаропевцу еще предстоит сразиться со своим заветным желанием.

— Мне кажется, сэр, я с ним уже сразился. Но будь что будет — я готов.

— Молодец, — похвалила Дормас. — Тогда действуй.

Из крепости высыпала толпа тяжеловооруженных пехотинцев. Джон-Том прикинул на глазок численность отряда. Двадцать или тридцать человек — именно человек, а не каких-нибудь там демонов. Воины размахивали мечами и испускали воинственные вопли.

— Если они думают, что смогут задавить нас числом, — про-

изнес Колин, подбоченясь, — то им придется пожалеть о своем заблуждении. Я сам перебью половину. К тому же у нас есть волшебник и чаропевец, а значит, опасаться вообще нечего. — Неожиданно в голосе коалы послышалось удивление. — Что-то я, честно говоря, не пойму. С какой стати злому колдуну насылать на нас человеческих самок?

Джон-Том мог бы растолковать медведю, с какой стати, однако язык юноши словно присох к нёбу. Он стоял, стиснув дуару обеими руками, и потрясенно взирал на толпу рыжеволосых красавиц, которые мчались вниз по склону. Их кровожадные взгляды метали молнии.

Мадж и Клотагорб на какой-то миг тоже как будто впали в транс, но моментально спохватились. Оба они испытали, разумеется, потрясение, однако далеко не столь сильное, как то, которое выпало на долю человека. Джон-Том не предпринимал ни малейшей попытки защититься, хотя был вооружен с одной стороны дуарой, а с другой — своим посохом. Он просто стоял и смотрел, пораженный до глубины души осознанием того, что разумели руны Колина под схваткой с заветным желанием. Мимо его головы просвистела стрела. Он мигнул, но не сумел заставить себя хотя бы пригнуться. Он не имел сил что-либо сделать, ибо каждая из тридцати новоявленных валькирий выглядела точь-в-точь, как его возлюбленная Талея!

О, Талея! Длинные рыжие волосы, отважное сердце, чудесный характер и склонность к сомнительным занятиям! Та самая Талея, к которой он сватался и которая отвергла его на том основании, что не готова пока связать судьбу с одним мужчиной и обосноваться на одном месте. Он не переставал любить ее. И вот теперь три десятка ненаглядных Талей бежали к нему из крепости безумного колдуна и, надо признать, отнюдь не с распростертыми объятиями. Джон-Том вспомнил, что не видел Талею без малого год. Он был совершенно не готов встретить ее здесь, тем более — если позволительно так выразиться — в таком количестве.

— Что стряслось с чаропевцем? — спросил Колин, который вновь обнажил саблю и взял ее на изготовку.

— Ваще, ничего особенного, — отозвался Мадж. — Тот придурок, что засел в крепости, не умеет играть честно. Понимаешь, все эти длинноногие красотки как срисованы с зазнобы моего приятеля.

— Ну погоди, мы с тобой посчитаемся, — пригрозил Колин укрывшемуся в крепости колдуну. — Что будем делать?

Ответа долго дожидаться не пришлось. Толпа разъяренных Талей накатила на путешественников океанской волной. Когда на тебя замахиваются топором или мечом, ломать голову над тем, как поступить, обычно некогда да и незачем. Колин отпарировал удар и проворно отпрыгнул с пути первой из женщин. Мадж, отбиваясь как мог, пытался извлечь из-за спины свой лук. Слева от

него в камень ударилось копье; один из обломков чуть было не пропорол шкуру выдра. Мадж повернулся к Джон-Тому; в голосе его прозвучало нечто такое, чего человек никогда раньше не слышал, — сострадание.

— Извини, приятель. Так надо! Иначе нельзя!

Слова и действия выдра наконец-то вывели Джон-Тома из оцепенения. Он бросился вперед.

— Нет, Мадж, нет! — Ноги юноши словно приросли к земле. Ему чудилось, он бежит по только что уложенному асфальту. — Нет!

Выдр спустил тетиву в тот самый миг, когда женщина перед ним занесла клинок для смертельного удара. Стрела вонзилась ей в левую грудь, точно в сердце. Однако женщина повела себя вовсе не так, как положено тем, кто должен вот-вот испустить дух. Она начала видоизменяться, судорожно корчиться, постепенно уменьшаться в размерах! Послышался слабый свистящий звук. Вот превращение завершилось: в воздухе плавала красно-оранжевая масса размером с кулак. Прогремел взрыв, во все стороны полетели кусочки чего-то, напоминающего студень, пахнуло чем-то до тошноты сладким, как будто на землю уронили спелую дыню.

— Чтоб мне пусто было! — пробормотал Мадж. — Да они ненастоящие! — Он радостно окликнул друга: — Эгей, Джон-Том, ты видал? Они ненастоящие! — Выдр наложил на тетиву вторую стрелу, прицелился — и еще одна Талея обернулась омерзительной желеобразной массой.

Колин отпарировал очередной выпад, перешел в наступление и рассек пополам свою противницу, которая затем в точности повторила похоронную процедуру, продемонстрированную жертвами меткости Маджа. Дормас выбрала подходящий момент и, проявив изумительную для своего возраста ловкость, ударила задними копытами. Разумеется, мешки и вьюки разлетелись во всех направлениях, но та же участь постигла и Талею, у которой оказалась сломанной шея. Перемена обличья, сжимание в размерах, ба-бах! — и все. Над полем битвы то и дело грохотали взрывы.

Что касается Джон-Тома, он никак не мог заставить себя, несмотря на происходящее вокруг, присоединиться к товарищам.

Эфемерность мнимых Талей, к сожалению, ни в коей мере не распространялась на их оружие. Одной из женщин удалось, к примеру, раздробить топором роговую пластину на панцире Клотагорба.

— Давай, парень! — крикнул Мадж юноше, обороняясь сразу от трех красавиц. — Пойми, наконец, что перед тобой ненастоящая Талея, осел ты этакий! — Выдр сделал выпад. Бум! Мадж кинулся к Джон-Тому, бросив на бегу медведю: — Эй, сюда! Надо выручать этого придурка!

Коала кивнул, расправился с очередной противницей и устремился на помощь Джон-Тому. По всей видимости, Колин пребывал в прекрасном расположении духа. Еще бы — ведь ему наконец-то представилась возможность посчитаться с коварным врагом. Раньше приходилось полагаться только на волшебство, но теперь все зависело от остроты клинка, собственной ловкости и крепости лап. Вдвоем с Маджем — и при содействии Дормас — коале удалось значительно охладить пыл нападавших. Тем временем в битву вмешался Сорбл: зажав в каждой лапе по кинжалу, он пикировал с высоты на рыжеволосых двойников Талеи. Мадж и Колин заслонили собой Джон-Тома, не переставая твердить юноше, чтобы тот не валял дурака и не стоял столбом. Однако Джон-Том упорно отказывался внимать призывам друзей. Вернее, он соглашался с ними рассудком, но глаза — то бишь то, что представало взору, — повергали его в изумление, которое, словно некое заклинание, полностью обездвижило юношу.

— Очнись, кореш! — рявкнул Мадж, уклоняясь от летящего в него копья и посылая стрелу в ту, которая швырнула это копье. — Ты что, нарочно, что ли? Скока можно изображать из себя мишень?

Внезапно те Талеи, что пока уцелели, собрались в кучку и ринулись вперед с явным намерением отрезать Джон-Тома от его добровольных телохранителей. Колин и Мадж отчаянно сопротивлялись, но не устояли против натиска и очутились вдруг далеко друг от друга и от Джон-Тома. Дормас и Сорблу, охранявшим Клотагорба, недосуг было отвлекаться на того, кто не в состоянии защитить себя, поэтому Джон-Том весьма неожиданно оказался в гордом одиночестве. Одна из Талей замахнулась на юношу мечом. Он не шелохнулся. Как он мог сражаться с той, которая была с головы до ног точной копией его возлюбленной? Хотя, мелькнула у юноши шальная мысль, разве он не видел, что добрая дюжина таких копий обратилась в нечто крохотное и красно-оранжевое, а потом взорвалось? Ну конечно! Это всего-навсего фантомы, вызванные к жизни зловещей черной магией! Джон-Том не успел додумать до конца, не успел прийти к очевидному выводу, как сработали рефлексы: руки как бы сами собой подняли посох и подставили его под клинок — благо посох был из древесины таранного дерева. Меч врезался в посох и отскочил, будто резиновый. Тогда юноша перехватил свое оружие и ударил воительницу по голове, чуть повыше виска. Она пошатнулась, но быстро оправилась, припала на колено и попыталась отсечь Джон-Тому ногу. Юноше, который терзался как физической болью — вследствие удара, — так и душевными муками, не оставалось ничего другого, как нажать на кнопку. Из посоха выскочило острие шести дюймов длиной. Джон-Том зажмурился и ткнул посохом в прекрасную противницу. Лезвие вонзилось той в горло. Она издала причудливый булькающий звук и повалилась на землю.

Крови, однако, не пролилось ни капли, даже когда юноша извлек клинок. Мгновение — и женщина, точнее, злобная колдовская тварь, сгинула без следа.

— Отлично, приятель! — воскликнул Мадж. — Видишь, они все поддельные! Их состряпали, чтоб одурачить нас, а тебя — в первую очередь!

Ну разумеется, подумал Джон-Том. Одолев бесов-заклинателей, он напугал безумного колдуна, засевшего в крепости, и тот решил покончить с ним раз и навсегда. Надо признать, колдун едва не добился своего. Лишь беззаветная храбрость Маджа спасла его от смерти. Однако сейчас не время размышлять. Мадж и остальные потрудились достаточно. Пора самому показать, на что он способен.

— Ты прав, Мадж. Извини, что не верил. — С этими словами Джон-Том устремился в гущу битвы, размахивая над головой своим смертоносным посохом. Сбросив с себя путы оцепенения, он сражался с удвоенной энергией; вдобавок его душила злоба на того, кто замыслил и осуществил столь гнусную мистификацию, недостойную истинного колдуна. Талеи взрывались одна за другой, их становилось все меньше и меньше.

Колин, выказав чудеса ловкости, извернулся и пнул мыском башмака по колену очередной Талеи. Та выронила меч, испустила протяжный стон и рухнула наземь, обхватив руками ушибленную ногу. Коала занес саблю для последнего, смертельного удара. Внезапно Джон-Том сообразил, что до сих пор никто из противниц не стонал. Да, они оглашали окрестности пронзительными воплями, но стонов, как ни странно, не испускали. Неужели?.. Юноша заколебался, не зная, как поступить.

— Сукин сын, — пробормотала Талея. Глаза Джон-Тома округлились от изумления.

— Колин, стой! — гаркнул юноша.

Он ухитрился вклиниться между женщиной и медведем как раз вовремя, чтобы отразить удар. Коала кинул на него удивленный взгляд, пожал плечами и повернулся навстречу новому врагу. Джон-Том выставил перед собой посох и осторожно подступил к той, что сидела на земле, раскачиваясь взад-вперед и поглаживая колено. Нет, подумалось юноше, такого просто не может быть! Он приготовился вонзить острие в поверженного противника, будучи не в силах отделаться от мысли, что мнимые Талеи отказались от затеи одолеть путешественников числом и решили взять хитростью. Если так, насколько же коварен их невидимый хозяин, этот зловредный колдун! Талея уставилась на Джон-Тома с таким видом, будто только-только заметила его, и подняла руку, как бы умоляя о пощаде.

— Джон-Том, ты не узнаешь меня? Это же я, Талея!

Вокруг бушевала яростная битва. Не менее исступленное сражение происходило между чувствами и ощущениями юноши. Да, женщина выглядела как две капли воды похожей на Талею, ее

голос был голосом Талеи, но разве он не получил достаточно подтверждений тому, что повсюду призраки, которые, если их убить, исчезают на глазах, буквально лопаются в воздухе? Мадж и Колин вновь прикрыли Джон-Тома с обоих боков, поэтому у него появилось время поразмыслить над происходящим.

— Я... Я должен! Прости меня! — Он уколол женщину острием лезвия.

Та громко вскрикнула, потрясенно воззрилась на царапину на руке и вдруг зарыдала.

— Ах ты, мерзавец, ублюдок недоношенный! Ты порвал мне блузку!

Ее голос и впрямь походил на голос Талеи, но куда важнее было то, что по руке женщины тонкой струйкой потекла кровь. Она зажала царапину ладонью другой руки и принялась сквозь слезы честить юношу на все лады.

— У нее течет кровь! — воскликнул Джон-Том, торжествующе потрясая посохом. — Слышишь, Мадж, у нее течет кровь!

— Слышу, парень, слышу.

— Сдается мне, — сказал Колин, искоса поглядев на человека, — они и вправду влюблены.

— А почему бы ей не течь, обормот, осел вислозадый! Сам меня ранил, а теперь удивляется!

— Прости, Талея, прости, пожалуйста! — Джон-Том испытал поистине несказанное облегчение и обнаружил вдруг, что ему трудно говорить. — Я должен был это сделать.

— Ты должен был ранить меня? — Талея посмотрела на свою залитую кровью руку. — Никак ты открыл новый способ объясняться в любви? Нет чтобы подарить даме цветы!..

— Ты не понимаешь. Обернись. Погляди вокруг.

Талея послушалась, несколько раз моргнула. Джон-Том прижал ее к себе, ощутив знакомое тепло. Гнев Талеи сменился смятением и страхом.

— Где я, Джон-Том? Где мы находимся? И — и почему все эти бабы так похожи на меня?

— А ты не знаешь? — спросил он.

Талея отрицательно покачала головой. Она словно превратилась в маленькую, перепуганную до полусмерти девочку. Юноша бережно усадил ее в более удобное положение.

— Я все тебе объясню, вот только дай разделаться с остальными.

Глава 13

Благодаря в основном несомненным воинским талантам Колина и Маджа число нападавших вскоре сократилось до полудюжины. Подчинившись, должно быть, приказу своего безумного

хозяина, уцелевшие отступили и вознамерились было скатить на путников огромные валуны, однако у них ничего не вышло. Мадж методично расстрелял рыжеволосых красавиц из лука. В результате оказалось, что он истратил все до единой стрелы; впрочем, выдр быстро сообразил, что к чему, и принялся подбирать стрелы с земли: они служили единственным напоминанием о рати грозных воительниц, которые совсем недавно высыпали из крепости. Маджу помогал в поисках Сорбл, а остальные путники терпеливо дожидались, когда можно будет идти дальше.

Джон-Том держал Талею за руку и шептал ей на ухо ласковые слова. Однако Талея вполне пришла в себя, что означало, что она не потерпит никаких ласк. Девушка позволила Клотагорбу перевязать рану, но чувствовалось, что ушибленное колено доставляет ей куда больше неприятностей, чем эта царапина. Опираясь на Джон-Тома, Талея поднялась и попробовала пройтись. Выяснилось, что, если не считать легкой хромоты, с ногой все в порядке.

— Ничего не понимаю, — проговорила девушка, лицо которой, обрамленное длинными огненно-рыжими волосами, выражало недоумение и раздражение. — Я отдыхала у друга в Дарриантауне, и вдруг — на тебе — мир как будто вывернулся наизнанку.

— У друга или у подруги? — уточнил Джон-Том.

— Все тот же пылко влюбленный? — слабо усмехнулась Талея.

— Разумеется. — Он улыбнулся в ответ и пожал плечами. — Влюблен и полон надежд, несмотря на всю безнадежность любви.

— У подруги. В общем, это без разницы. Мы как раз собирались приобрести ожерелье, которое мне давно нравилось.

— То есть стащить, — вставил Клотагорб, упаковывая аптечку.

— Не все такие богатые, как вы, ваша ученость, — отозвалась Талея и высунула язык, а потом погрозила волшебнику пальцем.

— Богатство добывается не руками, а умом, — пробурчал чародей.

Похоже, он не обратил особого внимания на выходку Талеи, что было, кстати сказать, ничуть не удивительно: Клотагорба, по всей вероятности, больше занимала предстоящая схватка с колдуном, нежели спор с легкомысленной девицей.

— Так вот, — продолжала Талея, — я только-только взялась за ожерелье — прелесть, янтарь с голубым жемчугом! — как моя подружка Эйла ни с того ни с сего закричала. У меня перед глазами все поплыло, а когда я очухалась, то поняла, что попала неизвестно куда. Эйла исчезла заодно с магазином. — Девушка повернулась, склонила голову набок и моргнула. — По-моему, я очутилась вон в том здании.

— Что ты видела? — В голосе Джон-Тома слышалось возбуждение: наконец-то хоть одно неоспоримое свидетельство! — Как выглядел тот, кто захватил тебя?

— Не помню. Я вообще мало что помню. Мгновение назад была в магазине, и вдруг передо мной возник ты со своим трекля-

тым посохом. Правда, я припоминаю что-то такое, чего в жизни не видела...

— Что именно? — осведомился Клотагорб. — Ну-ка, детка, напряги память.

— Я и так напрягаю, куда уж дальше. Оно все время менялось. — Талея провела ладонями по глазам. — Ну да, менялось. Сплошные тени, которые отделялись от меня, слезали, как кожура с лука. Но больно не было. Во всяком случае, я ничего не чувствовала. А потом мы все вместе — ну, я и мои тени — очутились снаружи. Я знала, что они всего лишь тени, потому что никто из них не проронил ни словечка.

— Нам они показались вполне реальными, — проворчал Джон-Том.

— Еще я помню, — во взгляде Талеи читалась такая искренность, что у юноши защемило сердце, — что увидела тебя, Джон-Том. Я сразу поняла, что это ты. Рядом с тобой были Мадж и Клотагорб. Я хотела закричать, бросить меч и побежать к тебе, но не смогла. Не смогла! — Она горько заплакала и разрешила юноше обнять себя. — Мне чудилось, я подчиняюсь чужой воле. Ни крикнуть, ни остановиться. А затем кто-то велел мне убить твоего приятеля. — Девушка показала на Колина, который присоединился к ним. Следом за медведем подошла и Дормас.

— По счастью, ты не сумела, — заключил Джон-Том.

— У нее все равно бы не получилось. Ей повезло, что я ударил башмаком, а не саблей.

Джон-Том прокрутил в памяти эпизод схватки, представил себе коалу, который делает выпад и пронзает своей острой саблей тело Талеи, увидел, словно наяву, как та истекает кровью у него на руках, и невольно содрогнулся. Пожалуй, смерть и вправду была необыкновенно близка.

— Где мы? — спросила Талея. Голос ее звучал, как прежде, резко и отрывисто, однако Джон-Том чувствовал, что ей страшно. Господи, как он понимал девушку! — Куда нас занесло? Неужели весь мир спятил?

— Нет. Если он и сходит с ума, то лишь время от времени, — ответил Клотагорб и, прерываемый порой Джон-Томом, пустился излагать историю пленения пертурбатора и их собственного путешествия. — Будучи не в силах справиться с нами, — подытожил чародей, — наш противник прибег к последнему средству, чтобы избавиться от чаропевца. Через свое колдовство он завладел той, кого Джон-Том любит больше всего на свете, сотворил ее двойников и послал их против нас. Если бы не доблесть Колина и Маджа, он, вероятно, достиг бы того, к чему стремился.

— Джон-Том любит? — переспросила Талея. Она нахмурилась и стерла со щек слезинки. — Кого?

— Тебя, Талея, — проговорил Джон-Том, потупившись. — Я всегда любил тебя, начиная с той ночи, которая свела нас с

тобой. Помнишь парочку, которую ты пыталась ограбить? Я продолжал любить тебя и после того, как ты сказала, что хочешь обдумать наши взаимоотношения, и тебе это известно.

— Да? С какой стати мне должно быть что-то там известно?

— Как с какой? Я же говорил тебе, и не раз.

— Подумаешь, говорил! Я всегда считала, олух ты недоделанный, что тебе всего-то и нужно, что затащить меня в постель. По крайней мере, все мужчины, каких я встречала, только о том и помышляли, даже этот ободранный выдр, который вечно ошивается около тебя, хоть он и не человек!

— Ты про меня, или я ослышался? — поинтересовался Мадж.

— Ослышался, — буркнула Талея и повернулась к Джон-Тому. — Неужели ты не мог признаться мне в любви?

— Разве я не признавался?

— До чего же с вами, мужчинами, трудно! — вздохнула Талея. — Вечно вы дожидаетесь, пока женщина прочтет ваши мысли, а сами ходите с кислыми рожами, так что и понять невозможно — то ли влюблены, то ли зубы у вас болят!

— Верно, милочка, — заметила Дормас.

— Я думал... — выдавил Джон-Том, однако Талея не дала ему закончить:

— Он, видите ли, думал! Вы, мужчины, думаете, а бедные женщины извольте угадывать ваши гнусные мыслишки! А если не могут, значит, они и такие, и сякие — бессердечные, бесчувственные, ни на что не годные!

— Ну, хватит! — взревел Джон-Том. — Если тебе кажется, что ты вправе после того, как бросила меня...

Перебранка разгоралась все сильнее; обе стороны, не стесняясь в выражениях, принялись выяснять, кто же кого на деле бросил.

— Здорово, да? — справился Мадж у Колина, чистившего саблю, и кивком указал на людей. — Замечательная парочка, доложу я тебе, приятель. — Коала критически оглядел лезвие и возобновил свое занятие. — До чего ж приятно слушать! Сердце радуется.

— Кто она такая? — спросил Колин.

— Старая знакомая. Острый ножик, острый язычок, и ни за тем, ни за другим дело, уверяю тебя, не станет. Знаешь, кто свел их? Я. Нам как-то пришлось выручать ее из одной заварушки, ну, там они и сошлись. Понимаешь, Талея — она вся из себя независимая, так что ребятишки не успели толком спознаться, как тут же разбежались и с тех пор не виделись. Нет, какой слог, а? Пожалуй, даже мне есть чему поучиться.

К великому сожалению Маджа, навострившего было ухо, спор довольно быстро перешел в обмен извинениями и утешениями. Мало-помалу Талея и Джон-Том заговорили на гораздо

менее высоких тонах, а потом и вовсе зашептались. Юноша широко улыбался, а девушка то и дело подхихикивала.

— Смотреть противно! — фыркнул Мадж.

— Сдается мне, ты не хотел бы обзавестись одной-единственной подружкой, — заметил Колин.

— Кто, я? Слушай, кореш, чтоб я осел дома, мне надо перебить обе лапы, да и то я, верно, уползу. Еще чего не хватало!

— Я с тобой не согласен. Правда, жениться я пока не женился, но все чаще подумываю, что пора. Просто мне пока не встретилась та, с которой было бы хорошо вдвоем. — Медведь заколебался. — Откровенно говоря, у меня не очень-то получается толковать о таких делах. Вот руны или воинское ремесло — пожалуйста, сколько угодно.

— Да ну? Приятель, хошь, поделюсь с тобой своим богатым опытом в тех вещах, с которыми у тебя нелады? Умеешь говорить о войне, сможешь болтать и о любви.

— Я слышал, что некоторые объединяют это. — Коала настороженно поглядел на выдра. — Меня больше интересует деликатный подход, а ты, по-моему, склонен, так сказать, к извращениям.

— Ерунда, чувак! — воскликнул Мадж, обнимая коалу за плечи. — Первое, что тебе надо знать, это как...

— Я за прошлый год, выражаясь фигурально, несколько раз побывал в аду, — говорил Джон-Том. — Но всегда, слышишь, всегда помнил о тебе.

— Я тоже не забывала тебя, Джон-Том. Между нами, был такой момент, когда я даже приняла решение. Я попыталась разыскать тебя и обнаружила, что ты ввязался в очередную глупость и отправился куда-то за Глиттергейст.

— Клотагорб серьезно заболел, — объяснил юноша. — Нужно было достать лекарство, которое имелось только в одном заморском городе. Потом выяснилось — правда, уже поздно, — что экспедицию можно было и не затевать.

— На свете много такого, что мы узнаем лишь тогда, когда оказывается слишком поздно, — прошептала Талея, выказывая неожиданную склонность к философским обобщениям. — Теперь я это понимаю.

Джон-Тому потребовалось громадное усилие воли, чтобы избежать искушения обнять девушку, которая казалась сейчас столь привлекательной, столь уязвимой и беззащитной. Однако он подавил в себе это неуместное желание — неуместное потому, что за время знакомства твердо усвоил следующее правило: Талею нельзя торопить, нельзя подгонять, ибо ее естественная реакция — отнюдь не поддаться, а оттолкнуть, ответить не поцелуем, а увесистой оплеухой. Вот почему Джон-Том, безмерно благодарный судьбе, которая вновь свела его с возлюбленной, пусть даже при обстоятельствах, какие невозможно и вообразить, исполнился решимости соблюдать всяческую осторожность.

— Все в порядке, — сказал он. — Всем нам необходимо время, чтобы собраться с мыслями. Теперь его у нас предостаточно.

— Ты переменился. — Талея пристально поглядела на юношу. — Раньше тебе требовалось немедленное согласие.

— Ты права, я уже не тот, что прежде. Я стал настоящим чаропевцем. — То была если и ложь, то вполне простительная. — Побродил по свету и узнал много полезного как насчет себя, так и насчет мира, в котором живу. Меня научили тому, что любовь и дружба не терпят поспешности. — Он погладил девушку по щеке. — Я рад, что ты снова рядом, что я вновь слышу твой голос. Жаль только, что мы встретились в час испытаний, а не в более благоприятной ситуации.

— Да, — кивнула Талея, — меня преследует ощущение, что мир рехнулся окончательно. Скажи, вы с Клотагорбом не врете? Все и впрямь настолько серьезно?

— Поверь, никто не собирался нарочно пугать тебя.

— Угу. Значит, не врете. Жуть!

— Разделяю твои чувства.

— Послушай, раз тут замешана магия, Клотагорб прекрасно справится сам, а мы с тобой можем уйти.

— Боюсь, что нет. — Юноша судорожно сглотнул. От прикосновения Талеи по его жилам будто разлился огонь. — Я слишком многим обязан Клотагорбу, а потому не могу покинуть старика, даже если бы мне — то есть нам — угрожала верная смерть.

— Ты сказал то, что мне хотелось услышать.

— Правда?

— Я испугалась, что ты мог утратить свое мужество, свою храбрость перед лицом опасности, ту тягу к справедливости, которая всегда сопутствовала тебе при столкновении со злом. Мне нужно было убедиться, что ты переменился не настолько. Я бы не смогла любить тебя, если бы ты вдруг сделался разумным.

— Что ж, спасибо на добром слове.

— Теперь я знаю, что мы должны освободить пертурбатор, который томится вон там. — Она указала на крепость безумного колдуна. — Я не покину тебя, даже если ты меня прогонишь. Меня использовали, понимаешь? Этот стервец дорого заплатит за свою проделку. Я из-за него чуть не погибла, тем паче — от твоей руки. Знаешь, Джон-Том, я терпеть не могу грязи, а он загнал нас в грязную ловушку. Мне нравится, когда чисто, а кое-кому не помешает как следует почиститься. — Талея прильнула к юноше, ее губы оказались совсем близко. Джон-Том подался вперед. — Если нам повезет, — прошептала девушка, — мы сами, вдвоем с тобой, нашинкуем его, как салат.

Джон-Том облизнулся, слегка отпрянул и взглянул в лицо Талее, на губах которой играла кровожадная усмешка. Сомневаться не приходилось — то была настоящая Талея во всей своей красе.

— Может быть. Давай походим?

— Давай. — Девушка поднялась, оттолкнула Джон-Тома, сделала несколько шагов. Чувствовалось, что ей тяжело, однако краткая передышка явно пошла на пользу. — Гораздо лучше. — Она отважилась подпрыгнуть. — Да, гораздо лучше.

— Я рад. — Джон-Том снова обнял девушку и, не колеблясь, поцеловал. Наконец объятия разомкнулись, и Талея ткнула пальцем вправо.

— С лошачихой я знакома, но вот того жирного коротышку вижу впервые.

— Его зовут Колин, и он вовсе не жирный, а крепок как сталь. Он гадает по рунам, предсказывает будущее — когда получается. Мы с ним похожи: он гадает примерно так же, как я играю на дуаре.

— Настолько плохо? — пробормотала Талея, улыбнулась, заметив, что юноша нахмурился, и потрепала его по щеке. — Шучу, чаропевец. Кстати говоря, раз ты вооружен дуарой, может, одолжишь мне свой посох?

— Какой посох она у тебя просит, кореш? — Мадж скабрезно улыбнулся.

— Я давно собиралась свернуть этому мерзкому выдру шею! — процедила Талея сквозь зубы, подобрала один из клинков, во множестве валявшихся на земле, и устремилась за Маджем. Тот, хохотнув, легко увернулся и принялся дразнить девушку малоприличными жестами.

— Твоя невеста, похоже, поправляется, — заметил Колин, который проверял, не ослабли ли узлы веревок, удерживающих поклажу на спине Дормас. — Вон как скачет.

— Они с Маджем старые друзья, — объяснил Джон-Том.

— Вижу.

— Когда-нибудь я заставлю выдра сожрать собственное дерьмо, — заявила запыхавшаяся Талея, вернувшись к Джон-Тому. Она откинула со лба прядь волос, а затем отшвырнула меч и обняла юношу. — Пообещай мне одну вещь, Джон-Том.

— Какую именно?

— Когда мы отыщем колдуна, позволь мне прикончить его. Он у меня узнает, почем фунт лиха.

— Талея, мне порой кажется, что ты чересчур жестока.

— Если тебе нужна плакса, которая только и умеет, что сюсюкать, тогда ты ошибся в выборе!

— Я люблю сильных женщин, но львица мне как-то ни к чему.

Между влюбленными установилось молчание. Неожиданно Талея бросила дуться и лучезарно улыбнулась.

— Говорят, противоположности сходятся, так?

— Вроде так, хотя, по зрелом размышлении, мне представляется, что эта фраза — полная чушь. Я знаю лишь, что люблю тебя

всем сердцем, и если ты явишься на нашу свадьбу с мечом в руке, будь по-твоему. Но смотри не напугай того, кто будет нас венчать.

— Свадьбу? — задумчиво повторила Талея. — Ты же сказал, что не станешь меня торопить.

— Если кто вас и поторопит, — вмешался Клотагорб, — то лишь с тем, чтобы вы пошустрее поднимались по склону. Мы отдохнули достаточно. Теперь приспела пора положить конец выходкам колдуна, иначе он положит конец нашим жизням. Я понятия не имею, что может ожидать нас за этими стенами. Талея не видела ничего сколько-нибудь важного, поскольку ей не разрешили увидеть. Полагаю, следует приготовиться к любым неожиданностям. Мы проделали долгий путь, но сейчас перед нами — самый опасный его отрезок. К тому же нельзя предугадать, когда произойдет следующая пертурбация. Так поторопимся же отыскать пертурбатор и выпустить его на свободу!

— Клянусь лапками любимой, я готов ко всему! — заявил Мадж. — Веди, упрямый старикан! Я пойду за тобой хоть в пекло! Пора и впрямь кончать с этим. Дамы ждут, чтоб их любили, вино — чтоб его выпили, а я устал блуждать по всяким горам, где и приткнуться-то толком негде.

— Мы все устали, водяная крыса, — откликнулась Дормас. — А что касается меня, я бы не хотела пропустить скачку, которая открывает сезон.

Ведомые Клотагорбом и Джон-Томом путешественники направились к двери, проем которой виднелся посреди полуразрушенной крепостной стены. Они предполагали столкнуться с ожесточенным сопротивлением; Колин и Мадж с восторгом предвкушали грядущую битву. Однако действительность опрокинула все предположения и предвкушения. Мадж первым достиг двери — двойной, изготовленной из не слишком хорошо высушенной дубовой древесины, высокой, но отнюдь не внушительной, — и положил лапу на дверную ручку. Он огляделся по сторонам, высматривая, должно быть, стражников, а когда убедился, что тех нет и в помине, сперва надавил, а затем ударил плечом. Дверь медленно приотворилась приблизительно на пару футов. Внезапно послышался громкий треск. Путники напряглись, выдр поспешно отскочил назад. Но оказалось, что трещала дверь, которая сорвалась с верхней петли и встала торчком, под углом к косяку. Мадж заглянул в образовавшуюся щель.

— Ну? — справился Клотагорб.

— Чтоб мне сдохнуть, ваше чародейство, ежели тут не пусто, как в мавзолее!

Путешественники друг за другом проникли во внутренний двор, миновали его и очутились в холле здания, служившего приютом колдуну. Там, как и во дворе, царило запустение: на полу валялись скамьи и обломки стульев, попадались канделябры,

скрученные, что называется, в бараний рог. Повсюду были разбросаны лоскутья разодранных в клочки знамен. Уцелело лишь несколько — часть их свешивалась со сводчатого потолка, а другая часть громоздилась в углу, образуя нечто вроде грубого ложа. На двух кушетках, стоящих посреди залы, начисто отсутствовали подушки. Они обнаружились чуть подальше — распоротые и вывернутые наизнанку. Тут и там виднелись куски недоеденной пищи. Мебель, пол и стены, на которых, равно как и на потолке, имелись продолговатые выемки непонятного назначения, украшали темные пятна, наводившие на нехорошие мысли. Правда, при ближайшем рассмотрении выяснилось, что это вино, а не кровь.

— Тем лучше, — пробормотал Джон-Том, глядя вперед, в коридор, который слегка изгибался вправо. Мадж, по всей видимости, держался иного мнения. Он презрительно фыркнул.

— Это почему? Что нам с того, что хозяин из нашего колдуна никудышный? По мне, радоваться пока нечему, — пробурчал выдр, настороженно поглядывая то на потолок, то в темные углы.

— Мне кажется, беспорядок доказывает, что колдун, пытаясь остановить нас, истощил свои силы, — ответил Джон-Том. — Может быть, он отчаялся справиться с нами и спрятался в каком-нибудь укрытии.

— Мне так не кажется, — возразил Клотагорб. — Посмотри вокруг. Ложе из знамен, стулья, которые сожгли на костре, — подобный образ жизни подходит только сумасшедшему, а безумец на то и безумец, чтобы ничего не бояться. Он весьма упорно защищал подступы к своему жилищу и вряд ли сдастся просто так или, тем паче, убежит. Я согласен, внутрь мы попали до смешного легко, но это — лишнее подтверждение того, что нам противостоит умалишенный. То, что мы видим, вовсе не последствия неудачного ведения хозяйства.

— Ты прав, старик, — произнес Колин. — Такое впечатление, что здесь шел бой. — Он указал на стены, выщербленные, по всей вероятности, ударами клинков. — Верные признаки схватки, однако нет ни крови, ни запаха смерти. Интересно, кто и с кем сражался? Может, — высказал коала догадку, которая была столь же очевидной, сколь и нечаянной, — кто-то опередил нас и потерпел поражение?

— Сомневаюсь, — проворчал Клотагорб. — Я не знаю никого, кто был бы способен определить местонахождение пертурбатора и явиться сюда раньше нас. То, что ты очутился в здешних краях в нужное время, подтверждает всего-навсего твои уникальные возможности гадать по рунам, не более того.

— Тогда кто же здесь сражался? — повторил коала, окидывая взглядом залу.

— Наш противник. Я подозреваю, что он — это достаточно часто случается с сумасшедшими — сражался сам с собой. Любо-

пытно было бы узнать, как долго его одолевали незримые демоны воображаемых страхов?

— Хозяин, — воскликнул Сорбл, который парил под потолком, не желая карабкаться по дебрям обломков, — какой психопат нападал на нас всю дорогу, чтобы в конце концов бросить на произвол судьбы свой собственный дом?

— Это нам, в частности, и предстоит выяснить, ученик.

— Смотрите! — Дормас внезапно остановилась.

— Что? — спросил Джон-Том, недоуменно озираясь по сторонам.

— Что-что, — передразнила лошачиха. — Иногда я начинаю жалеть, что у меня нет рук. Попробовали бы, каково показывать копытом. Вон там, слева, что-то двигалось.

— Айда! — гаркнул Мадж, ринулся было в направлении, указанном Дормас, но тут же опомнился и пробормотал: — Что я, совсем спятил, что ли?

Он подождал товарищей, пропустил вперед Колина с Джон-Томом и последовал за ними куда более размеренной походкой.

— Мы находимся в скале, — объявил Клотагорб, первым заметивший, что деревянный свод над головами сменился каменным. — Выходит, эта крепость значительно больше, чем выглядит снаружи. Интересно, кто построил ее и когда? Наружные стены воздвигнуты сравнительно недавно, однако сие сооружение восходит, насколько я могу судить, чуть ли не к доисторическим временам. То, что снаружи, для него — как маска.

— Хозяин, я что-то слышал, — сообщил Сорбл. Путешественники мгновенно приготовились к схватке.

— Сколько их там? — справился Мадж.

— Я слышал не шаги, — отозвался филин, — а что-то вроде песни.

— Куда? — спросил Джон-Том у Сорбла.

Коридор впереди раздваивался. Мрачный тоннель справа уводил вниз и производил не слишком благоприятное впечатление. Тот, что ответвлялся влево, был освещен одним-единственным факелом. Джон-Том испытал громадное облегчение, когда филин кивнул именно в ту сторону. Ведь с любым противником, каким бы он ни был слабым, легче биться на свету, тогда как в темноте приходится вдобавок сражаться с собственным страхом. Едва путники свернули в левый проход, тот звук, о котором упоминал Сорбл, стал отчетливо слышен всем. Даже Джон-Том и Талея с их несовершенным человеческим слухом различали его вполне отчетливо. Впрочем, звук не столько слышался, сколько ощущался, проявлял себя скорее как вибрация. Юноша прикоснулся кончиками пальцев к стене. Да, камень вибрировал. По-видимому, звук порождало некое устройство, ибо ни одно живое существо на такое просто не было способно.

— Мы уже близко, хозяин! Совсем близко! — крикнул Сорбл, мечась под потолком от стены к стене.

Проход повернул, и к вибрации и шуму прибавились высокий, на пределе слышимости человека, свист и еще один звук, который сильно смахивал на усиленный микрофоном голос флейты. Джон-Том подумал о том множестве звуков, какое способен воспроизвести хороший синтезатор, вспомнил, сколь богатым выбором тональностей и ключей обладает его дуара, но все же вынужден был признать, что в жизни не слышал ничего подобного. Эта могучая и печальная музыка как будто возмущала самое структуру мироздания.

Внезапно безо всякого предупреждения коридор расширился, и путники оказались в просторном шестиугольном помещении. Стены покрывали панели из лазурита и яшмы, а сводчатый потолок сверкал граненым хрусталем, в котором отражалось существо, находящееся в помещении. От него исходил столь яркий свет, что становилось больно глазам. Этот свет легко поглощал блики развешанных на стенах факелов; казалось, он с той же легкостью затмит и десять тысяч подобных огней. Прикрыв глаза руками и лапами — у кого что было, — путешественники старались определить размеры существа, вернее, предмета. Порождаемые им шум и вибрации проникали, как чудилось Джон-Тому, в его естество. Он слышал песню — точнее, ощущал ее — костями ног и сухожилиями рук. Эта песня не воспринималась ни болезненно, ни неприятно, она просто пробирала до глубины души; мелодия как бы вопрошала о чем-то, противоречила сама себе, вздымалась и опадала, словно морская волна, и ее постоянно перекрывали свист и многократно усиленный голос флейты.

То был, естественно, пертурбатор. Джон-Том ожидал увидеть нечто, исполненное величия и мощи, нечто такое, по чьему виду сразу можно сказать: да, оно в состоянии изменить целый мир посредством межпространственной икоты. Он ожидал, что пертурбатор будет внушительных размеров. Что ж, по крайней мере в этом ожидания юноши сбылись. Пертурбатор занимал почти все помещение, он казался одновременно весьма тяжелым и невесомым, едва ли не воздушным. Джон-Том никак не ожидал этого — что пертурбатор окажется настолько красив, воистину прекрасен. Он висел в застоявшемся воздухе залы и пребывал в постоянном движении: менялся, преображался, трансформировался, модифицировался, выглядел то как цепочка соединенных друг с другом додекаэдров, то как разноцветный залп фейерверка. Каждая новая форма была безупречной, совершенной, хотя существовала всего лишь несколько секунд. Вот пертурбатор превратился в скопище наэлектризованных флюоресцирующих лезвий, вот стал чередой концентрических, серебристых с золотым отливом сфер, которые затем уступили место причудливому скоплению треугольников и квадратов, а те, в свою очередь, обратились в

мириады крошечных сверкающих торнадо. Потом возникла спираль наподобие той, какой изображают строение молекулы ДНК; она вращалась со скоростью тысячи оборотов в минуту и разбрасывала вокруг голубые и зеленые искры. Вот спираль исчезла, и появился световой конус, внутри которого сновали сверху вниз полосы различных цветов; достигая вершины, они вырывались наружу и взлетали в воздух сгустками сочных красок. Пертурбатор то сжимался, то расширялся, то съеживался, то вспучивался и не переставал петь свою песню, аккомпанируя себе свистом, музыкой флейты и аккордами, схожими с теми, что срываются с синтезатора. Это была живая фуга цвета и звука.

— Разрази меня гром, — прошептал Мадж, — за этакое представление не жалко и бабки заплатить.

— В древних текстах, — проговорил Клотагорб, — мне попадались описания пертурбатора, но все они основывались скорее на предположениях, чем на достоверных свидетельствах. — Чувствовалось, что волшебник потрясен не меньше, нежели его спутники. — Увидеть пертурбатор воочию...

— Здорово, — произнесла Дормас. — Повесить бы такую штуку над входом в конюшни!

— Красив, но опасен, — сказал Колин. — Он не принадлежит нашему миру. Чародей, ты снова прав.

— Никак опять предсказываешь? — спросила Дормас.

— Нет. По-моему, все мы чувствуем одно и то же. Он пробыл здесь слишком долго. Ему хочется на волю.

— Он что, разумен? — поинтересовался Джон-Том.

— Мой мальчик, на свете великое множество определений разумности, равно как и бессчетное количество вариаций разума. — Клотагорб хотя и погрузился в созерцание чуда, но не настолько, чтобы забыть о происходящем и не прислушиваться к разговорам товарищей. — Дабы перечислить их все, нужен чародей, более моего сведущий в тайнах нашего ремесла. Однако я согласен с моим мохнатым другом. Пертурбатор жаждет, чтобы его освободили, жаждет покинуть свою холодную темницу и продолжить путь сквозь пространство и время.

— Как его освободишь? — хмыкнула Талея, которая умудрилась той же ладонью, какой прикрывала глаза, откинуть со лба челку. — Я что-то не вижу ни веревок, ни цепей.

— Путы видимы далеко не всегда, моя девочка, — отозвался Клотагорб с улыбкой, то бишь с той гримасой, которая заменяла черепахе улыбку. — Всякая попытка удержать пертурбатор тем способом, на который ты, как мне представляется, намекаешь, заведомо обречена на неудачу. Это все равно что пытаться загнать в бутылку звезду. Здесь требуется иной подход. Необходимо что-то крепкое и одновременно едва ощутимое, как та сила, что объединяет составляющие материи, что-то такое, через которое не сможет прорваться даже пертурбатор.

Чародей отвел лапу и теперь глядел в упор на плененное чудо. Он сейчас воспринимал пертурбатор своим особым, магическим чувством, впитывал свет и упивался красотой.

— Вы как хотите, сэр, — сказал Джон-Том, который попробовал последовать примеру волшебника, однако, к стыду своему, вынужден был не только вновь заслониться рукой от яркого света, но и отвернуться, — а я ничего не вижу.

— Точно, — поддержал Мадж, — коли тут и есть клетка, ее не различить.

— Совершенно верно, — изрек Клотагорб. — Сия клетка несубстанциальна, как злобная мысль, как здравомыслие, тонка, как грань между здоровым сном и кошмаром, и все же крепка, как воля к жизни или к смерти. Пертурбатор оказался запертым в клетке безумия, которое вдобавок питается ненавистью. Я вижу ее столь же ясно, как если бы она была из железа. Подумайте! Пертурбатор постоянно находится в движении, он непрерывно видоизменяется, однако в его действиях нет ничего нелогичного или иррационального. Каждая из Вселенных, сквозь которые он пролетает, зиждется на логике и согласованности, причем не имеет значения, насколько эта логика отличается от той, что принята у нас. Тем не менее опять-таки каждая Вселенная подвержена аберрациям, приступам нелогичности и безумия. Их пертурбатор старается избегать, что до сих пор ему удавалось. Но в нашем мире некто заключил его в сферу помешательства, иными словами, воздвиг единственную преграду, которую не в состоянии преодолеть. Он попал в плен, но продолжает изменяться, и любое его изменение означает пертурбацию, затрагивающую структуру мироздания. Большинство перемен столь незначительно, что мы их просто не замечаем. Красный жук становится желтым. Лист, который сорвался с ветки, летит не вниз, а вверх. Человек приобретает более темный загар, или, скажем, на хвосте выдры выпадает вся шерсть. — Мадж испуганно взглянул на свой хвост. — В обычных условиях пертурбатор — весьма редкий гость в том или ином мире, вот почему его влияние остается практически незамеченным. Пертурбаторы движутся слишком быстро, чтобы их можно было различить; впрочем, побочные эффекты поддаются определению посредством магии — не всегда, но довольно часто. — Джон-Том попытался провести аналогию со своим собственным миром, но не пришел к сколько-нибудь вразумительному заключению. Если верить Клотагорбу, получается, что космические лучи — пипи пертурбатора? Да попробуйте только заикнуться об этом специалисту по теории элементарных частиц! — Вот с чем нам предстоит иметь дело. Так или иначе, мы должны разрушить клетку безумия.

Джон-Том принялся рассматривать дверные проемы, тянувшиеся по периметру помещения.

— Кто же мог сотворить ее?

— Тот, кто окончательно спятил и обладает огромной колдовской силой, — ответил Клотагорб, который также обозревал проемы. — Необходимо и то, и другое.

— Чокнутый волшебник, — пробормотал Мадж. — Шикарно, ничего не скажешь. — Он передвинулся поближе к Джон-Тому. Так же поступила и Талея.

— По-вашему, я безумен?

Все резко обернулись. Тот, кто задал вопрос, появился из того же коридора, по которому пришли сюда путешественники. Он был один, однако впечатление производил весьма внушительное — высокий, приблизительно по плечо Джон-Тому, широкоплечий, словом, из таких, с кем обычно стараются не встречаться в темных переулках.

— Росомаха, — пробормотал Колин, стискивая обеими лапами рукоять сабли. — До чего здоров, мерзавец!

— И совсем выжил из ума, — прибавил Клотагорб.

Присмотревшись, Джон-Том различил в глазах росомахи нечто вроде отблеска того сияния, которое источал пертурбатор. Зверь глядел на путников в упор, но как будто не видел их, словно его зрение от болезни расфокусировалось. Он был облачен в лохмотья, которые, как можно было предположить по сохранившимся кусочкам, являлись когда-то роскошными одеждами из кожи и шелка. В одной лапе безумный колдун сжимал громадный боевой топор с четырьмя лезвиями. Джон-Том прикинул на глазок, что, пожалуй, не сумел бы даже поднять такую тяжесть, не говоря уж о том, чтобы воспользоваться топором по прямому назначению. Как ни странно, колдун не нападал. Он, казалось, что-то высматривал за спинами путешественников, присутствие которых в помещении, по-видимому, несколько его озадачило.

— Я вовсе не безумен. Меня зовут Браглоб, я величайший среди волшебников Северных рубежей и нахожусь в здравом уме и твердой памяти. — Он простер в направлении путников свободную лапу и воскликнул; — Убирайтесь прочь! Проваливайте! Оставьте меня в покое, не то пожалеете! Больше предупреждать не буду. — Он потряс над головой своим огромным топором.

Мадж спрятался за Джон-Тома, чтобы без помех наложить на тетиву стрелу — а заодно и обезопасить себя на случай возможных неприятностей.

— Я Клотагорб из Древа, — заявил чародей, делая шаг вперед, — величайший из всех волшебников на свете. Знай, что мы не можем уйти, пока не исполним то, за чем явились.

Колдун сдвинул кустистые брови. Должно быть, он пытался уяснить, о чем ему толкуют. Джон-Тому подумалось, что этот Браглоб явно спятил, но не стал от того менее опасен — скорее наоборот.

— Вы меня слышали! — взревел Браглоб. — Я хозяин пертурбатора. Я заставлю его превратить всех вас в камни! Нет, не в камни,

а в червяков, которые пойдут на корм рыбам! Вы еще раскаетесь, что не послушались моего совета!

— Ты не сделаешь ничего подобного, — возразил Клотагорб, — поскольку не сможешь; иначе сделал бы давным-давно. Ты раз за разом предпринимал попытки остановить нас, однако мы все же добрались до твоего убежища. Больше ты ни на что не способен. Я не верю, что ты подчинил себе пертурбатор. Да, его можно заключить в пространственно-временную клетку, но подчинить нельзя. Раньше я думал по-другому, но когда увидел пертурбатор и тебя, понял, что ошибался, ибо он куда более изумителен, нежели представлялось, а ты, не сочти за грубость, полное ничтожество.

— Врали, обманщики, лгуны, негодяи! — Колдун пригнулся, словно готовясь к прыжку.

Джон-Том насторожился и заслонил было Талею, но та, оскорбленная таким отношением к себе, громко фыркнула, обошла юношу и стала чуть впереди. Вот и рассуждай тут о рыцарстве, подумал Джон-Том; как быть, если женщина, которую ты жаждешь защитить, думает лишь о том, удастся ей или нет пустить в дело свой клинок?

Браглоб вновь уставился на путешественников невидящим взором. Да, размышлял Джон-Том, Клотагорб прав: этот тип явно чокнулся. Удивительно, но факт — несмотря на тяготы долгого пути из Линчбени, несмотря на все испытания, выпавшие на долю путников по милости пертурбатора и его сумасшедшего владельца, юноша понял вдруг, что искренне сочувствует колдуну. Тот, если рассуждать о наружности с точки зрения телосложения, выглядел едва ли не образчиком мужественности, однако засаленные лохмотья и грязный мех изрядно портили впечатление. Судя по всему, Браглоб не мылся, не расчесывал шерсть и не ел как следует неизвестно сколько времени. Он принадлежал к числу тех противников, которых надо не бояться, а жалеть. Существо, враждующее с самим собой, воин, утомленный до изнеможения битвами с незримыми демонами, беглец, который спасается от страхов в толще скалы и не ведает, что те гнездятся в его собственном мозгу.

— Освободи пертурбатор, — потребовал Клотагорб, — и мы немедля покинем твой дом. Мы не хотим сражаться, не ищем схватки. В конце концов, между нами нет вражды, нас разделяет только сверхъестественный феномен. Отпусти его!

— Ни за что! — прорычал Браглоб, оскалив острые клыки. — Он мне нравится. С ним тепло и уютно.

— Видите, — обратился волшебник к своим слегка встревоженным товарищам, — он находит в пертурбациях успокоение, благо те убеждают его, что мир вокруг тоже сошел с ума.

— Сколько раз повторять? Я в своем уме! — взвизгнул колдун. — Это вы рехнулись, если хотите, чтобы я отказался от попытки изменить ваш тошнотворный мир, к которому вы привы-

кли! Поняли? Чокнутые вы, а не я! — Браглоб величаво повел лапой. — Ничего, пертурбатор позаботится и о вас. — Неожиданно он лукаво усмехнулся. — Я не расстанусь с моей отрадой. Перемены станут происходить все чаще, скоро их нельзя будет остановить.

— Когда ты безумен, — произнес Клотагорб, — существует два способа поведения. Можно свести с ума мир или, — он дружеским жестом протянул лапу, — излечиться от безумия. Если ты позволишь, мы, вероятно, сумеем помочь тебе. Когда ты исцелишься, то поймешь, что нет никакой необходимости жить в безумном мире. Впрочем, долго ты не проживешь в любом случае, ибо пертурбатор рано или поздно доберется до солнца, которое взорвется, и тогда ты умрешь, погибнешь наравне со всеми остальными. Одумайся, товарищ мой по ремеслу. Умоляю тебя, одумайся!

— Не подходи ко мне, краснобай! — воскликнул колдун и попятился в коридор, одновременно угрожающе взмахнув топором. Клотагорб не обратил на угрозу ни малейшего внимания. Он продолжал медленно двигаться к Браглобу, выставив перед собой уже обе лапы.

— Послушай, ты ведь достаточно разумен, чтобы творить заклинания, значит, должен сознавать хотя бы краешком сознания, что серьезно болен. Почему ты отказываешься от нашей помощи?

— Стой на месте! — То была не угроза, а скорее испуганный вопль, замаскированный под нечто вроде воинственного возгласа. Колдун прижался к стене. Джон-Том поразился, заметив, что гигантская росомаха дрожит с головы до кончика хвоста.

— Разрази меня гром, — пробормотал Мадж, прислушиваясь одним ухом к уговорам Клотагорба. — Теперь ясно, отчего он спятил!

— Ты о чем, Мадж? — спросила Талея.

— Да вы что, ослепли? Протрите зенки! Эх вы, люди! Вечно вам приходится все растолковывать. Этот самый Браглоб, пускай он ростом под потолок и колдун из колдунов, — отъявленный трус. Уж кого-кого, а труса я отличу с первого взгляда. От трусости и чокнулся. Такой здоровый, умеющий колдовать — и трус. Че там говорить, даже я, пожалуй, слегка бы тронулся!

— Вот оно что, — проговорил Джон-Том. Юноша подивился собственной несообразительности: ведь поведение росомахи было весьма характерным для того, кто напуган до полусмерти. Значит, колдун боится их. Значит, все, чем он угрожал, — не более чем блеф. Однако не стоит горячиться и спешить с выводами. По крайней мере, пока колдун вооружен топором.

— Нет! — возопил Браглоб. — Не подходи! Не подходи! — Он отшвырнул топор в сторону, отвернулся и спрятал морду в лапах.

Каким он был колдуном, установить не представлялось воз-

можным. Однако не секрет, что безумие усиливает колдовские способности, равно как и увеличивает физическую силу. Про умалишенных рассказывают поистине невероятные вещи: они, дескать, разгибают прутья на оконных решетках, разрывают смирительные рубашки, дерутся одновременно с добрым десятком санитаров, и так далее, и тому подобное.

Сейчас происходило нечто приблизительно в том же духе. Клотагорба отнесло назад порывом чистой воды сумасшествия, питаемого трусостью и усугубленного страхом. Волшебник едва успел втянуть в панцирь голову и лапы, перед тем как врезался в стену, противоположную той, у которой скрючился Браглоб. Удар получился настолько сильным, что Клотагорб, похоже, на мгновение потерял сознание; тем временем Браглоб нацелил свою паранойю на остальных путников:

— Убирайтесь! Не трогайте меня! Прочь, прочь!

Внезапно поднялся ветер. Дормас изо всех сил уперлась копытами в пол и каким-то образом исхитрилась остаться на месте, а вот Колин, у которого центр тяжести располагался весьма низко, не устоял на ногах. Он упал, но тут же вцепился в пол своими длинными когтями. Маджа повлекло неизвестно куда; если бы не врожденная ловкость, ему наверняка пришлось бы несладко, а так он сумел ухватиться за копыто Дормас и повис, трепыхаясь на порывистом ветру, словно мохнатый вымпел на шесте. Джон-Том, который заблаговременно перекинул дуару на грудь, заиграл еще до того, как на него обрушился исполненный безумия вихрь. Музыка вынудила ветер разделиться на два потока, которые обтекали тело Джон-Тома, не причиняя ни малейшего вреда ни юноше, ни Талее — та предусмотрительно отступила за спину своего возлюбленного. Впрочем, порой сквозь невидимый щит, каким заслонился юноша, все же прорывались отдельные дуновения: они ерошили волосы Талеи, как бы норовили сорвать с Джон-Тома одежду, швыряли ему в глаза пыль, но были не в состоянии повалить наземь.

— Ты! — воскликнул Браглоб, поворачиваясь к Джон-Тому, поскольку о прочих можно было не беспокоиться. — Почему ты здесь? Я хочу, чтобы ты убрался отсюда! — Он взмахнул обеими лапами. Порыв ветра заставил Джон-Тома пошатнуться, но не более того. — Почему ты не убираешься?

— Потому что я не из твоего мира и неподвластен безумию, которое владеет тобой.

— Что за чушь? — взревел колдун. — Еще одна ложь? — Его морду исказила злобная гримаса. — Так приготовься! Сейчас ты получишь такое, чего не смеешь и вообразить! Такое, чего я не сотворял никогда раньше, от чего тебе не спастись, как ни пытайся!

— Ну нет, — возразил Джон-Том, — хватит. Сдается мне, пора кончать. Не только ради нас и спасения всего мира, но и ради тебя, Браглоб. Что бы ты ни предпринял, у тебя ничего не вый-

дет, ибо... — И юноша запел: — «Мы больше не потерпим, мы больше не потерпим, мы больше не потерпим ни за что!» — Да, подумалось вдруг ему, Ди Снайдер со своими ребятами мог бы гордиться им.

Браглоб испустил душераздирающий вопль. Песня пертурбатора стала громче. Джон-Том, продолжая играть, почувствовал, что кто-то тянет его за рубашку. Это была Талея.

— Джон-Том, посмотри!

В залитом ослепительным светом помещении появились яркие искорки. Гничии! Не один и не два, а целый рой; все они сверкали ничуть не тусклее пертурбатора. Внезапно юноша понял, что впервые за все это время, пока он подвизался на поприще чаропения, может глядеть на гничиев в упор, а не просто различать их краем глаза. Они кружились в воздухе, словно водили хоровод, и образовали наконец переливчатую спираль, которая обвилась вокруг пертурбатора. Казалось, гничии крадутся на цыпочках вдоль блистающего космического гостя, едва не касаясь его текучей, изменчивой поверхности. Привлеченные пением Джон-Тома, гничии, похоже, нежились в нестабильности, которую порождал пертурбатор. Юноша догадывался, что потихоньку проигрывает состязание с пришельцем из иной Вселенной. У него уже пересохло в горле, а тот пел все громче; музыка пертурбатора отдавалась в ушах, пронизывала тело и проникала в душу. Долго так тянуться не могло.

Тогда Джон-Том решил попытать счастья иначе. Он вознамерился набраться сил через резкий переход — столь же резкий, как все те, которые совершал пертурбатор, — от дерзновенной баллады к самой сладкозвучной из всех песен, которую только знал. Браглоб не ожидал от юноши ничего подобного, а потому переход застал его врасплох. Он оторвался от стены и с немалым трудом, но выпрямился. Колдун менялся прямо на глазах. Выражение морды сделалось менее злобным, тело обмякло — должно быть, вследствие того, что расслабились напряженные мышцы; главным же было то, что взгляд Браглоба постепенно приобрел осмысленность: из него исчезли панический страх и безнадежное отчаяние. Браглоб моргнул — раз, другой — и улыбнулся Джон-Тому.

За спиной колдуна будто вспыхнула сверхновая. Вспышка была столь яркой, что Джон-Том, хотя и смотрел в другую сторону, на какое-то время ослеп. Гничии, подобные мириадам миниатюрных солнц, устремились прочь из залы. Всякий шум смолк перед басовитым вибрирующим звуком, похожим на тот, какой издает нижний регистр органа. Джон-Том заставил себя повернуться. К нему в какой-то степени вернулось зрение, и он увидел, что пертурбатор преобразился напоследок в совершенную геометрическую структуру, состоящую из множества кристаллов и настолько невообразимо прекрасную, что у юноши защемило

сердце, а на глазах выступили слезы. Он поспешно отвернулся, и тут произошел второй выброс энергии, мощнее даже, чем предыдущий. Сила света бросила Джон-Тома на пол, затем подкинула вверх, перевернула и швырнула о стену. Звук органа умолк в отдалении, свет погас, и Джон-Том погрузился в темноту.

Глава 14

Спокойствие... Когда он пришел в себя, ему было покойно и очень, очень хорошо. Юноша открыл глаза и прислушался. Тишина. Однако он до сих пор слышал будто наяву ту величественную прощальную ноту, ощущал, как фотоны подхватывают его и волокут по воздуху к стене. Впрочем, когда Джон-Том медленно поднялся и ощупал себя, он выяснил, что не получил ровным счетом никаких повреждений, если не считать пары-тройки синяков. Даже одежда, как ни странно, осталась в целости и сохранности. Юноша огляделся по сторонам и различил на полу знакомую фигуру. Та испустила рыдание. Он подковылял поближе и опустился на колени.

— Талея?

Девушка лежала лицом вниз. Джон-Том перевернул ее на спину. Она вцепилась в него обеими руками с такой силой, что он от удивления заморгал, но потом узнала и ослабила хватку.

— Джон-Том?

— Ты в порядке?

— Пожалуй, — отозвалась Талея после паузы, словно мысленно проверяя свое состояние. — По-моему, я стукнулась головой о потолок; ни дать ни взять мячик. — Она села. — Да, я в порядке, разве что пелена перед глазами... Что случилось?

— Пертурбатор улетел. Думаю, он обрадовался. Уничтожив безумие Браглоба, мы сломали клетку. — Юноша посмотрел на середину помещения. — Мне кажется, он попрощался с нами. А может, ничего такого и не было. Вряд ли мы когда-нибудь узнаем, что произошло на самом деле.

Остальные тоже мало-помалу приходили в себя и один за другим поднимались с пола. Клотагорб, который, как всегда, при первых признаках опасности спрятался в панцирь, очнулся быстрее других и теперь сосредоточенно разглядывал потолок. Мадж отряхивался, Дормас старалась вырваться из объятий Колина, который плюхнулся на нее в миг исчезновения пертурбатора. Что касается Браглоба, тот также оправился от потрясения. Джон-Том оставил Талею и осторожно приблизился к колдуну, который сгибал и разгибал лапы. Во взгляде росомахи не было и намека на безумие.

— Как ты себя чувствуешь?

— Странно, человече, весьма странно. — Колдун ухватил пальцами подол своей одежды. — Почему я одет в обноски? Подожди... Кажется, я вспоминаю. Да, да! — Он уставился на Джон-Тома. — Что-то насчет мира... Я собирался изменить мир, чтобы не ощущать себя отверженным...

— Но ты больше не отверженный, правильно? И тебе уже не хочется свести с ума весь мир, потому что ты выздоровел, так? Ты исцелился, Браглоб. Твое безумие сгинуло заодно с пертурбатором. Вот что значит спеть удачное заклинание.

— Ну да, выздоровел, — прошептал Мадж на ухо Колину. — Ты тока посмотри, как они ухмыляются друг дружке. Сдается мне, они оба чокнутые.

— Ты прав, — изрек Браглоб, кивнув головой. — Я запамятовал, что именно делал и почему, помню лишь, что мне было страшно. Я всегда всего боялся, потому и покинул свой дом, семью и друзей. А когда обосновался здесь, то решил справиться со страхом и для этого изменить мир. Я должен был это сделать. У меня не оставалось выбора, понимаете? Мои товарищи потешались надо мной, и тогда, чтобы избавиться от насмешек, я сбежал на край света. Вы не представляете, каково мне приходилось! Даже крошечные зверьки — крысы, мыши, белки — хихикали вслед и швыряли в меня чем попало! Я укрылся тут и принялся учиться, а потом сумел захватить пертурбатор. В некоторых книгах утверждалось, что сделать это невозможно. Но я, Браглоб, совершил невозможное. — Колдун поглядел за спину юноше. — Он улетел, верно?

— Да, — подтвердил Джон-Том, — исчез вместе с твоим безумием и страхом, который довел тебя до помешательства. Скажи мне, правда ли, что ты не мог ужиться со своими кошмарами, не мог вынести того, что росомаха оказалась вдруг трусливой, как заяц?

— Увы, правда. Но я больше не боюсь. Я чувствую, что стал самим собой. Страхи ушли все до единого, купно с болью, что терзала меня день за днем, вот тут. — Колдун показал себе на затылок. — Я нормален! — Неожиданно он перестал улыбаться. — Однако я собирался изменить мир, а сейчас не смогу ничего сделать! Я собирался править миром... Скажи, человек, что лучше — быть здоровым и прозябать в глуши или стать безумным императором? — Браглоб потянулся за своим топором, что лежал чуть поодаль на полу. — Ты вернул мне рассудок, но украл мои грезы!

Джон-Том поспешно отступил и взглянул в глаза колдуну. Тот вел себя вовсе не так, как предполагал юноша. Вместо того чтобы рассыпаться в благодарностях, он явно замышлял что-то недоброе.

— Тебе следовало бы оставить меня в покое, чтобы я если и вылечился, то по собственной воле, — прорычал Браглоб.

— Да? Иными словами, тебе нравилось быть трусом?

— Разумеется, нет.

— Значит, ты наслаждался своим безумием?

— Нет! Но я не знал, что безумен. Я всего лишь собирался править миром, ибо догадывался, что обладаю силой, способной изменить его. А теперь я лишился ее, — колдун задумчиво взвесил в лапе топор.

— Зачем он тебе? Ведь ты выздоровел!

— Росомаха, у которой нет силы? О чем ты говоришь, человек? Ты украл у меня мою силу. Да, я стал собой, но где моя сила?

Джон-Том неожиданно сообразил, что с освобождением пертурбатора и излечением того, кто пленил космического странника, их трудности, к сожалению, не закончились. Сейчас им предстояло иметь дело с разъяренной гигантской росомахой, вооруженной вдобавок громадным топором. Браглоб обрел рассудок, но вместе с тем к нему вернулся темперамент, свойственный росомахам как особой разновидности семейства куниц.

— Охо-хо, — вздохнул Мадж, — ну, пошло-поехало. — Выдр положил одну лапу на рукоятку ножа, а другой ухватил лук. Дормас повернулась таким образом, чтобы в случае чего пустить в ход задние копыта.

— Не дури, — увещевал между тем Джон-Том. — Ты не ведаешь, что творишь. Не забывай, нас шестеро, а ты один.

— Подумаешь! — фыркнул Браглоб. — Да будь вас хоть десяток, я — росомаха!

Джон-Тому ни капельки не хотелось сражаться. И потом, из-за чего? Пертурбатор, то есть причина, погнавшая их в путь, скрылся в дебрях пространства и времени, покинул навсегда затерянную среди гор долину, в которой находилось жилище Браглоба. Казалось поистине нелепым, что путешественники вынесли столько испытаний лишь для того, чтобы подвергнуться нападению кипящего злобой ими же исцеленного существа. Нет, это было бессмысленно, просто-напросто бессмысленно! Вот бы еще убедить в том Браглоба...

— Я бы справился, — рычал колдун, — я бы свыкся. Мы, росомахи, всю жизнь ходим по краю безумия. А силу так трудно добыть, так тяжело сохранить! Зачем ты украл ее у меня?

Джон-Том лихорадочно пытался сообразить, что бы на это ответить, когда вперед выступил Колин.

— Твоя беда в том, — заявил коала, — что ты излечился не полностью.

— Ты о чем? — подозрительно осведомился Браглоб, вращая над головой топор.

— Разве непонятно? Ты по-прежнему боишься.

— Неужели? — Колдун выпучил глаза, его ноздри широко

раздулись. — Я тебе покажу, кто из нас трус, мохнатый коротышка! Возьми свои слова обратно, не то я раздавлю тебя, как клопа!

— Ты боишься, — повторил Колин, делая рукой примирительный жест. — Не меня и не кого-либо из нас, а будущего. Ты не знаешь, что оно тебе уготовило, а потому испытываешь страх. Будучи безумным, ты не задумывался о том, что будет, но теперь обстоятельства изменились.

— Все мы страшимся грядущего, — прорычал Браглоб, — и ты — не меньше моего. То не трусость, а здравый смысл. Тут ничего не поправишь.

— Ты ошибаешься. — Колин извлек знакомый расшитый серебром узелок с рунами. — Я гадаю по рунам. Будучи колдуном, ты наверняка догадываешься, что отсюда следует. Я могу предсказывать будущее. Если хочешь, предскажу твое. — Он встряхнул узелок, чтобы Браглоб услышал, как стучат друг о друга камешки, косточки и деревяшки внутри.

— Никто не может предсказать будущее, — возразил колдун, однако чувствовалось, что он колеблется. — Все гадатели — обманщики, шарлатаны.

— Не все. Некоторые из них обладают даром предвидения. Разумеется, мне случалось давать маху, но в общем и целом я говорю правду.

— Не пудри мне мозги! Ты всего лишь стараешься утихомирить мой праведный гнев!

— Да провались ты вместе со своим гневом! Садись и смотри. Если тебе покажется, что я плутую, можешь раскроить мне череп. Но пообещай, что, если мое предсказание придется тебе по душе, ты отпустишь нас с миром, без кровопролития.

— Что ж, — проговорил Браглоб после продолжительной паузы и опустил топор, — идет. — Он махнул лапой в сторону. — Видишь, кроме того коридора, в котором я стою, отсюда ведет пять тоннелей. Лишь один из них выводит на волю, остальные четыре заканчиваются тупиками. — Колдун уселся на пол напротив Колина. — Мимо меня вам не проскользнуть, а вероятность того, что вы сразу отыщете нужный тоннель, поистине ничтожна. Так что вы — мои заложники и останетесь ими, пока я не решу, вознаградить ли медведя или стереть всех вас в порошок.

— Договорились, — откликнулся Колин.

— Слушай, приятель, — прошептал Мадж Джон-Тому, — давай мы с тобой навалимся на него. Он как раз развесил уши; мы с ним запросто справимся. — Лапа выдра легла на рукоятку ножа.

— Подожди, — прошептал Джон-Том в ответ. — Посмотрим, как пойдут дела у Колина.

— Ага, а если наш мохнатый дружок сядет в лужу? Брось, приятель, сейчас самое время напасть!

— Я сказал, подожди.

Выдр пробормотал себе под нос что-то весьма неприличное. Джон-Том так и вскинулся. Впрочем, он знал, что Мадж не имеет обыкновения нападать в одиночку и твердо придерживается принципа: сперва подкрепление, а там поглядим. Поэтому юноша притворился, будто не расслышал язвительного замечания выдра, но не мог не задуматься над тем, как поступить в случае, если гадание Колина не удовлетворит росомаху. Колдун достаточно быстр, чтобы вовремя загородить собой коридор, и, вне всякого сомнения, наделен чудовищной силой. Мимо него не пролететь даже Сорблу, ибо своим топором Браглоб легко достанет до потолка.

— Ну, чего ты возишься? — справился колдун. — Или забыл, как гадать?

— Ты же хочешь узнать правду, верно? Коли так, не торопи меня. Сначала нужно подготовить площадку. — Колин нагнулся и принялся сметать пыль с каменного пола. — Во всем необходим порядок, иначе гадание теряет смысл. — Из пыли, сметенной в кучку, коала выложил на полу овал. — Совершенство — залог удачного предсказания. — Он поместил в центре овала несколько загадочных, опять-таки нарисованных пылью, символов. — Взгляни сюда. Таким образом мы сможем получить наиболее точную картину твоего будущего.

— Я сведущ в символах, но этих никогда не видел, — произнес явно заинтригованный Браглоб.

— К ним прибегают крайне редко. И потом, пыль не тот материал, чтобы изобразить все как следует.

— Ты прав, — признал колдун, который наклонился так низко, что едва не уткнулся носом в пол. — Кажется, я все же узнаю их.

— Вот и хорошо. Пора приступать.

Коала крепко ухватил узелок обеими лапами и вдруг с быстротой, на которую вряд ли был способен даже Мадж, размахнулся и обрушил его на голову росомахи. Ну и чудеса, подумалось Джон-Тому; а он-то полагал, что руны имеют, так сказать, только метафизический вес! У Браглоба отвисла челюсть. Колин снова ударил. Колдун без чувств распростерся на полу. Узелок лопнул, руны разлетелись во все стороны.

— Отлично, чувак! — воскликнул Мадж. Выдр подбежал к Браглобу и заглянул тому в физиономию. — Ничего не скажешь, шикарный способ предсказывать будущее!

— Мне и впрямь показалось, что я предвижу для нашего гостеприимного хозяина довольно длительный отдых. Откровенно говоря, толковать руны через кожу трудновато. — Коала печально посмотрел на разорвавшийся узелок. — Чем бы его заменить?

— Плачу за штопку, — объявил Мадж, выказывая неожиданную щедрость. — Эй, как насчет того, чтобы свалить отсюда и поискать швейную мастерскую? Конечно, самую лучшую? —

С этими словами выдр взялся помогать Колину, который бродил по зале, собирая рассыпавшиеся руны.

— Может, мы перед уходом отучим его раз и навсегда связываться с нами? — Дормас выразительно кивнула на посох Джон-Тома. Юноша, который был вовсе не в восторге от подобного предложения, вопросительно поглядел на Клотагорба. К радости Джон-Тома, волшебник, по-видимому, разделял его чувства.

— Я предсказываю, что он не очнется до вечера. Мое предсказание основано, разумеется, на рунах Колина. — Глаза чародея озорно блеснули. — Когда Браглоб придет в себя, он вновь обезумеет, но то будет совсем другое, куда менее опасное безумие. Если он в чем и виноват, то лишь в том, что вел себя, как, собственно, и положено росомахе. Нам нечего опасаться, он не станет преследовать нас. Росомахи вспыльчивы, но отнюдь не злопамятны; к тому же нашему другу предстоит освоиться с преобразившейся — для него — реальностью, а это весьма хлопотное занятие. Вдобавок росомахи не отличаются склонностью к затяжной погоне за добычей. Поэтому мне представляется, что он, вместо того чтобы погнаться за нами, вернется домой, в свой настоящий дом, который покинул когда-то из-за насмешек окружающих. Помимо всего прочего, я против неоправданной жестокости.

Мадж, которому, должно быть, надоело разыскивать по углам залы костяшки да камешки, внимательно прислушивался к рассуждениям Клотагорба. Наконец он не выдержал:

— Неоправданной? Этот хорек-переросток пытался изничтожить весь мир, а потом — извести нас, и мы должны пощадить его? Ну, ваше чудомудрие, чтой-то вы загнули!

— Мадж, ты слышал? — поспешил вмешаться Джон-Том. — Пожалуйста, никакого самоуправства.

— Ну да, знай свое место, образина поганая, кто ты такой, чтобы спорить с его препожлобием, верно? Я, конечно, не волшебник — так, любитель перекинуться в картишки, — но опыт научил меня золотому правилу: раз проиграл — плати. «Неоправданная жестокость», «росомахи незлопамятны»! Олухи вы оба, вот что! Я сыт по горло вашими бреднями! Да как вы не поймете, что врагов надо убивать, на то они и враги? Признайтесь честно, вам просто лень позаботиться о собственных задницах!

— Дормас, ты готова? — спросил Джон-Том. Лошачиха утвердительно кивнула. — Сорбл? — Филин, взгромоздившийся на гору поклажи, выразил свое согласие двигаться в путь довольным уханьем. — Тогда пошли.

Юноша и следовавший за ним Клотагорб шагнули в коридор, поперек которого распростерся оглушенный колдун.

— Валяйте, валяйте, — пробормотал Мадж, засовывая лапы в карманы штанов. — Пожалеете потом, что не послушались моего

совета. — Продолжая ворчать, выдр поплелся следом за товарищами.

— Ты возвращаешься с нами в Линчбени? — справился Джон-Том у Талеи, стараясь, чтобы его голос звучал ровно, и затаил дыхание в ожидании ответа. Девушка несколько минут молчала, глядя прямо перед собой, но в конце концов не сумела сдержать улыбки.

— Ну конечно! Какой ты глупый! А еще чаропевец! Или, потвоему, я останусь здесь, чтобы окончательно заледенеть в этой холодной пустыне?

— Может, — он сглотнул, — может, поживешь с нами? Я вовсе не стремлюсь к чему-то тебя принудить, не подумай ничего такого. Я знаю, как высоко ты ценишь свою независимость.

— Джон-Том, — ответила Талея, улыбка которой в тот миг, когда путешественники выбрались из тоннеля, словно прогнала с неба облака, — все когда-нибудь, рано или поздно, приедается, и независимость в том числе.

Юноша погрузился в сочинение замысловатой и всесторонне продуманной фразы и тут заметил краем глаза, что Клотагорб смотрит на него в упор. Он мгновенно постиг суть того, что выражал взгляд волшебника. Чародей напоминал юноше, что не стоит углубляться в словесные дебри, дабы не пришлось мыкаться в поисках выхода. Порой обстоятельства складываются так, что вполне можно ограничиться одним-единственным словом. Джон-Том состроил гримасу, которая, как надеялся, придала его лицу выражение мудрости, и произнес:

— Понятно.

Талея, очевидно, сочла, что он откликнулся как нельзя более кстати, ибо приподнялась на цыпочки, крепко обняла Джон-Тома за шею и притянула к себе. Губы молодых людей слились в поцелуе. Наконец юноша вырвался, выпрямился, перевел дух и оглянулся на крепость, в стенах которой им столько всего пришлось пережить. В ушах Джон-Тома по-прежнему отдавался эхом прощальный привет пертурбатора. Юноша догадывался, что никогда не забудет диковинного зрелища, что воспоминания об этом будут вдохновлять его в минуты отчаяния. Господи, как же ему повезло — он видел воочию величайшее чудо Вселенной! И не только видел, но и приложил руку к освобождению космического странника!

Как то почти всегда случается с теми, кто возвращается домой, путники двигались быстро, преодолели к вечеру значительное расстояние и остановились на ночевку у дальней от крепости горловины горного прохода.

— Бедный Браглоб, — пробормотал Джон-Том. — Может, он все-таки сумеет стать счастливым и обретет покой.

— Счастливым он, может, и впрямь станет, — отозвался Мадж,

почесывая ухо, — но вот насчет покоя я лично сомневаюсь. Росомахи вечно дергаются по поводу и без. Представляешь, занимаются любовью и все равно вопят друг на дружку. Хорошо, что их не так много. Наверно, это потому, что в постели они ведут себя не лучше, чем в приличном обществе.

Джон-Том повернулся к чародею. Клотагорб сидел напротив, прислонившись спиной к стволу поваленного дерева. Полуприкрыв глаза, он обозревал ночное небо, которое было буквально усыпано звездами; они образовывали созвездия, резко отличающиеся очертаниями от тех, к каким юноша привык с детства.

— Сэр, что, по-вашему, случилось с пертурбатором?

— А? — Волшебник недоуменно посмотрел на человека. — С пертурбатором? Он улетел в космос, проник из нашей Вселенной в соседнюю и помчался дальше. Между прочим, я размышлял о том, возможно ли управлять им, возможно ли заставить его вернуться. Сколько нового мы бы тогда узнали! Какие бы нам открылись виды, к каким высотам непознаваемого воспарил бы наш дух! — Клотагорб печально вздохнул. — Вот бремя, мой мальчик, которого не избежать и тебе. Ты тоже будешь страдать от собственного невежества, терзаться своей необразованностью, изнывать от желания выяснить, что же находится вон за тем холмом, но вскоре постигнешь, что таких холмов во Вселенной великое множество и покорить их все тебе не под силу, как ни упорствуй. Таково проклятие тех, кто ищет знания, проклятие вечной неудовлетворенности. В молодости, будучи учеником великого волшебника Джогахорда, я засыпал его вопросами, а он, утомленный моими приставаниями, говорил так: «Ты полагаешь, что на свете существуют ответы на все?» — «Да!» — восклицал я. Тогда он улыбнулся и изрек: «Ученик, ты пойдешь далеко, если тебя, конечно, не убьют за излишнюю тягу к знаниям».

— Проклятие неудовлетворенности? — повторил Мадж. — Я сам от него страдаю, тока всякие глупости вроде знаний тут ни при чем.

— Нам прекрасно известно, куда ты клонишь, — произнесла Талея сухо. — Можешь не утруждать себя подробностями.

— Откуда тебе знать, к чему я клоню, милашка? — удивился выдр.

— Да все оттуда же, водяная крыса. Ты при первой возможности сводишь разговор к одной теме.

— Верно, однако, согласись, до чего ж приятно поговорить о...

— Мадж! — процедил сквозь зубы Джон-Том.

— Ладно, приятель, ладно, — отозвался выдр. — Можешь не волноваться. Хотя жаль, что вам не по душе такие разговоры. Сами себя обделяете. Придется коротать вечер не пойми за чем, а могли бы и послушать, как я... Все, все, забыли. Я вовсе не собирался ничего рассказывать.

— Слушайте! — воскликнул вдруг Джон-Том. — Если Колин способен предсказывать будущее, может, он определит, попаду я когда-нибудь домой или нет?

— Возможно, мой мальчик, возможно. — Клотагорб пожал плечами — насколько это у него получилось. — В любом случае попытаться, мне кажется, стоит.

— Еще бы!

Джон-Том огляделся по сторонам. Дормас спала, звучно похрапывая; Талея свернулась в клубочек рядом с ним, обольстительно выгнув тело. По лицу девушки, выражавшему трепетную невинность, никак нельзя было заподозрить истинную суть ее натуры. Мадж сидел у костра, заложив лапы за голову; тиролька его была сдвинута на нос. Однако где же гадатель? И где, черт побери, Сорбл? Джон-Том встревоженно приподнялся, окинул взглядом стоянку, а затем пробормотал, обращаясь к чародею:

— Неужели Браглоб? Неужели он все-таки погнался за нами?

— Нет, мой мальчик, на сей счет можешь не беспокоиться. Мы бы его давным-давно заметили. Среди нас есть те, кто обладает острым чутьем, а запах росомахи достаточно силен. — Тем не менее Клотагорб последовал примеру Джон-Тома и осмотрелся. — Но ты прав, повод для тревоги несомненен. Интересно, куда подевались наш друг и мой беспутный ученик? Сорбл! Где ты, разрази тебя гром?!

— Колин! — крикнул Джон-Том, сложив ладони рупором. — Колин, отзовись!

Не докричавшись, они отправились на поиски. Долго идти не пришлось. Двое пропавших членов экспедиции обнаружились под раскидистым хмельным деревом, что росло неподалеку от лагеря. Они сидели, обнявшись, и тихонько распевали песни о том, как одновременно хорошо и плохо жить на свете. Почти пустая бутылка, которую прижимал к себе Сорбл, служила достаточным объяснением внезапного исчезновения парочки и импровизированного концерта. Клотагорб отобрал бутылку и перевернул ее вниз горлышком. На землю пролилось несколько капель золотистой жидкости. Чародей накинулся на пьяного в стельку филина.

— Ты, мешок с перьями, олух безмозглый, мы ведь достигли поставленной цели! Ты помнишь уговор? Кто-то обещал, что он перестанет пить! То, что оставалось в бутылке, предназначалось на лечение!

— Да, хожаин. — Сорбл судорожно сглотнул, чувствовалось, что говорить ему крайне трудно. — Точно так. Мы и леч... ик!.. лечились. — Неожиданно он повалился на землю. — Не бейте меня, маштер...

— Отвратительно, — Клотагорб швырнул пустую бутылку в кусты. — И эта пьянь собирается стать волшебником! — Чародей повернулся и направился обратно в лагерь.

— И впрямь отвратительно, — согласился Мадж и наклонился к филину: — Слушай, ты, придурок пернатый, тебе что, трудно было меня позвать?

— Мы не хо... хотели вам мешать.

— К тому же, — прибавил Колин, — на троих все равно бы не хватило.

— Друзья называется! — Мадж фыркнул, смерил парочку свирепым взглядом и последовал за волшебником, оставив Джон-Тома наедине с бражниками. Юноша опустился на колени рядом с медведем.

— Колин?

— А?

— Чего ты лежешь без ошереди? — пробурчал Сорбл, и оба — филин и коала — глупо захихикали.

— Колин, — произнес Джон-Том, встряхивая медведя за плечи, — послушай меня. Скажи, ты можешь прочесть мое будущее? Мне надо знать, смогу ли я когда-нибудь вернуться в мой мир?

— Почему бы нет? — торжественно изрек коала. — С нашим удовольствием. Только...

— Что? — Юноша ощутил на своем плече чью-то руку и обернулся. То была Талея. На залитом лунным светом лице девушки играла улыбка.

— Я сегодня не в состоянии гадать, — доверительно прошептал Колин на ухо Джон-Тому.

— Почему? Ты же гадал прошлой ночью.

— Знаю. Но сегодня не получится.

— Почему?

— Потому что мы с Маджем, — объяснил коала, приложив к губам палец, — выкинули руны в ту реку, через которую переходили недавно. — Медведь вновь расхохотался, и к нему тут же присоединился Сорбл.

— Что вы сделали? — Джон-Том решил, что ослышался.

— Выкинули их в реку. Честно говоря, они мне здорово надоели. Ни минуты покоя. Хочешь не хочешь, а изволь отвечать на всякие глупости, с какими к тебе пристают. Нет, с меня хватит! Я иду домой и нанимаюсь к шурину. У него собственное дело. Буду заниматься обработкой эвкалиптовых листьев. Сестра давно подзуживала, да и занятие это прибыльное и почтенное, не то что гадание.

— А денек ты никак не мог подождать? — Джон-Том сел на корточки. — Насколько я понимаю, без рун ты будущего не предскажешь?

— Что я, по-твоему, волшебник, что ли? — огрызнулся Колин, уже начинавший клевать носом.

— Успокойся, Джон-Том, — проговорила Талея, проводя ла-

донью по волосам юноши. От прикосновения руки возлюбленной ему неожиданно стало легче. — Некоторым из нас не суждено заглянуть в будущее. — Девушка прильнула губами к его уху. — Однако я могу предугадать, что вскоре тебя ожидает нечто весьма приятное. — Джон-Том невольно усмехнулся, но не удержался, чтобы не высказать Колину всего, что думает о его поведении.

— По правде говоря, — пробурчал коала раздраженно, — перед тем, как выбросить руны, я раскинул их в последний раз. Так сказать, прощание на берегу потока судьбы.

— И чье будущее тебе открылось? — Джон-Том подался вперед. — Не мое, иначе ты бы ответил мне. Маджа? Или Талеи?

— Нет.

— Клотагорба? — Коала отрицательно помотал головой. — Тогда Сорбла?

— Да нет же! Я хотел узнать, куда улетел пертурбатор. Наслушался, понимаешь, рассуждений, твоих и старика, насчет того, что он может шляться где ему вздумается. Вот мне и стало любопытно, а не вернется ли он к нам и не устроит ли всю потеху по новой.

— Тут опасаться нечего, — проворчал Джон-Том, — разве что он ни с того ни с сего вновь окажется в пределах досягаемости Браглоба. Хотя тот вылечился, так что его тоже можно не бояться. Твое любопытство было напрасным: нам нет нужды страшиться пертурбатора.

— Нам, может, и нет, а вот тебе...

— Мне? При чем тут я?

— При том, что пертурбатор полетел в твой мир. Мало того, он намерен там подзадержаться. Должно быть, начнется переполох, который продлится несколько лет. Признаться, я не смог определить, как долго. Скорее всего, пока мы с тобой чешем языками, он уже добрался до места. К сожалению, руны утверждали, что он там застрянет. — Коала уронил голову на грудь. — Все, не мешай мне спать. Я что-то устал.

— Погоди-ка, дружок! — воскликнул Джон-Том. — Давай выкладывай, где именно он застрянет! Я должен это знать!

Колин пробормотал что-то неразборчивое, затем сонно уставился на возбужденного человека.

— Где? А... В каком-то городишке под названием Колумбия, в округе или штате, который именуется Вашингтон.

— Тогда все в порядке. — Джон-Том облегченно вздохнул. — Это в северных лесах.

— Или, — прибавил Колин перед тем, как окончательно заснуть, — в месте под названием Вашингтон в округе Колумбия[1].

— Колин! Колин! — После ряда безуспешных попыток Джон-

---

[1] Имеется в виду столица США (*прим. перев.*).

Том вынужден был отказаться от намерения разбудить храпящего медведя. — Черт побери, где же точно? Пертурбатор наверняка в моем мире! Как представлю, что он вытворяет...

— Ну и что? — спросила Талея. — Ты же все равно ничего не можешь сделать. — Девушка потянула его на траву, осыпая поцелуями лицо и грудь. Вскоре он обнаружил, что глядит в звездное небо.

— И впрямь, какая разница? — сказал Джон-Том. — Там такой бардак, что никто все равно не заметит.

В следующий миг перед его глазами вместо звезд возникло лицо Талеи, ничуть не уступающее им в красоте.

Содержание

ЧАРОДЕЙ С ГИТАРОЙ. *Роман. Перевод Ю. Соколова* 5
ЧАС ВОРОТ. *Роман. Перевод Ю. Соколова* 245
ДЕНЬ ДИССОНАНСА. *Роман. Перевод Г. Корчагина* 433
МОМЕНТ ВОЛШЕБСТВА. *Роман. Перевод А. Кириченко, К. Петренко, Н. Пшеницыной* 647
В ПЛЕНУ ПЕРТУРБАЦИЙ. *Роман. Перевод К. Королева* . . 859

Алан Дин

ФОСТЕР

Alan Dean Foster

ЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФА